

ПОКАЗАНИЯ
И
ЗАПИСКИ
ОСКАРА
АВЕЙДЕ

ПОКАЗАНИЯ
И ЗАПИСКИ
ОСКАРА
АВЕЙДЕ

ВОССТАНИЕ
1863
POWSTANIE
STYCZNIOWE

ZEZNANIA
ŚLEDTCZE
I ZAPISKI
OSKARA
AWEJDE

ZEZNANIA
ŚLEDTCZE
I
ZAPISKI
OSKARA
AWEJDE

ВОССТАНИЕ

POWSTANIE
STYCZNIOWE

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
С С С Р

POLSKA AKADEMIA NAUK

INSTYTUT HISTORII

NACZELNA DYREKCJA ARCHIWÓW
PAŃSTWOWYCH

ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ

POWSTANIE STYCZNIOWE

MATERIAŁY
I DOKUMENTY

МОСКВА - WROCŁAW

ПОКАЗАНИЯ И ЗАПИСКИ

О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ

1863 ГОДА

ОСКАРА АВЕЙДЕ

ZEZNANIA ŚLEDCZE

I ZAPISKI

O POWSTANIU STYCZNIOWYM

OSKARA AWEJDE

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - 1961

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СЕРИИ:
*С. КЕНЕВИЧ, К. КОНАРСКИЙ, В. КОРОЛЮК,
И. МИЛЛЕР, Э. ХАЛИЧ, Л. ЯКОВЛЕВ*

РЕДАКТОРЫ ТОМА:
С. КЕНЕВИЧ и И. МИЛЛЕР

Текст к печати подготовили
В. Давыдова и О. Морозова

КОМИТЕТ РЕДАКЦЫJNY SERII:
*E. HALICZ, L. JAKOWLEW, S. KIENIEWICZ,
K. KONARSKI, W. KOROLUK, I. MILLER*

РЕДАКТОРZY ТОМУ:
S. KIENIEWICZ i I. MILLER

Do druku przygotowały
W. Dawydowa i O. Morozowa

О Т Р Е Д А К Ц И И

Приближающаяся сотая годовщина восстания 1863—1864 гг. привлекла внимание историков к этому большому историческому событию.

Восстание 1863 г. было самым крупным, наиболее длительным и упорным проявлением польского национально-освободительного движения XIX столетия, поддержанным широкими массами. Вооруженная борьба с одним из угнетателей польского народа — с русским царизмом — втянула в восстание население других частей Польши, находящихся под гнетом Австрии и Пруссии; выйдя из этнографических границ польских земель, восстание вовлекло в борьбу народные массы Литвы, Белоруссии и Украины. Прогрессивные силы Европы сочувственно отнеслись к польскому восстанию, а само оно значительно сказалось на европейских международных отношениях.

Подъем польского освободительного движения в конце 50-х годов XIX столетия происходил в условиях кризиса феодальных отношений в Королевстве (Царстве) Польском. Национально-освободительное движение переплеталось со стремлением крестьян к ликвидации крепостнических отношений, политическими стремлениями городских слоев и классовыми интересами рабочих. Идея освобождения от национального гнета сочеталась со стремлениями к буржуазно-демократической революции, к равноправию вероисповеданий и уничтожению сословий, к передаче власти в руки народа. Тем самым польские события 1856—1862 гг. были тесно связаны с революционной ситуацией в России. Изменение политической обстановки после Крымской войны создавало условия для развития польского движения; надежда на революцию в России окрыляла польских патриотов; в свою очередь варшавские демонстрации произвели большое впечатление на состояние умов в России. Русские революционеры во главе с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и Н. Г. Чернышевским признавали право Польши на независимость, указывали на необходимость союза с польским освободительным движением в борьбе против царизма. Эту идею разделяли их друзья-поляки: Зыгмунт Сераковский, Ярослав Домбровский, Зыгмунт Падлевский и др. В конце 1862 г. между польским Центральным Национальным Комитетом и русской революционной организацией «Земля и Воля» было заключено официальное соглашение, которое в 1863 г. было скреплено кровью Андрея Потебни и других русских революционеров, вставших на борьбу с царизмом в рядах польских повстанцев.

Все эти кратко изложенные выше факты вполне объясняют тот интерес, который восстание 1863 г. вызывает сегодня не только у польских, но и у советских историков. Дружба двух народов, истоки которой уходят в совместные революционные традиции, находит надлежащее и полезное выражение в научном сотрудничестве в области изучения этого периода, особенно актуального в связи со столетием восстания.

Соглашение о научном сотрудничестве между Польской Академией наук и Академией наук СССР, заключенное в 1957 г., предусматривало создание совместными силами польских и советских историков многотомного издания источников по истории польского восстания 1861—1864 гг. Выполнение этой задачи поручено с польской стороны Институту истории ПАН, с советской же стороны — Институту славяноведения АН СССР. Участниками этого издания являются также Главная дирекция государственных архивов Польши и Главное архивное управление СССР.

Мысль об объединении усилий польских и советских историков именно на издании источников имела серьезное основание. В результате последней войны были уничтожены многие важные собрания архивных материалов, относящихся к периоду восстания 1863 г., а именно собрание документов Национального правительства (находившееся до 1944 г. в так называемой Рапперсвильской коллекции Национальной библиотеки в Варшаве), а также документы центральных административных, полицейских и следственных властей Царства Польского. Оставшиеся материалы по истории восстания 1863 г. хранятся в десятках архивов и библиотек Польши, СССР и некоторых стран Западной Европы. Особенно богатый материал, иногда первостепенного значения, содержат советские архивы в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Вильнюсе и других городах, материал, относительно слабо до сих пор использованный исследователями. Публикация ценнейших материалов советских и польских архивов дает необходимую основу для новых, более глубоких монографических трудов.

Подготовительная работа, связанная с этим изданием, была начата в 1957 г. под руководством Смешанной комиссии (в составе: С. Кеневич, К. Конарский, В. Королюк, И. Миллер, Э. Халич, Л. Яковлев). Первым этапом работы было широкое выявление материала в архивах и библиотеках обеих стран. Выявление материалов велось общими силами архивистов и работников Академий; ими были рассмотрены десятки тысяч архивных единиц и библиотечных рукописей по истории восстания 1863 г. В результате выявления в Институте истории ПАН и в Институте славяноведения АН СССР возникли обширные картотеки, которые, помимо обеспечения текущих потребностей издания, будут являться значительной помощью всем исследователям восстания 1863 г.

Обилие и разнородность рукописных материалов, обнаруженных в результате поисков, определили невозможность опубликования не только вообще всех сохранившихся документов, но даже и комплекса таких, которые были бы признаны важнейшими. Впрочем, подобный отбор, неизбежно субъективный, не согласовался с научным характером издания. В связи с этим было решено посвятить отдельные тома издания некоторым важнейшим вопросам, сгруппировав в каждом томе по возможности однородный и компактный материал, наиболее исчерпывающе и достоверно освещающий тематику данного тома. Тематика отдельных томов определяется значением избранных вопросов для политической истории восстания, его идеологии и связанных с ним общественных движений. В проблематику издания включена не только история вооруженной борьбы 1863—1864 гг., но и предшествующий период — период политических демонстраций (1861—1862). Издатели стремились привлечь по мере возможности материал о ходе восстания в разных частях Царства Польского, в Литве, Белоруссии и на Украине, а также отразить участие в восстании польских земель, на-

ходившихся под властью Австрии и Пруссии. Соответствующее место посвящено материалам о русско-польских революционных связях в 60-х годах.

Часть томов, запланированных в общем издании, будет подготовлена к печати в Польше, часть — в СССР. Вот их ориентировочный список:

Тома,готавливаемые в Польше:

1. Документы Центрального Национального комитета и Национального правительства.

2. Польская тайная печать в 1861—1864 гг.

3. Патриотические манифестации 1861 г. в Царстве Польском.

4. Крестьянство и крестьянский вопрос в восстании 1863 г. (по материалам Радомской губ.).

5. Следственные показания З. Янчевского, К. Маевского и др. (материалы из фондов Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

6. Поляки Галиции и восстание 1863 г.

7. Польские земли под властью Пруссии и восстание 1863 г.

8. Идеология восстания 1863 г. и послеповстанческой эмиграции.

Тома,готавливаемые в СССР:

1. Русско-польские революционные связи накануне восстания 1863 г.

2. Русско-польские революционные связи в период восстания 1863 г.

3. Показания и записки Оскара Авейде.

4. Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.

5. Общественно-политическое движение на Украине в 1863 г.

6. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1856—1862 гг.

7. Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии.

В изложенном выше плане могут произойти в ходе работы дополнения и изменения. Очередность появления отдельных томов будет зависеть от темпа их подготовки. Подготовка особенно важных томов, именно «Документы Центрального Национального комитета и Национального правительства», а также «Русско-польские революционные связи», требует скрупулезного и кропотливого выявления документов и, следовательно, будет длиться, вероятно, дольше, чем подготовка некоторых других томов. В связи с этим в издании не будет применяться последовательная нумерация томов.

Более обстоятельные предисловия, характеризующие восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи, будут даны в томе документов Национального правительства и в томе документов, посвященных русско-польскому революционному сотрудничеству.

Документы публикуются на языке оригинала. В томах, которые будут публиковаться в Советском Союзе, польские документы будут сопровождаться русским переводом. Изданиеготавливаемых в Польше томов будет вестись в соответствии с правилами, принятыми при публикации источников в Польше; томов же,готавливаемых в СССР,— в соответствии с правилами, принятыми при публикации источников в Советском Союзе.

Научный аппарат томов, издаваемых в Польше, будет даваться на польском языке, издаваемых в СССР — на русском языке.

Предисловие к каждому тому будет дано на двух языках.

Совершенно очевидно, что запланированные тома не охватывают всей проблематики восстания и не могут охватить все выявленные материалы. Можно надеяться, что в юбилейный период появятся и иные издания источников, не входящие в данную серию. Смешанная комиссия поддерживает контакт с редакторами подобных изданий для координации работы и квалифицированного использования общих усилий.

OD REDAKCJI

Zbliżająca się setna rocznica powstania styczniowego zwróciła uwagę historyków na to wielkie zdarzenie dziejowe.

Powstanie styczniowe było największym, najbardziej długotrwałym i uporczywym, najszerzej też popartym przez masy polskim ruchem narodowo-wyzwoleńczym XIX wieku. Tocząc walkę zbrojną z jednym tylko zaborcą — z rosyjskim caratem — wciągnęło do współdziałania także ludność dwu pozostałych zaborów, a rozszerzając się poza obręb etnograficznych ziem polskich poruszyło też masy ludowe Litwy, Białorusi i Ukrainy. Spotkało się z przyjaznym odzewem kół postępowych całej Europy i oddziaływało poważnie na układ stosunków międzynarodowych.

Polski ruch niepodległościowy od schyłku lat 50-tych XIX w. narastał na tle kryzysu ustroju feudalnego w Królestwie Polskim. Wiązał się z dążeniami chłopów do likwidacji pańszczyzny i do uwłaszczenia, z aspiracjami politycznymi mieszczaństwa i z roszczeniami klasowymi robotników. Myśl zrzucenia obcego jarzma splatała się z dążeniem do rewolucji burżuazyjno-demokratycznej, do równouprawnienia wyznań i zniesienia różnic stanowych, do przekazania władzy w ręce ludu. Tym samym wydarzenia polskie z lat 1856—1862 wiązały się najściślej z sytuacją rewolucyjną w Rosji. Zmiana warunków politycznych w Rosji po wojnie Krymskiej umożliwiła rozwój ruchu polskiego; nadzieja na przewrót w Rosji ośmieliła polskich patriotów; z kolei demonstracje warszawskie oddziaływały potężnie na stan umysłów w Rosji. Rewolucjoniści rosyjscy z A. Hercenem, M. Ogariowem i M. Czernyszewskim na czele uznali prawo Polski do niepodległości oraz potrzebę sojuszu z ruchem polskim przeciwko caratowi. Myśl tę podjęli ich polscy przyjaciele Zygmunt Sierakowski, Jarosław Dąbrowski, Zygmunt Padlewski i in. Pod koniec 1862 r. doszło do podpisania formalnego układu przymierza między polskim Komitetem Centralnym i rosyjską organizacją «Ziemia i Wola». Układ ten w roku następnym przypieczętowany został krwią Andrzeja Potiebnia i innych rosyjskich rewolucjonistów, którzy stanęli do walki w szeregach polskich powstańców.

Okoliczności te, zaledwie naszkicowane uzasadniają w pełni fakt, że powstanie styczniowe zbudziło dzisiaj zainteresowanie nie tylko polskich, ale i radzieckich historyków. Przyjaźń obu narodów nawiązująca do wspólnych rewolucyjnych tradycji znajduje też właściwy i użyteczny wyraz w naukowej współpracy na polu badań tego właśnie, aktualnego ze względu na setną rocznicę okresu.

Umowa o współpracy naukowej między Polską Akademią Nauk i Akademią Nauk ZSRR z 1957 r. postanowiła w związku z tym opracowanie, wspól-

nymi siłami historyków polskich i radzieckich wielotomowego wydawnictwa źródeł do dziejów powstania polskiego lat 1861—1864. Wykonanie tego zadania powierzono po stronie polskiej Instytutowi Historii PAN, po stronie radzieckiej zaś — Instytutowi Słowianoznawstwa AN ZSRR. Współuczestnikami wydawnictwa są: polska Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych oraz Główny Zarząd Archiwów Związku Radzieckiego.

Myśl skoncentrowania wspólnej pracy historyków obu narodów właśnie na wydawnictwie źródeł ma głębsze uzasadnienie. W następstwie ostatniej wojny uległy zniszczeniu liczne ważne zespoły źródeł do dziejów powstania styczniowego, w szczególności akta Rządu Narodowego (przechowywane do 1944 r. w tzw. zbiorach Rapperswilskich Biblioteki Narodowej w Warszawie) oraz akta centralnych władz administracyjnych, policyjnych i śledczych Królestwa Polskiego. Ocalałe archiwalia do dziejów powstania styczniowego znajdują się dziś rozproszone pomiędzy dziesiątki archiwów i bibliotek: w Polsce, w Związku Radzieckim, a także w niektórych krajach Zachodniej Europy. Zwłaszcza jednak archiwa radzieckie Moskwy, Leningradu, Kijowa, Lwowa, Wilna i innych miast zawierają do historii powstania materiał niezwykle obfity, nieraz pierwszorzędno znaczenia, a stosunkowo słabo dotąd wykorzystany przez badaczy. Publikacja najcenniejszych partii tych archiwaliów radzieckich i polskich stworzy niezbędną podstawę dla nowych, gruntowniejszych prac monograficznych nad wchodzącym w grę zagadnieniem.

Prace przygotowawcze związane z wydawnictwem podjęto już w 1957 r. pod kierunkiem Komisji Mieszanej (w składzie: E. Halicz, L. Jakowlew, S. Kieniewicz, K. Konarski, W. Koroluk, I. Miller). Pierwszym etapem było przeprowadzenie rozległej kwerendy w archiwach i bibliotekach obu krajów. Kwerenda ta prowadzona wspólnymi siłami archiwistów i pracowników Akademii doprowadziła do zewidencjonowania dziesiątków tysięcy tomów akt oraz rękopisów bibliotecznych odnoszących się do dziejów powstania styczniowego. W wyniku kwerendy zostały założone w Instytucie Historii PAN oraz w Instytucie Słowianoznawstwa AN ZSRR obszerne kartoteki, które niezależnie od bieżących potrzeb wydawnictwa służyć będą wydatną pomocą wszystkim badaczom historii powstania.

Ogromna obfitość i różnorodność materiałów rękopiśmiennych uwidocz-nionych w wyniku kwerendy przesądzała o niemożliwości ogłoszenia wszystkich dostępnych dokumentów, ani nawet wyboru dokumentów uznanych za najważniejsze. Zresztą podobny wybór, z konieczności subiektywny, z trudem tylko dawałby się pogodzić z naukowym charakterem wydawnictwa. Postanowiono w związku z tym poświęcić poszczególne tomy wydawnictwa niektórym tylko wybranym zagadnieniom, grupując w każdym tomie materiał możliwie jednorodny i zwarty, wyczerpujący to, co najistotniejsze w wykorzystanych dla danego tomu zespołach. Przy określaniu tematyki poszczególnych tomów wzięto pod uwagę znaczenie wybranych tematów dla historii politycznej powstania, jego ideologii i związanych z nim ruchów społecznych. W zakres wydawnictwa wciągnięto nie tylko dokumenty do dziejów walki zbrojnej z lat 1863—4, ale i do poprzedzającego je okresu demonstracji politycznych (1861—2). Starano się uwzględnić, w miarę istniejącego materiału, przebieg powstania w różnych częściach Królestwa Polskiego, na Litwie, Białorusi i Ukrainie, jak również udział w powstaniu zaborów: austriackiego i pruskiego.

Należyne miejsce postanowiono zapewnić dokumentacji do dziejów współpracy rewolucjonistów polskich i rosyjskich w latach 60-*ch* XIX w.

Część tomów zaplanowanych we wspólnym wydawnictwie zostanie przygotowana do druku w Polsce, część w Związku Radzieckim. Oto ich tymczasowa lista:

Tomy przygotowywane w Polsce:

1. Akta Komitetu Centralnego i Rządu Narodowego.
2. Polska prasa tajna z lat 1861—1864.
3. Manifestacje patriotyczne 1861 r. w Królestwie Polskim.
4. Chłopi gub. Radomskiej wobec powstania styczniowego (1861—1864).
5. Zeznania śledcze Z. Janczewskiego, K. Majewskiego i tow. (z zasobów Biblioteki im. Sałtykova-Szczedrina w Leningradzie).

6. Społeczeństwo polskie Galicji wobec powstania styczniowego.

7. Zabór pruski wobec powstania styczniowego.

8. Ideologia powstania styczniowego i emigracji postyczniowej.

Tomy przygotowywane w ZSRR:

1. Rewolucyjna współpraca rosyjsko-polska w przededniu powstania styczniowego.

2. Rewolucyjna współpraca rosyjsko-polska w dobie powstania styczniowego.

3. Zeznania śledcze i zapiski Oskara Awejdego.

4. Ruch społeczno-polityczny na Ukrainie w l. 1856—1862.

5. Ruch społeczno-polityczny na Ukrainie w 1863 r.

6. Ruch rewolucyjny na Litwie i Białorusi w l. 1856—1862.

7. Powstanie 1863—1864 r. na Litwie i Białorusi.

W planie powyższym zajęć mogą jeszcze w następstwie uzupełnienia i zmiany. Kolejność ukazywania się wyszczególnionych tomów zależeć będzie od tempa ich opracowania. Przygotowanie szczególnie ważnych tomów, mianowicie «Akt Komitetu Centralnego i Rządu Narodowego» oraz «Rewolucyjnej współpracy rosyjsko-polskiej», związane z drobiazgową i żmudną kwerendą, przeciągnie się zapewne dłużej niż przygotowanie niektórych innych pozycji. W związku z tym zrezygnowano z nadawania tomom niniejszej serii numeracji ciągłej.

Obszerniejsze przedmowy odnoszące się do charakteru powstania styczniowego oraz do współdziałania z nim rewolucjonistów rosyjskich zostaną dołączone do tomu dokumentów Rządu Narodowego i do tomu dokumentów poświęconych rewolucyjnej współpracy polsko-rosyjskiej.

Dokumenty publikuje się w języku oryginału. W tomach publikowanych w Związku Radzieckim dokumenty polskie zaopatruje się w tłumaczenie rosyjskie.

Publikacja tomów przygotowywanych w Polsce stosuje się do zasad edytorskich obowiązujących wydawców źródeł w Polsce; publikacja tomów przygotowywanych w ZSRR — do zasad obowiązujących wydawców radzieckich. Aparat edytorski tomów wydawanych w Polsce sporządzony będzie w języku polskim, wydawanych w ZSRR — w języku rosyjskim. Przedmowa do każdego tomu zostanie ogłoszona w dwóch językach.

Jest oczywiste, że kilkanaście zaplanowanych tomów nie ogarnia całej problematyki powstania styczniowego, ani też nie zdoła wykorzystać wszystkich dostępnych materiałów. Należy spodziewać się, że w tym jubileuszowym okresie ukażą się dalsze jeszcze wydawnictwa źródłowe, nie objęte niniejszą sserią. Komisja Mieszana utrzymuje kontakt z redaktorami podobnych przedsięwzięć, w trosce o ich koordynację i właściwe wykorzystanie wysiłków.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Записки о польском восстании 1863 г.» Оскара Авейде занимают особое место в историографии восстания.

Член Центрального Национального комитета (ЦНК) в месяцы, непосредственно предшествующие восстанию, а затем член всех составов повстанческого Национального правительства вплоть до августа 1863 г., Авейде располагал такими обширными сведениями о развитии движения, о его участниках и ходе событий, многие из которых оставались тайной не только для противников восстания, но и для подавляющего большинства самих повстанцев, что в этом отношении с ним вряд ли мог соперничать кто-либо иной из мемуаристов восстания 1863 г. Ни тенденциозная трактовка тех или иных явлений, ни сознательное умолчание о некоторых известных автору фактах (впрочем, не столь уж многочисленных) не меняют общего характера его «Записок», дающих обстоятельное и довольно точное (разумеется, субъективно, т. е. в той мере, в какой можно ожидать точности от такого вида исторического источника) изложение того широкого круга фактов и процессов, которые были знакомы Авейде. Ценность «Записок» как источника увеличивается еще и оттого, что в отличие от значительного числа написавших воспоминания участников или наблюдателей движения Авейде писал свои «Записки» по свежим следам событий, воссоздавая их с такой степенью подробности, которая свидетельствует о его поистине феноменальной памяти.

Но «Записки о польском восстании 1863 г.» — это не мемуары или во всяком случае не только мемуары. Основу изложения составляют личные воспоминания автора, но и структура «Записок», и весь ход повествования отражают тенденции не мемуариста, а историка. Замысел автора очевиден: он пишет историю возникновения и развития восстания. Нас не должно смущать название «Записки»; в ту эпоху оно нередко применялось и для произведений отнюдь не мемуарного характера, в частности, историк восстания Н. В. Берг избрал для своей книги также название «Записки». Кроме того, остается неизвестным — кому принадлежит название, под которым вышла в свет книга Авейде, — автору или издателям. Однако бесспорным является то, что мысль о написании истории восстания и выбор формы очерка истории движения, а не мемуаров целиком принадлежат самому Авейде, а не подсказаны ему его военно-следственными «опекунами».

Очевидно, что общий очерк восстания был формой, при которой с особенной легкостью и естественностью фигура автора — участника событий — могла в одних случаях оставаться в тени, а в других — желательных и выгодных для него — выступать на авансцену. И саму инициативу написания подобных «Записок» и их назначение мемориала, поданного

царским властям, нетрудно объяснить, учитывая условия, в каких создавались эти «Записки», в особенности впечатления от недавней казни Траугутта и его сотоварищей. Авейде мог видеть в этом способ найти спасение или хотя бы выиграть время, отсрочить день встречи с неумолимым царским военным судом. И позднее, когда тень виселицы уже не падала на лихорадочно заполняемые в тюремной камере страницы «Записок», когда речь шла уже не о спасении жизни, подчеркнутая откровенность изложения в «Записках», постоянная готовность дать новые показания и собственная инициатива в даче дополнительных показаний — все это было для Авейде средством смягчения участи, ожидавшей его как одного из руководящих деятелей восстания.

То, что написание «Записок» почти в той же мере, как и откровенные показания на следствии, было актом предательства, что «откровенность» Авейде, стоившая долгих лет каторги и ссылки десяткам людей, преданных им в руки царских карателей, могла — и при написании «Записок» — иметь целью (и цели этой достигла) облегчение участи самого предателя, очевидный факт. Но нельзя ограничиться только этим, рассматривая условия возникновения «Записок» Авейде, а тем более оценивая их значение для изучения восстания 1863 г.

«Записки» Оскара Авейде имеют отчетливую политическую тенденцию, они представляют собою попытку сформулировать и внушить читателю определенную концепцию истории восстания 1863 г. и шире — всего польского национально-освободительного движения. (Мы с уверенностью можем говорить о том, что хотя Авейде вряд ли мог предполагать, что его рукопись превратится в печатное издание, тем не менее он рассчитывал на то, что адресованные царским властям записки станут рано или поздно непосредственно или косвенно известны и польскому обществу.) В известной мере эта концепция могла, по расчетам автора, найти понимание и одобрение царских властей, от которых зависела его дальнейшая судьба. Вероятно, отсюда происходит специальное акцентирование, подчеркивание «благонамеренного образа мыслей» автора. Оно диктовалось теми же мотивами, что и готовность отвечать на вопросы следственной комиссии. Но в целом свести лишь к таким мотивам основную тенденцию «Записок», искать лишь в них объяснение изложенной в книге концепции было бы ошибкой. И дело здесь не только в том, что в своих «Записках» Авейде не останавливается перед изложением и таких взглядов, которые не могли прийтись по вкусу царским следователям и судьям, перед подчас весьма резкой критикой системы правительственной политики в Польше, а также и не в том, что основная тенденция «Записок» отчетливо выражена в более раннем показании Авейде, когда он еще не встал на путь предательства и не рассчитывал своим показанием добиться смягчения своей участи. При всей важности этих фактов наиболее существенным является то, что сформулированная Авейде концепция была закономерным и логическим продолжением той политической линии, которой он и его единомышленники придерживались как в период, предшествовавший восстанию, так и во время восстания. Впрочем, и само моральное падение Авейде — его предательство, бесспорно, имело предпосылки в его предшествующей деятельности как члена руководящих органов восстания.

Разумеется, не все близкие по своим политическим взглядам к Авейде были откровенны перед лицом царской следственной комиссии, тем более в такой доходящей до цинизма степени, но и не всем единомышленникам

Авейде пришлось пройти через подобное испытание. Многие из тех, кто с осуждением отмежевывался от Авейде-предателя, по существу разделяли взгляды Авейде-политика, Авейде-историка восстания.

«Запискам» Авейде была суждена судьба, о которой, вероятно, и не мечтал сам автор. По распоряжению наместника в Царстве Польском Ф. Ф. Берга они были изданы в 1866 г. в четырех томах и тем самым стали первой историей восстания 1863 г. Что более существенно — они оказали громадное влияние на последующую историографию восстания. Несмотря на то, что публикация «Записок» была негласной и крайне ограниченной по числу экземпляров¹, материал их скоро вошел в научный оборот.

Не считая спорадического и поверхностного использования материалов Авейде в рептильно-пропагандистских сочинениях вроде книги Ратча², широко использовал книгу Авейде и впервые назвал и описал ее Николай Васильевич Берг, которому принадлежит первое крупное исследование истории восстания 1863 г. на русском языке. Приглашенный наместником Ф. Ф. Бергом на роль официального историографа, Н. В. Берг написал книгу, далеко отошедшую от поощряемых царизмом черносотенных полонифобских сочинений типа книжек Ратча, Гогеля и т. п. Несмотря на то, что значительная часть разделов книги публиковалась ранее в «Русском архиве» и «Русской старине», Берг не получил разрешения на публикацию ее в России, а тираж отпечатанного им в Познани издания был после смерти автора уничтожен. Уцелело лишь несколько экземпляров. Но если русский читатель в силу этого был мало знаком с работой Берга и на развитие дореволюционной русской историографии существенного влияния она не оказала, то польские переводы ее получили широкое распространение. Имея широкий доступ к материалам следственных комиссий, Н. В. Берг наиболее важными из них признал материалы Оскара Авейде и Кароля Маевского. В своей книге Берг часто ссылается на «Записки» Авейде, откуда он черпал немалую часть фактического материала, в ряде случаев следуя за Авейде и в трактовке описываемых событий.

Широко использовал «Записки» Авейде и Валерий Пшиборовский, автор громадной по своему масштабу монографии «История двух лет. 1861—1862» (5 томов, издана в 1892—1896 гг.) и ее продолжения—«История 1863 г.» (5 томов, тт. I—IV изданы в 1897—1905 гг., т. V—посмертно в 1919 г.). Правда, при начале работы над «Историей двух лет» Пшиборовский не был еще знаком ни с «Записками» Авейде, ни с книгой Берга. Однако в IV томе, описывающем события первой половины 1862 г., Пшиборовский отмечает, что ему удалось познакомиться, хотя и в течение краткого времени, с изданными показаниями Авейде и Маевского, и в нескольких местах книги ссылается на них³. В дальнейшем, в V томе «Истории двух лет»

¹ Н. В. Берг и В. Пшиборовский (приводя некоторые подробности, отсутствующие у Берга) указывают, что «Записки» Авейде были изданы в 30 экземплярах (см. Н. В. Берг. Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831—1864, т. 1. Познань. 1883, стр. III—IV; W. P r z y b o r o w s k i. Dzieje 1863 roku, t. V. Kraków. 1919, str. 121). Эдвард Малишевский в своей библиографии приводит без аргументации цифру 40 экземпляров (см. E. M a l i s z e w s k i. Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących. Warszawa. 1928, str. 246).

² В. Р а т ч. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России, т. 1. Вильно, 1867. Помимо использования без ссылок отдельных фактов, приводимых Авейде, на стр. 140 воспроизведена анонимно («один из коноводов Варшавы») цитата из «Записок» Авейде: «Без панов в Литве ничего поделать нельзя» (см. стр. 522).

³ Z. L. S. Historia dwóch lat, t. IV. Kraków. 1895, str. 263, а также стр. 213, 271, 276, 279 и пр.

и во всей «Истории 1863 г.» материал «Записок» Авейде используется уже весьма широко. Пшиборовский, решительный противник восстания, не щадящий ни партии «красных» в целом, ни в особенности последовательных революционных демократов, нашел в «Записках» Авейде и в выдвигаемой им концепции «восстания—случайности», «восстания—фатальной ошибки» ценное подспорье для своих построений. Неудивительно поэтому, что презрительно трактуя Авейде и как деятеля партии «красных», и как предателя, Пшиборовский о «Записках» Авейде отзывался как о «написанной не без таланта и широкого исторического взгляда истории всех польских восстаний»¹.

Благодаря книгам Берга и Пшиборовского, и фактический материал, заключенный в «Записках» Авейде, и в определенной мере его трактовка, элементы концепции Авейде получили широкое распространение в историографии, несмотря на то, что сами «Записки» продолжали оставаться практически недоступными для историков.

Для современной марксистской исторической науки «Записки» Оскара Авейде как общий очерк истории восстания, т. е. в плане концепции, имеют уже лишь историографический интерес. Однако в полной мере они сохраняют свою ценность как источник по истории восстания. Редко можно найти исследование по истории восстания 1863 г., будь то капитальный труд, будь то монографическая статья, автор которого не был бы вынужден вновь и вновь обращаться к «Запискам» Авейде. Можно сказать даже, что значение их как источника еще более возросло после гибели многих ценнейших архивных комплексов, уничтоженных гитлеровцами в хранилищах Варшавы.

Между тем пользование «Записками» Авейде и в наше время чрезвычайно затруднено.

В настоящее время существует всего *два* общедоступных комплекта «Записок» Авейде: один из них — в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, другой — в Национальной библиотеке в Варшаве. И это приходится расценивать как счастливую случайность, так как изданные одновременно с книгой Авейде, также в 30 экземплярах, «Показания, относящиеся до последнего польского восстания» Кароля Маевского, которыми в свое время широко пользовался Н. В. Берг и с которыми еще мог кратко ознакомиться В. Пшиборовский, исчезли бесследно.

Разрабатывая план серии сборников материалов «Восстание 1863 г.», смешанная советско-польская комиссия пришла к выводу о целесообразности и необходимости переиздания «Записок о польском восстании 1863 года» Оскара Авейде. Кроме того, в настоящем томе публикуется и часть сохранившихся архивных материалов, связанных с Авейде. Нами будет дана далее характеристика этих материалов, но прежде следует кратко рассказать о самом Оскаре Авейде, его деятельности накануне и в период восстания, а также об этапах следствия по делу Авейде, определивших формирование тех следственных дел, которые использованы в настоящем издании.

* * *

Оскар Авейде родился в 1837 г. в полонизованной немецкой семье, поселившейся в Августовской губернии. Встречающиеся в литературе данные, будто бы отцу Авейде принадлежало имение, не находят документаль-

¹ W. P r z y b o r o w s k i. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

ного подтверждения. В 60-х годах отец Оскара Эдуард Авейде был патроном (адвокатом) в Сувалках. Карьеру юриста избрал он и для своего второго сына. В 1854—1858 гг. Оскар Авейде учился в Петербургском университете и окончил его со степенью кандидата, а в 1859 г. получил возможность за казенный счет продолжить образование за границей; он слушал в течение полугода лекции в Берлинском университете, затем более года в Гейдельбергском и несколько месяцев провел в Париже, где знакомился с французской судебной практикой.

В конце октября 1861 г. Авейде вернулся на родину и после краткого пребывания в доме родителей в Сувалках поселился в Варшаве, продолжив начатую еще до поездки за границу службу в качестве апликанта (практиканта) в варшавских судах.

О своих связях с общественным движением вплоть до момента вступления в состав Центрального Национального комитета в конце октября 1862 г. Авейде и в показаниях, и в «Записках» говорит весьма глухо. Мы можем с полным основанием усомниться в искренности его заявления, будто в момент возвращения из-за границы он «решительно не понимал ни положения края вообще, ни значения образовавшихся [...] партий; не знал ни действующих людей, ни их действий» (см. стр. 468). Впрочем, всего несколькими строчками ниже Авейде сам упоминает о том, что с Маевским он сблизился по рекомендации Мерославского и Гуттри. Если бы мы и не имели личного свидетельства Авейде о том, что в годы пребывания за границей он встречался с деятелями польской эмиграции и среди них с самим «красным генералом» Мерославским, то первые главы «Записок», обнаруживающие незаурядную эрудицию в области истории Польши и польского освободительного движения последних десятилетий, хорошее знакомство с течениями среди польской эмиграции и ряд иных сведений, приобретение которых по крайней мере в таком объеме ни в Петербурге, ни в Королевстве Польском не было возможно,—ясно говорят о том, что время пребывания за границей Авейде использовал весьма продуктивно не только для пополнения своего юридического образования. Тем не менее у нас нет данных, которые говорили бы о непосредственном участии Авейде в общественной жизни ни в годы учения в Петербурге¹, ни за границей, например в Гейдельберге, где была значительная и весьма активная в общественном отношении польская колония.

Как бы то ни было, со времени возвращения на родину Авейде включается в бурлившую в те месяцы общественную жизнь. С громадным интересом и пылкостью он ловил отовсюду сведения о событиях в Варшаве и провинции, о действиях революционного подполья. Настойчивое желание знать все обо всем и обо всех, словно уже с этого времени Авейде готовился к роли историка движения, сделало его в дальнейшем ходячим архивом

¹ Этому противоречит на первый взгляд утверждение Пантелеева, будто Авейде «еще на студенческой скамье был уже в курсе польского движения и очень скоро стал одним из самых деятельных и влиятельных заправил партии, которая вела дело к восстанию» (Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания. М., 1958, стр. 179). Следует, однако, иметь в виду, что характеристика, которую Пантелеев дает Авейде, сложилась явно на основании сведений уже более поздних; непосредственно с Авейде Пантелеев, вероятно, не встречался, он поступил в Петербургский университет в 1858 г., т. е. когда Авейде уже окончил университет. В какой мере изменяла память Пантелееву, когда сорок лет спустя он писал свои воспоминания, можно судить по тому, что здесь же, описывая события м а р т а 1861 г., он говорит о Болеславе Маркевиче как о самом в то время влиятельном члене польской студенческой корпорации в Петербурге, «если не считать Оскара Авейды» (там же).

повстанческой организации и уже поэтому неизменным членом менявшихся составов ее руководства.

Что можно сказать о позиции самого Авейде в эти первые месяцы пребывания на родине? Не один раз на страницах своего большого виленского показания Авейде говорит о «друзьях моих—белых». Было бы ошибкой видеть в этом уловку, стремление «перекраситься» перед лицом следственной комиссии. Мы могли бы не верить на слово Авейде, когда в своих «Записках» он утверждает, что он «был откровенным противником заговорщиков и, насколько мог, портил им дело в Августовской губернии» (см. стр. 468). Но это утверждение становится весьма правдоподобным, если мы учтем, что отец Оскара Авейде принадлежал к августовской организации «белых». Авейде искренен, когда в ряде мест «Записок» (см. стр. 323, 344, 398—399) выражает убеждение в том, что истинными руководителями нации, олицетворением национального разума призваны быть его друзья — белые, имущие классы, и когда он с неприязнью и пренебрежением отзывается о ремесленниках и городской бедноте, а также об «анархистах», т. е. тех из красных, кто был последовательным выразителем чувств и стремлений этой третируемой Авейде «уличной сволочи» (см. стр. 354, 356, 368).

Однако «друзья белые» до такой степени ограничены и неспособны разобратся в обстановке, в то время как в стране назревает революционный взрыв, их политика, их действия настолько беспомощны и близоруки, что Авейде овладевает тревогой. Он начинает сомневаться даже в своем ораторстве, проповедующем спокойствие и выдержку, в Кароле Маевском, наиболее способном и деятельном представителе того направления, к которому принадлежит и сам Авейде. Весьма интересно свидетельство того, какую политику Авейде считает правильной и пытается проводить в первые месяцы 1862 г. Как пишет в воспоминаниях доктор Игнаций Барановский, Авейде вместе со своим позднейшим сотоварищем по «жонду Маевского» Владиславом Големберским вел агитацию среди варшавской буржуазии, доказывая, что правительство не справится с тайной организацией и что поэтому необходимо, чтобы в нее вошли «люди разумные, умеренные, что необходимо ей завладеть, возглавить ее, чтобы таким образом не допустить до несвоевременного взрыва»¹.

В июне 1862 г. настает критический момент: комитет тайной организации принимает предложенный Ярославом Домбровским план восстания. Ответом на это является действие в духе идеи, высказываемой Авейде (а весьма вероятно, подсказанной ему Маевским): организуется переворот в недрах повстанческой организации, в состав реорганизованного комитета входят Маевский, Пашкевич и Гиллер, срывающие план Домбровского. Через несколько дней Маевский, которого, как отмечает сам Авейде, красные «в особенности с июня месяца 1862 г. называли [...] уже просто *изменником*» (см. стр. 443), по весьма удивительному стечению обстоятельств оказывается за пределами досягаемости красных — в цитадели. Но дело уже сделано, а кроме того, в Центральном Национальном комитете остается Гиллер, представитель «разумных, умеренных людей».

В июньской диверсии Авейде участия не принимал, но она была лишь первым актом действий в недрах повстанческой организации того течения, которое обычно носит название «правого крыла красных», а объективно выполняло функцию агентуры белых. Мы подчеркиваем — *объективно*, по-

¹ I Baranowski. Pamiętniki. Poznań, 1923, str. 396.

скольку (этого не меняют возможные контакты тех или иных из его представителей с белыми) оно действовало независимо от вялой и нерешительной Дирекции белых, вело по своей инициативе в лагере красных политику, соответствующую интересам белых. Течение это имело своих представителей в руководстве варшавской городской организации, и когда объявление о предстоящем рекрутском наборе вновь поставило в повестку дня вопрос о восстании, встревоженные «окружные» предприняли новый переворот в ЦНК, призвав, в частности, в его состав Авейде.

У нас нет оснований предполагать, что свое согласие войти в штаб повстанческой организации Авейде дал с ведома белых и что его связи с белыми в этот период были прочными и определяющими. Скорее наоборот, сила Авейде и заключалась в том, что он — духовный сторонник белых — целиком вошел в жизнь повстанческой, красной организации, став вскоре как бы неотъемлемым элементом ее руководства.

Можно с доверием отнестись к заявлению Авейде, что он и Ян Богданович, войдя в состав ЦНК, ставили своей целью затормозить подготовку восстания, «вырвать заговор раз навсегда из рук фанатиков и анархистов, создать ему голову» (см. стр. 471). Правильность такого утверждения иллюстрируют два важных мероприятия, принятых ЦНК по инициативе Авейде. Это — закрытие списков повстанческой организации, мера, смысл которой очевиден, но которая не оправдала надежд Авейде и была, как он сам признает, опрокинута реальным ходом событий. Большого результата достиг Авейде, разработав инструкцию по перестройке повстанческой организации, заменяя систему агентов ЦНК в воеводствах (ими были, как правило, представители левого крыла красных) воеводскими и поветовыми комитетами, что облегчило белым захват руководства провинциальными звеньями организации. Не случайно Шварце, наиболее энергичный деятель левого крыла красных в ЦНК, отказался осуществлять инструкцию в «курируемых» им воеводствах.

Общая предгрозовая атмосфера, нажим низов повстанческой организации, ропот по поводу того, что «комитет белеет», создавали условия, при которых представители правого течения и колеблющиеся вынуждены были пойти дальше, чем они хотели и чем предполагали идти. Когда в конце декабря 1862 г., используя арест Шварце, Авейде получил мандат на проведение реорганизации ЦНК, он осуществил ее так, что был уверен в единстве в вопросе о восстании сформированного им право-умеренного большинства комитета против Падлевского. Но Гиллер предпочел не принимать боя, а колеблющиеся пошли за Падлевским и Бобровским. Тогда *противник восстания* Авейде вновь принимает пост в руководстве организацией. Объяснялось ли это колебаниями самого Авейде или его стремлением, несмотря на поражение в основном вопросе, оказывать и впредь воздействие на ход событий, — трудно сказать. Но неверие в успех восстания, постоянная оглядка в сторону тех, кто, по его собственному выражению, должен был быть «головой», т. е. в сторону «друзей-белых», и далее характеризуют позицию этого псевдореволюционера.

В канун восстания Авейде, единственный юрист в составе ЦНК, редактирует текст декретов по крестьянскому вопросу. Декреты эти отражали сложившуюся уже ранее линию ЦНК, и нет оснований приписывать самому Авейде их ограниченность, то, что они представляли собой шаг назад по сравнению с предшествующими программными документами польского освободительного движения, в частности, по сравнению с краковским

манифестом 1846 г. Разумеется, не от Авейде можно было ожидать придания политике повстанческого правительства в крестьянском вопросе большей революционной последовательности.

В дальнейшем ходе событий Авейде не играл роли основного организатора захвата руководства восстания белыми. Значительно более активным и деятельным был Гиллер. Однако достаточно познакомиться с теми страницами «Записок», где Авейде оценивает значение принятия в состав Жонда Народового Кароля Рупрехта, где он описывает процесс уже явной передачи всего руководства на местах в руки белых, чтобы оценить, насколько был полезен и удобен для своих «друзей-белых» этот член повстанческого руководства, с именем которого после ухода со сцены Шварце, Падлевского, Бобровского связывалось по иронии судьбы представление о традициях красного ЦНК!

Последний раз существенную роль Авейде сыграл, способствуя ликвидации опасного для белых кризиса, вызванного боевыми элементами варшавской городской организации. Сыграв роль посредника при передаче повстанческой власти в руки Кароля Маевского и оказав своему давнему сотоварищу по борьбе с левыми красными в течение первых двух месяцев помощь в утверждении «белого» курса в руководстве восстанием, Авейде принял на себя миссию «наведения порядка» в литовской организации и 7 или 8 августа 1863 г. выехал в Вильно.

Исключительная трудность обстановки в Литве в условиях террора, развернутого Муравьевым-вешателем, поголовный отход в Литве белых от восстания, незнание местной обстановки¹ побудили Авейде вскоре отказаться от попыток вырвать руководство восстанием в Литве из рук Константина Калиновского и его сотоварищей. Авейде решает вернуться в Варшаву, но на перроне вокзала 3 сентября он был арестован².

* * *

Арест Авейде был случайностью. В это время, после совершенного повстанцами неудачного покушения на жизнь виленского губернского предводителя дворянства Александра Домейки, в Вильно по приказу Муравьева проводились массовые облавы. Особенное внимание при поисках террористов было обращено на вокзал, так как было известно, что несколько участников покушения прибыли из Варшавы. В одну из таких облав и попал Авейде. У него был легальный паспорт, выданный варшавским обер-полицмейстером, на имя бухгалтера Людвика Шмидта. Пшиборовский, рассказывая об аресте Авейде, говорит, что его хотели уже выпустить, но Муравьев заявил: «Пусть еще посидит, посмотрим, может быть, что-нибудь о нем обнаружится». Затем, уже после продолжительного пребывания Авейде в тюрьме, его выдали отрастающие волосы (Авейде перед поездкой в Вильно покрасил свои светлые волосы в черный цвет). заключенного вновь призывали к допросу, и тогда он назвал свое действительное имя³. Рассказ этот, в котором действительные факты переплетаются с весьма правдоподобными домыслами (процитированная резолюция вполне в духе муравьевской пра-

¹ Пшиборовский приписывает Авейде обширные связи в Литве и говорит, что Авейде был «хорошо известен в Вильно» (см. *Historia dwóch lat*, t. V, str. 312—313, *Dzieje 1863 roku*, t. V, str. 118). В Литве Авейде, однако, никогда не жил, знакомство же его по Петербургскому университету с Калиновским вряд ли дает основание для делаемого Пшиборовским вывода.

² Все даты в предисловии приводятся по новому стилю.

³ *W. P r z y b o g o w s k i*. *Dzieje 1863 roku*, t. V, str. 120—121.

ктики), создает впечатление, будто провал Авейде был результатом несчастного стечения обстоятельств. Между тем дело обстояло несколько иначе.

Если арест Авейде был действительно случайностью, а имевшиеся у него документы не могли послужить поводом для его задержания, то при первом же допросе выяснились факты, озадачившие следователей. Бухгалтер по паспорту, Шмидт заявил, что он был приказчиком в Варшаве. Получая на последней службе 45 руб. в месяц (весьма высокий по тем временам оклад), он оставил это выгодное место и поехал в Вильно, не имея никаких конкретных видов на получение там службы. Это само по себе уже было странно. Но еще более странным было поведение «безработного приказчика», который по приезде в Вильно поселился на первых порах в гостинице, нанял себе за 9 рублей в месяц слугу (!) и умудрился менее чем в месяц истратить 118 рублей из имевшихся у него 170 руб. Естественным результатом было задержание Авейде и направление в Варшаву соответствующего запроса. Таким образом, погубило Авейде удивительное пренебрежение к элементарным правилам поведения лица, находящегося на конспиративном положении.

История с крашеными волосами, еще более усугубившая подозрения властей, очевидно, имела место. Об этом свидетельствуют показания Авейде, пояснявшего, с какого времени он начал красить волосы. Год спустя об этом эпизоде рассказывал Пантелееву, сидевшему в камере, ранее занимаемой Авейде, член следственной комиссии Н. В. Гогель¹. Однако, судя по ведомственной переписке, лишь после получения из Варшавы неблагоприятных для мнимого Шмидта сведений в апреле 1864 г. следствие по его делу было возобновлено и 14 апреля представлено в Особую следственную комиссию.

Уже 22 апреля Авейде назвал свое истинное имя и дал первые краткие показания о своей деятельности. В ответ на дальнейшие вопросы следователей он пишет обширное показание, две части которого имеют даты 9 (21) мая и 20 мая (1 июня) 1864 г., являющееся по существу прообразом, первым вариантом его будущих «Записок».

На этом этапе следствия Авейде держится еще с определенным достоинством. Убеденный в том, что его ждет смертная казнь, он не делает попыток спасти свою жизнь предательскими показаниями и заявляет о своем отказе упоминать имена каких-либо лиц, о смерти которых он не знает. Запомним, впрочем, что уже в первом показании наряду с именами погибших Падлевского, Бобровского, Леона Франковского, Калиновского, Титуса Далевского Авейде называет также Дюлёрана, Малаховского, Суходольского, о судьбе которых сведений у него не могло быть, а также арестованных членов литовской организации: Колпа, Ожешко, Гаженца, которым могли повредить даже скудные показания, данные на их счет Авейде.

Без мысли о возможности спасения, как своего рода политическое завещание, адресованное (о чем прямо говорится в тексте этой записки) не столько следователям, сколько русскому и польскому обществу, Авейде пишет свой первый очерк предьстории и начального периода восстания. Обстоятельства написания этой записки убеждают в том, что освещение в ней описываемых процессов и фактов (насколько возможно без упоминания имен их участников) дано Авейде искренне, отражает его действительные взгляды, без оглядки на то, какое впечатление произведет записка на пред-

¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 179—180.

ставителей царских властей. Это существенно потому, что в основе своей взгляды, излагаемые в записке, совпадают с позднейшими высказываниями Авейде.

Хотя пронизывающий записку Авейде дух неверия в успех революционной борьбы и обращения Авейде с просьбами к Муравьеву говорили за то, что стойкость духа узника отнюдь не является непреодолимой, виленские следственные власти не проявили особого стремления добиваться от Авейде более детальных показаний. Дело Авейде было сочтено следствием законченным и по инициативе Муравьева было предложено передать Авейде для суда над ним в Варшаву. После получения согласия варшавских властей Авейде был переведен в Варшаву и 7 августа 1864 г. оказался в тюрьме на Паввей улице (знаменитый «Павьяк»). Дальнейшее следствие было поручено Постоянной следственной комиссии при наместнике.

Вопреки существующему в литературе мнению¹, варшавская следственная комиссия сразу же добилась согласия Авейде дать полные показания, открыв все, что ему известно обо всем и *обо всех*. Достаточно сопоставить дату прибытия Авейде в Павьяк с датой излагающего первые показания Авейде доклада председателя Постоянной военно-следственной комиссии генерал-майора Розвадовского (20 августа), чтобы убедиться, что по существу никакого сопротивления следователям Авейде уже не оказывал.

Нет необходимости пересказывать содержание показаний Авейде. В течение трех месяцев, отвечая на все новые и новые вопросы комиссии, Авейде назвал сотни имен лиц, принадлежавших к различным звеньям повстанческой организации, и среди них десятки имен людей, находившихся в пределах досягаемости для царских карательных органов. О роли в восстании большинства из этих людей следственные органы до этого не имели еще никаких сведений.

Совершая свое предательство, Авейде пытался успокоить нечистую совесть декларациями о том, что если только встанет вопрос о применении смертной казни, то он просит скорее казнить его, чем кого-либо арестованного по его показаниям. Впрочем, тут же он признает, что дает откровенные показания именно для того, чтобы избежать смертной казни и не усугублять горя своих родителей. Равным образом назвав в первом же показании по требованию комиссии имена членов революционного трибунала, в последующих показаниях Авейде стремился всемерно обелить их в глазах следователей. В некоторых случаях Авейде уклонился как в своих показаниях, так и в «Записках» от раскрытия хорошо известных ему сведений о характере участия в восстании отдельных лиц, например главной фигуры «адвокатского красного жонда» — Францишка Добровольского². Естественно, что эти отдельные факты не меняют общей картины предательства Авейде.

Уже в первом показании Авейде заявил о готовности составить исторический очерк возникновения и развития восстания. Работа над этим очерком — «Записками о польском восстании 1863 г.» — была начата уже в конце августа, как об этом свидетельствует доклад Розвадовского Бергу от 1 сентября 1864 г. По мере написания «Записок» они отдельными тетрадями представлялись комиссией наместнику. Всего с 17 сентября 1864 г. (дата представления первой тетради) до 6 мая 1865 г. (дата представления

¹ W. Przyborski. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121; S. Kieniewicz. Wstęp do wydawnictwa: Z. Jańczewski, K. Majewski, O. Awejde, W. Daniłowski. Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym. Wrocław, 1956, str. XII

² Отмечено С. Кеневичем. Указ. соч., стр. XXV.

последней тетради) Бергу было представлено 34 тетради, содержавших полностью текст «Записок», в среднем одна тетрадь еженедельно¹.

Параллельно с написанием «Записок» до середины ноября 1864 г. Авейде продолжал давать показания в комиссии. В дальнейшем, когда в ходе работы над «Записками» выяснилось, что они содержат имена лиц, не фигурировавших в показаниях на следствии, по тексту «Записок» начали готовиться соответствующие справки для целей полицейского сыска, представлявшиеся Розвадовским при его докладах наместнику. Большинство черновиков этих справок, начинавшихся обычно формулой: «Из записок Авейде оказывается, что следующие лица, из невошедших в прежние показания, принимали участие в революции», написано рукой... самого Оскара Авейде.

Дни пребывания Авейде в одиночной камере Павьяка были заполнены лихорадочной деятельностью. Еще в сентябре-октябре 1864 г., когда наряду с писанием «Записок» его вызывали для допросов в следственную комиссию, Авейде составил для наместника целый мемориал под названием «Некоторые мысли и замечания касательно системы управления и вообще правительственных мер в Царстве Польском в настоящее время», представленный Бергу комиссией 8 октября 1864 г.² В дальнейшем он составляет ряд специальных справок для следственных органов в Вильно, Киеве, дает показания специально приехавшему для этой цели в Варшаву члену виленской Особой следственной комиссии поручику Югану и т. п.

Показания, «Записки», мемориал Авейде с большим интересом и известной благосклонностью читались наместником. Когда в декабре 1864 г. Постоянная следственная комиссия была ликвидирована, а ее председатель Розвадовский перешел на положение «состоящего при наместнике в Царстве Польском», на ситуации Авейде это не отразилось. Он продолжал оставаться как бы «персональным подследственным» у Розвадовского, который по-прежнему представлял наместнику доклады с приложением очердных тетрадей «Записок» и новых показаний Авейде.

В течение определенного времени власти оберегали тайну показаний Авейде. Даже в запросах, адресованных генерал-полицмейстеру Ф. Ф. Трепову, и при пересылке выдержек из показаний Авейде в Вильно применялись туманные формулы вроде: «По показаниям некоторых политических арестантов» и т. п., а попытки получить более конкретные данные отвергались: «Имя и фамилия его по особым обстоятельствам сообщены быть не могут»³.

К маю 1865 г. Авейде завершил написание «Записок». Еще незадолго до получения последней тетради «Записок», 11 (23) апреля, Берг в своем письме к Александру II упоминает *книгу* Авейде, говоря, что она представляет большой интерес⁴. Очевидно, уже в это время было решено напечатать «Записки».

Между тем в первые месяцы 1865 г. в результате провокации, организованной Треповым и осуществленной его агентом Александром Звезховским, в Польшу нелегально вернулись из эмиграции и попали в руки полиции Здзислав Янчевский, Владислав Даниловский и Владислав Рудницкий. В ходе следствия, которое велось Временной военно-следственной

¹ AGAD. Stała Komisja Śledcza, Nr. 1707, к. 1—2.

² Там же, к. 4—75.

³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. «А», лл. 77, 204; см. также ЦГИАЛ, ф. 930, д. 131, лл. 2—4.

⁴ ЦГИАМ, ф. 728, д. 2742, т. III, лл. 143—144.

комиссией под председательством полковника Тухолки, арестованные дали обширные показания. В июне 1865 г. был возвращен из ссылки в Варшаву для дополнительного следствия Кароль Маевский, который после нескольких месяцев заперательства начал в конце октября 1865 г. также давать обстоятельные показания.

Авейде был вновь привлечен как для очных ставок, так и для дополнительных допросов в связи с вестующимся следствием. В дальнейшем Янчевский (как можно полагать, по инициативе члена следственной комиссии поручика П. Г. Цугаловского) взялся за написание исторического очерка восстания. Рукопись Янчевского, при составлении которой он, вероятно, имел возможность пользоваться «Записками» Авейде, просматривали и снабжали своими, иногда довольно обширными комментариями другие заключенные, среди них и Авейде.

Осенью 1865 г. Временная военно-следственная комиссия переместилась из Павьяка в цитадель. Туда же была переведена и группа подследственных. В цитадели Авейде был помещен в одной камере с Даниловским. Исчерпав задачи следствия, царские власти должны были принять решение о судьбе заключенных. 20 июля 1866 г. Берг обращается по этому вопросу к шефу жандармов П. А. Шувалову со следующим конфиденциальным письмом:

«Содержащийся в варшавской Александровской цитадели около трех лет политический преступник Оскар Авейде и находящийся под следствием около года соучастник его по революционной организации Карл Маевский сделали откровенные и весьма важные во многих отношениях показания, которые послужили к открытию и задержанию многих членов революционной организации. Сверх сего Оскаром Авейде составлены во время заключения его в цитадели записки о последнем польском восстании, не лишённые интереса и поясняющие многие эпизоды этого времени. Сочинение это, напечатанное по моему распоряжению в весьма ограниченном числе экземпляров, замечательно еще и в том отношении, что при составлении оно Оскар Авейде не только не мог видаться с Карлом Маевским, но и не мог иметь с ним никаких сношений, а между тем все изложенное в нем совершенно согласуется с показаниями, сделанными Маевским, и служит лучшим доказательством правдивости и откровенности показаний обоих преступников.

Упомянутые политические преступники Оскар Авейде и Карл Маевский, принадлежа к первой категории, подлежат военному суду и на основании законов должны быть приговорены к ссылке в каторжную работу в рудниках. Но принимая во внимание сделанные ими весьма важные исторические раскрытия, в чем Ваше сиятельство лично убедиться можете при рассмотрении самого сочинения, продолжительность заключения их в цитадели и чистосердечное раскаяние в преступлениях, в которые они были вовлечены отчасти по молодости лет, я полагал бы — ввиду неоднократных примеров особой высочайшей милости в подобных случаях — возможным для облегчения участи этих преступников, не предавая их военному суду, ограничить им меру наказания ссылкой их в отдаленные места империи, откуда побег для них был бы невозможен, с содержанием их там под строгим надзором полиции.

Такое мое мнение просить Ваше сиятельство повергнуть на все милостивейшее благоусмотрение государя императора и о последующем по сему предмету высочайшем повелении не оставить уведомить меня.

Вместе с сим имею честь препроводить Вашему сиятельству два экземпляра напечатанных в 4-х томах записок Оскара Авейде, прося Вас, мило-

тивный государь, один экземпляр этого сочинения представить его императорскому величеству. Извлечение из показаний Карла Маевского, находящееся еще в печати, я не замедлю доставить Вашему сиятельству вслед за сим»¹.

Заметим, что о достоверности материалов Авейде и Маевского в связи с их совпадением говорит и Н. В. Берг². В целом с этим можно согласиться, хотя ссылка на то, что никакого общения между Авейде и Маевским не было, опровергается свидетельством Даниловского о том, что с момента перевода их в цитадель (это было как раз то время, когда Маевский писал или диктовал свои показания) общение Авейде и Даниловского с заключенным в соседней камере Маевским было постоянным и беспрепятственным благодаря каналу, выдолбленному в стене, разделявшей их камеры³. Не исключено, что, стремясь избежать дальнейших вопросов, Маевский в своих показаниях сознательно избегал расхождений с Авейде, о содержании показаний которого он мог справляться непосредственно у Авейде.

Предложение наместника было принято: Авейде и Маевский были без предания суду высланы административным порядком в Вятскую губернию. Авейде был отправлен из Варшавы в сентябре 1866 г. Первоначально он был поселен в с. Турек Уржумского уезда, а с начала 1867 г. переведен в г. Глазов. Предписание предусматривало поселение Авейде и Маевского в отдаленных уездах губернии, где нет ссыльных польских повстанцев. Поэтому когда Авейде, который не мог найти работы в захолустном Глазове, возбудил ходатайство о переводе его в Вятку, вятский губернатор не рискнул решать этот вопрос своею властью и, поддерживая ходатайство Авейде, обратился за указанием к министру внутренних дел (декабрь 1867 г.)⁴. Согласие на перевод Авейде в Вятку последовало незамедлительно и сопровождалось весьма любопытным пояснением причин первоначальной его отправки в «медвежий угол»: «...назначение Авейде в самый отдаленный из городов Вятской губернии, где не находится ссыльных из польских уроженцев, последовало собственно в видах ограждения Авейде от преследований его со стороны сих ссыльных, так как он сделал некоторые открытия, послужившие к обнаружению виновных по участию в бывшем польском восстании»⁵.

В ссылке Авейде еще один раз выступает как историк. По просьбе вятского губернатора он пишет в 1868 г. «Краткий очерк последних событий в Польше в 1861—1864 гг.» (сохранилась только первая часть, доведенная до начала восстания)⁶. Это еще один, более краткий вариант того же изложения, которое было дано в виленском показании 1864 г., а затем в «Записках».

Неоднократные попытки Авейде получить разрешение вернуться на родину успеха не имели. В 1867 г., после издания манифеста о смягчении наказаний бывшим повстанцам, Авейде и Маевский подали ходатайство о разрешении им вернуться на родину и получили от губернатора соответствующие документы. Однако вскоре последовало телеграфное распоряже-

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 292—294.

² Н. В. Берг. Указ. соч., т. 1, стр. III.

³ Wł. Daniłowski. Notatki do pamiętników. Kraków. 1908, str. 484.

⁴ Государственный архив Кировской области (далее ГАКО), ф. 582, оп. 130, д. 101, лл. 129—130.

⁵ Там же, л. 133.

⁶ Опубликовано Ч. Ясинским (Э. Пшибышевским) — «Красный архив», 1933, т. II (VII), стр. 100—139. Хранится в ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 566, лл. 342—424.

ние из Петербурга задержать Авейде и Маевского в Вятской губернии. Губернатор за сделанную им оплошность получил резкий нагоняй из министерства. Как указывалось, на Маевского и Авейде как на административно высланных, а не приговоренных к ссылке по суду, «монаршья милость» не распространялась. Действительной причиной отказа было сообщение наместника Берга о нежелательности возвращения Авейде и Маевского в Польшу¹. Маевский успел выехать из Вятской губернии еще до отмены разрешения и, задержанный по пути, был поселен в Тамбовской губернии, откуда в дальнейшем сумел возвратиться на родину. У Авейде разрешение было отобрано еще до отъезда из Глазова.

В ответ на новое ходатайство о возвращении на родину, поданное в 1871 г., Авейде было разрешено переселиться в Астраханскую губернию, чем он не воспользовался².

Постепенно наложенные на Авейде ограничения отменялись: он был освобожден от полицейского надзора, затем было отменено запрещение вступать в государственную и общественную службу, но права возвращения на родину он не мог добиться. Очередное ходатайство в 1874 г. было отклонено преемником Берга варшавским генерал-губернатором Коцебу, который считал нужным «повременить»³. Такой же ответ последовал и в 1879—1880 гг.⁴

Если в первые годы пребывания в ссылке Авейде находился в тяжелом материальном положении, то в дальнейшем ситуация его улучшилась, он получил возможность заниматься адвокатурой. В 80-х годах он женился. О том, что мысль о возвращении на родину или по крайней мере о посещении Польши не оставляла его, свидетельствует отношение вятского губернатора в Департамент полиции о выдаче Авейде документа на право повсеместного проживания (октябрь 1886 г.)⁵. Если Авейде и воспользовался им, то лишь для кратковременной поездки. Постоянно он по-прежнему жил в Вятке, где и умер 20 августа 1897 г.⁶, уничтожив, как сообщает Пшиборовский, перед смертью все свои бумаги⁷.

* * *

Из сказанного выше явствует, что круг документальных материалов, возникших в ходе следствия по делу Оскара Авейде, весьма велик. Рассмотрим в хронологической последовательности судьбу каждой группы этих документов, поясняя попутно формы использования сохранившихся материалов в настоящем издании.

Первой группой таких материалов было следственное дело виленской Особой следственной комиссии. Состав и содержание дела нам не известны. Оно было переслано вместе с Авейде в Варшаву и, вероятно, было включено как начальная группа материалов в следственное дело Постоянной следственной комиссии, разделив в дальнейшем судьбу всего этого дела.

В то же время в Вильно оставалось канцелярское дело с перепиской об Авейде. В деле этом имеется копия первого показания Авейде от 10 ап-

¹ См. ГАКО, ф. 582, оп. 130, д. 101, лл. 101—102, 107, 118, 158.

² Там же, л. 164.

³ Там же, л. 192; ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 357—358.

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 374—379.

⁵ Там же, лл. 381—384.

⁶ Дата установлена доц. Кировского пединститута В. М. Фоменковой.

⁷ W. P r z y b o r o w s k i. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

реля (ст. ст.) 1864 г. Подлинник, очевидно, был отослан в составе следственного дела, так как доклады Постоянной следственной комиссии цитируют его почти дословно. Названное канцелярское дело в настоящее время хранится в Партархиве при ЦК КП Белоруссии (ф. 4384, оп. 1, д. 7). Оно невелико, документы его, как воссоздающие историю ареста Авейде, следствия по его делу в Вильно и его пересылки в Варшаву, включены в состав настоящего тома (документы 1—5, 7—15). В этом же деле имеется копия справки о литовской повстанческой организации, написанной Авейде по просьбе В. Ф. Ратча (лл. 28—32 дела).

По непонятным причинам вне рамок следственного дела осталось и не было сообщено в Варшаву даже в копии (оно осталось неизвестно Постоянной следственной комиссии) обширное показание Авейде, написанное им в мае 1864 г. Оно представляет собою сейчас отдельное дело и хранится в том же архиве (ф. 4384, оп. 1, д. 9)¹. Это подлинная рукопись Авейде на русском языке на 22 листах большого формата. Ряд помет, сделанных на рукописи синим и красным карандашом, принадлежит, вероятно, Муравьеву². Документ публикуется в настоящем томе (6).

Показание Авейде от 10 апреля 1864 г. было знакомо Э. Пшибышевскому (Ч. Ясинскому), цитировавшему его в предисловии к упомянутой публикации³. В сопоставлении с другими цитируемыми документами можно предположить, что он пользовался хранившимся в Варшаве оригиналом показания. Майское показание 1864 г. было известно (de visu?) В. Пшиборовскому, говорящему: «...описал все на одиннадцати листах по-русски и подписался также по-русски»⁴. 11 двойных листов (folio) соответствуют 22 листам рукописи Авейде.

Следующий этап следствия Авейде был связан с Постоянной следственной комиссией. Уже в довоенное время в хранилищах Варшавы, где должно было находиться соответствующее дело, его не было, как сообщает В. Нагурская-Рудзкая⁵. В то время в варшавском Архиве старых актов имелись «отрывки показаний в русской копии, причем первая часть неопубликованная», а в Библиотеке Красинских — «листы оригинальных показаний»⁶. Все эти материалы, равно как и показания Авейде, приобщенные к делам Маевского, Даниловского, Ячневского, хранившиеся в варшавских архивах, погибли во время второй мировой войны.

Единственное исключение составляет том, хранящийся в настоящее время в AGAD (Stała Komisja Śledcza № 1707). Его содержание (только копии)

¹ Вероятно, оба эти дела входили в состав ныне отсутствующего в фондах ЦГИА Литовской ССР дела, которое в составленной незадолго до второй мировой войны описи носит наименование «Sprawa Oskara Awejdę (jako Ludwika Szmida)» (ф. 439, оп. 1, д. 103).

² В Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ) в фонде журнала «Русская старина» имеется копия этой записки Авейде (ф. 265, оп. 10, д. 1), присланная в редакцию 1 июля 1871 г. Николаем Петровичем Степановым (запись под № 419 в «Описи рукописей и документов, поступивших в редакцию «Русской старины», т. 1—с 1870 по 1874 г.», стр. 60, ИРЛИ, ф. 265, б. н.). Другая копия той же записки (время выполнения копии неизвестно) имеется в фонде М. П. Погодина в отделе рукописей Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 231, раздел III, папка 1, ед. хр. 1).

³ Ч. Ясинский. Указ. соч., стр. 105.

⁴ W. R z u b o r o w s k i. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

⁵ Этому противоречит, как кажется, тот факт, что Ясинский-Пшибышевский цитирует отсутствующее в других собраниях, но явно содержавшееся в следственном деле показание Авейде от 19 августа 1864 г. См. указ. соч., стр. 105.

⁶ Polski Słownik Biograficzny, t. I, Kraków. 1935, str. 191.

таково: 1) выписка из журнала комиссии о представлении наместнику тетрадей «Записок» Авейде (лл. 1—2); 2) мемориал Бергу, упомянутый выше (лл. 4—75); 3) 33-я тетрадь «Записок» Авейде (лл. 77—136); 4) показания Авейде о событиях в Литве, направленные 22 июня 1865 г. в Вильно (лл. 138—180).

Мемориал Бергу включен в настоящий том (20), рукописный текст части «Записок» использован в текстологических примечаниях к «Запискам».

В связи с тем, что следственное дело Авейде не дошло до нас, особенное значение приобретает сохранившееся в ЦГИАМ канцелярское дело Постоянной следственной комиссии, которое, вероятно, было когда-то затребовано центральной администрацией и уже при упорядочении архива было по содержанию документов превращено в приложение к делу из фонда III отделения, где имелись документы об Авейде. Это дело (ф. 109, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. «А») наряду с перепиской по делу Авейде содержит некоторые документы, относящиеся к делам Петра Кобылянского, Кароля Маевского и Стослава Лагуны, в частности, вопросные пункты, направленные Маевскому и Лагуне по месту ссылки в Воронежскую губернию, и ответы на них. Насколько можно судить, дело это не использовалось исследователями.

Имеющиеся в деле документы, связанные с Авейде (подавляющее большинство документов дела), можно подразделить на три группы:

1) доклады Розвадовского Бергу, содержащие изложение несохранившихся показаний Авейде на следствии; эти документы включены в настоящий том (16—19, 21, 22);

2) два показания, написанных собственноручно Авейде уже после окончания следствия, чем и можно объяснить их приобщение не к следственному делу, а к переписке; оба они включены в настоящий том (23 и 24);

3) справки-приложения к докладам Розвадовского Бергу с перечислением лиц, упомянутых в «Записках» Авейде, но не отмеченных в материалах следствия, а также переписка по вопросам разыскания некоторых из этих лиц; документы использованы в комментариях к «Запискам» Авейде. В том включен лишь итоговый доклад Розвадовского Бергу в связи с окончанием работы Авейде над «Записками» (25).

К самим «Запискам» мы вернемся несколько позднее, а сейчас остановимся на остальных архивных документах, автором которых является Авейде.

Одна группа их связана с упомянутым выше общим следствием, в материалах которого документы Авейде неразрывно связаны с документами Янчевского, Даниловского, Рудницкого и Маевского. Этот большой комплекс документов рано подвергся расчленению: часть дел продолжала храниться в варшавских архивах и была уничтожена во время войны; два тома оказались в Ягеллонской библиотеке в Кракове, они изданы в 1956 г. Стефаном Кеневичем (цитировавшееся выше издание); большая группа материалов оказалась у члена Временной военно-следственной комиссии П. Г. Цугаловского и с 1904 г. вместе с некоторыми иными его материалами хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Эти документы (в их числе и материалы Авейде) будут опубликованы отдельным томом в настоящей серии, в рамках которого, вероятно, найдут отражение и относящиеся к Маевскому документы из дела переписки Постоянной следственной комиссии.

Другую группу материалов Авейде представляют написанные им специальные справки, его показания, а также сделанные следственной комиссией выписки из показаний Авейде по вопросам повстанческой организации в Литве, на Украине, русского военного комитета (Комитета русских офицеров в Польше) и т. п. Наряду с уже упомянутыми «литовскими» материалами Партархива ЦК КП Белоруссии (ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 28—32) и AGAD (Stała Komisja Śledcza № 1707, к. 138—180), ряд таких документов в подлинниках или копиях имеется в ЦГИАМ, ЦГИА Литовской ССР в Вильнюсе, ЦГИА Украинской ССР в Киеве. Редакционной коллегией настоящего издания принято решение использовать этот материал в томах соответствующей тематики, т. е. посвященных движению в Литве и Белоруссии, движению на Украине и русско-польским революционным связям.

Редакция отказалась от воспроизведения вятской записки Авейде, несмотря на ее близость по своему характеру к основным материалам настоящего тома, учитывая, что она была опубликована в 1933 г. и поэтому относительно доступна.

Наконец, несколько замечаний о «Записках» Оскара Авейде. В литературе не существует никаких сведений о рукописи «Записок». Основой издания, естественно, может быть лишь текст публикации 1866 г. Но если мы и не имеем базы для критического анализа текста, то некоторые соображения в этом плане все же необходимо высказать.

Первый вопрос — на каком языке писались «Записки»? На первый взгляд вопрос этот неоснователен, в литературе мы постоянно встречаем формулу «русский перевод»¹, наконец, на самой книге стоит надпись: «перевод с польского». Вопрос этот, однако, не является простым. Во-первых, надпись «перевод с польского» имеется только на I и II томах издания 1866 г., на III и IV она отсутствует²; можно иметь разные мнения относительно того — результат ли это недосмотра или сознательное опущение. Во-вторых, и Н. В. Берг, и В. Пшиборовский рисуют дело таким образом, будто наместник приказал перевести на русский язык и отпечатать уже завершенные «Записки». (Впрочем, Берг говорит одновременно и о книге Маевского и приказание перевести, может быть, относится только к ней.) Слово обоих этих историков весьма авторитетно, они могли опираться и наверное опирались на какую-то устную традицию, в их время сравнительно недавнюю (Пшиборовский даже называет редактора «Записок» — полковника генерального штаба Белинского). Но как связать с этим факт, что «Записки» Авейде представлялись наместнику еженедельно тетрадами, причем (по крайней мере известная нам часть IV тома) на русском языке? Не ставит ли он под сомнение утверждение о переводе «Записок» в целом в связи с их изданием? Можно ли примирить это противоречие?

Мы полагаем, что отсутствие пометы «перевод с польского» на III и IV томах «Записок» не является случайностью, что оно отражает действительное положение вещей, т. е. тот факт, что Авейде писал по-русски. Что Авейде, кандидат прав Петербургского университета, владел русским

¹ См. Н. В. Берг. Указ. соч., т. 1, стр. III; W. P r z y b o r o w s k i. Dzieje 1833 г. т. V; S. K i e n i e w i c z. Указ. соч., стр. XV.

² Заметим, что если еще в конце II тома одно из немногочисленных неавторских примечаний обозначено как «примечание переводчика» (см. стр. 394), то в III и IV томах такие примечания не имеют наименований и лишь в одном случае появляется «примечание редакции» (см. стр. 526).

языком, не требует доказательства. Мы располагаем и конкретным материалом для суждения по этому вопросу — это обширная виленская записка Авейде, написанная (как можно судить во всяком случае по второй ее части) весьма быстро, с незначительным числом помарок и даже почти без грамматических ошибок, с полонизмами, но легко устранимыми при редактировании. Но полонизмы, хотя несколько реже, встречаются и в «Записках», а сам стиль и терминология обоих произведений чрезвычайно близки (напомним, что виленская записка осталась неизвестной варшавским следователям), даже хаотическая пунктуация выдает одну и ту же руку. Если бы не утверждение Берга и Пшиборовского, мы скорее были бы склонны поставить под сомнение факт перевода с польского I и II томов «Записок». Гипотетически противоречие можно разрешить, предположив, что Авейде начал писать свои «Записки» по-польски и на первых порах наместнику представлялось на русском языке краткое изложение содержания очередных тетрадей (изготовление полных переводов при таком темпе работы маловероятно). В дальнейшем знакомство с полным текстом написанных Авейде уже по-русски тетрадей «Записок» (при этом наиболее содержательных) побудило наместника принять решение о печатании «Записок», а в связи с этим потребовался уже полный перевод первых тетрадей.

Едва ли нужно доказывать, что вопрос — имеем ли мы дело с переводом или же с оригинальным авторским текстом, хотя бы подвергшимся известной редакции, — представляет существенный интерес. Дать бесспорный ответ на него трудно, можно, однако, выразить уверенность, что безоговорочная формула «русский перевод» применительно к «Запискам» Авейде должна быть поставлена под сомнение.

И в виленском показании, и в «Записках» автор не один раз упоминает о том, что он опирается лишь на собственную память. Применительно к виленскому показанию это можно принять на веру, в отношении «Записок» необходимы некоторые оговорки. В одиночной камере в период работы над «Записками» Авейде не был абсолютно изолирован от окружающего мира. Мы встречаем на страницах «Записок» упоминания о событиях, происшедших в то время, когда автор уже находился в заключении. Так, в примечании на стр. 494 Авейде, говоря о Владиславе Коссовском, замечает: «Он сам был арестован, находился в Вильне и, насколько мне известно, во всем сознался». В данном случае мы можем предположить, что источником информации был член виленской следственной комиссии Юган, приезжавший для допроса Авейде в Варшаву. Возьмем иной пример. Откуда Авейде был известен факт расстрела в Казани Иеронима Кеневича в июне 1864 г. (см. стр. 534)? Но, может быть, наиболее разительна полемика с нападка на Чарторьского в эмигрантской прессе (см. стр. 593)! Примеры такого порядка можно было бы умножить. Невольно возникает мысль, не начали ли наместник и Розвадовский на заключительной стадии работы Авейде над «Записками» рассматривать его как своего рода казенного историографа, которому следует помогать материалом?

Ряд примечаний, явно принадлежащих не Авейде (иногда это оговорено), имеют характер полицейской справки о том или ином упомянутом в тексте лице (см. стр. 394, 407, 408, 551, 583). Но иногда вопрос об авторстве примечания остается неясным, таково, например, примечание (см. стр. 489) о Длуском-Яблоновском; оно может принадлежать и Авейде, но в таком случае откуда у него сведения о деятельности Длуского в 1864 г.?

Заканчивая настоящие заметки, ни в малейшей мере не претендующие на полноту, мы хотели бы лишь отметить, что, несмотря на всеобщее признание чрезвычайной ценности «Записок» Авейде как исторического источника, они до сих пор не были (возможно, виной тому уникальность издания) предметом источниковедческого анализа. Может быть, настоящая публикация создаст для этого лучшие условия.

* * *

В заключение несколько пояснений о применяемых в настоящем томе правилах публикации. В целом они соответствуют принятым в СССР правилам издания документов. Без оговорок введена новая орфография, проведена модернизация пунктуации и употребления строчных и прописных букв. Не оговариваются также исправления явных опечаток или опечаток (например, в тексте «Записок» — стр. 536 Янковский вместо Яновский и т. п.). Правописание имен собственных, нередко весьма непоследовательное (в «Записках» — Зенкович, Зенькевич и Зенкевич или Чарторынский и Чарторийский), унифицировано, при этом обычно избиралась форма транскрипции, принятая в наше время. Раскрытие сокращений, имеющих в тексте, и иные дополнения приводятся в квадратных скобках.

Реальный комментарий ограничен лишь необходимыми для понимания текста пояснениями или исправлением допущенных в тексте фактических ошибок. Общие сведения о персоналиях в реальный комментарий не вносятся, поскольку том снабжен аннотированным указателем имен. Для удобства пользования комментарий размещен постранично.

Текстологические примечания ограничиваются лишь фиксированием помет и правки, имеющей существенное значение.

Примечания самого документа обозначаются знаком * (при множественности их — * с порядковой цифрой) и располагаются непосредственно под текстом; текстологические примечания помещаются ниже, они обозначаются буквами ^a, ^b и т. д., поставленными в тексте после комментируемого слова или обрамляющими комментируемую часть текста (например: ^a на этом поприще ^a, в подстрочном примечании: ^{a—a}); реальный комментарий располагается ниже текстологических примечаний, он обозначен порядковыми арабскими цифрами.

В подготовке материалов настоящего тома к печати принимали участие научный сотрудник Партархива ЦК КП Белоруссии В. С. Давыдова (документ б) и научный сотрудник Института славяноведения Академии наук СССР О. П. Морозова (все остальные материалы тома). Комментарии оставлены редакторами тома.

И. Миллер

P R Z E D M O W A

«Zapiski o polskim powstaniu 1863 r.» Oskara Awejdego zajmują specjalne miejsce w historiografii powstania.

Awejde, członek Centralnego Komitetu Narodowego w miesiącach bezpośrednio poprzedzających powstanie, następnie członek wszystkich składów Rządu Narodowego aż do sierpnia 1863 r., rozporządzał taką ilością wiadomości o rozwoju ruchu, o jego uczestnikach, o okolicznościach wydarzeń, spośród których wiele pozostało tajemnicą nie tylko dla przeciwników powstania, ale również dla przeważającej większości powstańców, że pod tym względem chyba nie może z nim współzawodniczyć żaden z pamiętnikarzy powstania styczniowego. Ogólnego charakteru «Zapisek» Awejdego nie zmienia ani tendencyjne potraktowanie tych czy innych wydarzeń, ani świadome przemilczenie niektórych (zresztą niezbyt licznych) znanych autorowi faktów; «Zapiski» dają szczegółowe i dość dokładne (oczywiście subiektywnie, tj. w tym stopniu, w jakim można oczekiwać dokładności od tego rodzaju historycznego źródła) przedstawienie tego szerokiego zakresu faktów i procesów, które były znane Awejdemu. Wartość «Zapisek» jako źródła zwiększa jeszcze i ta okoliczność, że Awejde, w odróżnieniu od znacznej liczby uczestników albo obserwatorów wypadków, którzy pozostawili wspomnienia, pisał swoje «Zapiski» niedługo po wypadkach i odtwarzał je z dokładnością, która świadczy o jego zaiste fenomenalnej pamięci.

Ale «Zapiski o polskim powstaniu 1863 r.» nie są to pamiętniki, w każdym razie nie tylko pamiętniki. Podstawę opowiadania stanowią osobiste wspomnienia autora, ale zarówno struktura «Zapisek», jak i cały tok opowiadania wykazują tendencję nie pamiętnikarza, lecz historyka. Zamierzenie autora jest oczywiste: pisze on historię wybuchu i rozwoju powstania. Nie powinien nas wprowadzać w błąd tytuł «Zapiski» — w tej epoce często dawano taki tytuł utworom bynajmniej nie o charakterze pamiętnikarskim, tak np. tytuł «Zapiski» nadał swej książce historyk powstania M. W. Berg. Prócz tego nie wiadomo dotąd, kto nadał tytuł, pod jakim ukazała się książka Awejdego — autor czy też wydawcy. Bezsprzeczne zaś jest, że zarówno pomysł napisania historii powstania, jak i wybór formy szkicu historii powstania, nie zaś wyłącznie wspomnień, należą całkowicie do Awejdego, a nie zostały mu narzucone przez jego «opiekunów» z komisji wojskowo-śledczej.

Rzecz jasna, że ogólny szkic powstania był formą, dzięki której z wielką łatwością i zupełnie naturalnie osoba autora, uczestnika wydarzeń, mogła w pewnych wypadkach pozostawać w cieniu, w innych zaś, pożądanym i korzystnym dla autora, wysuwać się naprzód. Łatwo wyjaśnić inicjatywę napisania dokładnych zapisek oraz ich przeznaczenie memoriału dla władz car-

skich, biorąc pod uwagę, warunki, w których powstały «Zapiski», zwłaszcza wrażenie niedawnej egzekucji Traugutta i jego towarzyszy. Awejde mógł szukać w tym sposobu ocalenia siebie albo przynajmniej zyskania na czasie, odroczenia dnia spotkania z bezlitosnym carskim sądem wojennym. I później, kiedy już cień szubienicy nie padał na gorączkowo wypełniane w celi więziennej stronicie «Zapisek», kiedy już nie chodziło o uratowanie życia, podkreślana szczerść wywodów w «Zapiskach», stała gotowość dania coraz to nowych zeznań i własna inicjatywa przy dawaniu dodatkowych zeznań, wszystko to było dla Awejdego środkiem złagodzenia losu, który go oczekiwał jako jednego z kierowników powstania.

Oczywiście, ułożenie przez Awejdego «Zapisek», w takim samym niemal stopniu, jak i jego «szczerze» zeznania na śledztwie, było aktem zdrady, «szczerść» Awejdego, za którą dziesiątki ludzi wydanych przez niego carskim władzom, zapłaciło długimi latami katongi i zesłania, miała na celu (i cel ten osiągnęła) ulżenie doli zdrajcy. Ale ograniczenie sprawy do tego tylko aspektu przy rozpatrywaniu warunków powstania «Zapisek» Awejdego, a tym bardziej przy ocenie ich znaczenia dla historiografii powstania 1863 r. byłoby rzeczą niesłuszną.

«Zapiski» Oskara Awejdego mają zdecydowaną tendencję polityczną, stanowią one próbę sformułowania i narzucenia czytelnikowi określonej koncepcji historii powstania styczniowego, a nawet więcej — całego narodowo-wyzwoleńczego ruchu. Możemy z całą pewnością mówić, że chociaż Awejde nie mógł chyba przypuszczać, by jego rękopis został wydrukowany, to jednak liczył się z tym, że wcześniej czy później jego «Zapiski» skierowane do władz carskich staną się, bezpośrednio albo pośrednio, znane polskiemu społeczeństwu.

W pewnym stopniu koncepcja ta mogła, według przypuszczeń autora, znaleźć zrozumienie i aprobatę władz carskich, od których zależał dalszy los Awejdego i, prawdopodobnie, specjalne akcentowanie, podkreślanie «lojalnego sposobu myślenia» autora były dyktowane tymi samymi motywami, co i gotowość odpowiadania na pytania komisji śledczej. Ale byłoby błędem sprowadzać zasadniczą tendencję «Zapisek» jedynie do tych motywów, poszukiwać jedynie w nich wyjaśnienia koncepcji przeprowadzanej w książce. Chodzi tu nie tylko o to, że w swoich «Zapiskach» Awejde nie unika wypowiedzania takich nawet poglądów, które nie mogły przypaść do smaku carskim ędziom śledczym, poddaje on niekiedy dość ostrej krytyce system polityki rządowej w Polsce; chodzi również nie tylko o to, że zasadnicza tendencja «Zapisek» wyraźnie występuje we wcześniejszym zeznaniu Awejdego, kiedy nie wstąpił on jeszcze na drogę zdrady i nie liczył, że swoimi zeznaniami zdoła złagodzić swój los. Przy całej ważkości tych faktów najistotniejsze było to, że sformułowana przez Awejdego koncepcja była prawidłową i logiczną kontynuacją tej linii politycznej, której hołdował zarówno Awejde, jak i jego zwolennicy w okresie poprzedzającym powstanie i podczas powstania, tak samo zresztą jak i sam fakt moralnego upadku Awejdego, jego zdrada miała bezsprzecznie przesłanki w jego poprzedniej działalności, jako członka kierowniczych organów powstania.

Rzecz jasna, że nie wszyscy zbliżeni w swych poglądach politycznych do Awejdego byli szczerzy w obliczu carskiej komisji śledczej, zwłaszcza w takim stopniu graniczącym z cynizmem; zresztą nie wszyscy wyznawcy poglądów Awejdego przeszli przez te same próby. Ale wielu z tych, którzy z potępieniem odgradzali się od Awejdego — zdrajcy, w istocie rzeczy podzielało poglądy Awejdego — polityka, Awejdego — historyka powstania.

«Zapiskom» Awejdego sądzony był los, o którym prawdopodobnie sam autor nawet nie marzył. Z rozporządzenia namiestnika Królestwa Polskiego T. T. Berga zostały one w 1866 r. wydane w czterech tomach i w ten sposób stały się pierwszą historią powstania 1863 r. Co ważniejsze, wywarły one olbrzymi wpływ na dalszą historiografię tego powstania. Bez względu na to, że wydanie «Zapisek» było tajne i że ukazały się one w ograniczonej ilości egzemplarzy*, materiał zawarty w nich stał się znany historykom.

Nie biorąc pod uwagę sporadycznego i powierzchownego wyzyskiwania materiałów Awejdego w gadzinowo-propagandowych dziełach w rodzaju książki Raczka**, obszernie korzystał z książki Awejdego i po raz pierwszy wymienił ją i opisał Mikołaj Wasiljewicz Berg, który pierwszy ułożył w języku rosyjskim obszerne dzieło o powstaniu 1863 r. M. W. Berg, zaproszony przez namiestnika T. T. Berga w charakterze oficjalnego historiografa, napisał książkę, która stanowczo odbiega od popieranym przez rząd carski czarnocinnych, antypolskich utworów typu Raczka, Gogela itp. Mimo że znaczna część książki opublikowana została przedtem w czasopiśmie: «Russkij archiw» i «Russkaja starina», Berg nie otrzymał zezwolenia na druk książki w Rosji, nakład zaś wydrukowanego w Poznaniu wydania uległ po zgonie autora zniszczeniu. Zachowało się jedynie kilka egzemplarzy. Ale jeżeli rosyjski czytelnik na skutek tego był mało oзнакомиł się z pracą Berga i nie wywarła ona większego wpływu na przedwojenną rosyjską historiografię, to polskie tłumaczenia tej książki były szeroko kolportowane. M. W. Berg, mając swobodny dostęp do materiałów komisji śledczych, za najważniejsze uznał zeznania Oskara Awejdego i Karola Majewskiego. Berg w swojej książce powołuje się często na «Zapiski» Awejdego, czerpie z nich poważną część materiału faktycznego i w szeregu wypadków w traktowaniu opisywanych wydarzeń korzysta z ujęcia autora.

Szeroko wykorzystał «Zapiski» Awejdego również Walery Przyborowski, autor obszernej monografii «Historia dwóch lat. 1861—1862» (5 tomów wydanych w 1892—1896) i kontynuacji tej monografii «Dzieje 1863 roku» (5 tomów, t. I—IV wydane w latach 1897—1905, tom V po śmierci autora w 1919 r.) Co prawda, na początku pracy nad «Historią dwóch lat» Przyborowski nie znał jeszcze ani «Zapisek» Awejdego, ani książki Berga. Jednakże w czwartym tomie, gdzie opisane są wydarzenia z pierwszej połowy 1862 roku, Przyborowski zaznacza, że udało mu się zapoznać, choć dość pobieżnie, z wydrukowanymi zeznaniami Awejdego i Majewskiego i w kilku miejscach powołuje się na te zeznania***. Później w piątym tomie «Historii dwóch lat» i w całych «Dziejach 1863 roku» materiał «Zapisek» Awejdego wykorzystany jest już dość obszernie. Przyborowski, zdecydowany przeciwnik powstania, nie oszczędzający ani partii «czerwonych» w całości, ani w szczególności konsekwentnych

* M. W. Berg i W. Przyborowski (przycytając pewne szczegóły, których brak u Berga) wskazują, że «Zapiski» Awejdego wydano w 30 egzemplarzach (patrz M. Berg. Zapiski o powstaniu polskim 1863—1864 roku, t. I. Kraków, 1898, str. 13; W. Przyborowski. Dzieje 1863 roku, t. V. Kraków, 1919, str. 121). Edward Maliszewski w swojej bibliografii podaje bez argumentacji liczbę 40 egzemplarzy (patrz E. Maliszewski. Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących. Warszawa, 1928, str. 246).

** В. Р а т ч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. 1. Видно. 1867. Независиме od wykorzystania, bez powoływania się na oryginał, poszczególnych faktów przytaczanych przez Awejdego, na str. 140 przytoczono anonimowo cytaty z «Zapisek» Awejdego («piewien przywódca z Warszawy»): «Bez panów na Litwie niczego dokonać nie można» (patrz str. 522).

*** Z. L. S. (W. Przyborowski). Historia dwóch lat, t. IV. Kraków, 1895, str. 263, również str. 213, 271, 276, 279 i inne.

rewolucyjnych demokratów znalazł w «Zapiskach» Awejdego i w samej koncepcji powstania — przypadku, powstania — fatalnego błędu ceną podporę dla własnych koncepcji. Nic więc dziwnego, że Przyborowski, traktując z pogardą Awejdego, zarówno jako działacza partii «czerwonych», jak i zdrajcę, o jego «Zapiskach» wypowiada się jako o «skreślonej nie bez talentu i szerszego poglądu dziejowego historii wszystkich polskich powstań» *.

Dzięki książkom Berga i Przyborowskiego zarówno faktyczny materiał zawarty w «Zapiskach» Awejdego, jak i w pewnym stopniu sposób jego interpretacji, elementy jego koncepcji szeroko rozpowszechniły się w historiografii, mimo że same «Zapiski» w dalszym ciągu były niedostępne dla historyków.

Dla współczesnej marksistowskiej nauki historycznej «Zapiski» Oskara Awejdego jako ogólny szkic historii powstania, a więc w swej autorskiej koncepcji, mają naturalnie już tylko znaczenie historiograficzne. Jednak w pełni zachowują one znaczenie jako źródło do historii powstania. Rzadko można znaleźć rozprawę o powstaniu styczniowym, czy to będzie ogólna historia powstania, czy też monografia, w której autor nie był zmuszony wielokrotnie korzystać z «Zapisek» Awejdego. Można nawet powiedzieć, że znaczenie ich w naszych czasach jeszcze bardziej wzrosło w związku z niepewetowaną utratą wielu cennych zespołów archiwalnych zniszczonych przez hitlerowców w zbiorach warszawskich.

Tymczasem korzystanie z «Zapisek» Awejdego i w naszych czasach jest bardzo utrudnione. W chwili obecnej istnieją jedynie *dwa* dostępne i kompletne egzemplarze «Zapisek» Awejdego: jeden z nich znajduje się w zbiorach Państwowej Biblioteki im. W. I. Lenina w Moskwie, a drugi w Bibliotece Narodowej w Warszawie. I należy to uważać za szczęśliwy przypadek, ponieważ wydane w tym samym czasie, co książka Awejdego, również w 30 egzemplarzach, «Zeznania dotyczące ostatniego polskiego powstania» Karola Majewskiego, z których w swoim czasie korzystał M. W. Berg i które miał krótko w ręku Walery Przyborowski, znikły bez śladu.

Opracowując plan wielotomowego wydawnictwa źródeł «Powstanie styczniowe» mieszana komisja polsko-radziecka przysłała do konkluzji o celowości i konieczności ponownego wydania «Zapisek o polskim powstaniu 1863 roku» Oskara Awejdego. Razem z nimi w niniejszym tomie publikuje się również część zachowanych materiałów archiwalnych związanych z Awejdem. Niżej damy charakterystykę tych materiałów, ale przede wszystkim należy krótko opowiedzieć o Oskarze Awejde, jego działalności w przededniu i w czasie powstania, jak również o etapach śledztwa w sprawie Awejdego, wpłynęły one bowiem na uformowanie akt śledczych, z których korzysta niniejsze wydanie.‡

* * *

Oskar Awejde urodził się w 1837 roku w spolszczonej rodzinie pochodzenia niemieckiego, osiadłej w guberni augustowskiej. Napotykanie w literaturze wzmianki, jakoby ojciec Awejdego posiadał majątek ziemski, nie znajdują potwierdzenia w dokumentach. W latach sześćdziesiątych ojciec Oskara, Edward Awejde, był patronem w Suwałkach. Również dla swego drugiego syna wybrał on karierę prawnika. W latach 1854—1858 Oskar Awejde studiował na uniwersytecie petersburskim i ukończył go ze stopniem kandydata, a w

.....
* W. Przyborowski. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

1859 r. otrzymał możliwość kontynuowania na koszt rządu studiów za granicą; słucał w ciągu pół roku wykładów na uniwersytecie w Berlinie, potem ponad rok na uniwersytecie w Heidelbergu, kilka miesięcy spędził w Paryżu, gdzie zaznajamiał się z francuską praktyką sądową.

W końcu października 1861 r. Awejde wrócił do kraju i po krótkim pobycie w domu rodzicielskim osiedlił się w Warszawie i kontynuował rozpoczętą jeszcze przed wyjazdem za granicę pracę aplikanta sądowego.

O swoich związkach z ruchem aż do momentu wstąpienia do Centralnego Komitetu Narodowego w końcu października 1862 r. Awejde zarówno w zeznaniach, jak i w «Zapiskach» mówi dość ogólnikowo. Mamy podstawy do powątpiewania o szczerości jego oświadczenia, jakoby w chwili powrotu jego z zagranicy, «zdecydowanie nie rozumiał ani położenia kraju w ogólności, ani znaczenia powstałych [. . .] partyj; nie znał działających osób, ani ich działań» (patrz str. 468). Zresztą, o kilka wierszy niżej Awejde sam wspomina, że z Majewskim zbliżył się z polecenia Mierosławskiego i Guttrego. Gdybyśmy nawet nie mieli własnego oświadczenia Awejdego, że w czasie pobytu za granicą spotykał się z działaczami polskiej emigracji, a wśród nich z samym «czerwonym generałem» Mierosławskim, to pierwsze rozdziały «Zapisek», które wykazują nieprzeciętną erudycję w dziedzinie historii Polski i polskiego ruchu wyzwolenieckiego ostatnich dziesięcioleci, dobrą znajomość prądów polskiej emigracji i szereg innych wiadomości, których nabycie było niemożliwe, przynajmniej w takim zakresie, ani w Petersburgu, ani w Królestwie Polskim — wyraźnie świadczą o tym, że Awejde wykorzystał swój pobyt za granicą nie tylko dla uzupełnienia swego wykształcenia prawniczego. Tym niemniej nie ma danych, które by świadczyły o bezpośrednim udziale Awejdego w społecznym życiu zarówno w latach nauki w Petersburgu*, jako też za granicą, np. w Heidelbergu, gdzie była znaczna i politycznie dość aktywna kolonia polska.

Jakkolwiek rzeczy się miały, od czasu powrotu do kraju Awejde włączył się w burzliwe w tych miesiącach życie społeczne. Z olbrzymim zainteresowaniem i przenikliwością zbierał on zewsząd wiadomości o wydarzeniach w Warszawie i na prowincji, o działaniach rewolucyjnych organizacji nielegalnych. Ta uporczywa chęć Awejdego, by wiedzieć wszystko o wszystkim i o wszystkich, jakby już w owych czasach przygotowywał się do roli historyka ruchu, uczyniła go później chodzącym archiwum organizacji powstańczej i na skutek tego niezmiennym członkiem zmieniających się składów jej kierownictwa.

Co można powiedzieć o stanowisku samego Awejdego w tych pierwszych miesiącach jego pobytu w ojczyźnie? Niejednokrotnie na stronach swego obszernego wileńskiego zeznania Awejde mówi o «swych przyjaciółach — białych». Byłoby błędem widzieć w tym wykret, chęć «zmiany barwy» w obliczu komisji śledczej. Moglibyśmy nie wierzyć Awejdemu na słowo, kiedy twierdzi, że «był jawnym przeciwnikiem spiskowców i jak tylko mógł przeszkadzał

* Na pozór przeczy temu twierdzenie Pantielejewa, jakoby Awejde «jeszcze na ławie studenckiej należał już do polskiego ruchu i bardzo szybko stał się jednym z najczynniejszych i wpływowych przywódców partii, która parła do powstania» (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Москва, 1958, стр. 179). Należy jednak brać pod uwagę, że ocena, którą Pantielejew daje Awejdemu, uformowała się na podstawie znacznie późniejszych informacji. Bezpośrednio z Awejdem Pantielejew prawdopodobnie nie spotykał się, wstąpił bowiem na uniwersytet petersburski w 1858 r., gdy Awejde już skończył studia. W jakim stopniu Pantielejewowi nie dopisywała pamięć, gdy w czterdzieści lat później pisał swe pamiętniki, można sądzić po tym, że opisując wypadki z marca 1861 r., mówi o Bolesławie Markiewiczu jako o najbardziej wpływowym w owym czasie członku polskiej organizacji studenckiej w Petersburgu, «jeżeli nie liczyć Oskara Awejdego» (ibidem).

im w guberni augustowskiej» (patrz str. 468). Ale to twierdzenie staje się dość prawdopodobne, jeżeli wziąć pod uwagę, że ojciec Awejdego należał do organizacji «białych» w Augustowskim. Awejde jest szczyry, gdy wielokrotnie wyraża w swoich «Zapiskach» (patrz str. 323, 344, 398—399) przekonanie, że prawdziwymi przywódcami narodu, wcieleniem jego rozumu powinni być jego przyjaciele — biali, klasy posiadające, i kiedy z niechęcią i lekceważeniem wypowiada się o rzemieślnikach i miejskiej biedocie, jak również o «anarchistach», tj. o tych spośród czerwonych, którzy byli konsekwentnymi wyrazicielami uczuć i dążeń tego pomiatanego przez Awejdego «nlicznego motłochu» (patrz str. 354, 356, 368).

Jednakże «przyjaciele — biali» są tak bardzo ograniczeni i niezdolni zorientować się w sytuacji, w chwili gdy w kraju dojrzewa wybuch rewolucyjny, że Awejdego ogarnia trwoga. Zaczyna on nawet wątpić o swej wyroczni — propagującym spokój i opanowanie, Karolu Majewskim, najzdolniejszym, najaktywniejszym przedstawicielowi tego kierunku, do którego należy sam Awejde. Dość ciekawe jest świadectwo o tym, jaką politykę Awejde uważa za słuszną i próbuje wcielić w życie w pierwszych miesiącach 1862 r. Jak pisze w swoich wspomnieniach doktor Ignacy Baranowski, Awejde razem ze swoim późniejszym współtowarzyszem z «rządu Majewskiego» Władysławem Gołemberskim prowadził agitację wśród warszawskiej burżuazji, dowodząc, że rząd nie da sobie rady z tajną organizacją i wobec tego trzeba do niej wejść «ludziom rozumnym, umiarkowanym, i należy nią zawładnąć, opanować, aby w ten sposób nie dopuścić do nieczesnego wybuchu»*.

W czerwcu 1862 r. nadszedł moment krytyczny: Komitet Centralny zaaprobował przedłożony przez Jarosława Dąbrowskiego plan powstania. Odpowiedzią na to jest działanie w duchu idei, wypowiedzianej przez Awejdego (prawdopodobnie podpowiedzianej mu przez Majewskiego): zostaje zorganizowany przewrót w łonie organizacji powstańczej, w skład zreorganizowanego komitetu wchodzi: Majewski, Paszkiewicz i Giller, którzy udaremniają plan Dąbrowskiego. Po kilku dniach Majewski, którego, jak podaje Awejde, czerwoni «szczególnie od czerwca 1862 roku nazywali [...] już prosto *zdrajca*» (patrz str. 443), dość dziwnym zbiegiem okoliczności znalazł się poza zasięgiem czerwonych — w Cytadeli. Ale sprawa już została załatwiona, a prócz tego w Centralnym Komitecie Narodowym pozostał Giller, przedstawiciel «rozumnych, umiarkowanych ludzi».

W czerwcowej dywersji Awejde nie brał udziału, ale była ona jedynie pierwszym aktem działań w łonie organizacji powstańczej tego kierunku, który zwykle nosi nazwę «prawego skrzydła czerwonych», a który obiektywnie pełnił funkcję agentury białych. Podkreślamy — o b i e k t y w n i e, ponieważ (nie zmieniają tu faktu możliwe kontakty tych czy innych przedstawicieli tego kierunku z białymi) działał on niezależnie od ospałej i niezdecydowanej Dyrekcji białych, prowadził z własnej inicjatywy w obozie czerwonych politykę, odpowiadającą interesom białych. Prąd ten miał swoich przedstawicieli w kierownictwie warszawskiej organizacji miejskiej i kiedy obwieszczenie o brance postawiło na porządku dziennym sprawę powstania, zaniepokojeni «wydziałowi» przeprowadzili nowy przewrót w Centralnym Komitecie Narodowym, powoławszy do jego składu m. in. Awejdego.

Nie mamy podstaw przypuszczać, że swoją zgodę na wstąpienie do organizacji powstańczej Awejde dał w porozumieniu z białymi, że jego stosunki z białymi w tym czasie były trwałe i określały jego działanie. Raczej odwrotnie,

* I. B a r a n o w s k i. Pamiętniki. Poznań, 1923, str. 396.

siła Awejdego polegała na tym, że on — duchowy zwolennik białych — całkowicie wszedł w życie powstańczej organizacji czerwonych, stając się wkrótce jakby nierozdzielny elementem jej kierownictwa.

Można z zaufaniem przyjąć oświadczenie Awejdego, że on i Jan Bohdanowicz, wchodząc w skład Centralnego Komitetu Narodowego stawiali sobie za zadanie zahamować przygotowania do powstania, «wyrwać spisek raz na zawsze z rąk fanatyków i anarchistów, stworzyć dla niego kierownictwo, głowę» (patrz str. 471). Słuszność tego twierdzenia ilustrują dwa ważne posunięcia, przyjęte przez Centralny Komitet Narodowy z inicjatywy Awejdego. Było to zamknięcie list członków organizacji powstańczej, posunięcie, którego sens jest zupełnie oczywisty, ale które nie ziściło nadziei Awejdego i zostało, jak sam przyznaje, obalone w toku wypadków. Lepiej powiodło się Awejdemu opracowanie instrukcji o przebudowie organizacji powstańczej, zastępujące system komisarzy wojewódzkich Centralnego Komitetu Narodowego (byli nimi wyłącznie przedstawiciele lewego skrzydła czerwonych) przez komitety wojewódzkie i powiatowe, co ułatwiło białym zdobycie kierownictwa w prowincjonalnych ogniwach organizacji. Nie jest przypadkiem, że Szwarce, najenergiczniejszy działacz lewego skrzydła czerwonych w Centralnym Komitecie Narodowym, odmówił wprowadzenia w życie tej instrukcji w podległych mu województwach.

Ogólna atmosfera zwiastująca burzę, nacisk dołów organizacji powstańczej, szemranie z powodu tego, że «komitet bieleje», wytworzyły warunki, w których przedstawiciele prawego nurtu i wahający się zmuszeni byli pójść dalej, aniżeli chcieli i mieli zamiar. Kiedy w końcu grudnia 1862 r. Awejde, korzystając z aresztowania Szwarcego, otrzymał zlecenie reorganizowania Centralnego Komitetu Narodowego, wykonał je tak, że był pewny jednolitego stanowiska utworzonej przez siebie prawicowo-umiarkowanej większości komitetu przeciwko Padlewskiemu. Ale Giller wołał nie przyjąć bitwy, a wahający się poszli za Padlewskim i Bobrowskim. Wówczas p r z e c i w n i k p o w s t a n i a Awejde znowu obejmuje stanowisko w kierownictwie organizacji. Trudno powiedzieć, czy da się to wytłumaczyć wahaniem samego Awejdego, czy też jego dążeniem, mimo porażki w sprawie zasadniczej, wywierania dalej wpływu na rozwój wydarzeń. Ale niewiara w powodzenie powstania, stałe oglądanie się w stronę tych, którzy, według jego własnego wyrażenia, winni byli być «głową», tj. w stronę «przyjaciół — białych», wciąż jeszcze charakteryzują postawę tego pseudorewolucjonisty.

W przededniu powstania Awejde, jedyny prawnik w Centralnym Komitecie Narodowym, redaguje tekst dekretów w sprawie chłopskiej. Dekrety te odzwierciadlają ukształtowaną już wcześniej linię Centralnego Narodowego Komitetu i nie ma powodu przypisywania tylko Awejdemu ich wąskiego zakresu, tej okoliczności, że były one krokiem wstecz w porównaniu z poprzednimi programowymi dokumentami polskiego ruchu wyzwolenczego, w szczególności zaś w porównaniu z manifestem krakowskim 1846 r. Oczywiście, nie od Awejdego można było oczekiwać nadania polityce powstańczego rządu większej rewolucyjnej konsekwencji.

W dalszym przebiegu wypadków Awejde nie należał do głównych organizatorów akcji, która doprowadziła do przyjęcia kierownictwa powstania przez białych. Znacznie więcej aktywności i energii wykazał Giller. Jednakże wystarczy zapoznać się z tymi stronami «Zapisek», gdzie Awejde ocenia przyjęcie w skład Rządu Narodowego Karola Ruprechta, gdzie opisuje proces jawnego już przekazywania całego kierownictwa w terenie w ręce białych, żeby ocenić

jak bardzo był pożyteczny i wygodny dla swoich przyjaciół — białych ten członek kierownictwa powstańczego, z którego nazwiskiem, po odejściu ze sceny Szwarcego, Padlewskiego, Bobrowskiego, wiąże się, o ironio losu! — wyobrażenie tradycyji czerwonego Komitetu Centralnego!

Po raz ostatni Awejde odegrał istotną rolę przyczyniając się do likwidacji groźnego dla białych kryzysu wywołanego przez bojowe elementy warszawskiej organizacji miejskiej. Awejde, odegrawszy rolę pośrednika przy przekazaniu władzy powstańczej w ręce Karola Majewskiego i okazawszy w ciągu pierwszych dwóch miesięcy swemu dawnemu współtowarzyszowi pomoc w umocnieniu «białego» kursu w kierownictwie powstania, podjął się misji «zaprowadzenia porządku» w organizacji litewskiej i 7 albo 8 sierpnia 1863 r. wyjechał do Wilna.

Wyjątkowo trudna sytuacja na Litwie w warunkach teroru stosowanego przez Murawiewa — Wieszatiela, masowe wycofanie się białych z powstania, niezajomość sytuacji w tym terenie* skłoniły wkrótce Awejdego do wyrzeczenia się prób odebrania kierownictwa powstania na Litwie z rąk Konstantego Kalinowskiego i jego współtowarzyszy. Awejde decyduje się powrócić do Warszawy, ale 3 września zostaje zaaresztowany na peronie dworcowym**.

* * *

Aresztowanie Awejdego było przypadkiem. W tym czasie w Wilnie, po nieudanym zamachu powstańców na gubernialnego marszałka szlachty Aleksandra Domejkę, z rozkazu Murawiewa przeprowadzano wielkie obławy. Przy poszukiwaniu terrorystów specjalną uwagę zwrócono na dworzec kolejowy, gdyż wiadomo było, że kilku uczestników zamachu przybyło z Warszawy. Podczas jednej z tych obław wpadł w ręce policji Awejde. Miał on legalny paszport wydany przez warszawskiego oberpolicmajstra na nazwisko buchaltera Ludwika Schmidta. Przyborowski relacjonując aresztowanie Awejdego mówi, że chcieli go zwolnić, ale Murawiew oświadczył: «Niech jeszcze posiedzi; zobaczymy, może się coś o nim wykryje». Później, już po dłuższym pobycie Awejdego w więzieniu zdradziły go odrastające włosy. Przed wyjazdem do Wilna Awejde ufderował swe blond włosy na czarny kolor. Wezwano go znowu na badanie i wtedy wymienił on swe prawdziwe nazwisko***. Opowiadanie to, w którym rzeczywiste fakty przeplatają się z dość prawdopodobnymi domysłami (cytowana rezolucja zgadza się zupełnie z duchem praktyki Murawiewa), sprawia wrażenie, jakoby zdemaskowanie Awejdego było rezultatem nieszczęśliwego zbiegu okoliczności. Tymczasem rzecz się miała nieco inaczej.

Jeżeli aresztowanie Awejdego rzeczywiście było sprawą przypadku, a znalezione przy nim dokumenty nie mogły być dostateczną podstawą do zatrzymania go w więzieniu, to przy pierwszym przesłuchaniu ujawniły się fakty, które zastanowiły sędziów śledczych. Zaaresztowany Schmidt, z zawodu buchalter, jak było podane w paszporcie, oznajmił, że w Warszawie pracował jako subiekt. Pobierając 45 rubli miesięcznie pensji (co było dość dobrym, jak na owe czasy, wynagrodzeniem), porzucił on swe dobre stanowisko i pojechał do Wil-

* Przyborowski przypisuje Awejdemu obszerne stosunki na Litwie i mówi, że był on «dobrze znany w Wilnie» (Historia dwóch lat, t. V, str. 312—313; Dzieje 1863 roku, t. V, str. 118). Awejde nigdy nie mieszkał na Litwie, jego znajomość z czasów uniwersyteckich w Petersburgu z Kalinowskim nie może chyba dać podstawy do takiego twierdzenia.

** Wszystkie daty w przedmowie podane są według nowego stylu.

*** P r z y b o r o w s k i. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 120—121.

na nie mając żadnych konkretnych widoków na otrzymanie posady. Już same to wydawało się dziwne. Ale jeszcze dziwniejsze było zachowanie «bezrobotnego subiekta», który po przyjeździe do Wilna zamieszkał na początku w hotelu, wynajął sobie służącego [!], któremu płacił 9 rubli miesięcznie, i w ciągu niecałego miesiąca zdołał wydać 118 z posiadanych 170 rubli. Naturalnym rezultatem było zatrzymanie Awejdego i skierowanie do Warszawy odpowiedniego zapytania. W ten sposób Awejdego zgubiło zadziwiające lekceważenie elementarnych zasad konspiracyjnego działania.

Historia ufarbowanych włosów, która jeszcze bardziej spotęgowała podejrzania władz, miała miejsce istotnie. Świadczą o tym zeznania, w których Awejde wyjaśniał, kiedy zaczął farbować włosy. Po upływie roku o tym epizodzie opowiadał Pantelejewowi, który siedział w celi zajmowanej poprzednio przez Awejdego, członek komisji śledczej N. W. Gogel*. Jednak sądząc z urzędowej korespondencji dopiero po otrzymaniu z Warszawy nieprzychylnych dla rzekomego Schmidta informacji w kwietniu 1864 r. śledztwo w jego sprawie zostało wznowione i 14 kwietnia sprawę skierowano do Specjalnej Komisji Śledczej.

Już 22 kwietnia Awejde podał swe właściwe nazwisko i złożył pierwsze krótkie zeznania o swojej działalności. W odpowiedzi na dalsze zapytania sędziów śledczych napisał on obszernie zeznanie, którego dwie części noszą daty 9 (21) maja i 20 maja (1 czerwca) 1864 r. i które w istocie są pierwowzorem, pierwszym wariantem jego przyszłych «Zapisek».

W tym stadium śledztwa Awejde trzyma się jeszcze z pewną godnością. Przekonany, że czeka go kara śmierci, nie czyni prób uratowania swego życia zdradzieckimi zeznaniami i oświadcza, że nie wymieni nazwisk żadnych osób, o których nie ma pewności, że już zginęli. Dodajmy jednak, że już w pierwszym zeznaniu obok nazwisk straconych i poległych przywódców powstania: Padlewskiego, Bobrowskiego, Leona Frankowskiego, Kalinowskiego, Tytusa Dalewskiego, Awejde wymienia również Du Laurensa, Małachowskiego, Suchodolskiego, o których losie nie mógł mieć żadnych wiadomości, jak również zaarrestowanych członków litewskiej organizacji: Kolpa, Orzeszkę, Gażeńca, którym mogły zaszkodzić nawet skąpe zeznania Awejdego o ich osobach.

Swoj pierwszy szkic prehistorii i początkowego okresu powstania Awejde pisze nie myśląc o możliwości uratowania swego życia, jako rodzaj testamentu politycznego skierowanego, o czym mówi tekst, nie tyle do sędziów śledczych, co do społeczeństwa rosyjskiego i polskiego. Okoliczności napisania tej zapiski przekonują nas, że naświetlenie opisywanych w niej procesów i faktów (o ile to było możliwe bez przytaczania nazwisk) podane zostało przez Awejdego szczerze i że odtwarzał w niej swoje prawdziwe poglądy, bez względu na to, jakie wrażenie zapiska wywrze na przedstawicieli władz carskich. Ma to istotne znaczenie, gdyż podstawowe poglądy wyłożone w tej zapisce zgadzają się z późniejszymi wypowiedziami Awejdego.

Chociaż przebijający z zapiski duch niewiary w powodzenie rewolucyjnej walki i zwrócenie się przez Awejdego z prośbami do Murawiewa wskazywały na to, że nieugiętość więźnia bynajmniej nie jest niezłomna, wileńskie władze śledcze nie przejawiały specjalnej chęci wydobycia z Awejdego dalszych zeznań. Sprawa Awejdego uważana była za zakończoną w śledztwie i z inicjatywy Murawiewa postanowiono przekazać Awejdego władzom sądowym w Warszawie. Po wyrażeniu zgody władz warszawskich Awejdego przewieziono

* Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 179—180.

do Warszawy i 7 sierpnia 1864 r. znalazł się on w więzieniu przy ulicy Pawiej (w słynnym «Pawiaku»). Dalsze śledztwo zlecono Stałej Komisji Śledczej przy namiestniku.

Wbrew istniejącemu w literaturze przekonaniu *, warszawska Komisja Śledcza od razu uzyskała zgodę Awejdego na danie obszernych zeznań i ujawnienie wszystkiego, co wiedział o wszystkim i o *wszystkich*. Wystarczy zestawić datę przybycia Awejdego na Pawiak z datą 20 sierpnia, którą nosi raport przewodniczącego Stałej Komisji Wojenno-Śledczej, generała-majora Rozwadowskiego, podający treść pierwszych zeznań Awejdego, by się przekonać, że w istocie rzeczy Awejde nie okazywał już żadnego oporu władzom śledczym.

Nie ma potrzeby opowiadać treści zeznań Awejdego. W ciągu trzech miesięcy, odpowiadając na coraz to nowe zapytania Komisji, Awejde wymienił setki nazwisk osób należących do najróżnorodniejszych ogniw organizacji powstańczej, wśród nich również dziesiątki nazwisk ludzi znajdujących się w granicach zasięgu carskich organów karzących. O roli w powstaniu większości tych osób organy śledcze nie miały do tej pory żadnych wiadomości.

Popełniając zdradę Awejde starał się uspokoić nieczyste sumienie deklaracjami o tym, że jeżeli na porządku dziennym stanie sprawa stosowania kary śmierci, prosi on raczej zastosować ją do siebie, aniżeli do kogokolwiek z aresztowanych wskutek jego zeznań. Zresztą w tym samym elaboracie przyznaje on, że składa szczere zeznania właśnie dlatego, żeby uniknąć kary śmierci i nie powiększać nieszczęścia swoich rodziców. W ten sam sposób Awejde, wymieniwszy w pierwszym zeznaniu członków Trybunału Rewolucyjnego, w następnych starał się możliwie wybielić ich w oczach sędziów śledczych. W niektórych wypadkach Awejde uchylił się, zarówno w swych zeznaniach, jak i w «Zapiskach», od ujawnienia dobrze mu znanych wiadomości o charakterze uczestnictwa w powstaniu poszczególnych osób, na przykład głównej postaci rządu «czerwonych prawników», Franciszka Dobrowolskiego **. Naturalnie, że te pojedyncze fakty nie zmieniają faktu zdrady popełnionej przez Awejdego.

Już w pierwszym zeznaniu Awejde oświadczył gotowość ułożenia historycznego szkicu o wybuchu i rozwoju powstania. Prace nad tym szkicem — «Zapiskami o polskim powstaniu 1863 roku» — rozpoczął już w końcu sierpnia, jak o tym świadczy raport Rozwadowskiego z 1 września 1864 roku złożony Bergowi. W miarę powstawania «Zapisek» komisja przesyłała je poszczególnymi zeszytami do namiestnika. Razem od 17 września 1864 r. (data przesłania pierwszego zeszytu) do 6 maja 1865 r. (data przesłania ostatniego) przesłano Bergowi 34 zeszyty zawierające pełny tekst «Zapisek», przeciętnie zeszyt tygodniowo ***.

Równoległe z pisaniem «Zapisek» do połowy listopada Awejde składał zeznania w Komisji. W następstwie, gdy w toku pracy nad «Zapiskami» ujawniało się, że zawierają one nazwiska osób, które nie figurowały w zeznaniach na śledztwie, zaczęto przygotowywać odpowiednie kwerendy dla celów policyjnych, które Rozwadowski przedkładał namiestnikowi obok swych raportów. Większość brulionów tych kwerend policyjnych zaczyna się zwykle formułą: «Z zapisek Awejdego wynika, że następujące osoby, nie wymienione

* Przyborowski. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121; S. Kieniewicz. Wstęp do wydawnictwa: Z. Janczewski, K. Majewski, O. Awejde, W. Daniłowski. Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym. Wrocław, 1956, str. XII.

** Zaznaczone przez S. Kieniewicza. Op. cit., str., XXV.

*** AGAD, Stała Komisja Śledcza, Nr. 1707, k. 1—2.

w poprzednich zeznaniach, brały udział w rewolucji», i nakreślona jest ręką... samego Oskara Awejdego.

Czas przebywania Awejdego w separacie na Pawiaku wypełniony był gorączkową pracą. Jeszcze we wrześniu — październiku 1864 roku, kiedy obok pisania «Zapisek» był on zywany na badania do Komisji Śledczej, Awejde ułożył dla namiestnika memoriał zatytułowany: «Niektóre myśli i uwagi dotyczące systemu zarządzania i w ogólności posunięć rządu w Królestwie Polskim w chwili obecnej»; memoriał ten Komisja przedstawiła Bergowi 8 października 1864 r.* Później Awejde układa szereg specjalnych informacji dla organów śledczych w Wilnie, Kijowie, składa zeznania przybyłemu umyślnie w tym celu do Warszawy członkowi Wileńskiej Specjalnej Komisji Śledczej porucznikowi Juganowi itp.

Zeznania, «Zapiski», memoriał Awejdego z dużym zainteresowaniem i pewnego rodzaju życzliwością czytane były przez namiestnika. Kiedy w grudniu 1864 roku Stała Komisja Śledcza została zlikwidowana, a jej przewodniczący Rozwadowski został przeniesiony «do dyspozycji namiestnika Królestwa Polskiego», nie odbiło się to na sytuacji Awejdego. Pozostawał on dalej jakby «personalnym więźniem śledczym» Rozwadowskiego, który jak dawniej składał namiestnikowi raporty załączając kolejne zeszyty «Zapisek» i nowych zeznań Awejdego.

Przez pewien czas władze zachowywały w tajemnicy fakt zeznań Awejdego. Nawet przy zapytaniach adresowanych do generała-policmajstra T. T. Trepowa i przy przesyłaniu wyciągów z zeznań Awejdego do Wilna, używano mglistych formuł w rodzaju: «Według zeznań niektórych więźniów politycznych» itp., a próby otrzymania bardziej konkretnych danych nie były uwzględniane: «Imię i nazwisko składającego zeznanie z pewnych względów nie może być zakomunikowane»**.

W maju 1865 roku Awejde zakończył swe «Zapiski». Na krótko przed otrzymaniem ostatniego zeszytu 11/23 kwietnia Berg w piśmie do Aleksandra II wspomina o k s i ą ż c e Awejdego, zaznaczając, że jest ona bardzo ciekawa***. Jak widać, już wówczas postanowiono drukować «Zapiski».

Tymczasem na początku 1865 r. na skutek prowokacji zorganizowanej przez Trepowa i wykonanej przez jego agenta Aleksandra Zwierzchowskiego powrócili nielegalnie do kraju z emigracji i wpadli w ręce policji: Zdzisław Janczewski, Władysław Daniłowski i Władysław Rudnicki. W toku śledztwa, które prowadziła Tymczasowa Wojenna Komisja Śledcza pod przewodnictwem pułkownika Tuchołki, uwięzieni złożyli obszerne zeznania. W czerwcu 1865 r. w celu złożenia dodatkowych zeznań ściągnięty został do Warszawy z zesłania Karol Majewski, który po kilku miesiącach wypierania się zaczął też w końcu października 1865 r. składać obszerne zeznania.

W związku z toczącym się śledztwem Awejde był znowu zywany na konfrontacje, a zarazem w celu składania dodatkowych zeznań. Następnie Janczewski (jak należy przypuszczać z inicjatywy członka Komisji Śledczej porucznika Piotra Cugałowskiego) zabrał się do napisania historycznego opisu powstania. Rękopis Janczewskiego, który przy pisaniu zapewne miał możliwość korzystania z «Zapisek» Awejdego, przeglądali inni więźniowie, wśród nich również

* AGAD, Stała Komisja Śledcza, Nr. 1707, k. 4—75.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 экп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 77, 204; ЦГИАЛ, ф. 930, д. 131, лл. 2—4.

*** ЦГИАМ, ф. 728, д. 2742, т. III, лл. 143—144.

Awejde, i zaopatrywali szkic Janczewskiego swoimi, niekiedy bardzo obszernymi komentarzami.

Jesienią 1865 r. Tymczasowa Wojenno-Słedcza Komisja przeniosła się z Pawiaka do Cytadeli. Tam też przeprowadzono grupę więźniów. W Cytadeli Awejde umieszczony został w jednej celi z Daniłowskim. Władze carskie wykonawszy zadania śledcze musiały powziąć decyzję o losie więźniów. 20 lipca 1866 r. Berg zwraca się w tej sprawie do szefa żandarmów P. A. Szuwałowa z następującym listem poufnym:

«Przebywający blisko od trzech lat w Aleksandrowskiej Cytadeli w Warszawie więzień polityczny Oskar Awejde i znajdujący się pod śledztwem prawie od roku współtowarzysz jego z organizacji rewolucyjnej Karol Majewski uczynili szczerze i bardzo ważne pod wielu względami zeznania, które przyczyniły się do wykrycia i zatrzymania wielu członków rewolucyjnej organizacji. Prócz tego Oskar Awejde ułożył w czasie pobytu w więzieniu w Cytadeli zapiski o ostatnim polskim powstaniu, dość ciekawe i tłumaczące wiele wydarzeń tego czasu. Utwór ten, wydrukowany z mego polecenia w bardzo ograniczonej liczbie egzemplarzy, jest ciekawy również z tego względu, że przypisaniu takowego Oskar Awejde nie tylko nie mógł widzieć się z Karolem Majewskim, ale również nie mógł mieć z nim żadnych kontaktów, a tymczasem wszystko, co tam zostało podane w zupełności zgadza się z zeznaniami złożonymi przez Majewskiego i może być najlepszym dowodem prawdziwości i szczerości zeznań obu przestępców.

Rzeczni przestępcy polityczni: Oskar Awejde i Karol Majewski, jako przestępcy pierwszej kategorii, podlegają sądowi wojennemu, i na podstawie prawa winni być skazani na katorgę w kopalniach. Ale biorąc pod uwagę uczynione przez nich bardzo ważne historyczne rewelacje, o czym Wasza Książęca Mość może się osobiście przekonać podczas przejrzenia samego utworu, długi okres uwięzienia ich w Cytadeli i szczerą skruchę z powodu zbrodni, do jakich zostali wciągnięci po części na skutek swej młodości, uważałbym — biorąc też pod uwagę liczne przykłady Najwyższej łaski w podobnych wypadkach — za możliwe, by ulżyć ich doli, nie przekazując ich sądowi wojennemu poprzestać na ukaraniu ich zesłaniem do oddalonych miejscowości Cesarstwa, skąd ucieczka byłaby dla nich niemożliwa, i pozostawieniem ich tam pod surowym nadzorem policji.

Najpokorniej upraszam by Wasza Książęca Mość zechciała przekazać tę moją opinię pod najtaskawszą rozważę Najjaśniejszego Pana, a o jego najwyższej decyzji w tym względzie zechciała mnie zawiadomić.

Jednocześnie mam zaszczyt załączyć przy niniejszym dwa egzemplarze wydrukowanych w 4 tomach «Zapisek» Oskara Awejdego i prosić Łaskawego Pana, o wręczenie jednego egzemplarza tego utworu Jego Cesarskiej Mości. Wyciągu z zeznań Karola Majewskiego, który znajduje się jeszcze w druku, nie omieszkać dostarczyć Waszej Książęcej Mości w niedługim czasie*.

Zauważmy, że wiarygodność materiałów Awejdego i Majewskiego przez fakt ich zbieżności zaznacza również M. W. Berg**. W ogólności można się z tym zgodzić, chociaż powołanie się na to, że nie było żadnych kontaktów między Awejdem a Majewskim, obala świadectwo Daniłowskiego, że od momentu przeniesienia ich do Cytadeli (było to właśnie w tym czasie, kiedy Majewski pisał albo też dyktował swe zeznania) Awejde i Daniłowski stale porozumiewali

* ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 292—294.

** M. W. Berg. Op. cit., t. I, str. 13.

się bez przeszkód ze znajdującym się w sąsiedniej celi Majewskim za pośrednictwem otworu wydrążonego w ścianie dzielącej ich cele*. Nie wykłuzzone, że Majewski dla uniknięcia dalszych śledztw unikał w swoich zeznaniach rozbieżności z Awejdem, o treści zaś jego zeznań mógł bezpośrednio informować się u Awejdego.

Wniosek namiestnika zaaprobowano: Awejde i Majewski zostali bez wyroku sądowego zesłani w drodze administracyjnej do guberni Wiackiej. Awejde został wysłany z Warszawy we wrześniu 1866 r. Na początku zesłano go do wsi Turek w powiecie Urzumskim, a w początku 1867 r. przeniesiono go do miasta Głazow. Instrukcja przewidywała skierowanie Awejdego i Majewskiego do oddalonych powiatów guberni, gdzie nie było zesłanych powstańców polskich. Dlatego też kiedy Awejde zwrócił się z podaniem o przeniesienie go do Wiatki, ponieważ nie może znaleźć pracy w tak zapadłym kącie jak Głazow, gubernator wiacki nie odważył się zdecydować w tej sprawie i popierając prośbę Awejdego, zwrócił się po wskazówki do ministra spraw wewnętrznych (grudzień 1867 r.)**. Zezwolenie na przeniesienie Awejdego do Wiatki było dane natychmiast, dość ciekawe jest objaśnienie dlaczego od razu skierowano go do zapadłej mieściny: «zesłanie Awejdego do najdalszego z miast guberni Wiackiej, w którym nie ma nikogo z zesłańców-Polaków, miało na celu właściwie ochronę Awejdego od szykań ze strony zesłańców, bowiem przyczynił się on do wykrycia uczestników ostatniego powstania polskiego»***.

Na zesłaniu Awejde jeszcze raz próbuje swych sił w charakterze historyka. Na prośbę wiackiego gubernatora pisze on w 1868 roku «Krótki szkic ostatnich wydarzeń w Polsce w latach 1861—1864» (zachowała się tylko pierwsza część, doprowadzona do początków powstania)****. Jest to jeszcze jeden, krótszy wariant tego opisu wypadków, który zawarty jest w zeznaniach wileńskich z 1864 roku, a następnie w «Zapiskach».

Wielokrotne próby Awejdego, by otrzymać pozwolenie na powrót do kraju, nie zostały uwieńczone powodzeniem. W 1867 r. po ogłoszeniu manifestu o złagodzeniu kar byłych powstańców, Awejde i Majewski rozpoczęli starania o zezwolenie na powrót i otrzymali od gubernatora odpowiednie dokumenty. Jednakże wkrótce nadeszło telegraficzne rozporządzenie z Petersburga z nakazem zatrzymania Awejdego i Majewskiego w guberni Wiackiej. Gubernator za popełnioną gafę otrzymał surową naganę z Ministerstwa; zwrócono mu uwagę, że «łaska monarchy» nie rozciąga się na Majewskiego i Awejdego, jako na zesłanych administracyjnie, a nie skazanych przez sąd na zesłanie. Właściwą przyczyną odmowy był komunikat namiestnika Berga, że powrót Awejdego i Majewskiego do Polski jest niepożądany*****. Majewski zdążył już był wyjechać z guberni Wiackiej jeszcze przed otrzymaniem pisma z Ministerstwa i zatrzymany w drodze został zesłany do guberni Tambowskiej, skąd zdołał jednak później wrócić do kraju. Awejdemu odebrano zezwolenie jeszcze przed wyjazdem z Głazowa.

Nowa prośba o zezwolenie na powrót do kraju złożona w 1871 roku zakończyła się zezwoleniem na osiedlenie się w guberni astrachańskiej, z czego Awejde nie skorzystał*****.

* Wł. Daniłowski. Notatki do pamiętników. Kraków, 1908, str. 484.

** Гос. архив Кировской обл. (ГАКО), ф. 582, оп. 130, д. 101, лл. 129—130.

*** Ibidem, k. 133.

**** Opublikowane przez Cz. Jasińskiego (E. Przybyszewskiego) — «Красный архив», 1933, т. II (VII), стр. 100—139. Oryginał — ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 566, лл. 342—424.

***** Патрз ГАКО, ф. 582, оп. 130, д. 101, лл. 101—102, 107, 118, 158.

***** Ibidem, k. 164.

Ograniczenia, którym podlegał Awejde, stopniowo uchylano: zwolniono go z nadzoru policyjnego, później uchylono zakaz obejmowania przez niego stanowisk w urzędach państwowych i instytucjach społecznych, ale prawa powrotu do kraju nie mógł jednak uzyskać. Podjęte na nowo starania w 1874 r. załatwione zostały odmownie przez następcę Berga, warszawskiego generała-gubernatora Kötzebuego, który uważał za wskazane «odczekać»*. Taka sama odpowiedź nadeszła w 1879—1880 r.**

W pierwszych latach zesłania położenie materialne Awejdego było ciężkie, ale później sytuacja jego poprawiła się; otrzymał możliwość zajmowania się adwokaturą. W osiemdziesiątych latach wstąpił w związki małżeńskie. Myśl powrotu do ojczyzny albo przynajmniej odwiedzenia kraju nie opuszczała go, o czym świadczy pismo wiackiego gubernatora do Departamentu Policji o wydanie Awejdemu paszportu z prawem zamieszkania we wszystkich miejscowościach Cesarstwa (październik 1886 r.)***. Jeżeli Awejde skorzystał z tego zezwolenia, to chyba jedynie dla krótkotrwałej podróży. Stale przebywał jak dawniej w Wiatce, gdzie umarł 20 sierpnia 1897 r.**** i, jak informuje Przyborowski, przed śmiercią spalił wszystkie swoje papiery*****.

. * * *

Z tego, cośmy powiedzieli wyżej, wynika, że zespół materiałów dokumentalnych, powstałych w toku śledztwa nad sprawą Oskara Awejdego, jest dość pokaźny. Rozpatrzymy w porządku chronologicznym los każdej grupy tych dokumentów, wyjaśniając przy okazji sposób wykorzystania zachowanych materiałów w niniejszym wydaniu.

Pierwszą grupę stanowią akta śledcze Wileńskiej Specjalnej Komisji Śledczej. Zestaw i treść tych akt nie są nam znane; odnośny poszyt przesłano razem z Awejdem do Warszawy i prawdopodobnie włączono jako początkową grupę materiałów do akt Stałej Komisji Śledczej; później podzieliły one los wszystkich akt tej Komisji.

Tymczasem w Wilnie pozostały akta kancelaryjne z korespondencją dotyczącą Awejdego. W tych aktach znajduje się kopia pierwszego zeznania Awejdego z 10 kwietnia st. st. 1864 r. Oryginał prawdopodobnie został przesłany razem z aktami śledztwa, ponieważ sprawozdania Stałej Komisji Śledczej przytaczają go prawie dosłownie. Wymieniony tom akt kancelaryjnych znajduje się obecnie w Archiwum Partyjnym Komitetu Centralnego Komunistycznej Partii Białorusi (f. 4384, op.1, d. 7). Zbiór to nie duży, akta te, odtwarzające historię aresztowania Awejdego, śledztwa w Wilnie i przesłania go do Warszawy, zostały włączone do niniejszego tomu (dokumenty 1—5, 7—15). W tymże poszycie znajduje się kopia informacji o litewskiej organizacji powstańczej, napisanej przez Awejdego na prośbę W. F. Ratzcha (k. 28—32).

Z nieznanych przyczyn znalazło się poza tomem akt śledczych i nie zostało zakomunikowane do Warszawy nawet w kopii (nie było ono znane Stałej Komisji Śledczej) obszerne zeznanie Awejdego, spisane w maju 1864 r. Obecnie stanowi ono oddzielny tom akt i przechowuje się w tym samym archiwum

* Ibidem, k. 192; ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 357—358.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 374—379.

*** Ibidem, k. 381—384.

**** Ustalenie daty zawdzięczam poc. Instytutu Pedagogicznego w Kirowie W. Fomienkowej.

***** Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

(f. 4384, op. 1, d. 9) *. Jest to autograf Awejdego w języku rosyjskim na 22 kartkach dużego formatu. Szereg uwag poczynionych na rękopisie niebieskim i czerwonym ołówkiem przypisać należy prawdopodobnie Murawiewowi **. Dokument ten ogłasza się w niniejszym tomie (nr 6).

Zeznanie Awejdego z 10 kwietnia 1864 r. znane było Eugeniuszowi Przybyszewskiemu (Cz. Jasińskiemu), który cytuje je w przedmowie do wspomnianej publikacji ***. Po zestawieniu z innymi cytowanymi przezeń dokumentami przypuszczamy, że korzystał on z oryginału zeznań przechowanego w Warszawie. Zeznanie z maja 1864 r. znane było (de visu?) W. Przyborowskiemu, który mówi: «Opisał wszystko na jedenastu arkuszach po rosyjsku i podpisał się także po rosyjsku» ****. Jedenaście podwójnych arkuszy (folio) odpowiada 22 kartkom rękopisu Awejdego.

Następny etap sprawy Awejdego związany był ze Stałą Komisją Śledczą. Już przed wojną w archiwach warszawskich, gdzie akta z tego okresu winny były się znajdować, według informacji W. Nagórskiej-Rudzkiej akt tych nie było *****. W warszawskim Archiwum Akt Dawnych znajdowały się natomiast «urywki zeznań w rosyjskiej kopii, przy czym część pierwsza niedrukowana», a w Bibliotece Krasieńskich «arkusze oryginalnych zeznań» *****. Wszystkie te materiały, równie jak i zeznania Awejdego, załączone do akt Majewskiego, Daniłowskiego, Janczewskiego, przechowywane w archiwach warszawskich, zginęły podczas wojny.

Jedynym wyjątkiem jest tom, przechowywany obecnie w AGADzie (Stała Komisja Śledcza, nr 1707). Zawartość tego tomu (są tam jedynie kopie) jest następująca: 1) wyciąg z dziennika Komisji o przedłożeniu namiestnikowi zeszytów «Zapisek» Awejdego (k. 1—2); 2) memoriał do Berga, wspomniany wyżej (k. 4—75); 3) trzydziesty trzeci zeszyt «Zapisek» Awejdego (k. 77—136); 4) zeznania Awejdego o wydarzeniach na Litwie, przesłane 22 czerwca 1865 r. do Wilna (k. 138—180).

Z materiałów tych memoriał do Berga został włączony do niniejszego tomu (nr 20), rękopiśmienny tekst części «Zapisek» Awejdego wyzyskany został w tekstowych przypisach.

W związku z tym, że akta śledcze Awejdego nie dochowały się, szczególnego znaczenia nabierają zachowane w CGIAM akta kancelaryjne Stałej Komisji Śledczej w tejże sprawie. Prawdopodobnie władze centralne zażądały ich kiedyś z Warszawy, a przy porządkowaniu archiwum, akta te, zgodnie z

.....

* Prawdopodobnie obydwaj poszyty należały do tomu, zaznaczonego w inwentarzu archiwum wileńskiego (inwentarz został sporządzony na krótko przed drugą wojną światową) jak «Sprawa Oskara Awejdy (jako Ludwika Szmidta)». W dzisiejszym Centralnym Archiwum Historycznym Litewskiej SRR tego tomu (f. 439, op. 1, d. 103) brak.

** W Instytucie Rosyjskiej Literatury Akademii Nauk ZSRR (IRLI) w zespole rękopisów czasopisma «Russkaja Starina» znajduje się kopia tego zeznania Awejdego (f. 265, op. 10, d. 1) przysłana do redakcji przez Mikołaja Piotrowicza Stiepanowa 1 lipca 1871 r. (rozycja nr 419 inwentarza: «Опись рукописей и документов, поступивших в редакцию «Русской старины», т. 1, с 1870 по 1874 г.», str. 60—IRLI, f. 265, b. n.). Inna kopia tegoż zeznania (czas powstania kopii nie jest zaznaczony) znajduje się w zespole M. P. Pogodina w Wydziale rękopisów Państwowej Biblioteki im. Lenina (f. 231, rozdz. III, kart. 1, d. 1).

*** Cz. Jasiński. Op. cit., str. 105.

**** Przyborowski. Dzieje 1863 roku, t. V, str. 121.

***** Wydaje się przeczyć temu fakt, że Jasiński-Przybyszewski cytuje brakujące w innych zbiorach, ale oczywiście zawarte w aktach śledczych zeznanie Awejdego z 19 sierpnia 1864 r. Por.: op. cit., str. 105.

***** Polski Słownik Biograficzny, t. I, str. 191.

treścią, dołączone zostały jako aneks do akt z zespołu III Wydziału, w którym znajdowały się dokumenty dotyczące Awejdego. Ten tom (f. 109, 1 eksp., 1863 r., d. 23, cz. 254, lit. «A») wraz z korespondencją tyżącą się Awejdego zawiera niektóre dokumenty dotyczące spraw Piotra Kobylańskiego, Karola Majewskiego i Stosława Łaguny, w szczególności zapytania skierowane do Majewskiego i Łaguny do miejsca ich zesłania w guberni Woroneskiej i odpowiedzi na te zapytania. O ile można sądzić, akty te nie zostały wyzyskane przez badaczy.

Zawarte w aktach tych dokumenty związane z Awejdem (przeważająca większość tomu) można podzielić na trzy grupy:

1) raporty Rozwadowskiego przedkładane Bergowi, omawiające zawartość zaginionych zeznań Awejdego na śledztwie; dokumenty te włączone zostały do niniejszego tomu (nr 16, 19, 21, 22);

2) dwa zeznania napisane własnoręcznie przez Awejdego już po ukończeniu śledztwa, czym też można wytłumaczyć załączenie ich nie do akt śledztwa, lecz do korespondencji; oba włączono do niniejszego tomu (nr 23 i 24);

3) informacje załączone do raportów Rozwadowskiego przedkładanych Bergowi z wykazem wymienionych w «Zapiskach» Awejdego osób nie zanotowanych w materiałach śledczych, jak również korespondencja dotycząca odnalezienia niektórych z nich; dokumenty te wyzyskane zostały w komentarzach do «Zapisek» Awejdego. W skład tomu włączono jedynie sumaryczny raport Rozwadowskiego dla Berga w związku z zakończeniem pracy Awejdego nad «Zapiskami» (nr 25).

Do samych «Zapisek» powrócimy nieco później, obecnie zatrzymamy się na pozostałych materiałach archiwalnych, których autorem jest Awejde.

Jedna grupa tych dokumentów związana jest ze wspomnianym wyżej ogólnym śledztwem, w którego materiałach dokumenty Awejdego ściśle związane są z dokumentami Janczewskiego, Daniłowskiego, Rudnickiego i Majewskiego. Ten wielki kompleks dokumentów rychło uległ podziałowi: część akt przechowywana była nadal w archiwach warszawskich i uległa zniszczeniu w czasie wojny; dwa tomy znalazły się w Bibliotece Jagiellońskiej w Krakowie i zostały wydane w 1956 roku przez Stefana Kieniewicza (op. cit.); większa ilość materiałów znalazła się w posiadaniu członka Tymczasowej Komisji Śledczej Piotra Cugałowskiego i od 1904 roku razem z niektórymi innymi jego materiałami znalazły się one w Dziale Rękopisów Państwowej Biblioteki im. M. E. Sałtykowa-Szczedrina w Leningradzie. Te dokumenty (wśród nich również materiały Awejdego) ukazą się jako odrębny tom niniejszej serii. W zakres tego tomu prawdopodobnie wejdą również dokumenty dotyczące Majewskiego z korespondencji Stałej Komisji Śledczej.

Drugą grupę materiałów Awejdego stanowią napisane przezeń specjalne informacje, zeznania, jak również wypisy z jego zeznań w sprawach organizacji powstańczych na Litwie, Ukrainie, Rosyjskiego Komitetu Wojennego (Komitet oficerów rosyjskich w Polsce) itp. zrobione przez Komisję Śledczą. Obok wyżej wymienionych «litewskich» materiałów Archiwum Partyjnego przy Komitecie Centralnym Komunistycznej Partii Białorusi (f. 4384, op. 1, d. 7, k. 28—32) i AGAD (Stała Komisja Śledcza, nr 1707, k. 138—180) szereg takich dokumentów w oryginałach bądź też w kopiach znajduje się w CGIAM, CGIA Litewskiej SRR w Wilnie, CGIA Ukraińskiej SRR w Kijowie. Kolegium Redakcyjne tej serii postanowiło wyzyskać ten materiał w tomach o właściwej tematyce, tj. poświęconych ruchowi na Litwie i Białorusi, na Ukrainie oraz rosyjsko-polskim stosunkom rewolucyjnym.

Decyzja redakcji, by nie włączać do tomu wiackiej zapiski Awejdego, pomimo że charakterem swym jest ona bliska podstawowym materiałom niniejszego tomu, oparta jest na tym, że została ona opublikowana w 1933 roku i jest stosunkowo łatwo dostępna.

Wreszcie kilka uwag o «Zapiskach» Oskara Awejdego. Żadnych wiadomości o rękopisie «Zapisek» nie ma w literaturze przedmiotu, podstawą wydania w tym wypadku mógł być jedynie opublikowany tekst z 1866 roku. Ale jeżeli nawet nie mamy podstawy dla krytycznej analizy tekstu można jednak wypowiedzieć niektóre uwagi w tym względzie.

Pierwsze pytanie — w jakim języku zostały napisane «Zapiski»? Na pierwszy rzut oka pytanie takie wydaje się nieuzasadnione, w literaturze przedmiotu wciąż napotykaśmy formułę: «przekład na język rosyjski»*, wreszcie na samej książce jest napis: «tłumaczenie z polskiego». Sprawa jednak nie jest tak prosta. Po pierwsze, napis: «tłumaczenie z polskiego» wydrukowany jest jedynie na tomie I i II wydania z 1866 roku, na III i IV tomie takiego napisu brak**; można to różnie interpretować: albo jest to rezultat niedopatrzenia, albo też świadome opuszczenie. Po wtóre, zarówno M. W. Berg, jak i Przyborowski przedstawiają tę sprawę w ten sposób, jakoby namiestnik nakazał przetłumaczyć na rosyjski i wydrukować wykończony już tekst «Zapisek». (Zresztą Berg mówi jednocześnie o książce Majewskiego i nakaz tłumaczenia może się odnosić jedynie do tej książki.) Wypowiedź obu tych historyków jest dość autorytatywna, mogli się oni opierać i na pewno opierali się na jakiejś ustnej tradycji, w ich czasach stosunkowo niedawnej (Przyborowski nawet wymienia redaktora «Zapisek» — pułkownika sztabu generalnego Bielińskiego). Ale jak powiązać z tym fakt, że «Zapiski» Awejdego prezentowano co tydzień namiestnikowi poszczególnymi zeszytami, przy czym, przynajmniej znaną nam część IV tomu, w języku rosyjskim? Czy nie nasuwa to wątpliwości co do twierdzenia o tłumaczeniu «Zapisek» jako całości w związku z drukiem? Czy można pogodzić tę sprzeczność?

Uważamy, że brak uwagi: «Tłumaczenie z polskiego» na III i IV tomie «Zapisek» nie jest przypadkiem, ale odzwierciedla rzeczywisty stan rzeczy, tzn. fakt, że Awejde pisał po rosyjsku. Że Awejde, kandydat praw uniwersytetu petersburskiego, znał język rosyjski, tego dowodzić nie trzeba. Rozporządzamy również konkretnym materiałem dla oceny tej sprawy — jest to obszerna zapiska wileńska Awejdego, napisana (jak można w każdym razie sądzić z drugiej jej części) bardzo szybko, z nieznaczną ilością skreśleń, nawet prawie bez błędów gramatycznych, z pewną ilością polonizmów, łatwo jednak dających się usunąć przy redagowaniu. Ale polonizmy, choć nieco rzadziej, napotykaemy również w drukowanym tekście «Zapisek», a sam styl i terminologia obu utworów są bardzo zbliżone (przypomnijmy, że wileńska zapiska nie była znana warszawskim sędziom śledczym), nawet chaotyczna interpunkcja wskazuje na jedną i tę samą rękę. Gdyby nie twierdzenie Berga i Przyborowskiego, raczej bylibyśmy skłonni wątpić o tym, że I i II tom «Zapisek» były tłumaczone z polskiego. Hipotetycznie sprzeczności w tym względzie można rozwiązać w ten sposób, że Awejde zaczął pisać swe «Zapiski» w języku polskim i na po-

* Patrz Berg. Op. cit., t. I, str. 13; W. Przyborowski. Dzieje 1863 r., t. V; K i e n i e w i c z. Op. cit., str. XV.

** Zauważmy, że jeżeli jeszcze w końcu II tomu jedna z nielicznych uwag nieautorskich zaznaczona jest jako «uwaga tłumacza» (patrz str. 394), to w III i IV tomie takich dopisków nie ma i tylko w jednym wypadku jest uwaga «przypis redakcji» (patrz str. 526).

czątku namiestnikowi przedstawiano streszczenia poszczególnych zeszytów w języku rosyjskim (przygotowanie pełnych przekładów przy takim tempie pracy jest mało prawdopodobne). Później zapoznanie się z pełnym tekstem napisanych już po rosyjsku (dodajmy: najważniejszych) zeszytów «Zapisek» Awejdego skłoniło namiestnika do podjęcia decyzji wydrukowania «Zapisek», a w związku z tym potrzebny był pełny przekład pierwszych zeszytów.

Nie trzeba chyba dowodzić, że zagadnienie, czy mamy do czynienia z tłumaczeniem, czy też z oryginalnym tekstem, chociażby poddanym pewnej redakcji — ma istotne znaczenie. Danie bezspornej odpowiedzi na to pytanie jest rzeczą trudną, jednakże można twierdzić, że kategorię formuła: «tłumaczenie na rosyjski» w stosunku do «Zapisek» Awejdego jest sprawą dyskusyjną.

Zarówno w zeznaniach wileńskich, jak i w «Zapiskach» autor niejednokrotnie zaznacza, że opiera się jedynie na własnej pamięci. Jeżeli chodzi o zeznania wileńskie, można to przyjąć na wiarę, w stosunku zaś do «Zapisek» nasuwają się pewne zastrzeżenia. W swojej separacie w okresie pracy nad «Zapiskami» Awejde nie był w zupełności izolowany od otoczenia. Na stronach «Zapisek» napotykałyśmy uwagi o wydarzeniach, które miały miejsce w czasie, gdy autor znajdował się już w więzieniu. Tak np. w uwadze na str. 494 Awejde, mówiąc o Władysławie Kossowskim, zaznacza: «Został on aresztowany, był w Wilnie, i o ile mi wiadomo, do wszystkiego się przyznał». W tym wypadku możemy przypuszczać, że źródłem informacji był członek wileńskiej komisji śledczej Jugan, który przyjeżdżał w celu badania Awejdego do Warszawy. Weźmy inny przykład. Skąd Awejde mógł wiedzieć o rozstrzelaniu w Kazaniu Hieronima Kieniewicza w czerwcu 1864 roku (patrz str. 534)? Ale najbardziej chyba uderzająca jest polemika z atakami na Czartoryskiego wydrukowanymi w prasie emigracyjnej (patrz str. 593). Tego rodzaju przykłady można by było mnożyć. Mimowoli powstaje pytanie, czy w końcowej fazie pracy Awejdego nad «Zapiskami» namiestnik i Rozwadowski nie zaczęli go traktować jako swego rodzaju oficjalnego historiografa, którego należy zaopatrzyć w potrzebne materiały?

Szereg przypisów, wyraźnie nie pióra Awejdego (niekiedy jest to zaznaczone), nosi charakter policyjnych informacji o tej lub innej osobie wymienionej w tekście (patrz str. 394, 407, 408, 551, 583). Niekiedy zaś autorstwo przypisu pozostaje niewyjaśnione, jak np. przypis (str. 489) o Dłuskim-Jabłonowskim; może on być pióra Awejdego, ale w takim wypadku, skąd zaczerpnął on wiadomości o działalności Dłuskiego w 1864 roku?

Kończąc niniejsze uwagi o tekście «Zapisek» Awejdego, nie pretendując bynajmniej do wyczerpania przedmiotu, chcielibyśmy jedynie zaznaczyć, że mimo powszechnego uznania tych «Zapisek» za nadzwyczaj cenne źródło historyczne, nie były one dotychczas (możliwe, że przyczyną tego była nadzwyczajna rzadkość tego wydawnictwa) przedmiotem analizy od strony ich wartości jako źródła historycznego. Być może niniejsze wydanie stworzy lepsze warunki po temu.

* * *

Wreszcie kilka uwag o zastosowanych w niniejszym wydaniu zasadach publikacji. W ogólności odpowiadają one przyjętym w ZSRR zasadom wydawania dokumentów. Wprowadzono nową ortografię, zmodernizowano interpunkcję i używanie wielkich i małych liter. Poprawiono bez zaznaczenia wyraźne błędy autorskie lub zecerskie (np. w tekście «Zapisek» — str. 536 Jankowski

zamiast Janowski itp.). Pisownia nazwisk często jest bardzo niekonsekwentna (w «Zapiskach» — Zienkowicz, Zieńkiewicz i Zienkiewicz albo Czartoryski i Czartoryjski), została ona ujednolicona, przy czym zwykle wybieraliśmy formę transkrypcji używaną obecnie. Rozszyfrowanie skrótów znajdujących się w tekście oraz inne uzupełnienia podane są w nawiasach kwadratowych.

Właściwy komentarz ograniczamy jedynie do wyjaśnień koniecznych dla zrozumienia tekstu albo do sprostowań istniejących w tekście błędów faktycznych. Ogólne informacje personalne nie zawarte są w komentarzach, ponieważ tom zaopatrzony został w indeks nazwisk, zawierający dane biograficzne. Dla wygody czytelnika przypisy umieściliśmy pod tekstem.

Uwagi tekstologiczne ograniczamy do zaznaczania uwag marginesowych i poprawek mających istotne znaczenie.

Przypisy zawarte w dokumencie oznaczamy gwiazdką (ewent. gwiazdką z kolejną cyfrą) i umieszczamy bezpośrednio pod tekstem; niżej umieszczamy uwagi dotyczące odmian tekstu, oznaczone są one literami ^{a, 6} itd., umieszczonymi w tekście po skomentowanym słowie albo obejmującymi skomentowaną część tekstu (np. ^a на этом поприще^a, w uwadze pod tekstem: ^{a—a}); komentarz umieszczamy poniżej uwag tekstologicznych, oznacza się kolejno cyframi arabskimi.

W przygotowaniu do druku materiałów niniejszego tomu wzięli udział: pracownik naukowy Archiwum Partyjnego Centralnego Komitetu Komunistycznej Partii Białorusi W. Dawydowa (dokument 6) i pracownik naukowy Instytutu Słowianoznawstwa Akademii Nauk ZSRR O. Morozowa (pozostałe materiały tomu). Komentarze opracowali redaktorzy tomu.

I. Miller.

ДОКУМЕНТЫ
СЛЕДСТВИЯ
ПО ДЕЛУ
ОСКАРА АВЕЙДЕ

1

1863 г. августа 25. Вильно.— Рапорт коллежского асессора А. Евреинова виленскому военному ген.-губернатору М. Н. Муравьеву о показаниях, данных арестованным Людвиком Шмидтом (Оскар ом Авейде)

Во исполнение приказанія вашего высокопревосходительства, почтительнейше имею честь представить отобранное мною показаніе от жителя г. Варшавы Людовика *Шмидта*, который объяснил, что отец его (умершій в 1837 г.) был прусскій подданный, жил постоянно в г. Кульме (в Пруссіи) и занимался торговлей. После смерти отца своего, оставшись 7 лет, Шмидт был переведен теткою его Лиснер в Варшаву, у которой и воспитывался до 15-летнего своего возраста. На 16-м же году она отдала его учеником в магазин женских товаров купца Шленкера, у которого он пробыл два года, от него он перешел в магазин колониальных товаров купца Крупецкого, где оставался один год и, наконец, в магазине Розманита он пробыл учеником три года. После сего Шмидт определился на должность приказчика в магазин земледельческих орудій к купцу Роткевичу, от которого получал жалованья по 30 руб. в месяц; у Роткевича он пробыл два года и обратно поступил приказчиком к купцу Розманиту с жалованіем 45 руб. в месяц. Там оставался он до июля месяца сего года; в означенное же время без всякой причины оставил свое место и прибыл в Вильно с намереніем приискать более выгодное место и от страха оставаться в Варшаве. При выезде из Варшавы Шмидт имел у себя денег 170 руб., из которых в настоящее время у него осталось налицо 52 руб. Этими-то средствами он проживал здесь, нанимая для прислуги человека, с платою ему по 9 руб. в месяц. Первоначально Шмидт остановился в гостинице Познаньского; через четыре дня переехал на квартиру в дом Гродковскаго на улице Скоповке, откуда переехал в дом Шаткевичевой в Жихельском переулке. Знакомых в г. Вильно имеет: г. г. Булгака, Свидерскаго и Дембицкаго, которые при опросе объяснили, что они действительно знают Шмидта, который их просил рекомендовать его на какое-либо место. Шмидт не успел доказать, когда он перешел из прусскаго в русское подданство, и в настоящее время считает себя постоянным жителем г. Варшавы.

Докладывая о сем, имею честь присовокупить, что Шмидт оказывается подозрительным, во-первых, потому, что, получая в Варшаве хорошее жалованье, оставил место, не имея в виду лучшаго. С весьма ограниченными средствами прожил менее чем в месяц 120 руб. из имевшихся у него 170 руб. Приискивая места приказчиков в лавке, нанимал для себя человека

для прислуги за 9 руб. в месяц, и, наконец, в паспорте его значится, что он бухгалтер, тогда как ни из чего не видно, чтобы он изучал бухгалтерию. Манеры же его и обращение сомнительны для прикащичьего быта.

На первой странице помета Е. вп. приказал передать нач. губернии для истребования о нем сведений из Варшавы, описав его приметы и паспорт.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 1—2. Подлинник

2

1863 г. сентября 1.—Предписание М. Н. Муравьева виленскому губернатору С. Ф. Панютину о затребовании из Варшавы дополнительных сведений о Людвиге Шмидте

Состоящий в моем распоряжении коллежский ассессор Евреинов представил мне показание, отобранное им от содержащегося под арестом жителя г. Варшавы Людвика Шмидта, который приехал в Вильно под предлогом будто бы приискать себе место приказчика в каком-нибудь из здешних магазинов.

Так как объяснения, приведенные Шмидтом в подтверждение своего показания, возбуждают сильное подозрение в том, что он приехал в Вильно с какой-нибудь тайною целью и, быть может, даже под другим именем, ибо в паспорте он значится бухгалтером, когда сам показывает себя приказчиком, а также что, имея хорошее место в Варшаве, он оставил оное и приехал в Вильно без верной надежды приискать себе занятие, наконец, что из имевшихся у него 170 руб. всех денег он меньше чем в один месяц издержал 120 руб., платя нанятому им слуге по 9 руб. в месяц, поэтому, препровождая к в. п. паспорт Шмидта и акт допроса, покорнейше Вас прошу истребовать из Варшавы более обстоятельные о нем сведения, описав его приметы и потребовав копию с его паспорта, затем о последующем меня уведомить для дальнейших с моей стороны распоряжений.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 3—4. Отпуск

3

1864 г. апреля 2.—Донесение С. Ф. Панютина М. Н. Муравьеву о передаче им полученных из Варшавы сведений о Людвиге Шмидте в Особую следственную комиссию

Ваше высокопревосходительство, препроводив ко мне показание жителя г. Варшавы Людвига Шмидта, задержанного в Вильно по подозрению, что он прибыл сюда с тайною неблагонамеренною целью, предписать мне изволили распорядиться о проверке этого показания и дознании, с какою целью он приехал в Вильно.

Показание Шмидта мною препровождено было для проверки варшавскому обер-полицеймейстеру, который ныне уведомил меня, что Шмидт никогда у указанных им лиц в Варшаве не проживал и с какою он целью уехал в Вильно неизвестно.

Признав затем необходимым подвергнуть Шмидта новому допросу и дальнейшему расследованию дела о нем, я доставленную мной из Варшавы переписку о нем передал в Особенную комиссию, состоящую под председательством полковника Шелгунова, на зависящее ее распоряжение.

О чем имею честь донести в. вп. на благоусмотрение.

На первой странице помета Е. вп. прик[азал] уведомить п[олковника] Шелгунова. Партия ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 5 и об. Подлинник

4

864 г. апреля 10. Вильно.— Показания Оскара Авейде

10 апреля 1864 г. в Особой виленской следственной комиссии мещанин Людвиг Шмидт, сознавшись, что настоящая фамилия его Оскар Авейде, дал следующие показания:

1. Я называюсь Оскар Густав, фамилия моя Авейде, 27 лет, уроженец г. Мариамполя Августовской губернии Царства Польского, сын чиновника Эдуарда Авейде и Паулины Гутковской, родители мои живут донныне в г. Сувалках Августовской губернии, где отец мой занимает должность патрона (адвоката) при тамошнем гражданском трибунале. Кроме меня, родители мои имеют еще 4 сыновей и одну дочь, а именно: Адама, старшего меня несколькими годами, живущего также в Сувалках и занимающего не известно мне какую должность в губернском августовском правлении, он уже женат. Артура, моложе меня двумя годами, кончившего курс наук физико-математического факультета С.-Петербургского университета, бывшего учителя Ломжинской гимназии. Насколько мне известно, он в феврале месяце принял участие в восстании и служил солдатом под командой Падлевского. В живых ли он находится или погиб, об этом никаких сведений не имеется. Эдуарда, лет 22, студента Варшавской Главной школы и бывшего студента С.-Петербургского университета, который в настоящее время, вероятно, живет в родительском доме. Наконец, Ярослава, студента Варшавской Главной школы, приставшего вместе с другими молодыми людьми из Варшавы к восстанию. Он служил под командой бывшего диктатора Лянговича, живет ли он или нет, не знаю. Лет ему 19 или 20. Сестре моей имя Паулина, она не замужняя, живет у родителей. Вероисповедания лютеранского.

Первоначальное образование я получил в Сувалкской гимназии, где кончив курс наук в 1853 [г.,] и [в] 1854 г. я поступил в С.-Петербургский университет. Университетские науки по юридическому факультету я кончил в 1858 г. со степенью кандидата. С тех пор до июля м[еся]ца 1859 г. я жил несколько недель в Сувалках в родительском доме, а потом в Варшаве, где как аппликант судебный занимался предписанною законами судебною практикой в варшавских судах. В июле месяце вследствие представления и ходатайства г. попечителя С.-Петербургского университета Делянова, а на счет сумм Царства Польского я отправился за границу для дальнейшего юридического образования. За границую я провел более двух лет— а именно: в Берлине я слушал лекции в тамошнем университете в продолжение одного семестра, т. е. полгода, в Гейдельбер[г]ском университете более года, на-

конец, несколько месяцев в Париже не столько для слушания лекций, сколько, чтоб познакомиться с французской судебной практикой. Возвратившись из-за границы 30 октября 1861 г., я провел более двух месяцев в родительском доме в Сувалках, а все последнее время до выезда моего в Вильно я жил постоянно в Варшаве. Здесь я продолжал начатую мною до выезда за границу судебную практику [так!], т. е. аппликацию в суде исправительной полиции и уголовном, так кроме того, дома я занимался книгами. Все это время я жил в доме Замойского ордината на углу улиц Сенаторской и Жабьей. Под следствием и судом я не был, имущества никакого не имею.

II. Приступая к откровенному своему сознанию относительно моих действий в нынешнем восстании и моих сношений с другими лицами, осмеливаюсь представить Комиссии следующее:

1) что все мои действия проистекали из любви к моему отечеству — Польше, — из задушевного горячего желания исторгнуть ее из-под владычества русского правительства и совокупными целого народа силами сделать ее свободным, самостоятельным государством. Насколько образование моего ума и сердца позволяло мне рассуждать об отношениях^а моего края, я понимал, что самобытность Польши — добро не только для самой Польши, но и для всей Европы, не исключая и Российского государства;

2) в показаниях моих об сношениях моих с другими лицами ни общечеловеческая честь, ни совесть, ни мои религиозные понятия не дозволяют мне выдавать фамилии лиц, о смерти которых я не знаю, это тем более, что в нынешних скудных обстоятельствах восстания эти лица или наверно осуждены и сосланы и, таким образом, не могут уже вредить правительству, или же, хотя живут на свободе, но бессильны, а в этом и другом случае (осмеливаюсь представить) правительству даже нет интереса требовать, а тем более принуждать меня, чтобы показаниями моими охуждать [так!] судьбу лиц и так уже очень несчастных.

Все время манифестаций, происходивших в Варшаве и других местностях Польши, провел за границею, по возвращении же моем на родину по истечении нескольких месяцев до меня доходили неточные слухи об эгзистенции^б двух партий в народе, так называемых белых и красных, т. е. первых — не желающих разрыва с русским правительством и требующих только более обширных реформ и льгот от него и не могущих снести с правительством единственно по ненавистной для них личности маркиза Велепольского, стоящего во главе правления. Красные же путем заговора как можно скорее хотели приготовить средства и призвать народ к восстанию. Мои чувства и понятия сблизили меня с этими последними, наконец 27 или 28 октября 1862 г. я был призван главою их — Центральным Народным Комитетом — быть помощником одного из членов Комитета, управляющего администрацию заговора, — Францишка Годлевского, убитого в стычке повстанского отряда под предводительством (если не ошибаюсь) Езеранского с русскими при городе Рава Варшавской губернии в первых числах февраля месяца. Номинацию и призвание быть помощником Годлевского получил я через Сигизмунда Падлевского, офицера русской гвардейской артиллерии, тоже члена комитета и начальника г. Варшавы (Падлевский расстрелян в Плоцке как начальник всех повстанских отрядов в Плоцком воеводстве). По истечении некоторого времени в месяце декабре вследствие отправления Годлевского за границу я был призван заступить

^а В рукописи отношениям

^б *Egzystencja* — существование (польск.)

его место как настоящий член Центрального комитета, и хотя по причине разногласий с прочими членами я вскоре перестал быть им, однако же все-таки остался одним из деятельнейших лиц и управлял администрацией заговора. Между тем Комитет окончательно постановил восстание, переменял свой состав по причине арестов, наконец, в числе троих членов и четвертого секретаря 22 января 1863 г. в манифесте, призывающем народ к восстанию, объявил себя временным Народным Правительством. Тогда обстоятельства принудили меня принять призвание, сделанное мне Комитетом, быть одним из трех членов временного Народного Правительства. С тех пор по 1 августа п. s.^a того же года я был постоянно членом Народного Правительства. Все это время я жил в Варшаве до конца марта месяца под своим собственным именем на указанной мною выше квартире в доме Замойского, с марта же принужден был скрываться и жить без всякого паспорта. С этого времени стал я красить себе волосы и переменял наружность. Фамилия моя и деятельность были скомпрометированы из писем, писанных Стефаном Бобровским, тогдашним начальником г. Варшавы (он убит в поединке в апреле месяце), к Падлевскому и захваченных русским войском вместе с некоторыми другими бумагами. Я был уведомлен о приказе арестования меня несколькими днями прежде чрез Бобровского как начальника города и успел ускользнуть от арестования. Кроме того, дело люблинского комиссара Леона Франковского, повешенного в Люблине, и другие более еще открыли русскому правительству мое истинное положение и заставили меня быть чрезвычайно осторожным.

Что касается действий моих в Варшаве, считаю нужным прибавить что, как и до восстания, я управлял административною (властью)^b частью восстания сначала непосредственно, а потом чрез департамент внутренних дел, или, лучше сказать, чрез его директора.

III. Что же касается цели поездки моей в Вильно и моих здесь действий, эти суть следующие:

Когда в продолжение полутора м[еся]ца июня и июля прошлого года тогдашний комиссар Нестор Дюлёран не присылал отчетливых рапортов о положении восстания в Литве, приказано было ему же, Дюлёрану, прибыть лично в Варшаву, а мне поручено было принять от него рапорт и объяснение. Убедившись из всего представленного мне Дюлёраном, что дела восстания в Литве в самом плачевном положении, что организация литовская это только призрак, что, наконец, и сам Дюлёран может быть всякий день арестован, я представил Народному Правительству сменить Дюлёрана другою личностью, но по крайней мере на известное время, предлагая в то же время послать меня (если не будет кого другого) в Литву, так как присутствие и деятельность моя в Варшаве не были необходимы. Народное Правительство приняло мои представления, приказало Дюлёрану остаться в Варшаве, а меня, снабдив паспортом на имя Шмидта и двумя рекомендательными письмами (от неизвестных мне вовсе лиц), отправило в Вильно как уполномоченного своего комиссара.

Я прибыл в Вильно 8 или 9 августа п. s. и поселился в Познаньской гостинице. Единственные личности, уцелевшие от арестования или высылки, указанные мне Дюлёраном как члены так называемого Правительственного отдела, или — как его вообще называют — комитета, были

^a п. s. — *nowego stylu* — *нового стиля* (польск.)
зачеркнуто.

^b *властью взято в скобки, но не*

Константин Калиновский, мой товарищ по университету, и инженер Владислав, если не ошибаюсь, Михайловский или Малаховский. Кроме этих двух, указан мне был как молодой человек с характером Суходольский, но имени его я не помню. Отыскав эти личности, я принялся за дело. Прежде всего непременно нужно было узнать настоящее положение края и организации, чтобы предпринять что-нибудь положительное и начертать какой-нибудь план. Я потребовал подробных объяснений от Калиновского и Малаховского, который был тогда вместе с тем и начальником г. Вильно. От них узнал я, что все в самом плачевном состоянии, все разорвано и перепутано, больше половины чиновников административных не доставало. Начальников воеводств не было ни одного, комиссаров тоже по большей части, повстанские отряды в самом жалком положении; одним словом, я узнал, что при таком положении дел восстание не переживет зимы. А потому я счел нужным преобразовать все изнова, положить прочное основание, создав новую, совершенно соответственную требованиям минуты организацию; отрядам же повстанским я счел необходимым дать приказ разойтись по домам или перейти в Царство Польское до дальнейшего распоряжения.

Между тем последовало покушение на жизнь г. Домейко, а за ним повседневные репрессии, аресты и бегства. Малаховский тоже должен был уехать. Из провинции приходили известия всякий день хуже. Остался я один с Калиновским Константином; я — ничего не знающий, ни лиц действующих донныне, ни средств сношений с ними, он до некоторой степени (до некоторой, повторяю) знал что-нибудь; посреди общего расстройств нам двоим трудно было приняться за что-нибудь серьезно, нам даже трудно было сходиться вместе, потому что он скрывался, а я из Варшавы приехавший и в беспрестанных хлопотах с полициею. Видя, таким образом, невозможность даже поставить центральную власть, по совещании с Калиновским тщательно рассмотрев все обстоятельства, я постановил: 1) никакой центральной власти не ставить, по крайней мере до известного времени; 2) полномочие мое передать Калиновскому и выхлопотать на то утверждение Народного Правительства; 3) поручить Калиновскому дать приказ отрядам повстанским разойтись по домам или перейти в Царство Польское. Сам же я, так как мое пребывание в Вильно становилось с каждым днем невозможно, решил обратнo уехать в Варшаву, хотел, однако же, прежде отделаться от подозрений полиции, чтобы чрез это не навлечь на себя подозрение полиции варшавской при возвращении моем туда. Между тем я был арестован 22 августа г. ^а. Как действовал Калиновский, этого, само собою разумеется, знать не могу.

IV. Что же, наконец, касается сношений моих с другими членами литовской организации, т. е., собственно говоря, виленской, потому что из провинции ни одного лица в глаза не видел, а фамилий, хотя, быть может, и слышал от Калиновского, не помню ни одной, то я прежде всего должен объявить, что моей настоящей фамилии никто не знал, кроме Малаховского и Калиновского, даже Суходольскому была она неизвестна, так же точно и цель моего в Вильно приезда. Потому что, видя беспрестанные аресты, я счел необходимым скрывать то и другое и быть как можно поосторожнее. А потому если кто из высланных лиц и знает мою фамилию и должность, в организации занимаемую, так это, верно, от одного из упомянутых членов

^а г. s.— *rosyjskiego stylu— старого стиля (польск.)*

Комитета. Я же сам видел их несколько человек (т. е. членов организации) у Малаховского^а, или же по другим причинам они мне знакомы. Итак Колп, Оржешко, Гаженц и другие, которых ни лиц, т. е. физиономий, ни фамилий не помню, потому что не имел с ними никаких сношений, а их всех скоро одного за другим арестовали. Оржешко я видел у Малаховского, а чрез этого познакомился с Колпом, потому что хотел посредством их, а именно второго, найти себе место, чтоб быть свободнее в глазах полиции. Ничего, однако же, они мне не помогли. Знаю даже, что они были в народной полиции какими-то агентами, но какими именно, этого я не знал. Гаженца я видел у Малаховского, но какую он должность занимал в виленской организации этого я не знал. С Здановичем вовсе знаком не был и фамилии его не слыхал, по крайней мере не помню, быть может, потому что на запрос мой, сделанный Малаховскому, касса города оказалась порожнею. Далевского я знал, он приходил ко мне, я полагал его секретарем Калиновского, потому что тот всегда присылал ко мне Далевского. С Булгаком я в самом деле познакомился в Варшаве, так точно, как это показано мною в прежних моих под именем Шмидта показаниях. Знакомство наше, однако же, было такого рода, что мы своих фамилий не помнили, он, быть может, даже не слыхал моей настоящей фамилии никогда. Здесь, в Вильне, я встретил его, сколько помню, у Михаловского, вспомнил наше знакомство в Варшаве (не объявляя, однако же, своей настоящей фамилии) и бывал в его доме очень часто. Мне было известно (от Малаховского), что Булгак что-то делает в пользу организации, но что именно, не знал, я не предполагал ничего важного по старости лет его. Он (я думаю) предполагал, что я прислан сюда по делам восстания, но наверно ничего не знал, потому, что я ему ничего не говорил, тем более и не догадывался с какою именно целью я прислан сюда.

Свидерского я познал у Булгака, в самом деле у Малаховского я его никогда не видел, я даже не подозревал, чтоб он принадлежал к организации, судя по занимаемой им должности. Тем более не было причины^б моего приезда или настоящую мою фамилию.

Будучи с^в Булгаком в таких только сношениях, как это показано мною в августе [меся]це прошлого года, я мог единственно признаться до знакомства с ними, иначе совесть не позволила бы мне губить их, а именно Булгака — старика, столь претерпевшего в жизни своей, не говоря уже о своем собственном тогдашнем интересе и выгодах. Молодых людей из Варшавы, арестованных в августе месяце, я вовсе не знал, и это верно дало мне возможность скрывать так долго настоящую фамилию. Других лиц из виленской организации я совершенно не знаю и не знал, по крайней мере не помню их; ни короткость времени пребывания моего в Вильне, ни личные выгоды, ни польза цели, для которой я прибыл сюда, не позволяли мне знакомиться со многими личностями, не говоря уже, что аресты их тогдашние, один за другим следовавшие, делали это невозможным. О покушении на жизнь г. Домейко я вовсе не знал; оно наступило на другой день после моего в Вильно прибытия, следовательно, прежде, чем я успел познакомиться с Малаховским, после, однако же, я узнал, что это его несчастная выдумка.

.....
^а Исправлено из Михайловского ^б Так в оригинале, вероятно, пропущено — «объявлять ему о цели» ^в Ошибочно повторено будучи с

Окончив мои показания, честь имею прибавить, что не мог писать их иначе как в общих чертах (преимущественно относительно действий моих в Варшаве), хотя, впрочем, и эти общие очерки достаточно выясняют сущность моего дела. Если же комиссия сочтет нужным получить от меня показания более подробные, в таком случае покорнейше прошу дать мне желаемые вопросы, на которые постараюсь отчетливо представить ответы.

Зная свое дело, я убежден, что оно повлечет за собою приговор смертной казни. Находясь в таком положении, как человек, которому только несколько дней не достает до роковой минуты, осмеливаюсь просить и комиссию, а чрез ее посредничество его высокопревосходительство г. начальника края позволить 1) написать письмо к родителям моим в г. Сувалки, 2) позволить приехать сюда в Вильно моему семейству видеться и проститься со мною. Я умоляю об этом! Я убежден, что г. начальник края как правительственное лицо прикажет поступить по закону с преступником в его убеждении и в убеждении правительства, а как человек, как отец семейства пожалеет во мне человека и сына, сына пламенно привязанного к своему семейству. Я отзываюсь до его отцовского сердца. Закон и последовательность правительственной системы не потерпят^а от этого. Вильно. 10 апреля 1864 г.

Подлинное подписал Оскар Авейде.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 6—14. Копия

5

1864 г. апреля 22. — Отношение М. Н. Муравьева генерал-полицеймейстеру в Царстве Польском Ф. Ф. Трепову о препровождении ему₁ показаний Авейде

В августе месяце прошлого года был задержан в г. Вильно подозрительный человек с паспортом, выданным ему в г. Варшаве на имя бухгалтера Людвиг Шмидта, но как объяснения, представленные им комиссии по поводу приезда в здешний край, оказались неправдоподобными, поэтому я тогда же поручил начальнику Виленской губ. войти в сношение с властями Царства Польского для поверки его показаний, которые, как это видно из отзыва в. п. д. с. с. Панютину, оказались ложными.

Между тем, ныне сказанный Шмидт сознался, что настоящее его название Оскар Авейде, действительный член Варшавского Центрального революционного комитета, состоявшего при выезде его из Варшавы из трех лиц, и по распоряжению Народного Правительства он прибыл в здешний край для занятия должности главного комиссара Литвы на место Нестора Дюлёрана, отозванного Центральным комитетом Варшавы за свою нераспорядительность.

Так как сказанный Авейде был одним из главных вожатаев революционного движения в Царстве, поэтому нужным считаю препроводить к Вашему пре[восходительст]ву извлечения из показаний по предмету действий его в Варшаве и сношений его с некоторыми лицами, принимавшими участие в мятеже.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 15—16. Отпуск

^а Т. е. не пострадают.

1864 г. мая 9 (21) — мая 20 (июня 1). Вильно. — Показания
Оскара Авейде

[л. 1] Если я хорошо понял, в чем именно состоят требуемые от меня объяснения^а, то их можно определить следующими вопросами: *как развилось восстание? Каким путем? Какие были элементы главнoдействующие? Какие силы и расчеты на успех по стороне заговора, создавшего восстание, т. е. собственно говоря, главы его — Центрального Народного Комитета? И, наконец, какой системы действий держалось Народное Правительство со времени восстания?*

На эти вопросы я готов дать возможные объяснения. Говорю *возможные*, потому что, во-первых, не знаю, будет ли вообще мой взгляд верен и основателен, во-вторых, как человек в моем положении, находясь в тюрьме, я должен, я принужден умолчать многое, иногда, быть может, самое важное, единственно объясняющее настоящий смысл всех, а по крайней мере многих происшествий. Прошу извинить меня за эти слова, мне самому желательно бы было оставить перед смертью, быть может, не Вам, милостивые государи, а согражданам моим несколько слов, почти необходимых к объяснению наших подземных, так сказать, действий; я считал бы это даже долгом совести моей, однако же, долго, впрочем, не говоря, тюремщик^б даже в частных разговорах и рассуждениях должен быть осторожным. Зато (позвольте уверить Вас, милостивые государи) все сказанное мною будет *правдою*, высказанною прямо, без всяких затаенных мысли [так!] обмануть (да и нет зачем) кого бы то ни было, так как следует честному человеку.

Чтоб ответить на первые два вопроса — именно: каким путем развилось восстание и какие были элементы главнoдействующие, — необходимо обратить внимание на (хотя недавнее) прошедшее; все годы последнего десятилетия, не упоминая уже о прежних временах, так тесно связаны между собою, так один был последствием другого, что решительно нельзя понять в настоящем свете нынешнего восстания, не проследив хоть мимоходом фактов и событий прежних лет. Чтобы яснее представить мой взгляд (а думаю, и взгляд моих друзей) на вещи, считаю необходимым^в рассмотреть по очереди: 1) все время доманифестационное, 2) манифестации религиозно-патриотические, 3) время заговора.

1. Все время с 1831 г. было несчастнейшим временем для моего отечества. Люди приискали отличное, впрочем, довольно *деликатное* название — *военная диктатура* для обозначения той системы управления, которой руководился фельдмаршал *Паскевич*, распорядясь судьбами бедного края. Долго не говоря, — все было убито, подавлено, ни один из общечеловеческих интересов (умалчивая уж об народных) — ни материальных, ни нравственных, ни умственных — не был пощажён. Если что и развивалось, так это по природному закону всеобщего развития и прогресса. То же самое, только,

^а Далее *зачеркнуто* так

^б Употреблено в значении — заключенный в тюрьме.

^в *Зачеркнуто* разделить

пожалуй, в усиленном размере, следует сказать об управлениях в Литве и в Киевской, Волынской и Подольской Руси братьев *Бибиковых*. С народной же стороны (т. е. собственно говоря, политической) были возгласы и учения *эмигрантов* или посредственно через книги и брошюры или непосредственно через эмигрантов, заговоры молодежи, попытки к восстанию или огромные эмиграции (как в Познань и Венгрию) и, наконец, тюрьмы, высылки, виселицы, расстреливания, с примесью варварского обращения, палок и пыток. Можно бы много написать о тех страшных, раз еще страшных временах, однако же покуда довольно будет, чтоб познакомиться с этим основанием, фундаментом нашего народного образования, а вместе с тем нашей будущей жизни. Покорнейше прошу, однако же, не упрекать меня в употреблении каких бы то ни было декламаторских фраз; нет, каждое слово — сущая правда; каждое слово я сам готов подтвердить цитатами хотя бы из моей собственной памяти.

[л. 1об.] Так было до *Крымской войны*. Положение края было невыносимо: жить, *просто жить* стало невозможным. *Какой-нибудь реакции* нужно было ожидать со стороны народа. Однако же все время Крымской кампании прошло у нас спокойно. Почему? Я думаю по поводу, с одной стороны, надежды, что театр войны перенесен будет в Польские провинции Прибалтийские и ближе к Черному морю, что, следовательно, сам ход войны принесет нам заграничную помощь, с другой же стороны, у нас было тихо потому, что^а каждое молодое поколение Польши с 31 года (да и раньше еще) не созревши — гибло.

Как бы то ни было все-таки конец Крымской войны, вступление на престол императора Александра II составляет как бы прощальное слово старому порядку вещей и наступление нового^б. В России (собственной) общество возродилось, отрезвело; правительство принялось за решительные прогрессивные меры. Но что такое составляло этот новый порядок вещей в Польше? С этого времени^в необходимо рассматривать отдельно деятельность русского правительства и постепенное развитие и, так сказать, *работы* самого польского общества, иначе трудно придти к какому-нибудь основательному заключению и к разъяснению после наступивших фактов.

Правительство в самом деле переменялось. Мы распрощались с личностями Паскевича и братьев *Бибиковых*. Во главе правления стояли в Варшаве кн. Горчаков, в Вильне ген. Назимов, в Киеве кн. Васильчиков. С переменою лиц изменилось кое-что еще, а именно перестали нас, так сказать (если позволите употребить это слово), душить, преследовать за всякое сказанное или прочитанное слово, перестали толкать по тюрьмам, бить, вешать, ссылать, возвратили нам наших несчастных каторжников, поселенцев и эмигрантов, оставили^г систему шпионства (хотя не вполне); можно уже было выхлопотать позволение правительства на какую-нибудь торговую или благодетельную сделку (хотя не всегда и не на все), наконец, чтоб в кратких словах покончить, дозволено было в Литве преподавать польский язык в гимназии^д в качестве *дополнительного предмета*, а у нас в Царстве Польском дозволено было гр. ЗамоЙскому образовывать Земледельческое общество. Это одна сторона медали, в самом деле светлая. Мы получили все это (я согласен с общественным мнением) по личным наклонностям государя императора. К несчастью, другая сторона не так-то свет-

^а Зачеркнуто ни одно ^б Зачеркнуто как ^в Зачеркнуто нужно ^г Т. е. оставили, отказались от нее ^д Зачеркнуто в Литве

лая. Причиною главною всех отрицательных действий правительства было, по-моему, *несуществование какого бы то ни было определенного плана, какой бы то ни было системы действий*. Правительство^а, я думаю, не обратило даже внимания на это: нужно ли считать *чем-то польским* все провинции польские или только Конгрессовую Польшу. Из этого основного недостатка (который, мимоходом сказав, был чувствителен для народа) проистекали все действия и распоряжения до кончины кн. Горчакова. Правительство одною рукой брало, а другою давало, так сказать; переменяло главные личности, а оставило такие, н[а]п[р]имер, как г. Муханова; позволило образовать Земледельческое общество и помещичьи ассоциации торгово-земледельческие, а ни за что не позволяло на образование кредитных обществ в других провинциях; преобразования никакие не были не только предприняты, да и в намерении не существовали, а их *настоятельно требовали все части внутренней политики*: прескверная система (если это достойно названия системы) образования даже сделалась более бестолковою под руководством г. Муханова. Время не позволяет мне (да и не нужно это — разбирать подробно недостатков правительства в то время) [л. 2], довольно сказать, что ни одна ветвь внутренней политики — и в Царстве Польском, и в других провинциях — не получили ни малейшего даже толчка к преобразованию; напротив, везде, на всяком шагу видно было, что правительство или не хочет ничего сделать, или колеблется, не зная само, что делать, а чего не делать. А между тем в сознании общества созрело понятие, что (здесь я ограничусь примерами из Царства Польского, как более мне знакомыми) наши законы, а именно уголовные, только кандалы для общества, а не ограждение его, что наши суды — чудовищная перемесь отрывков французских, австрийских, прусских, старых польских и русских, что образование наше придумано разве на то, чтоб люди никогда ничему не выучились, что церковь наша мало-помалу клонится к упадку, не говоря уже об этом, что г. Муханов придумывал попытки *сблизить* униатов с греческою церковью, что крестьянского вопроса правительство просто боится затронуть, более^б, — можно было предполагать, что оно считает интересом вражду, а по крайней мере беспрестанные ссоры и процессы между помещиками и крестьянами, между тем как у нас по несуществовании крепостного состояния в собственном смысле вопрос этот был проще и яснее. Можно бы привести множество таких примеров еще, однако же доста[то]чно, чтоб выяснить сколько-нибудь отрицательную деятельность правительства, или, лучше сказать, *недеятельность*. Кроме всего этого, чтоб скорее покончить этот промежуток времени с вступления на престол императора Александра II, нужно упомянуть об цензурных комитетах, действующих по-старому, о преследовании книг, периодических изданий и проч., об старой привычке все-таки шпионствовать, предпринимать полицейские меры, не зная зачем, подозревать, не зная кого, разве *преневиное*^в *Земледельческое общество* и еще более невинные попытки помещиков поправить свои материальные интересы посредством торговых ассоциаций.

Как назвать такого рода систему управления, какой правительство держалось у нас во всех частях Польши? Систему, дающую что-нибудь и отнимающую в то же самое время, т. е. неделающую и позволяющую делать самому обществу что-либо; это колебание между чем-то новым неопре-

^а Зачеркнуто даже

^б Зачеркнуто напротив

^в Зачеркнуто полице

деленным и старыми ^а принадлежностями так называемой военной диктатуры? Я не знаю, — разве недостатком какой бы то ни было системы. А все-таки обществу нашему пробужденному тоже тяжело, больно, невыносимо было жить в зависимости такого правительства, которое не удовлетворяло его повседневным интересам, не говоря уже о его ^б непреклонной, непоколебимой вере в существование самобытной и свободной Польши; об его никогда неустойчивых и не могущих быть поглощенными стремлениях к такой Польше. Теперь хоть в нескольких строках, чтоб скорее покончить с этим доманифестационным периодом, я должен упомянуть об чувствах, стремлениях, деятельности, одним словом, состоянии нашего общества тогда и положить таким образом основание для дальнейших объяснений, иначе невозможно бы было отыскать последовательности фактов ^в.

Нечего говорить о старых временах, однако же история дала нашему обществу кое-что; она сказала нам, что мы были, и не так очень давно, самостоятельным, свободным и могущественным государством и что нас разграбили и разделили соседи наши; она поставила нас уже на известной степени образования, и она, что само собою разумеется, сложила в недрах нашего общества веками накопленный материал для [л. 2 об.] самостоятельного постепенного развоя ^г, несмотря на какие бы то ни было условия ^д. Она-то, наконец, дала нам ^е определенные ненарушимые (в нашем убеждении) права и возложила такие же обязанности. Права на самостоятельную жизнь, обязанности настоятельно требовать этой самостоятельности, жертвовать всем для получения ее, излечиться из внутренних наших грехов и быть полезными миру. Довольно о старых временах — ведь скромно? ^ж Более близкие к нам времена ^з тоже кое-что завещали народу, а именно ^и, что Костюшко отнюдь не сказал на Мачеевицком поле *finis Poloniae*, как это враги на него наклеветали, что, напротив, он был первым сукцессором ^к, по завещанию и по закону помогающим возврату разграбленного наследства, да и притом сукцессором пречистым, пресвятым; что, далее, наши славные, дельные ^л легионы наполеоновские были вторыми сукцессорами того же родного имущества; и что они ^м, проливая кровь свою на всех полях с St. Domingo и Samosierry ^н до Москвы и Березины ^о, с последним вздохом ^п

^а Зачеркнуто повседневными ^б Зачеркнуто своей ^в Зачеркнуто позднейших ^г *Roźwój* — развитие (польск.) ^д Зачеркнуто частью этой фразы первоначально была написана автором следующим образом:

Она же, что само собою разумеется, сложила в недрах нашего общества веками накопленный материал для самостоятельного постепенного развоя, несмотря на какие бы то ни было условия, она поставила нас уже ^е на известной степени образования. ^ж Зачеркнуто начало слова изве

^з Зачеркнуто приближенные ^и Зачеркнуто оставили нам ^к Зачеркнуто коротко они ^л *successor* — наследник (лат.) ^м *dzielny* — отважный, решительный (польск.)

^н Зачеркнуто которые ^о Сан-Доминго, Самосьерра ^п Зачеркнуто кричали

¹ Сан-Доминго — остров Гаити, куда в 1802 г. для подавления национально-освободительного восстания негров были посланы Наполеоном войска, в том числе и часть польских легионов. Самосьерра (или Сомосьерра) — перевал в горах Сьерра-Гвадарама в Испании, взятый 30 ноября 1808 г. отважной атакой польской кавалерии, сражавшейся в составе наполеоновской армии против отстаивавших свою независимость испанских патриотов. В составе наполеоновской армии, вторгшейся в Россию в 1812 году, находилось почти 100 тысяч ^н поляков. В боях и при отступлении наполеоновской армии, в особенности в Бородинском сражении, называемом французами битвой под Москвой, и при переправе через Березину польские части понесли жестокие потери, достигшие 70 тысяч человек (убитыми, ранеными и пленными).

протестовали против разграбления. Что^а вследствие политических обстоятельств все части разделенного нашего отечества попеременно то пользовались тенью кой-какой свободы, да некоторые даже так называемой конституционной, то претерпевали страшный гнет, преследования. Что, наконец, в 30 и 31 гг. народ пытался свергнуть ненавистное русское иго, но бог несчастливил отцам нашим. Раз еще довольно о старых временах, хотя, впрочем, невозможно было умолчать об них, потому что все эти добрые и несчаст[н]ые судьбы народа служили, так сказать, основным камнем, на котором нынешнее поколение построило это непонятное будто бы для русских здание — восстание.

Рассматривая (в самом начале) время с 31 г. до Крымской войны, я называл^б все эти годы нашим народным образованием. Да, так в самом деле. На хорошо приготовленную^в историю и кровью отцов и дедов почву нынешнего поколения падали новые семена. Их сеяли, как я уже сказал, эмигранты, то книгами, то через эмиссариев, то чрез непосредственные усилия вооруженного восстания (как в Познани и в Галиции 46 и 48 гг. и еще раньше в 32 и 33 гг.), вообще трудами Демократического эмиграционного общества; их сеяли старшие братья наши, которые гибли на виселицах, под пулю [так!] или в ссылках и которые проводили лучшие^г годы^д молодости своей в *тогдашних* тюрьмах^е (это в известном смысле можно назвать тоже семенами русского правительства). их сеяли, наконец, домашние тихие шепоты, слезы и молитвы. Какие же это семена? Позвольте мне, милостивые государи, представить их Вам^ж в сколько возможно сжато, кратком виде, в виде *догм Народной Веры* (это в самом деле род катехизиса нашего). Нам говорили: «Любите ваше отечество, Польшу, выше всего в мире, после бога, пред родителями, выше всех сокровищ вашей жизни, с совершеннейшим самоотвержением, посвящая все мысли, все труды, все чувства ваши матери вашей несчастной, разграбленной, истерзанной, избитой, на виселицах распятой. Ваше отечество — это старая Польша с 1772 г., а не какой-нибудь вырезанный силой или по каким ничтожным трактатам кусок тела ее. Вы должны исторгнуть ее из-под ига трех врагов ваших; Наполеон обманул вас, а дряхлая старая Европа не думает об вас, боится возрождения вашего; народы ее в неволе, не в состоянии помочь вам, следовательно какому бы то ни было монарху, какому бы то ни было западному государству не верить, на их помощь, хотя бы обещанную, никогда не рассчитывать. Москва, т. е. русское правительство, — это главный твой враг; оно попырало ногами и не перестает попирать^з все твои права, не только народные, да и человеческие; оно обманывало тебя (именно во времена Александра I), обманывает и всегда обманывать будет; следовательно, Москве никогда, ни в каких обстоятельствах и ни одному от ее имени действующему лицу не верить, а всех сотрудников такого правительства из среды собратьев твоих просто считать *изменниками*»^и.

[л. 3] «Вы должны верить только богу и в собственные свои непобежденные силы, и эту веру вы должны принять за основание всех ваших действий. Польша будущая, исторгнутая из-под чужеземного владычества^к, должна

^а Зачеркнуто мы имели/мы ^б Зачеркнуто их ^в Зачеркнуто почву ^г Зачеркнуто молодые ^д Зачеркнуто жизни сво ^е Зачеркнуто да ^ж Зачеркнуто как
^з Зачеркнуто ногами ^и На полях против этого абзаца карандашом помета Мудавьева не понимает, что чужому дается помощь, когда это сопряж[ено] с собств[енным] интересом ^к Зачеркнуто правительства

избавиться, очиститься от всех грехов прошедшего; должны рушиться последние обломки шляхетских предрассудков; крестьянин-собственник должен быть свободным, равным всем другим гражданам; так же точно должны рушиться раз навсегда всякое преобладание одного наречия над другим, одной народности над другой, одного вероисповедания над другим. Внутренняя жизнь ваша, общественная и политическая, должна быть свободная, охраняемая разумными, соответственными потребностям общества и века законами, развиваемая в соответственных институтах и учреждениях, руководимая и покровительствуемая разумным энергическим твердым правительством. Внешняя ваша политика должна быть, как в старые времена, благородно-христианскою»^а.

Нам говорили еще, что «возрождение Польши — необходимость и благодеяние не только для нас самих, но и для Европы, и для несчастного народа русского, поглощаемого тем же самым врагом нашим, его же правительством».

Нам говорили, наконец, а громче всех провозглашали *Конарский* и друзья его в чисто политическом отношении (именно в издаваемом ими^б *Севере* (*Róipos*)¹, а мистики — последователи Товянского в религиозно-народном (так сказать) отношении, — «что Польша замучена во искупление собственных и^в чужих грехов, что Мать наша святая раз еще замучена, как Христос, распятая для собственного и других спасения, что она тяжкими горькими^г несчастьями мнимого гроба своего, своей неволи, разрушает и разрушит ад своих собственных преступлений и неволи, а вместе с тем разрушает и разрушит ад неволи повсеместной и русской, что, наконец, наши несчастья, наши стоны, звуки кандалов наших проникнут в душу этого народа, разбудят в нем мысль и чувство, столько [ми] веками поглощенные, что он наконец сам спросит: за что мы столько терпим? — и в первый раз быть может услышит ответ в собственной душе своей, что за свободу, и тогда примет уже ее». Следует прибавить еще, что все эти догмы Народной Веры освящены были словом, делом, жертвами целой жизни трех в убеждении народа посланников божьих, трех пророков — Мицкевича, Словацкого и Красиньского.

Вот такие семена бросили отцы и старшие братья наши на хорошо подготовленную и возделанную почву души нашей, т. е. души общества, жившего с Крымской войны до настоящей минуты, общества, погибающего ныне или претерпевающего все ужасы войны. Это было образование и, если настоящее употребляю я слово, жизнь моего народа с 31 г. до вступления на престол императора Александра II да и дальше; однако же для ясности и определенности моих объяснений я считал нужным заранее принять этот факт как границу двух периодов, тем более, что на долю последующего за этой границей времени собственно пришло что[-то] другое.

Кроме этого образования и этой жизни (что я старался представить как бы в результатах, оставшихся основанием для будущего развития, т. е. в догмах народной веры), общество наше, несмотря на все препятствия со стороны правительства, по природному закону, соответственно потребно-

^а На полях против этого абзаца карандашом помета: et tout est fondé sur le caractère polonais [все основывается на польском характере (франц.)]

^в Зачеркнуто чужих

^г Зачеркнуто своими

¹ «Róipos» («Север») — газета, издававшаяся в январе — мае 1835 г. Шимоном Конарским и Яном Чинским.

стям; своим, а из материалов, в недрах его истории сложных, мало-помалу развивалось, как это я уже упомянул прежде. Оно со временем оправилось от жертв, принесенных в 31 г., от конфискации, застоя и упадка торгового и промышленного и проч. и, постепенно развиваясь, со временем пришло опять к известному капиталу и запасу сил. Промышленность, торговля, ремесла, коммуникации, *даже* образование шли, так сказать, вперед ^а. В таком состоянии был народ в минуту Парижского мира.

[л. 3 об.] Как поступало русское правительство, что оно делало с ^б этого времени, об этом я уже хотя отрывочно (как впрочем все рассказываемое вам мною) говорил выше; теперь приходится упомянуть ^в, какое именно имеет значение все это время относительно деятельности самого общества нашего? Общество, так сказать, перерабатывало результаты прошедшего. В самом деле, посеянные семена принялись, пустили корни, стали мало-помалу расти, развиваться и переходить в кровь и тело народное. Правда ли это? Каким именно путем? — спросите милостивые государи. Чтоб увериться в истине слов моих и узнать этот путь, позвольте мне представить Вам некоторые факторы нашего внутреннего развоя в продолжении этих нескольких лет, говорю некоторые потому, что я беру такие только, которые мне память моя подсунула. Итак, мы шли вперед, разрабатывали прошедшее путем несчастного для нас (относительно к времени) Парижского мира и государева *point des rêveries*^г; путем меньшего гнета и преследования и пробужденной всесторонней деятельности; путем Земледельческого общества, помещичьих и всякого рода других ассоциаций и вообще стремлений повсеместных развить материальные силы народа, увеличить его богатство; путем всеподданнейших адресов и просьб (считаю уместным напомнить *даже* адреса и просьбы маршалов шляхетских могилевского и витебского кн. Любомирского и г. Юревича, помещичьих и других съездов); путем ^д студенческих и вообще молодежи (даже офицеров) сходок, кружков, кружков, впрочем, рассеянных, без определенной цели, а иногда бесцельных *даже*; путем общества ^е трезвости (*Towarzystwo wstrzeźliwości*) (оно перешло к нам, несмотря на все границы, я думаю, из Ирландии), воскресных, вообще народных и других школ. Мы шли далее путем сближения польской молодежи с русской и споров между ними, путем тоже сближения и споров польского и староказачьего благородного элементов на Руси. Мы далее разрабатывали прошедшее парламентским боем в Берлине (даже в политическом, так сказать, поединке нашем Неголевского с прусским правительством, олицетворенным в эту минуту для нас в полициианте Бэрэншпрунге ^ж), путем австрийских патентов, депутации Смольки в Вену (к которому, заметить у места, присоединилась силез-

^а На полях против этого абзаца помета черным карандашом Противуре[чит] предыдущ[ему] ^б Зачеркнуто Крымской вой ^в Зачеркнуто что ^г Никаких мечтаний (франц.). ^д Зачеркнуто студентск ^е Зачеркнуто воздержания

¹ Александр II посетил Варшаву в мае 1856 г. В речи, произнесенной (на французском языке) при приеме сенаторов, предводителей дворянства и высшего духовенства, он употребил получившие широкую известность слова „никаких мечтаний!“ и заявил „То, что сделано моим отцом, хорошо сделано, и я поддержу его дело“.

² В 1859 и 1860 гг. В. Неголевский, депутат прусского ландтага от княжества Познанского, выступал с интерпеляциями по поводу провокационных действий директора познанской полиции Берэншпрунга, преследовавшего польские патриотические элементы и фабриковавшего с этой целью мнимые „заговоры“.

ская депутация), сейма в Львове и прескверных (надо признаться) споров с русинами¹. Потом что ж далее, господа; да, мы еще шли вперед путем войны за свободу Италии, сестры нашей, путем марсальских молодцов² и их, лучше— всемирного, героя,³ этой воплощенной гражданской добродетели — Гарибальди; путем приготавливаемого Мерославским легиона для Италии; и еще споров лондонских эмигрантов с парижскими и парижских между собою. Мы шли, наконец, если хотите, путем февральского манифеста об уничтожении крепостного состояния⁴, путем мухановских и других мер, и как например, путем процесса с гродненскими крестьянами,⁵ желающими возвращаться к унии, в котором какой-то сенатор (я забыл его *достопочтенную* фамилию) благоволил распределить между бедным народом⁶ известное количество палок, нагаек и розг.

Я думаю, милостивые государи, что вы, рассмотрев все эти факторы нашего внутреннего развоя, уверитесь в правде слов моих, а именно, что семена прошедшего пустили корни, стали развиваться и переходить в кровь народа. Какие результаты всего этого, спросите? Конечно, они были, но позвольте, я не хочу предупреждать времени, для жатвы нужно было чтоб⁷ все созрело, а для этого необходимо было манифестационное солнце. Довольно, что я указал настоящий смысл этого промежутка времени с Крымской войны до народных манифестаций.

Имея в виду беспрестанно цель моего с Вами разговора, я упустил из виду упомянуть о том, что вместе с развитием собственно народной политической жизни у нас развивалась и в самом деле⁸ с усиленно значительно энергией и общественная (собственно говоря) жизнь наша. Ни одна ветвь промышленной, торговой, ремесленной деятельности⁹, ни одна отрасль науки, образование народа, [л. 4] жизнь религиозная, нравственная, одним словом,— все насильно *рвалось* (не знаю хорошо ли я¹⁰, то есть точно выразился по-русски) вперед. Подробностей разбирать не стану, даже исчислять их; это, впрочем, вообще знакомо, достаточно заявить, а лучше напомнить это. Теперь прошу Вас, господа, соберите в одно целое все сказанное мною, соберите, с одной стороны: все правительственные меры со времени раздела Польши до 25 февраля п. с. 1861 г., а с другой,— нашу жизнь общественную и народную, и Вы, я думаю, придете к такому заключению, к какому я хотел Вас привести, представляя Вам факты (ведь факты— а не догадки или критику), совершавшиеся во все это время, а именно:

1. *С одной стороны:*

а) что мы в продолжение многих столетий жили как самостоятельное свободное государство и были разделены начиная с 1772 г. соседями;

б) что за эту самостоятельность и свободу отцы и деды наши пролили много крови и беспрестанно, хотя иногда ложными, т. е. неточными, несоответственными средствами старались возратить эту самостоятельность и свободу;

^а Зачеркнуто с одной стороны
^г Зачеркнуто плоды
^ж Зачеркнуто понятно

^б Зачеркнуто за
^д Зачеркнуто в усил
^е Зачеркнуто жизнь

^в В тексте описка бедный народ

¹ Имеются в виду заседания созванного в апреле 1861 года галицийского сейма, в ходе которых выявились резкие противоречия между помещиками и крестьянами, а также разногласия между польскими и украинскими депутатами по национальному вопросу.

² Из Марсаль, где в 1860 году высадился с.тысячей добровольцев Джузеппе Гарибальди, начался поход за освобождение Италии от австрийского владычества.

с) что история возложила на следующие поколения определенные неизгладимые права и обязанности относительно этой же самостоятельности и свободы;

д) что история поставила нас на известной степени образования и дала нам материал для постепенного самостоятельного развоя, несмотря ни на какие условия;

е) что труды и жертвы прошедшего оставили народу ряд истин, основ для будущей жизни, так сказать, догмы Народной веры;

ф) что общество в самом деле приняло эти догмы, стало их разрабатывать всеми всевозможными и всесторонними путями;

г) что этому обществу даже для его повседневной, общественной в собственном смысле жизни необходимы были известные свободные институты и учреждения, нужен был вообще закон, соответственный потребностям века;

h) что, наконец, это же самое общество шаг за шагом шло вперед всегда и в материальном, и в нравственном, и в умственном отношениях.

2. С другой же стороны:

а) что русское правительство во времена Александра I (до него нечего и говорить даже, разве что мы были биты по гримасам^а проконсулов императрицы Екатерины, и то биты, то немножко свободнее жили по гримасам (я думаю, история признала это) богатого в гримасы несчастного императора Павла I) некоторое время не преследовало народности нашей (только не преследовало) ради своих собственных интересов, но по истечении этого времени оно обмануло нас;

б) что все это время образование народа и его всесторонний развой были даже поощряемы правительством, действующим или на основании известных законов, или посредством лиц из среды народа выбранных. Это было до 1823 г.;

с) что с 1823 г. русское правительство поглощало беспрестанно и неусыпно всякую жизнь в народе, все права его^б — и человеческие и народные — попраало ногами, словом, поступило варварски. Так было до 1855 или 1856 г.;

д) что, наконец, с этого времени до 1861 г. русское правительство перестало мучить и терзать народ, обращение его с обществом перестало быть варварским во многих отношениях, однако же ни за что не позволяло, не допускало развиваться жизни народной (ничего не говоря о поощрении и покровительстве), все же общественной жизни потребности оставляло без всякого внимания, напротив, часто было даже враждебно частным усилиям.

С этими строками я кончаю первый доманифестационный период. Я сказал, что для созрания семян уже развивающихся в обществе нашем^в, необходимо было солнце; и вот [л. 4 об.] братья мои поднесли^г крест и хоругви и запели славное «*Boże coś Polskę*»^д, а братья Ваши послали им за это пулю — и солнце взошло. Посмотрим, как созревали облитые кровью семена^е.

^а Т. е. по прихоти, по произволу ^б Зачеркнуто народа ^в Зачеркнуто нужно ^г *rodnieści* — подняли (польск.) ^д *Боже, что Польшу* (польск.) ^е Далее *зачеркнуто заголовок* 2. Время народных манифестаций — религиозно-патриотических — до поступления на должность наместника графа Лидерса

¹ „*Боже, что Польшу...*“ — гимн, написанный в 1816 г. по случаю провозглашения Королевства Польского Алоизием Фелинским (1771—1820). Позднее в несколько измененном виде гимн стал одной из наиболее популярных польских патриотических песен.

Примечание. Я хотел было уже распрощаться с прошедшим, однако же мне припомнилось еще одно, а именно, я припомнил себе все те толки, возгласы, суждения, которые мне пришлось выслушать в разговорах с русскими или читать в разного рода произведениях печатных (как н[а]пр[имер] в бестолковом по части польского вопроса «Голосе»¹), все более и более заблуждающих общественное мнение России, суждения фальшивые о каких-то *магнатах*, распоряжающихся судьбами народа, о каком-то дворянстве, как-то чудовищно понимаемом, *панах*, руководящих всеми действиями нашего общества.

Между тем все это, милостивые государи, позвольте Вас уверить (а если захотите, то, пожалуй, и убедить), ложь, выдумка или — если интереса в том нет никакого — по крайней мере призрак и доказательство, что общество наше даже Вам, русским, решительно незнакомо. Аристократию нашу (аристократию в собственном смысле, как что-то живущее, действующее, как главу народа) отыскать можно разве в Голосе или в статье Гильфердинга² (в скобках сказав чушь, чепуха, арлекинада слов; ничего больше. Удивительно однако же, как это «Русский инвалид»³ сошелся с Искандером на словах, жаль только, что г. Гильфердинг не понял Искандера, он говорит о «народе аристократов» в самом деле, а хотя не попал тоже в истину, так уж по крайней мере относит это к старому, к престарелому прошедшему), на нашей же почве отнюдь их нет, могут быть жалкие поползновения (не спорю), так это только смешно как болезнь богатого человека с историческим мнением, болезнь, которая, если и вредна, так только для самого актера. Дворянство (в настоящем смысле)^а — это тоже уже история, дворяне же как помещики и владельцы крестьянской земли существуют, но им всё, пожалуй, готов я признать, да уж никогда инициативы в судьбах народа.^б Так же точно несправедливы все толки о деятельности *Земледельческого общества и помещичьих ассоциаций*. Политических тенденций никто им на душу не возложил. Они работали (да и то не очень) в границах, обозначенных их именем. А разве они виноваты, что, желая увеличить свои доходы и развить земледелие и торговлю, увеличили вместе с тем и народный капитал, для революции необходимый, или что, будучи принуждены собираться, иметь корреспондентов и проч., сблизили в одно время, познакомили уезд с уездом, губернию одну с другою, провинцию одну Польши с другой, или, наконец, что говоря речи, писав статьи, беспрестанно толкуя об общественной пользе, о всеобщей пользе, дали некоторым из них, как отдельным личностям, и другим нечленам корпорации подумать, что такое в Польше *всеобщая польза* в настоящем народном смысле. Все они (агронимические и другие институты) шли бессознательно, работали, но — раз еще [так!] — бессознательно для восстания, как все другие факторы жизни нашей, как, пожалуй, только в отвратном отношении^в, муханов-

^а Зачеркнуто тоже ^б Зачеркнуто Я говорю ^в Т. е. в противоположном смысле

¹ «Голос» — либерально-буржуазная газета, издававшаяся А. А. Краевским в Петербурге в 1863—1883 гг.

² Имеются в виду три статьи А. Ф. Гильфердинга, опубликованные в «Русском инвалиде» и перепечатанные аксаковской газетой «День», — «За что борются русские с поляками», «В чем искать разрешения польскому вопросу» и «Полсжение и задача России в Царстве Польском».

³ «Русский инвалид» — газета, орган Военного министерства, издавалась в Петербурге в 1813—1917 гг.

ские меры. Не переродилось ли бы Агрономическое, положим, общество со временем в политическое, с тенденциями, враждебными русскому правительству? Об этом, конечно, я спорить даже не буду, более, я утвердительно отвечаю — да, потому что убежден, что если б правительство, не дав нам никаких соответственных учреждений для разработки начал нашей жизни, позволило нам только, положим, строить общими силами цитадели-крепости и тюрьмы для политических преступников, так и при такого рода *работе* со временем мы, вознося стены этих зданий, вместе с тем стали бы придумывать средства, какими бы можно было чем скорее скрыть их или послать вместе со сторожами на тот свет. Однако же зачем подозревать *преневиное* Агрономическое общество в тенденциях, о которых оно и не думало, а уже было закрыто в начале (7-го) апреля ¹ п. с., следовательно спустя месяц с 25 февраля 1861 г.? — Да, вопрос еще — полезно бы было для будущего восстания, — если бы оно переродилось в *тело политическое*? Не думаю, иначе оно бы существовало.

[л. 5] 2. МАНИФЕСТАЦИЙ РЕЛИГИОЗНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ
С 25 ФЕВРАЛЯ 1861 г. ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ
НАМЕСТНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ГЕНЕРАЛА ЛИДЕРСА

Доведя мои разъяснения до этого времени, я призадумался, потому что *при условиях краткости и сжатости* сам не знал, как представить Вам, милостивые государи, эти несколько месяцев жизни моего народа, на что именно указать, чтобы настоящий смысл этого периода сделать яснее, выразительнее. Там такое множество фактов, такая перемесь деятельности правительства и общества, такое на первый взгляд (мнимое) противоречие иногда фактов одних другим, с той и другой стороны (т. е. правительства и общества ^а), что не только трудно ^б рассматривать отдельно, как поступало правительство и что делало общество, но даже можно потеряться в этом лабиринте не ^в избрав какой-нибудь проводной нити. Манифестационные явления можно рассматривать с разных сторон, для нас, однако же, самое важное — узнать их значение относительно вопроса — как развилось восстание? ^г При чем позвольте напомнить Вам, господа, что в конце моих рассмотрений первого периода, заранее я назвал уже все время манифестационное созреванием начал, истин народной жизни.

Вот я думаю, имея беспрестанно в виду эти два пункта, а именно цель: путь развоя нынешнего восстания и значение манифестационного периода этого развоя ^д, эти два пункта как нить проводная проще и скорее всего поведут ^е нас к желаемой цели. А потому я думаю: 1) просто исчислить (т. е. напомнить) факты тогдашнего времени, конечно, не все, но важнейшие, и насколько память моя мне подсунет, 2) после я просто, так сказать, прочту Вам, что все эти факты в истории написали и сказали.

Итак (Еще одно. Так как Варшава была главною сценою происшествий за этот период, потому я ограничусь фактами, там же свершившимися, об других напомню, насколько ^ж они говорят громче).

^а В тексте очевидная описка — общего ^б Зачеркнуто при условиях краткости
^в Зачеркнуто отыскать ^г Зачеркнуто При том ^д Зачеркнуто которое я заранее
определил словом созревание ^е Зачеркнуто приведет ^ж Зачеркнуто будет

¹ Земледельческое общество было закрыто 6 апреля 1861 г.

Религиозно-народные молитвы и пения не появились в первый раз в годовщину Гроховской битвы, они были и прежде, только не так общие, не так грандиозные (извините это слово), великолепные. Мы молились и прежде в годовщину первого дня восстания 30 г. (29 ноября п. s.), в годовщину смерти Костюшки, смерти трех пророков и проч., но это были более тихие, домашние, так сказать, молитвы наши. *Публично* мы молились в первый раз тоже в годовщину восстания 30 г. 29 ноября 1860 г. перед дверями *костела Кармелитанского* на улице *Лешно*, в здании Кармелитов именно помещались *политические преступники* со времен цесаревича Константина Павловича до 1830 г. Там вечером, в часу седьмом, перед крестом, на улице на столе поставленным, преклоня колена, мы в первый раз публично запели (со слезами и рыданием) «*Boże coś Polskę*» и другие песни. Там же после молитвы мы раздавали народу (народу не было много) коротенькие печатные песни и картинки (не помню уж, какие), знаю только, что между прочими были картинки Костюшки и Килинского (славного с 1794 г. сапожника варшавского в вечной памяти у народа вообще, ремесленный же класс почитает его своим в некотором смысле патроном, страстно любит всякие о нем воспоминания и следовать его примеру считает священным долгом своим, честью).

За этой, как вообще свет привык называть, манифестацией последовали в таком или ином (это все равно) порядке следующие события. В годовщину Гроховской битвы 25 [февраля] п. s. 1861 г. народ, вышедши из Паулинского костела с крестом, образами-хоругвиями (одно знамя было с белым одноглавым орлом, при появлении которого народ громко плакал), хотел почтить память отцов, проливающих кровь свою за свободу отечества, публичную религиозную процессией.

Войско, полиция, жандармы приостановили шествие. При этом первом столкновении правительственной силы с народными чувствами трупов не было, ранены [е] были. Нужно, однако же, заметить притом, что народ был без всякого оружия, нисколько не боялся саблей и штыков, что правительство и лица, от имени его действующие, уже тогда не могли утешать себя уважением и послушанием жителей, полиция была с презрением осмеяна, генерал (или тогда полковник еще) Трепов, оберполицимейстер, был даже обижен, о чем уличные мальчуганы составили сейчас же насмешливую песенку¹. Далее двумя днями спустя последовала процессия вследствие похорон какого-то «*сибиряка*»², и опять столкновение правительства с народом. Народ не побоялся пуль, пять жертв пало, кроме раненых. Масса волновалась все более и более с каждой минутой, слушания и презрения к правительству никто не скрывал, пять жертв³ почитались мучениками, окровавленную их одежду люди разорвали в куски в память о том.

[л. 5 об.] Между тем, а лучше в одно и то же время, разные депутации из среды народа ходили к князю Горчакову уже *не с просьбою*, в сущности, а с домогательствами, довольно неопределенными, приостановления не

^a Зачеркнуто стали

¹ «*Na Starem*» *Miście przy wodotrysku pułkownik Trepow dostał po pysku* (На Старом Месте у фонтана полковник Трепов получил по морде).

² «Сибиряками» называли бывших ссыльных, вернувшихся в Польшу после амнистии 1856 г. Авейде допустил ошибку: похороны «сибиряка» Ксаверия Стобницкого происходили 8 апреля. Демонстрация 27 февраля была устроена в честь Земледельческого общества, в тот же день происходили похороны чиновника Юзефа Лемпичаго.

только предпринимаемых, но и^а каких¹ бы то ни было мер противу {взволнованного} народа.

Правительство по недостатку системы не знало, что делать, и после долгих колебаний, наконец, согласилось на представления и домогательства депутации. Войско и вся полиция были спрятаны. Генерал Заболоцкий отдан (если не ошибаюсь) под суд¹, полковник Трепов сменен вежливым и хитрым генералом Паулючи (он не принял иначе должности оберполицмейстера как после спроса и получения согласия на это собранной массы на площади *Starego Miasta*^б), безопасность и управление городом отданы в руки самих же жителей, т. е. так называемой *делегации* (из 12, насколько помню, лиц), наконец, позволено было публично похоронить пять убитых 27 февраля. Одним словом, успех был полный, непредвиденный, масса победила правительство. Затем последовали дальше триумф, так сказать, победы, похороны убитых при скоплении 100 000 (буквально) народа, при участии высшего духовенства с архиепископом во главе, духовенства протестантского и моисеевого, и здесь^в надо отметить, что вся эта масса *слушалась без слова своих мальчиков полицейантов*, между ними были гимназисты даже 17- или 16-летние.

Одновременно родилась мысль послать адрес государю императору; люди совещались — в каком духе, подавали проекты (был и проект маркиза Велепольского), наконец, послали *нарочно неопределенный*, в словах почти «что нам жить худо, что так далее жить нельзя», противу определенного проекта Велепольского, и здесь-то, впрочем, не первое, но более явное публичное, политическое столкновение его с общественным мнением. Государь адрес принял, Велепольский уехал в С.-Петербург². С тех времен жизнь сделалась, если точно определяю ее, бесправительственно свободною, городом управляла *делегация*. Делегация всякий день представляла как бы рапорты народу в Купеческом клубе (*Resursa*) *о положении края*, все толковали, говорю все — без различия исповедания, состояния^г, образования, все громко домогались перемены коренной, всесторонней, все радовались, что победили правительство и стали публично *презирать* им^д. Религиозные манифестации буквально *посыпались* и в Варшаве, и в других местах Польши, наконец, везде почти, почти у каждого костела; нечаянные делегации образовались и в других городах Царства Польского и почитали себя зависимыми только разве от делегации варшавской. Классы народа сблизились. Члены Земледельческого общества пристали к движению городскому и забыли решительно о своем назначении. Евреи приняли во всем живейшее, неотлучное участие и стали с этой минуты гражданами; их пробужденные чувства приняты были по-братски, и нередко случалось видеть восторженную толпу христиан и евреев, обнимающихся и плачущих от радости, что, наконец, братья узнали себя взаимно, как, н[а]пр[имер] во время^е манифестации на гробе пяти убитых и на гробе еврейского

^а Зачеркнуто¹ всяки ^б Старого города (польск.) ^в Зачеркнуто должно
^г Зачеркнуто даже ^д Полониям ^е Зачеркнуто одной

¹ Вопрос о привлечении к ответственности виновника расстрела 27 февраля 1861 г. генерала Заболоцкого неоднократно затрагивался в переписке наместника М. Д. Горчакова с царем, по указанию которого следствие по этому делу велось крайне неторопливо, а затем и вовсе было прекращено.

² Адрес был принят наместником М. Д. Горчаковым, в связи с чем царь выражал ему свое неудовольствие. Велепольский в марте 1861 г. в Петербург не ездил.

раввина, Eisenbauma (Эйзенбаума, если не ошибаюсь)^а. И тут примеру Варшавы последовал весь край. Нужно прибавить, что тогда все стали носить народные костюмы. Время такой *бесправительственной* свободы продолжалось, если я хорошо помню, шесть недель до 8 апреля п. с., даже г. Муханов уехал из Варшавы^б и должен был уехать тайком, чтоб избежать обидения разгневленного [так!] на него народа. Наконец 7 апреля закрыто было правительством Земледельческое общество (по представлению м. Велепольского), затем следовала народная демонстрация, сделанная народом в честь^в того же председателю гр. Замойскому 8 апреля¹ и вместе с тем опять кровавое столкновение^г войска с народом, кончившееся сотнями жертв убитых и раненых. Правительство долго^д не действующее, разве по желанию массы, опять стало действовать.^е Во главе правления (в Цар[стве] Поль[ском]) все еще стоял, если не ошибаюсь, кн. Горчаков, но видно было, что душою^ж его стал возвратившийся уже тогда из Петербурга м. Велепольский, сначала министр юстиции, а потом и просвещения^з и духовных дел вместе².

^иТеперь место вопросу: какие были действия правительства во^к все это время до вступления в должность наместника гр. Лидерса?^л На этот вопрос, собрав ради краткости представления все факты и явления тогдашней эпохи, можно ответить следующими пунктами:

1. Правительство с самой смерти кн. Горчакова постоянно переменяло личности наместников, так эту должность [л. 6] исполняли ген. Мерхелевич, ген. Сухозанет, гр. Лямберт, и опять ген. Мерхелевич^з.

2. Правительство начало действовать (впрочем, в Царстве Польском только) по известной полной, определенной программе, с определенной системой, а именно системой г. Велепольского.

3. Правительство начало преследовать манифестационные явления, закрыло делегацию и сходки народные в купеческом клубе, стало преследовать религиозно-патриотические пения, процессии, костюмы, впрочем, без энергии, и меры, с этой целью предпринимаемые, зависели более от характера исполнительных правительственных органов, нежели от общих каких-нибудь распоряжений, и так иначе действовал ген. Рудановский в Сувалках, иначе ген. Хрущев в Люблине, иначе ген. Вагнер в Ченстохове, а еще иначе гг. генерал-губернаторы и оберполицейстеры в Варшаве.

4. Правительство, поступая по принятой^м системе, прервало зависимость нашего образования от министерства просвещения в Петербурге и образо-

^а Зачеркнуто при ^б Зачеркнуто уехал ^в Зачеркнуто и благо ^г Зачеркнуто прав ^д Зачеркнуто ничего не делало ^е Зачеркнуто Маркиз ^ж Зачеркнуто всего ^з Зачеркнуто образования ^и Зачеркнуто (Несмотря, однако же, на 8 апреля, манифестации не прекратились, только делегация была закрыта, а с нею и ежедневные сходки и совещания, пения же, религиозные процессии, даже отчасти костюмы, все еще существовали. Молебствия за *roponyślność Ojczyzny* [*благополучие Родины (польск.)*] были повседневные, так - сказать). Более, однако же, значительное, более характеристичное ^к Зачеркнуто хотя пре ^л Зачеркнуто а да / можно ска / 1. С кончины ^м Зачеркнуто зар

¹ Ошибочная датировка — закрытие Земледельческого общества произошло 6 апреля, а демонстрация в честь Замойского — 7 апреля.

² Велепольский первоначально был назначен председателем Комиссии просвещения и духовных дел (26 марта), а затем председателем Комиссии юстиции (9 апреля).

³ После отставки Ламберта должность наместника исполнял не Мерхелевич, а Сухозанет.

вало новое министерство, или, как его в Царстве Польском называют, правительственную комиссию публичного образования и вероисповеданий, так же точно отделило от такой же зависимости управление почт и управление путей сообщения, одним словом, правительство дало нам в некотором роде административную автономию,^а причем дало нам в одно время отдельный Государственный совет и выборные уездные, губернские и городские советы с довольно обширными правами. Наконец, правительство стало предпринимать и отчасти приводить в исполнение преобразования по части местного законодательства. (Хотя вся эта деятельность развивалась окончательно после истечения собственно манифестационного периода, однако же^б всему было положено основание именно в это время.)

5. Правительство^в принялось за разные улучшения административные, переменяло личности главнейших чиновников, точнее, все еще колеблясь *переменяло*, ввело везде польский язык как письменный, лучше — официальный (Управление почт именно до этого времени употребляло^г исключительно русского языка как письменного [так!]) и проч.

Одним словом, правительство в Царстве Польском поступало по пути преобразований решительно, прогрессивно, *с признанием Народности*.

6. Правительство, наконец, в других провинциях Польши подвластной России не сделало ни шагу вперед по пути преобразований, даже народности не признавало, напротив, преследовало всякое явление народности. Так же точно подвергались преследованию со стороны правительства религиозно-политические манифестации, так в Литве, так и на Руси. Между тем с 8 апреля нисколько не утихла горячая деятельность на манифестационном поле, пения, процессии, политические более демонстрации все еще продолжались; так в Варшаве, как и в других местностях Польши церковные молебствия и богослужения за *romyślność Ojczyzny* были даже почти ежедневные. Напомню только важнейшие явления.

К числу таких принадлежит так называемая ковенская манифестация¹, в которой народ с обоих берегов Немана с крестами, образами и хоругвями церковными и народными сошелся на разведенном Ковенском мосту и минуто спустя, несмотря на все препятствия со стороны правительства, навел мост, сошелся вместе и пошел великолепной процессией к какому-то, не помню, костелу отслужить молебствие за *romyślność Ojczyzny* и за соединение во скором будущем разделенных частей^д и радовался среди братских объятий и слез. Такою же, только более важною была манифестация городельская на полях маленького городка Люблинской губернии *Городло*, где около 12 или 15 тысяч народа *из всех частей Польши* в виду русских пушек и войска (но с дозволения ген. Хрущева) в годовщину *унии Городельской*, т. е. соединения Польши, Литвы и Руси в одно целое, в первых числах августа месяца (кажется 10 п. с.)² отслужило молебствие за скорое соединение разделенных частей отечества и составило тут же акт (документ), подписанный всеми присутствующими, утверждающий единство их. (Притом напомню, что в этот же день и в день унии Люблинской 1569 г.^е отслужены были молебствия с такой же целью в множестве мест всех

^а Зачеркнуто далее правительство / притом ^б Зачеркнуто все это ^в Зачеркнуто наконец ^г Зачеркнуто только ^д Зачеркнуто Отечества ^е Зачеркнуто отправлены

¹ 31 июля (12 августа) 1861 г.

² Манифестация в Городле состоялась не 10 августа, а 10 октября.

уголков *всех частей Польши*.) Далее, следует напомнить манифестацию ченстоховскую у памятника Кордецкого¹ (со времен войны со шведами за короля Иоанна Казимира²) с пришельцами познаньскими и галицийскими, манифестацию калишскую³, причем толпа бросала камнями в окошко кареты епископа Маршевского и обидела его, уличные варшавские⁴ излишества, в которых толпа работников, можно сказать, разрушила лавки пекаря Барца и кондитера Веделя за то, что они как немцы не только не принимали участия во всеобщем движении, но еще отзывались о всем происходившем враждебно. Нельзя тоже умолчать уже не об религиозном, но чисто политическом явлении, именно [л. 6 об.] о выборах в дарованные императорским манифестом народу советы уездные и городские. Это явление не только по времени, да и по характеру своему принадлежит к числу явлений манифестационных, притом при значении своем, которое оно в моих глазах имеет, заслуживает, чтобы представить его с некоторыми подробностями. Это было в месяце, насколько помню, сентябре — наместником тогда был *гр. Лямберт*. Факты следующие. Государь дал нам в Цар[стве] Поль[ском] институции от выборов, пришло время выбирать членов в советы уездные и городские, вопрос шел о том, принять ли эти институции или нет, выбирать или нет? — вопрос чрезвычайно важный. Добрые люди стали разбирать этот вопрос, толковать, спорить, сначала по домам, потом в публичных залах, наконец, вышли на улицу. Все говорили: «Царь дал советы, они-то сами по себе дело не дурное, но, во-первых, там нет *Литвы и Руси*, во-вторых, это далеко не то, чего мы желаем, чего нам нужно, это не *сейм*, а, в-третьих, следует ли вообще нам, полякам, принимать что-нибудь от русского государя?». Разбирая вот так поставленный вопрос, *одна сторона* была мнения, что данные государем институции принять нельзя и не следует и что необходимо сказать всеобщим документом почему⁵ именно, т. е.⁶ что как ни хороши данные нам институции, однако же они далеко не соответствуют потребностям нашим; что потребностью нашею есть именно: 1) быть соединенными в одно целое с Литвою и Русью, так как мы, несмотря на все границы, на все прошедшее и трактаты, которые Польшу разделили, чувствуем себя одним целым политическим телом; 2) что по степени нашего образования и нашего внутреннего развоя мы можем быть управляемы только *народным* правительством при существовании законодательной репрезентации, т. е. *сейма*. Это говорила одна сторона, разумеется, ее составлял элемент молодой, более горячий, *собственно* манифестационный. *Другая сторона*, старшая, более не столько интеллигентную, сколько капитал и высший социальный строй представляющая, говорила: «Данные государем институции принять и взяты за работу, потому что они хороши и для края полезны⁷, хотя недостаточны, хотя далеко не соответствуют нашим политическим, народным и другим потребностям». Общество спорило долго о том, спорило в Варшаве, спорило во всех уголках Цар[ства] Поль[ского]. Наконец, старшие победили, все согласились выбирать членов, т. е. принять данные государем институции⁸ по следующей программе: 1) подать

¹ Т. е. во время короля ² Зачеркнуто бешенства ³ Зачеркнуто что ⁴ Зачеркнуто потому ⁵ Зачеркнуто как на чтобы необх ⁶ Зачеркнуто но с условием

¹ Августин Кордецкий (ок. 1603—1673), приор Ясногорского монастыря в Ченстохове, один из руководителей обороны монастыря в период шведского нашествия 1655 г.

² Описываемая демонстрация была в Ленцице.

адрес правительству на имя наместника гр. Лямберта, в котором бы были представлены дальнейшие требования (именно пункты о присоединении Литвы и Руси к Цар[ству] Поль[скому]¹ и требование сейма); 2) что в состав советов должны войти представители всех слоев общества. Так и сделалось; члены были выбраны, как указывал второй пункт программы, да притом вообще личности как на первые выборы² довольно удачные, а многие даже весьма удачные. Адрес был написан и десятками тысяч подписей покрыт.

Извините меня, милостивые государи, что я немножко обширнее говорил об этих фактах, но⁶ это тоже явление нашей тогдашней жизни, да и явление весьма важное; люди вышли на улицу, пан (как Вы, русские, называете) пан Замоийский стал толковать с замаранным в блузе работником.

Кроме этих фактов, нужно еще упомянуть о великолепной манифестации во время похорон архиепископа Фиалковского, в которой приняли участие опять все вероисповедания с их духовенством, на которую прибыли окрестные крестьяне довольно многочисленно.^в Народ, почитая умершего архиепископа *примасом* (rugas) Польши, нес за его телом королевскую корону². Последующею за этой манифестацией, а вместе с тем последнею более значительною — было молебствие в годовщину смерти Костюшки во всех костелах^г, протестантских церквях и синагогах не только Варшавы, но и множества других местностей всех частей Польши. Крестьяне^д тоже молились за душу *отца Костюшки*. Они были тогда прелюбезными гостями варшавских жителей^е и поняли это. В самом деле было многое трогательного в этом зрелище, которое представляло уж не сближение, а^ж слияние братских душ всех классов и религий в эту минуту. Крестьян Варшава отправила домой экстренным поездом с песнею «Jeszcze Polska nie zginęła».

Тем кончились манифестации. Далее последовало опять столкновение народа с правительством. войско по приказанию начальства вошло ночью силой в костелы, были ранены[е], арестованных тысячи, духовенство католическое с администратором архидиоцезии прелатом Бялобржеским сочло осрамлением святыни поступок войска, из предосторожности заперло костелы, а два объявило как требующие нового освящения. Раввин и кагал гмины варшавской из предостережения то же сделали с синагогами. Затем последовали арестование прелата Бялобржеского и других лиц, в особенности из духовенства католического, протестантского и моисеева вероисповеданий, смерть ген. Герштенцвейга (общественное мнение говорит, что вследствие американской дуэли с гр. Лямбертом), отставка гр. Лямберта, вступление в должность наместника ген. Мерхелевича^з, и, наконец, приезд нового наместника ген. Лидерса^з.

.....^а Зачеркнуто случаи ^б Зачеркнуто я дума ^в Зачеркнуто Публика ^г Зачеркнуто лютеранских ^д Зачеркнуто и тогда ^е Зачеркнуто крестьяне ^ж Зачеркнуто брат
^з Зачеркнуто Таким образом, и я окончил первую половину моей задачи при разборе значения манифестационного периода, именно, перечислил факты и явления его, хотя, впрочем, далеко не все.

¹ Этого требования в адресе на имя Ламберта не было.

² Примас — глава католической церкви в стране. В Речи Посполитой в XVI—XVIII вв. примас в период бескорольев выполнял функции главы государства (*interrex*).

³ См. прим. 3 к стр. 24.

[л. 7] Следовало бы покончить с исчислением фактов и явлений, а перейти к указыванию на настоящего их смысла [так!], однако же необходимо еще ко всему вышесказанному присовокупить следующее. Для всех более приближенных к событиям минуты было удивительным, а вместе с тем ^а не подлежащим сомнению, что никто не руководил всеми этими ^б событиями с самого начала до конца, что во всем этом ^в решительно не было никакого заранее придуманного плана и *сознания* (говоря — *сознания*, из чего это вышло и к чему ведет) ^г, что во многих случаях не было даже простого порядка, а была ^д неурядица, что если отдельные манифестации и были кем-нибудь заранее придуманы ^е, но нисколько руководимы, так это были личности совершенно до этого времени неизвестные, незнакомые, притом отнюдь *не исполины*, которые, как *Deus ex machina*, появлялись на минуту на сцену и, сходя с нее, уж были всеми забыты, что более всех действовал тогда класс городской ^ж — в первый раз так значительно — и молодое поколение, что, наконец, манифестации всем стали быть тяжелыми, стали надоедать. Так уж точно заявить нужно, что тогда все классы народа, все с самого высшего до работника и крестьянина, все вероисповедания сблизились, так сказать, перемешались, были даже минуты слияния, что помещики и вообще общественное мнение принялись за дело крестьян, за их образование, и тут *посыпались* всякого рода формы и достоинства народные школы, особенно же деятельно было на этом поприще духовенство, женщины и молодежь, что далее вследствие облегчения цензуры, несуществования полиции, затронутых даже правительством вопросов и предпринятых и исполняемых преобразований, наконец, публичной жизни, все, несмотря на ступень образования, во все это время стали читать и писать всё, толковать, рассуждать, рассматривать всевозможные вопросы — и политические, и народные, и общественные (мне приходит на память *n[a]np[имер]*, что в насмешку над австрийским правительством и его банкротством завели раз было публичную лицитацию *in minus* ^з австрийских облигаций и вообще австрийских денег, бумажных денег) ^и и что тогда-то появились в первый раз печатные подпольные плакаты, коротенькие песни, отрывочные статьи и наконец листки и газеты, как «*Stražnica*», «*Sternik*», «*Robudka*» ¹. Прибавьте ко всему сказанному еще, что тогда уже были восторженные головы и сердца, которые публично проповедовали атаку на цитадель, что были люди, желающие ^к резню отмстить 8 апреля сейчас же, на другой день (факт), что страстная, столько раз битая, обижаемая и презираемая масса народная стала тогда уже явно не слушаться правительства, презирать им, принимать с насмешкой всякое его распоряжение и слово, что *та же самая масса* часто обижала русских солдат и вообще русского человека (говоря *та же самая*, т. е. столько раз би-

^а Зачеркнуто ясным ^б Зачеркнуто маниф ^в Зачеркнуто не было ^г Зачеркнуто не было решительно тогда ^д Зачеркнуто простая ^е Зачеркнуто если ^ж Зачеркнуто и молодое поколение ^з Лицитация *in minus* — продажа с публичных торгов

^и Зачеркнуто Далее необходимо напомнить что тогда-то ^к Зачеркнуто на другой

¹ «*Stražnica*» («Сторожевой пост») — издавалась с I.VIII 1861 г., в течение 1861 г. вышло 16 номеров, в 1862 г. — 24 номера, в 1863 г. — 5 номеров (последний вышел 23.V 1863 г.); «*Sternik*» («Рулевой», «Кормчий») — с I.X 1861 г. по I.II 1862 г. вышло 4 номера; «*Robudka*» («Сигнал») — первый номер вышел I.XI 1861 г. В течение 1861 г. издано 3 номера, в 1862 г. — тоже 3 номера (последний вышел 8.III 1862 г.). Все три издания умеренно оппозиционного направления.

тая, обижаемая и презираемая народная масса), прибавьте к этому, наконец, смерть русского офицера Пайкерта, смерть Арнгольда и его благородных товарищей, друзей наших, и Вы будете иметь, конечно, не полный, но все-таки верный образ тогдашнего времени.

Таким образом, я окончил первую половину моей задачи при разъяснении значения манифестационного периода, именно перечислил факты и явления его, хотя далеко не все. Я старался не представлять Вам, милостивые государи, прекрасного, впрочем, в первой своей половине Montalembert'овского *La nation en deuil*¹, старался бросить в сторону всякие дорожки для меня воспоминания, позабыть, что я тоже дитя этого времени в некотором смысле, избегал тщательно всякого рода прикрашений, не позволив себе ни малейшего искажения фактов или утаивания чего-нибудь, об критике даже и не думал, одним словом, я старался только хладнокровно-исторически перечислить все важнейшие и более значущие события народной жизни^а и правительственной деятельности в это время. Думаю, что вы уверены в том^б. Теперь пора перейти к другой половине задачи — вывести из данных, доставленных временем при помощи прошедшего, определенные заключения, необходимые, чтоб отвечать на вопросы — как развилось восстание и какие были его элементы главнейшие?

Маленькое примечание. Я сказал^в, что никто не руководил манифестациями, что они развились и следовали одна за другой без всякого заранее приготовленного плана, *бессознательно и раз еще никем руководимы*^г. Я сказал это нарочно, потому что *эта-то именно сторона* придает им в моих глазах необыкновенную важность, но, более, я сказал *сущую правду*, а отнюдь не из боязни сделать намек на кого-нибудь. Конечно, были личности, делающие одну и другую манифестации, как их обыкновенно привык свет называть, *герои минуты*, но в том-то и дело, что эти герои делали все, не зная и к чему все это ведет, а просто, так сказать, ради удовольствия минуты, а что эти герои, отделав свое, пропадали без вести. Что из всего этого движения вырабатывались люди для будущего и люди иногда весьма дельные, об этом спорить не буду и заранее признаю это.

[л. 7 об.] Теперь следуют вопросы — что значат все эти факты и явления манифестационные, какое, судя по этому, следует дать место^д манифестационному времени в разное народной жизни? Я постараюсь отвечать на эти вопросы.

Внимательно рассматривая^е совершившиеся события^ж, и прежде и более всего бьет в глаза следующее:

1. Люди действовали бессознательно, без плана, никем не руководимы, действия же их были важные, составляли жизнь общества, имели важные последствия (относительно добрые или относительно^з вредные, это покуда все равно для нас); это значит, действия эти^и лежали в *потребности общества*, были последствием прошедшего, историческою, а вместе с тем логическою необходимостью, а ни в каком случае не означают временной частной болезни, искус[твен]но, насилию привитой.

^а Зачеркнуто деятельности ^б Зачеркнуто следовательно ^в Зачеркнуто согласно с правдою ^г Зачеркнуто вы, господа, пожалуй, готовы считать меня
^д Зачеркнуто эти/этому ^е Зачеркнуто все ^ж Зачеркнуто мы видим ^з Зачеркнуто хулье ^и Зачеркнуто были историческою

¹ *Монтальямбер Шарль — французский публицист и политический деятель (1810—1870). Брошюра Монтальямбера «Une nation en deuil» («Нация в трауре») издана в 1861 г.*

2. Это были манифестации религиозно-патриотические, это значит, что народ, смотря по политическим и другим обстоятельствам, в которых находился, *инстинктивно* избрал себе самую лучшую, наиболее соответственную, наиболее удачную (может быть потому, что *единственно удачную*) форму для своей деятельности. По-моему, еще это была форма вместе с тем самая прекраснейшая, наиболее нравственная (по крайней мере из всех по сию минуту знакомых), великолепная.

3. Мы видим, что города были главными центрами деятельности общества, что главную роль играло городское население, что люди жили жизнью горячею, что на сцену появлялись с каждой минутой почти новые личности, что стали появляться разные подпольные печатные произведения (не говорю ничего о их содержании и достоинстве), — это значит, что, так сказать, инициатива будущей жизни общества находится или скоро перейдет — все равно — в руки того же городского населения, что образование народа двигалось *быстро* вперед, что народу нужны новые личности и что они вырабатываются, подпольные же прессы указывали на зародыш будущей формы для деятельности общества.

^а Таким точно образом можно бы по очереди рассмотреть и разъяснить всякое малейшее даже событие манифестационного времени, но этот способ^б слишком распространил бы объем предпринятых мною объяснений, и поэтому-то я думаю^в избрать путь иной, более соответственный, который поведет нас проще и скорее к желаемой цели. Говоря выше о периоде времени с 1831 г.^г до Парижского мира, я представил Вам, господа, ряд начал народной жизни, образовавшихся со временем, которые нынешнее поколение считает догмами Народной веры своей. Вот я думаю напомнить их Вам, милостивые государи, и тогда только указать, проявились ли и как именно проявились они в манифестационных происшествиях. Итак, догмы народной веры, позвольте припомнить, суть следующие:

а) любить отечество свое, жертвовать всем для него;

б) отечество поляка это Польша с 1772 г.^д, а не какая-нибудь провинция ее;

в) исторгнуть ее из-под чужеземного владычества — это священная обязанность;

д) не верить никакому монарху, никакому заграничному государству;

е) не верить ни за что русскому правительству и считать его главным своим врагом, сотрудников же его — поляков — почитать изменниками;

ж) верить только богу и рассчитывать на собственные силы;

з) Польша должна избавиться от всякого рода шляхетских предрассудков, преобладания классов, вероисповеданий и наречий; воздвять [так!] справедливость крестьянам^е;

и) внутренняя жизнь Польши должна быть свободной на основании разумных законов при соответственных органах с твердым, энергическим, разумным правительством; послушание закону и власти, представителю его, ничем не нарушимое;

й) заграничная политика Польши должна быть благородною христианскою;

^а Зачеркнуто 4. Что правительство с самого начала манифестации, т. е. с 25, а лучше с 27 фев[раля] 1861 г. ^б Зачеркнуто я думаю ^в Зачеркнуто считаю ^г Зачеркнуто до Крымской войны ^д Т. е. в границах 1772 г. ^е Зачеркнуто проклять

к) неволя Польши приносит пользу миру и России в особенности,^а пробуждает мысли о свободе человека,

л) самобытность Польши — историческая необходимость и тоже польза мира и России.

Теперь прошу Вас, господа, взглянуть внимательно на манифестационное поле, и скажите сами — не проявились ли эти начала в описанных мною происшествиях? — да притом с какой силой, определенностью, ясностью, не допускающею даже двумысленного истолкования; нужно ли мне еще приводить в утверждение слов моих какие-нибудь доказательства? Не думаю, и потому я ограничусь только, так сказать, приложением этих начал прошедшего к событиям жизни, и вы сами убедились, что все они как нельзя лучше гармонируют между собою, что эти начала прекрасно принялись и расцвели в обществе^б, что каждое, можно сказать без преувеличения, лицо тогдашнего времени точь в точь их повторяет и признает их своими. Итак:

Любовь к отечеству видна везде, начиная с самого начала содержания песни «*Voże coś Polskę*», во всех без исключения манифестациях, они все проникнуты, так сказать, духом любви к отечеству, народ громко заявлял об этом, высказал, что ему дороги воспоминания прошедшего, а память людей, посвящавших жизнь для него, в особенности для независимости и свободы, считает святою. Что^в в одно время высказалась готовность жертвовать всем для отечества, это тоже ясно, припомните, господа, что народ не побоялся пуль, что в самом деле не ради прикрашения просто невозможно было уговорить, удержать воспламененный народ, теснящийся бессознательно после первого залпа и первых групп для принятия другого, простые работники говорили со слезами лицам (а может друзьям, знакомым), старающимся уговорить их отступить: «*niech i mnie dla Polski zabiją*» («Пусть и меня для Польши убьют»), как это было 8 апреля. Что отечеством своим, далее, народ считает не какую-нибудь провинцию, подвластную тому или другому государству, а Польшу с 1772 г., это тоже ясно; вспомните, господа, на повсеместный характер манифестаций, [л. 8] на манифестации ковенско-городельскую и все в годовщину унии Городельской и Люблинской. Далее, заявления о вере и о каком-нибудь рассчитывании на западные государства манифестации совершенно не предоставляют, ни одного факта, хотя бы самой малейшей важности, мы не находим все это время. Разве подозревать бы всеобщие симпатии и любовь к Гарибальди и к Италии, думаю, однако же^г, и Вы, господа, согласитесь со мною, что это были бы подозрения ложные и извращение факта, вспомните, что за несколько месяцев до этого времени *диктатор* Гарибальди постановил образовать польский легион и заранее поручил команду его Мерославскому, это уясняет причину любви к Гарибальди, да притом ведь он принадлежит всему человечеству, а не одной Италии.

Теперь взглянем по очереди, как общество понимало свои отношения к русскому правительству. Соберем факты. Мы видим, с одной стороны, что русское правительство^д, с самого начала, не желая убивать безоружных молящихся людей, после одной попытки приостановить стремление масс отступило и отдало власть на произвол, так сказать, судьбы в продолжение целых шести недель, что далее оно *отчасти* приняло в основание

^а Зачеркнуто рождает мы
те с тем ^г Зачеркнуто что

^б Зачеркнуто как нельзя

^в Зачеркнуто в эти вместе

^д Зачеркнуто с самого почти начала

будущего управления (и то в Цар[стве] Поль[ском] только) полную, определенную систему, наиболее соответственную потребностям общества из всех с 1831 г. предпринимаемых, что оно стало действовать быстро, решительно и прогрессивно на пути преобразований, что некоторые из этих преобразований были даже весьма дельные, как н[а]при[имер], по части народного просвещения в Ц[арстве] П[ольском], что даны были обществу в Цар[стве] Поль[ском] институции, хотя ограниченные, но все-таки дающие более простора, чем до сих пор, для развоя общественных сил и для удовлетворения общественным потребностям, что постоянно переменяло личности наместников, что, наконец, правительство стало преследовать с 8 апреля манифестационные стремления масс, но слабо, нерешительно, т. е. лучше и вернее, колеблясь, с каждым днем иначе, то слишком сурово (как 8 апреля и 15 октября, н[а]пр[имер]), то чересчур слабо, как н[а]пр[имер] при излишествах варшавских работников с лавками пекаря Барца и кондитера Веделя. Мы видим, далее, с другой стороны, что общество с начала до конца не скрывало даже *своей ненависти, непослушания, неуважения и даже презрения* к правительственной власти; эти слова^а помещены мною нисколько ради украшения, а по ихнему каждого в отдельности значению, что масса осмеивала везде публично и правительство, и лица, от его имени действующие, обижала эти лица (как полковника Трепова, статс-секретаря Административного совета Эноха, ген. Абрамовича, Муханова и проч.), обижала даже невинные действующие по приказанию начальства орудия — солдат и казаков (хотя, в скобках сказав, солдаты и казаки, а и многие господа офицеры при исполнении приказаний начальства иногда не так-то вежливы и деликатны в приемах своих при столкновении с народом), что многие из манифестаций были собственно противу правительства обращены, что личность маркиза Велепольского была ненавидима всеми и едва ли не больше^б других правительственных лиц, что при выборах членов в городские и уездные советы (уже) был поставлен вопрос — следует ли вообще принимать что-либо от *русского царя?* и хотя приняты были^в данные государем институции, но с условием адреса, где отнюдь не скрывалось желание единства Польши, соединения Литвы и Руси с Ц[арством] П[ольским], притом отзывы, выражения во время этих споров при выборах явно высказывали недоброжелательные и недружеские чувства к правительству. Теперь, господа, вопрос: какое из этого, хотя отрывочного, представления обоесторонних фактов и явлений вывести необходимо заключение? Я думаю, что просто ответить можно: общество правительству *в высочайшей степени не верило*, так же точно не верило ни одному правительственному лицу (г. Паулючи надул, как говорят, было раз народ тем, что польстил толпе, спрашивая, *хочет ли она* его в оберполицмейстеры), а г. Велепольского почитало *изменником отечества*, несмотря ни на какие его высокие способности и качества истинно государственного мужа, более, общество тогдашнее (повторить следует) явно высказало, что не только правительству не верит, но *не слушалось его, не уважало его, ненавидело, презирало им*.

Очень естественно, Вы спросите меня — в каких же, наконец, отношениях Польша хотела быть к русскому правительству. Я думаю, что если Вы, господа, так же внимательно всматриваться будете в тогдашние обстоятельства, как я, н[а]пр[имер], вы точно же к такому самому, что и я, при-

^а Зачеркнуто нисколько

^б Зачеркнуто всех

^в Зачеркнуто инстит

дете ответу, а именно, что Польша *уже тогда не хотела быть* с русским правительством в каких бы то ни было сношениях, *не сознавала* этого (не говорю о личностях, хотя многочисленных, а об целом обществе), а *не хотела* только. Это видно уже отчасти из^а описанных мною фактов, выясняющих взаимные отношения правительства и общества, из того, что правительство, несмотря на все^б предпринимаемые меры — и положительные и отрицательные — не было в состоянии сладить с обществом и придти к какой-нибудь гармонии, это видно отчасти из всего вообще враждебного правительству духа манифестаций, отчасти из этих маленьких отдельных фактов пропаганды нечаянного нападения на Варшавскую цитадель и желания отмстить 8 апреля и, наконец, из зародышей многозначидущего будущего — подпольных листков. Одним словом, уже тогда стала проявляться и мало-помалу созревать мысль о прерывании всяких сношений с русским правительством, т. е. догмат народной веры: «Исторгнуть отечество из под чужеземного владычества».

За этой мыслью рождается логически вопрос: какими средствами? какой расчет? Позвольте, это не было еще время^в считать, покуда была вера в бога, упование бесконечное на милосердие всевышнего и потому молитва, хотя, впрочем^г, эта сторона — характеристика всех фактов в *исключительности* народной — делать [л. 8 об.] все *самим* и для нас наперекор правительству и без него и без кого бы то ни было — это *народные полицианты* во время бесправительственной свободы, эти *своего рода* общественные наказания как в происшествиях с епископом Маршевским, с Барцом, Веделем и проч., эти мечтания об цитадели и отмщении *при условиях* публичной, ни чем не связанной, ничем не замкнутой жизни должны были в скором времени непременно привести народ к сознанию, что следует рассчитывать только на свои силы и что они только в состоянии доставить свободу отечеству, выработывая вместе с тем орудия необходимые, как смелость^д, дерзость, решимость.

Приближаясь к окончанию разъяснения^е фактов этой эпохи, считаю необходимым указать Вам еще, милостивые государи, как проявились тогда некоторые второстепенные народные начала, выработанные прошедшим, говорю второстепенные потому, что они *относительно цели*, т. е. вопросов, мне Вами представленных, имеют второстепенную важность, хотя тем не менее огромную важность.

Итак:

1. Наш народ доказал всему миру, всякому^ж (разве тому же нет, кто нарочно не хочет быть убежденным), что он очень хорошо сознает грехи своих отцов, грехи прошедшего и что он избавился их или по крайней мере (и то только в некоторых отношениях) постановил избавиться и быстро стремится к тому. В удостоверение позвольте напомнить Вам^з сближение, перемесь, иногда слияние даже сограждан моих без различия состояния и религии, точное истинное понятие гражданской равности всех, братскую любовь и взаимное уважение христиан и евреев, как это проявилось во всех^и манифестационных происшествиях, в особенности же во время похоронов пяти убитых, похоронов архиепископа Фиалковского, молебствий

^а Зачеркнуто всех выше приведенных ^б Зачеркнуто свои ^в Зачеркнуто расчи

^г Зачеркнуто факты это исклю ^д Зачеркнуто и более ^е Зачеркнуто значе

^ж Зачеркнуто кто только ^з Зачеркнуто эту братскую любовь даже ^и Зачеркнуто случаях

в годовщину смерти Костюшки, на гробе раввина Эйзенбаума, как это проявилось в признании всем равного права занимать какую-нибудь общественную должность, *n[a]np[имер]* в делегации, при выборах в члены советов, как это проявилось в признании равености наречий и народности, *n[a]np[имер]*, в документе городельском, в котором ясно и определенно об этом говорится, как это проявилось в принятии всеми живейшего участия в так называемом крестьянском вопросе, в этом громком домогательстве общественного мнения воссоздать крестьянам справедливость посредством надела их землею, *n[a]np[имер]* в публичном документе, к этому относящемся, Земледельческого общества (я не критикую^а, а просто отмечаю его как явление), в том неисчислимом множестве крестьянских школ и вообще во всех почти тогдашних литературных произведениях. В удостоверение же о том, что народ совершенно излечился из остатков даже проклятого Veto^б, пускай послужат Вам, господа, общее послушание всяким приказаниям делегации (вспомните, что даже делегации провинциальные почитали себя от нее зависимыми) и всякому слову мальчиков-полицейских, единодушный выбор указанных заранее лиц в члены советов и вообще удивительное единодушие в^в исполнении чего-либо по указанию лица, которого в *данную минуту* масса считала обязанностью слушаться^г.

2. Так же точно созрело понятие об условиях необходимых внутренней жизни народа, политических и общественных. Все решительно признавали, что данные государем институции для края полезны и, несмотря на споры о достоинстве их и принятии или нет, они были приняты; но в одно время все решительно требовали *сейма*, как это ясно высказалось в адресе, написанном на имя гр. Лямберта и десятками тысяч подписей покрытым^д. Что это не делалось ради оппозиции правительству, хотя должно было иметь и такой характер, Вы, я думаю, господа, поверите этому^е, вспомнив, что мы в истории жили сеймовою жизнью^ж, что и во время наполеоновского герцогства Варшавского по Тильзитскому трактату 1807 г. и во время Конгрессового Царства Польского с 1815 г. были управляемы при существовании сеймового представительства с довольно даже обширными правами.

Наконец, 3) народ убедился, что Конарский и его друзья проповедовали правду, что и листки, хотя непонятным языком, говорили правду. Уверили нас в том всеобщие заграничные (а я думаю и в России) симпатии и возбужденный повсеместный интерес к нашему движению. Смерть бедного Пайкерта, который не хотел в нас стрелять, смерть Арнольда и его товарищей уверили нас, что мысль о свободе уже пробуждена в русском народе. Мы считаем смерть этих благородных душ в некотором смысле нашим достоянием, эти несчастные факты случились на нашей почве и при теплоте манифестационного солнца^з.

Вот я окончил и вторую половину моей задачи — именно^н объяснил смысл отдельных фактов и явлений манифестационного времени. Теперь^к необходимо вывести из всего вышесказанного общие заключения и отвечать, таким образом, на главные вопросы, именно — какое имеет значение все манифестационное время в разное восстания, т. е. в разное народной жиз-

^а Зачеркнуто его ^б Зачеркнуто пускай прошу ^в Зачеркнуто при ^г Синим карандашом помета Муравьева при власти ^д Зачеркнуто скрепленным ^е Зачеркнуто тем ^ж Слова сеймовой жизнью подчеркнуты синим карандашом, на полях этим же карандашом помета Муравьева хорош был сейм ^з Зачеркнуто Еще несколько slow ^н Зачеркнуто уясн ^к Зачеркнуто приходится

ни? и какое поэтому принадлежит ему место на пути этого же развоя? Из всего вышесказанного мною можно, да и необходимо вывести следующие заключения:

1. Все время манифестационное было ничто иное, как при помощи и посредством формы в особенности религиозно-патриотических манифестаций^а развитие и созревание^б начал народной жизни со [л. 9] временем образовавшихся^в. Т. е. общество пришло к сознанию этих начал, они проникли^г, так сказать, в голову и сердца народа и сделались началом и будущей его деятельности. (Говорю, господа, общества, народа, а не отдельных лиц.)

2. Манифестационное время подготовило, выработало обширное основание^д и значительный материал для будущей деятельности, а относительно к нашей главной цели — для заговора и восстания.

3. Манифестационное время вывело на сцену истории в первый раз так значительно городское сословие и передало в его руки^е инициативу будущего. И, наконец, как дополнение можно сказать:

4. Манифестационное время явлениями своими заранее указывало путь,^ж по которому двигаться будет дальнейшая жизнь народа, а именно путь заговора и восстания^ж.

(Еще несколько слов. Я избегал тщательно во всем мною сказанном всякого рода субъективных убеждений, всякого рода критики о деятельности ли правительства или общества, вообще и в отдельности, так же точно не позволил себе, как говорится, *натягивать* факты к заранее поставленным заключениям и старался только просто как дитя прошедшего (этих-то начал именно) прочесть Вам, милостивые государи, что самые же факты и явления манифестационные, так сказать, *написали* в историю. Я думал, что это скорее поведет Вас же самих к уяснению вопроса: как развилось восстание и какие были элементы главнейшие? Думаю, что уж теперь проглядывает ответ.)

[л. 10] 3. ВРЕМЯ ЗАГОВОРА — СО ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ НАМЕСТНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ГЕН. ЛИДЕРСА ДО ВОССТАНИЯ, Т. Е. ДО 22 ЯНВАРЯ 1863 Г.^з

Вот тут я опять призадумался, именно, что писать и как писать? Потому что, во-первых, все события^и этого времени совершались^к, так сказать, на глазах моих (хотя много, несмотря на все старания мои, и от моего взгляда ускользнуло), во многом я сам принимал живейшее участие, с этим временем сопряжено столько моих радостных и грустных минут и воспоминаний, следовательно, не знаю, буду ли я верным и беспристрастным рассказчиком, во-вторых, люди — деятели этой эпохи — живут, обстоятельства их жизни не так-то очень счастливы, восстание не кончено, я в тюрьме,

^а Зачеркнуто разрабо ^б Зачеркнуто при признан ^в Красным карандашом помета Муравьева т. е. принуждение [так!] толпы к уличному разгулу ^г Зачеркнуто перешли

^д Зачеркнуто для ^е Зачеркнуто будущего ^{ж-ж} Текст подчеркнут синим карандашом, на полях этим же карандашом помета Муравьева принять меры, чтобы это обученное поколение спокойно могло умереть и не передавать на практике уроки потомству ^з Заголовок повторен дважды — в конце л. 9 и в начале л. 10 рукописи. ^и Зачеркнуто это время ^к Зачеркнуто происходили

а вы, хотя частные лица ^а, да все-таки с тем вместе члены следственной комиссии, следовательно, ради чистоты чести и совести человеческой и гражданской, ради пользы сограждан моих мне необходимо умолчать многое. Извините меня, господа, за эти слова, назовите меня как хотите, но не требуйте более, чем я сам Вам скажу, и дайте мне умереть с чистой совестью. Я Вам все-таки разьясню кое-что, думаю даже дать определенный, ясный ответ на предложенные мне Вами вопросы, а друзья мои со временем пополнят недосказанное.

Общий характер этой эпохи есть — что ^б народ, посыпав себе голову пеплом, надев траур, взшел, так сказать, под землю раздумывать и старое прошедшее и только что происходившее и стал вести эту странную, грустную, тяжелую, со столькими страданиями и даже бедствиями сопряженную, по сию пору не разгаданную подземную жизнь. Иначе, деятельность народа была все это время большею частью *утаенною, скрытою* и для правительства, и для всех вообще. Позвольте уяснить Вам, хотя отрывочно, эту подземную жизнь моего народа и указать, а лучше, определить значение этого времени относительно восстания (т. е. дальнейших судеб Польши) и относительно Ваших вопросов.

Я думаю даже заранее определить Вам, милостивые государи, это значение (тем более, что Вы, я уверен, сами догадываетесь его [так!]), а потом в некотором роде доказать справедливость уже ^в поставленных определений. Итак, по-моему, вот что значит все это время, названное мною временем заговора:

1) оно, прежде всего считаю нужным сказать, было тоже, как предыдущий период, необходимым, нормальным историческим последствием прошедшего, а нисколько болезнью искус[твен]но привитою;

2) оно было временем окончательного, всестороннего сознания для всего польского общества, сознания именно знакомых Вам уже, господа, начал народной жизни, и тем самым оно сделало восстание необходимостью;

3) оно на основании, выработанном манифестациями, и из материала, ими же доставленного, приготовив опять в свою очередь обширное основание и громадный материал, создало необходимые средства и орудия для будущего, т. е. для восстания. И оно, наконец, как уяснение третьего пункта —

4) выведенный манифестациями на исторический горизонт уже инициативный городской класс сделало и в этот уже период, но более впоследствии преобладающим и единственно господствующим.

Чтобы доказать справедливости вышесказанного, необходимо, во-первых, собрать и напомнить факты тогдашнего времени и, во-вторых, уяснить их; а так как все это время представляет нам двоякого рода факты ^г и явления, а именно ^д явные и тайные, преимущественно заговору принадлежащие, потому и я считаю нужным для ясности представления представить и рассмотреть те и другие в отдельности *.

Итак:

.....
* П р и м е ч [а н и е]. При рассматривании за[го]ворного периода я должен был более еще, чем в прошедшем, ограничиться почти исключительно ^е событиями, происходившими в то время в Варшаве и в Ц[арстве] П[ольском], как центром всего движения и как событиями мне более знакомыми.

^а Зачеркнуто да все-таки русские ^б Зачеркнуто мы, то есть ^в Зачеркнуто так ^г Зачеркнуто события ^д Зачеркнуто при напоми ^е Зачеркнуто Варшавой

1. А. ФАКТЫ И ЯВЛЕНИЯ ЯВНЫЕ

Посмотрим сначала, что делало правительство. После несчастного для нас столкновения войска с народом 15 октября 1861 г. и отставки гр. Лямберта правительство дало нам в наместники Ц[арства] П[ольского] ген. Лидерса (мимоходом сказав, выбор не очень-то удачный, судя по толкам, пришедшим к нам из России, о деятельности генерала в Крымской войне, тем более, что он наступил после Лямберта и предшествовал его высочеству кн. Константину Николаевичу, это придавало деятельности^а правительства характер беспрестанного колебания, что в глазах общества уменьшало, ^бесли это было возможным, доверие к власти и было для нее вредным). Одновременно правительство стало преследовать, а лучше, наказывать *прошедшее*; тюрьмы опять ^внаполнялись, следственные комиссии и военные суды стали опять действовать, высылки большею частью на жительство в Россию были повседневные, иногда же правительство наказывало переселением виновного в другую какую-нибудь губернию Ц[арства] П[ольского], Литвы или Руси. Преследованию подвергались более других ^гдуховенство, в особенности, высшее варшавское (как Бялобржеский, Отто — пастор лютеранский, раввин Мейзельс), манифестаторы и лица, которые правительство считало как бы главами движения, как н[а]пр[имер] (из варшавских жителей) сапожник Хишпанский, Шленкер — купец, Байер — фотограф и др., вообще несколько не главы. Далее, правительство преследовало всякие враждебные власти явления народные, как н[а]пр[имер] подпольные печатные произведения (между прочим «Sternik», [л. 10 об.] издаваемый, если не Замойским (не графом), так при содействии его, был тогда открыт, Замойский сосланный в каторгу). Желая же раз навсегда прекратить возможность всякого рода демонстраций в Варшаве и вместе с тем действовать решительнее противу появляющихся все более и более, так сказать, симптомов тайной и враждебной существующему порядку вещей деятельности, правительство переобразовало варшавскую полицию изнова, пожертвовав значительную на это годовую сумму, а именно около 600 000 р. с[еребром]^д. Подобными же решительными мерами^е стремилось правительство Ц[арства] П[ольского] к уничтожению оппозиции духовенства вообще, и когда все предпринимаемые усилия и строгости не в состоянии были привести Бялобржеского, Майзельса и др. к открытию костелов и синагог, правительство по представлению, думаю, г. Велепольского выхлопотало в Риме буллу на архиепископство для высоко всеми уважаемого^ж кс. *Фелинского*, а жителям моисеева вероисповедания приказало признать равнином какого-то, не помню тоже, довольно уважаемого до сих пор ими (по набожности его) старика. Это средство в самом деле повело к желаемой цели. Костелы и синагоги были открыты. Притом считая нужным напомнить, что архиепископ Фелинский открыл костелы и исполнил ^згесопсастио^н двух из них совершенно тихо, более частным, нежели публичным образом, и вообще так в сказанной им при открытии костелов речи, как во всех своих мерах и поступках старался, с одной стороны, возбудить в народе доверие к правительству, уважение и послушание, а с другой ^к— вырвать духовенство из-под влияния поглощающего его (в убеждении ар-

^а Зачеркнуто хара ^б Зачеркнуто еще можно ^в Зачеркнуто стали ^г Зачеркнуто лиц
^д Зачеркнуто Между тем ^е Зачеркнуто способом ^ж Зачеркнуто досто-
почтенного ^з Зачеркнуто и так совершил ^и новое освящение (лат.) ^к Зачеркнуто
слово, разобрать которое невозможно

хiepискола) политическо-народного движения и сделать священников, если не равнодушными зрителями всего происходившего, так по крайней мере недействующими. При рассмотрении деятельности правительства невозможно умолчать о внутренней борьбе, происходившей в недрах самого же правительства, между системой гражданского, так сказать, управления^а на основании^б признанной народности и в духе прогрессивном, представителем чего был маркиз Велепольский, и системой военного более управления без признания, а с известной толеранцией^в народности и в духе консервативном, представителями которой почитались (не знаю, точно ли и справедливо) между прочими г. Крузенштерн (он русский), директор исправительной комиссии внутренних дел, *сенатор* Губе, министр просвещения тогдашний, и генерал-губернатор Крижановский.

Борьба в самом деле была, и то жаркая и *всем известная*. Вследствие именно этой-то борьбы г. Велепольский уехал опять в С.-Петербург (третий раз, насколько помню), а затем последовали отставка гг. Крузенштерна и Губе^г (Губе Велепольский без соблюдения всяких форм со скандалом, можно сказать, даже не удалил, а *прогнал*), занятие их должностей гг. гр. Келлером и Крживицким, закрытие генерал-губернаторского правления в Варшаве, возвышение г. Велепольского до степени *начальника гражданского правления*, вице-президента Административного^д и Государственного советов, и, наконец, приезд его высочества кн. Константина в Варшаву как наместника Ц[арства] П[ольского] вместо раненого тогда вследствие покушения на жизнь его ген. Лидерса, пожалованного графским титулом (если не ошибаюсь) и майоратом поместья Хелм в Люблинской губернии. Одним словом, система прогрессивного^е с признанием народности гражданского управления торжествовала, Велепольский победил. (Победу Велепольского воспела и осмеяла одна довольно удачная карикатура тогдашняя.)

Со времени приезда кн. Константина мы видим^ж следующие факты более важные по стороне правительства. Прежде всего следует упомянуть о том, что с этого времени тюрьмы опять опустели (хотя, впрочем, не на долго), что все *почти* вывезенны[е] в Россию и вообще наказанны[е] с 15 октября 1861 г. были возвращены на родину, даже Майзельс, Ястров и Крамшик по просьбе жителей были возвращены в прежние занимаемые ими должности. Далее, по необыкновенной важности^з ее необходимо напомнить о прокламации кн. Константина к народу, в которой в первый раз с 1831 г. официально признано русским правительством существование польского *отечества*, в котором между прочими кн. Константин, отзываясь до^и известной^к всем любви поляков к своему отечеству, призывает народ помочь ему своим доверием и трудом исполнить благие в своих последствиях искренние намерения правительства, уверяя с тем вместе народ, что он не считает покушение на жизнь его как происшедшим от польского общества и что оно нисколько не охладило в нем чувств доброжелательности, сочувствия и доверия к полякам. До издания еще упомянутой прокламации последовало покушение Ярошинского на жизнь кн. Константина, а затем два покушения на жизнь г. Велепольского (именно Ржоньцы

^а Зачеркнуто вместе с тем ^б Зачеркнуто народом ^в Толеранция — терпимость
^г Зачеркнуто и других ^д Зачеркнуто совета ^е Зачеркнуто в духе народном
^ж Зачеркнуто последовали ^з Зачеркнуто своей следует ^и Т. е. обращаясь, апеллируя к... ^к Зачеркнуто знако

и Рылля) и ^а смертная их казнь. В связи с этими событиями^б находится событие тоже не виданное с 1831 г., именно публичные гласные^в, хотя, впрочем, *военные суды* по делу двух покушений (Рыль по болезни судился в цитадели) и по делу 60 и что-то лиц, принадлежащих к варшавской организации Центрального Народного Комитета.^г

К деятельности личной его высочества кн. Константина как правительственного лица следует прибавить, что он делал всякие всевозможные усилия, чтобы несуществующую гармонию между правительством и народом создать и укрепить, именно старался сблизить гр. Замойского с г. Велепольским, призывая личности, указанные ему как более влиятельные и любимые народом, и представлял им необходимость этой гармонии и истинную от этого пользу для края при существующих намерениях правительства, одним словом, как я сказал, делал всевозможные усилия, чтоб возбудить в народе доверие к власти^д. Не лишенным интереса считаю еще присовокупить к вышесказанному факт объявления правительством начал и форм организации Центрального Народного Комитета (в скобках сказав, большая ошибка, потому что не будучи в состоянии^е [л. 11] одновременно объявить обществу об открытии *авторов*, так сказать, объявленного документа или по крайней мере указать данные для непрямого в скором времени открытия их, правительство чрез самое объявление придавало заговору в глазах общества и самих даже заговорщиков огромную силу, именно делая его полуявным, придавала ему в то же время печать тайны, недоступной для всех усилий переобразованной и стольких денег стоящей полиции), далее об вывозении гр. Замойского из Варшавы в С.-Петербург и потом отправлении его за границу, наконец, об усилиях г. Велепольского путем литературных произведений, *брошюр, периодических изданий омерзитель обществу всякого рода заговоры* и убедить его в необходимости доверия и подачи помощи существующему правительству для пользы же самого края. (Я думаю, вы, господа, согласны со мною, что эти произведения нельзя назвать заслугой Минишевского или кого-нибудь другого, потому что они сочинялись и издавались или на казенные деньги, или на деньги г. Велепольского и что во всех их слишком были явные личные тенденции и убеждения его же^ж.

Вы, я думаю, готовы упрекнуть меня, господа, в злонамеренной, а по крайней мере пристрастной несправедливости, не встретившись до сих пор с представлением деятельности правительства на пути предпринятых по системе Велепольского преобразований, вот я именно теперь хотел об этом хоть несколько слов сказать. Правительство и в этом отношении действовало, да притом действовало энергически и иногда весьма дельно. Итак: 1) правительство открыло заседания Государственного совета, призвав в состав его лица обществу знакомые или по своей науке, или по доказанному долголетнему службою богатому запасу практических административных и других сведений, или известных как промышленники, финансисты и проч. Притом при выборе на деле перестало обращать внимание на разницу классов, вероисповеданий; 2) правительство затронуло крестьянский вопрос, издав указ о прекращении барщины с 1 октября 1862 г.,

.....
^а Зачеркнуто казн ^б Зачеркнуто достойно... [второе слово нрзб.] ^в Зачеркнуто явные ^г На полях синим карандашом помета Муравьева откуда эти заговоры, если коноводов не было ^д Зачеркнуто правительству ^е Зачеркнуто вме / одно
^ж Зачеркнуто Минишевский человек вовсе не богатый, да притом он был знаком, но de mortuis aut bene aut nihil).

и тем^а уничтожило остатки человеческой неволи. (Гражданами же сделать крестьян не хватило воли или времени правительству, не знаю); 3) правительство уже издало такие основные и хорошие законы, как устав об образовании, о правах жителей Ц[арства] П[ольского] моисеева вероисповедания, и стало готовить проекты об уничтожении (XV т. С. 3.) уголовного кодекса и преобразовании судостроительства и судопроизводства уголовных; 4) правительство^б образовало Главную школу (университет) в Варшаве; 5) правительство^в обратило внимание на всю административную службу, на личности чиновников, в особенности на губернаторов и уездных начальников; 6) правительство открыло заседания городских и уездных советов, свобода заседаний не была, можно сказать, ничем ограничена, разве протестациями правительственных комиссариев ради формы, требуемой законом^г; 7) правительство, наконец, значительно облегчило цензуру; 8) к этому следует прибавить еще уже вышеупомянутое, а именно закрытие правительством управления генерал-губернаторского, этого остатка военной системы правления, никакой пользы, а, напротив, вред для края составляющего.

Вот такие вообще, конечно, не все (вспомните, господа, что единственный материал — моя память), представляются нам факты и явления в этот период со стороны правительства в Царстве Польском.

Теперь так же точно взглянем на явные факты и явления со стороны общества. Манифестаций никаких *в собственном их смысле* в этот период мы уже не находим. Правда, мы встречаемся в это время с появлением траура¹, перешедшего в народный обычай, мы видим, что траур люди отбрасывали в годовщину унии Польши, Литвы и Руси, мы видим^д, что, несмотря на все меры и штрафы г. Велепольского, варшавские и другие жители вывели из обычая существующие донныне официальные иллюминации (и здесь опять победили правительство, потому что штрафы были прекращены), мы видим, наконец, что во время речей архиепископа Фелинского публика принимала его слова с свистанием и даже с возгласами и криками выходила из костела; но все эти факты уже далеко не имеют общего манифестационного характера, и их считать необходимо или как проявление^е *только* чувств общества к правительству и лицам, действующим от его имени в его пользу, или относительно траура — они были внешним знаком всеобщего настроения жителей, этого глубокого серьезного раздумывания об судьбах отечества. В связи с тем лежит такого же характера всеобщее прекращение всякого рода увеселений^ж, танцев, публичных гуляний, театров, даже частных удовольствий, перешедшее тоже в народный, можно сказать, обычай. Что и траур, и прекращение всех увеселений имели в то же время характер враждебной правительству оппозиции, этому я противоречить не буду, но иначе же не могло быть при раздумывании неволи отечества.

^з Теперь считаю нужным несколько слов сказать об деятельности архиепископа Фелинского как члена общества, как архиепископа^н. Я боюсь вообще, чтоб упоминая о деятельности архиепископа Фелинского, ни одним даже словом или пристрастным или случайным не обидеть его в Вашем,

^а Зачеркнуто пересекло ^б Зачеркнуто наконец ^в Зачеркнуто наконец
^г Зачеркнуто при том значительно ослабило цензуру ^д Зачеркнуто встречаемся
^е Зачеркнуто единственно ^ж Зачеркнуто забав ^з Зачеркнуто Здесь ^н Зачеркнуто об его отношении к духовенству и обществу

¹ Ношение траура вошло в обычай еще с марта 1861 г.

господа, убеждении, а потому я заранее откровенно объявляю, что несмотря ни на какие действия, ни на личные убеждения почтеннейшего и высоко всеми беспристрастными людьми уважаемого архиепископа, я тоже глубоко уважаю его как священника и архипастора, исполняющего должность свою с усердием и любовью выше всякой похвалы, и как гражданина с пречистыми намерениями и искреннею^а любовью к своему несчастному отечеству. Эти слова я считал долгом своим [л. 11 об.]. О деятельности архиепископа в отношении к русскому правительству как в некотором роде правительственного лица я уже говорил, остается еще, чтоб узнать, как общество смотрело на него, сказать несколько слов об отношениях архипастора к духовенству и обществу. Итак, к *духовенству*. Будучи убежденным (по моему и общественному мнению), что, по словам^б Иисуса Христа: «Царствие мое не этого мира» и по словам св. Павла-апостола, духовенство должно быть совершенно равнодушным к каким бы то ни было политическим обстоятельствам края, что оно должно не только не вмешиваться в борьбу, так сказать, народа с правительством и не покровительствовать народно-политическим стремлениям, но даже не рассуждать об этом, не говорить, не думать; он начал с самого приезда своего, так сказать, войну с духовенством нашим, в большинстве своем противных убеждений^в, не в сущности, а в применении^г этих убеждений к внешней временной нашей народа жизни. Итак, он открыл и исполнил освящение костелов *нарочно тихо*^д, между тем духовенство с народом требовало открытия и освящения публичного, торжественного, как этого, во-первых, требовал обыкновенный^е в таких случаях обычай церковный, во-вторых, чтоб чрез это утвердить тем выразительнее и законность, и справедливость поступков^ж администратора Бялобржеского, капитула и вообще духовенства при закрытии церквей, а чрез это дальше доставить победу народным стремлениям общества с духовенством над правительством. Далее, архиепископ мало-помалу удалил сотрудников покойного архиеп[ископа] Фиалковского и вообще^з все лица из архидицециального управления, которые были более известными или самому же архиепископу Фиалковскому знакомы или как главные деятели во время манифестаций и как вообще действующие в духе^з напродно политическом, и заменил их личностями своих убеждений, как н[а] р. кс Попель (нынешний епископ плоцкой диоцезии), кс. Домагалский и др

С другой же стороны, чрез эту меру архиепископ делал несправедливость в отношении к лицам заслуженным, знакомым^и как неукоризненные во всех отношениях священники лишь потому, что они вместе с тем не перестали быть добрыми своего отечества гражданами. Это, конечно, должно было возбудить и в духовенстве, не чувствующем себя виновным (потому что оно считало своею обязанностью идти рука об руку с обществом), чувства огорчения к архиепископу, не уменьшая однако же ни в чем должного с их стороны для его как для главы церкви послушания и уважения. Далее. Архиепископ делал маленькие отступления от обычаев церковных в нашем крае, н[а]пр[имер] в некоторых процессиях и публичных молитвах, если только ему на это позволили законы и каноны церковные, с целью, с одной стороны, не дать повода жителям^к возвратиться к манифестациям, а с дру-

^а Зачеркнуто огромною ^б Зачеркнуто Библии ^в Зачеркнуто по крайней мере
^г Зачеркнуто в приложении ^д Текст отчеркнут на полях синим карандашом и сделана помета Дух. ^е Зачеркнуто случай ^ж Зачеркнуто архиепи ^з Зачеркнуто по ложным
^и Т. е. известным ^к Зачеркнуто народу

гой,— помочь правительству своими мерами прийти к какой-нибудь с народом гармонии. Это, конечно, тоже не могло послужить в пользу архиепископа не только в глазах общества, но и самого же духовенства, почитающего эти отступления *большими*. Далее, видя все свои усилия напрасными, архиепископ созвал епископов других диоцезий для совещаний между прочими о мерах, которые^а были бы в состоянии вырвать духовенство из поглощающего его все более и более народно-политического движения. Результаты совещаний мне неизвестны, думаю, что революция воспрепятствовала развитию и применению их. Наконец, архиепископ — все для этой же цели — созвал *деканов* (диоцезия в административно-церковном отношении разделяется на деканаты) и представлял им ложность пути, которого держится духовенство вообще, указывая с тем вместе путь истинный, настоящий, в его убеждении. Деканы объявили готовность исполнять с повиновением и покорностью приказание и науки архипастора, однако же и это мало подействовало, чтоб духовенство перестало чувствовать себя живым членом одного и того же наравне с прочими гражданами ^б *народного тела*. Наконец, архиепископ принял под свое ближайшее покровительство духовно-учебные заведения (в особенности духовную академию), стараясь и в них дать молодежи направление, *сходное с его убеждениями*, однако же и здесь не посчастливилось ему. Вообще можно, собрав все сказанное, сделать такое заключение — архиепископ Фелинский предпринимал^в всякие всевозможные усилия, употреблял все находящиеся в руках его средства для того, чтоб сделать духовенство равнодушным к народно-политическим^г стремлениям времени и вообще к политическим обстоятельствам края, с другой же стороны, духовенство не перестало никогда быть живым членом (повторяю еще раз) народного целого и не переставало принимать участия в добрых и худых судьбах своего отечества. В отношении же к архиепископу духовенство Ц[арства] П[ольского] ни на минуту не переставало уважать^д его и быть ему послушным, сожалея беспрестанно, что он, проведя большую часть жизни своей вне края, не может убедиться о невозможности — *немыслимой невозможности* совершенного изолирования священников и среди прочих сограждан.

Об отношениях архиепископа к обществу и обратно говорить подробно не буду и то потому, что они с его стороны проявлялись так уж точно, как и отношения его к духовенству; разве прибавить к этому, что он, считая вредными для края недоверие к власти и вообще враждебное правительству направление всех действий общества, старался и сам и чрез других убедить^е народ оставить этот путь, в его убеждении, ложный и несчастный (в особенности следует здесь напомнить об речах ненавистного всем кс. Голияна, призванного архиепископом в Варшаву из Кракова). Со стороны общества кроме упомянутых уже^ж беспорядков в костелах во время речей архиепископа, мы не находим ни одного факта^з доверия и любви или ненависти народной. А хотя полиция варшавская старалась уверить и архиепископа и весь мир в том, что^и заговорщики хотят убить или обидеть его, я как старый заговорщик уверяю Вас, господа, что во все время заговора (и до отправления архиепископа в Ярославль) ни одного подобного серьезного *возгласа* не было слышно ни в заговоре, ни вообще в Польше.

.....
^а Зачеркнуто можно ^б Зачеркнуто поли ^в Зачеркнуто делал ^г Зачеркнуто стр / дви ^д Зачеркнуто арх ^е Зачеркнуто отклонить ^ж Зачеркнуто свистанный ^з Зачеркнуто сближения ^и Зачеркнуто его

При том разбирая^а отзывы всех классов, всех убеждений и, так сказать, всех цветов людей, я — как результат этого разбора — так определяю общественное мнение об архиепископе Фелинском: «Что он любит Польшу как свое отечество, но живя постоянно вне края, не знает ее, при том царь, Велепольский, иезуиты (именно указывали люди, всегда говоря об них, на епископа гр. Лубенского) обманули его, представили ему все в превратном виде^б, что далее он все-таки, хотя с [л. 12] добрыми намерениями, слуга царский, помогает Москве, не сознавая этого, следовательно, уважать его как главу церкви необходимо, любить его нет за что, слушаться же его ни в коем случае не следует». Общество — это наиболее что можно сказать — не терпело его, но не ненавидело, изменником не называло. От ненависти народной, от названия *изменник* спасали его память его несчастной матери (сосланной в Сибирь по делу Конарского), чистая его жизнь прошедшая, скромность и откровенность в обращении, неукоризненный характер священника, усердие в исполнении обязанности архипастырской (именно визитации по диоцезии), покровительство над бедными и сиротами и, можно сказать (хотя редко), твердость в сношениях с правительством, там где законы церковные делали оппозицию для него обязанностью главы церкви.

Далее, держа параллели с фактами, проявившимися по стороне правительства, следует упомянуть, как общество смотрело на правительственную борьбу систем и, коротко сказав, это была единственная минута, в которой общественное мнение было с Велепольским и желало победы его, так что он тогда побежденный был бы, если в догадках не ошибаясь, поддержан обществом, а во всяком случае хоть один раз мог бы сказать, что он был сильный в *упадке*. Я говорю вам, господа, не мнение заговорщиков, не мое, а общества: заговорщики были равнодушны к борьбе, и если обратили на нее внимание, так это не в другом смысле, как на минутное только орудие *пропаганды*. По исключительности теории заговора это ясно.

Наконец, Велепольский победил, приехал к нам кн. Константин. Покуда, однако же, необходимо обратить внимание на четыре одно за другим последовавшие покушения на жизнь ген. Лидерса, кн. Константина, г. Велепольского; я^в по крайней мере считаю это необходимым для того, чтобы сделать впоследствии^г как можно справедливее фотографию тогдашнего общества. Вопрос именно в том, признать ли эти покушения нашими народными, обществу в некотором смысле принадлежащими, или нет? точнее, признавало ли их тогдашнее общество своими, или нет?^{д*}

* П р и м е ч [а н и е]. (По толкам, ходившим тогда в Варшаве, пуля, попавшая в ген. Лидерса, принадлежала русскому офицеру из друзей расстрелянных Арнгольда и др.) Толки эти очень, по-моему, правдоподобные, потому, во-первых, что русскимолодые офицеры (конечно, не все) вообще ненавидели генерала и об отомщении за смерть Арнгольда и др. говорилось еще до этого времени довольно громко; во-вторых, покушение совершенно и смело, и хладнокровно, смотря по месту происшествия и другим обстоятельствам; в-третьих, наконец, в заговоре Ц[ентрального] Нар[одного] Комитета никто об этом ничего не знает, по крайней мере самые тщательные расспросы с моей стороны не могли указать мне лица^е, совершавшего покушение^ж. Если же оно было совершено поляком, так оно имеет^з такой же смысл, по крайней мере отчасти, как и покушение на жизнь князя наместника^и,

^а *Зачеркнуто* все ^б *Зачеркнуто* и что жизнь вне края позволила ему ^в *Зачеркнуто* думаю ^г *Зачеркнуто* после ^д *Зачеркнуто* О покушении на жизнь ген. Лидерса в отдельности говорить не буду, потому что если ^е *Зачеркнуто* личности ^ж *Зачеркнуто* покушение на жизнь ^з *Зачеркнуто* точно ^и *Фраза* Если же ^с князя наместника первоначально предшествовала словам По толкам, ходившим тогда...

^а Чтобы вообще факты отдельных лиц такого рода аттентаты ^б на жизнь правительственных лиц признать общественными явлениями, нужно, по-моему, во-первых, чтоб эти лица делали их из честных побуждений и для общей, по их понятию, пользы, во-вторых, чтоб общество (опять говорю, господа, общество, а не отдельные лица или хотя бы заговор) признало эти лица благородными добрыми гражданами, а отнюдь не извергами какими-нибудь ^в и чтобы признало последовавшие аттентаты в сущности своей справедливыми, т. е. в некотором смысле признавало право этим лицам на совершенные ими поступки ^г. Эти два условия я нахожу в покушениях тогдашних. Итак, с одной стороны, Ярошинский, Рыль и Ржоньца ^д дерзнули совершить убийство из побуждений самых чистейших (как это Ярошинский и перед судом признал), из любви к отечеству и в убеждении принести чрез это пользу для края. С другой стороны, общество (а я нарочно прислушивался, что тогда говорили люди всех слоев общества), критикуя с разных взглядов все эти аттентаты, говорило, что молодые несчастные люди ^е, совершившие их, нисколько не убийцы и не изверги, а, напротив, благородные, добрые патриоты, (а после казни их называло их даже жертвами отечества, а многие называли мучениками) и что вообще *поляк имеет право убивать русское правительство* в лице кого бы то ни было ^ж. Правда ^з, придавало общество ^к к этому замечания, как н[а]пр[имер], что не время было аттентатам, но все эти замечания ни мало не уменьшают общественного, по-моему, характера аттентатов. Правительство чрез ^л гласные с известною торжественностью в первый раз по делам политическим открытые суды над этими несчастными и казнь их придало этому, так сказать, и печать свою. Одним словом, по-моему, судя по тогдашним взглядам и разговорам ^м, факты покушений на жизнь ^н князя наместника и г. Велепольского (если покушение на ген. Лидерса совершил русский) общественное мнение признало как происходившие от польского общества. Хорошо ли это, или дурно, я не разбираю этого.

[л. 12 об.] Теперь место сказать хоть несколько слов, как общество смотрело на перемену наместника с приездом его высочества кн. Константина и как вело себя в отношении деятельности и личности князя. Велепольский, возвратившийся из Петербурга победителем и громко заявив об этом и в заседании, кажется, административного или государственного совета, и последовавшими отставками противников, объявил тоже заранее народу о скором прибытии его высочества. Князь Константин был тогда совершенно не знаком народу, не многие ^м знали только ^н, что он позволил когда-то поместить статью Пирогова об образовании в России в «Морском

.....
^{*} П р и м е ч [а н и е]. Между прочими мне пришло на память в эту именно минуту поднявшаяся тогда *буря* в Варшаве противу, не помню уже, которого из журналов наших, кажется «Варшавской газеты», за статью, помещенную ею противу аттентатов вообще, и то очень деликатную ради временной пользы (а о временной пользе я не думаю даже в моем с Вами разговоре). Тоже с поздравлениями, помню, особенно к Велепольскому; добрые люди не так-то охотно торопились и то вовсе не по их революционному и кровожадному настроению духа, а потому что они, тоже дети общества, были поэтому сами с собой несогласны.

^а Зачеркнуто Покушение на жизнь ^б *Attentat* — покушение (нем.) ^в Зачеркнуто во-вторых ^г Зачеркнуто факты ^д Зачеркнуто одно слово (нрзб.) ^е Зачеркнуто по кусив ^ж Зачеркнуто одно ^з Зачеркнуто говорили ^и Зачеркнуто только ^к Зачеркнуто явны ^л Против этой строки на полях чернилами помета ктo Лидерса ^м Зачеркнуто более ^н Зачеркнуто его

вестнике» и выхлопотал позволение на издание гоголевских сочинений (именно «Мертвых душ» и «Ревизора», почитавшихся тогда запрещенными^а цензурою). Не знаю, однако же, откуда и справедливо ли (думаю, что из русских кружков)^б ходили по Варшаве вести, что кн. Константин — представитель так называемой старорусской партии — славянофилов русских и что он ненавидит немцев. Одни говорили, что «это еще одна уловка^в, чтоб обмануть нас» (вообще нет для Польши ничего более ненавистного, как русский панславизм, даже убеждение в этом^г духе считается изменой, как это было, н[а]п[р]имер], с *Гуровским* Адамом, эмигрантом (бывшим в революции 31 г. председателем второго революционного клуба, если не ошибаюсь), а впоследствии с *Генрихом Ржевуским* и *Михаилом Грабовским*, славными литераторами), другие говорили, что это еще одно усилие Велепольского, его *salto mortale*, все вообще говорили: «посмотрим — увидим», некоторые же, наконец, более образованные, придавали: «как бы ни было, нужно принять нового наместника вежливо, прилично». Т. е. сам приезд кн. Константина, а лучше — назначение^д его в наместники не переменяли нисколько убеждений общества и не удержали стремлений народно-политических, однако же было возбуждено к деятельности его всеобщее любопытство, *более, минутный сильный интерес*. Это происходило оттого отчасти, что кн. Константин — член императорской фамилии,^е следовательно^ж, небывалый до сих пор наместник. Среди так настроенного общества приезжал кн. Константин. У самого бангофа^з сошлось около что-то полторы тысячи народа, не столько чтоб поздравить нового наместника, сколько из обыкновенного населению^и больших городов любопытства, а и об этих немногих общество говорило тогда, что это были переодетые 200 полициантов с их друзьями, насилу приведенными. Да притом в толпе, поздравляющей князя Константина, был тоже и Ярошинский с друзьями. Далее, иллюминация даже по приказанию полиции не так-то удалась, и не можно ее никак назвать всеобщей^к и придавать ей общественный характер, тем более что многие делали это ради *приличия и вежливости* и что штрафы денежные все-таки действуют в каком бы то ни было настроении общественного мнения. На другой день пошли официальные поздравления и все ждали прокламации, чтоб узнать именно^л, что приготовил нам князь наместник. Прокламации не было. Между тем последовало покушение Ярошинского и вскоре покушения на жизнь г. Велепольского. Общественное мнение, не отнимая этим покушениям, как это я сказал уже выше, общественного характера, говорило, что не время было аттентату на кн. Константина: «убить, — говорилось, — русское правительство всегда можно и справедливо, и Ярошинский — благородный человек и патриот, но не время, это может повредить нам в настоящую минуту, притом мы князя Константина не знаем, ведь он только что прибыл». Об аттентатах же противу Велепольского не говорилось ни слова иначе как похвально и с сожалением, что не удалось молодым несчастным людям, разве отдельные личности, и то довольно осторожно^м, боясь общественного мнения, отыпались иначе. Правительство тогда вывело на сцену публичные военные

.....
^а Зачеркнуто правительством ^б Зачеркнуто общество ^в Зачеркнуто на нас
г Зачеркнуто смысле ^д Зачеркнуто номинация ^е Зачеркнуто что ^ж Зачеркнуто
что ^з *Bahnhof* — вокзал (нем.) ^и Зачеркнуто жителям ^к Зачеркнуто тем более
^л Зачеркнуто с чем ^м Зачеркнуто боясь

суды. Все думали и ожидали, что кн. Константин помилует Ярошинского и отпустит его даже на волю. К несчастью правительства, Ярошинский, Рыль и Ржоньца были повешены. С этой минутой общественное мнение пришло к своему давнему уровню, лучше — к очищению его от минутных влияний, именно к недоверию, к ненависти, к совершенному его изолированию. Казаки и полиция, исполняя приказания начальства, разгоняя народ и вмешиваясь иногда там, где совершенно не было за чем, окончательно сделали невозможным всякое сближение кн. наместника с народом. Это сейчас и выказалось. Итак, я упомянул уже, что кн. Константин, желая прийти с обществом к какой-нибудь гармонии, старался сблизить гр.Замойского Андрея с г. Велепольским и что призывал указанные ему как более влиятельные и более любимые народом лица, представляя им необходимость для нашей же пользы этой гармонии. Что ж вышло? Лица эти, хотя они нисколько не так влиятельны, как это было представлено кн. Константину (впрочем, известия об их призвании я имею^а не от них самих, а из разговоров тогдашних), оказывая готовность свою делать всевозможные усилия, чтоб прийти к желаемой кн. наместникам и ими самими цели, чувствуют долгим своим откровенно представить его высочеству, что они мало надеются на успех при условиях, существующих и со стороны правительства и со стороны народа, т. е. что общественное мнение может разве успокоиться и гармонизировать и поддерживать правительство, только получив сейм и административное^б соединение в одно целое Руси, Литвы и Ц[арства] Польского, и то потому, что народ чувствует себя, с одной стороны, достаточно развитым, чтоб жить сеймовою жизнью, и считает сейм законодательный необходимым условием внутренней своей жизни и что, с другой стороны, народ, несмотря на все обстоятельства политические в прошедшем и настоящем, чувствует себя одним политическим целым. Как бы, впрочем, ни было, достаточно, что призывы, делаемые кн. наместником к отдельным личностям,^в не принесли никакого результата. Прокламация его высочества тоже не произвела никакой перемены в народе и осталась без всяких последствий.

В связи с заявлениями (если они были) отдельных лиц, призываемых кн. Константином, находится^г по содержанию своему так называемый, впрочем ложно называемый, «адрес Замойского», вследствие чего гр. Замойский был отправлен за границу. Событие это довольно характеристично и заслуживает, чтоб о нем поговорить немножко подробнее. Вот как это было. Его высочество кн. наместник после приезда своего отзывался, что и правительство и он лично хотел бы узнать желанья и потребности общества, чтоб, разумеется, насколько они окажутся истинными, справедливыми и удобоисполнимыми в глазах [л. 13] правительства, удовлетворить им. Вот люди (нисколько не революционеры) принялись за это и постановили каким-нибудь образом довести до сведения его высочества истинные настоящие желанья и нужды поляков в Ц[арстве] Поль[ском] (а можно сказать, и вообще поляков). Они съехались в Варшаву из разных уголков края в довольно значительном количестве, совещались, можно сказать, публично несколько дней, совещались и над формой и над содержанием документа, долженствующего заключить в себе эти пожеланья и нужды, основательно^д, серьезно рассматривали положение края и, наконец, сочинили документ на

^а Зачеркнуто это я, конечно, знаю ^б Зачеркнуто и политическое ^в Зачеркнуто
остали ^г Зачеркнуто лежит ^д Зачеркнуто совещались

имя гр. Замо́йского, не принимающего ни малейшего даже участия в этих совещаниях. Не помню уже в подробностях содержание этого документа все, однако же, в нем сказано[e] сводилось к этим словам: «Не будучи в состоянии жить в условиях, начертанных нам правительством, мы подавали два адреса, один на имя Государя императора 27 февраля (или около этого, не помню), другой на имя гр. Лямберта. Ныне узнав, что его высочество кн. наместник объявил желание познакомиться с местными настоящими нуждами нашего края, мы просим вас, г. Замо́йский, чтоб вы как гражданин, пользующий[ся] нашим доверием, при удобном случае объявили его высочеству кн. Константину Николаевичу следующие по нашему настоящие и истинные потребности края, а именно, что мы, несмотря на все политические судьбы нашего отечества, чувствуем себя^а одним целым политическим телом с прочими частями старой Польши и что мы и по степени нашего образования, и вообще по степени^б развития общественной жизни нашей видим необходимость законодательного представительства, что, следовательно, мы можем быть управляемыми только *народным* правительством (довольно гибкое и неопределенное выражение), только на основании наших живых традиций исторических (тоже неопределенное выражение) и только при существовании законодательного представительства».

Вот такого рода документ был подан гр. Замо́йскому, а им впоследствии представлен кн. наместнику. Притом я, как свидетель тогдашнего времени, а отчасти и принимающий в происходившем тогда некоторое участие, считаю нужным прибавить, что между совещающимися над этим документом лицами не было ни одного человека, который бы не сознавал необходимости подачи его по крайней мере в такой форме и такого содержания, что многие были, которые и форму и содержание хотели сделать более, так сказать, выразительными, определенными, гордыми,— что, наконец, заговор Центрального Народного Комитета по исключительности своей теории и практики был совершенно противным даже такого рода документу. Гр. Замо́йский, как известно, сейчас после представления его был вывезен из Варшавы в Петербург и оттуда отправлен за границу. Велепольский хотел было непременно завести огромный процесс пред гражданскими судами против всех совещавшихся и советовался уже по этому поводу с юристами и прокурорами нашими, однако же юристы-то именно и прокуроры советовали ему не начинать никакого иска, потому что нет статьи в законах, дающей право и основание обвинительному акту, и что наверно можно предполагать выигрыш обвиненных, следовательно правительство в некотором роде скомпрометируется в глазах общества в лице своих прокуроров. Велепольский раздумал, счел необходимым принять совет юристов. И я думаю, что хорошо сделал и с правительственной и с его личной точки зрения, потому что обвиненные между прочими могли бы сказать, что и правительство, и м. Велепольский знали о сборищах и совещаниях приезжих и несколько не мешали им *совершить преступление*, напротив, как бы нарочно помогали. И думаю, что обвиненные могли бы доказать этого. Мне кажется, что г. Велепольский, несмотря на всю^в его государственную мудрость, позволил себя обмануть шляхтичам. Он после приезда своего из Петербурга так радовался своей победе над правительственными противниками, что предполагал, должно быть, и победу по крайней мере над из-

^а Зачеркнуто наравне ^б Зачеркнуто вну/развоа/ внутренней ^в Зачеркнуто свою

вестной частью общества. Вот мне кажется именно (и я имею некоторые данные так думать), что г. Велепольский был уверен, что съехавшиеся тогда люди, сознавая и свое заблуждение, и сознавая, с другой стороны, его и мудрость, и превосходство его системы управления, придут с адресом к нему именно, что это будет в известном роде контакт общества с правительством [м] в лице его, объявление поддержки, быть может с условиями малозначущими. Прежде чем окончу говорить об этом предмете, прошу Вас, господа, обратите внимание на форму этого огромной важности, в моих глазах, документа. Это уже не всеподданнейший адрес, не просьба и не к правительству, а просто *объявление* посредством г. ЗамоЙского, там даже, насколько помню, в точности сказано: «Мы просим Вас *объявить* его высочеству etc.» В этом объявлении говорится далее: «мы можем быть *управляемы...*» — это тоже довольно странный язык...

Вообще, я думаю, вы, господа, с правительственной точки зрения признаете его дерзким — и это в самом деле дерзкая форма. Это то же, что другими словами: «мы не хотим быть вовсе с русским правительством в каких бы то ни было сношениях, а тем более быть им управляемы, но, как это покуда необходимо, так мы объявляем, что это возможно, только соединив Русь, Литву и Ц[арство] Поль[ское], и при существовании Законодательного сейма». Не правда ли?

За этот же документ г. ЗамоЙский был отправлен за границу. С этой, по-моему, ошибкой правительства (с правительственной точки зрения) правительство придало еще более важности этому документу в глазах ^а тогдашнего общества. С другой стороны, такой исход объявленных желаний и нужд народа повел еще более, если это было возможно ^б после казни аттентантов^в, к разрыву между кн. Константином и обществом. Так что он, можно сказать, после этого счел нужным даже вести жизнь почти уединенную, т. е. в кругу семейства и исключительно русского общества. Польское общество не было к личности собственно его высочества враждебным, но как к *наместнику*, т. е. как к представителю правительства, было в точно таких отношениях, как к предшественникам, [л. 13 об.] т. е. с недоверием и ненавистью. (Отчасти, я думаю, это, впрочем, мой личный взгляд, и пассивное их высочества, так сказать, держание себя в стороне всего происходившего, отдача всего в руки г. Велепольскому^г содействовали этому.)

Далее, поступая в параллели с фактами правительства, нужно упомянуть, что литературную деятельность г. Велепольского и его сотрудников общество принимало *сначала с ненавистью*, но после все попытки его на этом поле принимались с насмешкой и говорили люди: «Велепольский не в состоянии приискать другого средства, чтоб убедить народ, что он не изменник, и удушить ^д стремления народные, стал расписываться и бранить весь мир, пускай бранит, а мы между тем делаем свое». И в самом деле, все усилия^е на этом поприще сошли в глазах общества до значения бесполезной, бессильной брани потому именно, что ясным был настоящий их автор—Велепольский—под именем только *Минишевского* или кого другого.

Остается еще сказать несколько слов, как принимало общество деятельность правительства на пути преобразований. Здесь вообще можно сказать: 1) что общество принимало всякую правительственную меру

^а Зачеркнуто самого ^б Зачеркнуто с казни ^в *Attendant* — покушающийся (нем.)
^г Зачеркнуто были ^д Зачеркнуто победить ^е Зачеркнуто произведения литературные

с недоверием, боялось быть обманутым и всячески старалось истолковать каждый малейший шаг власти, хотя бы он был для общества полезным; 2) что общество принимало все как что-то временное или потому, что политические обстоятельства, а между прочими восстание, не позволяют развиваться и пустить корни ни одному преобразованию, или потому, что самое русское правительство возьмет данное назад; 3) что, несмотря на это, все выходящее от правительства, если оно считалось полезным, было принято; 4) что люди вообще, несмотря на их убеждения, боялись всяких сношений с правительством и принимали предлагаемые им должности с колебанием, боязнию, как бы не с *чистой совестью* или просто отвергали предложения правительства, иногда даже не зная сами почему. Итак, н[а]п[р]имер):

1. Лица, призванные в Государственный совет, входили в состав его, так сказать, на силу, как бы принужденные, как, извините выражение, за барщину,^а будучи убежденными, с одной стороны, заранее, что это все (так говорилось о мерах правительства) ни к чему не поведет, а сознавая, с другой, — что как бы то ни было, они все-таки могут в Государственном совете полезно действовать для края; боясь, с одной стороны, правительства, чтоб не быть причисленным к когорте красных, и боясь, с другой стороны, красных, чтоб не быть названным слугой, лакеем Велепольского и Москвы и, пожалуй, изменником отечества. Однако же приняли предложение правительства, хотя не все (насколько помню), и действовали в Госуд[арственном] совете, если ^б мне хорошо известно, как добрые и полезные граждане.

2. Так же точно было с предложениями должностей губернаторов, уездных начальников и проч. И здесь еще более выразилось желание не быть в сношениях с правительством, а тем более в зависимости от него. Губернаторскую должность принял один гр. Островский в Радомской губернии¹, уездных начальников — очень немногие. То же о других должностях. Были лица, которые прямо спрашивали Ц[ентральный] Нар[одный] Комитет, позволит ли он им принять предложенную правительством должность, или нет, чтоб не иметь греха народного на совести своей.

3. Главную школу все считали не только полезною, но и необходимой, однако же некоторые лица не приняли предложенных им профессорских кафедр — или говоря просто: «не хочу играть с кафедры в дудку г. Велепольского, а кто поручится за существование Академии в *будущем*», или же условиями со своей стороны ясно высказали то же самое. Так, н[а]п[р]имер], сделали некоторые известные ученые наши галицийские и познаньские.

4. Изданные законы, н[а]п[р]имер] об образовании, о правах евреев, уничтожении барщины приняты были хорошо, хотя говорилось о первом: «это только так на бумаге», о втором: «что недостаточен и издан, чтоб обмануть евреев», о третьем, что «это в наказание только помещикам и угроза им же за не данную Велепольскому поддержку^в, собственниками же, гражданами сделать крестьян правительство, будучи само помещиком (именно это относилось к Велепольскому), не хочет и не думает об этом».

5. Закрытие^г генерал-губернаторского управления принято было без слова хорошо, а если и говорилось что, так не что иное, как «Москва кокет-

^а Зачеркнуто боясь, зная ^б Зачеркнуто насколько ^в Зачеркнуто потому что

^г Зачеркнуто губернато

¹ Кроме Александра Островского, на должность губернатора были назначены одновременно с ним (и приняли назначение) Доминик Дзевановский плочким губернатором и Юзэф Корытковский августовским губернатором.

ничает и делает вид, будто бы сбрасывает военную кожу, но это неправда». Облегчение цензуры^а почиталось незначительным, «потому что все-таки правду нужно печатать или за границей, или под землей» (именно подпольные листки тогдашние) и т. д. и т. д.

6. Городские и уездные советы, само собой разумеется, не составляли исключения. А так как, по-моему, весьма^б важно для характеристики тогдашнего времени узнать хоть в результате^в эту огромную борьбу при открытии заседаний^г советов, которая тогда происходила в недрах нашего^д общества^е, общий характер самих уже заседаний,— нахожу необходимым и об этом поговорить немножко подробнее.

Вы видели уже, господа, что в обществе нашем была борьба о принятии этих советов или нет при выборе членов. Теперь, именно в сентябре месяце 1862 г., пришло время открытия первых заседаний и борьба возгорелась опять^ж, но с несравненно высшею силою и другого характера. Вопрос шел о том, открыть заседания или нет? Одна сторона — и между прочим Цен[тральный] Нар[одный] Комитет с заговором своим^з были мнения, что открывать заседания не следует, что члены выбранные должны отказаться от своих должностей, что само собою влекло к открытому разрыву с русским правительством. Другая сторона, напротив, говорила^и, что следует открыть советы, потому что они имеют исключительно общественный [л. 14] характер и могут быть для края полезными. Конечно, я не буду приводить аргументов одной и другой стороны, хотя весьма характеристичных,— довольно, что борьба была долгая, жаркая, страстная, повсеместная; Цен[тральный] Нар[одный] Комитет сделал даже эту огромную ошибку — издал декрет о закрытии советов. Правительство с своей стороны делало всякие усилия, чтоб советы непременно были открыты, во что бы то ни стало, хотя бы ценой унижения во время заседаний, иначе лопнула бы вся система Велепольского, вся внутренняя его политика, которой советы были, можно сказать, основным камнем по крайней мере до этого времени. Наконец *красные* были побеждены, заседания открылись. Некоторые только советы послушались декрета Цен[трального] Нар[одного] правительства, н[а]п[р]имер Красна-ставский в Люблинской губернии. Но что вышло далее^к? Победенные стали победителями, члены совета были настоящими детьми общества, так сказать, *покраснели*. Правда, они, с одной стороны, доказали, что прекрасно понимают значение *рад* (советов) как общественных органов, и весьма дельно в заседаниях своих разбирали и свои местные потребности, и потребности целого края, представляя вместе с тем, а иногда и принимая сейчас же средства для их удовлетворения, но, с другой стороны, они перестали считать рады общественными органами, и, не зная об этом, не желая^л этого, сделали их трибуной теорий Ц[ентрального] Нар[одного] Комитета ненависти и неуважения к власти, не скрывали презрения даже, убеждения, что рады недолговечны, что, пока Литвы и Руси нет вместе с нами и пока нет сейма, нечего и говорить с правительством, что все^м стремится к восстанию, говорилось среди белого дня и в глазах тут же во собрании членов сидящего комиссара, и сколько пришлось

^а Зачеркнуто было ^б Зачеркнуто притом считая довольно ^в Зачеркнуто понимание общества о достоинстве их, т. е. ^г Зачеркнуто этих ^д Зачеркнуто самого ^е Зачеркнуто и наконец ^ж Зачеркнуто снова ^з Зачеркнуто были мне ^и Зачеркнуто удерживала ^к Зачеркнуто сделалось ^л Зачеркнуто быть может ^м Зачеркнуто идет даже

господам комиссарам выслушать как правительственным лицам горьких слов, колкостей и просто обид, как я думаю, они об этом должны были донести г. Велепольскому. Одним словом, рады не только перешагнули границы, начертанные для них законом, не только затрагивали и разбирали вопросы чисто политические, но, господа, члены, желая удержать рады, в то же время не сознавая этого, как бы нарочно хотели своими *дебатами*, чтоб их правительство закрыло. Время и недостаток материалов не позволяет мне говорить подробно об этом предмете, хотя он вполне заслуживает быть подробно рассмотренным, однако же думаю, что и эти несколько слов^а довольно выразительно представляют вам, господа, настроение общества тогдашнего в минуту открытия Советов. В заключение скажу только, что правительство побоялось открыть вторичное заседание советов в октябре месяце того же года, и я думаю, что Велепольский хорошо угадал дух общества в то время, потому что, зная сколько-нибудь, что (как и полицианты варшавские говорили) «и в воздухе веяло», наверно можно было предполагать катастрофы, ведущие за собой окончательное закрытие рад, и отставки или, пожалуй, и аресты членов.

Кончая с исчислением фактов и явлений явных по стороне общества во время заговора, нужно еще упомянуть о том, что при довольно облегченной цензуре, при *недействии* всегда занятой и беспрестанно безуспешно действующей полиции тогда говорили, читали все, писали много, а чего не можно было печатать в Варшаве, то привозилось из-за границы. Следовало бы еще сказать о подпольных листках, убийствах (как Фелькнера и др.), беспрестанных толках о поджигании то Брюлевского палаццо¹, то королевского дворца (замка), то Бельведерской и Лазенковской резиденции кн. наместника, то театра, например, что бесило полицию и приводило ее до изнеможения, однако же все это собственно принадлежит к деятельности заговоров.

Вот такие факты и явления представляют нам деятельность и правительства, и общества в Царстве Польском во время с 15 октября 1861 г. до восстания, а лучше до 15 января 1863 г., когда молодежь стала выходить из Варшавы. Они, конечно, не все, быть может, и не самые важнейшие, память моя, однако же, по сию минуту не дает мне других, кроме исчисленных, а так я должен ограничиться ими.

В. ФАКТЫ И ЯВЛЕНИЯ ТАЙНЫЕ, т. е. *заговоры*. Вы, господа, я думаю, стали подозревать меня,^б не на шутку ли я дал заглавие рассматриваемому периоду, не встретившись до сих пор с заговорами. Я их, однако же, отделил^в для ясности представления и^г намереваюсь сделать из них отдельную как бы часть жизни народной, хотя^д это не следовало бы и невозможно, потому что^е заговоры составляют, собственно говоря, дух этого времени, проникли во всю жизнь народа, они неотлучно, ^ж неотъемлемо сопряжены, *связаны с каждой почти минутой жизни общества*, заговоры — это ее спутник, более — руководитель. Прошу обратить на это внимание. Вы несомненно удивились, милостивые государи, услышав, что я говорю заговоры, а не заговор, как будто бы их много было, между тем как всем известен только

^а Зачеркнуто достаточно представят ^б Зачеркнуто что ^в Зачеркнуто их так сказать (хотя это невозможно и не следовало бы) ^г Зачеркнуто сделал вот ^д Зачеркнуто повторяю раз еще ^е Зачеркнуто они ^ж Зачеркнуто плотно (точно ли это выражение)

¹ Брюлевский дворец в Варшаве был резиденцией Велепольского.

один, главою которого был Центральный Народный Комитет. В том-то и дело, что люди не знают ^а моего края; в нашем крае было их *много*, многие из них, пожалуй, имени не имели, они все слились потом в ЦНК, но тем не менее они существовали, более, я имею данные предполагать, что и после, кроме ЦНК, были тоже заговоры, только они не высказались, не проявились и пропали в обширном русле восстания. Однако же начнем с начала. Расскажем историю.

Вспомните, милостивые государи, что я при характеристике манифестационного периода между прочими сказал, что при конце ^б манифестации всем, *не исключая даже самих манифестаторов*, стали надоедать, стали быть тяжелыми. [л. 14 об.] В самом деле все *почувствовали, что время манифестации прошло, но вместе с тем почувствовали, что, как говорится, это далеко не все*, не конечно, что бог ниспослал их не как минутную прекрасную восторженну[ю] вспышку без дальнейших последствий, но как основание и исходный пункт чего-то более важного. Я говорю: люди почувствовали, а не сознавали; будущее было для них неопределенное, но тем не менее все были уверены, что последствия манифестации будут необходимы, что они будут важные и что следует приняться за работу. Работа эта, конечно, смотря по всему прошедшему, по всему, впрочем, направлению манифестаций, должна была быть народной, для пользы отечества, для блага его. Она была неопределенною, так сказать, бессознательною, более инстинктивную, но была и вместе с тем должна была быть патриотическою. И вот тут стали *мало-помалу развиваться, наконец, можно сказать, посыпались по целой Польше круги, кружки, общества разных форм, разных названий* ^в и без них, разных целей, руководимые кем-нибудь и просто без всякого руководства. Одним словом, все с гимназиальных мальчиков начиная до престарелых людей, от ген. Мерославского до наиболее отсталых консерваторов стали группироваться около известных личностей с намерениями и усилиями выйти из манифестационного хаоса, придти к какому-нибудь порядку и определить себе путь в будущем. Некоторые-то из этих групп претендовали влиять на борьбу при выборе членов в советы и на самые выборы, и хотя претензии далеко не осуществились, однако же выполнили свое; именно разъяснили вопрос (насколько это было необходимым для тогдашнего времени) и повели выборы с удивительным успехом и в чрезвычайном порядке. Я думаю, господа, ^г вы, зная, что ничто в мире не делается вдруг и что даже Самсон с Соломоном не успели бы сразу без необходимого приготовления вложить общество в формы заговора Ц[ентрального] Н[ародного] Комитета, признаете со мною эти все группировки со времен гр. Лямберта зародышем, началом заговорной жизни рассматриваемого времени. С вступлением в должность наместника ген. Лидерса не было уже этого бесконечного множества и разнообразия группировок; все-таки кружков разноцветных и разноцельных было довольно значительное количество, настоящего же пути ^д еще люди не отыскивали, цели кружков были все еще вообще неопределенны. Итак, *были кружки* (я говорю — были, а не был), *стремящиеся как можно скорее повести народ к восстанию; были другие, которые говорили о восстании, но не придумывали для него окончательного срока,*

.....
^а не знают *подчеркнуто синим карандашом, на полях таким же карандашом помета Мураесса* напротив, знаю и потому верю ^б *Т. е. под конец* ^в *Зачеркнуто* разных ^г *Зачеркнуто* что ^д *Зачеркнуто* однако же

делая его зависимым то от заграничных политических обстоятельств, то от чего-то неопределенного внутри края; были еще другие, которые и слушать не хотели о восстании, предполагая, однако же, что оно когда-то будет, и ограничивались борьбой с Велепольским и вообще правительством; еще другие хотели пополнить^а только недозволяемое цензурой, полицией и вообще правительством; еще другие, наконец, делающие свою исключительную целью образование народа, собственно, крестьян, в духе народном, т. е. в духе знакомых вам, господа, начал народной жизни. И эти кружки опять имели разные названия, старались уже непременно иметь главу, начальников, некоторые стали принимать даже известную форму уже и старались пополнять число сотрудников, и, наконец, мало-помалу стала появляться конспираторская клятва и настоящий определенный вид (но вид только еще) заговора. Это был другой шаг, можно сказать, на пути развития заговорной жизни. Итак, поступая шаг за шагом, можно бы, а отчасти и необходимо бы было, имея под рукой более данных, чем их архив памяти моей в запасе находит, и при других обстоятельствах, чем мои, указать все почти ступени развития^б подземной деятельности нашего общества до самого сформирования Ц[ентрального] Нар[одного] Комитета. А так как этого я представить вам, милостивые государи, не в состоянии, вы должны, и покуда мои друзья пополнят недосказанное^в, принять только как несомненный (да и притом очень в порядке вещей) факт — заверение с моей стороны, что все сказанное мною — сущая правда, а отнюдь не выдумка с целью обмануть вас или чрез извращение фактов дать Вам ложное понятие об настоящем истинном характере тогдашнего времени.

^г Не будучи, однако же, в состоянии подробно и в отдельности представить постепенный развой заговоров, кружков и пр. тогдашнего времени, необходимо по крайней мере, прежде чем стану говорить об Ц[ентральном] Н[ародном] Комитете, взглянуть на общую их характеристику. Все эти общества, заговоры и проч., несмотря на их разнообразие, несмотря на все их споры-ссоры, а иногда и страстную борьбу, имели следующие общие черты^д:

1) они все признавали необходимость (не говорю о времени и средствах) восстания, т. е. признавали, что оно^е в более или менее отдаленном времени, при таких или других обстоятельствах, теми или другими средствами непременно наступит; 2) все они, беспрестанно перемешивая вопросы и цели политические и общественные, были^ж, однако же, или преимущественно политическими, или преимущественно общественными; 3) все они несмотря на взаимные беспрестанные споры их между собою^з, как-то удивительно были в то же самое время, так сказать, дружески, братски^и один к другому, они беспрестанно искали себя взаимно, передавали^к себе взаимно свои произведения или печатные или письменные, предостерегали о грозящей со стороны правительства опасности, исполнители и адепты одного помогали исполнителям и адептам другого^л, иногда даже главы жили с собою в сердечной дружбе; 4) они все были для правительства т а й н ы м и, действо-

^а Т. е. совершить ^б Зачеркнуто развоя ^в Зачеркнуто удовлетворить
^г Зачеркнуто Прежде чем ^д Зачеркнуто им все свойства ^е Зачеркнуто когда непременно ^ж Зачеркнуто клонились ^з Зачеркнуто они ^и Слово братски подчеркнута синим карандашом, над ним поставлен знак х и на полях таким же карандашом помета Муравьева под страхом русских, а без него вцепились бы в волосы.
^к Зачеркнуто один другому ^л Зачеркнуто даже на

вали с к р ы т о; 5) наконец, они все были враждебны или русскому правительству вообще, или только существующему порядку вещей, [л. 15] а лучше — системе управления, во всех отношениях или в частности. Считаю необходимым прибавить еще к этому, что указанная мною характеристика всех кружков до формирования Цен[трального] Нар[одного] Комитета составляет характеристику всякого без исключения рода деятельности общества в продолжении целого этого периода с начала до конца его. Наконец, мало-помалу во внутренних спорах существующих уже кружков, во внутренней их борьбе при содействии прочих обстоятельств времени (как н[а]пр[имер], деятельности самого правительства) дух и понимание общества вырабатывались, путь, по которому следовало идти дальше, делался^а более и более ясным, определенным; люди и кружки, стремящиеся более к общественным целям, стали деятелями на пути общественном и отстали от несвойственных им политических целей и обществ, с другой стороны, люди и кружки политические пришли к сознанию истинного пути, отбросили все чисто общественные вопросы в сторону^б и пристали взаимно друг к другу. И с этой-то минутой [так!] все донныне существующие кружки и заговоры политические, все люди, сознающие уже тогда, что только в деятельности на пути политическом — польза отечества, слились в одно целое, а лучше сформировались в один общий, единственный заговор и главою его стал с этого времени *Центральный Народный Комитет*. И тогда уже вдруг разом ясно были поставлены и начала заговора, и цель его, и форма организационная, средства, т. е. способы дальнейшей деятельности, и путь, по которому заговорщики постановили двигаться дальше.

Как это сделалось, конечно, я не в состоянии Вам, милостивые государи, представить, да и при этом не нужно вовсе, чтобы придти к заранее на первой странице поставленным заключениям, довольно нам покуда заявления о формировании Ц[ентрального] Н[ародного] Комитета. Минута окончательного формирования его наступила, насколько мне известно, в июне месяце 1862 г. Кроме его, существовали только обломки давнейших кружков^в и отдельных личностей [так!] или как не признающие еще пути, избранного Ц[ентрально]м Н[ародны]м К[омитет]ом, истинным, современным или просто по эгоизму отдельных лиц, или же они не вошли в состав сформированного заговора по общественному их характеру, составляя известный род *общественного товарищества* без всяких форм и принадлежностей заговора. И это-то общественное товарищество с их адептами составляло так называемых *белых*, заговорщики же Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а называемы были *красными* *.

Здесь место поговорить немножко о моих друзьях *белых*. Я назвал их *общественным товариществом*, чуждым политическим вопросам. Вы готовы сказать, что я, пожалуй, из предосторожности не навлечу на них чьих бы то ни было подозрений нарочно избрал^г такое название. Между тем — несколько; название общественного товарищества вполне соответствует настоящему их характеру; и начала, и разбираемые вопросы, и образ

* П р и м е ч [а н и е]. Названия эти, впрочем, не с этого времени, они были уже прежде у самого зародыша всей заговорной жизни, во время борьбы при выборах членов в советы они уже были знакомы.

^а Зачеркнуто все ^б Зачеркнуто и стали ^в Зачеркнуто или недостаточно сознающие ^г Зачеркнуто для них

действий (если разговоры и претензии, а лучше, иллюзии можно назвать действиями), одним словом, их голова, их сердце, их вся кровь были только и исключительно общественного характера. Вы опять мне скажете^а далее на это, что они все-таки считали восстание необходимостью, знали об существовании заговора ЦНК и признавали его тоже необходимым, произвели одно и другое явление чисто политического характера, они сделали *рады* (советы) органами и трибуной политики, они были, наконец, тайными и все-таки не содействовали существующему правительству, если и не были враждебными ему в настоящем смысле этого слова. Да, так, это правда. Но позвольте, господа, ближе разобрать эту правду. Итак, они считали восстание необходимостью, так же точно и существование ЦНК, потому что не зная этого, не желая, быть может, этого, они были настоящими детьми прошедшего (знакомых вам, господа, начал народной жизни), детьми своего общества и своего времени; я вам более скажу, они стремились то шибко к восстанию, то не позволяли даже слова этого произносить адептам своим и никогда серьезно не рассматривали этого вопроса, боясь его затронуть хотя бы; они, так сказать, ногами и руками защищались и опирались^б, чтоб не быть порванными стремлением времени, но все-таки время противу иногда их воли насильно вело их к необходимому историческому. Так же точно^в можно сказать об их отношениях к ЦНК — они знали об нем, не знали сами, затем желали его существования, но беспрестанно, вечно спорили с ними (т. е. с его заговорщиками), были явными неприятелями *практики*, так сказать, Комитета, мешали ему на всяком шагу и иногда даже ненавидели его. Далее, господа, вы говорите, что они произвели одно и другое явление чисто политического характера и не давали поддержки правительству; это правда, но скажите, могли ли они как поляки, как дети прошедшего, как дети, наконец, своего времени, тем более призваны кн. наместником, не сказать, что они в каждой капле крови своей чувствуют себя одним телом с Литвой, Русью, Галициею и Познанью и что^г сейм так нужен^д для жизни их, как воздух, что, следовательно, правительство, не действующее в этом духе, не может найти в них поддержки. Но разрыва с правительством, разрыва, вражды открытой со всеми их последствиями этого они никогда и не задумали даже^е. И если б, положим, правительство могло им сказать на их политику, «ну, наконец, что же — хотите ли вы, господа белые, придти с властью к разрыву и далее логически — драться с нею?» Они с чистою совестью поклялись бы, и я даже готов за них поклестся, что нет. А отреклись бы от своего? Тоже нет. Так что же значут эти все политические явления белых? — спросите меня; это род маленького экзамена, что они знают катехизис народной веры, ничего больше. Наконец, они действовали^ж тайно. И это правда, но неужели было возможным при существующих законах не друзьям Велепольского иногда противу^з его же самого действовать явно, но помилуйте, какая же [л. 15 об.] это тайна, о которой знали не только заговорщики ЦНК, не только все прочие сограждане, но и Велепольский, и Минишевский, и полицмейстер Зенгбуш. Да притом *белые* не имели никакой клятвы и никакой формы конспираторской. Так что ж, наконец, были эти господа *белые*? — спросите вы меня. Я вам опять отвечу: общественным товарище-

.....
^а Зачеркнуто господа ^б Т. е. упирались ^в Зачеркнуто они ^г Зачеркнуто
что ^д Зачеркнуто им ^е Зачеркнуто этого ^ж Зачеркнуто были тайны ^з Зачер-
кнуто его иногда

ством, в котором люди, занимаясь преимущественно и^а, можно сказать, исключительно вопросами общественной жизни, и по положению края, и по причине существующих законов, и по своему прошедшему, и настоящей, так сказать, их природе должны были действовать скрыто, должны были затрагивать вопросы политические, должны были иногда иметь политические претензии и быть противниками правительства. Вы, господа, познакомившись таким образом с белыми согражданами моими, готовы признать их товарищество *аномалией*^б, перемесью неопределенного и несознающегося^в. Да, так, это было, если хотите, аномалия, судя по общепринятым определениям политических и общественных корпораций, я с вами согласен, но я вам скажу притом вот еще что^г: такая аномалия была *необходима и хороша*, иначе она не помогла бы развиться восстанию и торжеству Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а. Может быть, вы спросите меня еще, чтоб окончательно уяснить, чем были белые в сущности своей: не переродились ли бы они со временем в чисто тело политическое? Да, так, непременно, но с условием, что сделались бы заговорщиками ЦНК и пополнили бы число и силы заговорщиков, и из сентябрьского заседания советов видим, к чему они, не сознавая, клонились уже тогда. А в другое—противных Ц[ентральному] Н[ародному] К[омитет]у начал корпорация могла ли она переродиться? Никогда, разве с *совершенной переменной существующего порядка вещей в Польше*.^д Иначе они стали бы поклонниками Велепольского и изменниками отечества, а вместе с тем врагами всего в крае благородного, а это было невозможным. С переменной только системы Велепольского, с переменной по крайней мере в *духе* начал народной жизни, если *по началам* точь-в-точь могли белые переродиться в общество, противное началам Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, но тогда не были бы скрытым, а *самым же правительством, собственно говоря*. Да и вопрос, что тогда^е сделалось бы с самим Ц[ентральным] Н[ародным] К[омитет]ом: Но куда довольно, чтоб узнать настоящий характер товарищества белых, а пора возвратиться к Цен[тральному] Нар[одному] Комитету.

Итак, я сказал, что в июне месяце 1862 г. мы видим его уже окончательно сформированным и действующим. Какие были его начала? * Приводить их подробно я не буду, они были сведены комитетом в *десяти что-то параграфах* и всем объявлены, довольно сказать, что представленные мною вам, милостивые государи, начала народной веры были почти^з повторением этих комитетовых начал^и. Цель ясно и определенно^к поставлена — привести народ к разрыву с русским правительством и повести его к восстанию. Форма организационная тоже нескомплексована^л, проста, вам, я думаю, известна. Итак, по городам начиная с десятков, далее шли сотни, округа, отделы (смотря по численности городов) и начальник города; по деревням и вообще воеводствам основанием те же были десятки, сотни, далее округом управлял окружной начальник, уездом — уездный, воеводством, наконец, — начальник воеводства, провинциями управляли провинциальные комитеты. Внешним узлом, связывающим заговорщиков в одно целое, была клятва, между прочими, на повиновение беспрекословное *приказанием*

^а Зачеркнуто почти ^б Синим карандашом помета Муравьева или чепухую
^в Зачеркнуто и несознающего ему ^г Зачеркнуто так было ^д Зачеркнуто А разве
^е Зачеркнуто было ^ж Зачеркнуто Этого я не буду разбирать подробно ^з Зачеркнуто
точь-в-точь ^и Зачеркнуто Форма ^к Зачеркнуто представлена ^л *niezkompli-*
kowana — несложная (польск.)

заговорного начальства, на тайну, на жертвование всем, даже жизнью, для свободы отечества. Как бы то ни было невозможно не признать заговорщикам во всех отношениях ясности, определенности и простоты с удивительной во всем логикой и порядком. Теперь вопрос: что вошло тогда в состав заговора, какие были его тогда силы? В состав заговора Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а вошли тогда, как я уже сказал, все по сию минуту разбросанные, децентрализованные и вообще разнородные кружки политические и др. Они представляли собою *различного рода элементы*, заключали в себя людей всех слоев общества, всех степеней образования, всех вероисповеданий, но преобладающим и господствующим был элемент городской, и это низший класс городского населения. Что это большею частью были люди молодые, притом смелые, решительные и нередко отчаянные, так сказать, фанатики свободы отечества, это само собой разумеется. Число заговорщиков тогда не было значительно, думаю, однако же, что общая^а сумма доходила до двух или трех тысяч человек. Сила материальная заговора, кроме числа заговорщиков, не была значительна, единственными его средствами были маленькие добровольные ежемесячные денежные складчины, едва покрывающие необходимые расходы. Но не материальными средствами они были сильны, сила их лежала в чем другом, а именно в обстоятельствах их окружающих, в духе общества и отдельных слоев и личностей, в духе и действиях самого правительства. Вот такой заговор, такого состава, начал, формы и силы, развиваясь постепенно из самых незначительных и неопределенных зародышей еще манифестационных, появился на отеческом^б горизонте в июне месяце 1862 г. Прежде, однако же, чем расскажу вам, господа, дальнейшие судьбы Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, прошу вас на минуту обратить внимание на необыкновенный и невиданный доселе образ сформирования заговора. Обыкновенно, насколько мне известно, заговоры, т. е. их начала, формы придумывались заранее несколькими лицами, обыкновенно самими близкими друзьями и потом^в уже присоединялись к ним и принимали их начала друзья [л. 16] друзей и так далее и то никогда не возрастали до значительного числа, сохраняя притом не только для враждебной власти, но и для всех вообще непроницаемую тайну^г. На нашей почве в 1862 г заговор (т. е. ЦНК) как-то наоборот образовывался, не сверху, с головы, а снизу, от основания, от орудий, как бы выростал из каких-то неизвестных семян, теряющихся в прошедшем, как бы его образовывало самое же общество неизвестным путем. Ведь^д эта разница происхождения нашего заговора от других должна иметь какое-нибудь значение? И в моих глазах она имела огромное значение, именно придает заговору характер исторической необходимости, потребности общества^е, потребности времени, так что мы заранее можем признать это, не дожидаясь истории нашего времени, не зная даже дальнейших действий и судеб Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а.

После этого краткого отступления я опять возвращаюсь к начатому. Я сказал именно, говоря о силе только что родившегося Ц[ентрального]

^а Зачеркнуто сила ^б Т. е. отечественном ^в Зачеркнуто стали ^г Вверху страницы синим карандашом помета Муравьева а десятичные, сотенные, земледельческие общ[ества],—3000 подготов[лено], 3000—цифра даже сходится ^д Зачеркнуто эти данные ^е потребности общества ^г подчеркнуто синим и красным карандашом и сверху синим карандашом помета Муравьева соверш[енно] так

Н[ародного] К[омитет]а, что сила его преимущественно лежала в обстоятельствах его окружающих; вот время посмотреть, какие то были обстоятельства, среди которых очутился ЦНК? Итак, мы видим, с одной стороны, что правительство, во-первых, было решительно противоположно, противным в началах своих началам Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а (хотя некоторые по крайней мере *отчасти* были сходны, н[а]п[р]имер, равенство всех перед законом), следовательно давало заговору *основание, право на существование*; [во-вторых, правительство было в совершенном с целым без исключения обществом разладе и несогласии, отчасти по причине прошедшего, отчасти по причине отрицательных мер своих (не говоря о том, были ли они справедливы и необходимы или нет), отчасти по причине противных обществу начал, следовательно, давало заговору *исходный пункт*, так сказать, отворяло ему ворота в глубину души общества; [в-]третьих, наконец, правительство положительными своими мерами, преобразованиями законодательными, преобразованиями отдельных административных отраслей, данными институциями, затронутыми вопросами, усилиями сблизиться с народом, облегчением цензуры и, наконец, литературными попытками давало *обширное поле*, а отчасти и *средства* для деятельности заговора. С другой стороны, мы видим параллельно: 1) что общество исповедывало, так сказать, те же самые, что заговор, начала, признавало даже в основании необходимость восстания, а чрез это давало заговору *основание, право на существование*, право гражданства, признавало его своим членом, своим законорожденным, верным и добрым сыном; 2) общество было совершенно противных с правительством начал, а в временной своей жизни было с ним в несогласии, было для него с недоверием, неуважением и ненавистью, а чрез это давало заговору *исходный пункт* для деятельности его; 3) общество принимало всякие меры правительства, как [что]-го временное, переходящее, но все-таки принимало, критиковало их достоинство,^а производило, так сказать, *само* некоторые факты жизни^б своей, как н[а]п[р]имер «адрес Замойского», и не было, наконец, согласно насчет приложения к жизни тех или других начал Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, чрез это давало обширное *поле и средства* для деятельности заговора. Вот в таких добрых^в, благополучных обстоятельствах появился на свет ЦНК^г, и эти-то обстоятельства составляли главную и в самом деле огромную его силу, силу неразвитую, но корень ее^д составляющую для заговора более, чем все материальные средства. Заговорщики имели при появлении своем обширное основание и право на существование, имели обширное поле и сейчас же средства для своей деятельности, они имели, наконец, готовый исходный пункт, т. е. открытые ворота в глубину общества, да разве можно было желать более благополучных обстоятельств, более силы в самом начале? Нужно было только приняться за работу. Посмотрим, как заговорщики взялись за дело.

ЦНК сейчас после появления своего, оглянувшись по всему его окружающему, заявил и своим согражданам, и правительству, и *всему миру о своем существовании чрез покушения трех его заговорщиков* * и чрез

* П р и м е ч [а н и е]. По-моему, именно—по-моему—следует тогдашние покушения [так!] принадлежавшими Ц[ентральному] Н[ародному] К[омитет]у, что, во-первых, покушавшиеся и их^е сообщники были членами заговора, во-вторых, логика теории К[омитет]а могла привести их исполнить аттентат.

^а Зачеркнуто делало ^б Зачеркнуто общество ^в Зачеркнуто (potuślnych)
^г Зачеркнуто однако ^д Зачеркнуто силу и potentia ^е Зачеркнуто сотрудники

правительственный официальный орган «Dziennik Powszechny», и стал действовать, и действовал, я заранее должен признать ему это, энергично, решительно, дерзко, с удивительно последовательностью, одним словом, дельно. Приводя в порядок свою варшавскую и вообще донныне существующую организацию, он избрал известное количество молодых агентов, дал им номинации, запас экземпляров своих начал и форм, запас экземпляров своего «Ruch», коротенькие и очень простые инструкции (он вообще отличался простотой), фальшивый, пожалуй, паспорт, и выслал их во все концы Польши проповедовать восстание и точный, настоящий смысл народного катехизиса и пополнять заговор новыми поклонниками простой теории Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а. Что же больше, спросите меня, господа, дал агентам своим в руки ЦНК, какие средства? Покуда ничего больше. Но он дал им много; все, что сам тогда имел, именно велел им *проповедовать начала свои и цели*, дал им *пропаганду*. Чтоб убедить Вас, милостивые государи, что ЦНК, дав пропаганду агентам своим, дал им *много*, т. е. что это в самом деле было *много*, более — *все*, позвольте мне поговорить об этом вопросе подробнее.

Мы видели, что в прошедшем периоде общество наше, не знаю, по какому закону, быть может по закону данного провидением инстинкта, избрало для разработки начал внутренней жизни своей самую отличную, самую удачную и единственно удачную форму и путь, именно форму и путь религиозно-политических манифестаций^а, да и то такой степени, что манифестации составляют характер тогдашнего времени. По такому же точно закону общество [л. 16 об.] наше в этот период избрало для внутренней своей разработки тоже отличную, самую удачную и единственно (смотря по положению края и обстоятельствам того времени)^б удачную, до сих пор недостаточно оцененную и недостаточно понятную форму и путь — именно форму и путь *пропаганды*, и это опять до такой степени, что она составляет характеристику целого этого периода, всех действий и фактов, не исключая даже деятельности самого правительства. А чтобы не представиться Вам, милостивые государи, пустословным, позвольте напомнить Вам некоторые хотя бы факты, проявившиеся во время рассматриваемого периода.

Итак: 1. Правительство и лица, от имени его или в пользу его действующие, вели свою правительственную пропаганду. Н[а]пр[имер], архиепископ Фелинский и сотрудники его, в особенности кс[ендз] Голиан, проповедующие начала правительственные, доверие, уважение и послушание власти, не были ли в речах своих правительственными пропагандистами? Прокламация кн. наместника и призывы его к отдельным личностям не составляют ли в собственном смысле этого слова правительственной пропаганды? Не говорили ли они, если позволите это представить, простым повседневным языком: «Ну, поляки, вы любите отечество, готовы жертвовать всем для него, это правда, но ради пользы этого же самого Вашего отечества, *подумайте*, что Вы делаете. Правительство дает вам вот то, то и то — ведь это для Вас полезно? *Подумайте*, разберите сами, не слушайте этих негодяев заговорщиков, ведь они несбыточными своими иллюзиями ведут вас в пропасть». Не так ли? не пропаганда ли это? А объявление начал и форм организации Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а — не пропаганда ли?

^а Слова религиозно-политических манифестаций подчеркнуты простым карандашом, и им же снизу страницы помета: первые для простых верующих, вторые для неверующих
^б Зачеркнуто в это время

ведь это отнюдь не простое *донесение* об успехах преобразованной полиции, а призывание к народу разобрать, *подумать*, куда влекут его заговорщики, и взвесить *все это* с выгодами деятельности правительства, призывание избрать путь истинный, настоящий — т. е. указанный правительственной Велепольского системой. А все статьи, помещаемые в «Dzienniku Powszechnym», «Koturniały», брошюры не призывали ли они опять народ *подумать, разобрать*, что выгоднее для него — заговор ли со всеми его последствиями, или система Велепольского с ее последствиями? Далее, публичные военные суды, с такою *торжественностью* в первый раз открытые, были ли они знаком введения гласности в политических процессах? Нисколько, это была пропаганда справедливости военных судов и человеческого обращения с обвиненными арестантами, чему общество не верило и не могло увериться, несмотря на публичное *утвержденное* подписями достойных веры сограждан своих объявление, что Замойского ¹ не секли розгами*. Наконец, даже объявленные правительством законодательные преобразования, не могущие быть по короткости времени приведены в исполнение, не имеют ли они тоже характера более *рекомендации* правительственной деятельности и призывания к народу дать поддержку издающему такие законы, дающему такие институции правительству? По крайней мере помому, все самые важнейшие правительственные меры тогдашнего периода имеют характер *пропаганды*, т. е. рекомендации принятой в основание управления системы и призывания к обществу идти рука об руку с правительством, а отбросить в сторону все, что заговор или кто-нибудь другой опять рекомендовал как превосходное и единственно спасающее отечество.

2. Общество наше (хотя его невозможно отделить от заговора и довольно трудно представить в виде ограниченного лица или органа) тоже вело на свой лад пропаганду (тем более призвано правительством, чтоб подумать и разобраться, что полезнее для отечества). Итак, если оставить в стороне пропаганду архиепископа с его сотрудниками и друзей Велепольского как детей общества, вспомните, господа, на это множество разноцельных, разнородных кружков, обществ и заговоров с лямбертского времени до формирования ЦНК, вспомните далее, что и после формирования его были обломки кружков (да и настоящие кружки), были белые и целая пропасть личностей, живущих только вопросами минуты, вспомните далее, что все эти корпорации и отдельные личности беспрестанно, неусыпно проповедовали свою *правду*, свое понимание ^а пользы отечества, спорили между собою, старались иметь и высылать своих агентов, делать и призывать не знающих пользы края настоящей и истинной на сходки, собрания, совещания, съезды, некоторые старались иметь отдельный свой подпольный листок, писать и распространять статьи, даже брошюры, одним словом — все всячески старались убедить себя взаимно в истине, в особенности же толковали и спорили ^б о том, что говорят красные, что говорят белые, что говорит правительство^б. Не пропаганда ли это^в все самого общества, т. е.

* П р и м е ч [а н и е]. Во время именно следствия по его делу разнеслась в Варшаве весть, что его секут в цитадели при допросах. Правительство призвало тогда Шленкера, Халубинского доктора убедиться в противном, и *свидетельство* их объявило в газетах.

^а *Зачеркнуто* понимание ^{б-б} *Текст подчеркнут синим карандашом и на поле помета Муравьева* Вот, следственно, когда правительственная пропаганда ^в *Зачеркнуто* общества

¹ Речь идет об Александре Замойском — редакторе «Sternika» (см. прим. 1 к стр. 28).

отдельных кружков и лиц из среды его. Конечно, она не могла повести к другим заключениям как только к заключениям или Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, или правительства, потому что оно само, так сказать, не составляло^а ни другого заговора, ни другого правительства, ни даже какого-нибудь политического органа, утвержденного этим правительством (н[а]пр[имер], сейма), хотя и то^б отдельные личности общества, иногда даже довольно сильно представляющие его или по крайней мере часть его, пытались было иногда поставить свои различные от правительственных и заговорных заключения и тоже желали дать^в чрез это подумать и разобрать правительству, что выгоднее для края и для правительства — заключения ли Велепольского или ихние.

3. Так же точно и заговорщики, эти неопытные, неученые политики, угадав дух времени, дух правительства и общества, инстинктивно, но превосходно избрали для своей деятельности простое, ничем не ограниченное, для полиции недоступное, более, правительством дозволенное и отчасти поощряемое, а вместе с тем самое удачное, верное, самое сильное и *убивающее* всех противников *средство* — именно *пропаганду*, пропаганду начал своих, т. е. Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а. И можно откровенно, с неопровержимой правдой сказать, что и до сформирования Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, и после этого, почти до самого восстания, все без исключения заговорщики ничего^г больше не делали, как проповедовали свои начала, свою дорогу и свою цель, пополняя только (как результат труда) свои шеренги, увеличивая число поклявшихся с каждым днем и приводя [л. 17] собранное, полученное в порядок. Раз еще повторяю, заговорщики, целые тысячи их ничего больше не делали, как занимались пропагандой разрыва с русским правительством и восстания. Но они посвятили все минуты жизни своей этой пропаганде, работали днем и ночью, так сказать, неусыпно, без отдыха и притом с жаром, упорством, настойчиво, несмотря ни на какие препятствия, не страшась неудач, с верою в успех, Они проповедовали *свою веру*, свои начала письменно и устно, обучали^д один другого в заговоре, спорили^е с отдельными личностями вне заговора, делали свои сходки, собрания и съезды и призывали туда не посвященных в тайны заговора, *делали* сходки, собрания и съезды противников своих белых и небелых, правительственных и неправительственных и там боролись с ними, старались проникнуть во все слои общества, во все вероисповедания, во все существующие правительственные органы и учреждения, во все кружки общественные, в очаги домашние, семейные, одним словом — старались проникнуть везде, не страшась ничего, не отступая ни перед противными убеждениями, ни перед иронией и насмешкой, ни перед бранью даже и клеветой, если их, как говорят, выбросили за двери, они входили чрез окошко, если не могли прямо повести в атаку и взять приступом неприятеля, они переменяли фронт, вид, обошли его^ж и нападали с боков, заговорщики^з, одним словом были всегда, везде с жаром, упорством, настойчиво, неотступно, и всегда и везде ничего больше не говорили, ничего не делали, как только проповедовали эти свои простые, скромные, общепонятные девять параграфов.

Вот, господа, после этих нескольких строк^и о *пропаганде*, я думаю,

^а Зачеркнуто не было ^б Зачеркнуто впрочем ^в Зачеркнуто этим ^г Зачеркнуто более ^д Зачеркнуто спорили ^е Зачеркнуто обучали ^ж Зачеркнуто неприятеля ^з Зачеркнуто они/словом они ^и Зачеркнуто слов

Вы убедитесь, а по крайней мере признаете, что я говорю на известном основании, что пропаганда составляет форму и путь внутренней разработки нашего общества вообще в рассматриваемом мною периоде и что, следовательно, ЦНК избрал сильное, самое сильнейшее и *ручающееся за успех* * средство для своих действий, избрав пропаганду, и что, наконец, дал огромную силу агентам своим, дав им пропаганду в руки.

Теперь на минуту позвольте мне, милостивые государи, ради порядка и ясности представления собрать и в нескольких словах напомнить все сказанное до сих пор об заговорной подземной жизни моего народа. Итак, я указал Вам зародыши этой жизни в последних месяцах манифестационного периода и дальнейший ее развой в множестве неопределенных, ничем не связанных кружков, ^а указывая вместе с тем, что мало-помалу число их уменьшалось, цели и путь их делались все более и более ясными, определенными. Далее я сказал, что, несмотря на все разнообразие ^б кружков этих, все они имели известные общие черты, а именно ^в — все признавали необходимость восстания, все перемешивали вопросы и цели политические с общественными, все между собою спорили, не переставая признавать себя взаимно, все действовали тайным образом и все были более или менее враждебными правительству. Далее я представил, как из всех этих кружков образовался ЦНК в июне месяце 1862 г., причем старался представить характеристику не вошедших в состав его кружков и остатков их, а между прочим и характеристику общественного товарищества, которых [так!] адепты и сотрудники обыкновенно назывались белыми, указывая в то же время ^г, что лица, действующие в пользу этого общества, должны были затрагивать вопросы политические, действовать отчасти тайно и быть противниками правительства — по своему прошедшему, по духу времени, по положению края и по существующим законам. Далее я сказал, какие элементы вошли в состав заговора ЦНК в июне месяце 1862 г., какие были его начала, цель, форма организационная и силы, признав ^д самой важнейшею силою: обстоятельства, окружающие его так со стороны правительства, как и со стороны общества, а то потому, что эти-то обстоятельства давали заговору: 1) основание и право на существование, 2) обширное поле для его деятельности и 3) исходный пункт. Наконец, я сказал, что ЦНК избрал для деятельности заговора самое удачное, верное и *ручающееся за успех* средство, а именно пропаганду, причем я старался доказать Вам, что пропаганда составляет форму и путь развоя внутренней жизни народа в этом периоде, более, что она составляет дух времени, не исключая даже действий правительства.

Но время опять возвратиться к Ц[ентральному] Н[ародному] К[омитету]. Будучи признанным обществом ^е — добрым его сыном и неперменным необходимым членом, которого оно вводило в свои расчеты (а думаю, что и правительство в своих действиях тоже обращало на него свое внимание),

.....
* П р и м е ч [а н и е]. Я назвал пропаганду в руках заговорщиков средством убийственным для всех их противников; да, оно было орудием обоюдоострым в руках правительства и в руках противных мнений сограждан их, но в руках заговорщиков оно имело только одно острие, потому что начала их были *истиной*, выработанной прошедшим, неопровержимой истиной, а обстоятельства жизни все без исключения клонились к осуществлению их начал, этой истины.

^а Зачеркнуто перемешивающих вопросы политические с общественными ^б Зачеркнуто всех ^в Зачеркнуто что ^г Зачеркнуто в то/при том ^д Зачеркнуто назвав.
^е Зачеркнуто как

он стал действовать. Молодые, неопытные политики при помощи пропаганды правительства и пропаганды, так сказать, самого общества, своєю пропагандою — и притом так веденною, как я это представил выше, делали чрезвычайные успехи и, если б я сам не был некоторое время главою их, сказал бы смело и *без фальши*, чудесные, смотря по времени; они опрокидывали все препятствия, встречаемые на дороге, поглощали^а своих неприятелей или по крайней мере приводили их до изнеможения, в состояние самое жалкое, именно незнания что правда, а что фальшь, что делать, а чего избегать. Конечно, я не в состоянии дать Вам, господа, подробного очерка^б отдельных действий и успехов Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а, я даже находясь в других обстоятельствах, принужден был бы поговорить с моими друзьями, а может быть и прочесть одно и другое, чтоб начертать подобного рода историю его^в, но постараюсь представить Вам действия заговорщиков как бы в результатах их. Прошу Вас только, милостивые государи, заранее не упрекать меня в преувеличениях и не применять к словам моим басни Крылова о взаимной похвале кукушки и петуха. Забудьте на минуту, что я один из заговорщиков, а просто человек, имеющий удобный случай видеть вблизи все рассказываемое, и притом человек совестный, старающийся во всей жизни своей никогда не быть слепым и пристрастным.

Итак: 1. Заговорщики своими спорами, сходками, собраниями и съездами окончательно уничтожили существование еще остатка прежних кружков и членов их привели под знамя Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а. То же делалось мало-помалу с множеством деятельных отдельных личностей, не признающих долго пути Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а^г современным и для края полезным [л. 17 об.] и не принадлежащих долго к какой-нибудь корпорации.

2. Они проникали в самую глубину городского населения *всех без исключения* городов и местечек, и здесь пропаганда их поглощала всё, отравила, так сказать, воздух городов и то без разницы религии, образования, состояния и пола. Эта джума^д времени заразила не только молодое поколение городское, но и спокойных престарелых бюргеров, так что можно без преувеличения сказать, ЦНК еще задолго до восстания господствовал в городах или непосредственно чрез своих заговорщиков, или посредством общественного мнения, находящегося в их руках.

! 3. Они вырвали окончательно из под всякого влияния архиепископа и его сотрудников духовенство вообще и сделали его *в огромном большинстве* или заговорщиками, или просто исполняющими то, что^е Ц[ентральный] Н[ародный] К[омитет] приказал^ж, лишь бы только приказания его не нарушали ни в чем оснований религиозных и церковных.

4. Они проникли во все отрасли административной службы, во все без *исключения* — от солтыса в деревне до самых высших^з должностей — и вырывали из рук Велепольского орудие за орудием, так что чиновники в знаменитом количестве или были просто заговорщиками, или соображали действия свои с целью и волею Цен[трального] Ком[итета].

5. Они, далее, уничтожили общественное товарищество белых. Действуя невидимым, неощущаемым образом, более всего их же самих оружием,^и заговорщики и откровенные друзья их и сотрудники не дали даже белым

^а Зачеркнуто убивали ^б Зачеркнуто всех ^в Зачеркнуто ЦНК-а ^г Зачеркнуто истинным ^д *dżuma* — чума (польск.) ^е Зачеркнуто чего ^ж Зачеркнуто хотел ^з Зачеркнуто высшего ^и Зачеркнуто они

никогда придти к какому-нибудь порядку и принять форму порядочной организации, не дали им осуществить их никаких намерений и планов (разве для цели заговора полезных) и сделали их иллюзиями и претензиями, одним словом, выбили их из сил прежде, чем они начали работать, и привели до изнеможения, до^а растления, причисляя в списки красных с каждым днем появляющихся из среды^б их мальконтентов^в. И ничего в самом деле не было более жалкого и отчаянного, как состояние белого противника заговорной теории и практики. Он боролся со всею силою, страстно с красными *братьями* своими (несмотря на борьбу, они признавали себя взаимно и были в дружбе), называл их бешеными, сумасшедшими, сам ничего решительно не делал, кроме неосуществимых планов, дома у себя он видел — всё от настоятеля своей парадии (прихода) до своей прислуги, жены и сына заражено ядом бешенства красных, и сам привозил охотно этот яд из города, из города, куда ездил, чтобы посоветоваться с друзьями, как дать отпор дерзким красным, не позволяющим приняться за работу, драться с этими же красными языком, принятым по совещании и заранее *ukutum* (выкованным? г), и драться, наконец, с правительством и со всеми (лишь бы не с красными) *языком красных*, простым или украшенным соответственно данному противнику формой. И в результате я должен признать, что друзья мои белые, не отрадные дети своего прошедшего, своего отечества и своего времени, пожираемые невиданным образом пропагандой заговорщиков, не видя их за то, что они заговорщики, *или ничего не делали, или делали в пользу красных*. Этого [так!] отчасти доказали сентябрьские заседания советов, так защищаемых ими (лишь бы только не перед правительством, Велепольским и его друзьями), и жаль, что декабрьские заседания не были открыты; белые, уверен д, погребли бы тогда советы^е, не сознавая этого, собственными своими руками и публично бы доказали, что они наизусть знают народный катехизис и поняли теорию ЦНК. Вот что сделали заговорщики с самыми сильнейшими своими противниками по истечении нескольких месяцев.

6. Далее заговорщики мало-помалу стали добиваться до вообще для всех поныне замкнутой души крестьянина, так что и тот бедный неверящий крестьянин стал *клясться на Централ* (собственное обыкновенное выражение крестьян-заговорщиков) *противу москаля* и давать свои грошовые складчины на спасение отечества.

7. Полиция со временем, даже эта преобразованная и в самом деле сначала грозная, тоже пала жертвой временного яда пропаганды красных. Она, эти добрые и бедные люди сделались жертвой не вдруг, не разом, а постепенно, невидимо. Они гоняемы *без отдыха* правительством, чтоб отыскивать *не существующих* поджигателей, чтоб предохранять от *не грозящей* опасности то кн. наместника, то Велепольского, то того, то другого, чтоб отыскивать не могущих быть отысканными заговорщиков и главы их ЦНК (потому что их *все*, всё общество охраняло, а орудие их пропаганды была и правительством покровительствуемая и практикуемая), гоняемые, говорю, день и ночь без отдыха, с одной стороны, а с другой, — как люди, как *поляки* (полиция варшавская была избрана из армии, и то большею частью из поляков, чтобы они были в состоянии разговориться с народом, притом,

^а Зачеркнуто распов ^б Зачеркнуто их белых ^в *Malkontent* — недовольный (польск.) ^г Перевод правилен. ^д Зачеркнуто думаю ^е Зачеркнуто с таким жаром защищаемые ими противу заговорщиков

при выборе обращено было внимание на доброе поведение, трезвость и верность), живя во время всеобщей пропаганды, прислушиваясь беспрестанно [к] критикам и нападкам против красных и их начал (и здесь даже полицмейстер Зенгбуш и г. Дроздович были пропагандистами) и не слыша *нигде ничего больше*, неудивительно, что^а они, проклиная службу, которая приводила их до изнеможения, до^б утраты сил, стали сначала сами разбирать и спорить об началах и целях ЦНК, потом приходит к убеждению, что он хитер и силен, *когда его все боятся* и не могут отыскать, тем более, что он был полуявным и все знали о нем, далее, что преследовать заговорщиков нет за что, потому что они только *болтают*, потому что они все-таки честные люди, наконец, вошли в дружбу и в результате *все* были не вредны и безопасны, иногда, не зная этого, помогали (по дружбе), а многие сделались настоящими заговорщиками и притом отличными, понимающими вполне долг новой их службы. Вот что сделали заговорщики с полицией (не только в Варшаве, вне ее тем более), так тщательно избранной правительством, так покровительствуемой, с полицией, этой правой рукой всякого существующего порядка.

8. Наконец, заговорщики стали проникать в *единственно* оставшуюся опору правительства — в войско и там тоже сделали *царапину*^в. Я не говорю о поляках, преимущественно офицерах, служащих в еозной службе, они, само собою разумеется, были детьми своего общества, хотя многие испорченными относительно начал народной жизни, не говорю даже о смерти Арнгольда и др. и о публичной за них в Повонзовских лагерях панихиде по прагославному обряду, хочу только вспомнить о существовании в Варшаве *Русского Военного Комитета* с девизом «Земля да воля». Во время, когда я был членом Ц[ентрального] Н[ародного] Комитета, Комитет *Русский Военный* был с нами в сношениях и уже тогда действовал, конечно, слабо, как и до самого восстания, но все-таки действовал.

[л. 18] Вот^г краткий отрывочный очерк того пути, по которому шел ЦНК, и результатов, к которым он мало-помалу, но постепенно с каждым днем приходил^д и которые он имел уже задолго до восстания. Итог: сумма *заговорщиков* в месяце ноябре, насколько я помню из рапортов, находившихся тогда в моих руках, доходила до 18 000 человек в самом Царстве Польском, не включая в это провинций — Литвы, Руси, Галиции и польско-прусских владений^е. Наконец, при таких возрастающих с каждым днем результатах в руки его перешла самая огромная сила, самое важное, именно *инициатива* в судьбах народа и перешла, можно сказать, с минутой закрытия сентябрьских заседаний советов. Месяц спустя он был уже сильный, а еще месяц, без преувеличений можно сказать, был господствующим. Итак, в сентябре Ц[ентральный] К[омитет] начал уж издавать декреты, и несмотря на огромную, по-моему, ошибку с его стороны, декрета его об закрытии заседаний советов, некоторые уже тогда послушались, хотя противных, может быть, с его началами убеждений^ж; он далее с октября месяца, а и раньше стал собирать деньги, *подати*, хотя подати эти не уплачивались всеми вообще аккуратно, однако же тем не менее были податями, уплачиваемые большею частью не заговорщиками, не только с заговорщиков, но и с не при-

^а Зачеркнуто стали сначала ^б В тексте то ^в Абзац до конца листа отчеркнут на полях простым карандашом, внизу страницы помета Рск. В. К. ^г Зачеркнуто в кратких и отрывочных ^д Зачеркнуто итого сумма числ ^е Зачеркнуто Тогда Комитет время ^ж Зачеркнуто послушались его

надлежащих заговору членов общества; далее он стал в ноябре месяце убивать не как фанатик, а как власть — заговорщики по *приказанию* его непосредственному в Варшаве убили Фелькнера, а по приказанию его загородных властей в Плоцке и Люблинской губернии — не помню уж, кого, а общественное мнение *единодушно* признало эти убийства справедливыми; за гробом Фелькнера, кроме несчастной семьи его, священника и по долгу службы идущих полициантов, не было *ни одного лица*, в Плоцке столяры, несмотря на угрозы *слабогрозящей* полиции, отказались сделать гроба даже для несчастного человека, гроб был сделан *тюремщиками* плоцкой тюрьмы. Убийства эти притом ^а совершены были среди белого дня, открыто, и два первые ^б не наказаны, не могущие быть наказанными. Далее в декабре месяце заговорщики по приказанию Комитета пытались сжечь в Варшаве бумаги, касающиеся рекрутского набора, и отчасти сожгли, и здесь тоже правительство следов даже преступления в руках своих не имело. Одним словом, с минутой инициативы в своих руках несколькими неделями спустя ЦНК ^в был сильный. Он проникнул во все концы Польши от Карпат до Балтийского моря, от Балтийского к Черному и везде действовал или непосредственно чрез заговорщиков, или посредственно чрез общественное мнение, в руках их находившись. Заговор с минутой инициативы увеличивался чрезвычайно и принимал просто чудовищный объем, чудовищные размеры, все без исключения работали в его пользу или ^г сознавая, или не сознавая этого, или по крайней мере помогали ему своим недействием, все слои общества, все оттенки и цветы, все правительственные органы ^д. Все любили ^е и уважали его, слушались его и боялись, не исключая даже и самого правительства, не сведущего уж тогда, что делать и чего избегать, не чувствующего уж никакой опоры, кроме войска, год своими ногами, не знающего наверно, которые лица и орудия верные и надежные, а которые изменили ему. И можно раз еще сказать без превеличений, что с декабря уж месяца не русское правительство в Ц[арстве] Польском, а ЦНК господствовал и располагал судьбами народа, и уж тогда правительство не было в состоянии сделать ни одного шага более общего характера. И Велепольский знал это, знал, что уж он не *начальник* гражданского *управления*, а просто *чиновник*, что вся его система, с таким трудом воздвигнута [я] и с такими усилиями поддерживаема [я], *лопнула, не существовала*, и не открывал декабрьских заседаний, потому только, чтобы не хоронить ее собственными руками ^ж. Между тем Комитет, чувствуя в руках своих инициативу и сосчитав доставленные пропагандою заговорщиков результаты в продолжение нескольких месяцев, *убедился*, что пора думать о материальных средствах для осуществления цели, им предпринятой, и вот стал собирать деньги, и в самом деле значительные деньги, никогда и нигде доселе в заговорах невидимые, стал думать о приготовлении оружия и офицеров, об устройстве полиции по крайней мере по городам, о перемене организации соответственно потребностям уж восстания ^з, с формами более административными, окончательно посоветовался с провинциальными комитетами и делал всякие усилия привести административную машину правительства к значению призрака, к растлению, одним словом, приготовлял материальные средства.

.....
^а Зачеркнуто сдела ^б Зачеркнуто безнаказан ^в Зачеркнуто он ^г Зачеркнуто непосредственно и посредственно ^д Зачеркнуто или по крайней мере домогали ему своим недействием ^е Зачеркнуто его, все ^ж Зачеркнуто и убить гордое свое сердце ^з Зачеркнуто и при

Наконец, пропаганда заговорщиков, все еще распространяемая, дошла до своего тахітшт плодов, ее едва при самых напряженных усилиях можно было удержать в порядке, нужно было безотдыхного труда, труда днем и ночью (буквально), чтоб удовлетворить всем потребностям заговора в конце его существования, так что сделалось необходимостью дать приказ (я сам давал такой приказ заговорным властям вне города в Ц[арстве] П[ольском]) *оставить всякого рода агитацию, все сходки и съезды и споры и закрыть списки заговорщиков для новых кандидатов.* Но уже тогда агитация, не поощряемая и не руководимая даже Ц[ентральным] К[омитетом]^а, развивалась и, можно сказать, развивалась сама собою. Закрытие списков заговорщиков, [л. 18 об.] приостановление^б раз навсегда заговорной пропаганды, приготовление материальных для восстания средств, должествующее быть в тайне для всех вообще членов заговора, следовательно *видимая тишина* стала рождать мальконтентов и дала повод и причину появлению попытки *нового заговора*, именно говорю я здесь о знакомой правительству попытке друзей генерала Мерославского, попытке, образовавшейся только из подозрений, что ЦНК *белеет* и не хочет повести народ к восстанию. С другой стороны^в, огромные размеры заговора делали невозможную необходимую для тайных действий осторожность и открывали правительству десятку за десяткой; в самой Варшаве в январе месяце¹ публично судились воен[ным] судом 60 и более лиц членов организации Ц[ентрального] К[омитета]. Все это доказывало, что обстоятельства времени слишком, так сказать, напряжены, что плоды трудов и общества вообще и заговора в особенности, плоды^г всеобщей пропаганды находятся в народе в изобилии, проливаются, что *восстание созрело*. И тогда нужно было и можно было его ожидать всякий день. Не доставало только срока, т. е. случая, потому что срок, Вы знаете, господа, по крайней мере из истории, это дело случайное.

Случай скоро представился. «*Изменник*» Велепольский (так называет маркиза народ) создал рекрутский набор 15 января 1863 г., а Центральный Народный Комитет, рассмотрев раз еще тщательно и с хладнокровием все обстоятельства края, рассмотрев и совесть свою, с верой в бога, в непобежденные силы народа, подал сигнал к святому бунту и призвал народ 22 января 1863 г. к восстанию.

И вот так развилось восстание, вот такая история подземной, больной, невыносимой жизни моего несчастного народа.

II. Окончив, таким образом, с исчислением фактов, следовало бы по крайней мере, так, как это имело место в прошедшем периоде, уяснить значение каждого факта и явления рассматриваемого периода, чтоб чрез это доказать справедливость заключений, поставленных в самом начале его; но нужно ли это при таком отрывочном и неполном представлении, как мое, для разрешения вопросов, мне Вами, господа, предложенных? Не думаю, напротив, мне кажется, что факты и явления заговорного времени, даже^д в моем недостаточном рассказе так выразительны, так сами говорят громко, что вы и без моего уяснения значения их в отдельности признаете справедливость моих заключений. Сам заговор, факт его существования, образ его формирования, его состав, образ действия и результаты этих же действий до вос-

^а Зачеркнуто шла ^б Зачеркнуто и лучше ^в Зачеркнуто осторож ^г Зачеркнуто всеобщ ^д Зачеркнуто так

¹ Этот процесс происходил еще в конце 1862 г.

стания еще — не утверждает ли их? ^а Вообще для того, чтоб какой-нибудь заговор мог образоваться и существовать, необходимо существование какой-нибудь болезни, какого-нибудь недостатка или в самом обществе, или в правительстве, а что же значит, если, так сказать, целое общество в заговоре, действует скрыто и противу существующей власти и существующего порядка вещей, как это мы видим с самого начала до конца этого периода в этом множестве разнородных кружков и в этой всеобщей враждебной правительству пропаганде? Что значит эта подземная жизнь, жизнь не страдательная, а живая, действующая, кипящая ^б, проявляющая внешним образом только некоторые действия свои и то опять враждебные власти? Что значит, далее, это необыкновенное, невиданное доселе образование Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а ^в из низу, от оснований, орудий исполнительных его — как бы *выборное*, как бы из глубокого прошедшего, из внутренностей души общества, так что зародыша его, я думаю, никто не укажет? Что значит, что этот ЦНК точь-в-точь повторил начала народной веры в началах и целях своих сейчас в первую минуту своего появления, что с самого начала он был признан обществом, был *явным*, всякий день объявлял о своем существовании и своей деятельности и не мог быть открытым полицией, полицией сначала грозной и огромной? Что значит, что, несмотря на все усилия правительства ^г, отзывы кн. Константина и г. Велепольского, на все усилия архиепископа, все преобразования и литературные старания, ЦНК не позволил даже сблизиться власти к народу, а тем менее найти у него поддержку? Что значит, что ЦНК самыми простыми, ничтожными, можно сказать, мерами, мерами правительством поощряемыми и проектируемыми, в продолжение нескольких месяцев мог сделать заговор неслыханного, чудовищного съема и не только уничтожить и опрокинуть всякое препятствие, всякое даже противное его началам и целям убеждение среди самого общества, но и вырвал правительству его всю гражданскую опору — и полицию, и административную, и суды — и сделал правительственные органы или просто своими заговорщиками, или неведущими исполнителями воли своей, опрокинул и уничтожил на деле всю основную правительственную систему, что даже войско, хотя в отдельных личностях, начинало изменять власти? Что значит, что ЦНК пользовался любовью ^д и уважением всеобщим, доверием и послушанием, между тем как правительство, несмотря на все свои усилия и пропаганду, положительные и отрицательные меры, было ненавидимо, неуважаемо, презираемое вообще и не могло утешать себя верностью и послушанием собственных своих орудий? Что он публично стал издавать декреты, собирать значительные деньги, публично, можно сказать, делать приготовления к восстанию, убивал верных правительству людей ^е в характере власти, всеми признаваемой? Что значит, наконец, это закрытие заговорных списков и приостановление заговорной пропаганды, появление мальконтентов и усилия образования нового заговора таких же самых целей и начал — это, так сказать, изобилие, излишество заговорной жизни и случайное открывание безрезультатное, без открытия лиц, тайн и пружин, руководствующих заговором, целых десятков заговорщиков под конец этого периода? Что значит все это, эта огромная, горячая, действующая, подземная жизнь целого народа ^ж? Я думаю, что для всех людей, беспристрастных

^а Зачеркнуто моих заключений ^б Зачеркнуто горячая ^в Зачеркнуто как бы
^г Здесь синим карандашом помета Муравьева непростительная слабость ^д Зачеркнуто или ^е Зачеркнуто как ^ж Здесь синим карандашом помета Муравьева 18 000

и сколько-нибудь знающих условия жизни общества, весь [л. 19] этот период значит то именно (и только это, а не что иное), что я заранее поставленными заключениями определил. То есть:

1. Время заговора было необходимым, нормальным историческим последствием прошедшего, а нисколько болезнью искус[твен]но привитой.

2. Оно было временем окончательного всестороннего сознания для *всего польского общества*, сознания начал народной жизни, а преимущественно любви к отечеству с 1772 г., высочайшего недоверия к русскому правительству и ненависти, рассчитывания только на свои силы и необходимости исторгнуть отечество из под чужеземного владычества, а чрез это сделало *восстание необходимостью, необходимым последствием*^а.

3. Оно на^б основании, выработанных манифестациями, и из материала, ими же доставленного, приготовило опять в свою очередь *обширное основание и громадный материал*, создало необходимые средства и орудия для будущего, т. е. для восстания. И оно, наконец,

4. Выведенный манифестациями на исторический горизонт уже инициативный городской класс сделало в этот уже период, но более впоследствии, т. е. в восстании, преобладающим и единственно господствующим^{в*}.

Таким образом, я окончил ответ мой на первые два вопроса ваши, милостивые государи, и^г надеюсь, что как ни отрывочное мое представление, я разрешил, т. е. уяснил их вам. Указав в самом начале, что история оставила нам известные права и обязанности, поставила нас на известной степени образования и дала нам веками накопленный материал для постепенного развития внутренней жизни нашей, несмотря ни на какие условия внешние^д, я напомнил вам, господа, что следствием этих-то исторических прав и обязанностей отцы и деды наши домогались свободы и независимости отечества в восстании Костюшки, в войсках наполеоновских легионов, в^е восстании 1831 г. Далее я представил вам в отрывочном очерке все несчастное время с 1831 г. до Парижского мира и деятельность правительства и деятельность общества в границах края и в эмиграции, и в заключение этого периода я сказал, что в *духе прав* и обязанностей исторических^ж все время от раздела Польши до Парижского мира оставило как результат труда своего ряд народных истин — начал народной жизни — и представил вам эти начала в виде *догматов народной веры*. Далее я старался представить вам все время с Парижского мира до манифестационных явлений, т. е. до 25 февраля п. с. 1861 г., и деятельность правительства и деятельность общества, и старался указать, что в этот^з период полученные с прошедшего начала народной жизни от отдельных личностей стали переходить в целое польское обще-

* П р и м е ч [а н и е]. Рассматривая обстоятельства заговорного времени, я тоже старался быть только рассказчиком *верным* и *совестным* и тщательно избегал и всякой критики, и даже высказывания моих убеждений, будучи убежденным, что это скорее приведет вас, господа, к признанию справедливости и моего рассказа, и моих заключений.^и

^а Здесь синим карандашом помета Муравьева с 18000 ^б Зачеркнуто из ^в Здесь синим карандашом пометы Муравьева Жаль, что прав[ительство] дало усилить[ся] и 25 ф. на прямую (?) картель ^г Зачеркнуто думаю ^д Зачеркнуто далее ^е Зачеркнуто восст ^ж Зачеркнуто народ ^з Зачеркнуто время ^и Примечание написано на полях против текста 1—4 пунктов. Место примечания в тексте не указано.

ство, в кровь его и мало-помалу развивались. Далее я представил факты и явления манифестационного периода и, уяснив значение их в отдельности, в заключение сказал, что в это время народ при помощи формы религиозно-патриотических манифестаций приходил постепенно к сознанию начал народной жизни, что (через это) манифестации^а приготовили обширное основание и материал для дальнейшего развития, что они вывели на исторический^б горизонт городское население и что в это время инициатива дальнейших судеб народа перешла в руки этого же городского населения, и, наконец, манифестации уже указывали на зародыши заговора и восстания. Наконец, я представил Вам все время с 15 октября 1861 г. до восстания, т. е. до 22 января 1863 г., все факты явные и правительственные и общественные и в отдельности отрывочную историю заговорной деятельности общества и в заключение сказал,^в что оно было временем окончательного всестороннего сознания нашего общества начал народной жизни под формой заговора и пропаганды, и чрез это сделало восстание необходимым последствием, что это время приготовило для восстания обширное основание и громадный материал и что в это время класс городской сделался уже главнейшим и господствующим элементом. Притом и при представлении манифестационного периода и периода заговорного я старался доказать, что события этих времен были необходимым историческим последствием, а не болезнью искус[твен]но привитой.

Итак, на основании всего мною представленного можно такой краткий дать ответ на Ваши, господа, вопросы:

1. Восстание прошедшего и нынешнего года имело свое основание, свой корень в *разделе Польши* и развивалось постепенно, а развитию его все обстоятельства в особенности с Крымской войны (не исключая и действий русского правительства) помогали, способствовали; следовательно, раз еще, оно было историческою необходимостью, нормальным последствием прошедшего и делом целого польского общества.

2. Главнейшим элементом был элемент городской.

9 (21) мая 1864 г.

[л. 20] В. КАКИЕ БЫЛИ СИЛЫ И РАСЧЕТЫ ЦНК? И КАКАЯ БЫЛА СИСТЕМА ДЕЙСТВИЙ НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СО ВРЕМЕНИ ВОССТАНИЯ?

Эти два вопроса я хочу тоже уяснить Вам, господа, по крайней мере отчасти, заранее, однако же, считаю необходимым объявить, что представление моего ответа будет *даже* далеко не в такой степени^г полным и определенным, как все до сих пор сказанное мною, его даже нельзя было назвать отрывочным, потому что я не могу быть ни рассказчиком, ни критиком, ни докладчиком. Это будет просто несколько строк, ничего больше. Вините за это не меня, а мои обстоятельства.

1. КАКИЕ БЫЛИ СИЛЫ И РАСЧЕТЫ ЦНК? Какие были расчеты? Конечно, на успех, на торжество восстания. На каком основании? На основании внутренних обстоятельств края, внутренних сил и готовности к восстанию, с одной стороны, и на основании внешних^д обстоятельств края и положения дел и

^а Зачеркнуто и чрез это далее был ^б Зачеркнуто сцену/сцену ^в Зачеркнуто что оно ^г Зачеркнуто так ^д Зачеркнуто положения

вообще болезненного и слишком напряженного состояния Европы, с другой. Эти два основания, неопровержимые, твердые, *фактические*, давали *право, право полнейшее* Цен [тральному] Нар [одному] Комитету придти к убеждению: ^а что, с одной стороны, обстоятельства, силы и готовность внутренние, находящиеся до восстания, с минутой восстания приведут к действию все, следовательно, непобежденные ^б силы народа и чрез это создадут средства ^в материальные, а лучше вооруженные, достаточные для побеждения неприятеля, т. е. русского правительства и русского войска, с другой же, — что положение дел в Европе, при самом факте появления и существования восстания, при его внутренних успехах породит такие политические комбинации и такие столкновения международных интересов, которые должны будут помочь внутренним действиям восстания ^г, если не вовлечением России в войну европейскую ^д, то по крайней мере по другим причинам, прямо или косвенно способствующим развитию и увеличению средств революции, т. е. окончательной победе.

Чтоб узнать, имел ли *право* ЦНК придти к такому убеждению, необходимо бы было рассмотреть подробно эти-то основания внутренние и внешние и потому, что они составляют *собственную силу*, фундамент всех сил материальных, средств и орудий так тех, которыми располагал Ц [ентральный] К [омитет] до восстания, как и позднейших, располагаемых Народным правительством со времени его. Об ^е таких только силах, т. е. фундаментах, основании их, могу я вообще ^ж говорить в нынешних моих обстоятельствах, потому что, перешагнув эту границу, я был бы принужден говорить не отрывочно, а составить ряд записок всех событий и тайн, и заговора, и самого восстания до минуты моего арестования ^з, записок же в тюрьме писать нельзя. Даже и об основаниях самых я ограничусь только некоторыми указаниями, отчасти по той же причине, отчасти по моему расположению духа в настоящую минуту. (Примите, господа, это во внимание.)

1. Основания внутренние. Чтоб узнать их, необходимо рассмотреть внутренние обстоятельства края еще до восстания, т. е. рассмотреть в отдельности состояние, расположение и силы каждого слоя народного, каждого класса общества, далее — отношение народа к существующему тогда правительству и создавшему восстание заговору, а лучше к Ц [ентральному] Н [ародному] К [омитету] и к самому восстанию. Итак, в общих очерках можно сказать:

А. Городское сословие. Оно составляет известную, довольно значительную часть народа, имеет значительный капитал и состоит на известной довольно значительной степени образования. Относительно к русскому правительству все оно без исключения до восстания ненавидело его, не верило и было, можно сказать, уж тогда открыто враждебным, не скрывая вовсе чувств своих. Относительно к заговору Ц [ентрального] Н [ародного] К [омитета] оно составляло большинство целого заговора, общественное мнение ^и городов было в руках заговорщиков, вся жизнь их, можно сказать, была руководима ЦНК и его агентами.

Относительно восстания городской класс верил в необходимость его, ждал ^к, более — *требовал* его и готов был жертвовать всем для пользы ин-

^а Зачеркнуто что ^б Непобежденные, т. е. непобедимые. Мысль автора заключается в том, что выступление всего народа (всей нации) непобедимо ^в Зачеркнуто силу
^г Зачеркнуто им ^д Зачеркнуто им ^е Зачеркнуто этом ^ж Зачеркнуто только
^з Зачеркнуто иначе ^и Зачеркнуто было ^к Зачеркнуто его

тересов открытой войны. Слова эти следует отнести ко всему вообще городскому населению от беднейшего человека до самого богатейшего капиталиста. Евреи, если и по другим, а не народным причинам и не были готовы проливать кровь свою как солдаты восстания, тем не менее готовность их содействовать восстанию во всех других отношениях не подлежала сомнению*.

В. *Крестьяне*, численно составляющие наибольшую часть народа, образованы мало, материально бедны. Относительно к русскому правительству—крестьяне *правительству не верили*. Крестьяне отделяют в воображении своем правительство от москаля, москаль у них — это солдаты. Москаля ненавидели, но и того и другого, в особенности другого как военной силы, боялись. Относительно к заговору — вообще можно сказать, что там, где крестьяне по недостатку образования, социальному положению и другим причинам [л. 20 об.] почитали все доньше (т. е. нынешнего восстания) происходившие народные движения, в особенности новейшее манифестационное, делом помещичьим, *шляхетским*, там они вообще об заговоре или ничего не знали, или почитали его тоже делом помещичьим, там же, где крестьяне по большему образованию или по другим причинам, *n[a]pr[имер]*, по близости города, по соседству с фабриками и другими заводами промышленными, по стараниям духовенства и самого часто помещика, видели в настоящем значении манифестационное^а движение, там они об существовании заговора и его цели знали, сочувствовали ему, верили, помогали, а отчасти и приставали к нему. Относительно восстания — крестьяне тоже по недостатку образования и социальному их положению вообще не верили в свои силы и ненавидя москаля, не иначе пошли бы драться с ним, как или при помощи француза, какой-то доброй и всемогущей в воображении крестьян силы, или при появлении какой-нибудь другой довольно значительной силы. К этим общим очеркам нужно прибавить еще, что крестьянский вопрос у нас, а в особенности в Царстве Польском еще не был разрешен, что крестьяне в таком положении этого вопроса под влиянием и пропаганды, и правительственной, и помещичьей, и заговорной, с одной стороны, никому вообще не верили в этом отношении и волновались, ожидая со дня на день развязки, а с другой, — готовы были поверить только *факту*, т. е. безденежному признанию им в собственности земли, и быть временным, хотя бы, но искренним другом только того, кто с таким для них результатом разрешит этот вопрос. При таком состоянии крестьян ЦНК имел право рассчитывать, что снискав дружбу крестьян и доверие фактом надела их собственностью, при появлении силы, другими средствами и элементами составленной, поведет крестьянские массы противу ненавистного для них москаля.

С. Далее следует упомянуть о довольно значительной у нас в Польше части народа, которую составляют отдельные *колонисты-крестьяне*, так называемая *zagrodowa szlachta* (загородная шляхта), *однодворцы*, *помещичьи дворовые люди* и вообще их прислуга^б и проч. Эта часть народа материально бедна, но по образованию стоит вообще выше крестьян, по крайней мере в народном отношении. Об отношении этой части народа

* П р и м е ч [а н и е]. Даже немцы были тронуты заразой времени, я сам знаю немцев, по-немецки сказывающих «Ich bin verschworener Pole»^в.

^а Зачеркнуто явлен ^б Здесь вымарано ^в чернилам одно слово ^в Я — польский заговорщик (нем.)

к русскому правительству, заговору и восстанию следует сказать то же самое, что и о городском сословии.

Д. Духовенство католическое — не численное, не большое, но образованное и сильно влиятельное. В значительном большинстве своем, а даже, можно сказать, вообще духовенство было в таких же точно отношениях, как городское сословие, и к правительству, и к заговору, и к восстанию.

Е. Помещики. Класс не численный, но сильный материальными средствами и степенью образования. Одна часть помещиков, меньшая, не отличалась ничем от городского класса во всех рассматриваемых нами отношениях. Другой же — большей части — отношения эти были следующие:

К русскому правительству: по началам своим они ничем не отличались от прочих граждан и не могли быть никогда верными подданными какого бы то ни было русского правительства, во временной же жизни своей они ни за что не соглашались с правительственной существующей до восстания системой и не только не давали поддержки правительству, напротив, действовали противу него, действовали скрыто, хотя не сознавали ни цели, ни пути своих действий, и не скрывали своей к нему ненависти. Притом на словах не хотели придти с ним к открытому разрыву в скором времени, на деле же стремились шибко к совершению.

К заговору: признавали необходимость его существования, согласны с ним были в началах и даже, собственно говоря, в цели, различны же были только в понимании пути для скорого осуществления этой цели, а лучше — существенно не соглашались на скорое ее осуществление. Притом на словах спорили и боролись с ЦНК, на деле же помогали ему и работали в его пользу, не определив даже ни какой-нибудь цели своей отдельной, ни средств для ее достижения.

К восстанию: признавали его необходимость, желали его и готовы были жертвовать всем для его успеха, делая только срок его зависимым тоже от каких-то неопределенных (никогда, ни один раз) обстоятельств внутри или извне края; но и это опять только на словах, потому что на деле они шибко стремились к восстанию. Одним словом, инициативы революционного движения они (т. е. большая часть помещиков) не принимала на себя и ее не имели, но готовность их жертвовать всем в пользу этого движения была и до восстания не подлежащею никакому сомнению и заранее ими же самими объявленной.

Ф. Правительство, не имея, с одной стороны, никакой опоры в обществе, решительно никакой, ни одной, а с другой, — действовало слабо, нерешительно, часто действуя ошибочно и противу своим интересам, не представляло само собой никакой силы^а противной, т. е. могущей противиться революционным стремлениям, [л. 21] напротив, следует признать, что оно во многом помогало скорому развитию восстания и по этому-то поводу, по этой отрицательной деятельности своей давало еще одну силу Ц[ентральному] Н[ародному] К[омитету], т. е. несуществование настоящего сильного противника в правительстве. Притом орудия власти, составляющие при недостатке более обширного основания опору ее, а именно администрация и полиция не были, можно сказать, в руках ее.

Чиновники вообще как дети своего народа принадлежали к тем или другим политическим и общественным оттенкам и партиям, принимали живое участие в подземной жизни своего народа, многие были деятельными

^а Зачеркнуто даже

заговорщиками и вообще отношения свои к правительству, заговору и восстанию понимали так же точно, как и другие слои общества. Действовали, одним словом, посредственно или непосредственно, прямо или косвенно в пользу революционного движения, а вообще во вред существующего правительства, готовы слушать скорее и несомненно какой бы то ни было народной власти, нежели русской.

Полиция. Коротко сказав, если хотела действовать в пользу русского правительства, так действовала ниже всякой критики и способности или же изменяла ему, а во всяком случае действовала в пользу революционного движения.

Вообще правительство — как оно в собственном смысле — не представляло для осуществления цели Ц[ентрального] Н[ародного] К[омитет]а никакого насколько-нибудь сильного противника, а чрез это, повторяю, давало Комитету силу одною больше, давая ему с тем вместе и другие еще силы, а именно иногда готовые орудия и средства. Осталась правительству одна только опора, а для революции один враг, т. е. *войско*, в самом деле сильное, огромное, хотя и оно отчасти вследствие внутреннего состояния России, вследствие действия Русского Военного Комитета, как ни слабых, но все-таки чувствительных, отчасти по причине значительного числа офицеров (в особенности) поляков, отчасти по нерешительности правительства и, наконец, как вообще войско в первых минутах революции (не знающее ни планов, ни сил противника, ни даже самого противника) не могло быть, по крайней мере в первые минуты (т. е. дни, недели, а может быть месяцы) ^а, достаточно грозною, равномерною численности своей силой.

Вот такие были основания внутренние, собственно говоря, внутренние силы, на основании которых ЦНК имел право придти в заключение рассмотрения их к расчетам, о которых я говорил выше. Основания эти, конечно, были более или менее развиты в той или другой провинции, но я говорю вообще.

2. Основания внешние. Здесь я ограничусь указаниями некоторых данных этих оснований. Итак, вспомните, господа, что тогда, как и теперь, со дня на день все ожидали войны с Австрией за свободу Италии, а лучше Венеции, что тогда, как и теперь, все предвещали и предчувствовали, а проще тоже — ожидали катастрофы внутри Габсбургского государства, что тогда, как и теперь, так называемый восточный вопрос признавался голько началом Крымской войной [так!], развязки окончательной все ожидали* ^б. Притом, кроме обстоятельство чисто заграничных, внутреннее состояние России вследствие только что пробужденной жизни русского народа, затронутых правительством вопросов и прогрессивной его деятельности, вследствие пропаганды заграничной и всесторонних споров, давало Ц[ентральному] Н[ародному] К[омитет]у не основание предполагать какую бы то

* П р и м е ч [а н и е]. Что Европа и теперь, как говорят, сильно больна и что дела Европы вообще в прескверном положении, а мир прочного основания не имеет, для этого, я думаю, довольно взглянуть хотя бы на состояние Европы и соломенных международных отношений. Все недовольны, все готовятся к чему-то неопределенному, все взаимно не доверяют себе и все убеждены, что с каждым днем лопнет стеклянная баня ^в, которую называют миром ^г.

^а Зачеркнуто достаточ ^б Зачеркнуто его развязки ^в *bania* — банка (польск.)
^г Слово частично оторвано, чтение предположительное, подтверждается копией, хранящейся в ИРЛИ

ни было внутреннюю революцию, а основание предполагать, что общественное мнение России будет на стороне восстания и что так по поводу сочувствующего нашей революции этого-то общественного мнения^а, как, быть может, и по другим причинам и даже затруднениям^б русское правительство не будет в состоянии вывести противу нас^в всех своих военных сил, по крайней мере до известного времени, и что эти вышеприведенные обстоятельства^г будут влиять на его решимость и последовательность.

На таких же основаниях внутренних и внешних ЦНК мог и, по-моему, имел право придти к расчетам на успех восстания, т. е. что основания внутренние с минутой восстания приведут к действию все, следовательно, непобежденные силы народа и чрез это создадут средства материальные, а лучше — вооруженные, достаточные для побеждения неприятеля, т. е. русского правительства и русского войска, и что основания внешние при самом факте появления существования восстания, при его внутренних успехах породят такие политические комбинации и столкновение международных [л. 21 об.] интересов, которые должны будут помочь внутренним действиям революции, если не вовлечением России в войну европейскую, так по крайней мере должны будут способствовать прямо или косвенно развитию и увеличению сил и средств внутренних.

Развить же эти основания подробно, представить, какие из них приготовил ЦНК материальные средства и орудия, о том я говорить отказываюсь. Так же точно не могу Вам, господа, представить критики достаточности приготовленных Комитетом средств, планов его, с указанием, были ли они удобоисполнимы в обстоятельствах края до восстания или нет, осуществились ли они и как? или, если не осуществились, так для чего? Что происходило по поводу ошибок более технических самого Комитета, а что по причине ложности понимания самих оснований и расчетов, этого всего необходимого, чтоб как следует ответить на Ваш, господа, вопрос, я в настоящую минуту даже затронуть отказываюсь. Довольно покуда, что я Вам представил, а лучше напомнил основания наших всех сил и расчетов революционных. Думаю, что вникнув беспристрастно в мои обстоятельства, Вы будете снисходительны к моему отказу.

А что эти основания существовали в самом деле до восстания и что ЦНК тщательно рассматривал^д их, а не придуманы мною в тюрьме а *posteriori*, так сказать, для этого, кроме уверения с моей стороны, позвольте напомнить Вам некоторые примеры из самого восстания до времени выезда моего из Варшавы. Итак, могло ли по другим причинам, а не по поводу существования указанных Вам мною оснований существовать в Варшаве Народное правительство с своей довольно обширной и развитой административной машиной, существовать и действовать для всех и каждого почти открыто и^е ощущаемо, в Варшаве, тут же возле ничего не делающего правительства русского, в центре всей правительственной власти и силы, при действиях беспрестанно занятой полиции (русской), беспрестанно занятых чиновников (русских), где, так сказать, сидел полицант на полицианте и солдат на солдате? Где же, если не в этих-то основаниях, искать развязки и разгадки этого невиданного доселе, непонятого зрелища, что *народ* (народ, а не заговорщики) по призыву и приказанию неизвестных, незнакомых людей, *печати*, можно сказать, проливал кровь свою, давал

.....
^а Зачеркнуто России ^б Зачеркнуто не до ^в Зачеркнуто сил вооруженных восстания ^г Зачеркнуто все-таки ^д Зачеркнуто эти ^е Зачеркнуто так сказать.

подати, деньги титулом^а народного займа, одним словом, давал миллионы, жертвовал жизнью и имуществом своим, что все оттенки и партии политические, все убеждения беспрекословно слушались незнакомого им народного правительства? Там же точно лежит уяснение возможности забирать русскому правительству миллионы из его казначейств, таможен, почт, соляных магазинов, делать катастрофы жиржинские. Там тоже лежит причина, почему русское правительство со дня восстания не собирало податей и вообще казенных, правительственных сборов с народа. Эти-то основания дали возможность революционному правительству иметь всякого рода для развития необходимые орудия, исполнителей, чиновников восстания, действовать иногда орудиями противника и нередко заранее знать планы, намерения и тайны его. В этих-то основаниях, и только в этих, а не каких-нибудь других, придуманных по минутному временному интересу, лежит причина^б, что крестьяне не только не сделали, как это понравилось предполагать тем или другим, социальной резни, но, напротив, сделались путем и заслугой восстания собственниками, сознавали это целью, душою сочувствовали восстанию, помогали ему и отчасти принимали в нем участие как солдаты, жандармы и чиновники (солтысы — старший в деревне) восстания. И т. п., и т. п.

II. КАКАЯ БЫЛА СИСТЕМА ДЕЙСТВИЙ НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СО ДНЯ ВОССТАНИЯ?

Коротко сказав, система, которой держалось Народное правительство восстания, была, как и должна была быть, соответственно: во-первых, цели восстания, [во-]вторых, началам и природе, состоянию общества и его силе, [в-]третьих, началам, природе и состоянию русского правительства и его сил, [в-]четвертых, общим правилам, требованиям революционного правительства вообще. Вытекая из этих четырех источников, система действий Народного правительства основывалась на следующих, между прочими^в, фундаментальных началах:

1. Привести к действию все силы народа, делать всевозможные усилия обратить противу неприятеля все руки и весь капитал народный. Народное правительство^г хотело и к этому старательно стремилось, чтобы, так сказать, скомпрометировать всех и все и не оставить обществу ни в каком случае возвратного пути. Одним словом, рассчитывать только на собственные силы.

[л. 22] 2. На помощь заграничную не рассчитывать, не об ней хлопотать и стараться, стараясь в одно время вынудить и ускорить ее внутренними действиями и их успехами.

3. Действовать до известного времени совершенно тайно.

4. Народное правительство и вообще управление революционными действиями удерживать в элементе чисто революционном и почти в заговорном. (Этого, между прочими, научило нас прошедшее — революция 31 г. и известный наш историк, а более публицист Мохнацкий.)

5. Не быть, однако же, правительством партий, а всего народа, всех партий и оттенков политических, т. е. употреблять все силы и способности,

^а Т. е. под названием, в качестве
ных

^б Зачеркнуто почему

^в Зачеркнуто основ-

^г Зачеркнуто защи

соответственно цели революции, данному случаю и вопросу и способностям каждого лица в отдельности.

6. Обратить самоуважнейшее и во многом исключительное внимание на крестьян, собственниками их сделать, хотя бы ценою больших жертв. Социальной революции, однако же, ни за что не допускать, хотя бы даже появиться.

7. Приказывать, а не просить, вообще, однако же действовать путем доброй свободной воли и патриотического самопожертвования. Террора, да и то в преразличных видах, употреблять редко, осторожно, в необходимости и справедливо. Приказывать только исполнимое.

8. Не допускать русскому правительству быть и действовать как правительство и мало-помалу, а все более и более разрывать существующую его администрационную машину, до времени же действовать противу него, между прочими, и его же орудиями.

9. Пруссии и Австрии не подготовить даже и повода к враждебному и противу революции действию.

10. Опираясь на солидарности интересов международных, *не быть* на практике другом монархий или революции заграничной, того или другого государства и вообще и везде искать только интереса восстания.

11. Быть ближе к политике того государства, которого политика и интересы ^a согласны, а часто непосредственны с политикой и интересами восстания и вообще Польши.

Вот такие были главнейшие начала, на которых основывалась вся система действий Народного правительства со дня восстания до 1 августа п. с. 1863 г., а думаю, и до настоящей минуты. Развивать в подробностях этой системы и доказывать фактами существование ее — этого, само собой разумеется, я сделать не в состоянии, равно как не в состоянии представить Вам отступлений от ее прав[ил]^b и ошибок * Народного правительства.

В заключение моего с Вами, милостивые государи, разговора, позвольте мне сказать несколько слов. Зачем я писал по Вашему желанию все эти несколько листов и принялся уяснять предложенные мне Вами вопросы? Разве просто для Вашего личного удовольствия и чтобы деликатно дать Вам проводную нить при исполнении обязанностей Вашей службы? Нисколько; это, во-первых, не нужно — здешняя следственная комиссия кончает, а не начинает свою службу; во-вторых, для удовольствия Вашего достаточно бы было личного разговора; в-третьих, наконец, это бы было все-таки нечестным с моей стороны и вообще пахнет собакой, лижущей руку, которая ее бьет. Нет, для этого я не писал. Мне пришло вот что в голову — не знаю справедливо ли (а думаю, что справедливо), — услыша Ваше предложение. Я подумал себе, что Вы в самом деле как частные лица, как члены русского общества желаете ближе, а отчасти и из таких источников познакомиться с этим для вашего отечества огромной важности вопросом польским вообще.....

* П р и м е ч [а н и е]. Как человек, старающийся никогда не быть слепым, не думаю даже и говорить противу этого, что мы не делали ошибки. К несчастью нашему, были они. Но заранее можно сказать, что там, где мы согрешили противу указанной мною системы, там сделали мы огромную, чувствительную для восстания ошибку. Ответ, однако же, на вопрос Вам, господа, — ясный и определенный.

^a Зачеркнуто были ^b Окончание слова оторвано

и вопросом нынешнего восстания в особенности, и потому требует от меня хотя отрывочных несколько слов об этих вопросах. ^а Принимая в таком духе и значении Ваше предложение, подумав, что вы как дети Вашего общества будете считать слова мои достойными какого-нибудь внимания^б, что, далее, быть может, скорее или позже будете разговаривать о словах моих с Вашими друзьями, тоже детьми русского общества, что, наконец, быть может, скорее или позже в таком или другом виде будете писать об них, подумав, говорю, все это, я охотно согласился дать ответ на Ваши вопросы и даже помочь Вам поставить их ясно и определенно. Конечно, я знал и заранее Вам объявил, что ответ мой будет отрывочный и неполный по условиям и обстоятельствам моего края и тюремной жизни моей, но [л. 22 об.] в то же время я знал, что даже при таких условиях и обстоятельствах на эти вопросы как ни трудно, но все-таки ответить можно, и притом ответить словами правды и справедливости, а не лжи и обмана, как следует честному человеку, и это тоже заранее объявил Вам. И вот я стал писать, трудился несколько дней (уверяю Вас, милостивые государи, что это иногда был большой труд для меня) и довел мои объяснения до конца, хотя с погрешностями как письменного рассуждения, без плана, короткого и сжатого, но все-таки, повторяю, верно, так что и друзья мои, пишущие в других обстоятельствах, не укажут Вам, надеюсь, ни одного фальша во всем сказанном мною. Окончив труд мой, считаю долгом сказать Вам, для чего именно я писал все это, предполагая, что чрез Ваше посредство слова мои скорее или позже таким или другим путем перейдут к русскому обществу? Я трудился вот по следующим причинам:

1. Не будучи в состоянии оставить братьям, соотечественникам моим, моему народу искренней, подробной, так сказать, исповеди из всех моих действий ^в, я предполагаю, что ^г по крайней мере эти написанные по Вашему желанию слова дойдут до него от русского общества и что эти слова бросят при помощи друзей моих некоторый свет ^д на деятельность мою и уяснят одно и другое. (Не думайте, господа, чтоб этот свет был в пользу мою, далеко не так, я уверен, что только чистота целей и чести моей будет пощажена, даже не затронута, все другое не так-то очень.)

2. Мне было больно, а иногда просто обижало ^е меня это ложное превратное понимание ^ж и всего польского дела вообще, и вопроса восстания в особенности, которые мне ^з пришлось и слышать и читать в ^и отзывах общественного мнения России, в русских газетах, и вот я хотел чрез Ваше посредничество указать русскому обществу, что восстание это ^к не дело каких-нибудь нескольких десятков бешеных, сумасшедших молодых людей или амбитных эгоистов или кровопийц-шляхтичей, а дело всего народа, что оно не появилось на божий мир вдруг, а развивалось постепенно, виной и заслугой ваших и наших отцов и дедов, трудами целых десятков лет, трудами и несчастьями целых поколений, их кровью и слезами, начиная с проклятого раздела Польши до последней минуты, одним словом, что оно было нормальным последствием прошедшего, исторической необходимостью. Далее я хотел сказать, что этот *кроважидный бешеный ЦНК* ^л — это тоже обыкновенные люди, притом люди честные и совестные, отнюдь не кровопий-

^а Зачеркнуто Подумав и прини ^б Зачеркнуто уважения ^в Зачеркнуто и друзей моих ^г Зачеркнуто хотя ^д Зачеркнуто све ^е Зачеркнуто было ^ж Зачеркнуто в России ^з Зачеркнуто прислышались ^и Зачеркнуто отголосках ^к Зачеркнуто несколько ^л Зачеркнуто как ни фанатик и как ни

цы беспощадные своего народа, что они, если б даже не хотели, должны были опираться на известных основаниях, известных данных и существовании известных сил, приходя к расчетам на успех восстания, что они скорее орудия целого общества, а не руководители слепого, не сознающего самого себя народа^а. Наконец, я хотел сказать русскому обществу, что *подземное* Народное Правительство — этот с презрением называемый *Жонд* руководился в действиях своих известной, ясной, определенной системой, а не ограничивался убиванием несчастных людей и максимой — «иди до ясу», как это понравилось представлять общественному мнению России газетным корифеям и их корреспондентам. А чрез все сказанное вообще я хотел напомнить и требовать, чтоб Россия познакомилась с нами ближе, что и пора и интересам России узнать Польшу в настоящем ее свете, но не в этом русского народа недостойном, который стараются ей навязать незваные, верно, руководители общественного мнения. Притом я думал, что и по нашей стороне будет выигрыш, если Россия ближе узнает нас, следовательно причиняясь к^б этому, быть может, хотя в самой малейшей части, я исполняю в некотором смысле еще долг относительно моего отечества.

Для таких-то именно причин принялся я уяснять представленные мне Вами вопросы и мне жаль, поверьте, господа, от души жалею, что не был в состоянии выполнить этого в другом как представленном Вам виде.

Кончая же мой с Вами, милостивые государи, разговор, хочу окончить его некоторыми малыми просьбами. Итак: 1) если догадки и предположения мои справедливы, если в самом деле Вы скорее или позже будете говорить^в с вашими согражданами о словах моих, в таком случае прошу Вас, более — делаю это *долгом чести Вашей* относительно честного несчастного врага вашего — скажите им все мои отрывочные слова, а не делайте отрывков из отрывков и говорите их с такою же доброю и чистою целью, с какою^г их писал; 2) скажите — скорее или позже соотечественникам моим, что во всей короткой жизни моей, до последней минуты я никогда, ни один раз не руководился даже тенью эгоизма [л. 23] или амбиции, а везде искал только пользы моего народа, всегда поступал с верою в необходимость и всемирную пользу самобытной Польши и всегда старался быть только верным сыном моего отечества, рабом его свободы. Скажите им еще, что я с этой верой, с этими чувствами, с такою же чистою совестью был на несколько, быть может, дней перед последней минутой, а был убежден, что и последняя минута не переменит меня; 3) скажите, наконец, соотечественникам Вашим, что я от души желаю возрожденной России, постепенного, скорого, беспрепятственного развоя по пути к свободе и внутреннему и внешнему благоденствию, что я от души желаю русскому народу, чтобы он как можно скорее избавился всех вредных для него и для других несвойственных с славянской натурой влияний, нанесенных вековыми несчастьями его, начиная с монгольского ига, Иоанна Грозного, кончая на Петре Великом и Николае I, что я от души желаю, чтобы он как можно скорее покончил вековой с моим отечеством спор и вражду, чтобы наконец свободная и сильная Польша, свободная и сильная Россия рука об руку с прочими славянами и с благородной французской политикой шли вместе, вперед, для своей и всемирной пользы, чтобы мы как в древние времена на плечах своих удержали напор

.....
^а Зачеркнуто что
кнута как

^б Т. е. содействуя

^в Зачеркнуто поделитесь

^г Зачер-

азиатской дичи и охранили христианство и цивилизацию, так и теперь этому же самому Востоку, отплачивая добром за зло, передали выработанную нашими и западными трудами христианскую цивилизацию.

Вильно 20 мая г. с. 1863 г.^а

Оскар Густав Авейде

Р. С. Если хотите, милостивые государи, уяснения отдельных вопросов, н[а]пр[имер], о настоящем значении деятельности духовенства в заговоре и восстании, о крестьянском вопросе и т. п., прошу вопросы эти написать, а я готов, хотя тоже отрывочно и неполно, по-моему пониманию уяснить их Вам.

Дайте мне семью мою ради бога!

О. Авейде

Партиархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 9, лл. 1—23. Подлинник

7

1864 г. июня 25. — Отношение М. Н. Муравьева Ф. Ф. Трепову о завершении следствия по делу Авейде и о желательности сообщения дополнительных сведений о его деятельности

При отзыве от 24 апреля за № 2464 я сообщил В[ашему] пре[восходительст]ву копию показания, отобранного от задержанного в прошлом году в г. Вильно подозрительного человека, проживавшего здесь по паспорту Людвиг Шмидта, который впоследствии сознался, что настоящая его фамилия Оскар Авейде, бывший член Варшавского центрального революционного комитета и приехавший сюда по распоряжению Народного Правительства для занятия должности главного комиссара Литвы.

Так как дело об Авейде по окончании одного производством поступило уже на рассмотрение, поэтому для более точного определения степени его виновности покорнейше прошу В[аше] пре[восходительст]во уведомить меня, какие были последствия сделанных Авейде показаний, а также не обнаружено ли каких новых обстоятельств по участию его в революционном движении.

Партиархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 17. Отпуск

8

1864 г. июля 9(21). — Отношение Ф. Ф. Трепова М. Н. Муравьеву о совпадении показаний Авейде с материалами, имеющимися в варшавской Постоянной следственной комиссии

Вследствие отзыва Вашего высокопревосходительства за № 3554 имею честь уведомить, что показания, сделанные в Виленской следственной комиссии бывшим студентом С.-Петербургского университета Оскаром

^а Очевидная описка, должно быть — 1864 г.

Авейде о том, что он был членом сперва Варшавского революционного комитета, а впоследствии Временного революционного Правления, подтверждаются сознаниями, сделанными в постоянной комиссии при наместнике литератором Леопольдом Губертом и бывшим начальником варшавских мятежнических жандармов Павлом Ляндовским; других же обстоятельств, по участию его в революционном движении, которые могли бы служить для более точного определения степени его виновности, не обнаружено .

Помета Спр[осить — может быть — справиться?] нужен ли он в Варшаве для пред[ания] суду.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 18 и об. Подлинник

9

1864 г. июля 14. — Отношение М. Н. Муравьева Ф. Ф. Трепову о целесообразности предания Авейде военному суду в Варшаве

Усматривая из отзыва В[ашего] п[ревосходительст]ва от 9 июля за № 10092, что показания, данные бывшим студентом С.-Петербургского университета Оскаром Авейде в Виленской следственной по политическим делам комиссии относительно участия его в составе Варшавского Центрального революционного комитета, подтверждаются сознаниями некоторых политических преступников, прошу Вас уведомить меня, не будет ли более убедительным переслать Авейде в г. Варшаву для предания его там военному суду, так как главная деятельность его по возбуждению мятежа распространялась преимущественно на Царство Польское и Варшаву, где и поныне находятся его сообщники.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 19 и об. Отпуск

10

1864 г. июля 18(30). — Отношение Ф. Ф. Третьякова М. Н. Муравьеву с просьбой доставить Авейде в Варшаву

Вследствие отзыва Вашего высокопревосходительства от 14 сего июля № 3921, доложенного мною графу наместнику, его сиятельство изволил приказать: просить распоряжения Вашего о доставлении сюда в Варшаву содержащегося в Вильно под арестом Оскара *Авейде* со всем делом, произведенным в Виленской следственной по политическим делам комиссии для дальнейшего здесь производства.

Доводя о сем до сведения Вашего высокопревосходительства, честь имею покорнейше просить о приказании доставить упомянутого Авейде в Варшаву в следственную тюрьму на Павью улицу.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 20. Подлинник

11

1864 г. июля 23. Вильно. — Отношение председателя Особой следственной комиссии полковника А. М. Лосева управляющему Особым отделением канцелярии виленского генерал-губернатора подполковнику А. С. Павлову о пересылке следственного дела Авейде для препровождения его в Варшаву.

Производившееся в сей комиссии дело о принадлежащем к составу Варшавской центральной организации Оскаре Авейде Особая следственная комиссия препровождает к Вашему высокоблагородию для отсылки такового вследствие вступившего требования в Варшаву.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 21. Подлинник

12

1864 г. июля 25. — Отношение М. Н. Муравьева наместнику в Царстве Польском Ф. Ф. Бергу о направлении по его запросу в Варшаву Авейде вместе с его следственным делом

Согласно желанию В[ашего] сия[тельст]ва, изложенному в отзыве ко мне генерал-полицеймейстера в Царстве Польском от 18 сего июля за № 10619, предложив виленскому коменданту отправить в г. Варшаву в распоряжение генер[ал-]майора Трепова политического преступника Оскара Авейде вместе с производившимся об нем следственным делом, долгом считаю уведомить о том в. с.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 22. Отпуск

13

1864 г. июля 25. — Распоряжение М. Н. Муравьева виленскому коменданту генерал-лейтенанту А. С. Вяткину о направлении Авейде под конвоем в Варшаву в распоряжение генерал-полицеймейстера Царства Польского

Предлагаю Вашему превосходительству содержащегося под арестом в Виленской цитадели политического преступника Оскара Авейде при конверте за № 4191, у сего прилагаемом, отправить в сопровождении двух жандармов под строжайшим караулом в г. Варшаву и передать в распоряжение генерал-полицеймейстера Царства Польского и об исполнении сего мне донести.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 22 об. Отпуск

14

*1864 г. июля 27. — Рапорт А. С. Вяткина М. Н. Муравьеву
об отправке Авейде в Варшаву*

Политический преступник Оскар Авейде вместе с пакетом под № 4191 отправлен в г. Варшаву к генерал-полицеймейстеру Царства Польского в сопровождении двух жандармов вчерашнего числа по железной дороге. О чем в. вп. донести честь имею.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 24. Подлинник

15

*1864 г. июля 27 (августа 8). — Отношение Ф. Ф. Берга М. Н. Муравьеву
о передаче доставленного в Варшаву Авейде в ведение Постоянной
следственной комиссии*

Присланный сюда по распоряжению Вашего высокопревосходительства политический арестант Оскар Авейде передан для дальнейшего над ним следствия в ведение Постоянной комиссии при мне учрежденной, в которую препровождено и следственное о нем дело, полученное при отзыве Вашем от 25 сего июля за № 4191.

Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 25 и об. Подлинник

16

*1864 г. августа 8(20). Варшава. — Доклад председателя
Постоянной следственной комиссии генерал-майора К. Розвадовского
Ф. Ф. Бергу о первых показаниях, данных Авейде
в комиссии, раскрывающих состав варшавского революционного
трибунала*

В августе прошлого 1863 г. арестован в г. Вильне под именем купеческого бухгалтера Людвика Шмидта прибывший туда 8 августа по паспорту, выданному от бывшего здесь в то время оберполицеймейстером генерал-майора Левшина 23 июля (4 августа) за № 915 (65966) на имя Шмидта, бывший аппликant Варшавских судебных присутственных мест Оскар Авейде, который после наведенных о нем в Вильне посредством сношения с здешним оберполицеймейстером справок, когда по оным оказалось, что он не есть тем лицом, за которое выдавал себя, признавшись в действительном своем имени и фамилии, при допросах показал, что отец его служит патроном в гражданском трибунале в Сувалках, он сам от роду имеет 27 лет, вероисповедания лютеранского, холост, образование получил в С.-Петербургском императорском университете, в котором окончив в 1858 г. курс наук по юридическому факультету со степенью кандидата в 1859 г. был отправлен на казенный счет за границу для дальнейшего юридического образования, где, пробыв более двух лет, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университете, а в Париже изучал французскую судебную практику, и воз-

вратясь 30 октября 1861 г. из-за границы в Варшаву, с того времени постоянно проживал здесь, продолжая заниматься судебною практикою в судах исправительной полиции и уголовном.

Все время манифестаций, происходивших в Варшаве и в других местностях Польши, проведя за границею, он, едва по истечении нескольких месяцев со времени возвращения на родину, по неточным слухам узнал, что в народе существуют две партии: белых и красных. Первые не желали разрыва с русским правительством и требовали только от него более обширных льгот и реформ, они не могли сойтись с правительством единственно по ненавистной для них личности стоявшего в главе правления маркиза Велепольского; а другие путем заговора хотели как можно скорее приготовить средства и призвать народ к восстанию. Чувства и понятия его, Авейде, сблизили его с этими последними и, наконец, 27 или 28 октября 1862 г. он был призван главою их — Центральным революционным комитетом — быть помощником одного из членов Комитета, управлявшего администрациею заговора, Францишка Годлевского, убитого впоследствии в стычке мятежников под предводительством Езёранского с войсками в первых числах февраля 1863 г. при г. Раве Варшавской губернии. Номинацию и призвание быть помощником Годлевского он получил чрез бывшего также членом Центрального комитета и революционным начальником г. Варшавы офицера русской гвардейской артиллерии Сигизмунда Падлевского, который расстрелян в Плоцке как начальник всех мятежнических шаек в Плоцком воеводстве. В декабре того же года, вследствие отправления Годлевского за границу, он был призван заступать его место как настоящий член Центрального комитета и хотя, по причине несогласия с прочими членами, недолго находился при этой обязанности, однако же все еще остался одним из деятельнейших лиц и управлял администрациею заговора. Между тем Комитет окончательно постановил восстание, переменял свой состав по причине арестов, и, наконец, в числе троих членов и четвертого секретаря 22 января 1863 г. в воззвании, призывающем народ к общему восстанию, объявил себя временным Народным Правительством. Тогда обстоятельства принудили его принять призвание, сделанное ему Комитетом, быть одним из трех членов временного Народного Правительства, и с того времени он постоянно оставался таковым по 1 августа 1863 г., управляя администрациею восстания, сперва непосредственно, а потом чрез директора Департамента внутренних дел революционного правления. Все это время жил в Варшаве, до конца марта 1863 г. под собственным своим именем на квартире в доме ордината Замойского на углу улиц Сенаторской и Жабьей; с марта же месяца принужден был скрываться и, проживая без всякого паспорта, переменял наружность и стал красить себе волосы. Фамилия его и деятельность были скомпрометированы из писем, писанных Стефаном Бобровским (тогдашним революционным начальником г. Варшавы, впоследствии убитым на поединке) к Падлевскому ^а, захваченных войсками вместе с некоторыми его бумагами. Будучи уведомлен начальником города Бобровским о приказании арестовать его, за несколько дней до начатия о нем розысков полициею, он успел ускользнуть от ареста. Кроме сего, дело люблинского революционного комиссара Леона Франковского, повешенного в Люблине, и другие еще более обнаружили перед правительством его истинное положение и заставили его быть чрезвычайно осторожным.

^а В рукописи ошибочно Годлевскому.

Когда революционный комиссар Литвы Нестор Дюлёран ^а, в июне и июле 1863 г. не присылал отчетливых рапортов о положении восстания в Литве, в то время приказано было Дюлёрану прибыть лично в Варшаву, а ему, Авейде, поручено было принять от него рапорт и объяснения. Убедившись из всего представленного ему Дюлёраном, что дела восстания в Литве находятся в самом плачевном положении, что тамошняя революционная организация лишь один призрак и что, наконец, сам Дюлёран мог быть каждый день арестован, он представил революционному правлению сменить Дюлёрана другою личностью, по крайней мере на известное время, вызываясь в то же время сам ехать в Литву на место Дюлёрана, так как присутствие и деятельность его, Авейде, в Варшаве не были тогда необходимы. Революционное правление, приняв его представления, приказало Дюлёрану остаться в Варшаве, а его, снабдив паспортом на имя Шмидта и двумя рекомендательными письмами, отправило в Вильно как своего уполномоченного комиссара. Прибыв в Вильно 8 или 9 августа, он поселился в Познанской гостинице и прежде всего приступил к ознакомлению с тогдашним положением края и организации, чтобы предпринять что-либо положительное и начертать какой-либо план. Единственные четыре лица, уцелевшие от арестования или высылки и указанные ему Дюлёраном как члены так называемого Литовского правительственного отдела, или комитета, сообщили ему, что все дело в Литве находится в самом плачевном состоянии, все разорвано и перепутано, не доставало более половины заговорщиков, управлявших восстанием, начальников воеводств не было ни одного, комиссаров тоже, мятежнические партии в самом жалком положении, и что, одним словом, из всего оказывалось, что восстание не продержится зиму. А потому он счел нужным преобразовать все снова, положить прочное основание заговору, создав новую организацию, совершенно соответственную требованиям минуты. Между тем последовало покушение на жизнь виленского губернского предводителя дворянства Домейко, а затем повседневные обыски, аресты и бегства, так что из виленских революционеров осталось при нем только одно лицо. Не зная ни лиц, действовавших прежде в заговоре, ни средств сношений с ними, посреди всеобщего расстройтва ему трудно было приняться за что-либо серьезно, тем более, что он как прибывший из Варшавы был в постоянных хлопотах с полицией. Из провинций приходили известия одно другого хуже. Видя невозможность даже установить центральную власть, он по тщательном рассмотрении всех обстоятельств постановил: 1) никакой центральной власти не ставить, по крайней мере до известного времени; 2) полномочие свое передать своему сотруднику и выхлопотать на это разрешение революционного правления и 3) поручить своему преемнику дать приказ мятежническим шайкам разойтись по домам или перейти в Царство Польское. Сам же он, как пребывание его в Вильне становилось с каждым днем невозможнее, решил вернуться в Варшаву, но, желая сперва отделаться от подозрений полиции и отклонить от себя подозрения при возвращении в Варшаву, был между тем 22 августа арестован.

Откровенно сим сознаваясь о своих действиях в заговоре и сношениях своих с другими лицами, Авейде изложил при допросах в Вильне, что все его действия происходили из любви к его отечеству — Польше, из задушевного, горячего желания исторгнуть ее из-под владычества русского пра-

^а В рукописи часто Дюлоран.

вительства и совокупными целого народа силами сделать ее свободным, самостоятельным государством; что насколько образование его ума и сердца позволяло ему рассуждать об отношениях его края, он понимал и понимает, что самобытность Польши — добро не только для самой Польши, но и для всей Европы, не исключая и Российского государства, и что в показаниях его о сношениях с другими лицами ни общечеловеческая честь, ни совесть, ни его религиозные понятия не дозволяют ему выдавать фамилий своих соучастников, о смерти которых ему неизвестно, тем более, что при настоящем упадке восстания лица эти или наверно осуждены и сосланы, и, таким образом, не могут вредить правительству, или же хоть и живут на свободе, но бессильны, а в том и другом случае правительству, по его убеждению, нет интереса требовать, а тем более принуждать его, чтобы показаниями своими он ухудшал судьбу лиц, и без того уже очень несчастных.

В таком положении дело это оставалось в Вильне во все время содержания там Авейде под арестом, целый год, т. е. с 22 августа 1863 г. по 7 число того же м[еся]ца сего года. Наконец, Авейде 26 июля (7 августа) по воле вашего сиятельства доставлен в Варшаву и вместе с произведенным о нем в Вильне следственным делом передан для дальнейшего обследования о нем в ведение Постоянной следственной комиссии.

Призываемый сею комиссиею к допросам, он и здесь сперва высказал твердую решимость не выдавать своих сообщников. Наконец, усиленными стараниями и нравственными увещаниями комиссии он после долгих колебаний доведен до следующих убеждений:

1) что хоть восстание в Царстве Польском уже усмирено, но оставляя здесь скрывающихся перед законом политических агитаторов, вызвавших несчастье в Польше, он и никто другой не может иметь уверенности, что эти лица, а также и бежавшие за границу, фамилии и революционная деятельность которых остаются еще неизвестны правительству, не будут снова агитировать в Польше, и не будут причиною нового кровопролития, или пагубою для многих поляков, которых они могли бы ввергнуть в омут напрасных волнений и попыток;

2) что весьма быть может, что не мало людей понесли большее наказание, чем они заслужили по своим действиям, и, оставаясь еще в живых, должны невинно страдать в изгнании, так как при всей осмотрительности и справедливости властей, в подобных случаях везде могут встретиться случаи, навещающие сильнейшие подозрения на людей, в сущности менее виновных, и подвергающие их незаслуженному наказанию, что может быть устранено при надлежащем, верном объяснении всей истины и обнаружении действительных виновных, за которых невинно могут страдать другие

и 3) смертная казнь, к которой, по его словам, он приготовился, в случае упорного сокрытия своих соучастников, лишая его родителей третьего сына, так как двое уже погибли в восстании, вероятно приведет их к крайнему отчаянию с опасностью их жизни, которою он, как любящий сын, дорожит более всего на свете.

Такими и тому подобными убеждениями, комиссия привела его к совершенной готовности сознать полную истину, и он протоколярно обязался свято сие исполнить. При сем он присовокупил, что он скрывал имена и фамилии своих сообщников не из какого-либо упорства или ненависти к законной власти, но единственно потому, чтобы не быть поводом их гибели, ныне же, убежденный доводами комиссии, считает обязанностью указать всех известных ему агитаторов и революционеров, находя лучшим,

чтобы те, которые действиями своими заслужили законное наказание, были подвергнуты оному, нежели умолчанием о них допустить, чтобы будущие их действия, за которые нельзя поручиться, ввергнули в несчастье большее число легковверных, тем более, что сознанием как человек, участвовавший в Центральном революционном комитете и во временном и народном революционных правлениях с самого образования оных и имеющих вследствие сего обширные сведения о делах заговора и о самих заговорщиках, надеется принести существенную пользу как правительству, так и народу, указав всех лиц, возмущавших его спокойствие.

При этом Авейде умоляет, чтобы тем, которые будут арестованы по его показаниям, была сохранена жизнь, так как совесть его постоянно преследовала бы его за противное, и за сим представляет, что при настоящем окончательном упадке мятежа и положении дел в Царстве Польском, по его убеждению, подвержение смертной казни политических преступников не только излишне, но положительно может быть вредно правительству, умножая число недовольных и возбуждая народ до крайнего отчаяния; если же бы высшая власть признала еще необходимым действовать на народ страхом казней, в таком случае, он готов и просить, чтобы такое решение и наказание были совершены скорее над ним, чем над кем-либо из тех лиц, которые будут арестованы по его показаниям.

Для удостоверения, действительно ли он твердо решился сознать истину, комиссия, не имея времени до представления настоящего доклада о нем вашему сиятельству снять с него подробных о всем показаний, потребовала от него указания: кто был председателем и членами революционного трибунала, так как до сего времени не было возможности собрать точных и полных сведений о составе этого инквизиционного судилища, покрывавшего себя непроницаемою тайною, и на сие он с полною откровенностию ответил, что председателем этого трибунала за его время был Витольд Мошинский, членами — патрон или адвокат Павловский и сапожник Пенёнжек^а, а прокуратором — прокурор здешнего исправительного суда Косинский, что мецenas^б здешнего Правительствующего сената Петр Кобылянский был сперва короткое время членом революционного правления, а потом судебным советником при революционном начальнике города и что псевдоним «Патер Сикстус», которым были подписываемы весьма многие революционные воззвания от католического духовенства к народу, был принят викарием здешнего костела св. Александра ксендзом Микошевским.

Так как показание это отчасти согласно со сведениями, имеющимися в комиссии об этих лицах¹, то комиссия, давая веру в чистосердечие сознаний Авейде и имея в виду хорошее его образование и литературные способности, потребовала от него и предоставила ему возможность самому изложить письменно в камере его ареста, со всею подробностью, отчетливостию и истиною сперва о всех лицах, участвовавших в заговоре, с объявлением политической деятельности каждого и фактов, могущих служить к их изобличению, а впоследствии и о всех обстоятельствах касательно начала и развития заговора и мятежа в Царстве Польском и в Западных губерниях Империи, которые он вызывается изложить по историческому порядку.

^а В рукописи обычное написание Пенёнжек. ^б Месенас — адвокат (польск.)

¹ Как следует из доклада комиссии от 15 (27) августа 1864 г. (см. док. 17), все сообщенные Авейде сведения, кроме раскрытия псевдонима Микошевского, комиссии ранее известны не были.

Докладывая о всем вышеизложенном вашему сиятельству, Постоянная следственная комиссия имеет честь испрашивать разрешения на представление заключения о нем комиссии впоследствии, по получении от него ожидаемых сведений, и на предоставление ему необходимого времени для полного и точного составления этих сведений, которые по всей вероятности принесут правительству немалую пользу.

Председатель генерал-майор Розвадовский
Старший Член Григорьев

*Резолюция В[полне] согласен. Берг. 8(20) августа 1864.
ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 27—46. Подлинник. В деле (лл. 11—25) имеется также черновик этого доклада.*

17

*1864 г. августа 15(27). — Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу,
излагающий дальнейшие показания Авейде*

Доставленный из г. Вильно политический арестант Оскар Авейде, бывший здесь членом революционного Центрального комитета и самозванного Народного Правительства, доведенный Постоянною следственною комиссиею до полных сознаний, продолжая таковые, указал, кроме революционеров, деятельность которых была уже известна Постоянной и Временной следственным комиссиям, еще следующих лиц:

- 1) студента бывшей Варшавской медицинской академии Бернавского как члена Центрального комитета.
- 2) Помещика Люблинской губернии Богдановича,
- 3) студента Даниловского^а и
- 4) чиновника Варшавского почтамта Фому Винницкого как помощников членов Центрального комитета.
- 5) Уроженца Волынской губернии Владимира Милёвича и
- 6) профессора здешней приуготовительной школы Эдуарда Сивинского как членов революционного правления.
- 7) Помещика Августовской губернии Дионизия Скаржинского как директора Департамента финансов революционного правления.
- 8) Чиновника Генриха Краевского как директора Департамента иностранных дел.
- 9) Яна Банземера,
- 10) Виктора Зоммера и
- 11) Галензовского, бывшего офицера наших войск, как референтов или делопроизводителей революционного правления.
- 12) Меценаса Витольда Мошинского как председателя революционного трибунала.
- 13) Патрона Павловского и
- 14) сапожника Мартина Пенёнжка как членов, а
- 15) прокурора Варшавского суда исправительной полиции Игнатия Косинского как прокурора этого же трибунала.

^а В рукописи ошибочно Даниловича.

16) Помещика Людвика Свѣтковского,
17) помещика Владислава Маевского,
18) учителя Радомской гимназии Владимира Александровича,
19) помещика Радомской губернии Хвалибога,
20) патрона Люблинского трибунала Грегоровича,
21) помещика Евстафия Грабовского и
22) помещика Сейненского уезда Цириака Аккорда как начальников воеводств. Первый — Мазовецкого, второй — Калишского, третий — Сандомирского, четвертый — Краковского, пятый — Люблинского, шестой — Плоцкого и седьмой — Августовского.

23) Густава Василевского,

24) Юлиана Верещинского,

25) Мацевевского,

26) Адама Маевского,

27) Скотницкого,

28) Збигнева Хондзинского и

29) чиновника Евгения Кесслера как комиссаров воеводств.

30) Помещика Радомской губернии Яцка Семенского как революционного комиссара Восточной Галиции.

31) Инженера Осипа Грабовского как бывшего революционным комиссаром в г. Кракове.

32) Студента Московского университета Оскульского как бывшего секретаря при революционном агентстве в Стокгольме.

33) Льва Круликовского как одного из помощников революционного начальника г. Варшавы.

34) Меценаса Сената Петра Кобылянского как юрисконсульта при том же начальнике города и

35) служившего в компании судоходства по Висле Осипа Петрашкевича как революционного агента в Вене и Галиции.

Из числа вышепоименованных лиц Краевский, Зоммер и Пенѣнжек уже арестованы по требованию комиссии; из них Пенѣнжек уже сознался, что был членом революционного трибунала, а о других двоих производится следствие; Мошинский и Павловский еще прежде высланы на жительство в Империю по упавшему на них подозрению в политическом отношении; Кобылянский по решению вашего сиятельства назначен туда же, по такому же подозрению, но еще не отправлен и находится под арестом в Александровской цитадели, а об отыскании и арестовании с доставлением в Варшаву в ведение сей комиссии остальных затем 29 лиц уже сделано надлежащее распоряжение.

Кроме сего, Авейде, насколько ему известно, указал лиц, составляющих главную революционную организацию Литвы и Руси, о которых вслед за сим будет сообщено по принадлежности.

Докладывая о сем, Постоянная следственная комиссия имеет честь испрашивать разрешения вашего сиятельства на вытребование Мошинского и Павловского из места ссылки в России обратно в Варшаву как необходимых для подробнейшего обследования их обвинений, составляющих дело особой важности, так как они, по показанию Авейде, вполне подтвержденному сознанием Пенѣнжжа, были здесь: первый — председателем, а последний — членом революционного трибунала, обязанности которого было определение смертных казней или тайных убийств, совершавшихся в Варшаве, а также не соизволите ли разрешить приостановить высылку в Рос-

сию меценаса Кобылянского впредь до окончательного обследования отнесенного к нему нового обвинения в том, что он был юрисконсультом при революционном начальнике г. Варшавы.

Резолюция Согласен. Берг. 15(27) августа 1864 г.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 53—58 об. Подлинник. В деле (лл. 49 —52) имеется черновик доклада.

18

1864 г. августа 20 (сентября 1). — Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу, кратко оценивающий значение сделанных Авейде показаний и сообщающий о плане работы Авейде над «Записками»

В докладах 8(20) и 15(27) августа Постоянная военно-следственная комиссия имела честь подробно представить вашему сиятельству о последствиях показаний политического арестанта Оскара Авейде, который целый год был здесь самым деятельным членом сперва революционного Центрального комитета, а впоследствии самозванного Народного Правительства.

Задержанный в г. Вильне, Авейде в продолжение годичного содержания его там под арестом отказался от указаний своих соучастников, но по доставлении его в Варшаву он в непродолжительном времени доведен убеждениями сей комиссии до полных и откровенных сознаний и указал всех лиц, бывших при нем членами революционных комитета и правительства, а также принадлежащих к высшей революционной организации в Варшаве и в провинциях, как-то: директоров департаментов самозванного правительства, или министров: военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов и прессы, их референтов, или помощников; начальников г. Варшавы и их юрисконсульта; начальников воеводств; воеводских комиссаров и проч., из коих многие еще прежде были известны следственным комиссиям и уже подвергнуты ответственности по законам, другие успели бежать за границу, а 36 [так!] лиц главнейших революционеров названы им такие, революционная деятельность которых до сего времени оставалась тайною. К разысканию их приняты комиссиею энергичные меры, последствием которых до настоящего времени шесть человек важнейших преступников уже арестованы, и о них производится комиссиею строгое следствие.

Кроме сего, Авейде, насколько ему известно, указал лиц, составлявших главную организацию Литвы и Руси, о которых уже сообщено по принадлежности.

Важнейшим результатом сознаний Авейде есть открытие всех лиц, входивших в состав революционного трибунала, обязанностию которого было определение смертных казней или тайных убийств, совершавшихся в Варшаве. Само мятежническое правление трепетало пред этим инквизиционным судилищем, так как оно имело власть определять казнь и главным руководителем заговора. Поэтому революционный трибунал окружал себя такою тайною, что даже не обнаруживал себя перед членами сказанного правительства, и при всех стараниях следственных комиссий до настоящего времени невозможно было открыть, кто именно входил в состав его. Хотя многие члены самозванного правительства и другие главнейшие революционеры были арестованы и доведены до полных сознаний, но ни один

из них не знал и не мог указать никого из участвовавших в трибунале. Приговоры его получал и передавал к исполнению или начальнику кинжальников, или начальнику революционной стражи один лишь известный по своей дерзкой энергии Владимир Лемпке — главный революционный организатор; но он во время арестования его по требованию сей комиссии в г. Киеве успел отравиться, и за тем нить к открытию трибунала была потеряна.

В настоящее время из сознаний Авейде обнаружено, что председателем этого трибунала был адвокат Витольд Мошинский, членами патрон Александр Павловский и сапожник Мартин Пенёнжек, а прокуратором ассесор Варшавского уголовного суда Игнатий Косинский. Открытие это тем замечательнее, что все эти лица находятся ныне в руках правительства, так как Косинский и Пенёнжек арестованы теперь, по показанию Авейде, в Варшаве, а Мошинский и Павловский, хотя сосланы на жительство в Империю по подозрению их в сношениях с революционерами, но к возвращению их в Варшаву, как необходимых к настоящему следствию, с разрешения вашего сиятельства уже сделано надлежащее распоряжение.

Показание Авейде относительно революционного трибунала не может подлежать сомнению потому, что он, будучи членом самозванного правительства, сам призвал Мошинского быть председателем, а Пенёнжку — членом трибунала, притом Пенёнжек уже сознался и подтвердил показание Авейде относительно Мошинского и Павловского.

Доводя о сем до сведения вашего сиятельства в дополнение приведенных выше докладов, Постоянная военно-следственная комиссия имеет честь присовокупить, что Авейде продолжает свои сознания и вместе с тем, с соизволения Вашего, приступил к составлению исторического очерка начала и развития заговора и мятежа в Царстве Польском и в Западных губерниях Империи.

Резолюция Читал. Берг. 20 августа (1 сентября) 1864 г.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 63—68 об. Подлинник. В деле (лл. 59—62) имеется черновик доклада.

19

1864 г. сентября 5(17).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу о показаниях Авейде, раскрывающих роль Стослава Лагуны и Кароля Маевского в повстанческой организации

Бывшие патрон Варшавского гражданского трибунала Стослав Лагуна и студент б. здешней Медико-хирургической академии Карл Маевский, по показаниям некоторых политических арестантов, обвинялись в принадлежности к составу бывшего здесь в минувшем 1863 г. мятежнического правления; но как они в этом не сознались и к положительному их в том обвинению не представилось по произведенному о них следствию достаточных данных, а между тем обстоятельства этого следствия навлекали на них сильное подозрение, то поэтому они вследствие доклада сей комиссии по резолюции вашего сиятельства 11(23) апреля сего года высланы на жительство в Империю под особый надзор полиции до совершенного успокоения здешнего края.

Между тем из показаний состоящего ныне под арестом в ведении сей комиссии политического арестанта Оскара Авейде, бывшего членом революционного Центрального комитета, а также временного и самозванного правительства и во всем сознавшегося, оказывается, что Стослав Лагуна и Карл Маевский летом прошлого 1863 г. действительно два или три месяца были деятельными членами революционного правления.

Постоянная военно-следственная комиссия, докладывая о сем вашему сиятельству, имеет честь испрашивать разрешения: следует ли затем для ближайшего и подробнейшего обследования преступных действий Стослава Лагуны и Карла Маевского и окончательного их изобличения, требовать возвращения их из России в Варшаву, или же подлежит ограничиться допросами их на местах высылки чрез местные гражданские власти, и ответы их, какие будут получены, передать на рассмотрение и заключение учрежденной здесь комиссии военного суда при передаче в оную дела о Авейде.

Резолюция Я согласен предварительно допросить их на местах высылки и прошу о последующем доложить. Гр. Берг. 5(17) сентября 1864.
ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 73—75 об. Подлинник. В деле (лл. 71—72) имеется черновик доклада.

20

1864 г. сентября 26 (октября 8). Варшава¹.— Мемориал Оскара Авейде «Некоторые мысли и замечания касательно системы управления и вообще правительственных мер в Царстве Польском в настоящее время»

Будучи убежденным, что в настоящее время, так важное для будущего управления в Царстве Польском, всякое касающееся этого управления слово доброжелательного и правительству и обществу человека не будет отвергнуто правительством, если только это слово не лишено основания, которое дает некоторое знакомство природы и настоящих потребностей общества, я просил о дозволении мне представить и мои мысли и замечания. Прежде, однако же, в виде вступления считаю нужным высказать, так сказать, *политическую веру*, политические убеждения для того, чтобы заранее указать начала, которыми буду руководиться во всем нижепредставленном, и общую точку зрения, с которой смотрю на управление краем вообще и отдельные части этого управления.

Сердце мое влечет меня к старине, к старому идеалу самобытной и могущественной Польши, к этому идеалу, которому я посвятил с 16-летнего начиная возраста все мои молитвы, все годы моей молодости, всякую минуту почти жизни моей, все мои мысли, для которого я учился, трудился и не знаю, найду ли веру, не раз терпел. Эти слова я прежде всех хотел сказать и надеюсь, что правительство не сочтет их странными. Напротив, странным

¹ Датируется по докладу Постоянной военно-следственной комиссии наместнику при представлении мемориала Авейде (AGAD. Stata Komisja Śledcza, № 1707, к. 3). В докладе, в частности, говорится: «...Комиссия не принимала на себя ни только никаких добавлений в этом очерке или исключений из одного, но даже не делала никаких исправлений в русском языке текста, несмотря на некоторые недостатки в отношении правильности одного, для того, чтобы все выраженные мысли оставались такими, какими они вышли из-под пера самого автора».

Нѣкоторыя мысли и замѣчанія
касательно системы Управленія и вообще
Правительственныхъ мѣръ
въ Царствѣ Польскомъ
въ настоящее время

Будучи убѣжденнымъ, что
въ настоящее время, такъ важ-
ное для будущаго Управленія въ
Царствѣ Польскомъ, всякое ка-
сающееся этого управленія слово
добродѣтельнаго и правитель-
ству и обществу чловѣка, -
небудетъ отвергнуто Правитель-
ствомъ, - если только это слово

и неестественным бы было, если б я с твердостью удерживал и старался убедить правительство, что в так короткое время я успел уже вырвать с корнем все эти чувства, которые были моей, так сказать, религией, моим разумом, моей душой, которые составляли, собственно, меня самого. Эти чувства не будут уже моей религией, не будут поглощать моего разума, не будут руководителем (если только жить буду) каких бы то ни было действий моих в будущем, но удерживать^а, что под пепелищем восстания и следа их не осталось, с чистою совестью я не могу. И говорю прямо, откровенно, что если б я удерживал противное, правительство очень заслуженно и справедливо могло бы считать во мне негодяя, недостойного уважения правительства к словам его, а в замечаниях, мною представленных, заранее заподозреть или просто ничтожную лесть, или более ничтожные намерения в более или менее хитро построенной системе преследовать цели и интересы революционные. Не желая этого, я сказал и повторяю откровенно, что в измученном, разбитом, окровавленном несчастьями отечества сердце моем чувства старые еще остались. И если б бог чудесом [так!] своим ниспослал нам эту старую до 1772 г. Польшу, если б даже разум мой, убеждения мои могли мне показать возможность такой Польши, я с восторгом, с счастьем умер бы уже на виселице и не назвал бы себя верным русского правительства подданным. Эти слова я считал долгом своим потому, что прежде всего желаю (если, конечно, это возможно) убедить правительство, что оно дозволило писать замечания касательно системы управления честному человеку, что слова мои будут словами честного человека и искренно любящего свое отечество гражданина.

А теперь несколько слов о началах разума моего, о моих политических убеждениях. Постараюсь представить их рядом коротких логически одно из другого проистекающих максимов [так!]. Итак, разум мой говорит мне, что:

а) существование самобытной Польши в старых ее до 1772 г. границах невозможно, а всякие усилия и стремления к осуществлению этого идеала бесполезны, вредны и губительны для самой же Польши. А потому:

1. Европа и мир вообще в самобытности Польши не нуждается и самобытности ее не требует, в особенности славянским народам Польша ничего нового, жизненного и согласующего не принесет и принести не может.

2. Россия и как народ, и как государство на самобытность Польши до 1772 г. никогда не дозволит и имеет достаточную силу не только победить и подавить всякое вооруженное усилие Польши, но и отразить и победить всякую предполагаемую коалицию других государств.

3. Польша как народ обезоруженный, как народ, численно составляющий едва $\frac{1}{4}$ часть России, как разделенная между тремя первостепенными государствами и бедная в материальном отношении не будет никогда в состоянии противопоставить хотя бы приблизительно и в теории силы, равномерной русской силе. А то тем более, что большинство населения, крестьяне ни в одном народно-революционном усилении края участия не принимали.

4. Заграничная помощь — это губительный призрак, государственная политика европейская только Польшу обещаниями обманывала и обманывать будет ради своих собственных интересов (интересом этим есть временное затруднение России, ее ослабление и парализирование внешних ее действий и политики, с одной, а замедление внутреннего прогресса,

^а В значении утверждать.

с другой стороны). Революция же европейская и по силе, и по внутреннему ее существу ниже всякого достоинства и критики.

5. Самые главнейшие провинции Польши, дающие ей собственно государственное значение и вес,— Литва с Белоруссией и Малороссия — или прямо и откровенно заявили о своем нежелании составлять неотлучную часть Польши (как Малороссия), или же решительно равнодушны к стремлениям польско-самостоятельным. А обе во всяком случае составляют в огромном превосмогающем большинстве своем народ русский, не польский, и таким навсегда останутся, хотя, впрочем, не тождественным с народом великорусским.

А из этого далее:

б) Польша должна ограничиться пределами языка, т. е. местностью, на которой живет польское народонаселение, или вполне, или в превосмогающем большинстве, следовательно, численно она составит не более 10 миллионов.

6. Самобытность такого государства (если б непредвиденные обстоятельства и сделали это возможным), как численно малого, окруженного с одной стороны государством русским, с другой — германским племенем, без морских берегов, не только не принесла бы миру никакой решительной пользы, но такое государство, как не могущее удовлетворить своим собственным потребностям, самобытно существовать бы не могло, интересы внешней безопасности поглощали бы интересы внутреннего благоденствия.

7. Федерация с другим каким-нибудь государством как *равного с равным* и невозможна и бессильна.

Следовательно остается Польше только составлять:

с) составную неотлучную часть другого, более сильного и наиболее ее натуре соответственного государства и жить в связи нераздельной с другим, наиболее приближенным к ее натуре народом. Таким государством — Россия, таким народом — русский. А из этого:

8. Польша должна составлять составную часть Русского государства, часть неотлучную, нераздельную. Внешние интересы ее и интересы России должны быть в совершенном единстве, как одного государственного целого.

9. Верховная власть Русского государства есть и верховная власть Польши, следовательно, жители Польши должны быть верными русского правительства — своего правительства — подданными, верными не как невольники, по принуждению, а по убеждению, как свободные и самостоятельные люди — граждане. Всякое политическое противу этой власти, этого русского правительства движение — движение противузаконное, вооруженное уже есть бунт.

Но с тем вместе:

д) Польша не перестает быть польской народностью — народностью, совершенно от русской отдельной. Этого требует отдельный язык, отдельный веками выработанный общественный быт, отдельная степень образования, отдельные потребности, обычаи и религия большинства польского народонаселения. А из этого:

10. Польша должна быть навсегда польской. Полнейший развой ее народности не должен встречать никаких препятствий и преград, напротив, должен быть поощряемый и покровительствуемый.

11. Польша должна иметь полнейший всесторонний развой и прогресс общественного быта и своих потребностей, не стесняя, однако же, ни в чем интересов государства вообще.

Вот такие мои политические убеждения — убеждения моего разума, наученного горьким опытом моим и не менее горьким моих отцов и дедов. Эти-то убеждения будут руководителем моим во всех нижепредставленных замечаниях — это моя общая точка зрения на взаимные отношения Польши к России, Царства Польского к Русскому государству. Подробности моих убеждений выскажутся сами собой в разбираемых вопросах. Имея в виду вышесказанные начала, т. е. неразлучную связь Польши с Россией, единство интересов Польши с Русским государством, верность и любовь подданных поляков к своему государю, к своей верховной власти, взаимное доверие между правительством и жителями Царства Польского, развой народности и развой всесторонний внутреннего общественного быта нашего, одним словом, благо и счастье моего отечества, я намерен разделить мои замечания на три маленькие части:

А) Некоторые меры, которые полезно бы было, или вернее сказать, которые, по моему мнению, правительство должно принять, несмотря на то, какую оно примет систему в основание управления¹.

В) Взаимное отношение провинций, составлявших Польшу до первого ее раздела, т. е. до 1772 г., и отношение к ним Русского правительства.

С) Система управления в Царстве Польском и общие замечания об отдельных отраслях управления.

А) Меры, которые правительство должно принять, несмотря на систему управления в Царстве Польском. К числу их принадлежат:

I. Издание и объявление высочайшего манифеста о всеобщем монаршем помиловании^а.

II. Удержание военного положения до дальнейшего времени^б.

III. Дозволение писать и печатать о всех событиях со времени манифестаций до конца восстания^в.

IV. Союз с Францией^г.

V. Бдительный надзор над жизнью и действиями эмигрантов и революционно-народными стремлениями в Европе^д.

VI. Хорошее в пользу правительства и с пользой края решение крестьянского вопроса^е.

Примечание. Ссылаясь на слова, сказанные в моем прошении, я несколько не имею претензии, чтобы замечания мои были истиной, не подлежащей сомнению, и неуклонно вели к желаемой цели, желаю только наравне с прочими доброжелательными правительству людьми разъяснить ту или другую сторону нашего общества. Дай бог, чтобы это было возможным, хотя в самомалейшей части.

1. Издание и объявление высочайшего манифеста о всеобщем монаршем помиловании и прощение за прошедшее.

Затем идет далее пересечение процессов, освобождение от всякой полицейской и судебной ответственности за преступления, совершенные до дня манифеста, и участие в восстании всех лиц, более или менее виновных. Конечно, я не могу с точностью судить об нынешних обстоятельствах края, осмеливаюсь, однако же, предполагать, что время издания и объявления высочайшего манифеста — высочайшей милости — уже пришло: восстания

.....
^а Помета рано ^б Помета так ^в Помета можно ^г Помета сомнительно
^д Помета полезно ^е Помета так

¹ Были ли написаны Авейде мемориалы по вопросам, обозначенным в пунктах «В» и «С», неизвестно.

нет, бунт усмирен, край спокоен. Бесконечное и неограниченное преследование виновников прошедшего, без сомнения, вредно для края и должно вредить правительству. А то потому что:

1. Преследование это ведет за собой потерю людей, людей, нисколько в настоящее время не вредных, и не могущих вредить, а могущих быть полезными для края.

2. Причем невозможно даже начало с такою жадностью (z upragnieniem) выжидаемой всеми нормальной жизни, оно не допускает приняться серьезно за что бы то ни было, за какую бы то ни было деятельность общественную, ибо все виновные (а виновных в строгом юридическом смысле, думаю, более еще не наказанных, чем наказанных) и невиновные опасаются ареста, следствия и наказания по своему или по чужому делу.

3. Оно делает невозможным в настоящем точном смысле сближение правительства с обществом и взаимное доверие, так необходимое всегда и везде, а у нас в настоящее время в особенности, без которого хорошее полезное решение самых основных, самых важных вопросов, по мнению моему, невозможно.

4. Оно принимает в глазах общества характер мести правительственной — мести бесполезной, безрезультатной и несправедливой и может влиять во вред правительству даже в будущем. Это объясняется тем, что по убеждению общества (не разбирая, справедливо ли это или нет), восстание было для многих непонятным, но для всех неминуемым, каким-то необходимым фактом, что это не бунт, а международный вековой спор, что, далее, оно было делом всеобщим, что виноваты все, из которых многие ненаказанные более виновны, чем те, которые понесли наказание, что, следовательно, наказывать всех невозможно, что правительство должно быть снисходительным, что с несуществованием политической необходимости после усмирения восстания оно должно простить. И, по-моему, общество — право, убеждения его в этом отношении справедливы. К вышесказанному осмеливаюсь представить еще следующее: какая цель дальнейшего преследования лиц, принимавших посредственное или непосредственное участие в восстании? Быть может, я скажу ложно, быть может, выражусь дерзко, однако же, по глубочайшему моему убеждению, нет цели, ее определить нельзя. Итак:

1. Если цель поставить чисто юридическую, т. е. наказать по закону виновных, потому что так закон требует, то, несмотря на всю ложность таких начал в применении их к политическим процессам, эта цель недостижима, виновны все, исключая крестьян, да и то не всегда, все без исключения более или менее посредственно или непосредственно, и во многих, очень многих случаях наказание не совпадает и совпадать не может с соответственной виной преступника. Одним словом, требований закона удовлетворить в полном юридическом смысле нельзя.

2. Если принять в основание, что правительство как защитник интересов общества должно воздавать заслуженное людям, причинившим столько зла обществу, то несмотря на то, что эта цель по невозможности определить и ограничить число виновников зла тоже недостижима, она у нас при странном и превратном, так сказать, сложении общества не может быть исполненной, потому что общество почитает само себя виновником своих несчастий, а лица, действовавшие, — орудиями бессознательными всеобщего стремления, почитая с тем вместе достаточно наказанным и себя, и эти орудия несчастиями, произведенными революцией. Дальнейшие же наказания отдельных лиц сочтет не защитой своих интересов, не воздаянием

обиженного, требующего законного удовлетворения народа, а просто фактами, жертвами несправедливой мести правительства. Это может быть несправедливым, но тем не менее такие убеждения существуют и они всеобщие.

3. Если же правительство желает дальнейшими процессами и наказаниями устроить всех, подавить грозой всякое революционное стремление *в будущем*, то эта цель насколько могла быть достигнутой, она уже осуществилась *наказаниями, до минуты усмирения восстания последовавшими*, дальнейшие же наказания не только желаемой цели не достигнут, но будут действовать против нее. А именно: в настоящую данную минуту устрашать некого, самый отчаянный и закоренелый революционер, анархист, фанатик никакой вспышки самой бессмысленной не только не будет в состоянии сделать, не только не дерзнет, но и не подумает. Если же наказания после усмирения восстания определяются с целью распространения страха на более отдаленную будущность, то они будут действовать решительно против ожидаемой цели, т. е. люди подвергнутые этим наказаниям будут в воображении молодежи при содействии других обстоятельств (это будет исходной точкой пропаганды эмиграционной и вообще враждебной правительству прессы), предвиденных и непредвиденных, — *жертвами отечества, жертвами несправедливой мести правительства*; что, конечно, повлечет ее к болезненному, так сказать, патристическим романам, а затем, быть может, к более серьезным пагубным для нее противу правительства действиям. Одним словом, существенной цели дальнейших наказаний нет, а других целей, кроме вышеупомянутых, быть не может. Таким образом, дальнейшие наказания могут принести только вред и правительству, и обществу. Польза же так всеми раз еще ожидаемого высочайшего помилования несомненная, много-различная, огромная. Итак:

1. С минуты этой мой бедный, мой дорогой край вздохнет первый раз после стольких потрясений, жертв и тревог, в первый раз назовет себя наконец спокойным, вздохнет с благодарностью своему государю. Люди останутся дома, не будут опасаться за всякую минуту, за всякий шаг свой, станут работать, трудиться, лечить раны, принесенные революцией. Все вожделенные, благословенные плоды спокойствия и нормальной жизни начнут мало-помалу развиваться, расти и, дай бог, собираться.

2. Правительство этим первым актом положит основание доверию и сближению общества, так необходимых для нас; основание, которое последовавшими затем мерами развить и раз навсегда укрепить будет уже легче. Притом так необходимое правительству (для нашей же пользы) содействие общества при разрешении многих вопросов, при введении в исполнение многих мер после акта государевой милости и возможно, и несомненно.

3. Амнистия тем сильнее и выразительнее даст почувствовать и обществу, и всем в Европе твердость, решимость, спокойствие, высокое достоинство правительства.

Она напомнит все факты с манифестационного времени по настоящую минуту и представит полнейшую связь между всеми правительственными мерами. Правительство было разумным и желающим блага общества до революции, стараясь всеми своими, во многом превосходными мерами, поступать примирительно, лечить наши раны прошедшего с полнейшей откровенностью, добротой и кротостью. Оно с минуты революции, принимая ее за дело восторженной и несведущей самой себя молодежи, с одной стороны, а за последствие бессознательное тяжелого прошедшего, за цену грехов прошедшего, с другой стороны, действовало с достоинством, которое при-

дает силы, доверие себе и заботливость о счастье своих подданных, готово простить слабым согрешившим противу самого своего отечества мятежникам. Оно, далее, видя невозможными примирительные свои усилия, будучи обиженным внутри и извне, видя, что пожар революции при таких мерах поглощает все более и более общество и приносит ему огромнейший вред, переменило систему, действовало строго, сильно, решительно, с неумолимой последовательностью. Оно, наконец, усмирив восстание, исполнив задачу, соответственную данному времени сурового правительства, возвращает этим же самым согрешившим противу него подданным потерянное ими спокойствие, прощает, не мстит, не желает ни одной жертвы, ненужной с минутой усмирения мятежа, и открывает новую эпоху спокойной, светлой, счастливой жизни. Ни один сколько-нибудь благоразумный человек в мире не может принять всеобщей амнистии, иначе как акт современный ^а разумного, сильного и достойного правительства. И она не иначе будет принята и понята нашим обществом, а следовательно может служить только в пользу правительства, только на скрепление уз правительства с народом, тем более при прочих мерах, как напр[имер] наделение крестьян землею и других, которые, бесспорно, правительство станет мало-помалу вводить в исполнение.

4. Пересечением ^б процессов, а с тем вместе всех сопряженных с ними мер и действий правительство будет более свободным при исполнении всех прочих мер, в особенности же к прочному введению нового постоянного порядка дел стремящихся, чему вредит и мешает необходимая до объявления амнистии двойственность и проистекающие из нее затруднения.

5. Амнистия возвратит многих эмигрантов и всех отправленных в Россию до успокоения края, что, конечно, после стольких потерь может только быть полезным для нас. Возвращение их и потому еще важно, что с возвратом последних возвратятся многие в самом деле весьма нужные и полезные способности; с возвратом первых ослабевается сила и значение эмиграции, следовательно, и ее ложное, фальшивое и вредное влияние.

А так, по моему глубочайшему убеждению, время вожделенной и желаемой всеми правительственной меры выдачи и объявления высочайшего манифеста о всеобщем прощении за принимаемое более или менее важное участие в восстании лицами, до сих пор не наказанными, пришло, выдача и объявление манифеста необходимы, полезны и для края, и для правительства, отсрочение этой государевой милости до дальнейшего времени вредно и для края, и для правительства. Теперь вопрос: должны ли все без исключения преступники, не наказанные еще, быть помилованы и пользоваться благами высочайшей амнистии, или же некоторых следует исключить и считать подлежащими судебной ответственности до известного по крайней мере времени, и кого именно? По-моему, насколько я знаю нынешнее наше общество, почитающее даже в самих главах революции только орудия нашего времени и не имеющее к ним никакой ненависти и злобы, а напротив, обыкновенно питающее к ним живейшее сочувствие, насколько знаю, с другой стороны, всех более важную играющих роль в минувших потрясениях, недостаток большей части их умственного образования, их слабость во всех отношениях, их большей частью незакоренелость (что в особенности сказать с чистою совестью я должен о находящихся в руках правительства), их, так сказать, временное, минутное революционерство,

^а Вероятно, в смысле *современный*.

^б В значении *пресечением, прекращением*.

а не врожденное и ремесловое, насколько знаю, говорю, все это, осмеливаюсь удерживать ^а с чистейшею совестью и полным убеждением, что правительство и край только выиграли бы с освобождением их от всякой ответственности наравне с прочими гражданами. Предполагая, однако же, что я могу в этом отношении быть увлеченным личным моим интересом и интересом лиц, мною указанных, и ошибаюсь; предполагая далее, что правительство сочтет невозможным оставить без наказания главнейших деятелей революции, виновников стольких жертв, что правительство может иметь справедливые опасения, оставляя ненаказанными и необезоруженными быть может, закоренелых, неизлечимых революционеров-анархистов (хотя, повторяю, таких из главнейших деятелей мне известно не более нескольких лиц, да и то за границей), которые и в будущем станут соблазнять молодежь и вовлекать ее на ложный и вредный путь заговоров и революций, предполагая все это, я готов признать, а лучше, согласиться, что необходимо исключить некоторые лица из блага всеобщей амнистии без нарушения и уменьшения огромной пользы и значения ее вообще. Исключения эти, однако же, должны, по-моему, быть как можно более ограничены и нечисленны. А именно оставить как подлежащими ответственности: членов Центрального Народного комитета всех составов и их главных помощников (*zastępców*, — заступающих место), членов временного и Народного правительства революции всех составов, воеводских гражданских начальников и воеводских комиссаров, первых со дня революции, а вторых всех без исключения. В Варшаве: директоров военного департамента, всех начальников города и его главных помощников (*rotosnik*), организаторов, начальников полиции и инспекторов (их было три), начальников отделений городской организации, и всех как в Варшаве, так и в провинции собственноручно убивших кого-нибудь или выдавших приказ убит. Из военных: главнейших начальников, в особенности отличившихся зверством в обращении с крестьянами, пленными и одинокими солдатами ^б. Всех прочих, всех без исключения, правительство, по-моему, должно освободить от судебной ответственности и только благо, только пользу может чрез это принести и краю и самому себе. Члены революционного трибунала как члены его могут и должны быть помилованы ^в, а то потому, что они были установлены полгода спустя после начала революции с целью удержать убийство и анархию и что, по моему глубочайшему убеждению, основанному на хорошем и точном знакомстве организации, убийства, совершенные и после установления трибунала, совершались без его приговора. Насколько же они окажутся виновными смерти данного лица, само собой подлежит ответственности как выдавшие приказание убит. Притом трибунал как *суд* (какой бы то ни было) и разумнее, и благороднее, и беспристрастнее, и справедливее, чем анархическая деятельность отдельных лиц. Между означенными как подлежащими ответственности я не упомянул тоже, за исключением директоров военного департамента, директоров прочих департаментов и их референтов, не упомянул нарочно, потому что департаменты установлены в июне месяце, а лица, занимающие ту или другую в них должность, призваны были тоже в июне, а некоторые в июле месяце, следовательно в полгода после революции, что все эти лица не имели никакого влияния на ход революции, исполняли, что им было Народным правительством приказано, действовали как техники,

^а В смысле утверждать. ^б Помета эти только лица и преследуются ^в Помета должны подлежать ответственности наравне с другими членами заговора

приняли революционную должность как бы по приказанию и по своим убеждениям решительные противники революции, по крайней мере до времени падения диктатуры Лянгевича. Притом все они большею частью, в особенности директора департаментов, люди любимые и уважаемые обществом и могущие только быть полезными, а никогда вредными в будущем^а.

Ограничиваюсь этими отрывочными замечаниями о департаментах и революционном трибунале, будучи убежденным, что правительство в полном размере принимает во внимание все обстоятельства, говорящие в пользу края и в пользу жизни и свободы отдельных даже согрешивших противу него лиц.

Касательно ответственности лиц, которые правительство сочтет необходимым исключить от блага манифеста, считаю нужным присовокупить еще следующее:

1. Смертная казнь за какие бы то ни было преступления в настоящее время как вовсе не нужна, может и будет несомненно влиять только во вред правительства и в настоящем и в будущем, потому что *никакие поводы* не могут оправдать необходимости ее и в глазах общества и в глазах самого правительства^б, разве только зверство и решительная нравственная испорченность, ничтожество убийцы.

2. По закону закоренелостью преступника, служащую к увеличению виновности его, считается, если он добровольно не сознается и не выдаст соучастников своих. Это само по себе справедливо. Однако же в данных случаях в политических процессах у нас в настоящее время непосредственное прямое применение этого юридического начала не будет справедливым. А то потому: закоренелость (по смыслу закона) составляет твердость преступных убеждений виновного, преступных намерений, преступных влечений и характера его; *внешним же их признаком* есть несознание и утаивание сообщников. Во всех почти случаях судебно-уголовных этот внешний признак вообще верен и несомненный, в политических же процессах — не всегда. У нас, *в особенности после усмирения восстания*, существование этого внешнего признака закоренелости в огромном большинстве случаев, если даже не во всех, нисколько не доказывает, как это предвидено законом, существования закоренелости преступного характера в виновном. У нас несознание, несмотря на все существующие улики, на все справедливые убеждения следственной комиссии, объясняющие обвиненному общий закон, по которому добровольное сознание приемлется в повинную, и другие тому подобные, обыкновенно происходит и в старых, и в молодых, и в мало и в наиболее образованных людях от ложного убеждения, выработанного прошедшим (в чем и самые *бывшие* следственные комиссии не без вины), что комиссия *не может* говорить правды, прошу извинить меня за это выражение, убеждения такие и превратны, и глупы, и самым обвиненным вредны; я их не защищаю, но характеризую и представляю жалкий, но тем не менее несомненный факт, что всё, что судьи-следователи говорят и представляют, это ложь и фальшь с целью подхватить и погубить его, что правительство и несознание поставят преграду к полному его обвинению при постоянной надежде на недостаточность обвиняющих доказательств, и следовательно, может скорее помочь, чем повредить ему и что, следовательно, уменьшить наказание и улучшить участь. Это превратное убеждение было

^а *Помета* несправедливо — на то нельзя согласиться
необходима еще в некоторых случаях

^б *Помета* смертная казнь

еще внушаемо обществу теорией Центрального Народного комитета. Указывать же фамилии сообщников своих обыкновенно всякий честный человек всячески уклоняется и нередко готов даже умереть лишь бы не выдать никого, потому что это почитается в глазах большей части общества, а по крайней мере весьма многих, *изменой братьев своих*, делом не нравственным и что, наконец, обвиненный, пропитанный всеобщей теорией, считает долгом совести своей не ухуджать [так!] участи других своими показаниями. В обоих случаях заpiresательство вовсе не доказывает закоренелости преступного характера, заpiresаться будет часто самый решительный противник революции. Это, так сказать, его религия. И, таким образом, в наших политических процессах в *настоящее время* внешний признак закоренелости определенный законом, может встречаться в данном случае без существования на деле преступного характера. Суды, смотря, конечно, только на внешнее требование закона, усиливают в подобных случаях наказание в приговоре своем и наказание это будет по *духу закона* несправедливым. До усмирения восстания заpiresательство можно было еще принимать как желание не вредить революции, а напротив, усилить ее и через это вредить правительству, но теперь после усмирения ее об таком желании и речи быть не может, заpiresательство охраняет ныне людей уже не действующих, не вредных. А потому и военные судьи и правительство при утверждении их приговоров в настоящее время, когда восстание усмирено, когда нет интереса в строгих наказаниях, должны быть снисходительны к участи подсудимых и уже осужденных лиц.

Собрав все вышесказанное, по моему убеждению: 1) власти следовало бы исходатайствовать столь ожидаемое всеми монаршее всеобщее помилование, всеобщую амнистию. 2) Амнистия необходима и полезна и для края, и для правительства. 3) Время объявления амнистии уже настало, и отсрочение ее до дальнейшего времени вредно и для правительства, и для общества. 4) Исключения из всеобщего помилования должны быть редки, исчислены и ясно обозначены. 5) Дальнейшие смертные казни будут непременно вредить правительству и в настоящем и в будущем. 6) Решая об участи исключенных от всеобщего помилования, правительство должно быть снисходительным, не принимая вообще во внимание существования внешних признаков закоренелости характера^а.

II. С объявлением высочайшего манифеста о всеобщем помиловании *должно ли правительство в то же время снять военное положение или нет?*

1. Что военное положение во многих отношениях и даже, можно сказать, вообще ставит препятствия и преграды развитию нормальной жизни, это само собой разумеется.

2. Что восстание и всякая революционная агитация — главная и единственная причина военного положения — подавлены окончательно и что самая, так сказать, бешеная голова нарушить спокойствие края теперь уже не в состоянии, это тоже не подлежит сомнению. Эти два повода говорят в пользу снятия военного положения. Однако же:

3. Несмотря на страшное разочарование, прошедшее слишком глубоко пустило корни, чтобы следов после него не осталось. Следы эти, к несчастью, еще, насколько мне наше общество знакомо, остались, существуют^б; общество отрезвело, наученное тяжкими несчастьями, но не избавилось последствий прошедшего, не переменилось, не излечилось. Лечить его надо

^а *Помета* еще рано, еще не время

^б *Помета* совершенно справедливо

умелым рядом соответственных мер и неусыпной бдительностью правительства, а несчастья, нанесенные краю революциями вообще, считать основанием этого лечения. А потому: 1) принимая во внимание такое состояние, так сказать, души общества при недостатке притом хорошего образования, точного надлежащего понимания своих собственных интересов, 2) при существовании эмиграции и ее бессмысленных и для края беспощадных усилий, как-то: пропаганды революционной, обыкновенных эмиграционных обманов, то о сношениях их с так называемой всеильной европейской революцией, то с отдельными государствами, в особенности с императором Наполеоном и покровителем всех революционеров принцем Наполеоном, и при эмиграционных даже заговорных усилиях, которые предполагать и можно, и следует, 3) при неопределенных еще, как осмеливаюсь предполагать, и нетвердо обозначенных сношениях нашего правительства с правительством императора Наполеона и при неопределенности заграничных международных отношений вообще, при выжидаемом, не только предполагаемом венгерско-румынско-славянском катаклизме в Австрии, при всеобщей путанице интересов и непрочности мира в Европе, вообще при таких обстоятельствах края и внутренних и внешних, по-моему, военное положение оставить еще необходимо^а. Революции не будет, но могут быть усилия, глупые заговоры, тревожные сплетни, подстрекания, беспокойные толки и съезды, которые ничего серьезного породить не в состоянии, но могут лишить край необходимого для него спокойствия, а правительству причинить затруднения. Я надеюсь, что даже и этого не будет, однако же правительство, долженствующее предполагать и хорошую и нехорошую альтернативу, должно на всякий раз быть и готовым и на все внимательным для нашей и своей пользы. Пускай же *угроза* военного положения и военных судов действуют по-прежнему, а некоторые исключительные распоряжения при возможно осторожном и благоразумном их исполнении не допускают породиться злу и перейти из-за границы в край. В особенности важны здесь паспортные постановления, внутренние и внешние, и бдительный надзор за таможенными и приграничными местностями. Оставить, однако же, военное положение необходимо с условиями и ограничениями. Не зная ни нынешних обстоятельств края, ни его, так сказать, физиономии, ни распоряжений правительства, введенных со времени объявления военного положения, в особенности с августа месяца прошлого года, не могу с точностью обозначить, какие из них следовало бы оставить обязательными, а какие устранить. Вообще, однако же, думаю, что военная администрация уже не нужна, что всякое чрезвычайное усиление власти военных начальников, проистекающее единственно из потребности подавить революцию, по характеру ее в настоящее время уже может и должно быть устранено^б и что вообще оставленные правительством как имеющие еще в будущем силу обязательную распоряжения, составляющие принадлежность военного положения, не должны ни в чем препятствовать и мешать развитию нормальной жизни, в особенности торговли, промышленности и образованию. И вообще распоряжения эти должны быть исполняемы с всевозможной осторожностью и предусмотрительностью так, чтобы несправедливостей, даже случайных, не было и чтобы не мешать, а напротив, помогать, законной деятельности общества.

.....
^а *Помета* справедливо

^б *Помета* рано еще, нельзя

Кроме вышесказанного, считаю нужным прибавить, что правительство должно считать военное положение только необходимостью временною и что с минуты несуществования этой необходимости военное положение следует вовсе снять. Когда это минута наступит? Я обозначить, конечно, не могу, думаю, однако же, что когда заграничная политика разъяснится и сношения наши с заграничными государствами основаны будут на известных прочных началах, с одной стороны, а жизнь нормальная пустит некоторые корни и станет развиваться, тогда уже и военное положение должно быть устранено совершенно. Дай бог, чтоб это было возможным как можно скорее.

III. О прессе вообще буду говорить ниже, здесь хочу поставить вопрос и ответить на него, может ли и должно ли правительство беспрепятственно дозволить всем писать о революции и о всей агитации со времени манифестаций? И в каких размерах? По моему убеждению, правительство и может и должно позволить писать все, все без исключения потому, что из этого выйдет только польза, вред же никогда. А именно: 1. Правительству нечего опасаться всевозможной явности в этом отношении, потому что, что бы ни писали об этих грустных годах, на его стороне всегда окажется правда, то есть что оно действовало только разумно и в пользу нашу, а мы только неблагоразумно и только во вред наш. 2. Явность внутри края вырвет единственное оружие эмигрантам — *тайну*, не дозволит им не только говорить фальши и извращать факты, созидать героев и святых-мучеников, но и пропаганду их будет нейтрализовать, выкажет ее как не имеющую никакого основания, как вредную для края и вообще не будет в самом деле опасного «запрещенного яблока», так сильно действующего на умы молодежи, не допустить же ему перейти к нам из-за границы правительство не имеет возможности. 3. Это сильно поможет и правительству, и усилиям отдельных личностей из среды самого общества вывести, наконец, общество из-под земли, приучить его жить среди белого дня, дружески или враждебно правительству, — все равно оставить тайные действия и толки, а это я считаю главнейшею самоважнейшею пользой и необходимостью, к достижению чего, по мнению моему, и правительство и все добрые, благоразумные, добросовестные и любящие свое отечество люди должны стремиться, должны предпринимать всякие всевозможные усилия, потому что это наше спасение и корень нерушимый всякой доброй и счастливой жизни нашей. 4. Чрез разъяснение путем печати восстание собственными нашими руками выкажется таким, каким оно было в самом деле, т. е. слабым, анархическим, не могущим никогда победить, вредным и во многом не без фальши, не говоря уже о том, что — как в минуту возбужденных страстей — не без черных пятен^а. А через это далее выяснится, что главнейшие деятели революции и дореволюционной агитации не великаны, а карлы, не святые, а грешные люди^а и что, если общество не должно бросать на них проклятья, так это только потому, что они грешили из любви^б и что самым счастливым для них общественным приговором будет забыть об них. Далее, что жертвы погибшие — это не жертвы русского правительства, как русского правительства, а *жертвы наши — революции*, что правительство, как всякое во всем мире правительство, не могло же сложа руки равнодушно смотреть на все происходившее и, пожалуй, еще отозвать войска

^{а-а} *Помета* все, что за границей печатается, доказывает это
бовь!

^б *Помета* хороша любовь!

за Днепр и Двину, а должно было самыми строгими мерами подавлять восстание, и что меры его — это не причина, а необходимое последствие всякой в целом мире революции и войны. А вообще через явность в этом отношении общество поймет, что революция — несчастье, что молиться некому, святыми почитать некого и что следовать нашему примеру и страшно, и грешно, и губительно для края. Одним словом, я надеюсь, что через явность внутри края восстание не будет в воображении будущего молодого поколения иметь характера чего-то исполинского, святого, спасающего отечество, и что только «москаля» нарочно уменьшают, срамят и давят, а тем самым не будет увлекать молодых людей, и если они заплачут над нашими и отечества несчастьями, так это будут только слезы несчастья, не восторга и не молитвы, чтобы эти времена опять появились.

Это положительные, хорошие стороны такой правительственной меры; посмотрим теперь отрицательные. Правительство очень справедливо может опасаться, что через явность: 1) подаст на всеобщие толки и критику свои грехи и ошибки в давнейшем и ошибки в только что минувшем, происшедшем; 2) представит на такие же толки и критику меры свои, во время восстания предпринимаемые, что люди станут рассуждать — нужные ли, необходимы ли были те или другие меры в такой или другой степени, что станут толковать о действиях того или другого из военных начальников, того или другого начальника отряда, офицера и даже солдат; 3) что, наконец, через такие толки и критику правительство может терять много, что те или другие недостатки могут быть орудием в руках эмигрантов и в руках недоброжелательных, враждебных правительству и неблагоприятных людей внутри края, орудием пропаганды противу правительства и могут породить конфликты, затруднения, могут соблазнять и на опасный для нас путь вести молодежь. На два первые возражения я согласен и заранее говорю, что так будет, но это нисколько не опасно, а в руках правительства есть средства не допустить результата в третьем возражении, мною помещенного. Одним из таких средств есть хорошо, дельно и соответственно руководимая правительством пресса. Она-то найдет всегда основания опровергнуть противные правительству мнения. Итак:

1. Что касается грехов и ошибок старого прошедшего (до вступления на престол ныне царствующего государя) — их оправдать невозможно, а потому не оправдывать их, не говорить наперекор, что они были хороши, а *извинить* — только *извинить* положением края, действиями эмиграции, общео политической государственной политикой в Европе, вообще — духом времени, одним словом, правительственная контркритика может на этом основании успешно действовать противу всех толков и всякой полемики. При этом о прошедшем люди забудут скоро, а по крайней мере оно не будет сильно влиятельным, в особенности, если условия жизни, в которых нас правительство ныне поставит, будут соответственны нашим потребностям.

2. Что касается ошибок правительства новейшего времени, в особенности манифестационного дня, то их не только извинить, но и оправдать можно, и они, по моему убеждению, говорят в пользу правительства, а не во вред его.

3. Что касается мер, с минуты восстания предпринимаемых, то они вообще оправдаются политической необходимостью, отдельные же факты начальников отрядов, офицеров и солдат, хотя бы они были и излишествами, противными духу правительственных распоряжений, то их можно извинить возбужденными страстями минуты, оскорбляемого повсеместно всеми

и всячески войска. Одним словом, по моему убеждению, правительственная пресса может путем такой же точно, как и частная пресса, критики, путем обыкновенной полемики противустоять противу всех справедливых и несправедливых нападений. Конечно, повторяю, она должна быть соответственно руководима, о чем говорить будут ниже; здесь скажу только мимоходом, что она должна быть лишена всякой желчи, брани, ненависти (что, к несчастью, бросается в глаза в статьях и корреспонденциях «*Dziennika Warszawskiego*»), должна рассуждать о восстании *главное с точки зрения принесенных им несчастий*. Не неуместным считаю заметить, что восстание будет одним из предметов, возвышающих, а лучше сказать рождающих интерес в обществе к правительству органом печатным (к чему безуспешно стремился маркиз Велепольский), с возбужденным же интересом само собой сделается возможным их влияние на общественное мнение, чего доселе не было. Кроме правительственной прессы, правительство имеет и многие другие средства в руках своих не допускать излишества и вреда печати и противодействовать ежеминутно (положим) вредному влиянию. Между прочим посредством или соответственного закона о печати вообще, или посредством цензуры ^а.

При таких условиях дозволение писать без всякой за это для кого бы то ни было ответственности о восстании и всей дореволюционной агитации принесет единственно пользу и правительству, и обществу. Пользу, которая далеко превосходит только предполагаемый, случайный, минутный вред. И, по-моему, дозволение это должно быть *объявлено правительством в официальном органе* одновременно с объявлением высочайшего манифеста о всеобщем помиловании, а по крайней мере скоро за тем, во всяком случае прежде, чем за границей появится более полное сочинение о восстании ^б.

IV. Хотя я не хотел бы совершенно касаться заграничной политики государства, однако же, имея в виду пользу моего края, его прочное спокойствие на основании доверия и любви подданных к верховной власти, считаю необходимым сказать несколько слов о тех наших заграничных сношениях, которые влиять сильно могут на Царство Польское, а с тем вместе быть только полезными для государства русского вообще. А именно хочу говорить о необходимости и неоспоримой всемерной пользе французско-русского союза ^в. Собственно говоря, по моему убеждению, французско-пруско-русский союз был бы едва ли не самым сильнейшим, вернейшим и самым естественным для порешения всех вопросов нынешнего времени. Не желая, однако же, ни [так!] распространяться в этом отношении и теряться, быть может, в неосновательных предположениях, ограничиваюсь доказательствами необходимости для нашего общества, а пользы для всего государства французско-русского союза. Итак:

1. Посмотрим сначала, какую принесет пользу этот союз, имея в виду благо и спокойствие Царства Польского. Внимательно всматриваясь во все наши революционные движения, во все литературные эмиграционные плоды, даже в историю последнего столетия самобытного существования Польши (если еще и не прежде), можно с полнейшей справедливостью сказать, что какая-то, так сказать, таинственная, непонятная симпатия, более,— вера влечет нас к французам и его правительству — республиканское ли оно, бурбоновское, орлеанистовское или наполеоновское. Несмотря на все ра-

^а *Помета* рано ^б *Помета* то и другое очень рано ^в *Помета* Все союзы с Франциею непрочны и ведут к бедствиям. Французы всегда и всех обманывают.

зочарования, на всю неосновательность надежд на Францию, когда во всяком движении революционном, во всякой минуте жизни нашей, взоры всего без исключения общества устремлены на Францию, надежды на помощь ее тверды и глубоки. Этому французскому богу поклоняется не только дворянство и капиталисты, не только все живое городское население, не только революционеры, с упорством всегда утверждающие, что они не рассчитывают на помощь Франции, но даже простой крестьянский народ верит «Французу». Крестьяне представляют себе «Француза» какою-то вседоброю и всесильною силою, выше всех сил и всякой доброты. Так что если б во время революции в самом деле из дипломатической интервенции западных государств породилась интервенция вооруженная и первые ряды австрийцев появились в наших пределах, — нет сомнения, что с вестью «француз пришел» все крестьяне приняли бы деятельное участие в восстании. Восстание в Литве, как это мне хорошо известно, не только держалось, но и появилось единственно под влиянием непонятной веры, что «француз придет». У нас в Царстве Польском усилилось оно с марта месяца только по причине этой же веры, а существование его в ноябре месяце и вообще во время минувшей зимы приписать следует по большей (если не исключительно) части тронной речи императора Наполеона 4 ноября и проектам конгресса. Я убежден, что несмотря на страшную науку, которую принесло нашему обществу восстание, вера во Францию существует и при могущих случиться столкновениях международных европейских интересов вера может опять быть сильною по-прежнему, а хотя она революции не произведет, однако же может произвести ребяческие заговоры и, что важнее, может влиять сильно противу так необходимого и желательного, думаю, всеми понимающими интересы своего общества сближения и взаимного доверия правительства с обществом. Имея в виду вышесказанные замечания, я убежден, что союз французо-русский не только сильно поможет этому сближению и доверию, но и излечению общества из этой вековой болезни, так губельной для него — веры, что самобытность Польши лежит в намерениях французской политики, что она для Франции необходима и что она — восточная Франция. Нет никакого сомнения, что император Наполеон (в особенности он как Бонапарте) может много подействовать в пользу добрых сношений наших с правительством, органы его официальные и полуофициальные, внушая полякам доверие и любовь к государю, высказывая их настоящий интерес, окончательно отдадут в руки правительства наше дворянство, капиталистов и городскую интеллигенцию *. Все прочее пойдет за ними, а крестьяне и без того друзья и сторонники теперь правительства, и только его. Кроме влияния французской официальной журналистики, добрые сношения России с Францией подействуют на Чарторьского, Сапегу и многих других эмигрантов, имеющих некоторый вес у нас. ^а Далее, при таких сношениях Наполеон и префекты полиции найдут средство унять принца Наполеона и газеты, как напр[имер] нашего глупого друга «Opinion Nationale» ^а. Это, наконец, само собой подействует и на эмиграцию вообще, и на познанские-галицийские журналы, и на самих революционеров наших. Одним словом, результаты хороших отношений русских с французами для нас важны и весьма полезны и во всяком случае вырвут у революционеров воз-

* Только пускай Constitutionel не говорит иначе, как Patrie, они обе еще иначе [чем] Pays, а все — что другое, как Moniteur.

^{а-а} *Помета* вздор!

возможность обманывать обещаниями заграничной помощи и другими в этом духе фокусами.

2. Франция едва ли не единственное доселе государство в Европе, которое сумело всегда свои интересы превосходно соединять с интересами других, а даже с интересами общечеловеческими, всемирными, так что политику ее можно назвать без преувеличения всемирною. В доказательствах нет недостатка, и я их приводить не буду. Кроме того, одна доселе Франция, насколько можно судить из последнего десятка лет, в самом деле понимает дух времени, стремление нашего века, и опять нужно сказать, что она свои интересы ведет согласно с этим-то стремлением. И потому-то политика ее стоит выше политики всех прочих государств, потому она сильнее всех, голос ее важнее, потому-то взоры всех в мире при всяком, каком бы то ни было, вопросе устремлены на Францию с вопросом, что она сделает, как она поступит. К ней обращаются не только Италия, Скандинавия и прочие второстепенные государства, но и народы подвластные Австрии, и народы подвластные Турции. На Францию, наконец, смотрят и революционеры (хотя так вообще ненавидят императора Наполеона), ее одной и боятся и ее расположение ищут. Вот по моему глубочайшему убеждению, более, по моему душевному желанию, для государства, как Россия, государства огромного и сильного, не нуждающегося для своего исключительно существования в территориальных приращениях и безопасного от каких бы то ни было нападений, не требующего хлопотать о самоохране, для государства славянского, не только имеющего более всех право, но и обязанность в некотором смысле принимать в уважение и покровительствовать интересам прочих славян, государства, призванного историей играть более всех важную роль на Востоке, для такого, говорю, государства, самым естественным, самым полезным, самым прочным и достойным союзом есть союз с Францией, с принятием с тем вместе ее политики, т. е. идти рука об руку со стремлением века, соглашать свои интересы (не столько территориальные, сколько правительственные, влияние России, значение и вес ее) с интересами других — будь государств, будь народностей, с интересами общечеловеческими^а. (Что союз России с Францией и с этой точки зрения будет влиять сильно на скрепление уз нашего общества с правительством, это несомненно, отчасти постараюсь ниже доказать это.)

3. Влияние и польза союза России с Францией неоспоримо велики и для России полезны. Франция без согласия с Россией не порешит австрийско-славянско-венгерского вопроса, так же точно Россия без Франции, Россия же и Франция в тесном между собой союзе порешат его, без сомнения, порешат скорее, чем это кажется европейским государственным мужам, несмотря на все контрсоюзы Англии и Австрии и хотя бы Пруссии*. Осмеливаюсь даже предполагать, что в этом вопросе Россия и более имеет интереса и более нуждается в союзе Франции, чем эта последняя. Потому что Австрия под влиянием обстоятельств, под влиянием политики Наполеона и самой этой же политики из династии германской может сделаться славянской

* Пруссия, впрочем, не имеет никакого интереса хлопотать об удержании Австрийской империи ненарушимой, напротив, с гибелью этой Германской империи гибнет противник ее, — гегемония германская тогда окончательно и справедливо принадлежать будет Пруссии.

^а *Помета* Французы всегда будут непримиримыми соперниками и неприятелями нашими.

династией и тогда будет не только сильным, но и решительно грозным противником России. (Наше революционное правительство — не предполагая, чтобы только политика самоохранения Австрии повела ее так хитро в противный, казалось, ее как германской династии интересам, союз с Францией и Англией противу России — предполагало, что Австрия решилась, но переменит свою политику и станет славянскою династией.)^а

4. Так же точно и восточного вопроса Франция и Россия в отдельности или в союзе с другими государствами не порешат никогда, а тем менее Россия, хотя наиболее имеет на это право и хотя в решении его, как и австрийского, наиболее имеет интереса. Франция же на Востоке (о Турции собственно говоря) сильна, сильнее всех, влияние ее с каждым днем растет и меж славянами, и в Дунайских княжествах, и в дряхлом правительстве султанском. Франция и Россия в союзе покончат непременно, скоро и ко всеобщему счастью, с общечеловеческой и своей пользой этот ко стыду XIX в. доселе не решенный восточный вопрос^б. Также между прочими можно предвидеть и заранее определить хорошие (по-моему, несомненные и только хорошие) результаты француско-русского союза. Результаты эти, в особенности общегосударственные, я представил только в общих отрывочных очерках, как лежащие вне моей задачи, повторяю только, что союз этот для нас считаю необходимым, необыкновенной важности и пользы. Временную пользу — влияние на наше общественное мнение, на сближение, взаимное доверие между правительством и обществом, скрепление их, я старался представить, в заключение считаю уместным прибавить, что постепенное решение вопросов — австрийского и турецкого растления, сильнее всего подействует на умы наши, на потерю надежды польской в старых границах государственной самостоятельности и, следовательно, на скрепление вечных уз народа польского с русским и его правительством^в.

V. К числу действий и мер, которые, по-моему, правительство должно предпринять, несмотря на то, какую оно примет систему в основание управления у нас считаю: *бдительный надзор над действиями и вообще жизнью эмигрантов, над стремлением и действиями революционно-народными в Италии, Австрии и Турции, и, наконец, над положением дел, жизнью и тоже революционными стремлениями в Познани и Галиции* г. Важность и сущность этого надзора постараюсь представить в сколь возможно кратком очерке.

Касательно эмиграции. Насколько я знаю нашу бывшую революционную организацию, следовательно и нынешнюю новую эмиграцию нашу, насколько знаю и состав старой, эмиграция вообще состоит из следующих элементов: 1. Довольно значительная часть ее (из новых эмигрантов) или переменит свои убеждения, или омерзивши себе [так!] раз навсегда всякого рода революционные потрясения, или, наконец, угнетаемая нищетой, вообще люди, которые приняли участие в восстании бессознательно, по всегосподствующему в умах наших влечению, а не по каким-нибудь определенным твердым убеждениям, чистосердечно и откровенно отрекутся от каких бы то ни было действий и пропаганды, правительству враждебных. И они-то возвращаются и, на мой взгляд, возвратятся или желают возвратиться на родину все. Таких очень много, едва ли не большинство; это большей частью люди молодые (а даже не люди, а дети еще, можно сказать)

^а Помета все это взгляды польские и вовсе нерусские

^б Помета весьма ошибочно!

^в Помета весьма ошибочно!

^г Помета необходимо

люди мало или совершенно необразованные, а многие без всяких средств содержания. И этими правительство не только не должно ставить препятствий к возвращению, но поощрять, облегчать и подвести их под общую монаршего манифеста милость. Чем скорее они возвратятся домой, тем лучше, тем для нас полезнее, так потому, что прибыль в людях, могущих работать если [так!] ничто другое, в чем мы только нуждаемся, во-вторых, что влияние их и их семейств теперь как разочарованных и горьким наученных опытом может быть для нас только полезным, в-третьих, что теперь они еще не пропитаны превратными учениями и пропагандой других эмигрантов. Конечно, их нужно после возвращения отдать под *строгий, верный, но ни в чем законом не стесняющий их, а до известного времени продолжающийся полицейский надзор*, потому что очень может статься в числе их могут придти к нам ничем важным перед правительством доселе не скомпрометированные агитаторы и агенты, напр[имер] Мерославского. 2. Из прочих эмигрантов одни более благоразумные и совестные революционеры, так сказать — ремесленники, не по фаху^а, не переменяв ни в чем своих убеждений и не переставая проповедовать своих убеждений и начал, не будут, однако же, проповедовать теперь ни революции, ни вражды противу правительства; напротив, я надеюсь, что от них скорее услышится голос противу заговоров и каких-нибудь агитаций в настоящее время. К числу их принадлежат вся категория Чарторыского, Эльжановского и многие, даже важнейшие занимающие должности в революционной организации. И эти покамест до нынешнего по крайней мере времени или вовсе не вредны, или вред их малозначительный. 3. Другие, наконец, а во главе их Мерославский, из известных более личностей (а думаю, что и другие личности или уж появились как главы, или скоро появятся из старой или из новой эмиграции) будут стараться всячески вредить и разрывать связь между правительством и обществом, литературой и пропагандой, и присылаемыми агентами, и своими сношениями с революционерами прочих государств, и, наконец, усилиями завести у нас заговор. Их немного, но они посвятят своим намерениям все, всю жизнь свою будут действовать неуспешно, всеми без разбора средствами. Они в большинстве своем состоят из людей малообразованных, ничем не занятых, бедных, молодых; фанатики между ними нередки. Главы — это или ничтожные амбиции, или просто эгоисты, или фанатики. Вред их несомненный и довольно значительный для края.

Все же они будут делиться на партии, кружки, будут беспрестанно ссориться, бранить друг друга и никогда в каком-нибудь единстве и согласии даже в своих партиях не будут, и можно наверно заранее сказать, что чем более данный кружок эмиграционный будет крикливым и деятельным, тем более будет анархическим.

Значение эмиграции и ее вредное влияние на молодежь будет значительно и вредно. Однако же значение это и влияние не так огромно, как это, быть может, тем или другим кажется, оно уже не будет и никогда не дойдет до таких размеров, как это было в прошедшем, в особенности до 1850 г. А то потому: 1. Что старая эмиграция, уже весьма нечисленная, разбросана и так собственными раздорами, как и неудачами выбита совершенно из сил и, за исключением некоторых личностей, весьма немногих, не влиятельная. 2. Что новая эмиграция тоже немногочисленная (а и то будет уменьшаться), при том она в огромном большинстве своем малообразованная и не пред-

^а *Fach* — профессия (польск.).

ставляет даже сотой части тех высших способностей, науки и вообще образования, как несомненно находились в старой эмиграции. 3. Нынешняя политическая пропаганда эмиграции не может уже быть настолько влиятельна и, следовательно, столь вредна, как прежняя, потому что она не в состоянии сказать молодому поколению и краю вообще ничего нового, никаких новых начал теорий, а будет лишь на всякий лад перетолковывать, да и то с меньшею предшественников своих способностью, старое. Старое же — это катехизис наш, уже всем известный и которого горькие последствия уже сами по себе, как бы ни было, все-таки действовать будут на его более критический обзор и его меньшее значение. Во всяком случае, повторяю, эмиграция не в состоянии сказать ничего нового. 4. Общество уже до восстания избавилось из вредной и губительной мании слушаться во всем эмиграции, т. е. быть ею руководимым, теперь тем более отвергнет всякие претензии руководства. Магометы же и герои эмиграционные, как Меро-славский, напр[имер], потеряли (даже чрез самое восстание) последние призраки геройства в убеждении всех сколько-нибудь образованных людей, даже фанатиков (как Франковский, напр[имер]). И вообще за все более зрелое, более образованное, хотя бы молодое поколение можно ругаться, что оно в заговор не войдет, где только будет *имя* эмигрантов, доказывающее, что заговором руководит эмиграция. Новые же герои и магометы будут очень дерзки, даже в глазах революционеров, если захотят играть роль старых. Итак, по-моему, значение эмиграции в жизни нашей далеко не столь велико и не столь важно, как это было до восстания. Однако же все-таки оно будет враждебно правительству и вредно для края, а потому обязанностью и правительства, и всех людей, искренно желающих спокойствия и блага своему отечеству, противодействовать всяким усилиям эмигрантов.

Усилия эмиграции будут заключаться в следующем: 1. Пропаганда литературная, самая неосновательная, бездарная, но с тем вместе самая враждебная правительству, полна уличной брани и ожесточения. 2. Сношения с революционерами других государств, в особенности Италии (Гарибальди и Mazzini), Австрии (Кляпка — Кошут и другие чехские не известные мне, за исключением одного *Фритше*^а, в Париже проживающего и издающего там какую-то, не помню, чехскую газету) и даже Турции, в чем много помогает князь Куза (всегда двуличный)*. 3. Усилия завести у нас внутри края заговор, или под непосредственным руководством эмиграции состоящий, или под влиянием ее.

Противу этих-то усилий правительство должно противодействовать соответственными мерами. Кроме обыкновенных полицейских мер и надзора за таможенными и приграничными местностями, по-моему, весьма сильным средством есть явность и критика всех усилий, действий и пропаганды эмиграционной. Общий закон: что глупость и ложь имеют значение и вес только тогда, когда они тайны и запрещены, и, напротив, теряют его, когда делаются явными, — верен и не подлежит сомнению. У нас в особенности тайна действует невообразимо сильно на умы, и всякая запрещенная глупость, если не имеет по своей очевидной глупости сильного непосредственного влияния, так по крайней мере принимается с снисходительностью. Границы этой явности определить нетрудно полицией, цензурой и законом о печати.

Для того, чтобы правительство могло успешно противодействовать про-

* (В Дунайских княжествах более других имеет влияние на наших эмигрантов Сигизмунд Милковский.)

^а Фрич Йозеф Вацлав.

тиву усилиям эмигрантов и принимать соответственные своевременные меры, необходимо:

1. Чтобы оно имело постоянные хорошие, прочные и сколько возможно подробные сведения о всей жизни эмигрантов вообще, об их партиях, кружках, о целях, намерениях, характере и действиях каждой партии и каждого кружка и их главнейших деятелях и более влиятельных личностях, о их литературных произведениях, об их, наконец, сношениях с революционерами других государств, их политических планах и, если можно, о соответственных этим планам действиях. Сведения эти невозможны иначе как посредством нарочно для того посланных за границу агентов, но не полицейских агентов и за деньги лишь служащих, и смотревших только за жизнью и действиями отдельного эмиграционного лица, а людей, исполняющих эту должность *по убеждению*, что влияние и усилия эмиграции вредны для края, смотревших более за общим ходом жизни эмигрантов и их деятельностью вообще, людей благоразумных, не теряющихся в подробностях без всякой пользы, людей притом хладнокровных, которые бы смотрели на все без желчи и ненависти, понимающих и исполняющих должность правительственного агента как исполнение гражданского долга относительно отечества *. Такие агенты необходимы в Париже, Лондоне и Молдавии.

2. Стремления и действия революционные в Италии, Турции, а в особенности в Австрии имеют двойную важность, во-первых, как обыкновенно находящиеся в сношениях с эмиграционными, во-вторых, как могущие иметь влияние на наше общество непосредственно, т. е. могущие волновать умы молодежи. И потому-то полезным бы было, если бы правительство и в этом отношении не было без хороших сведений, притом предполагаю, что эти сведения не лишены довольно значительного интереса и для заграничной политики государства вообще ^a.

3. О необходимости внимательного надзора за внутреннею жизнью в Галиции и Познани говорить буду ниже.

VI. *Решение крестьянского вопроса с всеобщей и правительственной пользой.*

О важности этого вопроса говорить не буду, она достаточно всеми оценена. Довольно, что чрез хорошее его решение правительство, во-первых, будет иметь прочное основание (в первый раз) в обществе и не будет плавать, так сказать, только по его поверхности, будет иметь туземный корень и по крайней мере партию сильную, сильнее всех, во-вторых, оно сделает огромное благо для всего края, сделает крестьян свободными, самостоятельными гражданами, двинет быстро вперед народное образование, краевое хозяйство, материальное положение вообще, прогресс и благо народа. Это, одним словом, открывает новую, счастливую для края эпоху. Правительство станет благодетелем народа. К счастью, вопрос этот теперь исключительно в руках правительства, следовательно, оно теперь впереди всего — всякой общественной деятельности — инициатива будущего счастья нашего в его руках. Дай бог, чтобы оно порешило этот всепасающий вопрос со своей и всеобщей пользой народа. Революция тогда невозможна.

Все пометы на полях рукой наместника Ф. Ф. Берга.

AGAB. *Stała Komisja Sledcza, № 1707, к. 4—75. Заверенная копия*

* Такие люди могли бы быть одновременно корреспондентами официального правительственного органа.

^a *Помета* Я нахожу, что российские посольства недостаточно наблюдают за движениями нам враждебных партий.

1864 г. ноябрь 6 (18). — Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу,
обобщающий все показания Авейде

№ 4695.

В августе прошлого 1863 г. [...] ^a Западных губерниях России по историческому порядку, на что по докладу комиссии в. с. изволили изъять ваше соизволение.

Исполняя сие, Авейде в собственноручно написанном им сознании, отчасти дополненным необходимыми подробностями по вопросам комиссии, записанными протоколярным следственным порядком, объяснил:

До конца 1862 г. он, Авейде, вовсе не принадлежал к заговору. В конце октября вследствие переворота в революционном Центральном комитете, совершенного революционной городской организацией, он без всякого со стороны его старания был призван Комитетом в обязанность помощника и заступающего место одного из членов. Это призвание было сделано знакомым ему чиновником Комиссии внутренних дел Титом Зенковичем ^{1*}, бывшим в то время помощником начальника отделения в городской революционной организации, и бывшим капитаном гвардейской конной артиллерии Сигизмундом Падлевским ^{2*}, который был тогда революционным начальником г. Варшавы. Во время вступления Авейде в состав Комитета, его составляли как члены: 1) литератор Агатон Гиллер ^{3*}; 2) служащий в управлении Варшавско-Венской железной дороги Витольд Марчевский ^{4*}, 3) Бронислав Шварц ^{5*}, 4) бывший студент здешней Медицинской академии Бернавский ^{6*} и 5) вышепоименованный Сигизмунд Падлевский ^{7*}. Как помощники членов: первого — Гиллера — помощик Люблинской губернии Богданович ^{8*}, второго — Марчевского — он, Авейде ^{9*}, помощника третьего члена, т. е. Шварца, он припомнить не может, потому что это лицо после первого заседания в таком составе Комитета вследствие возникших споров удалилось само, он же был и редактором революционного листка «Стражница» ¹, четвертого — Бернавского — студент Даниловский ^{10*}, тот самый, который вместе с Иеской ^{11*} подписан на протестации Мерославского противу диктатуры Лянговича, и пятого — Падлевского — как временный помощник Францишек Годлевский ^{12*} ⁶². Бернавский, благородный молодой человек, сейчас после вступления просил уволить его от должности члена, потому «что он не чувствует себя способным и не признает распространенной до таких размеров агитации», вследствие чего был уволен. Данилов-

1* Бежал. 2* Казнен. 3* Бежал. 4* В Сибири, в каторжной работе. 5* В Сибири, в каторжной работе. 6* Бежал. 7* Казнен. 8* Казнен. 9* Арестован. 10* Бежал. 11* Был в 1863 г. послан революционерами в Париж для предложения Мирославу диктаторства и оттуда не возвратился. 12* Убит.

^a Опущен текст, полностью воспроизводящий доклад Розвадовского от 8(20) августа (см. док. № 16, стр. 85—89 настоящего издания).

^b В рукописи Гадлевский.

¹ Вероятно подразумевается Иоахим Шиц.

² Состав ЦНК подтверждается и другими источниками. См. *Zeznania śledcze*, стр. 30.

³ В действительности Шварце, которому смертная казнь была заменена пожизненной каторгой в Сибири, был возвращен уже из Перми и заключен в Шлиссельбургской крепости.

⁴ Заместителем члена ЦНК был Ян Богданович, арестованный 10 декабря 1862 г. и сосланный на каторгу. Автор примечания, очевидно, путает его с командиром повстанческого отряда Казимежем Богдановичем, расстрелянным в Люблине 5 марта 1863 г.

ский был уволен по распоряжению Комитета. На места их были избраны Комитетом, но, в каком порядке, Авейде не помнит, чиновник Варшавского почтамта Фома Винницкий ^{1*}, домовладелец в Варшаве Ян Верницкий ^{2*}, Владислав Иеска^{3*}, а после отправления Иески за границу — помещик Осип Наржимский ^{4*}. В непродолжительном времени Авейде, будучи не в состоянии превозмочь большинства в таком составе Комитета насчет окончательного срока восстания в минуту рекрутского набора, которое он хотел отсрочить до дальнейшего времени, а именно до весны, и воспользовавшись арестованием Шварца, Богдановича и некоторых других лиц, занимавших важнейшие должности в революционной городской организации, под предлогом облечения Комитета в большую тайну, представил избрать новый состав Комитета только из пяти лиц, а помощников оставить на ответственности каждого из членов, надеясь посредством сего призвать в состав Комитета людей более сходных с его мыслями насчет срока восстания, приготовлений к нему и ошибок Комитета. Представление было принято, и ему, Авейде, а также Марчевскому поручено было избрать новые личности. Тогда они призвали быть членами Комитета из прежних: Гиллера ^{5*} и Падлевского ^{6*} и из новых: викария костела св. Александра в Варшаве ксендза Микошевского ^{7*а}, чиновника Комиссии финансов Яна Майковского ^{8*} и архитектора Осипа Яновского, до того времени вовсе не принадлежащих к революционной организации. Вскоре на место Гиллера поступил Стефан Бобровский ^{9*}. Авейде был тогда посредником между старым составом и новым Комитетом, а после арестования Шварца ^{10*}, Богдановича ^{11*} и при малой деятельности Марчевского ^{12*}, заведование почти всею администрацией заговора лежало на ответственности его, Авейде ^{13*}. Несмотря на все его усилия отсрочить восстание, несмотря на сходство убеждений вновь избранных членов с его убеждениями, при напоре тогдашних обстоятельств Падлевский ^{14*}, сильно поддерживаемый городской организацией, членами старого состава Комитета и воеводскими комиссарами, превозмог. Восстание было постановлено на 22 января. Еще раз, при напоре тогдашних обстоятельств, при обыкновенном в таких минутах испуге и суматохе, тем более, когда Падлевский ^{15*} должен был вести людей, выходявших тогда из Варшавы, а Бобровского ^{16*}, как человека твердого и решительного, необходимо было назначить начальником города, на долю вновь призванных Авейде членов выпало быть членами временного революционного правления. В эту отчаянную минуту люди сии не отказались принять на себя такие тяжелые роли, в убеждении, что погибнут в воздаяние грехов и вин предшественников. Авейде, как имевшему в руках все тайны тогдашней администрации, необходимо было принять призвание быть их товарищем. Итак, членами временного революционного правительства в минуту восстания были: 1) он, Авейде ^{17*}, 2) ксендз Микошевский ^{18*} и 3) Яновский ^{19*}. Секретарем этого правительства был тогда Майковский ^{20*}, а начальником города Варшавы — Бобровский ^{21*}. В таком первом составе существовало временное революционное правительство

.....
 1* Бежал 2* Бежал. 3* За границу. 4* Бежал. 5* Бежал 6* Казнен.
 7* Бежал. 8* Бежал. 9* Убит на дуэли с Грабовским. 10* 11* Казнены!. 12* В
 Сибири, в каторжной работе. 13* Арестован. 14* Ранен [!] 15* Казнен. 16* Убит
 на дуэли. 17* Арестован. 18*, 19* и 20* Бежали. 21* Убит на дуэли.

^а В рукописи здесь и в некоторых местах далее Микушевский.

¹ Сведения ошибочны, см. прим. 3 и 4 на стр. 115.

с 22 января 1863 г. до падения диктатуры Лянговича ^{1*}, т. е. до 20, если не позже, марта того же года. С конца марта образовался второй состав этого правительства, из членов: его, Авейде ^{2*}, Агатона Гиллера ^{3*1}, литератора Карла Рупрехта ^{4*} и Майковского ^{5*}; когда же Майковский около 15 апреля был отправлен в Галицию, в то время был призван на место его профессор Варшавской приуготовительной школы Эдуард Сивинский ^{6*}, и в таком составе оставалось революционное правительство до половины июня 1863 г. С половины июня, дней десять или двенадцать продолжались внутренние несогласия между членами организации и беспорядки ². В течение этих 10 или 12 дней существовал состав третий, наименованный народным революционным правлением, неполный, из меценаса Сената Петра Кобылянского ^{7*}, чиновника Комиссии просвещения Бонковского ^{8*} и неизвестного по фамилии как ему, Авейде, так и Кобылянскому и Бонковскому революционного начальника города (кажется, Квятковского ^{9*})³. После сего образовался состав четвертый из бывшего студента Варшавской медико-хирургической академии Карла Маевского ^{10*}, профессора Владислава Големберского ^{11*}, архитектора Осипа Яновского ^{12*}, его, Авейде ^{13*}, инженера Осипа Грабовского ^{14*}, а после его выезда, с последних дней июня м[еся]ца, на место его поступил Владимир Милёвич ^{15*}, прибывший в Варшаву пограничному паспорту. Состав этот оставался до выезда Авейде в Вильно, т. е. до августа м[еся]ца 1863 г.

Изменения в составах революционного правления происходили по следующим причинам: в первом составе ксендз Микошевский ^{16*} был уволен по распоряжению самого правления, а Майковский ^{17*} был тем же правлением послан в Галицию как чрезвычайный уполномоченный комиссар. При конце июня наступил переворот под влиянием мальконтентов ^a из городской организации. Печать этого правления была тайно у него отнята, и поставлено было новое Народное Правительство. Авейде в качестве временного, минутного секретаря должен был передавать ему службу, т. е. тайны и дела восстания. Из членов этого существовавшего лишь несколько дней правительства Авейде знает меценаса Петра Кобылянского ^{18*} и чиновника Генриха Бонковского ^{19*}. В это время были обнародованы посредством тайной прессы: декрет Народного Правительства от 2 июня об учреждении в Варшаве и по провинциям революционных трибуналов, напечатанный в № 141 газеты «Дневник Познанский» от 24 июня 1863 г., и прокламация того же правительства, призывающая народ к выдержке и вере в успех восстания и внушающая всем жителям Царства Польского запастись оружием. Эта прокламация напечатана в № 126 краковской газеты «Час» от 6 июня 1863 г. Как декрет о трибуналах, так и сказанная прокламация были редагованы ^b Петром Кобылянским ^{20*}. Бонковский ^{21*} всего один или

^{1*} Находится за границу. ^{2*} Арестован. ^{3*}, ^{4*}, ^{5*} Бежали. ^{6*} Бежал. ^{7*} и ^{8*} Арестованы. ^{9*} Выехал по паспорту за границу, был вызываем, но не возвратился. ^{10*} На жительстве в России, и по всем обстоятельствам этого дела посланы ему от комиссии на место высылки его через генерал-полицеймейстера подробные вопросы. ^{11*} Бежал. ^{12*} Бежал. ^{13*} Арестован. ^{14*} Бежал. ^{15*} Бежал. ^{16*} Бежал. ^{17*} Бежал. ^{18*} Арестован. ^{19*} Арестован. ^{20*} Арестован. ^{21*} Арестован.

^a недовольных. ^b редактированы (полонизм).

¹ По позднейшим показаниям Авейде (см. *Zeznania śledcze, str. 149*) Гиллер был включен в состав Временного Национального Правительства около 20 февраля 1863 г.

² События эти носят в литературе название «троицкого» переворота, Троица же в 1863 г. приходилась на 24 мая (н. с.)

³ В своих показаниях и в «Записках» Авейде не назвал имени важнейшего деятеля этого состава Национального Правительства — Францишка Добровольского.

два раза появился на заседании Народного Правительства и, по своим убеждениям не желая оставаться членом его, притворился больным и был уволен. По прошествии нескольких дней вследствие нового переворота городская организация обратилась к Авейде с требованием поставить новый состав Народного Правительства. Исполняя сие, Авейде призвал в обязанности членов поименованных уже выше: Мавевского ^{1*}, Големберского ^{2*}, Милевича ^{3*} и Яновского ^{4*}, который исправлял обязанности секретаря ¹.

Начальником города Варшавы после смерти Бобровского ^{5*}, убитого на дуэли с Грабовским за диктатуру Лянговича, был чиновник Тит Зенкович ^{6*}, а с конца июня м[еся]ца до выезда Авейде в Вильно литератор Вацлав Прибыльский ^{7*}, бывший до этого секретарем Литвы ². Секретарем Руси был неизвестный по фамилии молодой доктор из Киева именем Мариан ^{8*}.³

В конце июня м[еся]ца Народное Правительство учредило департаменты, а до того времени члены оною сами заведовали отдельными отраслями управления посредством своих помощников. С июля м[еся]ца в обязанности директоров департаментов были призваны им, Авейдою, военного — Евгений Качковский ^{9*4}, кончивший школу артиллерии и фортификации в Мэце (Metz), бывший, как кажется, ему, Авейде, французский офицер; внутренних дел — Стослав Лагуна ^{10*}, судья Варшавского гражданского трибунала, он был таким директором только несколько дней, а после него был архитектор Рафаил Краевский ^{11*}; финансов — Дионизий Скаржинский ^{12*}, помещик Августовской губернии и директор Наднеманского торгово-земледельческого дома; и прессы — вышепоименованный Агатон Гиллер ^{13*}, литератор. Начальника революционной полиции Авейде по фамилии никогда не знал, обыкновенно его называли Каржелкем (Ян Карлович, он же Янек Бялый ^{14*}).

Департаменты окончательно устроились и стали действовать с июля. Каждый из них заведовал отдельною, вверенною ему отраслью интересов революции, получал рапорты из провинции и давал приказания, приготавливал проекты декретов, представлял к номинациям и проч. Директор каждого департамента был обязан ежедневно представлять рапорт о своих занятиях одному из членов революционного правительства, **заведующему** данным департаментом, и через него получал приказания этого правительства. Все дела рассматривались и постановлялись в департаментах коллегиально, в заседаниях. Постановленные референты изготовляли у себя дома, а изготовленное после приложения маленькой печати департамента отсылалось через секретаря департамента секретарю революционного правительства для дальнейшего отправления. Составы департаментов были следующие:

.....
^{1*} На жительстве в России. ^{2*} Бежал. ^{3*} Бежал. ^{4*} Бежал. ^{5*} Убит на дуэли. ^{6*} Бежал. ^{7*} Бежал. ^{8*} Не отыскан. ^{9*} Бежал. ^{10*} На жительстве в России и по всем обстоятельствам этого дела посланы от комиссии на место высылки его чрез генерал-полицеймейстера подробные вопросные пункты. ^{11*} Казнен. ^{12*} Бежал. ^{13*} Бежал. ^{14*} Бежал.

¹ Здесь ошибочно в составе Национального Правительства вместо Грабовского назван Милевич. Вопрос о том, входил ли Милевич в состав Национального Правительства, остается неясным.

² Прибыльский продолжал выполнять обязанности секретаря Литвы в период, когда он был начальником Варшавы.

³ Секретарем Руси был Мариан Дубецкий, к этому времени уже осужденный по процессу Траугутта и в августе 1864 г. отправленный на каторгу в Сибирь.

⁴ Действительная фамилия его Дембицкий, псевдоним Качковский, Кот.

1. Военный: директор его, Евгений Качковский ^{1*}, был призван в эту обязанность еще в начале марта м[еся]ца 1863 г. Прошедшее его и характер мало известны Авейде, потому что он почти не имел с ним сношений. Авейде лишь слышал, что Качковский был когда-то студентом в Московском университете, по математическому факультету, потом эмигрировал и тогда окончил школу в Мэце, после же возвращения своего из-за границы исполнял какие-то обязанности во французской компании железных дорог. Революционный генерал Осип Высоцкий ^{2*} рекомендовал его как хорошо образованного офицера. В первых двух составах революционного правительства он был в сношениях с Яновским ^{3*}, а в четвертом с Големберским ^{4*}.

К этому департаменту принадлежали:

а) Яков Козелл ^{5*}, бывший инженерный офицер русской службы. До революции, или до начала вооруженного мятежа, он был членом провинциального революционного комитета в г. Вильно, прибыл в Варшаву и без всякого призыва в апреле м[еся]це 1863 г. Пржибыльский ^{6*} назначил его референтом военного департамента, и одно время он был несколько дней революционным комендантом Варшавы, но отчасти по неспособности его на эту должность, отчасти по непрактичности ее, был удален, а должность уничтожена.

б) Галэнзовский ^{7*} — учитель Петербургского артиллерийского училища. Явился в Варшаву в конце апреля 1863 г., сам, без всякого призыва, и Пржибыльский назначил его референтом военного департамента. Он имеет обширное образование.

Фамилий других референтов военного департамента Авейде не помнит и даже некоторые из них вовсе не были ему известны; но знает, что, кроме вышепоименованных, было еще в должностях референтов два офицера и два или три штатских. Департамент разделялся на секции, и каждый референт заведовал отдельною секциею. Референты могли быть знакомы, кроме директора, с Яновским ^{8*}, который приходил на заседания департамента и с офицерами, отправляемыми из Варшавы в воеводства.

2. Внутренних дел. Директор Стослав Лагуна ^{9*} до восстания был открытым противником всякой революционной пропаганды и был в тогдaшнем общественном мнении нелюбим за его иронию и насмешки, с какими он отзывался о действиях, противных законному правительству. Он до манифестации был адъюнкт-профессором С.-Петербургского университета, но по какому-то неизвестному Авейде случаю оставил эту должность. Как известный молодой юрист, хорошо знающий административные законы и вообще законодательство Царства Польского, он был призван в обязанность директора Департамента внутренних дел, но был директором весьма короткое время, дней десять, и по поводу внутренних раздоров и несогласий в городской организации удалился сам и с того времени уже не принимал никакого участия в революции и был равнодушным ее зрителем.

С удалением Лагуны до назначения нового директора поручено было революционным правительством исполнять обязанности его одному из референтов департамента и именно архитектору Рафаилу Краевскому ^{10*}.

1* Бежал. 2* Находится за границею. 3* Бежал. 4* Бежал. 5* Бежал. 6* Бежал. 7* Не отыскан. 8* Бежал. 9* На жительстве в России и по всем обстоятельствам этого дела посланы от комиссии на место высылки чрез генерал-полицеймейстра подробные вопросные пункты. 10* Казнен.

Он был референтом еще до окончательного установления департамента с марта м[еся]ца и получил номинацию по собственному его желанию.

После Краевского поступил в обязанность директора сказанного департамента помещик Плоцкой губернии Осип Наржимский^{1*}, который постоянно проживал в Варшаве. Он был некоторое время еще до вооруженного мятежа членом революционного Центрального комитета. Номинацию на директора получил по собственному желанию в конце июня м[еся]ца 1863 г. Он принимал участие в раздорах городской революционной организации и по этому поводу в конце июля был удален из Департамента внутренних дел. Кто же был назначен после него, Авейде не знает.

Референтами сказанного департамента были:

а) Ян Банземер^{2*}, он до восстания к организации не принадлежал; референтом был назначен по собственному его желанию вследствие представления Авейде с апреля м[еся]ца 1863 г., и был также и секретарем департамента. В конце июля м[еся]ца за несколько дней до выезда Авейде из Варшавы в Вильно Банземер был скомпрометирован по политическому делу, скрывался, и по его желанию был удален. Кто же был назначен на его место, Авейде не знает.

б) Иван Верницкий^{3*} был референтом лишь до окончательного установления департамента, но после удален за деятельное участие в городских раздорах.

в) Игнатий Косинский^{4*} — впоследствии прокурор Варшавского революционного трибунала, но утвердительно сказать, был ли Косинский действительно референтом, Авейде не может.

Каждый из референтов заведовал корреспонденциею двух воеводств Царства Польского, притом между ними были распределены предметы по секциям, а именно: крестьянская, административная, почт, продовольствия и проч.

Лагуна мог знать только Карла Маевского^{5*} и Петра Кобылянского^{6*} как членов революционного правительства, заведующих Департаментом внутренних дел, и своих референтов. Сам Авейде с конца июня м[еся]ца перестал заведовать Департаментом внутренних дел, а заведовал делами восстания в провинции, т. е. в Литве, Руси, Галиции и Познани, а потому перемен, последовавших в Департаменте внутренних дел еще до выезда его в Вильно, с точностию не помнит, но полагает, что если в этом описании его могут и вкрасься ошибки, то лишь случайные и исключительно редкие, что может быть выяснено, пополнено или исправлено сознаниями лиц, им указанных. Референты знали своего директора и должны знать фамилии по крайней мере начальников воеводств и комиссаров, с которыми они вели корреспонденцию. Банземер^{7*} мог знать секретаря революционного правительства Яновского^{8*} и секретаря департамента финансов Зоммера^{9*}, Наржимский^{10*} и Верницкий^{11*} могли знать более лиц, как принимавшие деятельное участие в городских варшавских раздорах между членами организации.

3. Департамент заграничный, или иностранных дел. Директор его Генрих Краевский^{12*} человек семейный и бедный, в известных годах, человек

1* Бежал. 2* Студент Берлинского университета, находится за границею.
3* Бежал. 4* Арестован. 5* На жительстве в России. 6* Арестован.
7* За границею. 8* Бежал. 9* Зоммер, студент Берлинского университета, находится за границею. 10* Бежал. 11* Бежал. 12* Арестован.

высоко образованный и весьма серьезного характера, до минуты принятия им должности такого директора не принадлежал вовсе ни к каким действиям противу правительства. Он долго не соглашался принять предлагаемую ему революционным правительством посредством его знакомого и друга Гиллера ^{1*} должность директора, сказав откровенно, «что он ни в силы, ни в успех восстания не верит», и принял ее после долгих колебаний и настойчивых просьб Гиллера, когда отзывались к его любви к отечеству и домогались исполнения гражданского долга слушаться революционного правительства, которого слушалось тогда целое общество, сколько-нибудь образованное. Еще до выезда Авейде в г. Вильно, Краевский ^{2*} несколько раз старался удалиться от всякого участия в революции и только, можно сказать, насильно был удержан революционным правительством. Кроме корреспонденций с Чарторижским ^{3*}, почти ничего не значащих, он не имел и даже не хотел иметь ни малейшего влияния на ход революции или на отдельные ее действия. Из лиц, принимавших более важное участие в революции, Краевский мог знать единственно и исключительно Големберского ^{4*} как члена революционного правительства, которому передавал рапорты и чрез которого получал приказания, и Гервазия Гзовского ^{5*} как своего секретаря и помощника. Он Авейде не знает и тем более не мог знать, что Авейде был членом революционного правления. Наконец, Авейде предполагает, что в августе месяце, когда переменялся состав революционного правительства и революционную власть захватили поклонники бессмысленного террора ¹, Краевский, кажется, оставил занимаемую им должность директора заграничного департамента.

Секретарем заграничного департамента был Гервазий Гзовский ^{6*} человек в летах, к организации до принятия им должности секретаря не принадлежал, спокойный, мог знать только Гиллера ^{7*}, Генриха Краевского ^{8*} и очень правдоподобно Яновского ^{9*} как секретаря революционного правительства, которому передавал корреспонденции для отправления за границу. Он призван был Гиллером ^{10*}. Влияния на ход революции и на ее действия никакого не имел.

4. Департамент финансов, директор Дионизий Скаржинский ^{11*}, лично знакомый с Авейде, в июне месяце 1863 г. жил в Европейской гостинице, был тогда болен и лечился. Он призван на обязанность директора самим Авейде как техник, как знающий науку финансов вообще, а положение края в финансовом отношении в особенности. Все сказанное о характере и свойствах Краевского ^{12*} как человека Авейде относит и к Скаржинскому. По просьбе и уговорам Авейде Скаржинский согласился принять должность директора единственно потому, что как поляк тогдашнего несчастного времени сочувствовал восстанию и, как все вообще помещики, предполагал заграничное вмешательство и помощь и тем более, что будучи призван от имени любви к отечеству и гражданского долга, отказать не мог. Влияния на ход революции и на ее действия никакого не имел.

К департаменту финансов принадлежали:

.....
^{1*} Бежал. ^{2*} Арестован. ^{3*} Находится за границею. ^{4*} Бежал. ^{5*} Сослан вновь в Сибирь, в каторжную работу. ^{6*} Сослан вновь в Сибирь, в каторжную работу. ^{7*} Бежал. ^{8*} Арестован. ^{9*} Бежал. ^{10*} Бежал. ^{11*} Бежал. ^{12*} Арестован.

¹ Имеется в виду сентябрьский состав Национального Правительства (сформирован 17 сентября).

а) Виктор Зоммер^{1*}, в качестве, кажется, секретаря. Он знакомый и товарищ Авейде по Берлинскому университету, прежде к организации вовсе не принадлежал; находился за границей и прибыл в Варшаву через несколько месяцев после начала вооруженного восстания.

В качестве референтов:

б) Точевский^{2*} (Точиский), чиновник банка. Он с Авейде не знаком и, кем был избран, Авейде не знает.

в) Генрих Воль^{3*} (купеческий приказчик). Он был лично знаком с Авейде, к организации прежде не принадлежал и до начала вооруженного восстания был противник его.

Воль^{4*} и Зоммер^{5*}, по словам Авейде, как люди молодые, как дети своего общества и времени, когда пожар революции охватил все общество, когда те молодые люди, которые не находились в отрядах повстанцев, часто просто стыдились не принимать участия в революции, оба не могли оставаться только равнодушными зрителями всего происходившего. По собственному их желанию, объявленному ими Авейде, впоследствии его представления, были выданы и от революционного правительства номинации на референтов. Ни Воль^{6*}, ни Зоммер^{7*} не принимали участия в анархических действиях городской организации и исключительно занимались предметами своего департамента. Скаржинский^{8*} из членов революционного правительства мог знать только одного Карла Маевского^{9*} и своих референтов, а сии последние — только своего директора, разве Зоммер^{10*} как секретарь мог знать секретаря революционного правительства Яновского^{11*} и секретаря Департамента внутренних дел Банземера, потому что эти два департамента были в частных между собою сношениях, производившихся посредством секретарей. Оба они не имели никакого влияния на ход революции.

5. Департамент прессы. До установления департамента прессой заведовал Гиллер^{12*}, а помощники его были на его лишь ответственности и только ему одному известны. С установлением департаментов прессой заведовал указанный уже выше как член революционного правительства во втором составе Эдуард Сивинский^{13*}. Подпольные типографии были приготавливаемы в самой Варшаве членами городской организации, но как и кем именно, Авейде не знает. Печатаением статей, воззваний, инструкций Центрального революционного комитета заведовал большею частию и, кажется, исключительно Бронислав Шварц^{14*}; после арестования его — Иван Верницкий^{15*}, с начала вооруженного восстания — этот же Верницкий^{16*} и Бобровский^{17*}, а впоследствии некоторое время Тит Зенкович^{18*} как начальник города. В конце мая или в начале июня 1863 г. по распоряжению революционного правления все типографии и литографии, число не более шести, были переданы в непосредственное и исключительное заведование Вагнера^{19*}, назначенного тогда директором подпольных типографий. Кроме отданных Вагнеру, остались одна литография в заведовании военного департамента и одна литография и один маленький печатный станок при начальнике города. Из выходящих подпольных листков и отдельных статей были под контролем

1* За границу. 2* Казнен. 3* На жительстве в России. 4* На жительстве в России. 5* За границу. 6* На жительстве в России. 7* За границу. 8* Бежал. 9* На жительстве в России. 10* За границу. 11* Бежал. 12* Бежал. 13* Бежал. 14* Сослан в Сибирь в каторжные работы. 15* Бежал. 16* Бежал. 17* Убит на дуэли с Грабовским. 18* Бежал. 19* Бежал.

и в зависимости Центрального революционного комитета до восстания «Рух» (Ruch) и произведения, на которых была приложена печать Комитета. С восстания «Рух» также долгое время оставался в непосредственном ведении революционного правительства и был нечто вроде сборника декретов, воззваний и проч., выходивших от этого правительства, а также статей, появлявшихся сначала с печатью жонда, а потом с печатью директора типографий. «Wiadomości z placu boju» были издаваемы сначала Гиллером, а с установлением департаментов одним из референтов военного департамента. С установлением Департамента прессы под контроль революционного правительства был еще листок «Niepodległość», редактором которого был сам директор департамента. Все же прочие тогдашние листки, как например, «Правда», «Dziennik Narodowy» и другие, писались, редаговались и печатались вовсе неизвестными Авейде лицами, контроль над ними был невозможен, тем более, что с развитием революции они печатались, кажется, в явных частных типографиях. В конце пребывания Авейде в Варшаве революционное правительство старалось привести к какой-нибудь зависимости и контролю Департамента прессы все появившиеся тогда подпольные листки, но до самого его выезда в этом не успело.

Эдуард Сивинский ^{1*}, директор департамента прессы и член революционного правительства, был еще до восстания знаком с Авейде; он до апреля м[еся]ца 1863 г. не принадлежал ни к заговорной организации, ни вообще к каким-либо действиям, противным правительству. В апреле м[еся]це после отправления Майковского ^{2*} в Галицию Авейде по его же представлению было поручено призвать Сивинского ^{3*} быть членом революционного правительства. Призвание это было принято Сивинским после некоторого колебания; призван же он был потому, что он один из лучших варшавских литераторов-критиков и вообще один из более образованных людей в Варшаве. С установлением четвертого состава революционного правительства он был назначен директором Департамента прессы, и ему поручено было сформировать департамент, привести к контролю и зависимости его все выходящие тогда подпольные листки, а также корреспондентов зарубежных газет, которые ^{4*} также были вовсе независимы от революционного правительства. Сивинский не успел исполнить данного ему поручения, даже не сформировал департамента, и, наконец, во второй половине июля м[еся]ца удалился сам, недовольный и огорченный действиями революции и внутренними реформами, и объявил, что никогда уже не примет никакого участия в действиях революции, и действительно, после того он до выезда Авейде в Вильно не занимал уже никакой должности в революционной организации. По словам Авейде, Сивинский во всех его действиях и поступках отличался высоким благородством, без всякого самолюбия и эгоизма. Он был знаком с Милёвичем ^{4*} и знал лично Авейде, Яновского ^{5*} и Вагнера ^{6*}. Из референтов его Авейде не знает ни одного, припоминает лишь фамилию какого-то молодого человека Богуславского ^{7*}, которого ни личность, ни имя, ни прошедшее ему неизвестны. После Сивинского директором Департамента прессы был назначен Вацлав Пржибыльский ^{8*}.

Вагнер ^{9*}, имени которого Авейде не знает, сотрудник «Варшавской газеты», был призван на директора департамента в конце мая или в начале июня 1863 г. по представлению Пржибыльского ^{10*}. Он должен знать всех

1* Бежал. 2* Бежал. 3* Бежал. 4* Бежал. 5* Бежал. 6* Бежал.

7* Сослан в Сибирь в каторжную работу. 8* Бежал. 9*, 10* Бежали.

наборщиков тайных типографий и литографщиков, которые все и вполне зависели от него.

Со времени установления департаментов провинциями заведовал он, Авейде. Непосредственными помощниками его были:

а) Вацлав Пржибыльский^{1*} как секретарь Литвы, прислан в Варшаву в марте 1863 г. виленским Исполнительным отделением; в июле того же года он жил на улице Александрия.

б) Мариан^{2*} — фамилии которого Авейде не помнит; он в апреле м[еся]це 1863 г. был прислан провинциальным комитетом Руси как секретарь Руси (т. е. губерний: Киевской, Волынской и Подольской). Он имел около 30 лет, брюнет, среднего роста, худощавый, жил на улице Подвал, но, в каком доме, Авейде не знает. Как этот Мариан, так и Пржибыльский^{3*} в конце июня были оба призываемы в заседания революционного правительства и

в) Агатон Гиллер^{4*}, для корреспонденции с Галициею и Познанью.

До самого выезда Авейде в Вильно Департамент провинций сформирован не был по поводу недостатка людей, которым было бы хорошо известно тогдашнее положение Галиции и Познани. Избрание и присылка в Варшаву таких людей было поручено Станиславу Франковскому^{5*} и Осипу Грабовскому^{6*}, но они их тогда еще не прислали.

Секретарь революционного правления Осип Яновский^{7*} не заведовал никакою отдельною отраслью дел и интересов восстания. В его заведовании были канцелярия революционного правления, корреспонденция, т. е. контроль над нею, сношения департаментов с провинциями вообще, сношения между департаментами, сношения между ними же и начальником города, и т. п. В непосредственной от него зависимости были:

а) комиссар коммуникации, т. е. железных дорог, которым был в июле 1863 г. Станислав Ольшанский^{8*}, член городской организации; прежние его занятия до восстания и место жительства Авейде не известны. Он блондин, среднего роста, от роду около 24 лет и б) Комиссар почт[ы] (не революционной помещицей, но правительственной). Имени и фамилии его Авейде не знает. (По сведениям Постоянной военно-следственной комиссии таким комиссаром был чиновник Варшавского почтамта Осип Войцеховский^{9*}, который летом 1863 г. бежал за границу).

Референтов секретаря Яновского^{10*} Авейде не знает.

Революционный трибунал в Варшаве (как уже сказано было выше) составлялся из председателя патрона Витольда Мошинского^{11*}, членов патрона Александра Павловского^{12*} и сапожника Мацея Пенёнжка^{13*} и прокуратора — судьи Варшавского гражданского трибунала Игнатия Косинского^{14*}.

Трибунал сей был установлен в июне м[еся]це, а лица, составлявшие оный, были назначены в их обязанности в первой половине июля 1863 г. До этого времени все убитые несчастные люди были убиваемы по личным усмотрениям или начальника города, или начальника полиции, или же, наконец, кого-либо из лиц, занимавших еще меньшую должность в революционной полиции, без приказаний и ведома революционного правитель-

1* Бежал. 2* Не отыскан. 3* Бежал. 4* Бежал. 5* Один из главных агитаторов от самого начала беспорядков в крае, находится в тюрьме в Париже. 6* Бежал. 7* Бежал. 8* Бежал. 9* Бежал. 10* Бежал. 11*, 12*, 13*, 14* Арестованы.

¹ См. прим. 3 к стр. 118.

ства. При этом Авейде объясняет, что он приводит сие не для того, чтобы сбросить с себя и с прочих членов революционного правительства ответственность за совершенные убийства и отнести ее к неизвестным людям, — нет, — ответственность во всяком случае падает на революционное правительство как на главу движения, но он утверждает, что говорит так по сущей правде. Все без исключения тогдашние убийства — это были факты и проявления анархии, гнездившейся в недрах городской организации, съедаемой дореволюционной еще агитациею. Революционное правительство только для того, чтобы не открывать и не указывать этой анархии, должно было ради интереса своего как революционной власти признать совершившиеся факты, да и то не все. Ни он, Авейде, и никто из его товарищей всех составов революционного правительства до выезда Авейде из Варшавы, не только не осудили, как он утверждает, на смерть ни одного лица, не подписали ни одного приговора или приказа убить кого-либо, но даже не знали об имени убитого прежде смерти его.

Революционные трибуналы (как в Варшаве, так и в провинциях) были установлены с тою целью, чтобы оградить в будущем жизнь людей от произвола отдельных личностей и от часто несправедливого во время возбужденных страстей общественного мнения, и если в самом деле интересы революции потребуют жизни какого-либо лица из ее противников, то чтобы эта жалкая необходимость, это необходимое зло исполнялось как можно реже, только в необходимости, справедливо (конечно, относительно) и с соблюдением всех общепринятых во всем мире и во всяком судопроизводстве судебных форм и условий. Довольно несчастья, что судопроизводство по причине тайной системы действий, т. е. по слабости революции, должно было быть в большей части случаев тайным. При том в декрете об установлении революционных трибуналов, редагованном меценасом Сената Петром Кобылянским ^{1*} во время состояния его членом революционного правления и напечатанном в № 141 газеты «Дневник Познанский», не только одна смерть помещена в числе революционных наказаний, но и лишение чести с опубликованием о том в газетах, и изъятие из-под покровительства законов, и, наконец, изгнание из места жительства и даже из края.

В установленный для такой цели трибунал революционное правительство четвертого состава призвало соответственных людей. Итак: Витольд Мошинский ^{2*}, председатель трибунала, человек с обширным образованием, известный как один из лучших во всей Варшаве юристов и вместе с тем как один из чистейших по характеру и совести людей, человек скорее женского, чем кровожадного сердца, разумный и твердый, чтобы не увлечься несправедливостию общественного мнения и отвергнуть неосновательные требования страстного полицейского чиновника революции. Он призван Авейдом лично и ^а при этом сказал ему: «Скорее никто убит не будет, чем кто-нибудь несправедливо и без необходимости».

Сапожный мастер Мацей Пенёнжек ^{3*}, член трибунала, призван в эту обязанность лично самим Авейде и был ему знаком еще до восстания. Он — человек малого образования, но с хорошо развитым так называемым простым рассудком человек серьезный, простой, скромный, честный, спокойный и тихий до молчаливости. Притом он человек в летах, семейный и знал, как дорога жизнь человеку. Революционное правительство поручило

.....
^{1*}, ^{2*} Арестованы. ^{3*} Арестован.

^а Зачеркнуто был знаком с ним еще до восстания.

Авейде призвать Пенёжжа в обязанность члена трибунала, как хотя не юриста, но потому что между юристами он уравнивал в данных случаях излишество форм, и как ремесленника на тот конец, что если какие-либо сведения о составе трибунала проникнут к городскому, ремесленному населению, то чтобы успокоить крикунов-ремесленников. Пенёжж как человек малообразованный, как поляк этого времени, как ремесленник, живший в среде, наиболее поглощенной дореволюционной пропагандой и самой революцией, почитал сделанное ему революционным правительством призвание более приказанием, нежели призыванием. В минуту предложения ему Авейде быть членом трибунала Пенёжж сказал ему: «Я сделаю все то, что прикажет революционное правительство, но, сударь, разве я законник, ведь я сапожник, разве сумею?» Когда же Авейде успокоил его, что товарищами его будут люди, которые его выучат, и когда Авейде толковал ему о обязанностях суда, объяснял, что дело не в том, чтобы убивать, а судить с совестью и разумом, Пенёжж отозвался: «Ведь человек имеет жену и детей, знает, как дорога жизнь человека!»

Патрон Павловский ^{1*} (Александр), член трибунала; Авейде, указав на него, оговаривает, что лично его не знает и поэтому ни о характере, ни о направлении его ничего сказать не может и не может с точностью утверждать, действительно ли Павловский был членом революционного трибунала, потому что в этом случае не полагается на свою память, так как Павловский был призван в эту обязанность не им, Авейде, и кем именно, Авейде не знает. Разве тогда это указание было бы верно, если бы прочие члены и прокурор трибунала подтвердили сие; в противном случае Авейде просит не принимать сего ни за повод к обвинению Павловского, ни даже за улику противу него.

Игнатий Косинский ^{2*}, прокурор (на обязанности прокуроров лежит составление обвинительных актов). Призван в обязанность прокурора не им, Авейде, и лично мало ему знаком. От служивших же вместе с Косинским в Варшавском суде исправительной полиции и от рекомендовавших его в должность прокурора трибунала, в особенности от Пржибыльского (начальника города Варшавы) Авейде знает, что Косинский, как все вообще прокуроры уголовных судов, хладнокровный, спокойный, честный, образованный, твердый до непреклонности и человек, который скорее согрешит формальностью, нежели пропустит форму.

Все они, т. е. целый состав трибунала, могли и должны были знать только Вацлава Пржибыльского ^{3*} (начальника города). О том, что Авейде был членом революционного правления, из них знал только один Мошинский ^{4*}.

К такой характеристике революционного трибунала и лиц, его составляющих во время четвертого состава революционного правительства, т. е. с первых чисел июля до 1 августа нового стиля, Авейде добавляет следующее обстоятельство, относящееся к тогдашним действиям трибунала, которое Авейде хорошо помнит и которое, по его словам, могут подтвердить как все члены трибунала и прокурор его, так и все члены революционного правительства, а также начальник города Пржибыльский ^{5*}, а именно: в июле м[еся]це, вскоре после формирования трибунала, начальник полиции чрез начальника города требовал осуждения на смерть некоторых лиц, вообще ненавидимых в тогдашнем общественном мнении, а между прочими и комиссара 1-го циркула варшавской городской полиции Дроздовича. И про-

1* Арестован. 2* Арестован. 3* Бежал. 4* Арестован. 5* Бежал.

курор, и трибунал оставили требование начальника полиции без внимания и отвергли его. Когда же вследствие жалобы начальника полиции сделан был революционным правительством запрос трибуналу и прокурору, зачем первый не хочет судить, а второй изготовить обвинительного акта на основании представленных полицией данных, они отвечали письменно, и каждый особо, «что они не могут и не будут располагать жизнью частных лиц на основании голословных убеждений и указаний начальника полиции или взволнованного страстного общественного мнения». Кроме того, объявили, что произведенное полицией следствие они не будут считать основанием даже к обвинительному акту и во всех случаях будут производить свое отдельное следствие при помощи лишь полиции.

По известному Авейде характеру лиц, составлявших революционный трибунал, Авейде предполагает, что с минутой, когда революционную власть захватили в свои руки поклонники бессмысленного, чудовищного, анархического и вредного даже для самой революции террора, именно в августе [месяце] 1863 г.¹ когда начались частые убийства, все вышепоименованные лица наверно перестали быть членами и прокурором революционного трибунала.

Революционная организация Варшавы

Из лиц, составлявших эту организацию, известны Авейде:

а) организатор г. Варшавы Людвик (Владимир) Лем[п]ке^{1*}. Он был в зависимости [от] военного департамента, а в сношениях с начальником города, с начальником полиции и с начальником жандармов, или так называемой народной стражи. В его же заведовании и зависимости были мастерские, в которых изготовлялись одежда, сапоги, седла и даже оружие.

б) Ляндовский^{2*} (Павел) был в зависимости от начальника города; Авейде лично его вовсе не знает.

Начальниками отделений в этой организации, коих было 5, были:

в) молодой судебный чиновник Фома Бужинский^{3*2},

г) чиновник Комиссии внутренних дел, неизвестный по имени, Уминский^{4*} (кажется, Юлиан).

д) виноторговец, имевший лавку на Долгой улице, Розманит^{5*} и

е) сотрудник в редакции «Польская газета» Генель^{6*3}

Имени и фамилии начальника 5-го отделения Авейде не помнит.

Все эти лица Авейде мало знакомы, и он не может дать никаких объяснений о революционной их деятельности, разве только то, что они во время внутренних раздоров в городской организации были спокойнее и благоразумнее других и всячески старались потушить анархию.

Уминских было в организации двое; из них начальником отделения организации был старший, блондин, среднего роста, в очках, лет 32 и, кажется, был чиновником в Комиссии внутренних дел.

Каждый начальник отделения должен был знать начальника города, его ближайших помощников, и от 4 до 6 окружных начальников, от него зависевших.

.....
^{1*} По требованию сей комиссии, был арестован в г. Кieve и там успел отравиться. ^{2*} Казнен политической смертью. ^{3*} и ^{4*} Бежали. ^{5*} Сослан в Сибирь. ^{6*} Бежал.

¹ См. прим. к стр. 121.

² В действительности Бужинский был арестован, осужден по процессу Траугутта и в августе 1864 г. сослан на каторгу в Сибирь.

³ Хенель (Генель) также судился по процессу Траугутта и был сослан в Сибирь на поселение.

Отделение этой организации делилось на 26 округов, а каждый округ — на 7, 8, 10 и более секций. Кроме того, при начальнике города были следующие органы: 1) личная его канцелярия (*Biuro przyboczne*); 2) податная комиссия (*Komisja podatkowa*); 3) поверочная комиссия (*Komisja weryfikacyjna*); и 4) Общий опекунский совет с обществом женских пятерок (*Ogólna Rada opiekuńcza z piętkami z kobiet*). При этом Авейде просит освободить его от указаний фамилий лиц варшавской городской организации, исполнявших низшие должности от начальников отделений, потому что номинации для них выдавались или начальником города, или начальниками отделений.

Организация воеводств

Ее составляли революционные начальники воеводств и комиссары. Такими были: воеводство Мазовецкое: начальник его Людвик Свѣтковский^{1*}, бывший студент Берлинского университета, помещик Варшавского уезда, живший до восстания с братом своим Станиславом постоянно в поместьи Пагрошев, Варшавского уезда. Он еще до восстания был начальником воеводства; с восстания же до половины марта 1863 г. находился в отряде Езѣранского, с половины марта приехал обратно в Варшавскую губернию с номинацией от Лянгевича как организатор воеводства. С падением диктатуры Лянгевича номинация эта была уничтожена, и в конце марта была выдана Свѣтковскому номинация на начальника воеводства, и он исполнял эту должность до самого выезда Авейде в Вильно. С марта м[еся]ца он скрывался и обыкновенно пребывал в Равском или Гостыньском уездах. Он блондин, высокого роста, лет 24 и лично знаком с Авейде. Брат его Станислав к организации вовсе не принадлежал.

Комиссар Станислав Франковский^{2*}, еще известный как один из манифестационных агитаторов. Он еще за несколько месяцев до восстания находился в Варшавской губернии, сначала как агент Центрального революционного комитета, потом как комиссар, и с этого уже времени скрывался. Он был одним из самых деятельных комиссаров и лично знаком с Авейде. Во второй половине июля м[еся]ца, когда Франковский был выслан как уполномоченный комиссар революционного правительства в Познань, на место его комиссаром Мазовецкого воеводства был назначен по его же представлению один из помощников его, Евгений Кеслер^{3*}, до восстания служивший чиновником в Комиссии финансов. Этот последний — блондин, лет 26, среднего роста и ему, Авейде, мало известен.

Воеводство Калишское: начальник воеводства Владислав Маевский^{4*}, помещик Пѣтrowsкого уезда, деревни Дылѣв, брат известного в Варшаве меценаса и Карла Маевского, бывшего членом революционного правительства в четвертом его составе. Он лично знаком с Авейде. Номинацию на начальника воеводства он получил в марте м[еся]це 1863 г. и исполнял эту должность до второй половины июля того же года. С половины июля, будучи скомпрометирован по делу секретаря его Эдуарда Прондзынского^{5*}, арестованного с бумагами и содержавшегося в Варшавской цитадели, он, Маевский, скрывался и просил об отставке, представляя на эту должность одного из своих помощников, фамилии которого Авейде не помнит, но говорит, что этот вновь назначенный начальник воеводства еще

.....
1* Не отыскан. 2* Один из главнейших агитаторов от самого начала беспорядков в крае, находится в тюрьме в Париже. 3* Не отыскан. 4* Разыскивается. 5* Не отыскан [так!].

до получения номинации был арестован тоже по делу вышепомянутого Прондзынского; кто же потом был назначен на это место, Авейде не знает.

Комиссар Бернавский ^{1*}, кажется Александр, назначен в эту обязанность по смерти Юлиана Верещинского. Он еще до восстания был призван в обязанность члена Центрального революционного комитета, но в первое же заседание после его призвания удалился сам. Он студент Варшавского медицинского факультета. Номинацию получил по собственному своему желанию. С Авейдою Бернавский знаком лично, блондин, среднего роста, лет 23, он скрывался. После смерти Верещинского и до назначения Бернавского некоторое, весьма короткое, время был комиссаром Шаховский ^{2*}, агитатор и эмигрант манифестационного времени.

После удаления его он скрывался в Варшаве и принимал участие в раздорах варшавской городской организации.

Воеводство Сандомирское: начальник Владимир Александрович ^{3*}, учитель Радомской гимназии, православного исповедания, брюнет, среднего роста, лет около 50. Авейде лично его знает. Он еще до восстания принадлежал к революционной организации, назначен же начальником воеводства по собственному его желанию в марте 1863 г., после падения диктатуры Лянгевича, и по крайней мере до половины июля исправлял эту обязанность, находясь в Радоме. В июле он был скомпрометирован по неизвестному Авейде поводу и скрывался.

Комиссар Мацейвский ^{4*}, кажется, Владислав ¹,—худощавый, среднего роста, волоса темные, лет 25, знакомый лично с Авейде. Он еще до восстания сперва был агентом, потом комиссаром Центрального революционного комитета и потому скрывался. С падением диктатуры Лянгевича он как сторонник Мерославского мало вмешивался в дела воеводства, однако же все еще считался комиссаром. На место его был назначен в июле 1863 г. неизвестный Авейде по фамилии и вовсе ему незнакомый какой-то молодой доктор из Варшавы.

Воеводство Люблинское: начальник воеводства Григорович ^{5*}, патрон гражданского трибунала в Люблине, по имени Авейде не известный, но лично с ним знакомый, высокого роста, волоса темные, немного лысый, лет около 38. Он еще до восстания был начальником этого воеводства и с марта м[еся]ца 1863 г. скрывался.

Комиссар Адам Маевский ^{6*}, кандидат прав С.-Петербургского университета; прежде жил в Варшаве у своей матери; он роста среднего, худощавый, волоса темные, лет около 24, лично знакомый с Авейде. Когда комиссар Густав Василевский был арестован во Львове с бумагами и деньгами, а потом успел бежать из тюрьмы и убит, в то время (кажется, в апреле 1863 г.) Маевский по собственному его желанию был послан в Люблинское воеводство сперва заступающим место, а потом назначен действительным комиссаром. Он скрывался.

Воеводство Подляское: еще до восстания начальником этого воеводства был некоторое время Бронислав Дескур ^{7*}, но он оставил эту обязанность и был офицером кавалерии в отряде повстанцев, кажется, под предводительством Мыстковского, в Пултуском уезде. После него по недостатку кандидатов на обязанность начальника воеводством заведовал некоторое

.....
^{1*} Не отыскан. ^{2*} Бежал. ^{3*} Бежал. ^{4*} Бежал. ^{5*} Бежал. ^{6*} Арестован. ^{7*} Разыскивается.

¹ *Игнаций Мацейвский.*

время один комиссар. Впоследствии начальником был назначен Людвик Краков^{1*}, молодой помещик Станиславовского уезда, кончивший агрономический курс в Проскау, в Силезии² (его Равич сменил)³. Он до восстания к организации не принадлежал. Авейде знает его только потому, что он некоторое время был в Берлине, где учился химии и ветеринарии. До назначения его начальником воеводства, т. е. до конца июня или до начала июля 1863 г. он был начальником Станиславовского уезда и одним из самых деятельных: первый учредил революционную почту сперва в уезде, а потом и во всем воеводстве. До самого выезда Авейде в Вильно Краков скомпрометирован не был, и не скрывался.

Комиссар Скотницкий^{2*}, по имени Авейде не известный, хоть лично с ним знакомый, среднего роста, волосы темные, лет около 27. Назначен Бобровским в конце марта 1863 г. и был одним из более благоразумных и спокойных комиссаров.

Воеводство Краковское: начальник воеводства Владислав Големберский^{3*} был назначен на эту обязанность в конце марта или в начале апреля 1863 г., до восстания к организации не принадлежал, и с призванием его быть членом революционного правления в четвертом составе по его же представлению на место его начальником воеводства был назначен в первой половине июля м[еся]ца помещик Хвалибог^{4*}, лет за 40, среднего роста, волосы темные, худощавый, имя и местожительство которого Авейде не знает, хотя и видел его один раз у Рупрехта; Авейде помнит, однако же, что деревня, в которой жил Хвалибог, расположена недалеко от Водзислава, кажется, Меховского уезда.

Комиссар Войцех Бехонский^{5*}; еще за несколько месяцев до восстания был агентом и комиссаром Центрального революционного комитета. После падения диктатуры Лянговича он перестал вмешиваться в дела воеводства и удалился. После него, т. е. с апреля м[еся]ца, отчасти по недостатку кандидата и отчасти по настоятельному требованию начальника Големберского^{6*} не назначать комиссара в том воеводстве, комиссар там не был назначен до самого выезда Авейде в Вильно.

Воеводство Плоцкое: начальник воеводства Евстафий Грабовский^{7*}, помещик, кажется, Плоцкого уезда, назначен Падлевским в феврале, а в марте утвержден революционным правительством. Он до восстания к организации не принадлежал. Когда, после арестования Падлевского^{8*}, Грабовский был скомпрометирован и должен был скрываться, был по его же собственному желанию в июле месяце удален. На место его по представлению комиссара Хондзынского был призван помещик Плоцкой губернии Карл Зонненберг, избранный Хондзынским по поводу обширного его образования и обширного влияния в помещичьих кругах до восстания, но он предлагаемой ему должности начальника не принял, как решительный противник не только дореволюционной пропаганды, но и самой революции. Кто же был назначен после Грабовского^{9*}, Авейде не знает, потому что назначение должно было последовать уже после выезда его из Варшавы. И Грабовский и Зонненберг лично с Авейде не знакомы.

Комиссар Збигнев Хондзынский^{10*}, роста среднего, блондин, лицо круг-

1* Выслан на жительство в Россию. 2* и 3* Бежали. 4* Разыскивается.
5* Не отыскан. 6* Бежал. 7* Сослан в Сибирь, в каторжную работу. 8* Казнен.
9* Сослан в Сибирь, в каторжную работу. 10* Бежал.

^{a-a} *Дописано над строкой карандашом.*

лое, лет около 28, назначен после смерти Рольского в конце апреля. Он прежде служил в Варшавском суде исправительной полиции, осенью 1862 г. жил в Варшаве в каком-то доме на Старом месте, еще до восстания принадлежал к революционной организации, потом скрывался и подписывался псевдонимом «Viały».

Воеводство Августовское: начальник воеводства Цыриак Аккорд^{1*}, знакомый лично с Авейде, помещик Сейненского уезда, роста среднего, волоса темные, плешивый, лицо круглое, телосложения здорового, лет около 40. Назначен в конце марта и до восстания к организации не принадлежал. Впоследствии скрывался.

Комиссары: сперва был Осип Пётровский^{2*}, а после него брат Авейде — Артур Авейде^{3*}, бывший учителем Ломжинской гимназии.

Начальников уездов, а также помощников комиссаров и помощников начальников воеводств Авейде не знает, потому что номинации их зависели от воеводского начальника или от комиссара и редко, только вследствие недоразумений между ними, номинации выдавались революционным правительством, и в таком случае, если Авейде случайно узнал некоторые фамилии лиц в провинциальной организации ниже начальников воеводств, то в настоящее время уже забыл их и указать не может.

С восстания, т. е. с 22 января 1863 г., вся администрация была поставлена в совершеннейшую зависимость от военных воеводских начальников или же, где этого недоставало, от комиссаров, так что удаление и номинация всех административных чинов организаций зависела от них исключительно. По прошествии некоторого времени, когда эта мера оказалась непрактичною, а все, в большей части, члены организаций присоединились к тому или другому повстанческому отряду, временное революционное правительство в конце февраля или в первых числах марта 1863 г. постановило преобразовать вновь всю администрацию. Появление диктатуры Лянгевича помешало этому, и все номинации на начальников воеводств и проч. были выданы не раньше второй половины марта месяца.

С самого восстания почти до 1 июля администрацию мятежа заведовал он, Авейде, и потому-то администрация того времени ему хорошо известна. С 1 июля, т. е. в четвертом составе революционного правительства, администрацией заведовал Карл Маевский^{4*}, а Авейде заведовал провинциями и предлагал даже образовать отдельный департамент провинций, и потому администрация с месяца июля ему менее знакома. Почти каждое воеводство имело свою отдельную подпольную типографию, находившуюся в заведовании или начальника воеводства, или комиссара; типографий только не было, насколько может Авейде припомнить, в Августовском, и кажется ему, что и в Плоцком воеводствах.

Восстанием в Литве и на Руси, т. е. в губерниях Киевской, Волынской и Подольской, управляли так называемые Исполнительные отделения; их составляли:

в Литве — Яков Гейштор, помещик Ковенской губернии, Александр Оскерко, помещик Виленской губернии, Далевский, по имени не известный, житель г. Вильно, Еленский, по имени не известный, помещик Минской губернии и Владислав Малаховский, инженер из Вильно. Комиссаром был Нестор Дюлёран, чиновник управления железных дорог в г. Вильно.

.....
^{1*} Бежал. ^{2*} Казнен.

^{3*} Находится под судом в Пруссии.

^{4*} На житель-

стве в России.

С приездом Авейде в Вильно все эти лица были арестованы и вскоре сосланы; оставался только один Малаховский как начальник города, и при нем Константин Калиновский, кандидат С.-Петербургского университета по юридическому факультету, призванный Дюлераном быть членом Исполнительного отделения.

После прибытия Авейде в Вильно, несмотря на все его усилия, он был не в состоянии образовать какой бы то ни было состав Исполнительного отделения и затем вскоре был арестован, передав Калиновскому должность комиссара. Начальников воеводств, комиссаров и прочих чиновников восстания в Литве Авейде не знает, потому что они вполне и исключительно зависели от Исполнительного отделения, от которого получали и номинации. В продолжении же двух- или трехнедельного пребывания Авейде^a в Литве на свободе при тогдашнем всеобщем испуге в Вильне, при ежедневных арестах и замешательстве ничего не узнал; а если узнал некоторые фамилии, то и те забыл в продолжение годичного тюремного заключения*.

На Руси Исполнительное отделение составляли: сначала Эдмунд Ружицкий, Коперницкий — профессор Киевского университета по медицинскому факультету, Яблоновский — помещик Подольской губернии, кажется, Чапский — помещик Волинской губернии, и еще один, фамилии которого Авейде не помнит. Комиссара там до восстания и до половины марта м[еся]ца 1863 г. не было вовсе. С половины марта, когда Ружицкий стал командиром всех мятежных шаяк на Руси, и прочие его товарищи прервали всякие сношения с революционным правительством в Царстве Польском, так что даже не было известно, находятся ли они в живых, дано было полномочие и инструкция Мариану Соколовскому, уроженцу Пултуского уезда, и студенту юридической школы в Париже как комиссару Руси сделать ревизию существовавшей до того времени организации и поставить новое Исполнительное отделение. Но так как Соколовский оказался неспособным для этой должности, то номинация на комиссара революционного правительства на Руси была выдана молодому помещику Волинской губернии Хамецу, имени которого Авейде не помнит, и поручено было Хамецу, чтобы он по совещании с галицийским комиссаром Яном Майковским (бывшим членом революционного правительства) привел в исполнение инструкцию, выданную Соколовскому. Хамец вскоре донес особым рапортом, что он исполнил данное ему поручение, но фамилий новых членов Исполнительного отделения еще не прислал до выезда Авейде из Варшавы, и потому они ему не известны. Управление губерниями (воеводствами) было в руках так называемых провинциальных управлений (Zarząd Ukrajny, Zarząd Wołynia, Zarząd Podola) из трех членов, получающих номинации от Исполнительного отделения, и потому фамилий их Авейде не знает. Уездами заведовали также, как и в Царстве Польском, начальники уездов. Вообще сношения революционного правительства с этими губерниями были очень редки, сведения от них скудны и недостаточны. Секретарь Руси, неизвестный по фамилии Мариан, был более именем, чем действующим лицом. После первой неудачной попытки Ружицкого и его сотрудников восстание там продолжать было уже невозможно. Крестьяне и влиятельнейшие помещики были ему противны, а тамошнее городское население почти ничего не значит.

* О лицах, составлявших организацию Литвы, сообщено Постоянному военно-следственному комиссию генерал-полицеймейстеру от 22 минувшего августа за № 3895.

^a Авейде написано вместо зачеркнутого моего.

Кроме сего, Авейде объяснил, что по слухам ему известно, что в сказанных трех юго-западных губерниях России революционное движение началось ранее, чем в Царстве Польском, оно первоначально объявлялось под подготовлением к революции умов молодежи и централизовалось под синонимом Тройницкого, что, однако же, не обозначает никакой фамилии, но происходит от трех провинций: Волыни, Подолии и Украины, которые предполагалось соединить в одно политическое тело. Последствием этого движения образовались три политические партии; первая составлялась из богатых помещиков старого иезуитско-шляхетского направления, имевшая целью удержание в тех провинциях католического полонизма и шляхетства в прежнем его значении; эту партию в насмешку называли мошмродзями, от употребляемого ими в разговорах старинного слова: «мосьци добродзю»; другая — польско-революционная, которая впоследствии организовалась сперва в провинциальный революционный комитет, а потом в Исполнительное отделение Руси революционного правительства, имевшая целью посредством революции достигнуть равноуправления народностей, составлявших прежде Польское государство; и третья — была из русинов и, опираясь единственно на местную народность, не желала соединения с Польшей и стремилась к отдельной самостоятельности Украины, но нисколько не думала ни о каком революционном движении, а ограничивалась лишь сохранением отдельной малороссийской народности и разработкой своего языка. Во главе этой последней партии стоял тамошний уроженец, некто Антонович *^а.

Организация в Галиции

До восстания действовал в Галиции от имени Центрального Революционного комитета так называемый Главный Галицийский совет (Rada Naczelna Galicyjska), пребывающий в Кракове и состоявшийся из пяти членов. Фамилий этих членов Авейде не знает; помнит только одну фамилию Щепанского, студента Краковского университета. Вообще организация, т. е. заговор Центрального Революционного комитета, была распространена в Галиции. Тот же Совет действовал до падения диктатуры Лянгевича; но как Совет сей действовал слабо, то Лянгевич уничтожил его и постановил своих начальников городов в Кракове и Львове, предполагая, что гражданское правление, которое он был намерен образовать и местопребыванием его назначить г. Краков, займется установлением и введением в Галиции необходимых для революции органов, но по кратковременности диктатуры Лянгевича никакие органы в Галиции установлены не были. С падением этой диктатуры, когда по несогласию общественных элементов невозможно было вскоре постановить там какую-нибудь общую революционную власть, Бобровский (бывший начальник г. Варшавы) счел более соответственным тогдашним требованиям революции никакой местной власти в Галиции не учреждать, а дела все вверить комиссарам.

Тогда, в марте 1863 г., он выдал номинации на комиссаров, подтвержденные впоследствии революционным правительством, Северину Эльжановскому — эмигранту, издававшему в Париже еще до восстания польское периодическое издание «Przegląd Rzeczy Polskich», в Западную Галицию и Краков, Яцку Семенскому — помещику Радомской губернии,

* Об организации Руси сообщено от комиссии генерал-полицеймейстеру в отношениях от 22 августа (3^о сентября) и 21 октября (2 ноября) за № 3894 и 4532.

^а В рукописи ошибочно Антонович.

^б В рукописи ошибочно 2.

в Восточную Галицию и г. Львов. Им было поручено посредством их помощников-комиссаров в центральных городах и обводах^а действовать в пользу революции в Царстве Польском соответственно данным им инструкциям. Для водворения же какого-нибудь порядка между скопившимися в Галиции эмигрантами-офицерами Лянгевича и заграничными волонтерами, равно и для надзора за формируемыми там и отправляемыми в Царство Польское отрядами, их потребностями и проч. был тогда же, т. е. в марте, назначен туда как военный комиссар, в качестве директора Военного департамента (для придачи ему большего значения в глазах революционных офицеров) Крушевский, бывший еще до революции 1831 г. генералом кавалерии польского войска и впоследствии генералом бельгийской службы. Секретарем его назначен Владислав Бентковский, известный депутат из герцогства Познанского, бывший прусский артиллерийский офицер, командовавший в 1848 г. батарею под начальством Дембинского. Впоследствии Эльжановский старался образовать комитет, т. е. Исполнительное отделение Западной Галиции, скорее в качестве своих помощников, а не как отдельную, самостоятельную революционную власть. Вскоре, однако же, возникли между ними споры, вследствие которых был отправлен туда из Варшавы Ян Майковский как уполномоченный чрезвычайный комиссар, чтобы окончательно привести в порядок дела в Галиции.

В Восточной Галиции Семенский никак не мог привести к единству разделенное общественное мнение и разные политические оттенки и вел дела сам при помощи комиссаров. Семенскому дана была тогда отставка, в апреле м[есяца] 1863 г., а Майковскому поручено после устройства дел в Кракове занять его место. Майковский действительно по данной ему инструкции покончил коллизии Эльжановского с отделением, определив для каждого из них особые права и атрибуции. Членами отделения были: Ган, Баум, Бэноэ, Галлер и граф Лев Скорупко. Имен первых четверых Авейде не помнит, но говорит, что все они были из Кракова. Комиссаром по-прежнему остался Эльжановский. Во Львове Майковский долго не мог привести к единству разделенные умы, в особенности по оппозиции князя Адама Сапеги и купца Арматыса^б, и едва в июне месяце образовал там Исполнительное отделение. Полного состава этого отделения Авейде не помнит, но между прочим в нем находились: вышепомянутые князь^в Сапега и купец Арматыс, и, как может Авейде себя припомнить, львовский литератор, редактор «Dziennika Literackiego» Добржаньский. Комиссаром при этом отделении был сам Майковский. Помощником его был послан из Варшавы Тит Зенкович (бывший здесь начальником города) и исполнял при Майковском обязанности начальника города Львова. Из тогдашних рапортов Авейде знает, что Зенкович вводил во Львове организацию по образцу городской варшавской. Начальником г. Кракова с июня м[есяца] 1863 г. был Таневский, кажется, подполковник генерального штаба русского войска; до назначения же Таневского исполнял эту обязанность какой-то Александрович, краковский житель. Военная часть, как, например, номинации офицеров до полковничьего ранга, после арестования Крушевского и Бентковского отдана была на ответственность главных начальников: Сигизмунда Йордана, Осипа Высоцкого и Эдмунда

^а *obwód* — округ (польск.), основная административно-территориальная единица в Галиции. ^б В рукописи ошибочно Арматыс. ^в Вписано сверху взамен зачеркнутого графа.

Ружицкого, с обязанностью представлять в Варшаву в Военный департамент только списки тем лицам, которые будут назначены ими. Для успешнейших действий комиссаров по заготовлению всего нужного для снабжения высылаемых отрядов разрешено было им иметь при себе в числе их помощников по одному более образованному в военном отношении офицеру, которые оставлены на их же ответственности. Все военные распоряжения и предписания военные начальники воеводств получали от Военного департамента из Варшавы.

По прошествии месяца снова возникли споры, в особенности в Кракове. К тому неудачные высылки отрядов, отчасти неудовольствия, имевшие связь с варшавскими июньскими переворотами, отчасти по поводу скопления разного рода людей, авантюристов и просто негодяев и в Кракове, и во всей вообще Галиции, возбудили всеобщий ропот противу комиссара и краковского Исполнительного отделения. Это заставило снова выслать из Варшавы комиссара Осипа Грабовского, инженера (он служил в Варшаве во Французской компании железных дорог и потом ему были поручены все проекты дороги на Люблин, проектированной еще до восстания, и притом он был членом Варшавского городского совета). Грабовскому дана была общая инструкция привести краковские и львовские дела в порядок, удалить Эльжановского и самому занять его место, возвысить власть комиссаров и поставить от них в зависимости Исполнительные отделения. Притом дана была ему власть удалить по его усмотрению каждого из членов отделений. Грабовский во Львове не переменял ни в чем состава тамошних властей и оставил все по-прежнему.

В Кракове удалил Эльжановского, более потому, что недовольные слишком язвили его имя, и двух членов отделения: графа Скорупку и еще другого, фамилии которого Авейде не помнит; на их же место призвал быть членами депутата из галицийского сейма Рогавского, по имени ему, Авейде, не известного, и какого-то молодого человека Жулинского, кончившего курс наук в Пражском университете, которого имени Авейде также не знает. Скорупка же тогда получил номинацию на дипломатического агента в Вене.

В таком состоянии были дела в Галиции и такой состав главнейших лиц. Организация в полном смысле, т. е. вся административная машина по обводам и городам, равно как революционные трибуналы, стали образовываться в Галиции в конце июня м[еся]ца 1863 г. Притом, как князь Сапега стал членом львовского Исполнительного отделения и как ход революции, т. е. продолжительность ее, привели к большему единству, разделение умов и общественных слоев в Галиции, становится (по выражению Авейде) непонятным.

Главными недовольными в среде краковских революционеров были: Хмелинский, бывший военный начальник Краковского воеводства Куровский, какой-то Трояцкий и ксендз варшавских миссионеров св. креста, эмигрант еще со времен манифестаций, потом бывший капеляном у Валигурского и Лянговича, Каминский*.

Организация в Познани и вообще в Пруссии

До восстания организация в этой области была весьма мало развита. Никакой провинциальной власти установлено не было, были только ко-

* Об организации в Галиции сообщено от комиссии генерал-полицеймейстеру в отношении от 22 августа (3 сентября) сего года № 3894.

миссары: в Познани, т. е. по целой провинции, Лукашевский, по имени ему, Авейде, не известный, а в Западной Пруссии Демонтович, бывший, как припоминает Авейде, в 1862 г. бухгалтером или приказчиком в каком-то торговом доме в Ковне. Кроме их, были только отдельные сотни, округа, кое-где начальник города, и вообще заговор там не имел никакого значения. Помещик Иновроцлавского уезда деревни Париж Гуттри в декабре м[еся]це 1862 г. входил в сношение с революционным Центральным варшавским комитетом от имени некоторой части помещиков и других лиц в Познани, но согласие не состоялось. Лянгевич выдал номинацию на комиссара какому-то графу Лубенскому и полномочие учредить комитет в Познани. Эта номинация после падения диктатуры Лянгевича была признана Бобровским и впоследствии утверждена революционным правительством. Тогда, в конце марта, образовался Великопольский Революционный комитет. Членами его, кроме Лубенского, были: граф Дзялынский, Александр Гуттри, помещик Свинарский (как кажется) и еще двое, фамилий которых Авейде не помнит. Главным лицом был Гуттри, к нему более, чем к другим, имело доверие революционное правительство. Этот комитет быстро начал устраивать народную организацию во всех польско-прусских владениях. Вскоре, однако же, кажется, в конце апреля, последовало открытие прусскими властями познанской организации вследствие бумаг, найденных у Дзялынского, и тем был нанесен решительный удар, который низвел только что образованную с такими усилиями организацию до одиночных деятелей. Комиссар Лубенский, еще тогда не арестованный, старался образовать новую организацию, но не мог уже ничего сделать и должен был вести дела сам, при помощи помощников-комиссаров и то почти исключительно в уездах, смежных с Царством Польским. Даже сношения Лубенского с революционным правительством, несмотря на близость и удобство, прервались совершенно, так что в продолжении целого месяца революционное правительство не имело никаких от него сведений об участии познанской организации. Великопольский комитет выдал Лукашевскому номинацию на комиссара Западной Пруссии и Рэру, из конторы Маковский А. С[отрапие]^а в Данциге, на комиссара Восточной Пруссии.

При открытии бумаг у Дзялынского Рэр тоже был арестован. Лубенский на комиссара в Кенигсберг назначил литератора из Познани Казимира Шульца. Комиссар в Восточной Пруссии был назначен с целью помогать восстанию в Августовской губернии, а также в некоторых восточных уездах Плоцкой и в Ковенской губернии; но с арестованием весьма способного к этой должности Рэра кенигсбергские комиссары до самого выезда Авейде из Варшавы никогда не приносили значительной помощи восстанию.

Когда по поводу арестования первой познанской организации прервались почти всякие сношения Лубенского с революционным правительством, в то время, и именно в конце мая или в начале июня 1863 г., послан был на ревизию организация во всех польско-прусских владениях комиссар Мазовецкого воеводства Станислав Франковский. После его возвращения, впоследствии рапорта его о плачевном положении дел в Познани, дана отставка Лубенскому и Шульцу, на место первого был назначен Станислав Франковский и отправлен в Познань как уполномоченный комиссар с инструкцією и поручением образовать Исполнительное отделение, за-

^а Акционерное общество (франц.).

вести вновь организацию и то, что будет сделано, представить на утверждение революционного правления, а на место другого, т. е. Шульда, доктор Петр Држевецкий. В таком положении были дела революционной организации в Познани до выезда Авейде из Варшавы. На место же Франковского комиссаром Мазовецкого воеводства назначен был тогда, т. е. в июле м[еся]це, один из помощников его, Евгений **Кеслер**, бывший до восстания чиновником варшавской Комиссии финансов*.

Заграничные деятели революции

До восстания, агентом Центрального Революционного комитета был в Париже Цверцякевич, в Молдавии Сигизмунд Милковский. С восстания Цверцякевич был агентом в Лондоне, Орденга,— эмигрант, вышедший за границу еще после 1831 г.,— в Париже, а Милковский остался на своем месте; ему же еще до восстания дано было поручение образовать в Молдавии сильный двухтысячный отряд из эмигрантов и с весною перейти в пределы Подольской губернии. В апреле м[еся]це Цверцякевич и Орденга были удалены, а на их место назначен в Париж и Лондон князь Владислав Чарторыйский. С этого времени были назначены дипломатическими агентами: в Риме граф Владислав Кульчицкий, папский камергер, родом из Познани; в Стокгольме князь Константин Чарторыйский, а некоторое время исполнял эту должность секретарь Владислава Чарторыйского эмигрант Қалинка; в Константинополе Владислав Иордан, тоже эмигрант, турецкий полковник, брат того Иордана, о котором упомянуто выше как о революционном начальнике в Галиции, в Бухаресте какой-то юрист доктор Глюк; в Вене граф Лев Скорупко, о котором было уже говорено выше. Главным уполномоченным агентом был князь Владислав Чарторыйский. Все эти назначения последовали окончательно в исходе июня м[еся]ца. Впоследствии посылаемы были агентам секретари как помощники, ознакомляющие их с настоящим положением края и революции, и как лица, пользующиеся доверием революционного правительства, в некотором роде революционные тайные стражи самих агентов. Кто был такими секретарями, Авейде не знает, потому что они были назначаемы в июле м[еся]це, незадолго до выезда его из Варшавы. Помнит только, что секретарем в Стокгольме был назначен Оскольский, молодой юрист, кончивший курс в Москве, и окончивший образование в Париже. Имени и места его жительства Авейде не знает. Секретарем в Вену был назначен бывший член революционного правительства и директор Департамента прессы Агатон Гиллер. Другие секретари еще назначены не были.

Комиссия оружия (komisja broni) в Льеже, в Бельгии

Она была установлена в мае 1863 г., после расстройств организации познанской, для деятельнейшего приготовления военных запасов, покупки оружия и проч. и состояла в зависимости от варшавского Военного департамента. Ее составляли бывший капитан артиллерии польского дореволюционного 1831 г. войска Годабский, граф Дзялынский, Гуттри (он тоже бывший офицер), Свинарский (трое последних уже известны как бывшие члены Великопольского комитета) и один из помощников бывшего начальника г. Варшавы Бобровского, директор судоходной компании на Висле графа Андрея Замойского, Лев Круликовский, который до времени исполнял обязанности комиссара в этой комиссии. Президентом комиссии был

* Об организации в Познани сообщено от комиссии генерал-полицеймейстеру в отношении от 22 августа (3 сентября) № 3894.

Годебский, главно- и более деятельным лицом — Гуттри. От этой комиссии с июня месяца зависели все занимавшиеся покупкою и отправлением в пределы Царства Польского оружия и прочих военных припасов как поляки, так и иностранцы, за исключением венских и галицийских агентов, главным поставщиком был какой-то фабрикант в Льеже, фамилии которого Авейде не помнит.

Агентами по покупке оружия были в Вене и Галиции варшавский купец Осип Квятковский и Осип Петрашкевич, служивший до восстания в судходной компании по Висле и, кажется, мелкопоместный арендатор в Равском уезде. Оба они были в непосредственной зависимости от краковского комиссара и от Военного департамента в Варшаве и оба они были весьма деятельны.

Фамилий других агентов по заготовлению оружия, разбросанных по Европе, в особенности во Франции, Бельгии и Пруссии, Авейде не помнит, потому что они зависели не от революционного правительства, а от Комиссии оружия или от галицийско-венских агентов*.

Центральный Польский комитет в Париже

Этот комитет был установлен в мае м[еся]це 1863 г. без всякого политического значения с тем, чтобы, с одной стороны, помогать Чарторыжскому в его действиях внутри организации, т. е. относительно влияния на французскую и вообще на заграничную прессу, с другой стороны, вербовать и отправлять в Царство Польское волонтеров, покупать оружие и прочие военные запасы по указаниям и в зависимости комиссии в Льеже, а самое главное, чтобы ввести хотя какой-нибудь порядок в собираемых в пользу восстания денежных пожертвованиях и быть их центральной кассой. От этого-то комитета должны были зависеть все комитеты пожертвований в Европе. Установление его было необходимо потому, что люди кричали громко об огромных суммах, жертвуемых в пользу восстания, тогда как в сущности революционное правительство получило весьма малые, далеко не соответствующие крикам деньги. Состав комитета известен из публичных объявлений, и потому Авейде его не приводит, тем более, что забыл фамилии многих членов: все они были эмигранты.

Комиссия погашения долгов в Париже

Установлена в одно время с постановлением так называемого народного займа в 21 миллион злотых. Ее составляли: князь Владислав Чарторыжский, Орденга и доктор Галэнзовский, директор польской школы в Париже (в Батиньоль). Это было в конце июля 1863 г.

В заключение Авейде объяснил, что в 1862 г. существовал в Варшаве русский революционный военный комитет, составлявшийся преимущественно из офицеров русской службы, польских уроженцев, а отчасти и русских. Действия этого комитета ему не известны и он не только не имел никаких сношений с составлявшими его офицерами, но даже никого из них лично не знает; о существовании же этого комитета слышал от бывших членов революционного правления капитана артиллерии Падлевского (начальствовал впоследствии над шайкою мятежников, захвачен нашими войсками и в прошедшем 1863 г. казнен смертью) и Бронислава Шварца (по приговору полевого военного суда в том же 1863 г. сослан в каторжную работу), которые говорили ему, что председателем этого комитета был

.....
* О Комиссии оружия сообщено генерал-полицеймейстеру в отношении от 22 августа (3 сентября) № 3894.

штабс-капитан артиллерии Ярослав Домбровский (еще в 1862 г. по политическому делу предан военному суду и по настоящее время еще содержится под арестом в Александровской цитадели), что этот комитет имел две особые печати, из которых на одной было вырезано изображение двух соединенных рук с надписью: «Земля и воля», а на другой надпись: «Русский военный комитет в Варшаве» и что к этому комитету принадлежали: капитан драгунского полка Гейденрейх (он впоследствии начальствовал над шайкою мятежников под псевдонимом Крука и успел бежать за границу), адъютант бывшего виленского генерал-губернатора генерал-адъютанта Назимова Зверждовский, поручик Шлиссельбургского пехотного полка Потегня (бежал за границу) и, сколько может Авейде припомнить, кажется, штабс-капитан Варавский. Впоследствии Авейде слышал от литератора Вацлава Пржибыльского^{1*}, который был в то время революционным начальником г. Варшавы, что Варавский содержался под арестом при варшавском ордонансгаузе и что революционеры, видя в нем весьма способного офицера, были намерены похитить его из-под ареста и поручить ему начальствование над шайкою мятежников; но это им не удалось^{2*}.

Наконец, Авейде открыл, что революционное правительство собиралось на совещания сперва в его квартире, в доме ордината ЗамоЙского, где хранились и бумаги, на Жабей улице, потом у Рупрехта^{3*}, в редакции «Польской газеты», на Данилевичевской улице, в квартире профессора Сивинского^{4*}, на Вейской улице, в доме Августа ЗамоЙского, у меценаса Петра Кобылянского^{5*} на Св. Юрской улице и в квартире доктора Барановского^{6*}, на Медовой улице, но что Барановский ни к чему сам не принадлежал, при собраниях революционного правительства не присутствовал, и собрания эти устраивал во время отсутствия Барановского из квартиры знакомый и друг его Карл Рупрехт.

Этим Авейде окончил свои показания.

Из указанных Авейдою лиц, принимавших участие в революционных действиях в Варшаве и в Царстве Польском, Сигизмунд Падлевский, помещик Богданович¹, Рафаил Краевский, Юзеф Точиский, Осип Петровский казнены смертию; Павел Ляндовский казнен политически; Владимир Лем[п]ке отравился; Франц Годлевский, Стефан Бобровский и поручик Потегня убиты; Витольд Марчевский, Бронислав Шварц, Гервазий Гзовский, Владислав Богуславский, Франц Розманит, Евстафий Грабовский и Эдуард Прондзынский сосланы по суду в Сибирь; Карл Маевский, Стослав Лагуна, Генрих Воль, Людвик Краков высланы в Империю; Артур Авейде состоит под судом в Пруссии; Петр Кобылянский, Генрих Бонковский, Генрих Краевский, Витольд Мошинский, Александр Павловский, Мацей Пенёнжек, Игнатий Косинский, Адам Маевский, Игнатий Барановский задержаны и состоят под арестом в следственном замке; штабс-капитан Ярослав Домбровский был предан военному суду и находится под арестом в Александровской цитадели, штабс-капитан Варавский содержится под арестом при варшавском ордонансгаузе, а Агатон Гиллер, студент Александр Бернавский, студент Даниловский, Фома Винницкий,

^{1*} Бежал. ^{2*} О лицах, составлявших русский военный революционный к[омитет] в Варшаве, сообщено комиссиею начальнику штаба войск Варшавского военного округа и генерал-полицеймейстеру в отношениях от 21 октября (2 ноября) № 4531 и 4532.
^{3*} Бежал ^{4*} Бежал. ^{5*} и ^{6*} Арестованы.

¹ См. прим. 4 к стр. 115.

Ян Верницкий, Осип Наржимский, Ксендз Микошевский, Ян Майковский, Осип Яновский, Карл Рупрехт, Эдуард Сивинский, Владислав Големберский, Осип Грабовский, Владимир Милевич, Евгений Качковский, Яков Козелл, капитан генерального штаба Галэнзовский, Ян Банземер, Дионизий Скаржинский, Виктор Зоммер, Леопольд Вагнер, Вацлав Пржибыльский, Станислав Ольшанский, Фома Буржинский¹, Юлиан Уминский, литератор Генель¹, Людвик Свентковский, Станислав Франковский, Евгений Кеслер, Владимир Александрович, Казимир Грегорович, Скотницкий, Войцех Бехоньский, Збигнев Хондзынский, Цыриак Аккорд, Тит Зенкович, Нестор Дюлёран и капитан Гейденрейх были по сношениям комиссии с генерал- и оберполицеймейстерами розыскиваемы в Варшаве и в Царстве Польском, но не отысканы и, вероятно, бежали за границу; Владислав же Маевский, Бронислав Дескур, помещик Хвалибог и адъютант Зверждовский² еще разыскиваются.

По произведенному военно-следственной комиссией исследованию об арестованных по указанию Авейде лицах, как-то: о Петре Кобылянском, Генрихе Бонковском, Генрихе Краевском, Адаме Маевском, Игнати Барановском, Витольде Мошинском, Александре Павловском, Мацее Пенёнжке и Игнати Косинском оказалось:

Генрих Бонковский, Адам Маевский и Мацей Пенёнжек после продолжительных колебаний, по убеждениям комиссии с чистосердечным раскаянием сознались.

Первый, Бонковский, 30 лет, холост, дворянин, окончивший курс наук в С.-Петербургском императорском университете по юридическому факультету, со степенью кандидата, а ныне состоящий по службе в Правительственной комиссии просвещения в должности референта, что действительно был несколько дней членом революционного правления вместе с Петром Кобылянским и Оскаром Авейде, что принял эту обязанность без всякого желанья, по требованию революционеров, из опасения их преследования в случае отказа, был только один раз на заседании этого правления в квартире Кобылянского и, не желая оставаться далее членом, потому что вовсе не разделял идей революционеров и хотел быть верным законному правительству, притворился больным и сам отказался от этой обязанности. Это подтвердил и Авейде.

Второй, Маевский, 26 лет, женат, дворянин, окончивший курс наук в С.-Петербургском императорском университете по юридическому факультету, со степенью кандидата, а ныне состоящий по службе в должности ассессора в суде исправительной полиции Влоцлавского отделения в с. Бресте Куявском, что действительно с конца марта до половины июля 1863 г., т. е. в продолжение трех с половиной месяцев, был революционным комиссаром Люблинского воеводства, что обязанность эту принял по убеждениям Оскара Авейде, побуждаемый революционным духом всего общества, что номинацию на комиссара получил от того же Авейде и что по исполнению этой обязанности был в сношениях с революционным правлением чрез посредство Оскара Авейде и Стослава Лагуны^{1*}, с революционным начальником Люблинского ведомства патроном Люблинского гражданского трибунала Казимиром Грегоровичем^{2*} с женой владельца

1* На жительстве в России. 2* Бежал.

¹ См. прим. 2 и 3 к стр. 127.

² Людвик Звездовский был казнен в Опатове 11(23) февраля 1864 г.

имения Старостин Люблинского уезда Эмилию Цешковскою^{1*}, муж которой предводительствовал над шайкою мятежников под псевдонимом Цвека. В доме Цешковской собирались все революционеры, у нее также был центральный пункт для пересылки, получения и отправления всех революционных корреспонденций, сношений с революционным правлением чрез посредство не известных ему женщин, которых называли курьерками, и с провинциальными революционерами, и у нее же складывались разные запасы для мятежников. При этом Маевский объяснял, что революционным начальником Люблинского уезда был ксендз Билинский^{2*}.

Хотя революционное правление в июле м[еся]це 1863 г. прислало в имение Старостин печатное распоряжение об учреждении в Люблине и уездных городах Люблинской губернии революционных трибуналов, но таковые учреждены там не были по недостатку ясных инструкций и по нежеланию люблинских революционеров. Революционным организатором Люблинского воеводства был некто Туркетти^{3*}. В половине июля 1863 г. революционный военный начальник Люблинского воеводства, известный Крук (капитан Гейденрейх), объявил ему, Маевскому, чрез одного из своих офицеров, фамилии которого Маевский не знает, что он отставляется от обязанности комиссара, что должность комиссара уничтожается, а власть и обязанности его переходят к военным мятежническим властям. Передав в то время этому офицеру по его требованию свою печать революционного комиссара, Маевский с того времени перестал исполнять эту обязанность и до августа м[еся]ца оставался спокоен, проживая в деревне Чехувце у своего тестя Павловского и уже не принадлежа ни к чему; но 2 августа был арестован по подозрению в том, что принимал участие в вооруженном восстании, содержался под арестом в Люблине до 1 ноября и, наконец, по обследованию, освобожден, вновь приведен к верноподданнической присяге и, получив место ассессора суда исправительной полиции Влоцлавского отделения в г. Бресте-Куявском, женился, занялся службою и более уже не принимал участия в происках революционеров.

По такому показанию Маевского комиссия просила генерал-полицеймейстера в Царстве Польском о разыскании и арестовании помещика Цешковского с женою и ксендза Билинского, но генерал-полицеймейстер уведомил, что ксендз Билинский и Цешковские бежали за границу, что Цешковская вызывалась, но не возвратилась, и поэтому движимое имущество ее продано.

И третий, сапожник Мацей Пенёнжек, 47 лет, женатый, имеет семеро детей, из которых шестеро малолетних, учился в элементарной школе. Он объяснил, что действительно летом прошлого, 1863 г., но времени с точностью определить не может, он по наговору Оскара Авейде^a, объявившего ему, что он по приказанию революционного правления назначен членом революционного трибунала, боясь послушаться этого приказания^a, принял на себя обязанность такого члена трибунала, не понимая хорошо, в чем таковая будет заключаться, и бывал на заседаниях этого трибунала вместе с патронами Варшавского гражданского трибунала Витольдом

.....
^{1*} Бежал[а]. ^{2*} Бежал. ^{3*} Был арестован в г. Велюне, но успел бежать из-под ареста за границу.

^{a-a} Написано на полях и введено в текст знаком F.

Мошинским^{1*} и Александром Павловским^{2*}, причем один раз присутствовало и четвертое лицо, как кажется ему, Игнатий Косинский^{3*}; но так как он видел это лицо один только раз, то утвердительно сказать, действительно ли это был Косинский, не может, хотя по предъявлении ему лично Косинского находит в нем большое с тою личностью сходство. Заседания трибунала были в квартирах Витольда Мошинского, на Подвальной улице, в доме, где греческая (ныне православная) церковь, Александра Павловского, на Медовой улице в доме рядом с домом, в котором помещается апелляционный суд, и в неизвестно кому принадлежавшей квартире, на Долгой улице, в доме Комиссии юстиции. Каждый раз, когда назначались заседания трибунала, он был извещаем о том чрез Александра Павловского, который предварял его притом, где именно будет собрание трибунала. Каждый раз было предлагаемо по несколько фамилий для обсуждения, но никто осужден не был по недостатку доказательств. Все члены трибунала весьма внимательно и осторожно рассматривали и взвешивали обвинения и доказательства и весьма дорожили жизнью обвиняемых. На третьем собрании трибунала Мошинский, рассматривая некоторые обвинения, ясно и решительно сказал: «Те, которые назначили нас в обязанности членов трибунала, вероятно, предполагали, что мы будем послушны каждому их желанию, осуждая людей по их усмотрению; они очень обманулись, нельзя легкомысленно смотреть на жизнь человека». (Ci którzy wyznaczając nas na członków Trybunału, zapewnie sądzili, że będziemy ulegli każdemu ich życzeniu, osądzając ludzi według ich widzimisie, a tym czasem bardzo się zawiedli na tym, bo nie można lekceważyć życiem ludzkim). Ни одной фамилии из числа лиц, предлагавшихся на суждение трибунала, Пенёнжек не назвал и уверяет, что по давности времени их не помнит. Членом трибунала он был месяц времени, а быть может несколько более; но определить число, когда именно поступил в трибунал и когда действия их сами собою прекратились, он не может и уверять, что не помнит, а говорит, что трибунал перестал собираться от времени последовавших в прошлом 1863 г. многочисленных арестов, когда в числе прочих был арестован один из членов трибунала, но, кто именно, он не знает, и от того времени действия трибунала сами собою прекратились^{4*}. Далее, Пенёнжек объяснил, что ни номинации при поступлении на члена трибунала, ни увольнения от этой обязанности он не получал, и никто ему не говорил, что он от сего уволен, а только никто уже не призывал его на заседания трибунала. Были ль по устранении его из трибунала назначены в него другие члены, кто именно и продолжалось ли после сего существование этого трибунала, а также исполнял ли он свое назначение, Пенёнжек отозвался совершенным незнанием и уверяет, что ничего ни от кого о том не слышал. Обязанностию трибунала было не непременно назначение одной смертной казни, т. е. убийств, но также осуждение людей вредных или опасных для революции на изгнание из края; причем он твердо уверяет, что во время участия его в трибунале никто им осужден не был не только на смерть, но даже на изгнание. Никакого приказа революцион-

1*, 2*, 3* — Арестованы. 4* Александр Павловский был арестован два раза: первый раз 20 сентября 1863 г. и по недостатку доказательства освобожден и второй раз 25 марта 1864 г. и по подозрению сослан на жительство в Империю; а Витольд Мошинский был арестован 8 ноября 1863 г. и по подозрению также выслан на жительство в Империю. Оба они по докладу сей комиссии с разрешения в. с. возвращены в Варшаву к настоящему делу.

ного правления судить кого-либо из лиц, составляющих русскую военную власть в Варшаве, как например: генерал-полицеймейстера генерал-майора Трепова, полковника Любушина, майора Роткирха, чиновников Краевского и Домбровского, председателей и членов следственных комиссий и комиссара Дроздовича, по уверениям Пенёнжжа, они не имели и никого из этих лиц не судили. Фамилия полицейского комиссара Дроздовича хорошо ему известна по слуху, однако же, он не припоминает, чтобы было велено трибуналу судить его (следует смотреть выше показание Авейде о трибунале); разве может быть, что это имело место тогда, когда он не присутствовал в трибунале. Кем были осуждены на смерть несчастные жертвы, убитые революционерами в прошедшем 1863 г., Пенёнжек уверяет, что не знает и что ему вовсе неизвестно, кто вносил в трибунал обвинения; он говорит, что об этом должно быть известно прочим членам трибунала, но что они ему о том не сообщали, вероятно, из осторожности и, быть может, признавали это излишним, видя в нем простого человека. Были ль и кто именно назначаемы защитниками обвиняемых при суждении их в трибунале, Пенёнжек отзывается незнанием, и говорит, что, кроме троих вышепоименованных членов, никого более он не видал на заседаниях трибунала.

Витольд Мошинский, 33 лет, холост, дворянин, кончивший курс наук в С.-Петербургском императорском университете по юридическому факультету, со степенью кандидата, а впоследствии бывший патроном Варшавского гражданского трибунала;

Александр Павловский, 37 лет, холост, дворянин, кончивший курс наук в Московском университете по юридическому факультету, со степенью действительного студента, а впоследствии бывший патроном Варшавского трибунала;

Игнатий Косинский, 36 лет, холост, дворянин, кончивший курс наук в Московском университете по юридическому факультету, со степенью действительного студента, а ныне состоящий на службе в должности ассессора Варшавского уголовного суда;

^a Генрих Краевский, 39 лет, женатый, бездетный, дворянин, кончил курс наук в Московском университете по юридическому факультету, со степенью кандидата, в 1850 г. за политическое преступление был сослан в Сибирь в каторжную работу, а в 1860 г. возвращенный по всемиростивейшему прощению, а ныне состоящий на службе в должности адъюнкта в Кредитном обществе ^a

и Петр Кобылянский, 41 года, дворянин, холост, окончил курс наук в С.-Петербургском университете со степенью кандидата по юридическому факультету впоследствии служивший в С.-Петербурге секретарем 1-го департамента Правительствующего сената, а ныне надворный советник и меценас при здешних департаментах Сената:

Все пятеро ^b, несмотря на всевозможные убеждения со стороны Комиссии в отнесенных к ним обвинениях, а именно, что Мошинский был председателем революционного трибунала, Павловский — членом и Косинский — прокуратором этого трибунала, а ^в Краевский — директором Департамента иностранных дел революционного правления и ^в Кобылянский — членом этого правления, не сознались. Как опытные юристы, они, понимая

^a—^a Написано на полях и введено в текст знаком х.

^b пятеро написано вместо зачеркнутого четверо, будучи опытными юристами,

^в—^в Написано на полях и введено в текст знаком х.

всю важность своих обвинений и меру ответственности за сие по законам, упорно стремятся затмить истину. За всем тем, однако же, Мошинский, Павловский и Кобылянский юридически изобличаются очными ставками.

Мошинского в глаза уличали: Оскар Авейде, что в конце июня 1863 г. сам призвал его быть председателем революционного трибунала, что номинация на эту обязанность, приготовленная на его имя революционным правлением, которого Авейде был тогда членом, была вручена для передачи ему, Мошинскому, бывшему тогда революционным начальником г. Варшава Вацлаву Пржибыльскому и что, исполняя обязанности председателя этого трибунала, Мошинский по поручению революционного правления между прочим производил революционные следствия над помещиком Осипом Наржимским, который вместе с другими красными революционерами был намерен самопроизвольно сменить членов революционного правления, и над революционным комиссаром Литвы Дюлёраном, который был обвинен в том, что, будучи недоволен революционным правлением, будто бы хотел совершенно отделить Литовскую революционную организацию и заведывавшее ею отделение от власти революционного правления, что, впрочем, по следствию не подтвердилось; а Мацей Пенёнжек, что вместе с ним, Мошинским, а также с Павловским и Косинским заседал в революционном трибунале и что трибунал этот собирался в квартирах: его, Мошинского, и Павловского.

Павловского тоже уличал в глаза Пенёнжек, что Павловский извещал его о времени и месте собраний революционного трибунала и что вместе с ним, а также с Мошинским и Косинским участвовал в этих собраниях, которые бывали и в квартире Павловского. Авейде же не мог ничего сказать Павловскому, потому что не имел с ним лично никаких сношений; но говорит, что знает наверно, что Павловский был членом революционного трибунала, потому что на его имя была приготовлена номинация от революционного правления на обязанность члена этого трибунала.

Кобылянского в глаза уличали Авейде и Генрих Бонковский, что Кобылянский был вместе с ними членом революционного правления в июне м[еся]це 1863 г.; при этом Авейде высказал ему, что он, Кобылянский, редаговал декрет революционного правления, выданный от 2 июня 1863 г. о учреждении в Варшаве и на провинциях революционных трибуналов, декрет этот напечатан в № 141 газеты «Дневник Познанский» от 24 июня 1863 г.; что у Кобылянского хранилась печать революционного правления, что Кобылянский впоследствии был юрисконсультom при революционном начальнике г. Варшавы Вацлаве Пржибыльском и что он, бывши членом революционного правления, редаговал и опубликовал посредством революционной прессы воззвание от революционного правления к полякам, призывающее к выдержке в восстании, к вере в хороший исход его и требующее, чтобы каждый запасался оружием; воззвание сие напечатано в № 126 краковской газеты «Час» от 6 июня 1863 г. Это последнее обстоятельство, т. е. то, что Кобылянский редаговал вышеприведенное воззвание, высказал также ему в глаза и Генрих Бонковский. При этом Кобылянский, все еще не сознаваясь, что был членом революционного правления, объяснил, что мог читать при Авейде и Бонковском приведенные выше декрет о трибуналах и воззвание и даже поправлять слог этих бумаг, но что сам их не составлял и не редаговал. Он также при этом сознался, что имел сношения с членом революционного правления Карлом Рупрехтом и его сообщниками, собиравшимися в доме на Вейской улице (в квартире Си-

винского), и что знал о революционных их действиях как членов революционного правления.

Кроме сего, бывший начальником варшавских революционных жандармов Павел Ляндовский (казнен политической смертью) и чиновник Главного архива литератор Леопольд Губерт (сослан на жительство в Империю) еще прежде на допросах в сей комиссии также объяснили, что этот Петр Кобылянский был членом революционного правления и, имея большое влияние на главнейших революционеров, в сентябрь м[еся]це 1863 г. изменил состав революционного правления, устранив прежних членов оногo, вместо которых назначил лиц, принадлежавших к партии крайних красных, как например: Осипа Наржимского, Франца Добровольского, Станислава Франковского и Юзефа Пётровского. Наконец, секретарь X департамента здешнего Сената Франц Добровольский (выслан на жительство в Империю) показал, что в начале октября 1863 г. Кобылянский наговаривал его присоединиться к мятежнической организации, но будто бы он от сего отказался.

К изобличению Краевского и Косинского нет возможности собрать достаточных фактов, хотя Авейде говорит, что он имеет нравственное убеждение, что Краевский был директором Департамента иностранных дел революционного правления, потому что слышал об этом от члена революционного правления, бывшего профессора Владислава Големберского * и знает, что во время исправления Краевским должности директора такого департамента, он вел заграничную переписку с Чарторыским и Орденгоу от революционного правления о организации Парижского революционного комитета и о назначении представленных Чарторыским революционных польских дипломатических агентов, Глюка в Молдавию, Владислава Замойского в Лондон и Константина Чарторыского в Стокгольм, что Косинский был прокуратором революционного трибунала, потому что во время бытности его, Авейде, членом революционного правления была изготовлена номинация от этого правления на имя Косинского в должность прокуратора сказанного трибунала, но так как он ни с Краевским, ни с Косинским не имел никаких личных сношений, то ни в чем уличить их в глаза не может. Мацей Пенёнжек по предъявлении ему Косинского также объяснил, что хотя Косинский весьма похож на то лицо, которое он видел на заседании революционного трибунала, но действительно ли это лицо и Косинский есть то же, утверждать с полным убеждением не может, потому что видел это лицо в трибунале только один раз и обвинять кого-либо в столь важном преступлении без полнейшего своего убеждения в истине не может. Поэтому между Авейдою, Краевским и Косинским, а также между Косинским и Пенёнжком нельзя было дать очных ставок, а других данных к изобличению их при их запирательстве по делу не представляется.

Для удостоверения, какие именно политические убийства были в Варшаве со времени учреждения здесь революционного трибунала, т. е. с июня 1863 г., по время прекращения действий оногo, предполагая сие, по смыслу ответов Мацея Пенёнжжа, с днем арестования Александра Павловского, т. е. с 26 сентября старого стиля 1863 г., дабы хотя приблизительно судить, какие злодеяния могли быть совершены по решениям этого трибунала, комиссия требовала о том подробных сведений от варшавского оберпо-

* Бежал.

лициймейстера, который в двух отношениях от 19 (31) августа и 24 августа (5 сентября) за № № 3395 и 3402 уведомил, что в это время совершены в Варшаве следующие политические убийства:

1) 30 июня (12 июля) 1863 г. ранен кинжалом в правый бок и в руку начальник полицейского ревира Генрих Градовский,

2) 5(17) августа ранен комиссар 1-го циркула варшавской полиции Дроздович,

3) 12(24) августа убит кинжалом чиновник Казимир Скворонский,

4) 27 июля (8 августа) убиты кинжалами домовладелец Константин Вихерт, сестра его Анна Вихерт и служанка Юлиана Ковалевская,

5) 4 июля убит кинжалом бывший чиновник Фома Ратайский,

6) 24 июля убит кинжалом начальник полицейского ревира Бялый,

7) 26 июля (7 августа) найдено тело убитого кинжалом судебного защитника Ивана Словинского,

8) 15(27) августа убит кинжалом чиновник Осип Краевский,

9) 25 августа (6 сентября) убит кинжалом начальник полицейского ревира Станислав Бляу,

10) 31 августа заколот кинжалом апликант Осип Босакевич,

11) 23 августа убит слесарь при С.-Петербургской железной дороге Эрнест Беллер,

12) 24 августа (5 сентября) ранен кинжалом доктор лейб-гвардии Литовского полка Мессершмидт,

13) 31 августа ранен кинжалом чиновник Август Рыхтер,

14) 7(19) сентября было покушение из дома Замойских противу вашего сиятельства,

15) 11(23) сентября убит кинжалом полковник 10-го округа внутренней стражи Любушин,

16) 2(14) сентября убит кинжалом чиновник Александр Барановский и ранены его жена и дочь.

Независимо от сего комиссия просила генерал-полициймейстера выслать в оную номера революционного органа «Рух» с июня по октябрь 1863 г., в том предположении, не окажется ли в них напечатанными декретов революционного трибунала, определяющих кару смерти; но таких номеров «Руха» при делах управления генерал-полициймейстера не оказалось.

25 августа революционное правление выдало от себя декрет, изъе­лющий из-под покровительства законов все следственные комиссии, военные суды, жандармов, военных начальников в губерниях, округах и уездах и их гражданских помощников, и всю варшавскую исполнительную полицию, поручив исполнение этого приговора мятежническим военным и гражданским властям. Декрет этот напечатан в особо выпущенном революционном листке и в краковской газете «Час».

Доктор Игнатий Барановский, 32 лет, женатый, дворянин, но герольд­нею не утвержденный, кончил курс наук в Дерптском университете по медицинскому факультету, со степенью доктора медицины. Отвечал, что хотя был хорошо знаком с литератором Карлом Рупрехтом, но о том, чтобы он был членом революционного правления и чтобы таковое собира­лось в его отсутствие или при нем в его квартире, ничего не знал, Рупрехту этого не позволял, сам ни к чему политическому не принадлежал, в собра­ниях революционного правления не участвовал, при таковых не присутст­вовал, от Рупрехта ничего о том не слышал и других членов революцион-

ного правления, как-то: Гиллера, Майковского, Яновского, Бонковского, Кобылянского и Пржибыльского вовсе не знает; Оскара же Авейде видел в 1862 г. в Гейдельберге и в начале 1863 г. Авейде как знакомый заходил к нему один раз в Варшаве; но политических отношений никаких к нему не имел. Это подтвердил и Авейде, удостоверяя, что Барановский ни к чему политическому не принадлежал и разве только мог догадываться, что Рупрехт приходил с своими товарищами в его отсутствие в квартиру его для тайных совещаний, но для каких именно, вероятно, Барановскому не было известно¹.

Судья Варшавского гражданского трибунала Стослав Лагуна и бывший студент Варшавской медико-хирургической академии Карл Маевский по подозрению их в принадлежности к партии революционеров впоследствии доклада сей комиссии вашему сиятельству от 11(23) апреля сего года высланы на жительство в Империю. Поэтому комиссия по разрешению вашего сиятельства, последовавшему на докладе комиссии 5(17) сентября сего года, постановив по отнесенным к ним Авейдою обвинениям, что Лагуна был директором Департамента внутренних дел революционного правления, а Маевский членом этого правления, допросить их на местах высылки, составила соответственные этим обвинениям вопросы для них пункты и препроводила таковые при отношении от 11(23) сентября за № 4092 к генерал-полицеймейстеру Царства Польского с тем, чтобы он отправил эти вопросы к начальникам тех губерний, в которые сосланы Лагуна и Маевский, для вопросов их по оным; причем комиссия просила генерал-полицеймейстера войти в сношение с начальниками тех губерний о обеспечении личности Лагуны и Маевского на местах высылки сообразно важности их обвинений и ответы, какие будут даны ими по вопросам, препроводить в сию комиссию для передачи их в военный суд на совместное с настоящим делом обсуждение и определение Лагуны и Маевскому законной ответственности по мере их преступлений; но ответа на сие доныне еще не получено, по получении же комиссия сообразно приказанию вашего сиятельства, последовавшему в резолюции на докладе комиссии от 5(17) сентября сего 1864 г. не преминет представить вашему сиятельству о последующем особый доклад.

О указанных же Авейдою лицах, составляющих революционную организацию в Литве, Руси, Галиции и Познани и бывших членами комиссии оружия в Льеже, комиссия в отзывах своих от 22 августа (3 сентября) за № 3894 и 3895 сообщила генерал-полицеймейстеру на зависящее распоряжение. А о лицах, составлявших русский военный революционный комитет в Варшаве, и о прочих относящихся к тому обстоятельствах комиссия уведомила начальника штаба войск Варшавского военного округа на его усмотрение и распоряжение и известила о том генерал-полицеймейстера в отношениях к ним от 21 октября (2 ноября) за №№ 4531 и 4532.

По рассмотрении всего вышеизложенного Постоянная военная комиссия, признавая по собственному сознанию Генриха Бонковского, Мацея Пенёнжжа и Адама Маевского и по обстоятельствам дела виновными: первого в принятии обязанности члена революционного правления и в несколькодневном исправлении оной, второго в принятии и исправлении должности члена революционного трибунала и третьего в

¹ Как показывают мемуары Барановского, показания его, подтвержденные Авейде, были далеко неточные (см. J. Baranowski. Pamiętniki. Poznań, 1923).

принятии и исправлении в продолжении трех с половиной месяцев обязанности революционного комиссара Люблинского воеводства, и имея в виду, что хотя Витольд Мошинский, Александр Павловский и Петр Кобылянский не сознались в отнесенных к ним обвинениях, что Мошинский был председателем Варшавского революционного трибунала, Павловский членом этого трибунала, а Кобылянский членом революционного правления, но что они изобличаются в этом очными ставками и прочими обстоятельствами дела, полагает: всех их шестерых предать за сие полевому военному суду.

За сим принимая в соображение, что хотя Генрих Краевский и Игнатий Косинский также не сознались в том, что первый был директором Департамента иностранных дел революционного правления, а последний прокуратором революционного трибунала, но как по показаниям Оскара Авейде и Мацея Пенёнжжа представляется сильнейшее подозрение, что Краевский и Косинский действительно исправляли такие революционные должности, то по важности этих обвинений комиссия полагает предоставить тому же суду рассмотреть силу сих обвинений и постановить свое заключение о степени ответственности, какой должны быть подвергнуты эти лица.

Обращаясь за сим к обвинению доктора Игнатия Барановского и находя его виновным единственно в оплошности, с которою из дружбы и доверия к Карлу Рупрехту он допустил его в свое отсутствие собирать в квартире его, Барановского, членов революционного правления для совещаний, о чем, впрочем, не было ему известно, а по крайней мере, по делу не было возможности доказать ему, что он знал об этом, то по сему и принимая во внимание показание Авейде, что Барановский не принимал никакого участия в происках революционеров, комиссия полагает справедливым ограничиться взысканием с него за сие денежного штрафа в количестве тысячи рублей серебром и, кроме сего, причтя к его наказанию настоящее трехнедельное содержание его под арестом и нахождение под следствием, от дальнейшей ответственности и ареста его освободить.

Что же касается самого Оскара Авейде, то хотя он, по мнению комиссии, есть величайший политический преступник, но как он^а впоследствии доводов и увещаний комиссии изменил свои революционные убеждения^а, откровенными своими признаниями открыл всех членов бывших здесь Центрального Революционного комитета и четырех составов революционного самозванного правительства, всех директоров департаментов этого правительства и их референтов, революционный Варшавский трибунал в полном его составе, начальников г. Варшавы, четверых главных помощников начальника здешней революционной полиции, т. е. окружных начальников, всех революционных начальников и комиссаров воеводств Царства Польского, русский военный революционный комитет, существовавший в 1862 г. в Варшаве, лиц, составлявших революционные организации Литвы, Руси, Галиции и Познани, Парижский польский революционный комитет, польскую комиссию вооружения в Льеже, иностранных дипломатических польских революционных агентов, их секретарей и комиссаров по закупке революционерами оружия, одним словом открыл всех главных деятелей революции и разоблачил все тайны заговора, чем доставил величайшую, несомненную пользу правительству и как притом он по воле ва-

^{а-а} Вписано над строкой.

шего сиятельства продолжает ныне составление исторических записок о начале, развитии и упадке последнего польского мятежа, представляемых комиссию в переводе на русский язык по мере изготовления вашему сиятельству, то по сему комиссия, ^а не решаясь ^а делать о нем какие-либо заключения, участь его поверяет непосредственному собственному решению вашего сиятельства по благоусмотрению.

При этом комиссия не излишним считает присовокупить, что хотя многие из указанных Авейде лиц успели бежать за границу еще до начала его сознаний, но это не уменьшает важности и пользы сделанных им откритий, так как при известности о именах и фамилиях главных деятелей бывшего мятежа в Царстве Польском от правительства будет зависеть не допустить безнаказанного их возвращения в пределы Царства и, дипломатическим путем следя за действиями их за границею, положить вечную, неодолимую преграду революционным их стремлениям в будущем ^б.

Отпуск завершен старшим членом Постоянной следственной комиссии коллежским асессором Григорьевым. На докладе Бергом наложена резолюция, подлинность которой в отпуске засвидетельствована Розадовским: С настоящим заключением о всех лицах, упомянутых в этом докладе, и со сделанными по сему делу распоряжениями я согласен; касательно же Оскара Авейде ожидать моего решения впоследствии. Граф Берг. 16/28 ноября 1864 г

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 88—202. Отпуск

22

*1864 г. ноября 23 (декабря 5). — Отношение К. Розадовского
Ф. Ф. Трепову о препровождении ему доклада Бергу (№ 21)
с приложением дела об Авейде*

Имею честь уведомить генерал-полицеймейстера в Царстве Польском, что доклад комиссии за № 4695 графу наместнику вместе с делом в 3 частях об Оскаре Авейде и прочих (в том числе и о Игнатии Косинском) препровожден к е. п. при отзыве от 20 ноября (2 декабря) за № 4830.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 214. Отпуск

23

*1864 г. декабря 11(23). Варшава. — Показание Авейде об обстоятельствах изъятия ценностей из Главного казначейства
Царства Польского*

[л. 225] В продолжение моих показаний, вспомнив еще одно важное обстоятельство, доселе необъясненное мною, а именно покражу значительных сумм из Главного казначейства Царства Польского, спешу дать следующие мне известные подробности об этом обстоятельстве:

Покража состоялась в последних числах мая месяца или в первых числах июня нового стиля 1863 [г.], т. е. скоро^в после или во время

.....
^{а-а} Написано вместо зачеркнутого не считая себя вправе. ^б Далее зачеркнуто и влиянию ^в скоро, написано над строкой.

первого переворота в революционном правительстве, вследствие которого Кобылянский и Бонковский стали членами его. Узнав о покраже денег из толков, я спрашивал Кобылянского, действительно ли она состоялась и находятся ли деньги в его руках, он отвечал мне, что факт покражи несомненен, что деньги находятся в руках городской организации, а именно начальников отделений, и что они до сих пор не выдали их ему. И в самом деле, несколько дней спустя я узнал, что Кобылянский говорил сущую правду. Не прежде 9 числа июня месяца я был призван Зенковичем Титом в собрание к Вагнеру, где находившиеся там тогда начальники отделений городской организации (указанные мною) Пржибыльский, Вагнер, секретарь Руси, и, кажется, Козел Иаков просили меня и Карла Маевского устранить состав Кобылянского и образовать новый состав революционного правительства; начальники же отделений объявили с тем вместе, что украденные в казначействе деньги находятся в их руках, но что они не [л. 225 об.] выдадут их прежде ни мне, ни Маевскому, как после уверения данного им честным нашим словом, что мы исполнили вполне их призыв. В знак, однако же, что они меня не обманывают, представили мне тогда подробный список украденных денег с указанием, сколько было золота, серебра, банковых и кредитных билетов. Выполнить призывание, данное мне и Маевскому, мы успели не прежде как 15 июня п. с. и тогда только выданы были Маевскому указанные в прежде представленном нам списке деньги; кем именно — я не знаю и ближе обозначить лиц не могу, как указывая тех же начальников отделений, не зная, у всех ли были распределены и спрятаны деньги или только у одного из них. И тогда только, т. е. с 15 июня, вся украденная сумма находилась в распоряжении и ведении революционного правительства, а именно Карла Маевского как заведующего с тех пор финансами восстания и Дионизия Скаржинского как директора Департамента финансов. Но тогда уже была возможность единственно употребить только золото, серебро и банковые билеты, кредитные же билеты все без исключения (или, если хорошо помню эту подробность, за исключением купонов от билетов, оставшихся в Казначействе. Эти купоны не были до моего выезда в Вильно введены) были отправлены Карлом Маевским за границу к председателю вновь тогда образованной комиссии долгов [л. 226] Владиславу Чарторыскому в Париже в надежде, что связи эмигрантов, а в особенности самого Чарторыского сделают возможным сменить их. Вся сумма, перешедшая от начальников отделения к Маевскому составляла, как это видно из объявления тогдашнего революционного правительства, помещенного между прочими в газете «Час», № 141, 24 июня 1863 г. — на первой странице, в первой с ряду корреспонденции из Варшавы — 24. 012. 992 злотых и 20 грошей; более трех миллионов рублей^а находилось в кредитных билетах, прочая сумма в банковых билетах, золоте и серебряной монете, ближе, однако же, обозначить не могу, как распределялась эта сумма между монетой и билетами. На основании всего вышесказанного честь имею полной откровенностью и правдой уверить следственную комиссию, что покража денег состоялась без *приказания и ведома Народного Правительства* так состава Кобылянского, как и состава после него наступившего, без *приказания и ведома* даже тогдашнего начальника города Тита Зенковича, а единственно по приказанию начальников отделений или всех, или одного из них, чего в настоящее время, после более полутора года, ближе обозначить не могу. При том еще считаю

.....
^а Зачеркнуто было

нужным прибавить, что разница в обозначении суммы общей украденных денег в объявлении правительства и в объявлении революционном [л. 226 об.] происходила оттого, что в то же самое время какой-то, кажется, чиновник Комиссии финансов совершил покражу из казначейства для своей собственной личной пользы некоторой довольно значительной суммы денег. Фамилии этого чиновника в настоящее время не помню с точностью, но кажется назывался он Черницкий или Чарнецкий или Чарковский; впрочем, он в руках правительства, насколько я слышал, он был арестован по дороге за границу в окрестностях Кутна и вместе с деньгами доставлен в Варшаву еще в июле, если хорошо помню месяц, прошлого года.

Что же касается самого факта, самого совершения покражи, могу сообщить следующие подробности, сообщенные мне начальниками отделений у Вагнера и Карлом Маевским после принятия от них денег, не ручаясь вовсе за их справедливость и точность, тем более после столь долгого времени. Молодые люди, которые совершили покражу до этого еще времени вошли в сношения с чиновниками казначейства Яновским и Гебдоу (Hebda) и с тремя «woźpuci»^а, которых я фамилий не помню, но они были публично объявлены, и успели уговорить их позволить совершить покражу и помочь. Яновский и Гебда позволили им сделать odcisk па wosku^б (не знаю как сказать по-русски) из ключей и даже сами потом испробовали новые, сделанные по данной форме ключи; на пару же дней [л. 227] до совершения покражи уехали за границу. В назначенный день эти же самые молодые люди при помощи «woźpuch» выносили деньги из кассы, открытой вновь сделанными ключами, что совершили в продолжение двух дней. На другой день ключ в замке сломался, тогда призван был слесарь из городской организации, который успел открыть дверь, но чрез это сделалось уже невозможным продолжать третьего дня начатую кражу. Как назывались молодые люди, совершившие преступление, равно, как назывался слесарь— этого я не знаю, если даже и знал их прежде, так после столь долгого времени забыл, а догадываться в столь важном преступлении не могу^в, осмеливаюсь, однако же, уверить следственную комиссию, что так с этими людьми, как вообще со всеми, которые могли быть прикосновенны к этому делу, я не находился ни в каких сношениях.

Наконец, прибавлю еще, что Яновский и Гебда получили от совершивших покражу каждый по 12000 злотых на издержки выезда за границу и уверение получать пожизненно такую же годовую сумму. Трое же woźpuch получили по 30000 злотых каждый. Более никаких сведений об этом деле не имею. Наконец, считаю нужным [л. 227 об.] прибавить еще следующее, что все деньги, за исключением отправленных за границу кредитных билетов (заставных листов), были израсходованы на издержки восстания еще до моего выезда в Вильно. Припоминаю еще, что один из совершивших преступление домогался от начальников отделений городской организации, чтоб я и Карл Маевский уверили личность, что вся сумма украденная находится в распоряжении революционного правительства. И в самом деле я и Маевский дали ему это личное уверение в чьей-то квартире на Крулевской улице в июле месяце. Этот молодой человек был брюнет, лет около 22, среднего роста, телосложения здорового, лица живого и вырази-

^а *Сторож (польск.).*

^б *Отпечаток на воске (польск.).*

^в *Зачеркнуто об одно*

тельного и, кажется, посещал курс университетский в России. Фамилия его, если не ошибаюсь, была Вашковский. Прошу, однако же, считать ее не точною, пока ход следствия не подтвердит моего указания.

Варшава 11(23) декабря 1863 г.^а

Оскар Авейде

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 225—227 об. Подлинник

24

1865 г. апреля 30 (мая 12). Варшава.— Показание Авейде
о месте хранения части архива Жонда Народового

[л. 349] Припомнив себе одно хотя маленькое, но не лишенное некоторого интереса обстоятельство, касающееся революции, считаю совместным сообщить его пр[авительст]ву.

Революционеры вообще, в особенности революционное правление, не имели никакого архива для сохранения документов, касающихся восстания; все бумаги^б, вышедшие из употребления, из предосторожности сжигались. Издан был даже по этому предмету общий^в приказ членам организации. Случались, однако же, исключения из этого правила, отдельные члены организации сохраняли в память происходивших событий доставшиеся в их руки рапорты и другие документы.

Один из таких случаев мне известен. Именно, начальник отделения городской организации чиновник Комиссии внутренних дел Петр Уминский получал от друга своего статс-секретаря Яновского некоторые рапорты, в особенности военные, и сохранял их вместе с другими, доставшимися ему как начальнику отделения письменными и печатными документами [л. 349 об.], в старом архиве Комиссии финансов. Хотя в письменных бумагах, сохраненных Уминским, тщательно вычеркивались фамилии, цифры и иногда число месяца, думаю, однако же, что эти бумаги могут иметь некоторую важность не столь в административном и судебном отношении, сколько как интересный материал для истории минувшего восстания.

На случай, если Пр[авительст]во признает совместным приказать отыскать бумаги, о которых идет речь, я необходимо присовокупить [так!] к сказанному маленькое объяснение^г.

В Комиссии финансов находятся два архива — новый для дел новейшего времени (кажется, с 1830 г.) и старый для дел^д, касавшихся еще самобытного существования Польши, прусских времен и конституционного Царства Польского. В этом-то втором сохранял Уминский свои бумаги. Как я сказал, старый архив, как редко употребляемый, помещается где-то под крышей [л. 350] в беспорядке. Архивариусы мало смотрят за ним, так

.....
^а Очевидная описка, должно быть — 1864 г. ^б Зачеркнуто после ^в Зачеркнуто были ^г Зачеркнуто При посредстве какого лица пользовался Уминский Архивом Комиссии финансов — этого я не знаю, вообще недостатка в знакомых не было. ^д Зачеркнуто
относя

что каждый чиновник беспрепятственно посещает его. Притом он огромный и представляет много затруднений при отыскивании нужных в данных случаях старых дел; и^а только, как говорят, человек, хорошо знакомый с архивом, не потеряется в нем. И потому^б, если приказано будет сделать ревизию в старом архиве, по-моему, должен произвести ее в сопровождении полиции один из доверенных чиновников Комиссии финансов, в особенности из архивариусов или их подчиненных. Сама полиция без этой помощи — доверенного лица, без всякого сомнения, потеряется и ничего не отыщет. Говорю же это последнее потому, что мне неизвестна фамилия^в человека, при посредничестве которого сохранял Уминский революционные бумаги.

Варшава 30 апреля (12 мая) 1865 г. Оскар Авейде
В моем присутствии генерал-майор Розвадовский

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 349—350. Подлинник

25

*1865 г. мая 1(13).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу
в связи с завершением составления Авейде записок, содержащий
оценку важности сведений, данных властям Авейде*

Представляя при сем на благоусмотрение вашего сиятельства последнюю часть составленных политическим преступником Оскаром Авейде исторических записок о начале, развитии и упадке последнего мятежа в Царстве Польском, имею честь доложить, что с этой частью Авейде окончил свой труд по составлению сих записок.

Авейде с осени 1862 г. по август м[еся]ц 1863 г., т. е. во все время самого разгара мятежа в Царстве Польском, постоянно находясь во главе заговорщиков, был членом Центрального Революционного комитета и четырех составов мятежнического правления. Доведенный бывшею Постоянною военно-следственной комиссиею до полнейших и откровеннейших сознаний, он, изменив свои революционные убеждения, изъявил чисто-сердечное раскаяние в прежних своих поступках и, подробно объяснив о всех своих политических преступлениях, открыл всех членов, существовавших здесь: Центрального Революционного комитета и четырех составов революционного самозванного правительства, которые до него, несмотря на все усилия Постоянной и Временной военно-следственных комиссий, не были еще известны, всех директоров департаментов этого правительства и их референтов, революционный Варшавский трибунал в полном его составе, начальников г. Варшавы, четырех главных помощников начальника здешней революционной полиции, т. е. окружных начальников, всех революционных начальников и комиссаров воеводства Царства Польского, организацию так называемых белых, русский военный революционный комитет, существовавший в 1862 г. в Варшаве, лиц, составлявших революционные организации Литвы, Руси, Галиции и Познани, Парижский

^а Зачеркнуто нуж

^б Зачеркнуто по-моему

^в Зачеркнуто лица

польский революционный комитет, польскую комиссию вооружения в Льеже, заграничных польских дипломатических агентов, их секретарей и комиссаров по закупке революционерами оружия,— одним словом разоблачил все тайны бывшего здесь заговора, о чем был представлен вашему сиятельству подробный доклад 6(18) ноября прошлого 1864 г., и назвав слишком 300 фамилий главных деятелей мятежа, из которых многие арестованы и преданы законной ответственности, сознаниями своими доставил величайшую несомненную пользу правительству. Притом он по воле вашего сиятельства составил подробные исторические записки о всех известных ему главнейших действиях мятежников, которые могут служить богатым материалом для истории, тем более, что они писаны им с совершенным знанием дела, как одним из главнейших деятелей мятежа, и с полнейшею откровенностью, доказательством чему служит то, что он не скрыл в них противных правительству убеждений и действий не только друзей своих, но даже своего отца, принадлежавшего к партии белых, и родных своих братьев, принимавших в мятеже непосредственное участие.

Докладывая о всем вышеизложенном, имею честь дальнейшую участь Оскара Авейде повергнуть на решение вашего сиятельства, по благоусмотрению, с присовокуплением, что он уже год и девять месяцев содержится под самым строгим арестом.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 353—354 об. Отпуск

ЗАПИСКИ
О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ
1863 ГОДА

Глава I.

ПРОШЕДШЕЕ

После тысячелетней самобытности Польша пала. Причины ее падения ныне уже исследованы и ясны. Польша пала вследствие того, что народное воспитание находилось в руках иезуитов и привело народ к унижительному невежеству*, сравнительно с высоким просвещением XVI в., и потому, что руководящий судьбами народа класс общества — шляхта — нравственно растлела. Окостенев как каста, она утратила политический разум и гражданские добродетели, и разрушительная отравка пожрала в ней всю жизненную силу. Рабски служа бездушным эгоистам, из гнили вышедшим титулованным и нетитулованным магнатам, эта шляхта угнетала сельское и городское сословия. Далее, Польша пала и потому, что, забыв минувшее, когда эта страна была прибежищем гонимых за веру и примером веротерпимости, стала преследовать иноверцев, уничтожала права их и, угнетая связанную с нею братскими узами русскую народность, явила примеры самой высшей относительно ее несправедливости.

Польша пала также и потому, что вместо власти управлялась анархией. Шляхта распоряжалась чудовищным (пусть что хотя приво- дят в объяснение и истолкование сего), чудовищным говорю, «veto»¹, а народ, эта лучшая и самая сильная опора государства, оставался несчастным темным невольником. Наконец Польша пала потому, что в таком состоянии внутреннего ее быта она не могла ставить никакого отпора соседним государствам, весьма ясной, натуральной и понятной выгодой которых было раз- делить между собой страну, бессильную и не владеющую собой**².

* Характеристика просвещения в руках иезуитов в XVIII в. указана Коллонтаем (Гюго) в книге: «Состояние просвещения и духовенства в Польше»³.

** Некоторые из польских историков, которых правильнее было бы назвать романистами, усиливались доказать народу, что Польша разделена лишь внешним насилием, которое привело ее и к упадку. Пусть же кто-либо разделит Францию или Пруссию, хотя в ней только 17 миллионов народа!

¹ Имеется в виду право *liberum veto*, учредившееся в практике польского феодального сейма, решения которого признавались правомочны только при единогласном принятии их всеми послами (депутатами сейма). Любая небольшая группа послов или даже один посол своим *veto* мог приостановить всю деятельность сейма. Срыв сеймов из-за *liberum veto* был во второй половине XVII в. и особенно в первой половине XVIII в. постоянным явлением в политической жизни Речи Посполитой.

² Трактовка причин падения Речи Посполитой в записках Авеиде соответствует взглядам, утвердившимся в демократической литературе середины XIX в.

³ Точно наименование книги Гуго Коллонтая «*Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750—1764)*» («Состояние просвещения в Польше в последние годы правления Августа III (1750—1764)»); опубликована в 1841 г.

Последним усилием незначительной, но здоровой части народа, направленным к освобождению его от разъедающей порчи, анархии и внутреннего рабства, к удержанию страны от окончательной гибели и к возрождению ее посредством правды, силы и порядка, были усилия четырехлетнего сейма¹, увенчанные конституцией 3 мая 1791 г. Но гниль пустила уже глубокие корни. Тарговицкая конфедерация заглушила общую радость и заглушила крики: «Да здравствует народ, сенат, сословия и любимый король». Польша уже погибла, недоставало лишь Гродненского сейма и подписи короля на акте окончательного ее раздела. Король был только исполнителем приказаний Репнина, Булгакова, Сиверса и Игельстрома². Составители и защитники конституции 3 мая, усиливаясь³ спасти отечество, должны уже были освобождать его силою оружия от чужеземного владычества соседей. Борьба Костюшки была уже первым восстанием.

Не мое дело описывать это первое в Польше восстание Костюшки; для моего краткого исторического очерка довольно только упомянуть о нем. Костюшко, не веря в силы шляхты, призвал народ к борьбе за независимость Польши обещаниями ему свободы. Народ, очарованный таким святым и неведомым ему дотеле призывом, двинулся на борьбу вместе с «отцом» Костюшкой и даже одержал победу под Рацлавицами. Варшавские горожане во имя той же гражданской свободы, блага которой отчасти были уже предоставлены им конституцией 3 мая, приняли участие в этой борьбе и победили в Варшаве. Но силы восстания были слабы, и лишь имя Костюшки было действительной его силой; с упадком вождя под Мацеёвицами³ погибло и первое восстание в Польше*.

Далее следовал последний раздел Польши 1795 г. Последний король умер в Петербурге. Тысячи несчастных удалились в добровольное изгнание со слезами горя и отчаяния об утраченном отечестве. В Польше новое правительство вводило новый порядок, а помещики — одни, угнетенные горем, вели тихую и грустную жизнь у домашнего очага, а другие (к несчастью, большинство) погрязая в порче, расточали остатки своего достояния,

* Поляки просили помощи Конвента Французской революции, но Конвент отвечал, что не желает помогать Костюшке, приятелю тиранов (короля)⁴.

¹ Т. е. — пытаюсь.

¹ Четырехлетний сейм 1788—1792 гг. принял ряд реформ, имевших целью оздоровление и укрепление государственного строя Польши и способствовавших развитию капиталистических отношений (улучшение положения горожан, ликвидация феодального сепаратизма и т. п.). Обобщением реформ Четырехлетнего сейма была конституция, принятая 3 мая 1791 г. С принятием этой конституции и связан привидимый Авейде клич: «Да здравствует народ, сенат, сословия (т. е. сейм) и король». Враждебные реформам Четырехлетнего сейма реакционное магнатство образовало в 1792 г. союз, получивший название Тарговицкой конфедерации, и обратилось за помощью к Екатерине II. Царская интервенция имела следствием не только победу Тарговицкой конфедерации и ликвидацию большинства прогрессивных реформ Четырехлетнего сейма, но и второй раздел Речи Посполитой царской Россией и Пруссией, санкционированный Гродненским сеймом 1793 г.

² В правление последнего польского короля Станислава Авеуста Понятовского (1764—1795) русские посланники не только оказывали постоянное влияние на короля и магнатов, но нередко непосредственно вмешивались во внутренние дела Польши. Авейде перечисляет имена этих посланников: Репнин был посланником в 1764—1769 гг., Булгаков в 1789 г., Сиверс в 1792—1793 гг., Игельстром в 1793—1794 гг.

³ В успешном для повстанцев сражении под Рацлавицами 4 апреля 1794 г. решающую роль сыграла вооруженная косами крестьянская пехота. Варшава была освобождена в результате восстания горожан 17—18 апреля 1794 г. Битва под Мацеёвицами, в которой был ранен и взят в плен Тадеуш Костюшко, произошла 10 октября 1794 г.

⁴ О позиции Конвента в отношении польского восстания 1794 г. см. письмо Маркса Энгельсу от 2 октября 1856 г. (Соч., т. XXII, стр. 164—166).

что доказывают так называемые попруссские долги или байонские суммы и покупаемые в Вене титулы *¹.

После падения Польши первые несчастные эмигранты, творцы и защитники конституции 3 мая и боевые товарищи восстания Костюшки не могли забыть самобытности Польши, не могли представить себе, что Польша, некогда свободная, самоуправлявшаяся и благоденствовавшая внутренне, сильная извне и полезная всему свету, что этот слишком 20-миллионный народ погиб и прекратил свое существование навеки. Не чувствуя вины и грехов своих братьев, отцов и дедов, они чувствовали лишь, что чуждое насилие, соседние государства разделили их отечество и то в такое время, когда поляки хотели уже отряхнуться от своих заблуждений и грехов минувшего и хотели жить новой жизнью, как государство сильное и благоустроенное. Они старались уверить себя, что Польша окончательно еще не погибла, что упадок ее не внутренний, не действительный, но внешний и кажущийся, причиной которого было только насилие соседей, что поэтому на обязанности их лежит стараться освободить отечество от чужеземной власти, сражаться и увлечь в борьбу с новыми властями всех своих братьев. Как завещание они передавали из рода в род, что Польша не погибла ², но что она угнетена лишь внешним насилием, что вековая самобытность Польши собирала веками в лоне народа материалы для успешного и самостоятельного ее развития, что польская народность имеет неоспоримое и неизгладимое временем право государственной самобытности и что, наконец, на обязанности поляков лежит всеми силами, всеми жертвами стараться приобрести эту независимость и вести на живот и на смерть борьбу с чуждым насилием, разделившим Польшу. Будучи не в состоянии осуществить свои желания и стремления внутренними средствами, они извне искали помощи и спасения. Победоносная Французская революция, стремившаяся преобразовать свет и положить новые, отчасти согласные с их желаниями начала, казалась им той творческой и всемогущей силой, которая могла бы возвратить их отечеству прежнюю независимость. Поэтому они принесли в жертву тогдашней республике свои силы, свои услуги, даже самую жизнь. С того времени поляки соединили неразрывно, можно сказать сковали свои судьбы, свои надежды и судьбы Польши с судьбами победоносной французской армии и представителя, божества ее, Наполеона. Так возникли полныеславы и самопожертвования наполеоновские

.....
* См. Скарбек «Dzieje Ks. Warszawskiego» и Яроховский «Opowiadania historyczne», а в особенности сей последний ³.

¹ В Речи Посполитой в целях охранения формального равенства всей шляхты было запрещено употребление титулов (за исключением некоторых княжеских родов, за которыми титул был признан еще в XVI в.). В период разделов Речи Посполитой польские магнаты на территориях, перешедших под власть России, Австрии и Пруссии, наперебой устремились в погоню за княжескими, графскими, баронскими титулами, добываясь их угодничеством перед правительствами держав, разделивших Польшу, либо прямо покупая титулы (эта практика была особенно частой в захваченной Австрией Галиции).

² «Еще Польша не погибла» («Jeszcze Polska nie zginęła») — слова, которыми начинается песня легионеров (написана Юзефом Выбицким в 1797 г.), ставшая впоследствии национальным гимном.

³ Fr. S k a r b e k. Dzieje Księstwa Warszawskiego («История Варшавского княжества»), 2 т., первое издание 1860 г.; Kaz. J a r o c h o w s k i. Opowiadania i studia historyczne («Исторические повествования и исследования»), 2 т., изданы в 1860—1863 гг.; Авейде имеет в виду опубликованный в I томе очерк «Wspomnienie z czasów Prus Południowych» («Воспоминания о временах Южной Пруссии»).—«Южной Пруссией» были названы польские земли, захваченные Пруссией при втором и третьем разделе Речи Посполитой; в 1807 г. они вошли в состав Варшавского княжества.

легионы Княжевича, Домбровского, Сулковского, Иосифа Понятовского. Новая польская эмиграция, вызванная голосом и борьбой братьев, пополняла и умножала их ряды. Эти несчастные наши отцы, или, лучше сказать, деды, сражались всюду, не раз, быть может, против своих убеждений, как например в Испании, служили Наполеону с фанатической верностью, проливали свою кровь и умирали на всех полях тогдашних битв от С.-Доминго, египетских пирамид, Самосиерры до Москвы и Березины¹ и умирая, при последнем издыхании взывали: «Да здравствует Польша и император!», служили, сражались и умирали с надеждой и с верой, что Наполеон восстановит их отечество — Польшу. Этих нескольких слов о легионах достаточно для того, чтобы при взгляде на минувшее Польши указать на их существование и объяснить их мысль и значение. К этому прибавлю только, что история этих легионов, полная военной славы и самоотвержения, была одним из самых приятных, самых трогательных и близких сердцам молодого поколения воспоминаний минувшего и что поэтому те убеждения и чувства, которые вели легионистов на смерть вдали от отчизны, были для их потомков святым, облитым кровью отцов и дедов наследием.

После многолетней борьбы легионистов и превратностей войны Наполеон в вознаграждение (как это казалось нашему народу) за их труды и посвящение, в вознаграждение за слезы осиротелых семейств их и вместе как задаток лучшей будущности Польши после Тильзитского трактата 1807 г. образовал из взятых им от Пруссии польских провинций Княжество Варшавское, по которому вскоре, и именно в 1809 г., были присоединены некоторые польские земли, бывшие под владычеством Австрии. Саксонский король Фридрих Август был сделан нашим наследственным князем варшавским. Кратки были годы существования этого нового государства, но по влиянию этого периода на дальнейшее развитие жизни польского народа необходимо здесь несколько остановиться и взглянуть ближе на положение Варшавского княжества.

Рассматривая политику и намерения Наполеона, теперь уже не подлежит никакому сомнению, что он образовал Княжество Варшавское не как начало великого плана возобновления Польши в сильное, могучее, самобытное государство (минуя остальное, уже одна отдача России Белостокской области² противоречила этому плану), но просто как нужный ему в то время авангардный пункт против России, как арьергард и боковую стражу против Пруссии и Австрии, как нужное для него в то время военное депо, всегда готовую мастерскую для его армии, как страну, всегда готовую исполнять все его желания, его волю. Так он и относился к основанному им княжеству. В политике внешней это княжество было ничтожно, было тенью, связанной с другой тенью — короля саксонского; внутри оно было бедно до нищеты*; финансовый и экономический быт его был плачевный,

* Тогдашний министр финансов Матушевич был весьма озабочен, из каких источников можно было заплатить Наполеону от 3 до 4 миллионов франков за уступку императором в казну Княжества так называемой попрусской или байонской суммы. Скарбек, Dzieję Księstwa Warszawskiego. Вообще Скарбек, быть может, несколько односторонне, но с большой истиной, основанной на неопровержимых фактах и доводах, изобразил состояние Княжества.

¹ См. прим. к стр. 14. В египетском походе Наполеона Бонапарта 1798—1799 гг. принимали участие не легионы, а отдельные офицеры-поляки, среди них бывший адъютантом Наполеона Юзеф Сулковский, который погиб под Каиром в сентябре 1798 г.

² Со времени третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.) находилась под властью Пруссии, в 1807 г. по условиям Тильзитского мира перешла к России.

а в особенности вследствие внезапной реформы общественных отношений, произведенной введением в действие французского гражданского кодекса. Данные конституцией права были скорее кажущимися, чем существенными, и даже на наружное их исполнение мало обращалось внимания. О просвещении, литературе не было и речи. Война, формирование новых полков, военные фабрики и их потребности поглощали все средства. Но эти несколько лет и даже самое основание княжества, несмотря на политическое его ничтожество, имели огромное значение в судьбе польской народности и решительное влияние на дальнейшее развитие ее жизни. Едва показались в Польше первые ряды покрытых славой и ранами, измученных походами, битвами и тоской по родине легионов Домбровского с песней их: «Jeszcze Polska nie zginęła», первый раз заветой на родине, польское общество пробудилось от летаргического сна, в котором оно находилось после падения Польши; дух легионистов, их желания и чувства насквозь проникли в сердца и мысли народа.

Итак, Варшавское княжество, это бедное, убогое, наполеоновское создание имеет в жизни нашей то весьма важное значение, что оно развило дух легионистов и распространило его до крайних пределов Польши, во всем мало-мальски мыслящем обществе. Предания минувшего вполне воскресли, жажда государственной независимости с того времени сделалась жадой всего народа. Мы были тогда, как я уже сказал, слабы и бессильны, но мы получили Варшавское княжество из рук Наполеона, который был всемогущ и в котором легионисты видели всесильное божество свое, и потому весьма натурально, что любовь, верность, полное доверие, безусловное, слепое повиновение его воле и безграничное самопожертвование, которыми проникнуты были легионисты, разделяли все жители вновь созданного княжества, а также других польских провинций, бывших под властью России и Австрии. Только малая частица, сильная, однако же, по своему влиянию в Литве, возлагала свои надежды на императора Александра I и не разделяла настроения и чувств всего народа¹. Не удивительно после того, что поляки, хотя не видели тогда в княжестве Варшавском осуществления надежд своих, но не роптали и приняли дар этот с благодарностью, уверенные и преисполненные несомненной надеждой, что воссоздание всей, существовавшей до раздела Польши, неминуемо вскоре совершится и что это окончательно уже обдумано и решено Наполеоном. Никто тогда не замечал, что новое государство было *Княжеством Варшавским*, а не *Королевством* и не *Польским*, что Белостокская область была отдана Наполеоном России, что австрийско-польские владения не все вошли в состав княжества², никто не беспокоился о конституционных правах, о просвещении, воспитании, никто даже не заботился о том, что страна была бедна до нищеты, а между тем несла огромные расходы, потому что совершенно другое занимало тогда отцов наших. Часть Польши, ее зародыш, уже существовала и была надежда восстановить ее в целости руками Наполеона, этого было довольно, чтобы любить Наполеона, почитать его, служить ему, исполнять его волю и жить тою горячечной жизнью, полной

¹ О политическом положении в Литве см. стр. 169—171.

² По условиям Венского (Шенбрунского) мира 1809 г. в состав Варшавского княжества вошли земли, захваченные Австрией при третьем разделе Речи Посполитой (так называемая Западная или Новая Галиция), и Замойский округ. Все остальные земли, захваченные Австрией при первом разделе («старая» Галиция), остались под властью Австрии, за исключением Тарнопольского округа, переданного России.

усилий и ожиданий, жизнью, можно сказать, стремлений к будущности. Желанием Наполеона было, чтобы Польша была военной его мастерской, и она была ею; Наполеон хотел, чтобы она выплатила ему слишком три миллиона франков, и сумма эта была уплачена, несмотря на пустые кассы казначейства княжества; Наполеон желал, чтобы, согласно 1-й статьи французского кодекса, сельское народонаселение было освобождено от крепостной зависимости и личного рабства, и народ был освобожден, несмотря на предрассудки тогдашней шляхты и на отчаянное финансовое и экономическое положение края¹; наконец, Наполеон требовал новых легионов, новых солдат, и новые надвислянские полки двинулись в Испанию. Все это было потому, повторяю, что с прибытием в Польшу легионистов, с учреждением Варшавского княжества воскресли старые предания, бессильный народ жаждал независимости и верил, что Наполеон исполнит самые пламенные его желания, воссоздаст Польшу 1772 г. И как бы в подтверждение наших слов, как бы во свидетельство пробужденного в то время в обществе духа политической независимости, имеем перед собой факт того времени, последнего года независимого существования Варшавского княжества, т. е. 1812 г., факт, в котором выразилось содержание этого периода. Я говорю о Варшавской конфедерации под предводительством генерала подольских земель князя Адама Чарторыского и о конфедерации Литовской в Вильне. Эти конфедерации объявили себя Польшей в старых границах до 1772 г. и домогались от Наполеона, бывшего тогда, если не ошибаюсь, в Вильне, подтверждения акта конфедерации, а затем признания и восстановления Польши и вследствие этого изменения названия княжества Варшавского на Королевство Польское с присоединением к нему литовских и русских провинций, бывших под властью России, но уже занятых французскими войсками. Наполеон, как известно, не удовлетворил этим домогательствам конфедерации и не признал ни представленного ему акта, ни стремлений конфедерации². Это было отчасти поводом меньшей, чем бы следовало ожидать, симпатии, которая встретила в Литве войска Наполеона. Говорю отчасти, потому что при этом были и другие причины малого сочувствия Литвы в то время, о чем будет сказано ниже.

Акт Варшавской конфедерации, можно сказать, был последним важнейшим фактом времени существования Варшавского княжества. Наступил 1812 год, год могилы Наполеона и всех сопряженных с ним надежд. Княжество Варшавское прекратило свое существование, а остатки нашей армии еще сражались и погибали.

После падения Наполеона в видах пересоздания Европы и разрешения международных вопросов собрался конгресс в Вене. В очередь совещались на нем о судьбах Варшавского княжества и вообще о судьбах всей прежней

¹ Подобная оценка отмены личной зависимости крестьянства весьма существенна для характеристики взглядов Авейде, совмещавшего с демократическими и внешне антишляхетскими декларациями типичное для землевладельческой шляхты изображение крестьянской реформы катастрофическим экономическим потрясением.

² Варшавская конфедерация была провозглашена на сейме 1812 г., объявившем одновременно о превращении Варшавского княжества в Королевство Польское в его границах до разделов. Этот акт был инспирирован Наполеоном для того, чтобы получить возможно более широкую поддержку как населения княжества, так и польских магнатов в Литве и Белоруссии. Однако связывать себя формально признанием и одобрением этого акта Наполеон не желал.

Польши. Россия, или правильнее, император Александр I, поддерживаемый некоторыми находившимися с ним в то время поляками¹, действовавшими как бы от имени всей Польши*, требовал от европейских государств предоставления всей Польши его власти, с намерением восстановления ее в старых границах, под его скипетром, при нераздельном, однако же, соединении ее с Российской империей. На это требование, угрожавшее значительным усилением России, не хотели согласиться прочие совещающиеся монархи: и Англия (Кларендон), и Франция (Талейран), и Австрия (Меттерних) настоятельно домогались восстановления Польши в границах до 1772 г. как независимого государства, с отдельным тронном. Начатые тогда споры по поводу польского вопроса были столь сильны, что привели к решительному разрыву России с другими державами; закрытие конгресса и даже война за Польшу были тогда не только вероятны, но несомненны и неизбежны. Возвращение Наполеона с острова Эльбы устрасило совещающуюся в Вене Европу; необходимость согласия между державами, необходимость в силе, которой располагал император Александр I, примирили разьединенные уже и готовые к борьбе между собою государства. Тогда-то был окончательно решен вопрос польский известным способом, а именно: Польша была разделена между Австрией, Пруссией и Россией в существующих ныне границах, с той лишь разницей, что г. Краков с его округом признан был вольным городом под покровительством трех соседних держав. Тогда же было создано нынешнее Царство Польское. Каждая из держав, к которым были присоединены части Польши, обязалась на том же Венском конгрессе предоставить польским своим владениям такие политические и общественные учреждения, какие будут согласоваться с духом признанной народности и с требованиями общества и времени².

Не буду подробно описывать судеб и истории каждой отдельной части Польши, это не входит в границы настоящего труда моего, ограничусь лишь ближайшим просмотром минувшего и развития народной жизни в провинциях, присоединенных к России, и то лишь настолько, насколько это нужно для разъяснения современного положения дел; из жизни же и событий в других провинциях упомяну о тех только фактах, которые имели большее влияние на общую жизнь польского общества.

Итак, созданное конгрессом Царство Польское присоединено нераздельно и на вечные времена к России, а российский император вместе с тем долженствовал быть королем польским. Устройство Царства совершилось безотлагательно. Из остатков наполеоновской польской армии, призванных императором Александром I и из вновь набранных солдат сформирована была 30-тысячная армия Царства Польского, начальство над которой было возложено, если не ошибаюсь, сначала на генерала Зайончика, а потом на цесаревича великого князя Константина Павловича,

* Смело даже можно сказать, не нарушая исторической истины, что император Александр I исключительно один пользовался симпатией всех вообще поляков. Между прочими документами известно письмо, писанное в то время к нему Костюшкой, в котором Костюшко предлагал ему свои услуги, если под его скипетром будет восстановлена вся Польша. Остатки наполеоновской армии на призыв императора Александра переходили уже тогда под его распоряжение. О партии князя Адама Чарторьского уже и говорить нечего.

¹ *Имеется в виду прежде всего Адам Чарторьский.*

² *Соответствующий пункт решений конгресса гласит: «Поляки, подданные каждой Высокой Договаривающейся Стороны, получат национальное представительство и законы, соответствующие той форме политической жизни, которую каждое из правительств, под властью которого они будут находиться, признают полезным и уместным даровать им».*

брата императора¹. Наместником царским был вначале тот же генерал Зайончек, а потом великий князь Константин. Царство Польское получило полнейшую автономию в гражданском управлении, относившемся к императорской власти единственно через посредство наместника и министра статс-секретаря Царства в С.-Петербурге. Одни только дела внешней политики исключительно остались под общим управлением иностранных дел Российской империи; все же прочие отрасли управления, т. е. вся внутренняя политика, была совершенно отдельна и не зависима от русских министров и их управлений. Автономия опиралась на конституцию, данную императором народу. Эта конституция предоставляла несравненно обширнейшие и более действительные права народу, чем конституция Княжества Варшавского, и можно поистине сказать, что она была для того времени одной из самых лучших, наиболее обеспечивающих свободу общества, едва ли даже не самую лучшую из всех тогдашних конституций в Европе. Она предоставляла народу законодательную власть, право инициативы, свободу и, можно сказать, полную веротерпимость, почти совершенное равенство сословий, свободу печати, гласность совещаний сеймов, безответственность и независимость судов, даже прежнее право *petitum caritativabimus nisi jure victum*² (никого арестовывать не будем без приговора суда) было гарантировано конституцией. К устроенному таким образом Царству Польскому император Александр I обещал присоединить другие польские провинции, бывшие под его властью, т. е. создать из всех владений польских, Литвы, Руси и конгрессового Царства одно автономическое целое на основаниях и началах конституции Царства Польского. Мне достоверно не известен формальный акт, который подтверждал бы и гарантировал это обещание; все, однако же, без изъятия наши историки и политики, от того времени и до наших дней, приводят это царское обещание как не подлежащую никакому сомнению действительность³.

Между тем Литва и Русь были управляемы совершенно на иных началах; но прежде чем изложить в кратком очерке тогдашнее состояние этих провинций, я должен сказать еще несколько слов о конституционной жизни Царства Польского. При посредстве благих начал и прав конституции, под руководством знаменитых государственных мужей (каким, например, был князь Друцкий-Любецкий, бесспорно один из самых лучших финансистов своего времени) состояние нашей малой страны с каждым днем все более улучшалось; финансы, промышленность, торговля, просвещение, законодательство,— словом все отрасли шли путем быстрого, осязательного, так сказать, развития, результатом чего было увеличивавшееся

¹ Главное командование польской армией (в дальнейшем армией Королевства Польского) было еще в 1814 г. возложено на цесаревича Константина Павловича. Наместником Королевства Польского был назначен в декабре 1815 г. генерал Юзеф Зайончек. После смерти Зайончека (в 1826 г.) функции наместника были переданы Административному совету Королевства.

² Начальные слова закона, изданного в XV в. и гарантировавшего шляхтичу личную неприкосновенность до момента признания его виновным приговором суда (исключение составляли лишь четыре тяжчайших уголовных преступления, за которые виновный отдавался под стражу). Авежде далее именуется этот юридический принцип также *habeas corpus*,—первые слова английского закона 1679 г. о личной неприкосновенности граждан.

³ «Обещание» Александра I, зафиксированное актом Венского конгресса в следующей неопределенной форме: «Его императорское величество резервирует за собой право предоставить этому государству (т. е. Королевству Польскому) внутреннее (т. е. в пределах Российской империи) расширение, какое сочтет уместным».

бесперывно благосостояние жителей после тяжких годов существования Варшавского княжества.

Я не имею намерения подробно описать эти пятнадцать лет мира, трудов и довольства; довольно лишь вспомнить, с одной стороны, состояние Варшавского княжества, которое, быв только военной мастерской и на которое сами поляки смотрели как на нечто минутное, преходящее, не могло по самой натуре своей развить ни одной отрасли внутреннего своего быта, и с другой стороны, состояние восстановленного после конгресса Царства Польского, в котором, напротив, ни одна отрасль не оставалась забытой и неразработанной. Припомню здесь, между прочим, что в это время основан банк, а вместе с ним учреждения и фабрики, существующие донныне, возникла горная промышленность, устроен Августовский канал, учреждено кредитное общество, о пользе которого, принимая во внимание общее финансовое расстройство сельских обывателей до образования Варшавского княжества и во время существования оно, даже излишне распространяться, установлены законы ипотеки, признаваемые донныне одними из лучших, издан кодекс о наказаниях, который, при тогдашнем смещении законов старых польских, прусских, австрийских и временных Варшавского княжества был истинным благодеянием для общества; армия наша была образцовой; общество любителей наук, университет, политехническая школа и другие учебные заведения быстрыми шагами вели вперед возрожденное народное просвещение. Наши фабрики и вообще вся наша промышленность с этого же времени считают свое существование и развитие *. Одним словом, весь наш народный материальный и духовный капитал в течение того периода времени, а именно в течение 15 лет конституционной жизни, начал расти и формироваться**.

К несчастью, с одной стороны, дурно понятый интерес правительства и преувеличенная заботливость его о своей безопасности, которой ничто не угрожало, и с другой,— стремление к политической независимости Польши в старых ее границах и возникшие из того предреволюционные заговоры и наконец самое восстание 1830 г. остановили и уничтожили это прекрасное, всестороннее жизненное развитие в конгрессовом Царстве Польском¹.

О предшествовавших восстанию заговорах буду говорить ниже; здесь же в виде прибавления к очерку конституционной жизни в Польше при-

.....
* Что наши предки заботились о быте и счастье сельского населения (хотя и не в такой степени, в какой требовалось для его благосостояния), тому имеем прекрасное доказательство, к несчастью, оставшееся только в истории, в Грубешовской институции Сташница².

** Между прочим, припомню здесь, что ноябрьская революция приобрела в казне Царства Польского, лежавших в запасе 100 миллионов злотых (15 млн. руб. серебром). Это свидетельствует о тогдашнем благосостоянии Царства Польского.

¹ Нет оснований апологетическую характеристику, которую дает Авейде первому пятнадцатилетию пребывания Королевства Польского под властью царизма, объяснять лишь приспособлением к взглядам и настроениям царских властей, для которых писались «Записки». Убеждение в том, что почти идеальные условия конституционного периода существования Королевства вполне соответствовали потребностям польского народа и что возникновение национально-освободительного движения и восстание 1830 г. являются следствием печально сложившихся обстоятельств, недоразумений, возникших между поляками и царской администрацией, цесаревичем Константином и т. п., согласуется с общей политической позицией Авейде во время написания «Записок».

² Выдающийся польский просветитель Станислав Сташниц (1755—1826) передал принаследжавшее ему имение Грубешов крестьянскому обществу. Освобожденные от феодальной зависимости крестьяне получили в вечное владение (под управлением самого крестьянского общества) разделенные фольварочные земли.

знаю необходимым упомянуть о дальнейшей судьбе самой конституции. Только три года продолжалось ничем не возмущаемое спокойствие и взаимное доверие между жителями и правительством. Уже в 1818 г. правительство, предполагая, что свобода, даже в границах, определенных конституцией, может вредить ему, потрясти его власть и достоинство и предоставить то и другое разбору парламента и печатному общественному обсуждению, начало постепенно стеснять и ограничивать права, данные конституцией. Итак, оно расширило пределы власти наместника, заседания сейма сделало тайными и недоступными для публики, ввело цензуру и, наконец, вследствие оппозиции жителей и сейма против такого нарушения со стороны правительства конституции правительство нарушило право неприкосновенности личности депутата (posła), а закон *non tenem captivabimus nisi jure victum* не был вовсе уважаем. Такие действия правительства были нарушением конституции, к чему, как я уже упомянул, не было дано, по крайней мере в начале, никакого повода со стороны общества; преступления же и проступки против законов о печати и других, которые могли быть совершены некоторыми отдельными личностями, не могли быть для правительства достаточным поводом к нарушению конституции ко вреду всего общества. Оппозиция тотчас же возродилась и немедленно осуществилась в сильной оппозиции сейма, называемой калишской-Немоёвских¹. После нарушения неприкосновенности личности депутата и по удалении Немоёвских из Варшавы во время совещаний сейма, при горячем характере великого князя Константина Павловича, при ежедневных арестах (несмотря на существовавший закон *habeas corpus*²) разъединение между правительством и обществом постоянно возрастало и становилось грознее. Заговоры, питаемые несогласием и спорами общества с правительством, довершили остальное, они увеличили существовавшее уже разъединение и, наконец, произвели ноябрьское восстание, которое навсегда закончило конституционную жизнь Царства.

Упомянуто уже мною, что характер наместника Царства, великого князя Константина Павловича, много способствовал к увеличению разъединения между правительством и обществом. Бесспорно, личность великого князя многозначительна в судьбах Царства Польского до революции 1830 г. и имела большое влияние на события того времени, в особенности после кончины императора Александра I, и поэтому-то для большего уяснения этой эпохи нахожу уместным сказать здесь несколько слов о самом великом князе. Необыкновенный характер! смесь самых противоположных элементов: благородный до самого высшего посвящения, что доказал отречением своим от трона, одного из величайших и знаменитейших в Европе, для жены своей Иоанны Грудзинской, княгини Ловичской, скорый, вспыльчивый до самозабвения, до забвения всех условий и высокого достоинства своего как цесаревича и царского наместника, порою ласковый и мягкий, то снова суровый и придирчивый, доходивший иногда

.....
¹ Калишская оппозиция, или оппозиция Немоёвских, — сеймовая оппозиция, получившая название по лидерам — калишским депутатам Винцентию и Бокавентуре Немоёвским. Либерально-шляхетская оппозиция, впервые выступившая на сейме 1820 г., стояла в целом на позициях конституции 1815 г. и возражала лишь против политики правительства, направленной на ограничение в укреплении конституционных прав. Несмотря на ограниченный характер оппозиции, она вызвала резкое недовольство правительства. Когда в 1825 г. был созван сейм, Винцентий Немоёвский в нарушение закона о неприкосновенности депутата был задержан при въезде в Варшаву и выслан в свое имение.

² См. прим. 2 к стр. 164.

даже до жестокости *. О том, чувствовал ли он привязанность к полякам и заботился ли о их благе, говорить не стану, потому что не имеем в истории ни одного сколько-нибудь замечательного факта, который доказывал бы особое расположение великого князя к Польше и участие к судьбе ее; верно, однако же, и то, что он не желал нам зла, и в истории также нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о нерасположении и недоброжелательстве его к полякам. Для себя же великий князь находил звание наместника Царства и главнокомандующего польской армией самым лучшим, самым приятным и, если можно так выразиться, почетнейшим из всех званий, какие могло предоставить ему Российское государство. Отрекшись от трона, он не думал более ни о чем, жил только этим, и это было окончанием политической и военной его карьеры. Как главный вождь армии, и сверх того вследствие своего воспитания, призвания и направления, быть может, более всего в своей жизни любил он польское войско, любил его, как дитя свое, потешался им, ласкал его, словом весь был предан своей армии, смотрел на нее, как бы на свою собственность, и вместе с тем, как на самую лучшую, первую в свете, гордился ею, и без сомнения самолюбиво его льстило то, что в распоряжении его находилась такая армия **. С другой, однако же, стороны, великий князь, слишком заботившийся об усовершенствовании войска, мучил и изнурял его постоянными учениями, смотрами, парадами, строгими взысканиями за отступления не только от воинской дисциплины, но даже от самых малейших правил формы. Каждый ошибочный поворот, каждое не во время и не у места сказанное в свое оправдание слово, каждое отступление от формы пробуждали всю силу гнева великого князя, и тогда он делался неразборчивым и неумеренным в средствах. Для него не было тогда уже никакой разницы между чинами: и с генералами, и с младшими офицерами, и с солдатами великий князь одинаково обращался в такие минуты. Весьма натурально, что такое обращение великого князя в минуты вспыхнувшего гнева, которые повторялись притом довольно часто, обижало военную

* Одно из заговорщиков, а именно майора Лукасевича, великий князь до того ненавидел, что ни на минуту не мог забыть о нем. Не хочу приводить не имеющих, быть может, исторической верности рассказов польских о мучениях и истязаниях, которым был подвергнут Лукасевич; верно, однако же, что великий князь держал его в заключении всегда при себе, так что во время восстания, когда, кажется, не время было заниматься этим, не забыл о Лукасевиче и, отступая за границу Польши, взял его с собой. Дальнейшая судьба этого несчастного донныне неизвестна во всей Польше ¹.

** В первые дни восстания 1830 г. во время переговоров революционного правления с великим князем в Вержбне, когда это правление гарантировало свободное и беспрепятственное отступление русского войска (в числе 700), великий князь, не желая разлучаться с польской армией и с Царством Польским, спросил: «А что же я?» Польские историки усматривают в этом вопросе великого князя желание остаться в Варшаве и мысль его о независимой короне польской и даже хотят видеть в этом возродившиеся претензии на императорскую русскую корону, от которой он отказался.

Говорят, будто бы во время Гроховского сражения, когда батальоны, построенные Скржинецким в каре, остановили и отбили атаку русской кавалерии, бывший при этом очевидец великий князь обратился к главнокомандующему графу Дибичу и, забывшись, с восторгом сказал: «Видишь, видишь, — это мои. Браво, дети!»..

¹ Лукасевич, ошибочно вместо Лукасинский. Майор Валериан Лукасинский, организатор Национально-патриотического общества, был арестован в 1822 г. и в 1824 г. осужден на семь лет заключения. Во время восстания 1830 г. Лукасинский был вывезен из Польши и заключен в Шлиссельбург, где томился вплоть до смерти в 1868 г. после 46-летнего заключения. Чудовищный произвол царизма в отношении Лукасинского вызывал возмущение польского общества, хотя достоверных сведений о его судьбе не было, и еще в 40-х годах считалось, что Лукасинского нет в живых.

честь офицеров и даже солдат, гордившихся тем, что они были некогда товарищами «Великой Армии» Наполеона, и порождало к нему в войске нерасположение и даже ненависть.

Натурально также и то, что неудовольствие в войске способствовало действиям заговорщиков и распространяло их*. Вообще, однако же, с полной справедливостью можно сказать, что в войске было много симпатии и солдатской привязанности к особе великого князя, несмотря на все слабости и недостатки его характера и его действий как главнокомандовавшего. Некоторые полки, как например лучший из пехотных, знаменитый 4-й линейный полк, во время восстания был подозреваем в нерасположении к мятежу и в антиреволюционном направлении вследствие привязанности его к великому князю, и успел отклонить это подозрение только своим героизмом и своей храбростью во время войны**.

Взаимные отношения великого князя с обществом, управляемым на конституционных началах, не были даже такими, какие существовали между ним и войском; вся неровность характера великого князя проявлялась в этих отношениях с большей резкостью и, что хуже всего, с большим вредом для общества и для правительства. Великий князь, абсолютист по воспитанию, как бывший долгое время наследником престола, наконец, как и каждый член донныне самодержавно царствующего дома, с выше очерченным его характером, вовсе не понимал, можно сказать, конституционного правления; он вовсе не смотрел на конституцию и на права, гарантированные ею, как на основной закон, связывающий в равной мере как правительства, так и общества в одно нераздельное целое, но считал ее просто милостью правительства, настолько лишь для него обязательной, насколько это будет ему казаться соответственным, и смело с полной справедливостью можно сказать, что великий князь Константин считал себя абсолютным властелином Конгрессового Царства, которого ни в чем не могли обязывать существовавшие тогда законы, и что если на нем лежала какая-либо ответственность, то исключительно лишь перед монархом, без всякой нравственной и законной обязанности соблюдения прав, дарованных этим же монархом. Поэтому-то он смотрел на собрания сейма (не взирая на то, что сам некоторое время был депутатом тогдашнего 8-го округа Варшавы) как на бесцельную и пустую болтовню людей, ничего не делающих, а часто вредных; общественное мнение, свободу печати, периодические политические издания, критику действий внутренней политики считал неуважением власти, а людей с этим направлением, т. е. пишущих о таких предметах, — бумагомарателями, равно вредными как для правительства, так и для страны; всякую оппозицию, хотя бы самую законную, всякое мнение, противное тому или другому намерению или действию правительства, считал оскорблением власти, дерзостью, зародышем бунта. Поэтому-то великому князю казалось весьма простым, естественным и необходимым делом арестовать депутата во время совещаний сейма и выслать его из Варшавы¹, одним словом, нарушить конституционный закон о неприкосновенности депутатской личности, как скоро этот

* Отставки офицеров (между прочими и Хлопицкого) были весьма часты. Случались даже самоубийства (в Саксонском саду) обиженных великим князем. Бывали случаи, что великий князь не только бранил, но даже бил, чему подвергались в припадках его гнева и лица, пользовавшиеся его доверием.

** Между прочим, чины 4-го полка, чтобы отклонить от себя это подозрение, постановили и просили разрешения военной власти действовать в первом сражении одними штыками.

¹ См. прим. 1 к стр. 166.

депутат высказал оппозицию, хотя и законную, против действий правительства. Поэтому-то, наконец, и закон «*neminem captivabimus nisi iure victum*» настолько лишь был соблюдаем, насколько дозволяла это полиция.

Само собой разумеется, что при таком настроении и при таких убеждениях великий князь от всей души ненавидел заговорщиков, а в особенности военных, и не имел к ним ни малейшего милосердия *. Ненавидя революцию и стараясь всеми возможными способами не допустить ее вспышки, он приказывал следить, искать, арестовывать заговорщиков, не обращая ни малейшего внимания на существовавший закон «*habeas corpus*»; везде видел революционеров, терзал самого себя и других; вспышки сильного его гнева повторялись все чаще и чаще, и наконец он до того был измучен внутренней борьбой, усилениями открыт заговор и постоянными ошибочными донесениями полиции о сроках для начала восстания, что перестал вовсе верить донесениям и совершенно не поверил последнему верному донесению о сроке 29 ноября 1830 г.

Этого краткого очерка характера великого князя и отношений его к обществу и к войску будет достаточно, чтобы выказать, что личность великого князя при стеснении правительством конституционных прав, при изменении вообще политики императора Александра I (Аракчеев), при законной оппозиции сейма, при существовании и действиях заговорщиков много способствовала к увеличению разъединения между правительством и народом и даже к развитию действий самого заговора.

Прежде чем закончить начертанный выше обзор конституционного Царства кратким воспоминанием о заговорах, предшествовавших восстанию, постараюсь, насколько позволит мне моя память при полном недостатке материалов, представить вкратце положение других провинций польских, остающихся под скипетром российского императора, а именно Литвы и Руси ¹, ограничиваясь теми только фактами и очерками той эпохи, которые имели большее влияние на развитие нашей жизни.

С присоединением этих провинций к России они были разделены на губернии и подчинены центральному управлению всего государства, т. е. министерств в С.-Петербурге. В них введены были русские законы и администрация, а русский язык сделан официальным. Относительно законодательства и языка долгом считаю прибавить, если мне не изменяет память, что правом гражданским и отчасти уголовным оставался для жителей старый Литовский статут и что судопроизводство было введено на польском языке. Нетерпимости в отношении католического и греко-униатского вероисповеданий в царствование императора Александра I не замечаем **. Народность не была вовсе преследуема; напротив, вследствие значительно высокого просвещения, подвинутого стараниями незабвенного в памяти народа Виленского университета, просвещения, веденного чисто в духе народном ^а, можно

* Между прочим приказывал иногда арестованным мести улицы.

** О кратковременном царствовании ² императрицы Екатерины II и императора Павла I, как мало мне известно, не вспоминаю, потому что не хочу приводить за достоверное таких обстоятельств, в которых сам не уверен.

^а Здесь народный употреблено в смысле национальный, польский. Такая источная передача смысла польского слова *narodowy* встречается и в иных местах «Записок».

¹ Под Литвой здесь и в дальнейшем понимается историческая территория Великого княжества Литовского, т. е. как собственно Литва, так и Белоруссия, под Русью — территория Правобережной Украины.

² Имеется в виду кратковременное (с 1793—1795 гг. до 1796 г.) пребывание под властью Екатерины II земель, присоединенных к России в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой.

сказать, что развитие народности в Литве и Руси пользовалось отчасти особым, заботливым попечением правительства, по крайней мере до 1821/1822 г. Торговые, промышленные и вообще экономические условия страны особенно после 1812 г. также стали улучшаться и развиваться; о арестованиях же, или о каких-либо политических преследованиях в те времена нет ни малейших даже следов в истории.

Такое состояние этих провинций, хотя не вполне соответствующее их нуждам, но все же довольно удовлетворительное, продолжалось беспрепятственно от восшествия на престол императора Александра I почти до 1822 г. С этого же времени до 1831 г. состояние это делалось хуже с году на год. Но вообще можно сказать с полной справедливостью, что весь этот период времени до 1831 г. был относительно временем наилучшего благосостояния, каким только пользовались эти несчастные провинции от падения Польши до настоящего времени.

Я сказал, что относительно довольно хорошее состояние провинций не вполне удовлетворяло их нуждам, и действительно, интересы этих провинций, стремления и чувства жителей требовали гораздо более. Правительство ограничивалось, можно сказать, единственно только введением всего административного порядка и системы сбора податей, все же прочие отрасли внутренней политики оставались в стороне и предоставлены были доброй воле жителей: ни торговля, ни промышленность, ни земледелие, ни законодательство (*prawodawstwo*), — вообще ничто не было тронуту, и об этом правительство вовсе не заботилось. Сверх того, шляхта, в продолжение целых веков привыкшая к сеймам (*do życia sejmowego*), чувствовала всегда отсутствие их; уездные же и губернские собрания (*sejmiki*) никак не могли заменить ей этого недостатка.

Наконец, положение, в каком находилась Литва и Русь до восстания, не удовлетворяло жителей потому, что они желали сначала автономии внутреннего управления, а потом, со времени устройства (*ukonstytuowania*) Царства Польского, желали соединения всех польских провинций в одно целое на основании конституции, данной этому Царству.

Об этих-то желаниях жителей нахожу необходимым поговорить подробнее.

Родились они и развились: 1) вследствие всеобщего оживления в народе старых преданий о государственной независимости Польши 1772 г., возбужденного легионами, а также установлением и существованием Княжества Варшавского; 2) планами императора Александра I касательно внутренней административной автономии этих провинций и обещанием императора присоединить их к конгрессовому Королевству при устройстве этого Королевства; 3) существованием самого Королевства и действиями самого правительства в вышесказанных провинциях.

Относительно 1-го пункта, т. е. как сильно и решительно было влияние легионов и Княжества Варшавского на пробуждение жажды к независимости, о том говорил я выше; здесь припомню только, что Литовская конфедерация в Вильне объявила себя заодно с Варшавской конфедерацией относительно требований, представленных Наполеону в Вильне.

Относительно 2-го пункта: планы установления автономии для Великого княжества Литовского действительно существовали. Происходили они отчасти вследствие приязни между князем Адамом Чарторьским и императором Александром I и влияния оказываемого этой приязнью на монарха, отчасти из личных чувств и убеждений самого императора и отчасти

вследствие политики, стремившейся пересилить влияние Наполеона и легионистов. Одним словом, император Александр I намерен был восстановить всю Польшу под своим скипетром, но при тогдашних политических обстоятельствах, по невозможности осуществить этот план, император хотел создать как зародыш этого плана одно автономическое целое из провинций, бывших под его владычеством, под названием Великого княжества Литовского, на началах исторических преданий.

С этой целью происходили совещания с более выдающимися и влиятельнейшими личностями этих провинций, как напр[имер] с князем Адамом Чарторыским, кн. Друцким-Любецким, бывшим губернатором гродненским, а потом министром финансов в Царстве, Томашом Вавжецким, бывшим после падения и взятия в плен Костюшки главным вождем восстания, Михаилом Огинским, прежним эмигрантом и приверженцем Наполеона *; даже, если только мне память не изменяет, в Петербурге учреждена была комиссия, которая ближе рассматривала и разрабатывала этот проект.

Тогдашние политические обстоятельства и постоянные войны не дозволили осуществить и этих намерений императора. Однако же я должен прибавить, что как, с одной стороны, тогдашнее управление Литвы, ни в чем не препятствовавшее развитию народности и автономичных тенденций и даже благоприятствовавшее этому развитию распространение народного просвещения было следствием вышесказанных намерений, то, с другой стороны, эти же намерения возбудили в Литве и Руси надежды на автономию и склонили всеобщую симпатию этих провинций в пользу императора Александра, почти парализировавшую влияние Наполеона**. Во время войны 1812 г., несмотря на то, что Чарторыский не был уже министром иностранных дел, несмотря на конфедерацию Варшавско-Виленскую, Россия имела сильную партию в Литве, а Наполеон не только не встретил во многих местностях прежнего восторга со стороны поляков, но считал себя там, как в неприятельском крае.

После войны 1812 г. и после падения Наполеона, я уже говорил, как император Александр I старался на Венском конгрессе о предоставлении ему целой Польши (что в этом стремлении его поддерживали поляки и что в то время он один исключительно обладал их сочувствием к себе) и что это происходило вследствие его планов восстановления всей Польши под своим скипетром. Но когда это оказалось невозможным после окончательного решения польского вопроса на Венском конгрессе, то император обещал, как уже упомянуто мною, соединить Литву и Русь со вновь созданным Царством. Что эти намерения и обещания возбудили автономично-польские стремления Литвы и Руси — это само собою разумеется и не требует доказательства ***.

* Michel Ogiński. Mémoires¹.

** В это время влияние магнатских остатков, и в особенности упомянутых исторических личностей, было в Литве и Руси весьма значительно.

*** По моему убеждению, если бы тогда Литва и Русь были присоединены к Царству, то и не родилось бы даже мысли о революции и раз навсегда исчезли бы самые стремления к восстанию. Провинции, принадлежащие Австрии и Пруссии, тяготели бы к своему центру, к увеличенному таким образом Царству, что, повторяю, избавило бы правительство надолго, если не навсегда, от всякого опасения революции. А между тем возросло бы одно, а может быть, и другое поколение, которые бы уже ничуть не думали об отдельном троне (o udziel-pum tronie). Сверх того, такое положение дел в Польше имело бы для правительственной политики сильное и выгодное влияние на племена славянские, остающиеся под австрийским и турецким владычеством.

¹ Мемуары Михаила Огинского изданы в 4 томах в Париже в 1826—1827 гг.

Относительно 3-го пункта: конституционная жизнь соседнего Царства, в котором был и столь желанный шляхтой сейм, и исключительно польский официальный язык, и народная армия, равным образом производила сильное и неоспоримое влияние на жителей Литвы и Руси, тем более при существовании других, упомянутых уже мною влияний на население этих провинций.

Самая система управления в этих провинциях, как было сказано, помогала развитию упомянутых влияний. Хотя эти провинции и были разделены на губернии и подчинены центральному управлению в Петербурге, хотя администрация, а отчасти законы и официальный язык, были введены русские, *но все это только отчасти, только вполовину*, а потому при существовании статута Литовского, при польском судопроизводстве, при свободном и беспрепятственном развитии общенародных стремлений и при далеко подвинутом, быстро и блистательно развиваемом народном просвещении этих провинций образовалась двойственность в управлении, послужившая единственно в пользу стремлений автономично-польских.

Окончивши таким образом краткий очерк дореволюционной жизни Литвы и Руси, я должен для дополнения картины упомянуть еще о Виленском университете и о тогдашнем просвещении, получившем от него направление; это необходимо тем более, что влияние университета на нашу жизнь было до того значительно, что без преувеличения можно сказать: донныне мы чувствуем осязательно последствия этого влияния.

Виленский университет был основан в 1803 г. главным образом вследствие стараний Чарторьского, назначенного впоследствии попечителем (kurator) Виленского учебного округа. Благодаря неусыпной заботливости князя и громадным материальным средствам (доходы от сумм и имений так называемых понезуитских ¹), при всеобщем сочувствии жителей и стараниях самого университета он достиг вскоре блистательного состояния и в отношении преподавания и в отношении влияния на воспитание и просвещение в целой стране. Влияние его было тем более сильно и решительно, что все воспитание в стране, все низшие школы находились под его руководством и зависели от него. В 20 лет своего блестящего существования он возвысил в народе упавшее просвещение, освободив его от пеленок или вернее от цепей иезуитских, распространил его по всем уголкам края, очистил язык от макаронизмов и варшавской латыни, приготавливал не только ученых, но вместе и граждан страны, исполнявших свои обязанности с любовью и преданностью, так, как исполняли их учителя.

Университет имел значение неслыханное, мнение его было всемогуще, все поддерживали его; но при всем этом университет не подлежит упреку в революционных стремлениях, а тем более в революционных ковах.

В 1821—1822 гг. правительство, вероятно, вследствие перемены своей внутренней политики вообще и в особенности в отношении к Польше, полагая влияние университета опасным для себя и действия его противными цели государства, жизнь же университетской молодежи, соединение ее в корпорации (związek) под названием «променистых и филаретов» ², прини-

¹ Принадлежавшие ранее ордену иезуитов. После запрещения в 1773 г. ордена папой Климентом XIV доходы ордена были обращены в Польше на нужды учебных заведений, в значительной мере находившихся ранее в руках иезуитов.

² Дочерние организации тайного патриотического союза «филематов», созданного группой студентов Виленского университета в 1817 г. Отсутствие революционных положений

мая за обширный, стремящийся к революции заговор, устранило попечителя князя Чарторыского, на место которого назначен был попечителем округа сенатор Новосильцев. Сверх того, удалены были из Вильно профессора Лелевель и Голуховский, а многие из числа иностранцев сами вышли из университета.

Началось обширное следствие против общества «променистых и филаретов», причем сделаны весьма многие, *первые* еще в Литве и Руси арестования, и главные предводители корпорации, как например Томаш Зан, Чечот, Мицкевич, Ковальский и другие, были высланы в Россию. Следствием всего этого было совершенное рассеяние университетской молодежи; университет мало-помалу приходил в упадок, а затем вследствие революции 1830 г. был окончательно закрыт.

Эти действия правительства были тяжким бедствием для общественной жизни и тем более тяжким, что оно совершенно было незаслуженно. Незаслуженно потому, что подозрения и обвинения университета и молодежи были ошибочны и несправедливы, а опасения без всякого основания и преждевременны. Виленский университет был в полном значении слова польским, заботился, думал и трудился для польского просвещения, для развития и всестороннего прогресса польской общественной жизни, хотел также сделать польскими и университетскую молодежь, и зависимые от него низшие школы — все это правда; но ведь по естественному положению своему (*z natury swej*) он и не мог быть иным и действовать в другом роде, а само правительство не только не препятствовало тому, напротив, часто даже помогало.

Что университет в массе своих членов мог даже желать восстановления всей Польши, автономии провинций, т. е. Литвы и Руси, или присоединения их к Царству — и в этом согласиться можно; но стремление это было только желанием и притом одиночных только людей, но никогда ни университет или в отдельности кто-либо из профессоров не проводили пропаганды не только революционной, но даже пропаганды этих своих личных желаний, возбуждению и развитию которых в некоторой мере содействовало само правительство, как то объяснено мною выше.

А потому удар, нанесенный университету, был несправедлив. То же самое сказать можно и о процессе против «променистых и филаретов» и об уничтожении и рассеянии этих обществ.

Общества эти не имели никаких революционных стремлений и целей; главою и основателем общества «променистых» был воспитанник университета Томаш Зан, мысль которого состояла в том, чтобы иметь в братстве *ясно-лучезарно-чистых членов* (*jasno-promienisto-czystych*); «филареты» и «филоматы» были только названия разных степеней в обществе «променистых». Каждый член обязан был развивать в себе и в своих товарищах нравственность, чувство чести, т. е. человеческого достоинства, любовь к труду, привязанность к родной земле, к ее истории и языку. Далее общество это развивало в членах любовь к будущим их гражданским обязанностям, преследовало шляхетские предрассудки и причуды, сближало различные обществен-

.....
в уставе «променистых» отнюдь не означало, как полагал или хотел представить дело Авейде, что эти студенческие организации имели лишь просветительский и корпоративный характер. В действительности филоматам принадлежит выдающееся место в развитии польского национального движения в период, предшествующий восстанию 1830 г. Раскрытие тайных организаций виленского студенчества произошло не в 1821—1822 гг., как указывает Авейде, а в 1823 г.

ные сословия, приучало к изучению своей страны посредством обязательных путешествий и отдаваемых в них письменных отчетов, помогало беднейшим товарищам, а в семейства, более других проникнутые предрассудками шляхетства, высылало своих гувернеров, чтобы таким образом влиять на воспитание детей. Кроме того, члены обязаны были развивать в обществе любовь к родине, к ее истории и языку.

Устав общества был рассмотрен и утвержден университетскими властями и попечителем.

Все вышесказанное достаточно доказывает, что ни в уставе, ни в стремлениях общества «променистых» не было ничего революционного, хотя, без сомнения, Зан и другие главные руководители этого общества думали о восстановлении всей Польши и поддерживали автономично-польские стремления, но ведь в то время по закону этого нельзя было считать преступлением, тем более что о распространении этих стремлений в уставе «променистых» вовсе не упоминалось.

Повторяю, что удар, нанесенный университету, был несправедлив и ничем не оправдываем; прибавляю, что последовавшее оттого *первое* неудовольствие и печаль жителей были чрезвычайно сильны и что только с того времени, т. е. с 1822 г., начались в этих провинциях заговоры, хотя и не имевшие никакого значения и важности.

Частью и как бы ветвью Виленского университета был лицей в Кременце, проникнутый тем же духом и такими же принципами, но деятельность лицея и его влияние на жителей были, естественно, не столь обширны, как университета.

Окончив таким образом обзор событий и фактов, имевших влияние на развитие нашей народной жизни от падения Польши до революции 1830 г., мне остается еще для полноты этого обзора упомянуть о тогдашних заговорах.

Заговоры появляются у нас вскоре по восстановлении конгрессового Королевства, примерно, если не ошибаюсь, около 1816 или 1817 г.; с этого времени они уже непрерывно гнездятся и действуют в среде несчастного нашего общества.

Обстоятельной истории заговоров мы до сих пор не имеем. Эмигранты, хотя много и обо всем писали, хотя ничто не мешало им писать, однако ж, мало или даже почти ничего не оставили нам ни о заговорах до-революционных, ни вообще о столь важных в нашей жизни событиях в пятнадцатилетний период до революции 1830 г.

Но как в моем кратком историческом обзоре я не имею надобности представлять подробное и обстоятельное описание всех заговоров, то и ограничусь только заметкой о них и указанием главных их характеристических отличий.

Первым у нас тайным обществом было *Общество народных вольных каменщиков* (масонов)¹; *вторым* — *Общество патриотов* (Towarzystwo Patrio-

¹ *Общество народных вольных каменщиков (масонов)* — очевидно (с учетом частого в «Записках» Авейде неточного перевода польского слова *narodowy* — национальный — словом *народный*) речь идет об основанной Валерианом Лукасинским (см. примечание к стр. 167) в мае 1819 г. тайной организации «Национальное масонство». Авейде признает свою недостаточную осведомленность об этой организации, что проявляется в частности в важнейшем вопросе — в отрицании революционных ее тенденций. В действительности «Национальное масонство» было организацией с отчетливо выраженными национально-освободительными целями.

tyczne)¹, бывшее в сношениях с русскими декабристами, но, однако же, не могшее прийти к окончательному соглашению и соединению с ними; третьим, наконец, служившим как бы продолжением второго (которое было отчасти раскрыто и окончательно уничтожено процессом, веденным в сеймовом суде, а равно и арестованиями)². О других, менее важных, как-то: *о Косиничах*³, Угольщиках (*Węglarzach*)⁴ и прочих не упоминаю.

Рассматривая состав этих заговоров, положение их, силу и деятельность, видим следующие характеризующие их черты:

1. Все они имели целью своих действий всю Польшу в пределах ее до раздела 1772 г. и все более или менее стремились проникнуть и распространиться во всех польских провинциях, безразлично к какому бы правительству они ни принадлежали.

2. Первоначальные общества, судя по их духу и по всем их действиям, можно назвать миролюбивыми. Они не имели в виду революции, не проповедовали ее и не стремились к ней, а исключительно старались оживлять исторические предания, любовь к своей земле и языку, поддерживать постоянную связь и единство разных провинций, сближать разные слои общества, уничтожать предрассудки и т. п., и если общества эти были тайными, то (по моему личному предположению) не столько вследствие необходимости и опасения правительства, а по свойству форм и обычаев всех вообще масонских обществ того времени*.

3. Все позднейшие заговоры имели уже целью исключительно государственную независимость Польши, а средством к тому считали вооруженное восстание или революцию, которую пропагандировали и к которой стремились; театром же действий всегда назначали они провинции, находящиеся под владычеством России.

4. Основателями и большей частью членами заговоров были военные, обыкновенно низших степеней, так что чины полковника или даже майора встречались в них весьма редко, в виде исключения. В особенности можно сказать это о заговорах, бывших после масонских лож. Впрочем, число их никогда не было значительно.

5. Заговорщики, имевшие целью революцию, составляли заговор и действовали, не зная ни плана, ни средств для своих действий. Это лучше всего доказывает самая революция 1830 г. После ночи 29 ноября начальники восстания бросили свое дело на произвол судьбы, сами не зная порядочно, какое творение они произвели на свет.

* О наших масонах того времени многое остается доньше тайной, которой они так тщателью себя окружали.

¹ *Общество патриотов, точнее Патриотическое (или Национально-патриотическое) общество* было основано В. Лукасинским в мае 1821 г. как более узкая и более законспирированная организация вместо распущенного в 1820 г. «Национального масонства». Арест в 1822 г. Лукасинского и группы деятелей Патриотического общества не прекратил его существования. В 1824—1825 гг. оно завязывает контакты с Южным обществом декабристов. В 1826 г. Патриотическое общество было обнаружено, его руководство пребано суду польского сейма.

² *Заговор подпрапорщиков* — тайная повстанческая организация, возникшая в 1828 г. в варшавской школе подхорунжих (подпрапорщиков), полсжившая 29 нсясря 1830 г. начало восстанию 1830—1831 гг.

³ *Косинеры (у Авейде ошибочно косиничи)* — тайное общество, возникшее в княжестве Познанском в 1820 г. и объединившееся (частично) с Патристическим обществом.

⁴ *Угольщики* — карбонари — международная революционная организация, первоначальные формы и методы деятельности которой возникли в освободительном движении в Италии в первой трети XIX в.

Один Мохнацкий Мавриций знал хорошо и цель действий, и средства, но и его не понимали и даже не слушали.

6. Заговоры дореволюционные, их состав, число, сила, влияние и деятельность росли и увеличивались, с одной стороны, по мере постепенной потери надежды на присоединение Литвы и Руси к Царству Польскому и, с другой стороны, после стеснения и нарушения правительством конституции, по мере образования оппозиции законной и незаконной и по мере проявления и увеличения неудовольствия жителей, как в Царстве, так и в провинциях*.

7. Все заговоры, а в особенности имевшие целью революцию, плавали, так сказать, на поверхности общества, не опускаясь в глубину его, постоянно составлялись в значительном большинстве своем из военных и никогда не проникали в массы народа. Заговор подпрапорщиков едва ли мог иметь между своими членами двух-трех депутатов сейма, а из шляхты и городских жителей весьма немногие, и так сказать в виде исключения, принадлежали к его составу. Достаточно вспомнить, что в первый же день восстания, а именно 30 ноября, тогдашнее правительство, Административный совет, который с самыми незначительными изменениями сделался и революционным правительством, обратился с воззванием к жителям от имени императора Николая I, как бы ничего не зная о революции, вовсе не понимая ее и считая ее сумасшедшим взрывом неповиновения военной молодежи. Даже варшавские жители только на другой день узнали, что движение, произведенное 29 ноября, было восстанием **. Они вовсе его не ожидали и никогда не могли вполне понять его, несмотря на все старания революционных клубов. Общественное мнение во время восстания было мнением одиночных личностей, а не целых масс или какого-либо общественного сословия.

Надобно также заметить, что заговоры, имевшие своим центром Царство Польское, весьма слабо были распространены за его пределами, т. е. в Литве и Руси, и не имели там никакого значения и влияния. Даже самая революция 1830 г. послалась в Литву к заговорщикам не приказание начать восстание, а лишь воззвания и эмиссаров для побуждения к восстанию, которое поэтому и вспыхнуло там только в конце марта 1831 г., не получив никакого направления от революционного правительства и без всякой от него иерархической зависимости. Не стану вспоминать о том, что диктатор Хлопицкий «не заготовил ни одного кремешка для этих провинций» («nie miał ani jednej skałki dla tych prowincji») и точно так же понимали это дело революционное правительство и сейм ***.

Все это доказывает, что тогдашние заговоры, по прежнему моему выражению, плавали по поверхности общества, не опускаясь в глубину его.

* M o s h n a c k i. Powstanie w. r. 1831; Autor «Wielkiego Tygodnia» (zdaje się że to Hoffman) Królestwo Polskie do 30 r.¹

** В первые часы восстания купцы заперли свои лавки, и улицы были пусты, и только ночью начал народ (Stare Miasto) принимать более деятельное участие в ночной свалке и то благодаря напряженным усилиям заговорщиков и освобожденных из Кармелитского монастыря политических арестантов.

*** Заговорщики «подпрапорщики» более имели сношений с Литовским корпусом Розена, чем с самой Литвой.

¹ М. М о s h n a c k и. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831, 2 t. Paryż 1834 (есть сокращенный русский перевод — М. Мохнацкий. Польское восстание 1830—1831 гг. «Русская старина», 1884, 1890, 1891); Autor «Wielkiego Tygodnia Polaków» [К. В. А. Hoffman]. Rzut oka na stan polityczny Królestwa Polskiego pod panowaniem rosyjskim przez ciąg lat piętnastu 1815—1830. Warszawa, 1831 (К. Б. А. Хоффман. Обзор политического положения Королевства Польского под русским управлением в пятнадцатилетие 1815—1830. Варшава, 1831).

8. Все эти общества, за исключением разве слабых попыток масонов, не обращали никакого внимания на искупление грехов и заблуждений прошедшего и ничуть о том не помышляли. А как мало страна подвинулась в этом отношении, достаточно показывает то, что в 1831 г., во время самого сильного революционного разгара и одушевления, Лелевель не мог провести через сейм даже закон об одном только *уничтожении барщины* и что евреи варшавские *не могли выпросить у революционного правительства разрешения* формировать отряды волонтеров; право же принадлежать к составу варшавской народной гвардии было предоставлено им с большими затруднениями *. Эти грустные факты подтверждают истину вышесказанных слов моих.

9. Тайные общества увеличивали опасения правительства; несправедливые и неосновательные его подозрения они делали основательными и справедливыми и тем самым содействовали к большему и большему ограничению конституционных прав; они увеличивали негодование и реакцию правительства и великого князя и вместе с тем постепенно усиливали пагубное для нас разъединение между правительством и обществом.

10. Наконец, на основании всех вышеприведенных пунктов, следует еще сказать, что для существования заговоров не было никакой существенной и полезной для общества причины. Несмотря на нарушение конституции в Царстве, несмотря на перемену правительственной политики в Литве и Руси, положение страны вовсе не было так дурно и отчаянно, чтобы для исхода требовалось непременно вооруженное восстание. Вообще не подлежит сомнению, что страна выиграла бы более, если бы не было заговоров.

И можно ли быстро было посредством революции достигнуть независимости всей Польши? Между заговорщиками не было никого, кто бы этот вопрос серьезно поднял и рассмотрел; революционное же правительство от начала и до конца своего существования никогда этому не верило.

Таковы вообще характеристические черты дореволюционных заговоров, такими они были действительно, и вот что следовало сказать о них.

Эти-то заговоры произвели восстание 1830 и 1831 гг. История его известна. Не буду описывать его даже в общих чертах. Для меня, для моего главного предмета достаточно факта, что оно было. Для меня достаточно упомянуть, что хотя творцы восстания не знали ни его цели, ни его силы и средств, что хотя революция не была существенно необходима для общества, что хотя само революционное правительство не понимало ее никогда, ни на одну минуту, не верило в ее успех, а искало какой-то всемогущей помощи из-за границы, что, наконец, хотя революция не принесла ни одной новой идеи для новой жизни, для народа, для исповеданий, для соединенных с Польшей народностей, тем не менее народ, призванный к борьбе за независимый быт Польши, сражался и на алтарь революции принес в жертву целое поколение. После десятимесячной борьбы восстание пало, оставляя после себя, с одной стороны, огромную, неслыханную до сих пор, эмиграцию, и с другой, — в самом крае, несчастья, пепелища, осиротелость и слезы. Все усилия и труды 15 лет, все богатые запасы и средства, все прекрасное, с таким трудом добытое благосостояние, все столь блистательно развивавшиеся отрасли, оживленное просвещение и науки — сделались жертвою революции.

* О признании прав народности русской^a, в то же время совершенно еще не пробужденной, не стану даже упоминать.

^a Очевидно, ошибочный перевод слова *ruski*, т. е. украинский.

Вот вкратце история жизни нашего народа от падения Польши до 1831 г. включительно. Но прежде чем перейти к рассмотрению событий и фактов последующей эпохи, я хочу свести все вышеописанное прошедшее в те главные пункты, в те, так сказать, результаты, которые это прошедшее оставило молодому нынешнему поколению.

Итак, все прошедшее, от падения Польши до 1831 г., высказало нам:

1. Что мы жили прежде целые века жизнью самобытной, как независимое государство, и что чуждые государства, хотя по нашей вине (о чем наши отцы мало говорили нам), разделили наше отечество между собою.

2. Что одновременно с окончательным падением страны, ^a Костюшко усиливался в неровной ^a кровавой борьбе спасти погибающую, а вернее сказать, уже погибшую независимость.

3. Что отцы наши легионисты сражались и гибли с величайшим самоотвержением и погибали на всех театрах войн своего времени с мыслью, что они сражаются и гибнут для независимого быта своего народа, и этим облитым кровью завещанием передали следующим за ними поколениям свои стремления и мысли.

4. Что мы краткое время имели независимое Варшавское княжество и что оживленные его существованием, а равно верой и чувствами легионистов, мы захотели независимости всей Польши, что и высказали отцы наши в актах конфедерации Варшавской и Виленской в 1812 г.

5. Что одновременно с тем император Александр I своими намерениями восстановить под своим скипетром всю Польшу также оживил в нас предания о независимом государственном существовании.

6. Что после падения Наполеона совещающаяся на Венском конгрессе Европа признала необходимым существование всей Польши, с той разницей, что Александр I хотел иметь ее под своим владычеством, а другие монархи желали видеть ее государством независимым, с отдельным от российского престолом.

7. Что когда воссоздание Польши сделалось невозможным и когда на Венском конгрессе произведен был раздел польских земель, существующий и доныне, мы получили Царство Польское, управляемое на основаниях конституции, и обещание императора Александра I, сильно влиявшее на расположение, на всю жизнь тогдашних жителей, соединить Литву и Русь с Царством Польским в одно автономическое целое.

8. Что мы 15 лет пользовались в Царстве прекрасной конституционной жизнью, блистательным и всесторонним развитием народных сил и действительным благосостоянием, в других же провинциях, несмотря на разного рода недостатки, тогдашняя жизнь была благоприятнее, чем в продолжение всех последующих лет, и что на всем пространстве прежней Польши до 1830 г. включительно и особенно до 1822 г. ничто, даже самая система тогдашнего правительства, не препятствовала развитию народности и стремлений к совершенной государственной независимости страны или к автономии.

9. Что мы долгое время имели навеки сохранившийся в памяти народа Виленский университет, бывший отцом новейшего нашего современного просвещения и его воспитанников «променистых», и что действия их и труды не только ничем не были потревожены, а, напротив, были как бы вспомоществуемы и покровительствуемы правительством.

.....
^{a—a} *правильнее — Костюшко пытался в неровной и т. д.*

10. Что примерно около 1820 г. само правительство вследствие неосновательных и преждевременных опасений, равно вредных как для правительства, так и для общества, начало стеснять конституционные права в Царстве и свободное развитие народности в других провинциях и что это *прежде всего* возбудило законную и незаконную оппозицию со стороны жителей; неудовольствие постепенно делалось всеобщим и усиливалось вследствие личных свойств и действий великого князя Константина Павловича.

11. Что ко вреду нашему (о чем теперь как об исторической истине сказать можно) в недрах нашего общества возникли заговоры, стремившиеся к государственной независимости Польши и увеличивавшие между тем неудовольствие и разлад между правительством и народом.

12. Что эти заговоры создали восстание 1831 г., что отцы наши принесли в жертву свою жизнь и свое достояние в борьбе за независимый быт Польши и что после десятимесячной трудной борьбы они были побеждены и удалены в добровольную ссылку.

Таковы были результаты, оставленные нашему поколению прошедшим до 1831 г. *

.....

* Если в представленном до сих пор обзоре означил я не с полной исторической точностью какой-нибудь факт или какое-нибудь число (в чем, впрочем, сомневаюсь), то пусть в оправдание мое послужит то обстоятельство, что моим единственным материалом была моя довольно измученная память. Источниками моими, из коих когда-то черпал я свои сведения, были большей частью источники польские; важнейшие и совершеннейшие из них я указал. Во всем описании я старался только указать события прошедшего и его характер, но воздерживался от критики и заявления своих личных убеждений и мнений.

Глава II

ВЗГЛЯД НА ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ С 1831 ПО 1856 Г.

Весь этот период от революции 1831 г. до вступления на престол императора Александра II был несчастнейшим для нашего бедного народа. Все, казалось, соединилось, чтобы сделать жизнь эту и без того уже горькую вследствие бедствий революции, еще более жалкой и злополучной. В продолжение всего этого времени мы не только не пользовались счастьем и благоденствием, но даже лишены были и обыкновенного спокойствия, обыкновенной тишины ежедневной жизни. С одной стороны, тотчас по окончании революции правительство с задетой за живое гордостью выступило против лиц и общества, сделавших революцию, не щадило в течение всего этого времени ничего, ни одной отрасли внутренней политики конституционного Королевства, ни одной отрасли нашего быта, так прекрасно недавно еще развивавшегося, и при этом обращалось без всякого милосердия с жертвами революционных стремлений в народе.

С другой стороны, неумеренная и горячая деятельность эмиграции и возбужденная влиянием и непосредственным руководством эмиграции столь же неумеренная и горячая деятельность в самой стране, все наши дипломатии и заграничные кружки, посылки эмиссаров, заговоры, неудачные восстания и эмиграции исторгали у бедной страны год за годом все новые и все большие жертвы. Все это мешало воспитать хоть одно молодое поколение; прежде чем отцы наши успели узнать их, эти бедные дети были пожираемы пламенем внутренней боли и эмигрантских учений, огнем страшной жажды государственной независимости Польши и, не успев вырасти, падали невинными жертвами напряженных, но бессильных усилий Версальской и Лондонской централизации*, жертвами наставлений этих своих старших братьев и отцов. Грустное и ужасное время! Тем более грустное и ужасное, что оно было периодом посева для нашего нынешнего поколения: сеяло правительство, сеяли и отцы наши, каждый сеял горькие и кровавые зерна, зато самый плод, пропитанный слезами и страданиями, вышел — увыл! — во сто раз кровавее.

Истории этой эпохи нашей жизни, которая заключала бы в себе и правительственную, и общественную деятельность, не имеем до сих пор. Никто

* Об этих централизациях будет изложено ниже.

еще не приступал к этой трудной и обширной работе, и потому мне трудно, и тем более не имея под рукой никаких материалов, представить в надлежащем свете и обстоятельно тогдашнюю жизнь; буду, однако же, стараться в этом отрывочном обзоре не пропустить ничего, что имело более сильное влияние на наше положение. Сверх того, я должен предупредить, что в этом обзоре я не имею возможности ни соблюдать точный хронологический порядок, ни поручиться за историческую верность времени, цифр или даже названий, как равно не имею возможности в настоящую минуту представить все малозначущие подробности каждого из событий. Недостатки эти ни в чем, однако, не нарушат правдивости всего моего рассказа.

Для большей ясности обзора представлю отдельно: 1) правительственные действия в рассматриваемую эпоху, затем 2) действия общества и, наконец, 3) как бы общий результат действий обеих сторон.

1) *Правительственные действия.* Система, которой держалось правительство в продолжение всей этой эпохи, до Парижского мира, названа *системой военной диктатуры*. И справедливо. Тогдашнее правительство было в полном смысле военной диктатурой, сильной, проводимой с неумолимой логикой, не ослабевавшей ни на минуту, а страна всегда состояла на военном положении. Само это название показывает уже в некоторой степени, что внутренняя общественная жизнь не могла быть нормальной и не могла развиваться соответственно требованиям века и своим существенным свойствам.

К этому очерку тогдашней системы надобно еще прибавить постоянство и очевидность усилий правительства, направленных, если не к уничтожению польской народности, то по крайней мере к поставлению сильных и решительных преград к ее развитию. Вся же эта правительственная система происходила: во-первых, вследствие потребности и интереса правительства не допускать не только вооруженного восстания, но даже революционных стремлений и связей, которые проявлялись в наших попытках того времени; во-вторых, вследствие общей политики (ложной и вредной), которой правительство держалось во всем государстве.

После общей во всей стране правительственной реакции, последовавшей в первое время после восстания и выражавшейся конфискациями, строгими наказаниями — как-то: ссылкой в Сибирь и в каторжную работу и даже высылкой в Россию детей мятежников *, жизнь сделалась более нормальной, чрезвычайные репрессивные меры заменены были обыкновенными.

Не имея возможности проследить год за годом действия правительства (да это было бы и излишне), постараюсь представить общность их в обзоре состояния отдельных отраслей внутреннего управления, в какой находились они до вступления на престол императора Александра II (да и позднее еще), не обращая внимания на то, когда и вследствие чего эти отрасли пришли к такому состоянию.

.....
* В этом уверяют и приводят в доказательство факты и наши эмигрантские записки, и изустные показания. Эдмунд Ружицкий, известный предводитель восстания на Руси, был одним из таких детей. Сигизмунд Сераковский до 10-летнего возраста скрывается в одежде девочки своею матерью, из опасения, чтобы правительство не вывезло его в Россию¹. Вывезенные дети находились под опекой правительства и воспитывались на его счет в военных заведениях.

¹ Эдмунд Ружицкий (род. в 1828 г.), сын участника восстания 1830—1831 гг., полковника Кароля Ружицкого, находившегося затем в эмиграции. Воспитывался по приказанию Николая I в Пажеском корпусе. Зыгмунт Сераковский (род. в 1826 г.) был также сыном участника восстания 1830—1831 гг., погибшего в боях. Упомянутый Авейде факт переодевания ребенка, чтобы уберечь его от принудительного вывоза в кадетский корпус, подтверждается биографами Сераковского.

а) В Царстве Польском. Польское войско и конституция прежде всего были уничтожены. Правительство намеревалось вознаградить общество, хотя отчасти, за отнятие конституции изданием в 1832 г. Органического статута¹, допускавшего некоторое участие жителей в управлении их местными интересами и нуждами и некоторый контроль над местной администрацией. Статут этот не был, однако же, введен в действие и остался мертвой буквой. С этим погибла прежняя автономия Королевства. Целью действий правительства очевидно было:

1. Уничтожение какой бы то ни было, малейшей даже, административной автономии в стране и стремление к сосредоточению управления в государственных министерствах в Петербурге.

2. Низведение управления наместника до значения генерал-губернаторства, соответственно другим территориально-административным подразделениям империи, а управления министерства статс-секретаря в Петербурге до значения канцелярии для сношений наместника с верховной властью и с министерствами.

3. Стремление к введению в Царстве общерусского административного порядка, законодательства и системы воспитания. Это подтверждается всеми действиями правительства того времени. Итак:

1. *Публичное воспитание.* Вскоре после революции уничтожена была комиссия народного просвещения и вероисповеданий; управление вероисповеданий присоединено было к комиссии внутренних дел, а просвещение с тех пор подчинено было управлению Варшавского учебного округа с зависимостью от министерства просвещения в Петербурге². Сношения попечителя (kuratora) с министерством производились на русском языке; внутренняя же корреспонденция сначала исполнялась по-польски, но понемногу и здесь русский язык делался официальным. Воспитание находилось у нас в плачевном состоянии, а чем далее, тем хуже. Варшавский университет был закрыт точас после революции, и страна оставалась без всякого высшего училища почти до 1840—1841 гг., в котором учреждено было в Варшаве слабое, не соответствовавшее ни требованиям науки, ни потребностям страны заведение, называвшееся «Двухгодичным курсом правоведения» (Kursa prawne dwuletnie). Но существование и этого заведения продолжалось

¹ Органический статут, изданный в 1832 г. Николаем I, представлял собою основной закон для Королевства Польского вместо отмененной конституции 1815 г. Статут закреплял уничтожение сейма и отдельной польской армии, отменял отдельную коронацию царей в Варшаве в качестве польских королей (отдельная коронация юридически подчеркивала суверенитет Королевства Польского), но декларировал сохранение ряда элементов автономии Королевства (Государственный совет, правительственные комиссии, отдельная финансовая и монетная система и т. п.) и гражданских законов, а также прав польского языка. Изданный в целях демонстрации «великодушия» монарха и воздействия на общественное мнение за рубежом, возмущенное репрессиями царизма против поляков после подавления восстания 1830—1831 гг., Органический статут остался мертвой буквой. Вновь введенное весной 1833 г. в связи с экспедицией Заливского военное положение сохранялось в Королевстве Польском в течение всего царствования Николая I. В 30—40-е годы был осуществлен ряд мер, распространявших на Королевство Польское общеперскую систему (замена воеводств губерниями, введение русской монетной системы, введение русского уголовного кодекса и т. п.), был ликвидирован Государственный совет Королевства, а вся практика действий царских властей ни в какой мере не считалась с гарантиями, декларированными Органическим статутом.

² Комиссия вероисповеданий и народного просвещения была присоединена к комиссии внутренних дел сразу после подавления восстания 1830—1831 гг. Организация Варшавского учебного округа, подчиненного общероссийскому министерству просвещения, была осуществлена в 1839 г.

не более трех лет, и курс правоведения был закрыт по той причине, что несколько учеников этого училища принимали участие в заговоре. Вместо этого открыты были две кафедры для преподавания законов, действующих в Царстве Польском, при юридических факультетах Петербургского и Московского университетов. Таким образом, высшее образование молодежи в самой стране сделалось невозможным. Воспитание за границей было формально запрещено, а вследствие затруднений, издержек и требуемых формальностей, какими сопровождалось получение паспорта для выезда за границу, посещение заграничных университетов было особенной редкостью, даже для детей богатых родителей, да и то лишь под предлогом болезни. Образование в университетах империи, какое нам было дозволено, также следует считать редкостью и ничего не значившим для массы жителей, частью по причине затруднений в получении разрешения определиться в один из русских университетов (правила требовали представления 3000 злотых польских кауции^а за освобождение от военной службы), частью же по причине значительных издержек на проезд и содержание, которые мог сделать не всякий отец, или, наконец, по причине предубеждения жителей к отправлению детей в Россию, которой они не знали и которая была им представляема в неблагоприятном и неверном виде. Гимназии и уездные училища пострадали от новой системы подобно университету. Число гимназий постепенно уменьшалось (как будто потребность просвещения с течением времени не возрастала, а уменьшалась), и так вместо бывших у нас в 1830 г. 15 гимназий к концу этой эпохи и даже до последней реформы, т. е. по истечении 30 лет, состояло их только 10. К этому следует прибавить, что вступление в гимназии было воспрещено сыновьям недворян и нечиновников и, таким образом, дети мещан, крестьян и евреев были лишены гимназического образования. Уездных училищ в 1830 г. было у нас 18, и в продолжении почти 30 лет число их увеличилось только четвертью, так что всего было 22. Элементарные городские школы, а в особенности сельские, совершенно были, можно сказать, заброшены и вовсе не пользовались попечением правительства; напротив, есть факты (и один мне самому хорошо известен), доказывающие, что в этом отношении дирекция просвещения в Царстве делала даже большие, как бы умышленные, препятствия частным усилиям¹.

К этому очерку постепенного упадка наших училищ надобно прибавить еще несколько слов о системе обучения вообще и особенно в гимназиях.

Стыдно, однако ж необходимо сказать, что направление наших училищ, преподавание и распределение наук были таковы, как будто нарочно рассчитывали на то, чтобы учащаяся молодежь ничему не научилась и чтобы даже в нравственном отношении не приобрела твердых и добрых начал. Систему обучения переменили непрерывно через каждые несколько лет; то прибавляли 8-й класс, какой-то философско-юридический, то разделяли преподавание на филологическое и математическое, то уничтожали это разделение, то снова возвращались к нему с новыми изменениями и т. п.

^а *Cautio* — залог (лат.).

¹ *Общая характеристика условий развития просвещения в Королевстве Польском дана Аевиде правильно. Приведенные им на память цифровые данные нуждаются в уточнении, но действительная картина еще более красноречива: в 1829 г. было 15 гимназий с общим числом учащихся свыше 6 тысяч, к 1848 г. осталось 8 гимназий, в которых училось менее 4 тыс. человек. Уездных (поветовых) училищ было в 1829 г. 21 (3,8 тыс. учащихся), а в 1848 — 22 (2,2 тыс. учащихся).*

Преподавание русского языка было расширено более всех других предметов, польский же язык и польская литература поставлены были почти наряду с немецким и французским языками, которые названы были прибавочными. Польская история была преподаваема на русском языке, а впоследствии перестали ее считать даже отдельным предметом и преподавали вместе с русской историей как добавок к ней. Постепенно вводилось преподавание на русском языке и других наук, тогда как по выходе из училища русский язык не имел у нас почти никакого практического применения, а дети изучали его с трудом и с преубеждением. Вообще преподавание и все обучение было весьма слабо, было более формальное, поверхностное, нежели основательное и существенное.

Относительно же наблюдения за нравственностью учащихся и внушения им любви к наукам я сам как ученик того времени скажу с полной добросовестностью, что более тогда было заботы о мундирных пуговицах, чем о нравственном поведении детей или об их прилежании и любви к наукам. Известны грустные факты, случавшиеся между учениками институтов Шляхетского и маримонтского*. Эти дети умели делать относительно огромные долги и кутить, как старые, тут же, под глазом училищного начальства.

Такова была система воспитания, которой у нас держалось правительство после 1831 г. Не критикую, а представляю только ее общие черты, полагая, что этого достаточно, чтобы выказать всю ее несостоятельность, а именно:

1. Что система эта сдерживала и силилась уничтожить естественное развитие польской народности и стремилась, позволю себе сказать, привить вместо ее народность русскую.

2. Что система эта происходила от неправильного убеждения, будто бы бывшее до тех пор направление просвещения вело молодое поколение к пагубным революционным стремлениям и что потому распространение образования на основаниях польской народности — вредно.

3. Что система эта как отнимающая у общества благотворность надлежащего и основательного просвещения была и неизбежно должна была быть вредной как для правительства, так и для общества.

Как добавление к очерку правительственных действий в отношении публичного воспитания в Царстве считаю необходимым сказать еще несколько слов о цензуре, находившейся под управлением учебного округа. Грустно сказать, что то, о чем в настоящее время официальные газеты громко говорят и рассуждают, обо всем этом в течение всего времени до 1856 г. (да даже и позднее) нельзя было сделать даже малейшего намека. Не только не дозволялось писать и вспоминать о действиях эмиграции, о революции 1831 г. и вообще о неслишком давнем прошедшем, не только не дозволялось обсуждать какой-либо вопрос, касающийся внутреннего быта или заграничной политики, но даже такие выражения, как «отечество», «народность», «Польша», имена Мицкевича, Лелевеля были тщательно вычеркиваемы цензурным

* Самое учреждение Шляхетского института заслуживает резкого порицания как заведение, способствовавшее к отличию шляхетских детей от нешляхетских и не дававшее притом ни в каком отношении образования лучшего и высшего, чем общее гимназическое. И действительно такое отличие развивало в детях легкомыслие, шляхетскую глупость и поддерживало старые предрассудки и пороки. Поэтому и общественное мнение называло институт «*Wlanozgodny*» (производящим ветрогонов)^а.

^а *Wlanozgodny* — (иронически искаженное наименование благородный) — производящий шутов, ничтожествов.

комитетом *. Такая чрезмерная строгость в этом отношении была бы только смешна, если бы не производила грустных последствий; замечу между прочим, что каждый запрещенный плод, иногда глупейшая книжка, не пропущенная цензурой, получала незаслуженный вес, огромное значение и производила влияние на умы молодых, а часто и немолодых людей. Такая цензура немало содействовала к замедлению правильного просвещения и подчинила наше слабое, невыработанное общественное мнение решительному влиянию этих самых запрещенных книжек, т. е. влиянию их сочинителей-эмигрантов.

Для краткости пропускаю более подробное изложение вредного влияния излишней строгости цензуры как для правительства, так и для нашего общества и упоминаю о тех только дурных сторонах, которые более относятся к предмету моего труда; однако же не излишним будет еще, кроме упомянутого, заметить, что вследствие решительного остракизма общественного мнения правительство лишилось средств иметь верные сведения о существенных наших потребностях, о главных действующих побуждениях и сделалось чуждым всей нашей жизни.

II. В том же духе централизованного управления Царством в петербургских министерствах были подчинены центральному управлению империи: *почты, сухопутные и водяные сообщения и таможни*. Официальный язык в этих управлениях введен был частью русский; собственно, только в управлении путей сообщения остался официальным преимущественно польский язык; в управлениях же почт и таможен первенствовал русский язык. Что эта перемена нимало не послужила в пользу империи и повредила без малейшего сомнения Царству, того не стану и доказывать; двойственность управления и незнание здешних местных потребностей сами уже достаточно доказывают это.

III. *Законодательство*. Главные тенденции и намерения правительства, о которых говорено было выше, и в этой отрасли произвели изменения, которые так же, как и другие, были вредны и задерживали естественное ее развитие. Со времени уничтожения конституции и дореволюционных законодательных учреждений основные законы постановляемы были для нас в Петербурге, в Государственном совете, один департамент которого занимался исключительно делами Царства Польского. Весьма естественно, что этот департамент, не зная нашей страны и ее потребностей, не мог постановлять для нас соответственных и хороших законов. В самой стране инициатива общества была устранена вовсе, влияние на наше законодательство имели и могли иметь только Совет управления Царства и директоры комиссий¹, составлявшие почти исключительно этот совет. Эти правительственные органы также не могли представлять Государственному Совету в Петербурге соответствующих нашим нуждам проектов, потому что представители этих органов были или русские и всего чаще бывшие военные, которые с незнанием края, технической стороны дела соединяли в себе систему и общее направление правительства (т. е. задержание развития народности и вообще прогресса), или же поляки, служившие исключительно только для жалования и

* Некоторые книжки, находящиеся в нынешней тюремной библиотеке и, как видно, вышедшие из цензурного комитета, носят на себе следы этого преувеличенного цензурного усердия.

¹ После восстания 1830—1831 гг. члены Совета управления (Административного совета), возглавлявшие комиссии, стали называться не министрами, а директорами.

старые канцелярские рутинисты, которые при совершенном отсутствии министерской самостоятельности, увлеченные рутинной, несмотря на все свои практические познания, действиями своими не могли принести пользы стране. Вместе с таким изменением способа постановления для нас законов следует вспомнить еще о другой перемене, равно бесполезной и вредной для общества. Хочу сказать о законодательной комиссии в Петербурге при II отделении собственной его императорского величества канцелярии. Эта комиссия учреждена была с той целью, чтобы сблизить наше законодательство с русским, или, правильнее, чтобы ввести в Царство русское законодательство вместо прежнего, польского. Она была под номинальным лишь председательством графа Блудова, действительными же руководителями ее были: Туркул и его преемники Тымовский и князь Кутузов. Несмотря на то, что действия комиссии продолжались непрерывно и постоянно в вышеозначенном направлении, ловкость и хитрость Туркула сумели сделать их наименее успешными благодаря постоянным и систематическим лени, бездействию и откладыванию. Я лично убедился в этом во время пребывания моего в Петербурге, будучи там в довольно близких сношениях с молодыми кандидатами законоведения и чиновниками из Царства Польского, которые посылались на казенный счет в законодательную комиссию для практики. Эти люди, так же как и вся вообще комиссия, свое бездействие считали гражданской добродетелью.

Вследствие всех вышеозначенных перемен в законодательных органах сделаны у нас следующие, более важные и более для меня памятные, изменения в самом законодательстве.

1. Изменена первая книга гражданского кодекса о правах личных, а именно законы о супружестве, и изменены к худшему¹.

2. Вместо высшей судебной инстанции введены в организацию судов: 9-й и 10-й департаменты и общее собрание правительственного сената. При том: а) судопроизводство в сенате введено тайное; б) сенату присвоено разбирательство не одних только чисто судебных вопросов, и через то увеличилась и без того уже большая путаница в делах уголовного судопроизводства*; в) членами сената часто бывали отставные военные и русские, не знающие ни действующих у нас законов, ни наших обычаев. Вообще учреждение сената не только не имело влияния на улучшение судопроизводства, но скорее ухудшило его; и г) вместо уголовного кодекса 1818 г. введен в 1847 г. русский уголовный устав, т. е. XV том св[ода] законов империи. Я не желаю и нахожу неуместным подвергать здесь подробному критическому разбору этот устав 1847 г.; он уже достаточно оценен критикой и стоит даже ниже кодекса 1818 г. (хотя и этот, последний, не соответствовал требованиям нашего времени), и в результатах был лишь бременем и вредом для общества. Недостаток ясности и последовательности, затруднительность в практическом применении, казуистика, новая терминология, строгость и несоразмерность наказаний во многих случаях, многочисленность и, можно сказать, мелочность наказаний, из коих одни были совершенно новы, как например ссылка в Сибирь, в рудники и в арестантские роты, другие же в самом основании своем несправедливы и не нравственны, как

.....
* Организация наших судов французская, с примесью русской; судопроизводство же— частью прусское, частью австрийское, с примесью разных старо- и ново-польских и русских постановлений.

¹ Законом 1836г. рассмотрение супружеских дел было изъято из ведения государственных судов (как это предусматривалось гражданским кодексом) и передано церкви.

например конфискация, клеймение, розги, — вот главные недостатки устава 1847 г. Добавлю к сему, что система наказаний, определенных уставом, имея основанием возбуждение исключительно одного чувства страха, при самом дурном исполнении этих наказаний (что отчасти происходило из самой системы), влекла за собою не уменьшение, но умножение преступлений. Наши тюрьмы, а в особенности арестантские роты, были настоящей школой преступлений, что вполне доказано судебной практикой и что, впрочем, весьма натурально и ясно при нашем устройстве тюрем и арестантских рот в Новогеоргиевске, Замосцье и т. п.

К этому очерку нашего законодательства должно прибавить: а) что существующая в нашем судопроизводстве запутанность, коей устранить не могла конституция, осталась донныне нетронутой и даже увеличилась позднейшими постановлениями и законами, б) что независимость судов и безответственность судей исчезли совершенно и в) что недостаток высшего юридического образования и общественного мнения имели решительное и вредное влияние на решение дел в судах, а также на нравственность, достоинство и личные качества самих судей.

Относительно действий правительства по части финансов, внутренних дел и вообще администрации я, не имея под рукой никаких материалов и будучи мало знаком с положением и управлением финансов, а также с постановлениями и законами по части администрации и с их изменениями, которые были введены в обеих отраслях с 1831 г., затрудняюсь представить подробный и верный их очерк, пустых же фраз помещать здесь не желаю. За всем тем привожу однако же следующие справедливые и мне известные, хотя и весьма общие и отрывочные, замечания по этим предметам.

IV. *Относительно финансов:* а) во все продолжение 30 лет и до сего времени Царство Польское лишено было правильной податной системы. Прежняя путаница в наших податях, неправильная их раскладка остались без всяких изменений и чуть ли еще не увеличились. Такое положение, естественно, было обременительно для жителей и тем более, что подати увеличивались весьма часто без малейшей для нас пользы, как например, на покрытие издержек венгерской кампании; б) казна, или правильнее, правительство делало займы, платило и платит относительно большие проценты (в бюджете на 1863 г. показано еще около 3 500 000 руб. сер.), а эти займы по большей части не расходовались на действительные нужды страны (как например, на постройку Александровской цитадели¹); в) почти половина доходов Царства Польского была употребляема (как то представляет еще и последний бюджет) на такие расходы, от которых страна не имела никакой или же в сущности весьма малую пользу и г) управление казенными имениями и лесами всегда было в плачевном состоянии и никогда не доставляло таких доходов, каких следовало бы ожидать.

V. *Относительно администрации:* а) общее направление дел внутренней администрации, сосредоточенных вместе с некоторыми другими отраслями управления в Комиссии внутренних и духовных дел, всегда оставалось в руках сановников, не знающих ни главных оснований и требований вверенных им частей внутренней политики вообще, ни нужд страны в особенности; к тому же лица эти были всегда чиновники, но не министры, люди без необходимой в их звании самостоятельности, имевшие целью более финансовую,

¹ Была построена в Варшаве по приказанию Николая I после подавления восстания 1830—1831 гг.

так сказать, карьеру, чем благо и развитие края *. Губернские и даже уездные управления, но в особенности первые, часто также были в руках людей, не соответствующих своему назначению, в руках неопытных *чиновников, служащих для жалования*, незнакомых с нуждами губерний или пренебрегающих этими нуждами. При тогдашней системе и строгости безошибочно можно было называть их полноправными и безответственными правителями. Общественное мнение (хотя весьма тихо) называло губернаторов маленькими безответственными царьками; б) отсутствие всякого общественного контроля, отсутствие общественного мнения, хорошего направления свыше, недостаток высшего образования (что в особенности чувствовалось в администрации) и недостаточное материальное обеспечение чиновников выработали во всей нашей администрации дух продажности и протекции, во всех инстанциях начиная с высших до бурмистров и войтов гмин. О том, сколько вреда проистекало и должно было проистекать из сего для жителей, и говорить нечего**. Для краткости, не распространяюсь более об этом важном предмете; в) устранение жителей от всякого участия в управлении делами страны и отсутствие всякого контроля были причиной того, что администрация действовала не только не соответственно нуждам страны, но стократно действовала противно этим нуждам. Соборания уездных советов ¹ в сентябре 1862 г. выказали сколько дел, касающихся нужд края, оставлено было без внимания, и сколько из них администрация решила прямо противно их сущности.

Эти общие и отрывочные очерки о финансах и администрации в Царстве, как я уже сказал, достаточны, чтобы выяснить, что управления этими отраслями в эпоху от 1831 до 1856 г. не только не были удовлетворительны и соответственны потребностям страны, но действовали к существенному для нее вреду.

VI. *Вероисповедания* были под заведованием Комиссии внутренних и духовных дел. Если руководители этой комиссии не соответствовали заведованию внутренней администрацией, тем более они были далеки от удовлетворения требованиям разных вероисповеданий и духовенства. Скажу лишь об отношении правительства к вероисповеданию и духовенству католическому. Итак, а) правительство лишило католическую церковь и ее духо-

.....

* Общественное мнение (быть может, несправедливое, но всеобщее) обвиняло их даже в продажности. Так, например, Муханова обвиняли, что при отдаче в аренду частной компании наших шоссейных дорог он получил от компании значительную сумму. Во всяком случае удивительно, почему ни компания, ни г. Муханов не завели процесса с разглашавшими вести о стачке их при заключении контракта на эту аренду, тогда как их фамилии, по крайней мере одного из них, были известны по газетам. При действительном расстройстве шоссейных дорог со времени отдачи их в аренду оставление без всякой судебной ответственности разглашавших вести о взятке вовсе не отнимало от этой молвы значение истины.

** То, что сказал чиновникам в Комиссии внутренних дел маркиз Велепольский при вступлении в должность директора графа Келлера («хочу чистых рук»), служит подтверждением моих слов, т. е. что руки эти были весьма нечисты, только с добавлением, что не одни чиновники этой комиссии подлежат этому упреку, а вся вообще администрация и не знаю, которая в большей степени: провинциальная или центральная. Даже учреждения не чисто правительственные, как например дирекция обеспечений (*Dyrekcja ubezpieczeń*), не были свободны от упреков в подкупах. Всем известен процесс, называемый августовским, о миллионной краже из сумм дирекции обеспечений, в котором между обвиненными были лица, служившие в этой дирекции. Все это грустно, но справедливо.

¹ *Уездные советы* введены в Королевстве Польском указом от 24 мая (5 июня) 1861 г. О выборах в эти советы Авейде подробно говорит в гл. IV.

венство всякой возможной и необходимой самостоятельности, не допускало никаких собраний: ни синодов, общих для всей страны, ни епархиальных; сделало невозможным всякое непосредственное сношение католической церкви с Римом, за неимением панского нунция, и все церковные дела вверило чиновникам, не соответствующим своему назначению, не имеющим ни достаточных сведений о нуждах церкви, ни средств к удовлетворению нужд, уже исследованных и признанных. Вследствие такого состояния управления сделались невозможными какие бы то ни было церковные реформы как в отношении религиозного воспитания жителей, так и в отношении образования самого духовенства, улучшения постановлений, касающихся церковного управления, или же, наконец, в отношении введения духовной дисциплины, столь у нас необходимой; б) правительство нисколько не заботилось об образовании духовенства, которое при отсутствии всякой самостоятельности, лишенное материальных средств и наставников, было в самом дурном состоянии. Правительство также не заботилось о состоянии костелов и вообще костельных строений, а также о материальном обеспечении духовенства, которое было или в недостаточном числе, или же, и всего чаще, было распределено непропорционально и несоответственно размерам приходов. Наконец, правительство оставляло много религиозных и церковных нужд неудовлетворенными за отсутствием в разных епархиях епископов, продолжавшимся по десяти и более лет (как это было в Августовской епархии); по этой причине состояние духовных дел, естественно, должно было пострадать в таких епархиях; в) правительство, можно сказать, не только не оказывало католической церкви надлежащего и необходимого покровительства, но напротив, в тогдашних правительственных мерах и в отношениях его к духовенству вообще видно неуважение и пренебрежение к религии большинства жителей и к его духовенству. Между прочим, припомню здесь об исполнении военно-судных приговоров над духовными лицами без всякого внимания к духовной власти, а также покровительство и возведение в епископское достоинство и в другие духовные должности не только таких кандидатов, которые были противны духовенству и народу, но даже таких, которые не имели обыкновенных нравственных качеств, как например, ксендзов Буткевича, Нарушевича (последний повесился в 1861 г.) и других.

Вообще управление делами католической церкви было таково, что естественный религиозный прогресс и должное развитие католицизма были невозможны; а напротив, это время должно считать временем упадка католической церкви в Польше.

Относительно униатского вероисповедания должно сказать то же, что уже сказано о вероисповедании римско-католическом, только с большей силой (*z większym naciskiem*), потому что здесь очевидна тенденция правительства: с одной стороны, к сближению этого вероисповедания с православным (через введение например в униатских церквях «царских врат»), с другой же, — тенденция к подготовке постепенного его падения вследствие отсутствия всякого правительственного попечения о церквях, о содержании и об образовании униатского духовенства.

VII. *Промышленность, торговля и земледелие.* Эти столь важные предметы в ту эпоху не обращали на себя никакого внимания и деятельности правительства. Самые издержки, сделанные правительством на поддержку промышленности и на устройство дорог, удостоверяют о ничтожестве действий этого рода.

Департамент промышленности (Wydział przemusły) был одним только названием. На вопрос мой, сделанный уже в последнее время некоторым из моих друзей, служащим в комиссии внутренних дел, что делает департамент промышленности, они затруднились отвечать, так как, по их словам, сам департамент о том сведений не имеет. Хорошо уж было и то, если правительство не мешало частным, одиночным предприятиям. Но предприятия эти были немногочисленными вследствие положения страны и исполнялись по большей части иностранцами, давно или недавно поселившимися в крае, или евреями. Многое в этих отраслях государственного хозяйства со времени революции пришло в упадок, а нового выросло весьма мало. И вообще о всей нашей промышленности и торговле той эпохи можно сказать, что они были в упадке и развивались весьма медленно и незначительно.

VIII. Прежние дореволюционные законы о правах сословий в Королевстве также потерпели. В прежние времена отсутствие полного равенства в гражданских и политических правах происходило не вследствие препятствий, делаемых правительством, а вследствие вины самого общества и недостатка просвещения; в разбираемую же эпоху и de jure и de facto одна шляхта пользовалась всеми законами, действующими в стране, и на этот раз единственно и исключительно по вине самого правительства. Даже шляхта в отношении к пользованию правами делилась еще на два класса — старую и новую, и одна только новая пользовалась ими вполне (освобождена была от повинности военной службы). Другие сословия, как-то: мещане, крестьяне и евреи (коих считаю сословиями вследствие их обособления) или в силу самого закона, или de facto не пользовались благами шляхетских прав и привилегий. Здесь припомню только то, о чем уже было сказано, а именно, что нешляхетским и нечиновническим детям воспрещено было поступление в гимназии; одно это закрывало уже для них всякую дальнейшую карьеру и поставляло их в невозможность пользоваться даже теми правами, какие предоставляли им издаваемые законы. Жалко было поэтому положение наших мещан, евреев и крестьян.

В дополнение к сказанному о наших сословных правах надобно упомянуть еще об указе 1846 г.¹, называемом крестьянским, который имел некоторое влияние на быт крестьян и на отношения их к землевладельцам и который послужил основой для развития этих отношений впоследствии. Как о всем вышесказанном, так и об этом указе, ограничусь одним только кратким общим очерком.

Указ этот, не касающийся гражданских и политических прав крестьян, имел в виду главное:

1. Улучшить материальный быт крестьян образованием земель так называемых крестьянских, которые должны были оставаться такими навсегда, которых помещик никогда и ни под каким предлогом не имел права присоединить к остальным своим землям (так называемым фольварочным или дворским) и на владение которыми крестьяне приобретали как бы наследственное право.

¹ Указ от 7 июня 1846 г. был издан под влиянием крестьянского восстания в Галиции (см. прим. 1 к стр. 191) и крестьянского движения в самом Королевстве Польском. Согласно указу, помещики не имели права сгонять с земли крестьян, имеющих надел не менее 3 моргов (морг $\approx 0,56$ га), а в случае добровольного ухода крестьянина его надел должен был передаваться другому крестьянину. Было запрещено увеличивать крестьянские повинности, некоторые второстепенные повинности отменялись. Реальное значение указа было еще более ограниченным, так как помещики использовали многообразные способы уклонения от его исполнения при попустительстве царских властей.

2. Улучшить быт крестьян определением их отношений к помещикам, уничтожением некоторых тягостей и повинностей и назначением постоянного размера крестьянских повинностей, а в особенности барщины, отбываемых в пользу помещиков за право владения землей. Вообще же целью указа было: ограничить бывший доголе произвол помещиков в отношении крестьян и положить преграду могущему развиваться сельскому пролетариату вследствие лишения крестьян занимаемых ими земель по произволу помещиков. Этот указ был со времен Наполеона первым шагом к улучшению быта крестьян, к определению их отношений к помещикам и поэтому действительно был благодеянием для них, а следовательно и для всей страны был полезным и прогрессивным актом. Вместе с тем указ этот давал верное, точно определенное основание для будущих реформ по крестьянскому вопросу. Но — увы! — несмотря на неоспоримые вышеисчисленные хорошие стороны и тенденции указа 1846 г., несмотря на хорошие его последствия, доставленные им выгоды были весьма невелики и гораздо меньше тех, какие можно было бы получить, и на практике выгоды эти были, можно сказать, более кажущимися, чем существенными. Происходило это от того:

1. что правительство издало указ 1846 г. не как начало более обширного плана, имеющего в виду решительную перемену крестьянских отношений, и даже не как закон, имеющий *единственную или по крайней мере господствующую мысль — существенно улучшить быт крестьян и заняться их судьбою для них самих, для их исключительно блага, но более как временное политическое средство — приобрести в крестьянах друзей и верных приверженцев правительства на случай угрожавшей в то время революции.* С минованием же этого времени и этой надобности правительство оставило без внимания добросовестное, основательное, направленное к выгоде крестьян и помещиков приведение в действие указа, и все это дело было брошено на «только бы с рук долой» («aby zbýc» *);

2. что (благодаря первой причине) помещики, заботясь только о собственной своей выгоде, не понимая интересов общего хозяйства страны и действуя в противность выгодам крестьян, разными средствами — чаще всего путем обмана и подкупа чиновников (о чем известно всем, даже, полагаю, и комиссиям финансов и внутренних дел) — уменьшили во многом значение

.....
* Общественное мнение делало даже укор правительству, будто бы оно изданием указа обнаружило намерение в случае революции вызвать резню шляхты. Но этот укор неоснователен, несправедлив и внушен страстями, потому что зародыш, так сказать, социально-крестьянского движения, которое под влиянием галицийской резни¹ обнаружилось тогда в губернии Радомской, был немедленно и энергически подавлен правительством². Однако же надо согласиться, что вследствие неприведения в исполнение указа, т. е. вследствие кажущегося, неосновательного и соединенного с вредом для крестьян его исполнения, отношения между крестьянами и помещиками сделались не лучше, а хуже.

¹ Традиционное шляхетское наименование крестьянского восстания, развернувшегося в Западной Галиции в феврале-марте 1846 г., в ходе которого было разгромлено несколько сот помещичьих усадеб. Выступление крестьянства устрасило шляхту, что было использовано австрийскими властями в борьбе против польского национально-освободительного движения в Галиции и Краковской республике. Отсюда родилась усердно распространяемая шляхетской публицистикой легенда о том, будто бы крестьянское восстание было инспирировано австрийскими властями. «Галицийская резня» и имя одного из вождак крестьянского движения Якуба Шели были превращены в жупел, используемый против демократических сил польского народа.

² В Королевстве Польском в 1846 г. крестьянское движение охватило более всего пограничные с Галицией уезды Радомской и Люблинской губерний, но отмечалось и в других частях края (в Авуустовской губернии). Царские власти, издав в целях успокоения крестьян указ от 7 июня 1846 г., вместе с тем широко применяли карательные меры для подавления крестьянского движения.

указа, присоединили много крестьянских земель к своим дворским, и крестьянские повинности оставили по-прежнему *de facto* в исключительной от себя зависимости;

3. вследствие того, что указ 1846 г. был *первым и последним* шагом правительства к реформе крестьянского быта, а не первым и только начальным, как то требовалось особыми условиями нашего хозяйства, общим состоянием страны, недостатком образования крестьян и панов и разными другими обстоятельствами (каковы продажность чиновников, или то, что сам пан как войт был первым судьей в своем собственном деле и пр.), наше крестьянское дело подверглось в сущности малой, ничего не значущей перемене. Бедный мужик был по-прежнему или прикован к земле и обременен повинностями, назначаемыми по произволу пана, или вытесняем из своей усадьбы, если того захотел помещик.

По всем этим причинам указ 1846 г. улучшил крестьянский быт только *de jure*; на самом же деле, *de facto*, несмотря на неоспоримо хорошие, но скромные свои результаты, он не изменил этого быта, и положение крестьян осталось в действительности таким же, как прежде было.

Приближаясь к концу общего очерка правительственных действий в Царстве Польском, прежде чем дополнить его быстрым пересмотром правительственных распоряжений в отношении к политическим преступникам до 1856 г., полагаю, кстати будет сказать несколько слов о *Литве и Руси*.

Я должен предупредить, что не имею здесь в виду ни спора о династических или народных исторических правах Русского государства и русского элемента на Литву и Русь, ни спора о правах самой литовской и русской народностей, живущих в значительном большинстве на этих землях, и о тяготении их к востоку, к Великороссии; все эти споры и вопросы появились уже позднее и сверх того они стоят далеко за границами настоящего моего труда. Во всем этом историческом очерке, единственно и исключительно, я имею в виду развитие народной польской жизни и буду говорить об этом развитии *так, как передала нам о нем польская история*. С этой точки буду смотреть на русские и литовские провинции, не обращая внимания на то, основательно ли это воззрение и сообразно ли с моими убеждениями, или нет. Иначе я не мог бы представить то, что предпринял, т. е. историческое развитие нашей революции. Итак, с точки зрения польско-народной, о действиях правительства в Литве и Руси надобно сказать то же самое, что и о Королевстве, с той разницей, что здесь в системе правительства не было уже ни малейшей терпимости польской народности, а напротив того, в систему эту входило уничтожение и преследование ее и усиленное, настойчивое и насильственное введение вместо ее русской (великороссийской) народности, что было совершенно противоположно дореволюционной системе правительства.

Последствия этой новой системы, а также системы (как сказано было в начале этой главы) общегосударственной, были следующие.

1. Виленский университет закрыт правительством тотчас после революции; учрежденная же после университета Виленская медицинская академия закрыта в 1840 г. (если не ошибаюсь); при этом все университетские и академические кабинеты и библиотека перевезены в Петербург и Киев. Кременецкий лицей также был закрыт¹. В гимназиях и уездных училищах

¹ Виленская медико-хирургическая академия, учрежденная на месте университета в 1832 г., была закрыта в 1841 г., Кременецкий лицей был ликвидирован в 1836 г.

было введено преподавание наук на русском языке, а польский язык был совершенно исключен из программы школьного обучения. Излишне было бы повторять, что число училищ было недостаточно, а способ преподавания и все вообще направление образования несоответственны. Цензура была так же строга, как и варшавская.

2. Законы, администрация, суды и судопроизводство введены были исключительно русские. Чиновники не только высшие, но в значительном числе и низшие были русские. О чиновниках я должен повторить то же, что сказал о чиновниках в Королевстве, но только с большей, нежели там, резкостью. Официальным языком был только русский.

3. Финансовые, промышленные и торговые дела страны, равно как и пути сообщения, были в жалком состоянии.

4. Относительно сословных прав здесь, еще более, чем в Королевстве, одна только шляхта вполне пользовалась ими; целые же массы старой польской шляхты переименованы были в однодворцев и лишены всех шляхетских прав. Для крестьян правительство ничего не сделало; напротив, состояние их сделалось хуже со введением «крепостного состояния». Об инвентарях¹, имевших целью ограничение произвола шляхты в отношении к крестьянам, надобно сказать то же самое, что сказано об указе 1846 г. в Королевстве; при крепостном состоянии это и не могло быть иначе.

5. Отношения правительства к католической церкви были такие же, как и в Королевстве, только здесь выражались они рельефнее и решительнее, и потому говорить о них нет нужды.

Униатское вероисповедание было совершенно уничтожено правительством и не столько путем добровольного присоединения униатов к православию, сколько путем преследования и общего насилия². Так нам рассказывают наши писатели того времени, и так нам говорят изустные предания современников — эти до сих пор единственные источники наших сведений; правительственные же документы, относящиеся к этому делу, нам неизвестны, а русская история теперь только начинает кое-что говорить об этом; а потому-то для нас, для нашего поколения, слова наших писателей, подтверждаемые приводимыми фактами, имели силу не подлежащей сомнению правды, и мы верили, что правительство уничтожило унию в Литве и Белоруссии насильем.

Таковы были действия правительства в Литве и Руси в течение времени от 1831 до 1856 г. Эти действия, с одной стороны, ни в чем не соответствовали потребностям общества (как общества, не принимая в соображение народности) и препятствовали его естественному прогрессивному развитию; а

.....
¹ Имеются в виду так называемые инвентарные правила 1847 г., введенные царскими властями в губерниях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. По этим правилам крестьянские повинности фиксировались в размерах, занесенных в инвентари (описи) имений; были отменены лишь некоторые второстепенные повинности. Как и указ 1846 г. в Королевстве Польском, инвентарные правила вызвали разочарование и недовольство крестьян.

² Одним из важных элементов политики русификации, проводимой правительством Николая I после восстания 1830—1831 гг., была ликвидация церковной унии на территории Белоруссии и Украины. Возникшая в конце XVI в. униатская церковь была средством национального угнетения, насильственной колонизации белорусского и украинского населения под властью феодальной Польши. Насаждение унии встречало отпор масс белорусов и украинцев, отстаивавших в борьбе против унии свои национальные традиции, национальную культуру. Однако осуществленная царизмом в 1839 г. ликвидация унии и обращение униатов в православие было проведено как грубая административная мера, сопровождавшаяся надругательством над религиозными чувствами униатов, и в свою очередь вызвала их возмущение.

с другой стороны, для польской народности они были в полном значении слова враждебными и ненавистными, стремящимися к ее уничтожению. В общем результате все правительственные действия были для современников вредны и самым сильным образом оскорбляли священнейшие чувства в сердцах тамошнего польского населения.

6. Для дополнения картины правительственных действий остается мне вкратце сказать о тогдашнем *обращении правительства с так называемыми политическими преступниками*. Это самый горестный и самый болезненный для нас отдел внутренней политики правительства.

Все зло, происходящее от упомянутых действий правительства, и так уже само по себе глубокое и тяжкое, увеличено было политическими процессами со всеми их принадлежностями и последствиями до размеров совершенного бедствия и несчастья, причиненных нам правительством. И что же в те времена, в продолжении всего этого четвертьвекового периода, считалось политическим преступлением? На этот вопрос люди отвечали с болезненной иронией, что труднее определить то, что не называлось политическим преступлением, потому что все, — каждое движение самобытной мысли человека, самое невинное движение, было почитаемо политическим преступлением и подвергалось строгой судебной ответственности. Действительно, мало преувеличения в этой иронии.

Преступлением считались: заговоры с революционной целью; сношения, хотя бы самые невинные, родственные, с эмигрантами; каждый тайный кружок, имевший целью не революцию, а просто научное исследование, взаимное просвещение или что-нибудь подобное (явное же существование подобных обществ не допускалось); далее, считалось преступлением чтение какой-нибудь книжки, изданной за границей, хотя бы глупейшего содержания, а не только обладание такой книжкой и ее распространение. Каждый, нередко бессмысленный, стих, каждая мирная молитва об уменьшении несчастья страны, каждая песенка, мимолетное патриотическое слово, одежда, народная шапка, портрет любимой народом личности, каждая, наконец, хотя бы самая невинная, критика системы или отдельного действия правительства или действий отдельного ведомства или чиновника, поставленного правительством, все это, повторяю, принималось во всех своих оттенках за политическое преступление и подвергалось более или менее тяжелой ответственности пред судом. Это грустная, но действительная правда, которую подтверждают живые еще доказательства*.

Теперь позволю себе припомнить, каков был при таком понимании преступления порядок судопроизводства в отношении к обвиняемым.

1. До революции 1831 г., как известно, мы пользовались правом «*habeas corpus*», охранявшим нас (хотя оно и было нарушаемо) от несправедливости и ошибок *полицейского арестования*. После революции во все описываемое время было иначе. Явная полиция, продажная с низу до верху, ни малейше не заботящаяся о своих существующих обязанностях и о пользе жителей (да к тому же еще при существовании полиции тайной, *обязанной предъявлять результаты своего усердия и труда*), арестовывала людей, не обра-

* Воображая, что каждый из наших «сибиряков»¹ сделал что-нибудь важное для революции, я долго не мог прийти в себя от удивления, познакоившись со многими из них и узнав, что нередко самые пустые, совершенно ничтожные поводы были причиной их тяжкого наказания.

¹ См. прим. 2 к стр. 22.

щая ни на что внимания, часто (если нельзя сказать, обыкновенно) вследствие неосновательных доносов и всегда в силу чрезвычайно обширного понимания слова «политическое преступление». Итак, ничего нет удивительного, что при таких обстоятельствах случались и должны были случаться несправедливости, потому что границы полицейского произвола не были ничем определены, да и не могли быть определены по самому свойству правительственной системы. И в самом деле, как было ограничить полицию, когда преступлением могла быть даже мысль, более или менее неблагоприятная для правительства, если бы только удалось ее уловить. Отсюда-то начинается ненависть жителей к полиции вообще, и с этого времени вырабатывается убеждение, что полиция действует не в нашу пользу, а к нашему только вреду.

2. До революции маловажные политические преступления были судимы обыкновенными судами, а важнейшие (преступления государственные) — сеймовым судом; при этом судопроизводство было явное. В Литве и Руси судились эти преступления судами нарочно для таких случаев (*ad hoc*) назначаемыми. Дело о «променистых» было первым в этом роде, и вообще к таким судам прибегали редко. После же революции политические преступления переданы были военным судам; и как следствия в следственных комиссиях, так и судопроизводство сделаны были тайными; обвиненный не имел никакой защиты.

В этом месте считаю необходимым сказать несколько слов о тогдашних следствиях, допросах и обращении с обвиненными арестантами. Не дозволяя себе ни многословия, ни фразерства, даже при очерке тех предметов, которые наиболее нас трогают или утешают, скажу здесь коротко, что бесчеловечное обхождение с обвиненными арестантами в тюрьмах и при допросах в тогдашних следственных комиссиях навсегда останется неизгладимым пятном стыда на тех людях, которые позволяли себе такое нечеловеческое обращение, останется упреком правительственной системе, не подвергавшей таких людей ответственности и как бы оправдывавшей их действия, и одним из самых болезненных и кровавых для нас воспоминанием.

Не стану говорить о помещении заключенных в цитаделях, которое само по себе было несоответственно и вредно для здоровья, но весьма часто его еще ухудшали *умышленно*, выбирая помещение более сырое, более холодное, а тюремные власти, считая себя безответственными господами обвиненных арестантов, обращались с ними там, как бы с отверженцами общества, находящимися уже в арестантских ротах. Тогдашний директор тюрьмы в варшавской цитадели, какой-то офицер Жучковский (не знаю жив ли он еще), прозванный ненавистными ему заключенными *Мороком*, представляется в наших записках и изустных рассказах каким-то пугалом детей вследствие своего бесчеловечного обращения. Притом нужно вспомнить, что *порции*, назначенные правительством для заключенных, никогда не доходили к ним сполна, а оставались в карманах членов тюремного начальства. Не лучше было при допросах в следственных комиссиях. Не говоря о том, что производство следствия было тайное, что обвиненные лишены были защиты, что следствие тянулось обыкновенно чрезвычайно долго (иногда год и более), что следователи — судьи употребляли при следствиях средства, оскорбляющие достоинство суда, и вредные (потому что они нарушали всякое доверие к словам судьи), как например, хитрые уловки, обман, но кроме всего этого, недостойные, бесчеловечные члены комиссий дозволяли себе совершенное уничижение обвиненного как человека. Они ругали его, оскорбляли словами, били и собственноручно давали пощечины, секли розгами, морили голодом, мучили.

Каждое слово мое не пустая фраза, а действительность, имеющая факты в подтверждение*.

Такое обхождение имело последствиями потерю здоровья, а иногда лишение ума и доводило некоторых до самоубийства, как то было, например, с несчастным Левиту**. Тюрьюма и следствие представлялись в воображении жителей каким-то адом, исполненным боли и страдания; люди же, попавшие туда, считались жертвами отечества, а некоторые даже мучениками***.

Но такое обхождение вело к результатам еще более важным. При пособии других обстоятельств оно послужило в нашем обществе к выработке убеждений, образовавших один из догматов нашего народного катехизиса, а именно: не верить словам и обещаниям членов комиссий, хотя бы они казались самой несомненной правдой и клонились бы к пользе самого обвиненного; не верить в человеколюбивое, достойное и легальное обращение с обвиненными в тюрьме и при допросах; ненавидеть, презирать и стараться мстить членам следственной комиссии****, а еще в большей степени питать недоверие, ненависть и презрение к правительству, от имени которого действовали следственные комиссии и тюремные начальники.

3. Военные суды одни исключительно судили политические преступления. И здесь судопроизводство было тайное, и обвиненный лишен был защиты. Наказания, определяемые военными судами, были чрезвычайно строги, не соответственны ни степени виновности преступника, ни сделанному им вреду для государства, а также не соразмерны с той пользой, которую бы можно было получить или ожидать от определяемого наказания, а это ведь преимущественно имеется в виду в политических процессах. Это повело, замечу между прочим, вместе с увеличением ненависти к правительству, также и к тому, что несчастные преступники без всякого различия почитаемы были в обществе как жертвы и мученики за отечество*****, хотя на самом деле весьма часто они ничего не сделали для страны даже в отношении революционно-польском, а претерпевали жестокое наказание часто за то, что купили, держали у себя, дали кому-нибудь или получили от кого-нибудь запрещенную книжку, за пустой стишок, глупое слово или за то, что бессознательно принадлежали к заговору, не зная ни цели его, ни своей вины, или, наконец, за сношения с заговорщиками. Наказания, как я сказал, были вообще жестоки; более легкие наказания, как то: отдача в солдаты без выслуги

.....
* Есть подробное описание мучения Конарского. Лично мне знакомый Томаш Булак, ныне болезненный, измученный 18-летней изгнаннической жизнью в Сибири старик, имеет несколько зубов, выбитых рукоятью сабли князя Трубецкого. Привожу эти примеры только для доказательства основательности сказанного. Знаю лично несколько лиц, сеченных розгами.

** Левиту, будучи не в силах вытерпеть причиняемых ему в варшавской цитадели страданий, сам себя сжег, подложивши огонь под сеник своей тюремной кровати. Адвокат Рутковский (уже умерший) хотел лишить себя жизни, перегрыз на руках жилы, но, к счастью, тюремная стража, заметив это, помешала самоубийству.

*** Если общественное мнение преувеличивало что-нибудь в этом отношении и если часто ложь и басни принимаемы были за истину, то причиной этому были тайное судопроизводство и отсутствие адвокатской защиты.

**** Жертвой такого мщения были чиновник Фелькнер и полковник Лейхте.

***** Любовь и глубокое уважение, оказываемое каждому «сибиряку», были в сердцах молодежи каким-то религиозным чувством. И так, многие считали для себя обязательным путешествие в Варку с целью посетить там Петра Высоцкого¹. Эта любовь и уважение особенно были сильны до времени сумасбродной пропаганды Центрального комитета, которая называла сибиряков упавшими и умершими людьми за то, что они не были революционерами.

¹ Глава тайного общества подхорунжих (см. прим. 2 к стр. 175), начавшего восстание 1830—1831 гг., Петр Высоцкий был взят в плен и сослан на каторгу в Сибирь. Вернувшись по амнистии 1856 г., он поселился в своем родном городке Варке (близ Варшавы).

или в арестантские роты — случались тогда весьма редко, хотя то было время не революции, а только заговоров. О сильном и положительно невыгодном для правительства влиянии смертных казней буду говорить в своем месте, в дальнейшем рассказе; здесь же обхожу этот вопрос.

4. Для полноты предлагаемого очерка распоряжений правительства в отношении политических преступников надобно еще сказать несколько слов о *тайной полиции*. При существовании следственных комиссий и военных судов тайная полиция была истинным бедствием для страны; она уничтожала всякие общественные сношения и нарушала семейное спокойствие; многочисленные ее агенты втирались повсюду, они находились и в глупых заговорах несчастной тогдашней молодежи, на приятельских съездах и собраниях, во всех канцеляриях и присутственных местах, в училищах; агенты полиции подслушивали под дверями, под окнами, находились в числе домашней прислуги и попадались даже в тесных семейных кружках. Потому-то и часты были жертвы этой омерзительной тайной полиции, этих шпионов, следивших не столько за действительно вредными для правительства людьми, сколько за пустыми разговорами, чтением книг, за каждым пустым словом, за безвредными вздохами и мыслями. Доносы их касались обыкновенно пустых, ничего не значущих обстоятельств и весьма часто были лживыми; самые же доносы должны были существовать, потому что агенты получали жалованье и должны были представлять доказательства своих трудов и своей усердной службы.

При стечении разных других обстоятельств, при системе правительства и всех его действиях, при эмигрантских и местных стремлениях к заговорам положение бедной страны, смущаемой агентами тайной полиции, было ужасно: исчезало всякое доверие во взаимных отношениях, приятель не верил приятелю, отец боялся невинной болтовни ребенка, а часто все дело шло из-за слова, из-за разговора, книжки или стиха. Я сам помню еще это горестное состояние недоверия, лихорадочных опасений, мрачного молчания. Последствия всего этого (скажу между прочим) весьма естественны. В конце этой эпохи люди, хотя уже замолкли, но из свободных, самостоятельных людей становились безмолвными, жалкими, так сказать, невольниками, затаявшими в себе свое горе, свою ненависть и презрение к правительству и бессильную жажду мщения. Тогдашняя тайная полиция не могла привести к другому результату.

Вот краткое описание распоряжений тогдашнего правительства в отношении к политическим преступникам. Я ничего не преувеличивал, даже старался в своих выражениях не увлекаться моими личными чувствами печали и боли, которые рождаются в моей душе при воспоминании о всей этой эпохе и в особенности о политических процессах.

Окончивши таким образом первую половину обзора периода от революции 1830 до 1856 г., желаю, прежде чем приступлю к описанию второй половины, вкратце представить результаты первой.

Итак, из всего предыдущего рассказа видим:

1. Что правительственная система, происходя частью от ошибочной общей государственной политики, частью вследствие существования заговоров и эмигрантских действий и частью от неправильного убеждения, будто прогресс и развитие как народности нашей вообще, так и общественной жизни и просвещения в особенности способствует вместе с тем более сильному развитию революционных стремлений в народе, была *системой военной диктатуры*. Эта система не признавала народности, действовала против нее и

даже преследовала и угнетала ее, усиливаясь привить вместо нее русскую народность; сверх того, во всех отраслях внутреннего управления действовала совершенно противно естественному и необходимому развитию общества.

2. Что эта система уничтожила всякое благоденствие прошедшего времени, приостановила и парализовала все; ничего хорошего нам не доставила, а причинила огромные потери и в настоящем и в будущем, особенно вследствие лишения нас хорошего, основательного просвещения. Одним словом, при такой системе страна была в несчастном положении. Даже указ 1846 г., сам по себе хороший, принес по известным причинам более кажущуюся, чем существенную пользу.

3. Что эта система, выдержанная с таким терпением, логикой и настойчивостью во всю эту эпоху (несмотря на заговоры и другие обстоятельства), заключала *сама по себе, по самому духу своему* все условия для возбуждения в современниках ненависти, крайнего недоверия и презрения к правительству (что более всего распространялось вследствие недостатка просвещения и дурно производимых политических следствий) и что, производя такое влияние, система эта (с помощью влияния эмиграции и заговоров) с каждым днем увеличивала пропасть, отделявшую правительство от народа, приготовляла широкое основание и материалы для будущей народной реакции, т. е. для революции.

2) *Действия общества.* Для большей ясности изложения, я намерен отделить эти действия от действий правительства, в сущности же, с исторической точки зрения, нельзя сделать такого разделения, потому что действия эти соединяются между собою, идут рядом, взаимно влияют одни на другие, опережают друг друга, и наконец потому, что результат их, т. е. наследие, доставшееся в удел нашему поколению, есть наследие обоих действий, обоих двигателей. Это весьма натурально, потому что правительство невозможно отделить от общества: они составляют общее, неделимое целое, хотя и разделяют их иногда временные обстоятельства.

После этого необходимого замечания приступаю к общему очерку действий самого общества, предваряя, что из этого очерка будет изъято все то, что не имело решительного на нас влияния, т. е. очерк этот ограничится лишь политическими действиями. Грустна, порочна и несчастна и эта сторона нашей прошедшей жизни. Разрывается сердце при воспоминании об этих страстных, горячечных, не имеющих никаких разумных и фактических оснований, кровавых, но бессильных напряжениях отцов и старших братьев наших, при воспоминании об этой оторванной жизни, в свете, созданном теорией Демократического общества, жизни, так сказать, в горячих песках пустыни, которую поддерживала лишь безграничная, но дурно направленная любовь к отечеству, с ее бесплодными и жалкими жертвами. Разрывается сердце при воспоминании, как самопроизвольно, собственными своими руками раздирали мы еще не зажившие свои раны, умножали их, как теряли мы один цвет за другим, один несозревший плод за другим, тоже несозревшим, но уже погибшим плодом, как уничтожали собранные столь тяжкими трудами умственные, нравственные и материальные запасы, как разоряли мы имение за имением, семейство за семейством. Если бы не боязнь сказать неправду, если бы не страх кары божьей за неумышленную ложь, со всей откровенностью, правдой и горечью подавленного несчастьями сердца, сказал бы я, что мы произвольно, увлекаемые самой высокой любовью к отечеству, неслись к народному самоубийству. Я не хочу и не могу сеять не-

ненависть на отживших и еще живущих наших могилах, потому что я сам — сын жертв прошедшего, потому что несмотря на ужасный опыт я всеми силами души люблю грешных отцов наших, потому что живо помню все слезы моей молодости, слезы вдохновения и горя, которые проливал я, читая и слушая повествования о трудах их, о жертвах и несчастьях, помню все мои пламенные молодые молитвы к богу. Но с другой стороны, как гражданин страны, как несчастный грешник, который, руководясь началами, почерпнутыми из прошедшего, вместе с другими своими братьями погрузил в бездну несчастья это дорогое, разбитое, пропитанное слезами и кровью отчество, считаю обязанностью моей совести открытым, правдивым и ясным представлением прошедшего удержать молодое поколение от повторения наших грехов и заблуждений в будущем. Итак, без ненависти, с любовью, но вместе с тем по чистой совести буду продолжать мои воспоминания. Даже холодную и обдуманную их историческую критику предоставляю другим, имеющим больший запас необходимых для сего материалов, другим, более спокойным и не столь страдающим.

Вообще о прошедших действиях нашего общества должно сказать на основании фактов, что: 1) они отрешились от сущности, от практики житейской и стремились единственно, исключительно и непрерывно к идеалу государственной независимости Польши 1772 г.; 2) они вовсе не исправляли недостатков и заблуждений минувшего, а принесли новые недостатки и заблуждения; 3) они увеличивали гнев и настойчивость правительства и стесняли все больше и больше и без того уже тесные границы системы военного управления; 4) они останавливали общее развитие страны (насколько это могло зависеть от самого общества) во всех отраслях общественной жизни; 5) порождали и умножали жертвы и несчастья отдельных личностей и семейств, без всякой действительной пользы для общества; 6) наконец, можно сказать, всей тяжестью прошедшего тяготели над нынешним нашим поколением, потому что несчастья, действия, слова, заблуждения отцов наших сделались нашим катехизисом, святым после них наследием. После этих общих замечаний перейду к подробностям и укажу факты.

Все действия нашего общества в продолжение всей почти этой эпохи были собственно действиями эмиграции, порожденной революцией 1830 г. Вся жизнь народа была в руках эмигрантов¹; до 1848 и даже, можно сказать, до 1850 г. они были непосредственными руководителями каждого движения, каждого действия, каждой, так сказать, минуты нашей жизни. Каждый заговор был их заговором, каждая попытка — их попыткой, наша литература (здесь говорю о литературе в том смысле, насколько она имеет сильное влияние на образование ума и сердца) была литературой эмиграции. После 1850 г., т. е. после последнего литовского заговора, уже не в такой степени зависевшего от эмиграции, значение выходцев упало, непосредственное их руководство прекратилось, но нравственное влияние их, влияние их принципов и политической веры, раз приобретенное, уже раз привитое до глубины души общества, было всемогуще и с того времени действовало

¹ Здесь и в дальнейшем изложении Авейде преувеличивает несомненно значительную роль эмигрантских организаций в идейно-политической жизни польского народа. Если о деятельности эмиграции в 30—50-х годах автор имеет довольно широкое представление, то история подпольных организаций того времени в самой Польше знакома ему лишь отрывочно, при этом он без основания в большинстве случаев приписывает возникновение революционных организаций в стране инициативе эмиграции. Преувеличена и численность эмиграции, не превосходившая 10 тыс. человек.

еще сильнее, глубже и всестороннее, чем прежде, когда эмигранты были нашей непосредственно действующей политической властью. По этой причине и воспоминания мои об этой эпохе будут преимущественно и почти исключительно воспоминаниями о жизни эмиграции.

Не буду анализировать общего значения эмиграции на события нашего прошедшего и прошедшего Европы, другие (и то я думаю не в наше время), быть может, представят его; я же ограничусь указанием лишь временного значения эмиграции. Шестьдесят тысяч вооруженных и безоружных людей (если не более) побежденных, но не разбитых, обратилось в добровольное изгнание. Вместе с этой огромной, неслыханной дотоле (и отчасти непонятной) эмиграцией вышли из Польши разум и сердце народа, вышел лучший цвет и плод пятнадцатилетнего благоденствия, сотни уже высоко образованных по всем отраслям, оконченных, как мы называем, людей, которые составляли собой главу народа, тысячи высших, прекрасных способностей, которые, развиваясь и совершенствуясь, вместе с тем могли уже быть полезными слугами народа; 60 000 рук, могущих полезно трудиться, и, наконец, 60 000 сердец, горячо любивших Польшу, потеряли мы с этим несчастным странствованием в чужбине. А сколько, кроме того, утратили мы внутри края? Кто сосчитает рассеянные, уничтоженные семейства, потерянные имущества? Кто может взвесить и достаточно оценить застой нашей жизни, уничтожение натуральной связи с минувшим? Много было уже говорено и писано об этом, но я, однако же, нигде не встречал слов (может быть, ошибаюсь), которые выражали бы и дали понять эту огромную, ни с чем не сравнимую, потерю, это решительное, отодвинувшее нас назад бедствие. Довольно одного этого факта — шестидесятитысячной эмиграции со всеми сопутствовавшими ей и немедленными последствиями (ничего даже не говоря о неустрашимых, естественных и логических последствиях в будущем) для того, чтобы соболезновать и видеть в этом одном факте лишь наше падение, наше несчастье, которого ничто не в состоянии вознаградить, никакие, даже самые гигантские труды и усилия нескольких отдельных, более или менее многочисленных личностей. А стоит ли упоминать о симпатиях, так называемом сочувствии иностранцев за границей? Однако же несчастные эмигранты полагали, что своими *протестациями и апостольством* сумеют пробудить унижительное, гнилое, состраданием отзывающееся сочувствие в душах незаконных сынов великой революции, испорченных рабов итальянских или немцев, а заботящихся только о своем хлебе и семействах.

Но последуем за деяниями эмиграции. В ней заключались, как уже сказано, наш разум и наше народное сердце и потому не удивительно, что общество отдало, так сказать, свою жизнь в руки этого разума и этого сердца. Посмотрим, что делали отцы наши, как трудились, посвящали себя и погибали и как они учили нас любить отечество и служить ему.

Первой пристанью эмигрантов были: Галиция, малая республика Краков и Саксония (особенно Дрезден), а потом они рассеялись по всей Европе, преимущественно же по Южной Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Бельгии и Англии. Франция, однако, была их главным гнездом; во Франции они были помещены в так называемых «заведениях», устроенных в разных местностях государства; там сохраняли они некоторую военную организацию и получали из французской казны жалование соответственно чинам их в польском войске¹. Бывшие народные революционные власти, главней-

¹ «Заведения» — в оригинале автором, вероятно, употреблено польское слово *zakład* или

шие предводители и многие другие, не помещавшиеся в «заведениях» военные и гражданские лица постоянно пребывали в Париже. С первой минуты, с первым шагом польского солдата на чужой земле согласие, гармония и единомыслие между изгнанниками не только исчезли, но даже и тени их не осталось. «Заведения» представляют страшную и грустную картину хаоса и величайшего беспорядка, ссор, вражды и споров, веденных между братьями с неистовым упорством. Чтобы яснее еще представить эту картину, скажу (хотя это будет преувеличением), что между нашими несчастными отцами не было двух согласных голов, двух самостоятельных и согласных мнений. Это состояние, хотя и составляет теперь для нас грустное воспоминание, было, однако, весьма натурально. С одной стороны, видя себя в изгнании, на могиле всех своих блестящих, и, казалось, столь удобоисполнимых надежд, измученные, приведенные в отчаяние, они искали причины упадка восстания, виновников изгнания и того, как они называли, позора*, что, начав восстание с 30 тысячами войска, они оставили свое отечество, не быв разбиты, при нетронутых почти средствах страны, в числе 60 000. С другой стороны, безоружные солдаты, большая часть которых были люди мало или даже вовсе необразованные, находясь часто в бедности и постоянно в бездействии и праздности, при нравственном их состоянии и вышеописанных поводах только и могли рассуждать, вспоминать и спорить между собой. Кроме причин упадка восстания, предметом неистовых споров и вражды были причины падения Польши вообще и вопросы: «что делать в будущем? каким путем должна идти Польша в будущем? какое значение эмиграции и какое затем направление должны принять труды их»? Кто бы стал искать какого-либо порядка и хотел бы, например, подвести под разряды тогдашние мнения и споры, тот, я думаю (хотя, быть может, ошибочно), принял бы на себя труд совершенно напрасный; около каждой несколько выдающейся от прочих личности составлялся особый кружок, и каждый из них был ненавистен один другому**. Поэтому минуя все тогдашние отдельные эмигрантские кружки*** и вспомню лишь о том, что после них осталось для будущего, т. е. для дальнейших действий эмиграции. Кроме того, что все они разбирали вопросы, о которых сказано выше, что все с необузданной яростью нападали друг на друга, кроме всего этого, все они, или, лучше, все эмигранты

французское дерби. Так назывались поселения эмигрантов в провинциальных французских городах (нередко в пустующих помещениях казарм). Пособия, выдаваемые французскими властями эмигрантам, были очень невелики; солдаты и унтер-офицеры получали по 25—40 сантимов в день, невелик был размер пособия, выдаваемого и офицерам, даже капитан получал в день немногим более 2 франков.

* По моему мнению, нет преувеличения в этом названии.

** Если бы историк захотел основать сколько-нибудь свои выводы на приговорах тогдашних кружков эмиграции, он нашел бы весьма много так называемых «изменников отечества» (zdrajcow)— эпитет, безжалостно расточаемый под влиянием страстей и приписываемый нередко самым почтенным людям.

*** Упомяну между прочим об одном более занимательном и характерном случае того времени. Один из тогдашних кружков, заявляя себя, как и все прочие, от имени Польши, желал и серьезно стремился привести в исполнение свою мысль, установить среди эмиграции постоянное Народное Правление, сейм, министров и т. п., принимая исходной точкой состояние и состав этих органов во время выхода эмиграции из Польши. На замечание (между другими), что сейм и правительство не имели бы места для своего существования, потому что, по всему вероятно, этого не допустило бы французское правительство, некоторые депутаты советовали собрать первое заседание сейма на корабле. Это хорошо характеризует тогдашнее горячее стремление действовать за всю Польшу от ее имени, с уверенностью, что вся страна должна быть и будет послушна каждому постановлению любого эмигрантского кружка.

были уверены, что каждый из них говорит не за себя, а за всю Польшу, что: «так говорит Польша», «так решила Польша», «так желает Польша» и что они единственные и исключительные ее представители, самые лучшие и самые правдивые. О порядке же, в каком рассматривались разные вопросы, и о свойстве их буду говорить ниже.

Такое состояние эмиграции, разделенной на разные кружки и партии, ненавистные один другому и постоянно враждовавшие между собою, несмотря на усилия соединить споривших хотя отчасти, длилось довольно долго, если не ошибаюсь, года четыре по крайней мере.

Несмотря на первоначальный, довольно продолжительный и всеобщий хаос в эмиграции, с самого начала, медленно, но все более и более явственно, стали обнаруживаться два выдающиеся и решительно противоположные одно другому направления, а именно: *первое*, которое, по моему мнению, ближе всего можно назвать консервативно-дипломатическим, и *другое* — революционным, с неопределенной примесью социализма. Около этих направлений, как около знамен, медленно, но все больше и больше стали группироваться эмигранты и в непродолжительном времени, около 1834 г., они разделились на два больших лагеря, на две партии: *охранительно-дипломатическую*, не имевшую никаких условных, видимых форм (по крайней мере, мы их не знаем) и главою которой был князь Адам Чарторьский, бывший русский министр иностранных дел и президент народного революционного правления 1831 г., и *социально-революционную* партию, которая сама себя называла и обыкновенно была называема *демократической* (по моему убеждению, это название не вполне соответствует сущности), принявшую формы «Демократического общества»; во главе же ее находилось коллективное, избирательное учреждение, так называемая «Централизация»*. Рядом с этими двумя большими отделениями эмиграции являются еще некоторые меньшие кружки, более или менее близкие к одному из двух главных направлений; из них некоторые постоянно стремились к соединению разрозненной на партии эмиграции, но об этих кружках я не буду говорить по их маловажности и отсутствию какого-либо резкого отличия от других. Необходимо, впрочем, еще вспомнить об исполненной до настоящего времени мистцизма религиозно-политической партии Андрея *Товянского*, совершенно отличающейся в своих основаниях и действиях от всех других эмигрантских партий. Считаю уместным упомянуть об ней вследствие бесспорного, хотя небольшого, влияния ее на страну^а. Само собою разумеется, что, кроме этих двух главных партий и так называемой товянщины (*Towiańszczyzna*), были многие личности, не принадлежавшие ни к одной из них, но это были личности не влиятельные, за исключением *Мохнацкого*, безусловно умнейшего человека из всей эмиграции и самого разумного революционера 1831 г. Общими характерными чертами всех этих кружков и партий были следующие: 1) главным основанием всех их самих и всех их действий была беспредельная, чистая любовь к своему отечеству — Польше 1772 г.; 2) каждый кружок и каждая партия считали себя единственным, исключительным,

* Обращаю внимание на название «Централизации»; это не был главный распорядительный комитет, а централизация, централизование, соединение общих действий, выражение общей мысли. Поэтому-то, несмотря на все усилия Централизации, в Демократическом обществе не было сильной, энергической власти, как то должно быть в каждом действующем политическом органе.

^а В издании 1866 г. ошибочно старину.

правдивым представителем Польши, видели в себе самую Польшу и полагали, что все то, что сделано и решено ими, — спасительно для Польши и что Польша непременно должна это принять и этому подчиниться; 3) поэтому все партии не признавали одна другую, смотрели одна на другую, как на врага, стремящегося к гибели отечества, и боролись между собою со всей яростью и упорством, тем более сильными, что теперь они сосредоточились уже в отдельных кружках и партиях.

После этого общего очерка партий эмиграции перейдем к подробнейшему их описанию, к описанию их принципов, литературных трудов и пслитических стремлений и действий.

1. *Консервативно-дипломатическая партия князя Адама Чарторьского* составлена была вообще из людей старших по летам, занимавших до и во время революции важнейшие места в государстве, из более счастливых в материальном отношении и принадлежавших к высшему сословию. Кроме того, нахожу необходимым прибавить и то, что в состав ее входили люди с высшим образованием и даже часто с основательными научными познаниями. Само собою разумеется, что к этому существенному, так сказать, составу партии присоединилось много *баричей* с малыми или вовсе без достоинств, а также известное число так называемых нахлебников (*pieczeniarzy*), более или менее способных и даже вовсе неспособных, толкавшихся у панских дверей, не справляясь об убеждениях хозяев.

К этой же партии присоединялась также небольшая горсть ксендзов, которых обыкновенно называли новыми иезуитами, т. е. горсть людей, выходящих из того света, с отжившими понятиями и опирающихся на те несоответственные XIX в. устарелые начала, которые доводили их иногда до слепого фанатизма*.

Принципы этой, таким образом составленной партии состояли в следующем.

Признавая необходимым самобытность Польши 1772 г. и вместе с этим не признавая раздела и союза с Россией, дипломаты-эмигранты были убеждены и громко высказывали, что Польша не может собственными только силами возратить свою независимость, и потому безусловно осуждали все заговоры и все революционные предприятия в крае. Они допускали возможность, что когда-нибудь в неопределенной будущности поляки будут в состоянии выступить с оружием в руках против государств, разделивших Польшу; но никогда, однако же, не полагали, чтобы подобное движение могло быть движением самостоятельным, исключительно внутренним, местным революционным и возникшим вследствие заговора. У них было верование, что Польша есть историческая необходимость, что она настоятельно необходима для света, для Европы и что эта же Европа рано или поздно восстановит Польшу или путем одного только дипломатического, или же и вооруженного вмешательства западных держав. В ожидании этого вмешательства Польша не должна ни под каким предлогом начинать вооруженное восстание, а обязана направлять все свои усилия вне страны, чтобы скорее сделать возможным заграничное вмешательство.

* В примечании автор говорит, что представитель этого кружка ксендзов Кайсевич унижительно для духовного сана льстил Чарторьскому, что вообще все ксендзы, принадлежавшие к партии, были отвратительными льстецами и что поведение их возбуждало презрение и ненависть. Далее автор приводит одно обстоятельство, дошедшее до него понаслышке, что ксендз Александр Йеловицкий имел какую-то отвратительную историю с сестрой Нарбута и своими религиозными иезуитскими назиданиями довел ее до сумасшествия.

Вследствие такого воззрения, как я уже упомянул, они не только сами не начинали заговоров в стране, но всеми средствами старались, чтобы другие эмигрантские кружки и партии не могли их основывать; в равной мере они сами не проводили революционной пропаганды и открыто боролись с пропагандой других партий. Из этих общих основных начал проистекало также, что поляки, подданные того или другого государства, никогда не должны доходить до решительного разрыва со своим правительством, а ограничиваться лишь нравственной борьбой и законной оппозицией, стараясь приобретать больше и больше оснований для всестороннего общественного развития *в духе будущей независимости*. Современники и даже люди нашего времени упрекали и упрекают эту партию в том, что она держалась и вызывала аристократическо-родовые стремления. По моему убеждению, труды сторонников Чарторьского опровергают этот упрек, возникший под влиянием временного духа партий (*czasowa stronnicza pamiętność*). Можно согласиться с тем, что покойный князь Чарторьский и, быть может, некоторые другие члены партии были в душе аристократами, но что принципы этих людей были господствующими в целой партии, что эти начала были ею распространяемы и что сам князь Чарторьский мог верить в жизненность и силу аристократического родового элемента в нынешней Польше, всего этого, повторяю, нельзя усмотреть в трудах и действиях наших консерваторов-дипломатов. Упрекали их также и в том, что они хотят держать крестьян и вечном строгом подданстве и что они встают против равенства сословий, как против анархического привидения; по мне, и этот упрек также несправедлив.

В основании они соглашались и с тем и с другим, потому что имели довольно здравого смысла для того, чтобы понять, что то и другое составляет уже требование нашего века, но как консерватисты они хотели, чтобы приведение в исполнение этих, в основании признаваемых ими принципов, шло по возможности медленнее, постепеннее, осмотрительнее, и в этом-то отношении они доходили до крайности; боролись же они (и, по моему мнению, основательно) главным образом против тесной и непрактической формулы (формулы голословной и фантастической) «надела крестьян собственностию», «равноправности сословий» (*uwłaszczenia ludu i równoprawnienia ludu i stanów*), а также против насильственного воплощения этой формулы путем политическо-социальной революции.

Не стану отвергать, что в числе сторонников Чарторьского попадались идиоты с средневековыми взглядами, но они не были представителями основной мысли партии и не имели на нее влияния.

Упрекали также Чарторьского и его родню, что их действиями руководит только личный интерес и личное честолюбие, а именно, будто бы князь Адам имел виды на польский трон и что даже считал себя законным королем, или по крайней мере думал, что по всей справедливости ему следует польская корона. Не знаю, насколько основателен этот упрек, но, судя по уму князя Адама Чарторьского, не могу согласиться, чтобы в его голове нашли место такие глупые и мечтательные претензии¹. Ни один документ, вышедший от Чарторьских, не подтверждает такого упрека. Правда, что Чарторьский всегда действовал от имени Польши как ее законный и единственный пред-

¹ Провозглашение Адама Чарторьского польским королем «де факто» группой его сторонников было актом, санкционированным самим Чарторьским.

ставитель, но это (как уж сказал я прежде) было недугом и неперенным качеством каждого эмигранта в частности; но только Чарторыйский по своему и приверженцев своих убеждению как председатель народного революционного правительства считал за собою самое большее, по сравнению с другими, право на законное представительство Польши. А что нахлебники (pieczeniarze) и разные глупцы (półgłówki) смотрели на него как на своего короля, то на этом основании нельзя делать упрека Чарторыйским, для которых, по моему мнению, было бы даже оскорбительно протестовать против таких упреков.

Действия консервативно-дипломатической партии, их характер и значение определяются самыми их принципами. Сношения дипломатов с краем не имели целью основания заговора или даже какого-либо общества для осуществления своих видов, а имели характер частных и родственных сношений, которые велись, можно сказать, с единственной целью собрать сколько-нибудь денег для действий своей партии за границей и вообще для потребностей эмиграции.

Они, конечно, старались распространить свои принципы посредством литературной пропаганды, и должно сказать, что эта пропаганда, в сравнении с другими эмигрантскими пропагандами, была солиднее, беспристрастнее, спокойнее и основательнее. В сочинениях этой партии по вопросам о временном внутреннем быте Польши и о действиях правительства находим строгую, единую, ненавистную для правительства критику. (Говоря мимоходом, тогдашнее положение страны и система правительства давали обширное и справедливое основание самой строгой критике.) Далее, эта литература вела оживленную полемику с пропагандой и действиями Демократического общества и с другими не согласными с принципами дипломатической партии эмигрантскими элементами. Наконец, эта литература старалась (хотя очень отрывочно и частями) обрабатывать разные отрасли наук, а в особенности историю и статистику.

К действиями этой партии и по большей части самого князя Чарторыйского и его родственников относятся: основание польской библиотеки в Париже и там же литературного, или вернее, ученого общества¹; учреждение литературного общества под названием общества друзей Польши (przujaciół Polski) в Лондоне², основание заведения для гувернанток (zakładu guvernantek) и заведения св. Казимира в отеле «Ламберт»³; учреждение в Mont Parnasse⁴ высшего приуготовительного училища и, наконец, занятия по предмету вспомоществования не имеющим средств эмигрантам посредством складчин, сборов и т. п.

.....
¹ Литературное (с 1854 г. Историко-литературное) общество — основано в апреле 1832 г. Представляло собой форму объединения консервативной эмиграции. Авейде не упоминает о том, что наряду с Литературным обществом консервативной эмиграцией была создана в 1833 г. и организация открыто политического характера — Союз национального единства (Związek jedności narodowej), позднее преобразованный в «Монархическое общество Третьего мая». Польская библиотека в Париже основана в 1838 г., находилась под опекой Адама Чарторыйского.

² Основано в Лондоне в 1832 г., объединяло английских политиков и литераторов, главным образом связанных с партией вигов (либералов), находилось в тесном контакте с польской консервативной эмиграцией.

³ Правильнее «Лямбер» (Hôtel Lambert) — особняк-резиденция Чарторыйских в Париже. Наименование «Отель Лямбер» стало нарицательным как для дипломатической канцелярии, так и для всего лагеря Чарторыйских.

⁴ Городской район Парижа.

Библиотека действительно весьма хороша и полезна.

Литературное парижское общество кое-что значило когда-то, в начале эмиграции, и, может быть, могло бы принести большую пользу, если бы болезнь — страсть к политике — не заразила его членов; теперь же это общество есть и всегда будет нулем. *О Лондонском литературном обществе* не стоит даже упоминать, так как оно было только хаосом и ничтожеством.

Заведения для гувернанток и св. Казимира (последнее для малолетних сирот и вообще для совершенно бедных эмигрантских детей) основаны по высококой, благородной мысли и действительно полезны; судить же о том, могли ли они быть еще лучшими, не могу, потому что не вполне знаю все подробности, относящиеся до этих заведений.

Монпарнасское училище (полагаю, что и главный его основатель Владислав Чарторыйский сам убедился в этом) служит лишь доказательством добрых желаний и намерений, но в действительности как учебное заведение оно ниже всякой критики и оттого всегда было пусто и не пользовалось поддержкой общества.

О складчинах, лотереях и вообще о нищенских сборах (*zbrania*) *pour les pauvres Polonais*^a, отвратительно даже вспомнить; пусть, наконец, убедятся Чарторыйские, что таким попрошайством они унижают и себя и нас вообще, весь наш народ; результат же из этого столь ничтожен, что собственные пожертвования, благоразумно собираемые и хорошо распределяемые, далеко могли бы его превзойти, а вместе с тем это было бы и достойнее и честнее. О всех вообще упомянутых учреждениях можно сказать, что они созрели бы и принесли бы существенную пользу стране, если бы Чарторыйские раз навсегда бросили свою бессмысленную, жалкую дипломатию и всей душой посвятили себя этим заведениям. Но, к несчастью, эта страсть к дипломатии сделалась у них каким-то политическим головокружением (*kołowacizna polityczna*).

С другой стороны, деятельность этой партии была направлена к дипломатии, которая концентрировалась в руках князя Адама Чарторыйского и его родственников. Не было, может быть, более несчастного политического человека, государственного мужа, каким был князь Адам Чарторыйский; эмигрантская же его дипломатия, как то и можно было предвидеть, всегда была в высшей степени бездарна и жалка. Бедный старик, таскаясь по передним и по залам министров и монархов европейских, ничего не добился, кроме неисполненных обещаний, обманов и унижения, как для себя, так и для своих приверженцев и для Польши. Старался он иметь сношения везде, в каждом государстве, употреблял для этого все усилия, но всегда и сущностью и результатом этих искательств дипломатических была одна только суета, пустота и (да простят мне друзья нашей дипломатии) *нуль*, в полном значении этого слова.

Если кому-нибудь нужен был Чарторыйский или вообще поляки для какого-либо минутного, преходящего обстоятельства, тогда наши несчастные дипломаты были обольщаемы, увлекаемы и обманываемы; когда же в них не нуждались, то, кроме нежнейших улыбок, блистательного на словах сочувствия и неопределенных обещаний на будущее время, более ничего в результате они не получали. Поэтому-то и подвергалась всегда эта слабая сторона партии ядовитой и справедливой критике со стороны противников.

^a для бедных поляков (франц.).

Хотя нам не известны подробности дипломатии Чарторьских (потому что сношения свои они держали в тайне, а было бы поистине более пользы даже, быть может, и для самих дипломатов, если бы действия их были явными), но не подлежит сомнению, что вся дипломатия начиная с договора с дон Педром Португальским о легионах польских¹ и с договора с каким-то черногорским плутом², прозванного в насмешку журналом * «Пшонкой» трактатом наступательно-оборонительным князя Чарторьского, и до результатов переговоров с турками³, увенчанных Садык **и Ессек-пашами***, несколькими беями и горстью сомнительных булгарских униатов****, вся эта дипломатия Чарторьского ничего не принесла для Польши, кроме подлого и оскорбительного для нас сочувствия (это еще слишком чистое слово, чтобы выразить им удовлетворительно все ничтожество, всю нравственную грязь, какими отличаются отношения к нам каждого из дворов европейских); для самих же Чарторьских, для их приятелей и прежних сторонников, дипломатия не доставила ничего, кроме обмана, потери времени и денег и унижения.

Вообще из представленного очерка начал и действий консервативно-дипломатической партии видно:

1. Что эти начала и действия большого вреда Польше не сделали, но и пользы почти не принесли. Быть может, польза от них была бы значительнее, если бы внутренний быт страны находился в других условиях и если бы революционная пропаганда не парализовала или даже не уничтожила влияния этой партии и без того незначительного.

* Юмористическая эмигрантская газета, исполненная едкой критики, не без таланта и некоторой пользы издаваемая, кажется, Зенковичем. Говорят, что и Мерославский был ее сотрудником.

** Садык-паша — начальник султанских казаков, прежде агент Чарторьского на востоке, известный автор Чайковский. Говорят, что он обманул своего покровителя и изво всех происков в пользу Польши добился для себя звания паши.

*** Ессек-паша (Быстржановский — бывший офицер польского войска младшего чина) по ходатайству Чарторьского был принят в турецкую службу генералом, не переменив религии, и во время Крымской войны находился в Карсе, но как Быстржановский выказал там не слишком блистательно свои высокие военные дарования, то его уволили в отставку с пенсией паши, только бы он не мешался в военные действия. Презрение и насмешка турок дали ему название Ессек-паша, т. е. Осел-паша. А все это не лестно для нас, умалчивая уже об отсутствии существенной пользы.

**** По словам эмигрантов, старания Чарторьского и польского эмигрантского духовенства содействовали образованию булгарской унии⁴, которая за несколько лет перед этим столько наделала шуму и даже отчасти и скандала, так как говорят, что новопоставленный епископ униатский бежал.

¹ Дон Педро Португальский (1798—1834) — король Португалии и император Бразилии. В 1832—1834 г. вел династическую войну со своим братом донем Мигуэлем.

² Никола Васоевич, политический авантюрист, выдававший себя за правителя Черногории и в этой роли заключивший в 1841 г. формальный договор с Адамом Чарторьским. Опубликование в 1843 г. в демократической печати текста «кснеенци» было серьезной ксмпрометацией «дипломатической» деятельности «Отеля Лямбер».

³ Адам Чарторьский стремился использовать русско-турецкие противоречия, в этих целях в 1841 г. в Стамбуле было создано главное агентство «Отеля Лямбер» на Ессексе, которым руководил Михал Чайковский, в 1850 г. принявший ислам и получивший титул Садык-паши.

⁴ Одним из основных элементов программы «Отеля Лямбер» было стремление оторвать национально-освободительное движение южнославянских народов от России. В этих целях наряду с агитацией в пользу ориентации южных славян на помощь Франции и Англии использовался и церковный вопрос. Недовольство болгар политикой высшего православного духовенства (в подвляющем большинстве греков), препятствовавшего развитию Солгарской национальной культуры, породило план отрыва болгар от православия. Попытки утверждения в Болгарии церковной унии, буквально поглощавшие внимание «Отеля Лямбер» в конце 50-х и начале 60-х годов, окончились неудачей.

2. Эта польза, хотя и мелкая, происходила оттого, что партия усердно старалась о мирном прогрессивном развитии общественных интересов и отвергала революцию, что она не переставала трудиться в области науки, хотя и не в значительной степени, и издала несколько сочинений, что, наконец, имела, хотя в духе своих принципов, следовательно, несоответственное своей цели, попечение о воспитании эмигрантских детей, о сиротах и вообще об эмигрантских нуждах.

3. Потери и вред, принесенные этой партией, следующие: усиление в народе уверенности (и без того уже глубоко вкорененной, как в народеслабости и бессильном) в заграничную помощь для возвращения независимости; всегдашнее ожидание этой помощи и расчет на нее без всякого фактического и рационального для сего основания. Вредом также было и то, что эта партия, замкнувшись в тесных рамках бесплодной дипломатии, не исправляла недостатков прошедшего, а, напротив, как консервативная, удерживала их.

Между прочим вспомню, что партия эта просто боялась основательно, правдиво и с пользой для страны разобрать крестьянский вопрос, страшась привидения социальной революции.

4. К потерям отнесу также (может быть ошибочно) употребление во имя имени Польши в просяках дипломатических, унижение его недостойным народом попрошайством, продажами с публичного торга, сборами денег, складками и проч. без всякой существенной пользы, а напротив, с вредными последствиями, потому что выражения: поляк и нищий, поляк и праздношатающийся, поляк и бестолковый нахал, если еще не сделались, то могут сделаться синонимами.

О вреде от литературной пропаганды, выходящей из тесных границ этой партии, буду говорить при описании пропаганды Демократического общества. Вообще сказать можно, что консервативно-дипломатическая партия могла бы существовать в самой Польше даже при ограничениях, введенных российским правительством, и без сомнения, в родной стране своей могла бы трудиться с пользой гораздо большею, чем за границей. Находясь вне отечества, лишенная всяких материалов, всяких необходимых средств, не быв свидетельницей и соучастницей народной жизни, стесняемая то бестолковыми и бесполезными дипломатическими хлопотами, то революционной пропагандой, она не в состоянии была работать с надлежащей пользой, а между тем много лиц высокой уже учености и драгоценной опытности, много знаменитых дарований потратила эта партия понапрасну, в бездействии.

II. *Революционно-социальная партия.* Она действовала почти исключительно посредством Демократического общества, главой которого (как я уже сказал) была *Централизация*. Поэтому-то в этой главе ограничусь только кратким очерком этого общества, подводя под его знамя и все другие действия вне его сферы, но сближенные с ним как с лучшим, так сказать, выражением всех трудов, предпринимаемых в революционном духе.

Общество составилось, если не ошибаюсь, около 1834 г.¹ и с этого времени уже действовало; однако же как сильное и обширное коллективное целое оно является только в 1836 г., когда оно издало знаменитый *манифест*², объяснявший вообще основные начала общества и его цель и характеризовавший его будущие труды.

В состав общества поступила большею частью эмигрантская молодежь,

¹ Польское Демократическое общество было основано 17 марта 1832 г.

² Манифест ПДО был утвержден 4 декабря 1836 г.

следовательно, менее образованная и занимавшая маловажное положение в крае часть эмиграции, и эта-то молодежь составляла, можно сказать, содержание общества, его значительное большинство. Но однако же при этом большинство общества считало между членами многих старших и по летам, и по занимаемому ими положению в стране, а отчасти и по своему образованию. Вообще члены принадлежали к различным общественным условиям, но и в этом отношении надо прибавить, что большинство принадлежало к среднему и беднейшему классу.

Число членов теперь мне неизвестно, но помню, что на акте общества, опубликованном против князя Чарторьского и изданном в первое время его существования, число подписей доходило до 4000*.

Общество не имело других властей, кроме начальствующей (*paczelny*), выборной *Централизации*; для порядка же делилось на *секции*, рассеянные по всей Европе, ежедневными текущими делами которых занимался избранный *секретарь*. Высшая власть, как о том я уже упомянул, в сущности не была властью, а только обыкновенным (*porządkową*) исполнительным учреждением, собирающим и обобщающим мысли и желания всех членов и при том зависимым не только от воли, но даже от минутных капризов массы общества. Привожу это обстоятельство потому, что считаю его важным не только для изображения тогдашних действий нашей демократии, но даже и не без некоторого значения в нынешних наших происшествиях. Если бы общество не задавало себе политических целей и в особенности политических действий, а ограничивалось какой-нибудь точно определенной литературной целью, то институция такого рода как *Централизация*, как верховный орган литературного тела, была бы естественной. Но как наша эмигрантская демократия жила, так сказать, одной жадной революционных действий, была действующим политическим организмом и называла себя (как это Мерославский повторяет до сих пор) *воюющей демократией*, то недостаток власти был важным недостатком, весьма вредным в то время и имевшим влияние на характер действий общества, а именно, вследствие этого оно было анархическим и никогда не представляло собой одной плотной, сомкнутой сильной фаланги, как это необходимо для дела. Впрочем, это было очень естественно: общество было обширное, явное, действия политические мешало с литературной пропагандой, притом существовало оно на началах выборных, на началах равенства, а равенство в неопытных, дурно и не соответственно направленных умах переходит из действительности в какое-то неопределенное мечтание и ведет малообразованных людей только к анархическим крайностям. Оттого-то каждый член общества считал себя столько же разумным и годным к делу, как и *Централизацию*, которую выбрал и которой сам обязался повиноваться именно потому, что она была разумнейшей и лучшей; на самом же деле повиновался этой власти тогда только, когда ее предложение или приказ (впрочем, кажется, что даже слово «приказ» неизвестно было в отзывах и распоряжениях *Централизации*) согласовались с его личными мыслями и чувствами; в противном же случае воображал бы, что делается насилие над его гражданской свободой и над равенством.

.....

* Этот акт совершенно согласуется с общей претензией всех эмигрантских кружков на исключительное представительство Польши, тем не менее в отношении к Чарторьскому он был крайней несправедливостью, признавая его и публично оглашая как человека вредного для страны, как врага ее и изменника. Акт этот совершенно осуждал князя Чарторьского и отнимал у него всякое право на исключительное представительство Польши.

Отсюда также произошло то, что, по понятиям членов, содержание Централизацией чего-либо в тайне считалось злоупотреблением с ее стороны, так как в обществе все *равны*, одинаково хороши, честны и рассудительны для того, чтобы не изменить доверенной им Централизацией тайне. Поэтому на самом деле тайна власти в Демократическом обществе была иллюзией и чем-то кажущимся; все было всем известно и распространялось под секретом*.

По этой же причине тогдашние заседания по отделениям были в малом виде шумными, многолюдными и беспорядочными шляхетскими съездами. Отчеты общества по вопросам, предложенным для разбора Централизацией, носят следы таких же беспорядков и анархии. Итак: Централизация должна была печатать все мнения *равных граждан* (хотя в большинстве этих мнений высказывалось одно и то же, а некоторые из них просто не имели смысла), потому что иначе было бы нарушено высшее право равенства и обиженный таким нарушением этого святого права или составлял заговор противу власти и воевал с нею, или же оставлял общество и делался горячим его противником, не переставая быть демократом. Иногда случалось даже, что обиженный член, оставляя общество, присоединялся к другому лагерю — Чарторьского. Одним словом, Демократическое общество как политическая организация было организацией анархической, без власти. К этому очерку внешней стороны общества прибавлю, что Централизация имела свою резиденцию сперва в Версале, а потом, когда сношения ее с французскими революционерами возбудили в правительстве Людовика Филиппа некоторые опасения, ее перенесли в Лондон¹, где она и оставалась до конца существования общества, что общество, приняв для себя образцом и идеалом великую французскую революцию, усвоило вместе с духом ее некоторые мелкие ее внешние формы, как то выражения: «гражданин», «свобода, равенство и независимость», «братство» и тому подобное и что все расходы общества покрывались из сумм, составлявшихся посредством приношений самих членов.

Из сказанного мы уже видим, что Демократическое общество было большим и явным обществом, основанным на идее полнейшего равенства, что оно смешивало цель чисто литературной пропаганды с политическими действиями, что пропаганда и самые действия производились сообща и что общество не имело власти и само по себе было анархическим. Это уже характеризует отчасти и литературную пропаганду и политическую деятельность наших демократов. Но посмотрим, каковы были их принципы и труды. Принципы общества были объявлены в особом манифесте 1836 г., а затем все дальнейшие литературные труды его как отдельного организма и

* Современники Симона Конарского и даже биография его, изданная несколько лет тому назад в сборнике биографий Зенковича, свидетельствуют, что о Конарском кто-то донес русскому правительству в Петербурге из-за границы и что князь Трубецкой получил известие о нахождении Конарского в Литве не из Литвы, но из Петербурга. Казалось бы, никто не должен был знать, кроме самой Централизации, о том, что Конарский был отправлен по ее распоряжению, но выходит, что Централизация сообщила об этом под секретом некоторым членам².

¹ Централизация ПДО первоначально находилась в Пуатье, в 1840 г. ее местом пребывания стал Версаль. Репрессии против ПДО, приведшие к переезду Централизации в Лондон, имели место не при Луи Филиппе, а в 1849 г.

² Шимон Конарский был направлен в Польшу в качестве эмиссара не ПДО, а «Молодой Польшей», демократической организацией, возникшей в 1834 г. как секция руксодимой Мадзини «Молодой Европы». Сведения о том, будто Конарский был арестован вследствие доноса из-за границы, другими документами не подтверждаются.

труды разных его членов в сущности были не что иное, как только ближайшее развитие этих принципов. Не имея в настоящее время ни возможности, ни намерения рассматривать и критиковать отдельно и подробно произведения демократической литературы, постараюсь взамен того представить кратко и сколь возможно в логической между собой связью все то (т. е. важнейшее), что было нам высказано демократами вообще в их произведениях, излагая, таким образом, одновременно и их принципы и их литературу. К этому прибавлю, что в очерке моем я не ограничиваюсь исключительно сочинениями членов общества, а вообще рассматриваю революционную литературу эмиграции (лучшим выражением которой была демократия), хотя бы кто из авторов и не принадлежал к обществу или даже, принадлежа к партии Чарторьского, распространял мнения и правила, согласные с принципами демократов.

Мы до сего времени не имеем не только истории или очерка эмиграции вообще, но даже не имеем никаких сведений о литературе эмиграции; до сего времени никто еще не оставил нам хотя бы общего обзора этой столь важной и положительной отрасли народного труда в нашей жизни. К этому делу два года тому назад приступил было Леон Зенкович, но к несчастью остановился на одних своих лекциях, читанных по этому предмету в Париже. Несмотря на чувства приязни, которые я питаю к Зенковичу, я должен беспристрастно сказать, что он, стараясь (как и все эмигранты) сделать из кафедры литературы трибуну пропаганды (уже не нужной, потому что говоренное им было уже усвоено сердцем нашим), говорил о всем, кроме литературы эмиграции. Итак, для меня теперь остается единственным материалом лишь одна слабая память о читанных с такой жадностью, в разное время, без всякой системы сочинениях, дневниках и брошюрах эмигрантских. Надеюсь, однако же, что, руководствуясь собственными своими воспоминаниями, представлю хотя не полный, но ясный и добросовестный очерк принципов и трудов наших отцов.

Никаких основательных исторических и вообще ученых трудов мы не встречаем в литературе эмиграции (кроме трудов Лелевеля и еще нескольких, по преимуществу историков) так, что если бы кто-либо желал почерпнуть из этого источника какое-либо основательное знание, то не нашел бы там ничего, или очень мало. Это весьма натурально, но несколько удивительно то, что даже о политике, бывшей исключительно стихией эмиграций, мы в среде ее не имеем основательных сочинений; немного даже находится таких рассуждений, как например сочинение Альцыаты о государственном разуме (о *rozumie stanu*). Вопросы о принципах, вопросы о минутной, текущей политике, поглощали все*. Вопросы эти в том виде, как их разбирала эмиграция и как она нам их передала, были следующие:

* Литература эмиграции представляет собой полнейший хаос. Кроме таких знаменитостей, как Лелевель, Мицкевич, Словацкий, Красинский и весьма немногих других, все остальные труды, отдельные сочинения, дневники (даже сатирические, как напр. «Пшонка») и брошюры носят печать минутного увлечения, все они поверхностны, все писаны как будто на один день. Между ними есть много жалких сочинений, наполненных пустой и напрасной декламацией, которые стоят ниже всякой критики и которые только потому, иногда даже со слезами, были читаны нами, что мы ничего не читали, потому что ничего читать нам не дозволялось. Но несмотря на весь свой хаос, литература эмиграции составляет для нас предмет особой важности, и уже пора, даже необходимо, чтобы кто-либо с ясным взглядом на вещи, с здравой исторической критикой взял на себя изложение ее истории для молодого поколения, для того, чтобы оно видело (и могло отличить), где жемчуг и где плевелы. Нынешним эмигрантам, не имеющим других занятий, представляется отличный предмет для

а) Миссией, назначением Польши перед ее падением было ограждать свет и его христианскую цивилизацию от мусульманского прилива и силы и содействовать развитию свободы между народами Европы. Далее, призыванием Польши было развивать у себя гражданскую свободу и равенство, это высшее счастье, этот чистейший истинный идеал человечества, развивать их путем соответственной политической организации и соответственных общественных учреждений; наконец, призыванием Польши было частью путем блестящего примера своей внутренней жизни, частью путем благородной, христианской, не любостыжательной внешней своей политики дать окружающим ее соседям христианскую веру и все благословенные плоды западной цивилизации, освободить от невольничества теснимые магометанским или германским игом славянские народы, быть для них защитой, опекой, матерью их молодой жизни, их свободы, обретенной нашим оружием. Словом, историческим призыванием Польши в прошедшем, как говорили нам отцы наши — эмигранты, было развитие свободы внутри и развитие свободы и братства народов извне. Раздел Польши, этот враг цивилизации и свободы, прекратил труды самостоятельного государства; но это насилие и бедствие, причиненное всему человечеству, не изменили исторического направления, не могли изменить нашей миссии среди народов целого мира; Польша исполняет и должна исполнять свое призвание; бог в неисповедимых судьбах своих изменил одну лишь наружную форму векового ее труда, ниспослав на нее великие несчастья.

б) С упадком независимости Польши исчезла свобода среди всего мира. Рожденный под влиянием идей умирающего света, Наполеон, этот великий герой нового света и великой революции, должен был пасть. Любостыжательный дух Российского государства, любостыжательный дух Пруссии и Австрии, участников раздела Польши, союз старого дореволюционного деспотизма, союз монархов и всего внутреннего рабства задержали и задерживают человечество в его натуральном развитии, они опоясали этим страшным союзом свободу целого мира и сдавили ее, не допуская ее возрождения, даже малейшего ее движения. Свобода народов пала вместе с падением Польши. Но миссия Польши, находящейся в рабстве, та же, что и миссия прошедшего, только в другой форме, — в форме кровавых страданий, великих и страшных несчастий. Польша в рабстве имеет указанную ей провидением тяжкую обязанность: не дать умереть свободе народов, везде пробуждать ее, не допускать исполнения целей любостыжательной и деспотической России и целей деспотического союза европейских монархов. Польша, как камень, привязанный к рукам и ногам Российского государства, будет удерживать все внешние его движения, все любостыжательные его планы и отголоском своих несчастий, своего рабства, апостольством и кровью добровольных своих изгнанников будет пробуждать чувства и мысли свободы везде, в целом свете, даже в самом народе русском и таким путем сделает невозможными все усилия монархов, направленные к гибели свободы народов.

в) Но не на этом еще конец миссии польского народа. После падения Польши пала и Европа (а следовательно и весь мир); спасительная французская революция должна была пасть, не довершив своего дела, и с того времени ничто уже не задерживает (кроме и лишь отчасти самой поработки; беда лишь в том, что они, по обыкновению, из науки сделают «cheval de bataille»^а пропаганды, а priori^б противной и ненавистной правительству.

^а боевого коня (франц.). ^б зарание, заведомо (лат.)

щенной Польши) ни стяжательной и гнетущей политики России, ни самовластных, деспотических действий монархов Европы, всегда имеющих помощь, покровительство и вечное подстрекание со стороны России. Поэтому для избавления света от этой несчастной, страшной бездны деспотизма, для возрождения его свободой и равенством, для открытия нового пути развитию человечества нужна новая сила, имеющая основанием своего существования, основанием всех своих внутренних учреждений свободу, равенство и братство народов. Этой спасительной силой есть, а быть может и должна быть Польша. Она как самостоятельное и мощное государство, устроенное в духе своего минувшего на началах свободы и гражданского равенства, поставит раз навсегда сильный, решительный оплот могуществу России, ограничит и принудит ее отречься от всех стяжательных стремлений и тем самым заставит ее вступить на стезю новой цивилизации, и вместе с тем, пробуждая народ русский, возродит и призовет к жизни новых, свободных граждан. Далее, Польша, в духе прошедшего, исторического своего призвания, даст руку помощи своим братьям, австрийским и турецким славянам, и призовет их к новой свободной государственной жизни. Наконец, Польша, навсегда разорвав союз европейских монархов, подаст руку помощи народам запада, для освобождения их навеки от ига их королей. Словом, одна Польша * может и должна сделать новую эру в истории, которой главными передовыми двигателями в старой, дряхлой Европе должны быть молодые, полные жизни, славянские народы. Поэтому существование Польши есть потребность, крайнее условие будущей жизни Европы, историческая необходимость **.

г) Для выполнения этой исторической миссии Польша должна достигнуть своей государственной независимости; достигнуть же сего может не иначе, как только совершенным отречением от недостатков и предрассудков своего прошедшего (которые привились от испорченной королями феодальной Западной Европы) и принятием согласных с духом своего минувшего и с будущим своим призванием начал французской революции. Следовательно, Польша должна принять: *республику* как действительную, лучшую и соответственнейшую форму государственного строя; *верховную власть народа* как руководящий разум; *всеобщую свободу, равенство и братство* как основу своего существования и ось всех своих действий; *революцию*, хотя бы самую яростную и кровавую, как средство для достижения цели; *солидарность народных интересов* как основание и руководство во внешних сношениях, и наконец *великий союз общенародной революции против тиранов монархов* как своего союзника ***. Все это должно быть религией,

* Исключительно лишь Польша.

** Дипломаты ¹ распространяли подобные же идеи, но только в другой форме и другим языком; в особенности же у них не было речи о солидарности интересов народов с европейской революцией, о новых республиках, ниспровержении королей и уничтожении тронов.

*** Эти начала «Новой Европы», «Нового света» (как их провозглашало Демократическое общество) представлены здесь в сжатом виде; но каждый из этих вопросов, как то: о республике, самоуправлении народов, общем равенстве, общенародной революции, солидарности народных интересов против монархов, разбирался отдельно и подробно, распространялся с верой и, насколько позволяли силы общества демократов и обстоятельства, воплощался в дело. Так, например, идея общей солидарности народов стоила нам много лучшей нашей крови, ибо, где только начиналась борьба за независимость, туда шли эмигранты проливать кровь свою, как за собственное свое, польское дело. Впрочем, об этом я буду говорить ниже.

¹ Здесь сторонники политического направления, которое Авейде называет консервативно-дипломатическим.

верой Польши, прежде чем она приступит к какому-либо делу; это должно быть ее знаменем, вознесенным выше всех других интересов; это должно быть не только убеждением, но слепым, непоколебимым фанатизмом, не допускающим для граждан Польши ни на один волос уклониться от этих спасительных начал. Каждый, кто думает иначе, есть враг Польши и все должны считать его таковым. С этими началами, этим путем Польша может и должна приобрести свою независимость, потому что внутри она великая двадцатидвухмиллионная нация, а извне — пользуется союзом общеевропейской революции, признающей солидарность народных интересов и необходимость существования Польши, для успеха этих же интересов. Вследствие сего Польша обладает и может противуставить могуществу России, Австрии и Пруссии,— а правильнее, только России, так как обе другие должны и могут быть уничтожены одной силой местных революций, неисчерпаемую, непобедимую силу свою и народную силу всей Европы.

Таковы были в общем содержании принципы, понятия, письменная и словесная пропаганда Демократического общества и вообще наших революционеров о положении света, Европы и грядущих судьбах ее, о значении исторической деятельности Польши, о призвании ее в прошедшем, настоящем и будущем и о соответственных тому основных началах внутренней и внешней народной политики. Не имея намерения критиковать что-либо, не буду разбирать и этих выше изложенных принципов; впрочем, и без критики, каждый, кому хотя несколько известно нынешнее положение Европы и история ее последних 15 лет, и кто, как говорится, хотя немного понимает, что делается на свете и каким руслом текут события нашего времени (а тем более после минувшего нашего восстания), не может не видеть в этих началах фантастического здания, ложного от самого начала до конца своего (с весьма лишь небольшими изъятиями), воздвигнутого лишь на почве временных страданий и временных политических страстей. В настоящее время мне уже и грустно, и иногда и стыдно повторять некоторые бессмысленные, но выдававшиеся прежде за спасительные принципы. Но пойдем далее,— посмотрим, как наша демократия смотрела на отношения народа польского к народу русскому и вообще к славянам.

д) Польша и Россия, это две идеи, два элемента, два света прямо противные один другому. Польша — это идея свободы, равенства и братства народов; Россия—идея рабства, деспотизма и стяжания; Польша—деятель цивилизации, Россия—деятель обскурантизма и варварства. Так было в прошедшие времена, так остается и доньше. А как будет в будущем? На это отвечали одни (жаждущие вечного существования двух идей), что Россия в будущем не изменится, потому что вследствие татарского ига и продолжительного рабства у своих монархов, наследников политики ханов, Россия навсегда утратила славянские элементы и, имея наружность славянского народа, по своему духу остается народом татарским, стяжательным, жадным, враждебным цивилизации; что этим же духом проникнуто правительство этого народа, и он-то составляет его основу, силу и могущество. Другие говорили, напротив, что бог не предназначил одним народам свободу, а другим рабство, что все мы равно созданы провидением и призваны для свободы, что Россия и по языку и по духу — народ славянский и что она, выдерживая на своих плечах напор азиатского варварства, исполняла для нас такую же миссию защиты христианской цивилизации; что, далее, Россия своими несчастиями, татарским игом и деспотизмом своих властелинов сделалась бедным, таким же как и мы несчастным рабом, тем

более несчастным, что она, кажется, не чувствует собственного своего рабства и служит орудием всеобщего рабства, но что, однако, рано или поздно и, вероятно, в близком будущем, Россия придет к сознанию своего несчастья и своего унижения, что наконец избавится от всех нанесенных на нее историческими несчастьями влияний, несогласных с ее славянской натурой, сбросит с себя деспотическое иго своих монархов и как сестра других славянских народов, свободная и равная, подаст руку свободным и равным для общего исполнения того назначения, которое определено провидением для славянских народов. О том, что рабство Польши способствует к пробуждению в народе русском мысли о свободе, было уже сказано выше, а что свободная в будущем, между славянами, Россия будет русской республикой, о том легко догадается каждый и без объяснения.

е) Не желаю утверждать того, чего наверно не знаю, но сколько могу припомнить себе, все читанные мною сочинения эмиграции, а в особенности демократические, и даже их действия, должен сказать, что наши революционисты весьма мало занимались славянским вопросом¹. Все их внимание, вся, так сказать, душа их, поглощалась отношениями России к Польше, Польши к правительствам тех держав, которые ее разделили, и связями с европейской революцией; от славянских же вопросов, т. е. вопросов, касающихся славянских народов, они отделялись одними общими местами. Эти-то общие места были следующие:

Подобно тому, как некогда призыванием славян было защищать христианскую цивилизацию от всеуничтожающего прилива азиатского варварства, так и в настоящее время эти же славяне призваны, с одной стороны, привить приобретенную веками и очищенную временем цивилизацию запада, облагороженную силой и качеством своего духа, к этому же варварскому и некогда всеразрушающему востоку, платя ему таким образом самым большим добром за самое большое зло; с другой же стороны, славяне призваны мощной, крепкой силой и великими качествами молодого их духа возродить и оживить старую, гниющую, обомлевшую и доведенную до крайней слабости вековыми своими трудами Западную Европу. Одним словом, славянскому племени суждено иметь историческую инициативу и руководить судьбами света и будущей жизни человечества. Натуральной, исторической главой этого нового, инициативного и спасительного славянского мира (по духу прошедшей, настоящей и будущей своей миссии), есть Польша. Поэтому она должна подать руку помощи братьям славянам, находящимся в рабстве под владычеством Австрии и Турции, и вызвать их к великой новой жизни, к этому славному, исполинскому призванию в будущем. Ей принадлежит право стать впереди возрожденного славянского племени. Это, однако же, совсем не значит, что Польша должна поглотить отдельные славянские народности, слить их с собой, включить их в свое Польское государство; напротив, каждый отдельный народ должен жить своей особой, самостоятельной государственной жизнью, и только оставаться в связи, в неразрывном союзе с Польшей и с прочими славянскими народами. Такой союз будет союзом свободных и равноправных республик (для взаимного их и целого света счастья), а Польша будет только натуральной, исторической главой этого союза. Россия с того времени, как

¹ ПДО пыталось установить контакты на Балканах, но деятельность эта была спорадической и малоэффективной. В целом заключение Авейде о малом внимании демократической эмиграции к славянскому вопросу, т. е. к национально-освободительному движению славянских народов, находившихся под властью Австрии и Турции, оправдано.

освободится от владычества своих властелинов и отречется от всех прививных недостатков, несвойственных славянской натуре, делается и должна делаться как свободная и равная республика одной из составных частей славянского союза.

Таков был у эмигрантов-революционеров идеал славянского союза, идеал, который мог бы осуществиться только после приобретения Польшей своей независимости. Естественно, что при таком убеждении они были врагами всякого иного идеала будущего государственного строя славянских народов, а еще более были врагами русского славянства, т. е. союза славян под эгидой и руководством России. Россия, настоящая Россия с династией Романовых на троне, никогда не может быть, говорили они, руководительницей славян потому, что Россия и в прошедшем и в настоящем была и есть наследницей политики татарских ханов, столь ненавистной для христианской цивилизации, что она жила и живет извне духом завоевания, а внутри духом рабства, и, наконец, что она не возродит, не разовьет самостоятельной, естественной жизни славянских народов, а задушит, сгнетет ее в пользу своего грубого и грозного для света могущества. До тех пор, пока Россия не сбросит с своего трона династии Романовых и не превратит навсегда в развалины самого трона, пока не отречется от политики своих властелинов, до той поры она не только не может быть руководительницей славян, но даже не может войти в состав союза свободных и равных славянских народов, потому что она разделяет политику господствующей в ней династии и что она враждебна славянству и цивилизации *. Отсюда само собою выходило, что каждый, кто трудился в пользу славянства, так сказать русского, кто пропагандировал эту идею, возвышал за нее свой голос, был врагом свободы, а поляк, действующий, пишущий или говорящий в этом духе, должен был считаться *изменником своего отечества*. Словом, ничто не было так ненавистно нашим революционерам этой эпохи, как русофильство; простое мнение без всяких дальнейших последствий, заявленное в этом духе, влекло за собою вечную *анафему*, вечное проклятие на автора такого мнения, и такой человек действительно был несчастнейшим, отовсюду изгоняемым и *серьезно проклинаемым*, хотя бы он был честнейшим и чистейшим в других отношениях человеком. Мы имеем тому хотя редкие, но несомненные доказательства **.

* Даже во многих литературных произведениях славянский союз с Россией во главе просто называется «монгольством» или «русофильством».

** Адам Гуровский, один из самых пламенных революционеров в 1831 г., председатель или вице-председатель второго революционного клуба того года, автор памятной манифестации в честь Бестужева, Рылеева и других, за то, что по прошествии нескольких лет после эмиграции за границу, публично объявил, что признает необходимым для счастья самой Польши добровольный союз ее с Россией, предоставив последней если не руководство, то по крайней мере первенство роли в судьбах славянства, возвратившись в Польшу, был объявлен публичным актом за тысячами подписей эмигрантов различных партий изменником своего отечества. Известный литератор и ученый Михаил Грабовский за такое же точно (между прочим) мнение, объявленное письменно в каком-то проекте, представленном генералу Бибикову в Киеве, двадцать слишком лет терпел ужасно от такого же проклятия; даже «Пшонка» написала страшную, безжалостную, уничижающую честного человека анафему, под заглавием: «Пир дьяволов» (Uczta Szatanów). Бедный Грабовский едва в 1860 г. кое-как успел примириться с мнением своих братьев. Даже один из честнейших и наиболее уважаемых у нас людей, известный автор «Истории славянского законовещения» Вацлав Александр Мацеёвский за то лишь, что в исторических своих изысканиях не руководился односторонней, временной политической страстью, навлек на себя подозрение в измене и должен был поэтому проглотить не одну горькую пилюлю.

После такого обозрения начал, веры и учения революционной эмиграции, касающихся внешних отношений Польши, т. е. ее исторического призвания, положения в семействе европейских народов и отношения ее к западу, к славянам и к России, остается мне изобразить также кратко, в общих чертах, основу и учение демократов, или, правильнее, наших революционеров, о внутренних отношениях Польши, т. е. о временных ее отношениях к разделившим ее правительствам, а в особенности к русскому, о повседневной внутренней нашей жизни, о будущей народной революции и о началах и условиях внутреннего быта будущей Польши. Прежде, однако же, чем описывать эту другую половину литературной пропаганды эмиграции, нахожу необходимым сделать следующие два замечания:

1. Я уже упомянул выше о том, что эмигранты вообще ничего не говорили, ничего не писали и ничего не делали иначе, как только от имени Польши, как ее представители. Повторить это и обратить еще раз на это внимание я нахожу необходимым потому, что, во-первых, эмигранты действительно были тогдашним цветом народа, цветом и плодом, главой и сердцем, и поэтому, говоря и поучая наше общество во имя Польши, легко им было (и это весьма естественно) перенести свое учение, привить его на отечественной почве в сердцах младших своих братьев и детей; во-вторых, что, приводя в действие, так сказать, насильно свои начала путем заговоров и революций внутренних и заграничных и обливая их своей кровью и кровью молодого поколения, эти начала, уже привитые устно, запечатленные отцовской кровью, тем легче и тем сильнее переходили из области эмиграции в недра края. Этим замечанием я намерен сильнее уяснить, что наше общество *в данное время не могло принимать передаваемых ему таким путем и таким способом* начал за предложения и мысли *одиночных людей*, которые следовало подвергать разбору и критике, но считало их *ненарушимыми и не подлежащими критике правилами, подпорами народа, заветными отцами*.

2. Я упомянул также мимоходом, что признаваемые и распространяемые эмиграцией начала были фантастическим зданием, возведенным на почве минутных у нас и в Европе политических страстей, зданием вообще ложным, абстрактным, не имеющим основательной, разумной, исторической и фактической опоры. Это-то замечание при обозрении отношений внутренних я должен повторить с большей силой и желал бы, чтобы оно не упускалось из виду при чтении нижеследующего очерка. Эмигранты, оторванные от своего отечества, не видя, не чувствуя жизненного его пульса, с каждым годом имели менее сведений о местных соотношениях и о действительном, фактическом состоянии страны. При том, однажды уверив себя, что *отечество в рабстве*, что оно не имеет своей свободы, своего разума, *не знает и не понимает что ему нужно*, они считали уже своим делом, своим правом и обязанностью трудиться, мыслить и действовать за отечество и диктовать ему, что оно должно делать; погруженные вместе с тем в формулы, созданные великой французской революцией, или же хотя и новые, но в том же духе, и применяя все к этим формулам, эмигранты создали для себя и для Польши какой-то мир идеальный, чудесный, восхищавший, в особенности прежде, сердца юношей, но всегда бывший, повторяю, вне мира действительности.

Польша — в этом свете, это какой-то оазис в пустыне, не подлежащий никаким условиям времени, никаким условиям жизни и отношений международных; в будущем же — это великолепное небо, наполненное ангельским

братством, в котором люди без плоти, без крови, без страстей, духи, исполненные согласия, чистоты, разума и любви; там невозможное дело было пустой, обыкновенной безделкой, революция — прекрасным, простым, легким и великолепным романом, имевшим уже свои уставы, правила и формы, а пожары, реки крови, тысячи, а хотя бы и миллионы неизбежных с революцией жертв только придают этому роману в созданном революционистами-эмигрантами свете весь блеск великой исторической драмы.

После этих замечаний приступаю к делу:

ж) Хотя вследствие уклонения от начал своего прошедшего, от своих существенных начал и вследствие ослабления через то государственного могущества Польша сама была причиной своего падения, однако же, *раздел ее*, и притом в такое время, когда, с одной стороны, французская революция старалась преобразовать мир по закону божескому и человеческому, а с другой, — сама Польша начала уже перерождаться, раздел этот был делом величайшей несправедливости и тем более, что это было несправедливостью и бедствием, причиненными всему человечеству, а, следовательно, существенным историческим преступлением. Это было, однако же, минутное торжество зла над добром в вечной их борьбе между собою. Польша, необходимая как для себя, так и для света, должна быть независимой. Поэтому она обязана считать своими вечными врагами те правительства, которые ее разделили, и вести с ними вечную войну на жизнь и смерть, пока, наконец, не восторжествует. А главнейшим и первым врагом ее есть и должно быть навсегда российское правительство, потому что оно изо всех других есть сильнейшее и владеет великим, темным, несчастным славянским народом, который более, чем какой-либо народ в свете, готов на все по мановению своих монархов и потому еще, что из всех правительств российское есть самое грозное и опасное не только для нас, но и для всего света. Политика этого правительства — внешняя стремится только к приобретению, а внутренняя — к угнетению; к тому же оно составляет главнейшую силу прусского и австрийского правительств и служит главнейшим и крепчайшим звеном союза монархов на пагубу народных интересов; наконец, российское правительство есть для нас *наихудшее*, как стремящееся к уничтожению нашего народа. Все эти статьи были подробно разбираемы; но для краткости и чтобы не теряться в повторениях одного и того же, считаю необходимым изложить более подробно только о последней статье, то есть о том, что российское правительство изо всех разделивших Польшу — для нас *наихудшее*, и именно изложить так, как смотрела на это эмиграция; считаю это тем более необходимым, что мнения эти сильно впились в сердца молодого поколения и сделались *главнейшим* источником нынешних бедствий.

Итак, революционисты говорили: русское правительство, чувствуя великое значение нашего народа в судьбах мира и понимая, что наша жизнь есть смертельный удар для него при нынешней его форме и его принципах, старается всевозможными средствами и будет всегда стараться подавить и убить нашу народность. Это правительство лишило нас государственной независимости; потом оно обольщало нас некоторое время и обманывало обещаниями и, как исполненное коварства, никогда не перестанет обольщать и обманывать; оно отняло у нас все права как политические, так и общественные, оно преследует и угнетает католическую религию, преследует и угнетает нашу народность, язык, извращает историю, запрещает учиться и говорить по-польски, даже называться поляками, преследует и тиранит за

наши народные чувства, за каждое слово, за вздох, за молитву к богу, тиранит без милосердия, с дерзкой насмешкой, наказаниями телесными, мучениями, Сибирью и виселицами; оно отдало все дела нашей страны в руки людей, не имеющих ни ума, ни сердца, ни совести; его гражданские и военные чиновники — это шайка коварных и продажных плутов и злодеев, составляющих правительственную машину; это правительство, если бы могло, вырвало бы у нас из сердца чувство и из головы мысль; одним словом, никогда оно не будет желать или делать нам добро, а всегда будет действовать ко вреду и гибели нашей. С таким правительством, говорили еще, никогда не может быть ни намерения, ни мировой сделки под страхом исчезнуть на веки (*rod każą wiecznej zagłady*). К такому правительству, как русское, и ко всему, что действует посредственно или непосредственно во имя его, не может и не должно быть в душах наших, пока не сразимся с ним, никаких других чувств, кроме *величайшего недоверия, презрения, ненависти и жажды наибольшей мести*. Матери в своих семьях, ксендзы на амвоне и в конфессионале^а, учителя в школах, — все и везде обязаны взаимно один другого научать и один другому напоминать об этих уже не чувствах, но священных обязанностях поляка в отношении к русскому правительству. Оно никогда не изменится. Может статься, что когда-нибудь на краткое время, как то было при Александре I, какие-нибудь обстоятельства или внешние отношения заставят его переменить к нам свою политику, и оно начнет опять нас обольщать, но если это и случится, то для того только, чтобы после повергнуть нас еще в большую пучину несчастий.

Оттого-то такому правительству мы не обязаны быть послушными. мы не обязаны исполнять его приказания, мы не обязаны с нашей стороны оказывать ему какую-либо поддержку, помощь, содействие, хотя бы временно принимаемые им в отношении к нам меры, его временно измененная политика по наружности могли служить к нашей выгоде, к нашему благу. Поэтому каждый поляк, действующий от имени и для выгод правительства, а тем более на началах враждебного нам вечного соединения с Российским государством, не только не должен встречать в нас любви, сочувствия, поддержки, но, напротив, должен найти в нас к себе такие же самые чувства, какие мы питаем к русскому правительству, и сверх того, такого поляка нужно считать *изменником страны* и обходиться с ним, как с изменником, худшим, чем наемные шпионы, потому что эти последние, может быть, из-за куска насущного хлеба служат временным орудием, направляемым к убийству нашего *тела*, тогда как первый, действуя самостоятельно, есть страшнейший наш враг, стремящийся к убийству *души народа*. Поэтому, наконец, мы обязаны быть с русским правительством, пока не наступит время разделаться с ним оружием, в полном разрыве, разъединении, не скрывать своих чувств, обнаруживать их на каждом месте и избегать с ним всякого общения и всяких сношений. Наши текущие интересы, наши внутренние более или менее важные вопросы мы обязаны устраивать сами, без него, потому что оно всегда будет стараться устроить их к своей только выгоде и к нашему вреду и всегда в духе уничтожения нашей народности. Даже искоренение наших народных пороков и заблуждений прошедшего, бывших причиной нашей неволи, должно быть приводимо в исполнение без всякого участия российского правительства, нашим собственным трудом, нашими самостоятельными усилиями. Однако прежде всего поляки должны быть убеж-

^а *Konfesjonat* — исповедальня (польск.)

дены, что покада русское правительство господствует над нами, до тех пор мы не в состоянии, не имея ни средств, ни возможности, удовлетворять нашим ежедневным потребностям, разрабатывать согласно с идеей народности и независимости более или менее важные вопросы внутреннего быта, и радикально исправляться от наших грехов и пороков, потому что правительство *не дозволит этого*, хотя бы и казалось, что не делает препятствий нашим стремлениям. Единственное, наилучшее и надежнейшее к тому средство — есть независимость Польши, а единственный путь — революция.

Словом, русское правительство и народ польский, даже во временной внутренней своей жизни, во внутренних своих отношениях, это два мира, совершенно противные один другому, это два противоположных полюса.

з) Раз согласившись, что под господством русского правительства нет возможности сделать что-нибудь полезное для края и что только революция удовлетворит потребностям нашим или даст для удовлетворения их верные основания, эмигранты-революционисты только этим и жили. В одной лишь революции и ни в чем другом залог нашего спасения и спасения всего мира; ею одной только жить, ею только дышать должен каждый поляк; к ней должен стремиться всеми силами, только для нее должен образовываться и учиться, а прежде всего учиться тому, что необходимо для нее*. Каждый поляк, до тех пор, пока Польша не возвратит своей самостоятельности, должен быть *революционистом* от рождения и ничем больше; до начала же революции мы можем быть лишь *стадом невольников*, подавляющих в душах своих измену и мщение, и чем сильнее эти чувства, тем более заслуги перед лицом Польши.

Таким образом, считая революцию будущим своим раем, они смотрели на нее как на главнейший предмет своих занятий; вся эмигрантская литература была преимущественно ей посвящена, все же другие предметы были лишь необходимым дополнением для пояснения главного.

Если бы я имел даже под рукой все материалы, то и тогда не мог бы представить подробного обзора литературных эмигрантских трудов по этой части. Это сущее вавилонское столпотворение; каждый хотел, каждый считал своей обязанностью толковать о революции и предъявлять соотечественникам свои соображения и свои советы.

Все газеты писали о революции; члены Демократического общества рассуждали о ней в заседаниях по секциям, и прения их Централизация печатала и публиковала; почти каждая книжка трактовала о революции, а многие сочинения посвящены были ей исключительно**.

.....

* Положительно можно сказать, что революционисты только две науки — а именно политику и военное искусство — считали нужным для себя и для молодого поколения. Школой политики было для них «Демократическое общество»; военные же сведения они имели и без школы; но для образования молодых революционных вождей определили, на счет общего капитала посылать во французские училища трех молодых способных офицеров. Мерославский обучался в Парижском военном училище; Высоцкий Юзеф в Мещкой школе, и там же был третий, которого фамилии не припомню, но который был инженером и, кажется, потерял для революции в австрийской службе.

** Припоминаю между прочим Правдовского-Каменского, известного автора X. Y. Z. сочинения «Европа, Польша и Россия»¹ и издателя «Правды» в Женеве («Prawdy żywotne parodu Polskiego, i Wojna Ludowa») и печатанные Централизацией «Roczniki Towarzystwa Demokratycznego i Sprawozdania z Rozpraw w Sekcjach» — о вопросах, предлагаемых Централизацией на рассмотрение членов.

¹ Сочинение Генрика Каменского (изданное под псевдонимом X. Y. Z.) называется Ros-

О чем же, наконец, спросит каждый, с такой горячностью, с таким полнейшим посвящением трудились эмигранты? Коротко говоря, с одной стороны, они критиковали нашу революцию 1831 г., с другой, — писали и постановляли подробные *положения и правила для революции*. В первом отношении, говоря по всей справедливости, во всех этих бесконечных рассуждениях и книжках ровно ничего не прибавлено к тому, что сказал уже без увлечения, с достоинством, умнейший из наших революционистов Маврикий Мохнацкий; эмигранты только растянули его с большим или меньшим талантом, а чаще всего без всякого таланта и с тем прибавлением, что расплодили так называемых изменников (*zdrajcow*) более, чем то вообразить можно; почти каждый высший гражданский чиновник восстания, почти каждый высший офицер начиная от полковника был «изменником революции» (*zdrajca Rewolucji*), а следовательно, и народа. С другой стороны, эмигранты, как сказано, создавали положения и правила для будущей революции. *Действительно* (кто не знаком, хотя немного, с историей эмиграции, теперь уже этому не поверит), эти степенные и нестепенные, эти разумные и неразумные люди *преусердно и пресерьезно строили*, так сказать, на воздухе *революционный храм для Польши*. Не только толковали и писали они об основаниях будущей революции, но также устанавливали порядки и правила, как составить заговор, как его вести постепенно до самого взрыва, потом подводили под такие же правила каждый момент революции, каждую особенность, касающуюся ее революционных властей от высших до низших гражданских и военных *, все долженствовавшие выйти при этом декреты и распоряжения и все фазисы войны до самого окончательного, неизбежного торжества.

Душой всякой работы на этом поле был дух французской революции, от которой наши революционисты хотели перенять даже формы **. Терроризм, неумолимый, карающий каждого, кто хоть на волос отступит от установленных правил, есть одно из неизбежных и спасительных средств будущей революции. Этот терроризм должен преследовать не только *врагов внешних*, но и *внутренних*, т. е. преимущественно и прежде всего магнатов, шляхту и иезуитов; в этом случае тысячи жертв, да хотя бы и более, ничего не значат и революционные власти не должны перед этим останавливаться ***.

Революция наша в том виде, как приготавливали ее демократы, должна опираться исключительно на собственных силах, и тогда только она будет победоносной, потому что эти силы *неистощимы и победоносны*, а затем вся-

.....

sja i Europa; Polska. Wstęp do badań nad Rosją i Moskaliami [«Россия и Европа; Польша. Введение в изучении России и русских»], издано в Париже в 1857 г. Оценено А. И. Герце-ном как «серьезный и замечательный труд» (Собр. соч. в 30 томах, т. XIII, стр. 48).

* Предметом рассуждений были даже сеймы, сеймики и сельские гмины, долженствовавшие открыться во время революционного пожара.

** Припоминаю, что были головы, которые требовали для нашего восстания совершенно такого же конвента, каков был французский.

*** Много бы пришлось говорить об этом терроризме. Многие одиночные голоса доходили в этом отношении до последней крайности. В головах некоторых закоренелых демагогов ничего не значили реки собственной крови для успеха революционного дела. А для внешних врагов без церемонии предлагали средства, употреблявшиеся испанскими гверильясами, например убийство одиночных людей, отравление колодцев и т. п. Однако же я должен прибавить, что наш революционный разум, т. е. Централизация общества и вообще наши рассудительнейшие люди никогда до таких варварских, бесчеловечных и глупых крайностей не доходили.

кая надежда и расчет на заграничную помощь есть преступление. Но, говоря мимоходом, это были только слова, а не дело. Демократы не верили и отвергали помощь устроенных уже государств, яснее, монархических государств, монархических правительств; но нельзя сказать, чтобы не видно было в литературе и в действиях заговорщиков и революционеров расчета на так называемую общеевропейскую революцию. Припоминаю по этому случаю, что заговор 1845—1846 гг. был преимущественно основан на предполагаемом общеевропейском революционном движении. Итак, расчет на заграничное содействие и помощь был у демократов, равно как и у дипломатов, с различием только *формы этого расчета*, происходившим от различия начал политических.

Не распространяя[сь] более об этом предмете, потому что и сказанного уже достаточно для того, чтобы усвоить главнейшую мысль, а именно, что революция должна быть нашей жизнью, нашей мечтой, нашим единственным и исключительным стремлением. Демократы не понимали, не могли себе представить другой Польши, как только вышедшей из революции, и эти два понятия так нераздельно слили между собой, что в самом деле мало грешили их политические противники, утверждая, что демократы отказывались от всякой другой Польши, кроме Польши, добытой путем революции и *очищенной от внутреннего врага* * и что для них (демократов) Польша существовала только для революции. Впрочем, вполне верно, что во всей демократической болтовне все в Польшу служит средством для революции: и простой народ, и шляхта, и духовенство, — словом все; революция же считается целью.

Кажется, не надобно мне прибавлять, что и это звание, как и все другие воздвигаемые демократами с такой горячечной страстью, есть одна только фантазия. С тех пор, как существует свет, всегда каждая революция сама для себя создавала и основания, и формы, и средства, и обыкновенно люди, начинающие какое-либо историческое движение, не только не знают, но не предугадают даже, какая дальнейшая судьба и какой исход постигнут их, так сказать, родное дитя. Полагаю, что теперь уже и сами эмигранты убедились в справедливости этого. Самые 1846 и 1848 годы доказали им, что революционное движение, даже под руководством самих сочинителей всех эмигрантских революционных начал и правил, пошло совершенно не по тому пути, который Централизация предназначала для него в Лондоне, а Мерославский старался указать на месте.

и) Наконец, надобно еще сказать несколько слов о второй половине предыдущего пункта, которую для ясности я отделил, т. е. о началах, во имя которых революция должна быть начата и ведена, или, что то же, о будущей Польше по теории Демократического общества.

«Прежде, чем примемся за это спасительное дело», — говорили демокра-

* Этот внутренний враг был для демократов каким-то привидением; его представляли магнаты, шляхта и иезуиты. Кто хорошо знает наше общество, тому хорошо известно, что в наши дни привидение это не более, как одно лишь привидение; в прежние же времена, хотя положительно исторически верно нельзя сказать, чтобы вовсе не существовало зла, о котором так много писали демократы, но с другой стороны нельзя не признать, что зло это они преувеличивали через меру, и преувеличивали его по той причине, что для революции по образцу французской необходимы были и французские магнаты, и французское дворянство, и французские иезуиты. Это привидение, этот внутренний враг был предметом величайшей ненависти, которая обнаруживалась не на деле (потому что, правду сказать, дела вовсе и не было), а в словах, в печати, в стихах и в бумажных угрозах.

ты,— каждый поляк должен знать, во имя чего мы восстаем, во имя каких начал мы должны сражаться, какими должны мы быть с той минуты, когда начинаем думать о счастье Польши, какой должна быть эта Польша, очерченная границами 1772 г.? Польша должна быть республикой, чистой республикой, а не старой смесью с бессильным королем во главе; эта республика должна быть народной, демократической; Польша должна раз навсегда расстаться со всеми шляхетскими предрассудками, со всеми пороками, грехами и преступлениями иезуитской шляхты, а вместе с тем и с ее проклятым «*veto*».

Польша должна освободить сельское население, воздать ему должное по справедливости, сделать крестьян собственниками и гражданами страны; далее, наша республика должна основываться на началах совершенного равенства и братства, не допускать никакого преимущества в правах одного сословия и вероисповедания перед другими*; наконец, в этой нашей республике государственным руководящим разумом и верховным властелином должно быть самодержавие народа, представляемое сеймом. Власть государства, его видимая глава, составленная из выборных лиц, должна быть только исполнительной.

К этому общему очерку идеала будущей Польши я обязан прибавить следующие замечания:

1. Что я представил здесь только нагой скелет, не желая ни себе, ни читающим наскутить долгим и растянутым празднословием, которым опутала его литература и вся пропаганда эмигрантов и которые из этих простых и ясных начал или делают недостижимый идеал (не говоря уже, что республика сама по себе есть только идеал), или просто уродуют их и вместо счастья и порядка приносят бедствия и анархию.

По моему крайнему разумению, если бы кто захотел осуществить начала нашей демократии в том виде, как она их предлагает, тот или должен бы был для этого пережить многие и многие поколения, или наделал бы такой безвыходный хаос, что впоследствии пришлось бы разве картечью очищать выход из него для общества.

Для удостоверения в этом предлагаю интересующимся обратиться к источникам, за которые Демократическое общество и его Централизация отвечают уже специально,—к его «журналам» и «отчетам о заседаниях по секциям» (*do roczników i sprawozdań z rozpraw w sekcjach*); пусть сам увидит, как там представлено, например, равенство и братство сословий, или (само по себе, впрочем, неопределенное) самодержавие народа. Там (если взять только сущность всего вышесказанного) пахнет только или святым, прекрасным идеалом, или анархией и кровью.

2. Что все эти начала, эти благодеяния для человечества, должны были осуществиться *исключительно путем революции* и не *после* революции, а одновременно с ее начатием. Революционисты наши (как уже было сказано) не допускали никаких сношений с правительством и вперед уже порешили для себя и для страны, что до начала революции сделать что-либо или разрешить какой-либо вопрос невозможно. Итак, революция должна была своим исполненным братства знаменем закрыть все наши раны, излечить

.....
* Об уравнении прав народностей как об основном начале Демократическое общество ничего не говорило, и если когда касалось этого вопроса, то весьма поверхностно, общими местами и вместе с другими вопросами, так что надобно признать вопрос о народности нетронутым демократией.

нас от всех пороков, грехов и преступлений, удовлетворить всем нашим нуждам и покончить со всеми фундаментальными жизненными вопросами.

Кто хотя сколько-нибудь ознакомился со светом и его историей, тому хорошо известно, каким тяжелым, медленным трудом многих поколений достигается каждое благодеяние прогресса; тому известно также, что революция не созидает, а только разрушает, хотя среди этого разрушения зарождаются иногда спасительные для будущности зерна.

И какой же результат такой теории? Такой же, какой и был на самом деле, ответим, т. е. что заговоры и революционные движения сами собой не исправили того, что было дурно, а хорошего ничего не сделали.

Если бы даже под всемогущей рукой Централизации на польской земле явилась настоящая, великая революция (а не мелкие студентские движения) — до или после 1840 г., как того жаждала Централизация, то и тогда что же бы вышло при такой путанице в самой теории, при исполнителях, стоящих ниже всякой критики, при малом, почти ничтожном в то время, приготовлении страны к принятию этих начал в *кровь и плоть* (а такое только усвоение может быть основательно и полезно)? Легко отвечать: или бы воцарилась шляхетская реакция и отправила бы неспособных анархических авторов на гильотину или на виселицу, или (что невероятнее) властью завладела бы авторы и исполнители теории, которые должны бы были вводить благодеяния равенства и братства также посредством виселицы, косы и ножа. С полным убеждением повторяю: безотчетно фанатическая уверенность в том, что только революция может нас спасти и что она только может удовлетворительно разрешить все вопросы, а до того времени нельзя и не стоит что-либо предпринимать, — не могла ни в 1845, ни даже в 1848 г. привести к другому результату. Могут при этом спросить: отчего же движение 1863 г. не произвело таких результатов? На это буду отвечать в своем месте; иные были времена, иное движение, иная страна, иное правительство, иной свет, да и самые начала мы очистили, а некоторые погребли навеки в делах прошедшего, без последствий; 15 или 20 лет, а с 1831 г. прошло более 30 лет, — имеют свое значение.

3. Одним из наиболее важных начал Демократического общества было воздать следуемое по справедливости сельскому населению, сделать его собственником и гражданином, и это начало было, можно сказать, душой общества. Никто не станет оспаривать величия и святости этого начала, я даже скажу более, это одна из числа тех немногих жемчужин, которые даровала стране эмиграция (о чем не медлю вспомнить в своем месте). Впрочем, об этом я и не намерен здесь распространяться, а хочу только показать, как общество понимало это святое начало. Как вообще все, так и этот вопрос, и в словах и в сочинениях демократов является неопределенным видением и путаницей, весьма близко находящейся к хаосу. Если бы эти начала были предложены народу только *как начала*, беда была бы еще невелика; но к несчастью демократы решились осуществлять их, как и все вообще, на самом деле, посредством насильственной революции. Вот почему кстади будет упомянуть о развитии принципа дарования народу права гражданства. Как же понимало общество эти начала? Что можно усмотреть в их понятиях? Трудно определить. Там каждый найдет то, чего захочет. Говорилось ли там о наделе землей только оседлых хозяев, обязанных в отношении помещиков барщиной или другой повинностью, или о наделе всех крестьян без исключения? Какими землями предполагалось наделять крестьян: теми ли только, которыми они уже пользовались, или еще и дру-

гими, фольварочными? С вознаграждением помещиков или без оногo? Наконец, был ли это коммунизм и общая собственность или раздельная? Все-го этого, повторяю, ясно определить, а следовательно, и понять, было невозможно, и оттого-то, как я сказал, каждый там найдет в этих теориях то, что захочет.

Не подлежит сомнению, что такой хаос в понятиях о самом предмете вместе с убеждением, что только революция может его разрешить*, произвели бы только беспорядки и несчастья (если бы Централизация могла сделать какую-либо революцию в стране). Припомни себе, что теории общества и его члены не колебались посвятить *хотя бы тысячи жертв* для приведения в исполнение своих начал и что в самом обществе была партия, называемая *колишицной* и *гайдамацной*¹, которая без церемонии проповедовала, что надо начать резней шляхты. При таком положении и нравственном настроении демократов, влюбленных в терроризм французской революции, при неопределенном понимании самого вопроса, при недостаточной в то время подготовке страны вообще, а в особенности тех, которые более *других заинтересованы этим делом*, т. е. *шляхты*, при недостатке просвещения и оттого чудовищных требованиях и ненавистном расположении крестьян к своим панам, наконец, при недостатке сильной власти (о чем хотя Централизация и писала, но никогда не была в состоянии что-либо сделать, как то и доказали опыты) нельзя было ожидать от решения крестьянского вопроса ничего более, как только одних бедствий, безвыходных несчастий, только бешеной анархии. То есть, говоря определительнее: результатом демократической теории в случае, если бы революция, руководимая Централизацией, действительно могла и хотела разрешить у нас крестьянский вопрос, была бы только ужаснейшая резня шляхты, только падение и погибель самого вопроса об освобождении крестьян, потеря прежней цивилизации и, наконец, Польши.

Вышесказанными словами я не думаю приписывать Демократическому обществу и его Централизации братоубийственное желание резни шляхты; нет, я хочу только показать, что их хаотические теории при всех других упомянутых современных условиях имели бы своим *неизбежным* последствием резню шляхты, и это я готов доказать подробно, на основании слов и сочинений наших демократов. Галицийская резня, не подлежит сомнению, была делом австрийского правительства, плодом презренного принципа *divide et impera*²; однако же нельзя не согласиться, что, во-первых, в самом сельском населении находились элементы для резни, вследствие грехов

* Не говорю уже о том бесспорном обстоятельстве, что решение столь важного, запутанного и трудного вопроса, более других социального и слитого с общим хозяйством всей страны, никогда не может быть исполнено революцией и во время революции. Революция может не более как предложить (*postawić*) принцип; решение же его требует спокойствия, времени и почти исключительно усердия и труда правительства и общества.

² *Разделяй и властвуй (лат.)*

¹ *Гайдамаками называли в XVIII в. участников крестьянского движения на Правобережной Украине. Крупнейшее из крестьянских, гайдамацких восстаний, вспыхнувшее в 1768 г., носит название «Колишицны». Оба эти названия приведены переводчиком в их польской форме. Под «колишицной» и «гайдамацной» в польской демократической эмиграции Авейде подразумевает, вероятно, революционно-демократическое общество «Люд польский», одна из секций (громад) которого приняла символическое название «Умань» (Умань была центральным пунктом восстания 1768 г., где произошло массовое истребление польской шляхты). Однако «Люд польский» был организацией, отделившейся в 1835 г. от ПДО, и подвергал ПДО резкой критике.*

и проступков (а может быть, и преступлений) шляхты и панов, и что, с другой стороны, неопределенная теория и пропаганда Демократического общества и бешеный геростратизм¹ отдельных его членов были также одними из действующих причин в этой резне, а может быть, даже были орудиями в руках самого Меттерниха, о чем революционисты и не догадывались.

В дополнение к вышесказанному я должен прибавить еще следующие замечания:

Все Демократическое общество и все его члены, не зная страны, тем более не знали сельского народа. Полюбивши народ, они как-то странно, абстрактно, так сказать, романтично, представляли себе нашего мужика.

Мужик, по их понятиям,— какое-то существо без крови, без страсти, без костей и до того не помнящий о своем прошедшем рабстве, что в самую минуту освобождения он воспламенится огнем братской любви к шляхте и как вполне созревший в политическом отношении и насквозь проникнутый идеей о государственной независимости Польши в момент появления революционного манифеста, в котором будет сказано *«тебе даруется свобода и собственность, иди сражаться!»*, он станет разумной фалангой, понимающей и цель и основные начала революции*; и наконец, не могу еще пропустить и того, что, несмотря на полную, неоспоримую любовь к простому народу, оживлявшую сердца демократов, этот простой народ представляется Демократическому обществу *политическим средством* для революции, а не *целью*.

Я не хочу этим несправедливо утверждать, что если бы обстоятельства в крае, его внутренний общественный быт или, например, манифест императора Николая I сделали это средство, т. е. освобождение и наделение народа собственностью, невозможным и бесполезным для революции, то демократы стали бы меньше любить народ; этого, повторяю, утверждать я не намерен. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что крестьянский вопрос был осью, душою революционного эмигрантского здания, так что с устранением этого вопроса все воздвигнутое на бумаге здание погибло и лопало[сь], как мыльный пузырь, и что на крестьянский вопрос, вопрос по существу своему *прежде всего социальный*, демократы смотрели главным образом (и это также не подлежит сомнению), как на *вопрос политический* и считали его (повторяю) главнейшим, действительнейшим и, можно сказать, единственным *средством* революции (отсюда отчасти и происходит эта путаница в теории Демократического общества).

Таковы в сжатом очерке основные начала революционно-социальной эмигрантской партии, и такова была ее литературная пропаганда. Что сказать об этом обширном, едва ли не наибольшем, отделе трудов наших революционистов?

Много, очень много мог бы сказать добросовестный, любящий свою страну критик, снабженный необходимыми материалами. Хотя я наперед исклю-

.....

* У нас вообще мало людей, ясно понимающих сельское население. В этом отношении наша местная литература почти без исключения грешит идиллическим воззрением на нашего мужика и его жизнь и не умеет в своих сочинениях найти ни предметов, ни языка, свойственных крестьянскому быту. Там только беспрестанно встречаем: «не пей», «будь послушен пану», «молись»; этого слишком еще немного, да и это немногое не соответствует действительности.

¹ От имени Герострата, поджегшего храм Артемиды в Эфесе,— стремление к славе ценой преступления. Кличкой «геростратизм» охотно пользовались польские реакционные и либеральные политики для осуждения революционных демократов.

чил критику из моего рассказа, но не желая, однако же, устранять ее там, где она необходима, я намерен и в этом месте сделать некоторые замечания, которые могут быть приняты как повторение замечаний уже высказанных при разборе отдельных принципов, но которые представить здесь считаю необходимым. Итак:

1. Революционная пропаганда имела сильное и решительное влияние и в свое, и в позднейшее время. Она воцарилась среди эмиграции и заставила молчать, выбила из сил и сделала совершенно несостоятельными своих противников; она овладела также и в самом крае головами и сердцами современного себе и позднейшего молодого поколения.

2. Происхождению и распространению начал Демократического общества содействовали современные обстоятельства, как то: положение Европы вообще, всеобщая реакция со времени падения Наполеона против либеральных стремлений, Священный Союз, внешняя и внутренняя политика русского правительства и положение нашей страны; в особенности же несоответственная и реактивная правительственная система.

3. Революционная пропаганда, от начала ее до конца, есть фантастическое и ложное здание, имеющее только в некоторых отношениях *временное, минутное* основание. Бесспорно, есть там и жемчуг, прекрасные, святые, спасительные начала (каковы: право гражданства и надел собственностью народа, равенство пред законом), но эти же самые хорошие стороны пропаганды поглощены абстрактным, ложным и хаотическим резонерством.

4. *Временный вред* от этой пропаганды несомненен: она давала ложные основания, старых пороков не излечивала, прививала новые, отклоняла народ от труда, задерживала естественное прогрессивное его развитие, порождала жертвы и стесняла границы правительственной системы. *Временной* же пользы не принесла никакой. О будущем, т. е. о вреде и пользе революционной пропаганды для нашего поколения, ничего пока говорить не буду.

Прежде, чем приступить к описанию политических действий (т. е. заговоров и революций) революционно-эмигрантской партии, скажу несколько слов о кружке эмигрантов, отличавшемся своими особенными, не сходными со всеми другими чертами и имевшем некоторое влияние на страну, а именно о кружке последователей и учеников Андрея Товянского, составляющем до сих пор вполне еще не исследованную *мистическую, религиозно-политическую секту*. Это тоже результат несчастного положения нашего народа, болезненное явление, которое, полагаю, могло возникнуть только у нас, только в нашем положении и только среди эмиграции. Прежде всего надобно рассказать, откуда могла произойти и как произошла эта несчастная секта, составленная едва ли не из самых преданных, самых чистых, горячо любящих отечество патриотов? Происхождение ее весьма натурально. Польша пала; все усилия восстановить ее до 1831 г. кончились ничем и только повергли ее в большие несчастья; эмиграция была растерзана на мелкие части, на отдельные единицы раздорами и своими возбужденными страстями и бесконечными спорами; положение страны было ужасное, положение Европы почти не лучшее, на горизонте мира не видно было никакой яркой, верной и утешительной, так сказать, звезды; все это громадной тяжестью легло на души многих из наших отцов с более теплыми сердцами, с более восприимчивыми чувствами, более живым и игривым воображением, слабейшей волей и которые жаждали некоторого *внутрен-*

него согласия, гармонии и последовательности. Все это, говорю, все окружающее этих людей, придавило их ум и сердце, отняло у них столь необходимую в жизни уверенность, самосознание и путеводную нить; за собой они видели гроб всех своих желаний, надежд, всей своей веры, а впереди себя — безвыходную пропасть, которая в их глазах казалась наполненной бедствиями, несчастьями, всеобщей неволей и грязью страстей. При этом религиозные их души не могли примирить это ужасное положение с благолето высочайшей любви, с провидением и разумом наивысшей мудрости, с всемогуществом бога. Мелкие теории собратьев их эмигрантов, теории, создаваемые на почве страданий и неурядиц тогдашнего времени, не могли для них быть приютом отдохновения, а тем более пристанью, предоставляющей им безопасность, спокойствие и внутреннюю гармонию. Вот к таким-то страждущим, изломанным житейскими превратностями, отчаявающимся людям пришел человек, донныне еще не понятый, и подал им в неуловимых, исполненных религиозно-политического мистицизма формулах то, чего они так сильно жаждали, а именно — спокойствие*. Это было каменное спокойствие, которое ничего не произвело, ничего не развило в этих несчастных людях, а напротив того, остановило их полет, всю их деятельность, но которое было для них необходимо, составляло условие их жизни. Этот человек был (и до сих пор живет) Андрей Товянский. Был он когда-то студентом Виленского университета, потом реентом в Ошмяне, уездном городе Виленской губернии; в 1831 г. не принимал участия в революции и был открытым ее противником, доказывая, что это грех и возмущение противу воли божией..... Через несколько лет после того он выехал за границу с русским паспортом и оттуда уже не возвращался. Еще в своем отечестве он начал распространять и проповедовать свои истины, но нашел только нескольких учеников (между прочими знаменитого живописца Ваньковича и известного по своему таланту и честности виленского доктора Гутта, своего зятя). За границей около 1840 г. Товянский старался сперва склонить на сторону своих принципов гнезненского архиепископа Дунина, а потом генерала Скржинецкого (бывшего нашим главнокомандующим в революции 1831 г. и состоявшего в то время в бельгийской службе) и даже, говоря, Лелевеля. Но как эти старания не имели ни малейшего успеха, то Товянский обратился со своими происками в Париж и главным образом к Мицкевичу, бывшему тогда профессором славянской литературы в Collège de France. Мицкевич вскоре сделался одним из первых**, если не первым,

* Этот период вообще, кроме Товянского, изобилует мистиками, и не только у нас, а и в других странах. Итак, за несколько лет перед Товянским явился в Саксонии какой-то жид, если память мне не изменяет, по имени Альбертус¹, который в своем мистическом учении указывал на Польшу как на старую обетованную землю для евреев; каждая важная местность в нашей стране соответствует какой-либо местности в Иудее, каждая важная особенность в нашей истории соответствует какой-либо особенности древнееврейской. Во Франции в одно время с Товянским появился какой-то фабрикант мыла и свечей², по имени не помню, который тоже для спасения мира создал какое-то мистическое здание, но попал под арест как обманщик.

** Говорят, что Товянский приобрел в Мицкевиче своего последователя не только силой и сущностью своего учения, но также чудесным исцелением его безнадежно больной жены и какими-то предсказаниями, касавшимися родственных отношений Мицкевича.

¹ Альбрехт Кристьян, немецкий еврей, был приговорен в Саксонии к 5 годам тюрьмы за шарлатанство (Кристьян объявлял, что имел видения, непосредственно общаясь с богом). В 1840 г. Кристьян посетил в Париже Мицкевича, но завоевать его доверия не сумел.

² Эжен Вэнтра (1807—1875), французский ремесленник, основатель мистической секты (1839), поддерживавшей контакт с Товянским и его последователями. В 1843 г. Вэнтра был приговорен за шарлатанство к 5 годам тюрьмы.

учеником Товянского, и с этого времени принципы нового учителя приобретают все больший и больший успех, постепенно распространяются и таким образом формируется секта¹. Мицкевич был ее душой, он весь предался новому *делу божьему* («Sprawie Bożej» — так сами товянисты называли основные начала своей секты) и свою профессорскую кафедру сделал кафедрой нового учения. Вскоре делаются учениками Товянского: Словацкий, Гоцинский, Набеляк, Антоний Горецкий, Карл Ружицкий, ксендз Дуньский и другие, более или менее известные у нас люди. Проповедование «дела божьего» шло наилучшим образом как в Париже, так и вообще во Франции. Товянский не ограничился одними поляками, а хотел распространить и привить свое учение и между французами*, но скоро французы, а вернее сказать, правительство Людовика Филиппа, остановили пропаганду. Товянский начал пророчествовать, и понимая (это было, кажется, в 1845 г.), к чему было направлено тогда общее настроение французов, предсказывал несчастья для царствующей династии; это и было причиной, что французское правительство удалило Товянского и главных его учеников из пределов Франции². Тогда Товянский переселился в Швейцарию и теперь постоянно живет в Цюрихе, где также пребывают многие его ученики и где они живут своим обществом, в совершеннейшем взаимном согласии и братстве. С того же времени учитель не удаляется из Цюриха ни на шаг для дальнейшего проповедования, а последователи его со всех сторон света считают своей обязанностью периодически навещать своего наставника, и потому-то злоязычные и неприязненные для товянщины люди назвали Цюрих *Меккой пророка новых времен* (Mekka nowożytnego Mistrza). Эта секта с каждым годом уменьшается, особенно с тех пор, как она лишилась Мицкевича, Словацкого и Горецкого; новых же учеников Товянский имеет весьма немного. В Польше также немного его учеников; но в каждой, однако же, провинции находится их по несколько человек. У нас в Царстве как бы главой товянистов почитается известная своим благородством фамилия Носковских, ранее чем все другие присоединившаяся к числу учеников Товянского.

Прежде чем скажу кое-что об основных началах секты Товянского, я должен упомянуть об ее наружных чертах, замечаемых в жизни ее последователей.

Все они, а в особенности старшие, отличаются безупречной честностью, правдушеством, благородством характера; они говорят и действуют как добрые библейские христиане; все, с весьма немногими исключениями, ничем практическим, да и вообще ничем не занимаются, ничего не делают, вообще, можно сказать, ведут праздную жизнь; даже не всегда заботятся о том, чтобы дать направление собственным детям**;

* В числе учеников Товянского находится несколько французов и итальянцев; этим и ограничивается все торжество нового учения между иностранцами.

** У Товянского девять детей, но, говорят, ни одного из них не воспитал он собственными трудами, а средствами и стараниями своих учеников. Мицкевич пал с тех пор, как сделался его учеником; Гоцинский не произнес более ни одного звука; Балинский ничего не произвел кроме плаксивых и водянистых фраз; то же было и с остальными. Молодые люди (как мне кажется, более на словах, чем по духу, последователи учения секты) начинают понемногу трудиться и учиться.

¹ В присоединении Мицкевича к числу приверженцев Товянского действительно сыграло значительную роль улучшение состояния душевнобольной жены Мицкевича Целины под влиянием беседы с Товянским.

² Товянский был выслан из Франции в 1842 г. и повторно (после возвращения в Париж в 1848 г.) в 1849 г.

всякой революции в нашей стране, почитая ее бунтом противу воли божьей * грехом, и вместе с тем все они искренние, можно сказать, сердечные приятели русского народа и даже правительства; все они любят простой народ, и они одни из эмигрантов смотрят на него не как на *средство*, а как на *цель* и, сколько мне известно из отдельных примеров, держатся в практической жизни правила, чтобы дело согласовалось со словом. Все они живут отдельно от остального общества, своим кружком, тихо и скромно, во взаимных отношениях называют друг друга без различия возраста «братом», «сестрой» **, взаимно друг другу помогают, не стыдятся принимать помощь от своих и живут, можно сказать, общиной (*we wspólności*), т. е. так, что все принадлежащее одному из них принадлежит и всем. Таковы наружные черты этой, до сих пор хорошо у нас не понятой, секты. Какие же ее основные правила? спросит каждый. На этот вопрос обстоятельно и точно не сумеет отвечать никто из непосвященных (да и посвященные не всегда могут, а быть может, и не хотят отвечать). Эмигранты, не пристающие к секте, но помнящие еще публичную пропаганду Товянского и Мицкевича во Франции, может быть, и могли бы дать некоторые объяснения, но они ограничивались одни только проклятиями, насмешками и иронией, а из всего этого невозможно извлечь ничего существенного. Сами товянисты ничего не пишут о своих началах. По этому предмету мы имеем только «Беседу» *** Товянского (написанную, как говорят, для Дунина, Скржинецкого и Мицкевича), коротенькое сочинение, будто бы содержащее в себе религиозно-политическую систему учителя; далее, небольшую французскую брошюру «*Le prêtre zélé Duński*» Ружицкого**** и *три* составленные товянистами одновременно адреса (а именно: к императору Александру II, к Наполеону III и к нынешнему папе *****), объясняющие причины, по которым они не могли принять амнистии, дарованной всем эмигрантам императором Александром

.....

* В минувшую революцию некоторые (не знаю, все ли) отступили несколько от этого правила, да строго прежде соблюдаемого, и принимали участие в стычках, происходивших в Краковской области. Один из них был командиром батальона косинеров у Лянгевича по принятии им диктатуры. Сам даже Ружицкий (для меня один из почтеннейших типов эмиграции) прибыл в июне в Галицию с намерением, если не ошибаюсь, принять участие в восстании; по крайней мере так было донесено «ржонду народовому».

** Одно только Товянского называют учителем (*Mistrz*); он один пользуется особенным почетом против всех других людей, и все ученики без различия возраста и пола, как почтительные дети, целуют его руку. Изо всей товянищины антипатичен один только Товянский, и как шарлатан, и как напыщенный гордец, осмеливающийся утверждать о себе серьезно, что он посланник божий, и принимать божеские почести от равных ему людей, и наконец, как празднолюбец, лентяй, многочисленное семейство которого содержат нередко сами по себе бедные ученики его.

*** «Беседу» товянисты впоследствии опровергали и остановили ее печатание, доказывая, что она не излагает надлежащим образом «науку учителя»; в настоящее время она попадает очень редко; я нашел ее в «Годе», первоклассном периодическом журнале в Познани, издававшемся до 1846 г. «Беседу» без объяснений, без ключа вполне понять невозможно, и она действительно представляется болтовней человека, находящегося в бреде или страдающего сумасшествием от излишнего напряжения мысли.

**** Брошюра касается более самого ксендза Дуньского, чем учения. Она доказывает только, что почтенный ксендз Дуньский умер товянистом, не отрехшись от этого учения, а вместе с тем (на основании следственных документов французских духовных властей), что учение Товянского не противоречит католической религии.

***** Товянисты признают себя и подписываются верными подданными императора Александра II и российского правительства, осуждают свои прежние действия против правительства, но вместе с тем говорят, что не могут воспользоваться амнистией, потому что должны исполнить за границей божескую миссию; но что это за миссия, о том не говорят; по крайней мере все мои размышления не привели меня к познанию этой миссии.

при вступлении его на престол. Из всех этих сочинений извлечь можно весьма немного о началах секты. В заговорах старшие товянисты посвящают в свои тайны только тех лиц, от которых могут ожидать, что они будут верными последователями учителя, а молодые, если бы даже и хотели, то не очень сумеют высказать все, относящееся к учению. Из всех этих неполных письменных источников, из разговоров с некоторыми товянистами, из нескольких писем к готовящимся в ученики, из критических (хотя и пустых и несообразных) эмигрантских статей, решаюсь представить нижеследующий очерк главнейших оснований этого учения, предупреждая вперед, что не имею претензии на совершенную правдивость и точность изложения. Впрочем, здесь нужен только один очерк, а не история и не самое изложение учения Тoviaнского.

В религиозном отношении. Фундаментом и душою учения есть священное писание старого и нового завета. Тoviaнский (и с ним его ученики) утверждают, что христово учение существует только в обрядах и катехизисах, а что в жизни нашей мы останемся по-прежнему язычниками * и что он, Тoviaнский, прислан для того, чтобы исправить это и ввести в жизнь христово учение. Переводя и комментируя слова библии, Тoviaнский сделал, хотя вовсе не новые, следующие два главнейшие изменения (которые он не называет изменениями, а только объяснениями библейских истин) во всеобщем христианском учении.

1. Что вся вселенная наполнена *духами, одинаковыми по натуре своей*, но различными по своим качествам и значению.

Духи эти он подразделяет на разные степени, одна другой выше и совершеннее и которые обладают свойством совершенствоваться.

Степени духов он группирует в три главные отдела, которые называет: *отделом духов черных, отделом духов серых и отделом духов белых.*

Такие градации духов восходят от самого низкого организма до чело- века и от человека до высших отделов.

Духи эти, рассеянные по вселенной, обладая способностью совершенствоваться, переходят из низших степеней к высшим, если исполнили назначение в предыдущей степени; иногда же (вследствие неудовлетворительного, дурного, несоответственного исполнения богом определенных условий своего существования) переходят и в низшие степени и отделы, так что, например, живущий ныне человек может быть прежде уже жил в образе другого человека или животного или растения и, может быть, будет жить впоследствии или в отделе высших духов, или опять в образе другого чело- века, животного или растения.

Одним словом, это ни больше, ни меньше, как древнее языческое *переселение души* **. Когда товянистам делают упрек за введение в христианское учение языческих старых толкований, то они опровергают этот упрек; но ни письменно, ни устно не могут подкрепить это опровержение дока-

* Но ведь для этого нет надобности в посланнике божьем и в новой секте с учителем во главе ее, а довольно и обыкновенного человека. Претензия слишком велика: 18 веков христианство трудится разными путями и не может осуществить царство божие. Тoviaнский со своей сектой — это капля в море. Впрочем, неоспоримо то, что их братство существует только в сфере их секты, а это немножко тесновато.

** Эти болезненные для XIX в. понятия я старался представить серьезно, избегая вообще насмешек и всех прибавлений эмигрантской критики, возбужденных желанием осмеять их. Если древние метампсихозы действительно чужды науке Тoviaнского, как то утверждают его последователи, то пусть же, наконец, товянисты отверзнут уста свои и скажут нам это и объяснят вместе с тем, что такое болтовня их и о духах, и об отделах духов.

зательствами, исправить же и до сих пор ошибочное (если оно таково в самом деле) убеждение насчет их учения просто не хотят.

2. Итак, человек есть временная форма духа известной степени и известного отдела. В этой форме дух имеет назначенные богом условия своего существования, от исполнения или неисполнения которых зависит переход человека к высшим или низшим степеням, к лучшим или худшим духам. Свойства, однако, этих условий*, их сущность и границы различны и тоже определяются человеку провидением; человек не может преступить за них, он их исполняет и должен исполнять как орудие *воли божией*,— орудие без *самоведения* разума, одаренное известным только, весьма ограниченным свойством рассудка, а именно: познанием добра и зла.

Словом, вся запутанная и мистическая болтовня Товянского о человеке как о временной форме духа, об условиях существования этой формы и о пределах этих условий, не что иное, как возобновленная смесь старых теорий двух начал — зла и добра, магометанского фатализма и старокальвинского предопределения. Результат же этой болтовни тот, что учение Товянского *уничтожает разумную свободную волю человека* или по крайней мере низводит ее до значения *просто орудия воли бога*,— *орудия, лишённого самосознания*.

Я привел из всего учения Товянского только эти два уклонения от христианской религии потому, что их можно уловить и что они лучше мне известны, а также потому, что их достаточно для уяснения главного дела, а именно, что ученики Товянского живут в неопределённом и пустом мире мечты и фантазий** и что, следовательно, в *религиозном отношении* они болезненные явления, заблудшие мистики***.

В *политическом отношении* Товянский равно утверждает, что он призван также и затем, чтобы поучать весь мир, осуществлять христианские правила в политических *международных сношениях*. Миную мало мне известные поучения Товянского о том, каким образом должно совершиться это осуществление христовых правил в политике вообще, и ограничусь только теорией этого учения в применении ее к Польше и к отношениям Польши к русскому правительству.

Не подлежит сомнению, что товянисты любят, мыслят и веруют, так сказать, в нераздельную, старую Польшу до 1772 г. Несомненно также и то, что они выдают себя за искренних верных подданных русского правительства и что таковы они на самом деле, а также что ничего в свете они так не ненавидят, как революции в Польше**** и все революционные козни.

.....
* Люди отнюдь не бывают духами одной степени и одного отдела. Эти степени различны, различного достоинства и различных условий; могут быть и добрые и злые духи; с большим рассудком,— яснее созерцающие правду, и духи с более ограниченным рассудком; но во всяком случае эти качества составляют их принадлежность, без их вины, без их воли и без их заслуги, потому что «таковы уж условия их существования, начертанные самим богом, потому что такова уже форма их духа».

** Отсюда-то (т. е. вследствие созерцания собственного духа) происходит удаление их от действительного, практического мира.

*** О других, еще более темных и неуловимых подробностях учения Товянского, а также о всех смешных толках, какие ходят у нас о «духах», занятых постоянной «работой духа», считаю излишним здесь распространяться. Скажу только, что под влиянием постоянного самосозерцания, постоянной работы мысли, погружения, так сказать, в неопределённую сферу — последователи Товянского выработали для себя даже особый язык, не всегда понятный для непосвященных в их тайны.

**** Последователи Товянского в высочайшей степени ненавидят Мерославского, и от того-то их политические враги в насмешку разглашают, что Товянский считает Мерославского антихристом.

Как согласовать одно с другим эти два понятия? Обыкновенным человеческим рассудком, свободным от заблуждения (допуская, что человек может не только мыслить, но и действовать), нельзя согласить две такие крайности, как верование в Польшу 1772 г. и верноподданство русскому правительству; тем не менее, товьянисты путем своих теорий, подернутых, как и все в этой секте, облаками мистицизма, согласуют эти две крайности вполне. Теория их, насколько я ее понимаю, следующая: Польша в ее прошедшем, говорят они, предназначена была провидением к великой, прекрасной, согласной с духом учения Христа миссии, и до тех пор пока она и во внутренней и во внешней своей политике достойно исполняла эту миссию, она была велика, могущественна и счастлива. С того же времени, как она стала предаваться порокам и отступать от святых правил спасителя, бог ниспослал на нее бедствия и внутри и вне страны, и когда, наконец, Польша своими поступками и своими действиями отеклась от данного ей свыше предназначения и начала жить противно правилам христовым, она пала; господь наказал ее величайшим несчастьем — утратой ее политического быта *. Итак, падение страны и раздел ее произошли по нашей вине, за наши грехи и преступления в прошедшем вследствие пренебрежения даром Божиим и нашим христианским признанием. Таким образом, все это есть заслуженная кара, ниспосланная самим богом, его святой волей, и мы (как добрые христиане) должны поэтому подчиниться воле бога и с покорностью и смирением каяться и очищаться от грехов наших. Русское правительство затем (последовательно развивая предыдущую мысль) — есть орудие высшей воли, справедливо ниспосланное нам в наказание; поэтому мы должны ему повиноваться, любить его, быть ему верными и принимать все то, что через него ниспослет нам провидение. Русский народ, это наши братья, в отношении которых мы должны питать в сердцах наших только любовь и благословение. Всякое, наконец, восстание противу власти русского правительства, всякая ненависть и вооруженное движение против русского правительства и народа есть *бунт* против воли божьей, гордыня и грех против религии **. Это одна половина теории. До этого все идет хорошо, ясно и понятно. Вторая половина в самом своем основании резко противоположна первой, но в *жизненной практике* согласуется с нею; вообще она теряется в облаках мистицизма. Вот она: но Польша не упала на веки, не умерла и еще живет; бог не уничтожил ее навеки, а ниспослал временное лишь наказание; приговор его неизменен, и что раз дано нам предвечной мудростью, того нельзя уже отнять, и она сама того не отымет. Самое наше наказание, самое наше несчастье бог соделал орудием своей воли в духе прежде всех веков данного нам призвания. Далее, они возводят Польшу уже не до величия и красоты революционной фантазии, но до чего-то религиозно-чудесного. «Как Христос умер на кресте для избавления мира, за прегрешения человечества, так и Польша пала и страдает для спасения мира за свои и братьев своих прегрешения; как Христос, умерший *смертью этого*

* Одни только последователи Товьянского не вводили в заблуждение народа относительно объяснения причин упадка Польши.

** Эти основные начала, так смело и открыто объявленные, вызвали вначале в среде эмиграции страшную анафему на Товьянского и на его последователей (и даже одно время и на Мицкевича). Товьянского весьма долго считали полицейским агентом русского правительства, тем более, что он приехал за границу с паспортом. Впоследствии беспорочное поведение всех вообще последователей Товьянского сняло эту анафему, и на них теперь смотрят ни более ни менее, как на людей помешанных.

мира, разрушил ад и переселил добродетельных ветхозаветных людей из бездны в новое отечество, небесное отечество, так и Польша своею мнимой временною смертью разрушает ад рабства и грехов своих и всего света и вводит старую Европу и темный восток в обновленную и на началах учения христово основанную жизнь. Наконец, подобно тому, как воскрес наш спаситель и вознесся в горние страны, так и Польша воскреснет из мертвых и будет жить в своей новой возобновленной отчизне; «Польша — это мессия нового мира»*. Когда и как это совершится? Это тайна, скрытая богом от глаз смертных**»; для нас довольно одной веры, что это так есть и так будет***. С такой верой, исполненные смирения, любви и надежды, мы должны терпеливо переносить все то, что бог ниспосылает, жить так, как учит спаситель, и не прерывать божеского дела, совершающегося над нами».

Такова в кратком содержании история религиозно-политической секты Андрея Товянского, и таковы ее основные правила****. На первый взгляд может показаться излишним включение этих нескольких страниц о товянизме в предлагаемый исторический очерк, но в самом деле это не так. Эта небольшая секта, столь спокойная и невинная, теряющаяся в экзальтации и мечтаниях, не лишена (при содействии других обстоятельств) влияния на наше поколение и при этом влияния прямо в пользу революции, а потому-то я и счел необходимым упомянуть о ней. Если бы теория Товянского существовала только одна и не было других, нет сомнения, что она имела бы лишь хорошие последствия; люди скоро бы отрезвились от заоблачных мечтаний и в результате убедились бы, что мы сами виноваты в утрате политического своего быта, что нам необходимо тяжко трудиться над собою, над своими грехами и над их последствиями, и только трудиться, а не навлекать на себя тяжких несчастий заговорами и революционными движениями. Но, как известно, теория Товянского существовала вместе с другими, а в особенности с теорией революционной, которая поглотила все остальные и господствовала над ними. Поэтому-то мистическая теория нового учителя, хотя и была резко противоположна революционной теории и началам сей послед-

.....

* Все, что сказал я о сравнении Польши с Иисусом Христом, чистейшая правда, а не моя выдумка; я старался быть точным даже в словах. Мицкевич с кафедры провозглашал о новом мессиизме. Какие в самом деле громадные влияния собирались в наше несчастное поколение! Несчастные, заблуждавшиеся мистики, несмотря на всю свою религиозность, осмелились с греховной надменностью греховное смертное, т. е. Польшу, сравнивать с идеалом святости, с богом-человеком!

** Кажется, что последователи Товянского в наполеонидах видят ту форму духа, которая послужит к возрождению мира, потому что, хотя они никогда не пропагандировали веры в Наполеона и в заграничную помощь, но Наполеоны пользуются самым высоким их уважением; каждый последователь Товянского любит и чтит старого и новых Наполеонов; кажется даже, что они называют старого Наполеона «божеской трубой» (trąbą Bożą). Я допускаю, что это-то именно уважение и вера в наполеонидов склонила некоторых последователей Товянского к принятию участия в минувшем восстании.

*** Некоторые говорят, что Товянский не помышляет о материальном отечестве, т. е. о Польском государстве в старых его границах, а лишь об отечестве духовном, о возрождении и влиянии моральном польского народа, хотя бы он жил в пределах другого государства, т. е. русского. Не могу утверждать, но полагаю, что ученики Товянского под воскресением Польши разумеют Польское государство, но об этом не рассуждают, так как, по их понятиям, бог восстановит его, а сами они не должны ничего предпринимать в этом деле.

**** Не имею (повторяю) претензии к подробному описанию этого, хорошо еще не описанного никем, явления в нашем обществе. Мне только нужно было высказать значение секты Товянского среди эмиграции и в самом крае и ее политические основания, что, кажется, я и выполнил.

ней (началам, которые получили господство и в эмиграции, и в Польше), но вследствие их сходства с некоторыми мечтами мистиков (а именно о призывании и миссии польского народа) весьма сильно влияла на умы молодежи. Она придала революционным фантазиям очарование и крепость *религиозного, вдохновенного верования*, она слила самую высокую христианскую святыню — *крест* — с самой высшей святыней поляков — *отечеством* — и придала этим самым чувствам и стремлениям к независимости характер какой-то увлекающей святости, характер христианской обязанности, а *греховное и горделивое* сравнение Польши со спасителем, название Польши *мессией нового мира* прививало пагубную гордую уверенность (тем сильнейшую, что она была, так сказать, религиозна), состоявшую в том, что Польша есть избавительница человечества. Одним словом, в результате все хорошее в теории Товянского уничтожено было силой всемогущей революционной пропаганды, а все дурное развило и увеличило уже само собой великое зло, посеваемое учением общества демократов. Поэтому-то я и счел необходимым упомянуть здесь о секте Товянского.

Этим оканчиваю мой обзор эмиграционной пропаганды и перехожу к описанию политических действий, т. е. заговоров и революционных движений *революционного общества* как за границей, так и в самой стране.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПАРТИИ

Это грустная и болезненная сторона нашей жизни, полная кровавых, не имеющих никаких оснований усилий наших предков, полная бедствий, слез и несчастья всего народа.

О себе по крайней мере могу сказать (и в особенности в настоящее время, когда подо мной столько свежих могил моих братьев), что одно размышление и воспоминание об ужасных событиях после 1831 г. повергает меня в какую-то задерживающую дыхание, сплывающую все мысли темницу, и если бы не вера, что милосердный и неисповедимый в судьбах своих создатель ведет нас этим кровавым, тяжким путем к счастью в будущем, к вразумлению нас, к познанию нами истинного нашего блага, эта темница была бы для меня безвыходной, я навсегда остался бы в сомнении, существует ли какое-либо разумное, мощное и не чуждое любви провидение, которое может так ужасно и так непрестанно карать нас и самое высшее благо — жизнь нашу — насыщать горечью чуть ли не всех возможных человеческих несчастий в этом мире!

Но не хочу никому наскучать моими чувствами, которые могут показаться преувеличенными; пусть лучше сами за себя говорят происшествия этого времени, хотя в настоящую минуту я в состоянии представить их лишь в кратком и необстоятельном очерке. Мы уже видели выше принципы этой партии и ее пропаганду; теперь посмотрим, как эти слова, эти *зерна*, были орошаемы кровью для того, чтобы тем сильнее и глубже прорастить их в сердца нашего молодого поколения. Согласно с принципами партии, политические ее действия подразделялись на два главных вида: на *внутренние*, т. е. исполняемые на почве отечественной, и на *заграничные*, совершаемые в чужих краях вместе с чужеземцами. Рассмотрим вкратце цель, план, исполнение, окончание и последствия тех и других.

а) Первым усилием эмигрантов-революционеров была так называемая *экспедиция в Польшу или «партизанка» Заливского* в 1832 и 1833 гг., следовательно еще перед окончательным устройством Демократического общества, последовавшим в 1836 г.* Эмигранты, осмотревшись за границей, что они оставили Польшу (как говорили, постыдно) более чем с шестьюдесятью тысячами хороших солдат, и бросая проклятия и на себя, и на руководителей восстания, не могли примириться с судьбой и с безвозвратным фактом, а именно: что восстание 1831 г. уже окончено, уже навсегда упало, что все, как казалось, несомненные и удобоисполнимые их надежды совершенно уничтожены. Вскоре, снесаемые горем и отчаянием, возымели они ребяческую, мечтательную, пагубную для них самих и для страны мысль возобновить восстание и только что оконченную борьбу с русским правительством. Молодые и отважные люди недолго держались одной только мысли; вскоре мысль превратилась в решимость и получила формы плана. Тогда-то, в 1832 г., составилось общество, главою которого был *полковник Заливский*, один из предводителей заговора «юнкерской школы» и с тем вместе один из самых молодых офицеров высшего чина, всеми уважаемый и любимый за благородство характера, за революционно-военную отвагу и энергию. Общество это постановило возобновить только что оконченное восстание (как я говорил уже выше) и продолжать борьбу. План был следующий: возможно большее число военных и преимущественно офицеров должны были прибыть разными путями в Польшу и там, согласно данным инструкциям, расположиться в уездах и сделать нужные приготовления к восстанию. Один из них назначался начальником уезда; его власти должны были подчиниться все другие, ему же вверялось верховное руководство делами военными и гражданскими в уезде. Кроме того, возможно большее число военных долженствовало собраться в пограничных пунктах княжества Познанского и Западной Пруссии, а также Галиции и Краковской республики и там, согласно данной инструкции, сделать всевозможные приготовления к вооруженному, в известной силе, вторжению в границы Царства. Главным же начальником и военным, и гражданским, а также начальником всех приуготовительных работ будущего восстания был тот же самый, уже упомянутый выше, Заливский.

В момент, когда были бы окончены все приготовления и за границей, и в самой стране, заграничные отряды в назначенное Заливским время и отчасти под личным его начальством, долженствовали вторгнуться в пределы конгрессового Царства и Вольни и в то же время должны были открыться провинциальные подготовленные в уездах внутри страны восстания, под предводительством особых начальников. Борьба должна была иметь вначале характер партизанских действий небольшими отрядами до того времени, пока ход войны не дал бы возможности собрать большие силы и сформировать регулярную армию. Восстание долженствовало начаться обнародованием манифеста от имени Заливского об освобождении сельского

* Эмигранты и об этом, как и о всем том, что требовало более основательного и усиленного труда, мало и весьма отрывочно писали. Кроме журналов (которые собрать почти уже невозможно), мы имеем по большей части некоторые только подробности, касающиеся этой экспедиции, разбросанные в различных сочинениях. Из сочинений, исключительно посвященных описанию экспедиции Заливского, я помню: Борковского (майора польской артиллерии) «Pamiętnik o wyprawie Zaliwskiego» и «życiorysy Michała Wołłowicza i Artura Zawiszy», изданные Зенковичем.

населения, чтобы этим путем склонить народ к принятию деятельного, общего участия в борьбе с русским войском.

Немедленно было приступлено к исполнению задуманного плана, и именно в конце того же, 1832 г.

Если бы даже нам не были известны ход, окончание и результаты экспедиции Заливского, то и тогда разве нельзя было наперед предугадать и наверно определить, каковы они будут на самом деле? Только одно отчаяние, только одна молодость, не знающая и нежелающая знать явных, бросающихся, так сказать, в глаза и непреодолимых препятствий, которые должно было встретить исполнение подобного плана, могли задумать такое несбыточное, сумасшедшее дело * и приступить к его исполнению. За то же составители проекта вскоре поплатились за него тяжкой и кровавой жертвой, а сверх того, подвергли и страну не менее тяжким жертвам за мысль и предприятие, порожденные тоскою по родине, отчаянием и жаром молодого сердца. Исполнение этого плана, столь простого и несложного на бумаге, не пошло так складно и так удачно, как это казалось при составлении его в Париже. Как следовало и возможно было предвидеть, *одни*, несмотря на всевозможные усилия, не могли вторгнуться в Польшу, а в особенности в более отдаленные от границы уезды; *другие* же, у которых было рассудительности, а не достало силы воли и смелости, струсили в пути и отретировались, и вследствие ложного стыда не известили о своем отступлении Заливского. *Остальные*, которым удалось пробраться в страну, или ничего не делали, по свойственной часто людям лени или по неспособности, или же, несмотря на все усилия, ничего не могли сделать и приготовить, и только едва некоторым из них, в виде исключения, посчастливилось настолько, что они кое-что и кое-как успели приготовить. Как можно и следовало предвидеть, далее, и приготовления близ границы в равной мере на деле пошли не так успешно, как это казалось на бумаге, а австрийское и прусское правительства не были так милостивы и не так уже сквозь пальцы смотрели на затеи эмигрантов. Как можно было предвидеть, истощенная страна, весьма и весьма сильно чувствуя незажившие еще свои раны, причиненные ей уже павшим восстанием, не желала и не имела силы желать нового восстания и не приняла никакого вообще участия в проектах эмигрантов. Крестьяне просто не понимали, что говорили им (хотя и весьма красно в их пользу) знакомые и незнакомые паничи, за исключением многочисленных крестьянских общин Завиши и Волловича, лично хорошо им известных и ими любимых.

Русское правительство также не было так беспечно и неприготовлено и еще перед открытием восстания арестовало многих эмигрантов. Наконец, как можно было и следовало предсказать, сношения заговорщиков с их начальником Заливским, пребывавшим в Галиции, были весьма затруднительны и редки; не все начальники были извещены одновременно о сроке для начатия восстания, и не везде (а правильнее — нигде) не были окончены ко времени начала восстания необходимые к нему приготовления. В довершение бедствий несчастных эмигрантов Заливский, глава и средоточие власти и тайн заговора, после назначения срока восстания, но еще до начала его был открыт и арестован австрийским правительством, а с ним вместе арестованы были и многие другие, более или менее важные его сообщ-

* Более рассудительных эмигрантов, а в особенности дипломатов, осмелившихся назвать экспедицию Заливского безумием патриотизма, революционисты осыпали чуть не проклятиями за оскорбление памяти святых людей.

ники, что совершенно парализовало внешние экспедиции, т. е. вторжение отрядов из Галиции в Царство и на Волынь и сделало их вовсе невозможным.

Так шли, так были исполняемы и направляемы приготовления к восстанию. Каков же был конец? Печальный и весьма печальный! В 1833 г., дня и месяца не помню, но, кажется, это случилось в конце зимы, отдельные уездные начальники, получив перед тем от Заливского приказание о сроке восстания и ничего не зная об аресте австрийскими властями его и других лиц, не имея надлежащих и верных сношений с начальниками других, не только более отдаленных, но и самых соседних уездов и не зная, что вокруг делается, с чрезвычайно слабыми силами, какие они могли подготовить, открывают восстание. Едва только показалось это жалкое восстание, немедленно, в какие-нибудь две недели было подавлено правительством. Нужно еще прибавить, что только в некоторых пунктах несколько уездных начальников вышли с небольшими партиями вооруженных повстанцев, а именно: в Плоцком воеводстве (если не ошибаюсь, а может быть и в Мазовецком) *Завиша Артур*; в Гродненской губернии *Воллович Михаил* и еще, но не помню теперь, кто именно, в Калишском и Краковском воеводствах. Долее других держались и отчаяннее защищались *Завиша* и *Воллович*, поддерживаемые и скрываемые верными им крестьянами, но, наконец, раненные, они были пойманы посредством облавы и взяты в плен.

Потом (не прибавляя своих слов, привожу одни результаты) *Завиша* и *Воллович* были повешены, первый — в Варшаве, другой — в Гродне; несколько человек (именно в Калишском и Краковском воеводствах) были расстреляны; *Заливский* осужден на 20 лет тяжкого заключения* в *Куфштейне*; далее многие и весьма многие были осуждены в каторжную работу, на поселение в Сибирь и на службу в войсках простыми рядовыми, многие вместе с *Заливским* наказаны более или менее продолжительным заключением в австрийских крепостях; многие имения были вновь конфискованы, и, сверх всего этого, строгость правительственной системы весьма естественно не ослабела, а напротив усилилась. Вероятно, вследствие этих же причин не был вовсе введен в действие установленный императором *Николаем* в 1832 г. Органический статут для Царства Польского, который должен был, хоть частью, вознаградить за те потери, которые были причинены Царству отнятием у него конституции 1815 г.

К этому краткому очерку экспедиции *Заливского* не прибавлю никаких моих замечаний, но спрашиваю каждого, пусть без завесы на глазах, положи руки на сердце, скажет, как назвать результаты этого несчастного движения? Беспольной лишь жертвой, бедствием и несчастьем.

Что же еще можно сказать об этом предприятии? То, что оно было одним только вредом для страны, вредом, ничем не вознаградимым. Как, наконец, назвать это движение, весь этот план эмигрантов? Явлением патриотическим, возникшим вследствие любви к родине благороднейших личностей, но вместе с тем *сумасшествием*, *принесшим стране один только вред*. И потому-то люди, павшие жертвой этого сумасшествия, тяжело потерпевшие за него, могут и должны остаться в памяти нашей как люди честные, любящие свое отечество, *но не как святые и не как идеалы достойные подражания*, что нам до сих пор было внушаемо, потому что они грешили, заблуждались и наделали бедствий отечеству. Молиться за них, а не *им!* Наконец

* Несчастный *Заливский* только в 1848 г. был освобожден, перетерпев все неприятности тогдашних австрийских тюрем и этим долгим заключением осиротив еще при жизни своей оставшееся в Париже свое семейство.

должны мы любить отечество с такой же силой, такой же любовью, как и они его любили, но не заблуждаться, не грешить, как они, не повторять и не перенимать их заблуждений, оплаченных столькими всеобщими бедствиями и несчастьями. Такова была, так началась, велась и окончилась первая политическая попытка эмигрантов-революционистов. Недолго она продолжалась, но оплатилась долгими страданиями.

б) *Эмиссары и составляемые ими заговоры.* Недолго революционисты эмиграции дали отдохнуть и себе, и несчастной стране после бедствий от предприятия Заливского; вскоре приготовили они новые, не менее тяжкие бедствия, бывшие следствием не менее не практических и безрассудных предприятий, или так называемых эмиссарок*. Прибывали ли эмиссары из-за границы в Польшу прежде манифеста Демократического общества, т. е. до 1836 г., достоверно не знаю; во всяком случае, если и прибывали, то в народе не осталось об них воспоминания; только с учреждением Централизации, собственно говоря, начинаются эти бессильные и лишенные всякого разумного и фактического основания предприятия. От этого времени и до 1848 г. включительно (если еще не позднее, потому что, как мне кажется, даже во время Крымской войны были у нас эмиссары) Централизация постоянно и неутомимо старалась осуществить в крае свои революционные планы посылая туда разных *одиночных* людей то для составления заговора и подчинения его власти Централизации, то для передачи приказаний и поддержания сношений с провинциями, для собирания денег и по другим менее важным поручениям. Несчастное то было время (особенно вначале), когда люди, побуждаемые тоской по родине и революционной горячкой, не имея даже ни позволения, ни полномочия Централизации, являлись в край без всякого плана, не давая даже себе отчета о том, что они хотят делать, но только для того, чтобы жить между своими, действовать в пользу революции и даже составлять заговоры**. Каждая такая эмиссарка оплачивалась тяжкими бедствиями для страны; всякий раз новые поселенцы и каторжники отправлялись в Сибирь, новые солдаты прибывали в сибирские и оренбургские батальоны и в кавказскую армию, новые имения поступали в казну, и тюрьмы никогда не пустели. Однако же эти постоянно возобновлявшиеся бедствия не останавливали Централизацию — эту главу нашего революционного общества. Централизаторы говорили: чем больше жертв, тем больше заслуги и тем скорее и вернее Польша возвратит свою независимость.

Говорить о всех эмиссарках я и не могу потому, что не имею материалов и что многое еще остается тайной (неизвестно, для чего), да и не желаю, потому что это было бы лишнее в моем рассказе, тем более, что эмиссарки

* Т. е. высылка эмиссаров в край.

** Один из них, Руфин Петровский, прибыл в край, если не ошибаюсь, в 1840 г.; при самом начале своих эмиссарских работ был открыт, арестован и присужден в Киеве к смертной казни, но был помилован и сослан в Сибирь в каторжную работу. Оттуда года через три он успел бежать и, испытав в пути много бедствий, в 1846 г. пробрался за границу, где находится и теперь в Париже, учителем в польской школе в Batignolles. Петровский написал свои записки (изданные в Познани в 3 томах); это один из немногих эмигрантов, которые не хвалятся, а сознаются в своих заблуждениях. Высылка Петровского как опыт нам дорого стоила, о чем в своих записках он, однако, очень мало упоминает¹.

¹ *Записки Руфина Петровского изданы в 1860—1861 гг. в Познани в 3 томах («Pamiętniki z pobytu na Syberii»). Герцен откликнулся на издание записок Петровского статьей, опубликованной в 135 и 136 листах «Колокола» (1 и 15 июня 1862 г.), в которой писал, что считает необходимым перевести записки на русский язык. Русский перевод записок Петровского издан в Берне в 1863 г.*

по большей части имели мало значения в сравнении с более важными событиями. Достаточно указать только, что они существовали и что они были политической глупостью и сумасбродством и лишь увеличивали бедствия нашей страны. Об одной только эмиссарке как о важнейшей, об одном только этого рода предприятии, сделавшем большее на страну впечатление, чем другие, полагаю необходимым рассказать вкратце, а именно о предприятии несчастного, несчастнейшего из всех своих предшественников и преемников, *эмиссара Шимона Конарского, в 1838 и 1839 г.* * Дриму эту, продолжительную и ужасную для нас драму можно изложить в коротких словах.

Еще в 1837 г., если не ошибаюсь, Конарский был послан Централизацией в Польшу с тем, чтобы составить заговоры в каждой провинции, а особенно за Неманом и Бугом, и подчинить их распоряжениям Централизации**. Конарский, исполняя возложенное на него поручение, объехал благополучно Галицию и всю предднепровскую Русь, составляя в них революционные заговоры; потом явился с этой целью в Литву и, наконец, прибыл в Вильно для окончательного устройства дел литовского заговора и распространения его в Вильне между академической и ремесленной молодежи. Между тем, русское правительство получило из-за границы донесение о пребывании и действиях Конарского в Литве, а кроме того, и без донесения, полиция напала уже на след заговора и начала аресты. Вскоре, в 1838 г. весной, был открыт в Вильне и сам Конарский. Он хотел было спастись бегством, и чтоб обмануть высланную за ним погоню, направился на восток вглубь Литвы Минским трактом; однако же через несколько дней после выезда был настигнут, арестован и посажен в тюрьму в Вильне. Этим, можно сказать, окончилась попытка Конарского. Далее следовало окончательное открытие, или разрушение и уничтожение его трудов, т. е. составленного им заговора и продолжительное, более года тянувшееся следствие

* Конарский родился в Августовской губернии и, окончив воспитание сначала в Сейненской школе, а потом в Виленском университете, определился в артиллерию польского войска. Перед восстанием тридцатого года он окончил курс наук в школе подпоручиков и во время революции был капитаном артиллерии. В эмиграции Конарский принадлежал к Демократическому обществу и некоторое время издавал журнал (один из лучших) «Север» (Północ), в котором преимущественно распространял идеи о славянском союзе (myśl gzeszy Słowiańskiej). О действиях Конарского в крае в качестве эмиссара есть у нас, кроме разных отрывков, разбросанных в сочинениях эмигрантов, некоторые общие сведения в жизнеописании его, изданном Зенковичем. Но все, что доселе писано о действиях Конарского в крае, слабо и недостаточно; много там декламации, а мало дела.

Обстоятельное описание подобных событий лежит на обязанности эмигрантов; предприятия эмиссаров так дорого стоили стране, что пора бы, чтобы она знала, чем в действительности были их усилия и для чего она понесла такие великие жертвы. Вообще я не нахожу довольно слов, чтобы осудить эмигрантов за их беспечность и за преступное равнодушие к истории и к фактам. Все, что у нас делалось с 1831 г., а даже и до того времени, весьма мало нам известно, и не только истории, но даже записок о тех событиях не имеем совсем, а должны рыться в разных старых лоскутках, где более встречаем увлечения партий, общих мест и декламации, чем дела. Кто бы, например, из иностранцев мог поверить, что до сих пор мы не имеем хоть какой-нибудь биографии Костюшки, написанной поляком, ни даже истории восстания Костюшки и что мы должны искать подробностей об этом в сотнях сочинений и записок или довольствоваться жалким, как говорится, предпотопным мараньем иностранцев Жюльена и Фалькенштейна¹.

** План Централизации, как все ее планы до 1846 г., состоял в том, чтобы произвести восстание в одно время во всех провинциях прежней Польши, на известных общих основаниях. Согласно с этим планом, предполагалось во всех провинциях составить заговоры, которыми бы управляла до самого взрыва власть, пребывающая за границей. Одно уж это свидетельствует о политической несостоятельности Централизации.

¹ *Биографии Костюшки* — книга М. А. Жюльена издана в Париже в 1818 г., польский перевод вышел во Вроцлаве в 1819 г., книга К. Фалькенштейна издана в Лейпциге в 1827 г. (повторно в 1834 и 1839 гг.), польский перевод — во Вроцлаве в 1827 и 1831 гг.

по этому делу. Наконец (снова собираю и перечисляю одни только результаты) Конарский, претерпевший все неприятности долгого тогдашнего тюремного заключения, все неприятности от грубого и бесчеловечного обхождения следственной комиссии, все деланные ему пытки, был расстрелян в феврале 1839 г. Еще перед его смертью также был расстрелян один русский офицер, если не ошибаюсь, Короваев*; сотни сосланы в Сибирь и на Кавказ; конфискации увеличились, первое после революции выраставшее поколение растлело и погибло, Виленская медицинская академия была закрыта и перенесена в Петербург, страна вновь облеклась в свежий траур, а система правительственной строгости еще более стеснила свои границы.

Вместо какой-либо с моей стороны критики я сделаю всем беспристрастным, совестливым и не слепо любящим свое отечество тот же вопрос, что и о предприятии Заливского. Ответ должен быть такой же, т. е. что все эмиссарки, а в особенности Конарского (как важнейшая по последствиям), не имели никакого здравого и практического основания, что принесли и могли только принести несчастья для края и что они остаются вечным упреком нашей революционной главе — эмигрантской Централизации Демократического общества. Конарский осеяется у нас славой, ореолом чуть ли не высшей патриотической святости; каждое о нем воспоминание дороже всех других воспоминаний; кольца, сделанные из бывших на нем цепей, считаются драгоценным наследием, переходящим от отца к сыну**. Во имя любви к отечеству, во имя правды пора уже отделить то, что основательно, существенно и справедливо, от того, что неосновательно, ошибочно и несправедливо, а притом еще и вредно; Конарский, без сомнения, был человек с прекрасной душой, с благородными чувствами, с сильной любовью к отечеству и с твердым, непоколебимым характером, — этого никто у него не отнимает и даже судьи его, произнося приговор *преступнику*, умели оценить в нем *человека****. Но никогда во имя правды нельзя Конарского считать святым человеком, идеалом для подражания, потому что Конарский заблуждался, потому что Конарский на основании *глупого***** приказа своей власти действовал неразумно, потому что Конарский своими действиями принес стране несчастья и не принес никакой пользы, а следовательно, поступал не свято, и подражать ему — значит грешить против края, против Польши. Пусть каждый прежде, чем сделает свой собственный приговор о действиях Конарского (повторяю — свой собственный, а не чужой), —

* Караульным офицерам при тюрьмах прежде дозволялось ходить по номерам заключенных. Короваев, благодаря частым посещениям, сдружился с Конарским и, тронутый благородством его характера, его политическими убеждениями и чрезвычайными страданиями, вывался облегчить бегство за границу как ему, так и другим заключенным, но вследствие измены одного из заключенных, заплатил за эту дружбу смертью¹. Другой караульный офицер (имени его не помню), также русский, был выслан в арестантские роты за облегчение сношений и корреспонденции между заключенными.

** Эти цепи, как говорят, были захвачены виленскими академиками, которые в присутствии полицейских внезапно и неожиданно бросились на эту добычу. Говорят также, что многие подверглись за это строгому взысканию, однако же цепи успели скрыть.

*** Говорят, что князь Трубецкой назвал его железным человеком.

**** Только политическое школьничество, которому Централизация представляет неопровержимые доказательства, могло предложить план искусственного, насильственного составления заговоров в стране, которая их не хотела. Революционные представители и, следовательно, представители нашего политического разума, уже стоят перед строгим судом истории; дай бог недолго ожидать этого суда.

¹ *Русский офицер Аглай Павлович Кузьмин-Караваев подготавливал освобождение Конарского. Кузьмина-Караваева предал один из арестованных по делу Конарского — помещик Ожешко. Кузьмин-Караваев и сблизившийся с ним уже во время его заключения прапорщик русский армии де Люсине были приговорены военным судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.*

пусть взглянет на состояние края в 1837, 1838 и 1839 гг., на положение, в каком тогда находилась Европа и на сущность самих действий Конарского и потом уже пусть судит о них; я вполне уверен, что он не изменит правде, не помрачит памяти Конарского, пояснит историю и принесет пользу краю. Спустя семь или восемь лет после революции, которая до глубины потрясла и расстроила наше общество, а тем более после предприятия Заливского и при тогдашней правительственной системе положение нашей страны было бедственным выше всякого описания, край не хотел восстания, не думал о нем и хотеть его не мог. Европа была чуть ли не в самом худшем положении из всех предыдущих и последующих лет (и надобно было смотреть на европейскую революцию только с такой романтической точки зрения, как смотрело Демократическое общество, чтобы на нее сколько-нибудь рассчитывать). Конарский строил на песке; в заговор были увлечены одиночные шляхтичи и горсть молодежи, но он не проникал вовсе и не мог проникнуть в массу какого-либо сословия; и наконец, заговор этот навлек на страну тяжкие бедствия; *вот неопровержимые и фактические данные.*

Эти-то данные подтверждают слова мои, а именно, что Конарский не святой, не идеал, что он поступал неразумно, что заблуждался, что грешил против Польши, хотя (и тем именно хуже для нас) грешил вследствие самой пылкой любви к ней и что, следовательно, тем большим было бы грехом подражать ему.

Вот все, что я хотел сказать об эмигрантах.

в) *Внутреннее Демократическое общество* (Towarzystwo Demokratyczne Krajowe). Прежде, чем сказать несколько слов об этом обществе, т. е. о заговоре, известном под этим названием, считаю нужным привести сперва следующие два замечания:

1. От самого начала основания эмиграционного Демократического общества Централизация не отдыхала ни на минуту, а постоянно согласно своим принципам и сама действовала так, как бы сама по себе была уже заговором, и неутомимо старалась устраивать заговоры в стране. Никакие соображения, никакие неудачи, наконец, никакие постоянно возобновлявшиеся бедствия страны ни малейше ее не останавливали. На развалинах одного предприятия, из оставшихся обломков, она составляла новое, не ожидая пока высохнут слезы и кровь прежних жертв, пока закроются старые раны. Вот почему невозможно с точностью отделить один заговор от другого; это был один постоянно и непрерывно продолжавшийся до 1848 г. заговор, и весь этот период времени возможно обозначать исключительно одними только эпохами событий более важных и имевших более значительные результаты, т. е. жертвы.

2. Все это время, от 1831 до 1846 г. включительно, покрыто до сих пор тайной неуместной и вредной. Ни эмигрантская, ни своя местная литература ничего вообще донныне не рассказала еще о наших заговорах того времени: по этому предмету мы имеем лишь немногочисленные отрывочные заметки или словесные рассказы некоторых отдельных лиц. И те и другие неизвестно в какой мере достоверны и притом скудны содержанием и поверхностны. Вследствие всего этого, говоря о периоде времени от 1839 до 1845 г. я должен по необходимости быть менее обстоятельным, чем в других частях рассказа, и даже не сумею означить точно года учреждения внутреннего Демократического общества, не зная достоверно, было ли оно непосредственным продолжением заговора Конарского или было началом другого обширного заговора 1845 г. и составляло неотъемлемую часть сего последнего.

Самое приведенное мною название этого заговора предлагаю с сомнением (название только, а не сущность дела), так как я его привел лишь на том основании, что оно мне встречалось и в эмигрантских сочинениях, и в приговорах тогдашних военных судов, объявленных в газетах¹.

Внутреннее Демократическое общество держалось тех же начал, что и эмигрантское; такое же точно понимание и внешнего значения Польши в прошедшем, настоящем и будущем, и отношений Польши к России и к русскому правительству; те же самые принципы общественной и внутренней политики и взгляд на революцию как на единственное средство спасения страны, и, наконец, та же самая ярость и ненависть к призраку «внутреннего врага»*.

* Припоминаю известную у нас песню: «Когда народ выступил в поле с оружием» («Gdy naród na pole wystąpił z orężem»), в которой, между прочим, находятся следующие строфы:

Lecz kiedy wybije godzina powstania
Magnatom lud ucztę zgotuje,
Piekielną muzykę zaprosi do grania
A Szlachta niech wówczas tańcuje.
Oh biada wam, biada Magnaci!
Za naszą niewolę, kajdany! —
Oh biada wam, biada Książęta, Prałaci
Za kraj nasz, krwią bratnią zbrzyżgany.
Wieśniacy nie znają Wiedeńskich traktatów
Nie będą się ludzi kruczkami—
Lecz biją Moskali, wieszają Magnatów,
Umieją się pomścić stryczkami.
Oh biada wam, biada Magnaci [i t. d.].
«Но лишь наступит минута восстания,
Народ приготовит пир для магнатов,
Адскую он пригласит музыку для бала
А шляхта пусть тогда затанцует.
О, горе вам, горе, магнаты!
За нашу неволю и наши оковы!
О горе вам, горе, князья и прелаты.
За край наш, кровью обрызганный братней!
Крестьяне не знают Венских трактатов,
Не поддадутся уловкам —
Они быют москалей, вешают магнатов,
Сумеют отомстить и веревкой.
О горе вам, горе» и т. д.

Говорили, хотя и сомневаюсь, справедливо ли, будто эти стихи сочинил Густав Эренберг; сомневаюсь потому, что нынешнее направление, хотя и незнакомого мне лично Эренберга, и особенно высоко достойный его характер не позволяют даже допустить, чтобы он мог когда-нибудь (хотя бы даже в то время, когда был одним из главнейших членов Внутреннего Демократического общества) произвести подобные кровавые, дышащие мщением слова. Скорее можно предполагать, что это произведение кого-нибудь из членов заграничной демократической партии — колищизны и гайдамачизны.

¹ Сведения Авейде о тайных организациях в Польше весьма не точны. Под именем Внутреннего Демократического общества имеется в виду, вероятно, Содружество польского народа (Stowarzyszenie ludu polskiego), организация, возникшая в 1835 г., деятельным участником и пропагандистом которой стал Конарский. Ответвлением Содружества был кружок «свен токишжцев» в Варшаве, разгромленный царизмом в 1839 г. Одним из организаторов кружка был поэт Густав Эренберг, автор (вопреки сомнениям Авейде) цитируемой им революционной песни. Преемником Содружества в Королевстве Польском стал с 1839 г. Союз польского народа, организация, обнаруженная царскими властями в 1843 г. и разгромленная в течение нескольких последующих лет. Говоря о приговоренных к казни и помилованных уже под виселицей, Авейде, вероятно, имеет в виду Петра Сцегенного, руководителя крестьянской революционной организации, пытавшегося поднять восстание в Королевстве Польском осенью 1844 г.

Общество это, как и все прежние заговоры, составляли исключительно молодежь и при этом молодежь самая юная, школьная, чиновничья и в виде исключения молодые помещики и ксендзы. Наружных форм оно никаких не имело, в массы какого-либо сословия населения не проникало, а только плавало, так сказать, по поверхности общества. Главой его была заграничная Централизация.

Внешних действий (например пропаганды) общество не проявляло никаких; да при тогдашних обстоятельствах и не могло проявлять; а о внутренних — ничего до сих пор неизвестно.

Этот заговор, как и все предприятия до 1846 г., был открыт прежде, чем вспыхнуло вооруженное восстание, а последствия от него и для его членов, и для страны были такие же, как и от предшествующих заговоров, с той лишь разницей, что было закрыто едва начавшее свое существование «двухгодичное училище правоведения» (Dwuletnia Szkoła prawna) в Варшаве. Несколько лиц в Царстве и в Литве вследствие открытия заговора были приговорены к смерти, но их помиловали, подведенных уже под виселицу; в числе других помиловали Карла Рупрехта.

В результате несчастная страна снова заплатила тяжкую дань революционным стремлениям и козням бешеных лондонских централизаторов.

г) *Большой заговор 1845 г. в связи с приготовляемой европейской революцией* (Wielki spisek z r. 1845 w związku z przygotowywaną Rewolucją Europejską).

Это самый болезненный и самый кровавый эпизод из нашей истории описываемой эпохи, потому что его последствия превзошли результаты всех прежних предприятий.

Заговор 1845 г. имел последствием, если не разорение, то начало разорения польских провинций, находящихся под прусским владычеством. С того времени эти провинции тяжело оплачивают планы 1845 г. и непосредственные последствия этих планов в 1848 г. ежегодными беспрестанными разорениями частных имений и переходом их из польских рук в немецкие. Этот же заговор *подал повод австрийскому правительству* к галицийской резне в 1846 г., и до сего времени Галиция не может еще опомниться от ударов, нанесенных ей ножом братоубийцы *Шели*¹. Наконец, этот заговор прибавил нам, состоящим под русским правительством, новые виселицы, новые и большие уже *не несчастья*, а опустошения; почти совершенно отнял у страны молодое поколение, которое частью отправилось увеличивать сибирские и кавказские корпуса, а частью, и при том более значительной, вышло в 1848 г. в Венгрию и Познань.

Но меня могут упрекнуть, что я преувеличиваю, что смешиваю годы 1845 и 1848, а потому без прибавления своих слов предлагаю факты; пусть они сами говорят за себя и покажут чем действительно был для нас заговор 1845 г. и какие были его результаты.

Как уже известно, одним из принципов наших революционеров была солидарность народных интересов и союз революций всех народов против монархов и против существующего общественного и политического порядка вещей.

Такое же основание признавали тогда и все европейские революционисты. По этой-то идее приготовляема была в 1845 г. для Европы всеобщая революция, которая должна была начаться в 1846 г., но началась двумя годами позже. Централизация и вообще все Демократическое общество, находясь в совершеннейшем согласии и с начальниками заговоров, и с руко-

¹ *Шеля* — см. прим. 1 к стр. 191.

водителями задуманных европейских движений, постановило употребить на этот раз все силы, чтобы в союзе с ними возбудить в Польше сильную и несомненно успешную революцию; во внимание же к тому, что мы как будущие возобновители человечества должны стоять во главе молодой свободной Европы и иметь инициативу в новой ее жизни, общество постановило, сверх того, опередить ее и относительно начала движения, чтобы тем самым подать как бы пример и помощь другим движениям в Европе. Поэтому-то за дело принялись безотлагательно, энергически, со всевозможным усердием. Кроме эмиссаров, посланных для составления заговоров и ведения дела в провинциях, состоящих под русским владычеством, Централизация, а под ее руководством и весьма многие эмигранты, занялись от всей, можно сказать, души, с особенным напряжением всех своих сил, приготовлением революционного движения в провинциях, находящихся под властью Пруссии и Австрии. Это происходило частью от большего удобства в сношениях Лондона с этими провинциями, от больших удобств пребывания в них значительного числа эмигрантов и большей свободы для деятельности заговорщиков (чему много способствовало: меньшее стеснение свободы печатания, меньший полицейский просмотр, меньшее требование паспортов и тогдашнее расположение немцев в пользу польской революции)*, частью же это особенное внимание и особенные усилия, направленные к этим провинциям предпочтительно перед русскими, происходили от принятого Централизацией плана, который состоял в следующем.

В полной уверенности, что революционное расположение немцев и других племен, входящих в состав Австрии, и самые внутренние их революции не дозволят правительствам Пруссии и Австрии употребить против нас силу оружия и что, следовательно, две важные и страшные для нас силы устранятся сами собой и мы будем иметь своим неприятелем только русское правительство и его войско, которым можем противопоставить совокупные силы всей прежней Польши, что, наконец, по той же причине наша революция будет иметь совершенную свободу действия и возможность полнейшей организации войск как в Познани и Западной Пруссии, так и в Кракове и Галиции,— Централизация постановила образовать как возможно поспешнее в этих провинциях две сильные армии, каждую от 20 до 30 тысяч. Эти армии — одна в Галиции, другая в Великой Польше — по сформировании их должны были вторгнуться в провинции, состоящие под русским владычеством, и, избегая решительных сражений, одна должна была перейти в преднепровскую Русь, а другая через Плоцкое и Августовское воеводства вглубь Литвы за Буг и Неман, и только там уже начать войну с русскими войсками. Далее рассчитывала Централизация, что Галиция и Познань, как провинции, вполне освобожденные даже без сражения, могут тот же час ввести у себя новые порядки и организовать новое государство и что в то же время они составят первый и надежный базис для восстания против России, что конгрессовое Королевство всеобщим местным и до времени партизанским восстанием или притянет значительную часть русских войск и сделает их безвредными для главных революционных армий, действующих в Литве и Руси, или же, если русские войска оставят Королевство и двинутся против наших главных армий за Буг и Неман, то Царство будет в таких же условиях, как прусская^а и австрийская провинции, и что,

* Краков тогда был еще вольным городом и потому совершенно был доступен для эмигрантов.

^а В издании 1866 г., вероятно, ошибочно — Пруссия.

следовательно, формирование нашей сильной регулярной армии будет и легко и возможно.

Решительная победа с такими революционными силами, с таким планом, по мнению Централизации, не подлежала сомнению*.

Хотя план этот был уже не так прост и более усложнен, чем план Заливского, хотя от начала до конца он был исполнен оптимизма и основывался на одних удачах, не только не допуская, но даже и не подозревая препятствий, однакож, на бумаге в Лондоне он показался самым ясным, прекрасным, простым, несомненно удобоисполнимым и практическим. Посмотрим же, какое было исполнение и дальнейшая участь этого плана Централизации.

Приготовлениями к революции занялись в русских провинциях по большей части лица из местных жителей (krajowcy). Заговор был обширный, разветвленный, но, как и все предыдущие, плавал по поверхности общества, и вообще по средствам, имевшимся в его распоряжении, был чрезвычайно слаб. Коротко говоря, и в материальном и в нравственном значении он был нулем, — ничем по сравнению с планом его, который требовал, чтобы из недр общества произвести сильную общую местную партизанскую войну. Главное управление нашим заговором оставалось, само собою разумеется, в руках Централизации.

В Галиции, Кракове и в прусских провинциях приготовлениями к революции преимущественно занимались эмигранты, состоявшие в непосредственном распоряжении Централизации, и уполномоченные лица, действовавшие от ее имени. Этим я не хочу утверждать, что местные жители не принимали участия в приготовлениях, напротив, они принимали участие и даже занимались весьма усердно, особенно в Познани; но только эмигранты были душой всех действий, главными распорядителями и главными исполнителями. Эти приготовления, *казалось*, шли хорошо и успешно. Однако же, говоря правду, они ограничивались, кроме широко разветвленной организации заговора, еще небольшой литературной и изустной пропагандой, мало или почти вовсе не действовавшей на массы, собиранием небольших денежных сумм, составлением небольших запасов оружия (и то едва ли не исключительно одних охотничьих ружей и кос) и амуниции.

Когда, по мнению Централизации и ее полномочных, уже окончены были необходимые приготовления, то последовало из Лондона назначение будущих народных революционных властей, и утверждены главными вождями: литовской армии — Мерославский, а армии, назначенной для вторжения в предднепровскую Русь, Иосиф Высоцкий; и тот и другой тогда уже пользовались известностью и уважением в революционной эмиграции**. Мерославский прибыл в Познань еще в конце 1845 г. или в начале 1846 г., чтобы лично руководить окончательными военными приготовлениями и ближе ознакомиться с положением дел в этой провинции; Высоцкий же находился в Силезии, откуда посылал галицианам нужные распоряжения и приказа-

* Этот план известен, между прочим, из описания происшествий того времени, составленного Мерославским, Морачевским и другими, и даже из речи, произнесенной Мерославским в Берлине перед камергерихтом по делу об моабитских заключенных¹.

** Мерославский был даже в то время членом Централизации.

¹ Имеются в виду книги: Мерославского «Powstanie poznańskie w roku 1848» («Познанское восстание 1848 г.», издана в Париже в 1852 г., второе издание вышло в 1860 г.) и Морачевского (см. примечание к стр. 249); речь, произнесенная Мерославским перед берлинским судом 5 августа 1847 г., опубликована в том же году и несколько раз переиздавалась на французском языке, а также в польском и немецком переводах.

ния*. В феврале месяце, числа не помню, назначен был окончательный срок для начатия революции на всем пространстве прежней Польши. Прежде, однако, чем продолжать последовательно мой рассказ, полагаю, будет кстати включить здесь маленькое замечание, которое послужит к лучшему уяснению дальнейшего хода заговора 1845 г.— и тем более, что оно не моя только личная догадка, а повторение других основательных мнений и, следовательно, имеет значение как бы самого факта, а именно: существует предположение (*мне кажется вполне основательное*), что прусское, австрийское и русское правительства знали наперед о действиях Централизации и ее заговорщиков, если не совершенно в подробностях (хотя и это правоподобно), то по крайней мере в общих чертах, и потому были наготове, чего, конечно, Централизация не предвидела. Итак, пруссаки, хотя и дозволили развиваться революционным приготовлениям, однако же внимательно за всем наблюдали и немедленно по назначении срока восстания энергически выступили против заговорщиков; Австрия заблаговременно приготовилась к занятию Кракова и распустила отпускных (*urlopników*) с целью пропаганды между мужиками о резне, назначив цену за убитых и живых повстанцев. У нас в Царстве войско было в готовности, аресты продолжались непрерывно, и полагаю, что был уже изготовлен указ 1846 г.

Эти догадки подтверждаются: *во-первых*, болтливостью всех вообще под луною революционистов, а в особенности наших крикливых и вечно ссорящихся эмигрантов. Привыкшие болтать, кричать и ссориться в эмиграции, уполномоченные и все посланные Централизацией, чересчур доверяя тогдашним нашим приятелям немцам, уповая на неприкосновенность свободной Краковской республики и полагаясь на своих друзей хлопков, которых они хотели осчастливить революцией, не соблюдали нужной предосторожности настолько, чтобы та или другая полиция не могла узнать о проектах и действиях революционистов. *Во-вторых*, догадки эти подтверждаются дальнейшим ходом и случайностями заговора 1845 г. Случайности эти были следующие, отдельно в каждой провинции.

В польско-пруссских провинциях. Не помню теперь, делала ли прусская полиция арестование до назначения срока восстания, но известно всем, что по назначении этого срока весь, *буквально весь*, заговор в Познани и в Западной Пруссии был уничтожен и принимавшие в нем участие попали в тюрьму. Сам Мерославский подвергся той же участи, отдав (к счастью) перед тем приказ об отмене назначенного уже срока. Все арестованные были перевезены в Берлин и помещены во вновь устроенной знаменитой тюрьме одиночного заключения в Моабите, находящемся непосредственно за городской заставой.

Здесь-то начался продолжительный процесс¹, производившийся прокуратурой перед берлинским «камергерихтом» и тянувшийся более полутора лет, против 252 заговорщиков**. В результате несколько лиц, если не ошибаюсь, девять (между прочими: Мерославский, Эльжановский, Куровский) приговором суда были присуждены на смертную казнь; другие на более или

* Высоцкий даже после начатия революции не находился еще в Кракове, и по какой причине, до сих пор мне не известно.

** Может быть, во время всего производства дела было и более арестованных лиц, но цифру 252 я помню из судебных актов этого процесса, а особенно из приговора камергерихта, в котором не могли быть помещены лица, не попавшие в обвинительный акт и временно арестованные. Акты эти были объявляемы печатно в 1846 и 1847 гг.

¹ Процесс над участниками революционного движения 1846 г. происходил в Берлине в 1847 г.

менее продолжительное заключение; освобожденных было весьма немного. К счастью, тогдашнее положение Пруссии вообще и особенная симпатия жителей к моабитским заключенным имели такое влияние, что ни один смертный приговор не был приведен в исполнение, а в 1848 г. вследствие революции в Берлине все арестованные были помилованы королем и освобождены. Такова была судьба заговора в польско-пруссских провинциях.

В Кракове и Галиции. В Кракове действительно в назначенный срок объявлен был революционный манифест Высоцкого¹ и восстание считалось совершившимся. Был там даже бумажный диктатор, какой-то *Тыссовский*; начали уже формировать батальоны, но немедленно австрийцы с согласия двух других государств после недолгого бомбардирования, принудили город сдать.

Так кончилась революция в Кракове, который после того перешел во власть Австрии.

В Галиции революция не сделала даже ни одного шага. Резня убила все; убила она не только революцию, но — увы! — и всю на долгое время провинцию. Эта ужасная история до сих пор еще подробно не описана; довольно будет здесь сказать, что одновременно с появлением первых отдельных вооруженных повстанцев мужики, предводимые отпусными (*urlopnikami*), бросились и на них и на дворы своих панов и вырезали тогда 800 семейств. Вырезали дико, варварски, с такими возмущающими человеческую натуру поруганиями, какие свойственны только пьяному, невежественному, деморализованному рабством и дышащему ненавистью жалкому невольнику. Нож и поджигательство наиболее свирепствовали в несчастных округах Ржешовском и Тарновском. Тела убитых и немногих страшно изувеченных, мужики привозили в окружные управления и там из рук австрийцев получали каиновские гильдены за головы братьев. Меттерних восторжествовал, братская кровь потушила восстание, и вся провинция разделилась (что, к сожалению, остается и доньше) на два враждебные лагеря. Галиция бедная до нищенства, деморализованная на долгое время, обеспечивает австрийское правительство от польского восстания. Нужно еще прибавить, что, кроме резни, австрийцы отправили недорезанных мужиками повстанцев в тюрьмы Куфштейна, Шпильберга и другие, из которых они были освобождены в 1848 г.

Таков исход заговора 1845 г. в Кракове и Галиции.

У нас. Не знаю, во все ли места было разослано приказание о сроке для начала восстания, а также было ли сообщено у нас заговорщикам в свое время от Мерославского об отмене этого срока *, но только на всем пространстве Польши, находящейся под владычеством России, один только *Пантелеймон Потоцкий* во главе нескольких молодых людей восстал в Седльцах, в феврале 1846 г. Во время бала в собрании вторгнулся он туда с несколькими людьми, ранил или убил кого-то и через минуту бежал, спасаясь от преследования войска и полиции, которые старались схватить его и

* Зная несовершенство организации тогдашних заговоров, полагаю, что ни приказание о сроке не было повсюду разослано, потому что не везде находились заговорщики, ни уведомление об отмене его. Все делалось, как говорится, по воле провидения. В противном случае, трудно было бы понять, почему один только Потоцкий начал восстание или почему он один не был уведомлен об отмене срока? Об этом он мог бы, казалось, узнать, если не от своего начальства, то от соседних заговорщиков. Говорят, что нарочный, посланный с этой целью к Потоцкому, был на дороге арестован, но ведь это только говорят.

¹ *Юзеф Высоцкий* не имел никакого отношения к составлению текста революционного манифеста, провозглашенного в Кракове 22 февраля 1846 г.

его товарищей. Вскоре, однако же, он был выдан деревенским мельником и повешен в Седльцах *. Кроме несчастного Потоцкого, мы заплатились за заговор 1845 г. и 1846 г. еще смертью Жарского и Коцишевского, повешенных в Варшаве, и как и в прежние годы: Сибирью, Кавказом и конфискациями.

Вот краткий очерк заговора 1845 г. и его исход.

Результаты его очевидны и притом такие же точно, как я их представил в начале описания. Но, чтобы сделать их еще более очевидными, считаю нужным упомянуть прежде о последней эмигрантской попытке в самой стране, то есть о попытке 1848 г.

д) *Попытка 1848 г.* Наконец в 1848 г. началась европейская революция, но уже поздно для наших революционеров, которые сильно заплатились за свою веру, что пойдут не одни, а рука в руку с другими, хотя сами, подстрекаемые безрассудной народной гордостью и пылкостью, хотели еще их опередить. Европейские революции застали нас уже разбитых и страшнейшим образом побежденных. Но и этого года мы не пережили без кровавых и напрасных жертв. С началом революции в Берлине, с торжественным освобождением наших моабитских узников Познань взялась за оружие, и при том вся — и поляки и немцы. Но увьи! — тогда как немцы отлично знали то, что делали, поляки действовали без малейшего понимания цели и средств революционного движения. Немцы своим провинциальным движением хотели не более, как только поддержать движение в Берлине, придать ему через то более силы, более значения в глазах королевской власти и получить конституцию; с получением же ее они утихли, положили оружие, ни малейше не помышляя о солидарности народных интересов и о «союзе революций против монархов и против существующего порядка вещей». Наши действовали совершенно иначе. Нужно ли мне говорить, что все наши тогдашние познанские революционеры, все без исключения, *не знали*, для чего взялись за оружие и какое значение имеет это несчастное, начатое ими движение? Правда, начали они его словом «восстание», но что это за восстание, против кого, чего оно хочет и обладает ли оно какими-нибудь силами? Обо всем этом, даже и на бумаге, как то делалось прежде, не давали себе самим отчета. Правда, были в этом движении и народные власти — и народный комитет, и военный комитет, и Мерославский, бывший то организатором и генеральным инспектором вооруженных сил, то главнокомандующим, но все эти власти не знали чего они хотят, к чему стремятся, и ссорились между собой с крайним ожесточением, сами не ведая из-за чего. По крайней мере, по моему разумению, у нас не было более грустного, бесцветного, более нелогического движения, как «*познанские происшествия*»¹, которые удачнее всего можно назвать только этим, ничего не определяющим названием. Не было оно в строгом значении ни восстанием противу власти с целью приобретения независимости провинции, ни внутренней революцией, подобно немецкой, которая бы, угрожая какой-нибудь силой, домогалась у королевской власти уступок в пользу провинции и народности польской; ни, наконец, восстанием против России, потому что не только не боролось с русским войском, но даже не видало ни одного казака. Теперь, по истечении 15 лет, каждый, кто беспристрастно и внимательно смотрит на это движение, не может вывести другого заключе-

* Жизнеописание Потоцкого в сборнике жизнеописаний Зенковича.

¹ «*Познанские происшествия*» — определение взято с наименования книги Е. Морачевского «*Wypradki poznańskie z r. 1848*», изданной в Познани в 1850 г.

ния, как только то, что оно было кровавой, бессознательной, бесполезной и разоряющей страну жертвой, историческим событием, в котором (рассматривая его отдельно) нельзя найти никакой разумной последовательности и логики и что это движение было последствием, с одной стороны, всеобщего во всей Европе в то время потрясения и, с другой, — революционного головокружения (kołowacizny) эмигрантов. Что касается до этого последнего замечания, то из разбора «познанских происшествий» я вполне убедился, что если бы в то время жители Познани были предоставлены самим себе, без лондонских централизаторов и демократов и их слепых последователей, то, без всякого сомнения, руководствуясь, если не здравым смыслом, то простым инстинктом самосохранения, они придали бы своему восстанию какой-нибудь логический, практический смысл и полезное, по крайней мере для своей провинции, если не для всей Польши, направление.

Кто пожелает узнать из «познанских происшествий» о том, как «поляки дрались во имя Польши», как мужики сражались с косами против прусской армии, тот, конечно, найдет там и храбрость, и мужество, и даже геройство Флориана Домбровского, который с небольшим своим отрядом отчаянно сражался против значительно превосходивших его прусских сил, пока не пал со всеми до последнего солдата и пока сам не сжег себя вместе с местечком Ксёнжем, но не отступил с позиции, указанной ему его начальником¹; кроме того, может узнать, как необузданная, неустроенная мужицкая толпа победила под Соколовом регулярное войско²; но во имя любви к правде и к Польше нельзя этими фактами оценивать революционное движение. Надо искать смысла, цели, причин и последствий движения, надобно отдать себе отчет о средствах его и о пользе. Всех этих условий нет в познанском движении, которое для провинции было одним только бедствием.

В подтверждение моих слов посмотрим на познанское движение, как его представляют отдельные описания современников*.

С первым известием о революции в Берлине Познань взялась за оружие — и немцы, и поляки — в совершеннейшем между собою согласии и братстве. Жители отказались от повиновения властям, существовавшим до того времени, и вновь поставили свои власти: немцы — свой *Познанский революционный комитет*; поляки — два главных комитета: *народный* и *подчиненный ему военный комитет*.

Вооруженные польские массы начали собираться в разных местах провинции. Они состояли большей частью из крестьян, еще не наделенных землей и не имевших собственного хозяйства; собирали их более пылкие молодые местные патриоты и эмигранты во имя равенства, вольности и собственности, и, как обыкновенно бывает в минуты увлечения, толпы эти кричали, что будут драться со швабами и с москалями и что настал уже конец господству несправедливости и «цярахов» (ciarachów)**³. Эти массы

* Мерославского «Познанское восстание», изд. второе; Морачевского «Познанские происшествия». Косинского — заглавия не помню; оно содержит полемику с Мерославским и [так!] Козьмяна, которого заглавия также не помню⁴.

** Так мужики называют там шляхту; кажется, и у нас в Калишском и Мазовецком (воеводствах) мужики так же называют панов.

¹ Сражение под Ксенжем произошло 29 апреля 1848 г.

² Сражение под Соколовом (или под Вжесней) произошло 2 мая 1848 г.

³ Ciarach — презрительное народное наименование шляхтича.

⁴ Книга В. Косинского «Odpowiedź na L. Mierosławskiego «Powstanie poznańskie z r. 1848» («Ответ на «Познанское восстание 1848 г.» Л. Мерославского») вышла в Познани в 1861 г.; книга Я. Козьмяна «Stan rzeczy w W. Ks. Poznańskim» («Положение в Познанском княжестве») издана в Познани в 1848 г.

со дня на день редели и *никогда*, а особенно вначале, не были приведены в какой-нибудь воинский порядок; это были толпы, вооруженные косами, пиками, палками и частью ружьями, неустроенные, необузданные, обыкновенно пьяные и нередко склонные к насилиям. Наибольшая их численность никогда не превосходила, как говорят, 12 000 человек. Предводители этих масс большей частью были эмигранты. Таков был состав и устройство силы восстания.

Глава движения, т. е. *народный комитет*, составленный из людей различных политических убеждений и различных общественных сословий, сам не знал, что ему делать, на что решиться. Мнения в комитете разделялись: одни хотели ограничить движение лишь местными, временными условиями, т. е. чтобы вынудить у королевской власти посредством этого движения и при содействии немцев некоторые важные уступки в пользу своей народности, например, армию и совершенную автономию; другие хотели совершенного освобождения от прусского владычества; иные, наконец, воспитанники Централизации, хотели поднять павший проект 1846 г., т. е. создать небольшую армию и перейти в русские пределы с целью возбудить там восстание против русского правительства. В такой нерешимости постановлено было: собирающиеся толпы повстанцев временно организовать по-военному (для чего и учрежден был отдельный военный комитет) и *выжидать событий, чтобы окончательно сделать какое-либо решительное постановление относительно направления и цели революционного движения*. Между тем приехал в Познань Мерославский, которого немцы с торжеством вынесли из тюрьмы, а вооруженные толпы повстанцев в восторге называли «воскресшим вождем» (*Wodzem zmartwychwstałym*).

Мимоходом скажу, что он провел несколько дней в Берлине (не помню, сколько именно), советуясь с берлинскими революционерами и доказывая немцам необходимость войны Пруссии с Россией и взаимного действия с поляками против русского правительства.

Мерославский, питомец и перл Демократического общества и Централизации, пожираемый, как все эмигранты, жаждой деятельности и борьбы, притом вознесенный в глазах своих соотечественников и чужеземцев до неслыханного перед тем величия и провозглашенный вооруженным народом его вождем, жаждал, говоря чистосердечно, революционного огня и борьбы ради самой борьбы, жаждал предводительствовать, первый раз в жизни стать во главе сражающихся и отличиться. Одним словом, Мерославский, увлекаемый жаждой борьбы за Польшу и честолюбием военным и политическим, решил вести борьбу и тем более, что вооруженные повстанцы были уже готовы. А как сражаться с Пруссией и не было цели (потому что провинции польско-прусские не составляют Польши), и не совсем было легко, потому что этот противник сидел почти на плечах (*bo już siedzieli na barku*) и наконец не приходилось, потому что революционная дипломатия допускала, что Пруссия будет вместе с нами сражаться против России, то Мерославский и постановил поднять, оживить упавший и умерший план 1846 г., т. е. сформировать армию и перейти русские границы.

Хотя такой план и такое решение были сами по себе одной только фантазией и свидетельствуют о военной и политической несостоятельности Мерославского *, потому что и политик, и военный человек прежде всего должны

.....
* Сомневаюсь даже, требует ли это доказательства. Ведь должен же был знать Мерославский, что после 1846 г. Галиция не могла и шевельнуться,— мы так же, что импера-

искать практических оснований, делать исполнимые решения, соображаться с цифрами, с данными, с окружающими обстоятельствами; но по крайней мере следовало ожидать, что Мерославский, усвоив себе такой план и такое решение, не станет терять ни одной минуты на дипломатические толкования в Берлине, а с быстротой молнии явится в Познани, узнает положение вещей, сочтет силы, утвердит существующие власти или разгонит их, поставив на место их других по своему выбору, и со всей энергией молодого революционного орла примется собирать новые силы, людей, деньги, оружие и организовать армию; и все это быстро, по-военному, коротко и с энергией. Но не то случилось с нашим бумажным диктатором — воспитанником анархического Демократического общества и лондонских централизаторов. А что именно случилось, сейчас увидим.

По прибытии Мерославского народный комитет не изменился и остался при прежнем своем, также неизменном, постановлении, а именно, чтобы организовать временно небольшие силы и выжидать событий. Проекта Мерославского (слабой копии плана 1846 г.) комитет не принял за основание действий и, питая к Мерославскому нерасположение, а кроме того и вследствие разногласия в плане и других отчасти личных причин, не только не предоставил ему звания главного вождя (как Мерославский того желал), но даже с большим затруднением назначил его генеральным инспектором новоорганизующейся армии.

Что же делает Мерославский в таких обстоятельствах? Находя власть комитета несоответственной и во многих случаях совершенно противной его убеждениям и целям, а с другой стороны, имея за собой почти всю вооруженную силу, он не разгоняет, однако, не расстреливает и не вешает (как обыкновенно делал это на словах), такую предательскую власть (*ta-kiej zdradzieckiej władzy*), а только ссорится с нею. Ссорится с нею и теряет время в Познани, ссорится с нею, выступив уже в поле, несмотря на то, что от нее же *принял звание генерального инспектора* и тем самым обязал себя подчиняться ей *. Следствием этих ссор было то, что народный и военный комитеты отдавали одни приказания, а Мерославский другие, им про-

.....
тор Николай nebude ждать, пока Мерославский перейдет Неман, а что на самой границе нашу революционную армию встретят русские войска, что в Познани нельзя было в короткое время сформировать армию, потому что и средства ее были недостаточны, и требовалось много времени для организации, а король не дозволил бы затевать продолжительные работы и что, следовательно, план 1846 г. не только был вовсе неосуществим на деле, но даже неисполним и на бумаге. Сам Мерославский в одном месте своего сочинения говорит, что было очевидно, что весь план неисполним, что борьба с Пруссией была без всякой цели, «но, прибавляет он, мужики не хотели положить оружия и угрожали смертью каждому, кто об этом вспомнит». Но трудно и этому поверить. Не мужики пылали жаром борьбы, а эмигранты, подготовленные к ней продолжительной тоской и толкованиями за границей. Сам Мерославский говорит, что между эмигрантами были «геростраты», даже возбуждавшие мужиков к резне, что он вынужден был их арестовать и даже хотел расстрелять; эти-то самые геростраты и хотели воевать слепо, не обращая внимания ни на силы, ни на возможность и вообще ни на что; одним словом, эмигранты хотели драться, а Мерославский хотел быть предводителем; вот главнейшая причина познанского движения.

* До настоящего времени еще трудно разобрать все эти ссоры, потому что обе стороны грешат увлечением и несправедливостью. Но утвердительно можно сказать, что Мерославскому как политику и военному человеку следовало, ознакомившись со значением власти и с положением вещей в Познани, или совершенно устранившись, как это сделал генерал Крушевский, или разогнать комитет, устранить его каким-нибудь способом, поставив другую власть, или объявить себя в войске диктатором и карать противящихся, или, принявши звание инспектора, безусловно повиноваться, слагая на комитет ответственность за результаты событий, или же повиноваться ему лишь до времени, а между тем приобрести силу (если в на-

тиворечашие; что отряды, долженствовавшие состоять из дисциплинированных, порядочных солдат, были в действительности шумными, крикливыми, спорящими сеймиками; что вооруженная сила не увеличивалась, а с каждым днем таяла, уменьшалась; что военная организация не подвинулась *ни на один шаг* вперед и наши солдаты всегда были беспорядочными, обыкновенно пьяными, оборванными, необученными мужиками. Такое положение дел Мерославский не хочет приписать своей вине и своей неспособности и, по своему обыкновению, все взваливает на других и, в частности, приписывает это, как и все свои вообще несчастные предприятия и попытки, *абстрактно* всегда у него готовому — *шляхте*. А между тем с полной исторической истиной и справедливостью следует сказать, что Мерославский не только своей личной деятельностью не улучшал дурного положения войска и вообще восстания, но как нельзя более ухудшал его, потому что сам более всех кричал, более всех ссорился, вовсе не содействовал организации и строил свои химерические допотопные колесницы, из которых ни одна не была окончена во все время восстания.

Таким образом, положение сил повстанских в Познани по прибытии Мерославского вследствие возникших от этого раздоров, беспорядка и анархии было наихудшее. К этому надо еще прибавить и то, что при праздности солдат, мужики, возбуждаемые сумасшедшими эмигрантами, уже начали угрожать шляхте-«цяракам», и раз дошло даже до того, что сам Мерославский едва успел энергическими мерами усмирить бунт и предупредить ужасы резни*, и то уже когда дело дошло до того, что мужики о самом «*вожде*» кричали: «ты сам цярах».

При таком положении дел в главную квартиру Мерославского прибыл на конференцию прусский генерал Виллизен. В это время у нас оставалось едва несколько тысяч повстанцев (сомневаюсь даже, доходили ли все силы до шести тысяч человек), которые были собраны в четырех главных пунктах, или лагерях. Ловкий генерал Виллизен, друг, или по крайней мере (что более верно) считавшийся другом поляков, и в *то время* сторонник идей войны Пруссии в союзе с поляками против России, прибыл *вести переговоры* с поляками. Я полагаю, что прибыл он потому, что тогда еще либеральные немцы держали сторону наших революционистов и что прусский король желал прекратить познанские беспорядки без пролития крови. Конференция Виллизена с Мерославским происходила в Ярославце и кончилась там же договором (*ugoda*), подписанным членом народного комитета Либельтом и Виллизеном¹.

Всего содержания конференции теперь уже не помню, но довольно сказать, что между прочим Виллизен обещал сформирование познанской поль-

.....
чале он ею не обладал) и затем предложить ему условия *sine qua non*^a, а в случае непринятия их, устранить его посредством революционного *coup d'état*^b; но во всяком случае следовало удержать единство и порядок в войске во что бы то ни стало, ввести военную организацию в собранных толпах и с нею ввести строгую, необходимую в армии дисциплину. Ничего подобного Мерославский не сделал; он принял от комитета назначение и ссорился с ним,— это факт. Вообще, тот диктатор, который добывается только этого звания, но сам не берет его хорошим или дурным путем, был, есть и навсегда останется бумажным диктатором; всегда будет пугать, но никого не устрашит, убивать — и не убьет, воевать — и не завоеует, будет кричать, ссориться, заводить анархию и ничего не сделает. Это очевидно.

* Так рассказывают все записки того времени и даже сам Мерославский.

^a Обязательные (лат., буквально — без чего нет). ^b Переворот (франц.).

¹ Соглашение в Ярославце было подписано 11 апреля 1848 г.

ской дивизии и некоторую местную автономию, требуя за то совершенного прекращения организации повстанской, что Мерославский не принял этих предложений и только, подчиняясь необходимости, согласился уменьшить вооруженные силы восстания и не затрагивать прусского войска. Самым же *договором* Ярославцем постановлено: что, с одной стороны, прусское войско до времени (*do dalszego czasu*) не будет преследовать и беспокоить повстанцев, а с другой стороны, что повстанцы останутся только в трех своих лагерях, а из четвертого будут распущены по домам и что они также не будут беспокоить или тревожить прусское войско. Договор этот есть презанятельная сделка Мерославского и Виллизена, чудовищная глупость, какая только может случиться во время революции. Ясное дело, что он не удовлетворил ни той, ни другой стороны: ни прусского правительства и войска, как что генерал Виллизен подвергся полному неудовольствию армии и гневу короля и даже не избежал на некоторое время названия изменника (*Verräther*), ни повстанцев, в которых договор этот также возбудил негодование, и Либельт едва не поплатился жизнью за подписание договора, в силу которого уменьшались повстанские вооруженные силы прежде, чем последовало еще какое-либо сражение*. После Ярославского договора положение вещей не только не улучшалось, а сделалось еще хуже. Комитет по-прежнему выжидал событий и ссорился с Мерославским, не имея возможности удалить его. Мерославский по-прежнему ссорился с комитетом и с целым светом, строил колесницы и не заботился об организации войска; по-прежнему встречались противоречащие приказы двух властей; в лагерь господствовал тот же беспорядок и та же анархия, которые еще значительно увеличились вследствие упразднения одного лагеря; деморализация возрастала с каждым днем. Последствиями же такого положения были упадок духа в жителях провинции и ежедневное уменьшение числа повстанцев.

Между тем понемногу исчезала дружба немцев. Вскоре даже возникла взаимная ненависть между поляками и немцами, так что одни других убивали и поджигали.

Прусское правительство, почувствовав в себе силу при новом порядке вещей, перестало забавляться переговорами с повстанцами и постановило силой подавить восстание поляков. Тогда началась непродолжительная борьба наших слабых сил с прусскими войсками. Не буду описывать происшедших при этом сражений,— вообще их было несколько, в том числе некоторые, как под Вржеснею и Милославом¹, были выиграны повстанцами; все же они были только кровавыми схватками слабых, недисциплинированных, оборванных, не знающих строя и команды и дурно вооруженных нескольких тысяч мужиков с несравненно многочисленнейшим, регулярным и хорошо снабженным войском. Пленные, а в числе их сам Мерославский,

.....

* Мерославский хорошо понимал, какие будут последствия, и потому не подписал Ярославского договора, а склонил к этому Либельта как члена комитета, тогда как сам вел переговоры с Виллизеном, сам с ним составлял договор и дал свое согласие. Я не делаю этим упрека Мерославскому, потому что в таких, как было познанское восстание, обстоятельствах ничего другого нельзя было сделать; удивительно даже и то, как Виллизен, представитель силы, вел переговоры с таким жалким сбродом, как были повстанцы. Во всяком случае Ярославский договор был для восстания потерей, и в этом только отношении удвигательно, как Мерославский, военный человек, старается доказать, что это была не потеря, а выигрыш.

¹ Сражение под Милославом произошло 30 апреля 1848 г.

были помилованы и отпущены на волю. Эмигранты были удалены из пределов прусского государства.

Так кончилось познанское восстание — это последнее предприятие эмигрантов в самой стране.

У нас, как известно, 1848 год прошел спокойно, без всякого вооруженного движения; но зато мы понесли большую потерю вследствие огромного числа выходцев в Познань, а потом в Венгрию, привлеченных в эти провинции происходившей там борьбой. Галиция после недавнего бедствия, произведенного резней, как говорится, не пошевелила даже пальцем и так же, как и мы, ограничилась одними эмиграциями¹.

Соберем же теперь и вспомним результаты движения 1846 г. и непосредственного его продолжения — 1848 г. Не таковы ли они, как я представил их прежде, чем приступил к описанию заговора 1845 г.? Познань и Восточная^а Пруссия истощили все средства, которыми обладали до того времени; цвет населения погиб; упала так прекрасно и великолепно развивавшаяся литература, бывшая во главе этой тогдашней нашей литературы; жертвоприношения, сделанные для революции, имели и имеют донныне последствием непрерывное разорение имений и то, что с каждым годом более и более немецкий элемент втирается и распространяется на земле нашей. Разве это не бедствие? Далее, Краков, не говоря уже о всех других временных жертвах, каковы потери людьми и деньгами, из вольного города (хотя и глупая была эта вольность его) попал под австрийское владычество. Галиция, эта бедная несчастная Галиция, вследствие движения 1846 г. потеряла тысячи своих детей, тысячи своих материальных средств, а сверх того, она была растерзана братоубийственной резней и доведена до банкротства как этой же резней и ее последствиями, так и злосчастнейшим разрешением крестьянского вопроса². Разве это не страшное, не кровавое, не отчаянное бедствие? Наконец мы, нищие в то время во всех отношениях, не омыв еще своих свежих ран, мы заплатились новыми виселицами, новыми конфискациями, Сибирью, Кавказом и огромной цифрой выходцев, которые, как известно, пропали без всякой пользы для себя и для края. Итак, еще раз повторяю, разве это не бедствие? Таким образом, и эти годы и эти попытки Централизации принесли бедной стране одни только несчастья, с той разницей, что эти несчастья были во сто раз более, во сто раз чувствительнее, чем прежние. Но и это еще не все. 1849 год приготавливал для Литвы еще одну такую тяжкую и бесполезную жертву в этом печальном периоде, а именно:

е) *Литовский заговор 1849 г.* Это был первый заговор, независимый от Централизации и вообще от эмигрантов³. Он был составлен по большей части из университетской и школьной молодежи и ограничивался почти

^а Вероятно, описка автора или переводчика, по смыслу должно быть — Западная.

¹ «Галиция не пошевелила даже пальцем» — утверждение Авейде ошибочно; революционное движение в Галиции в 1848 г. имело широкий характер.

² В 1848 г. в Галиции была осуществлена крестьянская реформа, ликвидировавшая феодальные повинности и предоставившая крестьянам право собственности на их земельные наделы; помещики получали денежное возмещение. «Злосчастным» разрешением крестьянского вопроса в Галиции считали буржуазные демократы, стремившиеся склонить помещиков к добровольному отказу от феодальных прав и тем самым надеявшихся завоевать доверие и поддержку крестьянства.

³ Мы уже отмечали неточность сведений Авейде о революционных движениях в Польше. Ряд революционных организаций задолго до 1849 г. возник без связи с эмиграцией, назовем хотя бы крестьянскую организацию, руководимую Петром Сцеженным.

исключительно литовскими губерниями. В Царство Польское он вовсе не проникал, а в трех губерниях предднепровской Руси был распространен весьма слабо.

Цель заговора состояла в том, чтобы или поднять восстание, в том случае, если венгерская революция примет счастливый оборот и Дембинский, Высоцкий или Бем¹ вторгнутся в русские пределы, или чтобы восстанием, поднятым в тылу русской армии, направленной в Венгрию, оттянуть значительную часть ее и тем помочь мадьярам. И то и другое, по мнению заговорщиков, могло доставить нам одни только хорошие результаты, потому что освобождение Венгрии неминуемо бы повлекло за собой освобождение Галиции, а Галиция поставила бы армию, способную сражаться с русскими войсками и возратить независимость Польше. Начальниками заговора считаются (не знаю, насколько верно) братья Александр и Франц Далевские, молодые тогда люди, жители г. Вильно*. Заговор этот недолго существовал и, не успев даже развиться согласно своему плану, был открыт полицией. Результаты этой несчастной попытки (последней в этом периоде) обыкновенны, и повторять их не буду; смертью, однако, никто не был наказан. Далевские были сосланы в рудники**.

Таковы в кратких очерках предприятия революционеров, как мы видели, почти исключительно исполненные в нашем крае под руководством и по инициативе эмигрантов.

Для пояснения представленного очерка нашей революционной деятельности в эту эпоху необходимо вспомнить о попытках эмигрантов за границей и об участии их в заграничных революционных движениях.

II. ПРЕДПРИЯТИЯ РЕВОЛЮЦИОНISTОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Прежде всего я должен припомнить здесь начала, на которых основывались все заграничные действия эмигрантов. По созданной ими теории, как выше было сказано, Польша, утратившая свою политическую самостоятельность, а в особенности ее эмиграция, должна пробуждать свободу во вселенной (*budzić wolność wszechświata*) — во всех европейских народах; кроме того, и настоящая, и будущая Польша должна руководствоваться в своих действиях началами солидарности народных интересов и смотреть на интересы каждого из европейских народов, как бы на свои собственные. В силу этих начал эмигранты сочувствовали от всей души всем заграничным народным стремлениям и потрясениям и охотно проливали свою кровь во

* Один из них умер, а другой в прошедшем году сослан в рудники, во второй раз в своей жизни.

** Вследствие этого-то заговора был разжалован в рядовые с назначением в оренбургские батальоны Сераковский, бывший впоследствии офицером генерального штаба русских войск, а во время восстания — революционным военным начальником Ковенского воеводства и повешенный в Вильне. Как заговорщик в 1849 г. он был послан в Галицию, чтобы пробраться к Дембинскому, имевшему тогда свою главную квартиру недалеко от Карпат, и на обратном пути был арестован. Об этом заговоре не имеется ни малейшего намека в нашей печати².

¹ Дембинский и Бем занимали командные посты в венгерской революционной армии, Юзеф Высоцкий командовал сражавшимся на стороне революционной Венгрии легионом польских добровольцев.

² Попытка Сераковского перейти границу относится к марту 1848 г., т. е. ко времени возникновения революционных событий в Галиции и по всей Австрии. Авейде ошибочно связывает ее с венгерскими событиями конца 1848—1849 гг. Арестован Сераковский был до перелома границы.

всех революциях, возникавших против монархов и против существующего политического и общественного порядка, несообразно со свойствами и потребностями того или другого общества. Во все время до 1848 г. мало представилось им случаев выступить с оружием в руках, и потому в это время они ограничивались пропагандой революционных начал в тех странах, где сами жили, и участием в заговорах вместе с жителями против существующих властей. В это время, если не ошибаюсь, были две только, и то не имевшие ни малейшего значения, вооруженные попытки эмигрантов, а именно:

а) *Во Франкфурте на Майне* в 1834 г., где несколько десятков эмигрантов быстрым и ловким движением обезоружили городскую милицию и на несколько дней захватили в свои руки власть в городе, призывая к оружию городских революционистов и эмигрантов из Франции. Эмигранты из Франции в числе более 500 человек тотчас двинулись на призыв и были уже в Швейцарии, но из числа местных немецких революционистов нашлось очень немного охотников до приключений, и они вовсе не поддержали движения, начатого поляками. Между тем пока успела прибыть помощь из Франции, отряд, высланный из Раштата, занял Франкфурт, и затем все авантюристы были удалены из Германии.

б) Другое движение, предпринятое за это время, была экспедиция Мадзини в Савойю под предводительством, если не ошибаюсь, Раморино. Эта экспедиция мне мало известна, но кажется, что она кончилась так же, как и франкфуртская попытка, с той разницей, что здесь не обошлось без пролития крови.

Но собственно только с 1848 г. эмигранты начали принимать живое участие в европейских революциях. Так, они сражались вместе с парижанами на баррикадах против Людовика Филиппа; сражались в великом герцогстве Баденском вместе с Мерославским, куда он был призван в 1849 г. для принятия главного начальства над революционными вооруженными силами; вместе с Бемом — в Вене, с Дембинским, Иосифом Высоцким и Бемом — в Венгрии, с Мерославским — в Сицилии, где Мерославский был также главнокомандующим; с Хржановским — в Сицилии¹; с Каминским — в Риме. Одним словом, они принимали участие почти во всех революционных европейских происшествиях от 1848 г. до 1852 г.; и везде считали дело, за которое сражались, своим собственным делом; дрались храбро, с совершеннейшим самоотвержением, не имея часто ни малейшей надежды, чтобы пролитая ими кровь доставила для Польши что-нибудь существенное и непосредственно полезное*.

После 1852 г. прекращается уже навсегда всякая деятельность эмигрантов и за границей, и в крае, а с этим вместе прекращается и прежнее их значение как действующей организации.

Во время Крымской войны, правда, эмигранты еще раз являются действующими лицами, но это уже не была прежняя усердная демократическо-революционная фаланга. Иосиф Высоцкий, избранный оставшимися в живых демократами главным вождем, входил в переговоры с английским и турецким правительствами, но, не желая быть простым наемником, не

* Много имеется сочинений и записок о всех этих предприятиях и сражениях. Кажется, что только Бем и Хржановский ничего не написали. Не причисляю к ним Дембинского, потому что он был уже слишком стар, чтобы что-нибудь писать, лучшим доказательством чего может служить изданный года два тому назад опыт записок всей жизни Дембинского.

¹ *Очевидная описка, Хшановский командовал войсками Сардинии (Пьемонта).*

принял предложенных ему условий, и, таким образом, в Крымской войне революционно-эмигрантский легион, можно сказать, вовсе не участвовал*. Вообще союзным государствам не нравилось, что поляки собираются сражаться под отдельным своим народным знаменем, потому что эти государства не хотели переносить войну в пределы прежних польских провинций**.

Необходимо прибавить, что между эмигрантами были голоса, хотя и немногие, осуждавшие участие поляков в войне против России вместе с турками, так как эта война, как бы то ни было, ведена была союзными государствами ко вреду турецких славян.

Этот очерк, хотя и отрывочный, будет достаточным для подтверждения того довольно важного в развитии нашей прошедшей жизни факта, что старые и новые эмигранты проливали свою кровь везде, где только случалась революция и где происходила борьба за свободу народов.

.....

* Казаки Чайковского Михаила (Садыка-паши) — этот сброд бродяг с целого света, между конми было несколько поляков, по большей части офицеров, — в Крымской войне не принимали непосредственного участия, а были откомандированы для наблюдения за границами Греции и для охрания жителей от разбоев греческих бандитов. Казаки-генерала Замойского были дипломатической выдумкой Чарторьского и остались только бесплодной выдумкой, вовсе не принимая участия в войне¹.

** «Об участии поляков в Восточной войне» более всех сказал Милковский Сигизмунд в сочинении своем под этим же заглавием². Там находится довольно меткая и справедливая характеристика всех этих мусульманских «казаков», которые делают нам стыд, если только не позор, и которые, как известно, не принесли нам никакой пользы. Как бы там ни было, каких бы кто ни был политических убеждений, но человек, переменяющий в XIX в. христианство на религию пророка и даже не для каких-либо целей, а для глупых, пустых (если еще не для жалких личных) видов, — такой человек немного обещает хорошего. Кроме того, служба у султана, этого гнилого трупя, давящего христианское славянство, столько уже претерпевшее, не может быть оправдана какими бы то ни было польскими целями, а заслуживает одно только осуждение. Да и какая же польза для Польши от этих казаков? Так ли уж глуп султан, чтобы — или сам он начал когда-нибудь войну с Россией, или дозволил бы казакам даже приблизиться к русским границам? И что, наконец, значит собрание двух-трех тысяч бродяг со всего света? Какой военный человек или политик может предполагать, чтобы с таким средством можно было сделать что-нибудь существенное или хоть что-нибудь? Да сверх всего этого нельзя похвалить и апостолов, если не султанской, то казацкой сечевой или хотя бы и польской политической вольности! Милковский, один из наименее пристрастных эмигрантов и имевший возможность хорошо узнать казаков Чайковского, говорит о них, что это были бродяги со всего света без религии и без нравственности и что жалеть только надобно тех нескольких десятков поляков офицеров, честных людей, которые, следуя легенде Вернихоры³, согласились быть товарищами такой челяди и ею командовать. В подтверждение моих слов, что казаки Чайковского были сбродом бродяг с целого света, весьма похожим на шайку грабителей, привожу, кроме Милковского, еще «Записки одного из офицеров» этих казаков, помещенные в львовском литературном журнале в 1861 г. Там ясно приведен факт, что казаки Чайковского, высланные на греческие границы для защиты жителей от разбойников, потихоньку вели с этими разбойниками переговоры и, получая от них подарки и деньги, смотрели на грабеж сквозь пальцы, позволяя им грабить бедных мирных жителей. Да хранит нас бог от таких апостолов и избавителей! К тому же не особенно замечателен и польский революционизм в поляках этой дружины. Из числа всех «казаков», которые, по-видимому, так жаждут сражений, я знал во время восстания, до 1 августа 1863 г. одного только офицера, прибывшего в Польшу сражаться.

¹ Во время Крымской войны в Турции Чайковский (Садык-паша) и генерал Владислав Замойский, племянник Адама Чарторьского, формировали части, получившие название «султанских казаков». В войне эти «казаки» участия так и не приняли.

² Книга Зыгмунта Милковского «*Udział Polaków w sprawie wschodniej 1853—1856*», издана в Париже в 1858 г.

³ Вернихора — запорожский казак, его «пророчества» о будущих судьбах Польши (относятся к 60—70-м годам XVIII в.) пользовались широкой известностью. Образ Вернихоры был популярен в польской литературе XIX в.

Этим оканчиваю мои воспоминания о нашей революционно-социальной и по преимуществу эмигрантской партии.

С 1850 г. до конца этой эпохи у нас было уже спокойно. Проклятое это спокойствие, от которого да хранит милосердный бог мою бедную землю в будущем. Об этих последних годах спокойствия, как равно и положении края и правительства во время Крымской войны, буду говорить после, а теперь хочу сделать общий вывод из всего сказанного выше и действиях революционной партии в эту эпоху.

Итак:

1. Принципы революционной партии и ее пропаганда, как уже выше объяснено, приносили краю только временные потери. В равной мере и политические действия этой партии, ее заговоры и революционные движения приносили краю тоже *только временные* потери и несчастья, что я и старался наглядно представить при описании отдельных предприятий. Итак, следовательно, все без исключения действия революционистов приносили в свое время для Польши один только вред и окупались великими, беспрестанными и разнородными бедствиями народа.

2. На вопрос — какое они влияние имели на будущее, т. е. на наше поколение, — отвечаю коротко: вредное — они произвели несчастья, превзошедшие все прежние. Только что минувшее восстание — этот страшный потоп тридцатилетней общественной работы — представляет *живое и неопровержимое* тому доказательство, потому что оно основано на свежих ранах почти каждого нашего польского семейства. Не знаю, назначена ли была для нас самим провидением горькая чаша, испитая нами до дна, но нам известно, что чашу эту нам подали наши отцы, наши революционисты, наше Демократическое общество и его сеющая бедствия Централизация! Мы, наше поколение — мы дети всех этих революционных фантазий, этих усилий горячечных, кровавых и бесплодных.

Начала Демократического общества, распространяемые путем сильной и страстной пропаганды и облитые кровью и эмигрантов, и местных жителей, благодаря заговорам и революциям из эмигрантских мечтаний сделались основами жизни в крае, основанием действия, источником мыслей и чувств общества и, одним словом, создали для нас известный, писанный кровавыми буквами *народный катехизис*. Этим я не утверждаю, что единственно и исключительно одно только Демократическое общество образовало нас; нет, рядом с ним были и другие деятели, которые воспитывали в нас мысль и чувство, нашу душу; даже скажу откровенно (что составляет очевидный и доказанный факт), что действия русского правительства, его неумолимая, сильная, ретроградная и нашим нуждам несоответственная система военной диктатуры была одним из могущественных и решительных в этом отношении деятелей. Но главным, сильнейшим деятелем в нашей жизни, нашим родным отцом, нашей матерью, которая вскормила нас своим молоком (а вернее не молоком, а кровью, ненавистью, страданиями и мщением), была революционная эмигрантская партия. Обращаю на это особенное внимание потому, что как, с одной стороны, Чарторыйский учил нас искать в Европе работников (рабовкów), которые бы создали нам независимое государство, так, с другой стороны, учили нас приписывать все несчастья народа то русскому правительству, то другим правительствам, то, наконец, кому-нибудь постороннему, но никогда себе самим; всегда искали и находили чужую руку, чужую вину, а не видели собственной своей, родной. Не хочу уменьшить значения других деятелей, не хочу уменьшать чьей-либо вины, но было бы

также вопиющей несправедливостью, соединенной с собственным нашим вредом, уменьшать или (как делалось до сих пор) *не сознавать* великого значения главного деятеля — самой главной вины: вины нашей собственной, наших отцов, нашего Демократического общества. Самая даже правительственная система, хотя сама по себе дурная и несоответственная, не могла сделаться лучшей, а напротив, должна была в данное время ухудшиться, сделаться более строгой и более несоответственной при существовании пропаганды и революционных козней и действий. Ради истины, ради любви к Польше должны мы хоть раз, наконец, признать, хотя это может быть неприятно и тяжело, что в нас самих главнейшая причина всех наших несчастий.

3. На вопрос, принесли ли действия революционной партии какую-либо пользу нашему нынешнему обществу рядом со столькими потерями и несчастьями, отвечаю, что принесли безусловно. Не хочу здесь выставлять всех выгод и доказывать их несомненность, упомяну только о тех, которые имеют с моим трудом непосредственную связь. Польза эта состоит в том, что наши демократы своей пропагандой и своими действиями *как одним из элементов нашей жизни* сильно и *более* всего ускорили развитие понятий о гражданском равенстве пред законом всех исповеданий, всех сословий, а также развитие понятий о необходимости и священном долге нашем наделить крестьян собственностью и даровать им права гражданства. Это несомненная и неоспоримая правда, которую легко доказать и подтвердить фактами. Но не должно, однако, преувеличивать истинного значения этой пользы. Демократы *ускорили* у нас, как я сказал, развитие понятий, *но только одних понятий, не далее*; фактов же, дела произвести они не могли, и не могли потому, что жизни нормальной, прогрессивно развивающейся не допускали и прямо ее отвергали, а известно, что для произведения из понятий и принципов ряда дел в общественной среде, ряда фактических благоденствий, ряда учреждений и законов, для воплощения и превращения понятий в насущный, так сказать, хлеб безусловно необходима нормальная жизнь, постепенный прогресс, энергический, но ежедневный и неторопливый труд. Следовательно, заслуга демократов действительна и велика, потому что они положили основание полезному, положительному, совершающемуся без пролития крови осуществлению и введению в исполнение понятий о равенстве перед законом и о свободе сельского населения; но это только первый шаг, только, повторяю, принцип, а не дело.

Этими словами оканчиваю обзор действий у нас революционной партии и самого нашего общества в эпоху от 1831 до 1856 г.

В этом обзоре я вовсе не упоминал о какой-либо другой деятельности; выходящей из круга политики, что, впрочем, мало послужило бы мне для главной моей цели. В этом отношении достаточно будет заметить, что весь означенный период следует назвать периодом упадка всех отраслей общественной жизни. Система и действия правительства и наши революционные действия делали невозможным естественное и прогрессивное развитие общества. Но несмотря на этот упадок, несмотря на такой застой, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, все же собирали мы грош к грошу и увеличивали незаметно (хотя и не так, как бы то следовало) наш материальный капитал; а также собирали (хотя еще незаметнее и скупее) умственные наши средства и, присоединяя сведение к сведению, книжку к книжке, мы увеличили умственный наш капитал. Делалось это, так сказать, по закону самой природы и истории.

Не желая входить в новые подробности о всех действиях самого общества и эмигрантских партий, считаю, однако, не излишним упомянуть в заключение о сущности всех этих действий; итак, повторяю:

1. Что действия нашего общества оторвались от действительности практической жизни, а беспрерывно и исключительно гонялись только за идеалом государственной независимости Польши 1772 г.

2. Что они не излечивали недостатков и заблуждений прошедшего, а прививали новые недостатки и новые заблуждения на будущее время.

3. Что увеличивали гнев и строгость правительства и все более и более стесняли и без того уже тесные границы системы военной диктатуры.

4. Что они задерживали общий прогресс края (насколько он мог зависеть от общества) во всех направлениях общественной жизни.

5. Что увеличивали и порождали жертвы и несчастья одиночных людей и многих семейств без всякой существенной пользы для общества.

6. Что, наконец, всем, так сказать, бременем прошедшего тяготели они на нынешнем нашем поколении: несчастья, дела, слова, заблуждения отцов сделались нашим катехизисом, священным после них наследием.

Полагаю, что никто не сочтет этих результатов моим собственным сочинением, выдумкой моей фантазии, но усмотрит в них действительный, необходимый и логический вывод из тех фактов и картин, которые я представил в этом отделе. Не отрицаю и, напротив, вперед признаю, что мой обзор не может иметь претензии ни на полноту, ни на обстоятельность изложения, что ему недостает многого, но, однако, отвечаю за то, что все представленное мною в сущности своей истинно, и я уверен, что даже злейший враг мой (если бы таковой нашелся) не мог бы упрекнуть меня в искажении истины.

Я сказал, что с 1850 г. на земле нашей господствовало спокойствие. Действительно, после литовского заговора и до конца этой эпохи не было у нас не только никакого вооруженного движения, но даже никакого заговора. По крайней мере мне ни об одном неизвестно.

Отсутствие заговоров происходило отчасти оттого, что, к счастью нашему, не было уже Демократического общества и его Централизации. После 1846 г., или вернее после 1848 г., исчезают они навсегда, не оставив даже ни малейшего следа в каком-либо действующем эмигрантском кружке¹. Отчасти же отсутствие заговоров происходило от ужасного положения края, от его ничтожества во всех отношениях, от недостатка сил. Прошедшие кровавые годы, вытолкнувшие нас из естественной колеи жизни, оставили после себя при тогдашней правительственной системе самые плачевные последствия.

После революции 1831 г. ни одно молодое поколение не воспиталось, не созрело; явились тысячи осиротевших семейств; материальные средства были исчерпаны и уничтожены, беспрестанно повторялись значительные разорения имений, хозяйство страны доведено было до совершенной нищеты. Далее, ни одна наша существенная потребность не была удовлетворена, не было у нас никаких необходимых для нашей жизни учреждений; всего нам недоставало: нам не позволяли ни читать, ни писать, ни даже говорить о чем-либо, более живо нас интересующем; мы находились в руках чиновников, неотвественных de facto, если не de jure, в руках неотвественной цензуры, неотвественной полиции, неотвественных следственных ко-

¹ Утверждение, будто после 1848 г. Демократическое общество и его Централизация прекратили свое существование, ошибочно.

миссий и военных судов; жили мы в беспрестанном страхе, в непрерывных опасениях то за самих себя, то за драгоценнейших для нас особ. Истощаемые и вместе с тем возбуждаемые непрестанными заговорами и революциями, не имея в правительстве надежного опекуна и руководителя, подавляемые и силою революционных стремлений, и казней, и суровостью правительства, мы медленно, постепенно отупевали, деревенели и наконец упали в летаргию.

К концу этой эпохи жизнь наша не была жизнью, а только прозябанием, поддержкой которого, жизненной его силой были — страшно сказать — слепая ненависть, общее недоверие, бессильная мстительность, а сверх того, часто еще и циническое во всем сомнение. Одни из нас вели уединенную, грустную семейную жизнь, тихо и боязливо перешептываясь между собою, другие проматывали грош, добытый кровавым отцовским трудом, на пирах и вакханалиях в Варшаве или в других европейских столицах. Мы были (с сердечной болью говорю об этом), как нас называли революционисты, буквально *стадом невольников!* Таково было наше положение к концу этой эпохи и таким же оно оставалось во время Крымской войны*.

Не лучшим также было к концу этой эпохи и положение нашего правительства относительно тех условий, какие мы привыкли соединять с понятием о правительстве. Вообще, в течение всего этого времени оно было самое незавидное, но в последние годы описываемого периода дошло до крайней неудовлетворительности. Правительство опиралось единственно и исключительно на самом худшем, самом безнравственном и, *в сущности, самом слабом государственном* начале, т. е. на строгости, на страхе. Строгостью и только одной строгостью отличались равно как высшие власти, так и самые низшие их органы. В довершение зла присоединилось еще к строгости то, что для правительства было гибелью, а для общества язвой; нужно ли произносить что именно? Но ради истины я обязан сказать, — *продажность, всеобщая продажность*. Далее, правительство не было связано с обществом никакими узами, никакими интересами; любви, уважения, доверия подданных оно не желало, не искало, в расчет не принимало, считало все это излишним; оттого-то и действительно не пользовалось им нигде, ни в каком сословии, ни в каком классе народа; можно прибавить, *ни в одном человеке*. Оттого-то правительство не находило послушания действительного, разумного, гражданственного, происходящего от уважения к закону, к власти, а пользовалось только невольническим, вынужденным силою строгости исполнением своих приказаний. Правительство не видело нигде верности, не находило ее в своих собственных чиновниках, потому что это не были деятели, сознающие и исполняющие принятые на себя обязанности, а лишь пошлые фигуры, не заботящиеся об интересах правительства и общества, да и вообще ни о каких в мире нравственных интересах, а имевшие в виду только свою собственную выгоду, выгоду своего кармана, готовые изменить своей власти для подлой поживы и которые действительно изменяли ей, если под этим словом понимать (как то и следует) не только открытый политический бунт, но и плутовство, нерадение и продажность по своей должности. Лучшие, честнейшие чиновники готовы были изменить правительству, и все общество было изменником.

* Люди, не знавшие нашего положения, но вспоминавшие наши до 1850 г. конвульсивные революционные порывы, предлагали вопрос: отчего не восстали мы во время Крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть к русскому правительству? Мы не восстали потому, что не могли восстать, потому что мы отупели и были слабы, невыразимо слабы.

Находясь в таком положении, наше правительство совершенно *раззнакомилось с современным обществом*, не знало его потребностей, его средств и тех людей, которые были более способны к деятельности.

Правительство не выработало и не имело в нашей стране никаких верных, надежных, честных органов, чем-либо соединенных с обществом; не знало, где была правда и где ложь, где верность и где измена. Словом, наше правительство после с лишком двадцатилетней работы своей ложной системой поставило само себя в такое положение во время Крымской войны, что малейшая политическая перемена, малейшее колебание военного могущества влекло за собой окончательное падение самого правительства, а все потому, что оно стояло на ложных основаниях, так сказать, на глиняных ногах.

Еще одно остается сказать. Прошедшее породило у нас начала и правила, имевшие большой вес, чрезвычайное влияние, ужасные последствия. Эти-то начала и правила в их общности я осмелился назвать *народным катехизисом*, тем более, что название это не моего изобретения, а я встречал его уже несколько раз в нашей печати*, но ныне не помню уже, где именно.

Все упомянутые мною в рассказе об эмигрантских партиях принципы наших революционистов составляют вместе с тем и основания этого несчастного катехизиса, и потому, не желая перечислять всего того, что уже было сказано, я намерен только сгруппировать здесь высказывания идеи для полного объяснения нашего политического верования. Итак:

а) Относительно миссии Польши в прошедшем, значения ее после падения и призвания в будущем наше поколение имело такое же понятие, как и прошедшие наши революционисты. Так же точно, как и они, наше поколение признавало и верило в историческую необходимость существования Польши как самобытного государства в границах 1772 г., верило в потребность и пользу такого существования для всего мира, а вдобавок все эти идеи окружило оно ореолом святости, созданным мистиками товянистами. По-прежнему болтали мы (правду сказать, сами того еще не понимая) о солидарности народных интересов; различие в новых понятиях по сравнению с прежними произошло лишь от влияния самого времени и положения Европы после 1848 г. Итак, не переставая смотреть на французскую рево-

* Название «Катехизис» попадалось мне даже в литературе, совершенно чуждой внутренней нашей жизни и вовсе не посвященной в ее таинства, например в русских газетах¹. Из этих отрывочных статей я заметил, что авторы их соединяют с понятием о катехизисе много совершенно чуждого принципам нашего поколения, почерпнутым из прошедшего и иногда вовсе ему неизвестного, или же выдают за принципы отдаленные их последствия, возникшие под влиянием революционных увлечений. Относя эти явления или к тому, что какому-нибудь революционисту вздумалось (в то время, когда я был уже отделен от света) написать разный вздор и окрестить его названием катехизиса; или же что это просто плод досужей фантазии газетчиков, считаю необходимым объявить, что не знаю никакого писанного или печатного катехизиса, а знаю только принципы нашего поколения, которые и называю катехизисом. Правда, что лет двадцать тому назад появилась изданная Правдовским (Каменским) книжка, под заглавием «Демократический катехизис»²; — но это только отрывочная болтовня, написанная будто бы для простого народа, главным образом толкующая о началах гражданского равенства, но которую в истинном значении слова никак нельзя назвать народным катехизисом.

¹ Имеется в виду фальсификат, фигурировавший в реакционной антипольской печати периода восстания 1863—1864 гг. под названием «Польский катехизис».

² «*Katechizm demokratyczny*» опубликован Генриком Каменским под псевдонимом «Филарет Правдовский» в 1845 г., одно из наиболее ярких произведений польской революционно-демократической литературы 40-х годов.

люцию, как на мать, родившую новый свет, мы не бредили уже подобно отцам нашим о союзе всех народных революций против «монархов-тиранов», а также не верили в необходимость и возможность всевропейской революции. Даже старая революция перестала быть для нас идеалом и *оригиналом*, который бы следовало в настоящее время буквально копировать. Впрочем, это различие во взглядах было не вполне всеобщее; старые бредни по-прежнему бродили еще в головах некоторых людей и в особенности между молодежью, что надо отнести к влиянию эмигрантских книжек, которые, несмотря на развитие новых взглядов, имели для нас привлекательную сторону, а отчасти и самих, более передовых эмигрантов, например Мерославского. Скажу мимоходом, что сам Мерославский, хотя и не верит в старые времена (*w starożytność nie wierzy*), но не перестает проповедовать старым языком. По свойству своей речи он может быть назван отлично сохраненной *мумией* Централизации и Демократического общества, и надобно его хорошенько знать, чтобы видеть, что его слова, которые так отравляют молодые головы и сердца, одни только слова, которым он сам не верит более, а что всего хуже, *сам сознает, что не верит*. О характере, карьере и вообще о личности Мерославского буду иметь случай говорить ниже.

б) Взаимные отношения Польши к России и обеих их к славянским народам в понятиях нашего молодого поколения вообще ни в чем не изменились. Было у нас много последователей и приверженцев двух вечных и неприязненных между собою идей, о которых в прошедшее время так много говорили. Предводительство и направление (*przewodnictwo i kierownictwo*) России в судьбах славянских народов было по-прежнему враждебной идеей, преданной проклятию как измена отечеству. Почитая себя спасителями и руководителями славянского мира, мы (мы, *т. е. наше поколение*) не только ничего в этом отношении не делали, но и не старались сделать; мы не только не старались сколько-нибудь сблизиться с русским или другим каким-либо славянским народом, но так же, как и отцы наши, даже не имели никаких сведений об этих странах и народах, и серьезно сказать можно, что общество наше столько же знало о славянских землях и народах, сколько, например, о Мексике или об английской Индии.

в) Равным образом, несмотря на прогресс времени, несмотря на осязательную перемену политики правительства вообще и в особенности правительственной системы в Царстве, не произошло никакой разницы во взгляде поляков на их отношения к правительству в нашей ежедневной жизни и вообще во взгляде на внутренние дела края. Увы! — те же самые слепые предубеждения, те же самые слепые чувства, которые были завещаны отцами, руководили и их сыновьями!

Ныне, после стольких несчастий, никак не могу понять, каким образом столь громкие, бросающиеся в глаза факты ни в чем не могли изменить старых начал, создавшихся под влиянием временных обстоятельств. А тем не менее остается истинной, которую многими, почти бесчисленными фактами могу доказать (и в дальнейшем рассказе должен буду это сделать), что все *мыслящее* и сколько-нибудь выше поставленное по своему образованию наше общество было насквозь проникнуто этими началами. Правда, что многие уже чувствовали отсутствие почвы под ногами, чувствовали, что начала эти не что иное, как воздушный замок, но цепи прошедшего связывали их, не позволяли ясно видеть; факты говорили людям одно, а про-

шедшее — другое; они сомневались, колебались, теряли самостоятельность и на гибель самим себе и краю своему последовали за прошедшим.

г) Наконец, революция со всей своей анархической неурядицей по-прежнему считалась спасением для Польши и для всего света, по понятиям значительного большинства, если нельзя сказать, целого общества. Даже старый терроризм в отношении *«внутреннего и внешнего врага»* бродил еще в голосах молодых наследников Демократического общества, хотя и несправедливо предполагать, чтобы все общество находило терроризм необходимым средством для своего спасения и якобы оно любило его.

Итак, основные начала революции, а следовательно и будущей Польши, в сущности своей не изменились временем. Равенство перед законом, освобождение и надел землю крестьян были краеугольным камнем, если не всего общества, то значительного его большинства.

В новых основаниях произошли, однако, по этим предметам важные перемены, а именно: о республике никто уже не вспоминал, и об этом не рассуждали; равенство перед законом начали уже распространять и на различные народности; о всеобщем братстве (*wszecchbraterstwo*) уже не говорили так много, как прежде; вопрос об освобождении и наделении собственностью крестьян объяснился и определен точнее, а самодержавие народа, как его понимали старые эмигранты, уже не занимало более умов.

В общем содержании начала нашего поколения были те же самые, что и в прежней революционной партии, с небольшими различиями, произведенными неодолимой силой времени; вернее сказать, мы не столько изменили их, сколько начали выражать их иначе, другим языком, в другой форме.

Таков был наш народный катехизис, это злосчастное завещание, за вины и долги которого мы, наследники, должны были так тяжело расплатиться.

В следующих главах постараюсь наглядно представить путь развития этих начал в массах общества и их действие.

Глава III

ОТ 1856 Г. ДО 27 ФЕВРАЛЯ 1861 Г., Т. Е. ДО МАНИФЕСТАЦИЙ

Со времени Парижского мира и вступления на престол императора Александра II настало для поляков время возрождения (*czas odrodzenia*); первые четыре или пять лет после Крымской войны были решительным периодом (*czasem stanowczym*), имевшим решительное влияние на непосредственное будущее, так что все последовавшие события, а по крайней мере манифестации, были, если не *необходимым*, то *логическим последствием* жизни общества в это краткое время. Описывать подробно эту эпоху не берусь, как потому, что не имею материалов и что в эти годы я не был в Польше¹, так и потому, что подобное подробное описание могло бы отклонить меня от главного предмета рассказа, но желаю упомянуть о происшествиях этого периода лишь настолько, насколько это необходимо для объяснения главной темы: а именно, развития последнего восстания.

По моему разумению, *все обстоятельства* в продолжение семи лет, от Крымской войны до 22 января 1863 г., все без исключения внешние и внутренние обстоятельства, действия правительства и действия общества сильнейшим образом содействовали сознательному развитию в обществе начал *народного катехизиса* и именно настолько, чтобы эти начала, войдя в кровь и плоть массы, сделали уже не только возможным, но и необходимым явлением из недр народа восстания; и потому-то, по моему убеждению, последнее восстание было *исторической необходимостью*.

Ближайший разбор событий этого периода доказывает справедливость мнения, что все они способствовали постепенному распространению в народе известных из предыдущего начал катехизиса; но прежде чем приступить к этому разбору, полагаю не лишним для лучшего уразумения событий и для критической их оценки поставить и анализировать вопрос: что могли и должны были делать и общество, и правительство в описываемый краткий период (после Крымской войны), первое для того, чтобы выйти из своего тягостного положения (представленного во II главе), а второе для того, чтобы не допустить развитие революционных начал в обществе?

Правительство должно было изменить в самом основании свою у нас политику, забыть прошедшее, исправить причиненное им зло, принять прежде всего ясную, постоянную и соответственную нуждам страны систему

¹ В 1856—1858 гг. Авейде был студентом юридического факультета Петербургского университета, затем до октября 1861 г. продолжал образование за границей.

управления и со всей энергией, не вдруг, но постепенно и непрерывно стремиться впредь путем прогресса и постоянно быть во главе общества, имея инициативу и предупреждая справедливые желания и требования (*domagania się*) жителей; *общество* должно было с полнейшим усердием заняться излечением пороков и заблуждений прошедшего, помогать правительству, *выполнять охотно* (*dopełniać z dobrą wolą*) то, чего оно само не могло привести в исполнение, и «всесторонним и постоянным своим трудом *с помощью и под руководством правительства* положить преграду могущим появиться революционным стремлениям».

Правительство *могло* все это сделать потому, между прочим, что с переменной политикой пользовалось послушанием и даже значительным доверием жителей. Общество же могло исполнить свое назначение только отчасти, т. е. оно могло сделать лишь столько, сколько можно было сделать без действия, опеки и руководства правительства.

Рассказ мой о событиях и происшествиях того времени начну воспоминанием о правительственных действиях со времени прибытия в Варшаву императора Александра II.

I. *Действия правительства.* Еще прежде вступления императора на престол он пользовался в Польше всеобщим неопределенным, но несомненным доверием и как бы симпатией народа, и все предполагали в нем сочувствие к своим бедствиям и несчастиям, а потому вступление его на престол было для всех радостной вестью и предзнаменованием лучшей участи.

Прибытие государя в Варшаву¹ было как бы актом примирения верховной власти с ее подданными. Все были так чистосердечно обрадованы, что даже эмигранты писали, выражаясь об этом времени: «когда мы на минуту позволили царю обольстить и обмануть себя» и т. д. (*kiedyśmy się na chwilę złudzić i oszukać carowi dali*). Все современные и последующие толкования о словах государя: — «*point de rêveries*»² — были одной лишь пустой и бессмысленной болтовней потому, что иначе не мог говорить русский император. Хотя, по моему мнению, слова эти не были вполне *дипломатическими*, но все же я предпочитаю их, как чистую правду, всем дипломатическим фразам.

В связи с этим событием (приездом императора) находятся разные высочайшие милости, последовавшие до и после пребывания государя в Варшаве, а именно: *монаршая всеобщая амнистия*², *разрешение издавать в крае сочинения Мицкевича*, разрешение графу Андрею Замоискому *учредить Агрономическое общество* (*Towarzystwo Rolnicze*)³ и постановление об учреждении в Варшаве *Медицинской академии*⁴. Это были истинные, и как для начала, великие благодеяния, предсказывавшие лучшую участь.

Вскоре после разрешения учредить Агрономическое общество разрешено было образование помещичьих земледельческо-торговых товариществ

¹ Никаких мечтаний (франц.).

² Александр II посетил Варшаву в мае 1856 г. В речи, произнесенной (на французском языке) при приеме сенаторов, предводителей дворянства и высшего духовенства, он употребил получившие широкую известность слова «никаких мечтаний!» и заявил: «То, что сделано моим отцом, хорошо сделано, и я поддержу его дело».

³ Амнистия в отношении эмигрантов была объявлена во время пребывания Александра II в Варшаве, амнистия в отношении сосланных — при коронации в августе 1856 г. в Москве.

⁴ Агрономическое общество (обычный перевод — Земледельческое общество; этим термином пользуется и сам Авейде в своем написанном на русском языке «Кратком очерке последних событий в Польше») было учреждено в 1857 г.

⁵ Медико-хирургическая академия в Варшаве была открыта в 1857 г.

(spółki obywatelskie rolniczo-handlowe), облегчено сообщение с заграницей уничтожением значительных паспортных пошлин и прежних излишних формальностей, значительно уменьшена строгость цензуры на местные и заграничные газеты и книги, совершенно уничтожена тайная полиция, и даже у явной полиции, как говорится, притуплены были когти (przytarte gogi), прекращены все маловажные политические процессы, и вообще прекращено преследование за разные незначительные, мелочные, а часто преувеличиваемые и придумываемые тайной полицией проступки. Последствием этого было: большая свобода речи и, так сказать, всех движений человеческих, прекращение деятельности следственных комиссий и военных судов и совершенное опустение тюрем и крепостей. Наконец, в это же время разрешено было преподавание польского языка как добавочного в литовских гимназиях.

О хорошей стороне этих распоряжений было бы излишне говорить, потому что они сами за себя говорят; вместо того я буду говорить о дурных сторонах этих, по существу своему, наилучших мер правительства. Итак:

а) Все вышеизложенные действия правительства случились, можно сказать, сами собою (вследствие самой перемены внутренней политики), явились, как и должны были явиться, сразу, с первой почти минуты вступления на престол ныне царствующего императора (stały się sami przez się, stały się jak się stać musiały od razu). Следовательно, служа новому правительству пунктом исхода новой политики, служа основанием дальнейших на этой почве действий, они *вызывали, насильно требовали этой новой политики и этих новых действий*, которые были так необходимы во всех отраслях нашего внутреннего быта. Но этого всего, этого дальнейшего созидания у нас, к несчастью, вовсе не было; напротив, как увидим ниже, случались в эту эпоху действия правительства, совершенно противные духу новой политики.

б) Эти же самые самые добрые правительственные распоряжения были часто парализованы при самом исполнении, и через то значение их уменьшалось. Так, например, цензура никак не могла забыть прежних времен, беспрестанно колебалась и, кажется, сама себе не могла дать отчета, какова должна быть норма ее строгости или снисходительности в известных случаях. Это происходило отчасти по недостатку точно определенных правил в этих самих по себе благодетельных, правительственных постановлениях, а отчасти от произвольного извращения этих постановлений высшими или низшими чиновниками при исполнении их.

Этим оканчиваю свои замечания о тех действиях правительства, которые признаю благодетельными и которые называю *положительными* (dodatne), и затем перехожу к действиям правительства *отрицательным* (ujemne).

Отрицательные действия заключаются: одни в несовершении (nieczupełeniu), т. е. в оставлении без внимания того, что правительство по своему значению *необходимо* обязано было совершить или принять меры к совершению, другие в действиях совершенно противных и нуждам общества, и духу правительственной политики.

Не разделяя для краткости одних от других, перечислю главнейшие из них:

1. Наибольшим злом, наиважнейшим недостатком, *отрицательной стороной*, наиболее изобилующей печальными последствиями, было отсутствие у нас какой бы то ни было *правительственной системы*. Этот недостаток за-

мечался везде, как во всех без исключения действиях правительства, так и в правительственных начальствующих личностях. Не преувеличу, если скажу, что русское правительство, а вернее говоря, ближайшие к государю лица — советники, сановники и исполнители мыслей и желаний монарха — не определили и не разрешили самых основных, кардинальных вопросов, которые так или иначе (дай бог, чтобы всегда самым соответственным образом) следовало разрешить прежде, чем приступать к распоряжениям относительно нашей участи и к предпринятию у нас каких бы то ни было правительственных действий. Итак: должно ли что-нибудь считаться польским? Должна ли быть какая-нибудь Польша отдельным, но нераздельным от русского отечеством? Все ли провинции прежней Польши, состоящие под владычеством России, должны считаться Польшей, или одно только Царство Польское? Какое должно быть взаимное отношение этих провинций и каждой из них к целому государству и к центральной власти в Петербурге? И какая, наконец, должна быть система внутреннего управления в этих провинциях? Все эти вопросы, насколько можно судить из фактов того периода, не были ни поставлены, ни разрешены государственными сановниками, т. е. правительством. Отсюда-то происходил у нас недостаток системы, и внутренняя наша политика представляла смешение новых понятий и начал со старыми, смешение самое несообразное, в котором преобладали старое зло и старые недостатки. Вообще политику эту иначе нельзя назвать, как *случайной* (przypadkowa), или самым снисходительным образом (хотя это и не совсем верно) *традициональной*, потому что делами страны управляли или как пришлось, по случаю, или сообразно с тем, какая на том или другом месте поставлена была правительственная личность; или же наконец так, как делалось при князе Паскевиче и при генералах Бибиковых.

2. Другой *отрицательной* стороной тогдашнего правительства, находившейся в тесной связи с предыдущей, было то, что правительство по собственной вине постепенно более и более теряло бывшую сначала в его руках *инициативу всякого действия* в наших судьбах.

Постараюсь вкратце объяснить, что я понимаю под выражением: *потеря инициативы*.

Крымская война и великодушная деятельность самого монарха разбудила жизнь нашу, долгое время перед тем подавляемую и поверженную в летаргию, и мы зажили быстрой, пылкой и всесторонней, хотя не вполне определенной и обеспеченной жизнью. Все вздохнули свободней, чувствовали, что многого не достаёт для края, почти всего, но чего именно — хорошо не знали; чувствовали, что надо трудиться, но над чем в частности и с чего начинать — обстоятельно не понимали; все мы рвались вперед с новыми возрожденными силами, но куда нужно стремиться — ясно не разумели. Однако же постепенно и быстро начали люди доходить до лучшего понимания своих потребностей, затрагивали и разбирали всевозможные вопросы внутренней жизни и, доверяя еще в то время правительству, при каждом вопросе вводили его в свои расчеты, постоянно спрашивая и выжидая: *«что сделает правительство, что оно постановит, что думает?»* Как же относилось правительство к пробужденной таким образом жизни? К своему собственному и нашему несчастью, оно пошло у нас совершенно по другому пути, как в империи. В империи правительство, пробудивши жизнь русского народа великим актом освобождения крестьян, не отрывалось ни на минуту от этой жизни, и даже не шло рядом с нею, а постоянно

впереди, *стояло во главе прогресса*, предупреждало всеобщие толкования и всякие основательные со стороны русского общества требования. И потому-то правительство не только ни на минуту не пошатнулось, но приобретало с каждым днем действительную и гигантскую силу, какую только может дать любовь, доверие и безусловное повиновение властям и законам.

Все многообразные споры, возникающие при таком положении дел, все справедливые и несправедливые критики и весь этот неопределенный так называемый *модный либерализм* послужили и должны были послужить ко благу и правительства и народа, и Россия в настоящее время, как бы цементом скрепленная в одно громадное, нераздельное, неразрушимое целое, стала и счастливее и разумнее, чем была когда-либо. По этой-то причине и наше восстание, и угроза европейской коалиции не только не поколебали России, не только не причинили правительству никаких внутренних затруднений и замешательств (какие казалось должны были произойти при вновь пробужденной жизни и всесторонних спорах в России), но напротив, Россия оказала своей власти бо́льшую, чем когда-либо, поддержку, слилась со своим правительством в одну великую массу, стерла пигмеев, называемых в то время *передовыми людьми*, и не только не испугалась коалиции, но, казалось, сама ее вызывала. Это, по моему мнению, блистательное для целого света доказательство, какие богатые получаются последствия, когда правительство само имеет в своих руках *инициативу*, когда оно предшествует всяким потребностям общества, дает направление всей его жизни, *предупреждает* всеобщие основательные желания и требования, словом, когда оно *стоит во главе прогресса*. Конечно, это трудная, едва ли не самая труднейшая политика, и тем более при самодержавии, но зато великодушная, разумнейшая и несомненно гарантирующая спокойствие и счастье жителей. Хотя держаться такой же политики в отношении нас было затруднительнее (по причине существования народного катехизиса и незнакомства правительства с обществом), но это было возможно, а главное, было *необходимо*.

К несчастью своему и нашему, как я уже упомянул, правительство, не установив в самом начале никакой системы, совершенно преданное интересам России, не держалось у нас подобной политики.

Разбудивши жизнь нашу, начавши свою деятельность так прекрасно актами любви, доверия и разума, правительство остановилось неподвижно и смолкло, тогда как оно обязано было говорить, и говорить как подобает власти, *а именно: разъясняя общественные вопросы и разрешая их*. Показав себя вначале не только законной, но и действительной главой края и восстановителем падшего общества, правительство вскоре перестало управлять жизнью, которую само разбудило, перестало стоять во главе прогресса, не предупреждало основательных всеобщих желаний и требований, сделалось глухим ко всему, что около него происходило, не хотело видеть того, что составляло для нас очевидную необходимость, становилось с каждым днем более и более чуждым той так прекрасно пробужденной и быстро развивавшейся жизни, бросило ее на произвол судьбы, и даже есть факты, свидетельствующие, что оно действовало противно первоначальной своей у нас политике и противно политике, принятой во всей империи — одним словом, добровольно *теряло инициативу всякой деятельности*.

3. Как непосредственный и неизбежный результат двух первых недостатков замечаются недостатки во всех отраслях внутреннего управления. Эти недостатки могу выразить общим заключением: что правительство не только не ввело, но не начинало и не думало даже вводить у нас каких-

либо *реформ*, в необходимости которых само впоследствии удостоверилось. Вспомню о важнейших из них:

а) Крестьянский вопрос, которого разрешение в России сделалось основанием новой жизни, у нас не был даже затронут. А какое имеет значение этот вопрос и для края и для правительства, о том в настоящее время говорить даже излишне. Прибавлю только, что разрешение этого вопроса было у нас, может быть, легче, чем в России, ибо все общество желало этого, даже *шляхта** и что один уже этот вопрос привлек бы внимание и деятельность, если не всего общества, то по крайней мере значительного его большинства и что, наконец, решение этого вопроса по *инициативе правительства и самим правительством* предохранило бы и правительство и край от революции, если не навсегда, то на долгое время.

б) Законодательство, а в особенности уголовное, оставалось без внимания, а не подлежит сомнению, что реформа в этом деле была и нужна, и возможна, и легка для исполнения.

в) Дела католической и греко-униатской церкви оставались по-прежнему в небрежении, и епархии были без епископов. На воспитание духовенства совершенно не обращали внимания. Напротив того, директор Комиссии внутренних и духовных дел сенатор Муханов вместо того, чтобы стараться учредить какое-нибудь высшее училище для греко-униатского духовенства или посылать кандидатов в училища этого исповедания за границей, приказал отправлять молодых учеников в *православную Киевскую академию*.

г) Администрация не была улучшена ни в одном отношении. Та же самая продажность, та же, что и прежде, неотчетливость чиновников, а управление губерниями так же, как и прежде, было в несоответственных руках. Одно, что сколько-нибудь улучшало это положение,— это разве оживленное общественное мнение, причем не обходилось, однако, без толковых, шума и критики, вредных для правительства.

д) Просвещение в течение этих нескольких лет не пользовалось у нас никаким со стороны правительства покровительством и не получало никакого сообразного с потребностями направления. Попечитель учебного округа г. Муханов никак не хотел допустить учреждения в Варшаве университета или по крайней мере юридического факультета**, а это необходимое для края нововведение заменил жалкой выдумкой — преподаванием законоведения в гимназиях. Средние училища в течение этих нескольких лет, как помнится, подвергались *двукратной* перемене относительно порядка преподавания в них наук и были подразделяемы то на отделения филологическое и юридическое, то на филологическое и физико-математическое. Кроме того, число училищ не только не было увеличено, но даже в существовавших уже число учеников было ограничено в каждом классе до 50. Дети нешляхты и нечиновников и в эту эпоху не имели права посещать

.....
* Бесспорно, что шляхта по-своему понимала наделение крестьян собственностью, т. е. с наименьшей потерей для себя и с наименьшей выгодой для крестьян; но и то уже важно, что, понимая так или иначе вопрос о наделе крестьян землей, она считала разрешение его необходимым и для себя, и для крестьян, и для общего хозяйства в крае. При таких данных правительство смело могло решить у нас крестьянский вопрос в одно время с разрешением его в России.

** Припоминаю себе возникший в то время в Административном совете горячий спор между г. Мухановым и директором Комиссии юстиции Скарбком. Скарбек настаивал на необходимости учредить в Варшаве, если не университет, то высшее училище законоведения. Естественно, что всемогущий Муханов победил; Скарбек попал в отставку, а преподавание законов было включено в гимназический курс.

гимназий. Вопрос об училищах элементарных вовсе не был тронут. Словом, вместо улучшений по предмету образования эта отрасль пришла у нас еще в худшее положение, чем прежде, или по крайней мере находилась в застое. Это было ошибкой, величайшим грехом г. Муханова, имевшим вредные последствия и для края, и для правительства.

е) Вследствие недостатка системы происходило еще и то, что в нашем управлении вообще была заметна двойственность и колебание, причем превозмогал пример прошлых лет. Известно, что управление наше вследствие особенных условий имеет свой центр в самой стране в Варшаве, а между тем г. Муханов постоянно старался дела наши подчинить петербургским министерствам и вводить русский язык как официальный. Это приносило краю существенный вред, правительству же не принесло ни малейшей пользы, а напротив, должно было в результате повредить также и ему.

Таковы в общем содержании главнейшие недостатки тогдашнего управления, которые я назвал *недостатками реформ*.

4. Во внимание к тому, что с началом новой политики в Русском государстве важное значение получили начальствующие личности, которым поручено было осуществление этой политики, и сверх того, во внимание к тому, что эти личности как в описываемую, так и в последующую эпоху играли весьма важную роль и имели решительное влияние на события, полагаю уместным упомянуть в нескольких словах о покойном князе Горчакове, бывшем наместнике Царства Польского, и о сенаторе Муханове. Князь Горчаков, несмотря на печальную катастрофу 27 февраля 1861 г., не оставил у нас по себе враждебных воспоминаний, и я смело могу сказать, что никогда не встречался с мнением, не только ненавистным, но даже скольконибудь неприязненным князю. Что касается до моих личных мнений, то стараясь никогда не быть слепым, и не желая тем более подать какой-либо повод к суждениям обо мне как о рассказчике, увлекающемся какими-либо минутными страстями, я не хочу даже приводить никакого личного моего взгляда на личность князя Горчакова, но, опираясь на вышеизложенные отрицательные действия правительства и, следовательно, на факты, спрашиваю, что эти факты говорят о начальнике края, под управлением коего в продолжение пяти лет видим столь многие и столь важные недостатки, вредные для общества и для правительства? Эти факты говорят громко, что почтенный, спокойный, преданный монарху и государству и в своем отечестве заслуженный князь Горчаков не был государственным мужем (*mezem stanu*), не умел руководить судьбами края, вверенного его управлению. Без сомнения, он чувствовал, понимал политику своего государя, но осуществить ее, ввести ее в действие не сумел. Одним словом, не был, как я сказал, государственным мужем, не был политиком или был *неспособным политиком* (*politykiem niezdolnym*).

Сверх того, князь Горчаков, чувствуя трудность своего призвания, хотел иметь ближайшего и доверенного помощника и советника, и, к несчастью, выбор его пал на сенатора г. Муханова; ему верил он безусловно, на него единственно полагался, ему доверил почти все управление края так, что г. Муханов был не только первым после наместника сановником, но *de facto* стал наместником в ущерб власти князя Горчакова и ко вреду страны. Этот-то другой его недостаток нельзя иначе назвать, как *слабостью*.

Эту характеристику подтверждают не только приведенные мною факты, не только общественное мнение, но и факты, случившиеся во время манифестаций: катастрофа 27 февраля, похороны 3 марта, 40-дневная делегация,

или свобода безначалия (bezrządowa swoboda),— все это было делом князя Горчакова. Что следует по совести сказать о г. Муханове? Не знаю, что скажет история, но факты говорят нам, что г. Муханов пользовался большим доверием князя Горчакова и даже, полагаю, самого государя, что он был первым сановником в королевстве и de facto наместником, что он, как говорится, вертел Административным советом и управлял двумя чуть ли не важнейшими отделами управления: просвещением и внутренними делами (г. Муханов был одновременно попечителем Варшавского учебного округа и директором Комиссии внутренних и духовных дел). Имея такую обширную власть, говорят факты, г. Муханов, во-первых, ровно ничего не улучшил в управлении внутренними делами, так что продажность и протекции были при нем в полном ходу, никакие реформы и учреждения не были введены, а дела духовные оставались в совершенном пренебрежении. Далее, по части ведомства просвещения он не только не возвысил образования, но решительно поставил его ниже прежнего, а цензуру ограничивал и стеснял, насколько было можно.

Г. Муханов, будучи полномочным лицом в Административном совете, даже не подумал о законодательстве, как равно и о всех других реформах, и по возможности старался управление края централизовать в Петербурге. Г. Муханов, наконец, в своих сношениях в крае был грозным, гордым и неприступным, хотя, как известно, это вовсе не соответствовало духу времени *. На основании всех этих фактов следует по всей справедливости сказать о г. Муханове, что с добрым или с дурным намерением, но он не проводил в крае нашем политики монарха, что действовал ретроградно (wstecznie) и ко вреду правительства и страны. Поэтому-то г. Муханов и был вообще не только нелюбим, но ненавидим, и не только в то время, но и всегда.

Не буду подробно разбирать действий правительства в Литве и Руси, потому что оно [так!] мало мне известно, да сверх того, это было бы и неуместно, так как главный мой предмет есть собственно Царство Польское—центр всего нашего революционного движения. Вообще политика правительства в этих провинциях была такая же, как и в Польше, и даже о начальствующих там личностях: генерале Назимове и князе Васильчикове следует сказать то же самое, что о князе Горчакове, только еще с большей силой.

Заканчиваю этим свой краткий очерк о тогдашнем правительстве и перехожу к описанию *состояния общества*.

II. *Состояние общества*. Не берусь проследить в этой статье шаг за шагом все фазы развития жизни общества, пробужденной известными уже, упомянутыми выше событиями, и каким процессом общество постепенно дошло до революции. Вместо того я хочу представить только несколько главнейших фактов и явлений, которые отчасти характеризуют это развитие. Но прежде, чем приступить к подробностям, постараюсь дать понятие об общем настроении общества в течение описываемого периода. До самого конца этого периода никто из поляков и даже из эмигрантов не думал о революции, и хотя чувство государственной независимости и идеал прежней Польши не исчезли в сердцах поляков, но никто даже не помышлял об осуществлении этого идеала или о действиях, имеющих целью это осуществление. Но вместо того с самого начала периода все и везде постоянно

* Пропускаю то, что г. Муханов подвержен упреку в лихоимстве, о чем я говорил и чему привел доказательства в предыдущей главе.

говорили о каком-то неопределенном и обширно понимаемом «общем благе народа» (*dobru ogólnem narodu*), повсюду слышались выражения: «этого требует общественное благо», «надо трудиться для общего добра» и т. п.; несколько позже к этой формуле присоединились еще новые общие толки, равно неопределенные: о «взаимном совершенствовании» (*wzajemnem kształceniu się*) и о «пробуждении народного духа» (*budzeniu ducha narodowego*). Все эти общие места повторялись в каждом собрании, при всяком труде, во всех тогдашних рассуждениях. В частности, под выражением «пробуждение духа» подразумевались воспоминания о старинных народных преданиях и памятниках, и, следовательно, в этих словах начали проявляться, хотя еще невинно и бессознательно, идеи «народного катехизиса». При других обстоятельствах и, между прочим, при другой политике правительства все это и даже «пробуждение духа» принесло бы хорошие результаты, несмотря на беспорядки, которые могли бы проявиться от неясности и неопределенности этих выражений, но увы, к концу этой эпохи и особенно к концу Итальянской войны¹ эти общие фразы извращаются и получают уже фальшивое и дурное, хотя все еще не вполне определенное значение. Послышались выражения: «покажем свету и москалям кто мы» (*pokażmy światu czem jesteśmy*), «на зло москалю» (*na złość Moskalowi*), и вместе с тем начинает проявляться мысль о действии наперекор правительству, хотя и безотчетная, но на которую можно смотреть уже, как на *зародыш* — *пункт исхода* будущей агитации.

Все эти проявления следовали одно за другим в том порядке, как изложено выше, незаметно видоизменяясь. Они повторялись сперва во всех слоях общества сколько-нибудь мыслящего и просвещенного, а под конец эпохи выражение «покажем свету и москалям кто мы» перешло уже в массу городского населения Варшавы*.

После этого общего взгляда изложу вкратце те главнейшие общественные действия, в коих проявляется развитие самой жизни общества в этом периоде.

1. Одним из главнейших *проводников* этого развития было Агрономическое общество (*Towarzystwo Rolnicze*) и земледельческо-торговые товарищества (*spółki rolniczo-handlowe*).

Цель учреждений этих обществ была прекрасна, и они действительно принесли известную долю материальной пользы для страны, хотя и не соответствовавшую ожиданиям, но, однако, по моему мнению, весьма ошибался бы тот, кто смотрел бы на Агрономическое общество и земледельческие торговые товарищества только по отношению к земледелию и торговле; эти учреждения имели еще другое, гораздо более важное значение в развитии нашей жизни; они, а в особенности Агрономическое общество, рядом с писанными целями имели еще цели неписанные и даже вначале необозначенные учредителями обществ, и надо сказать, что эти неписанные цели

* Еще 29 ноября 1860 г. на улице Лешно, перед Кармелитским костелом, произошла первая публичная манифестация. Даже перед тем была небольшая манифестация при похоронах генеральши Совинской. Варшавская чернь принимала в этих манифестациях слабое участие, но все же принимала и, следовательно, начинала уже проникаться формулой «чтобы наперекор, на зло москалям показать, что мы такое значим».

¹ *Итальянская война — война Франции и Сардинии (Пьемонта) против Австрии в апреле — июле 1859 г. Возможно, однако, что понятием «Итальянская война» Авейде охватил и последующий процесс объединения Италии в 1860 г., включая гарибальдийскую экспедицию, освободившую Южную Италию.*

увенчались бóльшими и более богатыми результатами, нежели первые. Здесь я намерен говорить только об Агрономическом обществе, как о более важном. Итак, общество это:

а) Старалось распространить круг своей деятельности участием во всем, что имело хотя малейшую связь с земледелием, и через то из ученого общества оно сделалось в убеждении жителей и самих членов как бы политическим органом и вместе с тем стало видимой главой и руководителем жизни в крае.

б) Общество своими изустными и писаными трудами, возбуждением и разбором разных вопросов становилось нередко критиком действий правительства и подстрекало и других к критике еще более многосторонней (хотя иногда вовсе неосновательной).

И то и другое делалось (и по природе вещей должно было делаться) вследствие совершенного бездействия правительства и отсутствия какого-нибудь правительственного органа, предназначенного для этой цели.

в) Агрономическое общество сблизило гмину с гминой, уезд с уездом, губернию с губернией и каждую провинцию прежней Польши с другими ее провинциями.

г) Возбуждая разные вопросы, сближая всех, а преимущественно шляхту, действуя речами, съездами и проч., оно заохотило всех заниматься общественными делами. Хотя эти занятия не дали и не могли дать почти никаких заметных результатов в данное время, но они сделали то, что под влиянием других обстоятельств и члены общества и нечлены начали понимать в выражении «общественное благо» не одни земледельческие или торговые цели, хотя эти другие цели не были еще тогда определены.

д) Наконец, Агрономическое общество, поощряя сельских владельцев к труду, к более рациональному хозяйству и к лучшей администрации, располагало их вместе с тем к большей бережливости, искореняло столь глубоко вкоренившееся в шляхте обыкновение жить выше своих средств, выводило непристойные кутежи, ярмарочное геройство и варшавские вакханалии.

Из этого очерка, как он ни краток, видно уже, как обширна была деятельность Агрономического общества. Люди мало знакомые с нашим бытом упрекают его в том, что оно стремилось *сознательно* к революции, и именно к *шляхетской революции*, но упрек этот вполне несправедлив, что я и постараюсь доказать ниже. Впрочем, каждый, знающий тогдашнее настроение народа и состав нашего Агрономического общества, вполне серьезный и консервативный характер главы его — комитета общества и самого председателя графа Андрея Замойского, — легко, без всяких других доказательств отвергнет возводимый на него упрек в революционизме. Но при всем том нельзя не согласиться, что Агрономическое общество вместе с торговыми земледельческими товариществами было одним из весьма важных, хотя бессознательных деятелей для будущей революции или, вернее для будущей революционной агитации.

И действительно, они приготавливали почву, основание, материалы, а отчасти и средства. Они увеличивали капиталы страны, а следовательно, и средства, возбудили весьма многих к мышлению и к деятельной жизни, к занятиям политикой и общественными делами, сблизили наиболее отдаленные одна от другой местности и уголки прежней Польши, сблизили отчасти разные слои населения, располагали к критике действий правительства, а следовательно, приготавливали, очищали, так сказать, почву для будущей революционной агитации и собирали для нее материалы и средства. Повторяю,

что все это делалось *бессознательно*, без предварительно обозначенных устремителями общества революционных целей, делалось же это так, а не иначе, потому что при тогдашних обстоятельствах всякая общественная деятельность должна была служить и клониться к пользе будущего восстания.

2. Сверх сказанного, заметно было еще у нас в эту эпоху всеобщее и сильное стремление ко всестороннему образованию. Несмотря на ложное направление просвещения, находившегося в руках г. Муханова, никогда, может быть, не было у нашей молодежи большей любви к науке, как в то время. Чтобы убедиться в этом, довольно вспомнить, как в непродолжительное время непропорционально громадно возросло число учащихся поляков в русских и заграничных университетах (хотя это так дорого стоило) и число учеников в гимназиях. В связи с этим следует упомянуть о том, что повсеместно обращено было внимание на возвышение нравственности и образования сельских и городских жителей. Общество воздержания делало у нас вначале изумительные успехи. Смело могу сказать (вопреки слышанным иногда отзывам некоторых панов, терпевших от уменьшения доходов с пропинаций¹⁾, что распространение воздержания имело одну только нравственную цель без всякой подмеси иезуитизма и не скрывало никаких личных целей духовенства.

Воскресные народные и ремесленнические школы, приюты (ochronki) и т. п. распространялись с каждым днем по всему краю. С этого же времени начинается, можно сказать, наша народная (ludowa) литература. Ко всему вышеизложенному считаю нужным прибавить еще, что народным образованием преимущественно занимались у нас: духовенство, женщины и молодежь; что занятия их не были ни продолжительны, ни основательны, и во многих случаях эти стремления можно было назвать «идиллическим мимолетным романом»; что это достойное гражданское стремление было в связи с всеобщим порывом к «пробуждению духа» и что часто к обучению присоединяема была пропаганда, в начале благонамеренная и похвальная, но которая впоследствии извратилась под влиянием политических страстей. Наконец, остается еще сказать, что это движение не пользовалось ни малейшим покровительством и руководством правительства, вследствие чего главным образом и не повело к более полезным и более значительным результатам, но вообще это образовательное стремление сближало слои общества и приготавливало будущую пропаганду манифестаций и самой революции.

3. Нельзя не упомянуть еще о стремлениях помещиков на Литве и Руси, постоянно и непрерывно проявлявшихся в адресах к государю. Адресы эти, как известно, представлялись сообща, т. е. от всех помещиков губернии. Даже предводители дворянства Витебской (Юревич) и Могилевской (князь Любомирский) губерний, которые не принимали никакого сколько-нибудь общего участия в событиях 1831 г., представляли государю в разные времена заявления от имени своих сограждан.

Адресы эти содержали просьбы об учреждении университета в Вильне, о преподавании наук в гимназиях на польском языке, о разрешении иметь выборную земскую полицию, о позволении учредить кредитное общество и т. п. Даже, помнится мне, польские помещики просили о присоединении

¹ *Пропинация* (лат. *propinatio*) — феодальное право винокурения, широко использовавшееся польскими помещиками и дававшее им громадные доходы за счет спаивания (нередко принудительно) зависимых от них крестьян.

губерний Руси к Царству Польскому¹. Это стремление к адресам, хотя не имело ясно определенного значения и положительно установленной цели, но не менее того было сильно и весьма много влияло на развитие нашей жизни. Замечу между прочим, что из всех прошений только одно, о преподавании польского языка в литовских гимназиях, было уважено правительством.

В связи с тогдашними адресами находится всеобщее пробуждение жизни сельских обывателей в этих провинциях, проявляющееся в особенности на уездных и губернских собраниях. Тогда же начали образовываться по немногу общественные *кружки* (*kółka towarzyskie*), послужившие основанием последующим *обществам*.

4. О торговле, промышленности, а также и о литературе нашей в эти годы не буду распространяться, но замечу только, что мы сделали в это короткое время несомненные успехи по всем этим отраслям, хотя по недостатку времени и не слишком значительные. Самое важное уже совершилось, а именно: мы ожили, начали трудиться и понемногу увеличивали наш материальный и умственный народный капитал.

5. В заключение считаю необходимым сказать несколько подробнее о наших тогдашних *кружках* (*kółkach*); это предмет весьма важный, потому что кружки эти, постепенно видоизменяясь, дали в свое время основание и материал для наших революционных заговоров. Хотя я в это время сам не был в крае и потому не знаю всех подробностей, относящихся к этому предмету, но постараюсь в общем очерке и не нарушая нигде истины по возможности разъяснить самое дело.

Кружков молодежи (да и не молодежи) было у нас в течение этого периода довольно много. Это были просто общества людей, живущих между собой более близко, ничем другим не связанных, как только приятною и сходством убеждений и стремлений, имевших какую-то, обыкновенно неопределенную, цель, а часто просто не имевших никакой цели. Из всех этих обществ только некоторые заслуживают быть упомянутыми, а именно те, которые со временем вышли из тесных и скромных первоначальных своих рамок и от которых остался след в будущем. Упомяну о каждом из них отдельно.

а) *Общество Тройницкого* [так!] *в предднепровской Руси*. Общество это образовалось под конец Восточной войны. Первоначально оно было только собранием лучшей, избраннейшей университетской польской молодежи в Киеве. Оно не было заговором, не имело никакого основного статута, никакой особенной организации. Члены его, соединенные между собой товарищеской дружбой, не затеявая никакой революции, поставили себе целью: саморазвитие и труды к развитию и усовершенствованию других, заботу об образовании, нравственном улучшении и освобождении сельского населения, содействия к взаимному сближению сословий, уничтожение старошляхетских предрассудков, оживление народных польских преданий и через то самое мысли о единстве Польши в прежних ее границах. Кроме того, общим постановлением членов было оставаться между собой в связи и по выходе из университета и стараться распространять этот союз между жителями Волыни, Подолии и Украины. Название «*Тройницкий*» происходило не от какой-либо фамилии (как это может показаться), а от слова *тройка*,

¹ Адресы Александру II с просьбой о присоединении губерний к Царству Польскому были приняты в 1862 г. польскими дворянами Подольской и Минской губерний.

выражая этим соединение в один союз трех губерний: Киевской, Волынской и Подольской. Общество это, как не связанное никакой особенной организацией, через несколько лет расстроилось; члены прибывали и убывали по обстоятельствам, и часто случалось, что прежние товарищи и члены союза вели между собой впоследствии ожесточенную борьбу под разными политическими знаменами. Из этого союза, из этого кружка произошли потом три совершенно противные между собой политические партии, итак: *часть членов* сгруппировалась в довольно многочисленный кружок под названием «русинов», или собственно «украинцев», опиравшийся единственно на русский ^а народный элемент и не только не помышлявший об интересах Польши, но даже нередко ей неприязненный. Идеалом этого кружка была, если не самобытная Украина, то по крайней мере совершенная внутренняя ее автономия. Но партия не думала никогда стремиться к этому идеалу средствами революционными, а ограничивалась только всесторонним возвышением простого народа, усовершенствованием местного русского наречия, оживлением старых казацко-гетманских памятников и т. п. *Другие* члены Тройницкого [общества] образовали вместе с разными лицами из местных жителей революционный польский заговор, бывший отраслью Центрального комитета и имевший своей главой *провинциальный комитет* на Руси. Третьи, наконец, соединились с консервативной шляхтой, между которой было много личностей шляхетско-иезуитских понятий. Они представляли тамошних *белых* и вообще были называемы своими политическими противниками *мошродзеями* ^{*}.

б) В Литве с самого начала этого периода постепенно развивались и делались заметнее два главные кружка. *Один шляхетский*, образовавшийся вследствие движения, возбужденного адресами и дворянскими съездами. Он состоял из прогрессивной и более образованной шляхты тамошних губерний и впоследствии представлял литовских «белых». Из этого-то кружка преимущественно и вышла во время восстания литовская революционная власть, т. е. Литовское исполнительное отделение (Wydział wykopalwczu Litewski). *Другой* кружок составляла молодежь, по большей части университетская. Он распространен был более всего в губерниях Гродненской и Ковенской, и из него впоследствии образовался революционный заговор, бывший ветвью заговора Центрального комитета и находившийся под *управлением Литовского провинциального комитета* ^{**}.

Характер тогдашних действий обоих этих обществ, как и всех других, был совершенно неопределенный; общества различались между собой более своим происхождением, нежели целями и принципами — оба они равно стремились к возвышению сельского населения, к оживлению народных преданий и т. п. ¹

^{*} Так называют там шляхту вообще. Произошло это название от весьма часто употребляемого шляхтой выражения: «мощи пане-добродзею». Оно означает шляхтича старых времен, старых понятий и старых предрассудков, соединенных с барщиной, пропинацией и проч.

^{**} Вследствие неспособности провинциального комитета и по другим обстоятельствам литовская революционная власть перешла с самого начала восстания в руки белых и оставалась у них до августа 1863 г., а затем, после рассеяния первоначального состава исполнительного отделения (Оскерки, Гейштора и других), уже не было более на Литве общей революционной власти, а распоряжался делами восстания последний комиссар Калиновский со своими личными помощниками. Калиновский принадлежал к партии красных.

^а В оригинале, *героятно, ruski, т. е. украинский.*

¹ Утверждение Авейде, будто бы литовские «белые» и революционно-демократические кружки, возглавляемые Константином Калиновским, почти не различались «целями и принци-

в) У нас в Царстве Польском, кроме весьма значительного Агрономического общества (которое, как мы видели, никаким образом нельзя принимать за исключительно учено-агрономическое учреждение), начали постепенно развиваться преимущественно два кружка:

а) *Один* из них (если не ошибаюсь) образовался под влиянием товарищеской жизни студентов Варшавской медицинской академии. Вскоре по открытии академии студенты образовали между собой по примеру поляков, находившихся в русских университетах, товарищество, с тем чтобы оказывать друг другу помощь в изучении медицины, пополнять недостаток образования по другим, словесным наукам и преимущественно по предмету польской истории и помогать беднейшим товарищам. Это общество имело даже свой статут и начало заводить свою библиотеку и «кассу братской помощи». Во главе академического товарищества были: Ян Куржина, Владислав Ясневский, Эдуард Лисикевич и какой-то Лаурицевич. Не излишним считаю заметить, что Куржина имел в виду от этой первоначальной формы со временем перейти к революционному заговору, тогда как Ясневский заботился исключительно только о том, что заключалось в статуте, т. е. о взаимной братской помощи во всех отношениях, а в особенности в отношении образования.

О действиях и влиянии в то же время академической корпорации можно сказать только то, что студенты и особенно Куржина со своими приятелями имели влияние на молодежь, находившуюся и в других учебных заведениях, как например в Училище изящных искусств (*pa szkołę sztuk pięknych*), и вообще на всю варшавскую молодежь, стараясь оживлять в ней народные предания. Они же первые ввели обычай богослужений (*nabożeństw*) (в то время отправлявшихся еще тайно, без шума) за упокой душ поэтов: Мицкевича, Словацкого, Красинского и в память дня революции 1830 г., т. е. 29 ноября. Вскоре, однако же, академическое товарищество распалось по случаю происшествия, бывшего следствием оппозиции студентов против академического устава, изданного тогдашним начальством академии*.

Хотя это товарищество (как мне кажется) и существовало еще впоследствии, но оно уже никогда не имело такого значения, какое могло иметь и отчасти имело в прежнее время. Куржина, Ясневский, Лисикевич и, кажется, Лаурицевич были удалены из академии, а многие другие сами оставили ее. Из членов этого разбитого академического товарищества и приятелей Куржины, Ясневского и других образовался самый разнородный по своему составу кружок, который отличался уже от прежнего товарищества тем, что, кроме взаимной помощи при образовании, члены поставили себе еще *определенную* цель: оживлять народные предания не только между молодежью, но и между *ремесленниками*. Общество, кроме того, зна-

.....
пани», представляет собою один из наиболее ярких примеров широко выступающей в «Записках» тенденции затуманивания классовых и политических различий между либерально-шляхетским и революционно-демократическим направлениями в общественном движении.

* Студенты протестовали против изданного тогда устава, требовали отмены и, не получивши ее, большими партиями (более ста) подали прошения об увольнении их из академии. Все это дело надо назвать детской выходкой и смешной, и недостойной учеников высшего заведения, и которая была весьма вредна для академии. С тех пор это заведение перестало уже быть, как было вначале, хорошим примерным учебным заведением (в отношении научном и нравственном), а сделалось в своей значительной части лабораторией жалких молокососов (*smarkatuch*), заговорщиков, какими были, например, Даниловский, Янчевский и др.

комилось с эмигрантской литературой и старалось знакомить с ней других, и вообще по своим началам и стремлениям было уже враждебно для правительства. Хотя до самого конца этого периода кружок этот никакого заговора не составил, но нельзя было не заметить желаниа и даже стремления его членов создать таковой *. Самыми деятельными лицами в этом кружке были (если верны об этом мои сведения): бывший русский офицер Нарциз Янковский, студент медицинской академии Адам Асник, Францишек Годлевский, бывший впоследствии членом Народного Центрального комитета, Карл Новаковский, студент школы изящных искусств, и др.

Из более важных действий этого кружка можно между прочим указать на пропаганду начал и сочинений (dzieł) старо- и новоэмигрантских, пропаганду довольно сильную даже между ремесленниками, устраивание таких богослужений и народных праздников и даже явных небольших манифестаций, какие, например, имели место в театре и в Лазенках во время пребывания монархов в Варшаве **, и даже основание некоторых сношений с Мерославским при посредстве Куржины и с галицийской молодежью, преимущественно при посредстве Янковского.

б) Другой кружок молодежи, развившийся в эту эпоху, был несколько старше и выше первого не столько в отношении возраста, сколько по своему образованию и опытности. Ядро этого кружка составляли молодые люди, которые, окончив университеты, занимали уже какие-либо места (чаще всего низшие) или в местной администрации, или в ведомствах учебном или духовном, или, наконец, имевшие уже некоторое положение в среде городского и сельского населения. Члены этого кружка также занимались оживлением народных преданий и даже основательней и разумней, чем другие, но, кроме того, усиленно заботились о воспитании вообще, а в особенности об образовании простого народа, о местной прессе и об уничтожении шляхетских пороков и предрассудков; кроме того, они старались иметь влияние на Агрономическое общество, побуждая его к выходу из тесных рамок прямого специального назначения и к принятию на себя инициативы более широкой деятельности в общественном и политическом отношениях. Этим самым возбуждали они членов Агрономического общества или к самостоятельному разрешению некоторых вопросов, касающихся потребностей края,

.....
* Летом 1860 г. Янковский ездил в Галицию, Познань и в Париж с целью завязать там какие-либо сношения для составления заговора. Кроме того, он совещался с Мерославским о «проекте гарибальдийских легионов» и о намерении согласовать этот проект с революционными приготовлениями в крае. Но Янковский, несмотря на всю свою преданность этому делу, был неспособен к составлению заговора; к тому же, возвращаясь в Царство, он был арестован на австрийской границе австрийскими властями (после довольно продолжительного заключения в Кракове передан был в Россию, некоторое время содержался в варшавской цитадели и потом отправлен в Киев). Кроме Янковского, в том же 1860 г., в августе, Асник и Годлевский старались составить заговор в Варшаве и даже, сколько мне известно, успели сформировать комитет (uforgowali się w komitet), но, однако, несмотря на все свои старания, не сумели основать никакой революционной организации. К тому же Асник вскоре был скомпрометирован и бежал за границу. Из всего вышесказанного я вывожу весьма важный факт, а именно, что старания составить заговор уже были, но что по причине неспособности составителей, а главное по причине недостаточного еще к этому делу всеобщего настроения, т. е. по недостатку необходимых материалов, никакого организованного и действующего заговора в то время не было. Материал дали манифестации, а для устройства манифестаций достаточны были кружки, враждебно настроенные против правительства.

** В это время, в бытность государя (и, кажется мне, прусского короля и австрийского императора), в театре наделали асафетидой такого смраду, что нужно было прекратить представление; а в Лазенках во время иллюминации любопытным изрезывали и обливали купоросом платья и преч.

без участия правительства, или к требованию от власти законным порядком от имени всего общества соответственных реформ.

Этот кружок и не думал о революции, и даже был совершенно противен революционным стремлениям и какому бы то ни было влиянию на край Мерославского, сознавая, что все это далеко еще несвоевременно и может принести стране один только вред. Душой этого кружка был Эдуард Юргенс, воспитанник Дерптского университета, чиновник комиссии внутренних дел — один из умнейших, по моему мнению, людей в нашем крае в последнее время*. Кроме того, более деятельными в этом кружке личностями были: Владислав Големберский, воспитанник Московского университета, бывший после членом народного революционного правительства, Адольф Пеньковский, кандидат Петербургского университета, и др.

Ко всему вышеизложенному нужно еще прибавить, что члены обоих кружков — Юргенса и Янковского — вследствие отсутствия писаного устава и какой-либо власти, а отчасти вследствие общей цели оживления народных преданий и неопределительности других целей находились между собою в наилучших отношениях, бывали одни у других на заседаниях, иногда действовали сообща и даже случалось, что одни и те же лица без малейшего намерения вредить кому бы то ни было были одновременно членами обоих кружков, но тем не менее сразу можно было заметить разницу в направлении обоих обществ. Итак, кружок Юргенса хотел посредством оживления народных преданий *учить, просвещать, внушать любовь к основанному на медленном и добросовестном труде гражданскому долгу*, а кружок Янковского хотел теми же средствами разбудить только поверхностное чувство, вызвать страсти и сразу направить их против правительства. Из этого уже можно судить, что оба общества, находясь по некоторым предметам своей деятельности в полном единомыслии (что было особенно в начале их существования), вместе с тем должны были расходиться во взглядах, спорить и бороться между собою по другим предметам, что особенно стало повторяться чаще и чаще в исходе этого периода. В это время антагонизм обоих кружков становится очевидным и решительным, и они делаются даже неприязненными друг другу. Приятели Янковского уже называют приятелей Юргенса *миллинерами*, словом, заимствованным из лексикона Мерославского, которое означает откладывателей восстания на тысячу лет; а сторонники Юргенса, со своей стороны, называли их сумасшедшими (*warjatami*) и *детьми*.

Полагаю, что не погрешу против истины, сказав, что в кружке Юргенса можно видеть зародыш будущих так называемых *белых*, а в кружке Янковского — зародыш *красных*. Впрочем, разбор дальнейших случившихся у нас событий ясно это покажет.

Этим оканчиваю краткий очерк главных действий нашего общества, имевших влияние на развитие нашей жизни в эту эпоху.

III. Остается мне еще упомянуть о третьем роде деятелей, имевших влияние на развитие нашей жизни, а именно о событиях, происшедших в то время за границами польских провинций, состоящих под владыче-

* Судя по всем действиям кружка Юргенса и по личному его характеру, следует заключить, что это общество совершенно не имело в виду революции, если же и думало о ней, то мысль эта была и очень скрытая, и очень отдаленная. Самое большее, что можно допустить, это — что Юргенс хотел возвысить общество, довести его до известной степени действительной силы и тогда уже, когда-нибудь, соображаясь с обстоятельствами, подумать о каком-либо революционном вооруженном движении.

ством России. Это необходимо потому, что мы вообще не представляем собою оазиса в пустыне и более или менее подчиняемся впечатлениям от событий, происходящих в других странах, а также потому, что заграничные события этой эпохи были и большей важности и производили более сильное влияние, чем в какое-либо другое время.

Важнейшие из них и заслуживающие особенного внимания были следующие:

1. Императорский манифест об освобождении крестьян в России и целый ряд прогрессивных правительственных действий, имевших целью возрождение и преобразование жизни русского народа.

В связи с деятельностью власти находится пробужденная чрезвычайная деятельность самого русского общества, возникшие многосторонние споры начиная от самых серьезных до исполненных увлечений, появление довольно многих истинных, а вместе с ними и так называемых модных *либералов*, появление разного рода недовольных правительством и даже образование незначительного революционного кружка — анархического и неспособного, но действующего с постоянством*. При этом я должен упомянуть о факте, простиравшемся из тогдашнего положения России, а именно: о сближении и спорах молодежи польской с русской, в особенности в университетах Петербургском и Московском и в военно-учебных заведениях, и о сближении и спорах поляков на Руси и особенно в Киевском университете с украинцами, т. е., со староказацким элементом (как я его называю).

2. Особенного внимания заслуживает по своему значению и по своему влиянию тогдашняя жизнь поляков в прусско- и австрийско-польских провинциях.

Познанцы, оправившись несколько после бедствий революции 1848 г., начали сильную, но вообще легальную, парламентарную борьбу с немецким элементом и с прусским правительством, причем они опирались то на польские исторические начала, то на договоры Венского конгресса 1815 г. Вся эта борьба была нам хорошо известна и при содействии других обстоятельств оказывала сильное влияние.

Не меньшее, а может быть, гораздо большее влияние производили на нас галицийские происшествия. Первый сигнал к ним подала там молодежь своей войной с полицией и с министерством по вопросу о преподавании в Краковском университете наук на польском языке. Потом следовали императорские австрийские патенты о провинциальных сеймах и вообще о перемене политики во всем государстве и в связи с этим депутация Смолки в Вену, депутация силезцев** и совещания провинциальных сеймов.

* Известно, что либералы и революционисты высказывали без церемонии и без обиняков о правительственной политике и даже о царствующей династии такие вещи, которые во многих отношениях слово в слово были сходны с началами наших революционистов.

** Силезцы (австрийские) просили о присоединении их к Галиции и о соединении их сейма с галицийским сеймом потому, что (как они сами говорили) «они поляки». Протоколы сеймовых совещаний в Силезии вследствие настойчивого требования силезцев, должны были быть писаны и по-польски, и по-немецки, несмотря на сильную оппозицию немцев, называвших туземцев с презрением *Wasser-Polak*¹.

Уже в 1849 г. силезцы на славянском сейме² в Праге, на котором находился и известный русский выходец Бакунин, требовали, чтобы в случае восстановления Польши они были «присоединены к ней как к общей своей матери», и с того времени там сильно возрождается польская народность. Генерал Виндишгрец разогнал этот сейм.

¹ *Презрительное немецкое наименование поляков на давно отторгнутых от Польши территориях (прежде всего в Силезии).*

² *Славянский съезд в Праге происходил с 31 мая по 12 июня 1848 г.*

Вместе с тем упоминаю здесь о сильной избирательной и сеймовой борьбе в Галиции, с одной стороны, между партиями демократической и аристократической, и с другой — между польской и русской^а народностями*.

3. Современная эмигрантская польская пропаганда, хотя и в сотую долю не имела того значения, как прежняя, однако же действовала постоянно в духе последней. Из газет и журналов более замечательные были: «Wiadomości Polskie»¹ (Польские известия) — орган консервативных дипломатов, «Przegląd Rzeczy Polskich»² (Обозрение польских дел) — орган умеренно-демократической партии, и «Demokrata Londyński»³ (Лондонский демократ) — бездарное наследие Централизации. При этом надобно вспомнить, что польские сочинения, издаваемые в Галиции и Познани, пользовавшиеся значительной свободой печати, придавали своими статьями, основанными на непосредственном знании интересов страны, еще большую силу влиянию эмигрантских журналов. Из них важнейшие были: «Dziennik Poznański»⁴, «Nadwiślanin»⁵ («z Przyjacielem ludu»⁶), «Czas»⁷, «Przegląd powszechny»⁸, «Dziennik literacki»⁹ и др.

В связи с этим упомяну о русской литературной эмиграционной пропаганде Герцена, человека неслыханной плодовитости, энергии и деятельности на литературном поле, и о полемике партии Герцена с нашей эмигрантской прессой. Не стану перечислять сочинений Герцена, все они важны для пропаганды, но важнее всех Колокол.

О литературе иностранной, о разных газетных статьях, имевших лишь литературный интерес, полагаю, не стоит говорить отдельно.

4. Наконец, чрезвычайное влияние на нашу жизнь имела Итальянская война, война за освобождение угнетенных народностей, а с нею вместе и героизм марсальских удалцов Гарибальди — этого всесветного и столь любимого у нас героя, этого ангела революции**.

IV. Рассматривая факты и явления этой эпохи, мы видели:

* Хотя споры поляков с русскими в Галиции представляют только жалкое доказательство политической глупости и польской старояхетской закостенелости, но однако эти споры послужили нам, т. е. в особенности Царству Польскому, к признанию принципа равноправностей народностей, который, как известно, уже ясно был провозглашаем народным центральным комитетом.

** Следует также вспомнить, что Гарибальди как диктатор Неаполя имел намерение сформировать международный легион (Legion internationale) и командование им поручить Мерославскому. С прекращением диктатуры намерение это кончилось ничем, но однако же оно заинтересовало нашу молодежь, да и целый край и стало довольно сильным средством враждебной правительству пропаганды.

^а украинский.

¹ «Wiadomości Polskie» издавались в Париже с 1857 по 1861 г., орган «Отеля Лямбер».

² «Przegląd Rzeczy Polskich» выходил в Париже с 1857 по 1863 г., орган умеренных демократов. Издавался под редакцией Северина Эльжановского.

³ «Demokrata Polski» («Польский демократ») орган Централизации Польского Демократического общества. Издавался с 1837 г. по январь 1863 г. В 50-х годах выходил в Лондоне, чем и объясняется наименование его автором «Demokrata Londyński».

⁴ «Dziennik Poznański» («Познанская газета») — ежедневная газета, издавалась с 1859 г.

⁵ «Nadwiślanin» (буквально — житель бассейна Вислы), издавался в Хелмно в 1850—1863 гг. сначала как еженедельник, затем выходил два и три раза в неделю.

⁶ «Przyjacieli Ludu» («Друг народа») — еженедельник, издавался в Хелмно в 1860 г.

⁷ «Czas» («Время») — газета консервативно-яхетского направления, издававшаяся в Кракове с 1849 г.

⁸ «Przegląd powszechny» («Всеобщее обозрение») — газета, издававшаяся три раза в неделю во Львове с 1860 г.

⁹ «Dziennik literacki» («Литературная газета») — газета умеренно-демократического направления, издававшаяся во Львове два и три раза в неделю с 1856 г.

1. Что действия правительства были положительные и отрицательные и что отрицательные и по значению своему, и по количеству заметно превосходили положительные действия и что, следовательно, правительство не выполнило своей задачи как в отношении своего и общественного положения, созданного прошедшим, так и в отношении переданного тем же прошедшим народного катехизиса. Факты говорят, что правительство набросило покрывало на прошедшее — это правда; но оно не пошло путем прогресса, не стало во главе его, не действовало в духе потребностей края и неоднократно действовало противно им, не руководило жизнью страны и даже не определило своего положения как правительства.

2. Потом видели мы, что общество при тогдашних создаваемых правительственными действиями условиях нашей жизни никак не могло вполне и рационально действовать в духе существенных потребностей края. Но насколько эти условия позволяли, мы видели, что общество: а) старалось пополнять правительственные недостатки во всех отраслях и даже деятельностью своей силилось втереться, так сказать, в сферу правительственной власти; б) что деятельность эта была всесторонняя, но вместе с тем шаткая, слабая, поверхностная и неосновательная. Мы рвались ко всему, бросались по всем направлениям самых разнообразнейших потребностей наших. Но этот труд, справедливее сказать, это занятие, было более инстинктивное, сердечное, нежели умственное потому, что не было ведено с последовательностью и в духе какого-нибудь рационального, с сознанием принятого плана, а исполнялось всегда без настойчивости и основательности, столь необходимых в каждом более важном деле, и без серьезного понимания обязанности своей трудиться медленно, но постоянно и прогрессивно; в) мы видели, наконец, что эта слабая, шаткая, поверхностная, неосновательная и не настойчивая деятельность общества сначала была ведена в направлении действительного хорошего, практическом, имеющем в виду существенные потребности края, исполнялась с добрым намерением, без всяких затаенных мыслей и без малейшего желания вредить правительству и существующему порядку вещей, но что впоследствии, а особенно с окончанием Итальянской войны, наша деятельность уклоняется уже от своего первоначального хорошего направления и постепенно извращается, принимая сознательно или бессознательно направление, неприятное правительству, и начинает служить, хотя еще не имевшей определенной цели, но уже развивавшейся революционной агитации.

3. Наконец, мы видели, что события и явления, случившиеся в ту эпоху за границей, были такого свойства, что должны были сильнее всего способствовать развитию революционных начал и стремлений в нашем обществе.

Из вышеизложенного общего взгляда, на основании фактов этого периода мы должны вывести следующие два заключения:

Во-первых, что правительство и общество в начале этого периода действительно вышли из фальшивого и ужасного положения, в каком они находились до момента вступления на престол императора Александра II, и вошли в новое положение, предвещавшее наилучшие надежды для обеих сторон, но вследствие такого, каково было в то время, развития нашей жизни, это новое благоприятное положение края не было упрочено, не выработало непоколебимых оснований для будущего, так что понемногу взаимные отношения правительства и общества возвращались к прежнему плачевному состоянию, хотя и не дошли до такой, как прежде, крайности.

Во-вторых, что и действия правительства, и действия общества, и различные другие обстоятельства этой эпохи не только не положили преграды распространению начал прошедшего, т. е. народного катехизиса, но, напротив, самым действительнейшим образом тому содействовали.

Вот, по моему мнению, заключения, какие с полной добросовестностью, и не уклоняясь от истины надобно сделать о событиях в краткий период времени от вступления на престол императора Александра II до начала манифестаций. Они так ясны и так бросаются в глаза, что не буду более входить в подробности для доказательства их справедливости, а только ограничусь для более рельефного указания основательности второго заключения (как особенно важного по своим последствиям) некоторыми общими замечаниями.

Посмотрим отдельно на каждого из деятелей нашего развития:

1. *Правительство*. Положительные и отрицательные действия правительства, по свойствам своим столь противоположные одни другим, как нельзя лучше содействовали сообщая развитию народного катехизиса. Влияние их сходно было с тем, если бы какая-либо добродетельная рука привела в чувства омертвевшего от голода человека, но не давала бы ему пищи, или если бы та же благодетельная рука, дав почувствовать нагому человеку его наготу, не предложила ему никакой одежды. Понятно, что такой голодный или нагой бедняк сначала стал бы искать и ожидать пищи или одежды из рук первого своего благодетеля, но, не получая их, бросился бы во все стороны отыскивать то, что ему необходимо, и схватил бы первое, что ему подаст кто-либо другой, хотя бы от такого подаяния и пришлось ему тяжело заплатить здоровьем. Так точно было и с нами. Мы были голодны и наги. Мы чувствовали это вследствие положительных правительственных действий, а не имея удовлетворения нашим нуждам от правительства вследствие его отрицательных действий, весьма естественно бросились к готовым запасам прошедшего; мы хватали зерна с плевелами, заплатанные, разорванные и окровавленные лохмотья и — увь! — заплатились за все это тяжкой болезнью. Вследствие положительных действий правительства, вследствие большей свободы слова и дела мы пришли к сознанию своих нужд, но вместе с тем эта же свобода способствовала большему обращению сочинений старо- и новоэмигрантских и весьма быстрому распространению заключавшихся в них идей и сведений.

Отрицательные действия правительства, как-то: отсутствие системы, шаткость, бездействие, иногда ретроградность, потеря инициативы, палиативные меры (*działania na dziś*), не соображенные ни с прошедшим, ни с будущим *, привели к тому, что эти потребности наши, всеми созданные, не были удовлетворены, а также и к тому (при содействии современных, других обстоятельств, это и не могло быть иначе), что правительство не только не противопоставляло преград распространению сведений и начал старо- и новоэмигрантских, но как будто еще утверждало их в заблудших умах своим небрежением относительно принятия мер, которые бы могли умерять и уничтожить влияние этих пагубных идей **. Отсюда произошло, что жители сперва доверяли правительству и выжидали его распоряжений, потом перестали

.....
* По моему мнению, одним из главнейших недостатков правительства (и прежде, а отчасти даже и во время манифестаций) было то, что оно постоянно имело в виду только текущее время, только вызванные минутой потребности.

** Я не имею здесь в виду необходимости средств репрессивных, а только необходимость действий и деятельности правительства, которых не было.

о нем думать и начали сами работать; потом началась основательная и неосновательная, уместная и неуместная критика, пустые толки и насмешки, подрывавшие одно из оснований правительства, а именно, его высокопочетное значение в глазах общества. Дальнейшим последствием этого было то, что постепенно все догматы народного катехизиса начали проникать в умы и сердца преимущественно молодого поколения, а главным образом и прежде всего важнейший реальный и практический, опасный для правительства догмат, касающийся отношений общества к правительству. В силу этого догмата усваивалось мнение, что не стоит обращать внимания на правительство, что надобно действовать самим без правительства, потому что оно никогда нам добра не будет желать и не сделает, что оно только для виду переменяло свою прежнюю у нас политику, вынужденное к тому положением государства, его напряженными общественными отношениями, а сверх того, и *тайными* (как тогда разглагольствовало) *условиями и пунктами Парижского трактата*¹, но что в действительности оно не думает ее держаться и что как только устранятся обстоятельства, заставившие его принять на себя личину, то оно возвратится к прежней политике и покажет нам, каково оно на самом деле. В дальнейшем развитии эти мнения повели постепенно к недоверию, неуважению и пренебрежению властью, к показыванию «*что мы значим*» и, наконец, к неповиновению. Вместе с главным догматом проникали сами собою в умы и сердца и другие догматы как составляющие его основание или необходимое последствие.

2. *Общество*. Скажу, не распространяясь слишком, что если бы мы, т. е. если бы люди более мыслящие, более образованные и понимающие истинные выгоды края и его положение, после минутного колебания (весьма естественного при переходе в новую жизнь, столь отличную от предшествовавшей 25-летней жизни), не отрекаясь даже вовсе от своих чувств и желаний, определили себе какое-нибудь разумное направление для своей деятельности, какой-нибудь разумный план и если бы по этому плану постоянно, терпеливо и добросовестно трудились (а не забавлялись) на пути к прогрессу и соответственно нашим потребностям; если бы, например, Агрономическое общество (вместе с ним я имею здесь в виду и все прочие общества одного с ним характера) серьезно и исключительно трудилось над тем, что относилось к его прямым обязанностям, т. е. над земледелием и над всем, что имеет с ним только тесную связь, а не принимало характера какой-то жалкой, неопределенной политико-социальной аномалии и не забавлялось, пародируя сеймы, всем и ничем, как-то: и политикой, и социальными вопросами, и земледелием, и наукой; если бы кружок Юргенса (с ним вместе буду здесь подразумевать и все прочие кружки того же характера) определил себе обстоятельно то, чего желал и к чему должен бы был стремиться, а не поставял себе целью туманных общих воззрений, а что важнее всего, если бы не смешивал «пробуждения духа» и народных преданий и с ними пустых, мелких манифестаций с теми отраслями полезных трудов, какие он себе положил для исполнения (как школы, пресса и проч.); если бы, наконец, дети Янковского, дети с бородами и без бород учились как следовало, а не занимались политикой и не забавлялись детскими оппозициями против власти; если бы мы, повторяю, шли таким разумным путем прогрессивного труда, то я вполне убежден, что,

.....
¹ Парижский мирный договор 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, не содержал ни явных, ни тайных статей, касавшихся положения Польши. Вопрос этот не был даже предметом официальных переговоров на конгрессе.

несмотря на недостатки и ошибки правительства, несмотря на следовавший за нами катехизис, мы пошли бы по другому направлению, а не по тому, по которому пошли в действительности.

Много или мало бы мы сделали, но все-таки больше того, что теперь сделали; мы пересилили бы застой правительства, переждали бы эти минуты уже не дурных, а только ошибочных и не удовлетворяющих действий правительства и затем оставались бы на пути прогресса и были бы счастливее. Даже если бы при таком направлении нашей деятельности какие-нибудь дети Янковского сделали нам манифестацию, то и сами эти манифестации при совершенной (в чем, надеюсь, все уже убедились) перемене политики правительства, при его добром расположении к нам послужили бы в общем результате ко благу края, невзирая на несколько частных жертв и беспорядков, которые могли бы при этом произойти. К нашему несчастью, не так мы действовали, и оттого вышло то, что и должно было выйти, а именно: катехизис с каждым днем увеличивал шаткость и слабость общественной деятельности, разлагал, так сказать, наш разум и нашу волю, так что, наконец, дети Янковского, эти самые слабые, самые младшие, самые безрассудные политики сердца взяли верх, взяли верх сначала над кружком Юргенса (который тогда и не подозревал о таком торжестве своего слабого противника), взяли частью верх над Агрономическим обществом, нашли язык понятный для варшавской городской массы и двинули все общество к манифестациям.

3. *К довершению зла, разные другие обстоятельства* содействовали распространению начала народного катехизиса. Итак, положение России, ее деятельность, ее либералы, недовольные революционисты, пропаганда Искандера и наши споры с нею придавали еще большую силу догматам, касающимся отношений общества к правительству, так что в головах мечтателей успели возбудить даже уверенность в возможность революции в России.

Развитие жизни в Познани, в Галиции, в Силезии учило нас географии, катехизису прежней Польши и дополняло учение, внушаемое адресами литовских и юго-западных губерний.

Война за свободу Италии, за «свободу народностей» громко выражала, что наш принцип господствует в современном мире; гарибальдовские удалцы сильно внушали молодым сердцам, «что бог нередко помогает храбрым», а проекты легиона Мерославского указывали даже издалека нашей молодежи возможность борьбы за Польшу.

Оканчиваю эту главу повторением того, что я уже прежде высказал в начале ее, а именно, что в краткий период от Крымской войны до начала манифестаций принципы народного катехизиса проникли постепенно в сердца весьма многих отдельных личностей, в общественные кружки, в большую часть, если не во все образованное общество страны, и даже в исходе периода начали проникать в массу городского варшавского населения.

Глава IV

НАСТОЯЩЕЕ

ПЕРИОД РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНИФЕСТАЦИЙ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ ДО 15 ОКТЯБРЯ 1861 Г.

Мы уже видели, как старое и новое наше прошедшее выработало для народа некоторые правила, некоторые зерна и как оно приготовило почву к принятию их; мы видели уже и посевы, а даже и первые, но быстрые всходы; теперь посмотрим, как эти зерна созревали при могучих и блистательных лучах манифестационного солнца.

Я не намерен писать историю этих нескольких месяцев, не думаю даже представлять какую-либо цветистую картину манифестационных явлений и фактов вроде Монталамбертовского «*La nation en deuil*»*, а просто, как и во всем, имея в виду одну из главных моих целей, т. е. объяснение процесса развития восстания, хочу исследовать, чем были наши манифестации по отношению их к этому процессу?

Не зная в совершенстве подробностей каждого явления и всех действовавших в них лиц, так как в то время я не был в крае, я не могу и в этой главе быть вполне обстоятельным; постараюсь, однако, с полной справедливостью сделать общее обозрение событий с политико-исторической точки зрения и надеюсь удовлетворительно объяснить общее их значение. Но чтобы не потеряться в манифестационном хаосе — в этой непроницаемой тьме разнообразнейших фактов, чувств и впечатлений, мне кажется, лучше будет в самом вступлении разделить весь мой обзор на следующие отделы.

I. Общее краткое и по возможности в хронологическом порядке описание важнейших фактов и явлений этого периода, не отделяя правительственных от общественных.

II. Объяснение их значения в отношении к восстанию.

III. Краткий взгляд на деятельность правительства и общества.

IV. Общий вывод о результатах, оставшихся от того времени для будущности.

.....

[* Одна из тогдашних брошюр. Монталамбер в первой половине брошюры изобразил трогательную картину наших манифестаций, но кончил, однако, совершенно в другом роде, а именно: во второй половине он соединил наши манифестации с вопросом о светской власти папы, с делом экс-короля неаполитанского и других итальянских князей, лишившихся в то время своих престолов.

І. ФАКТЫ И ЯВЛЕНИЯ

Я говорил уже, что еще и пред 1861 г. проявлялось у нас расположение к пагубному стремлению показать свету и правительству «что мы значим» («czem jesteśmy») и что тогда уже как предвестники того, что должно было вскоре последовать, встречались факты, доказывавшие это расположение. Не буду говорить о более мелких, каковы, например, школьные выходы во время съезда монархов в Варшаве и при погребении генеральши Совинской, едкие намеки насчет правительства в театрах любителей, появление в маскарade невольника в цепях (Залусковский)*, анонимные письма, рассылаемые разным служащим лицам по городской почте, тихие богослужения и проч. Об этих проделках довольно будет вспомнить только для связи и для того, чтобы не пропустить малейших даже источников позднейших событий.

Кстати здесь заметить, что во время этих проделок полиция или ничего не предпринимала, или была слепа и бессильна, а правительство, можно сказать, никакого не обращало на них внимания и во всем обнаруживало непонимание тогдашнего настроения и тогдашних стремлений.

Первым в эту эпоху более важным фактом, имевшим уже манифестационный характер, было публичное празднование на улице Лешно 29 ноября 1860 г. годовщины восстания 1831 г. Там, перед воротами костела Кармелитов в седьмом часу вечера перед поставленным на столике крестом, освещенным лампадами, в толпе нескольких сот молящихся, стоявших на коленях в грязи, в первый раз Карл Новаковский** со своими приятелями запел столь известные манифестационные гимны «*Woże coś Polskę*», «*Z dymem pożaru*», «*Woże Ojcie twoje dzieci*» и др.

По окончании пения и молитв молодежь раздавала собирающемуся тогда еще с боязнью народу эти же самые гимны и портреты сапожника Килинского, Костюшки и др. Торжество обошлось спокойно, без малейшего со стороны полиции препятствия, которая совершенно равнодушно на все это смотрела. Замечу мимоходом, что не могло быть для варшавского народа лучшей манифестационной лекции (при других усилиях молодежи, направленных к этой же цели), как это празднование 29 ноября.

С этого времени и до 25 февраля 1861 г. не было никакой более важной манифестации.

Эта первая вышеупомянутая манифестация была устроена преимущественно кружком Янковского (называю его этим именем только для того, чтобы напомнить характер партии, выше уже описанный; сам же Янковский еще осенью 1860 г. был арестован) и отчасти кружком Юргенса.

Что же касается до приготовлений к последующей манифестации 25 февраля 1861 г., то, считая этот предмет весьма важным, я нахожу необходимым сказать о нем хотя и кратко, но несколько обстоятельнее, основываясь притом на тех отрывочных сведениях, которые мне удалось собрать из рассказов моих приятелей.

Кружок Янковского и в это время, т. е. в феврале 1861 г., состоял из весьма молодых людей: студентов, учеников, канцеляристов и т. п. и

* Если не ошибаюсь, уже в то время проповедовали о скромной жизни и об удалении от публичных удовольствий и спектаклей.

** Карл Новаковский был одним из любимейших тогдашних агитаторов и, как мне говорили, одним из самых честных, горячих и одаренных пылкой фантазией наших фанатиков. Все, что он делал, происходило от непритворного чувства.

вообще из разной молодежи, по большей части праздной. Более же старших и опытных людей находилось в нем, как мне говорили, весьма немного, то были некоторые молодые ксендзы, как, например, брат Новаковского капуцин¹ и литераторы, как Карл Бржозовский и Владимир Вольский. Сколько я слышал, Карл Маевский также был членом этого кружка во время манифестаций. К нему же принадлежали братья Франковские, Цверцьякевич, Шаховский и др. Ремесленники имели в нем также своих представителей, хотя и немногих. Этот-то кружок, руководясь только неопределенным чувством, а самое большое — инстинктом, стремящимся к созданию материала для революции, намеревался устроить на полях Гроховских торжественное молебствие 25 февраля, в годовщину происходившей там в 1831 г. битвы, за упокой душ наших отцов, павших в этой кровавой трехдневной битве. Когда же оказалось невозможным привести этот план в исполнение, потому что полиция заранее узнала о нем, то постановили проектированное торжество заменить другим, а именно: почтить память дня битвы 25 февраля богослужением в одном из костелов в Варшаве и потом торжественным шествием с народными хоругвями по главнейшим улицам города. Сочинители проекта не имели в виду никакой другой цели, как только манифестацию для манифестации, или другими словами, оживление главного исторического воспоминания и заявление правительству — «что́ мы значим» (*czem jesteśmy*). Однако же они хотели непременно втянуть в проектированную манифестацию ремесленное сословие и вообще произвести ею возможно большее впечатление как на городскую варшавскую массу, так и на весь край. Это одна сторона манифестации 25 февраля 1861 г. Другую сторону, имевшую несравненно большее практическое значение, придал этой манифестации кружок Юргенса, который вместе с тем придал и значительную силу первоначальным сочинителям проекта.

Юргенс и его приятели благодаря своему высшему образованию, своим более ясным и практическим целям и непрерывным стараниям приобретали с течением времени все большее и большее значение и силу; с каждым днем увеличивалось влияние их на городских обывателей, на так называемое «бюргерство» (*biurgerija*) и вообще на заметнейших лиц в городе (каковы были, например, ксендз Стецкий, Вышинский, Кроненберг, Крашевский, Байер, Натансоны и др.), на членов Агрономического общества, на образованнейшую и старшую молодежь (Роман Жулинский, Рафаил Краевский, инженер Станислав Ярумунд) и даже имели кой-какие связи с некоторыми ремесленниками. Сверх того, при посредстве преподавателей они имели всегда под рукой и в своем распоряжении довольно многочисленный легион учеников из разных заведений и из воскресных ремесленничьих школ.

Итак, Юргенс и его приятели приняли мысль, проектированную их противниками, и постановили содействовать всеми силами к устройству манифестации 25 февраля, но вместе с тем решились придать ей еще и другое значение, кроме того, которое имели в виду первоначальные сочинители проекта, а именно: а) пошевелить до самой глубины городское население, чтобы через это не только пробудить народные предания в низших слоях, но и склонить к действию в пользу города и в пользу всего края высший класс городского населения; б) втянуть в манифестацию Агрономическое

.....
¹ Капуцин — Эдвард Новаковский (1829—1903), в монашестве отец Вацлав.

общество и через это, как равно через оживление патриотического чувства, принудить общество к обнародованию постановления о наделе крестьян собственностью и склонить его к действиям более политического характера; в) возбудить полное внимание правительства и вывести его из бездействия, в каком оно до того времени находилось; г) склонить всех по инициативе от Агрономического общества к представлению адреса императору с просьбой (как мне говорили) о возвращении, или лучше сказать, о приведении в исполнение с соответственными изменениями Органического статута 1832 г. Таким образом, мысль или, вернее, фантазия юной головы и юного сердца благодаря дополнениям Юргенса стала мыслью, исполненной действительного и великого для того времени достоинства и значения.

Проектированная манифестация приобрела с тех пор уже действительную, практическую цель и в случае удачи приносила важные результаты. Средства для приведения манифестации в исполнение были достаточны, даже слишком: соединенные кружки Юргенса и Янковского могли вывести на улицу до двух тысяч людей, а в большом городе при тогдашнем настроении жителей, при очевидной слабости правительства и при испробованной уже беспечности и неспособности полиции две тысячи человек, собранные на улице, легко могли притянуть к себе еще в десять раз более.

Принимало ли участие в приготовлениях манифестации 25 февраля варшавское бюргерство, этого не знаю, но, судя по общему настроению варшавских горожан, полагаю, что не принимало. То же самое надо сказать и об Агрономическом обществе, как об обществе собственно; отдельные же личности как из среды помещиков, так из варшавских обывателей (судя по последовавшим событиям) принимали участие в приготовлениях или по крайней мере в проектах Юргенса. О том, что манифестация будет, все в Варшаве знали за несколько дней и об этом говорили открыто.

Наконец, 25 февраля состоялась давно возвещенная и приготовляемая манифестация. Не буду описывать ее хода и подробностей, которых теперь с надлежащей точностью уже не припомню и которые, полагаю, достаточно всем известны. Довольно того, что манифестация продолжалась, а вернее, повторялась два дня — 25 и 27 числа, что кончилась пятью жертвами убитыми и несколькими ранеными и что как убитые, так и раненые остались в руках народа. Вместо того, считаю более важным упомянуть здесь об общем характере манифестации и о сопутствовавших ей обстоятельствах, т. е. о важнейших фактах, одновременно с нею случившихся не на улице, а в домах (хотя не скрытно, а публично) и, наконец, о последствиях для будущего от этой многозначительной и чрезвычайно влиятельной манифестации. Итак:

а) хотя вследствие продолжительного и усиленного приготовления собралось с самого начала манифестации около двух тысяч человек, но, однако, толпа эта была вначале боязлива и увеличивалась не быстро, и только впоследствии, когда Старое Место, это, так сказать, традиционное сердце варшавян, увидело развевающееся и освещенное факелами знамя с белым орлом, когда услышало религиозно-патриотическое пение, только с этой минуты, при этом невиданном до того времени зрелище неслыханный и быстро возрастающий восторг овладел всеми; толпы гигантски возрастали и фанатизм, проникая с быстротой электрической искры, воспламенил глубоко взволнованные головы ремесленников. Видя при этом и осязательно чувствуя слабость правительства и неспособность полиции, вся эта совершен-

но безоружная* и вначале боязливая масса сделалась слепой, дерзко-отважной силой; народ, который прежде боялся полицианта, не уstraшилса 25 февраля жандармских сабель, а 27 числа — пуль.

Самая катастрофа 27-го не только не охладила этого восторга массы, но благодаря слабости правительства еще усилила его. Итак, в общем результате: масса, которая не была сразу подавлена и побеждена правительством, которая, несмотря на принятые властью репрессивные средства, не утратила свою смелость и дерзость, эта масса *de facto* в первый раз у нас победила правительство, победила власть, и непосредственным ее триумфом были оставленные в ее руках тела убитых и раненые.

б) Манифестация 25-го не только до самого дна взволновала низший класс городского населения, но увлекла также и всю городскую интеллигенцию, даже самых степенных граждан, и вытянула их из прежнего укрывательства к деятельности. Непосредственным и имевшим действительное великое значение результатом этого выступления было признание варшавским христианским купечеством равных прав гражданства за купцами-евреями, что было достигнуто преимущественно вследствие стараний и инициативы старшины купеческого общества Шленкера. К этому должно еще прибавить, что как только удалось склонить в пользу манифестационного движения раввина Майзельса и еврейских проповедников Крамштика и Ястрова, то и все население моисеевого исповедания в Варшаве в первый еще раз немедленно и безусловно также присоединилось к этому же движению. В равной мере следует заметить, что Агрономическое общество, несмотря на сильную в начале оппозицию и на сопротивление комитета и графа Андрея Замойского, приняло живое участие в происходивших на улице происшествиях, соединилось с горожанами, было увлечено всеобщим порывом и выступило также на поле действия **. Непосредственным же фактом такого настроения в Агрономическом обществе было объявление положения о наделе крестьян земель (*zasady uwłaszczenia ludu*) и одновременно с тем составление плана для приведения в исполнение этого положения.

в) Из вышеописанного соединения и единства разных общественных слоев и разных исповеданий, как равно из пробужденного вообще в высшем классе желания действовать в пользу движения и интересов края, непо-

* В руках народа не было ни одной штуки огнестрельного или холодного оружия. Толпа оборонялась кулаками, факелами, палками и частью (27 февраля) камнями. Впрочем, и без этого достоверно известно, что в то время даже самые горячие головы не имели в виду какой бы то ни было уличной схватки.

** Граф Замойский и комитет первоначально употребляли все свое влияние, чтобы удерживать порывы членов Агрономического общества, которые в массе до двух тысяч особ совещались в наместниковском дворце. Комитет подвергся даже за это уличным крикам, которые несколько утихли только по присоединении общества к движению. Говорю, несколько, потому что никогда не была вполне забыта первоначальная его оппозиция; личности, составлявшие комитет, даже во время восстания были нелюбимы красными и не пользовались в общественном мнении ни малейшим доверием. Объявление положения о наделе крестьян земель (*uwłaszczenie*), на что комитет, или собственно граф Замойский, долгое время не соглашался, предлагая вместо того как средство для разрешения этого вопроса английскую систему вечных наследственных аренд (*wieczystych dzierżaw*), было вызвано вследствие возвышения патриотических чувств между всеми вообще членами общества. Принявши, наконец, надел землей основанием разрешения крестьянского вопроса, общество, кажется, было в полной уверенности (по моему мнению, ошибочной и непрактической), что оно само без правительства сумеет привести в исполнение этот надел, и учредило даже с этой целью подготовительную комиссию, в которую призывало некоторых лиц из Галиции и Познани, между прочими известного нашего экономиста и финансиста гр. Августа Цешковского, бывшего депутатом на берлинском сейме и председателем польской фракции после смерти Дзялынського-отца.

средственно последовали депутации разных лиц (между прочими графа Андрея Замойского, архиепископа Фиялковского, раввина Майзельса, Шленкера, доктора Халубинского, генерала Левинского) к князю Горчакову, самые разнородные и все с большей и большей смелостью предъявляемые этими депутациями желания и требования, захватывание этими же самыми лицами управления городскими делами, первоначально без спросу и без согласия высшей власти, и, наконец, постановление о подаче адреса императору, которое и было немедленно исполнено.

г) Необходимо также обратить внимание на то, как вели себя в то время полиция и правительство. Это, по моему крайнему разумению, дело первой важности. Полиция, которая отлично хорошо знала о предположенной манифестации, ничего не сделала и ничего не умела сделать, чтобы предупредить и не допустить движение, т. е. не выполнила своей существенной обязанности, состоящей в том, чтобы предупреждать беспорядки (*grzewęsujunego obowiązku*)*; далее, полиция не сумела остановить манифестацию в самом ее начале при костеле Паулинском, что она могла и обязана была исполнить. Оттого-то с развитием манифестации все ее старания были уже безуспешны; полицейские служители и полицейские власти вообще были осмеяны, поруганы, опозорены, и сам даже тогдашний обер-полицмейстер полковник Трепов не избежал личного оскорбления и скандала. После этого полковник Трепов подал об увольнении его, а звание обер-полицмейстера принял ловкий и как для того времени изворотливый генерал Паулуччи, но принял его, по моему мнению, с унижением и оскорблением для власти, а это никак не пророчило того, что новый начальник полиции будет пользоваться постоянным приличным его званию уважением и послушанием городских жителей**.

Что же касается до правительства, т. е. высшей власти наместника в нашем крае, то она отчасти вследствие недостатков, описанных в преды-

* По моему мнению, общим недостатком нашей полиции не только в это время, но и всегда было, что она никогда не выполняла своей главной обязанности, т. е. никогда не предупреждала дурных последствий, никогда не умела предупредить факт, а всегда появлялась уже после его совершения, когда приходилось действовать уже на ей, а другой более значительной силе, напр., суду или войску. Не подлежит сомнению, что полиция знала о манифестации, потому что план процессии на Гроховское поле был даже уничтожен вполне искусным и достойным распоряжением (*myślą*) князя Горчакова. Кроме того, нельзя же допустить, чтобы полиция не знала того, о чем знали тысячи людей и к исполнению чего вовсе не скрытно делались приготовления.

** Назначение генерала Паулуччи обер-полицмейстером было для того времени весьма кстати, потому что он пользовался довольно всеобщей известностью в Варшаве за свое вежливое, человеческое, исполненное такта и достоинства обхождение с обвиненными в цитадели, когда он был председателем следственной комиссии (это я слышал от самих обвиненных). Генерал Паулуччи полагал, что при тогдашних обстоятельствах недостаточно еще одного утверждения в звании от князя наместника, и потому публично при столпившемся на улице народе спросил, желает ли народ иметь его начальником полиции и будет ли ему повиноваться? С одной стороны, это был весьма ловкий шаг: народ, у которого до сих пор никто ни о чем не спрашивал, чрезвычайно (что весьма естественно) тронут был таким испрашиванием его соизволения на исполнение обязанностей одним из важнейших чинов в городе и как нельзя охотнее с возгласами изъявил таковое. Удивленная вопросом генерала, толпа громогласно кричала: «Гарибальди итальянец и этот итальянец», «да здравствуют итальянцы — да здравствует Гарибальди», «да здравствует Паулуччи», «мы им довольны, просим генерала быть обер-полицмейстером и будем ему повиноваться, пусть только полиция не преследует народа» и т. п. Но, с другой стороны, приняв во внимание наши отношения к правительству, особенно до той минуты, нельзя не видеть в этой выходке генерала Паулуччи уступки весьма важной и с известной долей оскорбления и уничтожения власти. Тогда же можно было сказать, что в непродолжительном времени генералу повиноваться не будут, как только его решения покажутся неприятными манифестаторам.

дущей главе, отчасти вследствие невыразимо неспособной и ничего не знавшей, что делается кругом, полиции была в чрезвычайно неприятном положении, а именно: она не могла судить о значении движения, о настроении жителей, о положении дел, о действующих пружинах, обо всем этом совершенно ничего не знала и по тому самому не знала, что делать, не знала, какие принять меры для успокоения волнения. В этом-то заключается причина того, что в дни манифестаций мы видим непонятную шаткость в действиях правительства, выразившуюся беспрестанными, даже не ежедневными, а ежечасными переменами, что само собой делало манифестаторов более дерзкими и придавало им чрезвычайную силу. С каждым днем депутации становились настойчивее и смелее в своих требованиях, а власть теряла в глазах жителей всякое достоинство, и даже более, — она перешла из рук наместника к уличной толпе.

Для подтверждения вышесказанного вспомню здесь несколько фактов. В минуту самой репрессии правительство, в сущности, не знало, нужна ли она или нет, и если нужна, то в какой мере. Действия правительства 25 февраля были слабы (а тогда оно имело наиболее шансов тотчас же подавить движение); 26-го правительство ничего не делало, 27-го явилось строгим, но через минуту, не победивши толпы, уступило. Далее, князь наместник, колеблясь принять депутацию, а при приеме депутатов был попеременно то грозным, то уступчивым, но постоянно нерешительным. На предъявляемые ему желания то отвечал с угрозой и отвергал их, то снова принимал их и одобрял. И, таким образом, беспрестанно колеблясь, а через это одобряя и взволнованные умы массы и депутатов, наконец, принял (если не ошибаюсь) все требования и тем самым признал себя побежденным толпой.

Итак, генерал Паулуччи *с дозволения народа* принял обязанности обер-полицеймейстера. Генерала Заболоцкого предполагалось предать военному суду за отдание войскам приказаania стрелять в народ, и даже, если не ошибаюсь, учреждена была чрезвычайная комиссия для производства следствия по делу этого генерала; войско было возвращено в цитадель, полиция совершенно остановлена в своих действиях и скрыта от глаз населения; порядок и управление городскими делами отданы были в руки делегации, составленной из лиц, заслуживавших доверие жителей и почти выбранных манифестаторами; члены делегации должны были иметь свои совещания в ратуше под председательством генерала Паулуччи. Далее, разрешено торжественное погребение пяти убитых в день 3 марта ¹ и учреждение комитета для сбора приношений на сооружение памятника этим убитым и на пособия оставшимся после них семействам и раненым и, наконец, разрешено составление и представление адреса к государю императору. Одним словом, князь наместник постепенно сам себя лишил всякой власти в городе, в центре, в резиденции правительства, и единственной личностью, представляющей правительство, *но личностью без власти* был генерал Паулуччи. Все эти факты были чрезвычайно важны; они ясно говорили, что князь Горчаков — наместник — *признал манифестационное движение основательным, осудил бывшее до того времени правительство, осудил полицию, войско, даже собственные свои действия, признал себя побежденным, отказался от своей власти в пользу взволнованного народа.*

Итак, манифестации 25 и 27 февраля и их результаты показали, что фантазия молодой головы и инстинктивное чувство молодого сердца успели

¹ Похороны пяти убитых состоялись 2 марта 1861 г.

подействовать наилучшим образом и что умный Юргенс отлично хорошо знал положение правительства, положение общества и общий дух жителей.

Посредством манифестаций, ценой нескольких жертв варшавская городская масса и даже весь край были взволнованы до глубины. Бюргерство и Агрономическое общество приняли на себя инициативу политических действий в интересах края; надел крестьян землей принят был основанием будущих взаимных отношений между крестьянами и владельцами; представлен был адрес; городское управление перешло в руки доверенных людей. Словом, сделалось более, чем молодежь желала и воображала, более, чем думал Юргенс.

Прежде чем продолжать мой очерк, нахожу не излишним сказать несколько слов о поданном тогда адресе императору.

Как только высший и почтеннейший класс городского населения и с ним Агрономическое общество объявили себя в пользу движения массы и начались депутации к князю наместнику, то в то же время Юргенс и его приятели возымели мысль об адресе. Естественно, что все с живейшим чувством приняли эту мысль (а вследствие общего волнения в городе сделались возможными публичные совещания разных партий и сословий), но уже теперь общество, ободренное выхлопотанными уступками и личным настроением князя Горчакова, не допускало и речи об Органическом статуте 1832 г., и даже сам Юргенс, кажется, отступил от своего первоначального скромного плана. Сверх того, было всеми решено, чтобы проектированный адрес был представлен не только от имени Агрономического общества и знатнейших жителей г. Варшавы, а чтобы на нем было возможно большее число подписов из всех сторон края и от всех сословий. Над содержанием адреса рассуждали везде, предлагая разные проекты касательно выражения желаний края, которые намеревались представить императору.

Из сочинителей разных проектов одни — а преимущественно маркграф Велепольский — предлагали проект *адреса с условиями вполне определенными* (adresu określonego), т. е. адреса, который бы ясно обнимал и определял желания возвращения конституции 1815 г., конечно, с соответственными настоящему времени изменениями и с той разницей (если я не ошибаюсь), что о возвращении отдельного польского войска не было в проекте никакого намека. Другие, а преимущественно *Ставиский*, помещик всеми уважаемый, предложил проект *адреса, не определяя в нем условий* (adresu nieokreślonego), т. е. что в адресе следовало только сказать, «что нам не хорошо, что нами управляют несоответственно нашим потребностям и что мы желаем, дабы в будущем все наши дела пользовались большим покровительством правительства, нежели до сих пор». Мне говорили, что в этом проекте принимаемы были во внимание два совершенно противоречащие одно другому соображения и цели: *во-первых*, чтобы, не зная еще вполне расположения монарха, не заявлять определенных желаний, которые могут восстановить его против нас и как бы оскорбить; *во-вторых*, чтобы таким неопределенным адресом не связывать себя перед правительством никакими, так сказать, условиями и иметь через то на будущее время в резерве открытую дорогу просить о чем-либо более важном, чем конституция 1815 г. без войска, например об этом же войске и о соединении Литвы и Руси в одно целое с Царством Польским. Кроме того, в неопределенном адресе не говорилось, чем именно мы окончательно «будем довольны», при каких условиях, — и молчаливо, но для всех вразумительно допускалась возможность всегда обратиться к желаниям самобытной Польши в прежних ее границах, а следовательно, и к

мысли о революции. В адресе с точно определенными условиями, напротив, предполагалось ясно обозначить условия жизни, долженствующие нас связать с русским правительством и закрыть тем самым добровольно, с утверждением нашими же подписями, навсегда дорогу ко всем планам и стремлениям о самобытной Польше. Так по крайней мере в то время рассуждали, разбирая вопрос об адресах. Может быть, если бы кто-нибудь другой из лиц более известных в крае, а не маркграф Велепольский поддерживал проект адреса с ясно обозначенными условиями, может быть, говорю, он имел бы более приверженцев и больше шансов к успеху. Но маркграф*, тогда уже любимый всеми, не мог во мнении совещавшегося варшавского общества пересилить влияние Замоиского, Ставиского и других, поддерживавших проект адреса с неопределенными условиями, а потому окончательно общим мнением решено было принять адрес, составленный Стависким, и представить его князю Горчакову при посредничестве Замоиского, архиепископа Фиялковского, Майзелса и других лиц. Князь Горчаков, как известно, переслал этот адрес, и еще по телеграфу, государю императору.

Последуем далее. После такой до тех пор неслыханной у нас победы, одержанной безоружной толпой над правительством, наступил другой, новый порядок вещей. Дешевым способом вышла у нас революция, нигде не виданная; решительный переворот в правительственной политике и притом самый для нас благоприятный, какого только можно было ожидать. Но — увы! — какое невознаградимое несчастье, что этот переворот последовал не по инициативе правительства и даже не по инициативе какого-либо почтенного, хотя бы и не утвержденного законом общества, а по инициативе взволнованного народа, под напором домогательств уличной толпы, под напором революции!

Потеря правительством инициативы и уважения, свойственного власти, были неизбежны, очевидны и осязательны. Последствия такого положения дел были также неизбежны и плачевны.

Хотя манифестация 25 февраля и непосредственные ее последствия прощвели чрезмерное влияние и на население Варшавы и на весь край, однако же, влияние это не было бы так продолжительно и сильно, если бы мы не пользовались в течение 40 дней, а именно от 27 февраля до 8 апреля, так называемой *свободой безначалия* (*wolności bezrządowej*). Люди шутя и с иронией называют это время «временем республики», желая этим выразить ни чем не ограниченную свободу, отсутствие правительства и беспорядок, не имеющий никакого смысла и никакой пользы. За все это «время республики», если, с одной стороны, можно обвинять правительство, т. е. его бездействие и неслыханную, но действительно благородную снисходительность для нас князя Горчакова, то, с другой стороны, в гораздо большей степени падает за это вина и тяжкая перед краем ответственность на варшавскую интеллигенцию, только что вызванную к деятельности минувшими событиями, а в особенности на *Варшавскую делегацию*. Чтобы доказать, почему

.....

* Маркграф был известен нашему обществу как бывший дипломатический агент народного революционного правительства в Лондоне в 1831 г., как автор приписываемой ему брошюры, изданной после галицийской резни «Lettre d'un gentilhomme polonais au P[ri]nce Metternich», в которой ясно высказывается желание добровольного присоединения Польши к России, как человек гордый, вечный тяжбник ко вреду другим, как решительный приверженец русского правительства. Сверх того, он был нелюбим за удержание в своем имени библиотеки Свидзинского, которую Свидзинский по духовному завещанию предназначил в г. Варшаву для публичного пользования.

я приписываю этому времени такое важное значение и возлагаю главную за него ответственность на делегацию, полагаю уместным в самом же начале упомянуть, что эти 40 дней были источником, матерью и наставником всех позднее совершившихся происшествий, и, насколько позволит мне моя память, доказать это фактами. Из этих фактов главнейшие: действия делегации и бывшие в связи с нею действия *гражданской полиции* (*poliściej obywatelskiej*), и собрания в купеческом клубе.

Делегации, высылаемые после 25 февраля от народа (а вернее от манифестаторов) к князю Горчакову, успели уверить князя в необходимости устроить на некоторое время правительственную полицию и поручить управление делами в городе делегации. Делегация была принята и утверждена князем, в составе ее между прочими находились Крашевский, Кениг, Кроненберг, Майзельс, ксендз Вышинский, Байер, генерал Левинский и др. Заседания свои она имела в ратуше под председательством генерала Паулуччи. Тогда же для удержания порядка в городе также с дозволения князя делегация учредила зависящую только от нее так называемую Дирекцию охранения общественной безопасности и порядка (*Dyrekcja straży bezpieczeństwa i porządku publicznego*). Кто именно был в составе дирекции, теперь не помню, но довольно и того, что одним из директоров был Юргенс. Эта дирекция учредила род милиции из городской молодежи, по преимуществу канцелярской и школьной, между которой не редки были даже дети.

Эти-то магистратуры взяли на себя управление в городе.

Вопрос — что ж они делали, а собственно, что делала делегация? Слепые поклонники делегации вероятно скажут, что она вела переговоры с князем наместником, уволила несколько людей из цитадели, содействовала удалению директора Муханова, удержала порядок в городе. Но ведь для этого вовсе не надо было делегации, а тем более 40-дневного ее управления. Все это сделалось бы непременно само собою отчасти вследствие перемены у нас правительственной политики, отчасти несколькими переговорами с князем кого-либо из лиц, имеющих высшее положение и пользующихся нашим доверием, отчасти, наконец, всего этого достигнуть могла вполне даже прежняя полиция, переформированная только относительно личного своего состава.

По моему мнению, кто будет так смотреть на делегацию, никогда не увидит правды и никогда не поймет истинного ее для нас значения.

По моему мнению, делегация не совершила ровно ничего важного, полезного для города или для края; настоящие дела ее были манифестации; самая же деятельность ее была деятельностью собраний в купеческом клубе.

Далее, по моему мнению, говоря без всяких обиняков, делегация была аномальным, хаотическим учреждением, возникшим из хаоса и которое и вело к хаосу, бессмыслицей в политике, для которой никто не найдет названия в политическом словаре. Наконец, по моему мнению, было бы преувеличением, пристрастием и пустой декламацией отзываться о делегации, что она как следует сослужила стране; в течение 40 дней она ничего не делала, т. е. ничего реального, ничего основательного, ничего, что бы могло городу или стране доставить существенную пользу, а напротив того, она способствовала развитию бывшей только еще в зародыше агитации, произвела тысячи манифестаторов, произвела жалких, оторванных от школьной скамьи политиков, и сама, наконец, сделалась бессознательной, бессильной жертвой и слугой.

Этот предмет в глазах моих так важен, что считаю необходимым рассмотреть его несколько ближе. Итак:

1. Прежде всего рождается вопрос, была ли вообще какая-либо необходимость в делегации? Не стану вполне отвергать ее потому, что я не был свидетелем тогдашних событий, но допускаю, что то была одна из тех необыкновенных минут, какие везде на свете случаются и в которые обыкновенный существующий порядок вещей не удовлетворяет, что, следовательно, делегация действительно была необходимостью. Характер событий, крайне возбужденные чувства массы, шаткость и уступчивость князя Горчакова создали эту необходимость. Но, однако, смею утверждать и делаю упрек членам делегации в том, что они, принимая вверенные им должности, не определили или не хотели определить, не поняли или не хотели понять настоящего, истинного характера этого нового, необыкновенного учреждения. Они, по моему убеждению, как люди почтенные, достойные, разумные и опытные обязаны были знать, что власть, какая бы она ни была, нравится ли она или нет, нельзя безнаказанно отвергать, а необходимо или признавать ее, почитать и слушаться, или, ниспровергнув ее, поставить в тот же момент другую и эту последнюю признавать, почитать и ей повиноваться. Из этой политической азбуки следует то, что делегация должна была знать с первой минуты своего существования, а именно, что князь наместник есть главная власть в крае, которую уважать, почитать и слушать было обязанностью делегации, что генерал Паулуччи есть начальник города и полиции, что делегация не более как временный чиновник (*urzędnik chwilowy*), призванный на службу из среды общества вследствие чрезвычайных обстоятельств и при том только городской чиновник, только помощник генерала Паулуччи, помощник власти, если и не фактической, то легальной, которую сделать по возможности скорее фактической было обязанностью делегации*. Между тем, из общего характера действий делегации надо заключить, что все делалось наоборот. Делегация серьезно считала себя не только представителем взволнованной толпы (*ludu*), не только представителем города, но и представителем всего народа.

Делегация считала власть князя наместника какой-то воюющей стороной, противником, которого в открытом бою разбить нельзя и с которым потому надобно вести переговоры и торговаться.

Она считала своей обязанностью заниматься *de facto* всем и ничем, т. е. неопределенной общностью интересов края, которые, по ее убеждению, опирались на ее власть. Город и даже взволнованный народ она считала только своей армией, опорой своих действий, на которую всегда можно было сослаться и на которую делегация всегда и ссылалась. Под выражением «восстановление порядка в городе» она не понимала скорейшего возвращения жителей к мирным, обыкновенным занятиям, а детей и канцеляристов к книжкам и работе, а лишь наблюдение за тем, чтобы никто не показывался на улицах с оружием, хотя вперед была уверена, что и без нее никто не покажется.

Генерал Паулуччи не был в глазах делегации начальником полиции и города и *ее самой законным начальником* (потому что она считала себя главой всего и притом не на минуту, а на неограниченное время), *но пред-*

* Есть еще одно воззрение на обязанности и характер делегации: а именно, можно смотреть на нее, как на заговор против власти и существующего порядка вещей, форма которого, какая бы она ни была, но соответствовала времени, месту и другим обстоятельствам. Но я не допускаю, чтобы даже мысль о заговоре могла родиться в делегации и в умах почтенных консервативных ее членов. Она действовала с добрыми намерениями, хотя ничуть не хуже (если еще не лучше) хорошо устроенного и сознательно действующего заговора.

ставителем противной стороны. На князя наместника смотрела она, как на парламентаря, а иногда, если была надобность, как на ширму, как на такую личность, которою можно прикрыть то или другое свое домогательство, то или другое предприятие. Таков был характер делегации, так она сама его понимала, и так все на нее смотрели.

2. Если и допустить, что существование делегации вообще было необходимо, то никогда, однако же, никто не сумеет оправдать необходимости 40-дневного ее существования. Чрезвычайные волнения народа, случающиеся временами в разных местах света, продолжают обыкновенно дня два, редко более, после чего если не разум, то инстинкт непременно ведет к водворению нормального положения, соответствующего натуре человеческой. Смею утверждать, что мы в этом отношении не составляем исключения и что нарушенное происшествиями 25 и 27 февраля нормальное положение в Варшаве и могло и должно было возвратиться через несколько дней, например, после погребения пяти убитых. Для этого требовалось только, чтобы делегация захотела содействовать водворению этого нормального положения. Если бы делегация понимала свой характер и свои обязанности так, как я упомянул выше, если бы делегация считала движение 25 февраля *уже оконченным, свершенным, а резолюцию уже исполнившейся* (принимая похороны 3 марта за последнее удовлетворение взволнованного народа, даже за печать торжества революции), если бы делегация хотела употребить (как это она могла и должна была хотеть) все свое всемогущее в то время влияние для успокоения взволнованных умов, а не подсыщала и не оживляла беспрестанно агитации своими действиями, то, по моему убеждению, нет никакого сомнения, что после 3 марта, как я сказал, нормальное положение восстановилось бы среди городских жителей. Но — увы! — случилось не так, назначение и обязанности делегации представлялись ей в превратном свете, делегация не считала движение 25 февраля оконченным, а так, как и все, принимала его только началом движения, и несмотря на весь достойный уважения характер ее членов, на их рассудок и опытность, она в отношении сердца не различалась даже от самых молодых манифестаторов; она, как и все, терялась в облаках неопределенных чувств, она прельщалась, как и все мы, этим приливом религиозно-патриотических восторгов; она боялась выступить против них, боялась и не умела придать им надежное, определенное, разумное и соответствующее потребностям края направление. Мало того, она не только боялась и не умела успокоить взволнованных умов, не только об этом не заботилась и за это не принималась, но напротив того, продолжение волнения очевидно ей нравилось, и она его поддерживала. Отчего, например, делегация не только не прекратила многолюдных и хаотических собраний разного рода и степени политиков в купеческом клубе, а напротив, вполне одобряла их, являлась в эти собрания со своими *«рапортами»*, кокетничала с ними, называла себя их избранницей-депутаткой? А ведь ясно как день, что клуб был в то время пристанищем и центром агитации, мастерской будущих манифестаторов и заговорщиков, что именно из него выходили препятствия к успокоению города (о клубе буду говорить после). Потом, отчего, например, делегация хотела сама исполнять свою должность бесконечно, когда временное свойство ее учреждения было ей отлично известно! К чему эти легионы детей-полицаянтов и манифестаторов, которым весьма естественно нравилось ненормальное положение, потому что оно давало им возможность забавляться «в чиновники» и

«в великие люди». Коротко сказать, делегация могла и должна была самое большее после недельного своего существования сложить с себя свою обязанность, нужно было только захотеть, но делегация этого не хотела, потому что клуб, потому что полицианты-манифестаторы, одним словом, волнение (действительное или, как я думаю, только кажущееся) давали ей опору для действий, для ведения переговоров с князем Горчаковым, для представительства города и края.

3. Выше я упомянул, что делегация учредила стражу общественной безопасности и порядка; здесь же хочу сказать об этом учреждении несколько подробнее. Подобно тому, как я допускаю и минутную необходимость замены обыкновенной полиции гражданской стражей. И действительно, весьма легко могло случиться, что народ, глубоко тронутый и взволнованный предшествовавшей манифестацией и пролитой кровью, в течение нескольких первых после того дней приходил бы в раздражение при одном виде полиции, к которой и без того питал тысячи основательных и неосновательных претензий, и что поэтому во время больших сходок или собраний, как например, во время похорон 3 марта, могли бы оттого опять произойти грустные и даже кровавые столкновения. *На основании всего этого я допускаю кратковременное существование гражданской стражи, но, однако же, смею утверждать, что по миновании первых минут раздражения, например, после 3 марта, дальнейшее существование гражданской стражи было и не логично, и не нужно, и даже весьма вредно. Итак:*

а) Какая деятельность предстояла гражданской страже, какая именно особенная и чрезвычайная была в ней надобность после 3 марта? — Никакой. Нормальное положение в городе было нарушено не грабителями, не плутами и мошенниками, а вследствие сходок и сборищ, имевших политический характер, а в это время вовсе нечего было уже опасаться появления новых сборищ этого рода, лишь бы сама делегация чистосердечно хотела порядка, и уже обыкновенные средства (например, переформирование и перемена главнейших личностей в составе полиции) были бы даже слишком достаточны для этой цели*. И кому же поручено было охранять город от манифестаций и сборищ и возвратить нормальное состояние, утраченное вследствие подобных происшествий? Судя по составу гражданской стражи, остается отвечать, что никому другому, как самим же сочинителям, приверженцам и ревностнейшим участникам всех манифестаций. Чтобы ни говорили, но зная хоть немного состав стражи (а делегация знала его хорошо), сразу, в самом же начале, можно было предвидеть и предсказать, что она ни малейше не будет содействовать к успокоению умов, к прекращению манифестаций, а напротив, при первой возможности еще сама поможет устроить в городе какую-нибудь уличную историю. Все это не требует доказательств, — *манифестаторы, усмиряющие манифестаторов?! — очевидное отсутствие логики*, а результат этого несомненно не в пользу, а ко вреду нормального состояния**.

.....

* Надо помнить, что от похорон 3 марта до 7 апреля никаких значительных манифестаций не было, а случились только школьные выходки вроде кошачьей музыки и т. п., и отправлялись молебствия. И с тем и с другим полиция могла бы управиться. Впрочем, делегация и этих мелких фактов не предупреждала, хотя и имела к тому возможность и никто ей в этом не препятствовал.

** Попробую представить это примером. Положим, собралось несколько десятков любителей приключений, например, перед домом генерала Абрамовича. Выбивают ему ок-

б) Из каких элементов состояла стража до 3 марта, это второстепенный вопрос, хотя все-таки не лишенный некоторого значения, но после этого дня состав ее получает уже весьма важное значение, так как он был причиной весьма несчастных последствий.

Казалось, что делегация, придававшая великую важность вопросу о страже и знавшая нашу молодежь, живую, огненную, воспламеняющуюся при каждой патриотической мысли, при малейшем впечатлении чего-либо патриотического (и особенно в то время), казалось бы, что делегация учредит стражу из людей степенных, несколько старших по возрасту, и она могла это сделать (потому что людей было довольно, да впрочем, дело состояло не в числе) и должна была сделать, но делегация с преступным легкомыслием, преступным и в отношении правительства и в отношении края, этого именно не сделала. Значительное большинство стражи составляли празднующаяся молодежь, самые молодые канцеляристы, студенты академии и маримонтской школы¹ и ученики гимназий, нередко совершенные дети из самых низших классов. Можно бы подумать, что это пародия, и действительно пародия, над которой следовало бы только смеяться, если бы она за собой не влекла горестные последствия.

Из многих последствий упомяну только о двух, пропуская все остальные. *Во-первых*, делегация оторвала детей от науки и от труда; дети, весьма естественно, бросили то и другое с радостью как дело для них неприятное, спеша по воззванию избранной власти играть роль народных полициантов. К прежним занятиям по большей части они уже не возвратились, а по крайней мере уже не с той скромностью и охотой принимались за них, как прежде. *Во-вторых*, делегация приказывала этим детям разыгрывать несвойственную им роль, сделала из них политиков-молокососов (*smarkatemi politykami*). Дети, охранявшие общественную безопасность и порядок, начали заниматься политикой, начали резонировать и толковать о потребностях и судьбах края и считали себя достаточно способными к этому, и все благодаря тому, что делегация, избранная народная власть признала их способными к исполнению должностей, к исполнению гражданских обязанностей. И вот они без долгих хлопот, не достигнув достаточного возраста, не имея никакого общественного положения (*bez stanowiska*), без сведений, без труда доросли прямо до государственных людей. Сверх того, делегация, *сделавши детей преждевременно совершеннолетними*, сблизила их с народом, приказала этому столь послушному и столь готовому к самоотречению народу повиноваться им, вследствие чего народ привыкал к ним, безусловно слушался их, а впоследствии начал в самом деле верить им, не только когда они обращались к нему от имени отечества по приказанию делегации, но даже и после, когда они начали говорить от имени того же отечества, но уже по побуждению собственной пустой, делегацией вскруженной головы или по приказанию заговорщицкой власти (составленной почти из таких же, как

на и делают кошачью музыку. После исполнения этого дела прибегают несколько членов стражи с громкими криками: «что вы делаете, зачем вы здесь собрались, идите домой». Любители скандалов отвечают: «Мы ничего, проше панов, мы только пришли сделать ему кошачью музыку». «И прекрасно,— отзываются стражи общественного порядка,— он стоит этого, но так как вы уже совершили дело, то ступайте по домам, ведь вам известно, что собираться недозволено». «Идем, проше панов, мы только для этого сюда и пришли»,— отвечают авантюристы и расходятся по домам.

¹ *Маримонтская школа — высшая школа сельского и лесного хозяйства, находившаяся в Маримонте (в то время пригород Варшавы). Основана в 1818 г.*

они сами, политиков). Это, по моему убеждению, весьма великий грех, который на основании фактов смею приписать делегации.

в) Наконец, гражданская стража по самой природе своей (по составу своему), по общему духу, который делегация своими действиями поддерживала и, наконец, вследствие праздности и разыгравшейся страсти к политическому значению могла только содействовать и в самом деле содействовала возрастанию агитации и никак не успокоению ее.

4. В заключение постараюсь вспомнить, не было ли каких-нибудь полезных деяний, положительных фактов в течение 40-дневной так называемой свободы безначалия, которые бы можно было приписать делегации и ее органам — клубу и гражданской страже? Но по истине (если только не изменяет мне моя память) таких дел, таких фактов не было. Нельзя же в самом деле приписать ей удаление г. Муханова; сто делегаций не устранили бы его, если бы правительство не переменяло у нас своей политики, а с переменой этой и без делегации это устранение становилось необходимым, потому что г. Муханов был, так сказать, главной опорой старой системы. Нельзя также, если не приписывать делегации, то считать делом ее, имеющим особенное значение, содействие к освобождению из цитадели нескольких молодых людей, потому что для этого не было надобности в 40-дневном существовании делегации; в этом случае простое представление, сделанное князю Горчакову людьми более влиятельными в городе, могло дать тот же результат. Так называемое представительство (*representowanie*) города или края без дел и добрых результатов было пустым словом и ничем более, а парламентация с князем — преступной игрой в политику, преступной не только в отношении правительства, но и в отношении всего края.

Из всего вышесказанного в результате выходит: а) что существование такого рода учреждения, как делегация, было необходимо до 3 марта включительно и что действия ее в течение этого времени были хороши, положительны; б) что существование делегации и ее органов после 3 марта было совершенно излишне, а действия ее в течение этого времени были только отрицательные и вредные для края, если же и случались какие-нибудь положительные действия, то они в несравненной степени были пересилены и уничтожены большинством и значением действий отрицательных; и, наконец, в) что к отрицательным действиям делегации и их последствиям следует причислить: отнятие у власти страны остатка ее значения в глазах жителей (*odarcie z rzeszy uroku władzy krajowej*), вследствие беспрестанных, бесполезных и бессмысленных с ней торгов и парламентаций, *внушение* и *укрепление* в умах жителей пагубного убеждения, что полиция и другие органы, кроме назначаемых делегацией (т. е. кроме возникающих по выбору или по минутному желанию массы), действуют и могут действовать только ко вреду, только неприязненно для жителей, через что делегация сделала невозможным надлежащее и успешное отправление законной властью ее деятельности *, *не успокоение* (что было обязанностью делегации) взволно-

* А это было весьма благоприятное время, в которое делегация много могла сделать действительно полезного для края. Так, например, вместо делегационных милиционеров разве не было полезнее, если бы делегация, совместно с генералом Паулуччи, всегда готовым ходатайствовать обо всем у князя, пересмотрела существующую полицию, переменяла, где действительно было необходимо, полицейские правила, позаботилась о замене главных личностей (а хотя бы и второстепенных — исполнителей), пополнила ее состав назначением соответственных лиц по своему выбору и представлению и если бы внушила, да наконец и приказала (тогда и это она могла сделать) жителям повиноваться этой переформирован-

ванных умов и политической противоправительственной агитации, а поддержание их и *учинение волнения и агитации нормальным положением жителей* и, наконец, выработка тем самым в широких размерах манифестационного материала и *создание* самих орудий, т. е. манифестаторов, псевдополитиков, безбородых предводителей толпы и (по неизбежной последовательности) заговорщиков. (Все это в особенности благодаря заседаниям в клубе и детям-полицаям.)

Вот что, по моему убеждению, с полной добросовестностью сказать можно о делегации и о ее действиях, и таково значение ее в развитии нашей жизни. И я совершенно смело, по чувству справедливости отнимаю и срываю титул «хорошей заслуги для края», который вздумали придать делегации идиллисты, но не политики. По моему мнению (как то я и старался выше доказать), она принесла вред, наделала много грехов в отношении края и составляет одну из важнейших станций на нашей революционной дороге; хотя вместе с тем нужно сказать, что все это зло она совершила, имея одни только добрые намерения.

Под таким-то управлением делегации прожили мы в Варшаве, как было сказано, 40 дней.

Из главнейших происшествий и явлений этого времени следует заметить следующие.

Во-первых, похороны 3 марта пяти павших во время первой манифестации. Об этом распространяться слишком не буду; довольно сказать, что в этом торжестве принимало участие более 100 000 людей всех сословий и исповеданий, что многочисленное духовенство разных исповеданий под предводительством архиепископа Фиалковского, несмотря на свои религиозные различия, находилось в полнейшей гармонии, что порядок в этот день, охраняемый вновь сформированной гражданской стражей, не был ничем нарушен и, что, наконец, из всей правительственной полиции находился там один только генерал Паулуччи с любимой всеми в Варшаве пожарной командой, а войска вовсе не было видно. Одним словом, это было великолепное торжество, дотоле невиданное и неслыханное, и возможность которого нельзя было допустить за несколько дней перед этим; характер этого торжества был по преимуществу религиозный, хотя не чуждый и политики. В политическом отношении Варшава этим торжеством, отдавая последний долг пяти своим братьям, жертвам 27 февраля, без сомнения, самым невиннейшим из всех манифестаторов, вместе с тем праздновала действительно знаменитое торжество слабой и безоружной уличной толпы над правительственной силой. (Замечу мимоходом, что факт этот, поверхностно и для краткости только в общих чертах мною рассказанный, очень важен, и в свое время имел большое влияние. Минувя все прочее, довольно сказать, что ничто не придает столько смелости и дерзости слабому и бессильному, как неожиданное торжество над действительной и страшной силой, с которой меряться он даже не мечтал. Это род политического опьянения.)

После 3 марта до 7 апреля не замечаем в Варшаве ни одной более значительной манифестации, но совершенно прекратиться они не могли по самому положению вещей в Варшаве, т. е., как я уже сказал, вследствие слабости (а может быть, можно сказать, отсутствия) правительства и вследствие действий делегации. Из манифестационных (хотя меньших размеров) явлений того времени стоит вспомнить только о некоторых.

.....
ной полиции. Делегация могла это сделать, времени было слишком достаточно, а дело было важно и не терпело отлагательства, и однако же она этого не сделала.

Важнейшей в моих глазах и, так сказать, непрерывной манифестацией были *собрания в купеческом клубе* (zebrańia w resursie kupieckiej). Там собирались ежедневно и особенно по вечерам члены и нечлены клуба (а по большей части нечлены) разных сословий, возрастов и умов; упоенные одержанной недавно победой, имея своих представителей и как бы свою власть в делегации, они судили-рядили о положении дел и об интересах края. Не было там ни складу ни ладу, без сомнения, и смысла было немного, но толковалось обо всем, не исключая восстания, вовсе не стесняясь никакими условиями цензуры или полиции. Собрания эти третировали правительство без церемонии и без всяких обиняков как неприятеля страны и главнейшим вопросом их рассуждений было: что предпринять потом? как далее поступить, чтобы поскорее отделаться от этого неприятеля?*. Непосредственного результата от этих прений, весьма естественно, не было никакого, но они должны были повести (при других обстоятельствах того времени) к несомненным и важным отдаленным последствиям. Итак (говоря кратко и просто), бывшая до того времени агитация не только не могла прекратиться, а напротив, возникла новая и тем более важная, что она имела уже определенно-революционный характер. В клубе мы пришли к убеждению, что нам теперь нечего хлопотать о так или иначе понимаемом общем благе страны, которое, например, имел в виду при первой манифестации Юргенс, а о восстании и что все обстоятельства, все действия правительства и наши должны быть только ближайшим или дальнейшим средством к достижению этой главной и единственной цели. Не хотелось бы мне долго останавливаться на этом предмете, но опасаясь также быть не ясным и дурно понятым. Итак, вышесказанными словами я ничуть не хочу утверждать, что в клубе *постановлено* было не прекращать агитаций, что *постановлено* было во что бы то ни стало стремиться к восстанию, вовсе нет; в таких клубах, по моему мнению, никогда ничего определенного не постановляется, а в нашем тогдашнем могла быть постановлена разве какая-нибудь нелепость; я только утверждаю, что клубные собрания по самой натуре своей и по своей продолжительности неизбежно должны были выработать *неопределенные революционные стремления* (тем более для нас опасные вследствие своей неопределенности). Там, надо припомнить, сходились старые и молодые дети катехизиса, да еще после недавнего его прочтения (а именно, как выше было объяснено, в промежуток времени от восшествия на престол императора Александра II до манифестаций); эти дети были в опьянении от одержанной

.....

* Рассказывали мне следующий эпизод из клубных совещаний. Однажды вечером молодые люди, а в особенности всеми любимый, пламенный, чистосердечный фанатик Карл Новаковский (только что освобожденный из цитадели после кратковременного ареста), проповедывали идею немедленного восстания. Молодым энтузиастам казалось, что в тогдашнюю минуту, когда в крае было мало войска (в Варшаве, кажется, всего только 7 тысяч), можно было одним великим порывом, одной великой манифестационной лавой подавить и победить это войско, а пока правительство, как выражались они, опомнится, пока подойдут к нему свежие силы, революция наша уже будет готова к борьбе и совершенно будет организована. Основываясь на этой-то фантазии, Новаковский предлагал в клубе путем великой торжественной манифестации как можно скорее устроить внезапную атаку на цитадель, наводнить ее наскоро вооруженным и воодушевленным народом, обезоружить или разбить гарнизон и, завладев Варшавой, в то же время разослать агентов в провинции для поднятия всеобщего восстания. Но более благоразумные голоса, а в особенности, как мне говорили, голос Рупрехта не только не дал распространиться этой бешеной идее, но даже успел разубедить самого Новаковского и склонить его к оставлению своей мечты. Я вспомнил об этом случае, собственно, для того только, чтобы яснее показать характер и направление клуба; люди не стеснялись ничем, и как мы видели, были совершенно без церемонии.

победы, и они сразу поставили себя на шаткое основание, представляя *уммышленно-неопределенный* адрес; далее, эти дети после 3 марта очутились в оригинальной обстановке, в которой правительственной власти *de facto* не было, а *существовавшая власть*, т. е. делегация, почитала себя не чиновником правительства, а воюющей стороной; наконец, эти дети нашего катехизиса не были ничем стесняемы и пользовались неограниченной свободой слова и дела. Собрания таких детей, так приготовленных и так настроенных, при таких обстоятельствах и тем более при двухнедельном их существовании необходимо и неизбежно по самой природе вещей должны были содействовать к выработанию стремлений, а отчасти даже и общих убеждений *в духе катехизиса*. А именно: *во-первых*, что восстание составляет нашу главную, окончательную цель; *во-вторых*, что все то, что до того времени будет делаться, имеет значение не более как временных, преходящих фактов или вовсе бесцельных, или служащих средством к достижению главной цели; *в-третьих*, что минувшие события составляют не конец, а *начало*, — чего именно? — они не определяли, но в духе и настроении всех лежал ответ, — революции. Итак, не следует восставать против этого манифестационного стремления, против этого всеми любимого деятеля, потому что он возник из патристического чувства, и хотя неизвестно куда стремится но, без сомнения, к благу, к свободной Польше. Выражаясь короче, клубные собрания делали невозможным прекращение бывшей до того времени неопределенной агитации, а породили агитацию определенную, революционную, *определенную не по действиям, а по своему характеру**.

И этого-то клуба, хаотически совещающегося о судьбах края, делегация не только не закрыла, а по крайней мере не старалась ввести его в границы, установленные уставом этого общества, но покровительствовала ему, одобряла его, опиралась на него, почитала его одним из главных органов своей деятельности. Сверх сего, там же, если не ошибаюсь, заседала дирекция гражданской полиции или какая-то другая полицейская власть, там принимаемы были рапорты и отдавались приказания.

Другим замечательным явлением того времени было решительное сближение и даже, можно сказать, братство между христианским и еврейским населением. Инициатива Шленкера была по последствиям своим весьма плодovitа. Старшие по возрасту и по положению евреи пошли за общим движением, руководясь при этом разумом и хорошо понятным собственным интересом, а молодежь, хоть сколько-нибудь образованная, любила уже эту землю, как свою собственную, и с величайшей радостью приняла протянутую ей братскую руку христианина; наконец, все вообще без изъятия под всемогущим обаятельным влиянием минуты решительно, душой и телом

.....

* Этим хочу сказать, что с того времени молодые люди, делавшие манифестации, не имели в виду (по моему убеждению) какой-либо практической цели и также не имели исключительно в виду невинной цели пробуждения народных преданий, а явственно и преимущественно стремились к тому, чтобы вести войну с правительством, чтобы «москалям наперекор сделать», с убеждением или с юношеским инстинктом, что манифестации поведут к революции. Но каким образом могут они привести к революции, этого они еще не понимали. Вот почему я и употребил выражение — «по характеру своему», а не по действиям; действия предполагают сознание, а здесь сознания не было; если бы существовало сознание, то не было бы бесконечных, а нередко и бессмысленных манифестаций, а сразу устроился бы заговор, сознательно стремящийся к цели, и появилась бы революционная организация. Но заговора в это время еще не было, это были еще приготовления. Люди только учились, и, как видим, делегация, клуб и полицейские десятки давали нашей молодежи очень хорошую лекцию и наилучшим образом готовяли почву.

присоединились к движению Варшавы, к движению всего края, и со времени похорон (3 марта) шли рука об руку с жителями других исповеданий и принимали участие во всех без исключения манифестациях. Были даже в течение манифестационного периода минуты, в которые замечалось совершеннейшее слияние евреев с христианами, в которые исчезала даже мысль о различии веры; так, например, во время кровавой катастрофы 8 апреля еврей из бедного сословия схватил крест из рук падающего от ран молодого христианина (кажется, Карла Новаковского) и держал его поднятым посреди толпы до тех пор, пока сам не был сражен пулей.

Не хочу и не могу ради краткости долго останавливаться на этом столь важном у нас и действительно любопытном предмете, но, однако же, не могу миновать его потому, что с тех пор евреи составляют также важный манифестационный элемент, и даже сами, без инициативы христиан, совершали дела, имевшие некоторое значение.

Так, например, в период до 8 апреля припоминаю два такие факта:

Первым из них был циркуляр, теперь уже не помню, от кагала ли варшавского, или вообще от всей здешней еврейской гмины к евреям всего края. Этот циркуляр, весьма основательно составленный, исполненный дружеских чувств к христианскому населению, увещевает евреев к решительному содействию христианам, сваливает бывшие свои до тех пор беды почти исключительно на правительство и вообще настроен враждебно к правительству, а г. Муханова даже без церемонии называют сатанинским врагом («szatański wrogiem»). Этот циркуляр не мог остаться без влияния; Варшава — столица, и потому здешний кагал, несмотря на независимость гмин у евреев, имеет значение первенства, как бы первосвященства.

Другим фактом было молебствие, устроенное евреями при гробе давно умершего раввина Эйзенбаума, человека всеми любимого, уважаемого и почитаемого почти за пророка. Эйзенбаум и трудами всей своей жизни, и поучениями, и предсмертным завещанием заповедал своим единоверцам дружбу и единодушие с христианами и любовь к Польше, как к своему собственному отечеству. И вот в годовщину смерти *пророка-раввина* евреи торжественным при его гробе молебствием хотели засвидетельствовать, что уже свершились его советы и желания. Это была одна из меньших, но вместе с тем одна из прекраснейших манифестаций. В то же самое время христиане, собравшись в стороне, небольшой кучкой, пели гимны при гробе пяти павших 27 февраля; услышав пение евреев при гробе Эйзенбаума, они соединились с ними, и когда узнали цель и мысль торжества, то среди общего воспевания при взаимных объятиях и слезах умиления поклялись одни другим в вечной братской любви.

Припоминаю еще третий мелкий факт исключительно еврейский, а именно кошачью музыку, устроенную цензору еврейских книг Тугендгольду.

Воспоминание о сближении евреев с христианами оканчиваю замечанием, что это сближение было манифестационным перлом, ибо идея равноправности в отношении к еврейскому сословию с тех пор сделалась во всем крае живым фактом. Старые предрассудки, существовавшие, бесспорно, с обеих сторон, предрассудки, которые еще так недавно были довольно заметны, рушились и погибли под влиянием чувства, а правительство вслед за тем утвердило этот факт с существенной для края пользой и весьма своевременно и искусно, облекая его в писанный закон, хотя и не вполне удовлетворяющий требованиям обстоятельств.

Далее, должен я упомянуть, что в то время наши манифестации вообще и исключительно проявляются, с одной стороны, в разных молебствиях, то при гробе пяти убитых, то в костелах и синагогах, то на площадях перед фигурами святых; с другой стороны, в уличных скандалах, в выбивании окон, в кошачьих музыках, в анонимных письмах, пересылаемых по городской почте, и вообще в оскорблении личностей всеми нелюбимых и ненавидимых.

Не могу при этом не напомнить, что общая ненависть к г. Муханову усиливалась с каждым днем и дошла до крайности действительно для него опасной. Причиной этого был какой-то циркуляр, изданный в то время г. Мухановым по крестьянскому делу. Этот циркуляр, по общему тогда убеждению, имел целью только раздражить, восстановить и возбудить в крестьянах ненависть к панам, не улучшая ни в чем их взаимных отношений. От того-то устранение ненавидимого сановника было принято как настоящий народный праздник, и весть об этом встречена была бесконечными виватами, знаками радости и торжества, и только благодаря скрытному выезду г. Муханова из Варшавы он уклонился от неизбежного скандала, а могло статься и от печальной катастрофы.

К вышеизложенному общему описанию манифестационного у нас движения до 7 апреля следует еще прибавить, что мы пользовались во всех отношениях свободой ничем не ограниченной, полиции не было, цензура не существовала, все говорили, читали, писали и делали все, что кому только хотелось, а наиболее, конечно, то, что согласно было с началами народного катехизиса; что в это время мы носили беспрепятственно народные костюмы; что постепенно более и более распространялась и принималась мысль о всеобщем в крае трауре, об оставлении танцев, общественных удовольствий, театров и проч. и что тогда уже начали показываться плакаты, объявления, короткие статейки и песни, печатанные, как кажется, еще в обыкновенных явных типографиях и литографиях.

Все это доказывает, что все манифестации, бывшие в течение этих нескольких недель, были слабы и совершались в малых размерах и что они могли прекратиться и, без сомнения, прекратились бы, если бы о том постарались серьезно и со смыслом; что, однако же, вследствие вышеизъясненных причин, они прекратиться не могли, а вследствие непрестанной агитации сделались нормальным состоянием и постепенно принимали направленные решительно враждебное правительству — революционное, не представляя никакой существенной пользы для края или города, а, напротив, принося им неоспоримый вред.

Затем следуют еще две важные манифестации в этом периоде, а, именно 7 апреля и 8 апреля.

Но прежде чем говорить о них, считаю необходимым взглянуть на действия правительства после первой манифестации.

Хотя во всем, что я сказал о манифестационном периоде, нет никакой обстоятельной критики, но, однако же, надеюсь, что никто из читающих эти строки не упрекнет меня в том, что я был слеп и не хотел видеть наших заблуждений и грехов. С полным убеждением повторяю, что прежде всего и больше всего мы сами (а особенно люди, имевшие право и святую обязанность руководить в такое время современниками), мы сами к наибольшему вреду для собственного края действовали ниже всякой критики и с самого первого шага (с адреса) наделали ряд пагубных промахов.

Наша интеллигенция вместо того, чтобы благоразумно воспользоваться минутой, которую приходилось поджидать целых 30 лет, вместо того, чтобы

принять протянутую нам руку князя Горчакова, протянутую со всей искренностью, добросердечием и благородством, и принять ее с такой же искренностью и с таким же радушием, вместо того, чтобы поддержать правительство в его добрых для нас и искренних намерениях, благоразумно помогать ему, давать благоразумные советы, а хотя бы даже и требовать от него, но только благоразумных, определенных прав, реформ и институций, необходимых для края, вместо всего этого наша интеллигенция позволила увлечь себя юношескому пылу манифестаторов, остановилась в тумане неопределенности, не дала себе даже отчета в положении края и в том, что ей следовало делать, забавляясь в клубы и в правления и не сделала ни одного рационального и полезного шага; она прогуляла (zmarowała) 40 дней и произвела революционную агитацию, которой суждено было вскоре привести своих путеводителей как бы в отпущение за соделанные ими грехи к плачевнейшему положению, т. е. к положению бессознательной (baganiej), мимовольной жертвы.

Но смотря беспристрастными глазами на действия моих собратьев, не могу также не заявить моего мнения о тогдашних действиях правительства.

Как бы ни действовало общество, но независимо от этого действия на правительстве все же лежали обязанности не только в отношении к государству и к верховной власти, но и в отношении к нам самим.

Этих обязанностей, по моему убеждению, правительство Царства Польского не выполнило. Ошибки правительства были неизбежны, как последствия прошедшего, как последствия современного незнания общества, его духа, стремлений, действующих пружин, как последствия недостатка всяких верных орудий, органов и средств, как последствия недостатка системы, потери инициативы, потери всякой связи с обществом и т. п.

Отсюда происходили все те ошибочные действия князя Горчакова в первые минуты и в первые дни манифестационного движения, которые из всех тогдашних действий правительства как бы сами собой бросаются в глаза, а именно: правительство знало о движении и не предупредило его, не подавило в самом начале и не сумело выйти из него победоносно, хотя имело к тому все средства и полную возможность.

Далее, правительство признало справедливым все нарекания и критики, направленные против него и его органов, т. е. признало себя дурным и не соответственным, добровольно потеряло свое значение и дотоле ненарушимое достоинство власти, допустило вырвать у себя из рук власть в городе самозванцам (по моему мнению, не иначе можно смотреть на делегацию с правительственной точки зрения), происшедшим из самого же движения, и наконец, что было самое важное в эту минуту и что произошло как следствие предыдущих ошибок,— правительство признало движение основательным и нужным.

Таковы, по моему мнению, ошибки правительства до дня 3 марта.

После 3 марта первой ближайшей и великой ошибкой было оставление делегации, клуба и делегационной полиции, когда по принятым на всем свете правилам правительство обязано было уничтожить эти органы и могло это сделать, если не тотчас, вслед за похоронами, то самое большее через несколько дней после них. Не уничтоживши этих органов, правительство неизбежно должно разделить с нами ответственность за последствия сорокадневного безначалия, потому что этим путем оно узаконило (legalizował) манифестационное движение и учреждало от себя законные органы для дальнейшего и уже опаснейшего, ибо явственно революционного, вырабаты-

вания враждебной ему самому агитации. Как делегация, так равно и дети-полицьянты и политики-клубисты произошли из движения, характер которого был уже известен, следовательно, продолжительное существование этих органов, происшедших из неприязненного правительству элемента, органов, не имевших ни определенного значения, ни определенных прав и обязанностей, органов, которые не были в руках правительства и не подлежали строгой ответственности ни перед правительством, ни перед законом, органов, наконец, которые даже во время своего существования явно были, если не враждебны, то неприязненны правительственным началам, — повторяю, что продолжительное их существование не могло по природе вещей и по ненарушимому закону последовательности действовать иначе, как только к развитию того элемента и духа, из которого они сами произошли *, и тем сильнее, что все эти органы действовали явно, открыто, всеми путями, под опекой правительства, без всякого опасения и без помехи. Все это ясно и неопровержимо, хотя очень печально.

Другой важной ошибкой правительства было, что правительство вело переговоры с такого рода органом, как делегация, а посредством ее с клубом и с нашими полицьянтами и дозволяло своим главным чиновникам, например, генералу Паулуччи, делать то же и даже более, а именно, давать им отчет и объясняться насчет своих действий (tłumaczyć się z działań swoich)**. Результатом этого (и особенно при продолжительном существовании делегации) было между прочим то, что: а) жители привыкали к необходимости какого-то смешанного, посредничающего учреждения между собой и правительством, как будто само правительство непосредственно не могло действовать к пользе и удовлетворению их; б) такое положение дел в глазах наших безрассудных политиков, склонных вообще к недоверию, с одной стороны, придавало действиям правительства и перемене политики характер шаткости и неискренности, а с другой стороны, приучало тех же наших политиков к убеждению, что правительство не действует с добрым намерением и решительно, а только под напором разных влияний и требований (domagań się), а это в свою очередь породило в их головах теорию беспрерывного домогательства (результаты такого убеждения видны в адресах «ламбертовском» и «Замойского»); в) разные сделки и объяснения (kompromisy i tłumaczenia się) по естественному ходу вещей должны были содействовать постепенной утрате властью ее достоинства и в результате увеличивать агитацию.

Третьей и, может быть, важнейшей ошибкой было совершеннейшее бездействие правительства, продолжавшееся несколько недель. Принимая во внимание положение, в каком находилось правительство в минуту движения, а также силу и быстроту этого движения, трудно было требовать тогда от правительства энергической деятельности, но с другой стороны, самая эта быстрота и сила движения, как равно первоначальные действия князя Горчакова, вызванные этим движением, сильно понуждали к быстрым пере-

* Десятки и сотни, на которые подразделялась гражданская стража, были первым образцом для десятков и сотен заговорщицкой организации.

** Припоминаю, например, что генерал Паулуччи давал делегации письменные подробные сведения о положении дел разных обвиненных в цитадели, об обхождении с заключенными и проч. Если бы правительство делало это в обыкновенное время, по собственному усмотрению, положим, для перехода к гласному судопроизводству, то это дало бы только добрые последствия, но в тогдашнее время такой шаг, вследствие требований делегации, был действительно только объяснением со стороны власти (tłumaczeniem się władzy), и так это всеми принималось.

менам, а по крайней мере требовали твердой и неусыпной деятельности власти на новом пути, с первой же минуты требовали от правительства немедленного выхода из временного замешательства и из переходного состояния на ясно и точно обозначенный путь деятельности.

К сожалению, всего этого не случилось; последствия же такого замешательства, нерешительности, отлагательства неминуемо должны были выйти неблагоприятные и вредные.

Между прочим, это бездействие и нерешительность правительства вынуждали его терпеть делегацию и ее полицию, допускать все, смотреть и не видеть, слушать и не слышать, что вокруг делалось. Таковы были, по моему убеждению, главнейшие ошибки правительства.

Надо еще заметить (о чем подробнее буду говорить ниже), что манифестационное движение из Варшавы распространилось по всему краю и что правительство в то же самое время и в провинциях поступало так же, как и в столице.

Таково было положение вещей, и таковы в общем очерке события в нашем крае от 25 февраля до 7 апреля, т. е. в самое важнейшее время манифестационного периода. Это короткое время дало ничем уже ненарушимое и постепенно развивающееся основание для последовавших происшествий.

В то время, как все это происходило в Варшаве, один из замечательных людей нашего края и, как оказалось, самый деятельный и самый энергичный из всех наших политиков, нелюбимый маркиз Велепольский понял тогдашнюю минуту, вполне понял ее великое значение для Польши. Вместе с тем он знал, как оказалось, наилучшим образом положение и наше, и вообще всего государства, и политику ныне царствующего государя.

Когда Агрономическое общество и город отвергли его проект адреса, маркиз немедленно отправился в Петербург, чтобы лично предложить его величеству свою опытность, свои сведения и свою деятельность на поприще новой правительственной политики, представляя вместе с тем свои соображения о наиболее соответственной системе внутреннего управления в Царстве Польском. Достоверно неизвестно, какой именно был проект маркиза Велепольского и был ли этот проект вполне или только частью принят верховной властью за основание будущих действий, но довольно и того, что по возвращении маркиза из Петербурга, в первых числах апреля, мы имели уже ясную и точно определенную систему внутреннего управления и что в то же время маркиз сделался душой, если нельзя сказать, главой новой системы. Идея этой системы состояла, как известно, *в совершеннейшей автономии внутреннего управления, централизующейся в верховной власти монарха единственно через посредство царского наместника и статс-секретаря в Петербурге.*

Администрация края перестала быть зависимой от государственных министерств. Законодательные проекты должны были изготовляться в самом крае для высочайшего утверждения. Жители были допущены к довольно обширному участию в управлении местными делами: городскими, уездными и губернскими, а также к контролю местной администрации. Осью, так сказать, этой системы были Государственный совет (*Rada stanu*) и местные выборные уездные и губернские советы.

Эта система могла быть развиваема и дополняема, например сеймом, и неоспоримо, что идея развития и дополнения заключалась в самом ее духе; с самого же начала можно было ее предвидеть, и даже само правительство неоднократно высказывалось насчет будущего развития и дополнения при-

нятой системы, если не прямо, то косвенно. Как бы то ни было, но эта система, по глубокому моему убеждению, совершенно соответствовала нашим потребностям и была вполне удовлетворительна. Не хочу этим сказать, что сейм мог быть вреден для края, — вовсе нет, я имею здесь в виду только ту идею, что в пределах и на основании дарованных нам монархом льгот мы могли уже, даже с избытком, все и каждый трудиться с пользой для себя, что эти льготы были уже несомненным ручательством будущей деятельности правительства по части реформ в законодательстве; скажу даже более, а именно, что Государственный и выборные советы были необходимым и с положением края сообразным переходом к такому учреждению, как сейм. Предварительное устройство разных отношений в крае и некоторое подготовление и практика в существовавших учреждениях были, хотя на короткое время, необходимо нужны и полезны для перехода к сейму.

С принятием только что описанной системы за основание управления правительство вышло из прежнего бездействия.

Учреждена была комиссия вероисповеданий и общественного просвещения, и маркиз Велепольский назначен ее первым директором, исполняя вместе с тем временно обязанности главного директора в комиссии юстиции.

При этом не могу пройти молчанием факта мелкого, но не без некоторого значения в тогдашних обстоятельствах, а именно, речи маркиза к духовенству при вступлении в должность директора вероисповеданий. Новый директор, строго осуждая в этой речи прежнее поведение ксендзов, заметил им, что «не потерпит правительства в правительстве» («nie ścierpi Rządu w Rządzie»).

Почти в то же время последовало уничтожение делегации, распускание гражданской стражи и совершенное закрытие Агрономического общества. Но непосредственно за этими правительственными распоряжениями следовали: сперва манифестация или публичная орация более чем двадцатитысячной толпы, сделанная Агрономическому обществу и его председателю графу Андрею Замойскому 7 апреля, и потом катастрофа 8 апреля перед замком, окончившаяся сотнями жертв убитых и раненых.

Для лучшего уразумения этих печальных происшествий, ни малейше их не оправдывая, считаю необходимым включить сюда некоторые замечания.

а) 40 дней без правительства, без власти, 40 дней делегационной «республики» бросили свои зерна и пустили свои корни довольно глубоко.

Следствие и наших действий, и действий правительства агитация возросла и развилась вполне, и развилась к худшему, потому что стала уже явно неприязненной правительству, революционной и что в собственных чиновниках она имела лучших своих учителей-предводителей. Вместе с тем и народ, избалованный тогдашним порядком вещей, привык к беспорядочной жизни и начал считать ее нормальным положением, привык к своим чиновникам, к своим полицьянтам и делегатам и смотрел на эти учреждения, как на нечто очень важное и необходимое. Это, впрочем, и естественно; народ всегда и везде верен себе, а тем более наш народ, который в течение 40 дней учился всему этому явно, фактами, при посредстве снисходительной для него власти; а что он не понимал ни этой власти, ни характера ее действий, ни положения края, тому нечего удивляться, потому что трудно требовать от народа подобных благоразумных и основательных суждений.

б) Преступная наша интеллигенция с непонятным почти для меня легкомыслием, получив склонность (*zasmakowawszy*) к состоянию хаоса, которое давало ей кажущуюся власть, также не торопилась выйти из такого милого

опьянения и выпустить из рук своих мыльный пузырь. Сверх того, привыкнув к болтливой и всесторонней гласности, не доверяя правительству и *не желая ему верить*, она непременно хотела, чтобы правительство исповедовалось перед нею во всех своих помыслах и предприятиях, а между тем правительство не спросясь дунуло на мыльный пузырь делегационной власти и вовсе не исповедовалось.

в) Маркиз Велепольский вообще был не любим отчасти за прежнее свое поведение, отчасти по другим, как я полагаю, более важным причинам. Эти более важные причины, говоря без обиняков, были следующие: *во-первых*, маркиз был всегда (по крайней мере таким он представлялся) приверженцем России и русского правительства; *во-вторых*, он воевал со всей массой тогдашней интеллигенции, с любителями *неопределенности* (nieokreśloności), имевшими своих представителей в Агрономическом обществе и в городской делегации с ее друзьями. Сверх того, как высокомерно гордый вельможа, он ни во что ставил шляхту («promiatał bracią szlachtą») и всех *parvenus*^a, а редко кто не был *parveni* в понятиях маркиза*; *в-третьих*, маркиз находился в неприязни с графом Андреем Замойским, человеком, пользовавшимся в то время большим уважением и значением.

Вследствие всего этого г. Велепольский, делаясь главным деятелем правительства, оскорблял тем самым всеобщие уже в то время чувства и стремления к независимости Польши, а тем самым и всех манифестаторов, оскорблял своей победой нашу интеллигенцию (любителей неопределенности), которая, как кажется, пребывала в сладостном упоении, что с переменой политики власть будет вверена людям из ее среды; оскорблял, наконец, г. Замойского, который весьма, быть может, имел тогда надежду занять пост, который был занят теперь его счастливым противником**.

После этих кратких замечаний обращаюсь к актам правительства 6 и 7 апреля и к последовавшим за ними манифестациям. Весьма может быть, что мое мнение ошибочно, но на основании вышеизложенных соображений и на основании некоторого знакомства с тогдашними обстоятельствами я полагаю, что правительственные акты того времени, хотя *вообще неопровержимо основательные и необходимые*, исполнены были слишком насильственно. Т. е. я хочу сказать, что во внимание к тогдашней распущенности народа и всех наших разумных и неразумных людей, происходившей вслед-

* Кстати здесь вспомнить, что маркиз до глубины души оскорблен был этими *parvenus*. Еще перед манифестациями он желал быть членом Агрономического общества, но общество не приняло его в свой состав. Подобной обиды люди, как г. Велепольский, не забывают.

** Об анахронической уже в XIX в. вражде двух домов я упоминаю только единственно на основании общественного мнения, а следовательно, может быть, и ошибочно. Но как бы то ни было, не подлежит сомнению, что граф Замойский разделял общее предубеждение против маркграфа Велепольского и всегда был неприязненно к нему настроен. По моему личному предположению, граф Замойский имел надежду или желание (по крайней мере сначала) занять одну из главнейших должностей в Царстве (только бы выше маркиза Велепольского), которая бы давала ему возможность иметь влияние на дела края. Такое предположение, хотя бы оно оказалось и неверным, нисколько не может быть оскорбительно для графа Замойского, ибо этого рода честолюбие не только не признается неуместным, но даже по понятиям о гражданском долге — оно требуется от гражданина, лишь бы только способности ищущего лица давали ему на то право. Повсюду на свете люди явно домогаются и добиваются власти, и это ничуть не предосудительно для них. Но если графу Замойскому (как я полагаю) в самом деле не были чужды виды на власть, то в таком случае (замечу мимоходом) нельзя не усмотреть или слишком много гордости, или бездарности в его уверенности, что эта власть сама придет ему в руки, без хлопот и стараний.

^a *Parveni* — *выскачка* (франц.).

ствии 40-дневного замешательства и неурядицы, а также во внимание ко всеобщему настроению жителей, выработанным ошибками и правительства и нашими, следовало бы приведение в исполнение этих актов сделать не вдруг, а постепенно, после некоторого предварительного приготовления и с некоторой необходимой сноровкой, тем более, что положение вещей в городе и настроение умов были правительству известны и что правительство в продолжение 40 дней находилось в оригинальных и несообразных отношениях к жителям. Итак, справедливо осуждая в своей речи наше духовенство, маркиз в самом вступлении неловко и неосновательно погрозил, что не потерпит правительства в правительстве (*rzędu w rządzie*); неловко потому, что мог бы и не говоря делать свое дело, неосновательно потому, что наше духовенство, особенно в то время, никак нельзя было упрекнуть в том, что оно желало установить правительство в правительстве, для этого не имелось даже необходимых способностей и материалов; для манифестаций и даже для заговоров материал был всегда наготове и даже весьма богатый, но никогда его не было для каких-либо предприятий серьезно политических, большого значения, правительственных, как, например, в Бельгии. Потому-то тотчас, в самом вступлении, маркиз решительно оскорбил нейтральное еще к его особе духовенство (*niezdecydowane jeszcze dla jego osoby Duchowieństwo*) и обратил его в оппозицию, что и обнаружилось немедленно в так называемом «протесте духовенства», ходившем тогда в рукописи по Варшаве и изданном, вероятно, каким-нибудь молодым ксендзом или даже членом консистории.

Немедленное и одновременное упразднение делегации, полиции и закрытие Агрономического общества было также, по моему мнению, ошибкой, а в отношении к Агрономическому обществу даже не вполне справедливым делом.

Не раз уже я высказывал свое мнение о делегационных учреждениях, а потому повторять его не буду; довольно вспомнить, что наискорейшее уничтожение этих учреждений я считал необходимым. Но после 40-дневного почти их существования и всех последствий следовало уже уничтожить их с некоторой осмотрительностью, с приготовлением и не одновременно. Т. е., по-моему, следовало на основании точного и неотменимого постановления и приказа правительства по соглашению с делегацией * *рукой этой* же делегации прежде всего распустить гражданскую стражу и тотчас же ввести переформированную обыкновенную полицию; потом рукой этой же делегации закрыть манифестационную кузницу — клуб — и только тогда уже распустить самую делегацию. Сверх того, если бы настроение жителей еще угрожало замешательствами и манифестациями, то в самом начале следовало объявить, что виновники таковых будут наказаны, и немедленно сдержать слово и даже, если бы предстояла надобность, расставить на площадях войска, только бы все эти предосторожности предприняты были вовремя и выполнялись со справедливостью и с тактом, и во всяком случае *перед совершением факта, а не после факта* (*przed faktem, a nie po fakcie*).

.....

* Здесь я не противоречу сам себе. Разница вести неопределенные переговоры, какие вел генерал Паулуччи, и разница совещаться на основании уже отданного и неотменимого приказа, т. е. совещаться со своим чиновником относительно выбора соответственнейших и лучших средств для исполнения приказа власти. Притом я полагаю, что уведомление делегации, да хотя бы и нескольких других значительнейших лиц в городе о предпринятой правительством и постановленной уже реформе ни малейше не унизило бы правительства.

Еще несколько слов о закрытии Агрономического общества. Говоря кратко, но согласно с истиной и по глубочайшему моему убеждению, Агрономическое общество было самым невинным и наименее для правительства опасным актером в манифестационной сцене. Далее, это общество вовсе не было опасно ни для правительства, ни для края как земледельческий научный орган, а лишь как корпорация, которая отчасти вследствие предшествовавшего положения края (так, например, отсутствия каких бы то ни было органов для общественной деятельности и т. п.), отчасти вследствие манифестационных происшествий начала перерождаться в социально-политическое гигантское, но неспособное и вредное чудовище*. Наконец, в то время важнейший вопрос состоял в подавлении манифестационной агитации, следовательно, надобно было избегать всего, чтобы могло не уменьшить ее, а возбудить.

По этим соображениям полагаю, что уничтожение Агрономического общества было большой ошибкой маркиза Велепольского. В интересах правительства и края, без сомнения, следовало вывести это общество из аномального положения и даже из состояния анархии, в каком оно находилось, т. е. переформировать его, ограничить, привести к настоящему его назначению, т. е. к занятиям чисто научно-агрономическим, но никогда не было существенной надобности уничтожить его совершенно. Кроме того, не следовало уничтожать его сразу, одновременно с уничтожением делегации и проч. Наконец, следовало произвести реформу общества по соглашению и при посредничестве совершенно не опасного комитета, делая его первым исполнителем предпринимаемой реформы. И без сомнения, комитет, как вполне консервативный, не терпящий крикливых шляхетских совещаний и вполне понимающий истинное значение научного общества, согласился бы с величайшей охотой и готовностью, а по крайней мере без сопротивления на всякую нужную, задуманную правительством реформу. Такие люди, как Александр Курц, графы Островский, Замойский, Томаш Потоцкий, не представляют в этом отношении никакого сомнения, тем более если бы им объявлено было предположение о скором учреждении уездных и Государственного советов; объявление же об этом будущим членам того же Государственного совета не угрожало ни малейшей опасностью и ни в чем не унижало правительства.

Вышеизложенные мои замечания о первоначальных действиях правительства по возвращении маркиза Велепольского из Петербурга я считаю в такой мере основательными, что смею даже предполагать, что каждый другой государственный человек (только не г. Велепольский), хотя скольконибудь знающий современное положение Царства, никогда не посоветовал бы князю Горчакову отдавать одновременно те поспешные приказания, о которых я упомянул, и приводить их в исполнение. Но торжествующий маркиз был чрезвычайно доволен тем, что имеет возможность отомстить

.....

* Смею даже утверждать, что Агрономическое общество было опаснее для края, чем для правительства, потому что для правительства не могло быть очень вредным такое общество, которое в своем значительном большинстве было консервативно и руководилось людьми (комитетом), несомненно враждебными революции; общество крикливое, говорящее о всем весьма громко, хвастающее своей болтовней и своим ораторством. Сверх сего, оно не могло быть опасным для правительства своими делами, потому что никогда не было в состоянии произвести даже самого пустого дела, и своей тайной, потому что в нашей многочисленной шляхте тайна удержаться не может; это даже противно свойствам шляхетского собрания, состоявшего из нескольких тысяч лиц.

«шляхте», уличной сволочи, «мещанским рагвенус» и своему действительному или только мнимому сопернику за оскорбленную ими гордость; он хотел сделать это тотчас, безотлагательно, не обращая внимания на то, что этим самым он положил основание будущему своему падению, что при самом вступлении он устроил и накопил затруднения для самого себя, которых легко мог бы избежать даже с удовлетворением своей оскорбленной гордости, а главное, с пользой для общества. Впрочем, как бы ни было, основательны или неосновательны мои суждения, но не подлежит ни малейшему сомнению: *во-первых*, что 40-дневное существование делегационной республики, разумая под этим все обстоятельство и всех двигателей этого периода, сделали все, что только можно было сделать, для полного развития чувств, стремлений и агитации в духе народного катехизиса, для того, чтобы волнение умов учинить нормальным положением и, наконец, для возбуждения чувств бедного народа и молодежи до степени экзальтации; *во-вторых*, что вступление маркиза Велепольского в состав правительства в качестве одного из главнейших его деятелей и первые непосредственно за этим вступлением следовавшие правительственные акты могли и должны были (если это еще было возможно) поощрить и усилить агитацию, неприязненную правительству; они породили бесчисленное множество недовольных и в массе городского населения, и в его интеллигенции, и в духовенстве, и в Агрономическом обществе, а манифестаторов возбудили к действию, т. е. к показыванию правительству и г. Велепольскому «что мы значим» (*czem jesteśmy*).

При таком всеобщем настроении новая манифестация не могла показаться каким-то чрезвычайным явлением, напротив, это явление было весьма естественно, и его можно было ожидать, лишь бы только представился к тому какой-либо повод; наилучшим же поводом было уничтожение Агрономического общества.

То самое общество, которое еще недавно было нелюбимо и даже нетерпимо (по крайней мере манифестаторами, а это самое важное, потому что они были главными действующими лицами), общество, с которым едва-едва помирилось общественное мнение и то только по присоединении его к движению и по объявлении постановления о наделе крестьян собственностью, общество, которого никогда никто особенно не любил и не почитал, вдруг по закрытии его выросло до неслыханной высоты гражданской заслуги. На самом деле никто не придавал ему серьезно столь великого значения и никто не жалел слишком сильно об его уничтожении (потому что действительно и не было о чем жалеть), но в это время, в чаду всеобщего недовольствия, все и даже наши умственные и политические авторитеты считали акт закрытия общества великой вопиющей против него несправедливостью и решили, что следует выразить Агрономическому обществу наше сочувствие и то, что мы ценим его заслуги, а маркизу Велепольскому показать, что сделанную им несправедливость в отношении столь заслуженного общества мы считаем несправедливостью в отношении нас всех, в отношении всего края, не скрывая при этом нашей любви к падшим и побежденным и нашей неприязни к победителю и к правительству. Каждый толковал об этом по-своему, сообразно возрасту, степени образования и взгляду на вещи, поэтому и манифестаторы захотели также по-своему сделать заявление в пользу общества и тем более, что не трудно было внушить народу, что «Велепольский и москали» сделали нам *страшное насилие* и что надобно им показать, что мы любим Агрономическое общество и ненавидим Велепольского. И вот 7 апреля как бы из-под земли вышла толпа в несколько тысяч,

которая сделала овацию перед зданием кредитного общества и перед домом графа Андрея Замойского. МанIFESTация исполнилась в наилучшем порядке, государственный герб на здании кредитного общества был закрыт, а на место его на время поставлен белый орел, окруженный заранее приготовленным венком; затем толпа отправилась на Новый Свет и там поднесла графу Замойскому разные венки и после кратких, соответственных обстоятельствам речей с обеих сторон разошлась по домам, подразнившись еще с войсками и даже с генералами Коцебу и Хрулевым вблизи замка*.

Исполнение манифестации не встретило ни малейшего препятствия со стороны полиции, и как в продолжение ее, так и после никого не беспокоили и не арестовали.

Теперь на очереди вопрос, кто были главные авторы этой бесцельной манифестации? В такой тьме происшествий и явлений трудно знать виновников каждого происшествия в частности, тем более для меня, так как я в это время не находился даже в крае**. Впрочем, хотя я и не в состоянии поименовать главных действующих лиц, но не могу не представить здесь моего личного, но, полагаю, согласного с истиной предположения о том, откуда взялись сочинители манифестации, из какого источника? По моему мнению, самая внезапность манифестации, происшедшей без предварительного приготовления, скорый сбор огромной толпы (говорят, около 20 тысяч), готовые венки и речи, некоторый порядок в исполнении манифестации и притом тогдашнее общее настроение жителей, а равно и предшествовавшие события и обстоятельства представляют достаточное основание к предположению, что эта манифестация произведена была посредством существовавшей уже перед тем организации, или говоря яснее, при посредстве *сотников и десятников гражданской стражи*. Эти личности, как более других в то время недовольные новыми распоряжениями правительства, как манифестаторы по призванию, хорошо знавшие друг друга и находившиеся в хороших и близких отношениях с массой народа, могли первые, прежде других, возыметь мысль о манифестации и имели возможность удобно привести ее в исполнение. Таким образом, сделанная г. Замойскому овация была, по моему мнению, первым последствием безрассудного делегационного управления.

На другой день, 8 апреля, произошла перед замком эта столь памятная по многочисленности жертв катастрофа, тем более грустная, что она не только уже не имела никакой цели и ни малейшей, хотя бы предполагаемой пользы, но лишена была всякого смысла, всякой, хотя бы даже самой ошибочной, идеи.

.....

* Уже при окончании манифестации, когда народ должен был расходиться по домам, начали показываться отряды войск, проходившие в разных направлениях, и с ними попали в середину толпы генералы Коцебу, Хрулев и другие офицеры (ежели мне не изменяет память, сам даже князь Горчаков был между ними), уговаривавшие народ разойтись по домам. На такое предложение толпа и манифестаторы отвечали насмешками и шутками (так, например: «мы дома, а вы идите домой, потому что вы не дома, не у себя»), и приближаясь вместе с генералами к самому замку, не прежде уступили, несмотря на угрозу употребить против них силу, как по отступлении войска в замок, чего явственно добивались манифестаторы и что они поставили условием того, чтобы народ разошелся. Такая сцена окончательно возмущала головы и без того уже взбаламученного народа. Там же дети толковали генералу Хрулеву: «Не годится севастопольскому герою вести войну с бабами, с безоружными и с детьми».

** Ниже я буду говорить разом о всех манифестаторах потому, что мне неизвестно, кто из них и в какой именно манифестации принимал большее или меньшее участие.

В этом несчастном столкновении городского населения с военной силой пали, как известно, сотни убитых и, раненых и, однако же, никто, решительно никто не признается в составлении этой манифестации, преступной не только перед правительством, но и перед народом; никто не умеет или не хочет даже объяснить этого печального происшествия. По крайней мере все мои разыскания не привели меня к возможности отвечать на вопрос: кто собрал перед замком народ и для чего? Из всего, что мне привелось слышать, могу об этом случае сообщить следующее:

После больших многолюдных похорон какого-то сибиряка (кажется, Скотницкого¹) народ возвращался кучками по домам. Некоторые из кучек по чьему-то, как говорят, приглашению направились в Саксонский сад, а другие прохаживались и зевали на Краковское предместье, вблизи замка, подшучивая и насмехаясь над полицией и проходящими отрядами войск. Эти кучки вначале были немногочисленны, но постепенно и непрерывно увеличивались проходящими любопытными, надеявшимися поглазеть на это, как казалось, обыкновенное уличное происшествие*. Между тем при заметном увеличении толпы офицеры, командующие ротами, расставленными вокруг замка, обратились к народу с требованием разойтись, но это требование осталось без последствия, а напротив, толпа еще увеличивалась вследствие уверенности, что угроза употребить силу была произнесена (как и было до тех пор), только чтобы настрашать народ более в шутку, чем серьезно, и что все дело кончится, как вчера, отозванием войск в замок и потешным для толпы зрелищем. Войску отдано было приказание стрелять. После первых выстрелов народ несколько отступил, но немедленно, однако, хлынули новые толпы и подвигались вперед с тем, чтобы подобрать или отнять из рук войска тела убитых и раненых, и только повторенные несколько раз в разных направлениях выстрелы принудили народ разойтись**. При этом рассказывают еще, что после первых выстрелов взбешенные и разгоряченные ремесленники и работники вырывались из рук людей, удерживавших их и старавшихся уговорить разойтись, и с непонятным слепым фанатизмом бросались вперед с воплями: «пусть и мы погибнем за Польшу» (niechaj i mnie dla Polski zabiją). (Я слышал это от достойных доверия очевидцев.)

Рассказывают также, что студенты медицинской академии составили из себя цепь и всеми силами старались удержать народ, напиравший от Старого Места, что ксендз, выбежавший с крестом, кажется, из монастыря Бернардинов, выбежал уже после первых выстрелов и единственно с целью удержать и успокоить толпу; что Карл Новаковский, принявший крест из рук сраженного пулей монаха, шел впереди толпы, одушевленной слепым фанатизмом, с единственной целью отобрать от войска тела убитых и раненых, что, наконец, толпа была без всякого оружия, дралась с войском кулаками, пал-

.....

* При этом обращаю внимание на поведение полиции, которая благодаря своей неспособности везде является неразлучным сподвижником манифестации. Зачем было ждать, пока толпа возрастет до громадных размеров, и допустить до столь кровавого столкновения, когда в первые же минуты можно было обыкновенными средствами, а в случае надобности казачьими нагайками разогнать сборища и перехватать авантюристов без всякого кровопролития?

** Рассказывают даже, что народ разошелся только тогда, когда прекращена была стрельба вследствие приказа князя Горчакова и по представительству маркиза Велепольского, которого доктор Халубинский едва успел провести к замку через толпу, бросавшую камни в карету маркиза.

¹ См. прим. 2 к стр. 22.

ками, и только немногие бросали камнями. Наконец, рассказывают, что казаки, которые были в это время убиты или ранены, были поражены случайно, вследствие замешательства, пулями своей же пехоты.

Вот вкратце все, что я мог представить из разнообразнейших рассказов о плачевной катастрофе 8 апреля. Сочинители ее до сих пор совершенно неизвестны. Многие, не находя причин и пружин этого важного события, с искренним убеждением или же по злонамеренности приписывали это дело полиции и правительству, т. е. что правительство, видя невозможность управиться с беспрестанными сборищами и желая разом подавить враждебную ему агитацию, собрало через своих агентов левоверный народ с тем, чтобы одним кровавым ударом отсечь голову ненавистной ему манифестационной гидры.

Что же касается до моего мнения, то, отвергая с полным убеждением глупую мысль о виновности правительства в кровавом столкновении*, я теперь, после столь многих опытов и на основании достаточного знакомства с нашим современным обществом, объясняю себе это явление весьма просто и согласно с вышеизложенным рассказом.

Народ наш под руководством 40-дневного делегационного правления был разбалован до последней крайности и собирался уже затем только, чтобы собраться, бросал свои мастерские и работу и искал на улице чего-либо нового, какого-либо потешного приключения, ссоры или драки с полицией и войском, желая уже сам по себе без чьего-либо подущения показать на каждом шагу, что он ненавидит правительственную полицию, что пренебрегает ею и не слушает, а вместе с тем хвастаясь, что он никого, никакой силы не боится и что всегда готов делать наперекор правительству. Кроме того, этот бедный народ, эта жертва стольких разнородных испытаний, в высшей степени был настроен патриотически благодаря речам, проповедям, всесторонней и непрерывной агитации, которая возвышала чувства честных сердец до высочайшей степени, беспрестанно указывала им идеал Польши, этот живой и святой в то время для каждого идеал, беспрестанно говорила ему о жертвах с полным самоотвержением, представляла ему все манифестационное движение войной жертв, жертв кровавых и безоружных, внушая при этом, что чем более будет этих жертв, тем скорее последует и избавление Польши. Сверх того, торжественно и беспрестанно отдаваемая честь памяти пяти убитых 27 февраля тоже должна была действовать на сердце честного человека, дорожащего уважением, любовью и добрым воспоминанием своих соотечественников. При таком нравственном настроении нашего народа не представляется ли весьма естественным событие 8 апреля, и тем более, что оно последовало после блистательного и безнаказанного исполнения манифестации, бывшей накануне, и под впечатлением проповедей, произнесенных при похоронах любимого сибиряка? По моему мнению, оно было вполне естественно и даже в такой степени, что могло случиться каждый день и при малейшем поводе. Боюсь произнести ошибочное мнение, но полагаю, что при таком, как было в то время, настроении

* В настоящее время, когда уже сделалось известным поведение правительства и его дух как во время манифестаций, так и в последние два года, нет надобности кого-нибудь уверять в этом. Притом обвинение это совершенно несообразно с характером князя Горчакова. Если бы предположить даже, что князь Горчаков во что бы то ни стало желал кровавого столкновения как хирургического средства, то и тогда ему не было надобности искать случая, потому что накануне мы сами приготовили этот случай, и, однако же, князь предпочел употребить меры кротости, даже с ущербом своей власти, а не оружие.

народа катастрофа 8 апреля была раньше или позже фактом неизбежным. Одно только разумное и деятельное вмешательство образованных классов, более почтенных по возрасту и по положению людей могло бы оказать влияние на изменение такого настроения, но такая интервенция была невозможна потому, что все наши почтеннейшие и благоразумнейшие люди были тогда в оппозиции к правительству и недовольны им.

Желая, однако, непременно доискаться практической цели в манифестации 8 апреля (тем более что *кто-то* там назначал народу *rendez-vous*^a в Саксонском саду), нельзя предположить другой цели, как только желание, хотя бы даже посредством повторения событий 27 февраля, добиться от правительства возвращения делегации и гражданской полиции. Это мое личное, но, полагаю, единственно возможное предположение: народ мог хотеть только того, что ему уже однажды понравилось и что он мог понимать.

Впрочем, как бы там ни было, но эта манифестация составляет второе и непосредственное последствие безрассудного управления «республики», и потому до тех пор, пока не найдутся настоящие ее виновники, делегация со своими приятелями и сотрудниками должна принять на себя *всю* ответственность за печальные потери и жертвы этого дня. Неизвестные авторы манифестации были законные дети матери-делегации.

Не хотел бы я с чьей бы то ни было стороны услышать несправедливый упрек в том, что теперь, после стольких бедствий страны усиленно стараюсь разыскивать виновников и что главным и первейшим я выбрал делегацию; подобный упрек я решительно отвергаю; несмотря на все наши общие заблуждения, я от всего сердца уважаю членов делегации как людей достойных уважения и не желаю легкомысленно осквернить, как говорится, гнездо из которого сам происхожу; но никакое уважение, никакая привязанность не могут заставить меня промолчать о том, что составляет глубочайшее мое убеждение, и (как я понимаю) истину, которую я и стараюсь доказать логическими доводами и фактами, а именно, что делегация и ее сотрудники были одними из первейших и главнейших, хотя бессознательных, виновников несчастий нашего края в последние годы. Если же иногда против воли вырывается у меня какое-либо выражение, пропитанное досадой и даже иронией, то простите человеку, который терпел и терпит вместе с вами и, может быть, больше, чем вы, потому что больше провинился.

Тотчас после катастрофы 8 апреля правительство сильной рукой принялось за городское управление и, решившись подавить и искоренить манифестационные затеи, проявило ряд репрессивных мер, каковы были аресты, объявление закона о собраниях, размещение войск по площадям, учреждение патрулей и т. п. (постоянно слишком поздно и после факта).

Прежде чем начать описание дальнейших событий, считаю не излишним вспомнить о мелком обстоятельстве, характеризующем развитие агитации и которое относится к последней манифестации. На другой день после нее (как мне рассказывали) ремесленники и работники, взволнованные и озлобленные тяжкими жертвами минувшего дня, возымели желание отомстить за них полиции и войску. Яростнее всех кричали о мщении мясники и хотели немедленно и неожиданно начать кровавую резню. Не знаю, насколько эта жажда мести была действительно опасна, допускаю даже, что это были только пустые толки и угрозы, но, однако же, к счастью, на этот раз

^a *Rendez-vous* — свидание, здесь в значении — место сбора (франц.).

достойнейшие и благоразумнейшие люди немедленно потушили искры, которые, может быть, произвели бы опасное пламя и не позволили распространиться толкам и угрозам. В этом деле приписывают истинно гражданскую заслугу доктору Халубинскому, который, как говорят, с несколькими академиками поспешил в толпу мясников и без затруднения успокоил их взволнованные умы.

В этом обстоятельстве я вижу как бы проблеск, проявление того, к чему мы стремились *, а вместе с тем (при других фактах) оно изображает нам состояние духа нашего народа; с другой стороны, это же обстоятельство доказывает (как и многие другие), что и тогда еще благоразумие и достоинство, если бы захотели, могли бы совладать с взволнованными умами массы.

Этим оканчиваю обзор событий в течение первых 40 слишком дней манифестационного периода. Я считал необходимым несколько распространиться о событиях этого периода, потому что считаю его самым важным временем, основанием и источником всех последующих событий, без обстоятельного знания которых манифестационные явления и даже самый заговор с его особенным характером, показались бы какими-то непонятными, чрезвычайными явлениями.

В представленном же до сих пор обзоре нашего прошедшего я показал (по крайней мере старался показать по мере сил) источник манифестаций, их причины, пружины, главнейших авторов и главнейшие действующие начала, стараясь вместе с тем объяснить и их первоначальный характер; потом, изменение этого характера, причины этого, а также и действующие начала, представляя этим самым основание будущности.

Грустно, что мы так попусту потеряли более 40 дней, да еще хуже того, ибо в это время все мы, не исключая и правительства, трудились над тем, чтобы поддержать и раздуть до размеров великого, всеистребляющего пожара то самое пламя, которое в течение нескольких дней (если даже не скорее) можно было потушить навсегда, невозвратно к общему благу. Увы! — мало еще было прежних заблуждений и грехов, являлись все новые, чтобы содействовать несчастью народа.

Для ясности и краткости изложения я намерен в дальнейшем обзоре все происшествия от катастрофы 8 апреля и до конца августа месяца, т. е. до назначения графа Ламберта наместником, представить в одном сжатом нераздельном целом. Все это время, по моему мнению, составляет как бы вторую характеристическую станцию развития нашей агитации, потому что хотя наместничество генерала Сухозанета и значительно отличается от действий князя Горчакова, однако же, отличие это не может быть, по моему мнению, понимаемо иначе, как только дальнейшее, полнейшее, последовательное развитие политики князя предместника.

Отвратительная республика (хотя исполненная упоительной роскошной вольности) уже сама собою создала и для нас, и для правительства, как мы видели, положение вовсе незавидное. Первые по вступлении в управление г. Велепольского правительственные акты и катастрофа 8 апреля неслыханным образом ухудшили еще это положение, сделали его крайне неудовлетворительным и, таким образом, оставили тяжелое наследие последующему времени. Это последующее время до конца августа месяца вследствие ошибок правительства и безрассудного нашего поведения сделало

.....
* Таких проблесков найдется несколько в продолжение манифестационного периода; об них я упомяну в своем месте.

положение края совершенно отчаянным и почти безвыходным. Вспоминая о событиях этих нескольких месяцев, трудно почти понять и разобрать этот всесторонний хаос, эту отвратительную и опустошительную войну, этот какой-то заклятый очарованный круг, в котором вертелись и власть, и общество *без всякого направления*, без всякого понимания, чего они хотят и к чему стремятся. Никто и нигде на свете не видал подобного кружения и такой «путаницы», какие являл собою наш край в то время. Одни только манифестаторы (говоря без всякого преувеличения) знали, что делали и чего хотели, а кроме них,— никто.

Чтобы не потеряться в этом пятимесячном омуте и иметь какую-нибудь путеводную нить, которая давала бы вместе с тем известный взгляд на события и их оценку, чтобы в то же время яснее и вернее представить постепенное развитие агитации, и что самое главное, какие преимущественно причины и какие двигатели имели влияние на ход этого развития, я считаю необходимым прежде всего указать те условия, которых соблюдение было, по моему мнению, необходимо и для правительства и для общества, если только они желали выйти из ложного и несчастного положения, в каком находился край вследствие событий 8 апреля.

Эти условия ничуть не идеальны и не натянуты, а выходят, как полагаю, из самой природы вещей, из свойств времени и обстоятельств. Итак:

1) *В отношении к действиям правительства.*

а) Чтобы первейшие сановники, т. е. наместники, которым вверялись верховной властью судьбы края и осуществление новой системы, личными своими свойствами соответствовали времени, месту и нашим трудным обстоятельствам, а также и требованиям новой системы.

б) Чтобы эта система была введена немедленно и сразу, вся целиком (*od razu w całości i jak najprędzej*). Под этим я разумею, чтобы объем реформ, который правительство признало нужным даровать нашему обществу (навсегда или на известное, или наконец, на неопределенное время), был введен не по частям, капля за каплей, а в один раз.

Такое частичное дарование льгот было возможно прежде, до манифестаций и было бы принято тогда жителями как действительное благодеяние, с радостью и несомненной благодарностью; но со времени манифестаций, а в особенности после 40 дней безвластия, это сделалось уже невозможным; время уже сделало свое и нужно было непременно принимать во внимание это обстоятельство. По моему мнению, тогдашнее положение вещей и умов требовало непременно, чтобы все, вся система, принятая за основание, и предложенные реформы (в том, например, виде, как они осуществлялись только во время наместничества великого князя Константина) были введены в исполнение без подразделения, без постепенности, без отлагательства. Быстрота исполнения имеет в моих глазах такое великое значение, что если бы можно было исполнить все в продолжение 24 часов, то и тогда не следовало бы ни на один час откладывать исполнение*.

в) Чтобы правительство, приступая к исполнению дарованных монархом реформ и преимуществ, имело бы уже в своем распоряжении необходимые и верные исполнительные орудия, т. е. верных, преданных новой

.....

* Я умышленно выразился об этом с некоторым преувеличением, чтобы тем сильнее высказать, как в то время важно было условие быстроты действий правительства; ниже буду иметь случай об этом подробнее.

системе и ее понимающих и, конечно, способных высших чиновников как в центре управления, так и в главных провинциальных учреждениях (т. е. губернаторов). В связи с этим условием находится еще одно требование, хотя и меньшей, но все-таки несомненной важности, а именно, чтобы при осуществлении новой системы правительство старалось занять как можно более людей, как можно больше умов, сердец и рук.

г) Чтобы гражданские и военные, центральные и провинциальные исполнительные власти были совершенно и точно отделены одна от другой, с ясным обозначением прав и обязанностей каждой, как равно их взаимных между собою отношений. Иначе вместо взаимной помощи и надлежащего действия обеих властей явятся неизбежные столкновения, споры, неудовлетворительное исполнение обязанностей, а в результате неизбежная деморализация и вред для страны.

д) Весьма важно было преобразование полиции во всем вообще крае, но особенно важным и не терпящим ни малейшей отсрочки делом было реформирование варшавской полиции, а именно, изменение личного ее состава, устройства и полицейских постановлений. Прежняя полиция по многим и основательным причинам, которых нет надобности перечислять, никак не могла успешно действовать для удержания общественного порядка, в чем уже и само правительство фактически убедилось. Вместе с тем вследствие чрезвычайных тогдашних обстоятельств было необходимо полицию подчинить *одному ответственному чиновнику*, а не нескольким (если не *de jure*, то еще хуже — *de facto*) лицам. Этого требовали, между прочим, значение власти начальника полиции в городе, единство действия и даже возможность правильного и успешного действия, что было невозможно под управлением нескольких с неизвестными правами и обязанностями чиновников. Наконец, так как по чрезвычайным обстоятельствам неизбежно было употребление военных команд для удержания или восстановления порядка в городе, то, по моему убеждению, при этом следовало придерживаться следующих правил: а) чтобы войско употребляемо было только в последней крайности, в тех случаях, когда полиция сама не могла бы справиться, и не иначе, как по требованию полиции и только на короткое время; б) чтобы призываемые отряды войск находились в распоряжении полиции и без ее приказа ничего не смели делать и, наконец, в) чтобы военные не брали на себя исполнение обыкновенных полицейских обязанностей, свойственных только полиции. Это последнее условие основано на различии свойств полицейской и военной службы: солдаты никогда не сумеют быть хорошими полициантами, разве перестанут быть солдатами.

е) Так как в видах правильно понимаемой пользы края, на правительстве лежала обязанность укротить и истребить манифестационные стремления и проявления, нарушающие нормальный порядок и враждебные правительству и притом во внимании к тому, что этот манифестационный дух проявлялся в разнообразнейших формах, необходимо нужно было, чтобы правительство с самого начала обстоятельно и неотменно определило, какие проявления, какие формы и эмблемы будут считаться запрещенными и подвергающимися ответственности и наказанию. Это определение должно было быть изложено в форме общего для всех и неотменимого постановления, которое вместе с тем указывало бы меру полицейской и судебной ответственности за каждое нарушение установленных правил, а также каким именно судам будет подлежать обсуждение и решение дел, возникающих от этого нарушения.

ж) Наконец, необходимым условием было, чтобы во всех правительственных действиях всех его органов и чиновников гражданских и военных, как центральных, так и самых отдаленных провинциальных, господствовали: совершеннейшее единство, ясность и вразумительность, решительность, уверенность и энергия, и чтобы отнюдь не было шаткости, замешательства и недоразумений.

2) *Условия в отношении к действиям общества.* На нашем обществе, и, собственно говоря, на той части его, которая по своему развитию, по своему возрасту и положению первенствует в крае, т. е. на всех светских или духовных лицах, которые имеют возможность и обязаны здраво и беспристрастно судить о интересах края *, лежали, по моему мнению, следующие обязанности в отношении к отечеству.

а) Прежде всего определить свои желания и намерения вообще, определить, что в данное время должно быть почитаемо благом и пользой края, и согласно с сим предъявлять только выполнимые желания и требования и обозначить себе ясный и точный путь деятельности. Это самое простое, не натянутое, элементарное в политике, да и во всякой человеческой деятельности условие, и притом вовсе не зависящее от того или другого политического верования.

Из этого условия проистекало следующее:

б) Так как было уже вполне очевидно, что в отношении к нашему краю правительство переменило свою прежнюю ошибочную политику и что мы можем уже начать трудиться для самих себя в весьма обширной сфере и по всем возможным отраслям, так как, повторяю еще раз, все это было очевидно (очевидность, между прочим, выказывалась бывшим 40-дневным делегационным управлением, устранением г. Муханова, вступлением в состав правительства маркиза Велепольского и т. п.), то, следовательно, обязанностью всех наших более значительных личностей, всех желающих и могущих в чем-либо с пользой трудиться было: с полной искренностью подать правительству руку в этих первоначальных трудных обстоятельствах и всеми своими силами во всех отраслях без малейших тайных помыслов поддерживать правительство, помогать ему во всем постоянно и добросовестно, служить с твердостью и идти с ним рука об руку, и все это для неоспоримой и очевидной пользы собственной отечественной земли.

в) Обязанностью этих же людей было: смело, открыто и решительно ответственными путями противодействовать манифестациям, этим бесплодным, бесцельным, бесконечным и пагубным проявлениям увлеченной страстями массы, столь препятствующим всякому основательному, прогрессивному и полезному труду, не допускающим никогда возвращения нормального порядка вещей, при котором только и можно достигать каких-либо положительных результатов, и

г) никогда не допускать превратного отношения, а именно такого, при

.....

* Требовать чего-либо от манифестаторов было бы по меньшей мере не практически, а потому я и выключаю их из вышеприведенной категории как деятелей несамостоятельных и неотвественных перед историей; духовенство же, напротив, я считаю деятелем, подлежащим ответственности, потому что, хотя оно по призванию своему и должно было быть чуждо всяких политических действий, однако же, как известно, вовсе их не чуждалось, а коль скоро однажды решилось принять участие в политике, то по своему образованию и положению в крае обязано было рассуждать о том, какие действия были полезны и вели к благоденствию и счастью страны.

котором ноги господствуют над головой,— страсть, дети и бессознательная толпа — над благоразумием, возрастом и заслугой.

Таковы, по моему мнению, были условия которые необходимо было соблюсти правительству и нам самим, чтобы выйти из трудного несчастного положения, в каком находились мы после 8 апреля, чтобы возвратить гармонию, спокойствие и счастье края. Сверх того, здесь же считаю уместным прибавить (в чем, надеюсь, согласятся со мною все знающие тогдашние обстоятельства), что соблюдение этих условий было возможно, несмотря на неоспоримые препятствия и трудности. Но к сожалению, однако же, как увидим вслед за этим, ни одно из них, решительно ни одно не было соблюдено.

Прежде чем продолжать дальнейший обзор, хочу на минуту оглянуться назад для лучшего объяснения общего характера событий.

Особенно прошу обратить внимание на то, как легко было соблюдение вышеизложенных условий, т. е. обязанностей правительства и общества, тотчас по возвращении гр. Велепольского из Петербурга, перед уничтожением Агрономического общества, делегации и т. д., и какая бы от того произошла польза для обеих сторон. Надобно было только, чтобы маркиз при неоспоримых его способностях, энергии и воле не так сильно увлекался в самом же начале пустой враждой и оскорбленной своей гордостью, чтобы несколько более обращал внимание на положение края и города, на состояние своих братьев, чтобы обладал и захотел воспользоваться обладаемым политическим искусством и тактом, и тогда выполнение наших и правительственных обязанностей было бы легко и не встретило бы почти никаких препятствий, а последствия такого поведения, без сомнения, были бы самые благодетельные. Я по крайней мере так сильно убежден в этом, что решаюсь даже утверждать, что соблюдение хотя нескольких из сказанных условий предохранило бы нас от катастрофы 8 апреля и ее последствий. Если бы, наконец, несмотря на соблюдение этих условий, положение вещей в городе все-таки требовало в интересах власти и края еще какого-либо кровавого пролома, то такой пролом, хотя бы даже и в десять раз кровопролитнейший, чем 8 апреля, был бы в таком случае по своим благодетельным последствиям решительным, победоносным *coup d'état*^a. Время, труд, положительные действия правительства вознаградили бы тяжкие временные жертвы, и вскоре воцарилось бы спокойствие, всеобщая гармония и счастье края! Между тем без соблюдения этих условий катастрофа 8 апреля осталась только печальной катастрофой и ничем более. Она ничуть не была брешью для выхода власти из предыдущего неестественного положения, она не была *coup d'état*, который бы очищал горизонт края и открывал ясный и беспрепятственный путь для деятельности правительства и общества. Напротив, она еще более помрачила наше печальное небо, перепутала все отношения и загромоздила путь многочисленными препятствиями. Практика жизни доказала это, а потому обратимся теперь к рассмотрению этой практики.

Приступая к изображению манифестационного хаоса в продолжение означенного выше пятимесячного периода, я нахожусь в затруднении, каким образом представить его с возможно большей выгодой для главной

^a *Coup d'état*— переворот (франц.).

темы моего труда и, вместе с тем, чтобы удовлетворить и условию краткости изложения. Имея в виду мою главную цель, я нахожу более удобным сначала представить очерк событий этого времени, изложив их в некотором порядке, а потом бросить на них общий взгляд и показать, в какой мере в этот период правительство и общество не выполнили своих обязанностей.

После катастрофы 8 апреля наши манифестации не прекращались ни на минуту, а, напротив, еще более развивались. Каждый день являлась новая манифестация, и можно сказать, что они были непрерывны и бесконечны, особенно если иметь в виду не одну только Варшаву.

В это время манифестации почти исключительно прикрывались религией и по большей части проявлялись в разнообразнейших молебствиях, а также в костюмах и эмблемах. Эти молебствия были или обыкновенные, но только отличавшиеся чрезвычайными собраниями народа процессиями, особенными молитвами и т. п., или совершались из-за убитых и за благоденствие отечества («*za pomysłność ojczyzny*»), но всегда сопровождалась пением «*Boże coś Polskę*» и других гимнов.

Празднества с богослужением за благоденствие отечества были так непрерывны и всеобщы, что каждый цех, каждая корпорация, все, начиная от панов, чиновников, купцов и до малочисленной корпорации горцев провольщиков (*górali druciarzy*^a), должны были непременно праздновать их отдельно. И это совершалось не только в католических костелах, но и в храмах других исповеданий. Что же касается до костюмов и эмблем, то это были разнообразнейшие старо- и новонародные платья, шапки, белые орлики, пояса, блузы и проч. Трудно даже передать причудливое их разнообразие.

Кроме того, манифестационный дух проявлялся в постоянном распространении траура (у женщин черная одежда, у мужчин шапки вместо шляп), в прекращении общественных удовольствий, в осмеивании полицейских предписаний, в беспрестанных ссорах с полицией и с военными и в умышленных и пошлых издевках над ними, в умышленном непослушании власти и в поступках наперекор ей. (Не обошлось даже без одиночных драк с полициантами, со шпионами или с лицами, которых толпа принимала за шпионов.) Наконец, в это время показываются уже печатные объявления и начинается тайное печатание*.

Хотя все манифестации, бывшие в течение этих месяцев, имели один и тот же характер, но не излишне будет упомянуть отдельно о значительнейших из них. Таковы были:

Огромная, самая многоядная процессия в праздник тела господня («*Boże ciało*»)¹, во время которой вследствие чьей-то глупой выходки несколько человек были задавлены, и едва дело не дошло до пагубного замешательства и до столкновения с войсками; благодаря, однако, архиепископу Фиялковскому и усилиям обер-полицмейстера полковника Розвадовского беспорядок был вскоре прекращен и дело обошлось только арестованием нескольких подозреваемых зачинщиков.

* В это время был арестован типографщик Мацеёвский за печатание плакатов и коротеньких статей. «Стражница» в первый раз начала учить Варшаву еще во время наместничества генерала Сухозанета.

^a *Druciarzy* — паяльщики (польск.), в то время большинство паяльщиков были горцами.

¹ Праздник тела господня в 1861 г. приходился на 30 мая (н. ст.).

Сюда же относятся молебствия за упокой душ умерших в то время Лелевеля и Чарторыского, совершенные в храмах всех исповеданий. В одном из католических костелов сам архиепископ служил обедню и сам начал гимн «*Boże coś Polskę*» (сам zaintонował pieśń «*Boże coś Polskę*»). Потрясенный этим, благодарный народ отложил лошадей из кареты архиепископа, собственными руками отвез его домой и, получив пастырское благословение от епископа, разошелся по домам после продолжительных виватов («*Niech żyje*»).

К числу важнейших манифестаций относятся еще два народные праздника в дни 3 мая и 12 августа в годовщину Люблинской унии. Празднование их и особенно последнего было торжественно. В эти дни снимался траур, молебствия совершались с возможным великолепием, магазины были закрыты, в городе господствовала всеобщая веселость и оживление, а вечером (12 августа) зажжена была даже повсюду иллюминация и особенно блистательная, с транспарантами на Старом Месте.

Манифестации этого периода, направленные прямо против правительства, состояли в осмеивании и освястывании объявлений, постановлений и приказаний правительства и в неделании иллюминаций в табельные дни.

Я ограничиваюсь здесь только манифестациями, бывшими в Варшаве, не вспоминая вовсе о провинциальных, которые буквально были неисчислимы и повторялись во всех самых отдаленнейших уголках края и которые везде имели тот же характер, что и варшавские.

К этому общему очерку прибавлю еще:

1. Что катастрофа 8 апреля уничтожила в массах остатки доверия к правительству, а вместо того при усилиях манифестаторов возбудила в них полнейшее недоверие и живейшую ненависть не только к верховной власти, но даже и ко всем ее исполнительным органам. Маркиз Велепольский по смыслу народного катехизиса становился с того времени малопомалу изменником («*zdrajcą kraju*»).

2. Что манифестационный дух, а по крайней мере дерзость манифестаторов тотчас после 8 апреля несколько ослабели и уменьшились, однако же это продолжалось весьма короткое время. Вскоре прежнее настроение возвратилось и развивалось все с большей и большей силой, а во время наместничества генерала Сухозанета дошло до крайности и сделалось как бы бешеной, всепоглощающей эпидемией.

3. Что наша светская интеллигенция ни деятельным вмешательством, ни благоразумным пассивным поведением несколько не влияла на укрощение манифестационного духа, а, напротив, поддерживала его своей так называемой пассивной оппозицией против правительства (*biegłą opozycją*). Главой и лучшим выражением этой оппозиции был граф Андрей Замоиский.

4. Что, наконец, духовная интеллигенция открыто приняла манифестацию под свою опеку, слила, можно сказать, церковное служение с тогдашним политическим потоком, открыто боролась с правительством за интересы манифестаторов и этим уже самым, да еще проповедями и речами, исполненными политическими намеками или даже чисто политическими и явно неприязненными правительству, поддерживала всеобщий манифестационный огонь гораздо более, чем все другие деятели.

Невозможно оспаривать, чтобы и в это уже время не было у нас людей как светских, так и духовных, старавшихся об укрощении манифестаций и даже явно им противодействовавших; но это было уже в конце описываемого периода и, собственно, относится более к наместничеству графа Ламберта.

Впрочем, подобное проявление было не более как каплей в море; влияние людей, в этом духе говоривших и действовавших, уподоблялось гласу вопиющего в пустыне, и в результате они ничего не добились, разве только нерасположения или даже бесчестия и ненависти к себе.

Что касается до действий правительства, то прежде всего обязан я вспомнить, что в течение этого пятимесячного периода объявлены были законы о Государственном совете (o Radzie Stanu) и о советах уездных и городских (o Radach powiatowych i miejskich), и первый из них настолько был уже приведен в исполнение, что многие личности частью из числа чиновников, частью из среды городских и сельских обывателей были назначены членами совета. Это были без исключения почтенные, достойные и уже более или менее известные в крае своими заслугами личности, которые могли трудиться на этом новом поприще с действительной пользой для страны. (Граф Замоиский и некоторые его приятели не были сделаны членами совета по причинам, от них самих зависевшим.) Из действий Государственного совета в это время еще ничего не было произведено достойного замечания.

Относительно других реформ нужно сказать, что маркиз Велепольский деятельно занялся переорганизowaniem комиссий просвещения и исповеданий и приготовил проекты о воспитании и об уничтожении барщины; все же остальные отрасли внутреннего управления оставались совершенно не тронутыми. Главные гражданские власти, центральные и провинциальные или находились в руках несоответственных, или же начальствующие лица подвергались неоднократным перемещениям. Точного разграничения между гражданскими и военными властями вовсе не было, отчего возникали между ними частые столкновения и споры, и не только в низших, второстепенных, но даже и в высших, начальственных органах, например, между губернатором бароном Ферзеном и генералом Рудановским в Августовской губернии, или еще большей важности — между маркизом Велепольским и наместником генералом Сухозанетом. (Спор этот произошел также по вопросу об объеме прав гражданской и военной власти.)

Медленный ход трудов правительства на пути реформ *частью* надо приписать малому содействию со стороны наших влиятельнейших лиц (ze strony rowag paszych) и пассивной их оппозиции и особенно оппозиции графа Андрея Замоиского и бывшего комитета Агрономического общества, которые и составляли главу всей оппозиции, возникшей против правительства 8 апреля.

Что же касается до действий правительства, предпринимаемых против манифестаций, то я обязан прежде всего сказать, что правительство, а в особенности маркиз Велепольский прибегал ко всем средствам, чтобы влиянием образованнейших классов подавить манифестации и через это подчинить толпу и агитаторов некоторым условиям порядка; однако же все усилия в этом отношении остались без успеха. Наши образованные классы и во главе их (еще раз повторяю) граф Замоиский влюблены были в манифестаторов; и как оппоненты оправдывали и их действия, и непрерывное волнение края. Следует даже заметить, что это бесплодное движение было отчасти необходимо для оппонентов, ибо служило этим политикам основанием их пустой оппозиции, основанием их псевдодеятельности и переторжек с властью. Как бы то ни было, но гр. Замоиский и с ним все его приятели минутные и постоянные не подали никакой помощи правительству в этих трудных обстоятельствах. Такое же недоброжелательство встретило правительство

и со стороны духовенства. Не говоря уже о частных стараниях, все официальные отношения к духовным властям, все предложения, подтверждения и настойчивые требования оставались без успеха.

Духовенство как такой же оппонент на все отвечало, что ничего не может сделать и что оно потеряло бы все свое влияние и духовное значение (*powaga duchowna*), начав действовать против манифестаторов.

Но этого еще мало, духовенство пошло далее, оно громко говорило, что само правительство во всем виновато и что потому оно и обязано успокоить страну, а между тем само, как выше было сказано, принимало деятельнейшее и живейшее участие в манифестациях и поддерживало их, оказывая во всем свое полнейшее покровительство. Несмотря на такое поведение духовенства, правительство в продолжение всего этого времени не употребляло против него вообще никаких репрессивных мер*; только несколько ксендзов, между ними миссионер Каминский, были высланы на жительство в разные места Царства Польского и в Россию за возмутительные их проповеди и речи, да и это случалось уже в последнее время наместничества генерала Сухозанета, когда все другие предпринимаемые меры оказались недействительными. Не будучи таким образом в состоянии сладить с духовенством и не имея или не желая употребить надлежащих мер для подавления этого главного в то время элемента манифестации, правительство не могло уже, несмотря на все другие репрессивные меры, достигнуть удовлетворительного результата в деле успокоения края. Относительно самих репрессивных мер, предпринимаемых в это время, я обязан прежде всего сказать, что никакого общего *ясно излагающего вопроса о манифестациях и неотменяемого постановления* правительства не издало, а были отдаваемы в разных частях края различными чиновниками только более или менее необстоятельные, односторонние, часто исправляемые и отменяемые и всегда неудовлетворительные предписания. Вообще можно сказать о репрессивных мерах, что они отличались совершеннейшей разнохарактерностью.

Применением и исполнением этих мер занимались и полиция, и гражданские власти, и как административные, так и судебные, и, наконец, военные власти, и все на одном и том же поприще действовали различно. Манифестаторы судились: одни полицейскими властями, другие чрезвычайными судебными комиссиями или обыкновенными гражданскими *судами*, или, наконец, *военно-судными комиссиями* и все за проступки того же самого свойства и той же самой степени. Наказания были определяемы каждой из этих властей различно и на особенном основании, хотя характер и свойства преступления или проступка были одинаковы. Одним словом, в отношении репрессивных мер совершенно недоставало столь необходимого в подобных обстоятельствах единства, и без всякого преувеличения можно сказать, что в каждой местности делалось иначе, сообразно с тем, как тот или другой из гг. военных начальников, губернаторов, уездных начальников, президентов, бургомистров понимал вопрос о манифестациях. В одном месте было строже, в другом снисходительнее, в третьем смотрели на все сквозь пальцы, то, что в одном месте было запрещено, в другом дозволялось или было терпимо. Были

.....
* Злоупотребления двух-трех офицеров в провинции, которые без приказа входили в костелы и выгоняли оттуда народ или арестовывали некоторых отдельных лиц, не могут служить опровержением общего характера действий правительства в этом отношении; и можно вполне справедливо сказать, что костелы в это время были неприкосновенны (*kościół były w tym czasie nietykalne*).

даже примеры, что в одной и той же местности, под управлением одного и того же начальника и в случаях, имевших один и тот же характер, даваемые были различные резолюции.

Так было постоянно от начала и до конца.

Кстати будет упомянуть здесь еще об одном средстве против манифестаций, употребленном маркизом Велепольским, а именно о закрытии училищ. Маркиз во внимание к тому, что во время манифестационного волнения дети ничему не могут выучиться в школах, а тем более при совершенном отсутствии дисциплины, имея сверх сего в виду скорое открытие школ, организованных по новой системе, приказывал при всяком случае, где только ученики принимали сколько-нибудь значительное участие в манифестации, закрывать целые школы или отдельные классы, а детей или отсылать к родителям, или арестовывать и отдавать под суд. Эта мера в руках оппонентов и манифестаторов отлично обработана была в пользу агитации. По моему мнению, она была и основательна, и уместна, за исключением только делания из пустяков важных дел и отдавания *детей под суд*, когда обыкновенные школьные дисциплинарные наказания были более уместны и совершенно достаточны.

О репрессивных мерах, предпринятых в Варшаве, ко всему сказанному надобно еще прибавить следующее.

Время наибольшей строгости было здесь вслед за 8 апреля, а наименьшей—в последние две-три недели наместничества генерала Сухозанета; в течение же всего этого пятимесячного периода между вышеозначенными сроками степень строгости переменалась несколько раз без важной и, чуть ли не следует сказать, без малейшей к тому причины. Итак, например, войска по несколько раз то выставлялись на площадях, то снова оставляли их, обходы были то крайне зыскательны, то слабы, преследование манифестаторов было то настойчиво и решительно, то вяло и снисходительно и т. п., тогда как манифестационный дух и волнение ни на минуту не изменялись и не уменьшались, а, напротив, распространялись в одном и том же направлении и с каждым днем с большей силой и энергией.

Полицейская власть в городе не была исключительно в руках и на ответственности обер-полицмейстера полковника Розвадовского, а разделялась между ним и двумя другими лицами, а именно комендантом города и генерал-губернатором. Каждый из них считал себя и считался начальником полиции, каждый распоряжался, приказывал арестовывать и освобождать, старался подавлять манифестации, словом, все трое исполняли одни и те же самые обязанности по предмету сохранения спокойствия и порядка в городе. Даже сам наместник генерал Сухозанет вмешивался в эти, прямо не относящиеся к его власти дела, и однажды это повело к существенному вреду для этой власти. А именно: за несколько дней перед 12 августа наместник отдал *обыкновенное полицейское приказание*, которым запрещалось строжайшим образом в весьма резких выражениях и с угрозой наказания затеваемое в этот день манифестаторами торжество и между прочим запираемое в этот день манифестаторами и проч. Несмотря на это, объявленная манифестаторами программа была буквально исполнена, и никто не подвергался наказанию (за исключением нескольких авантюристов, которые были арестованы и немедленно освобождены); *таким образом, приказание наместника не было исполнено*. От недостатка единства в полицейской власти часто происходили противоречия, а именно, приказания одного начальника или вовсе отменялись, или перетолковывались, так, например, полковник Розвадовский отдал

приказание, запрещающее носить чамарки, но когда вследствие этого приказания несколько человек были арестованы и собравшаяся толпа (даже небольшая) требовала освобождения арестованных из ордонанс-гауза, то генерал Мерхелевич, тогдашний генерал-губернатор, тотчас их освободил, дав честное слово (dał słowo honogu), что никого более не оставалось под арестом, и разрешил носить чамарки.

При недостатке общего закона отдельные полицейские распоряжения никогда не могли достигнуть ожидаемых от них результатов. К тому же и эти отдельные распоряжения не были достаточно обстоятельны и ясны, большею частью отдавались после факта и потому никогда не были вполне действительны; так, например, насчет костюмов и эмблем (в изобретении которых, правда, манифестаторы были неистощимы) было в разное время отдано три (если не более) приказания: одно генерал-губернатором Панютиным, а два полковником Розвадовским, но все они не могли остановить изобретательной на разные костюмы и эмблемы фантазии манифестаторов*. Тогдашняя полиция, сравнительно с надобностью весьма малочисленная и притом ни в чем не измененная и не переформированная, не могла никаким образом справиться в тогдашних трудных обстоятельствах, и потому необходимо было по крайней мере увеличить число блюстителей общественного порядка и пополнить полицию. Старались помочь этому, употребляя для полицейской службы небольшие команды полевых войск. Я не подразумеваю здесь употребления войск, вызываемого уличными беспорядками, когда необходимо штыком или пулей разогнать возмутителей порядка; в таких обстоятельствах роль войска уже не полицейская, а чисто военная; оно ломает силу, которую полиция не в силах одолеть, оно бьет толпу, не обращая внимания на личность, на большее или меньшее участие того или другого лица в замешательстве. Подобного употребления военной силы в то время, к счастью, не понадобилось; воспоминания о 8 апреля и команды, расположенные на площадях, предохранили от этого.

Говоря об исполнении войсками полицейской службы, я подразумеваю чисто полицейские обязанности, как-то: предупреждение и недопущение сборищ и волнений, арестование одиночных лиц, наблюдение за исполнением полицейских приказаний насчет костюмов, эмблем, палок, фонарей, траура и т. п. При исполнении этих-то именно обязанностей — сколько случалось слышать, — войско, т. е. весьма многие офицеры и нижние чины, не надлежащим образом исполняли возложенные на них обязанности: в одном месте они были слишком строги (и это всего чаще), в другом слишком снисходительны (это реже), и вообще каждый из военных действовал в этом отношении, как ему казалось лучше и как понимал он отданное ему приказание. Естественно, что при таком положении вещей не обошлось без промахов и ошибок, без излишней строгости, неуместных и бестактных дейст-

.....

* Трудно даже перечислить все их выдумки. По моему убеждению, полиция напрасно делала государственный вопрос из таких пустых предметов, как чамарки, конфедератки, блузы, пояса, польские орлики и проч. Эти пустые вещи тогда только приобрели значение и сделались орудием борьбы с правительством, когда полиция своими запрещениями придала им эту важность. Впрочем, это было потерянное поле для деятельности полиции; никакое распоряжение не могло обнять всех предметов, которые следует считать манифестационными и запрещенными, потому что любой наряд или знак можно сделать манифестационным, давши ему такое значение, так, например, шапка означала траур, потому что так признано было всеми манифестаторами; простой шнурок и блуза сделались предметами, направленными против правительства, потому что так угодно было манифестаторам.

вий, а даже и злоупотреблений. Происходило это от следующих причин: во-первых, что военные команды, употреблявшиеся для полицейской службы, не были, как бы в подобных случаях следовало, исключительно в распоряжении обер-полицмейстера, а в чьем именно распоряжении они находились, я до сих пор не в состоянии объяснить. Лица, исполняющие полицейские обязанности, не были отчислены от своих частей, а оставались при них и не действовали по указанию полицейских чиновников, а по собственному усмотрению (samodzielnie). Во-вторых, военные, привыкшие по характеру своей службы к буквальному исполнению приказаний, обращали внимание только на букву, определяющую общий характер событий, и как непривычные не были в состоянии надлежащим образом оценить и принять во внимание все обстоятельства, сопутствовавшие отдельным происшествиям и которые весьма часто совершенно изменяли их значение. В-третьих, войско, непрестанно терпя от толпы оскорбления и насмешки, не всегда было в состоянии сохранить необходимое хладнокровие, рассудительность и такт в обращении; известно, что и без таких причин солдаты не очень деликатны при исполнении возлагаемых на них поручений*.

Этими словами оканчивая общий очерк происшествий от 8 апреля до конца августа, прибавлю еще, что во всех действиях правительства, направленных против манифестаций, всегда и везде заметны были шаткость и недостаток энергии и решительности. Оттого-то после пятимесячной борьбы, отвратительной даже при одном воспоминании об ней, правительство не успокоило края и не подавило манифестаций, и говорят, что генерал Сухозанет, оставляя Варшаву, произнес следующие, без сомнения, неприятные для него слова: «я проиграл кампанию против варшавских уличников» («przegrał wojnę z ulicznikami Warszawskimi»). Впрочем, и во всех вообще действиях правительства заметна была такая же шаткость; везде недостаток уверенности в себе, везде недостаток необходимой в то время решительности и энергии, везде правительство действовало как бы ощупью и как бы чего-то опасаясь (jakby po omacku i z obawą).

Вышеизложенный обзор событий пятимесячного периода (с 8 апреля до конца августа) я намерен дополнить теперь некоторыми общими замечаниями с той целью, чтобы ярче выказать прогрессивное развитие агитации и те элементы, которые более всего ее возбуждали и поддерживали. В этих замечаниях я буду держаться как путеводной нити вышеизложенных условий, обязывавших нас и правительство. Итак:

1. Неоспоримо, что личности наместников имеют великое влияние на общее положение края, на все без исключения события. Приняв это за основание, я обязан засвидетельствовать, может быть, ошибочно, но по глубочайшему моему убеждению, что в то время мы не были счастливы в смысле общего направления всех дел страны, зависящего от личного характера наших наместников. О князе Горчакове, которого мы можем только уважать от всей души и которого смерть без всякого сомнения мы сами ускорили своим поведением, не буду ничего говорить. Погибшее время делегаций, отличавшееся ежедневной переменчивостью и шаткостью, само достаточно

.....

* Об этом предмете я упомянул несколько подробнее для того, чтобы отклонить от себя подозрение в том, что я разделяю вопли и крики тогдашних газетчиков. Если бы верить газетчикам, то пришлось бы считать по крайней мере половину Варшавы замученной и разграбленной. Я весьма далек от подобных преувеличений, но, однако же, нельзя оспаривать, что много было примеров, подавших основание говорить о военно-полицейской службе то, что я высказал выше.

свидетельствует, что князь Горчаков не мог управиться с трудными обстоятельствами, в которых находился, и не уменьшил, а увеличил еще затруднения. Генерал Сухозанет, насколько мы сами его узнали, насколько отзывались о нем сами русские, насколько, наконец, можно было судить о нем по трехмесячной его деятельности, был только верным солдатом (*szczerzy żołnierz*), но вовсе не был в состоянии разрешить наше натянутое положение и развязать наши перепутанные отношения, а рассечь эти накопившиеся узлы и затруднения не решался. Я вовсе не хочу чем-либо оскорбить почтенного заслуженного генерала, но, по моему полному убеждению, наш край в тогдашнее трудное время требовал иного правителя.

Не имею ни малейшего намерения утверждать этим, что тогдашний наш наместник не должен был иметь свойств чисто военного человека, напротив, нам тогда необходима была хотя бы даже самая сильная и непреклонная воля и энергия солдата, но вместе с этим необходимыми и неизбежными условиями нам нужен был еще и прежде всего политик (*nadewszystko polityka*); положение края во что бы то ни стало требовало государственного человека (*wymagał gwałtem męża stanu*) (или старого, опытного и, как говорится, закаленного, или, что, по моему мнению, еще было лучше, молодого), который бы совершенно проникнут был новой политикой монарха и имел бы уже заранее обозначенный путь для действия и через то мог бы решаться быстро, самостоятельно; который бы хотя немного знал нас, наше прошлое и наше настоящее и не был вместе с тем чужд тем страстям и стремлениям, которые везде потрясают массы современных обществ, который бы, наконец, вместе с качествами, необходимыми для всестороннего гражданского управления краем, обладал еще искусством уничтожать оппозиции и интриги, хотя бы даже такие бесплодные и бессильные, как наши, и который в случае надобности имел бы достаточно смелости и умения для того, чтобы неразрешимые мирным путем затруднения разбивать и разрушать силой. Кроме всех этих качеств, необходимо еще было то, что бывает необходимо и во всякое вообще время, но что тогда требовалось более чем когда-либо, а именно, чтобы высший правитель наш как императорско-королевский наместник, как вице-король *de facto*, возвышался в крае (*głównań nad krajem*), обладал высоким, никогда не нарушимым и внушающим всеобщее уважение значением; чтобы все и всегда безусловно ему повиновались и чтобы по крайней мере последствия его действий (если уж не самый ход и развитие их) внушали к нему любовь и благословения жителей. Генерал Сухозанет (разбирая все его трехмесячные действия от начала до конца) не был таким: он перестал быть солдатом и ни разу не показал себя политиком.

2. Может быть, ошибочно, но на основании фактов, смею утверждать, что все действия правительства того времени обнаруживали недостаток решимости и твердости намерений власти относительно определения, содержания и объема новой системы. Все как бы говорило, что правительство сознательно порешило только относительно *основной мысли* новой политики, означенной словом *автономия внутреннего управления*, но какой образ должна была принять эта мысль, каким путем и какими органами и действиями она должна была осуществиться и сделаться выразительным и для всех очевидным фактом, это казалось еще не решенным, неопределенным, неизвестным. Если такое мое предположение не согласно с истиной, то тем хуже для правительства, которое своими действиями, казалось, так и противоречило этой истине. Итак:

а) Для того, чтобы новая система сделалась выразительным и для всех очевидным фактом, необходимо нужно было, чтобы основные законы о Государственном совете и об уездных и городских советах изданы и объявлены были вслед за тем, как правительство решило издать их (например, тотчас по возвращении маркиза Велепольского из Петербурга); чтобы эти законы приведены были в исполнение безотлагательно и чтобы зависимость нашей администрации от петербургских министерств была прекращена. Этого требовали и тогдашние исключительные и чрезвычайно важные обстоятельства края, и даже постоянный его интерес — безусловное благо. А между тем, как известно, на деле случилось иначе. Законы о советах объявлены были уже после смерти князя Горчакова, следовательно месяца через два после возвращения г. Велепольского из Петербурга и месяца через три от начала манифестаций. Государственный совет был установлен несколькими неделями позже, но еще не начал действовать. Законы о выборах в уездные и городские советы в то время еще не были объявлены, а потому ни к выборам, ни к открытию советов не приступали. Одно только последнее условие, т. е. независимость администрации, благодаря стараниям маркиза Велепольского, понемногу, но решительно начало осуществляться на самом деле. Почему правительство так долго откладывало дело, столь важное по тогдашним обстоятельствам и которого на самом деле не было никакой надобности откладывать целые шесть месяцев, почти невозможно понять, тем более что вред от такой проволоочки был несомненен и очевиден.

б) Для надлежащего, правильного и успешного осуществления (и даже для самого приступа к этому осуществлению) новой системы, как равно для основательности и правильности всех вообще действий правительства, требовалось иметь соответственные орудия и соответственных чиновников. Т. е., выражаясь яснее, правительство к началу этой новой для края эпохи необходимо должно было иметь верных себе, понимающих и преданных новой системе, способных и вместе с тем сходящихся между собою во взглядах главных директоров и вообще начальствующих сановников, а никак не ненадежных (перешуш), бесцветных и беспрестанно сменявшихся (как это было на самом деле). То же самое следует сказать о качествах, которые требовались от губернаторов, а между тем они во всех отношениях различествовали один от другого: в одном месте был военный, в другом — гражданский, и каждый с особенными убеждениями, с различным пониманием нового порядка вещей; да кроме того, и эти-то губернаторы не были постоянны. Одним словом, необходимы были ближайшие советники, ближайшие исполнители и верные руки, а этого правительство не имело, хотя, по истине, шести месяцев было более чем достаточно для того, чтобы найти их, а без этого, хотя бы г. Велепольский был политическим гигантом, то и тогда не только не мог бы со всем управиться, но даже (что и случалось) хорошее начинание чего-либо, порядок, гармония и уверенность в действиях были невозможны в самых правительственных сферах.

в) В связи с этим находится необходимость разделения и совершеннейшего разграничения от верху до низу властей гражданских от военных; но и этого также не было сделано в продолжение всего шестимесячного периода. Оттого-то повсеместно происходили между этими властями предосудительные споры, а между прочими всем известный спор между наместником и правой рукой правительства — маркизом Велепольским.

г) Деятельность правительства по предмету реформ в законодательстве и изменений в наших учреждениях, за исключением деятельности маркиза

Велепольского, была ничтожной, и вообще в то время правительство еще никаких постановлений не издало. Конечно, нельзя было желать сразу получить значительные и удовлетворительные результаты; это было невозможно, ибо основательные труды по законодательству требуют более продолжительного времени; но все же необходимо было, чтобы правительство с первого шага выказало живую и всестороннюю деятельность, а этого то и не было. Да наконец, в продолжение шести месяцев могли же мы ожидать от правительства каких-либо, хоть небольших, результатов его труда. К этому же относится бездействие или невнимание к очевидной необходимости преобразовать полицию. Хотя генерал Потапов и занимался этим предметом, ездил несколько раз в Петербург, совещался, но полиции все же не было, несмотря на то, что времени было весьма достаточно, чтобы ее совершенно переформировать. Вред от такого положения вещей несомненен и очевиден; а именно, в управлении возникли недоумение и шаткость, если даже не анархия, а оттого погибали в самом начале хорошие практические результаты, которые возможны лишь при уверенности, единодушии, порядке, быстроте и энергии действий правительства. Сверх того, вышеуказанные отрицательные стороны правительственных действий бросали (а тем более при стараниях манифестаторов) тень неискренности на намерения и постановления правительства относительно новой у нас политики, а по крайней мере порождали подозрения и предположения о существовании какой-то борьбы в среде самого правительства, которая если не угрожает совершенным отменением новой системы, то может изменить ее при самом исполнении и в окончательном результате привести ее к нулю.

Все это, наконец, поддерживало жалкую пассивную оппозицию, давало ей большее значение, чем она действительно имела и заслуживала, а также поддерживало и увеличивало манифестационную агитацию.

3. Что же сказать о мерах, предпринятых правительством против манифестаций? Полагаю, что даже самая благорасположенная к правительству критика может и должна только осуждать эти меры. Это в полном смысле слова от начала до конца и до мельчайших подробностей был безвыходный хаос. Вместе с тем это было редкое зрелище грустной и смешной борьбы, а вернее сказать, смешного барахтанья действительной и великой силы с действительной и великой слабостью, а именно с безоружной страстью. Произошло это, во-первых, оттого, что правительство преувеличило важность и значение катастрофы 8 апреля, принимая ее как настоящий в своем роде *coup d'état*; а между тем уже на второй день или через несколько дней после катастрофы, когда варшавские мальчишки показались на улицах *среди белого дня с фонарями на шестах* и запрещенные манифестации укрылись под крылья костела и религии, можно было убедиться, что манифестационный дух и стремления не были подавлены 8 апреля и что следовало предпринять другие, более действительные меры. Между тем таких мер, *серьезных мер не было* принято. Все, что только было употреблено против манифестаций, было только смещением противоречащих себе полумер или, вернее говоря, унижительной для власти придиричивостью (*ubliżające władzy przekomarzanie się*). Чтобы постановить какие-либо действительные меры, прежде всего следовало определить, что именно и преимущественно должно подвергаться законному преследованию? А между тем в то время ни разу не было серьезно сделано такого определения. Полиция с помощью войска преследовала наряды и мелочи, расходовала все свои силы на эту пустую

войну и через то нередко сама становилась смешной*; пение же гимнов, что было важнее всех контушов и поясов, *письменно и публично вовсе не было запрещено*, как ни трудно этому верить. Потом надо было непременно знать главный источник и центр манифестаций (если уж нельзя было знать самих зачинщиков) и против него обратить свои главные и благоразумно употребляемые меры. Между тем правительство или не видело в костельных процессах и молебствиях главного источника манифестаций, или не хотело видеть и против них не принимало никаких мер, ограничиваясь предложениями, представлениями и разными подобными недействительными обращениями к власти духовной (*bezskutecznejmi krokami do władzy duchownej*). Наконец, надо было ясно выразить, кто и в каких пределах имеет исключительное право и обязанность преследовать нарушителей постановлений правительства и какой ответственности и перед какой властью подвергаются ослушники. А между тем, как известно, все делали всё как бы нарочно так, чтобы ничего не сделать, да вдобавок еще, чтобы завести ссору для полнейшей потехи и успеха манифестаторов. Словом сказать, нужен был *закон*, определяющий раз навсегда, что именно считать виной, кого виновным, кто должен преследовать виновных, кто и кого должен наказывать и как наказывать. А сверх того, надобно было, чтобы этот закон, как и каждый закон, был исполняем добросовестно, беспристрастно и с полной энергией. Но этого, еще раз повторяю, не было. В этом отношении хаос в правительстве имел весьма натуральные последствия, о которых и говорить нечего, довольно вспомнить самое главнейшее, а именно, что манифестации не могли прекратиться, а должны были развиваться.

Все вышеупомянутые правительственные ошибки и упущения происходили отчасти вследствие неудовлетворения требованиям и обязанностям, лежавшим на правительстве как на правительстве вообще; отчасти вследствие неизбежных затруднений, какие обыкновенно сопровождают внезапные переходы от одной системы управления к другой, совершенно противоположной; отчасти, наконец, происходили они из самого чистого источника, что одно уже служит обвинительным приговором против нас, т. е. против действий наших политиков. И в самом деле, правительство со времени начала манифестаций искренно желало начать новую и счастливую для нашего края эпоху, желало предать забвению все прошедшее, не лишнее взаимных упреков, и, открывая новую жизнь, требовало от нас только доверия, любви и честного, полезного труда. Правительство хотело и беспрестанно разными путями зывало к нам, чтобы мы подали ему гражданскую руку помощи в его тяжком для нашего же блага труде; правительство хотело и беспрестанно зывало к нам, чтобы мы некоторым образом сами сделали виновниками нашего счастья и занялись реформой и возрождением нашего внутреннего быта; правительство, наконец, отдавало нам (разом или только по частям? — это вопросы не важные) край в наши собственные руки и за это требовало от нас, как я сказал уже, только доверия и любви. И вот на этом пути желаний и стремлений своих правительство встретило так называемую пассивную оппозицию в нашей интеллигенции, в наших политиках, которая почти на каждом шагу ставила препятствия правительственным планам, задерживала и парализовала течение дел в крае. Может быть, некоторые скажут, что правительство само произвело

.....

* Правительство, преследуя такие безделки, как, например, костюмы, придало им манифестационное значение и привело к смешному все старания и усилия полиции. Как бы ни было, но в самом деле смешна война, например, за блузы, пояски, шурки и проч.

оппозицию и укрепляло ее своими ошибками, но на это с твердой уверенностью я обязан отвечать, что эти люди говорят *неправду*. Я очень хорошо понимаю, что правительство могло свернуть голову этой пустой, бесцветной и бессмысленной пассивной оппозиции, этому отвратительному политическому гермафродитизму, порожденному шляхетской бездарностью и вялостью, и что если правительство не свернуло этой слабой головы, то в этом заключается неоспоримо его вина; не менее ясно и то, что правительство, не сокрушив этой бездарности или не примирив ее с собой (о чем оно старалось), последующими своими ошибками увеличивало его силу и значение, но все же никогда наша оппозиция не может быть почитаема родным детищем правительственных действий, потому что это наше собственное порождение, элемент, вышедший самобытно из нашего собственного недра. По таким качествам этой оппозиции, полагаю необходимым сказать о ней особенно несколько слов, тем более, что, кроме своего временного значения, она еще произвела много последствий в будущем.

4. Эта оппозиция наша, так называемая пассивная (*biegna*), была, как известно, двоякого рода: светская и духовная. О каждой из них я должен сказать в отдельности.

а) Светская пассивная оппозиция

Из всех воспоминаний о наших событиях в последние годы это явление для меня самое неприятное, и я вспоминаю о нем с полным отвращением. Повсюду, во всех других стремлениях можно усмотреть хорошую или дурную сторону и даже иногда сумасшествие — гибель края, от которой душа преисполняется печалью и которая вызывает упреки совести и заставляет оплакивать никогда и ничем не вознаградимые потери; но во всем вместе с тем есть по крайней мере какой-нибудь смысл, какая-нибудь ясная мысль, определенная цель, некоторая логика в действиях. Пассивная же оппозиция наших политиков есть явление бесцветное, действие без смысла и логики, это болезненное растение, возросшее на поверхности бедной страны нашей, и, однако же, нельзя не признать, что составители и деятели оппозиции, а по крайней мере ее главные представители были действительно люди умные, искренно любящие край и более или менее оказавшие услуги отечеству.

Но лучше вместо слов взглянем поближе на самую оппозицию и припомним ее состав, а также откуда она произошла, чего хотела, что делала и чего достигла. Судя по ее составу, казалось бы, что она будет каким-то важным и обильным последствием явления, что в этом организме великая душа, великие планы. Составляли ее люди, которые имели неоспоримое право по своему образованию, опытности и общественному положению быть передовыми личностями в народе. Пополнялась она из бывшего Агрономического общества и из среды высших варшавских граждан, а представителями ее были комитет уничтоженного Агрономического общества и прежняя городская делегация; главою же всей оппозиции был гр. Андрей Замойский. Итак, это была действительная и великая сила, если бы только она захотела быть производительной, которая могла бы решительно влиять на судьбы края. Пассивная оппозиция появилась (не добираясь глубже, что повело бы к длинным и мелочным разборам, но, однако же, не нарушая ни в чем истины) благодаря кровавому минутному впечатлению, произведенному на массу катастрофой 8 апреля, как равно благодаря временному неприязненному расположению массы к правительству, произведенному тем же событием. Это был *пункт исхода* для оппозиции; но не более того — *не причина и не источник* ее, хотя и прежде, а вероятно, и теперь, по дипломатической ли тактике, или

вследствие путаницы в делах и в понятиях многие указывают на эту несчастную катастрофу как на виновницу всех зол. Не удивительно и даже весьма естественно, что масса молодежи и необразованной черни увлекалась впечатлением минуты, подчинялась чувству, вызванному братней кровью и крутым переходом от неограниченной свободы к мерам строгости. Это и не могло быть иначе, но никогда нельзя объяснять подобным же образом, не унижая себя самих, направление, принятое представителями народного разума. Разум должен был различить и, без сомнения, различал переходные минуты, минуты, какие, к сожалению, случаются на всем свете, от постоянных и неизменных намерений правительства, от постоянной, уже установленной и неизменной его в отношении края политики. Разум должен был понять и, без сомнения, понял, что времена делегационной республики вечно продолжаться не могут и что правительство, не имея возможности склонить чернь к прекращению бесцельных и бессмысленных сборищ всеми испытанными, даже с ущербом для своей власти, мерами, вынуждено было подавить их силой, и тем более, что представители нашего разума, имея в своих руках город и край в продолжение 40 дней, ничего, как известно, не сделали для успокоения умов. Нет, тяжкие минутные жертвы не были причиной и источником оппозиции. Впрочем, если бы эта несчастная оппозиция продолжалась только две, три недели, то можно было бы еще поверить, что всеобщее чувство, всеобщее кратковременное впечатление были так велики и сильны, что увлекли за собой даже все авторитеты благоразумия и ума, поглотили на время все; можно было бы, повторяю, поверить этому и признать один печальный факт причиной минутной мимолетной оппозиции, потому что это было бы естественно и возможно. Но пятимесячного упорствования и постоянства в одном и том же самом настроении, несмотря на все старания правительства, никак нельзя отнести за счет одного факта, хотя бы во сто раз более печального, чем катастрофа 8 апреля, потому что здесь идет дело не о массе, живущей только одними чувствами и впечатлениями, а о представительстве народного разума (o zbiogowy rozum). Итак, причина заключается не в этом, а в чем-либо другом.

Правительство удалило г. Муханова, объявило, что удовлетворит нашим основательным желанием, очевидно показывало, что решилось переменить систему управления. Все это были поводы к сближению нашему с правительством. Далее, правительство назначило г. Велепольского, уничтожило без спросу (nie pytając się) праздную и неспособную делегацию, уничтожило также без спросу праздное (gróźniackie), крикливое, хаотическое Агрономическое общество, правительство, наконец, не исповедовалось в своих ежедневных намерениях, и вот причина оппозиции, или вернее наружная сторона этой причины. Внутренней же стороной, говоря прямо, были обманутые надежды представителей оппозиции, которые были уверены, что при перемене у нас системы управления власть и управление делами будут вверены лицам из среды уничтоженного общества и уничтоженной делегации, что они-то собственно будут непосредственными советниками и исполнителями правительства, инициаторами и что они захватят, таким образом, всю власть в свои руки. Это, по моему убеждению, настоящая причина и источник нашей оппозиции. К этому прибавлю, что причина эта весьма важна и притом ни в чем не оскорбительна для членов оппозиции, потому что власть и ведение дел — вещи величайшего значения, — что желать власти, требовать ее и домогаться для блага края составляет право и обязанность каждого, кто чувствует себя способным к этой власти.

Хорошо ли или дурно вышло для нас, что власть с самого начала не досталась в руки будущих оппонентов, об этом говорить не буду, это отдалило бы меня от главного предмета; довольно сказать, что она им не досталась и что этот решительный факт произвел оппозицию. Мимоходом скажу, что оппоненты сами виноваты в том, что были обмануты в своих надеждах, потому что кто хочет власти, тот должен непременно о том стараться, ибо сама она не приходит, а посредством адреса, составленного умышленно в неопределенном тоне, или посредством совещаний делегации и заседаний в клубе приобрести ее было невозможно.

На свете повсюду случаются разного рода оппозиции; отчего же не быть ей и у нас? Но только нужно, чтобы она знала, чего хочет, и употребляла соответственные и действительные средства для достижения своих целей, только бы она привела к последствиям, полезным для края, тогда, т. е. при этих условиях, она была бы делом, заслуживающим благодарности и благоговение народа. Прежде чем укажем, какой именно характер имела она у нас, припомним обстоятельства этого пятимесячного времени, чтобы в самом начале определить приблизительно, была ли уместна при тех обстоятельствах пассивная оппозиция, и следовательно, была ли она потребностью общества.

В это время в нашем крае были два главных деятеля: с одной стороны, правительство, сильное, несмотря на все свои недостатки, сильное до такой степени, что во всяком случае после краткой или продолжительной борьбы оно могло охватить нас своей силой и раздавить все воздвигаемые нами на пути его препятствия; с другой стороны, у нас были манифестации, т. е. толпы, исполненные чувства, могущие даже кипеть страстью, но безоружные, без принятой твердой мысли и принадлежащие только к классу городского населения, следовательно, бессильные и державшиеся не собственной мощью, а ошибками правительства, которое не хотело их разбить и рассеять. Эта манифестационная сила при наилучших для нее обстоятельствах ничего не была способна создать и не все сумела бы разрушить. Правительство давало нам, как известно, большие или меньшие льготы, давало большие или меньшие реформы, а в тех и в других край наш крайне нуждался. Манифестаторы давали нам в данное время одни только манифестации, а в неопределенной будущности, по самому лучшему предположению, туманную и неизвестно в какой мере сильную революцию.

Вот в таких-то обстоятельствах находилась наша интеллигенция до и после 8 апреля. Правительство говорило ей: «Я вам даю такие-то и такие-то данные, возьмите их, помогите мне для вашего же блага развить их и привести в исполнение, трудитесь и говорите всегда искренно, только благоразумно и в законных границах, чего вам нужно». Манифестаторы между тем говорили: «Не слушайте правительства, делайте с нами манифестации, и мы возобновим Польшу; как именно? — сами того не знаем, но верим в это, как в бога». Какую же, является вопрос, играли роль в этих обстоятельствах политические люди, наша интеллигенция? По моему мнению, им предстояло одно из двух: или идти с правительством, или с манифестаторами; или пристать к движению раз навсегда и решительно и этим придать бессознательному чувству разумность, опыт и капитал, взять манифестации в свои руки, организовать революцию, создать силу и сражаться открыто, т. е., другими словами, вести оппозицию в полном смысле *деятельную*, прервать всякие сношения с правительством, даже не сближаться с ним, разве только для борьбы или так, как, например, Маццини сближался с папой после

1846 г.; или же обязанностью наших политиков было искренно соединиться с правительством и под его руководством всеми силами трудиться на пути реформ, т. е. на пути всестороннего возрождения нашего внутреннего быта, но в таком случае следовало уже решительно разорвать всякие связи с манифестаторами и употребить все свое влияние и все средства на подавление манифестаций, которые были совершенно противны нормальному развитию народной жизни и всякому порядочному прогрессивному труду. Других дорог в тогдашних обстоятельствах для нашей интеллигенции (кроме означенных двух), по моему мнению, не было, а потому непременно следовало избрать одну из них, соответствующую политическим их убеждениям. Как известно, наши политики не пошли ни по одной из этих дорог; это тем более удивительно, что почти вся тогдашняя наша интеллигенция по своим убеждениям и по взгляду на вещи была совершенно противна мысли о революции; вся явно желала нормального прогресса на пути возрождения края и не только тогда, но даже до самого восстания беспрестанно воевала (в диспутах) с революционистами, и вечно и непрерывно толковала о необходимости так называемого «органического развития народных сил» (*organicznego rozwoju sił narodowych*) (собственное их выражение). Сверх того, из числа этих политиков многие, которых следует считать предводителями остальных, как, например, г. Замоиский, братья Курцы и другие, всегда были самыми решительными врагами революции, и если бы они жили хоть сто лет и в самых благоприятных для восстания обстоятельствах, то все-таки не сделали бы и одного шага для поддержания заговора или какого бы то ни было действия, имеющего целью революцию. Таким образом, возникает вопрос, чего же хотели люди, которых главой был г. Андрей Замоиский? К чему они стремились? Прямо на этот вопрос отвечать трудно, потому что первородным грехом этих людей (если не натурой их) было то, что они никогда не отдавали себе отчета в том, чего они хотели и к чему стремились. Рассматривая, однако же, внимательно речи этих людей, их псевдодействия и их характеры, я пришел к заключению, что они хотели *достигнуть власти и добиться от правительства больших льгот и уступок, чем те, которые были уже получены*, а сознавая в то же время, что правительство в них нуждается, что они могут оказать ему значительные услуги своим влиянием, своими способностями и трудами, своим значением в народе, порешили, что скорее всего успеют осуществить свои планы тем, что не будут поддерживать правительства, ничего не будут делать в пользу его, или другими словами, наилучшим путем, ведущим прямо к цели, признали так называемую *пассивную оппозицию* (*bierną opozycją*). Чтобы надлежащим образом понять, в чем заключалась эта пассивная оппозиция и вместе с тем оценить ее значение для края и для самих оппонентов, я считаю нужным рассмотреть этот предмет ближе.

Прежде всего я должен выразить здесь мое мнение, что насильно домогаться высшей власти в крае, в то время когда она находилась уже в других руках и когда это не угрожало стране никакой опасностью, было уже не правом, не гражданской обязанностью, а некоторым образом *гражданским грехом* (*obywatelskim grzechem*).

Маркиз Велепольский, несмотря на свое первостепенное правительственное и общественное положение, не мог быть и, как известно, не был альфой и омегой правительства, и не мог исключительно сам заниматься управлением нашими делами, а также не хотел и не в состоянии был разделять свои труды по управлению с людьми своего оттенка или своей партии,

а напротив того, он хотел и мог иметь своими сотрудниками только самих же оппонентов и об этом усердно и беспрестанно старался. Итак, из столь пустого в сущности дела, а именно, из того, что маркиз был первым лицом, а другие должны были быть вторыми, десятymi или пятнадцатыми чиновниками и слугами правительства, делать государственный вопрос первой важности и отказывать правительству в малейшей своей помощи и содействии было, по моему мнению, великим гражданским грехом. В равной мере, по моему убеждению, великим гражданским грехом оппонентов было делать подобный же государственный вопрос из того, что дарованные правительством льготы и обещанные реформы оказались им малыми и недостаточными для края. Прежде всего следовало подумать, были ли нужны и необходимы для края в то время более широкие льготы и уступки (например, сейм, конституция), нежели те, которые были правительством дарованы или обещаны *. Необходимость эта тем более была сомнительна, что льготы и реформы, уже дарованные и предпринятые, как-то: советы государственный и выборные, польский элемент в составе управлений (polskość zarządu), независимые дел в крае от петербургских министерств, как бы ни казались ничтожными в глазах оппонентов, но несомненно представляли обширное поприще для нашего труда и позволяли если не все, то весьма многое основательно переобразовать и исправить. Уклонение же от этого труда и от преобразований в крае, т. е. не оказывание правительству полного и искреннего содействия в этом деле, я потому называю не ошибкой, а гражданским грехом оппонентов, что они *весьма хорошо понимали возможность такого труда и реформы даже в пределах тех льгот, которые дарованы были правительством* (хотя и могли считать их недостаточными), что вполне знали, как нуждался край в этом труде, что они совершенно способны были к этому труду, а не трудились и сознательно теряли наилучшее время для неизвестных, неисполнимых и неопределенных целей.

Однако же, так как я могу ошибаться в моих вышеизложенных убеждениях, так как политика позволяет всякие вообще попытки и пробы, только бы авторы принимали на себя ответственность за последствия своих действий, то допускаю на минуту, что оппоненты заявляли основательные и сообраз-

.....
* Кажется, я уже выше упомянул, что, по моему убеждению, край в то время не нуждался в больших льготах, чем те, которые уже были ему дарованы. Нужная и полезная для нас политика, по моему мнению, прежде всего требовала устроить край на новых основаниях, преобразовать его учреждения, исправить законы, а для всего этого нужна была быстрота в действиях правительства, нужен был наш труд и наше содействие правительству, но под его непосредственным руководством и во всегдашней, ничем не прерываемой зависимости от него. Сверх сего, дарованные льготы были совершенно достаточны, а сейм по природе своей замедлил бы ход дел, задерживал бы правительство на пути непрерывного прогресса (w ciągłym postępie); большую часть времени мы теряли бы на приготовления к сейму, на выборы, совещания и т. п. Это замедление тем более происходило бы у нас потому, что в лоне сейма правительство тотчас встретило бы преобладающую парламентскую оппозицию (przeważną opozycję parlamentarną). Словом, надо было приготовить край к принятию этих благословенных плодов труда человеческого—конституции и сейма,—прежде чем могли бы мы начать ими пользоваться. Даже во время революции революционное правительство и с ним все красные так хорошо понимали это дело, что постановили: в случае освобождения более значительной части края от русского войска не созывать сейм до тех пор, пока не будут приведены в исполнение каким бы ни было способом, хотя бы даже путем революционной диктатуры, новые, важные и продолжительные реформы в современном обществе (какова, например, крестьянская реформа). Мы знали отлично хорошо, что сейм, хотя бы составленный из наиболее согласных между собой стихий, будет препятствовать интересам края. И я смело могу сказать, что в случае торжества революции первый сейм был бы создан по устройстве края в главнейших его основаниях и только для решения вопроса о форме правительства и для выбора короля.

ные с ползлами края требования и что, начавши с правительством *молчаливую* борьбу (*stanąwszy do milczącej walki*), исполняли гражданский долг. Но в таком случае та же самая допускающая разные пробы политика кладет следующие неперменные условия:

1. Чтобы прежде всего оппоненты ясно определили свои требования и для себя, и для правительства, а через то, чтобы и сами знали, чего держаться и как далеко идти, и дали знать правительству, чего хочет оппозиция. Применяя это к нашему положению того времени, необходимо было, чтобы оппоненты дали отчет себе и ясно высказали правительству (раньше или позже, тем или другим путем), что они хотят власти, что хотят, чтобы господа X, Y, Z были удалены, а вместо них чтобы были назначены гг. А, В, С. То же самое и в отношении к требуемым уступкам и льготам, а именно: следовало ясно определить и для себя, и для правительства *тахитим* льгот, которые, по мнению оппонентов, необходимы для края и которые дадут возможность им самим трудиться для своих братьев и содействовать правительству.

2. Чтобы *тахитим* требований, предъявляемых оппонентами правительству, было вообще такое, на которое правительство могло бы согласиться, не жертвуя интересами государства и власти.

3. Чтобы для достижения предположенных целей избраны были средства самые действительные, соответственные и приблизительно ручающиеся за успех. Эти условия так естественны и так неизбежны, что все действия, совершаемые без соблюдения их, следует почитать не за исполнение гражданского долга, а за преступную в отношении к краю игру в политику. Что касается до первых двух условий, то оппозиция вовсе их не исполнила: никогда, ни разу не заявила она, что хочет власти, что хочет устранения, положим, г. Велепольского, тех или других главных директоров, губернаторов и т. п.; о всем этом можно было догадываться, но ведь трудно требовать, чтобы маркиз Велепольский, несмотря на эту возможность, захотел бы догадаться; наместники же, а тем более сам государь, не имея возможности знать о наших домашних тайнах, не могли ничего верного и определительного прочесть на кислых физиономиях оппонентов.

В таком же точно положении находилось дело о домогательстве уступок и льгот. Следуя духу и примеру неопределенного адреса, оппоненты ограничивались обнаружением неудовольствия, ничуть не высказывая *тахитим* своих желаний, и только догадываться можно было, что эти желания неограниченны и что по меньшей мере они доходят до отдельной Польши (в бывших перед разделом границах) под владычеством России, но с конституцией и народной армией; а этого опять русский император не мог ни угадать, ни даровать. Революционисты хотели того же самого, только яснее и с большей разницей (в свою пользу) относительно логики. Они из политической азбуки знали, что русское правительство не в состоянии удовлетворить таких ожиданий, что, желая достигнуть подобной цели, надобно вступить в открытый бой с правительством и силой завоевать то, чего они хотели, и что одни пассивные и кислые оппозиции никаким образом не добудут от русского правительства прежней нераздельной Польши. Это так просто и понятно, что стыдно даже говорить об этом. Таким образом, не удовлетворивши первым двум условиям, оппозиция могла считать уже свое дело потерянным; восстановить его могли разве какие-нибудь сильные, разумные, действительные средства, но к сожалению, таких средств не было вовсе. Самое название *пассивной* оппозиции поясняет, что это было что-то неподвиж-

ное и нейтральное, что это была политика, опирающаяся не на действия, а именно на бездействие. Вся тактика оппозиции состояла в том, чтобы с правительством быть одновременно и в хороших и в дурных отношениях, держать себя близко и далеко, и вместе с тем, чтобы и к манифестаторам относиться приязненно, искренно, радушно и в то же самое время, если не враждебно, то по крайней мере с заметным, очевидным желанием отделяться от них. Подобные крайности кажется невозможно согласить, однако же наши пассивные политики как-то сумели сделать это.

Чтобы лучше объяснить эту непонятную аномалию, попробую представить в нескольких чертах маневры тогдашнего нашего дипломатического искусства. Итак, в *отношении к правительству*: политики, между прочим, говорили правительству, что манифестации — вздор, которому никто из умных людей не придает важного значения, что они вредны, потому что, продолжаясь беспрерывно, мешают развитию нормального органического труда, но что они их не вызывали, не затевали и, *«несмотря на искреннейшие свои желания»*, не в состоянии содействовать к прекращению их, *«потому что при таких, как ныне, обстоятельствах, при таких, как нынешние, условиях народного быта»* взволнованное население не может успокоиться, и манифестации не могут прекратиться, и это тем более, что отдельные действия правительства, войска и полиции вследствие своих недостатков и ошибок поддерживают и увеличивают волнение толпы. К этому прибавляли они, что такой [-то] офицер, солдат или казак сделал там-то такое-то злоупотребление или беззаконие, или что такой-то полициант поступил там-то несправедливо и противозаконно. Таковы маневры с правительством по предмету манифестаций. О дарованных льготах и реформах пассивные оппоненты говорили, «что все они неоспоримо хороши, для края полезны и что при них можно уже трудиться но что, однако же, они весьма тесны, недостаточны, и, *насколько им известно* положение края и расположение жителей, эти льготы и реформы не могут никогда успокоить умов, удовлетворить кого бы то ни было и укрепить согласие между властью и народом». А какие именно льготы и уступки со стороны правительства могли бы доставить эти всеми желанные результаты? — об этом судить и решать они не в состоянии, такого глубокого знакомства современного общества они себе не приписывают и в этом отношении ничего на свою ответственность принять не могут; однако же полагают, что лучше всего *«спросить об этом прямо у самого народа, потому что только он может решать такие вопросы»*. (И так казалось бы, что дипломаты окончательно хотят сейма и ставят это за тахітуп своих желаний, вовсе нет: *«Сейм только выскажет, при каких условиях мы будем удовлетворены»*, а каковы эти условия, что они такое? — в этом и есть философский камень, которого дипломаты знать и открыть не в состоянии.) Что же касается до всех других важных вопросов, как-то: участия в администрации и в трудах по приведению в исполнение новой системы и проч., оппоненты прежде всего критиковали все, а ни за что, ни за какую работу не хотели приниматься с мужественной волей, с мужественной душой. Предлагаемых должностей или вовсе не принимали, или соглашались на принятие таковых после многих уверток, отговорок и после долгих стараний правительства, как бы нехотя, как бы из милости, готовые при малейшей возможности отказаться от принятой должности, как это сделал, например, г. Волоский (P. Wołoski). Коротко выражаясь, они принимались за все, как за барщину, везде шли, а вернее не шли, а тащились как несмазанный воз по осенней колоте, но при этом постоянно так держали себя относительно правительства, чтобы правитель-

ство не могло сказать, что они абсолютно не хотят ему помогать и содействовать, а, что, напротив, они исполнены готовности, но только *при таких, как нынешние, обстоятельствах* содействовать ему не могут. Таковы были дипломатические маневры оппозиции в отношении к правительству.

Такие же маневры велись с манифестаторами. Не желая, однако, распространяться здесь о пустяках, коротко и вообще скажу, что и с манифестаторами, и с самими собою, и вообще везде оппозиция резонировала совершенно не так, как с правительством; для объяснения этого представлю два, три примера. Итак, о манифестациях говорилось: «Манифестации — это прекрасное заявление народных чувств, и слава богу, что мы наконец почувствовали себя народом в смысле наших древних преданий; самим оппонентам делать манифестации не приходится, потому что для умных людей это слишком мелкий и ничтожный предмет, но принимать по обстоятельствам участие в затеянной уже манифестации не мешает, и напротив, может даже послужить нам к заявлению перед народом и перед Европой о единстве чувств, связывающих народ с его главой, с его натуральными начальниками (zwierzchnikami). Действовать против манифестаций, стараться о прекращении их, подавлять их — невозможное дело, потому что, во-первых, это было бы почти то же, что действовать против своих собственных драгоценнейших чувств; потому, во-вторых, что при таком обращении с нами правительства, при таких, как ныне, чиновниках, при таких ничего не значащих льготах и уступках хорошо, если посредством манифестаций засвидетельствуем перед властью и перед всем светом о нашем неудовольствии, потому, наконец, что Велепольский с правительством сами заварили это пиво, пускай же сами распивают его».

О всех других вопросах между прочим говорилось: «То, что правительство дало, это нуль в сравнении с тем, чего мы желаем, и потому-то никогда этим удовлетворяться нельзя, как равно невозможно быть с властью в мире и согласии, и тем более, что нынешние чиновники не представляют никакого ручательства в искренних и добрых намерениях в отношении к краю. Следовательно, мы должны ясно высказывать наше неудовольствие и всеми средствами громко домогаться больших уступок. Однако же отвергать данные уже нам льготы и учреждения не следует, потому что все-таки с ними всегда может быть лучше, чем было прежде. Из этого вовсе, однако, не следует, что мы должны приняться за работу для осуществления их, потому что при нынешних условиях мы не можем оказать никакого содействия правительству, которому мы не доверяем и которым мы недовольны; а посмотрим, как-то Велепольскому с его чиновниками удастся эта работа без нас, да еще и при манифестациях».

Это другая сторона медали, которой первую сторону они показывали правительству. Основание такой политики оппонентов весьма просто; они себе объясняли ее более или менее следующим образом: «Правительство непременно хочет подавить манифестации и успокоить край, а также непременно хочет ввести и прочно установить новую систему и новый порядок вещей, но как правительство (как это им казалось) не в силах будет ни своими прежними средствами, ни теми, какие предложил маркиз Велепольский, разрешить обе эти задачи ко всеобщему удовольствию жителей и как, с другой стороны, оно сознает, что с содействием оппонентов обе эти задачи удалось бы исполнить несомненно, то и выходит, что правительство должно будет безотлагательно призвать оппонентов к власти и удовлетворить всем их требованиям».

И такими-то маневрами наши политики, наши разумнейшие люди, наши лучшие граждане хотели спасти край! И за такой-то бесцельной преступной игрой, в таких неосуществимых фантазиях, в таком презренном бездействии эти граждане потеряли пять наилучших месяцев! На них падает тяжкая ответственность перед краем за их суетность, носившую имя оппозиции.

Из всего сказанного о положении, какое избрала для себя наша светская интеллигенция после 8 апреля, мы видели, что с того времени она составила оппозицию против правительства, что в состав оппозиции входили люди, которых следует считать во всех отношениях главами народа, которые имели большую силу и были господами той минуты; что, происходя, как бы из зародыша, из неопределенного адреса, оппозиция явилась вследствие обманутых надежд, состоявших в том, что управление отечественными делами предоставлено будет людям, принадлежавшим к ее среде; пунктом же ее выхода была катастрофа 8 апреля. Далее мы видели из разбора тогдашних обстоятельств края, что самая логика этих обстоятельств, казалось, побуждала все, что было в обществе, к выходу или в лагерь манифестаторов, т. е. явных и действующих оппонентов, а в будущем — революционистов, или в лагерь правительства, *единственного тогда представителя* осмотрительного, прогрессивного и органического труда, что, однако же, наша интеллигенция не вошла ни в один из этих двух лагерей, а решилась создать третий, так называемой *пассивной оппозиции*. Мы видели потом, что эта пассивная оппозиция, желая власти и больших со стороны правительства льгот для края, никогда ни перед собой, ни перед правительством не определила ясно этих своих желаний и не заявила их, но можно предполагать, что она хотела того, чего правительство по значению своему и в видах интересов государства и власти никогда даровать не могло. Видели мы, наконец, что средства, которыми пассивная оппозиция намеревалась достигнуть цели, были ниже всякой критики и сводились к бездействию и к пустым, более или менее лживым и никогда не соответствовавшим интересам края аргументациям. Одним словом, мы видели уже состав оппозиции, откуда произошла она, чего хотела и что делала. Посмотрим теперь, что приобрела она, т. е. какие произвела последствия?

Последствия пассивной оппозиции были следующие:

1. Прежде всего она потеряла пять месяцев и ничего в продолжение их не делала, тогда как от представителей народного разума (*od zbiogowego gozitu paŃodu*) требуется всегда постоянная деятельность; об этой гражданской обязанности забыли граждане, довольствовавшиеся правом бесплодного толкования (*jaŃowego argumentowania*). А что в продолжение этих пяти месяцев много можно было сделать, об этом и говорить нечего.

2. Своими аргументациями оппоненты ничего, как известно, от правительства не получили. Но этого еще мало, все эти господа, проигрывая на поле дипломатии, каждую минуту подвергали край действительной и великой опасности со стороны правительства, которое могло частью или вполне остановить в исполнении или даже совершенно отменить дарованные уже льготы и учреждения и повторить, даже несколько раз, катастрофу 8 апреля.

Для всего этого требовалось только, чтобы правительство, наскучив постоянной оппозицией и не желая продолжать временного натянутого положения до бесконечности, *постановило* не заботиться более о привлечении к себе заколдованной царевны (*o zyskanie zaklętej królowny*), разорвать с ней всякие ненатуральные сношения и организовать край на новых основаниях, посредством своих, хотя бы и русских, чиновников, не обращая вни-

мания на то, можно ли будет вполне или только частью привести эти новые основания в исполнение. Кроме того, для этого же надо было, чтобы правительство, утомленное бесконечными и бессмысленными манифестациями, при невозможности подавить их полумерами или любовным путем также *постановило* (не вводя даже военного положения) издать один общий закон о манифестациях и для исполнения этого закона назначало особенных чиновников, и *решилось* бы силой истребить манифестаторов, невзирая на большие или меньшие от того жертвы. Все бы мы тогда роптали на правительство, но бог свидетель, что пассивная оппозиция была бы настоящей виновницей всех печальных и бедственных последствий для края от этой решимости правительства, потому что разумным и спасительным путем она идти не хотела. Благодаря правительству и *только одному правительству*, в продолжение этих пяти месяцев ничего подобного не случилось, но вскоре, полутора месяцами позднее, под управлением одного из самых кротких людей (как мы сами это хорошо знаем) мы имели небольшой образец того, что вообще быть могло.

Катастрофа 15 октября в костелах во время наместничества графа Ламберта (хотя сущность ее чрезвычайно была преувеличена в современных описаниях и рассказах) была последствием слепой пассивной оппозиции, которая и должна этот грустный по последствиям факт принять на свою совесть, хотя бы пополам с другим отделом оппозиции, с духовенством. И в самом деле, оппозиция предложила правительству чет или нечет, т. е. или сдаться на милость политики оппонентов, не знающих, чего они сами хотят, или стремиться к достижению прочного, ненарушимого основания для власти самыми решительными мерами, хотя бы даже силой пуль, штыков и суда. Весьма естественно, что правительство принуждено было выбрать последнее.

3. Оппоненты готовили еще большую опасность для края со стороны манифестаторов. Они забыли, что манифестации, которых сначала они сами не хотели усмирить и успокоить, а которые, напротив, всем своим поведением усердно поддерживали, что эти манифестации должны со временем развиться до грозных для края размеров, поглотить все и остановить всякую другую деятельность. Они забыли, что вскоре должно настать время, когда, невзирая на всевозможные свои старания, они не будут уже в состоянии подавить манифестаций своим влиянием, вначале столь всемогущим, что настанет время, когда общественный разум (*zbiogowy rozum*), потеряв в воздушном балансировании равновесие, падет и потеряет всякое значение и когда бедный и избалованный народ, опеку над которым сам бог поручил общественному разуму, освободится *раз навсегда* от этой опеки и подчинится влиянию и руководству детей или вовсе ему неизвестных людей и авантюристов, и, как хвост, увлечет за собой свою голову, подчиняя ее тому же влиянию и руководству. Забыли, наконец, почтенные политики, что как только молодежь, которой чувства возбуждены были манифестациями до фанатизма, заметит, что она управляет отечественными событиями и что ей подчиняются как масса народа, так и авторитеты, получит склонность к этому превратному отношению и начнет серьезно думать о дальнейшем управлении судьбами края, т. е., другими словами, что молодежь, не долго выжидая, составит заговор и втянет край, мимо воли и без спросу у оппонентов, в революцию, да еще в революцию без всякой силы, без средств, без направления, без надежды на победу, без будущности и повергнет отечество в бездну несчастья, а самих оппонентов сделает

жертвами против их воли и без веры в успех дела. На эту опасность наши авторитеты (powagi pasze) не обратили внимания, хотя по самой строгой логике фактов только таких результатов следовало ожидать, тем более у нас, где народный катехизис был религией молодежи, война — романом молодости, прелестнейшей мечтой, а «*Woze coś Polskę*» — боевой песней; а что разум падает там, где многочисленные собрания составляют ежедневную жизнь общества, об этом каждое руководство истории говорит самым ясным образом. Правда, что революция еще только виднелась в будущем, но к концу этого времени, а особенно в следующих за тем месяцах, манифестации охватили уже всё; сила убеждения, влияние ума и положения в обществе уже не могли действовать на подавление манифестаций; разум, лета и заслуги пали, а на их место явились руководителями молодость, неопытность, необразованность, одним словом, — *неразумие*, а оппоненты, как хвост, тащились за ним; наконец, с этого уже времени начал выработываться зародыш революции — заговор.

Надеюсь, что никто не осудит меня в преувеличении за то, что я приписываю эти результаты, если не все сполна, то большую их часть существованию пассивной оппозиции.

4. Поведение духовенства во время манифестаций в значительной степени зависело также от политики пассивных оппонентов. Если и нельзя сказать, что они первые вывели духовенство из свойственного ему положения, то невозможно опровергнуть, что они вызвали духовенство к взаимному с ними действию против правительства, что всегда имели на него большое влияние, которого не хотели употребить к пользе, и что, наконец, вообще поведение народного разума в отношении к правительству, участие его в манифестациях и т. п. давало духовенству ложное убеждение, что оно служит отечеству, давая манифестаторам защиту в костелах. По крайней мере для меня не подлежит никакому сомнению, что вся высшая духовная иерархия без спора и без колебания послушала бы таких людей, как, например, гр. Замойский, члены делегации или члены комитета Агрономического общества, только бы они захотели представить ей действительный интерес края в надлежащем свете.

5. Наконец, еще есть одно последствие существования пассивной оппозиции, последствие оригинальное, какого любители неопределенности никогда не предполагали и о котором, вероятно, и донныне еще не знают. А именно: неопределенность желаний и целей, ничтожество средств и упорствование в оппозиции до бесконечности под всемогущим влиянием манифестаций и теорий, какие они приносили и распространяли, понемногу и постепенно довели оппонентов до такого грустного состояния, что они все более и более теряли понятие о настоящих интересах края и о настоящей, соответствующей им деятельности, все более теряли понятие о том, чего они сами желают и чего им следует желать, и все более погружались в любимую неопределенность, и одновременно с тем все более подчинялись теории манифестаторов, и перенимали эту теорию.

Этим путем понемногу, незаметно, разлагались они, так сказать, на элементы, теряли из-под ног всякую опору, теряли путеводную нить, делались аномалией, приходили в ничтожество и должны были уже навсегда оставаться пассивными. Таким образом, в непродолжительное время, по истечении нескольких месяцев, оппоненты, или лучше сказать «белые» («białi»), среди борьбы правительства с «красными» находились между следующими неразрешимыми дилеммами: с одной стороны, представлялась

«свободная, цельная и независимая Польша — это страстное желание и стремление всего общества, но с ним вместе революция, да еще немедленная, без выжидания, без заграничной инициативы и интервенции, это «ужасное, пагубное для края безумие»; с другой же стороны — «льготы и учреждения, дарованные правительством, бесспорно полезные для края и при которых можно уже трудиться, но ведь все это ничто, все это нуль в сравнении с тем, чего мы желаем, а к тому еще нужно соединиться с правительством и дать ему и Велепольскому свое содействие, это срам, это добровольное отречение от Польши свободной и независимой». Итак, разыскивая неопределенную середину между этими двумя *одинаково для них опасными* вследствие решительности крайностями, оставались они все время (как Твардовский) между небом и землей, между небом (как казалось) революции и землей практической жизни. Подробнее говорить об этом буду в своем месте, здесь же я ограничился только указанием последствия у самого его, так сказать, источника.

Этими словами оканчиваю воспоминание о поведении нашей светской интеллигенции в трудных обстоятельствах после 8 апреля. Говорил же я об этом сравнительно подробнее потому, что из этой оппозиции произошел впоследствии целый лагерь, или лучше сказать, партия так называемых «белых», существование которых как особенной в своем роде аномалии было бы трудно понять, не зная ее источника и ее зачатков; к тому же это изложение служит к более ясному указанию постепенного развития агитации.

б) Оппозиция духовенства

Это вопрос чрезвычайной важности в нашей истории последних лет. Я вовсе не имею претензии к тому, чтобы разрешить этот вопрос и объяснить его вполне, со всей основательностью, и главное, с безупречной справедливостью; но, однако же, принимаю смелость (насколько мои слабые силы позволят), на основании фактов, на основании неизменных доселе политических и религиозных начал, и руководясь строгой и добросовестной логикой, разобрать вопрос об участии духовенства в минувших событиях и хотя сколько-нибудь бросить на него свет истины. Но сделаю это только после обзора всех вообще событий в крае до восстания и в том месте, в котором, по моему мнению, такой разбор будет более всего приличен, а именно, при описании того периода времени, в который духовенство решительным принятием участия в заговоре всей своей великой силой действовало на весы судеб края. Здесь же для связи только и для полноты рассказа моего о манифестационных событиях ограничусь общими замечаниями об оппозиции духовенства. Итак:

1. Оппозицию духовенства составлял весь наш клир, т. е. и высшая его иерархия, и низшие органы; видимой же главой оппозиции был покойный архиепископ Фиялковский. Исключения из этой великой корпорации были только индивидуальные, весьма редкие и без всякого влияния и значения.

2. Оппозиция духовенства произошла из общего положения края в то время, из духа и настроения жителей, с которыми духовенство составляет у нас одно нераздельное и связанное многими взаимными интересами целое. Духовенство не было инициатором оппозиции, а пошло только за существовавшей уже в крае оппозицией, но, однако, вступивши однажды на такую дорогу, оно не сходило уже с нее ни на минуту, а постоянно ее придерживалось.

3. Рассматривая действия духовенства во время манифестации, никогда нельзя назвать их пассивной оппозицией. Действия эти были двоякого рода: одни имели тот же характер, что и светской пассивной оппозиции, и основывались вообще на постоянном отказывании правительству в малейшем со своей стороны содействии; другие заключались: а) в покровительстве, данном манифестаторам в костелах в противность желаниям и воле правительства; б) в принятии деятельного и всеобщего участия во всех манифестационных торжествах и процессиях, в пениях и т. п. и, наконец, в) (что, может быть, всего важнее) в беспрестанных речах и проповедях к народу, которые или были наполнены умышленными политическими намеками, или имели чисто политический характер, но во всяком случае не были тем, чем они быть должны, т. е. чисто религиозными, а представляли смесь религии с политикой, и притом смесь, по содержанию своему направленную против правительства. Следовательно, это была в полном значении слова действующая оппозиция, соединявшая в себе все тогдашние проявления, противные воле, намерениям и политике правительства. Здесь я должен прибавить еще, во-первых, что все действия духовенства проистекали из искреннего и чистого убеждения, что, действуя таким образом, оно исполняет гражданский долг в отношении к краю; во-вторых, что везде и всегда оно действовало с самыми чистыми, добрыми намерениями, т. е. без иезуитского лукавства, без малейших тайных помыслов служить этим путем ультрамонтанской, римской политике. Немало имеется примеров, подтверждающих это, о которых буду говорить в своем месте впоследствии, а до того времени считаю достаточным вспомнить здесь предсмертные слова архиепископа Фиялковского к окружавшим его епископам и другим духовным лицам, и именно: «Помните всегда, что вы прежде были поляками, нежели священниками» (*amiętajcie zawsze, żeście wprzód byli Polakami niżli kapłanami*). Умышленно привожу слова эти, потому что они представляют лучший ключ для уразумения характера действий духовенства.

4. Вышеозначенные действия духовенства были противны точным, не допускающим двойственного объяснения законам евангельским, постановлениям церковным и правам гражданским и, наконец, противоречили даже тем условиям, которые согласно призванию духовенства требуются от него простым здравым смыслом. Ничто не облегчает нашему духовенству его великого греха против религии и края, и в этом случае нам остается утешаться только тем, что наши священники не хотели посредством пролития крови своих братьев делать опыты в пользу средневекового Рима.

5. Последствия, наконец, действий духовенства весьма обширны и весьма печальны. Перечислю вкратце главнейшие. Духовенство ежедневно, можно сказать, подвергало и край, и церковь неизбежной и грозной опасности со стороны правительства, потому что защита, какую оказывали костелы манифестациям, поддержка их, деятельнейшее в них участие духовенства, проповеди ксендзов вынуждали правительство, при невозможности другими мерами успокоить край и город, к употреблению самых сильных средств (хотя бы даже сопровождаемых многими жертвами) и против народа, и против церкви, и в особенности против священников, которые вышли из своего точно законом для них определенного назначения. Благодаря правительству, в течение этих пяти месяцев такие средства применены не были, но вскоре потом настало памятное для всех 15 октября. Хотя непосредственные потери этого дня были вовсе незначительны, но можно ли назвать иначе, как великим и чувствительнейшим несчастьем для края

и костела, нарушение неприкосновенности святыни, военный суд над главой костела, лишение Варшавы на несколько месяцев богослужения и духовных поучений (а в значительной части *de facto* и св. таинств), вывоз из края многих ксендзов и т. п. И кто же обдуманно и по совести может сказать, что на духовенство не падает тяжкая ответственность за эти в свое время великие потери? Ведь такое 15 октября давно можно было предвидеть! Ведь правительство полгода ждало, просило, увещевало духовенство оставить ложный путь, чтобы не довести его до крайности, на что духовенство отвечало явной и непрерывно полгода продолжавшейся войной.

6. Духовенство, оказывая сильное и полнейшее содействие светской пассивной оппозиции и помогая от всей души манифестаторам, подвергало край всем бедствиям, какие только приносила и какими угрожала одна или другая сторона. Все это может показаться не более как повторением того, что уже было сказано о последствиях действий светской интеллигенции, но в сущности это совсем другое дело, ибо, во-первых, духовенство вело себя в отношении к манифестаторам совершенно иначе, чем интеллигенция, оно действовало сильно, решительно, существенно, тогда как интеллигенция только терпела их и им не противодействовала. Невозможно более поддерживать и возбуждать манифестации, как это делало духовенство; проповеди и речи его были, без сомнения, одним из самых сильнейших средств для возбуждения страстей в массе. Во-вторых, надо принять во внимание силу влияния, какой несомненно пользуется наше духовенство по своему положению, значению, по всеобщему уважению к нему в нашем народе, и разницу в самых способах оказывания влияния духовенством и светской интеллигенцией. В-третьих, ежели светские люди имеют право, обязанность и возможность заниматься политикой страны, так как по свойствам светского своего просвещения они в состоянии рассчитать, к чему поведут такие или другие действия, то духовенство, напротив, и по своему призванию, и по образу своего воспитания, исключительно духовного, не имеет ни права, ни обязанности мешаться в дела политические и не может сделать верного заключения, что поведет к благу, а что ко вреду и несчастьям края. Поэтому духовенству следует *отдельно* приписать ответственность за все потери, понесенные краем от манифестаций, не уменьшая, однако же, значения и ответственности других деятелей. Здесь прибавлю еще, что если бы духовенство вначале захотело употребить свое влияние для успокоения края, то оно несомненно достигло бы этого результата самое большее в несколько недель; не воспользовавшись же этим и действуя совершенно в противном духе, оно лишило себя надлежащего влияния на умы и сердца массы, так что к концу периода манифестации должны были уже продолжаться даже и в том случае, если бы духовенство того не хотело (*przeciw woli duchowieństwa egzystować musiały*).

7. По свойству своего призвания, не имея возможности действовать разумно и самостоятельно на политическом поприще, не будучи в состоянии руководить движением, а только следуя за ним бессознательно, действуя в пользу его, духовенство забыло, что таким образом оно делается слугой страстей и политических интересов, что делает религию орудием и слугой политики; далее, оно забыло, что, поступая таким образом, уже не в силах будет возвратить свою самостоятельность и что религия должна уже будет постоянно оставаться слугой и орудием политики, хотя и нельзя было знать наперед, принесет ли это хотя малейшую пользу для интересов религии и церкви в крае. Сколько от того несчастий перенесла и переносит наша цер-

ковь, сколько от того потерпела и терпит самая религия, об этом и говорить излишне.

8. Наконец, духовенство, действуя так, как оно действовало, не замечало, что понемногу оно перерождается, с каждым днем более отстывает от духовного своего назначения, из священников незаметным образом превращается или в пассивных оппонентов, или, что еще хуже, в политических заговорщиков, и наконец, поступая противно своему призванию, нечувствительно делается революционным чиновником, солдатом или даже предводителем инсургентов.

Эти замечания об оппозиции духовенства будут пока достаточны для объяснения общего хода событий в крае.

Приступая к воспоминаниям о событиях и явлениях в последние недели перед 15 октября, начну с действий правительства.

В последних числах августа или в первых сентября прибыли к нам генерал граф Ламберт как императорско-царский наместник и генерал Герштенцвейг как генерал-губернатор Варшавы и (кажется) главный директор комиссии внутренних дел. О всем этом времени, как равно и о деятельности у нас этих главных сановников, трудно произнести решительное слово, особенно же о деятельности графа Ламберта. Все случившееся в нашем крае перед его прибытием, ошибки предместников и т. п. образовали такие чрезвычайные и запутанные обстоятельства, такое необыкновенно трудное и неясное положение для правительства, что для справедливого взгляда на деятельность графа чрезвычайно трудно найти надлежащую точку зрения. Придет, впрочем, когда-либо время, когда будет сделана оценка этой деятельности, и я полагаю, что строгие исследователи согласятся со мной в том, что, во-первых, граф Ламберт был во многих, если не во всех отношениях наилучшим царским наместником для нашего народа начиная от самого генерала Зайончка, он наилучше знал нас, более всех желал нам добра, если уж нельзя сказать — *любил нас*; он наилучше понимал современные обстоятельства и господствующие увлечения и более других был человеком современным; он, не нарушая ни в чем общих государственных интересов, а напротив, считая основанием своих действий целость, прогресс и могущество России (*całość, wzrost i potęgę*), искренно желал закрыть наши раны, нанесенные прошедшим, желал примирить два враждующие, но соединенные между собой историческими судьбами славянские народы, он, наконец, прибыл к нам с решимостью посвятить все свои еще молодые силы, всю свою энергию для осуществления своих целей и планов — счастья России и счастья нашего. Правда, судьба воздвигла для генерала Ламберта непреодолимые препятствия на пути его действий, но тем не менее история строгая или снисходительная, только бы добросовестная, должна признать в этом почтенном, в этом благородном нашем начальнике те высокие свойства, о которых я теперь вспомнил. Во-вторых, добросовестные люди согласятся также, что весьма прискорбным обстоятельством для нас и для правительства было, что такие люди, как генерал Ламберт и генерал Герштенцвейг, прибыли к нам уже по истечении целого полугода манифестаций. Я нравственно убежден, что если бы эти два достойных сановника прибыли к нам несколькими месяцами прежде, то они исполнили бы с успехом и к всеобщему удовольствию данное им от государя поручение. Даже самая двойственность, бывшая, как казалось, между ними, в этом случае или бы вовсе не развилась, или была бы только взаимным, не опасным, а, напротив, полезным для общего дела дополнением.

С прибытием к нам новых начальников настало также у нас новое положение вещей, во многих отношениях совершенно отличное от предшествовавшего. Граф Ламберт, рассчитывая ли на то, что любезностью, снисходительностью и совершенным доверием подействует на здравый смысл народа и что силой приобретенного влияния высших классов и духовенства удобнее всего и скорее всего достигнет успокоения края, или же рассчитывая, что, дозволяя свободное развитие манифестаций, он лишит их свойства чего-то неприязненного правительству, а оставит за ними лишь значение беспорядка, вредного и опасного для самого общества, и что таким путем при всеобщем пресыщении и утомлении приготовит в пользу общества и в пользу правительства сильную местную реакцию ума, капитала и труда, или же, наконец, что и вероятнее всего, желая предварительно собственными глазами увидеть положение края и настроение жителей, чтобы потом действовать быстро, с энергией и решительностью, но только долгое время, можно даже сказать до самого конца, он не предпринимал никаких репрессивных мер против манифестаций. Некоторые отдельные мелкие действия полиции никак нельзя было принимать за последствие общих распоряжений. Все имело характер совершенной свободы, нигде никакого препятствия, никакого принуждения; и даже вопиющие факты — злоупотребления и насилия, причиненные толпой некоторым частным лицам, — не были надлежащим образом преследуемы.

С самого прибытия своего в Варшаву новый наместник всеми своими поступками, казалось, говорил, что уже время образумиться и опомниться, время перестать самим себе вредить, время прекратить манифестации, вредные нам самим, а не правительству. Припоминаю себе, что, когда однажды народ по какому-то случаю собрался перед замком, граф Ламберт не только не приказал разогнать зевак, а, напротив, приказал полицейским чиновникам и офицерам пустить всю толпу в замковый двор. Это мелкое обстоятельство весьма характеристично, потому что оно выражает поведение правительства в отношении к манифестациям вообще, от начала периода, т. е. от конца августа до 15 октября. Впрочем, есть указания, что по истечении первых недель граф Ламберт, узнавши положение вещей и убедившись в бесполезности всех кротких мер, постановил всей силой «военного положения» безусловно подавить и уничтожить манифестации. Но этому намерению правительства помешали весьма важные обстоятельства, а именно выборы в уездные и городские советы, начавшиеся в сентябре *. Граф Ламберт хотел, чтобы, несмотря на манифестации, выборы были произведены и чтобы при производстве их не подать ни малейшего даже вида насилия или интриги со стороны правительства, и я повторяю, что, по моему убеждению, такие соображения в то время были весьма важны и для нас, и для правительства. Но как только выборы были окончены, то немедленно, если не ошибаюсь, 14 октября, объявлено было военное положение, причем был постановлен целый ряд общих для целого края строгих мер против манифестаций. Особенно строгие правила изданы были в Варшаве

.....

* Об этом ясно говорит прокламация наместника, объявляющая введение военного положения. Как бы подготовительным шагом к мерам решительной строгости, а вместе с тем как бы доказательством того, что еще задолго перед 15 октября было решено приступить к репрессивным мерам, служит циркуляр, изданный еще в сентябре, которым определялось, в каких случаях гражданские и военные суды разбирают дела по преступлениям, происходящим от манифестаций.

генерал-губернатором и обер-полицмейстером (к сожалению, это было уже поздно!).

По объявлении этих строгих законов и правил, как известно, на следующий же день совершилось достопамятное и печальное событие с костелами, после чего через несколько дней последовала смерть генерала Герштенцвейга и отъезд графа Ламберта¹.

Касательно другой стороны действий правительства, т. е. управления делами края и приведения в исполнение реформ, дарованных государем, надобно сказать, что в продолжение нескольких этих недель больше было сделано, чем во все предыдущие шесть месяцев. Нет сомнения, что многие из работ, совершенных в это время, были приготовлены заранее (о чем уже выше я упомянул), но тем не менее они останутся лестным доказательством усердия графа Ламберта, его планов и желаний в отношении вверенного ему управлению края. Коротко выражаясь, в течение этого времени совершено следующее:

а) Государственный совет (Rada Stanu) начал свои занятия по департаментам, и начал их рассмотрением превосходнейших проектов законов, в которых край так сильно нуждался с 1831 г., между прочими — *о воспитании, о правах евреев, об очинивании крестьян* и т. п.

б) Постановлено открыть приуготовительные классы (klasy przygotowawcze), и сделано все, чтобы они были открыты после каникулярного времени. Излишне было бы говорить о пользе этого заведения.

в) Издано постановление наместника, отделяющее власть гражданскую от военной, и хотя это постановление оставляло еще много желать, но уже с тех пор сделалось известным, кто, кого и за что должен судить.

г) В администрации заметно старание ввести больший порядок и единство. Губернаторы были поставлены лучшие, чем были когда-либо перед тем*.

д) Везде во всем крае выборы в уездные и в городские советы были уже сделаны, и везде без всякой тени принуждения и влияния правительства, при наибольшей, ничем не ограниченной свободе избирателей.

е) Полиция в Варшаве была переформирована и исполняла уже службу в городе. Вспоминаю об том как о результате стремлений и занятий правительства, не разбирая вопроса, можно ли было или нет с самого начала дать ей лучшее устройство? Как бы то ни было, но эта полиция вначале была вер-

.....
* Я не намерен, однако же, преувеличивать значения того, что было сделано в этом отношении. И так, и в это время не перестает еще существовать у нас традиционное и столь ошибочное, по моему мнению, назначение военных на высшие административные места. Недалеко ходя за примером, директором комиссии внутренних дел, начальником администрации края был генерал Герштенцвейг; хотя я не сомневаюсь в высоких способностях покойного генерала, однако же полагаю, что это место может быть вверено только опытному администратору. То же самое следует сказать и о других низших или равнозначущих гражданских должностях. В таких случаях мало всестороннего и высокого образования, верности престолу и энергии воли, но необходимо еще основательное познание предмета, основательное познание данной отрасли местного управления, а этого военные по самому призванию своему иметь не могут и никогда не имеют.

¹ *Наместник Ламберт, отдавший приказ об аресте манифестантов в костелах, был напуган возбуждением, охватившим Варшаву, и распоряжением духовенства о закрытии костелов. Утром 16 октября он, не уведомляя об этом ген.-губернатора Герштенцвейга, сторонника подавления движения самыми крутыми мерами, распорядился об освобождении из цитадели арестованных. Возникшее на этой почве между Ламбертом и Герштенцвейгом столкновение завершилось американской дуэлью (по жребью). В результате Герштенцвейг покончил самоубийством, а Ламберт подал в отставку.*

на правительству, сильна и страшна для авантюристов, а это уже было очень важно.

ж) Начали издавать «Dziennik powszechny», который как официальный или полуофициальный был, по моему мнению, образцовым не только у нас, но, говоря без преувеличения, и в Европе, потому-то и вспоминаю об этом, хотя и малозначущем, по-видимому, факте.

з) Значительно облегчены цензурные правила.

Не знаю, перечислено ли мною все, что правительство сделало в продолжение этих шести недель, но и это достаточно доказывает большое усердие и деятельность правительства, тем более, если примем в соображение краткость времени и обстоятельства, в каких находился край.

Оставляя в стороне всякую критику действий правительства, не могу, однако же, не обратить внимания на следующие выдающиеся обстоятельства: *во-первых*, что как в отношении к манифестациям, так и в отношении к управлению делами Царства действия правительства в это время решительно различаются от предыдущих действий, несмотря на то, что уже более семи месяцев господствовала в крае одна и та же система, одни и те же были интересы страны, одни и те же, но только с большим значением и силой обстоятельства. Такое противоречие не могло служить в пользу правительства и в пользу примирения его с народом тем более, что, как известно, такой образ действий правительства не был окончательным и что вслед за сим он опять изменился. *Во-вторых*, что манифестациям не было сделано никаких препятствий, и хотя правительство руководилось в этом отношении основательными причинами, но тем не менее главнейшее зло существовало ко вреду края и правительства. *В-третьих*, наконец, обращаю еще раз внимание на энергию правительства относительно введения новых реформ и вообще управления делами и края, она подтверждает то, что я уже выше сказал, а именно, показывает крайнюю необходимость и значение такой правительственной деятельности, *но еще более всесторонней и более фундаментальной и притом которая бы началась бы с первого же дня после перемены у нас правительственной политики*. Если бы такого рода деятельность проявилась примерно полгода ранее, как это должно было иметь место, то насколько бы она произвела лучшие результаты вообще и в том числе в пользу успокоения края и водворения гармонии между властью и жителями!

В отношении поведения современного общества замечаем также с прибытием графа Ламберта перемену, и хотя только частную и более наружную, чем существенную, но тем не менее несомненную. Все были довольны переменной наместника, а граф Ламберт с самого своего приезда пользовался большою симпатией жителей, нежели его предместники. Народ принял его даже с радостными криками «да здравствует» («pięch żyje»). Пассивная оппозиция, представителям которой граф Ламберт был, кажется, прежде известен, принимала прибытие его в Варшаву в качестве наместника за победу гражданской власти над военной и полагала, что новый наместник будет доступнее в отношении домогательства оппозиционной дипломатии по вопросу о дальнейших для края уступках со стороны правительства. Сверх того, с течением времени оппоненты начали понемногу удостоверяться, что манифестации уже не нужны и вредны и что пора покончить с ними. Вследствие этого дотоле неподвижные и бездейственные политики слегка зашевелились, начали противодействовать манифестациям, некоторые даже весьма сильно и решительно сблизились с правительством и были с ним в лучших, чем до тех пор, отношениях.

Это, впрочем, ничуть не значит, что они решились переменить свою прежнюю политику, что дали поддержку правительству, что всей душой обратились к занятиям и отказались от дипломатических затей; это было буквально одно только *сближение*, и самое большее, что можно сказать,— первый шаг на истинном пути к лучшему. С одной стороны, сделалось уже очевидным, что пора оставить патриотические заявления, которые не дают ничего, а лишают многого тем, что отрывают народ от труда, делают его необузданным и уменьшают доходы у хозяев фабрик и мастерских, а с другой стороны, оппонентам казалось, что, обнаруживши свое желание и намерение сблизиться с правительством ласковым, доступным и доброжелательным наместнику, они расположат его этим к скорейшему принятию желаний оппозиции. Это казалось им тем вероятнее, что наместник отвечал на наши дипломатические заявления, «что правительство примет во внимание всякие основательные желания народа и, без сомнения, распространит предоставленные уже льготы и учреждения, но только прежде всего нужно же их принять и привести в исполнение, а что затем требование дальнейших, основательных и необходимых для края нововведений надо предъявлять не путем смятения и беспорядка, а законным путем, посредством дарованных уже органов». Таким образом, оппонентам казалось, что надо сделать шаг вперед и выказать оппозицию с ее требованиями при посредстве выборных советов. Словом, политика заставляла оппонентов пошевелиться, противодействовать манифестациям и сблизиться с правительством, отнюдь не отрекаясь от своих прежних планов и стремлений. Последствия такого движения не были, да отчасти и быть не могли значительны, но все же и этот небольшой знак жизни не остался без добрых результатов. Подробнее об этом я буду говорить ниже; здесь же для связи в рассказе достаточно будет и того, что я упомянул о перемене в пассивной оппозиции.

Духовенство, хотя к новому наместнику имело более доверия, чем к его предшественникам (как вследствие его характера, так и потому, что он, кажется, был католик), однако же, за исключением только нескольких личностей, вовсе не изменило своего поведения. Быть может, что оно уже досадовало на манифестаторов, что уже не хотело бы богослужений обращать в политические демонстрации, но уже не имело возможности переменить даже эту внешнюю сторону своей оппозиции. Я сказал внешнюю сторону, потому что внутреннего своего настроения к правительству духовенство наверное ни малейше не изменило; напротив, есть документ того времени. свидетельствующий, что прежнее настроение было во всей силе. Документом этим есть мемориал, представленный графу Ламберту от епископов и архиепископа в выражениях весьма резких и решительных и заключающий в себе требования от власти разных основательных и неосновательных привилегий и уступок в пользу католического исповедания. Впрочем, современные события, как-то: смерть архиепископа Фиялковского, которая сильно подействовала на весь наш клир, решительно отрицательный ответ наместника на представленный ему мемориал и т. п. удерживали духовенство в прежнем его положении.

Наконец, что касается манифестаторов, то они ни на минуту не отдыхали и, пользуясь ласковым к нам расположением графа Ламберта, всеми силами подвигали вперед начатое дело. Однако же и здесь произошла перемена. С одной стороны, толпа, не встречая препятствий, сделалась до того наглой, что не стеснялась ничем, никакими условиями, была явно неприяз-

ненна правительству, окончательно завладела общественным мнением и решилась на злоупотребление и насилия; с другой же стороны, было очевидным, что манифестации доходят до крайнего своего предела, что притупилась первоначальная сила впечатлений и что, следовательно, то чувство, которое хотело заявить о себе посредством манифестаций, должно переменить наружную форму заявления, если оно хочет сохраниться.

Таков был общий характер нашей жизни и наших действий в течение этих шести недель. Проявление этой жизни, как и прежде, составляли почти исключительно манифестации, один только мемориал епископов и выборы в советы следует считать фактами, имевшими отличный от манифестаций характер. Припоминая тогдашние события, я должен заметить, что манифестации, как и прежде, производились преимущественно под видом церковных богослужений, в особенности богослужений за благосостояние отечества (za pomyślność ojczyzny). Разница с прежними манифестациями была разве только та, что в это время под благоденствием отечества ясно уже разумели разрыв с правительством и империей и будущую с ними войну и молились о скорейшем начале борьбы за независимость Польши. Народные хоругви были непременной принадлежностью этих молебствий*.

Были еще у нас молебствия о здравии большого архиепископа, совершаемые во всем крае, в храмах всех исповеданий, народное празднество 10 октября в день унии Городельской, великолепные похороны архиепископа Фиалковского и панихиды по нем и, наконец, молебствие за Костюшко 15 октября. Похороны покойного архиепископа заслуживают по многим причинам особенного внимания. Это были настоящие королевские похороны; все население Варшавы принимало в них участие, все управления, все учебные заведения, все корпорации, иностранные консулы, духовенство всех исповеданий, везде развевались народные знамена, и за гробом покойного архиепископа несли королевскую корону**. Словом, невозможно было в то время сделать похороны более великолепными, более народными, а вместе с тем более имеющими политическое значение. К этому для дополнения картины надо прибавить, что на эти похороны было привезено местными пробощами из окрестностей Варшавы, а именно: из Мокотова, Воли, Чернякова и даже из Ловичского княжества несколько сот крестьян. Пребывание этих крестьян в течение нескольких дней в Варшаве было непрерывной манифестацией. Варшавяне принимали их на расхват, угощали как могли, устроили им в Европейском отеле роскошное угощение, на котором среди всеобщих сердечных излияний утверждено был акт братства. Наконец этих драгоценных гостей отправили по домам экстренным поездом с пением «Еще Польша не погибла» («Jeszcze Polska nie zginęła»). Кроме всех этих костельных манифестаций, продолжавшихся безостановочно и непрерывно, были еще некоторые другие, показывавшие, до какой степени

* Даже объявления о молебствиях за «благоденствие отечества» украшены были виньетками и рисунками, ясно выражавшими смысл «благоденствия». Так, например, на объявлении о молебствии городских извозчиков представлены были извозчики, выпрягающие лошадей из своих экипажей и запрягающие их в орудия; на объявлении еврейском еврей обнимал мужика и давал ему саблю или косу и т. п.

** Кажется, это была искусственная, наскоро склеенная корона. Ее значение, как известно, было следующее: в старые польские времена, во времена междоусобиц, примас государства, т. е. архиепископ гнезненский, был главой и верховным представителем края. Таким образом, корона, несенная за гробом архиепископа, означала ни больше ни меньше, как то, что в крае междоусобица — отсутствие короля и что потому королевские почести отдаются умершему верховному сановнику, занимавшему согласно с законом и обычаем место короля.

манifestационная эпидемия вошла уже в кровь нашего народа. Вспомню о тех только, которые вместе с тем служат доказательством, как беспрестанные манифестации портили народ, развращали лентяев, оторванных от работ, и как эта праздная сволочь захотела уже сама быть распорядителем и судьей человеческих поступков и дозволяла себе злоупотребления. К таким печальным фактам относятся между прочим: отвратительная, преступная, скандальная проделка с калишским епископом Маршевским, которого разъяренная толпа, забывшая его высокое пастьерское звание, вытянула из кареты, водила по базарной площади с бранью, проклятиями и угрозами виселицы; к этому же роду относятся бывшие в Варшаве уличные скандалы против булочника Бартца и кондитера Веделя, лавки которых были совершенно разорены, и т. п. Не мешает при этом мимоходом заметить, что полиция даже и таких злоупотреблений не останавливала и появлялась, как бы нарочно, после факта.

Ко всему этому для дополнения обзора надо еще прибавить, что в это время всякого рода костюмы и эмблемы процветали опять по-прежнему, что уже все носили траур, а удовольствия, танцы, театры и проч. были оставлены, что свобода речи и движений была совершеннейшая, что по-прежнему насмехались над войсками, над полицией, а тех людей, которых принимали за шпионов или которые были ненавистны общественному мнению, преследовали и били публично (например, чиновника Грасса) и что, наконец, все более и более стало появляться тайное печатание, а именно, к журналу «Стражница» прибавился еще «Стерник» (кормчий)¹, и начали довольно часто издаваться отдельные плакаты, объявления, короткие статьи и воззвания. Все эти подземные произведения раздавались и продавались публично, и среди белого дня приклеивали их на углах улиц.

Из числа неманифестационных фактов особенно замечательны выборы в уездные и городские советы, оконченные во всем крае в конце сентября и в начале октября. Значение этого факта, хотя и не имевшего внешних принадлежностей манифестаций, гораздо выше и глубже, чем каждого другого мимолетного манифестационного происшествия. Окончением этих шести недель, а с ними и всего манифестационного периода было упомянутое уже молебствие за Костюшко и последовавшее непосредственно за тем печальное и памятное событие с костелами 15 октября, которое повлекло за собой закрытие костелов и синагог в Варшаве, многие арестования и между прочими арестование ксендза Бялобржеского, вновь избранного капитулом администратора архиепископства, смерть генерала Герштенцвейга и отъезд наместника, сокрушенного злополучными событиями.

Из всех вышеупомянутых фактов и явлений считаю необходимым несколько подробнее разобрать два, а именно: выборы в советы и происшествие с костелами как для лучшего уразумения самих этих фактов, так и для того, чтобы бросить некоторый свет на все другие факты, а также и на настроение умов и на стремления жителей в это время вообще.

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ

Все, что об этом важном факте всем вообще (powszechnie) известно, можно выразить в следующих словах: что после первоначального колебания выборы во всем крае состоялись, что избиратели подавали голоса с неслыхан-

.....
¹ См. примечание к стр. 28.

ным не только у нас, но и в других странах единодушием, что везде при выборах подписывали какой-то адрес на имя графа Ламберта (содержание этого адреса было одинаково во всех местностях), что этот адрес исчез потом неизвестно куда и что, наконец, в Варшаве в первый день выборов произошла перед «Коперником» небольшая манифестационная сцена, в которой какой-то авантюрист требовал от имени народа, чтобы не приступали к выборам, и представил так называемый мандат протестующим против такого самозванческого голоса господам Замоискому, ксендзу Вышинскому и др.

Конечно, эти сведения довольно скудны, чтобы вполне понять дело о выборах; понять же его необходимо, потому что оно тесно связано со всей тогдашней жизнью и со всеми даже последующими событиями. Для надлежащего разъяснения этого явления необходимо несколько познакомиться с нашими домашними тайнами.

Из предшествовавшего рассказа моего видно было, что манифестации, вышедши из кружков Янковского и Юргенса, с течением времени образовали в недрах общества следующие два, так сказать, элемента: элемент так называемой пассивной оппозиции, который иногда называли умеренным и даже (что, по моему мнению, совершенно неосновательно) консервативным (*zachowawczy*) и к которому преимущественно принадлежали шляхта и капиталисты, и элемент манифестационный, или вернее говоря, революционный, представляемый преимущественно населением городским — средним и низшим, бывшим инициативной и творческой его силой, и духовенством как вспомогательной и второстепенной частью этого элемента.

Теперь хочу представить вкратце, посредством каких органов, а частью и при содействии каких людей совершались все манифестационные явления и факты, и вместе с тем вырабатывались оба упомянутые элемента.

О заговоре, о тайной организации в настоящем смысле этого слова еще даже не могло быть речи. Самое даже свойство манифестаций, в которых все делалось явно, открыто, а совещания производились публично не только в домах, но даже и на улицах, и не требовало и даже делало невозможной какую-либо заговорщичью организацию.

Всем нуждам и требованиям того времени удовлетворяли даже с излишком так называемые кружки (*kołka*); скажу более, кружки служили и действовали лучше и успешнее, чем какой бы то ни было заговор.

Таких кружков или собраний людей в то время было в нашем крае неисчислимое множество и весьма бы ошибся тот, кто бы захотел всех их перечислить и познакомиться с ними. Каждый город, каждое местечко, каждая гмина или парafia имели какую-нибудь одну или несколько личностей, около которых все группировались, рассуждали и совещались о судьбах края, о лучших способах действия и, посоветовавшись, «действовали» (*działali*), т. е. или создавали манифестации, или же ограничивались критикой правительства и оппозиционной дипломатией, принимая также смотря по обстоятельствам (*okolicznościowo*) участие в манифестациях, устраиваемых другими.

Не желая бесполезно теряться в бесконечности, ограничусь стенами Варшавы как центра и матери тогдашней жизни и из варшавских кружков упомяну о тех только, которые играли важнейшую роль и которые послужили основанием последовавших действий самого общества. Такими важнейшими кружками, образовавшимися в Варшаве, были:

1) комитет Агрономического общества с ближайшими своими приятелями, или *кружок графа Андрея Замоиского*;

2) *кружок городской делегации*;

3) кружок чисто манифестационный и вместе революционный *Карла Маевского*;

4) кружок Юргенса;

5) так называемые доверенные мужи воеводств (*meżowie zaufania wojewódzcy*) с так называемым *кружком молодой шляхты* («*kółko młodej szlachty*») Яна Войчинского, Иосифа Колачковского, Семенского (но не Ядка) и др.

Общим характером всех этих кружков было, что все они, хотя склонялись к тому или другому тогдашнему элементу, однако же все они без исключения, смешивали разные цели, не только политические, но и общественные* и что все один для другого не были закрыты, а, напротив, совершенно были доступны и открыты. Они жили друг для друга, в постоянных находились между собою сношениях, часто вместе совещались и или оказывали друг другу помощь, или ссорились между собой и воевали. Считаю не излишним сказать несколько слов о каждом из этих кружков.

1 и 2) *Кружки графа Замойского и городской делегации*.

Хотя есть некоторый оттенок у каждого из этих двух кружков, но в сущности своей и в результатах они так однозначны, что нет надобности разделять их. Долго говорить о них также излишне, потому что они нам довольно уже известны, потому что пассивная оппозиция их родное дитя. Это наши консерватисты. Желая, однако, быть вполне справедливым, нельзя приписать решительный консервативный характер ни приверженцам графа Замойского, ни делегации с ее приятелями. Из числа качеств, свойственных консерватистам, в этих людях была только боязнь революции, отвращение к ней и самое большее (и то не у всех) — глубокая к ней ненависть. Посмотрим на них ближе. Эти люди, во-первых, столько же, как и революционисты, любили старую Польшу, жаждали старой Польши, а стало быть, уже одни эти чувства подвергали их искушениям «революционного демона» и влиянию заразы. Впрочем, оставим в стороне чувства; у консерватистов, у людей преимущественно холодного ума, все дело основывается на убеждениях (*na przekołaniach*), а я смею утверждать, что этих непоколебимых убеждений наши консерватисты не имели, и как бы они ни сердились на меня, но повторяю, что претензий, свойственных политическим консерватистам, оспаривать у них нельзя, было их даже слишком много, но сильной политической веры, *производящей дела* (*szupny godzacej*), сильных убеждений, проведенных последовательно и соответственно всем возможным положениям края, наши консерватисты не имели. Итак (начну с начала) они хотели старой Польши, но что же они для нее сделали, что, наконец, замыслили делать, каким путем прийти к ней? Ни больше ни меньше каждого простого (*zaściankowy*) шляхтича ограничивались они одной верой, поддерживаемой дипломатическими доводами, что французы раньше или позже должны нам восстановить Польшу для собственного своего и для всего света спасения; или же, как первый встречный деревенский политик, фантазировали, что конгрессовое Королевство отдельно или с другими провинциями в силу каких-то незримых политических обстоятельств, *но от них не зависящих*, разыграет роль «*малого Пьемонта*». Как видим, и то и другое не может быть названо серьезным убеждением; в этом нет еще действия в пользу Польши, нет жертвы, потому что фантазиями без всякого основа-

* Чистого консерватизма или чистого радикализма не представлял ни один кружок.

ния и резонерством, хотя бы и весьма увлекательным, невозможно достигнуть такой высокой цели, как восстановление Польши, и исполнить долг свой в отношении к отечеству. Потом, они хотели для края медленного органического прогресса, а спросите, что они для этого сделали или сделать замыслили? — ничего, и пальцем не шевельнули, а ограничивались только бесплодными претензиями к правительству и пародиями на венгерско-магнатскую партию Деака, по моему мнению, вредную и для самой Венгрии.

Из этого нельзя также никаким образом вывести заключения, что наши консерватисты имели какие-либо непоколебимые убеждения относительно современных отношений края к правительству и об определенном *нерволюционном* образе действия, а от консерватистов как сторонников умеренного, нормального и часто даже запоздалого прогресса преимущественно требуются в этих вопросах непоколебимые убеждения и практическая существенная деятельность. Наконец, они не хотели революции, ненавидели ее, боялись, как дьявола, как заразы, а что же сделали они, чтобы не допустить ее, — шевельнули ли хоть пальцем, чтобы ее отстранить? — Нималейше, напротив, из-за того только, что революция так искусно и хитро начала свое дело, что появилась сначала в такой невинной форме, по-видимому, казалась столь прекрасной, исполненной чувства и к тому же еще религиозной, — консерватисты полюбили ее, ухаживали за нею, чтобы это слабое растение не пропало по недостатку теплоты, а как можно лучше развивалось. Мало того, консерватисты считали этого ненавистного для них врага, эту отвратительную революцию как бы передовой цепью в мнимой своей войне с правительством. Таким образом, и с этой стороны наши консерватисты не показали себя истинными консерватистами с твердыми убеждениями.

Однако же как бы ни было, но они были нашими единственными и наилучшими консерватистами; других и лучших у нас не было. Влияние их и сила в нашем крае всегда были велики, а со времени начала манифестаций сделались всемогущими. Соединясь с бессознательным и основанным на одном чувстве движением молодежи и народа, консерватисты стали абсолютными господами края, могли сделать все, чего бы только захотели, все, что живет, любило их, почитало, слушало. Однако же с течением времени и по собственной вине они постепенно стали терять свое первоначальное могущество и, наконец, утратили его совершенно. Со времени графа Ламберта сила их и инициатива в управлении судьбами края вышли из их рук и попали в другое место. В это время уже не только Юргенс или Карл Маевский, но даже несчастный ребенок Леон Франковский пользовался в крае большей силой, нежели граф Замойский.

Эти два кружка имели свои сношения преимущественно между шляхтой и капиталистами, хотя не было у них недостатка в сношениях со всеми другими классами общества и со всеми вне их существовавшими кружками. Наконец, что касается до их деятельности, то мы уже видели ее при описании пассивной оппозиции. Она ограничивалась безусловной и всесторонней критикой правительства и, следовательно, *агитацией против правительства** и бездействием, несмотря на возможность и обязанность делать дело.

.....

* Прошу обратить на это внимание, — агитация консерватистов была ни более ни менее как водой, падавшей на колеса революционной мельницы, хотя и имела другие формы и другие цели.

Таковы были группы политиков под знаменем графа Замойского и делегации до времени графа Ламберта. Один только оттенок можно заметить между этими двумя кружками, а именно, что делегация была ближе к революционерам, чем граф Замойский и его политические приятели.

3) *Кружок Карла Маевского*. Весь манифестационный элемент, т. е. все толпы, называемые манифестаторами, следует разделить на три категории. Одни, много не размышляя, любили и делали манифестации, как говорится, для самих же манифестаций, для великолепного торжественного богослужения, для пения о Польше и за Польшу, для громкого и шумного зрелища (что, как известно, всегда нравится массам), для знамен, конфедераток и, наконец, для разных безнаказанных выходов против полиции и войска; сверх того, манифестации разрешали праздность, дозволяли с чистой совестью ничего не делать, оставлять мастерские, канцелярии и школы, что также не могло не нравиться. Такие люди составляли большинство манифестаторов, и из них собственно образовывались толпы. Они были всей душой преданы делу манифестаций, совершенно не понимая, к чему они ведут, и вовсе не разбирая, хорошо это или нет для края и для них самих.

Другие, хотя тоже не сознавали цели, значения и важности манифестаций, но сердцем, инстинктивно предчувствовали, что они ведут к открытой борьбе за независимость Польши. Когда и как это сделается, не знали, не понимали и не справлялись об этом, но чувствовали и верили, что за манифестациями лежит революция. Не сомневаюсь, что между ними много было и таких, которые, как Карл Новаковский, верили, что одной великой манифестацией можно начать открытую борьбу с правительством и, например, захватить цитадель. Таких личностей было несравненно менее, чем первых, но все же довольно много; эту часть составляло преимущественно младшее по возрасту поколение нашей молодежи.

Третью, наконец, часть манифестаторов составляло небольшое число личностей, которые, зная цель и значение манифестаций, принимали в них участие и как бы управляли ими. Эти немногие хорошо понимали, что манифестации вырабатывают революционный элемент, основание и материал для вооруженного восстания, понимали, что путем религиозно-патриотических торжеств и сходбищ разрывают гармонию между народом и правительством, разрушают и не дают возможности образоваться никакой охранительной (*zachowawczej*) реакции, создают орудия для революции.

Душой всех сборищ, составленных из упомянутых трех категорий, душой манифестаций, их главной пружиной, автором и как бы главой был кружок Карла Маевского, составлявший продолжение известного уже нам кружка Нарциза Янковского.

Вместо длинного описания его характера и оценки его действий, полагаю, что будет лучше упомянуть о фаланге личностей, его составлявших. Но при этом, однако, предупреждаю, что не имею претензии перечислять их всех и говорить о них с совершенной верностью, потому что я не был очевидцем тогдашних событий, а сведения свои почерпнул только из рассказов; к тому же самый период времени, в течение которого я мог собрать сведения о всех наших тайнах, не позволял слишком углубляться во времена столь отдаленные.

Кружок Маевского составляли почти все позднейшие революционисты; итак, между прочими там были братья Ян, Леон и Станислав Франковские, Шаховский, Цверцякевич, Юлиан Верещинский, Роман Рогинский, Влади-

слав Даниловский, Томаш Буржинский, *Квятковский (не купец)**, Игнатий Хмелинский, Войцех Бехонский, Болеслав Денель, Францишек Годлевский, Бржозовский (Карл?), Флориан Невяровский, Владимир Вольский, Аполлон Корженевский, Витольд Марчевский, Иосиф Грабовский (инженер) и, наконец, как голова всех, и, нужно признать, наилучшая голова — Карл Маевский.

Все упомянутые люди, а без сомнения, и некоторые еще другие, которых я не знаю, составляли собственно манифестационный кружок, ядро, эссенцию всей силы Маевского. Правда, были у него еще и другие политические приятели (о которых будут говорить ниже), которых, однако, нельзя уже называть манифестаторами, или правильнее авторами и пружинами манифестаций. Только те, которых я поименовал, только они исключительно были верными, неутомимыми работниками; без них не могла бы состояться ни одна манифестация, без них Маевский не приобрел бы этих других своих приятелей, не мог бы достигнуть какого-либо значения в крае; без них, наконец, не мог бы никогда выработаться у нас революционный элемент *в такой форме и такой силы*, как он на самом деле выработался благодаря их усилиям.

Каждый, кто знает, какую важность составляет весь манифестационный период в развитии нашей жизни последних лет, и вместе с тем, кто знает сколько нибудь вышеупомянутых лиц, их слабость (за исключением, может быть, Маевского, Грабовского и еще немногих), детский возраст многих и их политическое ничтожество, каждый, знающий это, будет удивляться и не доверять, чтобы эти люди могли произвести такие великие, столь обильные несчастьями результаты, а между тем, неоспоримая правда и неопровержимый факт, что не кто другой, как только эти слабые люди с этими детьми, произвели такие результаты. Все тогдашние и последовавшие события, все даже самые секретные сведения ясно подтверждают это.

Постараюсь вкратце разъяснить эту, впрочем, только кажущуюся странность и несообразность; подобное объяснение необходимо для обстоятельного уразумения не только самых манифестаций, но и дальнейших событий нашей революции.

Из всего предшествовавшего разбора мы видели, что:

а. Тотчас после 27 февраля эти же самые приятели Маевского были героями минуты как победители правительства, были ласкаемы, как знаменитые римские гуси, потому что без них не было бы целого ряда уступок князя Горчакова и делегационной республики. Время этой республики было настоящей лекцией пеня** и манифестаций: стоит для этого только вспомнить о заседаниях в клубе, об отчетах делегации, «представляемых народу», и о народной полиции. Эту полицию составляли большей частью приятели Маевского и их менее деятельные и менее заметные товарищи, и с этими-то импровизованными полицейскими *народ познакомился, начал им верить, слушал их, повиновался*. Таким образом, официальным, можно сказать, пу-

.....

* При первом перевороте в революционном правлении он был в числе недовольных и на короткое время сделался начальником города. Я вовсе его не знаю, но он был известен в организации как автор «Powideł», жалкого плаката, изданного во время выборов в советы, в котором грозил мечтающим магнатам и шляхте, что народ сделает из них «czarne powidła» (род пастилы из слив).

** Наши песни «Woźe coś Polskę» и другие до 3 марта известны были только немногим из училищной молодежи, в особенности в школе изящных искусств; и только во время республики выучила их уже вся Варшава, а за нею и весь край.

тем все население Варшавы как нельзя лучше настроилось к манифестациям, и приятели Маевского открыли себе доступ к среде рабочего класса, к сердцам ремесленников.

б. С 8 апреля никто серьезно не восстал против них, а напротив того, еще все помогали им. Правительство помогало слабостью, постоянной шаткостью, недостатком общности и единства в принимаемых мерах, страстью к мелочам и непостоянством. Консерватисты помогали пассивной оппозицией, агитацией против правительства и ласканием этих мнимых своих застрельщиков (*tyralierów swoich*). Юргенс также помогал им некоторое время, и даже весьма деятельно, хотя, как увидим, действовал с другой целью. Наконец, ксендзы считали доказательством высшего красноречия умение наполнять свои проповеди восторженными выражениями и политическими намеками. Словом, все деятели тогдашней нашей жизни напрягали, кажется, все свои силы, чтобы только помочь слабым политикам Маевского.

в. Главнейшей формой манифестаций были церковные богослужения, а потому необходимое для всякой манифестации условие — *толпа* — была всегда готова, так как и без агитаций массы народа постоянно посещают костелы.

г. При этом надобно принять во внимание, каких превосходных естественных союзников имели агитаторы в женщинах и в молодежи школьной и канцелярской, обрадовавшейся, что патриотические обязанности увольняли их от утомительных занятий с книгами и с бумагами.

В таких-то обстоятельствах действовали слабые агитаторы, и потому не удивительно, что, несмотря на всю их слабость, они действовали и волновали успешно. Вспомним только, что при таких условиях работа их и не была трудной и не требовала какого-либо особенного образования и ума. Переговорить с ксендзом об имеющем быть молебствии, с ксендзом, всегда готовым на подобные предложения; предложить проект какого-либо торжества, написать глупый плакат или приклеить его днем на улице, особенно если этому полиция вовсе не мешает; забежать в несколько мастерских, объявляя ремесленникам о манифестации, ремесленникам, всегда готовым по этому поводу бросить свою работу, благодаря уверенности, что мастер или хозяин фабрики и без работы, из одного патриотизма, заплатит условленную за работу плату, сделать и носить хоругвь, надевать конфедератки, запеть «*Woże coś Polskę*», шуметь, кричать, на все это не надобно было, как говорил, кажется, Карл Маевский, докторов философии, а напротив, лучшими были молодые люди, такие именно, какие были, потому что они делали все быстро, ловко, смело, с совершенной преданностью и самопожертвованием. Собственно агитация, т. е. революционная пропаганда, пропаганда разрыва всяких сношений с правительством, проводилась при такой деятельности агитаторов, можно сказать, сама собой, самой силой и логикой событий, путем и устами всех приятелей и неприятелей революции, только бы не было недостатка в главнейшем деятеле, т. е. в манифестациях, которые *фактически* ставили жителей во враждебные отношения к правительству, делали их воюющей против правительства стороной, не давали установиться нормальному порядку дел и разгорячали умы и сердца воспоминаниями о прежней Польше и о прошедших попытках к возвращению ее независимого быта.

Результаты слабого труда слабых агитаторов были огромны, и кружок их с течением времени сделался могучим, господствующим, если нельзя сказать всемогущим. Считая самым умеренным образом, можно сказать,

что агитаторы по прибытии графа Ламберта имели уже на своей стороне все городское население; правда, что высшие классы не соединялись с ними, но зато они проникли до глубины души городского люда так, что их только одних понимали, знали и слушали массы народа; далее, они обладали с небольшими исключениями всей молодежью в крае и всеми женщинами, всеми ксендзами, совершенно преданными манифестационному делу, и понемногу, незаметно делали из них своих деятельных помощников и революционистов; они, наконец, отравляли и обессиливали все другие кружки, разрушая их в пользу своего усиления. Маевский своей молодой фалангой, как тараном, разрушал все встречавшиеся на пути его препятствия; все, что он сам задумывал, то сам же был в силах и исполнить, и напротив, то, что задумывали другие, того они не в состоянии были сделать без его содействия; он не допустил слепиться ни одной сильной охранительной партии, он сделался силой, с которой все принуждены были считаться и или бороться с ней или же входить в переговоры и окончательно ей поддаваться; он выработал для себя, а посредством своей личности и для революции значение и уважение в крае; он сделался необходимым, непререкаемым деятелем отечественных судеб, неотъемлемой составной частью всяких действий в крае.

Очевидно, что при таком значении Маевский легко привлекал к себе ежедневно новых приверженцев из всех других кружков; преимущественно же они пополнялись из числа *доверенных мужей* и из молодой шляхты, и хотя эти приверженцы не были еще вполне революционерами, всегда верными революционному знамени, но все же это был довольно важный плод манифестаций и отчасти трудов самого Маевского и его несомненных способностей. При первом влиятельном обстоятельстве эти личности могли отделиться, отречься от революции (как это и случалось) и даже сделаться реакционистами*, но в то время они были совершенно преданы Маевскому и совершенно признавали его политические мнения, а именно, что восстание есть лучший и кратчайший путь, ведущий к счастью страны, и что, не обращая внимания на все остальное, нужно о нем только серьезно думать и к нему готовиться. О более замечательных личностях из числа этих временных революционистов вспомню в следующей главе при изложении истории наших тайных действий, а здесь для указания значения кружка Маевского довольно будет пока и того, что я уже сказал о них.

Кончая об этом кружке, желал бы я сказать что-нибудь о процессе действий агитаторов при устройстве манифестаций, но это повело бы к излишним подробностям, и к тому же для меня трудно представить это с надлежащей точностью, так как я не был тогда в Варшаве. Довольно сказать, что все манифестации приводились в исполнение одними и теми же людьми посредством их знакомых, т. е. посредством многих отдельных второстепенных кружков молодежи, и что делегационная полиция, т. е. ее десятки, хотя распущенные, но уже образовавшие группы знакомых друг другу личностей, облегчали устройство манифестаций. Сначала агитаторы ничего не писали, но вскоре обратились и к этому средству. Они издавали короткие плакаты, объявления, революционные песни, отзывы и статейки большей частью ничтожного значения; печатание всего этого производилось в лито-

* Я лично знал нескольких лиц, бывших сначала приверженцами Маевского, но которые потом, во время восстания, принадлежали к небольшому числу решительнейших явных реакционистов и противников революции. Такими были, например, Луциан Городенский из Люблинской и Юлиан Пашкевич из Августовской губерний. Ниже я буду еще говорить о них.

графиях и типографиях явных* и тайных. Наконец, еще заговора никакого в период манифестаций не было; хотя первые начала тайных связей замечались уже во время графа Ламберта, но они не имели еще никакого значения и не могли быть названы заговором. Впрочем, и об этих первоначальных проявлениях расскажу впоследствии.

Этими словами кончаю о кружке Маевского; таким он был до времен графа Ламберта.

4) *Кружок Юргенса*. Этот кружок оставался таким же, как был вначале, разве только с той разницей, что вследствие вообще возбужденной жизни значительно возросло число юргенсовых приятелей. Повторять и исчислять здесь имена особ нет никакой надобности.

После 8 апреля, в течение первых недель, а быть может и месяцев, Юргенс деятельно поддерживал манифестации, конечно, не столько сам лично, сколько посредством своих сторонников. В это время они соперничали с приверженцами Маевского в том, как бы самым лучшим образом устроить ту или другую манифестацию. Големберский, как мне говорили, имел даже у себя отдельную типографию и печатал какие-то мелочи минутного временного интереса. Трудно мне изложить настоящие причины такого поведения Юргенса, потому что мне никогда не случилось говорить с ним об этом, но, по всей вероятности, ближайшей причиной была следующая: с одной стороны, Юргенс был ободрен торжеством, совершенно неожиданным, одержанным посредством первой манифестации над правительством, и видя при этом его шаткость и нерешительность, полагал, что, благодаря этой нерешительности и шаткости, можно посредством манифестаций, подобных первой, при дипломатическом поведении пассивных оппонентов выхлопотать у власти еще большие уступки. С другой стороны, не доверяя, как и все, правительству и замечая, что по возвращении маркиза Велепольского из Петербурга обещанные реформы вовсе не были немедленно приводимы в исполнение, он предполагал какую-то борьбу в среде самого правительства, распрю, могущую принять невыгодный для нас оборот, и потому хотел силой манифестаций сделать невозможным этот предполагаемый невыгодный для нас результат и как бы понудить правительство к скорейшему и несомненному введению и утверждению новой системы. Это, мне кажется, единственная причина, по которой Юргенс мог дозволить своим приятелям принимать деятельное участие в манифестациях; всякая другая не согласовалась бы с моими понятиями о его характере. И действительно, как только Юргенс заметил и убедился, что правительство решилось не делать более новых уступок и ни в каком случае не отменять уже сделанных, то решительно устранился от всякого участия в манифестациях и сделался явным, непреклонным и чуть ли не единственным их противником и неприятелем. Этот почтенный, честный человек, этот достойный и так рано угасший гражданин знал, что край прежде всего, невзирая на все свои чувства и желания, нуждается в добросовестном, благоразумном органическом труде, что уже можно трудиться и что манифестации приносят краю один только вред.

.....

* Кажется еще при генерале Сухозанете было открыто, что типограф Мацевёвский печатал у себя манифестационные произведения. Для тайных типографий станки привозились сначала из-за границы, а потом делали их в Варшаве. Печатание вначале было весьма трудным делом для манифестаторов, пока с образованием заговора не были доставлены опытные рабочие, ознакомленные с этим делом в явных типографиях. Братья Франковские деятельнее других занимались тайным печатанием.

Мнение мое об убеждениях Юргенса я могу выразить в следующих словах: не подлежит сомнению, что Юргенс любил старую Польшу и желал ее возвращения, не боялся даже революции, но он вместе с тем был убежден, что в настоящее время революция есть безумие и преступление, гибель для края, потому что для нее нет ни сил, ни средств. Никогда Юргенс не питал к правительству какой-нибудь слепой ненависти, отвращения и как человек разумный смотрел на правительство, как на правительство, как на силу, соединенную с судьбами края, с которой мы обязаны быть в сношениях и с нею трудиться, потому что не можем с ней вести открытую борьбу; далее он утверждал, что можем с правительством торговаться, домогаться от него хотя бы и весьма многого, но при всем том больше всего должны трудиться и трудиться везде, по всем отраслям, потому что нам всего недостает; не устраняться от принятия должностей, а, напротив, искать их, хватать, добиваться; не задерживать, не парализировать введения в действие какого-либо полезного закона, какого-либо полезного учреждения, а, напротив, облегчать это, подвигать вперед; что, наконец, при таком труде мы и должны и обязаны помнить о будущей революции и с этой целью увеличивать наши мелкие силы и средства и вместе с тем внимательно следить за происшествиями в Европе, которые могут представить нам возможность увеличить значение наших ничтожных сил и сделать возможным успех революции. Так рассуждал Юргенс, а вместе с ним и весь его кружок. И хотя кружок этот в отношении к убеждениям представлял разнообразнейшую мозаику, как и все вообще кружки того времени, однако мысли и принципы Юргенса были девизом и знаменем его приятелей.

Юргенс имел довольно обширные связи как лично, так и посредством своего кружка преимущественно в среднем классе варшавского населения, а отчасти даже и в провинциях; со времени выборов в советы приобрел он несколько сторонников и из среды шляхты, но между простым народом и молодежью младшего возраста не имел многочисленных последователей. Вообще по своим сношениям он составлял средину между консерватистами и Маевским. Влияние Юргенса на события в крае не было слишком значительно. Раз только в важную минуту, именно во время выборов, он успел завладеть общественным мнением и подействовать на положение дел, но и то, как вскоре увидим, с большими уступками и с потерей дела, которое он защищал и которого был представителем.

5) Наконец, остается мне еще сказать несколько слов *о доверенных мужах в воеводствах* и о так называемой *молодой шляхте*.

После 8 апреля, если не ошибаюсь, т. е. после уничтожения Агрономического общества, члены его как единственные тогда представители сельского населения в крае выбрали из каждого воеводства по два из числа сельских владельцев, которым поручили, так сказать, политику воеводств. Не знаю, какие именно люди выбраны были во всех воеводствах, но мое, Августовское воеводство, было представляемо Юлианом Пашкевичем из Сейненского уезда и Яном Войчинским (сыном) из Августовского уезда. Судя по этим двум личностям, делаю заключение, что выборы вообще пали на людей достойных, образованных, передовых, с горячим сердцем и несомненным патриотизмом. Спрашивается, какая цель избрания этих воеводских политиков? Сущность постановления, составленного избирателями, заключалась в следующем: «так как настоящие обстоятельства имеют чрезвычайный характер и исполнены наилучших предзнаменований для края, а Варшава есть мать и центр новой жизни, то избранные владельцы обязаны, на-

блюдая за ходом местных дел, сноситься с Варшавой и ее главами и сообщать воеводству как о положении дел, так равно и о соответственном образе действий; воеводства же обязуются безусловно принимать от своих доверенных то, что будет решено в Варшаве, и ни на шаг не отставать от этих решений столицы». Таково было постановление доверенных мужей.

Здесь сделаю небольшое замечание.

Кажется, что выбор воеводских мужей был сделан по совету, а может быть, даже по инициативе комитета Агрономического общества, который был уверен, что избранные будут особенной и исключительной поддержкой и исполнителями бывших своих начальников (*zwierzchników*). Последствия показали, что комитет вполне ошибся.

Обращаюсь к главному предмету.

Вышеупомянутое постановление звучало весьма торжественно, и из доверенных мужей делало каких-то вроде *patres patriae* (отцы отечества), политиков и руководителей. Но в сущности постановление было слепо, а воеводские мужи исполняли чуть ли не самую жалкую роль, ибо никогда ничему направления не давали, а сами получали направление от всякого случайного варшавского ветра.

Этим постановлением край отрекся от всякого самоуправления в пользу Варшавы и передал судьбу свою в руки совершенно неизвестных лиц, в руки каких-то темных и загадочных сфинксов. Самое звание «доверенного мужа» даже по смыслу своего учреждения было званием, лишенным всякого значения. Эти люди даже *a priori* не имели и не должны были иметь никакого убеждения, никакой самостоятельности в выборе лучшего способа действия, а должны были искать на варшавских улицах это золотое руно. И действительно, в результате вышло, что единственной обязанностью доверенных мужей было — просиживать беспрестанно в Варшаве, совещаться со всеми, а из этих совещаний, не имевших ни начала ни конца, выходило всегда одно, — что все были правы (*mieli rację*). Итак, доверенные мужи, совещаясь с ЗамоЙским и его приятелями, вполне соглашались, что самое святое дело — это высказывать пассивную оппозицию и ровно ничего не делать; с Юргенсом — что было бы сумасбродством восставать, когда нельзя восставать, а необходимо следует делать то, что можно; с Маевским — что революция есть единственный путь спасения; с Франковским (например) — что необходимо сделать 3 мая манифестацию. Эссенция всего сообщаемого в воеводства заключалась в том, что Варшава делает манифестации и воюет с правительством, и потому край, буквально следуя примеру столицы, делал манифестации и всевал с правительством.

Кроме этих временных, как видим, вовсе не особенно замечательных последствий, для которых бы не стоило выбирать доверенных мужей и просиживать в Варшаве, были еще другие — для будущности. Воеводские мужи, чувствуя тяготевший на них гражданский долг, захотели действительно исследовать, какой путь из найденных в Варшаве лучший и полезнейший для края. Эти исследования окончились тем, что мужи, смотря по их личным свойствам, незаметным образом увлечены были под влияние одного которого-нибудь из кружков, существовавших в Варшаве, и сделались приятелями и последователями или Маевского, или Юргенса, а некоторые личности в виде исключения соединились с консерватистами. Маевский, кажется, имел за собой наибольшую часть доверенных мужей. Весьма естественно, что раз поддавшись тому или другому политическому направлению (хотя каждый толковал его иначе), новые последователи старались при-

влекать под принятое ими знамя и своих друзей-избирателей. Но весьма было ошибочно было усматривать в этом окончательное объяснение народного вопроса, образование партии, формирование обширного революционного лагеря, — ничуть, — это были только минутные порывы и больше ничего, от которых произошла еще бóльшая путаница и которыми на минуту была побеждена революция. Вскоре убедимся в этом, а пока довольно будет этих нескольких слов о воеводских мужах.

Еще одно слово о «молодой шляхте».

Название «*молодая*» означает здесь не столько возраст, сколько новые молодые понятия — готовность самопожертвования для края, готовность трудиться для него и заниматься его судьбой и делами.

Это были также эклектики — политики из разных сторон края, которые благодаря варшавскому движению очнулись от прежнего своего бездействия и прибыли в столицу искать лучшего способа действий. Сначала они составляли как бы штаб доверенных мужей, группируясь около них и держась при них безотлучно. Но со временем, ознакомясь ближе между собою, начали составлять как бы отдельный от своих доверенных мужей кружок и начали действовать независимо, т. е. сами, не обращая внимания на воеводских мужей, приставали то к тому, то к другому политическому направлению в Варшаве; и опять-таки должен я повторить, почти исключительно приставали они или к Юргенсу, или к Маевскому, но более всего к последнему. Из них-то главным образом набирались провинциальные приверженцы варшавских кружков. Не стоит вспоминать имен этих политиков (даже если бы они были мне известны), потому что вся их масса исчезла без вести и без следа. Из заметнейших в позднейшее время были тут авторы диктатуры Лянговича: Иосиф Колачковский, Семенский и др.

О дальнейшей судьбе молодой шляхты буду еще говорить ниже.

Таковы были в общих чертах наши кружки во время манифестационного периода, а именно до наместничества графа Ламберта. По мере моих сил я старался показать отличия, между ними существовавшие, главные характеристические признаки каждого из них, как равно их принципы и действия. Прибавлю к этому, что на практике не было никакого точного разграничения, никакой заметной отдельности между нашими кружками. Все они представляют грустную картину замешательства, путаницы понятий и стремлений, беспрестанной их флюктуации без всякой положительности и определенности, и потому-то не могу сказать, чтобы я не встречал затруднения, стараясь отделить один кружок от другого и представить каждый из них отдельно, даже в таком очерке, как я это сделал. Но я непременно должен был сделать этот очерк потому, что из этих кружков выходит наша дальнейшая жизнь — со времени прибытия к нам графа Ламберта. Здесь кстати будет заметить, что это несчастное смешение понятий, этот недостаток ясных, непоколебимых убеждений происходили от двух причин: во-первых, вследствие отсутствия выработанных партий в обществе; наше прошедшее от 1831 г. было таково, что не могло их выработать, а староземиграционные (аристократия и демократия) как абстракт, заимствованный из книг и из Франции, а не из жизни своего общества, не могли иметь никакого применения. Это, по моему мнению, было одним из величайших наших недостатков, а вместе с тем одним из источников отечественных несчастий. Во-вторых, путанице понятий способствовало всеобщее желание наибольшего единства; каждый боялся ссоры и несогласия между своими как наибольшего несчастья, — отчасти прошедшее, отчасти слепые распри.

эмиграционных партий представлялись для всех каким-то устрашающим привидением. Поэтому мы предпочитали уступать друг другу хотя бы до крайности, только бы не разрывать единства, не повторять уже прежних беспорядков. Но — увы! — выходя из такого благороднейшего побуждения, мы впали в другую крайность — мы потеряли самостоятельность убеждений! Прошу обратить особенное внимание на это вводное замечание; оно объясняет весьма много, и так, например: слепое, беспрекословное повинование всех жителей детям-полицаям, а также замечаемое во многих событиях никогда прежде неслыханное у нас единомыслие, и даже объясняет отчасти памятную для всех тиранию над общественным мнением Центрального комитета.

Как сказано уже выше, с прибытием графа Ламберта несколько изменилось у нас положение дел. Приятели графа Замоиского вместе с делегацией решили, наконец, между собой, что пора уже прекратить манифестации и что пассивную оппозицию нужно вести другим образом. Но однако же, позволю себе сделать замечание, что консерватисты ограничились только *заявлением желаний*, оставляя, как говорится, на волю провидения принятие мер для осуществления этих добрых желаний. На вопрос — что же они могли сделать против манифестаций? — отвечу, что делегация не имела недостатка в средствах, только бы она захотела воспользоваться немножко своим значением и заглянуть в мастерские и обратиться к духовенству, доступ к которому был всегда открыт для всех больших и малых консерватистов, и, однако, они не дали себе труда тем или другим способом приобрести влияние на события. Во всяком случае хорошо уже было и то, что партия таких достойных людей пожелала, наконец, спокойствия. Впрочем, может быть, и ошибаюсь (хотя это и сомнительно), может быть, представители оппозиции действительно принимали какие-либо мне неизвестные меры против манифестаций и только не могли их одолеть. Кроме того, справедливость велит сказать, что болезнь и смерть архиепископа составили по крайней мере на некоторое время значительное препятствие мирным стремлениям.

Юргенс оставался между тем верным прежней своей роли; со всевозможной силой и решительностью он восставал против всех манифестаций, под какой бы формой они ни совершились, употреблял для сего различные средства: уговаривал, бранил, насмехался, чтобы только удержать это в то время уже баранье стремление варшавской публики. Но все усилия Юргенса и его приятелей были напрасны, потому что манифестаторы думали иначе; все слова и средства их неприятелей были, как горох, бросаемый в стену, они продолжали делать свое и до самого 15 октября не прекращали манифестаций. Общественное мнение находилось в их руках, — народ, или правильнее, уличная сволочь, позволяла себе, как тогда говорилось, *«вершить справедливость»* (*wymierzać sprawiedliwość*) и *«карать отступников и противников народа»*. Юргенс за борьбу, начатую им против кумира минуты, потерял раз навсегда приязнь, уважение и послушание революционеров и даже не избежал названия *«велепольчик»* или *«лакэй Велепольского»* (что почти равнялось названию государственного изменника), а сторонников его с того времени начали с пренебрежением называть «юргенчиками».

Общество манифестаторов вследствие постоянно продолжавшихся манифестаций все более и более волновалось, и вторая категория, о которой говорено было выше, т. е. масса людей, жаждавших революции не разумом,

а инстинктом и сердцем, все более возрастала в среде городского населения, в особенности между низшим классом*.

Хотя манифестационное опьянение не прекращалось до 15 октября, но уже за две недели перед окончанием его было заметно из общего настроения, что наступил конец этому опьянению, и если бы не случилась в то время болезнь и кончина архиепископа, то вероятно не имели бы места ни молебствие за Костюшко, ни катастрофа в костелах. Время сделало, наконец, то, чего не могли достигнуть люди; манифестациями уже пресытились во всем крае, они всем надоели, и выбор другого пути для действий сделался необходимостью. Даже самые неутомимые агитаторы почувствовали утомление и остановили, что молебствие за Костюшко будет уже последним и что с того времени будут установлены впредь ежегодно только шесть народных праздников. С того же времени везде в Польше и за границей, где только существовал элемент польский, начало повторяться слово «организация», слово, понимаемое и толкуемое тогда в самых разнообразных видах, но всегда как выражение необходимости какой-то совокупной внутренней деятельности, учета и оценки собственной силы и определения пути, которого должно держаться в будущем. Нетерпеливейшие революционеры под словом «организация» разумели заговор и не шутя обдумывали и составляли планы тайного заговора; даже некоторые молодые дворяне (szlachta) начали сноситься с Мерославским и имели небольшой съезд в Гомбурге с уполномоченным Мерославского Куржиной по вопросам политическим, но съезд этот не имел никаких последствий**. Во время составления этих революционных планов и предложений случился в Польше факт, который расстроил их совершенно и едва даже не довел до гибели самую революционную партию в крае (т. е. кружок Маевского), если бы, к несчастью, революция не пустила уже слишком глубоких корней. Этим фактом были выборы в городские и уездные советы. По моему мнению, эти выборы в историческом развитии нашей жизни в последние годы были фактом величайшего значения. Они были граничным столбом периода манифестации; они выказали собою результаты, которые успели уже произвести манифестации, и сделались родоначальником будущих явлений, они уничтожили все бывшие до того времени кружки и создали новые, только уже не такие, как были прежде, но формальные общества; они, наконец, временно затерли и почти совершенно победили готовую уже сформироваться в заговор революцию, но вместе с тем создали элементы для ее возрождения, или правильнее, для ее оживления, развития и будущего торжества. Для большего уяснения важности значения выборов и определения, чем они были на самом деле, рассмотрим ближе, как себя держали и как действовали все известные уже нам кружки относительно этих выборов.

Консерватисты с графом Замоиским на челе^a этой партии жаждали и стремились к осуществлению выборов в советы и к скорейшему их открытию прежде всего потому, что советы могли быть надежными органами пассивной оппозиции, что за отсутствием сейма они могли заменить его хотя отчасти, в миниатюре, что с помощью их, наружно соблюдая легальную фор-

* Здесь незачем вспоминать о доверенных «мужах» (о mężach zaufania), они не имели никакого влияния в этом случае, и если бы даже желали, ничего не могли сделать в Варшаве против или в пользу манифестаций, а провинции слушались не их, но Варшавы.

** Этот съезд остался без всякого влияния на развитие революции в Польше, на нем не было достаточно представителей, и он не удался. Об этом подробнее буду говорить ниже.

^a Т. е. во главе.

му, можно бы было домогаться от правительства учреждения сейма, конституции, присоединения Литвы и Руси и т. д. Во-вторых, устройство этих советов было желательнее еще и потому, что *при исчисленных перед сим главных выгодах* права их предоставляли жителям иметь некоторый контроль над местной администрацией и некоторое участие в управлении местными интересами и нуждами городов и уездов, одним словом, давали возможность с пользой трудиться для края.

Юргенс, выходя из своих принципов, был сторонником советов вследствие причин, несколько разнствовавших от оснований и понятий консерватистов. Он говорил, что следует как можно поспешнее приступить к выборам и к открытию советов преимущественно потому, что эти советы сами по себе как учреждения муниципальные и как административно-общественные органы по силе предоставленных им прав будут весьма полезными для страны учреждениями, что, следовательно, святая обязанность граждан приступить к труду, дозволенному и признанному законом, и приступить сколь можно поспешнее с полнейшим усердием. Притом, кроме вышеобъясненного первостепенного значения и пользы советов, мы могли бы иметь возможность посредством их торговаться с правительством и домогаться от него больших уступок для края и не забывать о будущей в неопределенном времени революции, собирая и вырабатывая для нее мало-помалу нужные средства, силы и орудия.

Манифестаторы, или правильнее, *революционеры* как открытые и решительные враги правительства, открыто и решительно стремившиеся к восстанию, были поэтому и решительными противниками мысли учреждения советов. Они без обиняков говорили, что и сами стремятся к совершенному разъединению и разрыву с правительством и что желают вести к этому же весь народ, потому что лишь в этом залог спасения Польши; советы же, которые, по их понятиям, были в сущности одним нулем, ставили нас на скользкий путь сближения с правительством, и незаметно отрывая нас (посредством ничего не значащих для края трудов) от главной нашей мысли — восстания, рано или поздно, волей или неволей передадут нас в руки Велепольского и сделают слугами правительства.

Доверенные мужи (*mezowi zaufania*) и молодая шляхта, как не имевшие вообще самостоятельных убеждений, не имели также и в вопросе о советах отдельного своего взгляда и присоединялись к которому-либо из трех объясненных выше. Я полагаю, что не сделаю ошибки, если скажу, что большинство их по тем или другим поводам было на стороне учреждения советов.

Уже из этих нескольких слов о главных тогдашних мнениях по вопросу о советах видно, что действительное их значение, т. е. то, какое хотел им придать закон, никем у нас не было понято: один только Юргенс более прочих приближался к истине, но только приближался к ней, не овладев ею вполне.

Три главных мнения, о которых я говорил выше, при существовании других, самых разнообразных их оттенков и подразделений, вызвали перед выборами и во время оных продолжительные общие, весьма оживленные и не раз доходившие до крайности споры между лицами всех слоев общества и разнохарактерных политических убеждений. Эти споры и приводимые при этом противными сторонами доказательства имеют в моих глазах столь важное значение, что я не могу умолчать о них. Разумеется, я не могу изложить их во всей подробности, но позволю себе всю сущность тогдашней

борьбы и все доказательства, так сказать, эссенцию их выразить следующими двумя видами.

Первое. Противники учреждения советов рассуждали более или менее так. «Каждый поляк, желающий независимости Польши и любящий свое отечество, не может и никогда не должен быть в малейшем согласии и ни в каких сношениях с русским правительством; напротив, вечное и совершенное разъединение, целая бездна должна отделять нас от него потому, что согласие с ним есть отречение от собственной независимости, потеря народного характера, измена отечеству; наружно же показывать другое, чем то, что чувствуем в своем сердце, целовать и благословлять ту руку, с которой готовимся вступить в бой на жизнь и смерть, это роль подлых рабов, а не наша; мы, свободные граждане, потомки свободных христианских рыцарей, должны со всей откровенностью и перед целым светом, и перед враждебным нам правительством явно показывать то, что носим в сердцах наших, чем живем и к чему стремимся; пусть правительство не обольщается, пусть знает, что у нас не имеет и никогда иметь не будет верных ему подданных. Поэтому ни в каком случае не должно принимать от него никаких благодеяний как наружных признаков нашего с ним согласия. При этом не следует также забывать о действительном существе и истинном значении этих нынешних благодеяний русского правительства. Кто же из нас может поручиться в том, что эти благодеяния происходят от чистого сердца, что они ненарушимы? какой же поляк с чистой совестью может сказать, что верит в откровенность и любовь правительства к Польше, в искренность его намерений улучшить наш быт, кто из нас может утверждать, что завтра не отнимут у нас того, что было дано сегодня? К несчастью, тяжелый полувековой опыт учит нас весьма ясно, что русское правительство имеет вечной целью не счастье, а, напротив, совершенное уничтожение нашего народа, что если временно изменяет по наружности свою политику в отношении к нам, то делает это лишь по необходимости, вынужденное к тому политическими обстоятельствами, с целью обмануть нас, и при малейшем удобном случае снова возвращается к прежней обычной своей роли, оставляя нам на долю только страдания, бедствия и разочарование. И ныне случится то же. Правительство, тревожимое своими внутренними заботами в России, под внешним напором жаждет поскорее успокоить нас как-нибудь; завтра же, когда оно будет свободнее от собственных дел, когда нас успокоит, когда объяснит Европе посредством подкупленных корреспондентов и путем дипломатии, что нам уже хорошо и что оно уже помирилось с нами, снова возвратится к прежнему и снова приищет нам какого-нибудь Паскевича или Муханова.

Какова же, наконец, сущность всех этих дарованных льгот и учреждений? Обратим внимание на то, что правительство не заботится даже о том, чтобы склонить нас на свою сторону или обмануть нас чем-либо важным и существенно для нас полезным, а ограничивается лишь лохмотьями и игрушками. После стольких наших страданий при всевозможных уверениях правительства, что оно уже желает отныне управлять нами согласно с требованиями народа, что же на деле дает нам это правительство? Оно позволяет нам *за наши же деньги строить мосты и дороги, воздвигать лучшие тюрьмы для воров и негодяев, контролировать не имеющих средств к жизни низших чиновников, для того, чтобы они несколькими сотнями золотых в год меньше у нас крали*». В таком ироническом тоне критиковали тогда объем прав, предоставленных советам!

«Все это как бы насмешка над бедным народом; правительство как будто не видит и не слышит, что если что-нибудь может быть названо согласным с нашими желаниями и интересами, то это конституция, сейм, Литва и Русь, народное войско, собственное наше знамя.

Посмотрим, наконец, к каким ближайшим результатам приведут советы, и из этого увидим ближайшую цель правительства: советы расстроят существующее между нами донныне согласие, восстановят нас одного против другого, многие из нас присоединятся волей или неволей к правительственному лагерю и сделаются, как Велепольский, изменниками народа; советы займут все наше внимание и растратят все наши силы на ничего не значащие мелочи, на сомнительные интересы приходов, подавят пробужденный и так прекрасно развивающийся дух народа и столкнут нас с настоящей нашей дороги, с нашего единственного и спасительного пути; они заставят нас забыть о независимой Польше и сделают невозможным восстание.

По всем этим поводам гражданский наш долг обязывает нас не принимать предоставляемых нам правительством учреждений, не приступать к выборам в советы, не забавляться никакой дипломатией с правительством, но с неразрывным единством и с братской любовью подвигаться далее в прежнем направлении, так как этим лишь способом можем или принудить правительство к уступкам, которые будут действительно согласоваться с нашими желаниями и интересами, и этим самым облегчить себе путь для дальнейших наших действий, или же прийти вскоре к открытой и победоносной борьбе с ним за независимость Польши».

Второе. Защитники советов возражали на высказанные выше доводы своих противников следующим образом. «Мы совершенно согласны с тем, что нам^а под опасением огласки к измене своему отечеству¹ никогда не должно оставаться в добром и искреннем согласии с русским правительством, и все наше поведение до сего времени слишком хорошо доказывает, что мы ни на минуту не забыли этой святой гражданской обязанности поляков. Поэтому мы и не думаем принимать от правительства в смысле искреннего или кажущегося согласия с ним предоставляемые нам от него права и учреждения, этот в некотором роде помост, долженствующий закрыть незакрываемую по своей натуре бездну, чтобы этим принятием не обнаружить признака примирительного настроения. Мы видим в учреждении советов единственно и исключительно *односторонний* акт правительства и ничуть не *двусторонний* гласный или негласный контракт, могущий нас обязать к чему-либо в будущем. Мы не просили об учреждении советов, мы не говорили, что, получив их, уже будем удовлетворены совершенно; мы их не проектировали и вообще не влияли на распоряжения правительства по этому предмету. Вчера правительство хотело управлять нами лишь при посредстве Муханова, сегодня оно желает пробовать с нами фокусы, выдуманные Велепольским, завтра, быть может, понравится ему опять что-либо новое, мы же ко всем эти желаниям и постановлениям правительства остаемся и должны всегда оставаться равнодушными, одинаково должны жить под каждой системой, потому что эти системы от нас не зависят и зависеть не могут, потому что, где действует правительство, там мы не действуем и не можем действовать. Итак, принятие новых учреждений не

.....
^{а-а} По смыслу: под страхом объявления изменниками своего отечества.

означает ни истинной пагубной, ни наружной, бесчестной для народа гармонии с правительством. Не принимать же советов для того только, чтобы высказать этим наше враждебное настроение, нам кажется весьма дурным и безрассудным постановлением, потому что дурно и безрассудно кричать о наших чувствах, когда мы не можем открыто взяться за оружие; правительство и без нашего крика весьма хорошо знает, какие мы его подданные, а если обманывается в нас, то для него же хуже.

Точно так же мы весьма хорошо понимаем, насколько искренны и правдивы намерения правительства, и потому-то именно не должно нас все это ни малейше беспокоить и заставлять задумываться. По каким поводам и с какими намерениями правительство предоставило нам новые учреждения, это нас не интересует; довольно того, что они нам предоставлены; будем же ими пользоваться, это наша роль в нашем рабстве. Уничтожить раз нам уже дарованное довольно трудно, если же правительство и уничтожит его со временем, то нам слишком заботиться о том не следует, а должно это новое и уже ожидаемое нами распоряжение принять с таким же равнодушием. И поэтому-то мы никогда не обманемся и не боимся обмана. Европу же правительство уже не обманет, ибо мы сумели убедить ее, в какой мере искренно и расположено к нам правительство, и каково наше действительное положение и наши чувства. Впрочем, пресса и для нас также доступна, и следовательно, при нашем единодушии мы всегда успеем вызвать факты, характеризующие наше действительное настроение.

Что советы в существе своем суть только игрушки, лохмотья и мелочи, в этом мы слишком уверены и даже более, чем сами наши противники; но наш гражданский долг обязывает нас делать из этих лохмотьев орудие в пользу интересов Польши против правительства до тех пор, пока не добудем лучшего для сего оружия. Права, предоставленные советам, существуют только на бумаге, но если мы захотим, то эти права будут тем, чем они быть должны в данном случае, потому что они у нас в руках; сохраним лишь единодушие и тогда будем говорить и делать в советах все, что нам только вздумается, и ничуть нам не помешает, если правительственный комиссар запишет для формы свой протест в протокол заседания. Кроме того, так как правительство притворяется, будто бы не слышит и не понимает наших желаний и нужд наших, то мы с учреждением советов будем иметь прекрасный случай говорить с ним иным, более понятным языком. Тогда правительству труднее будет притворяться, что оно не понимает выраженных этим путем наших нужд и желаний, и на них не обращать внимания, потому что это будут говорить как бы его чиновники, им же самим призванные посредством выборов для действий и заявлений о нуждах и желаниях края. Притом самые даже права советов, лишь бы только мы умели действовать, обеспечивают для нас несомненные и в некоторых случаях даже весьма значительные выгоды. Не должно забывать, что права советов отдают сельское население и его просвещение в наши руки, что этим путем мы можем сблизиться с ним, сдружиться и распространить на него благотворительное свое влияние и что затем тесное общение и единство всех классов будет уже зависеть от нас самих. Даже мелкие статьи, касающиеся внутреннего хозяйства и управления в крае, несомненно, будут весьма полезны; ибо, например, лучше ведь будет, если наши пушки будут следовать по хорошей, чем по дурной дороге, и лучше будет, если мы, учитывая и контролируя чиновников, сэкономим несколько сот злотых и употребим их на те же самые пушки.

Наконец, опасения наших противников относительно грустных последствий, к которым будто бы могут привести советы, совершенно воображаемые. Если только мы сами не разорвем нашего единства, сам ад не сумеет разорвать его, а не только такие безделицы, как советы. Никто из нас не пойдет по следам Велепольского потому, что никто не захочет быть изменником своего отечества и потерять любовь своих соотечественников; при вышеобъясненном же взгляде на советы нельзя даже допустить, чтобы мы погрязли в мелочах и забыли о главной нашей цели; напротив, по нашему убеждению, советы во всех отношениях могут быть действительным в наших руках средством для достижения этих-то именно главнейших наших целей, только должно суметь ими воспользоваться и сохранять между собой единство. Именно теперь, когда самые яростные сторонники восстания даже приблизительно не могут назначить срока, в который оно может осуществиться, когда мысль о вооруженной борьбе должна оставаться лишь мыслью, когда, затем, заговор в действительном его значении еще не нужен*, советы могут быть и будут такой организацией, которая всего более доставит пользы польским стремлениям и целям, а именно — организацией сильной, легальной, выборной, и в полном значении будут действительным средством, полезнейшим и действительнейшим, чем самый лучший заговор; лишь бы мы сохранили только связь братской любви, а в советах мы как нельзя успешнее будем действовать в пользу развития нашего народного духа, в пользу увеличения сил наших и приобретения средств для борьбы за независимость края.

По всем этим поводам следует безусловно принять учреждение советов и со всем единодушием приступить к выборам».

Вот краткий очерк доказательств, приводимых воюющими сторонами во время выборов в советы. Не входя в критический разбор всего этого, нужным считаю лишь обратить внимание на два обстоятельства: *первое*, что истинные определенные законом права и преимущества советов и польза от них были совершенно упущены из виду в наших толкованиях, и если вспоминалось об этом, то лишь в том смысле, что «от прибыли не болит голова»** (od przybytku głowa nie boli), *второе*, что ни между защитниками, ни между противниками советов не было людей, преданных правительству, и преданность или расположение к нему были уже позором. Из всей борьбы по вопросу о выборах видим, какие богатые результаты принесли уже манифестации, как сильно проник во всех яд революции и как могущественно развились принципы народного катехизиса. Какая великая разница с теми скромными и боязливими желаниями возвращения Органического статута 1832 г. и с набожным, скромным намерением почтить память героев-предков, погибших под Гроховом и помолиться за их души!

Поэтому-то, т. е. для того, чтобы выяснить эту великую разницу в настроении жителей и показать силу развития народного катехизиса, я счел нужным подробнее упомянуть о борьбе партий во время выборов в советы.

Представителем сторонников советов и действительной, деятельнейшей и разумной ее главой был Юргенс. Это ничуть не означает, что он буквально придерживался тех же убеждений, какие высказывали все сторонники со-

* Против сего революционеры возражали и уверяли, что восстание всегда возможно, лишь бы только было желание, так как силы есть в запасе, силы большие и неисчерпаемые; нужно только, чтобы сильная воля путем разума призвала к жизни эти силы и создала из них средства и орудия борьбы.

** Польская поговорка.

ветов (впрочем, личное мнение Юргенса об этом приведено мною выше), а только то, что Юргенс своим умом, деятельностью, энергией в борьбе взял верх над всеми и что все прочие сторонники советов разных оттенков группировались вокруг него. Представителем же и главой, хотя мало деятельной и более номинальной, чем действительной, противников Юргенса был *Карл Маевский*. Каждая сторона для достижения своих желаний и для завладения общественным мнением в известной степени развила свою деятельность и предпринимала разные средства, о которых необходимо сказать несколько слов.

Средства защитников советов. Неоспоримо, что почтенные друзья Замоиского и делегация употребили все свое влияние и свои связи для настроения общественного мнения к принятию выборов и что их усилия способствовали получению желаемых результатов. Не им, однако же, следует приписывать главную силу деятельности и главную часть победы, ибо важнее всего было произвести выборы в Варшаве и для того склонить на свою сторону большинство избирателей; низойти же к этому большинству, составленному из среднего и низшего класса жителей, консерватисты не желали и не могли, да если бы даже и низошли, то едва ли они могли пересилить влияние Маевского. Здесь-то именно, в этом, так сказать, центре тяжести, действовал Юргенс со своими друзьями, и, действуя в этом главном пункте, он управлял всеми стремлениями великих и малых политиков в целом крае. Желая совокупить, централизовать и привести как-нибудь к единству агитацию и все вообще действия разных партий при выборах, Юргенс еще за долгое время перед выборами устроил свой собственный избирательный комитет в Варшаве и успел подчинить влиянию этого комитета все второстепенные кружки и стремления отдельных лиц.

При содействии своего комитета и многочисленных друзей своих он усиленно старался проникнуть во все отношения различных сословий города, во все корпорации, цехи и их занятия и везде убеждал и приобретал сторонников, парализуя агитацию революционеров. Юргенс заблаговременно сговорился с более выдающимися личностями всех политических оттенков, всех партий и заблаговременно составил список лицам, которые как единственные кандидаты безусловно должны были быть избранными в члены советов и в заступающих места членов, тщательно избегая при этом собственных своих предубеждений и избирая личности действительно способные, честные, пользующиеся уважением и доверием в городе*, для чего заранее приготовил билеты со списками кандидатов, которые перед выборами роздал избирателям; словом, Юргенс усердно и неутомимо трудился, постоянно не спуская с глаза избирателей, и, так сказать, вел их за руку до самого избирательного стола. Более трудиться и действовать полезнее и разумнее Юргенса в то время было у нас невозможно. К этой-то, по моему мнению, самой важной, деятельности Юргенса присоединились все те, которые желали учреждения советов: друзья Замоиского, делегация, большинство *доверенных мужей* (*meżowi zaufania*) и шляхты, занимавшейся политикой в Варшаве, и наконец многие личности из числа значительнейших городов Царства. В провинции, однако, Юргенс не высылал своих особых агентов, ограничиваясь агитацией в самой Варшаве, в полной уверенности, что если здесь выборы окончатся удачно, то примеру Варшавы последует и все Царство Польское.

* Даже Иосиф Грабовский (инженер), решительный друг Маевского, был назначен кандидатом и вслед за тем был избран.

Противники советов, революционеры, также не дремали. И они также в *первый раз* решились совокупить и централизовать агитацию и вести ее в известном порядке и единомыслии и с этой целью также образовали свой отдельный главный комитет; старались проникнуть во все отношения жителей Варшавы и напрягали все свои силы, чтобы одержать в этом деле победу над своим противником — Юргенсом. Революционеры сделали даже более, а именно, они выслали из Варшавы *первый раз* во все главные местности Царства Польского своих агентов, чтобы везде парализовать влияние «велепольщины и юргенщины» *. Словом, ничего не было забыто для распространения агитации, и делалось все, что только было по обстоятельствам возможно. Кроме того, революционеры постановили в случае сомнительного результата своих усилий собрать в последнюю минуту выборов многочисленную толпу народа и посредством испробованной уже силы, т. е. посредством манифестаций и смятения, произвести нечто вроде морального насилия над собранными избирателями и, коротко выражаясь, воспользоваться возникшим при этом беспорядком и разогнать приверженцев и защитников советов.

Наконец наступил день выборов. Местом собрания избирателей было здание тогдашней Медико-хирургической академии на Краковском Предместье, у памятника Копернику. Можно было уже предвидеть, что выборы окончатся удачно, и даже сами агитаторы-революционеры знали, что победа останется на стороне Юргенса. Оставалось им, однако, еще испробовать последнее заранее придуманное средство, а именно, под невинной формой манифестации сделать насилие и разогнать избирателей. Действительно, в первый же день выборов они собрали толпу народа перед зданием академии, но сверх всякого ожидания и тут судьба им не благоприятствовала: сборище народа было не многочисленно, меньше даже, чем было во время первой манифестации 25 февраля. Несмотря на это, послышались возгласы, требовавшие не приступать к выборам и вызывавшие избирателей выйти на улицу и объясниться с народом. Это была довольно важная минута, так как прекращение выборов в первом округе несомненно повело бы за собой (несмотря на все приуготовительные усилия Юргенса) к такому же самому результату во всей Варшаве, а впоследствии и во всем Царстве Польском. На эти возгласы и крики явились между прочими граф Замойский и ксендз Вышинский, любимые и уважаемые всеми, и спросили народ, с какой целью он собрался, заблаговременно объясняя, что возбужденный беспорядок и крики неуместны и вредны. Тогда «оратор» (кажется, Шаховский) от имени народа в краткой речи, которой толпа вторила своими возгласами, объяснил цель собрания народа и домогался, чтобы выборы были прекращены и чтобы вместо них был занесен в протокол так называемый «отзыв» **, который тогда же он вручил графу Замойскому или же ксендзу

.....

* Из кого именно составлялся тогда комитет революционеров, я не могу определить наверно, сомневаюсь даже, принадлежал ли к нему Карл Маевский; кажется, однако, что к нему принадлежали: Аполлон Корженёвский, Владимир Вольский, Витольд Марчевский, так как они принадлежали к самым деятельнейшим и более образованным и опытным личностям своей партии. В провинции были разосланы те же самые, уже известные нам манифестационные агитаторы: Франковские, Верещинский, Рогинский и т. д. Вообще все эти подробности не имеют большого значения и интересны только как первая проба централизования революционной агитации, как первый пример и точка исхода заговора.

** Этого «отзыва» я не читал; содержание его заключалось в следующем: «Так как правительство не дает нам того, что нам нужно, а именно Литвы, Руси, конституции и т. п., то и не следует выбирать членов в советы и не должно принимать этих учреждений». Отзыв

Вышинскому. Граф Замо́йский в ответ оратору объяснил, что не принимает никаких «отзывов» и что выборы будут произведены, при этом уговаривал народ разойтись по домам, представляя, что и избиратели тоже поляки, что желания их те же, что и всего народа, но что следует знать, когда, как и чего желать, что все мы должны быть в согласии между собой и распрями не делать дурного примера, так как это всего более вредит Польше и т. д. После этой краткой речи толпа, за минуту перед тем гласившая, что Шаховский «говорит дело», провозгласила *wivat* графу Замо́йскому и ксендзу Вышинскому и разошлась спокойно, увлекая с собой разбитых на голову революционеро́в.

После этого последнего неудавшегося усилия выборы беспрепятственно совершились как во всей Варшаве, так и вообще в Царстве Польском, причем везде были избраны с беспримерным почти единодушием заблаговременно назначенные кандидаты, и справедливость требует заметить, что в члены советов вообще были избраны самые лучшие и достойнейшие личности во всем крае. Некоторые лишь избиратели, оставшись до последней минуты верными идеям, распространяемым революционерами, подавали свой голос в насмешку в пользу Мерославского, Высоцкого, Клапки и Гарибальди.

Победа осталась, таким образом, на стороне Юргенса. Казалось, что после этого разум возьмет свои права, что взамен неурядицы наступит порядок и консервативный элемент восторжествует над революцией. И действительно, так случилось, но только на минуту. Отчасти это уже можно было предвидеть из представленного очерка борьбы по вопросу о выборах, но для лучшего объяснения этого явления я должен сказать еще несколько слов о победе, одержанной Юргенсом над партией революционеро́в и тем дополнить представленный уже очерк.

Победу Юргенса должно приписать следующим главнейшим причинам.

а. Во-первых, трудам самого Юргенса и друзей его, а также усилиям и влиянию временных его союзников, консерватистов.

б. Много также помогло торжеству разума и то, *что революционеры, бывшие до того манифестаторами, вступили на неизвестный и несвойственный им дотоле путь, т. е. путь не исключительно манифестационный.* Старые и слабые пружины — политики и агитаторы, мерившие все на аршин манифестационный, — не выдержали борьбы нового рода. Простой народ, самые низшие классы, бывшие в руках и под влиянием агитаторов во всех торжествах и манифестациях, не могли уразуметь столь сложного и темного для них вопроса, каким был серьезный вопрос о выборах. Притом не должно забывать, что закон о советах не всех допускает к выборам, а требует некоторых условий от избирателей (как, например: известных денежных взносов, или известных постоянных доходов и т. п.), люди же, имеющие эти обусловленные законом преимущества, хотя бы принадлежали к самому низшему классу, уже более постоянны, основательны и внимательны к голосу здравого рассудка. Поэтому даровитому Юргенсу не стоило большого труда освободить эту часть народонаселения из-под влияния революционеро́в, провозглашавших нелепости без всякого основания, укра-

.....

этот был изготовлен заблаговременно и повсюду был разослан в литографированных экземплярах, кажется, с заглавием: «Отзыв (Mandat) народа к избирателям» По идее революционеро́в, избиратели должны были собраться только для торжественной манифестации, а именно, чтобы громко прочесть «отзыв», с возгласами единомыслия принять его, внести в протокол собрания и разойтись.

шенные одними лишь словами, и которые становятся обыкновенно тем большими нелепостями, чем более простым умам их предлагают.

в. Революционерам весьма много повредило и то, что они главнейшим образом подымали вопрос о восстании. Резонерства их о том, что восстание всегда возможно, лишь бы было для этого истинное желание, решительно не понимал еще никто в то время, а они не могли указать ни на одно обстоятельство, внешнее или внутреннее, которое могло бы пророчить скорое приближение возможности восстания. В то время все наше общество и даже сам Мерославский думали, что началом восстания в Польше будет большая австрийско-итальянская война и одновременное с нею восстание Венгрии и Галиции и что проектированный Мерославским заграничный легион будет первым инициатором, первым организатором нашей вооруженной борьбы, долженствовавшей начаться на границах с Галицией. Это единственное внешнее обстоятельство, издавлек указывавшее возможность восстания, было слишком отдаленно и неверно, и поэтому сила его влияния не могла действовать на столь преждевременный разрыв всех отношений с правительством.

Рассуждения же о неисчерпаемых внутренних силах опровергались тем скорее, чем проще были люди, которым их разглашали и которые говорили, что с пустыми руками нельзя же нам идти против штыков «московских»? Поэтому необходимо было наполнить чем-либо то пространство времени, которое оставалось до неопределенного срока вооруженного восстания, а сделать это революционеры были не в состоянии. Каждый спрашивал: «Что же мы будем делать до восстания? Нужно же что-нибудь делать?» — и никто не получал ясного и удовлетворительного ответа. Таким образом, самая логика и необходимость, вызванная обстоятельствами, непременно требовали, чтобы мы оставались в сношениях с правительством. Если бы, однако, какие-либо случайные обстоятельства дозволили революционерам указать приблизительно возможность скорого восстания или же в крайнем случае если бы манифестации еще не пригляделись, то, по моему мнению, не подлежит сомнению, что революционная партия взяла бы верх и выборы в советы не могли бы состояться.

г. Важнейшей причиной, к которой должно отнести успех Юргенса, *это великая и беспримерная уступка консервативного элемента в пользу революции, вынужденная полугодовой агитацией, непосредственно или косвенно* В связи с этим находится адрес, который был подписан избирателями во время выборов на имя графа Ламберта.

д. Успех Юргенса должно, наконец, отчасти отнести и к *личному образу действия самого Карла Маевского.*

Две последние причины, как имевшие влияние не только на выборы, но, кроме того, и на последующие события, подлежат особому рассмотрению.

Относительно первой причины. Мы уже видели выше, что в распрях между противниками и сторонниками советов, последние, хотя и делали иные выводы, чем революционеры, но сходились с ними в основных началах и боролись во имя одной и той же цели. Они совершенно соглашались с революционерами в том, что гармония с правительством не должна быть допускаема под страхом отступничества и измены отечественному делу и что она — преступление для поляков. Соглашались также и в том, что правительству ни на минуту ни в чем доверять не следует и что всякое с нашей стороны к нему доверие пагубно для народа, что прежде всего и исключительно, минуя все остальное, мы должны стремиться к независимости Польши и к вооруженному восстанию; наконец, соглашались, что советы сами

по себе, в пределах тех прав, которые назначены правительством, будут одним лишь вздором, на который не стоит обращать серьезного нашего внимания, а разве только считать их мелкой прибылью, от которой *«не будет болеть голова»*. Необходимость же и пользу принятия советов они доказывали во имя интересов независимости Польши, представляя их (т. е. советы), то как оружие для борьбы с правительством с целью снискания от него дальнейших уступок, то как подготовляющего деятеля в пользу революции, увеличивающего и собирающего необходимые для нее силы и средства. Здесь я, кроме того, должен повторить, что таким же образом рассуждали все вообще защитники советов, и хотя с различными вариантами в частностях, смотря по понятиям и степени образования того или другого класса варшавского народонаселения, той или другой партии или корпорации, но основание этих рассуждений, их душа в существе своем были неизменны. Не опровергаю того, что некоторые отдельные личности могли иначе смотреть на вопрос о борьбе, но здесь дело уже не в личностях, ибо как бы они высоко ни стояли по своему уму и общественному положению, но не имели уже никакого самостоятельного значения и исчезали в массе.

Представив вышеприведенные важные обстоятельства, нужным считаю обратить внимание на то, что только на таких основаниях и только путем таких доводов, какие я привел выше, защитники и сторонники советов достигли успеха. Удивительно ли после того, что они, сильные во всех отношениях, *воюя оружием своих противников*, сумели восторжествовать над ними, слабейшими числом, разумом, опытностью и общественным положением? — нисколько. Важно и удивительно то, что они иначе не могли уже достигнуть успеха, как только исходя из принципов своих противников, сражаясь их же оружием; это самое важное обстоятельство из всей борьбы при выборах оно доказывает (что я уже выше сказал), что победа разума, порядка и спокойствия была только минутной и больше кажущейся, чем действительной, и что эта победа была окуплена ничем не вознаградимыми потерями, которые я назвал *уступкой консервативного элемента в пользу революции*. Для того, чтобы выяснить сущность и значение этой уступки, я представляю ее в следующих трех важнейших для будущности и находящихся в тесной между собой связи пунктах.

Первое. Единство в принципах и в их результатах, замечаемое между сторонниками советов и их противниками, ясно доказывает, что эти принципы сделались уже с того времени господствующими, всемогущими и всеобщими, а выборы в советы были как бы нашим публичным экзаменом, долженствовавшим подтвердить это; что начала эти уже всосались в кровь всех сколько-нибудь мыслящих людей и сделались религией общества, за исключением, разумеется, крестьян, и что они с того времени должныствовали сделаться единственным мерилom направления общества, чертой, выше которой до самых крайних фантазий об успехах революции возноситься каждый имел право, но опускаться ниже ее, т. е. уклоняться, отступать от этих начал хотя бы на волос, хотя бы наружно никто не мог под опасением огласки в измене своему отечеству; что с того времени никто в Польше уже не мог чувствовать, думать и действовать иначе, как во имя ее независимости, во имя близкой или далекой, так или иначе понимаемой вооруженной борьбы с правительством, ибо в противном случае низводил на свою голову, как бы она чиста и свята ни была, проклятие своих собратий.

Второе. То же самое единство оснований доказывает, что с того времени наши консерватисты, какие бы они ни были, навсегда пропали, ибо одни

из них, оставшиеся верными своим убеждениям (что случалось реже и составляло исключение), дошли до значения нуля, до совершенного ничтожества против всемогущего мнения их противников, а остальные (что было всего чаще) вкусили отраву и проникнулись семенами революции. Вообще консервативный элемент, некогда столь сильный (каким по крайней мере казался) в Агрономическом обществе, слабел и уступая молча, шаг за шагом во все время манифестаций, подчинился наконец революции и вступил с нею в чудовищные связи. Консерватисты, перестав быть тем, чем, казалось, они должны были быть по своим преданиям, разуму, общественному положению, и по всему, наконец, своему организму, сделались с того времени омерзительным гермафродитом, для всех равно бесполезным, и даже для самой революции.

Третье. Наконец, согласие в началах доказывало, что независимость Польши и открытая борьба сделалась уже главной, общей, первостепенной и, можно сказать, единственной целью; все же остальное, всякая другая потребность края, временная или постоянная, сделалась второстепенной, частной целью, вспомогательным средством. Яснее говоря, советы и все другие права и учреждения в Царстве с того времени уже не должны были быть тем, чем желало их сделать правительство, или что легально позволял разум и требовала польза края, а должны были сделаться или «*cheval de bataille*»^a для временной тайной борьбы с правительством, или работником для будущей революции. Далее, с того времени все новые права и учреждения, хотя бы самые полезнейшие, должны были быть принимаемы с совершенным равнодушием жителей как предмет сам по себе мало-значущий, как нечто такое, что, если и существует, то не имеет большой важности и мало доставляет пользы, а если не существует, то мало отнимает и мало вредит. Кроме того, отныне все новые права и учреждения должны были приниматься жителями с сомнением и недоверием относительно их постоянства, как что-то временное, не имеющее твердого нерушимого основания, как нововведение, которое может быть отнято впоследствии самим же правительством без особенного сожаления со стороны общества, или которому революция или вообще какие-нибудь чрезвычайные и непредвиденные обстоятельства, не только могут помешать развиться и укорениться в обществе, но даже могут его разрушить и уничтожить.

В этом-то я и вижу *уступку консервативного элемента в пользу революции*. Что эта уступка действительно последовала, это доказывается всеми последовавшими событиями и фактами, о которых я буду говорить в следующей главе моих записок; что она была весьма важным и решительным фактом, о том и говорить нечего. Прибавлю здесь только, что эта уступка не была каким-либо искусственным или нечаянным явлением, внезапно порожденным вследствие распрей при выборах, но выработавшимся естественно под влиянием манифестаций, продуктом. Первым последствием и доказательством уступки консервативного элемента было фальшивое понимание действительного, законного значения советов и подписываемый во время выборов адрес на имя графа Ламберта. Первое становится ясным и несомненным из всего того, что было говорено выше; остается лишь теперь сказать несколько слов о другом, т. е. об адресе.

Инициатива адреса вышла, как о том легко догадаться, со стороны пассивных оппонентов; ближайшим же поводом, или, так сказать, придиркой

^a *Боевой конь (франц.).*

к сему были слова, сказанные графом Ламбертом, что «мы должны представлять правительству наши справедливые желания и нужды путем легальным, путем предоставленных законом учреждений, а не уличными беспорядками». Однако же оппоненты не приняли на себя исполнения этой мысли, потому что или не могли, или не желали этого сделать. Хлопоты по этому предмету выпали на долю того же Юргенса. Он по соглашению с большими и малыми политиками собственноручно составил адрес и посредством *доверенных мужей* разослал его по губерниям и уездам, с приглашением, чтобы во время выборов все избиратели без всяких изменений подписали этот адрес. Так и случилось, адрес всюду покрыли десятки тысяч подписей после чего через посредство «доверенных мужей», делегации и Юргенс он был вручен графу Андрею Замойскому для представления наместнику графу Ламберту. Следовавшие затем события и именно объявление военного положения (в котором граф Ламберт грозно отозвался об адресе как о действии нелегальном, упоминая о нем как об одном из доказательств существования постоянной агитации), соделали невозможным представление правительству выражения «*желаний и нужд края*», и адрес остался у Замойского без всякого применения и пользы. Содержание этого адреса было выражением старых желаний оппозиции; в нем было высказано, «что вновь установленные учреждения недостаточно обеспечивают нужды края; определить же эти нужды может только представительство всей страны и что о дозволении иметь такое представительство жители Царства просят правительство в лице графа Ламберта».

Для полноты и целости изложения и для убеждения маловерующих следовало бы еще здесь объяснить подробнее, что тогдашний взгляд жителей страны на значение советов и адрес ясно доказывают уступку консервативов в пользу революции, но оставляю это до другого времени, в уверенности, что все дальнейшие рассуждения и доводы об этом для правительства излишни. Отныне я желал бы ограничиться только фактами, объясняя их лишь столько, сколько это нужно для правительства. Это облегчит и упростит труд мой и дозволит скорее окончить начатое описание.

Относительно второго вопроса, т. е. о личной деятельности и о поведении Карла Маевского в расприх во время выборов, я должен сказать следующее: Маевский бесспорно принадлежит к самым передовым личностям из всего молодого нашего поколения и не раз оказывал влияние на события последних лет в Царстве, а поэтому еще не раз случится мне о нем упоминать; здесь же ограничусь замечанием об его характере и роли, которую он занимал в период манифестаций. Известно уже, что он принадлежал к партии манифестаторов и был выше всех друзей своих по своему уму, образованию и силе воли, вследствие чего сделался главой партии и снискал себе общее доверие и послушание. Стоя во главе юной фаланги, Маевский всегда действовал с полнейшим самосознанием, он вполне понимал значение манифестаций, ясно видел, что они вырабатывают революционный элемент и приготавливают страну к восстанию, знал, что они формируют революционную партию, что приготавливают для нее нужные средства и орудия. При таком самосознании действий Маевский в числе других качеств его характера во время манифестаций выказал еще дар, отличающий, по моему мнению, созданных для дела. В действиях своих он не придерживался какой-либо заранее слепленной формы, взятой из книжных теорий и правил, составленной по слышанным или виденным где-либо образцам, и не искал в людях существ особо избранных, а просто, зная страну, зная временное ее положе-

ние, применялся к здраво понятым обстоятельствам минуты и эксплуатировал ее в пользу своих целей, обходясь теми людьми, которые были под рукой, выбирая из них способнейших, и действовал во всем непринужденно, без чрезвычайных усилий, просто, с спокойствием и самоуверенностью, никогда и ни в чем не теряясь. Манифестации отнюдь не занимали всей его деятельности, напротив, он считал их только частью трудов своих и, с одной стороны, руководил ими, а с другой — внимательно следил за всем, что делалось вокруг его, стараясь достоверно узнать, к чему стремятся другие люди и другие партии. Везде старался он приобрести связи, вторгался со своей молодой фалангой во все отношения общества то как приятель одних, то как противник других, всегда действуя в пользу своей идеи, и делался посреди всех партий, если не необходимым деятелем, то по крайней мере таким, на которого не обращать внимания было невозможно. Словом, старался, чтобы он сам и действия, которых был представителем, были признаны (uznane) большинством, старался приобрести твердое положение в обществе и новых, сильнейших и глубоко сроднившихся с интересами страны членов и друзей для своей партии.

Мы уже видели подробности и результаты первоначальных действий Маевского и его кружка. Наступило, наконец, время дать себе, так сказать, отчет в полученных результатах, сообразить их, привести в порядок, сконцентрировать дальнейшие действия, составить известный план и продолжать начатое дело в чисто приуготовительно-революционном направлении; до того же времени, как мы видели, Маевский еще не формировал никакого заговора и не придерживался в своих действиях никакой особенной системы. Срок для этого отчета пришелся, если не ошибаюсь, в конце августа. Маевский решил, что сделанное до того времени революционерами достигло своих результатов, а именно, революционный элемент и стремления получили уже значительное развитие, и материалы для дальнейших действий, особенно в городском населении, были уже весьма богаты, революционная партия и ее действия *приобрели уже значение в стране* (zyskały uznanie w kraju), а с ними и сам Маевский, который с того времени сделался необходимым деятелем в жизни, намерениях и действиях общества. Таким образом, теперь сделалось уже возможным сформировать партию в пользу восстания, ибо необходимые для сего средства и орудия уже существовали. Видя это, Маевский решил идти далее. По совещании со своими друзьями о разных предварительных планах прежде всего он решил войти в сношение с Мерославским, отчасти потому, что он, как и все, думал, что наша революция будет последствием или принадлежностью большой австрийско-итальянской войны, а легион Мерославского первым инициатором и организатором восстания в Галиции, отчасти же и потому, что хотел ссединить и скрепить узами взаимной поддержки революционно-приуготовительные действия в Польше и за границей; наконец, и потому, что желал, прежде чем приступить к каким-либо действиям, установить один общий, обдуманный, неизменный, основательный план для будущей деятельности. По этим соображениям Маевский пригласил Мерославского на последнюю, решительную конференцию*, на которую должны были съехаться Маев-

* Маевский был еще прежде хорошо знаком с Куржиной, который был его товарищем по академии, и через него еще прежде вошел в сношения с Мерославским, да, кроме того, продолжал те сношения, которые были уже начаты Янковским и Асыком. При этом Маевский, выше, чем бы следовало, ценил заслуги революционного генерала, ошибаясь в нем так же, как многие другие, до тех пор, пока восстание окончательно не вразумило всех в том, что слова генерала не согласуются с его действиями.

ский с несколькими своими единомышленниками, избранными им из всего края, и сам Мерославский, или же уполномоченный от него Куржина. На этой конференции предполагалось обсудить положение края, его силы и средства, положение России и Европы, силу революционных партий во всех странах Европы, определить действительное значение и возможность австрийско-итальянской войны, а с нею вместе и легиона Мерославского, заключить условие с Мерославским и доверить ему все заграничные приготовления работы, и, наконец, как я уже упомянул, составить общий, неизменный и всесторонне обдуманный план для всех будущих революционных действий в Польше и за границей. Мерославский, как и следовало ожидать, весьма охотно согласился на предложенную конференцию; местом съезда Маевский назначил Гомбург (Гессенский), а срок для него 10 или 11 сентября. В назначенное время прибыли в Гомбург: Куржина, а со стороны Маевского только три лица — Юзеф *Колачковский* из Калишского уезда, неизвестный по имени *Семенский*, впоследствии содействовавший диктатуре Лянговича, и *Карский* из Сандомирского уезда, тот самый, который впоследствии, во время пребывания Лянговича в св. Кржижских^a горах, предлагал ему деньги на выезд за границу и уговаривал распустить инсургентов и отказаться от участия в революции*. Сам Маевский и другие его единомышленники вовсе не прибыли на конференцию, не предупредив об этом Мерославского и даже не уведомив его о препятствиях, по которым они не могли явиться к назначенному сроку. После сего неудивительно, что конференции не имели никаких последствий. Хотя Куржина, ожидая несколько дней Маевского, разбирал с прибывшими шляхтичами разные вопросы, но все это не только не привело к каким-либо результатам и соглашению сторон, но, напротив, к концу конференций они разделились между собой, и Куржина уехал обратно в Париж, полный неудовольствия и удивления каким образом Маевский может иметь сношения с *«такой шляхтой»* и иметь какие-либо серьезные революционные преднамерения, если таких людей избирает в свои соучастники¹.

Маевский не явился к назначенному сроку в Гомбург потому, что в это время случилось в Варшаве такое обстоятельство, которое требовало личного его присутствия и которое совершенно изменило всю прежнюю его карьеру. Обстоятельством этим были выборы в советы, в то самое время, т. е. около половины сентября, объявленные правительством, и начавшиеся по поводу оных распри в среде общества. Ввиду столь важного вопроса Маевский, разумеется, не мог оставаться равнодушным и ни на минуту не мог удалиться из края. По принятым им принципам он был противником советов и вместе со своими единомышленниками вел известную уже нам борьбу против Юргенса, принимая живое участие во всех средствах, к ко-

* Фамилии этих лиц и подробности съезда в Гомбурге известны мне от Куржины, с которым я виделся в Гейдельберге в то время, когда он возвращался после конференций в Париж. Поэтому я легко могу ошибаться в перечислении лиц, бывших на съезде, а в особенности насчет бытности Карского. Обстоятельство это само по себе малозначительно, время же слишком отдаленное, и потому не могу в этом случае вполне доверить своей памяти.

^a *Свентокшижских.*

¹ При докладе Бергу от 16 (28) января 1865 г. за № 5121 Розвадовский представил справку, составленную по тексту «Записок» Авейде (представляющую собой пересказ или прямое цитирование) об обстоятельствах совещания в Гомбурге (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 261—262).

торым прибегали его друзья; но однако же, в этом его участии заметно было удивительное, непонятное противоречие с его прежним настроением, с его убеждениями и прежним образом его действий. Правда, что он действовал против принятия советов, но во всем был замечен недостаток энергии, силы и быстроты, которыми отличалась вся прежняя его деятельность. Хотя он принимал живое участие в усилиях своих сообщников, помогал им советами, поощрял их, но ясно было, что прежний руководитель не был уже теперь действительным руководителем, а только соучастником и помощником, и даже (если не ошибаюсь) не принадлежал к составу выборного революционного комитета. Без всякого сомнения Маевский желал торжества революции, но для достижения желаемой победы он не развил всех сил своих, не влил в это всю свою душу, даже без гнева смотрел на то, как его шляхетские сторонники покидали его знамя и дезертировали на сторону Юргенса; одним словом, в продолжение всей этой борьбы, столь важной для революции, Маевский действовал без энергии, нерешительно, пальятивно. Это-то поведение Маевского содействовало, по моему мнению, в значительной степени успеху сторонников и защитников советов.

Для того, чтобы объяснить это непонятное противоречие в характере Маевского и дать понять, почему он не отложил или вовсе не отменил конференцию в Гомбурге, я должен бросить некоторый свет на образ мыслей этого достойного моего друга и на душевное его настроение во время выборов.

Маевский был революционером и искренно желал восстания в Польше, но никогда не был слепым фанатиком или ничтожным ремесленником, жаждущим революции лишь для самой революции, и в поступках своих никогда не руководствовался ничтожным, плоским самолюбием. Он стремился к революции потому, что в ней видел избавление Польши, возрождение этого старого, знаменитого государства, но, однако же, не обольщал себя, подобно многим другим юным своим единомышленникам, гдеждой, что подобные желания и стремления легко исполнимы; он знал, что для достижения великой цели нужны великие силы, силы же эти, по его понятиям, тогда только будут действительны, когда весь народ, т. е. все то, что в стране чувствует и мыслит, будет жаждать войны за независимость и открыто заявит себя в пользу разрыва сношений с правительством, и верил, что только в таком случае нужен будет заговор и что только тогда можно ожидать успеха от революции. Маевский хорошо знал, что всякий может устроить в Польше заговор, что несколько десятков личностей всегда легко могут опутать сетью революционной организации все пространство прежнего государства, но ни любовь его к отечеству, ни совесть, ни разум не позволяли ему повторять грустных примеров прошедшего, в котором такие плавающие по поверхности общества заговоры, кроме тяжких жертв и слез, ничего не приносили несчастному краю. Подобный заговор Маевский считал одним лишь сумасбродством, гражданским преступлением. Он хотел, чтобы, так сказать, весь народ участвовал в заговоре, чтобы участие в тайном союзе было нервом общества, чтобы заговор как бы вырастал сам собой из его среды, был центром и слиянием его стремлений и жизни, его главой и сердцем. На такой только заговор полагался Маевский и о таком только мыслил, стремясь к приобретению независимости для своего отечества.

До самых выборов Маевский был исполнен лучших надежд в этом отношении. Видя, что воскресшие посредством манифестаций воспоминания о минувшей славе и свободе разрывают у всех сердца, что все набожно, иногда вдохно-

венно и всегда страстно простирают руки к обожаемому идеалу, к божеству старой Польши, видя, что какой-то непонятный и дотоле никогда не бывалый восторг охватил сердца даже самых пожилых людей, даже самые равнодушные элементы, чувствуя осязательно, что революционный элемент с каждым днем распространяется и возрастает и что слабая и немощная партия манифестаторов постоянно приобретает многочисленнейших и серьезнейших сторонников, видя, наконец, что он, неизвестный дотоле человек, бывший перед тем скромным агрономом и впоследствии студентом медицинской академии, посредством ничего не значащих по своему содержанию действий выказался наружу, приобрел значение, одно из первых положений между своими братьями, одним словом, поняв и взвесив все то, что делалось в Польше, Маевский получил уверенность, что народ желает войны и что поэтому революция возможна и нужна, что в обществе имеются условия, необходимые для мощного и спасительного заговора, что поэтому гражданской его обязанностью будет создать заговор и открыто вести страну к революции. Отсюда-то произошли его проекты и совещания в Варшаве, отсюда же и конференция в Гомбурге. Между тем были объявлены выборы, и в первую минуту объявления вдруг слышались мнения, «что восстание не нужно, что восстания теперь не желаем, что оно как сумасбродное явление погубит страну». Слова эти пробудили в душе и в разуме честного и рассудительного Маевского глубокие соображения, которые не свойственны и неизвестны ремесленникам и артистам революции по призванию. Совесть говорила ему, что заговор как дело крайнее и решительное составляет вопрос величайшей важности, что человек, берущий на свои плечи такое важное дело, обязан глубоко рассудить все то, что предстоит ему сделать, обязан здраво обсудить и взвесить не только собственные свои силы, но и действительную опору или основание предпринимаемых им действий. Две крайности: с одной стороны, верный и точный расчет, а с другой, — расчет ошибочный, фантастический, живо представились глазам Маевского; верный расчет открывал врата спасения, расчет же фантастический мог повергнуть страну в бездну величайших несчастий в случае неудавшегося, предпринятого с недостаточными силами восстания. Эти-то именно минуты рассуждения и глубоких соображений, эта добросовестная и достойная борьба Маевского самого с собою были поводом нерешительного и шаткого образа его действий в борьбе во время выборов, а равно приостановления окончательного решения относительно гомбургских конференций. Будучи не уверен в безошибочности прежних своих расчетов и желая еще раз удостовериться в действительном настроении и желаниях жителей, Маевский постановил принять решение вопроса о выборах как окончательный и непреложный признак этого настроения и вместе с тем как окончательный для себя приговор. Он решил внимательно следить за ходом распри о выборах и выжидать результатов ее; непринятие советов в Варшаве должно было доказать, что народ желает войны, что в обществе имеются условия, нужные для полезного и спасительного заговора и для мощной, победоносной революции и что затем нужно безотлагательно ехать в Гомбург на конференцию; и напротив, принятие советов должно было обозначать, что страна в настоящее время не желает войны, что упомянутых условий, необходимых для заговора и революции, нет в народе и что затем нет никакой надобности забавляться в государственных мужей на конференциях. При таком решении Маевский, с одной стороны, не мог окончательно отменить съезда своих приятелей и единомышленников в Гомбурге, потому что предполагал, что еще, быть может, успеет по прошествии

нескольких дней как победитель прибыть туда сам лично с оставшимися в крае представителями; с другой же стороны, считая борьбу по вопросу о выборах как бы термометром силы революционных стремлений в обществе, он не мог быть ни достаточно энергичным, ни достаточно деятельным и решительным в ведении борьбы, потому что по собственной воле сделался беспристрастным и строгим наблюдателем в этой борьбе и не хотел в случае неприятия советов приписать победу минутному и напряженному со своей стороны влиянию на общественное мнение.

Наконец, после нескольких дней выжидания состоявшиеся в Варшаве выборы, к несчастью революции и к счастью страны, высказали Маевскому, *что заговор и революция в то время были не нужны и невозможны*. После такого приговора он, разумеется, и сам не поехал в Гомбург и не посылал туда никого от своего имени, а Мерославскому сообщил, что все окончательные революционные планы и действия должно отложить до будущего неопределенного времени. Это решение повело за собой еще более важные последствия, *ибо с той самой минуты Маевский прекратил всякие сношения с крайними революционерами, оставил столь верных ему друзей своих и решился с того времени трудиться на ином поприще*. По его следам пошли многие другие его сторонники, в особенности из шляхты. Сущность их новой деятельности мы увидим в следующей главе; здесь же достаточно упомянуть, что Маевский навсегда уже был потерян для революции и этим нанес ей величайшую, и едва ли нельзя сказать, смертельную рану*.

Вместе с этой краткой заметкой о Маевском оканчиваю мою статью о выборах в советы.

Я старался представить это важное событие в связи с главнейшими и второстепенными или побочными его деятелями и аксессуарами и в связи с теми предметами, которые с виду кажутся только в далеком соотношении с главным вопросом, и сделал это потому, что, разбирая выборы, имел также в виду и общую цель настоящего моего труда.

Этим я хотел прежде всего представить в истинном и ясном свете самые выборы и вообще советы, далее, выказать по возможности яснее развитие и успехи революционной агитации, и, наконец, я полагал, что более подробным разбором главного предмета хотя отчасти выкажу всю нашу тогдашнюю жизнь, дам понятие о мыслях и убеждениях жителей, о главнейших деятелях этой жизни, о ее тайных пружинах и через это положу основание и сделаю вступление к последующему за сим описанию нашей подземной жизни. Надеюсь, что я исполнил такое мое намерение, хотя не вполне обстоятельно и совершенно (так как я не могу быть всеведущим), но по крайней мере настолько удовлетворительно, насколько было это в моих силах.

Совокупив все то, что я сказал уже о выборах, обращаю внимание на следующие главнейшие обстоятельства из всего этого дела.

1. Выборы в советы были ясным доказательством последствий агитации во все время манифестационного периода, доказательством силы и степени

.....

* По моему убеждению, Маевский как революционер сделал огромную ошибку, сочтя факт принятия советов признаком недостатка революционного настроения в обществе. Внимательное наблюдение за ходом борьбы при выборах и разбор данных, вследствие которых эта борьба окончилась в пользу Юргенса, ясно убеждают совершенно в противном, а именно, что революционные стремления были в то время развиты в весьма значительной степени. Отчасти мы уже видели это из всего вышеизложенного обзора; последующий же за сим рассказ еще более убедит нас в этом.

революционных стремлений в народе, и поэтому совершенно справедливо смотреть на них как на граничный столб между манифестациями и действиями заговорщиков.

2. Выборы доказали, правда, что в стране нашей еще раз восторжествовали разум, спокойствие и порядок, т. е. элемент консервативный, но вместе с тем они доказали (ходом борьбы партий при выборах и идеями о значении и важности советов), что это торжество было лишь минутное и воображаемое, что в действительности революционные убеждения и стремления уже повсеместно господствовали и что консервативная партия не могла сформироваться и успешно действовать без каких-либо чрезвычайных и непредвиденных событий.

3. Выборы в советы совершенно расстроили прежние элементы жизни, т. е. они разрушили существовавшие до того времени кружки и были началом возрождения и образования новых деятелей, новых органов. Партии графа Замойского и делегации окончательно упали, отжили, низошли к ничтожеству, Юргенс вознесся до первостепенного и минутно самого высшего положения в стране, партия Маевского распалась на две части: одна часть вместе с Маевским покинула революционные свои стремления, другая же без руководителя осталась верной революции; наконец, мужи доверия и молодая шляхта придерживались исключительно или оставившего уже революцию Маевского, или же Юргенса. Все это непременно требовало образования новых органов на новых основаниях, и особенно после 15 октября, когда прежняя гласность, прежняя уличная жизнь сделались уже невозможными.

4. Выборы в советы окончательно нарушили прежнее единомыслие жителей и разделили фактически все хотя сколько-нибудь мыслящее общество на две части: одну составляли противники советов, которых должно назвать решительными революционерами, а другую — сторонники советов, для которых нельзя приискать соответственно и общего названия, так как они представляли безобразнейшую мозаику всевозможных убеждений и стремлений; несомненно, однако же, что умеренно революционные убеждения превозмогали в их общей массе. Первых с того времени с насмешкой стали называть «*красными*», других же также с насмешкой — «*белыми*» или «*бледными*» и даже «*квасными*» патриотами. Между этими партиями заметна была даже ненависть; представитель белых Юргенс был безжалостен для своих противников, а между красными слышались отзывы, вроде высказанного в воззвании Квятковского, в котором он обещал шляхте сделать из нее *чертово варенье*.

СОБЫТИЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ В КОСТЕЛАХ 15 ОКТЯБРЯ

Собственно говоря, этот факт уже не принадлежит к манифестационному периоду, тем более если мы будем смотреть на него в совокупности с его последствиями (каковы, например, арестование ксендза Бялобржеского, закрытие костелов и т. п.); приняв, однако же, во внимание непосредственную связь этого факта с манифестациями, которых он был окончанием, кажется мне необходимым вкратце упомянуть о нем в этом месте.

Желая этот важный для своего времени исторический эпизод представить так, как он того во всех отношениях заслуживает, я должен был бы написать о нем длинный, формальный трактат, что бы заняло относительно много

времени, но для того, чтобы скорее приступить к описанию подземных действий наших, я, несмотря на истинное мое желание подробно изложить событие в костелах, несмотря на необходимость такого изложения для полноты настоящего труда моего, вынужден ограничиться самыми краткими, общими и лишь необходимыми для общей связи дела очерками. Это я делаю тем более потому, что разбираемый факт не заключает в себе ничего такого, что бы составляло тайну для правительства. При внимательном рассмотрении этого злополучного и для нас, и для правительства происшествия невольно приходят следующие соображения.

1. Отстраняясь от всякой критики, не хочу решать окончательно до сего времени еще спорного вопроса, было ли вообще необходимо и *полезно* объявление военного положения 14 октября, т. е. в то время, когда манифестации *уже умирали*? Многие уверяют, что молебствие, бывшее 15 октября, и без того было бы уже последним манифестационным заявлением и что остатки костельных и уличных беспорядков в самом непродолжительном времени были бы уже подавлены силой выработавшейся против них реакции и силой общего пресыщения. Как бы то ни было, но правительство никогда не может основывать своих действий на неверных и приблизительных ображениях, и истощив все меры кротости, все способы убеждения, все полумеры, имело право и было обязано употребить хотя бы самые суровые и решительные средства для того, чтобы раз навсегда положить конец беспорядкам, и поэтому объявление военного положения (было ли сие полезно, или нет), по мнению моему, не лежит на ответственности правительства. Но невозможно не обвинять, по крайней мере в известной степени, правительство, т. е. главных начальников полиции, за несчастный день 15 октября, за вход в костелы, потому что при этом были забыты даже самые обыкновенные условия осторожности. Для того, чтобы ни на минуту не сомневаться в этом, довольно сказать только то, что решение наместника о объявлении страны на военном положении было подписано 14, а объявлено 15 октября и что катастрофа в костелах последовала в этот же самый день. Полиции весьма хорошо было известно, что манифестация 15 числа октября уже давно была подготовлена, и следовательно, осторожность требовала, чтобы в таком большом городе, как Варшава, при тогдашнем настроении жителей предположенные правительством строгие меры были непременно объявлены или за несколько дней до 15 октября, или немедленно на другой день, тем более, что в случае неповиновения закону оставался только такой насильственный способ действия, как вооруженное вступление в костелы, нарушение неприкосновенности святыни и многочисленное в них арестование. Другими словами, осторожность непременно требовала употребить такое беспримерное дотоле у нас насилие, в высшей степени неприятное и щекотливое для самого даже правительства, только в самом крайнем случае, и поэтому следовало выждать хотя некоторое время, чтобы дать возможность духовенству обсудить, какому риску оно подвергает святыни господни, а разумнейшим и честнейшим людям употребить свое влияние для разумления сумасшедших, для отвращения предстоявшей опасности, для добровольного подчинения строгому и *уже несомненно решительному и не в шутку объявленному закону*. Между тем, объявление решения наместника в тот же день, в который должно было совершиться уже так давно подготовленная манифестация, делало невозможным все моральное влияние закона, и даже не все могли узнать (в особенности простонародие), что введено военное положение. При таком положении дел, катастрофа делалась

неизбежной, так как правительство не могло уже делать уступок. Однако же, как ни трудно судить о том, что не было еще испытано на деле, но, по глубочайшему моему убеждению, этой катастрофы можно было избежать, следовало лишь, чтобы начальник полиции, исполняя свою обязанность (предупреждения угрожающей опасности), обратил внимание наместника на вышеупомянутые обстоятельства (которые как второстепенные наместнику могли быть неизвестны), чтобы этим путем или задержать еще на один день объявление военного положения, или же ускорить его несколькими днями. Забвение этой обыкновенной полицейской осторожности, этой простой полицейской обязанности, по моему мнению, навлекает на правительство часть ответственности за катастрофу 15 октября.

2. Невозможно возражать против того, что если правительство уже раз обнародовало закон, в таком случае оно из уважения к себе самому, во избежание осмеяния изданного им постановления должно было заботиться, чтобы этот закон был исполнен, т. е. что оно должно было силой вступить в костелы и силой их очистить. Несомненно также и то, что материальные потери, сопровождавшие эту необходимость, были ничтожны, так как, несмотря на всевозможные тогдашние вопли, в результате убитых вовсе не было, легко раненных едва ли можно насчитать десятков; арестованные же почти все были освобождены (большинство по прошествии нескольких дней, а остальные помилованы впоследствии), и только весьма немногие личности были оскорблены разбешенными солдатами. Тем не менее, это событие было злополучно и для нас, и для правительства по своим моральным последствиям, и, по моему мнению, сотни жертв 8 апреля не имели такой важности, как потери 15 октября. *Правительство нарушило неприкосновенность святыни*,— в этом заключается значение жертвы, принесенной в этот день. Неприкосновенность эта для каждого честного человека вполне справедливо считается святым делом, для массы же народа в особенности святость эта во сто крат еще драгоценнее, а между тем в этот злополучный день правительство попало эту святость. Правительство, бесспорно, должно было поступить так, а не иначе, столкновение правительства с церковью (*z Kościołem*) было неотвратимо, но независимо от сего правительство оскорбило самые святые чувства не только правоверных католиков, но вообще всех, а в особенности чувства простого народа. Это весьма естественно, и все злополучие этого происшествия заключается именно в том, что оно случилось во время исполнения самых справедливейших прав правительства. Должно обратить внимание на то, что столкновение это последовало уже после всей манифестационной агитации, под свежим еще впечатлением молебствия за Костюшко (совершенного при катафалке, увенчанном его портретом, народными знаменами, конфедераткой и накрест сложенными косами), под неостывшим еще влиянием проповедей, соответствовавших этому торжеству, после суточного горячего бдения в костеле, и тогда легко будет оценить все значение жертвы, последовавшей от этого столкновения, которое, если не прежде других обстоятельств, то более всех способствовало укоренению в душе бедного народа злосчастного догмата народного катехизиса: *«недоверия и ненависти к правительству»*,— столкновение это сделало в этом отношении несравненно более того, что мог сделать целый легион агитаторов и хотя бы дважды повторенные катастрофы 8 апреля. И в самом деле, народ не мог и не умел разобрать справедливости и прав правительства, не умел понять необходимости принятой меры; для народа, и тем более подготовленного уже всей манифестационной агитацией, достаточно было факта,

что правительство нарушило неприкосновенность костела, для того, чтобы упрекать, проклинать и ненавидеть его. На всевозможные объяснения, приводимые народом людьми, преданными правительству, или от его имени, что «он сам принудил к этому наместника и что правительство имело право послать войска в костелы», народ тихо или громко отвечал «ваша правда, а наша кровавая обида», присовокупляя к тому ругательства и проклятия. Всякие более или менее тяжкие жертвы в каждом ином уличном происшествии было бы легче объяснить и представить народу в виде законного, справедливого, заслуженного и необходимого результата, да, кроме того, и сам народ был бы в состоянии легче истолковать себе это, ибо знает, что улица принадлежит ведению полиции, но объяснить ему таким же образом нарушение неприкосновенности костела, это превосходит уже его понятие, потому что в костеле он видит святое дело, в которое никто, кроме бога и ксендзов, не имеет права вмешиваться, что самое даже торжество, празднуемое в костеле, по понятиям народа, было вещь совершенно невинной и было легально, так как, по его словам, «он только лишь молился за Костюшко». Одним словом, нарушение неприкосновенности костелов было в глазах народа неслыханным, противозаконным насилием со стороны правительства; понятие таким образом, событие это оказало более сильное влияние, чем что-либо другое, на развитие недоверия и ненависти к власти и копало все большую и большую бездну между властью и народом.

3. К этому грустному факту присоединились еще два другие непосредственные его последствия: *порушение святыни и закрытие костелов, продолжавшееся почти 5 месяцев*. Какой-то страшный, непонятный фатум хотел, чтобы и эти еще два факта всей своей тяжестью помогли первому в упрочении и развитии зловещего его влияния на упрочение и развитие догмата *недоверия и ненависти к правительству*. Действительно ли имело место поругание костелов в день 15 октября, как провозгласило о том духовенство, об этом в настоящее время и не хочу и не могу судить, потому что до сего времени вообще мало известны подробности, относящиеся до этого столкновения, давшие повод духовенству признать два костела поруганными, и которые были бы при этом высказаны правдиво и беспристрастно; во всем этом столкновении и при оценке его слишком важную роль играли страсти, злоба и упрямство, и даже при самом издании духовной властью столь необыкновенно важного постановления (требующего более, чем что-либо другое, холодного рассудка и беспристрастного, справедливого обсуждения) слишком было много увлечения, чтобы даже в настоящее время возможно было по совести решить, была ли, или нет поругана святыня. Высказывая суждение о подобном важном событии, нельзя быть в достаточной мере осмотрительным, чтобы быть вполне справедливым и чтобы сделать истинный, исторически верный приговор. Даже мне самому приходилось слышать самые противоречащие одно другому мнения о столкновении в костелах¹. Выключая правительственные объявления, я слышал, с одной сто-

¹ *Последующий текст «Записок» (включая примечание) был с некоторой перестановкой превращен Розвадовским в специальную справку, поданную Бергу при докладе от 23 января (4 февраля) 1865 г. за № 5127. Справка завершилась следующими сведениями: «Дзяшковский был под следствием в цитадели по делу костелов, но какое последовало о нем решение по представлению от 15(27) января 1862 г. доклад за № 169 бывшему варшавскому военному генерал-губернатору, неизвестно. Чаевич впоследствии был революционным начальником м. Пясечно и по решению военного суда сослан в Сибирь. Войно за проповедь в возмутительном духе в октябре 1863 г. выслан на жительство в отдаленные губернии империи» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 263—264 об.).*

роны, от самых почтенных и заслуживающих полного доверия людей, что все тогдашние крики о поругании совершенно напрасны и не основательны, что они порождены одним лишь увлечением и что поругания, по крайней мере в костеле Бернардинов, вовсе не было.

Но, с другой стороны, кроме отзывов, противных вышеизложенному, я имел в своих руках документы следствия, произведенного духовенством по распоряжению правительства и администратора Бялобржеского, в которых несколько десятков лиц показаниями своими под присягой подтверждают поругание святыни и приводят факты и такие обстоятельства, которые, если они действительно случились, то не допускают никакого сомнения в действительности этого события*. В настоящее время можно только заметить, и, как мне кажется, совершенно справедливо, что, во-первых, духовная власть сделала свой приговор о поругании костелов слишком поспешно, *до производства исследования, стало быть не имея еще несомненного убеждения в истине случившегося* и без соображения всей важности своего приговора, а все это тем более следовало принять во внимание, что здесь шло дело об открытой и важной по последствиям для народа борьбе с правительством, и, во-вторых, *что в этом деле правительство являлось народу попирающим святыню* и что этот приговор духовенства находился в тесной связи с другим действием величайшей важности — с закрытием всех костелов в Варшаве. Страсти не позволяли духовенству взвесить все эти обстоятельства на весах хладнокровного, разумного правосудия, взвесить последствия, какие вело за собой решение о поругании и закрытии костелов; увлечение не позволило ему взвесить тех последствий, к которым приведет решительное постановление о поругании и закрытии костелов, помешало задать себе вопрос о том, какие могут быть для страны и костела результаты борьбы с правительством, *т. е. с такой силой, которая уступать никогда не должна и не может*, и поэтому-то поспешность решения духовной власти во всяком случае, было ли оно правильно или нет, по моему убеждению, лежит тяжким, непростительным грехом на ответственности духовенства.

Обсуждение вопроса, было ли нужно и необходимо закрытие костелов, не представляет уже таких затруднений. Можно согласиться с тем, что после нарушения неприкосновенности костелов и после обнародования о поругании

.....

* Эти документы я видел у бывшего реента консистории Чаевича (быть может, что это были не подлинные документы, а только формальные копии со следственных документов). Лица, делавшие показания, приводили между прочими следующие факты: убийство (саблей в голову) офицером маленького мальчика внутри костела св. Яна, формальный поединок в этом же костеле между каким-то молодым человеком и солдатами у выставленного по случаю торжества катаfalка, причем этот молодой человек был ранен штыком в грудь, арестование ксендза во время совершения им богослужения и жестокие побои, нанесенные ему у подножия самого алтаря в костеле Бернардинов и т. п. Кроме того, показания свидетел- ствуют об отбывании замков у шкафов и сундуков в закрестиях, о том, что все вещи, драгоценные и даже священные предметы были разбросаны, одним словом, приводят длинный ряд доказательств, подтверждающих поругание святыни. По моему мнению, было бы весьма полезно, если бы какое-нибудь надежное лицо вновь переследовало все это дело. Где могут находиться в настоящее время следственные документы, этого я не знаю, быть может, они вошли в производившееся в Александровской цитадели дело о ксендзе Бялобржеском. Одним из членов со стороны духовенства для производства следствия был, сколько могу при- помнить, ксендз Новодворский, а со стороны гражданской — чиновник комиссии духовных дел и просвещения, кажется, Секлюцкий. Вопрос о закрытии и поругании костелов, по моему мнению, составляет предмет особой важности, и было бы весьма полезно, если бы подробно и фактическое его исследование могло выказать, что поругания в обоих костелах или хотя в одном из них в действительности не было и тем самым обнаружило бы неле- гальное действие духовенства даже в отношении церковных уставов.

их закрытие костелов на несколько дней было необходимо и не только весьма полезно, но и спасительно, ибо народ в то время разбешенный и в сильной степени взволнованный мог позволить себе крайние выходы в самих костелах, и одному богу известно, какие великие несчастья могли бы из сего возникнуть, в особенности при общей тогдашней неурядице и замешательстве даже в среде самого правительства после столкновения графа Ламберта с генералом Герштенцвейгом и после смерти сего последнего и при враждебном настроении войска и ослаблении вследствие этого воинской дисциплины. Но во всяком случае не следовало закрывать костелы по тем поводам, по которым сделало это духовенство, не следовало разглашать, что эта крайняя мера *вызвана правительством и что оно* заставляет прибегать к такому неслыханному насильственному средству. В этом случае духовенству надлежало действовать, если уже не в соглашении с правительством, то в качестве осмотрительного, разумного руководителя, ему следовало явить себя согласно духу и уставам религии ангелом-хранителем нашим, стеречь нас от несчастий, быть ангелом мира и соглашения, стражем безопасности и целости святыни господней, но никак не воюющей стороной, страстным и неистовым противником в борьбе с правительством.

Если же кратковременное закрытие костелов следует признать делом необходимостью, то никогда и никто не может оправдать надобности, и тем более церковного *права*, по которым держали их запертыми в течение пяти месяцев. Соображая всю важность последствий этого действия не только в политическом, но и в чисто религиозном отношении, считаю долгом от глубины исполненного горестью сердца выразить мое мнение, что духовенство совершило этим делом тяжкое *преступление* в отношении интересов страны, костела и религии, преступление, которое не может быть оправдано формалистическим толкованием, что архиепископство было в то время лишено своего начальника. Пять месяцев народ в Варшаве оставался без костелов, без духовенства, без причащения, без религиозных и нравственных его учений, это обстоятельство выше всех толкований, оно ясно говорит, что вместе с этими лишениями мы имели только звание духовенства, но не имели слуг божиих, имели солдат, ведущих нигде уже в наше время невиданную борьбу с правительством, но не имели священников, которые свято бы исполняли обязанности совести и своего призвания, тогда как от ксендзов прежде всего мы должны требовать, чтобы они были слугами божиими, ибо этого же требует бог и священные законы церкви; но ксендзы наши не исполнили этих требований, которые одни только знаменуют характер духовного сана.

Каков бы ни был приговор, который когда-нибудь произнесет добросовестная история о поведении духовенства в деле закрытия костелов и о действительности поругания костелов, но эти два факта, рассматривая их с исторической точки зрения, должно признать одними из самых важных в развитии революционной агитации. Не нужно даже много говорить об этом, эта истина сама, так сказать, бросается в глаза. Каждый, кому хотя сколько-нибудь известно или кто сумеет представить себе тогдашнее настроение жителей, состояние их умов и сердец, истерзанных восьмимесячной агитацией, каждый, кто понимает значение профанации и закрытия костелов, кто знает, как ужасно, как больно для народа и как деморализирует его пятимесячное лишение святых тайн, церковных поучений и даже молитвы, кто сообразит, что во всем этом *было обвиняемо одно лишь правительство* и что в то же время без отдыха работали всевозможных разрядов и оттенков агитаторы, тот не колеблясь согласится с тем, что ничто иное, никакой военный

террор не мог сильнее, могущественнее действовать на развитие ненависти к власти, на развитие сильнейшего недоверия, пренебрежения и жажды кровавой мести, как эти два несчастные факта. Правительство попирает святыню, правительство явно нарушает права церкви и религии! Может ли быть что-либо ужаснее сего? А между тем, к несчастью, вопрос этот был разбираем и толкуем именно в таком духе.

4. Казалось бы, что можно было утешиться по крайней мере тем, что от 15 октября уже не было никаких манифестаций и уличных беспорядков, что с того времени положение вещей уже несколько улучшилось и объяснилось и что активная оппозиция раз навсегда была сокрушена, но, к несчастью, и этого нельзя сказать утвердительно. Хотя манифестаций уже не было, но вместо этой явной, публичной формы оппозиции таинственное и разгневанное провидение, породив смещение в умах наших, как при вавилонском столпотворении, произведя хаос во всех человеческих предначертаниях, обрело нам для проявления оппозиции против правительства и для изучения народного катехизиса, иное, во сто раз худшее и грозное средство, а именно, духовенство, которое с того времени выносило на своих почитаемых народом плечах всю оппозицию и уже не словом, а делом учило катехизису. Форма такой агитации была столь сильна и выразительна, что тут не нужны уже были никакие агитаторы, и хотя они все еще существовали и действовали, но труды их стали теперь несравненно проще и легче, чем прежде, а материал для агитации был сам по себе так неисчерпаем, так богат содержанием и новизной, что любой недоросль-фанатик был в состоянии им пользоваться. Потому что временное состояние страны и положение правительства несколько не улучшилось; разум, тишина и порядок не сделали ни малейшего успеха, а напротив, положение вещей после 15 октября было, по моему мнению, в высшей степени затруднительно, натянуто, запутано и беспорядочно, и только почтенному архиепископу Фелинскому должно вменить в заслугу разъяснение и разрешение этой путаницы. Без него, не знаю, каким путем правительство развязало бы этот поистине гордиев узел, разве новыми уступками или рядом кровавых актов военного терроризма. Наконец, должно еще обратить внимание и на ту разницу между новым и прежним положением дел, что во время манифестаций все делалось явно, а теперь люди окружили себя и свои действия глубокой тайной, и что, следовательно, прежде правительство посредством хорошей бдительной полиции или при посредстве приверженцев маркиза Велепольского (не прибегая к проискам тайной полиции) было в состоянии знать обо всем (если только этого желало), получать сведения о всех более выдающихся личностях, о всех существовавших кружках, а также об их предприятиях и намерениях, и сообразно с этими данными могло предпринимать со своей стороны соответственные надобности меры; после же 15 октября все покрылось густым мраком, правительство чувствовало, что в глубине общества жизнь кипит и бушует, но не могло уже знать, где и кто что делает или кто и что задумывает, и оттого, весьма естественно, более прежнего было связано в применении соответствующих надобности мер.

5. Что же, наконец, должно сказать о тех людях, которые были причиною стольких несчастий? Разве то, что тяжкая ответственность лежит на них перед богом и историей за их преступные действия. Кто был первым виновником злополучного 15 октября, кто устроил манифестацию в честь Костюшки, мне неизвестно; довольно того, что это были те самые люди, которых я поименовал выше и которые устраивали все вообще манифестации.

По моему, однако же, мнению, не их должно считать главными виновниками несчастья, они были только первыми; главным же виновником в моих глазах является духовенство, и полагаю, что даже история, если впоследствии и скажет, что несчастные происшествия 15 октября и последующие за ним события были первым, непосредственным результатом манифестационного периода, то добавит к сему, что главным их двигателем были служители алтаря. Впрочем ошибся бы тот, кто бы думал, что вся тяжесть вины падает на несчастную седую голову ксендза Бялобржеского; почтенная голова старца-священника, быть может, была самой невинной, ибо согрешила только слабостью, за которую и поплатилась тяжело. В этом более виновны те, которые, зная о слабости характера своего начальника, воспользовались ею и даже, кажется, вследствие этого именно недостатка выбрали его на место архиепископа Фиалковского. Говоря яснее, более всех виновны в этом деле консистория и капитул, которые уговорили слабого ксендза Бялобржеского обнародовать, что костелы поруганы, и сделать распоряжение об их закрытии. По общему убеждению, он никогда не сделал бы столь насильственного и решительного шага, но члены вышеупомянутых духовных учреждений употребили все свое влияние, чтобы убедить его, что сделать этот шаг он обязан как глава польского костела и что, поступив иначе, он предаст костел посмеянию и пренебрежению и своей паствы, и чужеземцев. Эти-то опекуны ксендза Бялобржеского, поглотившие всю его индивидуальность и лишь прикрывавшиеся ею, должны взять на свою совесть всю тяжесть вины за происшествие 15 октября, и тем более, что члены консистории и капитула действовали в этом случае не по религиозным, но по политическим побуждениям. с целью вести борьбу с правительством; если же и имели при этом в виду интересы религии, то лишь как второстепенное обстоятельство, на первом же плане в этом деле стояла политика*.

В заключение всего сказанного считаю нужным прибавить, что весь образ действия духовенства в происшествиях 15 октября и последующих за ним доказывает то, что я уже сказал выше, а именно, что духовенство, оставив во время манифестаций свойственное ему положение и подчинившись

* Ксендз Бялобржеский до самой катастрофы в костелах не пользовался у нас слишком хорошим мнением, и напротив, скорее можно сказать, что его вообще не любили. Общественное мнение желало, чтобы после смерти архиепископа Фиалковского на место его был избран капитулом епископ Барановский (служивший некогда, как кажется, офицером в польском войске), и явно домогалось этого путем малой манифестации перед домом архиепископа во время избрания капитулом преемника Фиалковскому. Ксендз Бялобржеский был избран (не только по моему личному, но по довольно всеобщему убеждению) потому, что он был слабым старцем и что избиратели, рассчитывая на это, надеялись вполне подчинить его своему влиянию. Кроме того, капитул рассчитывал, что ксендз Бялобржеский как личный друг покойного архиепископа Фиалковского скорее, чем кто-либо другой, пойдет по указанному им направлению, тем более, что этим путем он получит возможность исправить не совсем хорошее (именно в политическом отношении) мнение о себе общества. Избиратели не обманулись, слабый администратор подчинился им совершенно. Я полагаю, что не сделаю ошибки, если скажу, что из всех окружающих ксендза Бялобржеского всего более содействовали закрытию костелов ксендзы Дзяшковский, Новодворский, Чаевич и Война, по крайней мере два последние лично известны мне с этой стороны. При этом, однако, я должен заметить, что впоследствии ксендз Война никогда не принимал участия в действиях заговорщиков или партии белых и вообще в революционных предприятиях, а Чаевич только во время самого восстания принимал в нем некоторое участие, когда был назначен пробощем в приходе м. Пясечно близ Варшавы и когда в этой местности долгое время находился со своей бандой Кононович. Во всяком случае я не думаю, чтобы участие Чаевича в революции могло быть значительно; всего более он мог быть революционным начальником округа или даже прихода. П р и м е ч а н и е п е р е в о д ч и к а. Ксендз Чаевич был революционным начальником м. Пясечно и по решению военного суда сослан в Сибирь в каторжную работу.

общему влиянию патриотического порыва, все более и более само перерождалось, из священника делалось политиком и потом революционером, а костел делало слугой и орудием временных страстей народа.

Теперь мы приблизились к концу первой части нашей исторической драмы. Для полноты представленного очерка остается мне вкратце сказать о манифестациях, совершавшихся вне Варшавы.

Они начались тотчас же после 3 марта и с того времени распространялись по всему пространству прежней Польши, от берегов Двины до Карпат, от Днепра до устья Вислы. Каждое самое малое местечко, каждое польское селение, где только были костелы, были театром общего религиозно-политического увлечения. Каждый храмовой праздник был проникнут тем же духом, какой господствовал в Варшаве. Все эти манифестации буквально были неисчислимы и продолжались до 15 октября. Кроме того, во многих местностях до 8 апреля являлись вместе с манифестациями делегации, по образцу варшавской, с таким же характером, как в метрополии, также считавшие себя властью, выбранной народом и независимой от правительства, мечтавшие представлять собой интересы страны и стремившиеся соединиться с представительницей столицы, поставляя себя в некоторую от нее зависимость. Такие делегации существовали в Плоцке, Радоме, Калише и т. д.

В связи с провинциальными манифестациями находится общее, оживленное в то время, горячее желание братского сближения с сельским населением, в чем более всего отличались ксендзы, молодежь и женщины. Важнейшим проявлением и доказательством таких стремлений было основание бесчисленных импровизованных деревенских училищ. Почти каждый ксендз и каждая наша девушка с полной любовью предавались вновь прочувствованной обязанности просвещать сельскую молодежь и пробуждать в сердцах крестьян более дружелюбные чувства к их владельцам, чувства взаимной братской любви, а с ними вместе и симпатии к польским стремлениям и к манифестациям. Без сомнения, никто не будет осуждать и насмехаться над тем, что хорошо и похвально, но каждый имеет право и обязан обсуждать факты по их достоинству, не идеализируя лжи и преувеличения. Хорошо, благородно и похвально каждое слово любви, сказанное нами крестьянам, лишь бы оно было высказано от чистого сердца, тем более похвально каждое стремление, имеющее целью их просвещение, а потому и почтенная рука священника и братская рука девушки, протянутые чистосердечно крестьянину, заслуживают полное уважение. К несчастью, тогдашние наши училища скорее должно назвать произведением минутного романтизма или кафедрой манифестационной пропаганды, чем серьезным делом, руководимым постоянным чувством святой обязанности. Поэтому-то немногому мы научили тогда крестьян в наших импровизациях, а манифестационная пропаганда сокрушилась, как скалой, вековыми грехами шляхты, рабством, недоверием и нерасположением народа, и вообще, как известно, народ нисколько не был, так сказать, затронут манифестационной лавой, повсеместно оставался равнодушным к общему увлечению других классов, несмотря на то, что патриотические идеи были представляемы ему в весьма понятной и привлекательной форме, и всегда подозревал, что шляхта молится о *барщине*, потому что история не позволила ему узнать и полюбить *отчизну*. Только подгородные крестьяне, и то лишь в малой части, оказывали сочувствие к движению и принимали в нем участие, но масса крестьянского населения, душа народа, оставалась не тронутой.

К важнейшим провинциальным манифестациям должно отнести следующие.

1. *Виленская*, бывшая, кажется, в июне¹, и которая имела последствием потерю нескольких человек убитыми и ранеными. Упоминаю об ней главным образом потому, что в этот несчастный день процессия устроена была в Вильне для приема ожидаемых тогда многочисленных партий из Августовской губернии и вообще из Царства Польского, которые, по мнению обманутого ложными слухами народа, должны были прибыть в этот день для того, чтобы у алтаря Виленской Остробрамской божией матери скрепить присягой акт вечной унии. Эта манифестация повела к частым молебствиям на всем пространстве прежней Польши за «павших в Вильне».

2. *Ковенская манифестация*, бывшая 12 августа, принадлежит к самым торжественным. В этот день ковенские и августовские манифестаторы (из Мариампольского уезда), по большей части женщины*, задумали собрать многочисленные толпы на обоих берегах Немана, потом соединить их, устроить молебен в одном из наднеманских сельских костелов и при этом почтить и возобновить акт Люблинской унии. В назначенное время массы из нескольких тысяч человек из Ковно и окрестностей Алексоты, одетые в праздничные народные польские костюмы, имея во главе духовенство в богатых ризах, с образами и хоругвями, с пением гимна: «*Boże coś Polskę*», сошлись с двух сторон к берегам Немана; найдя здесь мост разобранным по распоряжению полиции, они несколько минут стояли в недоумении, протягивая одни к другим руки и преклоняя хоругви в знак приветствия, но вскоре молодые люди, движимые впечатлением минуты, вскочили в лодку, разогнали сторожей, приставленных к мосту, и при помощи инженера Кулаковского возобновили сообщение. Радостные восклицания и объятия были бесконечны; ливотцы соединились с поляками, заливаясь слезами общего, сердечного восторга и умиления. Соединенные массы по произнесении кратких речей вместе совершили торжественное шествие до находившегося в двух милях приходского сельского костела, в котором совершалось заранее предположенное молебен о самоскорейшем соединении разделенных частей прежней Польши, сопровождавшееся соответствовавшими торжеству проповедями и речами; затем поляки, оказав сердечное гостеприимство литовцам, проводили их обратно в Ковно.

3. Еще большее значение имела памятная манифестация в Городле 10 октября. Варшавские манифестаторы за две недели вперед объявили о предположенном съезде в *Городле* из всех провинций прежней Польши, чтобы в годовщину соединения Литвы с Польшей, бывшего во времена Ягеллы, возобновить акт этого соединения и по обычаю почтить годовщину молебствием. В назначенный день действительно собралось со всех концов Польши до 15 тысяч народа, и хотя вся эта масса преимущественно состояла из местных жителей Люблинской губернии или соседних провинций, но однако же и Галиция, и Познань, и Западная Пруссия, и Литва, и Русь имели там своих представителей. Генерал Хрущев, буквально исполняя приказание наместника, который заблаговременно воспретил проектированную манифестацию, не допустил совершить это торжество в самом Городле, но не только не препятствовал совершению оно на прилегающих к этому городу

.....
* Главной руководительницей этого торжества была, кажется, г-жа Годлевская, жена самого богатого помещика во всей Августовской губернии.

¹ Упомянутая демонстрация произошла в Вильне 6(18) августа 1861 г.

полях, а напротив, дозволил и отчасти сам даже помог этому, допустив взять из местного костела церковную утварь и одежду. Таким образом, на полях городельских в виду русского войска и самого генерала Хрущева совершился этот действительно многозначительный в свое время публичный акт. После молебствия и произнесения речей и проповедей, был, кажется, написан и скреплен тысячами подписей акт соединения, а в память события этого дня воздвигнут на месте торжества простой деревянный крест*.

Кроме исчисленных манифестаций, заслуживает внимания посещение многочисленными толпами города Ченстохова летом, во время какого-то местного праздника. Собравшиеся там партии из Познани, Галиции и из Царства Польского, так же, как и во время манифестации под Ковном, устроили торжество в честь братской связи и единства провинций; открытый же тогда памятник Кордецкого** подал повод и тему для речей и клятв следующего содержания: «Как он, руководимый верой и любовью к отечеству, защищал некогда Польшу от шведов, так и мы, оживленные такими же чувствами, с такой же верой будем защищать наш край от разделивших нас и овладевших нами чужеземцев»***.

За этим следовало равно значительное движение масс народа на Лысую гору в монастырь Св. Креста, где также не было недостатка в сценах патриотического воодушевления. На время празднества прибыл в монастырь епископ Юшинский и благословлял там варшавян, а какой-то ксендз в припадке крайнего увлечения осмелился высказать следующее кощунство: «Облитые мученической кровью камни Варшавы, как драгоценную для нас святость, внесем в костелы!» (!!!).

Наконец, кстати будет вспомнить о молебствиях, совершавшихся повсеместно в годовщину освобождения Вены Собеским в 1683 г. Пробуждая воспоминания минувшей славы, эти молебствия возбуждали также и дух гордости в сердцах потомков защитников цивилизации и христианства.

Окончив обзор событий манифестационного периода, я хотел еще, согласно первоначальному намерению моему, рассмотреть отдельно, во-первых, значение манифестаций относительно восстания, во-вторых, действия правительства в продолжение всего этого времени, в-третьих, действия обще-
.....

* Не должно предполагать, что съезд в Городле совершился вследствие какого-либо заговора,— несколько; достаточно было одного ничтожного литографированного варшавского воззвания для того, чтобы этот съезд состоялся. Это было тем легче исполнить, что во время манифестаций проживало в Варшаве множество праздных любопытных политиков, съехавшихся сюда с разных польских провинций. Не должно также предполагать, чтобы на самом деле было так, как гласит об этом съезде составленный в Городле акт, т. е. что на нем находились депутаты от каждого воеводства и от каждого уезда прежней Польши; в действительности представительство было лишь общее от целых провинций, и то весьма немногочисленное. Где находится ныне акт, составленный в Городле, мне неизвестно; знаю только, что у заговорщиков, т. е. в Центральном Революционном комитете, его не было. Быть может, акт сей перешел к графу Замойскому или остался в руках Аполлона Корженёвского, одного из руководителей тогдашнего времени.

** Ксендз Кордецкий, приор Паулинов, известен как защитник Ченстохова во времена войны со шведами при Карле-Густаве X и Яне Казимире в 1654 г.¹.

*** Генерал Вагнер сперва приказал было арестовать самых горячих проповедников и манифестаторов, но вслед за тем по просьбе многочисленной толпы, составленной из одних лишь женщин, собравшихся перед его домом, приказал освободить арестованных. После окончившегося без помехи торжества генерал Вагнер разрешил проводить до границы партию, прибывшую из Познани.

¹ *Осада Ченстоховы шведами происходила в ноябре — декабре 1655 г.*

ства и, наконец, вывести из всего сказанного в этой главе общие результаты, оставленные манифестациями как основание будущего. Предполагая, однако же, что все эти вопросы достаточно уяснены самим представлением фактической стороны манифестационного времени, я постановил не разбирать их более подробно и ограничиться единственно приведением важнейших результатов, которые постепенно вырабатывались под влиянием жизни нашей в продолжение этого времени. Результаты эти были следующие.

а. Манифестации выработали в обществе полное, всестороннее *сознание* начал народного катехизиса, а с тем вместе —

б. Они выработали значительный материал для революции.

в. Привели общество к сознанию необходимости образования тайных органов с целью создать из революционного материала, доставленного манифестациями, необходимые для открытой войны средства и орудия. Это видно, между прочим, из неудавшейся гомбургской конференции, из первого революционного комитета, образованного во время выборов в советы (который, мимоходом сказав, уж с тех пор начинает постоянно действовать в духе ускоренной революции), и из всеобщих совещаний между людьми разных политических оттенков об образовании одной *всеобщей организации, совещаний*, которые начались немедленно после выборов*.

г. Манифестации, приводя народ к решительному разъединению с правительством, привели нас с тем вместе к совершенной потере консервативного элемента. С этой же потерей необходимых условий прочного существования всякого порядочного общества находится в неразрывной связи и то, что с этого времени всякие временные с правительством сношения, все внутренние права и учреждения, все даже общественные отношения, хотя бы чисто частного характера, потеряли в понятиях всего без исключения общества возможность прочного, ненарушимого существования и успешного развития.

д. Манифестации вывели на исторический горизонт в первый раз в такой значительной степени *городской класс* и с тем вместе в первый раз передали в руки этого класса инициативу в судьбах народа, находившуюся до тех пор в руках шляхты. Города как во время манифестаций, так и впоследствии должны были быть руководителями внутренней жизни; все же прочие классы народа должны уже были с тех пор волей-неволей поддаться этому новому руководителю. Ближайшим соучастником и как бы помощником городов в этом новом их труде для края от его имени должно было быть (как это тоже ясно указывают манифестации) *духовенство*.

е. Манифестации долговременным своим существованием и трудом своим выработали и, можно сказать, образовали некоторое, довольно значительное, число личностей, *которые с тех пор во всей будущности должны были быть единственными и исключительными деятелями на поприще событий в стране*. Начиная с манифестаций, с их окончания мы не имели уже никаких других главных деятелей, кроме тех, которых нам породили манифестации. И в заговоре, и в среде организации «белых», и даже в самом восстании главными деятелями встречаются почти исключительно те же самые люди, которые были уже хорошо известны как более деятельные во время манифестаций. Ни лучших, ни более способных мы уже не имели.

.....

* Выше, при очерке выборов в советы, я не упоминал об этих совещаниях потому, что они принадлежат собственно к следующей главе; они появились на развалинах манифестационных кружков, и из них-то произошла известная организация «белых».

ж. Манифестации, наконец, вследствие долговременного своего существования, а в особенности вследствие главного характера своих явлений (в которых в продолжение 8 месяцев действовали и играли первостепенную роль массы) выработали для будущности совершенно превратное отношение как в призванном к историческому значению городском классе, так и среди личностей, выдавшихся вперед для деятельности в будущем.

Говоря точнее, из всего городского населения первостепенную и решительную роль играли с тех пор и должны были играть далее толпы людей, принадлежащих к низшему слою населения, толпы мало или вовсе необразованные; из всех же деятелей на поприще внутренних событий первостепенную и решительную роль в тогдашнем настоящем и в будущем играли люди младшие по возрасту, образованию и по способностям, низшие по социальному положению и по материальным средствам. Таким образом, превратное отношение, выработанное манифестациями, состояло в том, что в непосредственной будущности нашей безрассудство, необразование, неопытность и во всех отношениях несовершенство должны были руководить и господствовать над разумом, образованием, опытною и совершенством. (Это, в скобках сказав, ни более ни менее как *анархия*, страшное манифестационное наследие и зародыш несравненно большей анархии, которой примеры и грустные последствия, к несчастью, мы видели во время заговора и время восстания.)

Вот какие были важнейшие непосредственные результаты манифестационного периода для жизни нашей в будущем. Нельзя не признать их огромного, страшного значения, исполненного несчастий для отечества! Нельзя с тем вместе не признать, что с концом манифестаций революция и зародыши анархии гнездились уже в недрах нашего общества.

Этими словами кончаю обзор первой части событий нашей новейшей истории, части самой важнейшей, потому что манифестации были матерью всех дальнейших явлений. От души буду радоваться, если труд мой хотя в самомалейшей части будет содействовать точному, надлежащему объяснению этих важных событий*.

.....

* Говоря о манифестационном времени, я забыл сказать о двух предметах, а именно, о наших университетских обществах (в особенности в России) и о состоянии эмиграции и влиянии ее на нашу страну в минуту манифестаций. Хотя предметы эти имели незначительное влияние на развитие нашей жизни, все же, однако, невозможно отвергнуть некоторого их значения, потому-то я представляю их немного позже в форме прибавлений к оконченным уже главам. Теперь спешу представить историю тайных действий наших революционеров.

Глава V

ВРЕМЯ ЗАГОВОРА С 15 ОКТЯБРЯ 1861 Г. ДО НАЧАЛА НОЯБРЯ 1862 Г.

В этой главе я хочу представить развитие нашей жизни в течение одного года под управлением наместника генерала Лидерса и в течение двух первых месяцев управления его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Главная цель состоит в том, чтобы начертать краткую, но, насколько буду в состоянии, полную историю наших тайных действий в этой эпохе, ограничиваясь голословным перечислением тех фактов, которые всем достаточно известны. Итак, не отступая от программы, начинаю с этих всем известных

I. ФАКТОВ И ЯВЛЕНИЙ ЯВНЫХ

После краткого вторичного у нас пребывания генерала Сухозанета прибыл в Варшаву как императорский наместник генерал Лидерс. С прибытием нового наместника (а собственно говоря, с самого 15 октября) действия правительства снова переменились и решительно противоречили прежним, бывшим при графе Ламберте. Правда, в основной системе управления не произошло никакой перемены, но внешняя сторона правительственных мер в этом периоде совершенно различалась от мер, которые употреблялись до того времени. Без сомнения, винить за это власть невозможно; тем не менее, однако ж, перемена эта по причине выработанного манифестациями настроения духа жителей действовала более во вред правительства и края, нежели в их пользу. Главным же образом ухудшали положение дел: во-первых, приостановление введения дарованных уже и предполагавшихся реформ, а в особенности, отсрочка почти на целый год открытия городских и уездных советов; во-вторых, начатые и производимые тогда многочисленные аресты и политические процессы, а в особенности, неминуемая после 15 октября война с духовенством. Не буду здесь подробно разбирать этих вышеупомянутых правительственных мер, обращаю внимание только на то, что они вместо улучшения жалких внутренних отношений ухудшили таковые. О тогдашних арестах прибавлю еще, что они большей частью не соответствовали предположенной цели. Как известно, все почти арестованные в то время были ксендзы, члены бывшей городской делегации и ее друзья и разные

ЗАПИСКИ
ОСКАРА АВЕЙДЕ

0

ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНИИ

1863 ГОДА.

—
ЧАСТЬ III.
—

Варшава.

Въ Типографіи Штаба Варшавскаго Военнаго Округа.

1866.

молодые люди, арестованные почти исключительно во время церковной катастрофы. Если дело шло об *ответственности* лиц *перед законом*, то думаю, что без преувеличения можно сказать, что все почти арестованные были или вовсе невинны, или вина их была далеко не столь велика, как вина многочисленных личностей, пользовавшихся свободой, впрочем, с какой бы точки зрения ни смотреть на этот вопрос, все-таки придется сделать заключение, что тогдашние аресты и процессы не могли удовлетворить и не удовлетворили *законной справедливости**. Кроме того, некоторые дела, как например ксендза Бялобржеского, раввина Майзельса и т. п. были весьма затруднительны для самого правительства, потому что вообще рождается вопрос, можно ли такие факты, как например, признание поругания и закрытия костелов, подвести под букву статей уголовного устава. Если же правительство хотело приобрести путем арестов и приговоров военных судов спасительное и прочное влияние на умы жителей и вообще материальные политические результаты, то и эта цель не была достигнута. Правда, нельзя отвергать некоторого впечатления в пользу спокойствия, оно было в самом деле, но только минутное, преходящее; постоянные же результаты были как нельзя больше вредны для правительства. Оставляя в стороне все прочее, приговор к смертной казни ксендза Бялобржеского (смягченный после тюремным его заключением в Бобруйске) обидел до живого всех и возбудил духовенство к упорствованию в его настроении. Впрочем, если бы правительство с введением военного положения постановило в самом деле искоренить зло и с силой и энергией подавляло всякого рода оппозицию, если бы, оставив в стороне все прочие дела, занялось только искоренением зла (т. е. отысканием и наказанием всякого рода манифестационных виновников, агитаторов, «доверенных мужей», авторов адреса и проч.) и не прежде окончил бы репрессию, как по достижении вполне желаемой цели, в таком случае по истечении некоторого времени, быть может, появились бы более полезные результаты таких правительственных мер. Но как известно, этого не было; правительство, кажется, только думало о минутном впечатлении на умы людей, и самая репрессия была ведена нерешительно.

О борьбе правительства с духовенством отдельно говорить не буду, потому что об этом упомянуто уже в предыдущей главе; довольно напомнить, что, несмотря на все усилия правительства, ксендзы не открыли костелов и влияние этих грустных событий было во всех отношениях пагубно. Только удачная мысль маркиза Велепольского о назначении ксендза Фелинского варшавским архиепископом выяснила и развязала это запутанное и крайне напряженное положение. Новый архиепископ немедленно после прибытия своего в Варшаву открыл костелы и освятил те из них, которые были признаны поруганными; все это он совершил с большим тактом и с большой уступкой для правительства, потому что сделал все тихо, почти втайне, не подавая ни малейшего повода исполненному глубокой грусти и печали народу к вредным манифестациям, беспорядкам и проч. Здесь место хотя в нескольких словах упомянуть об усилиях ксендза Фелинского в продолжение всего времени, с минуты принятия им обязанности архипастыря до са-

* По моему мнению, это главным образом произошло вследствие недостатка определенности в условиях и требованиях законной справедливости. То есть правительство не определило и осмеливаюсь сказать, само не знало, передавать ли людей судебной ответственности только за 15 октября и вообще за преступления, протекающие из постановлений о военном положении, или же за все без исключения манифестации. Одним словом, не доставало прочного, ясно обозначенного основания для политических процессов.

мого восстания; о действиях же его со времени восстания говорить вовсе не буду, отчасти потому, что они, собственно, не принадлежат к этой главе, а главное потому, что достаточно не знаю подробностей последнего столкновения архиепископа с правительством, по которому он отправлен на жительство в Ярославль]; говорить же о том, о чем не имею достаточных сведений и убеждений, я не могу и не желаю*.

Судя по целому ряду фактов, я должен вообще сказать, что назначение ксендза Фелинского преемником ксендза [Фиялковского было в тогдашнее время как нельзя более соответственным и удачным; лучшего выбора для церкви, для края и для самого, наконец, правительства оно тогда не могло сделать; говоря это тем смелее, что как человек, воспитанный в протестантских началах, надеюсь быть более беспристрастным в мнении моем о католическом архиепископе. Будучи непоколебим в убеждении, «что всякая власть от бога происходит», ксендз Фелинский был всегда верным этому святому для него завету евангелия, несмотря на все чувства и семейные воспоминания, которые как поляк и сын несчастной матери мог иметь в душе своей**. Руководимый такими началами, он с самого своего вступления и с началом своей деятельности порицал манифестационное движение и всякие действия против правительства и как тогда (при открытии костелов), так и во все позднейшее время публично или в частных речах произносил свое мнение ясно, смело и решительно без двусмысленностей и изворотов. В этом духе он старался постоянно влиять на народ как сам непосредственно, своими речами, так и посредством вызванного для этой же цели из Кракова ксендза Голиана, не обращая внимания на оказываемую ему со стороны жителей антипатию, обнаруживавшуюся скандалезным шиканьем или выходом народа из костела во время произнесения ими проповедей. При этом не излишним будет припомнить, что по желанию правительства для избежания всякого повода к повторению манифестаций он неоднократно запрещал совершать такие процессии, которые существовали не по костельным уставам, а были введены лишь обычаями, как например, публичные молебствия на улицах перед статуями и проч. Одним словом, относительно общества архиепископ делал все то, что только было в его силах, чтобы содействовать успокоению края и восстановлению согласия между правительством и народом. Хотя он не прерывал своих усилий в этом отношении до самого восстания, но видя, что не легко будет превозмочь всеобщих стремлений, обратил все свое внимание на духовенство. Здесь, конечно, ксендз Фелинский нашел элемент, решительно противный своим началам и убеждениям, и на каждом шагу встречал невероятные затруднения и препятствия. С самого начала не удовлетворив воинственному настроению наших ксендзов осуж-

.....

* Прошу не принимать вышесказанных слов за какую-нибудь преднамеренную двусмысленность в пользу архиепископа. Как бы то ни было, кто нарушает закон, тот справедливо терпит наказание: достоинство сана не делает в этом отношении разницы между поданными государства. Считаю, однако же, долгом с полнейшей откровенностью, по совести уверить, что архиепископ Фелинский как до революции, так и во время ее не имел никаких посредственных или непосредственных сношений с революционным правительством. Я постоянно слышал, что он всегда отзывался о восстании с живейшими порицаниями и негодованием, как о величайшем несчастии отечества.

** Мать его, Ева Фелинская (известная в нашей литературе) была сослана в Сибирь в 1838 г. по делу Конарского. Она была тогда матерью четырех маленьких детей, а старший сын, нынешний архиепископ, в то время имел 16 лет от роду и был студентом Московского университета, кажется, по математическому факультету. Он, как известно, сделался ксендзом, если не ошибаюсь, только с 1855 г.

дением их действий и спокойным открытием костелов, архиепископ вооружил против себя целый светский и монашеский клир наш до такой степени, что первоначально между окружавшими его не было *буквально ни одного лица, которому он мог бы довериться и на которого мог бы положиться.*

Таким образом, не ознакомленный со страной, заняв столь высокое поприще в столь трудных обстоятельствах, при недостатке малейшего сочувствия в обществе, без всякой помощи и поддержки со стороны духовенства, ксендз Фелинский встречал крайнее затруднение в исполнении архипастырских своих обязанностей относительно церкви (как-то: в реформе духовенства, в поставлении его на соответственный призванию священника путь и т. п.); нужна была вся сила, вся энергия молодых лет и глубокое сознание принятого на себя долга, чтобы не сломиться и не упасть на избранной дороге. По моему убеждению, действия ксендза Фелинского в этом отношении заслуживают полнейшей похвалы. С самого начала, узнав ближе своих окружающих, он удалил тех членов консистории, которые были ему более известны как сторонники борьбы духовенства с правительством, а между прочими Чаевича и Войно, и сделал это (по словам самих удаленных) без всяких внешних двусмысленных форм, а прямо объявил им, что единственной причиной их удаления есть желание окружить себя людьми одинаковых с ним убеждений, т. е. такими, которые не мешают политики в дела церковные. Далее, для этой же самой цели (т. е. чтобы отвлечь духовенство от поглощающих его политических стремлений общества) ксендз Фелинский созвал в Варшаву всех епископов для совещаний, между прочим о том, какими средствами было бы возможно обратить священников на путь законный и ввести большую между ними дисциплину. Слабость и неспособность епископов были причиной того, что совещания эти, кроме слов и обещаний, остались без результатов. Далее, архиепископ желал сделать, по крайней мере в своем епископстве, все, что было в его силе, чтобы образумить подведомственных ему плебанов (настоятелей), и для этой цели созвал в Варшаву всех деканов, напоминал им их обязанности, приказывал и просил, чтобы они не подвергали страну и церковь очевидной гибели. К несчастью, деканы (по приказанию, данному циркуляром Микошевского и по требованию Центрального комитета) на все представления, просьбы и приказания архипастыря отвечали совершеннейшим, умышленным *молчанием*, обещая лишь на слова исполнить желания и волю главы церкви. Наконец, архиепископ, кроме упомянутых главнейших мер, при всяком случае, как например, во время объезда епископства, внушал духовенству идеи в духе евангельского изречения «царствие мое не от мира сего» и очень часто делал ему строгие упреки, но все слова архиепископа были гласом вопиющего в пустыне, ксендзы с наружной лишь покорностью обещали исправиться и исполнять его волю, в сущности же не переменялись и не исправлялись.

Все вышеприведенные факты служат ясным доказательством постоянных, непрерывных усилий архиепископа Фелинского, чтобы наставить духовенство на путь законности и священнического долга, чтобы достигнуть успокоения края и восстановить согласие между правительством и обществом, с соблюдением интересов правительства. Прибавлю еще, что во всех других отношениях ксендз Фелинский, будучи архиепископом, был в то же время образцом хорошего, усердного священника, чему достаточным доказательством служит сделанное им пожертвование значительной части своего годо-

вого жалованья в пользу сирот, его старания о воспитании духовной молодежи в академии, его постоянные объезды епископства и скромный образ его жизни.

Упорное временное ослепление духовенства и вообще общества и вместе с тем упорное стремление народа к собственному несчастью были причиной, что все усилия архиепископа Фелинского не принесли в свое время благих последствий, и не его вина в том, что он не был счастлив. Он делал все то, что только был в состоянии сделать глава церкви в это несчастное время, и я не знаю, мог ли кто другой на его месте сделать более и с большей пользой и для правительства, и для церкви, и для своих собратов в тогдашних трудных обстоятельствах, исполненных непреодолимых препятствий*.

После этого краткого очерка действий нового архиепископа в этой эпохе перехожу к дальнейшим фактам.

Введение военного положения по самой натуре его должно было непременно сделать гражданское управление делом второстепенным, а управление военное господствующим. Это обстоятельство было источником и причиной столкновений и споров в недрах самого правительства, начавшихся в апреле или мае месяцах 1862 г. Споры эти и даже борьба ни для кого не были тайной и потому, конечно, не могли иметь хорошего влияния на умы жителей. По тогдашним рассказам, предметом споров была система управления; одни государственные люди наши, как генерал Крыжановский (тогдашний генерал-губернатор), г. Крузенштерн (директор комиссии внутренних дел) и г. Губе (директор комиссии просвещения), стремились будто бы к возвращению в стране старого порядка вещей, а с тем вместе к перевесу военного элемента в управлении; другие, а в их главе маркиз Велепольский, напротив, стремились к поддержанию, точному исполнению и развитию новой системы, а с тем вместе к совершенному устранению военного элемента в управлении, или же к низведению его к второстепенной роли и значению. Справедливы ли были вполне тогдашние рассказы или нет, я не знаю, знаю, однако же, что споры, и при том весьма важные и серьезные, между правительственными лицами несомненно имели место, и г. Велепольский в эту единственную во всей своей карьере минуту имел на своей стороне общественное мнение людей более серьезных. Вследствие этих споров маркиз

.....

* Здесь могут возразить, что вместе с этими положительными действиями архиепископ Фелинский еще даже до восстания оказывал иногда правительству оппозицию по вопросу о некоторых костельных процессиях и т. п. Это правда, но оппозицию в этом отношении делал ксендз Фелинский не с намерением поощрять и поддерживать манифестационные и революционные стремления, а как глава церкви, и то лишь в тех случаях, в которых по положительному церковному уставу оппозиция делалась неременной его обязанностью как архипастыря. Это заслуживает уважения тем более, если вспомним обстоятельства, в которых находился архиепископ. В это грустное время столкновения с правительством могли происходить на каждом шагу, потому что жители и духовенство постоянно вызывали их нарочно, с целью вооружить архиепископа против правительства. Кроме того, в то время все красные и светские и духовные (а и этих последних было, как известно, множество) во всеуслышание кричали, «что архиепископ изменяет отечеству, изменяет религии и церкви, проповедует схизму», потому только, что ксендз Фелинский, делая уступки правительству, запрещал некоторые процессии и молебствия, составляющие только обычай страны и не проистекающие из положительного церковного устава. Таким образом, в более важных для духовенства вопросах, в вопросах, ясно обозначенных законом, архиепископ как первый блюститель этого закона, как глава церкви не был в состоянии уступить требованиям правительства, потому что в таком случае очень легко мог прийти к открытой войне не только с красными, но и со всеми вообще ксендзами, со всем католическим обществом в стране и даже с самим Римом.

выехал в том же мае месяце в С.-Петербург, чтобы личными стараниями хлопотать монаршее решение в свою пользу и в пользу той системы, которую он представлял в правительственном споре. И в самом деле, по истечении некоторого времени слово монарха склонило весы победы на сторону усердного защитника системы гражданского управления в духе дарованных институций. Маркиз Велепольский вскоре после возвращения своего в Варшаву с величайшей гордостью праздновал торжество победы в заседании Административного или Государственного совета и в произнесенной тогда речи объявил следующие результаты победы: прибытие к нам его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, учреждение многозначщей должности начальника гражданского управления, закрытие варшавского генерал-губернаторства, отставки г. г. Крузенштерна и Губе и назначение на их места г. г. Крживицкого и графа Келлера, прибывших, кажется, из Петербурга в одно время с маркизом Велепольским. Все это, как известно, совершилось или сейчас же после речи начальника гражданского управления, или недели две спустя. Таким образом победа г. Велепольского была бы полнейшей, а с тем вместе весьма важной и богатой самыми вождеденными для края последствиями, если бы, к несчастью, дух революции, уже господствующий тогда в умах, не испортил и не уничтожил всего *.

С закрытием генерал-губернаторского управления исчез у нас последний след старой доманифестационной системы, последнее воспоминание военной диктатуры, остававшееся с 1831 г.

После войны и победы г. Велепольского, до прибытия еще великого князя Константина, необходимо отметить один только факт как более замечательный, т. е. покушение на жизнь генерала Лидера, совершенное в Саксонском саду. Кто совершил покушение? — об этом я никогда не мог узнать, несмотря на мои расспросы; ни товарищи мои в Центральном комитете, ни знакомые мне члены организации не были в состоянии объяснить этого невиданного у нас доселе события. Всеобщее мнение, однако же, утверждало, что виновником покушения не был заговорщик, а неизвестный офицер, один из друзей Арнгольда и других, расстрелянных около этого времени в крепости Новогеоргиевске. Если же покушение совершено в самом деле заговорщиком и поляком, в таком случае, по моему убеждению, винить за это нельзя никого другого, как только известного низкого анархиста Игнатия Хмеленского; никто, кроме него, в то время не допускал даже и мысли о подобных покушениях. Центральный комитет, который незадолго до этого времени окончательно сформировался (в июне месяце), никакого и никому не давал приказания в этом отношении **.

.....

* Маркиз Велепольский, упоенный своей удачей, не имел никакого милосердия к побежденным и обращался с ними без всякого такта, а даже без соблюдения условий общепринятой вежливости. Еще находясь в Петербурге, он приказал по телеграфу г. Губе немедленно очистить квартиру для нового директора комиссии просвещения. После, в речи своей, произнесенной в Государственном или Административном совете, просто ругал павших противников, несмотря на их личное присутствие в совете во время речи и не стесняясь вовсе требованиями хотя бы простого приличия. Это подало повод к карикатурам, прославлявшим торжество маркиза.

** Хмеленский уже в июне месяце как неукротимый анархист и сумасброд, задумавший еще тогда поднять восстание, был исключен из комитета и с тех пор не исполнял никаких обязанностей в заговоре. По моим, полагаю, основательным предположениям, он (Хмеленский) хотел рядом покушений вызвать решительные вооруженные столкновения с правительством и тем принудить комитет принять его проект о безотлагательном восстании и в то

Вскоре после этого события прибыл к нам великий князь Константин Николаевич, и с прибытием его императорского высочества изменился еще раз образ действий правительства. Почти все наказанные до этого времени были помилованы, свобода, несмотря на военное положение, была довольно обширная, даже самая система управления окончательно развилась и установилась посредством образования должности начальника гражданского управления и закрытия генерал-губернаторства.

Первым действием великого князя была известная и памятная прокламация к народу. Памятная потому, что происходила из благородства чувств, которого тогда уже, к несчастью, мы не могли оценить и не заслуживали, и потому, что таким языком, как великий князь, уже более 30 лет никто не говорил с нами; это было, так сказать, торжественное признание со стороны правительства нашей народности, признание для нас нашего польского отечества. Быть может, что любовь и благородство великого князя успели бы победить нас, если бы (оставляя в стороне все прочее) рука злодея не вооружила руки необразованного, поглощенного агитацией фанатика и покушением на убийство не опередила прокламации. Правда, что этой прокламацией прощено нам злодейское покушение и устранена всякая тень ответственности за сие общество, но все уже тогда с напряжением ждали конца дела Ярошинского, который стрелял в особу великого князя в театральном подъезде и ранил его. Бог мой свидетель, что говорю по чистой совести, — помилование Ярошинского было бы, так сказать, ключом, открывающим сердце народа, ключом для уразумения прокламации; несмотря на всю ненависть к правительству, это помилование склонило бы на его сторону все сердца жителей Варшавы, со страдательным нетерпением ожидавшие этой милости. Великий князь готов был помиловать Ярошинского, но, к несчастью, злой дух маркиза Велепольского настоятельно домогался казни бедного, глупого мальчика, бывшего лишь орудием анархиста Хмеленского*. Казнь Ярошинского уничтожила все влияние прокламации в умах подготовленных к недоверию и насыщаемых всякий день новой ненавистью.

Вслед за сим два новых фанатика, Рыль и Ржонца, были подговорены к новым покушениям на жизнь ненавистного всем маркиза Велепольского. Оба они были тоже наказаны смертью. (Здесь я должен заметить, что как Ярошинский, так равно Рыль и Ржонца вовсе не были исполнителями приказаний Центрального комитета; оба они принадлежали к заговору, но заговорщичья власть не давала никакого приказаania о совершении этих покушений. Ярошинского уговорил Хмеленский; Рыля, — кажется, Станислав Яницкий, приказчик книгопродавца Фридлейна; кто же уговорил

.....

же время призвать его обратно в состав комитета. Найти же несчастных молодых фанатиков для исполнения покушений приходилось ему легко как бывшему члену заговорной власти. Ниже буду подробнее говорить об этом. П р и м е ч а н и е. Не подлежит теперь сомнению, что исполнителем покушения на жизнь гр. Лидерса (как оказалось из следствия) был по наушению Хмеленского, портной-подмастерье Родович, впоследствии бежавший вместе с Хмеленским в Лондон.

* Доказательством того, что я не хочу помешанным выше выражением идеализировать преступника, а только говорю правду — служат сами следственные и судебные документы по делу о покушении на жизнь его высочества. По крайней мере я не знаю более чистого, простого, откровенного фанатика, как Ярошинский. Нетрудно было бы мне подтвердить слова мои подробными доказательствами, но оставляю их, не желая долго распространяться об этом предмете.

Ржонцу — мне неизвестно³, но, кажется, он решился убить маркиза по собственному, личному убеждению.)

Великий князь, как уже было упомянуто, после покушения вовсе не переменял своих возвышенных чувств и намерений и, желая более других своих предшественников достигнуть примирения правительства с народом, постановил действовать на те личности, которые были указаны ему вероятно маркизом Велепольским как более уважаемые и любимые в обществе. С этой целью великий князь призывал к себе между прочими графа Андрея Замойского, Венглинского, генерала Левинского, Шленкера, раввина Майзельса и даже сапожного мастера Гишпанского и всем им лично, самым приветливым образом говорил, что «для нашей же собственной пользы» необходимо быть в согласии с правительством, и желал, чтобы они употребили их влияние и содействие к успокоению края и т. п.

Не желая выходить из границ мимолетного лишь воспоминания о известных фактах, не буду более распространяться и об этом, скажу только, что все эти господа, быв приняты великим князем с таким высоким, невиданным еще у нас до того времени благородством, сочли нужным для пользы и интересов страны отвечать или общими фразами и уверениями в готовности помогать правительству, или же весьма дипломатически, но довольно откровенно говорили о необходимости присоединения к Польше Литвы и Руси, о сейме и т. п. как о единственных средствах, могущих восстановить желаемую будто бы всеми гармонию с правительством. Прибавлю еще, что все эти господа, призываемые его высочеством, не имели уже тогда в сущности значительного влияния; думаю, что даже «белые» не послушались бы их в том случае, если б они, поняв настоящий интерес края, захотели отвечать достойно призыванию брата монарха, т. е. гражданским трудом, гражданской службой и верностью правительству. Помилование Ярошинского, по моему мнению, помогло бы правительству несравненно более, чем сто таких господ как Замойский, несмотря на некоторое его влияние. Наконец, призываемые тогда наши граждане ничего даже *не хотели* сделать в духе слов его высочества, а те обещания, которые они давали, *вынужденные* к тому минутным своим положением, были только дипломатической уверткой деревенской политики и проистекали из преданий пассивной оппозиции.

Следя далее за ходом явных фактов, не могу умолчать о важной в свое время правительственной ошибке, об объявлении по приказанию г. Велепольского в газете «Всеобщий дневник»¹ содержания найденного где-то полицией устава о началах и формах заговора Центрального Народного комитета². Ошибка эта повлекла за собой весьма важные последствия, и об них придется мне еще говорить ниже; здесь считаю нужным только заметить, что будучи не в состоянии вместе с напечатанием этого объявления объявить, что авторы найденного документа находятся уже в руках правительства, потому что они не были открыты, и не имея даже возможности доказать обществу, что эти лица в скором времени непременно будут обнаружены и подвергнутся ответственности, никогда не следовало (тем более,

.....
* Примечание. Ныне есть некоторые поводы подозревать в этом бывшего штабс-капитана артиллерии Ярослава Домбровского.

¹ «*Dziennik Powszechny*» («Всеобщий дневник») — официальный орган, издавался с 1 октября 1861 г. вместо «*Gazety Rządowej*» («Правительственная газета»), был рупором Велепольского.

² Упомянутая публикация в «*Dzienniku Powszechnym*» № 194 от 29 августа 1862 г.

что не было никакой нужды) объявлять о содержании найденного полицией лоскутка бумаги. Ближайшими разительными последствиями этого не имевшего никакой цели объявления было то, что членов заговора само правительство как бы признавало покрытыми тайной, недоступной для всех усилий переобразованной и стоящей стольких денег полиции, а между тем о существовании самого заговора объявляло повсеместно само же правительство и этим давало ему в глазах всех официальную силу и особую важность; притом правительство этим поступком отняло у себя возможность пользоваться при производстве политических следствий многими нитями к открытиям заговорщиков, потому что после объявления об этой тайне все — и заговорщики, и незаговорщики — получили право толковать и писать о заговоре как о предмете напечатанном уже в официальном журнале правительства.

Около этого же времени, в августе месяце, наступили совещания съехавшейся во множестве со всех сторон Царства шляхты по предмету адреса к великому князю наместнику. Результатом совещаний был, как известно, документ, представленный графом Андреем Замойским его императорскому высочеству, но не в первоначально задуманной форме, а в форме адреса, или лучше сказать, записки к самому графу Замойскому. Это обстоятельство было причиной отправления сего последнего сначала в С.-Петербург, а потом за границу. Ниже буду подробнее говорить об этом довольно важном предмете, здесь лишь прибавлю, что маркиз Велепольский весьма хорошо знал о совещаниях шляхты, но смотрел на все происходившее сквозь пальцы, потому, как мне кажется, что был обманут шляхтичами насчет настоящей цели съезда и совещаний. Маркиз Велепольский посредством друзей своих получил ложное известие, что шляхта наконец образумилась, что она оставляет графа Замойского и переходит под победоносное знамя маркиза и что съехалась в Варшаву именно затем, чтобы письменно заявить об этом, обещая в то же время содействие и поддержку правительству. Когда впоследствии оказалось, что под этим скрывался обман, маркиз Велепольский был намерен, как говорят, начать судебный иск против съехавшихся за недозволенные законом съезды и тайные политические совещания; он советовался даже об этом с нашими юристами и прокурорами, однако же, приняв мнение юристов, оставил свое намерение, потому что в случае процесса обвиненные были бы в состоянии «доказать, что правительству в лице г. начальника гражданского управления хорошо было известно о съезде и совещаниях и что, следовательно, не препятствуя им, правительство само дозволило и помогло совершить преступление». Таким образом процесс был оставлен.

При исчислении более важных фактов тогдашней эпохи не могу умолчать о деятельности правительства на поприще реформ; она вполне заслуживает признательности и благодарности жителей края. Несмотря на военное положение, заботы правительства о законодательстве со времени прибытия великого князя наместника в Варшаву не прекращались ни на минуту. В подтверждение моих слов довольно припомнить: открытие приготовительной и Главной школ, преобразованные системы воспитания вообще¹,

¹ Указ о преобразовании системы воспитания был опубликован 20 мая 1862 г. Указ создавал лучшие условия для развития системы образования на польском языке, было увеличено (до 13) число гимназий, в Варшаве создана Главная школа (университет) с четырьмя факультетами: медицинским, физико-математическим, юридическим, историко-филологическим. Открытие Главной школы состоялось 25 ноября 1862 г.

закон о правах евреев¹, уничтожение барщины², закрытие генерал-губернаторского управления и т. д. Все эти права и реформы, несмотря на чрезвычайные затруднения и недостаток содействия со стороны общества, были исполнены относительно в весьма короткое время и останутся навсегда славным доказательством попечительности правительства о благе народа. В связи с предыдущим находится еще открытие в сентябре месяце 1862 г. заседаний городских и уездных советов, о чем буду говорить ниже; здесь напомним только, что члены советов приступили к их открытию после некоторой довольно упорной борьбы *белых с красными*; Центральный комитет издал даже свой первый декрет, запрещающий открывать заседания советов³; в этом случае, однако же, никто не послушался декрета, за исключением Красноставского совета, члены которого разъехались сами, и одного из уездных советов в Плоцкой губернии, который своими противозаконными поступками принудил г. Велепольского (смотревшего обыкновенно сквозь пальцы на всякие менее важные нарушения прав советов) распустил его.

Наконец напоминаю еще о двух фактах. Первый составляет невиданное у нас до того времени зрелище, а именно, публичные военные суды, в первый раз открытые с некоторой торжественностью по делу о лицах, делавших покушения, а потом, в декабре месяце, по делу, длившемуся до самого восстания, о нескольких десятках заговорщиков. Вторым фактом, не лишенным некоторого значения, были усилия маркиза Велепольского действовать на умы жителей посредством печати; причем в особенности достоин внимания труд покойного Минишевского, который, сколько было в его силах, то статьями во «Всеобщем дневнике», то брошюрами, то, наконец, своим юмористическим листком «*Komunafu*»⁴, боролся с убийственной пропагандой Центрального комитета. Вот краткий очерк важнейших событий и явных явлений в продолжение более годового времени, которое я хочу представить в настоящей главе. Очерк этот я постараюсь впоследствии дополнить соответственными подробностями, насколько это будет необходимо для большого объяснения жизни нашей в этом периоде.

II. ФАКТЫ И ЯВЛЕНИЯ ТАЙНЫЕ

Манифестаций в собственном смысле этого слова в этом периоде мы уже более не находим; явления, имевшие манифестационный характер, были перешедший в обычай траур, торжественное празднование годовщины Люблинской унии 12 августа и скандалы, делаемые архиепископу Фелинскому во время речей его. Правда, в мае месяце была маленькая попытка прежних

¹ Закон (точнее указ) о правах евреев, изданный 5 июня 1862 г., формально признавал евреев Королевства Польского равноправными гражданами. Отмена средневековых ограничений прав евреев диктовалась развитием капиталистических отношений; в политике Велепольского этот акт был попыткой превратить торгово-капиталистические слои еврейского населения в свою опору.

² Уничтожение барщины — указ об обязательном оцинивании (т. е. о замене барщины оброчными отношениями), целиком отвечавший интересам помещиков, был издан 5 июня 1862 г. Реальное его значение оказалось ничтожно, так как намеченная им программа была ликвидирована изданными 22 января 1863 г. повстанческим правительством так называемыми аграрными декретами.

³ Декрет ЦНК о роспуске городских и уездных советов был издан 12 октября 1862 г. и опубликован в № 6 газеты «Рух».

⁴ Буквально «Банальности» — сатирический журнал, призванный осмеивать национально-освободительное и революционное движение, основан по инициативе и под протекцией Велепольского в сентябре 1862 г. Затея эта потерпела полный провал, на № 3 издание «*Komunafu*» прекратилось.

манифестаторов возобновить пения патриотических гимнов 3 мая в костеле св. Креста, но попытка эта не удалась, а виновники ее были тогда же арестованы и отправлены на жительство или в Россию, или в разные местности Царства*.

В продолжение всего этого времени общество действовало уже, к несчастью, тайно и с самого почти начала стало вести эту грустную, злополучную подземную жизнь, которая убила все жизненные силы наши, весь свободный прогресс и, наконец, счастье бедного народа! Хорошее, обстоятельное изучение этой жизни необходимо не только для верного понимания и справедливого суждения о событиях последних лет, но и для того еще, чтобы раскрытием и разъяснением всех тайн подавить, если можно, раз навсегда всякую возможность возобновления тайных действий.

По моему убеждению, ничто не может столько способствовать нашему счастью в будущем, как жизнь явная при блеске солнца, и ничто скорее и сильнее не может направить общество на этот спасительный путь, как фактическое, добросовестное, справедливое, без желчи разъяснение прошедших тайных действий, а с тем вместе несчастий, которые они повлекли за собой. Чувствуя глубоко эту истину, я, несмотря на свою усталость, исполняю перед правительством обязанность добросовестного докладчика.

Для поддержания связи с прошедшим прошу вспомнить и не упускать из внимания: во-первых, результатов, оставленных нам манифестациями, во-вторых, остатков кружков г. Замойского, делегации, Юргенса, Маевского с революционерами и «доверенных мужей» с молодой шляхтой. Это необходимо потому, что как одно, так и другое дало нам нерушимый фундамент и людей для наших дальнейших действий.

Опираясь на этом основании, беру за исходную точку моего описания положение края, а вместе с ним и степень усилий разных наших личностей после выборов в советы. Главное отличительное явление того времени состоит в том, что с тех пор единомыслие наше разделилось на два противоположные направления, на две партии, называемые обыкновенно *красными* и *белыми*. Первую партию составляли, как известно, решительные революционеры, оставленные Маевским, другую — остатки всех прочих манифестационных кружков вместе с оторванным от первых Маевским. За каждой из этих партий, за развитием, действиями и усилиями каждой, необходимо следить отдельно; для лучшего же уразумения направления партии красных, ставшей впоследствии господствующей, считаю соответственным сделать сперва краткую историю мало доселе знакомой *организации белых*, а потом перейти к истории заговора *красных*. Итак:

А. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛЫХ ИЛИ УМЕРЕННЫХ

Желание быть везде как можно более ясным и точным заставляет меня разделить предпринимаемый очерк на две части: 1) очерк, обнимающий внешнюю, так сказать, сторону организации, т. е. представляющий ее начало, форму, развитие, личный состав и перемены в этом составе происходившие; 2) очерк, представляющий внутреннюю сторону организации, т. е. мысли ее основателей, ее цель и начала, ее действия и характер, а отчасти и результаты.

* В то время был арестован между прочими Францишек Годлевский, впоследствии член Центрального комитета; но в особенности подверглись преследованию десятка два женщин.

1. *Очерк внешней стороны организации.* Я сказал в предыдущей главе, что с концом манифестаций выработались и стали у нас всеобщими мысль и желание образования известных органов, или органа для централизованной и организованной будущей деятельности. Эта мысль, это желание тотчас же после выборов в советы стремится выйти наружу. Независимо от усилий красных начались уже тогда совещания между Маевским, Юргенсом, «доверенными мужами» и консерватистами с целью образовать одну общую организацию, которая обнимала бы всю бывшую Польшу. Эти совещания тянулись без окончательного результата до самого конца ноября месяца или до начала декабря 1861 г. Совещающиеся долго не могли согласиться во многих отношениях и были различных мнений как насчет формы проектируемой организации, так и относительно цели ее, начал и будущих действий. Кроме того, кстати здесь сказать, что объявленное с 15 октября военное положение и следовавшие за ним аресты и процессы, влияли тоже на ход совещаний и на замедление их окончательного результата; тогдашняя гроза все-таки должна была действовать на людей, а в особенности на консерватистов. Таким образом, только с декабря месяца стало проявляться соглашение между совещающимися по вопросу об организации сторонами. С тех пор от этой завязки начинает развиваться будущая аномалия. Развитие ее, однако же, совершалось очень медленно, так что прошло опять около двух месяцев, пока на основании декабрьского соглашения завелась организация, или, собственно говоря, ее органические зачатки. Действительное же начало на деле существовавшей организации приблизительно следует назначить не прежде, как в феврале| месяце 1862 г. Начало это состояло в том, что в феврале существовала уже и центральная власть общества в Варшаве, и ее главные воеводские органы в Царстве Польском. С тех пор организация развивалась тоже очень медленно, и я должен серьезно и согласен с истиной сказать, что до самого конца своего существования она не была развита как бы это следовало по ее плану. Члены общества постоянно об этом говорили, бесперывно о том старались, но окончательного развития организация не получила.

Как бы то ни было, довольно того, что в феврале месяце общество белых уже существовало и начало действовать.

Организационная форма общества была следующая: основанием и душой организации с самых верхних до последних ее ступеней были *выборы*, а исходной точкой при образовании организации знакомые уже нам манифестационные «доверенные мужи». Для произведения выборов Царство Польское разделялось на 8 прежних воеводств, воеводства — на уезды, уезды — на округа. Округи эти, однако же, не были тем, что и существующие в крае судебные округа, а были составлены вновь таким образом, что из каждого уезда соответственно его обширности образовалось от 3 до 6 округов. В приведенных выше территориальных подразделениях выборы производились следующим образом: все более образованные и сколько-нибудь занимающиеся политическими интересами края жители каждого округа как сельские, так и (в меньшей части) городские избирали большинством голосов одного окружного «доверенного мужа», окружные — уездного, уездные — воеводского; воеводские же, наконец, доверенные мужи избирали и постановляли главу общества, т. е. так называемую *Дирекцию*, состоявшую сначала из пяти лиц, а впоследствии из трех*. Что касается до городов более значи-

* По принятому вообще обычаю название «доверенный муж» обыкновенно пропускалось даже самыми членами организации, и избранные назывались просто: окружными, уезд-

тельных, как например, губернских и уездных, то они тоже должны были избирать отдельно своих начальников, которые вместе с прочими «уездными» избирали «воеводского».

Здесь нахожу необходимым прибавить следующее.

а. Организационная форма не была на деле такой совершенной и оконченной, как это мною представлено, и в применении ее к делу всегда чего-то недоставало; по крайней мере в моем Августовском воеводстве округи никогда не были хорошо обозначены и разграничены. Выборы на деле тоже не производились по строгим требованиям формальности, обыкновенно производились они таким образом: несколько десятков шляхты и ксендзов (напр. 30—40) собирались в одно место и избирали вдруг и *непосредственно* уездного и окружных.

б. Первые «воеводские» (т. е. избранные во время манифестаций) должны были подвергнуться новым вторичным выборам, причем натурально не все пользовались вторично доверенностью.

в. Каждый избранный (как воеводский так и прочие) должен был иметь по требованиям формы *своего помощника или заступающего место* (zastępcę), тоже избранного в соответственных собраниях, но, однако же, очень часто случалось, что помощники были непосредственно без выборов назначаемы самими доверенными мужами, а иногда вовсе их недоставало. Один только помощник (zastępcа) «воеводского» всегда избирался в собрании уездных.

г. В городах «белые» организаторы встречали наибольшие затруднения, потому что в них из боязни полиции нельзя было произвести выборов и потому что тут гнездились и царствовали ненавистные «красные». По этим-то причинам выборы в городах никогда не производились, а просто «воеводский» после соглашения с более выдающимися личностями того или другого города назначал ему сам *начальника*. Значение этих начальников было тоже весьма ничтожное, второстепенное; иногда по желанию Дирекции и воеводского они играли роль уездных, обыкновенно же стояли ниже их и на ход дел вовсе не имели никакого влияния*.

д. Избранный доверенный муж мог быть сменен только или по его собственному желанию, или по желанию избирателей, или, наконец, по требованию власти общества, т. е. по требованию Дирекции. Без одной из этих причин избранный один раз исполнял вверенные ему обязанности бессрочно навсегда.

е. Организация в собственном смысле существовала только в одном Царстве Польском; в других же провинциях бывшей Польши варшавская Дирекция имела только более или менее обширные сношения, но не было так органически связанного общества (подробнее скажу об этом ниже).

История дальнейшего развития организационной формы не представляет много замечательного, разве только то, что Дирекция, состоявшая в начале из пяти лиц, осенью 1862 г., кажется в октябре месяце, уменьшила свой состав до трех членов; что Дирекция, следуя примеру Центрального комитета, учредила, если не ошибаюсь, в декабре месяце того же года должности воеводских комиссаров для ревизии и контроля организационных дел в каждом воеводстве; что воеводские доверенные мужи для этой же

.....
ными, воеводскими, без прибавления титула. Для соблюдения простоты и краткости и я таким же образом буду называть их далее.

* Первоначально Дирекция хотела (с целью превозмочь значение и силу воеводских выборных) учредить должность воеводского городского, назначаемого Дирекцией без влияния других и подчинить ему все города в воеводстве; это, однако же, не удалось.

цели в октябре месяце получили право иметь тоже своих контролеров или комиссаров*; что, наконец, около того же времени округа были разделены еще на известное число *окружков* или *отделов* (*okrązków czyli oddziałów*), и это отчасти для того, чтобы посредством увеличения числа органов оживить и сделать более деятельной весьма неподвижную и тяжелую массу помещиков, отчасти же для того, чтобы сильнее бороться с красными и надежнее парализовать усилия и пропаганду революционеров.

Теперь я должен сказать несколько слов об иерархических отношениях органов общества и о порядке дел. Отношение Дирекции к воеводским, или, как говорилось технически, к *«воеводскому кругу»* (*koło wojewódzkie*), было приблизительно такое же, как власти исполнительной к власти законодательной. В определенные сроки, если не ошибаюсь, шестинедельные, или по призыванию Дирекции (в случаях чрезвычайных) собирались воеводские в Варшаве**. Здесь, в общем собрании прибывших членов Дирекции, или «в кругу» (*na kole*) разбирались и решались все дела организации; решающими, однако же, и постановляющими были только сами воеводские. Это-то *воеводский круг* принимал рапорты Дирекции и рапорты каждого из воеводских по данным прежде поручениям, рассматривал и решал проекты и представления как той, так и других, определял и постановлял образ и род действий в будущем и издавал соответственные своим решениям распоряжения и поручения как своей номинальной главе — Дирекции, так и каждому воеводскому. С этой минуты, т. е. с минуты закрытия заседаний круга до следующего заседания, Дирекция, исполняя, с одной стороны, полученные поручения, с другой, — пользовалась предоставленной ей полной властью в делах организации в случаях безотлагательных, решала встречающиеся вопросы, давала приказания всем без исключения членам общества, одним словом, действовала самостоятельно абсолютно, с обязанностью, *однако же*, представлять на ближайшем затем заседании «круга», подробный рапорт и объяснения своих действий. Воеводские в промежутки между одним и другим заседанием переходили к роли точных исполнителей полученных или от круга, или от Дирекции поручений и приказаний. Нужно еще здесь прибавить, что в совещаниях круга могли принимать участие и помощники воеводских, но лишь только как советники, не имеющие решительных голосов, разве в случае отсутствия воеводских.

Для исполнения полученных поручений воеводские или непосредственно давали соответственные приказания подведомственным себе уездным и начальникам городов, или же прежде совещались с ними о средствах, необходимых для исполнения этих приказаний, в устраиваемых с этой целью собраниях. Таким же точно образом поступали уездные с окружными, а эти с окружковыми.

Будучи убежден, что эти несколько строк достаточны для уразумения иерархических отношений организации и порядка дел, не распространяюсь более об этом предмете. Прибавлю только, что организация белых никакой печати не имела, члены ее никакой клятвы не давали, тайной типогра-

* Комиссары были назначаемы, а не избираемы, первые — Дирекцией, вторые — воеводскими. Первых было по одному на каждое воеводство; число вторых зависело от рассмотрения воеводского.

** Съезд воеводских не мог состояться иначе, как только тогда, когда потребовали сего трое воеводских под своей ответственностью, в таком случае они могли созвать прочих своих товарищей мимо Дирекции. Это было постановлено на случай столкновения воеводских с Дирекцией, и такое исключительное созвание съезда в истории организации не случилось ни разу.

фии, равно как и подпольного листка или газеты не имели, даже в переписке были весьма осторожны и ограничивались обыкновенно личными словесными сношениями. Даже очень редким письменным документам своим придавали они всегда форму обыкновенной политической или социальной диссертации, форму обыкновенной литературной статьи.

Прежде чем буду говорить о дальнейшем развитии организации в других провинциях бывшей Польши, хочу представить личный ее состав в самом Царстве Польском. Итак: первыми членами Дирекции были: Эдуард Юргенс, Карл Маевский, гр. Владислав Замойский (сын Андрея), банкир Леопольд Кроненберг, и, сколько могу припомнить, Тит Войцеховский, помещик Люблинской губернии. Состав этот не переменялся до самого конца июня месяца 1862 г., т. е. до арестования Маевского, на место которого был тогда призван оставшимися членами Дирекции (а впоследствии утвержден кругом воеводских) Юлиан Пашкевич, помещик Сейненского уезда Августовской губернии, о котором было говорено выше, в предыдущей главе, как о манифестационном доверенном муже. Вскоре затем, после «адреса Замойского», в конце августа месяца т. г. Тит Войцеховский удалился, а на место его был призван Карл Рупрехт, редактор «Польской газеты», принадлежавший дотоле к так называемому «Варшавскому городскому кругу», неудавшейся организации белых, о которой буду говорить ниже. После вступления Рупрехта состав Дирекции оставался без перемены до самого конца сентябрьских заседаний советов, т. е. до октября месяца, в котором число членов Дирекции (пять) уменьшилось до трех. Кто именно с тех пор и до самого восстания, или правильнее до упразднения организации 12 марта 1863 г., находился в составе Дирекции, с точностью сказать не могу, потому, во-первых, что члены Дирекции в продолжение этого времени несколько раз переменялись, во-вторых, потому что с конца октября месяца я был уже слишком занят делами заговора и не мог внимательно следить за действиями моих противников. Знаю, однако же, с несомненной верностью, что в состав Дирекции входили постоянно те же самые прежние члены и, кроме них, двое воеводских доверенных мужей, а именно Август Тржетржевинский, меценас сената, и Люциан Городенский. Таким образом, не могу с точностью обозначить, кто именно из всех этих личностей и в какое время составлял это трио и держал в руках своих власть общества, но что она не находилась в руках каких-нибудь других лиц, об этом говорю положительно, и за это ручаюсь*.

Воеводскими доверенными мужами были:

В Мазовецком воеводстве по причине обширности и многолюдности его было трое доверенных мужей, с равным голосом, с равными правами в пространстве определенной каждому из них части воеводства. Из этих трех я помню только двух: вышеупомянутого меценаса Августа Тржетржевинского (который хотя жил в городе, но имел, однако же, обширные связи и сношения во всей Варшавской губернии) и по имени мне неизвестного Горновского, помещика Станиславовского уезда. Прибавлю еще, что воеводские мазовецкие оставались в этих должностях без смены с самого конца организации; по крайней мере о перемене их, если таковая и произошла, мне неизвестно.

* Только о гр. Владиславе Замойском я должен сказать, что он вследствие каких-то мне неизвестных сплетней своих товарищей не прежде, однако же, конца ноября месяца 1862 г. по собственному желанию перестал быть членом Дирекции и с тех уже пор (хотя почитался всегда членом общества) не играл в нем никакой важной роли.

В *Калишском* — сначала был воеводским по имени мне неизвестный помещик Кржиштопорский (кажется, член главной дирекции кредитного общества), который не был сменен по крайней мере до конца декабря месяца 1862 г.; с тех пор до упразднения организации во главе воеводства стоял Владислав Маевский, помещик Пиотрковского уезда, брат Карла.

В *Краковском* — сначала Яцек Семенский, а потом, не прежде конца декабря, неизвестный мне по имени Хвалибог: оба тамошние помещики*.

В *Сандомирском* — до самой всеобщей перемены Карский, помещик Радомской губернии, вероятно, тот самый, который был на гомбургской конференции, а после него *Бохенский*, по имени неизвестный, помещик Опочинского уезда.

В *Люблинском* — Люциан *Городенский*, помещик, кажется, Грубешовского уезда, директор тамошнего торгового дома (Domu zleseej). Был ли он сменен кем-нибудь во время всеобщей перемены, об этом мне неизвестно.

В *Подляском* — первоначально, тамошний помещик *Шидловский*, по имени мне неизвестный; после, но еще до всеобщей перемены, кажется, в ноябре месяце, Адам Гольц, тоже тамошний помещик, человек известный и уважаемый всеми.

В *Плоцком* — до общей перемены Карл *Уяздовский*, а потом Карл *Зонненберг*, оба помещики Плоцкой губернии.

В *Августовском* — до июня месяца 1862 г. Юлиан Пашкевич; с тех пор до декабря месяца того года, но еще до всеобщей перемены, мой отец Эдуард Авейде, защитник гражданского трибунала в Сувалках; после моего отца до самого конца организации, Дионисий Скаржинский, помещик, кажется, Кальварийского уезда, один из директоров «Наднеманского торгового дома в Алексоте». Здесь я должен прибавить, что по причине географического положения Августовской губернии помощник воеводского играл тут более важную роль, чем в других местностях; в совещаниях воеводского круга он имел решительный голос и действовал во вверенных ему уездах самостоятельно и независимо. Таким помощником августовского воеводского был первоначально *Рембелинский*, кажется, Евгений, а после него, но задолго еще до всеобщей перемены, кажется, в июне месяце 1862 г., граф Генрих *Старженский*; оба они помещики Ломжинского уезда.

Прочих членов организации, как-то: уездных, окружных и других и даже помощников воеводских, за исключением выше поименованных августовских, я не знаю вовсе, потому что, если и случилось мне услышать фамилии которого-нибудь из них, то со временем я забыл их как второстепенных деятелей общества. Желая, однако же, представить некоторое доказательство, что я не намерен скрывать тайны притворным забвением или незнанием, привожу фамилии знакомых мне более деятельных членов организации Августовского воеводства, с которым связывают меня, как тамошнего уроженца, многие личные связи и сношения. Итак: *комиссаром Дирекции* был Цириак Акорд, помещик Сейненского уезда.

Комиссарами, или контролерами воеводского были: этот же самый Акорд, пока не был назначен комиссаром Дирекции, и Сигизмунд Гутт, помещик Кальварийского уезда.

.....

* Для объяснения необходимо заметить, что организация под конец своего существования переменяла всех своих воеводских как из осторожности и боязни полиции, так и из боязни революционеров. Когда именно произошла эта перемена, я наверно не знаю и вообще узнал об ней только во время восстания. Приблизительно случилось это в начале восстания: во всяком случае не прежде конца декабря месяца 1862 г.

Начальниками городов: в Сувалках — мой отец Эдуард Авейде; в Августове — инженер *Фридрици*, по имени неизвестный; в Ломже мой покойный брат Артур Авейде; в Мариамполе — архитектор *Мирецкий*; кто были начальниками городов в Кальварии и в Сейнах — не помню; кажется, какие-то ксендзы.

Уездных, а тем более окружных и других, с точностью поименовать я не в состоянии, потому что или не знал их вовсе, или же они очень часто переменились. И потому-то ограничусь только названием лиц, известных мне как более деятельных в своих уездах. Итак: в *Ломжинском уезде* — помещик *Рутковский* и ксендз каноник *Залевский* (из Тыкоцинского округа); в *Августовском* — помещики Антон *Госевский* и Ян и Фаддей братья *Войчинские*; в *Сейненском* — помещики Иосиф *Абламович* и Бронислав *Шмидт*; в *Кальварийском* — помещики Сигизмунд *Гавронский*, Феофил *Бар* и Адольф *Галера*; в *Мариампольском* — помещики Виктор *Гавронский* (брат Сигизмунда), *Войзбун* и ксендз *Просылайтыс*, плебан Вейверского прихода.

О всех вышеупомянутых лицах я должен присовокупить некоторые объясняющие и не лишние интереса для правительства замечания. Все вообще члены организации, как это видно из самых уже фамилий, были люди высшего образования, высшего социального положения и некоторые из них весьма полезные для края в других отношениях. О чистоте, о честности характера их всех даже невозможно сомневаться. Более деятельными, по моему личному взгляду, были из членов Дирекции: Маевский, Юргенс, Рупрехт и Пашкевич; из воеводских, кроме Пашкевича, Городенский, Кржиж-топорский и Карский.

К революционной организации, но не прежде диктатуры Лянговича, принадлежали: из членов Дирекции Маевский и Рупрехт как члены революционного правительства и, может быть, гр. Владислав *Замойский* как принимавший участие в раскладке и сборе революционных податей в Варшаве; говорю *может быть* потому, что наверно об этом сказать не могу, а помню только, что фамилия Замойского была как-то замешана в вопросе о податях. Из воеводских принимали участие в восстании: Владислав Маевский, который был гражданским начальником Калишского воеводства; Яцек Семенский, исполнявший некоторое время обязанности революционного комиссара в восточной Галиции; Хвалибог как гражданский начальник Краковского воеводства после Владислава Големберского; *Бохенский* был кажется начальником Опочинского уезда, но утвердительно об этом сказать не могу; Дионисий Скаржинский, бывший директором департамента финансов при революционном правительстве. Из других членов Августовской организации были деятелями революции: Акорд как гражданский начальник Августовского воеводства, Артур Авейде как комиссар там же. Кроме них, из рапортов, полученных революционным правительством до моего выезда в Вильно, помню еще фамилии Антона *Госевского*, Яна и Фаддея *Войчинских* и Иосифа *Абламовича*, как игравших известную роль в августовском восстании, но не могу определить с точностью, какие каждый из них занимал революционные должности; кажется, *Госевский* был начальником Августовского уезда, Ян *Войчинский* * окружным начальником того же уезда,

* Войчинский Ян сын (отец его того же имени) упомянут уже мною как манифестационный доверенный муж. В декабре месяце 1862 г. [так!] он был арестован и содержался в Варшавской цитадели до самого приезда его императорского высочества великого князя Константина; кажется, он был уже присужден к ссылке в Сибирь, но его высочество его помиловал и приказал освободить из заключения.

Абламович — начальником Сейненского уезда, Фаддей же Войчинский служил в косиньерах под командой Рамотовского (Вавра) *. Что же касается до всех прочих членов общества «белых» Августовской губернии, то я не могу утверждать, принимали ли они участие в революции или нет. Считаю, однако же, долгом по совести уверить, что отец мой и Сигизмунд Гутт никакого участия в революции не принимали: об отце было бы мне известно, а семья Гуттов славилась как одна из самых решительных противников восстания.

То же я должен сказать о всех прочих членах Дирекции и воеводских, ни один из них никогда не исполнял никакой революционной должности. Не буду спорить о том, что они могли сочувствовать делу восстания, что могли даже платить подати и т. п.; напротив, я убежден в этом; но такого рода участие в революции принимали, можно сказать, все без исключения помещики и жители городов, или добровольно, или под влиянием общественного мнения, или даже, как известно, под влиянием террора.

Наконец, к величайшим и наиболее явным и решительным противникам восстания из среды белых нужно причислить, кроме упомянутого Сигизмунда Гутта, Юлиана Пашкевича, Люциана Городенского, Карла Зоненберга и отчасти Карского. Пашкевич и Городенский, а в особенности первый, были до такой степени ненавидимы за открытую свою неприязнь к восстанию и открытое его осуждение, что им угрожала даже со стороны фанатиков личная опасность. Говорю об этом с тем большей уверенностью, что я сам должен был охранять их от мести революционеров **.

Некоторые более подробные объяснения о членах организации белых сообщу ниже.

О развитии организации белых за пределами Царства Польского много сказать нельзя, потому что вследствие неподвижности членов сделано было в этом отношении очень мало. В Познани, насколько я слышал, организации вовсе не было; впрочем, по незначительности провинции обстоятельство это не имело, однако, особенного влияния на общий ход дел. Множество существовавших там явных обществ были достаточны для действий, в сущности ничего не значивших, лишь бы только несколько доверенных личностей захотели эксплуатировать эти законные органы в пользу варшав-

.....

* Точного и верного сведения о членах организации ниже воеводских начальников не имею, потому что они не были назначаемы революционным правительством и никогда не ходились с ним в непосредственных сношениях.

** Пашкевич между прочими усилиями его против революции посылал письма к своим друзьям и знакомым в особенности Августовской губернии, воздерживавшие их от принятия участия в восстании; некоторые из этих писем попали в руки комиссара Иосифа Петровского. Городенский делал то же; кроме того, он отправился в Галицию с целью, как это мне было сообщено, воздержат тамошних помещиков от подачи помощи восстанию и в самом деле успел убедить в свою пользу известного после князя Адама Сапеги, так что тот в продолжение по крайней мере четырех месяцев боролся с агентами революционного правительства в восточной Галиции, и его усилия были поводом неудачи первого вторжения Высоцкого на Вольнь. Карский, как известно, уговаривал Лянгевича распустить людей и отправиться за границу и повторял свои усилия два раза, пока Лянгевич не погрозил ему расстрелом. Зоненберг уговорил плоцкого революционного военного начальника Богдана Бончу (его настоящая фамилия, кажется, Конрад Томашевский, он был капитаном русской артиллерии, находился до восстания, если не ошибаюсь, в Бресте-Литовском и погиб в Радомской губернии) распустить людей и уехать за границу и этим парализовать восстание в Плоцкой губернии, по крайней мере в течение двух месяцев. Так же точно уговаривал он и Падлевского. Кроме того, Зоненберг, хотя после притих, не желая подвергать себя очевидной опасности, однако же, не принял предлагаемой ему после Грабовского должности гражданского начальника Плоцкого воеводства, не скрывая вовсе своих убеждений.

ской Дирекции. Вот этих-то нескольких доверенных личностей Дирекция в самом деле имела в Познани; они даже составляли некоторого рода комитет, находившийся в сношениях с Варшавой. Кто были членами этого комитета, в настоящее время уже не помню, довольно сказать, что к более деятельным членам организации в Познани принадлежали тамошние помещики, по именам мне неизвестные Лончинский и Плятер. В Галиции было еще хуже, главное по причине странной, удивительной в самом деле, смеси противных элементов галицийского народонаселения, и я даже не слышал, чтобы дирекция имела там свой филиальный комитет. Наиболее же деятельными сотрудниками нашей белой организации были в западной Галиции гр. Адам Потоцкий и в восточной кн. Адам Сапега. О сношениях Варшавы с доднепровской Русью мне ничего не известно, но что там находились лица, состоявшие в связи с Дирекцией, в том нет сомнения, хотя перечислить их я не в состоянии. Судя по несколько знакомой мне натуре тамошнего общества, предполагаю, что белые гнездились наиболее в Подольской губернии, как в местности, более других консервативной. Как бы то ни было, белые помещики Руси не отличались ничем особенным, разве тем только (как это припоминаю из рапортов, полученных из Руси), что с упорством воевали против восстания. В Литве, наконец, Дирекция наиболее сделала прогресса на попроще организации; об этом, однако же, скажу подробнее после, говоря о Литве вообще. Здесь будет довольно заметить, что первыми и без сомнения деятельнейшими учредителями литовского белого общества были Александр Оскерко и Иаков Гейштор. Они условились в первый раз с Дирекцией, а в особенности с Юргенсом, весной, кажется, в марте месяце, 1862 г.

Этими словами оканчиваю краткий очерк внешней стороны организации белых и надеюсь, что достаточно успел разъяснить и начало общества и его форму, развитие и личный состав. Чтобы дополнить этот скелет, перехожу далее к

2. *Очерку внутренней стороны организации*, т. е. мысли основателей, цели и начала ее действий, общего характера и последствий.

а. В совещаниях, которые имели целью образование организации белых, все совещавшиеся сходились только в одном, а именно, в желании прежней Польши в пределах до 1772 г.; во всех же других отношениях они решительно различались между собой. Маевский, отделившись от революционеров и убедившись, что не настало еще время заговора, хотел все-таки трудиться на другом пути для революции, хотел иметь орган, который был бы деятельным подготовителем к заговору, хотел создать в некотором роде школу для шляхты и бюргеров, которая наставила бы их на единственный спасительный путь, т. е. ведущий к восстанию, и научала бы одной исключительно полезной деятельности — заговорной. Кроме того, вследствие преувеличенного (по моему мнению) взгляда на важность победы Юргенса в произведенных выборах в советы Маевский предполагал, что эта победа угрожает образованием сильной реакции в обществе, образованием и враждебного для революции консервативного лагеря, и тем более, что он уже будет находиться не под руководством неспособных личностей, как, например г. Замойского, а под руководством Юргенса, человека практического и преисполненного жизни и энергии; потому-то Маевский решил, что необходимо не допустить образования и формирования такого опасного лагеря; лучшим же и вернейшим для этого средством находил — соединиться с противниками, ввести среди них противоположный элемент и этим обессилить и отравить реакцию.

Юргенс, верный своим убеждениям, соглашался образовать организацию с целью поощрять органические прогрессивные труды и заботы общества, связать тяжелый и разъединенный шляхетский элемент, оживить его этим, сделать деятельным, заботливым об интересах края, практическим, а с тем вместе удержать шляхту от исхода на гибельный, ибо преждевременный, путь заговора. Если же, прибавлял Юргенс, вместе с этим главным практическим трудом будет возможно сделать что-нибудь в пользу допускаемого в отдаленном будущем восстания, то и этой прибавочной пользы отвергать не следует.

Что, кроме этих двух главных руководителей, думали и говорили об организации консерватисты, т. е. друзья гр. Замоиского и делегации, об этом трудно мне сказать с исторической точностью: они вообще мало лично мне знакомы и никогда не случилось мне разговаривать с ними об этом предмете. Судя, однако же, по всей их натуре и по всем их действиям, по моему убеждению, они прежде всего хотели предохранить шляхту и капиталистов от перехода на сторону г. Велепольского. Опасность эта казалась им вероятной, потому что уже соединился с ним гр. Островский, одна из более замечательных шляхетских личностей; вице-президент б. Агрономического общества покойный Фома Потоцкий, человек высокоуважаемый всеми без исключения и весьма любимый, не только шляхтой, но и городскими жителями и молодежью, одним словом, единственный человек, имевший возможность соперничать относительно веса в обществе с г. Замоиским, также вошел уже в более близкие сношения с г. Велепольским. Далее, консерватисты хотели также устранить шляхту от присоединения к знамени революционеров и заговорщиков и в этом отношении были согласны с Юргенсом. Кроме того, вполне веруя во всеобщую европейскую войну и в вооруженную интервенцию западных государств за Польшу, хотели они при содействии организации влиять в этом духе на общественное мнение Европы и, с одной стороны, на расположение заграничных кабинетов, а, с другой, — внутри края продолжать начатую пассивную оппозицию, но только с большим против прежнего единством и с большей определенностью, т. е. продолжать далее политику приобретения разных со стороны правительства уступок путем ложно-законной войны. А ежели, говорили, наконец, консерватисты, при вышеисчисленных целях окажется возможным приготовить какие-нибудь средства, которые могли бы быть полезными для вооруженной войны с правительством (после прибытия в Польшу французов, англичан и бог знает еще кого), то и этой прибавочной цели отвергать не следует.

О манифестационных доверенных мужах не стоит говорить отдельно, потому что они как эклектики без убеждения и воли стояли на той или другой стороне, не имея особенной программы.

Казалось бы, что все эти столь противоположные один другому элементы никогда не должны были соединиться для общих действий, и еще путем тайного общества, тем не менее после двухмесячных споров они соединились. Не должно, однако же, думать, что это соединение последовало вследствие каких-нибудь существенных с той или другой стороны уступок, напротив, каждая сторона осталась при своем и была убеждена, что формирующаяся после соглашения организация будет служить лишь ее целям и что она успеет путем тайного общества поглотить и победить противную сторону. Каким образом, по мнению договаривавшихся, должна была последовать эта победа, об этом нечего долго распространяться: это ясно из самых выше-

приведенных теорий. Все противники заговора думали, что так или иначе они успеют отклонить от него раз навсегда путем организации Маевского, а с ним и всех революционеров и что через это раз навсегда обессилят революцию и удержат ее в своих руках. Планом же Маевского было не допустить образоваться реакции, приучить шляхту действовать тайно, собрать при помощи организации значительный *железный фонд*, создать себе сильную, несокрушимую партию и, наконец, сделавшись сильным, разрушить организацию ее собственными руками и, соединившись со старыми своими друзьями, сформировать могущественный заговор.

Такие были мысли, намерения и планы основателей организации.

б. Перейдем теперь на минутку к ее цели и началам. Таким образом, соединились огонь и вода и обещали себе взаимно действовать сообща, согласно и в одном тайном обществе.

Натурально рождается вопрос, на каком основании соединились эти противные друг другу по самой их природе элементы? Что было узлом соединения? По моему убеждению, основанному на некотором знании организации, узлом этим были народный катехизис, желание не разрывать единства и *маленькие взаимные уступки*. Об этих последних, т. е. об уступках, считаю необходимым еще упомянуть и позволяю себе представить их следующим образом. Маевский, соглашаясь остаться в желаемом всеми единстве, говорил новым друзьям своим более или менее в таком духе: «Я желаю революции и иду за ней, но я не сумасшедший человек, чтобы сделать ее в то время, когда нет нужных для этого сил, и потому-то мысль заговора в настоящее время отвергаю и соединяюсь с вами. Но, соединившись, мы все прежде всего должны усердно стараться о сколь возможно скорейшей выработке и скорейшем приготовлении сил и средств, необходимых для открытой войны, тем более, что, если ожидаемая европейская война будет в самом деле в «состоянии нам помочь (на что, хотя я и не рассчитываю, но от чего и отказываться в счастливом случае, очень натурально, не буду), она должна застать нас уже вполне приготовленными. В настоящее же время, будучи не в состоянии привести общество к восстанию, я не хочу быть настолько неблагоприятным, чтобы отвергать пользу органического труда или пользу, какая может быть извлечена из легальной борьбы с правительством, или же, наконец, пользу, какую можно принести различными усилиями за границей». Сторона противная Маевскому говорила: «Ведь мы настолько благоразумны, что не предполагаем достигнуть независимости края иначе, как после нашей же собственной вооруженной борьбы с правительством, и потому-то преохотно соглашаемся готовить необходимые для нее силы и средства. Но главное дело в том, что борьбы нашей за самобытность и свободу Польши мы начать не в состоянии и не должны иначе, как во время всеобщей европейской войны, в которую была бы замешана Россия, и при помощи заграничной интервенции, которая одна только может сделать наши вооруженные действия возможными. И потому-то мы пока должны, с одной стороны, стараться всевозможными средствами возбуждать наш польский вопрос, в Европе заискать в нашу пользу народы и кабинеты и, если возможно, ускорить всеобщую европейскую войну; с другой, — мы должны трудиться над прогрессивным развитием наших народных сил, оживлять и распространять во всех классах, а в особенности в шляхте, любовь к интересам края, вырабатывать и поддерживать на надлежащей высоте общественное мнение; с третьей, наконец, стороны, мы должны вести законную борьбу с правительством, требуя от него постепенных и как можно больших уступок в духе

независимости Польши. Впрочем, — говорили все, будем действовать так, как укажут обстоятельства края, положение правительства, России и Европы».

Так как Маевский согласился поддерживать все то, чего только желали его новые друзья, и отрекся от заговора, лишь бы они согласились заняться приготовлением необходимых сил и средств для вооруженной борьбы в неопределенном будущем, и так как другая сторона приняла это условие, то посему противные партии пришли к *полному согласию* с уверенностью, что единство не разорвется, что все сообща будут трудиться для пользы края и что на одном и том же пути они победят одна другую.

Говоря вообще, главной всеобщей целью организации белых было восстановление бывшего польского государства в пределах его 1772 г.; осуществить же эту цель организация надеялась и стремилась посредством следующих специальных целей, долженствовавших определить направление для будущих действий организации:

1) трудиться на поприще всестороннего прогрессивного развития народных сил;

2) оживить и распространить в массе шляхты любовь к интересам края;

3) объяснять и выработать общественное мнение внутри края и держать его на высоте, соответственной целям организации;

4) поддержать единство и связь между различными провинциями бывшей Польши;

5) вести с правительством ложно-понятую законную борьбу, с целью получать постоянные уступки в духе народных преданий и прогресса;

6) влиять на общественное мнение Европы и на расположение заграничных дворов в пользу «польского дела», а с тем вместе влиять (насколько возможно) на ускорение всеобщей европейской войны;

7) приготовить средства, необходимые для вооруженной борьбы, в неопределенном будущем долженствующей возникнуть по инициативе и при помощи иностранных государств.

Вот какие были цели организации белых, составлявшие полный свод политической веры организации, и затем никаких других начал политических (за исключением веры в заграничную интервенцию) или социальных в строгом смысле, т. е. определенных, исключительных и твердых, нельзя приписать членам организации. В таком безобразном смешении наиболее различных, наиболее противных элементов, в корпорации, желающей вместить в себе весь край, все его слои и оттенки, не может быть и речи о единстве, исключительности, определенности и твердости начал. Там должны быть и в самом деле были все существующие в мире начала и убеждения, от самых консервативных до самых радикальных, от революционеров до друзей г. Велепольского. (Мимоходом сказать, форма организации служит наилучшим доказательством моих слов: общие, гуртовые выборы могли рождать только самую разнородную пестроту.)

в. *Действия организации.* Трудно мне как человеку, не бывшему членом организации, представить хронологический и совершенно полный очерк ее действий; думаю, что он в настоящее время не нужен даже правительству, и потому-то ограничусь лишь общим очертанием действий, совершенных организацией в продолжении ее существования. Они были:

1. Чтобы действовать за границей соответственно своей программе, Дирекция вошла в сношения с Владиславом Чарторьским в Париже и продолжала их до самого конца существования организации. Первоначально послан был за границу для этой цели в феврале или марте месяце

1862 г. упомянутый уже мною в предыдущей главе Иосиф Колачковский, а после неудавшегося его посольства * какой-то Воловский, помещик, как кажется, Радомской губернии. После *Воловского* входили в сношения с Чарторыским от имени Дирекции, насколько помню, Городенский, Трже-тржевинский и, наконец, сам Юргенс. Все эти послы были отправляемы в продолжение 1862 г. до августа месяца, и из них один только Юргенс (как я думаю) успел окончательно устроить заграничные организационные действия на более прочных основаниях. Кто был потом выслан Дирекцией в Париж, об этом я вовсе не знаю, или правильнее, не помню; впрочем, это не так важно, потому что всякий более образованный помещик, отправлявшийся за границу, мог быть таким уполномоченным от Дирекции.

Целью сношений с Чарторыским было действовать на общественное мнение Европы в пользу польского дела и на расположение заграничных кабинетов и этим парализовать русскую дипломатию и даже, если будет возможно, ускорить ожидаемую европейскую войну. Об организационной дипломатии, а с тем вместе о дипломатии Чарторыского нечего долго распространяться; это были тщетные и неосновательные надежды, стоящие ниже всякой критики, нуль, достойный смеха. Нашим дипломатам все казалось, что сын кн. Адама Чарторыского имеет обширные связи с европейскими дворами и что действия его и влияние значительны. Чарторыский в самом деле знаком с разными министрами и государственными людьми, в особенности во Франции, Англии, Турции и отчасти в Швеции, и бывает при дворах этих государей, но нужно быть безрассудным, чтобы допустить возможность серьезных и полезных для Польши действий путем всех этих знакомств и сношений. Однако, кажется, что не только наши шляхетские дипломаты верят в силу этих «салонных» сношений, но даже и сам Владислав Чарторыский решительно ничем другим не занимается, как только своей мнимой дипломатией, тратит на нее деньги, старается иметь везде постоянных агентов, ведет с ними постоянную корреспонденцию и лезет повсюду, нужен ли он или не нужен, лишь бы только напомнить о польском вопросе и убедить министров и дворы в необходимости восстановления Польши. В попытках такого рода состояла и дипломатия нашей организации белых, так что на вопрос: что именно делала Дирекция на поприще дипломатии? — нельзя иначе ответить, как только, что она вела праздные мечтательные разговоры и тратила деньги на бесплодные усилия Чарторыского, о чем он от времени до времени присылал Дирекции краткие извещения.

Что касается влияния на общественное мнение Европы, то старания Дирекции в этом отношении, хотя тоже маловажны, но по крайней мере были более реальны. Первоначально Дирекция хотела было или издавать новый, свой собственный, французский журнал, или же подкупить один из более известных, уже существовавших во Франции. Намерение это, однако же, было оставлено, потому что новая газета не имела бы (по крайней мере долгое время) никакого значения и при том встретилось бы много затруднений в хорошей ее редакции; на покупку же старой фирмы были необходимы значительные деньги, а таковых Дирекция, в особенности в начале, не имела, и правду сказав, дать не хотела. И потому-то стремление это кончилось более скромным предприятием, но тоже довольно дорого стоившим, а именно, учреждена была в Париже редакционная контора,

* Колачковский скомпрометировал тогда, в некотором роде, свою организационную власть: приехавши в Париж, он сейчас же был арестован и посажен в тюрьму Сlichу за какие-то прежние неуплаченные свои долги.

составленная из нескольких эмигрантов, которая отдана была в распоряжение руководителю дипломатии Чарторыскому. Эта редакционная контора обязана была составлять там же, в Париже, разные статьи и корреспонденции о польском вопросе в духе, конечно, необходимости государственного нашего существования; потом эти статьи и корреспонденции пересылались в редакции разных более известных и значительных французских и немецких журналов и (*после уплаты за них некоторой суммы*) печатались от имени редакции. Впрочем и в этом отношении дирекции не представлялось много трудов и хлопот; она лишь указывала предмет, о котором предстояло говорить печатно, и способ его изложения, а Чарторыский брал на себя остальное; доставление же в контору статей, составленных в Варшаве, случалось так редко, что я не помню даже в настоящее время ни одного подобного случая.

Главным действием Дирекции в этих двух заграничных вопросах была, должно сказать с грустной иронией, пересылка денег Чарторыскому. Вероятно, никто не захочет поверить, что на призрак дипломатии и на журнальные издержки Дирекция израсходовала в разное время *более 200 000 франков!* Так мне по крайней мере ясно говорил Рупрехт. Принимая во внимание, что усилия Дирекции этого рода продолжались в течение неполного года, взвесив значения и результаты этих усилий, нельзя не признать, что сумма, истраченная на это, огромна.

2. Кроме сношений с Чарторыским, дирекция находилась еще в сношениях за границей с известным революционным польским генералом Иосифом Высоцким как с директором польской военной школы в Кунео. Первоначально Маевский требовал, чтобы завести постоянные сношения с Мерославским и условиться с ним насчет военно-приготовительных действий за границей; требование это, однако же, было Дирекцией отвергнуто, отчасти потому, что организация не думала о революции, отчасти по той причине, что все, за исключением Маевского, не терпели и ненавидели Мерославского и не хотели находиться с ним в каких бы то ни было сношениях. Тогда Маевский пробовал привести свою мысль в исполнение другим путем, а именно, представил сотоварищам своим необходимость поддержать военную заграничную школу, находившуюся первоначально в Генуе, под дирекцией Мерославского. Однако же и этот проект потерпел неудачу, тоже благодаря страшному для шляхты имени Мерославского. Но, к счастью Маевского, скоро вследствие споров, возникших в военной школе, Мерославский был удален из нее, а на его место призван директором Высоцкий, самая же школа была переведена в Кунео. После этой перемены Дирекция белых согласилась содействовать военному образованию молодых эмигрантов денежными средствами. По моему мнению, умеренные не решились бы и на это, если бы не надеялись, что школа в Кунео находится под покровительством итальянского правительства, а следовательно, императора Наполеона; это обстоятельство дозволило предполагать дипломатам, что из этой школы со временем может образоваться итальянский легион, война с Австрией и т. д., одним словом, война всеобщая. Впрочем, как бы то ни было, но в результате белые вошли в сношения с Высоцким. Кто был их посредником? — этого с точностью сказать не могу; знаю только, что первоначально послан был для этой цели Колачковский и что потом Юргенс отвозил деньги Высоцкому. Был ли еще кто-либо посылаем после Колачковского и перед Юргенсом, не было ли, например, поручено вышеупомянутому Тржетржевинскому видеться и переговорить об этом деле с Высоцким, о том я не имею никаких све-

дений. Впрочем, посредничество в этом деле не имело никакой важности потому, что все сношения дирекции с Высоцким ограничивались пересылкой денег на содержание школы. Здесь не было никаких проектов будущей борьбы с правительством, никаких революционных намерений, никаких соглашений между внутренними организационными действиями и заграничными военными приготовлениями. Говорю это с тем большей уверенностью, что сам Высоцкий, будучи не в состоянии понять из разговоров с послами Дирекции, чего желает и к чему стремится организация, которая дает ему деньги, и как старый революционер, опасаясь попасться в сети реакции, летом 1862 г. прислал в Варшаву Владимира Милёвича, с поручением убедиться на месте: что такое Дирекция, какие она имеет отношения к Центральному комитету и для какой цели предназначались данные ему деньги? Я тогда виделся с Милёвичем и повторяю здесь ответ его, приведенный им Высоцкому: «Дирекция польского общества дает вспомоществование военной польской школе без всяких дальнейших обязательств относительно каких бы то ни было революционных действий за границей».

Сумма, посланная Дирекцией Высоцкому, не была значительна и приблизительно не превосходила 40 000 франков.

Говоря о действиях Дирекции за границей, считаю долгом уверить, что кроме вышеисчисленных, никаких других происков со стороны ее не было. Уверение это считаю здесь уместным потому, что мне самому не раз приходилось слышать толки о громадной покупке и складах оружия, о существовании за границей железного фонда для революции и т. п.; ничего подобного организация белых не сделала и не думала сделать.

3. Самые вышеупомянутые издержки уже доказывают, что организация собирала деньги. Так было в самом деле. Первоначально некоторые члены организации, а в особенности Маевский, требовали, чтобы были собираемы значительные миллионные суммы с целью образования железного фонда. Дирекция и воеводские, кажется, не противились этому проекту; принимая, однако же, во внимание, что сбор значительных сумм может обратить на себя внимание правительства, а в особенности г. Велепольского (без сомнения хорошо знавшего о существовании организации), что сбор этих сумм, и притом немедленно после образования организации, легко может напугать богатую шляхту и капиталистов, возбуждая в них подозрение насчет революции, принимая, наконец, во внимание, что железный фонд не понадобится в скором времени, было постановлено первоначально ограничиться сборением меньших сумм, а увеличить сборы впоследствии, когда положение Европы будет несомненным ручательством всеобщей войны. Согласно с этим постановлено было собирать по 25 тысяч руб. серебром в год с каждого воеводства, за исключением Августовского, которое как беднейшее обязано было собрать только 20 000; кроме того, капиталисты и вообще богатейшие люди Варшавы должны были дать в продолжение года тоже 25 000 руб. серебром. Следовательно, вся годовая сумма должна бы была составить 195 000 руб. серебром¹. Сбор денег начался, если не ошибаюсь, летом 1862 г.; раскладку же произвели: в Варшаве — Дирекция по соглашению с влиятельнейшими и богатейшими личностями в городе; в уездах — воеводские после совещаний с уездными, в округах — уездные по соглашению с

¹ Подсчет ошибочен: по приведенным Авейде данным, общая сумма должна была бы составить 220 тыс. руб. (по 25 тыс. руб. с семи воеводств и с Варшавы и 20 тыс. руб. с Августовского воеводства). Указанная Авейде сумма относится к взносам воеводств (без Варшавы).

окружными и т. д. Предположенная сумма до самого конца организации вполне не была собрана; сколько же было всех собранных денег, с точностью обозначить не могу, но приблизительно считаю не менее 120 тыс. руб. серебром и не более 150 тысяч. Из этой суммы 240 тысяч франков¹ израсходовано на издержки за границей; а при конце организации Рупрехт вручил народному правительству не более 30 000; кроме того, послана была (тоже Рупрехтом) Лянгевичу какая-то сумма, но тоже не выше 30 000 руб. серебром. Внутренних расходов организация, можно сказать, вовсе не имела, разве только что-нибудь было израсходовано на посылку курьеров.

Кроме упомянутых сумм, организация белых никаких других не собирала и не имела.

4. Из действий организации белых внутри края более важным, а по крайней мере более известным, был так называемый «адрес Замойского». Он происходил из основной мысли организационной программы: вести борьбу с правительством в границах ложно понятой законности. Кроме того, были еще и другие причины появления адреса Замойского, а именно, все более и более развивающееся неудовольствие в недрах городов и шляхты против организации, в особенности против Дирекции, всеобщие нарекания на их беспечность и бездействие, всеобщие крики, «что Дирекция ничего не делает, что не знает сама, что делать, когда, напротив, Центральный комитет действует постоянно и с большими успехами». Эти неудовольствия и крики были для Дирекции весьма докучливы и даже немного опасны, потому что, теряя кредит и доверие в общественном мнении, она рисковала отстранить от себя шляхту и духовенство, которые, отстав от лагеря белых, могли присоединиться к лагерю красных. Для успокоения криков недовольных, для оживления организации и в то же время для уравнивания значения Центрального комитета в общественном мнении Дирекция хотела произвести какой-нибудь многозначительный факт, но всегда в духе своих начал, т. е. на поприще законной борьбы с правительством. Исходной точкой, или лучше сказать придижкой, были неоднократно высказываемые великим князем наместником слова к разным призываемым им личностям: что его императорское высочество желает знать наши настоящие желания и нужды, требует, чтобы они были ему сообщаемы и обещает, что все справедливые и законные желания, все существенные потребности края будут правительством приняты и удовлетворены. Придерживаясь этих-то слов, Дирекция вздумала довести до сведения великого князя желания и потребности края так, как их понимала организация. Каким путем и в какой форме должно было последовать это представление? — этого, кажется, Дирекция сама «а рго-гі» не решила, а хотела, чтобы этот вопрос был рассмотрен и решен целой иерархией организации, так сказать, мнением самого общества. Для этой цели, кажется, в августе месяце 1862 г. Дирекция разослала по губерниям приказ съехаться в Варшаву, и не одним только воеводским, а всем чинам организации: и уездным, и начальникам городов, и многим, почти всем, окружным. В самом деле, по приказу явилась вся команда Дирекции в полном составе; не приехал разве тот, которому личные обстоятельства этого не позволяли. Съезд этот был зрелищем несслыханным и невиданным доселе в Варшаве и служит доказательством свободы, которой пользовалась тогда страна, несмотря на военное положение. Без преувеличения можно сказать, что по крайней мере от 150 до 200 лиц, большей частью шляхты, съехалось тогда

¹ Франк в описываемое время ≈ 37 копеек.

в Варшаву. Дирекция представила прибывшим необходимость *довести до сведения правительства желания и потребности страны* и поручила обсудить содержание и форму документа, долженствовавшего заключать оные. Таким образом, начались совещания, которые производились почти публично и продолжались около пяти дней. Они разделялись на совещания воеводские, под председательством каждого воеводского, на совещания депутатов (двух или трех) из каждого воеводства для обсуждения и приведения к единству результатов первых и на совещания круга воеводских, руководящего всем делом и долженствовавшего решить таковое окончательно. Все эти совещания, в особенности представителей отдельных воеводств, были весьма интересны, потому что представляли отличный случай познакомиться с состоянием, составом и силой организации. Большой пестроты во всех отношениях трудно себе представить; в прибывших лицах, в их мнениях и суждениях о деле края можно было найти сторонников маркиза Велепольского и тайных друзей Центрального комитета. Не берусь описывать всю эту чепуху (да это и невозможно); упомяну здесь только о некоторых важнейших тогдашних проектах. Итак, одни проектировали подать адрес с подписями на имя его императорского высочества великого князя Константина Николаевича *с чистосердечной* просьбой о созвании представителей страны; говорю с чистосердечной, потому что они представляли в то же время необходимость поддерживать правительство и помогать ему *в случае дозволения сейма*; другие проектировали подать старый лаконический и дипломатический адрес, подписываемый во время выборов в советы прошлого года, или так называемый «ламбертовский адрес»; третьи советовали просить великого князя в деликатной дипломатической форме о сейме и о присоединении к Польше провинций Литвы и Руси; наконец, многие хотели сделать некоторого рода политическую манифестацию, т. е. отправиться всем или отправить депутатов от каждого воеводства к его высочеству с документом вроде манифеста от имени народа, в котором были бы помещены в форме *откровенной* и суровой все старые и новые претензии к правительству и требование сейма, армии и присоединения провинций. Как известно, ни один из этих проектов не был принят по следующему поводу: Дирекция едва только во время совещаний поняла, что она сделала огромную ошибку и подвергла организацию величайшей опасности, сзывая в Варшаву всех важнейших членов ее и приказывая им вести почти публичные заседания. Чтоб исправить сколько-нибудь сделанную ошибку, Дирекция сделала от себя предложение написать скромный адрес к гр. Андрею Замойскому, в котором просит об учреждении сейма и о присоединении провинций, с тем, чтобы г. Замойский при удобном случае представил эти желания великому князю как выражение всеобщего голоса страны. Проект этот после продолжительных, горячих споров и рассуждений благодаря консервативному инстинкту шляхты был принят членами организации, подписан и вручен г. Замойскому (всеми без исключения) в саду его дома на улице «Новый Свет». Вскоре, как известно, документ этот (но без подписей) был представлен его высочеству гр. Замойским, который был выслан за это в результате за границу. Члены же организации сейчас после вручения адреса г. Замойскому разъехались по домам*.

Такова история «адреса Замойского».

.....
* Подписи по желанию Дирекции были сожжены графом Замойским еще до отправления его в С.-Петербург.

В заключение прибавлю здесь два замечания об этом факте. Вообще можно сказать, что адрес Замойского (хотя имеет вид чего-то важного, политического) не только никого не удовлетворил, но, напротив, все порицали его; и по моему убеждению, он состоялся только благодаря тому, что Маевский был уже арестован, а Юргенс находился за границей, следовательно, благодаря отсутствию двух наиболее разумных (как деятелей тайного общества) членов Дирекции. По крайней мере Юргенс после возвращения своего называл адрес просто «жалкой манифестационной пародией и кокетством перед толпой», а Маевский говорил, что он «такой бессмыслицы и понять не может». Неудовольствие на организацию белых нисколько после того факта не уменьшилось, а напротив, усилилось; правда, авторы адреса и вообще шляхта ходили недели две, как вороны в павлиньих перьях, будучи убеждены, что они произвели что-то громадное, но вскоре под влиянием критики и насмешек Центрального комитета соглашались сами, «что гора родила мышенка». В общества все кричали против Дирекции, что она без всякой нужды и пользы подвергала организацию опасности быть совершенно уничтоженной и что сделала бесполезной жертвой менее прочих виновного во всем деле (и даже можно сказать вовсе невинного) гр. Замойского*.

5. К ряду фактов, в которых проявилась деятельность организации белых, нужно причислить заседания уездных советов в сентябре месяце 1862 г. Я упомянул уже выше (говоря о фактах явных), что заседаниям этим предшествовала жестокая борьба между белыми и красными. Об этой борьбе нечего долго распространяться, тем более в настоящее время и в рассказе, писанном для правительства. Данные, приводимые за и против участия в заседаниях, были почти те же самые, о которых я уже говорил, упоминая о подобном же рода борьбе при выборах в советы в 1861 г. Прибавлю только, что защитники советов в этом случае более и лучше понимали настоящее значение их и пользу для края, нежели год тому назад, влияние Юргенса, сколько это было возможно, проявлялось среди всеобщего хаоса. Наконец, белые победили, и Дирекция дала приказание принимать сколько можно

.....

* Я должен здесь сказать несколько объяснительных слов о гр. Андрее Замойском. Нет сомнения, что он хорошо знал о существовании организации и об ее действиях; с какой точки зрения смотрел он на нее, об этом, конечно, я не знаю, но как бы то ни было, никогда нельзя приписывать гр. Замойскому даже малейшей тени революционной идеи. Он от всей души ненавидел заговорщиков и революционеров и отзывался о них всегда с гордым и желчным презрением и порицанием. На вопрос, почему гр. Замойский (отец) не принадлежал к организации? — следует, по моему мнению, ответить: во-первых, потому, что он вообще чувствовал отвращение ко всякого рода тайным обществам, и во-вторых, потому, что находясь постоянно в дипломатических сношениях с правительством, хотел быть свободным от всяких подозрений в том, что принимает участие в каких бы то ни было тайных действиях против правительства. Кроме того, считая нужным прибавить, что организация, в особенности Дирекция, нисколько не увлекалась гр. Замойским; она хотела иметь в нем всегда готовое знамя (так даже говорилось об нем) в легальных атаках против правительства, но никогда не видела в нем руководителя и предводителя. Для этой цели, для поддержания постоянных сношений с гр. Замойским (а отчасти и для поддержания общественного мнения шляхетской массы) было весьма достаточно одного его сына Владислава, который, сказав мимоходом, только потому и был избран в члены Дирекции, а вовсе не по его личным способностям или личному значению в обществе. Что же касается до вопроса об адресе, то, по моему мнению, гр. Андрей Замойский вовсе не знал о созвании членов организации в Варшаву; о совещаниях же съехавшихся не могло быть ему не известно. Полагаю даже, что перемена фронта Дирекции под конец совещаний должна была произойти вследствие замечаний и советов г. Замойского. Ему самому, я думаю, был нужен документ, дающий ему поддержку в глазах правительства и подкреплявший его собственные слова, произнесенные им, как говорят, перед его императорским величеством,

более деятельное участие в советах. С этой целью она издала соответствующую инструкцию (в форме длинного литературного рассуждения), в которой подробно излагалось, какие вопросы и каким образом должны были быть разбираемы. Кроме того, Дирекция не оставляла членов организации во все продолжение заседаний советов и бдительно следила за тем, чтобы все производилось по предписанной программе. Равным образом воеводские постоянно сообщались с уездными и поддерживали постоянную связь между советами разных уездов.

Подобно тому, как и все совершавшееся в эти грустные времена, заседания советов представляли зрелище чрезвычайное, несообразное и чудовищное. С одной стороны, члены, разбирая предметы и вопросы, определенные законом, исполняли как нельзя лучше свое призвание; множество разбираемых вопросов, их свойство и значение доказали, что члены советов вполне понимали дело, что они были бы в состоянии, лишь бы только хотели, превосходно трудиться на этом полезном для края поприще, что общество созрело и было достойно дарованных государем учреждений. Кроме того, вместе с надлежащим, иногда весьма основательным разбором разнородных предметов везде были видны вожденные начала равноправности вероисповеданий и равноправности состояний, эгоизма касты и эгоизма веры не было нигде. Одним словом, эта сторона деятельности членов уездных советов, касавшаяся атрибуций, дозволенных им законом, достойна только похвалы, и данные в этом отношении инструкции Дирекции и заботливость воеводских были весьма полезны. Но, к несчастью, заседания советов имели еще и другую, самую жалкую сторону, проистекавшую тоже из инструкции главы организации и из приказов воеводских. Эту сторону составляла умышленная, бессмысленная война с правительством в легальных границах, как толковали господа белые. Трудно себе представить то преувеличение, с каким члены Дирекции вели эту войну; была ли какая-нибудь предполагаемая нужда или нет, в малых ли или в больших вопросах, они беспрестанно нарушали границы, определенные законом, и делали это сознательно, не стесняясь никакими обстоятельствами, не стараясь даже употреблять умеренных и достойных выражений. Напротив, как бы нарочно хвастались речами, полными критики и насмешек против правительства, забывая иногда самое простое приличие. В этом отношении казалось членам, что они составляют сейм, открыто воюющий с правительством и что они не могут подлежать никакой ответственности за свои слова. Более важным, однако же, и всеобщим предметом войны сентябрьских советов с правительством был объявленный уже рекрутский набор исключительно из среды городского населения. Казалось, что желая предотвратить грозивший набор, члены, разбирая этот предмет, будут стараться главное об исходатайствовании у правительств благосклонного для своих желаний решения, что, следовательно, они употребят для этой цели наиболее соответственные в их положении средства, т. е. прошения и ручательство за спокойствие края. Нисколько, они старались и в этом случае высказать правительству с самой неприязненной критикой и оппозицией все, что только может высказать явное недоброжелательство. Нарекали на несправедливость власти, представляли в самом ярком и отрицательном свете русскую военную службу, домогались службы в границах Царства Польского, службы трехлетней, как в Пруссии и т. п. По поводу этого-то вопроса маркиз Велепольский принужден был рас-

пустить один из советов более других красный в этом отношении, кажется, Пржаснышский, Плоцкой губернии. (Одним из более известных тогдашних проектов о рекрутском наборе был написанный в более приличных выражениях проект Петрковского уездного совета, автором которого, насколько мне известно, был Кржиштопорский, калишский воеводский. Многие копии этого проекта ходили по Варшаве, а одна из них была и в моих руках.)

Члены советов как бы напоказ вовсе не скрывали своего расположения [так]! к правительству; более недоброжелательства, насмешек и просто ругательств против правительства вообще и против г. Велепольского в частности, а также против весьма немногочисленных друзей его не были бы в состоянии высказать самые красные. Думаю, что полицейские комиссары должны были донести об этом г. Велепольскому.

Не могу здесь пропустить еще одного краткого замечания. Заседания белых в уездных советах доказали весьма многое, а именно, что *побежденные красные стали победителями*, что члены советов были детьми своего времени и своего отечества и против их воли мало-помалу делались жертвой все поглощающей пропаганды врага их, Центрального комитета. В самом деле, удивительно, что белые, с такой горячностью отстаивавшие открытие советов, сами же постарались похоронить их собственными своими руками, увлекаемые к тому слепой страстью. Слова разума и практической пользы страны проявлялись лишь в спорах их с красными; в сношениях же с правительством они принимали роль и язык красных; говорю, принимали, потому что, кто их хорошо знает, тот признает, что в натуре их вовсе не было ничего воинственного¹.

¹ На основании сведений, изложенных в «Записках» об организации белых, Розвадовским была отдана Береу при докладе 30 января (11 февраля) 1865 г. за № 5134 справка, текст которой был подготовлен Оскаром Авейде. В справке говорилось (приводим далее текст Авейде без учета редакционной правки Розвадовского):

«...кроме революционной организации или заговора, существовало еще в Царстве Польском тайное общество, известное под названием *организации белых* или *умеренных*: общество это старалось распространиться и в других частях бывшего Польского государства, но мало-успешно. Организация белых существовала с конца 1861 г. или начала 1862 г. до 12 марта 1863 г., которого-то дня развазала она, не будучи в состоянии мимо двухмесячных усилий удержать революцию. Целью организации белых было: восстановление государственной самобытности Польши в прежних ее с 1772 г. границах. Осуществить эту цель члены организации надеялись и стремились: 1) путем постепенного прогрессивного развития народных сил, 2) путем постоянных домогательств и требований от пр[авитель]ства в границах ложнопонятной законности разных со стороны уступлений и привилегий в пользу прогресса и народных традиций, 3) путем предполагаемой и ожидаемой в скором времени европейской войны, в которую Россия была бы замешана и которая, следовательно, сделала бы возможной заграничную интервенцию в дела польско-русские и затем заграничную вооруженную помощь для восстановления самобытного польского государства. Важнейшими действиями, произведенными организацией белых, были: а) подача в августе месяце 1862 г. посредством Андрея Замойского е. и. выс. в. кн. Константину Николаевичу документа, известного под именем «адреса Замойского», б) единодушие во всех заседаниях всех городских и уездных советов в сентябре месяце 1862 г., а в особенности единодушие оппозиции противу намеренного рекрутского набора, в) сбор денег путем складчины около 100 т. руб. сер., д) сношения с кн. Владиславом Чарторыским в Париже, которому и отправлена была большая часть собранных денег на издержки для снискания заграничной прессы в пользу целей организации и на издержки, сопряженные с дипломатическими стараниями Чарторыского для этой же цели, е) сношения с директором польской военной школы в Кунео в Италии Высоцким Иосифом с целью поддержать школу помощью незначительной суммы денег, которая и была послана ему же, Высоцкому».

Далее в справке перечислены все члены организации белых, названные в «Записках» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 265—267).

6. Кроме вышеназванных действий организации, которые как факты ясно определенные можно представить кратко и ясно, существовал еще целый ряд действий, которых никак нельзя соединить в целое и которые, однако же, без преувеличения поглощали $\frac{5}{6}$ всего времени организационных трудов. К действиям такого рода принадлежали труды по образованию и исправлению организации, труды, или правильнее претензии, имевшие целью сделать что-нибудь на поприще органических занятий и влияния на шляхту, и, наконец, споры с красными. Желая все эти действия разобрать критически, было бы нужно подробно об них распространиться, но как они не заключают в себе никаких определенных фактов и тем самым составляют весьма малый (именно в настоящее время) интерес для правительства, я ограничусь лишь легким их перечислением, единственно с целью пополнить очерк организационной деятельности. Итак:

Касательно первого. Как известно, форма организации была выборная и в то же время тайная. Эти два условия, по самой натуре своей противные одно другому, на практике весьма трудно согласовались и порождали бесчисленные затруднения. Самое образование (zaprowadzenie) организации уже требовало весьма много времени, потому что пока были произведены все нужные выборы (в особенности при военном положении), прошло два, а быть может, и более месяцев. Это-то обстоятельство и объясняет, почему организация, о которой люди стали вести переговоры еще в начале октября месяца 1861 г., начала существовать в виде хоть сколько-нибудь органически связанной корпорации едва в феврале месяце 1862 г., и почему она никогда не была окончательно образована настолько, насколько это предполагалось, даже в самом Царстве Польском. Кроме того, организация как выборная, а с тем вместе тайная была по самой натуре своей тяжелой и неподвижной и не представляла никакого единства, энергии и быстроты действий. Все это приводило Дирекцию и воеводских в отчаяние (тем более при злостной критике Центрального комитета); им казалось, что они постоянно заняты, постоянно что-то делают, а в сущности они стояли на одном и том же месте. Потому-то они предпринимали всевозможные усилия, чтобы оживить эту неподвижную белую машину, беспрестанно об этом хлопотали и совещались, одним словом, *организовывались до бесконечности*. То разделяли округа на окружки, то учреждали комиссаров, то уменьшали состав Дирекции до трех членов, и т. п. и в результате машина все-таки не двигалась.

Эти усилия и труды Дирекции и вообще членов организации над первоначальным ее образованием и над поправками сделанного были постоянны, непрерывны и составляли одну из более важных и занимавших большую часть времени отраслей организационных действий.

Касательно второго. К целям организации тоже относилось трудиться над органическим развитием сил народных, т. е. стараться о решении разных общественных вопросов (напр. крестьянского), стараться двинуть вперед образование и т. п., а также оживить, в особенности между помещиками, любознательность и любовь к интересам края, выработать и

.....
13(25) февраля 1865 г. в качестве приложения к документу за № 5138 Розвадовский представил Бергу справку о сношениях Дирекции белых с Чарторьским (там же, л. 268). В справке этой упомянуты Тишетицкий, Городеньский и Волоский; Юргенс не назван (см. стр. 423). Далее изложены сведения о поручении Высоцкого Милевичу установить контакт с Дирекцией (см. стр. 425). Текст справки написан Оскаром Авейде.

направлять общественное мнение и проч. Над этими-то в самом деле весьма серьезными идеями члены организации, преимущественно ее главы и руководители, имели претензию трудиться, беспрестанно толковали о необходимости удовлетворить программе общества в этих отношениях и даже писали с этой целью свои классические, длинные диссертации (инструкции). Но чем же кончилось все дело? — частыми спорами соседей у г. воеводского, уездного или окружного, беседами, обедами и ужинами. Однако же это называлось тоже *действием* и поглощало много времени.

Касательно третьего. К весьма важным и тоже весьма много занимавшим времени действиям организации принадлежала известная всем борьба белых с красными. Борьба эта весьма характерна и поучительна, и мне придется не раз упомянуть об ней. Здесь вкратце скажу, что она началась преимущественно с июня месяца 1862 г. (т. е. с того времени, когда красные после окончательного формирования Центрального комитета подняли выше голову), что она была всеобщей, повсеместной, постоянной и весьма горячей. Никто не в состоянии перечислить всех споров между враждовавшими, разнородных собраний, съездов, взаимных делегаций, переговоров, а иногда и брани. Они были буквально бесчисленны, потому что происходили везде, в каждом закоулке страны, в разных слоях общества ежедневно и при всяком случае.

Известно, что ни белые красных, ни красные белых своими доводами не убедили; однако же борьба эта значительно помогала развитию и распространению пропаганды Центрального комитета (как это увидим ниже). С другой же стороны, борьба эта *охранила шляхту вообще от участия в заговоре*. Благодаря этой борьбе Дирекция успела удержать свою команду от участия в революции в продолжение двух первых ее месяцев.

г. *Общий характер организации белых.* Из всего вышеприведенного очерка организации следует, что она была в полном значении самой безрассудной и самой ничтожной аномалией, какая только существовать может; аномалией, которая вместо того, чтобы выяснить и улучшить положение края, делала его все более и более темным, запутанным и грустным; вместо того, чтобы удержать развитие агитации, помимо своей воли и желания должна была ее увеличить и расширить. Чтобы более уяснить сказанное, считаю нужным присовокупить здесь несколько кратких замечаний.

1. Самое начало организации, т. е. первоначальные совещания об ее образовании уже проявляли ее несостоятельность и близкую гибель. Довольно поставить одну возле другой фамилии: Маевского, Юргенса, Кроненберга и Замойского и довольно сказать при том, что эти люди согласились действовать сообща, путем тайного общества, чтобы сразу определить, что это чудовищный союз, что он ничего дельного не произведет, а если и произведет что-либо, то разве также какое-нибудь чудовище. Возможно ли, допускаемо ли вообще, согласно ли с натурой вещей — соединение, слияние людей, противных друг другу и по натуре, и по убеждениям, и по намерениям? Скажу более, люди эти *знали даже сами при основании организации, что они никогда не могут быть в согласии между собой*; не любили друг друга, если уже нельзя сказать, что не терпели один другого. Если бы по крайней мере они, желая взаимного соглашения, сделали какие-нибудь существенные, серьезные уступки друг другу, можно бы еще понять их противоестественный союз, но этого не было; каждый из них оставался при своем. Таким образом, при самом основании орга-

низации, в сближении элементов, по самой их натуре противных один другому, лежали уже зародыши, долженствовавшие сделать из нее нигде невиданное чудовище, а с тем вместе зародыши ее слабости, ничтожества и гибели. Корпорация, главу которой составляют такие противоположности, никогда не могла создать ничего самостоятельного, существенного и должна была, как некогда умеренная оппозиция, остаться навсегда существом бесплодным, висящим между небом и землей, полезным разве только для развития агитации, для развития революции, да то и бессознательного. Из всех договаривавшихся основателей организации мог выиграть разве только один Маевский, отчасти вследствие причин, лежавших так сказать в духе времени и в духе страны, отчасти по причине первенства, которое он имел над прочими своими сотрудниками, признав а priori, что организация не имеет и не должна иметь условий прочного существования и разумной порядочной деятельности. (Но Маевский с своей стороны преувеличил оценку собственных сил. Он забыл, во-первых, что вообще весьма сомнительна возможность переломить и переродить гяжелую, консервативную, бюргерскую и шляхетскую натуру, господствовавшую в организации; он забыл, во-вторых, что сам он не всесилен и что не имел ни одного равного себе сотрудника, что он не имел тадисмана, обеспечивающего его неприкосновенность, и не оставил по себе наследника для продолжения начатого дела; Маевский забыл, наконец, что между тем старые друзья его — красные — не будут ждать, пока он успеет раскалить железо, что они действуют непрерывно и действуют по-своему и что могут бросить на него камнем именно в то время, когда он опять захочет быть их предводителем.)

2. Взглянем теперь мимоходом на цели организации, т. е. на ее программу. Смешны в самом деле, с одной стороны, эти многочисленные разнородные и противоположные цели, а с другой стороны, претензии членов организации все согласить и всего достигнуть. Кто желал, например, согласить приготовление средств для будущей вооруженной борьбы и умеренную оппозицию с органическими трудами и кто желал поддержать какое-то идеальное равновесие между этими целями, тот действительно достоин смеха, потому что с такими желаниями можно только кружиться, подобно мельнице, но ни шагу нельзя сделать в том или другом направлении. Так же точно достоин смеха и тот, кто с трезвым разумом намерен исполнить на практике и осуществить все цели организации белых, потому что тот, кто желает всего, тот в сущности не желает ничего и ничего не достигнет. Впрочем, нечего об этом распространяться, укажу только на то именно, что организация приняла на себя между прочим такие огромные задачи, как, например, так называемые труды органические, т. е. решение крестьянского вопроса, развитие народного просвещения и проч. Одни эти задачи были бы достаточны не только для одногодичного существования организации, но и для совокупных трудов ее членов в продолжение всей их жизни, лишь бы они серьезно захотели приняться за дело, а между тем члены, люди по большей части практические, образованные, некоторые даже с весьма обширными сведениями, вздумали достичь этих целей *в соединении с другими целями и то без участия, помощи и руководства правительства*. Мало того, эти разумные и практические люди, из которых многие превосходно знают и понимают наши внутренние вопросы, хотели достичь этих великих целей *путем тайного общества!* Ныне, после страшного опыта, думаю, что сами члены организации не будут

в состоянии понять подобной бессмыслицы, потому что хорошо знают, как громадны сами по себе одни только органические труды и что, кто желает заняться ими, тот должен оставить все прочее, что труды эти требуют прежде всего руководства, а по крайней мере покровительства и помощи правительства, и что они непременно должны быть явны и требуют света.

Совокупляя в одно целое вышеизложенные замечания, должно сказать, что множество целей, их разнородность и противоположность при желании удовлетворить им всем и сохранить между ними согласие и равновесие были причиной, что организация белых должна была остаться навсегда тем, чем казалась при самом своем основании, т. е. *аномалией* *.

3. Из множества и противоположности целей, из недостатка исключительных и определенных начал, во имя которых должны были соединяться сотрудники, происходила и организационная форма. Для того, чтобы включить в себя все элементы страны, все силы и способности, для того, чтобы сделаться представительницей всего общества, организация должна была опираться на основание выборного начала, а для того, чтобы действовать в духе народного катехизиса, она должна была покрывать себя тайной. Эта-то выборно-тайная форма, рождающая множество затруднений, множество взаимно препятствовавших одно другому противоположностей, должна была в свою очередь содействовать выработке аномального характера организации. Итак, желая (а по крайней мере беспрестанно говоря об этом) приготовить какие-то средства для вооруженной борьбы в будущем или желая вести систематическую борьбу с правительством в легальных границах, белые должны были действовать тайно. Тайные действия вообще по самой натуре своей никогда не могут быть вполне точны, удовлетворительны; их, однако же, спасает и кое-как поддерживает абсолютная диктаторская форма, делающая из членов тайного общества фалангу людей, дающих приказание и слепо исполняющих таковые, вследствие чего действия общества получают некоторую силу, энергию, точность и однообразие. Между тем белые были выборными. Эти выборы в обширном смысле при совершенном недостатке исключительности начал и убеждений лишали тайные действия белых всякого возможного единства, всякой силы и энергии, всякой действительной пользы. С другой стороны, желая (а по крайней мере постоянно толкуя об этом) действовать на поприще развития народных сил и иметь влияние на направление общественного мнения, на политическое образование общества, белые должны были быть выборной корпорацией, ибо при этом лишь условия возможно было властвовать и располагать умами, сердцами и материальными средствами членов общества. Между тем тайна уже не только парализовала, но решительно убивала всякие стремления на этом пути и делала их фантастическими: желание прогресса исключает желание войны, а с нею и тайну. Таким образом, организационная форма постоянно парализовала и перепутывала действия членов организации, делая из них настоящие марионетки, вертящиеся во все стороны, без всякой пользы для тех или других целей. Кроме того, выборно-тайная форма была причиной, что организация, намереваясь сначала быть всеобщей, впоследствии сдела-

.....
* Здесь должно припомнить, что организация не имела никаких начал и убеждений в собственном смысле; она отреклась от них подобно тому, как отреклись манифестационные доверенные мужи.

лась исключительно шляхетской, потому что в городах уже не было никакой возможности произвести требуемых программой выборов.

4. Не лучшие были и самые действия организации. Мы видели их выше, и потому, не повторяя сказанного, довольно будет обратить внимание на одно очевидное, хотя странное и почти непонятное обстоятельство, а именно на то, что организация, существовавшая уже более года, состоявшая из многих весьма дельных личностей, располагавшая огромными материальными и нравственными средствами, пользовавшаяся несомненным уважением и значением в обществе, организация, столь сильная во всех отношениях, *в сущности ничего не сделала*, не подвинулась ни на шаг вперед, не удовлетворила ни в самомалейшей части ни одной из столь многочисленных своих целей. Все, что она сделала, можно определить следующими словами: она собрала сотню тысяч руб. серебром и истратила их на глупые дипломатические романы. Это если не единственный, то по крайней мере весьма редкий пример в истории. Причины этого жалкого и смешного результата указаны выше, и нечего об этом больше распространяться.

Теперь, говоря о действиях организации, скажу несколько слов вообще о направлении и характере организационной деятельности, а в особенности о деятельности Дирекции. Весьма натурально, что между членами не было никакого единства, а напротив, всегда господствовала борьба между разнородными стремлениями. Оставляя в стороне все прочие, упомяну здесь только о судьбе более важного для революции, именно революционного стремления. Оно весьма горячо проявлялось в среде организации, но только до минуты ареста Маевского, единственного самостоятельного представителя революции между белыми. Маевский, верный своим намерениям, всеми силами старался осуществить их, и до его арестования мы в самом деле видим проявление его труда и воли; именно по его влиянию Дирекция вошла в сношения с Высоцким, и по его влиянию начали собирать деньги. Правда, что результаты эти были еще незначительны, но все-таки они были. Кроме того, Маевский мал-помалу стал готовить себе сторонников и друзей, так например, в воеводском круге, если не ошибаюсь, он имел уже на своей стороне трех или четырех воеводских (Пашкевича, Городенского, Кржиштопорского и Карского), составлявших довольно сильную для него подпору в борьбе с реакционерами. Все эти малозначительные и еще первоначальные триумфы революции могли бы развиться, если бы Маевский до самого конца оставался членом Дирекции. Но по странному и по какому-то *разумному* произволу судьбы он был арестован в июне месяце 1862 г., т. е. именно тогда, когда организация упрочилась и достигла некоторого развития, когда семена революции уже упали на консервативное тело и начали отравлять его, когда такой труженик, как Маевский, необходимо был нужен Дирекции для дальнейших, более важных и более прочных успехов революции. Как бы нарочно какой-то *fatum* способствовал тому, что организация, в преобладающем большинстве своем консервативная, была только отравлена и обессилена революционным элементом, но не могла сделать ничего конкретного, ничего существенного в пользу революции, другими словами, что она осталась аномалией.

С арестованием Маевского прерываются и гибнут успехи революции среди организации. Маевский не оставил после себя ни одного преемника, могущего вести далее начатое им дело. Друзья его хотели было

видеть такого преемника в лице Пашкевича и для того постарались сделать его членом Дирекции: однако же, ни Пашкевич, ни все прочие не сделали ничего больше в духе и в пользу революции, вначале потому, что не были в состоянии, а впоследствии потому, что уже сами того не хотели: консервативная атмосфера и шляхетская натура поглотила этих еще не окрепших детей Маевского. По справедливости сказать следует, что с потерей Маевского общий характер деятельности Дирекции и вообще организации был контрреволюционный. Члены, правда, постоянно толковали, что они думают о будущей войне с Россией, что они намерены пригостить для этой войны какие-то средства, но это были только толки, только один бред без дела и последствий, служивший доказательством, что организация не может отречься от того, что ей Маевский оставил после себя в память.

5. Наиболее характеристической и притом наиболее смешною из всех проявлений деятельности организации была война белых с красными, представляющая лучшее доказательство аномального характера организации, а с тем вместе ее слабости и внутреннего, так сказать, расстройтва.

Первоначально белые были убеждены, что с принятием в свой круг Маевского они привлекли к себе вообще революционеров, что больше нет уже никаких красных и что, кроме них, не существует уже никакого тайного общества. Вскоре, однако же, они узнали, что ошибались; заговор мало-помалу стал проявлять признаки своей жизни. Эти признаки немного отрезвили и обеспокоили умеренных политиков, но все-таки они почитали еще своих противников детьми, забавляющимися политикой, детьми до того слабыми, что они не будут в состоянии произвести что-либо серьезное и распадутся сами собой; впрочем, они были убеждены, что как бы то ни было Маевский всегда успеет унять и успокоить молодых красных. Одним словом, белые считали заговор временной безделкой и не обращали на него особенного внимания. Но между тем пропаганда красных стала проникать в общество все глубже и глубже, Центральный комитет в июне месяце 1862 г. сформировался окончательно, начал действовать сильно и решительно и сделался грозным. Этого грозного явления, этой грозной опасности отвергать не было уже возможности; заговор был для всех ощутительным и многозначимым фактом, белые не могли не признать этого факта, тем более, что тогда уже не было между ними Маевского. Следовательно, необходимо было бороться. Но как же боролись белые? Всякая сильная, однородная и верующая в себя партия, которая убеждена, что она только одна представляет собой добро, разум и счастье края, неминуемо и решительно исключает всякие другие начала и действия,¹ вне ее существующие, старается всеми силами уничтожить и искоренить противника, не имеет с ним ничего общего, не входит ни в какие переговоры и договоры и воюет всегда явно и решительно. Подобным образом воевали со своими противниками даже наши красные, несмотря на то, что они были в самом деле слабыми, неспособными и неопытными детьми. Но совершенно не так вели борьбу белые. Они вследствие губельного для них соединения с Маевским, вследствие недостатка единства, вследствие того, наконец, что исповедывали один и тот же народный катехизис, которого держались красные, построили себе дивную, смешную и губельную теорию для своих отношений к красным. Белые толковали об этих отношениях следующим образом: «... как бы то ни было, красные в результате желают того же самого, чего и мы желаем, т. е. самобытно-

сти Польши, опираются на начала не только вовсе не опасные, но напротив, во многих отношениях спасительные; притом борьба с Россией со временем придет сама собой. Кроме того, они могут быть весьма полезны в разных случаях в оппозиции против правительства. Потому-то красные как живой элемент страны имеют право на существование». Впрочем, прибавляли они: «Что же делать? ведь они уже существуют, и даже сформировались в общество, не будем же отдавать их в руки правительству?» Это одна половина теории. В другой говорилось «...образ действий красных, все эти их десятки, образуемые между простым народом, эти клятвы и т. д., равно путь, по которому они стремятся и по которому желают вести народ, путь безотлагательной, самостоятельной революции, есть сумасшествие и погибель, и по этим-то поводам они весьма опасны». Результатом же всего их резонерства было: «Так как красные уже существуют, то всему доброму и полезному, которое они проповедают и делают, противиться не следует; против же образа их действий, против их бешеного направления, необходимо противопоставить все наши силы». Весьма натурально, что борьба, проистекая из такой хаотической теории, из такой чепухи, не могла быть удачной; невозможно победить противника, признавая его сколько-нибудь хорошим и полезным.

Как проявлялась эта борьба, об этом я упомянул выше и потому, не повторяя всех слов моих, повторяю здесь только для большего уяснения дела, что она была ведена непрерывно и буквально поглощала все несколько месяцев до восстания; красные были дерзки, ни на минуту не давали отдыха своим противникам, не позволяли им ничем заняться и мучили их на всяком шагу.

В борьбе с красными белые стремились охранить свою организацию, т. е. шляхту, от перехода в революционный лагерь, остановить вообще распространение заговора и убедить красных оставить ложный и гибельный путь. С этой целью белые делали разные попытки и предлагали разные проекты. То желали они *будто бы* совершенно соединиться и составить одну организацию, то желали, чтобы как Дирекция, так и Центральный комитет сообща избрали одну общую центральную власть и чтобы обе организации составили нечто вроде двух отделений одной тайной деятельности, то, наконец, позволяли красным действовать, как им заблагорассудится; требовали только всегда от них следующих условий: *уничтожения денежных складчин только внутренними потребностями и издержками организации и прекращения приготовлений к скорой революции*. Красные, конечно, не соглашались ни на какие условия и требовали просто безусловной сдачи противника.

Здесь считаю нужным присовокупить одно краткое замечание, а именно, что белые, несмотря на борьбу с заговорщиками, неоднократно находили уместным помогать своим противникам и даже иногда считали это своим долгом. Они пренаивно прославляли их отвагу и искусство скрываться от всех розысков и усилий полиции, забавлялись и потешались разными их проделками с правительством, помогали не раз в распространении плакатов, прокламаций и вообще тайных печатных произведений; не раз помогали перевозить людей и предметы революционного значения, предостерегали о предполагаемо-угрожающей опасности со стороны власти; нередко, наконец, попадались и такие даже белые, которые, несмотря на домашнее несогласие, платили ради *святого спокойствия*,

кроме назначаемых Дирекцией складок, подать, предписанную декретом Центрального комитета *.

Одним словом, как видно из всего вышесказанного, это была дикая, непонятная, глупая и нелепая борьба.

Положительным последствием ее было (как выше упомянуто) то, что шляхта в самом деле хотя не вполне, но все же отчасти была охранена от атак заговорщиков. Отрицательными же последствиями войны белых с красными были: во-первых, что борьба эта благодаря публичным бесконечным спорам представляла тысячи случаев для распространения революционной пропаганды, которая и разливалась между всеми слоями общества; явление это вполне натурально, потому что такой противник Центрального комитета, который признавал начала народного катехизиса и стало быть начала самого Центрального комитета, не мог не помогать ему. Другое отрицательное последствие, весьма оригинальное, которого, ручаюсь, никогда не захотят признать г. г. белые, состоит в том, что революционная пропаганда, поглощая все вокруг них, их же самих совершенно отравляла и расстраивала, выбивала их из сил, доводила до ничтожества и делала настоящими автоматами, беспрестанно бредившими о высоких целях организации, а в сущности ничего не делавшими, спорившими с красными каким-то странным, систематическим языком, а со всеми прочими, в особенности с правительством, языком тех же красных. В самом деле, не могло быть более жалкого положения, как то, в котором находились эти белые противники Центрального комитета за несколько еще недель до восстания! В их собственных домах все, начиная с настоятеля прихода до их жен, детей и прислуги, были или просто заговорщиками, или откровенными сердечными их друзьями. Вне дома ездили они на собрания, например к г. г. окружным, чтобы получить от них уверение в том, что Дирекция совершает важные дела, например, в сношениях с Чарторьским, или чтобы побеседовать «о необходимости органического труда» (техническое выражение) и условиться, как дать отпор дерзким мальчишкам красным, которые не позволяют ни приняться серьезно за что-либо, ни даже завести организацию так, как бы это следовало. Ездили наконец «белые» и в города, чтобы там узнать, не выдумали ли или не сделали чего-либо нового *остроумные* заговорщики, поспорить с ними языком системы, поспорить с друзьями и слугами правительства в духе идей Центрального комитета и, наконец, чтобы, возвратившись домой, рассказать приходскому ксендзу, детям и соседу новость об какой-нибудь брошюре, вновь изданной Центральным комитетом.

е. В заключение еще остается сказать несколько слов о *результатах организации белых*. Они видны из самого выше представленного очерка, и потому, не говоря много, по моему убеждению, организация белых в том виде, как она существовала (т. е. с аномалическим ее характером); была необходима для выработки революции, и именно такой, какая была в 1863 г.

* Конечно, этого не делали Дирекция и воеводские, но, без всякого сомнения, делали весьма многие низшие члены организации. Признание права гражданства за Центральным комитетом перепутало понятия белых; и многим из них даже казалось, что при существовании Дирекции существование Комитета необходимо для поддержания равновесия. Мне самому пришлось выслушивать просьбы не от одного из белых о том, чтобы Комитет не сделал какого-нибудь промаха, могущего повлечь за собой открытие и гибель заговора, при этом они говорили, «что вы нужны, вы необходимы, если же вас не станет, тогда мы должны будем быть красными, а мы ими быть не можем, не хотим, быть ими мы не в состоянии по самой нашей натуре».

Если бы организации вовсе не существовало, заговор был бы тогда сильнее, могущественнее, ибо интеллигенция и капиталы значительно бы его подкрепили; вера общества в триумф собственного оружия была бы тогда более твердой и глубокой, следовательно, и самая революция была бы более сильной и действительной.

Если бы организация была чисто консервативной и явной, в таком случае революция сделалась бы невозможной, а были бы возможны разве только какие-нибудь уличные буйства.

Но, видно, богу было угодно ниспослать на бедный край *революцию именно такую, какая была в 1863 г.*

Окончив исторический очерк организации белых, для пополнения его считаю необходимым присовокупить здесь три краткие прибавления.

1. Я упомянул выше о существовании неудавшейся вспомогательной организации белых, известной под именем *Варшавского городского круга*. Этот круг состоял из личных друзей Юргенса, которые в августе месяце 1862 г. намерены были образовать нечто вроде организации в самой Варшаве и находиться в условной зависимости от Дирекции; задачей же для себя хотели они положить: с одной стороны, помогать Дирекции, а с тем вместе стараться своим влиянием сделать организацию более живой, деятельной и практической, а с другой, — намерены были парализовать действия Центрального комитета и вырвать низший варшавский городской класс из рук заговорщиков. Однако же круг этот не только не достиг своих целей, не только ничего не сделал для этих целей, но даже не образовал никакой организации. Он всегда оставался только простым не устроенным органически обществом, члены которого служили Дирекции помощниками в отдельных ее действиях меньшего значения, а собственно говоря, помощниками личного их друга Юргенса. Кроме этой деятельности, Варшавский круг не проявился ни в чем, буквально ни в одном факте. К этому кругу между прочим принадлежали, насколько мне известно, Карл Рупрехт, Иосиф Грабовский, Станислав *Ярмунд*, ксендз Казимир *Жулинский*, брат его Роман Жулинский, Рафаил Краевский, Генрих Воль, адвокат Вольф и какой-то чиновник *Беренд*. Из них принадлежали к революционной организации со времени восстания: Рупрехт и Грабовский как члены революционного правительства; Грабовский, кроме того, был еще комиссаром в Галиции; Станислав Ярмунд был, не помню по какому-то делу, отправлен для производства следствия в Люблинскую губернию как чрезвычайный комиссар революционного правительства; Воль был референтом в департаменте финансов; Роман Жулинский — референтом в административном департаменте; ксендз Жулинский исполнял, кажется (но с точностью не знаю), какую-то незначительную должность в варшавской городской организации; Вольф и Беренд, насколько мне известно, не принимали никакого участия в восстании¹.

¹ Сведения о *Варшавском городском круге* и его составе были написаны Авейде в виде отдельной справки и представлены Розвадовским при его докладе Бергу от 20 февраля (4 марта) 1865 г. за № 5139. В списке выделены члены круга, принявшие затем участие в восстании и после перечисления Рупрехта, Грабовского, Краевского и Воля, названных Авейде в его показаниях, говорится:

«Кроме них, принадлежали к революционной организации и не вошли в показания Авейде:

5. Станислав Ярмунд — он был отправлен революционным пр[авительство]м в июне месяце 1863 г. как чрезвычайный комиссар в Люблинскую губернию на следствие по поводу

2. Здесь скажу несколько слов об отношении белых к правительству. До самого прибытия в Варшаву великого князя наместника белые решительно уклонялись от всякого содействия правительству и не хотели находиться с ним в каких бы то ни было сношениях. Со времени приезда его императорского высочества они переменялись и соглашались принять предоставляемые им должности, а Дирекция отдала приказание всем членам организации беспрекословно принимать всякую предложенную правительством должность. Приказание это, однако же, исполнили только немногие отдельные личности, ибо общественное мнение находилось уже в руках Центрального комитета, запрещение которого в этом отношении было сильнее приказаний Дирекции. Поэтому-то белые, боясь Комитета, обыкновенно отвергали предложения правительства*.

Случалось даже, что они спрашивали Центральный комитет, дозволит ли он принять ту или другую предлагаемую должность и, конечно, получали запрещение.

3. Выше я упомянул, что маркиз Велепольский хорошо знал о существовании организации. Не могу привести никакого фактического доказательства в подтверждение слов моих, но это убеждение внушено мне следующими обстоятельствами: *во-первых*, общее мнение всех без исключения людей, с которыми приходилось мне иметь сношения, говорит то же самое; *во-вторых*, маркиз Велепольский, как имевший весьма обширные связи с шляхтой, в особенности в Радомской губернии, не мог не знать о том, что все знали, тем более, что к организации, основанной на выборах, могли принадлежать и, несомненно, принадлежали и друзья г. Велепольского. Я слышал, что вышеупомянутый (в сношениях с Чарторьским) Воловский был одним из таких друзей маркиза Велепольского и даже впоследствии был подозреваем в том, что в организации играл роль агента г. Велепольского. *В-третьих*, покойный Минишевский, человек приближенный и доверенный маркиза, во многих статьях своих (даже во «Всеобщем дневнике») писал об организации; он не упоминал фамилий, но писал иногда так верно, что нельзя было сомневать-

.....

недоразумений между Езёранским, военным начальником Люблинского воеводства, и гражданскою организацией. Авейде говорит, что он не упомянул об Ярмунде в прежних своих показаниях потому, что забыл; притом делает замечание, что было ему известно, что Ярмунд еще до выезда Авейде в Вильно был скомпрометирован и находился за границей, следовательно, не имел Авейде никакого интереса скрывать перед правительством фамилию Ярмунда.

6. Роман Жулинский — был референтом Административного департамента революционного пр[авительст]ва и заведовал так называемыми народными почтами. Авейде говорит, что тоже забыл о Жулинском при своем первоначальном сознании, но хорошо тогда знал уже о казни его и

7. Кс. Казимир Жулинский — исполнял какие-то меньшие обязанности в городской варшавской организации, но какие именно, Авейде неизвестно. И потому не упомянул он о кс. Жулинском в прежних своих показаниях» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 269 и об.)

* Мне самому известен один такой случай, а именно, гр. Генрих Старженский (член организации) не принял предлагаемой ему маркизом Велепольским должности гражданского губернатора Августовской губернии. По-моему, Старженский сделал это из боязни общественного мнения. Считаю, однако же, долгом добавить, что граф Старженский сам представлял другие причины своего отказа; он говорил, что в такие трудные времена не чувствует себя способным удовлетворить всем требованиям службы и потому, не желая ни изменять доверию правительства, ни действовать иногда противно своим убеждениям, он признал более соответственным отказать маркизу Велепольскому.

ся, что автору хорошо известен предмет, о котором он говорил. Минишевский упоминал, даже о таких тайнах, как например, о старом съезде в Гомбурге, о заключении Колачковского в Clichy и т. п., он писал об этом с большой иронией в юмористическом листке «Kotupaŕy». Впрочем, самая дирекция была убеждена, что г. Велепольский весьма хорошо об ней знает.

Б. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗАГОВОРА С ОКТЯБРЯ МЕСЯЦА 1861
ДО КОНЦА ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА 1862 Г.*

Мы видели уже события и судьбы одной из тех партий, на которые распалось наше общество со времени выборов в советы; остается мне теперь начертать краткую историю событий другой партии, называемой обыкновенно партией красных.

Эта партия до минуты выборов, т. е. до тех пор, пока руководителем ее был Маевский, представляла собой существенную и, без сомнения, значительную силу; по крайней мере она заключала в себе все условия могущей со временем образоваться силы, все условия для деятельной и сильной революционной партии. С личностью Маевского соединялось, кроме собственно манифестационного кружка, множество других личностей из всех слоев общества и с ними весьма много интеллигентных и материальных элементов, которые, признавая Маевского своей главой и представителем, вместе с тем поддерживали и впредь готовы были поддерживать соединенные с его личностью революционные намерения и стремления.

Присоединение Маевского к белым произвело решительный переворот в несформированном еще революционном лагере и нанесло революции невыразимый удар. С ним революция лишилась довольно значительной части шляхты, которая или по собственному убеждению, или же вследствие увлечения стремлением и духом времени до самых выборов в советы служила и, казалось, хотела служить революционным намерениям. То же самое сделалось с некоторой, впрочем, довольно значительной частью городских жителей, преимущественно принадлежащих к среднему, следовательно, наиболее дельному классу населения.

Кроме этих весьма чувствительных потерь, красные понесли еще другие, которых казалось никогда не должны были бы понести. Итак, *во-первых*, Мерославский, доверяя безусловно Маевскому, его только держался, его считал своим единственным представителем, не хотел ни с кем больше быть в сношениях и к нему только отправлял всех своих приверженцев и друзей внутри края, с приказанием слушаться его беспреко-

.....

* Я не в состоянии представить этот период со всеми подробностями и с полной исторической точностью, потому что тогда я не только не принадлежал к заговору, но даже не находился буквально ни в каких сношениях с заговорщиками. Доверяя вполне Маевскому, я ждал (как и многие другие), пока он победит белых, и, осуждая красных, находился в некотором знакомстве и сношениях с организацией новых друзей Маевского. Потому-то сведения мои о прошедшем революционной организации до самого поступления моего в Центральный комитет не полны и отрывочны; и хотя впоследствии я имел возможность узнать все, но мне не представлялась надобность входить в подробности отдаленного прошлого; о том же, что мне придется писать историю, я даже и не подумал в то время. Впрочем, как бы то ни было, надеюсь вполне разъяснить представляемый предмет, ни в чем не нарушая истины.

словно. Перемена, происшедшая в положении Маевского после выборов, не повлекла за собой никакой перемены в отношениях к нему Мерославского. Долго не понимая вовсе значения наших белых и красных, Мерославский дозволил обмануть себя своему избраннику и с полным убеждением, что тот «берет шляхту за шею», не только не искал каких-либо новых сношений в крае, но напротив, отвергал всякие делаемые ему предложения и даже *осуждал красных*. Таким образом, красные потеряли с Маевским и Мерославского, т. е. единственный и тогда довольно уважаемый революционный авторитет, с которым вместе потеряли неразлучную с ним почти всю демократическую эмиграцию и всех хотя немногочисленных, но преданных приверженцев Мерославского внутри края *. *Вторых*, большой и даже весьма большой потерей революции вследствие союза Маевского с белыми были то, что значительная часть нашей молодежи раз навсегда сделалась равнодушной ко всем приготовительно-революционным действиям. Здесь говорю собственно о молодых людях несколько старших летами и кончивших уже университеты. Все эти молодые люди (а их у нас довольно много), которых и по убеждениям, и по желаниям должны признать вполне революционерами, во время манифестаций все почти без исключения принадлежали к кругу Маевского. Вполне ему доверяя, они, однако же, не присоединились вместе с ним к белым (ибо там не было для них никакой роли), но между тем не входили ни в какие связи и с красными, порицали действия заговора и все выжидали, скоро ли призовет их Маевский к участию в подготовке революции **. Равнодушие этого рода молодежи было большой потерей для революционно-приготовительных действий, ибо вообще молодость и ее энергия в таких действиях значит больше, чем самые обширные сведения и опытность, а кроме того, высшее образование упомянутой молодежи не дозволило бы ей делать нелепостей, противных здравому рассудку.

Таким образом, соединение Маевского с консерваторами повлекло за собой огромные бедствия для революционной партии; правда, он мог с лихвой вознаградить ей все эти потери, если бы возвратился к старинным друзьям своим, но как известно, он к ним не возвратился, и потому раз понесенные потери были безвозвратны и невознаградимы. Маевский, разорвав свои сношения с красными в 1861 г., был первой, главной *материальной причиной* слабости и анархии революционной организации. Поэтому красные никогда не могли забыть и простить Маевскому *его преступления*. Сначала даже довольно долго они всё еще его уважали, всё еще надеялись, что он каждую минуту возвратится к ним, но после, в

* Мерославский, питая полнейшее доверие к Маевскому, оставался в совершенном спокойствии. С агентами заговорного комитета, посылаемыми к нему, не только не хотел входить в сношения, но даже насмехался над ними и решительно им говорил: «Сами ничего не предпринимайте, а держитесь всегда Маевского; я тогда только буду говорить с вами, когда он сам придет вас ко мне». Только после арестования Маевского, и то не прежде сентября месяца 1862 г. Мерославский прислал в Варшаву Куржину с поручением убедиться на месте насчет положения дел и завязать сношения с Центральным комитетом. Соглашение это, однако же, не состоялось и Куржина хотел образовать отдельный заговор, существовавший находится под непосредственным руководством самого Мерославского. Об этом говорить буду ниже.

** В вышесказанных мною словах нет никакого преувеличения. Я сам был из числа их и был знаком с целыми сотнями подобных личностей. Кроме того, хорошо помню, что с поступлением моим в Комитет я нашел во всем заговоре только двух людей университетского образования: Фому Бужинского в Варшаве и Владимира Александровича в Радоме.

особенности с июня месяца 1862 г., называли его уже просто *изменником* и раз навсегда потеряли всякое к нему доверие*.

Казалось бы, что теряя все то, что только дает действительную силу, а именно, теряя всякие интеллигентные и материальные средства, революционная партия должна была рушиться и прекратить свое существование, казалось бы, что люди, оставшиеся верными решительно революционным стремлениям, должны были остаться бессильными, не могущими сделать ни одного шага для достижения своих целей. Так бы у нас и было, если бы мы не имели позади себя манифестаций и оставшихся после них результатов. Одним из таких результатов было то, что в вызванном на исторический горизонт городском населении, а также в среде людей, вызванных к деятельности в будущем, манифестации выработали совершенно обратное отношение, т. е. что безрассудство, необразованность, неопытность и вообще класс низший должны были играть первостепенную роль и господствовать над разумом, образованием, опытом и вообще всем высшим. Другими словами, манифестации призвали к первостепенной роли из городского населения темный, необразованный, бедный простой класс, а из числа общественных деятелей—фанатиков, детей и авантюристов. Этот-то именно результат, эта-то необходимость, оставленная нам манифестациями, поддержала на время нашу революцию, но с тем вместе она должна была и погубить ее, т. е. должна была приготовить и создать восстание такое именно, какое было в 1863 г., т. е. слабое и анархическое.

Таким образом, зародышем нашей революционной партии был манифестационный кружок; первым же действием ее было то, что *дети, фанатики и авантюристы вместе с необразованным и наэлектризованным городским сословием образовали заговор*.

Приступая к начертанию истории заговора в продолжение этого периода, я должен разделить весь очерк на две части согласно характеру самых событий, а именно, 1) от начала революционной организации до окончательного формирования Центрального комитета в июне 1862 г., 2) с июня месяца 1862 г. до конца октября того же года.

1. От начала заговора до формирования Центрального комитета. Желая прежде всего познакомить читателей с людьми, игравшими в это время более или менее важную роль в организации, я должен заметить, что не в состоянии ни перечислить их всех, ни обозначить с точностью, кто именно из них и какие исполнял обязанности. Не могу этого сделать потому, во-первых, что (как упомянуто выше) я еще вовсе не принадлежал тогда к организации; во-вторых, потому, что вообще трудно определить степень и род участия лиц в таком хаосе, в каком находился заговор до самого формирования Центрального комитета. По этим-то причинам я могу говорить лишь только *вообще* и приблизительно о личностях, принимавших участие в заговоре в продолжение этого периода. Итак, авторами, руководителями и первыми, а с тем вместе наиболее усердными деятелями заговора признаются инженер Варшавской железной дороги Витольд Марчевский, помещик Игнатий Хмеленский, артиллерии штабс-капитан Ярослав *Домбровский*, некто *Косковский*, кажется, отставной русский

* Маевского, в самом деле, нужно признать каким-то злым духом революции, он наиболее способствовал парализованию всех действий революционеров. Как бы нарочно, как бы в наказание человек, который, быть может, желал более других трудиться для будущего восстания, который был в состоянии более прочих принести для него пользу, этот же самый человек сам собственными своими действиями готовил ему неминуемую гибель!

офицер, студент главной Варшавской школы Владислав Даниловский, помещик Станиславовского уезда Францишек Годлевский (все они правдоподобно были в разное время членами комитета), помещик Плоцкой губернии Осип Наржимский, житель города Варшавы Владислав Иеска, инженер Петербургской железной дороги Бронислав Шварц (он был некоторое время агентом в Литве, в особенности в Белостокской области), помещицы сыновья Станислав, Ян и Лев братья Франковские, Эдуард и Иосиф братья Рольские, Эдуард и Эразм братья Кокосинские, кс. Рафаил Древновский из Плоцкой губернии, кандидат прав Киевского университета Фома Буржинский, Юлиян Верещинский, Эдуард Лисикевич, Альфред де Роштейн, Войцеховский, Мацеевский, Войцех Бехонский (все они были агентами комитета в разных местностях Царства Польского)¹.

Из всех вышеисчисленных лиц, по моему взгляду, был более способным Наржимский, наиболее образованными — этот же Наржимский, Марчевский и Домбровский; наконец, более деятельными признаются Домбровский, Хмеленский и братья Франковские. Прибавлю еще, что все они, без исключения, принявшись раз за дело революции, не оставляли его ни на минуту, разве смерть или тюрьма вырывали их из среды заговорщиков.

Такие-то люди взяли на свои плечи дело спасения Польши и сформировали заговор. Заговор этот был непосредственным последствием комитета красных, образовавшегося и действовавшего во время выборов в

¹ На основании сведений, изложенных здесь и уточненных, очевидно, путем дополнительного опроса Авейде, Розвадовским была подана Бергу при докладе 20 февраля (4 марта) 1865 г. за № 5139 следующая справка, написанная самим Оскаром Авейде:

«Из записок Авейде оказывается, что следующие лица, из не вошедших в его показания, принадлежали к революционной организации еще до июня месяца 1862 г.:

1) Ярослав Домбровский — капитан русского генерального штаба [исправлено Розвадовским на: штабс-капитан артиллерии], он был правдоподобно членом Комитета и начальником города Варшавы;

2) Косковский — по имени и месту жительства неизвестен, кажется, отставной русский офицер, был тоже членом Комитета;

3) Ян Франковский, сын помещика Люблинской губернии; был агентом Комитета в Литве;

4) Эдуард Кокосинский и

5) Эразм Кокосинский, брат предыдущего; оба они были агентами Комитета в Плоцкой губернии;

6) Иосиф Рольский и

7) Альфред де Роштейн, по месту жительства неизвестный, были агентами Комитета в Варшавской губернии;

8) Эдуард Лисикевич — житель Люблинской губернии, в которой был агентом Комитета;

9) Войцеховский, по имени и месту жительства неизвестный и

10) кс. Рафал Древновский — оба были агентами Комитета в Плоцкой губернии;

11) Иосиф Демонтович — был агентом Комитета в Ковне.

Примечание: Домбровский сужден и сослан в каторжную работу [Розвадовским добавлено: и во время пересылки бежал].

Ян Франковский сужден и сослан в каторжную работу.

Эдуард Кокосинский и Эразм Кокосинский — оба они бежали за границу.

Иосиф Рольский умер в Варшаве в декабре месяце 1862 г.

Войцеховский — правдоподобно погиб в сражении в Плоцкой губернии в мае месяце 1863 г.

Кс. Древновский сужден и сослан в каторжную работу.

Демонтович бежал за границу еще в октябре месяце 1862 г. и там находился во время восстания.

[Рукой Розвадовского дописано] О Косковском, де Роштейне и Лисикевиче неизвестно» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 271).

советы, и из которого, как из зародыша, с первых же чисел октября месяца 1861 г. начинают развиваться тайные стремления революционеров. В заговоре, который был проявлением этих стремлений, всё, т. е. цель, начала, организационная форма и действия проистекали от побуждений сердца и молодого инстинкта, а не от разума; всё вырабатывалось и образовывалось постепенно, по мере опыта, а не было последствием серьезно и заранее обдуманного плана. Молодые заговорщики долго не рассуждали, а просто действовали, следуя чувству и фантазии. *Целью* организации было восстановление Польши в прежних ее границах посредством революции и приготовление необходимых для нее средств. *Начала* были весьма просты и кратки, а именно из числа политических: совершенный на всяком шагу разрыв с правительством как скорейший переход к единственному спасительному пути—к восстанию; из числа общественных: равноправность вероисповеданий, народностей и состояний, а с тем вместе освобождение крестьян и надел их землею. *Организационная форма*, вырабатываясь постепенно, была следующая: основанием всего здания в Варшаве и в прочих городах и селениях служили *десятки* (по образцу *полицейских во время делегации*), состоявшие под руководством десятского (dziesiątnika), десять десятков составляли *сотню* (setkę), в главе которой стоял *сотский* (setnik), сотниками заведовали или непосредственно сами члены центральной власти, т. е. *комитета*, или же уполномоченные от него *агенты*. Никаких других подразделений и степеней в организации не было, по крайней мере я никогда не слышал об их существовании. Комитет должен был состоять всегда из пяти членов; однако же, на деле, насколько мне известно, требуемое число никогда не было полным. Узлом, связывающим всех членов организации в одно целое, была клятва на сохранение тайны и на послушание приказаниям начальников. Печатей никаких до самого июня месяца 1862 г. комитет, кажется, не имел, ограничиваясь условленными на каждый раз знаками, цифрами и отзывами.

К вышесказанному я должен прибавить еще два небольшие замечания. Несмотря на то, что комитет по требованиям формы долженствовал быть недоступной для всех тайной, в сущности он вовсе не был тайной, по крайней мере для заговорщиков; они его знали, и все его агенты, а также все сотские находились в личных с ним сношениях. Равным образом следует заметить, что, несмотря на даваемую клятву в послушании, в заговоре не было ни строгой дисциплины, ни надлежащей зависимости низших органов от высших, не было никакой централизации и порядка. Агенты и сотские были скорее товарищами и друзьями членов комитета, чем подчиненными; все совещались сообща и действовали так, как решали на этих совещаниях, или же так, как заблагорассудилось каждому, т. е. всякий на свою руку. Приказания и рапорты были, собственно говоря, дружескими взаимными сообщениями сведений. Поэтому-то заговор, до самого июня месяца должен считаться скорее каким-то большим братским кругом, чем корпорацией, организационно связанной отношениями зависимости, приказаний и рапортов. Все агенты и сотские на деле ничем не различались от членов комитета и на практике имели те же самые права и исполняли те же самые обязанности. Заседания комитета были многочисленными сходками целых десятков лиц, а не тайными совещаниями верховной власти общества людей, обязанных клятвой.

Из действия организации в этом периоде приходится отметить весьма немного. Все почти ограничивалось высылкой агентов в разные местности

края и формированием десятков. Комитет и все подведомственные ему члены, можно сказать, решительно ничего не делали, кроме формирования десятков, и старались увеличить их число до бесконечности. Этот род действий (как и все прочие) нисколько не проистекал из заранее обдуманного плана, из заранее определенного образа действий, а просто по ощущаемой потребности расширить организацию. Авторы и руководители ее прежде всего, кажется, хотели пустить корни не *глубже*, а только *шире*, не старались усилить организацию интеллигентными и материальными средствами, не хлопотали прежде всего о приобретении голов, денег и о порядке, а обращали все свое внимание и все усилия на то, чтобы только увеличить число рук и ног. Десятки почти исключительно формировались из среды простого городского класса, из ремесленников и рабочих, кроме того, они отчасти пополнялись весьма молодыми людьми, обыкновенно проживающими без всяких занятий, гимназистами и немногими студентами Главной школы, аппликантами и канцеляристами разных присутственных мест, официалистами и вообще дворовой помещицкой прислугой и немногими лишь личностями из среды шляхты и духовенства. Такого рода элементы были всегда преобладающими в организации до самого конца существования заговора. Усилия заговорщиков распространить и увеличить число десятков были более удачны: после Варшавы — в Плоцкой и Люблинской губерниях; наименее же в Августовской *. За пределы Царства Польского заговор не проник еще в то время, за исключением разве (да и то под сомнением) Белостокской области. Все число заговорщиков приблизительно доходило до 3000 человек.

Кроме этих главных усилий организации, к действиям ее нужно еще причислить: сбор незначительных добровольных ежемесячных денежных вкладов, составивших весьма небольшую сумму, израсходованную на внутренние издержки организации, а также приобретение для себя оружия каждым отдельным заговорщиком собственными стараниями и средствами, издание тайных подпольных листков, прокламаций и проч., из которых помню только одну вышедшую тогда «Побудку»¹ (Pobudkę), старания распространить заговор в других провинциях бывшей Польши и, наконец, старания завести сношения с Мерославским и вообще с эмиграцией и с военной школой в Кунео. Сношений заговора с разными провинциями старой Польши тогда еще не существовало. Вообще из всех действий комитета самым важным было тогда только то, что он *возбудил пульс в обществе* и побудил местных молодых людей к приготовительно-революционным действиям. В Литве старались об этом от имени комитета с самого начала Ян Франковский, а потом Нестор Дюлёран в Вильне, Шварц в Вильне, Гродне и в особенности в Белостокской области и Иосиф Демонтович в Ковне. В русские губернии были посылаемы для этой же цели сначала, кажется, Фома Бужинский, а потом Лев Франковский. О тогдашних сношениях с Галицией и с Познанью ничего мне не известно.

* В Августовской губернии не было даже, сколько мне известно, ни о д н о г о д е с я т к а до самого июня месяца 1862 г. Главную заслугу в этом следует приписать «белому» воеводскому доверенному мужу Пашкевичу, который, узнав, что Комитет послал Юлиана Верещинского в Августовскую губернию образовывать десятки, принял на себя действительно огромный труд; он ни на шаг не выпускал из вида Верещинского, ездил везде по пятам его, парализировал немедленно его усилия и принудил возвратиться в Варшаву.

¹ «Pobudka» — «Сигнал». См. примечание к стр. 28.

К Мерославскому, наконец, и вообще за границу, был посылаем Наржимский, а кто еще, кроме него, не знаю; верно, однако же, что, за исключением ничего не значащих сношений с учениками военной школы в Кунео, никаких других за границей комитет не имел.

Таким образом, на основании вышепредставленного очерка можно сказать о состоянии и характере заговора в продолжении времени с октября месяца 1861 г. до июня 1862 г. следующее.

а. Что заговор был корпорацией, заключающей в себе около 3000 лиц и состоящей в преобладающем большинстве своем из молодых, ничем не занятых людей и из массы необразованного городского населения, корпорацией, которая хотя имела некоторые органические связи, однако же, не представляла собой никакого гармонического и разумного целого, никакой централизации, никакого порядка и дисциплины.

б. Что заговор, хотя ясно и вразумительно объявил свои цели и начала, однако же, не имел вовсе сознательно определенного пути и порядочного, заранее обдуманного плана для действий своих, а напротив, что во всем господствовали случайность и порыв чувства; далее, что заговор представляет нам необыкновенное, а можно сказать, невиданное доселе зрелище, не начинается он сверху, с головы, с каких-нибудь определенных начальных органов, а снизу, с ног, с бесконечных и неукротимых ремесленничьих десятков. (Это необыкновенное обстоятельство, с одной стороны, придает заговору печать какой-то страшной необходимости, какого-то необходимого явления, как бы проистекающего из глубины, из недр городского населения; но, с другой стороны, оно положило основание неминуемой, неискоренимой анархии, отняло всякую возможность сосредоточения действий и образования сильной власти и принудило заговор быть всегда корпорацией необузданной, рассеивающейся до бесконечности).

в. Что заговор как вследствие составных его элементов, так и по другим причинам не имел до самого июня месяца 1862 г. никаких сил, ни материальных, ни нравственных. Он не имел ни личностей, могущих удовлетворить хотя бы в самомалейшей части огромности предпринятой задачи, ни денежных сумм, ни складов оружия, ни сношений, могущих служить ему помощью в достижении целей организации.

г. Наконец, что заговор ограничивался пределами Царства Польского и что сношения его в то время в других провинциях бывшего польского государства считать нужно только зародышами будущей организации.

Одним словом, из представленного очерка первого длинного периода заговора ясно оказывается, что он заключал в себе все условия слабости, беспорядка и анархии.

Прежде чем перейду ко второму периоду заговора, я должен сказать еще несколько слов о перевороте, последовавшем в организации в июне месяце и предшествовавшем сформированию Центрального комитета.

Очень натурально, что при таких обстоятельствах и условиях, в каких находился заговор в конце первого периода, не было возможности допускать даже мысль о скором восстании; для этого нужно было сперва преобразовать все, сделать все. Однако же нашлись бешеные люди, которым казалось, что уже тогда настало время взяться за оружие. Этими людьми были самые члены Комитета и разные его, в особенности заваршавские^а,

^а Т. е. венаваршавские.

агенты. Я не могу указать фамилий всех этих сумасшедших, ни даже рассказать подробно план безотлагательного восстания, верно, однако же, что самыми главными и самыми решительными авторами и руководителями такого проекта были члены комитета Хмеленский и Домбровский, что они дали всеобщее приказание сделать окончательные приготовления для того, чтобы выступить с оружием в руках, разослали даже последние предреволюционные инструкции. Только, кажется, срок, т. е. день и час повсеместного взрыва, не был еще назначен. К счастью, бешенство было уже так сильно ощущаемо, что и та маленькая часть здравого рассудка или здравого инстинкта, которая оставалась еще тогда в организации, не дозволила ему осуществиться. Получив приказания готовиться к восстанию, многие члены организации как варшавские, так и загородные отказались от повиновения Комитету, съехались в Варшаву, устранили членов Комитета, давших приказ, и избрали пятерых новых, с поручением произвести следствие и решить: есть ли какие-нибудь внутренние и внешние данные, говорящие в пользу безотлагательного восстания? Этими вновь избранными членами были Карл Маевский, Юлиан Пашкевич (оба из организации белых), Агафон Гиллер, редактор «Воскресного чтения», Витольд Марчевский, и, кажется, штабс-капитан Домбровский из старого состава. Все ли они были в самом деле членами *следственного комитета*, об этом наверно сказать не могу; довольно, однако же, что Маевский, Пашкевич и Гиллер были *несомненно* этими членами. Произведенное следствие, как следовало ожидать, показало, что никаких данных для революции, ни внутренних, ни внешних на деле не существовало, что проект восстания был просто последствием анархической головы Хмеленского и воинственных фантазий Домбровского *. Однако же Домбровский, желая во что бы то ни стало поддержать решение бывшего комитета, представлял еще, что сношения его с военными и вообще с русскими дают ему неподлежащее никакому сомнению убеждение, что одновременно с нашим революционным движением вспыхнет революция и внутри России, что целые батальоны армии драться с нами не будут и что они добровольно сложат оружие при первом появлении восставших и даже будут составлять батальоны наших волонтеров в борьбе против ненавистного для них

.....

* Штабс-капитан Ярослав Домбровский, кажется, сейчас же после своего приезда в Варшаву (если не ошибаюсь, вместе с генералом графом Ламбертом)¹ вошел в сношения с нашими революционерами и был весьма деятельным до самого своего арестования. Из всего, что только пришлось мне слышать о личности Домбровского, я заключаю, что он человек прекрасно образованный, смелый, решительный, обладающий увлекательным красноречием и прекрасной фантазией, доходившей иногда до фанатического революционного вдохновения. Без сомнения, никто из членов организации не пользовался такой любовью и доверием всех заговорщиков, как он; многие, даже ремесленники, хотя его лично не знали, но Л о к е т к а любили, уважали как человека, по слухам, достойного их любви и уважения (łokieć — аршин; Домбровский по причине маленького роста был известен в организации под именем Локетка). Кроме занятий, как член Комитета и потом, после июньского переворота, как начальник города Варшавы Домбровский вместе с другими офицерами хотел было образовать сильный заговор в армии между поляками и между русскими; многие были даже убеждены, что во время июньского переворота 1862 г. в о е н н а я о р г а н и з а ц и я уже существовала; в сущности, однако же, ее не было вовсе. Правда, Домбровский говорил, что какой-то военный комитет существует, но это были только слова, с целью придать более значения уверениям, что восстание в июне месяце возможно. На деле он имел довольно обширные связи между военными в Варшаве, в Вильне, в Киеве и Петербурге; но организации в собственном смысле завести еще не успел. Об этом подробнее буду говорить ниже.

¹ *Ярослав Домбровский был переведен в Королевство Польское в феврале 1862 г.*

правительства; что, сделав нечаянную атаку на Новогеоргиевскую крепость, можно весьма легко взять ее, и т. п. фантазии. В подтверждение же несомненности слов своих Домбровский ссылался на уверения, данные будто бы ему самими русскими офицерами. Что бы не оставить ни малейшего повода защитникам безотлагательного восстания к интригам и окончательно потушить огонь, следственный комитет поручил Домбровскому призвать в заседание Комитета этих нескольких, на которых он ссылался. Призванные офицеры сразу объявили, что в самом деле и в армии, и вообще в России господствует большое неудовольствие противу существующего порядка дел, что на верное можно предполагать всеобщие симпатии и участие со стороны русских к польскому движению и т. п. неопределенные фразы. Когда, однако же, члены Комитета потребовали от призванных офицеров честного солдатского слова в том, что крепость Новогеоргиевск взять можно и что армия вообще объявит себя в пользу нашего движения; когда потребовали у них заверения под честным словом, что батальоны и роты сложат оружие и перейдут на сторону революции, тогда господа красные офицеры объявили, что они требуемого слова дать не могут, потому что не в состоянии ручаться до такой степени даже за свои собственные роты, к которым они принадлежат сами. После такого объявления рушилось последнее иллюзионное основание проекта революции, а члены следственного комитета решили, что нет никаких данных, которые могли бы оправдывать приказания их предшественников. Таким образом, самые приказания и инструкции объявлены были неимеющими никакой обязательной силы для членов организации и недействительными.

Следствие это продолжалось дня три или четыре, после чего Маевский и Пашкевич сейчас же вышли из Комитета. Заговорщики хотели было задержать их и на дальнейшее время, в особенности Маевского; они, однако же, на это не согласились, и именно потому, что требуемые ими реформы заговора не были приняты членами организации *.

Этим переворотом в недрах самого заговора кончается первый период его существования.

2. Заговор с конца июня месяца до конца октября 1862 г. Июньский переворот был весьма важным событием в истории заговора и весьма для него полезным. Уничтожение бессмысленного проекта преждевременной революции, устранение Хмеленского от всякого влияния на дела организации и принятие Гиллера в состав Комитета повлекли за собой *реформу*, которая, хотя и не была решительной и вполне искореняющей зародыши внутренней слабости и анархии, но все-таки была столь значительна, что следует признать ее *началом* в настоящем смысле слова революционной организации в *Польше*; она создала по крайней мере какую-нибудь централизацию и определила членам заговора точнее их обязанности.

С устранением Маевского и Пашкевича оставшиеся члены Комитета: Марчевский, Домбровский и Гиллер пополнили сейчас же свой состав студентом главной школы Владиславом Даниловским и, если не оши-

.....

* Нет сомнения, что Маевский и Пашкевич по к р а с н е л и на три дня с единственной целью отвратить от края грозящую ему, как казалось, опасность. Реформы заговора, которых требовал Маевский, были такого рода, что заговорщики никогда не могли на них согласиться, как на условия, делающие призраком существования срганизации; он требовал между прочим: устранить клятву, распустить ремесленничьи десятки и до дальнейшего времени даже не говорить о революции. Думаю, что Маевский предъявил такие требования с целью, чтобы иметь видимый повод удалиться из комитета.

баюсъ, Брониславом Шварцом. Хотя все члены, за исключением Гиллера, принадлежали к числу прежних анархических деятелей, однако же критика бывшего следственного комитета сделала слабость и недостатки заговора, грозящие ему распадением, столь для всех очевидными, что обновленный комитет счел необходимым преобразовать все. Душой и автором реформы был Гиллер, который составил и июле месяце *устав*, определяющий цель, начала, организационную форму, права и обязанности членов организации и их взаимные отношения. *Цель и начала* по новому уставу остались прежние, но были определены яснее прежнего, в *девяти параграфах*. Эти краткие девять параграфов составляли всю веру членов организации во все время ее существования. В настоящее время я не могу их исчислить по неимению под рукой устава, но довольно того, что вся вера революционеров осталась неприкосновенной и получила только ясность, определительность, а с тем вместе непоколебимую твердость. С минуты составления устава стало уже несомненно и для самих заговорщиков, и для всех вообще, к чему стремится заговор, что делает и что признает единственно спасительным для края.

Организационная форма по уставу Гиллера была следующая. В *Варшаве*: десятки и сотни оставались по-прежнему основанием всего здания. Несколькo сотен составляло округ; всех же округов было 13, соответственно разделению города на циркулы (кварталы); три (до четырех) округа составляли *отделение* (*wydział*), которых было четыре. В главе отделений и в главе всей варшавской организации стоял начальник города. Кроме исчисленных органов, постановлено было еще образовать полицию, начальник которой равнялся начальнику отделения и находился в непосредственной зависимости от начальника города *. Десятского назначал сотник, сотника начальник округа (*okręgowy*), уведомив, однако же, об этом начальника отделения; окружного назначал начальник города по представлению начальника отделения, а этого последнего назначал сам Комитет по представлению начальника города. Каждый начальник начиная с сотского должен был иметь непременно *помощника*, который заступал его место в случае болезни, отсутствия и т. п. Все приказания старшего исполнялись подчиненными беспрекословно; о способах же исполнения члены организации совещались в соответственных собраниях, т. е. сотский с своими десятскими, окружной со своими сотскими, начальник отделения с подведомственными ему окружными и т. д.

Начальник города был всегда членом Комитета **. Из лиц, занимавших в продолжении этого времени ту или другую организационную должность в Варшаве, я могу назвать только четырех начальников отделений и начальника полиции. Ими были: Константин Шанявский, кажется, отставной военный, из старых помилованных ссыльных, *Вышомирский*, аптекарь или аптекарский помощник, Фома Бужинский, *Жилинский* или *Зелинский*, студент медицинского факультета Главной школы, и *Ковальский*, кажется, чиновник Варшавско-Венской железной дороги, который

* До самого ноября месяца 1862 г., насколько мне известно, полиция еще не была образована как следует, ее составляли тогда только сам начальник полиции и его личные помощники и агенты.

** Кроме исчисленных органов, никаких других в Варшаве не было; каждый начальник (в особенности из старших), кроме требуемого уставом помощника, имел еще других помощников и рассыльных и так называемых галёпенов (*galoponów*), но они не занимали особенных должностей в организации и зависели лишь от личного усмотрения своего начальника.

исполнял должность начальника полиции *. Исполняли ли они вверенные им должности с самого июля месяца и до конца октября, об этом с точностью говорить не могу; знаю только, что с поступлением моим в Центральный комитет я застал уже их всех на местах, и члены Комитета говорили мне, что они, задолго еще до моего поступления, исполняли те же самые обязанности.

Организация в губерниях Царства Польского. Все Царство Польское разделялось на 8 прежних воеводств, воеводства — на уезды, уезды — на округа, округа — на сотни, сотни — на десятки. Каждым подразделением заведовал соответственный начальник, который должен был иметь помощника. Начальника воеводства назначал Комитет; уездного — начальник воеводства и т. д. Маленькие местечки со своими начальниками или даже без него находились в заведовании окружного; начальниками уездных городов были уездные начальники, в воеводских же (губернских) — сами воеводские. Кроме исчисленных органов Комитет имел еще в каждом воеводстве несколько своих доверенных агентов, отношения которых к прочим членам организации вовсе не были определены уставом.

Из воеводских начальников мне известны только трое, и именно потому, что другие, до самого ноября месяца, не были еще назначены. Эти воеводские были: Глуховский, помещик, кажется, Плоцкого уезда, начальник Плоцкого воеводства; Владислав Яновский, судебный чиновник из города Кельце, бывший начальником Краковского воеводства, и Григорович, патрон^а гражданского трибунала в Люблине, начальник Люблинского воеводства. Агентами Комитета были те же самые лица, которые упомянуты мною выше; к ним прибыли только из числа знакомых мне и оставшихся у меня в памяти лиц Иосиф Петровский, Каминский, кажется, студент Главной школы, и Мрочковский, которые были агентами в Августовской губернии, Оксинский, какой-то молодой человек Мерле и Густав Василевский в Варшавской губернии. Все они, за исключением Каминского и Мерле, были учениками военной школы в Кунео¹.

.....

* Жилинский и Шанявский, насколько я слышал, погибли во время восстания, оба в Августовской губернии, и оба, кажется, в первом месяце революции. Первый погиб в стычке, а другого, говорят, застрелили сами подчиненные ему заговорщики. Причиной этой несчастной смерти было отчаяние, злоба и месть людей, вышедших 4 (16) января 1863 г. из Варшавы в шайки.

^а Патрон — адвокат.

¹ На основании изложенных здесь и несколько далее (о Тыце и Цверцякевиче) сведений Розаводским при его докладе Беру 27 февраля (11 марта) 1865 г. за № 5145 был подан составленный самим Авейде список лиц, упомянутых в записках Авейде, которые не были названы в его прежних показаниях. В списке перечислены: Шанявский, Жилинский или Зелинский, Вышомирский, Ковальский, Глуховский, Яновский, Каминский, Мрочковский, Оксинский, Марле, Тыц и Цверцякевич. Сведения о них ограничиваются данными «Записок», исключение составляет лишь Ковальский, о котором в списке записано: «4. Феликс Ковальский — чиновник Варшавско-Венской железной дороги, был начальником организационной полиции 1862 г. до самого его арестования в декабре месяце [того же] г[ода], по его приказанию был убит чиновник особой канцелярии наместника Царства Польского Фелькнер». Справка заканчивается сведениями о судьбе перечисленных лиц:

«Шанявский — убит в шайке в Августовской губернии в январе или в начале февраля месяца 1863 г.

Жилинский — погиб в стычке тоже в Августовской губернии в начале восстания.

[Розаводским дописано: Вышомирский — правдоподобно находится за границей].

Ковальский — осужден и сослан в каторжные работы.

Яновский — погиб в стычке в Влоцлавском уезде во второй половине февраля месяца 1863 г.

В других провинциях бывшей Польши организация по требованию июльского устава должна была образовываться тоже по вышеописанному образцу. В главе организации каждой провинции должен был стоять *провинциальный комитет*, состоявший из пяти членов и из стольких же помощников, назначаемых Варшавским главным Комитетом. При каждом из провинциальных комитетов находился доверенный *агент* центральной власти заговора, не имевший никаких особых обязанностей, единственно для поддержания постоянных сношений с Комитетом.

Наконец, в главе всей организации стоял *Центральный Народный комитет*^а. По уставу он должен был состоять из 7 членов и из стольких же помощников. Двое членов и двое помощников должны были быть назначены *непрерывно* из Литвы и Руси, по одному из каждой провинции; прочие назначались без различия места жительства и происхождения *. Раз избранный и утвержденный состав Комитета (в июне месяце) по уставу никогда уже не должен был подлежать вторичным выборам, а в случае надобности он пополнялся по усмотрению самих членов. Центральный комитет по роду занятий разделялся на пять департаментов: дел города Варшавы, дел провинциальных (т. е. вообще заваршавских), дел заграничных (к этому же департаменту относились и сношения с Галицией и Познанью), полиции и финансов **. Все общие дела организации решались в заседаниях Комитета большинством голосов *самих только действительных его членов*; члены-помощники принимали участие в заседаниях как советники, но собственного голоса не имели. Особого председателя в Комитете не было; каждый из членов председательствовал по очереди и назывался тогда *регулятором*.

Узлом, связывавшим членов организации в одно целое, была по-прежнему *клятва* в сохранении тайны и в послушании приказаниям старших. Только очень редкие и исключительные личности освобождались от обязанности давать предписанную уставом клятву.

К этому очерку внешней стороны организации с начала июля 1862 г. необходимо прибавить следующее: *во-первых*, преобразовав вновь организацию, Комитет стал употреблять печати, но тогда еще только три, именно: одну со старым польско-литовским гербом и с надписью вокруг «Центральный Народный комитет», другую, маленькую, так называемую организационную (представлявшую как бы всю организацию) с надписью вокруг «Свобода, равенство, независимость» (*Wolność, równość, niepodległość*) и с двумя сложенными руками посредине, и третью, представлявшую, сколько помню, искусно сложенные первые буквы фамилий основателей организации, между которыми в особенности проглядывают первые буквы фамилий Марчев-

.....

Тлуховский — правдоподобно находится за границей.

Оксинский — находится за границей.

Цверцяевич — находится за границей.

[Розаводским дописано: о Каминском, Мрочковском, Мерле и Тыце (резчик) — неизвестно) (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 276 и об.).

* На деле Комитет всегда состоял только из 5 членов; двое из Литвы и Руси, требуемые уставом, не были никогда назначены. Равным образом число помощников очень редко было полное, как это требовалось уставом.

** Кроме того, по уставу должен был существовать в Варшаве особый военный комитет в качестве департамента Центрального комитета, сохраняющий, однако же, до начала революции полную независимость относительно внутренних вопросов своей военной организации. Этот комитет существовал только в воображении Домбровского, который предназначался его председателем в Варшаве. Подробнее буду говорить об этом впоследствии.

^а *Правильнее* — Центральный Национальный комитет.

ского и Домбровского *. Все эти три печати прикладывались ко всем документам Центрального комитета, а только в исключительных, маловажных случаях была употребляема одна маленькая печать организации. *Во-вторых*, с тех пор (т. е. с июля месяца) Комитет стал постоянно издавать «Рух» (Ruch¹), листок, составлявший официальный орган заговора. Редакцией его занимался в особенности Гиллер, который сам писал большую часть печатаемых в нем статей. Печатание и распространение «Руха» (равно и всех прочих печатных произведений комитета) поручено было Шварцу. Шварц также имел в своем заведении все тайные типографии, которых число, если не ошибаюсь, не превосходило трех, а самая главная типография помещалась в каком-то доме на улице *Видок* **. *В-третьих*, добровольные ежемесячные небольшие денежные складки членов организации оставлены были по-прежнему. Эти складки покрывали лишь внутренние издержки организации.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, сопровождавшая формирование Центрального комитета реформа была настоящей и важной, она давала организации (как по крайней мере казалось) понятие о централизации, порядке и дисциплине и вела к ясному, твердому определению предположенных целей. К несчастью, а также многие условия, необходимые во всякой твердой революционной корпорации. Эти ошибки июльской реформы были причиной того, что и самая реформа мало-помалу сделалась лишь внешним, поверхностным призраком, буквой без внутреннего смысла и что заговор пошел по пути, указанному преданием, т. е. сделался чудовищным сборищем бесчисленных необразованных десятков, толковавших на разные лады девять гиллеровых параграфов.

Прежде, однако же, чем скажу несколько слов об этих упущениях июльской реформы, хочу на минуту обратить внимание на положение и силу Центрального комитета в первых числах после формирования его в июле.

Энергия и деятельность заговорщиков с введением нового порядка значительно усилились; число членов ежедневно неизменно увеличивалось, тысячи удваивались. Однако же вся эта фаланга состояла по-прежнему почти исключительно из простого городского люда. Правда, глухое известие, что в организации последовала реформа и что Маевский и Гиллер стоят во главе ее, привлекло в революционный лагерь десятка два новых образованных лиц; правда, что и без этого мало-помалу появлялись одиночные дезертирства из партии белых и из среды духовенства на сторону революции, но в сущности состав заговора и его натура не переменились, он остался по-прежнему заговором преимущественно ремесленников и рабочих. О денежных суммах и вообще о материальных средствах и говорить нечего, их вовсе почти не было; ежемесячные же складки членов организации нельзя считать чем-нибудь

.....
* Все эти печати хранились у Шварца, который был фактическим секретарем и директором канцелярии Комитета. Он отправлял посылки и письма, к нему присылались рапорты, у него были все бланки и проч. У Шварца хранилась тоже еще четвертая печать, которою скреплялись фальшивые паспорта. Это была подвижная печать гминного войта, так искусно устроенная, что, переменяя в ней буквы названий гмин, было возможно иметь печати всех войтов гмин в Царстве Польском. Эта печать была сделана, как мне говорили, каким-то членом организации, служившим в варшавском монетном дворе. Все прочие печати выделялись у резчика Тыца; утвердительно же говорить об этом не могу, потому что я сам не имел никаких сношений с Тыцом, а знаю это только по слухам.

** Впоследствии, в декабре месяце 1862 г., она была открыта и конфискована полицией.

¹ «Ruch» — «Движение» — орган ЦНК, издавался с июля 1862 г. по июль 1863 г. Всего вышло 17 номеров.

существенным, эти складки обязаны были делать лишь бедные ремесленники с той целью, чтобы через это они почитали дело революции своим собственным, личным делом. Наконец, малейших сношений, которые могли бы быть полезны для будущего восстания, заговор по-прежнему вовсе не имел. Судя по всему этому, можно бы заключить, что Центральный комитет в минуту формирования его имел весьма малую силу и малое значение в обществе и что поэтому успех действий его можно было заранее признать более чем сомнительным. Между тем на деле было не так. Центральный комитет с самого появления его имел значительную силу, но только искать ее следует вне Комитета, не в его организации, а в обстоятельствах, среди которых он появился в июле месяце. Это столь важно, что я считаю необходимым, не повторяя вовсе подробностей тогдашних обстоятельств, указать, откуда рождалась сила Центрального комитета.

Итак, *во-первых*, общество в сущности исповедовало те же самые начала, которые Комитет высказал в своих девяти основных параграфах; правительство же, напротив, руководилось решительно, до самонаималейших оттенков, прямо противоположными принципами, следовательно, и общество, и правительство давали обширное основание для действий Комитета.

Во-вторых, общество (между прочим белые) вполне признавало необходимость существования организации Центрального комитета, а различалось и не соглашалось с ней только в понимании пути для достижения всеобщих целей; с другой стороны, правительство знало и объявило о существовании организации, *а не уничтожило ее* и во многом помогало ей различными своими ошибками; следовательно, и общество и правительство давали Комитету (*прямо или косвенно, волей или неволей*) *право на существование*, право гражданства и с тем вместе отворяли ему, так сказать, ворота в глубину души общества.

В-третьих, наконец, общество находилось в решительном всеобщем *разладе* с правительством *во вседневной своей жизни*, следовательно, и правительство, и общество давали Комитету на всяком шагу *исходную точку* для действий его в будущем.

Итак, если теперь признаем июльскую реформу началом (в собственном смысле слова) революционной организации в Польше, если хорошо взвесим готовые данные, которые представляли Комитету обстоятельства края в половине 1862 г., если, наконец, прибавим к ним эти хотя весьма небольшие, но все-таки что-нибудь значащие внутренние организационные средства, какими располагал Комитет, в таком случае нельзя не согласиться, что он с самым своим появлением имел в полном смысле огромную, неслыханную в обыкновенных тайных обществах силу. Обстоятельства, которые дают революционной организации в самом ее начале обширное основание в обществе, право на существование и исходную точку для действий, не могут быть иначе названы, как создающими и поддерживающими революцию. Людям оставалось суметь только развить эти естественные данные и выработать из них орудия.

К несчастью, однако же, революции, июльская реформа не была полной, решительной, не искоренила первородного греха организации — анархии. Оставляя покуда в стороне все прочие упущения реформы, заметим, что Гиллер, хотя и старался привить своим уставом мысль о порядке, дисциплине и централизации, но забыл одновременно с сим начертать *программу действий* для Центрального комитета и не определил их постепенности, т. е. не определил, *что непременно следовало сделать прежде всего, как главное,*

рождающее, творящее всякую необходимую для революции силу, а вместе с тем поддерживающее задуманный уставом внешний организационный порядок, и что следовало сделать *впоследствии*, как второстепенное (если не окончательное), служащее лишь поддержкой для первых действий.

Чтобы долго не распространяться об этом предмете, буду говорить о нем нераздельно с кратким очерком действий организации в продолжении этого периода. Итак:

а. Для того, чтобы действовать всегда с полным сознанием, с последовательностью и твердостью, люди, стоящие во главе всякого тайного революционного общества, по моему мнению, непременно должны заранее назначать приблизительный срок революции. Они должны это сделать, хорошо взвесив все внутренние и внешние обстоятельства, вполне оценив силу противника и определив необходимые материальные средства, которые нужно приготовить для борьбы с ним, но тем не менее, приблизительный срок должен быть постановлен заранее. Иначе, даже разумные люди будут действовать ощупью, наугад, не будут руководителями, а жертвой каждой случайности, каждого сильнейшего дуновения противного ветра. На это требование, имеющее первостепенную важность, члены Центрального комитета не обратили никакого внимания; и потому-то не только вообще в делах организации, но и во всех действиях самого Комитета видны странная неурядица и просто ребячество. Все делали всё, или другими словами ничего. Департаменты, между которыми должны были распределяться занятия Комитета, на деле были призраком, фразой и дела производились как попало; члены постоянно мешали друг другу и очень часто вместо того, чтобы заниматься лишь руководством и контролем всеобщих интересов заговора, они тратили время на мелочи, которые превосходно могли исполнить сотские и галёпены.

б. Читая предписанную уставом воеводскую организацию, казалось бы, что Комитет вполне понимал ее важность и что поэтому прежде всего займется устройством главы ее, т. е. высших воеводских органов. Без этого порядок, дисциплина и централизация вообще немислимы, потому что некому тогда исполнять приказаний организационного начальства, некому разумно действовать. Между тем, несмотря на букву устава, члены нашего Комитета не хлопотали об устройстве организации, а агенты все свои усилия употребляли единственно на формирование своих бессмысленных десятков. И потому-то по истечении четырех месяцев с июньского переворота, хотя в каждом воеводстве находились уже целые тысячи заговорщиков, но Комитет во всем Царстве Польском имел (как это сказано выше) только трех воеводских начальников, тогда как их должно было быть по уставу 8; уездных начальников не было более 15, вместо 39, и весьма многие округа и города оставались вовсе без начальников. По этой же причине Комитет вместо того, чтобы назначать только одного воеводского начальника, посылать только ему приказания и только с ним одним находиться в непосредственных сношениях, должен был выдавать целые кипы назначений и вести переписку едва ли не с каждым своим сотским. Это, конечно, должно было развиваться и анархию; порядок, послушание, простота действия и тайна пропали. Кроме того, это превратное положение чрезвычайно ухудшалось деятельностью доверенных агентов Комитета, которых было по несколько в каждом воеводстве. Оставляю в стороне то, что все они нисколько не были людьми, способными исполнять вверенные им обязанности; но главное дело в том, что ни эти обязанности, ни отношения агентов одного к другому, ни отноше-

ния их к прочим воеводским властям не были определены Комитетом. Агенты не зависели друг от друга, и каждый из них находился в непосредственных сношениях с Варшавой; они даже не были между собой в добром согласии, а напротив, друг другу мешали и беспрестанно спорили. Прямым последствием этого недостатка было то, что единства действий вовсе не существовало, и каждый агент делал по-своему, на свою руку, не обращая внимания на все окружающее. Недостаток определительности отношений агентов к прочим властям воеводства повлек за собой то, что эти власти, если они и существовали где-либо, то были только марионетками без всякого значения и то единственными руководителями судеб организации сделались необразованные, неопытные, незрелые агенты, каждый в избранном им самим клочке земли. Нечего и говорить, что подобная несообразность должна была тоже увеличивать анархию.

в. Казалось бы, что проповедуя единство провинций старой Польши и намереваясь подготовить их к восстанию, Комитет днем и ночью будет хлопотать об устройстве в каждой их них хорошей организации, о приготовлении этим путем в провинциях всевозможных средств для вооруженной борьбы и о поддержании постоянных непрерывных сношений с каждым закоулком древней Польши. Этого тем более следовало ожидать потому, что июльский устав говорил ясно о необходимости устройства провинциальных комитетов. Между тем на деле ничего подобного мы не встречаем до самого конца описываемого периода. Центральный комитет довольствовался, кажется, одним воззванием к жителям провинций посредством своих агентов и, сообщив первый толчок, совершенно притих.

О Литве было известно только то, что там главный агент Дюлёран что-то делает, что какая-то организация мало-помалу формируется, но что она спорит с Дюлёраном и не хочет иметь с ним никаких сношений. Этим все и кончилось. Члены провинциального комитета не были назначены, взаимные отношения Вильны с Варшавой не были определены, сила и система действий Литовской организации не были известны, и в продолжение этого времени не существовало даже никакой переписки с литовцами. Положение дел в *русских губерниях*¹ было еще более жалко; Русь была настоящей «terra incognita» для Центрального комитета. После Льва Франковского, насколько мне известно, не было даже туда послано ни одного агента. Доходили только до Варшавы глухие слухи, что остатки «Тройницкого»² что-то замышляют и что в главе партии стоит отставной полковник Эдмунд Ружицкий, помещик Волынской губернии*.

В Познани Комитет имел своего постоянного агента тамошнего жителя Лукашевского, студента Берлинского университета. Лукашевский формировал десятки, но не установил даже главной провинциальной власти, не говоря уже о других второстепенных органах. Притом стремления Лукашевского были встречаемы жителями провинции с совершенным равнодушием; клерикалы (которых там довольно много) о тайных действиях не хотели и слушать; партия белых хотела действовать самостоятельно, а революционеры, во главе которых стоял там Александр Гуттри (помещик Инowроцлавского округа деревни Париж), будучи не в состоянии понять пользы

* О Литве и Руси несколько подробнее буду говорить в следующей главе.

¹ *Русские губернии, Русь* — *Rus* в польской терминологии того времени — Правобережная Украина, под «русскими губерниями» подразумеваются Волынь, Подолия, Киевщина.

² *Тройницкий* — о *Тройницком обществе* см. стр. 277—278.

преждевременных десятков, не только не помогали Лукашевскому, но напротив, на всяком шагу старались мешать ему.

Наконец, сношения с *Галицией* представляли вид чего-то лучшего, но только один вид. Кто именно был туда послан агентом, об этом мне не известно; кажется, однако же, что особенного агента Комитет в Кракове или в Лемберге не имел, по крайней мере его не было в этих городах в то время, когда я поступил членом организации. Все сношения Комитета с Галицией производились, как я предполагаю, путем знакомства бывших варшавских манифестаторов со студентами Краковского университета. Эти-то сношения и дали начало образованию в Кракове после июньского переворота главного провинциального комитета, под названием Верховного Галицийского совета («Naczelnej Rady Galicyjskiej»). Кроме того, этот совет имел под своим заведованием еще два комитета для западной и восточной Галиции, так называемые лавы, Краковская и Лембергская (ławy—ława Krakowska i ława Lwowska). Как совет, так и эти лавы образовались сами собой, и потому они находились в каком-то автономическом отношении к Центральному комитету. Члены этих органов не получали назначений от Комитета, а только были им признаваемы. Приказания Варшавского комитета имели для галициан обязательную силу только в тех случаях, когда они были утверждаемы советом. Из вышесказанного можно бы заключить, что галицийские комитеты (хотя автономические) были сами по себе чем-то значительным, серьезным. Но на самом деле, как я сказал уже, это только могло показаться с первого взгляда. В сущности все эти органы не имели совершенно никакой силы, отчасти по причине различия составных элементов галицийского народонаселения, отчасти же и потому, что все советы и лавы были делом просто студенческим. Полагаю даже, что они существовали только на бумаге; по крайней мере в конце октября месяца *никто из членов Комитета* не был в состоянии назвать мне фамилий членов советов, за исключением одного, студента Краковского университета *Щепанского*. При том сношения Варшавы с Краковом были до того редки и так бесцветны, что даже не давали никакого понятия о положении заговора в Галиции. Одним словом, сношения Центрального комитета с Галицией не приносили организации решительно никакой пользы: ни копейки денег, ни одной двухстволки, ни влияния на общественное мнение жителей провинции, ни даже фаланги десятков наподобие наших.

г. Нельзя не признать пользы для революции от сношений с эмигрантами, с революционерами других стран и вообще с заграницей. Влияние на общественное мнение Европы в пользу будущего восстания, приготовление средств и людей для дешевой, удобной и тайной покупки оружия и отправления его в Польшу, приготовление офицеров и вообще военно-технических средств (чего сделать внутри края почти не было возможности) делают заграничные сношения предметом весьма важным и необходимым для восстания. Судя по июльскому уставу, казалось бы, что Комитет вполне понимал эту важность и необходимость; уставом ясно было постановлено (о чем я забыл упомянуть выше) издавать за границей свой отдельный журнал и образовать в Париже комитет для заграничных действий. Между тем практика далеко не соответствовала предположенным намерениям. Все, что сделал Центральный комитет в этом отношении, заключалось в следующем: *во-первых*, парижского комитета вовсе не было, а вместо него был назначен главным агентом бывший манифестатор Иосиф Цверцякевич. Выбор был как нельзя более неудачный, ибо Цверцякевич не только человек без образова-

ния и без способностей, которых требовала его агентура, но притом шарлатан и, как впоследствии оказалось, сомнительной честности в денежных делах *. Не знаю, была ли дана, и какая именно, инструкция для заграничных действий, знаю однако же, что хотя Цверцякевич находился в сношениях с эмигрантами, а также с Мадзини, с славным орсинистом Бернардом, с Луи Бланом, Искандером и другими революционерами, но сношения эти не имели решительно никакого результата, в каком-либо отношении полезного для намерений и стремлений Центрального комитета. Сношения эти, можно сказать, были лишь личным удовольствием и приятным препровождением времени для самого Цверцякевича. Он присылал даже рапорты в Варшаву о своих занятиях, но эти рапорты были одним лишь пустословием и жалким самохвальством. Во-вторых, кроме агентуры Цверцякевича, Комитет вошел в непосредственные (или лучше сказать при посредничестве члена своего Гиллера) сношения с Герценом, если не ошибаюсь, в конце сентября или в начале октября месяца 1862 г. Значение этих сношений было следующее: предполагая (из издаваемых тогда в России подпольных листов «Великорус» и «Земская дума»), что и там существует заговор, Комитет хотел войти с ним в близкие, тесные сношения, с целью согласовать наши революционные приоткровения с русскими. Пока Домбровский был свободен, он успел убедить своих товарищей, что эти сношения покуда не нужны и что он сам успеет открыть и завести их во всякое время при помощи и посредничестве своих военных (русских) знакомых ¹. С арестованием Домбровского лопнуло и бесследно пропало все мнимое богатство его связей. Комитету остался единственный путь узнать о русских революционерах, посредством Герцена. С этой целью Гиллер (отправлявшийся за границу в сентябре месяце по своим личным делам) получил поручение написать от имени Комитета письмо к Герцену, отдать ему таковое и переговорить с ним лично о деле во время пребывания в Лондоне. Гиллер исполнил данное ему поручение, а Герцен и Бакунин обещались помогать во всем Комитету и дали требуемые рекомендации, но не тотчас после получения письма, и не Гиллеру, а несколько недель спустя, Сигизмунду Падлевскому, офицеру русской гвардейской артиллерии ². Письмо это было напечатано в «Колоколе», как бы адресованное на имя его редакторов. Это был род манифеста к русскому обществу и в самом деле составляет один из более важных дореволюционных документов организации. В нем Комитет изложил вкратце свои начала, объявил, что задумывает войну против правительства, а не против русского народа, с которым как с славянским племенем желает находиться в дружбе, и наконец, что самое главное, изложил свой взгляд на спорный вопрос поляков с русскими касательно литовско-русских провинций старого польского государства, а именно, объявил, что, проповедуя совершенную равноправ-

.....

* Ему еще до восстания поручена была покупка 4000 ружей. Он доставил их не прежде мая месяца 1863 г. и притом представил (по востребованию революционного правительства) весьма сомнительный отчет о расходах. По этому поводу было даже наряжено в Лютыхе следствие над Цверцякевичем. Мне придется не раз еще упомянуть об этой личности ³.

¹ Нежелание Домбровского ставить деятельность Комитета русских офицеров в Польшу под контроль Центрального Национального комитета и в особенности Гиллера, последовательно проводившего линию на срыв союза с русскими революционными организациями, Авейде безосновательно истолковывает как отсутствие «сношений» с русскими революционерами.

² Падлевский принимал участие от имени ЦНК в лондонских переговорах с издателями «Колокола».

³ Инсинуации Авейде в отношении Цверцякевича лишены всякого основания.

ность народностей, *отдаст решение этого вопроса на волю самого местного народонаселения каждой провинции.*

Таковы были заграничные сношения и действия Центрального комитета *.

д. Всякое тайное общество, которое задумывает вести борьбу, непременно должно с первого дня своего существования усердно стараться о приготовлении (кроме людей) оружия, денег и офицеров для начальствования над будущими солдатами. Заговор по большей части образуется не для чего другого, как для таких именно приготовлений. Между тем наш Центральный комитет весьма мало хлопотал об этом до самого конца описываемого периода. Об оружии не было и речи; о деньгах заговорщики подумали только в октябре месяце, и тогда издан был декрет, налагавший подать на всех жителей края; но в кассе Комитета еще не было ни копейки наличных денег. До ареста Домбровского все были убеждены, что в офицерах недостатка не будет, и поэтому о них вовсе не хлопотали; всем казалось, что он приготовляет целый легион начальников из служащих в русской армии. С потерей его, хотя не оставалось уже никакого сомнения насчет настоящего положения фантастических военных комитетов, никто, однако же, не обращал внимания на эту весьма важную потребность для предстоящего восстания. Это равнодушие воинственного Центрального комитета непонятно, тем не менее, однако же, оно не подлежит сомнению.

Таковы были действия Центрального комитета *на поприще важнейших вопросов и требований организации* в конце октября месяца 1862 г. Если теперь вспомним, в каких благоприятных обстоятельствах находилась страна во время июльской реформы и какую неисчерпаемую силу давали они Комитету, если вспомним, что с тех пор Комитет действовал в продолжении целых четырех месяцев, то нельзя не удивляться малозначительности и даже ничтожности как самых действий, так и их результатов, нельзя не удивляться, что Комитет не сумел извлечь ожидаемой и легко достижимой пользы из своего превосходного положения. Тем более это покажется удивительным и даже невероятным, если вспомним, какое великое значение имел Комитет летом и осенью 1862 г. Все, даже весьма серьезные люди, если только они не были посвящены во все тайны организации, почитали его не только хитрым и ловким органом, но с тем вместе были уверены, что он составлен из лиц серьезных, разумных и весьма деятельных. Даже в настоящее время, когда снят уже занавес тайны, рождается само собою вопрос: что же делал Комитет в продолжении целых четырех месяцев, если он так мало и так нелепо занимался самыми важными, самыми жизненными для всякой в мире революционной организации вопросами? Ответ на это *отчасти* заключается в словах моих, сказанных несколькими страницами выше. Нельзя отвергать, что Комитет постоянно занимался этими жизненными вопросами, трудился усердно, с жаром (Шварц в особенности работал до утомления), но, не назначив заранее срока восстания, не начертав себе заранее никакой программы и системы действий, он не мог основательно заняться ими, а только пере-

* О попытках Куржины в Варшаве после арестования Маевского я упомянул выше, и потому повторять об этом здесь уже нечего. Довольно сказать, что переговоры и сношения между Мерославским и Комитетом не состоялись. Мерославский с тех пор был открытым врагом Комитета. В одном из своих тогдашних объявлений в газетах он отрекся от всякого единства с организацией и старался даже (по своему обычаю) бросить на своего противника тень подозрения в измене отечеству, именно по поводу письма Комитета к Гершену, в котором не понравился диктатору недостаток фанатизма относительно старых границ Польши с 1722 г. О его *пятёрках*, которые старался сформировать Куржина, буду говорить ниже.

скакивал с одного предмета к другому, не выполнив как следует ни одной задачи, бросался во все стороны, но всегда, как человек, одержимый горячкой, без надлежащей твердости и определительности. Причина малозначительности вышеописанных действий и их результатов отчасти заключалась в том, что и члены Комитета, и вся его организация, все без исключения заговорщики занимались более всего *проповедованием своих девяти параграфов*, т. е. занимались *пропагандой* ускоренной революции. Об этой-то пропаганде считаю нужным сказать особо несколько слов.

Пропаганда составляла самую главную и единственную силу заговора, а с тем вместе самое главное, единственное и, должно признать, самое могущественное его средство для достижения предпринятых целей. Конечно, она как род деятельности, занимавший все время и не руководимый сильной, твердой и разумной рукой, мешала приготовлениям материальных средств для вооруженной борьбы; но тем не менее для того, чтобы повести общество к революции, чтобы увлечь и убедить всех, не было в тогдашних обстоятельствах более надежного, ручающегося за успех средства, как пропаганда. Причиной этого несомненного успеха ее было то, что она лежала, так сказать, в духе времени. Как некогда манифестации составляли временную форму для проявления и для разработки наших стремлений и наших сил, форму избранную бессознательно, инстинктивно, но самую простую и общепонятную, самую удачную и *единственно возможную в тогдашних обстоятельствах*, так точно пропаганда составляет в свое время такую же инстинктивную, простую, самую удачную и единственно возможную форму для проявления и разработки тех же народных временных стремлений. Это до такой степени неоспоримо верно (в моем убеждении), так очевидно, так ясно, что я осмеливаюсь утверждать, что все действия тогдашней эпохи и наши, и правительственные, носят на себе отпечаток и характер пропаганды. Постараюсь объяснить и доказать это несколькими примерами.

Начну с правительственных действий; проповеди и речи кс Фелинского (который как архиепископ, был не только членом общества и главой церкви, но и в некотором роде лицом правительственным) и его сотрудников (кс. Голияна) были не что иное, как только правительственная пропаганда. Речь маркиза Велепольского, в особенности после торжества его над г. г. Губе, Крузенштерном и проч., были не только удовлетворением чрезмерной, греховной гордости магната, но с тем вместе и воззванием к обществу, требующим от него любви и доверия к человеку, действующему для пользы края. Прокламация великого князя наместника, приглашение его высочеством таких лиц, как, например, сапожника Гишпанского, это тоже благородная, великодушная правительственная пропаганда, которая, выразив ее другими словами, говорила нам: «Правительство дает вам то и то; революционеры же обещают то и то; вам угрожает несчастье, *образумьтесь, подумайте* для собственной же вашей пользы и для блага дорогого вам отечества». Далее, объявление июльского устава Центрального комитета в официальном журнале нисколько не было простым *уведомлением* о способности и деятельности новообразованной полиции, а предупреждением общества об угрожающей опасности и приглашением оставить гибельный путь, рекомендуемый революционерами, и идти рука об руку с правительством; одним словом, это неуместное объявление было воззванием к обществу образумиться и подумать. Открытые с такой торжественностью публичные военные суды по делу о покушениях и о нескольких десятках лиц принадлежавших к варшавской организации не были проявлением новой судебной эпохи и

гласности политических процессов, а пропагандой человеческого обращения в тюрьмах и при следственных допросах, а также справедливости военных судов, в которую люди до сих пор не верят *. Литературные усилия под покровительством г. Велепольского, как например, статьи во «Всеобщем дневнике», «Комуналы» (Komunały), брошюры и прочее, суть также не что иное, как правительственная пропаганда. Даже тогдашние вновь изданные законы, которые по самой краткости времени не могли быть применимы к вседневной жизни общества, также имели характер воззвания к обществу дать поддержку правительству, издающему такие законы.

В *обществе* (не говоря о заговорщиках) тем более проявляется везде временная зараза взаимных толкований и поучений. Довольно напомнить отъявленную борьбу белых с красными. Кроме того, нужно заметить, что в это болезненное время все вообще белые и небелые обучали друг друга и непрерывно спорили между собою, предлагая на обсуждение каждый раз новые вопросы; нельзя было сделать одного шага вправо или влево, чтобы не встретиться с каким-нибудь проповедником новых несомненных истин.

Это-то обоюдоострое оружие того времени неопытные и неученые политики Центрального комитета инстинктивно взяли в свои руки и вскоре, как манифестаторы во время манифестаций, сделались центром всего движения. Целые тысячи заговорщиков с утра до ночи ничего другого не делали, как только вели пропаганду. Они обучали друг друга в среде самой организации, а равно и не принадлежавших к ней письменно и словесно, соответственно понятиям и степени образования каждого лица; делали свои собрания и съезды и призывали туда посторонних, и вместе с тем сами, прощенные или непрощенные, ездили и ходили в собрания и съезды своих противников. Везде проповедовали свою религию с жаром, с верой в успех, без отдыха, неуспынно, не устрашались встречаемых препятствий и не смущались неудачам и были настойчивы, дерзки и, как говорит пословица, «кого выталкивали в двери, тот снова влезал в окошко». При этом всегда и везде ни о чем больше не говорили, ничего другого не затрагивали, как только свои девять простых, коротеньких, проповедуемых на разные лады параграфов. Одним словом пропаганда наполняла все время всех без исключения членов организации Центрального комитета.

Следовательно, как мы видели, заговорщики инстинктивно избрали главнейшим средством своим то именно, которое лежало в духе времени. Что оно было вполне удачным, об этом я думаю и говорю нечего. Причины сего достаточно объяснены в предыдущих главах, а минувшее восстание служит окончательным этого доказательством. Здесь для разъяснения постепенного развития революционной агитации, а с тем вместе для разъяснения самой революции 1863 г. прибавлю еще следующее. Если бы Комитет действовал по программе, соответственной цели, если бы пропагандой руководила

.....

* При этом случае я припоминаю себе еще одно маленькое обстоятельство подобного характера, которое также должно причислить к числу правительственных ошибок, а именно: после арестования Александра Замойского, издателя листка «Кормчий» («Sternik»), разнесся по городу слух, что его при допросах секут и пытаются. Вскоре затем было напечатано опровержение этих нелепых слухов во «Всеобщем дневнике». Толки, однако же, не прекращались. Тогда правительство призвало г. г. купца Шленкера, доктора профессора Халубинского и уважаемого всеми в Варшаве генерала коменданта Бебутова и поручило им: *отправиться в штабеля, осмотреть и распространить Замойского лично и вслед за тем публично засвидетельствовать*, что Замойский здоров, что его не секут и не пытаются, а напротив, обращаются с достоинством. Свидетельство это было напечатано во «Всеобщем дневнике»

рука сильная и разумная, если бы, далее, в самом деле были установлены хотя бы только те организационные учреждения, которых требовал июльский устав, если бы, наконец, вместе с постепенным успехом пропаганды были мало-помалу готовяемы серьезные материальные средства и орудия для революции, то нет никакого сомнения, что эта страшная пропаганда создала бы неслыханную и громадную силу для восстания. Без этих же условий, она увлекала народ к войне, она отравляла и съедала все соки общества, сделала для него войну какой-то неотвратимой, насильственной крайностью и, разливаясь подобно неуправляемому потоку, заливала и поглощала в то же время всевозможные материальные приготовления и все следы даже июльской реформы, т. е. централизацию, порядок и дисциплину, развывая вместо них старые манифестационные зародыши, т. е. анархию.

Таким образом, я окончил краткий очерк истории заговора в продолжении четырехмесячного второго периода. Для пополнения представленного очерка мне остается еще сказать несколько слов: а) о перемене *политики Комитета*, последовавшей в сентябре месяце вследствие объявления правительством июльского устава; б) о перемене, происшедшей в личном составе Комитета около того же времени; в) и наконец, о последних актах Комитета в конце этого периода, т. е. об октябрьских декретах, подавших повод к вторичному перевороту в среде варшавской организации.

А. Упомянув выше (при описании явных фактов) об объявлении во «Всеобщем дневнике» июльского устава Центрального комитета, я сказал, что оно во многом вредило правительству и вообще законному порядку дел. А именно, во-первых, оно лишило полицию и следственные комиссии весьма многих следов и нитей при разыскании заговорщиков и, во-вторых, придавало Комитету огромное значение, делая его полуявным. Гиллер, превосходно поняв эту правительственную ошибку, решил воспользоваться ею. Он убедил Комитет не смущаться объявлением тайны, а напротив, принять вызов г. Велепольского и быть с тех пор совершенно явным, т. е. скрывать только людей и фамилии, а не скрывать ни их намерений, ни действий. Хотя эта остроумная выдумка Гиллера и была отступлением от общепринятых правил, но тем не менее она не только не заслуживала никакого порицания, но напротив (по причине исключительных обстоятельств края и духа времени), была достойной полной похвалы и совершенного признания. Она не принесла заговору никаких значительных *материальных* результатов, потому что Комитет не сумел извлечь их, но доставила ему *как явной главе явной местной корпорации* большую известность и значение не только в глазах заговорщиков и вообще общества, но и в глазах самого правительства и даже за границей. С тех пор фаланга десятков с каждым днем неизменно увеличивалась, пропаганда делала ужасающие успехи, общественное мнение края переходило все более и более в руки Комитета, делая его мало-помалу единственным распорядителем судеб народа; общественное мнение Европы склонялось в его пользу. И в самом деле, Комитет представлял странное, интересное и невиданное до того зрелище; он существовал целые месяцы в Варшаве, в центре всех правительственных властей, тут же возле самого законного правительства, богатого материальными средствами и орудиями; повседневная деятельность его была ощущаема и очевидна для всех и каждого; нельзя было сделать одного шага, чтобы не встретиться с заговорщиком; а между тем эта явность была непроницаемой тайной для правительства, все усилия полиции, даже открытие целой неполной сотни заговорщиков, не приблизили ее ни на шаг к

открытию чего-либо серьезного. Эта необыкновенность должна была во многом помогать Комитету.

Одним словом, если бы Гиллер ограничился только переменной прежней таинственности на полуявность, выдумка его была бы своевременной, разумной и полезной. Но к несчастью организации, ему, увлеченному самоуверенностью и мелочностью (этих недостатков вообще нельзя не заметить во всех действиях Гиллера), пришла в голову ребяческая претензия играть с тем вместе роль народного правительства. В этих видах он успел убедить Комитет одновременно с оставлением таинственности *самовластно объявить себя целой стране ее природным правительством*, не разбирая долго, будет ли это справедливо, своевременно и полезно. С тех пор члены Центрального комитета вышли из скромных границ заговора, стали разыгрывать государственную комедию, стали говорить тоном настоящего правительства, издавать декреты и постановления, долженствовавшие иметь обязательную силу не только для членов организации, но и для всех без исключения жителей края. Нельзя отвергать, что, с одной стороны, эта комедиантская дерзость увеличивала *внешнее* значение Комитета, потому что вообще нередко удается подействовать на воображение и на умы массы тому, кто в продолжении некоторого времени смело говорит ей «мы, правительство, постановляем, приказываем, разрешаем»; но с другой стороны, она повлекла за собой самые жалкие, самые дурные последствия для организации. Они так натуральны, их так легко было предвидеть, что даже понять трудно, как они не пришли на ум Гиллеру, за которым нельзя не признать некоторой, по крайней мере, опытности и образования*.

С понятием о правительстве нераздельно сопряжено понятие о непрерывном, никогда не умирающем единстве, о постоянной неизменности. Права и обязанности его, хорошие и дурные его стороны, заслуги и ошибки в прошедшем переходят как наследство к настоящему. Кроме того, с понятием о правительстве сопряжено также требование самой строгой безошибочности; по крайней мере для него непростительны явные ошибки, возникающие вследствие отсутствия обыкновенного благоразумия и осмотрительности. Итак, Центральный комитет, перекрестившись в народное правительство, принял на себя всю великую тяжесть, сопряженную с этим званием, не имея сил удовлетворить своему назначению. Невозможность же исполнить это назначение лежала отчасти в самой натуре его, свойственной всякому заговору, который никогда не может быть вполне безошибочным (ибо действует тайно и зависит во многом от посторонних обстоятельств и проч.); отчасти в личном составе нашего Центрального комитета, члены которого все без исключения во все время существования организации не только не доросли до высоты правительства, но даже до высоты обыкновенной разумной заговорщицкой власти. Последствия государственной претензии Комитета были следующие: *во-первых*, что все ошибки его (а они встречались повседневно) были весьма чувствительны, вызывали насмешки и иронию; и если они не вредили организации в такой степени, как этого следовало ожи-

* Гиллер — человек уже не первой молодости. В 1848 г. или еще ранее он принадлежал к тогдашнему заговору, за что и был сослан в Нерчинск. Это человек образованный, хотя образование его никак нельзя назвать основательным, а только поверхностным, как образование всех обыкновенных журналистов и газетных корреспондентов. Гиллер, кроме своих литературных занятий в Варшаве, был еще постоянным корреспондентом краковского «Czasu»¹.

¹ «Czas» — «Время»; см. прим. 7 к стр. 283.

дать, то за это нужно благодарить неудержимые стремления времени, которые прощали революционерам все, хотя бы даже простое бессмыслие. Во-вторых, понятия о неизменности и единстве, неразлучные с понятиями о правительстве, тем более при полуживности действий Комитета, сделали невозможной всякую радикальную реформу; раз совершенные ошибки были уже неисправимы, безвозвратны. Все грехи, промахи и просто глупости одного личного состава Комитета переходили по праву наследства к другому; *правительство*, состоявшее во главе организации, положим, в сентябре месяце, не могло же объявить, что оно двумя неделями прежде, т. е. в августе месяце, сделало глупость и издало бессмысленный декрет?

Такова была перемена политики Центрального комитета в сентябре месяце 1862 г., и таковы были ее последствия. Что она послужила к развитию анархии, об этом думаю и говорить нечего. Прибавлю еще только то, что с тех пор начинается эта гадкая комедия внешнего могущества и внешней серьезности при недостатке внутреннего достоинства, при внутреннем недостатке материальных средств и при внутреннем ребячестве.

Б. На беду организации, кроме всех вышеописанных ошибок, произошла еще перемена в составе Комитета, последовавшая приблизительно во второй половине сентября месяца 1862 г., вскоре после принятия выдуманного Гиллером титула народного правительства. Она произошла по следующему поводу; штабс-капитан Домбровский был арестован; Марчевский был весьма занят при постройке Варшавско-Бромбергской железной дороги и месяца два постоянно проживал на пограничной станции Александров, а Гиллеру пришла в голову странная идея путешествовать по Европе в это горячее время. Таким образом, не стало трех наиболее разумных членов Комитета. Оставшиеся двое никак не могли создать ничего серьезного и благо-разумного. Студент Даниловский, насколько я его узнал, человек без всяких способностей и образования, притом отвратительный и гадкий анархист; Шварц, хотя (как говорят) хорошо образованный инженер *, притом не без способностей, с благородным характером, но энтузиаст и слепой фанатик; кроме того, оба они были поклонниками десятков. Оставшись вдвоем, Даниловский и Шварц призвали в члены Комитета в качестве *заступающих место* (как я слышал) офицера Косковского и братьев Эдуарда и Иосифа Рольских, последнего в качестве исправляющего должность начальника города Варшавы **. Вновь призванные деятели нисколько не стояли выше своих старых товарищей, так что смело можно назвать этот новый состав составом анархистов и фанатиков, а Шварца наиболее благоразумным его членом. Весьма натурально, что под таким руководством дела организации не могли

.....
* Он сын эмигранта, выселившегося в 1831 г., родился во Франции и там воспитан в Ecole centrale ¹.

** В начальники города призван был из-за границы Сигизмунд Падлевский. Он по окончании артиллерийской академии в С.-Петербурге выехал с паспортом за границу для дальнейшего образования, но, познакомившись с эмигрантами, склонился на сторону их революционных стремлений и под французским псевдонимом de Lille был помощником одного из профессоров военной школы в Кунео. Падлевский был весьма любим учениками школы и по рекомендации некоторых из них, бывших уже с июля месяца агентами Центрального комитета, получил приглашение принять должность начальника города после Домбровского. Падлевский принял это приглашение, но приехал в Варшаву не прежде последних чисел октября месяца; до того же времени заступал его место Иосиф Рольский.

¹ «Ecole centrale» — Центральная школа — высшее инженерно-техническое учебное заведение в Париже.

быть в цветущем положении. Наиболее, однако же, известными и наиболее важными действиями этого кратковременного, несколько недельного Комитета были три декрета, изданные вскоре один после другого, а именно, декрет, запрещающий членам уездных и городских советов принимать участие в открываемых тогда заседаниях; декрет, налагавший в первый раз на всех жителей Польши революционную подать, и наконец, так называемая *карточка о предстоявшем рекрутском наборе*. Об этих декретах я должен сказать следующее: первый из них, *против советов* проистекал единственно из гиллеровской пародии народного правительства и был издан в пылу борьбы белых с красными по этому вопросу. Нечего долго об нем распространяться, довольно сказать, что члены советов не послушались декрета и что заседания были открыты. Комитет, таким образом, был скомпрометирован, белые насмеялись над ним, а организация сильно почувствовала эту неудачу своих начальников, и хотя все еще повиновалась им, однако же стала роптать; этим был дан первый толчок к всеобщему неудовольствию и к перевороту. Прибавлю еще, что Комитет, издав этот декрет, сам связал себе руки в вопросе о советах, ибо правительству, издавшему уже закон, воспрещающий заседания, был закрыт путь для дальнейшей борьбы и для дальнейшей пропаганды в этом отношении; оставалось разве только наказывать ослушников; но Комитет не прибегал еще к этому средству и ограничивался бранью.

Второй декрет, о подати, проистекал из мысли о восстании. Я говорил выше, что, имея в виду революцию, следовало давно подумать и о приблизительном сроке ее и о деньгах, но к несчастью организации, забота об этом выпала на долю шварцовского состава. Мысль о восстании возбуждена была в Комитете задуманным правительством рекрутским набором из среды одного только городского населения, и который, очевидно, был устремлен против заговорщиков, гнездившихся большей частью в городах. Комитет в ответ правительству постановил не допустить набора и принял срок его за окончательный срок для начала восстания. Первым последствием такого постановления Комитета был приказ собирать подати, соразмерно доходам от 5 до 10%, который по причине полуявности действий, был публично объявлен в форме декрета.

Третьим, наконец, постановлением Комитета, из числа наиболее важных, была так называемая *карточка о рекрутском наборе*. Неожиданное объявление правительства о наборе грянуло, как гром, и встревожило всех заговорщиков. Не будучи в состоянии уклониться от угрожающей им опасности и разъяснить свое положение, члены организации обратились к своему начальнику, к Комитету с простыми неопределенными вопросами, внушенными страхом: «что с ними будет, что им делать?» Комитет, этот сумасшедший, этот бессовестный Комитет в ответ на беспокойство своих десятков, не долго задумываясь, написал коротенькую карточку в несколько строк, в которой успокаивал встревоженных, говоря им, что он будет их защищать, что *набора не допустит и что «прежде, чем враг успеет совершить варварское дело, уже наступит час воскресения»*. Эта несчастная карточка была отпечатана и в нескольких тысячах экземпляров роздана членам организации. С получением ее тревога уступила место радости. Заговорщики, привыкшие верить в слова своего всемогущего Комитета, как в евангелие, успокоились совершенно и до такой степени были убеждены в несбыточности набора, что даже те из них, которые имели, например, законные причины и привилегии, освобождающие от обязанности военной службы, вовсе не старались собрать

и представить правительству необходимые для своего освобождения документы.

С минутой издания карточки *инициатива в судьбах народа перешла окончательно и исключительно* в руки Центрального комитета, а срок восстания во время рекрутского набора сделался раз навсегда неизбежной, неотвратимой, непреклонной необходимостью. Разве только какие-либо чрезвычайные обстоятельства и чрезвычайные средства могли вырвать тогда инициативу из рук Комитета и отсрочить восстание*.

Я сказал выше, что декрет против советов породил неудовольствие в организации против членов Комитета. Кроме того, декрет о подати и карточка о наборе, хотя вообще обрадовали всех заговорщиков, однако же возбудили разные сомнения и неудовольствия среди немногих, но сильных по своему положению членов варшавской городской организации. Этими многочисленными, но сильными недовольными были начальники отделений, их помощники и некоторые окружные. Считаю, однако же, нужным заметить, что эти неудовольствия были большей частью направлены не против действий Комитета, не против его стремлений, а *против личностей его членов*. Только двое, Тит Зенкович, помощник одного начальника отделения, и Фома Бужинский порицали, да и то не вполне, последние декреты и карточку; прочие не делали за это никакого упрека Комитету и просто хотели видеть во главе организации других людей, хотели, чтобы изданные постановления вводились в исполнение под руководством более способных членов Комитета, нежели их авторы. Притом не было недостатка и в таких, которые были недовольны по чисто личным поводам. Как бы то ни было, довольно сказать, что неудовольствия представителей городской организации дошли до своего крайнего предела с изданием карточки о наборе. Они послушались Комитета, роздали карточки своим подчиненным, но постановили не ждать более и заменить его членов другими. Главой переворота были упомянутые Зенкович и Бужинский. Под их руководством начальники отделений со своими помощниками по соглашению с окружными объявили просто членам Комитета, что они отказывают им в дальнейшем послушании, устраняют их и выбирают других. Члены спорили было и боролись некоторое время, однако же, после трех или четырех дней, видя невозможность удержаться, уступили место новоизбранным, к числу которых принадлежал и я сам. Переворот этот последовал в последних днях октября месяца.

С ним кончается второй период истории заговора.

.....

* В руках правительства было всегда средство, могущее не только отсрочить восстание, но и убить его раз навсегда. Этим средством было *разрешение крестьянского вопроса*. При существовании указа о новом устройстве крестьянской земли и крестьянского быта самые снисходительные, даже военные суды и задуманный маркизом Велепольским рекрутский набор, могли окончательно, без пролития капли крови успокоить край.

Глава VI

ЗАГОВОР С НОЯБРЯ МЕСЯЦА 1862 Г. ДО МИНУТЫ ВОССТАНИЯ 22 ЯНВАРЯ 1863 Г.

Приступая к рассказу о событиях, в которых я сам был действующим лицом, считаю нужным сказать прежде несколько слов об отношениях моих к тайным действиям до времени принятия участия в революционной организации и о причинах, побудивших меня войти в состав членов Центрального комитета.

Возвратившись из-за границы в конце 1861 г., я решительно не понимал ни положения края вообще, ни значения образовавшихся и тогда уже малопомалу развивавшихся партий; не знал ни действующих людей, ни их действий. Желая, однако же, быть хоть сколько-нибудь полезным сотрудником в занятиях, приготовлявших будущую революцию, я вошел в феврале 1862 г. в сношения с Карлом Маевским, отчасти потому, что общественное мнение представляло его как главу революционеров, отчасти потому, что с ним были заодно мой покойный брат Артур и некоторые друзья мои, отчасти, наконец, по рекомендации Мерославского (который дал мне письмо к Маевскому) и Гуттри из Познани. Маевский со временем ознакомил меня (конечно, по своему взгляду) с положением дел в крае, с значением белых и красных и с их действиями, но никакого особенного занятия мне не давал, обещая лишь, что вскоре и для меня откроется поприще. Таким образом, в ожидании пока осуществляются мечты Маевского о преобразовании шляхетской организации, я оставался бездействующим в наших тайных усилиях, занимаясь книгами и службой в судах.

С красными до июля месяца 1862 г. я не только не имел никаких сношений, но даже, доверяя вполне Маевскому и соглашаясь с его взглядами и убеждениями, я был откровенным противником заговорщиков, и насколько мог, портил им дело в Августовской губернии *. В июле месяце друг мой Владимир Александрович, перешедший после июньского переворота от белых к красным и бывший тогда организационным начальником города Петркова, уговаривал меня вступить в заговор, и чтобы победить мои возражения, постарался сблизить меня с Гиллером и Марчевским. В разговоре с ними, споря о разных тогдашних вопросах и о разных недостатках организации, я представлял необходимость заняться прежде всего головой и

* Именно я старался мешать агентам Комитета Верещинскому и потом Пётровскому.

обратить пропаганду исключительно на крестьян, отложив формирование десятков на самый конец, т. е. приступить к их формированию (если Комитет признает это непременно нужным) не прежде, как за два месяца перед приблизительно назначенным сроком восстания. Так как Гиллер и Марчевский, представившиеся мне как агенты Комитета, не сочувствовали моему мнению, то и соглашение между нами не состоялось и я по-прежнему был противником заговора, оставаясь в стороне от всего движения. Не помню даже, был ли я тогда лично знаком с кем-нибудь из заговорщиков, за исключением трех упомянутых лиц и Тита Зенковича.

Между тем, если не ошибаюсь, 28 октября месяца этот же Тит Зенкович (которому хорошо были известны мои убеждения) пришел ко мне с предложением от имени городской организации и даже от имени самого Комитета принять должность члена-помощника Комитета. С первого раза я отказал ему. Зенкович тогда снял передо мной занавес тайны. Он представил мне в общих чертах жалкое положение организации и характер лиц, под руководством которых находилась она в последнее время; рассказал, в чем состоял последний переворот и в чем заключалась карточка об рекрутском наборе; представил всю серьезность опасности, грозящей не только заговору, но и всему отечеству, уверял, что начальники отделений избрали меня в члены Комитета именно потому, что видели во мне противника разных организационных нелепостей и что я найду между новыми моими товарищами людей, с которыми буду в состоянии предотвратить грозящую опасность и преобразовать все; и наконец, во имя любви к отечеству требовал от меня не отказывать в принятии предложенных мне организационных обязанностей. После всех этих и тому подобных представлений Зенковича я отсрочил мой ответ на 24 часа и затем объявил ему и прибывшему вместе с ним Сигизмунду Падлевскому, что принимаю предложение. Причины, побудившие меня принять его, лежали именно в представлениях Зенковича. С одной стороны, я счел моим гражданским долгом посвятить все, предпринять все, работать с утра до ночи, лишь бы только не допустить осуществиться несчастью, т. е. преждевременному восстанию. С другой стороны, я надеялся, что если, по словам Зенковича, новые товарищи мои окажутся сколько-нибудь добросовестными и благоразумными людьми, то они легко постигнут надлежащее положение дел и что тогда мы постараемся изгладить следы сумасшедшей карточки о наборе, исправим ошибки прошедшего, уничтожим его нелепости, преобразуем, что нужно, и станем действовать основательно и вполне полезно для будущей революции.

Теперь приступаю к рассказу о действиях нового Комитета, но для последовательности и порядка нахожу необходимым разделить этот рассказ на две части: 1-ю — до арестования Шварца и 2-ю — от того времени до минуты восстания.

1. *До арестования Шварца.* Товарищами моими, избранными вместе со мною в члены Комитета, были следующие лица. *Действительные члены:* Агтон Гиллер, Витольд Марчевский, Бронислав Шварц *, студент медицинского факультета Главной школы Александр Бернавский и артиллерист

* Шварц, хотя принадлежал к старому составу, но не мог быть удален во время переворота потому именно, что он был настоящим и единственным ходячим архивом всех организационных сведений и тайн. Без него не было бы возможным знать что-нибудь из прошедшего.

Сигизмунд Падлевский как начальник города. Члены-помощники (zastępcy) Гиллера — редактор и издатель подпольного листка «Strażnica», которого фамилию я совершенно забыл*; Марчевского — я, Оскар Авейде; Шварца — помещик Люблинской губернии Ян Богданович; Бернавского — студент Даниловский; Падлевского — Франц Годлевский. Этот последний был назначен Комитетом по представлению Падлевского до времени, пока согласно всеобщему желанию (даже самих членов городской организации) он не представит военного лица в свои постоянные помощники.

Из всех исчисленных лиц Марчевский и Гиллер были в отсутствии, и хотя они прибыли в Варшаву не раньше конца ноября месяца, никто, однако же, не был избран вместо их.

Прежде, чем перейду к рассказу о действиях и событиях организации, я должен сперва упомянуть о переменах, последовавших в личном составе Комитета в продолжении описываемого времени. Итак, Даниловский, Бернавский, редактор «Strażnicy», и Богданович оставили свои посты, и на место их были призваны: чиновник варшавского почтамта Фома Винницкий, Владислав Иеска, кандидат прав Московского университета Ян Верницкий и Иосиф Наржымский**. Перемены эти произошли по следующим причинам: Даниловского мы сами удалили; ему, бывшему члену старого состава, показалось, что, перешедши вследствие минувшего переворота в знание помощника, он потерпел неслыханную несправедливость, и был до такой степени смешным, что в заседании жаловался на эту несправедливость с требованием признать его действительным членом. Кроме этого личного домогательства, он хотел еще осуществить свое желание посредством маленького в некотором роде насилия. С этой целью он уговорил своих товарищей, медиков Главной школы, принадлежавших к организации и составлявших как бы отдельный, образцовый городской округ, заступиться за него и требовать от Комитета желаемого им удовлетворения под угрозой, что академический округ отстанет от заговора. Один из этих защитников, такой же точно анархист, как и Даниловский, студент Здзислав Янчевский, вошел даже в первое заседание нового Комитета (место которого почиталось священной тайной) и с ребяческим криком представил желание своих товарищей. После такого недостойного поступка Даниловского он тогда же был удален из состава Комитета. Бернавский сам удалился. Этот благородный молодой человек объявил, что он не чувствует себя способным исполнить налагаемые на него обязанности и притом несогласен во многом (в особенности в вопросе о десятках) с образом действий Комитета. Я и Богданович всеми силами убеждали Бернавского остаться между нами, но все наши старания были безуспешны. Редактор «Стражницы» (Strażnicy) был удален тоже по собственному желанию. Он вследствие не помню уже, каких споров с Шварцом, просил Комитет удалить одного из них. Шварц был столь необходим,

.....
* Фамилии редактора «Strażnicy» не помню потому, что он был на одном или на двух только заседаниях. Ни прежде, ни после того не пришлось мне встречаться с ним, ни даже слышать об нем. Знаю только, что фамилия его не польская, а немецкая, и приблизительно могу указать место его тогдашней квартиры.

** Который из них и на чье именно место был призван, кто был действительным членом и кто помощником, этого объяснить в настоящее время не могу. Впрочем, на практике эта подробность не имела никакого значения, помощники переходили от одного члена к другому, смотря по роду занятий, и все без различия члены пользовались одинаковыми правами и исполняли одинаковые обязанности. Строгая формальность июльского устава в этом отношении не была на деле применяема; по крайней мере я не помню ни одного случая, в котором бы одни только действительные члены подавали голоса.

что решение вышло в пользу его. Все эти перемены последовали в первоначальных заседаниях Комитета. Богданович, наконец, оставил свою должность, потому что был арестован, если не ошибаюсь, в конце месяца.

Первые заседания состоявшегося из таких лиц Комитета прошли на разуживании положения дел организации, распределении между членами предметов занятий и на приеме собираемых по декрету о подати денег. О тогдашнем состоянии заговора говорить не буду; очерк, представленный выше, вполне его уясняет. Скажу только, что заговор был тогда чудовищным истуканом без головы, без правды, без сил и достоинства. Число заговорщиков в самом Царстве Польском, как это хорошо помню из списков и рапортов, находившихся в моих руках, в ноябре месяце превосходило 20 000 человек*.

В действиях нового Комитета с самого начала его существования была очевидной двойственность, проистекающая из различия убеждений и стремлений его членов. С одной стороны, мы с Богдановичем стремились всеми силами отсрочить восстание до дальнейшего времени, другие хотели остаться верными карточке о наборе. Двойственность эта царствовала во всем, на всяком шагу: и в характере отдаваемых приказаний подчиненным, и назначениях, и вообще в образе действий**.

Из более важных и оставшихся у меня в памяти событий и действий организации были следующие.

1. *В Варшаве.* В устройстве организации не последовало никакой перемены, за исключением того, что академический округ был уничтожен. Падлевский старался образовать новое отделение из надвислянских жителей, которых называли в Варшаве *надвислянским легионом*; однако же по причине необузданности этого класса людей не успел в своем намерении. В личном составе важнейших органов в городской организации последовала только одна перемена, а именно, начальник отделения Вышомирский был удален (между прочим вследствие слепой преданности Мерославскому), а на его место назначен Тит Зенкович***. *Организационная* полиция в Варшаве получила новое устройство. Она состояла из начальника полиции, трех инспекторов и 13 квартальных комиссаров; кроме того, каждый из них имел по два или по три агента, помощников и по нескольку галепенов. Особенных кинжальщиков-убийц тогда еще не было. Начальником полиции был по-прежнему Феликс Ковальский до самого его арестования. Комитет хотел устранить его (в особенности по настояниям Шварца и Винницкого); однако же удалить такого остроумного и прозорливого организационного полицейского оказалось невозможным. Поэтому он остался на своем посту и только был непосредственно подчинен Винницкому, который получил поручение

.....

* Число это приблизительно распределялось между воеводствами следующим образом: Люблинское и Плоцкое — каждое имело около 5000 человек; Варшавское и Подляское — от 3500 до 4000; Калишское и Сандомирское — по две тысячи и более; Краковское не превосходило 1000, Августовское — нескольких сот.

** Убеждения мои и Богдановича были одни и те же; мы условились действовать заодно, ни за что не оставлять организации и защищать до последней крайности наши намерения. Планом же нашим было: отсрочить восстание до мая месяца 1863 г., а между тем вырвать заговор раз навсегда из рук фанатиков и анархистов, создать ему голову, создать средства и связи и распространить пропаганду между крестьянами.

*** Падлевский заведовал сам делами заговора в городе, но военного помощника никогда не имел. Годлевский был принят в состав Комитета с целью усилить одним голосом и без того сильных сторонников восстания, назначенного во время набора.

образовать полицию во всем крае (и потому считался как бы директором всей организационной полиции), но однако не успел ее устроить*.

Говоря о полиции, не могу умолчать о том обстоятельстве, что тогда, в ноябре месяце, около 60 нижних чинов разных степеней из состава правительственной законной полиции в Варшаве пристали к организации. Они даже дали клятву на послушание и на тайну и сами составили себе маленький устав, в котором определили свои обязанности. Я этого устава не читал, но говорят, что нельзя было с большим цинизмом примешать измену и подлость к долгу относительно отечества. Фамилии этих лиц мне неизвестны; я знаю об этом только как член Комитета из доклада Падлевского, из доклада Винницкого и из частных разговоров с Зенковичем. Принадлежал ли кто к организации из высших правительственных полицейских чиновников, об этом ничего верного я сказать не в состоянии, припоминаю только, что о полицмейстере *Мровинском*, комиссарах *Держановском* и *Трапшо*** отзывались как о прямых или косвенных друзьях организации. Комиссар *Дроздович* входил было в сношения с агентами Ковальского, но соглашение не состоялось. Я думаю, что это был со стороны Дроздовича род хитрой, но неудавшейся полицейской уловки***.

Из действий организационной полиции в Варшаве важнейшими были: а) убийство чиновника Фелькнера. Он был убит в первых числах ноября по приказанию Ковальского; если же Комитет давал со своей стороны какой-нибудь в этом отношении приговор или приказ, то во всяком случае не *в новом составе*; по крайней мере я узнал об этом происшествии не прежде, как после смерти Фелькнера. Убийцей был, сколько мне известно, некто *Цихоцкий или Циховский*, чиновник или канцелярист из комиссии финансов. Фамилию Цихоцкого я узнал только во время восстания, когда он командовал довольно сильной шайкой в Остроленском и в Ломженском уездах, под псевдонимом Замечка. Не могу, однако же, выдавать это сведение за вполне верное, потому что повторяю лишь дошедшие до меня *слухи*. Если же Циховский-Замечек был в самом деле убийцей Фелькнера, в таком случае считаю не лишним прибавить, что он принадлежит к наиболее мерзким и подлым личностям, какие только появлялись в последние годы нашей грустной истории. Я потом узнал, что он, кроме Фелькнера, убил собственноручно еще несколько человек из своей шайки и что впоследствии, бежав в

.....

* После арестования Ковальского на место его никто не был назначен. Винницкий сам непосредственно исполнял обязанности начальника варшавской полиции.

** По моему личному взгляду, наиболее помогали организации не те лица, которые занимали более важные должности в правительственной полиции, а их подчиненные: служащие в их канцеляриях, их секретари, канцеляристы и т. п.

*** Дроздович, как тогда говорили, был одним из кандидатов на должность, занимаемую прежде покойным чиновником Фелькнером. Опасаясь, чтобы не быть убитым, как его предшественник, он вошел в сношения с одним из неизвестных мне агентов Ковальского и посредством его предложил Комитету следующий взаимный договор: если Комитет дозволит Дроздовичу принять должность после Фелькнера, поручится за его жизнь и назначит ему известное денежное вознаграждение, то он обязывается, со своей стороны, помогать во всем организации, а именно, будет вести и представлять Комитету два списка: один, заключающий фамилии лиц подозрительных, которым грозит полицейский надзор или арестование, и другой, заключающий фамилии тайных полицейских агентов и шпионов с указанием их действий. Внешним знаком состоявшегося согласия должно было быть, со стороны Дроздовича, принятие агента Ковальского в свои секретари или канцеляристы; со стороны Комитета — напечатание в «*Ruchni*» нескольких грозных и ругательных слов на Дроздовича, которые он сам собственноручно напишет. Комитет принял подобного рода предложение; однако же Дроздович раздумал и притом, кажется, не получил должности после Фелькнера. Впоследствии он был одним из наиболее ненавистных полицейских чиновников.

Краков, женился там на одной молодой женщине, несмотря на то, что жена его живет в Варшаве; б) покушение на жизнь полицейского чиновника Босакевича, совершенное неизвестными мне людьми по приказанию Винницкого. Босакевич был тогда ранен; в) неудавшееся намерение сжечь бумаги, заключающие списки лиц, могущих подлежать рекрутскому набору, находившиеся в доме Бланка на Сенаторской улице. Молодой полицейский чиновник, служивший, кажется, в рекрутской комиссии (фамилии которого я не помню), обязался по приказанию Ковальского сжечь все упомянутые бумаги, но, потеряв присутствие духа в минуту исполнения полученного приказа, сжег только еще неоконченные списки лиц, проживавших в II циркуле. Он сейчас же после того бежал в Плоцкую губернию с намерением пробраться за границу, но погиб там самой страшной смертью, именно, был убит членами плоцкой организации, которые, судя по его несвязным и фальшивым словам, заподозрили в нем опасного для себя тайного правительственного агента.

2. Важным и занимавшим весьма много времени действием Комитета было преобразование воеводской организации. Администрация заговора вручена была двум действительным членам и двум помощникам. Марчевскому и мне отданы были в заведывание четыре воеводства на левом берегу Вислы; Шварцу — Плоцкое, Августовское, Белостокское и вся Литва; Богдановичу (а после него Верницкому) — Подляское, Люблинское и Русь. По представлению моему и Богдановича Комитет поручил мне составить инструкцию для пополнения июльского устава и введения нового порядка в дела организации. По этой инструкции во главе воеводства поставлен был комитет, состоявший из пяти членов: из начальника воеводства, из трех начальников отделений (военного, административного и финансов) и из комиссара центральной заговорщицкой власти в Варшаве *. Все дела решались в заседаниях комитета большинством голосов; только в чрезвычайных, не терпящих отлагательства случаях начальник воеводства имел право отдавать сам соответственные приказания. Решения, инструкции и вообще все документы комитета скреплялись печатью начальника воеводства. Существовавшие прежде агенты были или вовсе устранены, или же отданы в качестве помощников в непосредственную зависимость комиссара, который назначал и удалял их по своему личному усмотрению. Комиссар сам не мог издавать никакого распоряжения помимо комитета. Если же бы он заметил, что комитет предпринимает что-нибудь против полученных из Варшавы инструкций и приказов или против смысла и буквы 9 основных организационных параграфов, в таком случае имел право и был обязан *приостановить* такое решение — не допустить его исполнения и донести о случившемся злоупотреблении начальству заговора. Кроме того, комиссару вверен был еще полнейший контроль организационных дел во всем воеводстве; он имел право и был обязан объезжать все закоулки воеводства, знать все, производить ревизию и требовать объяснений от всех без исключения членов организации, каждый раз, как только признавал это необходимым. Поэтому комиссар имел свою отдельную печать. Все члены воеводского комитета назначались Центральным Народным комитетом в Варшаве; в непосредственных же с ним сношениях находились только комиссар и начальник воеводства. Другие учреждения организации, как например, начальники уездов, округов и проч., остались неизменными, по старому уставу.

.....
* Обыкновенно одним из членов был начальник воеводского города.

Цель и смысл новой, только что описанной реформы, ясны сами по себе, следовательно, нечего распространяться об этом. Приведение в исполнение всех нужных преобразований стоило многих трудов и много времени; отчасти вследствие существовавшей в комитете двойственности, отчасти вследствие оппозиции агентов, отчасти, наконец, потому, что организация была избалована продолжительной анархией. Несмотря, однако же, на все препятствия, я (Марчевский все еще был в отсутствии) и Богданович успели завести, насколько было возможно, новую организацию во вверенных нам воеводствах; только Шварц все еще хозяйничал по-старому, любуясь своими бессмысленными десятками и ветренными агентами.

Полного личного состава воеводской организации, непосредственно зависевшей от Центрального комитета, я перечислить не в состоянии; насколько, однако же, помню, ее составляли следующие лица.

В Краковском воеводстве: начальником был тот же самый, что и в прежнее время, Владислав Яновский, человек, по-моему, наиболее образованный и наиболее разумный из всех мне знакомых членов заговора; *комиссаром* — Войцех Бехоньский, бывший когда-то чиновником в комиссии финансов; из членов воеводского комитета помню только тамошнего помещика *Куровского*, впоследствии начальствовавшего шайкой (он атаковал г. Мехов) и чиновника лесного ведомства, проживавшего тогда в г. Кельце, кажется *Госляра*, вероятно, погибшего в восстании.

В Сандомирском: начальником был ксендз каноник Сандомирской диоцезии Котковский (кажется Войцех); комиссаром Мацевевский; прочими членами комитета: учитель Радомской гимназии Владимир Александрович, чиновник тамошнего губернского правления Валерий Томчинский (бывший после секретарем у Лянгевича) и, сколько помню, тоже какой-то радомский чиновник *Левкович*.

Калишского: начальником кс. каноник *Цент*, настоятель прихода в окрестностях Пётркова; комиссаром Густав Василевский; членами комитета: помещик Пётрковского уезда некто *Турчинович*, чиновник Пётрковского почтамта *Грживинский* и (*правдоподобно*) помещик *Богуцкий*.

Мазовецкого или Варшавского: начальником помещик Варшавского уезда, из деревни Погрошев, Людвиг Свентковский; комиссаром Станислав Франковский, воеводского комитета я здесь образовать не успел.

Подляского: начальником сначала и очень недолго тамошний помещик *Ясинский*, потом тоже помещик Бронислав Дескур; комиссаром сначала Эдуард Лисикевич, потом Роман Рогинский, вновь прибывший из-за границы ученик военной польской школы в Кунео*.

Люблинского: начальником защитник трибунала Грегорович; комиссаром Лев Франковский; членов же комитета в этих двух воеводствах я вовсе не помню; комитеты, однако же, существовали в них несомненно. В воеводствах, находившихся в заведовании Шварца, не только не были установлены требуемые инструкцией комитеты, но организация буквально осталась в них в прежнем составе.

В Плоцком: начальником был тот же самый помещик Глуховский; комиссаром Эдуард Рольский. Кроме того, остались все прежние агенты

.....
* Лисикевич был удален потому, что он, будучи недоволен назначенными Богдановичем членами воеводского комитета, хотел составить противу них протест от имени важнейших членов подляской организации и с этой целью созвал громадный съезд заговорщиков. Благодаря этому же съезду должен был удалиться и Ясинский вскоре после своего назначения из опасения гласностью своей фамилии скомпрометировать дело.

как помощники Рольского, именно Войцеховский, братья Кокосинские и еще кто-то*.

В *Августовском*: начальника воеводства не было вовсе; комиссаром был Иосиф Пётровский, агентами, помощниками его упомянутые в предыдущей главе Мрочковский и студент Каминский и вновь посланные туда Шварцом бывший ученик школы в Кунео *Скультецкий* и, не помню, какой-то семинарист. В *Августовской* губернии организация вообще была развита весьма слабо; до самого восстания не было там ни одного уездного начальника, ни одного начальника города, а окружной был только один в Кальварийском уезде, бывший эмигрант, помещик Генрих *Галера* (брат его Адольф был членом организации белых). По крайней мере только эта одна фамилия осталась у меня в памяти из рапортов Пётровского**.

В *Белостокском*. Ни начальника, ни комиссара не было вовсе. Из лиц же, игравших там более значительную роль, помню помещика Белостокского уезда *Конаржевского*, бывшего его начальником, *Белокоса*, начальника города Белостока, и чиновника железной дороги на станции *Лапы Писанко*, игравшего роль посредника между Шварцом и Белостокской организацией.

Что касается членов организации ниже воеводских комитетов, например, уездных начальников, то хотя многие были мне тогда известны, однако же, в настоящее время назвать их я не в состоянии. Довольно того, что, за исключением *Августовской* губернии и Белостокской области, начальники уездов находились везде и вообще не было недостатка в начальниках низших организационных подразделений.

Говоря об устройстве организации, я должен еще упомянуть об устройстве *почты* для пересылки менее важных организационных писем и посылок. Так называемая обывательская, помещичья почта еще не существовала до времени восстания, но были устроены особенные сообщения посредством правительственных чиновников почтового ведомства во всем Царстве Польском. Все почтовые станции разделялись на известное число почтовых округов, с особенными начальниками, которыми заведовал член Комитета Винницкий. Фамилий начальников почтовых округов я никогда не знал, потому что они не получали никаких особых назначений, и не находились в тесной организационной зависимости от Комитета, а помогали и служили ему как доброжелательная, патриотическая, но отдельная корпорация.

3. *Заведование финансами* заговора вверено было Годлевскому как председателю финансовой комиссии, состоявшей из трех членов: самого Годлевского, Иески и Николая *Эпштейна*, сына известного в Варшаве банкира. Комиссия должна была заняться сбором податей и введением большего в этом отношении порядка согласно данной для сего инструкции, содержать кассу, вести расчеты и контроль расхода и прихода. Несмотря на все усилия Годлевского, завести хороший порядок в сборе податей оказалось невозможным, главное, потому, что бывшие члены Комитета без разбора выдавали множество доверенностей, так что их всех нельзя было ни сосчитать, ни знать, в чьих руках они находятся. Все прочее, однако же, как, например, счета и контроль кассы Комитета, находились под руководством комиссии

* Во всех воеводствах моих и Богдановича, за исключением комиссаров, были только два помощника, а именно, в Варшавском Альфред де Роштейн и в Подляском, в Станиславском уезде, Мерле.

** По территориальному расположению *Августовской* губернии Комитет хотел образовать из нее два воеводства: *Августовское* и *Ломжинское*. Однако же Шварц и этого не сделал.

в превосходном состоянии, по крайней мере ничего лучшего при условиях заговора требовать невозможно. Однако же вскоре после арестования Эпштейна, с отправлением Иески, а потом и самого Годлевского за границу существовавший порядок рушился, касса и финансовые занятия переходили попеременно то в руки Падлевского, то Шварца, то Винницкого, но ни один из них не мог заменить Годлевского. Наконец, с арестованием Шварца все книжки и бумаги, заключавшие счета, из предосторожности были сожжены *. Редкий заговор был в столь цветущем положении относительно финансов, как заговор Центрального комитета; люди платили подать весьма охотно, и я не помню ни одной недели, в течение которой Комитет получал менее пяти тысяч руб. серебром. Вообще (обозначая приблизительно) в кассу Комитета поступило денег до минуты восстания около 75 000 руб. серебром. Эта сумма, конечно, не была еще достаточной, но все-таки она была огромна сравнительно с достоинством заговора и с составными его элементами. При сборе денег весьма много помогало духовенство.

4. В ряду фактов, имевших довольно значительную важность в свое время, было *закрытие заговорных списков* для новых кандидатов. Это была минутная победа моя и Богдановича, одержанная после продолжительной и горячей борьбы. Закрытие списков последовало приблизительно в конце ноября месяца. Вместе с тем приказано было приостановить всякого рода пропаганду, даже между крестьянами **, были запрещены многочисленные собрания, какие бы то ни было съезды, переговоры с белыми и со сторонниками Мерославского и, наконец, было запрещено продолжать формировать десятки. Победа эта, однако же, была более поверхностной, чем настоящей, и мы ее одержали именно благодаря тому, что сторонники ускоренного восстания хотели свободнее заняться последними дореволюционными приготовлениями и не хлопотали о новых успехах пропаганды. При этом заговор по чудовищной своей громадности, при недостатке порядка разливался, или выходил, так сказать, из берегов; десятки один за другим были открываемы полицией, и ее агенты мало-помалу входили в среду заговорщиков ***; нужно было всей бдительности начальников и напряженного труда для того, чтобы предохранить дерзких, неосторожных и крикливых членов организации от грозивших им со всех сторон опасностей.

5. *Заграничным отделением, или департаментом* заведовали Гиллер (а до возвращения его в Варшаву Падлевский) и Наржимский, с помощью Шварца. Этот заграничный департамент заключал в себе сношения с Галицией и Познанью и сношения заграничные собственно. Кроме того, к нему была присоединена пресса Центрального комитета. О каждом из этих предметов необходимо сказать по несколько слов особо.

а. *Сношения с Галицией и Познанью* не подвигались вперед ни на шаг; описанное в предыдущей главе положение дел осталось неизменным и в этом периоде. Гуттри приезжал было в Варшаву, кажется, в декабре меся-

* Шварц в минуту его ареста имел с собой свой портфель, наполненный бумагами. Ускользнув сначала из рук полициантов, он вбежал в дом Варшавско-Венской гостиницы и там отдал портфель встреченной им, вовсе незнакомой ему служанке со словами: «спрячь это и потом или отдай верному человеку, или сожги». Служанка из целой кучи бумаг избрала как попало только такие, которые занимали мало места, и спрятала их; прочие же, а между ними кассовые книжки и записки, сожгла.

** Она была поручена исключительно одному только духовенству, перешедшему на сторону организации.

*** Припоминаю, что одним из таких агентов был служивший в полиции Маркевич. Падлевский приказал убить его тут же, среди десятка, но десяток не решился на это.

це с целью войти в сношения с Комитетом от имени некоторой части познанских помещиков, но переговоры его с Падлевским не привели к желаемому с обеих сторон результату, и именно по той причине, что Падлевский не хотел отречься от срока восстания, назначенного в одно время с рекрутским набором.

б. Для сношений чисто заграничных была учреждена в Париже комиссия, состоявшая из трех членов: революционного генерала Иосифа Высоцкого, Владимира Милевича и Цверцякевича. Кроме того, был назначен состоять при них как агент для покупки оружия Мариан Лянгевич. В сущности члены комиссии и ее агент были только фигурантами, а Цверцякевич по-прежнему руководил и заведывал заграничными стремлениями Комитета, и поэтому, очень натурально, они находились в весьма жалком состоянии. К числу важнейших действий этой парижской комиссии принадлежали: покупка оружия и вербовка офицеров из эмигрантов для восстания, об этом, однако же, скажу ниже; прочие, как, например, сношения с революционерами других стран, не стоят и помину.

Мерославский, как сказано в предыдущей главе, старался образовать у нас свой собственный заговор, которого организация (по уставу, объявленному во «Всеобщем дневнике» в ноябре месяце) была сходной с организацией Центрального комитета, за исключением того, что основанием ее не были десятки, а *пятерки*. Говорят, что в Варшаве даже существовал комитет Мерославского под названием «*революционного комитета*». Члены его не были, однако, известны ни мне, ни прочим моим товарищам, и мы предполагали, что комитет Мерославского был только неосуществившимся намерением. Впрочем, не лишним считаю прибавить, что, по тогдашним слухам, офицер Косковский и студент Даниловский почитались членами этого сомнительного комитета *. Некоторое время усилил Мерославского, хотя вредил стране, раздувая огонь, однако же не были в состоянии повредить организации централистов, но после закрытия заговорных списков и приостановления пропаганды *пятерки* стали мало-помалу *деморализировать* наши десятки. Странники неперменного диктатора, воспользовавшись этим решением Центрального комитета, стали распространять между ремесленниками слухи, что «Комитет белеет, не сдержит своего слова, данного в воззвании о наборе и не думает о восстании, а потому не только не желает увеличения заговора, но напротив, намерен вовсе потушить его». Под влиянием таких слухов целые десятки в Варшаве и в воендовствах и даже некоторые старшие члены организации переходили на сторону Мерославского **. Хотя все эти потери были маловажны, но для того, чтобы не допустить развиться злу до более грозных размеров (равно как и по другим причинам) ***, Комитет решил войти в соглашение с Мерославским. Парижская комиссия была не в состоянии сделать что-либо в этом отношении. Тогда Комитет

.....
* Из известных мне по фамилиям агентов Мерославского помню в настоящее время следующих: помещиков (кажется Плоцкой губернии) Качковского, Росцишевского и Мархвинского, сотрудника редакции «Польской газеты» Льва Хмуржинского и какого-то Фабяни.

** Помещики Варшавского уезда Минецкий (кажется, отставной военный русский инженер) и Равского Тышкевич, бывшие начальниками этих уездов, перешли тогда к Мерославскому.

*** Желая восстать, следовало подумать о главнокомандующем, а Мерославский был единственным человеком, военно-диктаторским способностям которого тогда верили. Члены Комитета не составляли исключения в этом отношении; только Падлевский и Гиллер были решительными врагами нашего генерала.

послал для переговоров с Мерославским друзей его: сперва Йеску, потом Годлевского и, наконец, калишского комиссара Густава Василевского. Несмотря, однако же, на все их усилия, несмотря на то, что Комитет предлагал Мерославскому самые выгодные условия и требовал от него только не вмешиваться во внутренние дела организации и укротить своих агентов, соглашение до самого восстания не состоялось.

в. *Пресса.* «Рух» («Ruch») по-прежнему был официальным органом Комитета. Редакцией этой газеты занимался Гиллер. Кроме того, члены организации независимо от Комитета как частные лица издавали в продолжение этого времени: «Стражницу» («Strażnicę»), «Голос польского священника» («Głos kapłana polskiego»), редактором которого был кс. Карл Микошевский, викарий Свято-Александровского прихода в Варшаве, «Косиньер» («Kosinię») и еще какой-то литографированный листок, издаваемый собственно для ремесленников, заглавия которого не помню. Фамилии редакторов двух последних листков никогда не были мне известны, потому именно, что все подпольные произведения, за исключением «Руха», вовсе не находились под контролем Комитета и не получали от него ни копейки, а издавались собственными средствами их редакторов. Печатаением и рассылкой «Руха» (равно как и других печатных документов Комитета) занимался по-прежнему Шварц *. «Рух» издавался по крайней мере в 2000 экземплярах.

Всех типографий комитета в Варшаве было не более четырех, а самая главная была та, которая конфискована полицией на улице Видок в декабре месяце. (Редакторы «Стражницы» и «Голоса священника» имели свои собственные типографии.) Кроме того, Комитет разослал по одному печатному станку на каждое воеводство; только Августовское, Белостокское и, кажется, Плоцкое не получили их **. Пресса в воеводствах находилась в заведовании воеводского комитета, под контролем комиссара.

6. Особенную важность в судьбах заговора имели тогдашние *сношения Центрального комитета с духовенством.* До арестования Шварца они находились в моих руках; после перешли в заведование кс. Карла Микошевского, которому была дана для того особенная маленькая продолговатая печать, с надписью «X. Suxtus».

До конца октября месяца духовенство вообще стояло в стороне от обеих организаций (белой и красной), и только немногие младшие летами ксендзы принадлежали к той или другой из них. С первых чисел ноября какой-то странный дух поваял на служителей алтаря, они стали образовывать будто бы свою отдельную организацию, а в сущности перешли в ряды заговорщиков Комитета. Краткая история и сущность этой духовной организации следующие. Первый сигнал ко всеобщему движению подали священники Сандомирской диоцезии; за ними пошли диоцезии Краковская, Подляская, Хелмская (униатская), Люблинская и *отчасти* Куявско-Калишская; в прочих, т. е. в Варшавской, Плоцкой и Августовской, Комитет не успел завести организации по краткости времени и по множеству других занятий. Духовная организация заводилась оригинальным образом, а именно, на громадных съездах, доходивших до 80 и до 90 священников. Комитет, со

* У него же на сохранении находились, как и в прежнее время, печати, бланки, некоторые важнейшие бумаги и проч. После ареста его все эти обязанности (вместе с дирекцией типографии) перешли к Верницкому.

** Если не ошибаюсь, я где-то выше сказал, что типографские станки готовились в Варшаве, и потому недостатка в них никогда не было. Даже в Вильно посылались они из Варшавы.

своей стороны, или приказывал местным воеводским властям присутствовать на таких собраниях, или же посылал туда особенных уполномоченных агентов из Варшавы. Такими агентами были чиновник комиссии финансов Ян Майковский, посланный на съезд Подляской диоцезии, и архитектор Иосиф Яновский, посланный на съезд Люблинской диоцезии. Съехавшиеся священники после открытия собрания рассматривали положение края, достоинство и намерения обеих существующих организаций, выслушивали речи уполномоченных от Комитета и, наконец, составляли акт соединения с заговором, посредством своей отдельной организации и на основании известных условий. Содержания этих условий я повторить не в состоянии, они заключались в 5 или 7 пунктах и сводились к следующему результату: Комитет, с одной стороны, обязывался соблюдать все права католической церкви в своих приказах, даваемых священникам (это только слова для успокоения священнической совести); с другой,— члены духовной организации обязывались исполнять все приказания Комитета, между прочим, например, принимать вверяемые им заговорные должности, собирать подати и платить их, приводить заговорщиков к присяге и проч. Внешняя форма этого странного общества была весьма простая и сходная с формой организации белых. Основанием всего здания была существующая деканальная единица; ксендзы данного деканата избирали одного деканального доверенного *мужа*; деканальные же, диоцезиального *. Диоцезиальный доверенный муж находился в непосредственных сношениях с Комитетом и, кроме того, с начальником воеводства и с комиссаром. Члены духовной организации не давали никакой клятвы, но давали «*священническое слово*» (что у нас почитается едва ли не выше клятвы) на послушание Комитету и на сохранение тайны.

Избранными диоцезиальными мужчинами доверия были: Сандомирской диоцезии кс. Котковский, Краковской кс. *Вроновский* или *Вноровский*, Люблинской кс. *Сосновский*, Подляской кс. *Панковский*, Хелмской униатской, не помню, кто. Все они были люди пожилые, каноники, весьма уважаемые всеми. В Калишской диоцезии духовная организация не была окончена, потому что получившие доверенность Комитета образовать ее кс. каноник Цент и два другие ксендза, фамилий которых я не помню, сочли более соответственным сделать это в тишине, начиная с деканальных выборов и, таким образом, до восстания они успели завести организацию лишь в одной половине диоцезии, а потому и не было в этой диоцезии диоцезиального доверенного мужа.

Особенной деятельностью как заговорщики и как проповедники духовной организации отличились перед другими священниками сандомирские. Это были настоящие агенты Центрального комитета; сами, по собственной воле, без приказания из Варшавы рассылали ксендзов во все прочие диоцезии Царства Польского и в Галицию с целью уговаривать всех образовать духовную организацию и соединиться с Комитетом. Из этих своего рода новых апостолов я помню только две фамилии, именно ксендзов Маевского и Щепанского ¹.

* И те и другие мужчины были избираемы во время съезда; только по особой надобности производились вторичные деканальные выборы.

¹ В приложении к докладу Бергу от 6(18) марта 1865 г. за № 8147 Розвадовский подал составленный самим Авейде список членов революционной организации, не названных Авейде в его первоначальных показаниях, но упомянутых в «Записках». В списке этом значатся: Цент, Котковский, Вроновский или Вноровский, Сосновский, Панковский, Маевский, Щепанский,

Характер духовной организации ясно виден из вышепредставленного очерка. Подобного рода явление было возможно только у нас и только под конец 1862 г. Сначала священники хотели играть роль посредников между белыми и красными и с этой целью взялись образовывать свою организацию, но вскоре, сами того не замечая, они сделались заговорщиками, и притом весьма деятельными и усердными. Большая часть воеводских податей была собрана духовными: из 34 уездных начальников по крайней мере десять было ксендзов, а многие были начальниками округов и городов. (От белых они совершенно отстали, в особенности потому, что Дирекция в одной из своих конструкций бросила тень на духовенство, будто бы оно для иезуитских целей соединяется с красными)*. Вскоре после образования духовной организации в некоторых диоцезиях священники почувствовали, что они поступили противно буллам о карбонарах, масонах и прочих тайных обществах; кроме того, они стали раздумывать о том, что довольно легкомысленно предались душой и телом Комитету, члены которого вовсе не были им известны и который очень легко мог сделать их орудиями против прав и пользы католической церкви. Чтобы хоть сколько-нибудь поправить это невыгодное положение и успокоить чувствительность священнической совести, диоцезиальные доверенные мужи Котковский и Панковский вместе с несколькими другими ксендзами съехались в Варшаву и потребовали от Комитета назначить уполномоченного агента для переговоров с ними о деле. Комитет назначил меня, еретика, для решения этого щекотливого католического вопроса. Собрание наше было в монастыре Доминиканов. Ксендзы представили мне между прочим следующие требования:

а. Позволить членам духовной организации написать письмо или адрес к папе и отправить его при посредстве архиепископа познанского Пржилуцкого; этим адресом они хотели разъяснить святому отцу значение духовной организации и доказать, что она вовсе не противится папским постановлениям о карбонарах. Хотя я знал, что ксендзы-заговорщики берутся за неразрешимый вопрос, однако же я позволил им пробовать счастья, с усло-

Куровский, Госляр, Томчинский, Левкович, Турчинович, Гживинский, Богуцкий, Ясинский, Скультецкий, Габера, Конажевский, Бялокоз, Писанко (примечание: «Трое последние указаны были Авейде по вопросу из Виленской следственной комиссии») Эпштейн, Качковский, Росцишевский, Марквинский, Хмужинский, Фабиани, Миневский, Тышкевич (отмечено «сын эмигранта»), Цихоцкий или Циховский. Сведения о всех этих лицах ограничивались данными, приведенными в тексте «Записок». В списке значится также Здзислав Янчевский со следующими сведениями: «студент медицинского факультета Главной школы, был членом академического округа варшавской городской организации». В список были включены также (с выделением в отдельный раздел) чины полиции Мровинский, Держановский, Трапио и Дроздович, о последнем приведен весь относящийся к нему текст «Записок» (см. примечание к стр. 472). В конце списка приведены следующие сведения о судьбе упомянутых в нем лиц (описаны Розадовским): «Кс. Котковский — находится за границей. Кс. Магский — находится за границей, Куровский — за границей. Госляр — правдоподобно убит в стычке. Томчинский — находится за границей. Эпштейн — сужден и сослан в Сибирь Марквинский — находится за границей. Миневский, Тышкевич и Янчевский — тоже. Галера, кажется, выслан в Россию. Цихоцкий (Замечек) находится за границей» (ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 277—279).

* Я довольно усердно занимался устройством духовной организации. Целью моей были: в о - п е р в ы х, влиять посредством ксендзов на охлаждение революционной горячки заговорщиков и иметь в них сторонников против партии ускоренного восстания; в о - в т о р ы х, я хотел организовать посредством этих целых сотен духовных агентов сильную, однородную, одновременную во всех закоулках края пропаганду между крестьянами. Надежды мои не сбылись; ксендзы вообще были краснее меня, а на крестьянскую пропаганду не хватило времени.

вием, что адрес к папе не будет затрагивать вопроса о светской власти и об итальянских делах и что текст адреса будет мне представлен прежде, чем доверенные мужи его подпишут. Кажется, что это намерение не осуществилось, и именно вследствие того, что духовная организация не была окончена; по крайней мере адрес не был мне представлен, и не думаю, чтобы ксендзы меня обманули: откровенность и добродушие Котковского и несомненный революционизм Микошевского ругаются мне в этом.

б. Второе требование касалось отношений духовной организации к Комитету. Ксендзы домогались дозволить доверенным мужам избрать одного *непременного* члена Комитета, который играл бы роль стража церковных прав и интересов. Конечно, я отказал им в этом. Вместо того мне удалось убедить их принять другие гарантии неприкосновенности церкви, будто бы более выгодные и более безопасные для духовной организации, а именно, я обещал, что Комитет *сам назначит* одно лицо из среды ксендзов начальником секции духовных дел, ему вверит все дела организации священников, установит для него отдельную печать и обязывается не выдавать никакого приказа, касающегося чисто *церковных предметов*, не спросив прежде его мнения. Ксендзы были довольны таким решением, и вскоре после арестования Шварца кс. Микошевский был назначен начальником духовной секции и получил печать «X. Suxtus».

7. Среди всех этих занятий двойственность, существовавшая в самом Комитете, приходила мало-помалу к развязке. Здесь буду говорить о *суждениях и спорах между членами Комитета по поводу окончательного срока восстания*. Эти суждения и споры могут быть предметом весьма длинного трактата потому, что они были постоянны и едва ли не ежедневны, причем самый спорный вопрос пятьдесят раз был решен и пятьдесят раз члены вновь поднимали его. Однако же вместо длинного рассуждения об этом я ограничусь кратким, сжатым представлением характера главных споривших личностей как предмета, не лишнего, быть может, некоторого интереса для правительства. Между этими личностями следует отличить три небольшие группы: к первой принадлежали я и Богданович, ко второй Гиллер и Марчевский и к третьей Наржимский, Шварц и Падлевский.

а. Мнение мое и Богдановича по вопросу о восстании и наши намерения указаны мною выше; довольно сказать, что мы сражались за них неусыпно, боролись всеми силами, не признавая себя никогда окончательно побежденными, а дело решенным, и предполагали, что обстоятельства края, что опыт, что очевидность убедят наконец наших противников в ошибочности их мнений и взглядов. Никогда и ничего я не отставал с большей напряженностью всех моих душевных сил, как мысль об отдалении срока восстания.

б. *Вторая группа*. Гиллер был долгое время для меня лицом загадочным, впрочем, характер его обрисовывался довольно ясно. Я не мог себе представить, чтобы в человеке, страдавшем в нерчинских рудниках за народное дело, могло вмещаться самолюбие, да при том прежалкое самолюбие, соединенное с трусостью, с недостатком твердости духа и с недостатком любви для цели, которой он, как казалось, посвятил жизнь свою. Словом, Гиллер был честолюбивый трус, самонадеянный журнальный фанфарон, прикрывавшийся достоинством опытного, пламенного *сибиряка*. Не зная его близко, и предполагая, что он находится за границей по каким-либо важным тайным делам, я с нетерпением ожидал его прибытия в Варшаву, надеясь встретить в члене следственного июньского комитета, в авторе июльского

устава руководителя, а по крайней мере дельного сотрудника для моих действий и намерений. Но мало-помалу призраки уступали место действительности. Я узнал, что Гиллер находился за границей не по делам организации; я убедился, что он гордится в равной мере победой над Хмеленским и Домбровским, преобразованием организации, своим сумасшедшим изобретением «народного правительства» и своими исполненными лжи корреспонденциями краковского «Часа» («Czas»). Самолюбие его приятно раздражалось при мысли быть *главой* людей, приготовляющих революцию, но он не слил души своей с судьбами ее, с судьбами этих людей. Все его действия, как это доказывает положение дел в Познани, Галиции, за границей и стоявшая ниже всякого достоинства пресса были не более как пустая забава литератора. Как искоренить в организации бездну нелепостей и анархию, как предотвратить грозу, дышавшую кровью собратьев? — об этом Гиллер вовсе не думал. В вопросе о сроке восстания он был противником объявления *карточки о наборе*, но тем все и кончилось; о том же, что именно следовало сделать для того, чтобы не допустить восстания в январе месяце, он даже не дал себе труда поставить вопроса. Подав голос вместе со мной, он не обращал внимания на то, что победа переходит в руки наших противников, а напрягал все свои усилия единственно к тому, как бы ловче извернуться из щекотливого положения, как бы умыть руки и свалить с себя всю ответственность на чужие плечи, не чувствуя вовсе, что революция и край гибнут, что он, поступив в организацию еще в июне месяце, трудясь для нее, раздувая огонь, уже давно принял на свою совесть тяжелую ответственность перед богом и отечеством.

Такое было отношение Гиллера к вопросу о жизни и смерти революции и такой был характер его действий.

Марчевский был человек чистый, добрый, честный, без тени честолюбия и эгоизма; мысли о порядке и о действиях по мере возможности не были чужды этому одному из лучших наших молодых инженеров и математиков; притом он по своей натуре был существом до того спокойным, что мысль о революции никогда бы не могла в него вселиться, если бы не побудило его к тому общее стремление, возникшее из народного прошедшего. Все эти добрые качества уничтожались одним недостатком: слабостью воли, недостатком мужеского характера и мужеской твердости. Кроме того, Марчевский, будучи чрезвычайно занят при постройке Варшавско-Бромбергской железной дороги и находясь уже другой год в организации среди отвратительного хаоса, был так измучен, до того выбился из сил, что (при слабости воли) сделался настоящим автоматом. Оставить же организацию и передать свою должность другому, более свежему и деятельному лицу он не хотел, не мог: заговорщики любили этого благородного, скромного человека, и он их любил душевно. Эти-то недостатки были причиной того, что Марчевский весьма мало занимался делами организации и не всегда даже появлялся в заседаниях Комитета. Скажу более, эти недостатки были причиной того, что все (кому только вздумалось) по-прежнему проказничали и делали глупости насчет Марчевского, заранее зная, что он даже не поборанит за это; все рассуждали и решали дела без него, будучи убеждены, что он примет всякое решение. Так точно было и с вопросом о восстании. В разговорах со мною Марчевский вполне соглашался, что восстание во время рекрутского набора невозможно по той простой причине, что нельзя воевать без оружия, но с той минуты, когда он попал между других наших товарищей противного мнения, он, поспорив немного, наконец, соглашался

и с ними, что если нет другого средства выйти из трудного положения, то что же делать, в таком случае «восстать необходимо». Атмосфера убивала последние остатки самостоятельности бедного человека.

Группа третья. Наржимского я не знаю столь близко, как других моих товарищей, потому, что он был членом Комитета всего недели две: от арестования Богдановича до арестования Шварца; притом я лично не любил его. Однако же, насколько тогдашние споры могли дать мне возможность узнать характер Наржимского, он был среди нас всех единственным, так сказать, *оконченным* революционером; хладнокровный, вполне сознающий свои слова и действия, он настойчиво вызывал безотлагательную революцию, несмотря на то, что знал превосходно недостаточность материальных средств. Притом я должен по справедливости сказать, что он был наиболее способной личностью из нас всех, из всего без исключения нашего состава. Базисом всех теорий Наржимского было следующее: когда общество *сознает* необходимость и неизбежность ускоренной революции, тогда люди, стоящие во главе движения, имеющие в своих руках инициативу, непременно должны смело и решительно подать сигнал к всеобщему бунту. Они должны это сделать под угрозой проклятия потомства, тем более, что создающее необходимость войны общество создаст ее и без их сигнала само при первой встретившейся случайности; но только в таких условиях революция, не руководимая никем, будет менее сильной, следовательно, дающей меньшее ручательство в успехе. Недостаточность же средств пополнит сильное революционное правительство среди пожара восстания. Потому-то Наржимский требовал и постоянно настаивал на том, чтобы Комитет бросил все, все проекты и усилия основательного преобразования организации, все сношения с духовенством и т. п. занятия, а посвятил исключительно все время, день и ночь трудам, ограниченным словами: *оружие, амуниция, офицеры, окончательные инструкции*, ввода тотчас же чисто военную администрацию. О Шварце нечего говорить. Я сказал прежде, что это был благородный, деятельный фанатик и энтузиаст; этих слов довольно, чтобы достаточно представить его характер. Шварц был готов сделать революцию всякий день, начиная с первого числа ноября месяца.

Наконец, о личности и характере Падлевского я был бы в состоянии написать целые страницы; это даже необходимо для полного очерка революционных действий; принимая, однако же, во внимание, что этот несчастный друг мой пал уже безвозвратной жертвой проклятой революционной гидры, я ограничу воспоминание о нем лишь несколькими словами. Падлевский представлял собою смесь качеств и недостатков на основаниях самых благороднейших чувств. Он не был чужд честолюбия, в особенности военного, но честолюбие это имело свои границы и имело свое достоинство; он отдал душу за предмет любви своей. Он имел сильную непреклонную волю, но при других его недостатках ее следует назвать справедливее *упорством* молодого человека. Падлевский был весьма способным и талантливым человеком, но чтобы развить эти способности, для него была еще необходима школа. Он был человек образованный, *но блестяще, так сказать, его образование* нельзя было назвать основательным. Как военный он понимал дисциплину и порядок, мог даже написать преполезную об этих предметах статью, но сам никогда не успел применить своих понятий в этом отношении к практике. Он был в состоянии говорить *по целым часам* прекраснейшие речи, которые смело можно было напечатать в каком-нибудь революционному журнале, но красноречие его было *только* блистательно, как и его

образование. Падлевский, наконец, был решительным революционером, но революционизм его следует назвать в полном смысле *доктринерством*. Между тем как каждое слово Наржимского выросло, так сказать, из его крови, из души его, слова Падлевского не были *его собственностью*, а *навеянным извне материалом*. Несмотря, однако же, на умственное превосходство Наржимского, Падлевский был настоящей главой защитников ускоренного восстания, потому именно, что был весьма любим в организации, потому что был начальником города и имел на своей стороне по крайней мере большую половину комиссаров и, следовательно, мог располагать во всякую минуту судьбами Комитета.

Таковы были характеры главных действующих членов Комитета и такова их роль в вопросе о сроке восстания. Об окончательном результате наших споров едва ли следует упоминать; революционная решительность трех последних при слабости Марчевского, при негодности и тоже слабости Гиллера, победили меня и Богдановича и, согласно обещанию, высказанному в карточке о наборе, срок восстания был постановлен одновременно с набором.

Первоначально победители прибавляли условие: «если набор будет превышать 15 тысяч человек», но впоследствии забыли об нем; впрочем они не могли принять его во внимание потому, что число рекрут было неизвестно до самой последней минуты набора*.

8. Я сказал, что споры о сроке восстания повторялись бесконечно. Поводом к этому было между прочим то, что организационные события тогдашнего времени попеременно рождали *обстоятельства, говорящие то в пользу партии Падлевского, то, напротив, сильно восстававшие против ее безумных намерений*. О тех и других я должен поговорить отдельно.

А. *Обстоятельства, побуждавшие к ускорению революции*. К ним принадлежали: напор со стороны организации, в особенности городской, и, во-вторых, напор со стороны комиссаров и бывших агентов. Относительно первого нечего долго распространяться. Этот напор не проявлялся никакими особыми фактами, но давал чувствовать себя постоянными домогательствами, повседневным напоминанием Комитету со стороны самых старших и самых младших членов городской организации: сдержать обещание, данное им в октябре месяце. Преданность их была безгранична, но только под условием сдержать обещанное. Малейшее подозрение в противном возбуждало всеобщий ропот и даже переход на сторону Мерославского. Такое настроение главной опоры всех действий Комитета рождало в самом деле трудное и напряженное положение, тем более, что Комитет отчасти сам не хотел, отчасти не имел смелости и решимости заняться его искоренением.

.....
* О четырех остальных наших товарищах не упоминаю потому, что они имели менее влияния на ход дела. Впрочем, не будет неуместным и об них сказать несколько слов.

Годлевский был менее других подавлен кровавой атмосферой, совесть бедного человека домогалась иногда своих прав среди революционных теорий, но быть вполне самостоятельным у него не хватило силы. Иеску смело можно было бы отправить в дом умалишенных на излечение. Винницкий, хотя был дурным почтовым чиновником, но все-таки я думаю, что он лучше понимал служебные свои обязанности, чем роль свою в заговоре. Верницкий, наконец, хотя окончил университетские науки, но недостаток, можно даже сказать — ограниченность способностей не позволила ему развиваться. Притом возбужденные революцией страсти породили в нем (впоследствии) некоторую степень самолюбия. Впрочем, относительно Верницкого я могу ошибаться потому, что мы очень часто спорили между собой и не любили друг друга.

Затруднительность положения увеличивали еще комиссары и агенты. Им вообще не нравился октябрьский переворот; последовавшая же за ним реформа в воеводской организации, образование комиссарской должности, устранение агентов и ограничение значения прежних распорядителей должны были еще более развить существовавшее неудовольствие. Потому-то все комиссары и бывшие агенты весьма легко получали убеждение, что Комитет *«белеет»*, а с этим убеждением теряли к нему доверие, нередко не слушались его и делали наперекор получаемым инструкциям и приказаниям; некоторые даже не хотели отдавать собранных денег, намеревались покупать оружие и готовить революцию без ведома Комитета, по собственному своему усмотрению*. Видя, однако же, что все их выходы не удаются и что Комитет перестал даже говорить им о том, что делает и что намерен сделать в будущем, комиссары и агенты постановили действовать совокупными силами и решительно. С этой целью они съехались в деревню какого-то помещика *Стройновского* в Варшавском уезде и там, в собрании, составили документ в форме прошения к Комитету, который и был представлен Падлевскому. Документ этот состоял из нескольких пунктов, в которых между прочим комиссары просили Комитет открыть им (как наиболее доверенным его лицам) свои тайные намерения и действия и объяснить окончательно, решил он призвать народ к восстанию в минуту рекрутского набора или нет? Кроме этого документа, авторы его постановили еще на совещании у *Стройновского*, что если Комитет откажется вовсе отвечать им на их вопросы или же если ответ этот будет отрицательный, то в таком случае они откажут ему в дальнейшем послушании и станут действовать сами или посредством нового переворота, или другим путем. Когда Комитет получил прошение комиссаров и узнал об их тайных намерениях, то я советовал воспользоваться случаем и сделать самим переворот, т. е. удалить всех без исключения подписавшихся на представленном документе, назначить сейчас же новых и объявить в организации, что все действия, задуманные удаленными членами, подлежат суду и строгому наказанию. Но Комитет побоялся новых переворотов и беспорядков и решился на полумеру, а именно, побранил комиссаров за то, что они поступают *противозаконно*, и объявил им в общих словах, что предшественники наши не приготовили никаких материальных средств и что они в настоящее время весьма скудны, но что мы будем стараться всеми силами не допустить осуществиться набору и призвать народ к восстанию, разве крайняя невозможность воспрепятствует этому. Недовольные, конечно, удовольствовались этим решением и разъехались в свои воеводства готовить революцию.

В. *Обстоятельства, говорящие против ускорения революции.* К числу их принадлежали: письма заграничных друзей организации, приезд *Милковского* в Варшаву и наши сношения с заговорщиками в Литве и Руси, с военными и с русскими революционерами.

а. Когда был дан приказ парижской комиссии покупать и доставлять в пределы Царства Польского оружие не позже первых чисел января

.....

* Рольские, например, задержали у себя полученные подати и заключили контракты с некоторыми заграничными фабрикантами оружия. Один из них, *Иосиф*, был удален за это; другой, *Эдуард*, не прежде отдал Комитету деньги и заключенный в *Люттихе (Liège)* контракт, как после угрозы суда за утайку организационных сумм и после публичного об этом объявления. *Кокосицкие* отправили было за границу при посредничестве какого-то неизвестного мне негодяя около 3000 руб. серебром на покупку *револьверов (!)*; но деньги и револьверы и посредник пропали без следа.

месяца 1863 г., тогда Высоцкий, Бакунин, Герцен и Маццини (трое последние узнали об этом от Цверцякевича) ясно увидели, что наши заговорные усилия приближаются к своей развязке. Мысль, что восстание может быть начато преждевременно, т. е. в январе, встревожила их всех, и потому все они отправили письма в Комитет, в которых советовали и просили его для нашей и их пользы не восставать раньше весны, т. е. апреля или мая месяца 1863 г. Маццини, Герцен и Бакунин требовали этого от имени солидарности международных, точнее междуреволюционных интересов и прямо объявили, что если революция вспыхнет у нас раньше желаемого ими времени, то мы повредим этим во многом и помешаем революционерам других стран. Высоцкий, этот любимый и уважаемый нами старик, подробно разобрал все бессмыслие январского срока и просил, даже по отцовски умолял своих молодых друзей не убивать себя собственными руками. Все эти письма остались без влияния на ход дел и подали только повод к возобновлению обыкновенных споров между членами Комитета.

б. Сигизмунд Милковский, один из более серьезных и благоразумных наших эмигрантов, проживавший постоянно в Придунайских княжествах, зная о продолжительном существовании организации и предполагая, что конец приготовлений недалек, прибыл в начале декабря месяца в Варшаву с целью разузнать дело на месте и предложить Комитету свои услуги, могущие быть не бесполезными для революции. Милковский приехал с рекомендацией Щепанского из Кракова и Стефана Бобровского, впоследствии революционного начальника города, находившегося тогда в Галиции. Мне и Годлевскому поручено было принять предложения прибывшего. Доверяя вполне разуму Милковского и почитая его в некотором роде революционным авторитетом, я с полнейшей откровенностью рассказал ему настоящее положение заговора и просил его объявить с такой же точно откровенностью, что он думает обо всем мною представленном. Милковский ответил, что он считает восстание в январе месяце при существовавших тогда условиях величайшим несчастьем для отечества и не ручается даже за двухнедельную жизнь такого восстания. Поэтому он просил Комитет не делать самоубийства. Я благодарил его за откровенность, она давала мне в руки новое орудие, но не убедила моих товарищей.

Услуги, какие Милковский был в состоянии предоставить революции, заключались в возможности устроить в Молдавии агентуру для транспортирования оружия через Константинополь на Русь и в возможности образовывать там же, в Молдавии, сильный 2000-ный отряд эмигрантов не прежде, однако же, апреля месяца 1863 г. О перевозке оружия через Константинополь нечего тогда было думать; а потому Комитет принял второе и поручил Милковскому заняться образованием отряда, приказав быть готовым перейти в апреле месяце в русские губернии. С этой целью Комитет обещал доставить в Константинополь 3000 штук оружия (две для эмигрантского отряда, а третью в запас для волонтеров внутри края) и дал Милковскому около 5000 руб. серебром на первоначальные издержки. При этом Милковский получил приказание прислать подробный расчет стоимости всего предприятия и находиться в постоянных сношениях с Варшавой (Комитет не мог исполнить всех своих обещаний, а Милковский сформировал не двухтысячный отряд, а маленький батальон, состоявший из 600 или 800 человек. Князь Куза после двух стычек в Молдавии не дозволил Милковскому перейти границу; впрочем, отпустил всех волонтеров на волю и пригласил начальника их на обед).

в. *Сношения с Литвой*. Мы уже видели в каком жалком положении находились они до октябрьского переворота; пародия белостокской организации находилась в заведовании Центрального комитета, а об остальной части Литвы доходили в Варшаву лишь темные, неопределенные слухи. Эти слухи, наконец, разъяснились в первой половине ноября месяца с прибытием в Варшаву уполномоченного делегата Виленского провинциального комитета кандидата С.-Петербургского университета Эдмунда *Вериго*. Вериго приехал в сопровождении помощника виленского агента Дюлёрана, молодого человека *Вилькошевского* *, с полномочием завести и упрочить сношения между провинциальным и Центральным комитетами. Шварц получил поручение принять прибывшего делегата; однако же, когда он прямо объявил, что с Шварцом не будет говорить ни одного слова, Комитет назначил на место его сперва меня и Богдановича, а потом одного меня. Из всего сказанного мне Веригой я узнал следующее.

После толчка, данного Яном Франковским под влиянием усилий Шварца Дюлёрана, образовался наконец в Вильне провинциальный комитет. Времени его окончательного образования не помню, во всяком случае это последовало не прежде августа месяца 1862 г. Членами этого комитета в минуту прибытия Вериго в Варшаву были следующие лица: он, Вериго, кандидаты С.-Петербургского университета помещики Сигизмунд *Чехович* и Константин *Калиновский*, виленский фотограф Ахилл *Бонольди*, отставной русский военный инженер Яков Козелло и виленский доктор Длуский **. Комитет после своего образования, хотя еще не вошел в непосредственные сношения с Центральным комитетом, но в основании признал себя в зависимости от него, принял июльский устав, призвал Дюлёрана в свои заседания и малопомалу начал заводить в Литве организацию. Вскоре, однако же, с самого начала действий возникли разные споры и недоразумения между Комитетом и Дюлёраном, Шварцом и другими варшавскими агентами в Гродненской губернии, споры, которые перешли в открытую вражду. Поводы к этому были весьма серьезные и основательные, а именно: литовцы отчасти по причине различия в местных составных элементах народонаселения, отчасти потому, что хотели действовать благоразумнее нашего, нашли необходимым сделать некоторые отступления от июльского устава и от варшавской системы действий. Они ни за что не хотели начинать свои действия формированием десятков, а все свои усилия обращали исключительно на устройство главных воеводских органов. Кроме того, признавая немногочисленных христианских жителей в городах Литвы достаточно приготовленными в революционном отношении, они постановили обратиться всю возможную силу пропаганды на крестьян и поэтому прибавили к органам июльского устава «начальников приходов», исключительно предназначенных для этой цели. Между тем Дюлёран, ученик и поклонник варшавской школы десятков, не только противился такому, по его понятиям, *белому злоупотреблению*, но начал под крыльями Комитета действовать по своему, по варшавскому образцу, мешая на каждом шагу благоразумным литовским стремле-

* Вилькошевский был послан в Вильно из Варшавы; он поссорился с Дюлёраном и сделался агентом провинциального комитета. Как мне говорили, он погиб во время восстания в Минской губернии.

** Я перечислил шесть лиц; один из них был или дежурным агентом Комитета, или начальником города Вильно, но который именно, не помню. Все перечисленные лица были постоянно членами провинциального комитета до самого закрытия его в феврале месяце 1863 г.

ниям. Кроме того, Шварц и его агенты в Гродненской губернии еще более увеличивали замешательство *. Будучи не в состоянии ни убедить, ни обуздать Дюлёрана и других, виленский комитет постановил решительными мерами восстановить разрушавшийся порядок и потому удалил из среды своей Дюлёрана, запретил членам организации под страхом наказания слушаться в чем-нибудь кого-либо из варшавских агентов и приказал убить Шварца при первом появлении его в пределах Литвы. Желая, однако, в то же время находиться в неразрывном единстве с Варшавой, Комитет отправил туда Веригу с рапортом о состоянии организации в Литве и с разными своими требованиями.

Из представленного мне рапорта я увидел, что литовская организация слаба и только еще начинала формироваться, но что литовцы действуют хорошо и успешно. Воеводские органы существовали уже на деле (хотя не в полном составе) в Гродненской, Ковенской, Виленской и отчасти в Минской губерниях; кроме того, в Вильне и других губернских городах, в которых находится более христиан-католиков, заводились десятки, могущие служить опорой Комитету и его властям и могущие быть полезными для их действия. Число всех заговорщиков, насколько помню, не превосходило 3000 человек, наиболее же развитой была Гродненская организация. Денег Комитет не имел еще вовсе, за исключением организационных складок.

Из подпольных листков издавались: «Знамя Свободы» («Chorągiew Swobody»), редакцией которого занимались сами члены Комитета, и два на белорусском наречии для крестьян «Гуторка старого деда» («Hutorka staraho dzieda»), «Мужицкая правда» («Муіўскаја правда»), которых редактором был Константин Калиновский.

Требования Вериги заключались, между прочим, в следующем: 1) издать устав, определяющий взаимные отношения двух комитетов; 2) оба они должны быть признаны вполне равными, а Центральный только первым между равными; 3) уполномоченные от обоих Комитетов, постоянные агенты или комиссары, должны быть тоже равными как в отношении предназначаемой им роли, так и в отношении правил для их назначения и удаления; 4) назначить окончательный срок восстания не иначе, как с согласия обоих комитетов; 5) не посылать из Варшавы в Литву решительно ни одного агента, за исключением постоянного виленского; 6) удалить безотлагательно Дюлёрана и тоже безотлагательно отдать белостокскую организацию в заведование литовского комитета.

Центральный комитет с первого раза отказал Вериге во всех пунктах; однако же приказал мне всеми силами стараться войти с ним в соглашение и написать требуемый устав. После некоторых переговоров мне удалось наконец убедить Веригу сделать значительные уступки; Комитет уступил тоже, и мы составили устав, который был принят обеими сторонами. Главными пунктами этого устава были: 1) первенство и власть Центрального комитета остались неприкосновенными; 2) комиссар его в Вильне пользовался большими правами, чем уполномоченный литовский агент в Варшаве; 3) власть провинциального комитета в пределах провинции признавалась полной и исключительной; однако же она ограничивалась приказами Центрального комитета, контролем комиссара и необходимостью его согласия при решении некоторых вопросов первостепенной важности. Для

* Из этого вышло, что бедная Белостокская область, а отчасти и другие уезды Гродненской губернии имели две организации, взаимно одна другой мешавшие: нашу, шварцовскую, и литовскую, провинциального комитета.

этого была установлена отдельная комиссарская печать; 4) постановлено было больше не посылать из Варшавы агентов в Литву; 5) срок восстания решено было назначить с согласия литовского уполномоченного агента; в противном случае Литва увольнялась от обязанности принять его. Кроме того Дюлёран был удален; на его место до времени назначения другого был послан Юлий Верещинский, а Белосток должен был перейти в заведование провинциального комитета тотчас же после утверждения взаимных соглашений договаривавшихся сторон.

Хотя Верига по моим просьбам и настояниям принял устав, однако же недоверие к Варшаве, выработанное прошедшими нелепостями ее агентов, было столь велико в литовцах, что провинциальный комитет не утвердил условий, заключенных своим уполномоченным, не допустил Верещинского в свои заседания и выслал другого своего члена, Длуского, для новых переговоров, на основании прежних своих требований. Длуский прибыл в Варшаву в начале декабря месяца и находился здесь до минуты восстания. Однако же, несмотря на столь продолжительное время, несмотря на всевозможные уступки со стороны Центрального комитета и на мои самые напряженные усилия, согласие между нами не состоялось. Недоверие и настойчивость провинциалов были слепы, а Длуский был упрямый, твердый до закосности литовец, при том человек тупой и теряющийся в мелочах*.

Таким образом, согласие между самыми важными русско-польскими провинциями не было установлено до самой минуты революции.

Силы литовской организации, конечно, не могли значительно увеличиться по самой краткости времени. Мы не получили из Вильна ни копейки; равным образом эта провинция ничего не доставила на покупку оружия.

г. *Сношения с Русью.* Эту «*telegram incognitum*» открыли наконец и разъяснили прибывшие в Варшаву русские уполномоченные: отставной полковник русского генерального штаба Эдмунд Ружицкий и молодой помещик Волынской губернии Хамец. Они приехали в Варшаву почти в одно время с Веригой и для такой же цели, с той лишь разницей, что члены русской организации, не имея дела с варшавскими агентами, не чувствовали к нам такого недоверия, как литовцы. Хотя прибывшие переговаривались с Падлевским и с другими членами Комитета, однако же окончательно поручено было Верницкому и мне принять от них рапорты и написать устав.

Русская организация образовалась сама собой из остатков существовавшего там прежде круга «*Тройницкого*» вследствие толчка, данного агентами Центрального комитета Бужинским и Франковским. Когда именно сформировался там провинциальный комитет, этого с точностью не помню, но кажется, что незадолго до отправления делегатов. Комитет состоял из следующих лиц: Эдмунда Ружицкого, помещика Волынской губернии Чапского, профессора медицинского факультета Киевского университета Коперницкого, помещика (кажется Подольской губернии) Яблоновского, и не помню, какого-то ксендза, проживавшего тогда, если не ошибаюсь, в городе Житомире. Постоянного местопребывания Комитет не имел, а попеременно открывал свои заседания в Житомире, Киеве и в Каменец-Подольске.

.....
* Он был прежде солдатом на Кавказе (как политический преступник); получив помилование в 1856 г., поступил в Московский университет и там окончил медицинский факультет. Во время восстания Длуский был офицером и служил под командой Сераковского в Ковенской губернии; потом командовал там же отдельной шайкой под псевдонимом Яблоновского. Он был последним начальником на всем пространстве Литвы и распустил людей (бежав сам за границу) не прежде лета 1864 г.

При устройстве организации июльский устав подвергся и здесь, также как и в Литве, некоторым изменениям. Вся провинция разделялась не на воеводства, а на три малые провинции — Украину, Волынь и Подолию; провинции на уезды, уезды на округа и т. д. В главе первых стояли так называемые «управления» (Zarząd Ukrainy, Zarząd Podola, Zarząd Wołynia), состоявшие из трех членов, назначаемых Комитетом; прочими подразделениями заведовали особые начальники. Особых агентов и комиссаров не было вовсе. В понимании вопроса о десятках и об образе действий члены русской организации были вполне сходны с литовцами. Что касается силы и значения организации, то она, по собственным словам делегатов, находилась еще в начале своего существования и вообще была очень слаба. Три «управления» были уже составлены, но на остальных местах недоставало многих начальников, а число заговорщиков не было известно. Подпольного листка русины никогда не издавали, денег не имели.

Вопрос об устройстве провинциальных дел был решен скорее и успешнее с русскими делегатами, чем с литовскими, потому что и они были спокойнее и доверчивее, и Центральный комитет был лучше расположен в их пользу. Составленный при этом устав почти ничем не отличался от неудавшегося литовского, за исключением того, что власть нашего комиссара на Руси была ограниченнее.

После отъезда уполномоченных сношения наши с русским провинциальным комитетом не подвинулись ни на шаг вперед до самого восстания. Мы не посылали туда своего комиссара и не имели провинциального уполномоченного агента; никаких денег, никаких даже рапортов не было присылаемо оттуда в Варшаву.

Таковы были сношения Центрального комитета с Литвой и с Доднепровской Русью. Нельзя назвать их слишком успешными и могущими побуждать к ускорению восстаний. Считаю при этом нужным прибавить, что прибывшие тогда в Варшаву уполномоченные из Литвы и Руси в разговорах о сроке восстания умоляли не начинать открытой борьбы раньше апреля или даже мая месяца 1863 г., говоря откровенно, что более ранний срок будет их гибелью. Они, как бы условившись, объявили, что если революция вспыхнет у нас в январе месяце, то они не примут в ней никакого участия до половины марта, потому что в противном случае они могут подвергнуть свои провинции всем ужасам социальной резни; с марта же месяца, хотя они и готовы поднять оружие, но будут драться без веры в успех и лишь для того, чтобы не отставать от Царства Польского и чтобы удержать часть русской армии и этим помочь нашим военным действиям.

д. *Сношения с военными.* Они наделали в свое время много шума и возбудили много говора, а между тем в сущности военнореволюционные действия и их результаты совершенно незначительны и ничтожны. Об этом предмете я считаю необходимым поговорить подробнее для избежания всяких двусмысленностей и заподозрений в неоткровенности.

С прибытием в С.-Петербург офицера Сигизмунда Сераковского (помилованного в 1856 г.) под его личным влиянием стали мало-помалу около него группироваться, в особенности среди польского общества, два кружка: штатский и военный. К штатскому между прочими принадлежали профессора университета Владимир Спасович, Балтазар Калиновский и Антон Чайковский, литерат-поэт Эдуард Желиговский (редактор журнала «Слово» («Słowo»), издаваемого некоторое время в С.-Петербурге), Иосафат Огрызко, чиновник и известный издатель польских книг и др. Этот круг

никогда не переходил за пределы дружеского круга литераторов и ученых. Один только из всех его членов, Иосафат *Огрызко*, с марта месяца 1863 г. принадлежал к революционной организации и был агентом народного правления в С.-Петербурге. Другое значение имел *военный кружок* Сераковского. Из лиц, принадлежавших к нему, о которых пришлось мне слышать или с которыми я был знаком лично, могу назвать следующих: Новицкого, Яна Станевича, Лясковского, Жвирждовского, Ярослава Домбровского, Гейденрейха, Варавского, Коссовского, Вржесневских *, Голензовского, Юндзилла и др. Считаю нужным прибавить, что названные мною фамилии не составляют и десятой части друзей Сераковского. Влияние этого необыкновенного, хотя несовершенного человека, этого быстрого и высокообразованного ума, этого горячего, вдохновенного сердца, было огромно и невыразимо. Смело, не боясь преувеличения, могу сказать, что почти все молодые офицеры, кончившие в последних годах петербургские военные академии, были друзьями Сераковского и членами его военного круга. По крайней мере я во всю мою жизнь не встретил человека более его влиятельного, более любимого и уважаемого, и несомненно убежден, что влияние его в кругу товарищей было беспримерно.

До 1861 г. военный петербургский кружок следует назвать *ничем не связаным обществом друзей*, не более как *патриотов и либералов*. Они спорили о всех жизненных внутренних и внешних вопросах своего времени, критиковали правительство, забавлялись так называемой запрещенной литературой. Конечно, были разговоры о революции и вздохи о ней, но никаких определенных революционных намерений, а тем более действий тогда еще не существовало, и главным образом, я думаю потому, что внутренние дела России не представляли к тому никакого повода и что Сераковский никогда не был человеком решительным в революционном отношении и вообще не был революционером по призванию. В 1861 г. под влиянием манифестаций некоторые более решительные члены военного кружка постановили, наконец, выйти из этой неопределенности, а именно, они постановили сблизиться с людьми, руководившими манифестационным движением в Царстве Польском и в западных губерниях, и по соглашению с ними распространять революционную пропаганду между военными, в особенности служащими в пределах бывшей Польши. Целью такого постановления было приготовление как можно большего числа офицеров для восстания и обесиление армии. Чтобы осуществить эти намерения, говорят, был образован летом 1861 г. в С.-Петербурге *военный комитет*, который тогда же отправил трех агентов в три главные центра военных сил в польских провинциях: в Варшаву, в Вильно и в Киев. Этими агентами были: в Варшаве Домбровский, в Вильне *Жвирждовский*, в Киеве, как кажется, *Варавский*. Существовал ли на самом деле военный комитет в С.-Петербурге, в этом не могу удостовериться, повторяю лишь дошедшие до меня слухи. Как о более деятель-

* Один из Вржесневских, кажется, принимал участие в восстании и служил под командой Сераковского в Ковенской губернии; другой, по имени Альф, был начальником главной квартиры при особе его императорского высочества великого князя наместника в Варшаве. Сей последний служил верно и не принимал ни малейшего участия в каких бы то ни было действиях противу правительства, вовсе не скрывая своих убеждений. Сераковский, наш общий знакомый, на вопрос мой о характере и образе мыслей Вржесневского сказал мне, что «Альф пропал для нас». Думаю, что между служащими в армии есть много таких лиц, которые прежде задумывали преобразовать мир и проявляли зачатки будущих отъявленных революционеров, а потом сделались верными и хорошими слугами своего государя.

ных членах Комитета говорили об офицерах: лаборанте химии в артиллерийской академии *Коссовском* и каком-то *Юндзиле*. По моему мнению, эти революционные намерения военных были только беспорядочной попыткой двух, трех десятков молодых офицеров, а не проистекали из какого-либо заранее обдуманного плана, так что на самом деле между ними не существовало никакого комитета. Кто предпринимает образование комитета, тот в то же время устраивает и подчиненные ему органы; между тем никакой военной организации, никакого определенного военного заговора не существовало, по крайней мере, несмотря на все мои усилия и расспросы, мне не могли указать ни малейших следов его. Поэтому я думаю, что все толки о комитетах происходили только благодаря фразерству Домбровского и что на деле было только несколько таких голов, как Домбровский, которые условились в Петербурге действовать заодно в пользу вышесказанных целей и разобрали между собой роли соответственно личному положению каждого, без всякого *органического плана*.

Как бы то ни было, Домбровский, Жвирждовский и Варавский начали действовать, а наиболее деятельным из них был Домбровский. Одну половину программы он выполнил, т. е. вошел в сношения с революционерами края и даже играл (как мы видели) первостепенную между ними роль. Нужно только удивляться, что он при его образовании и других качествах, не сумел воспользоваться своим положением для пользы революции и что хотел даже совершить такое сумасбродство, как задуманное восстание в июне 1862 г. Другая половина программы, хотя казалась более согласной с личным положением и характером Домбровского, однако же не имела такого даже успеха, как первая. Фантазия и организация не идут вместе рука в руку. Нет никакого сомнения, что Домбровский имел обширные личные связи и знакомства между офицерами, поляками и русскими, и распространял пропаганду, что он находился в постоянных сношениях с Петербургом, с Жвирждовским и Варавским, но в сущности военный комитет, а тем более два, польский и русский, существовали только в воображении Домбровского и в надеждах и мыслях людей, судивших о делах, не зная их, и в двух печатях, находившихся в кармане у Шварца. В этом убеждают меня все сведения, какие только я мог получить во время моих революционных сношений. Гиллер и Маевский откровенно объявили мне, что офицеры, призванные в заседание *следственного комитета*, были только личными друзьями Домбровского, а не членами несуществовавшего комитета или его агентами. Фамилий этих офицеров, равно как и других знакомых Домбровского, я никогда не знал, за исключением нескольких лиц, принявших участие в восстании, которых назову ниже. Осмеливаюсь только раз еще с твердым убеждением уверить правительство, что я после моего поступления в организацию не нашел *и следа* этого мнимого богатства нашего организационного генералиссимуса, хотя он с жаром старался открыть эту столь необходимую для нас Америку.

С арестованием Домбровского дела находились еще более в дурном положении. Вместе с ним или скоро после него были тоже арестованы Гейденрейх, Варавский и другие мне неизвестные, Жвирждовский благодаря сильной протекции генерала Назимова поплатился только перемещением в Москву; даже, как кажется, следствие по делу арестованием коснулось и лиц, действовавших в Петербурге. У нас никто не заступил места Домбровского, а тем более никого не было назначено на место Жвирждовского и Варавского в Вильно и Киев. В Петербурге, сколько

я слышал, Коссовский, Юндзил и их сотрудники постановили притихнуть на некоторое время*.

После октябрьского переворота Центральный комитет поручил Падлевскому обновить дело Домбровского и образовать один русский военный комитет и другой — малый польский, которого бы он сам был председателем и который бы в виде нашего военного департамента занялся военными приготовлениями к революции. Падлевский, несмотря на несколько недель его усилий, не мог исполнить данного ему поручения. Офицер Шлиссельбургского полка Потенбя, скрывавшийся тогда в Варшаве от розысков полиции, принялся было за дело образования русского комитета и русской организации в Царстве Польском, даже написал несколько писем (всего не более пяти) от имени идеального русского комитета, которые Шварц скрепил старыми печатями и разослал к разным офицерам, служившим в воеводствах, но этим все и кончилось: ничего существенного, ничего серьезного не было, комитета не существовало. Из военных, находившихся тогда в сношениях с Падлевским или с другими членами организации, я помню, кроме Потенбни, следующие фамилии: молодого артиллериста *Маевского*, капитана артиллерии *Конрада Томашевского* (впоследствии псевдоним Боньча), какого-то офицера *Криера*, служившего в Плоцкой губернии, молодого кавказского офицера *Карла Левенгардта*, *Домбровского* (брата Ярослава), *Островского* и *Грековича*, служивших где-то в окрестностях Пётркова или Опочна**. Кроме того, Падлевский говорил, что он имел сношения с несколькими офицерами, служившими тогда в Новогеоргиевском гарнизоне, фамилии которых мне неизвестны. Я не сомневаюсь, что к воеводской организации принадлежали еще, хотя не в значительном числе, другие офицеры-поляки, но они считались наравне с прочими членами организации, не имели никакой особенной роли и не были известны в Варшаве.

Этим ограничивались все наши успехи на поприсе государственной измены в армии, находившейся в то время в Царстве Польском.

Когда надежды Комитета не сбылись, тогда Падлевский получил поручение в первой половине декабря месяца отправиться в С.-Петербург с целью (между прочим) войти в сношения с комитетом Коссовского, подчинить его Центральному комитету и получить оттуда несколько более образованных офицеров для занятия мест членов проектируемого военного департамента и для пропаганды между военными. Через неделю Падлевский возвратился в Варшаву и в результате своей поездки узнал, что комитет Коссовского существует на самом деле, но что не желает быть от нас в зависимости и будет сохранять свою полную самостоятельность до минуты восстания, с этого же времени перейдет в распоряжение революционного правительства. Вместе с тем члены комитета обязались помогать особо каждому революционному комитету разных провинций и обещались прислать в Варшаву желаемых нами офицеров. Хотя эти результаты, сообщенные Центральному комитету Падлевским, были сами по себе незначительны, но и

.....
* Что и как делали Жвирждовский и Вараевский в Вильне и Киеве, об этом мне неизвестно; предполагаю, что они тоже не сделали ничего важного. Первый из них находился в сношениях с членами Литовского провинциального комитета, а второй отыскал, говорят, остатки «Тройницкого». После Жвирждовского его роль принял на себя Яков Козелло и находился в постоянных сношениях с Петербургом.

** Томашевский, Левенгардт, Домбровский (2-й), Островский и Грекович принимали участие в восстании; о прочих мне не известно. Потенбя, приехавши в лагерь Лянговича во время стычки под Скалой, в Радомской губернии, вступил волонтером в ряды косинеров и убит.

они по краткости времени не осуществились, и обещанные офицеры не приехали в Варшаву до самой революции. Никакой переписки между нами и Петербургским военным комитетом не было.

Вот краткий, но вполне откровенный очерк сношений Центрального комитета с военными до начала восстания, породивших в свое время так много толков и надежд. Подробнейшие сведения об этом могут дать сами упомянутые мною выше, действовавшие лица *.

е. *Сношения с русским заговором.* До самого выезда Падлевского в С.-Петербург, т. е. до декабря месяца, мы не имели никакого верного сведения о том, существует ли в России революционная организация. Падлевскому поручено было при помощи рекомендации Бакунина и Герцена и при помощи друзей Коссовского стараться во время своего пребывания в С.-Петербурге разузнать истину и войти в сношения с русскими революционерами. Ему в самом деле удалось открыть главу их «*Центральный Народный Русский комитет*», который охотно принял наш вызов, и союз между нами состоялся на основании гиллеровского письма к редакторам «Колокола». Членов этого комитета я всех не помню, но между прочими его составляли кандидат С.-Петербургского университета юрист *Утин*, некто *Слепцов* и, если не ошибаюсь, *Михайлов*; оба последние по имени и роду занятий мне не известны. Члены комитета откровенно объявили Падлевскому, что революционная организация в России только еще вначале, слаба и не имеет большого влияния в обществе. Касательно приблизительного срока революции они сказали, что об этом еще не подумали, но во всяком случае революция в России немислима прежде мая месяца 1863 г.: притом члены просили нас не начинать польского восстания ранее означенного времени, откровенно признаваясь, что в противном случае мы им помешаем в их действиях, а они не будут в состоянии подать нам ни малейшей помощи, разве только будут стараться располагать в нашу пользу общественное мнение в России и попробуют сделать маленькое вооруженное движение на Дону (где, будто бы, организация была более развита) с целью помешать и разделить силы правительства. Слова Падлевского подтверждались привезенным им письмом Центрального Русского комитета на французском языке. С тех пор до восстания мы переписывались с этим комитетом не более двух раз: переписка эта не заключала в себе ничего важного, и единственной целью ее было поддержание постоянных дружеских сношений. Наши письма были тоже на французском языке с неперемненными «*Salut et fraternité.*» После открытия восстания революционное правление отправило всего одно письмо в Центральный Русский комитет в половине марта месяца 1863 г., с вопросом: может ли он в чем-нибудь содействовать нашему восстанию; члены комитета отвечали, что ни в чем не могут помочь нам, за исключением влияния на общественное мнение. Сношения между нами производились посредством виленского комитета и при помощи офицера Коссовского в Петербурге.

Сколько мне известно, русский комитет был открыт и дело о нем находилось в руках виленской следственной комиссии **.

* Комитет Коссовского существовал и во время восстания и был передан в распоряжение так называемого Виленского Исполнительного отделения, которому он, как я слышал, оказал большие услуги. Нам в Царство Польское комитет прислал всего два экземпляра топографических карт, Голензовского и не более трех или четырех других лиц. Комитет Коссовского был открыт; он сам был арестован, находился в Вильне и, насколько мне известно, во всем сознался.

** До какой степени была слаба революционная организация в России, об этом можно судить из следующего примера: комитет имел одну тайную типографию, которую содержал

9. Несмотря на все вышеисчисленные весьма важные и вопиющие недостатки, Комитет не отступал от своего решения поднять оружие в январе месяце. Прямым последствием такого решения, натурально, была *покупка и приготовление оружия и призвание эмиграционных офицеров из-за границы.*

Относительно первого, Комитет начал заботиться с первого же дня существования своего в новом личном составе и занимался этим с лихорадочной энергией. Деньги посылались в парижскую комиссию всякую неделю по мере того, как поступали в кассу Комитета: приказ покупать оружие был отдан заранее, в первых числах ноября месяца. Сколько всех денег отправлено в Париж, я с точностью не помню, но приблизительно полагаю, что не менее 45 000 руб. серебром. Комитет приказал заключить контракт в Лондоне с неизвестным мне фабрикантом на покупку 8000 ружей с некоторым количеством аммуниции: и хотя сумма, которая была послана для этой цели, была недостаточна, однако же парижская комиссия объявила, что после уплаты большей половины за означенное в контракте число ружей, на остальную часть фабрикант откроет кредит по рекомендациям поселившихся в Лондоне наших революционных друзей. Все закупленное оружие должно было быть отправлено в пределы Царства Польского не позже первых чисел января месяца. Кроме того, Комитет дал еще 4 или 5 тысяч талеров молодому помещику Липновского уезда *Феодору Яцковскому* * на покупку двухсот штук оружия исключительно для Плоцкой губернии по контракту, заключенному Эдуардом Рольским в Пруссии или в Люттихе. Никаких других поручений Комитет не давал в этом отношении до самого восстания.

Одновременно с вышесказанными заграничными приготовлениями Комитет приказал всем своим воеводским властям собирать и покупать всякого рода оружие отчасти на суммы от личных пожертвований членов организации, отчасти на предназначенный для этого 10%-ный сбор в каждой провинции, впоследствии увеличенный в такой мере, что каждое воеводство имело по крайней мере 2000 руб. серебром на свои военные приготовления.

Вместе с тем поручено было познанскому агенту Лукашевскому и пограничным на левом берегу Вислы воеводствам устроить несколько удобных пунктов на прусской границе для провоза оружия. Таких пунктов было около шести, из которых я помню три: деревню *Липинужки* на границе Липновского уезда (кажется, это имение Яцковского), таможенную *Щипёрно* близ Калиша и третий около *Мысловиц*, где мы имели постоянного агента, тамошнего купца Станислава Мацевевского (пруссий подданного).

Вызов офицеров-эмигрантов был послан заранее, но крикливые и воинственные эмигранты не так охотно, как бы это казалось, принимали его, так что из старших, более способных и известных, никто не появился до самого восстания. Прибывшие эмигранты были *Левандовский*, впоследствии назначенный начальником Подляского воеводства (он был тяжело ранен и взят в плен), Лянгевич и несколько других, из которых помню фамилии двух бывших австрийских офицеров *Рогалинского* и *Сковронского* **.

.....
в Острове (!), маленьком городе на Петербургском шоссе. Когда полиция открыла ее и конфисковала, члены комитета не сумели запастись другою. Виленский комитет послал им в Петербург один из своих станков, но они побоялись получить его из почтовой экспедиции, так что он был отправлен обратно в Вильно и попал в руки полиции.

* Яцковский был начальником своего уезда, но впоследствии, будучи скомпрометирован, скрывался и при этом исполнял обязанности помощника комиссара Рольского.

** Виноват отчасти Цверцякевич в том, что только такие люди и в столь малом числе прибыли к нам. Рогалинский и Сковронский были в полном смысле слова негодяи, а последний даже можно сказать вор.

10. Вскоре после решения о сроке восстания, и именно, если не ошибаясь, в начале декабря месяца, Комитет начал обдумывать *план его осуществления*¹. Дело было трудное; с одной стороны, Падлевский (в особенности как военный), а за ним и прочие наши товарищи одного с ним мнения, несмотря на все теории и горячку не могли отрицать, что нет сил, что на всяком шагу недостает многого, что, следовательно, драться с верой в успех невозможно: но, с другой стороны, какой-то дьявол толкал моих друзей по пятам «карточки», и, по их убеждению, нужно было непременно сдерживать слово: не допустить набора, защитить своих заговорщиков. Эту неразрешимую задачу взял на себя разрешить Падлевский и представил следующий план.

а. Так как нет достаточных материальных средств, и остается еще сделать многое, следовательно, нельзя восставать на всем пространстве русско-польских владений, то по сему весь край и в минуту набора, и после него, *до дальнейшего времени*, должен быть совершенно спокоен. Тайная организация должна существовать в возможно большем порядке: она должна напрягать все свои усилия к тому, чтобы, с одной стороны, удерживать заговорщиков от подачи малейшего повода правительству к преследованиям или к усиленному надзору, а с другой, — к тому, чтобы в самом скором времени покончить и пополнить недостающие приготовления.

б. Все заговорщики, которым угрожает рекрутский набор, и вообще все люди этой категории задолго еще до минуты набора не должны находиться на месте постоянного их пребывания. Все они должны заранее по указанному маршруту под надзором и при помощи местных воеводских властей перемещаться с одного места на другое и собираться в условленных пунктах на тайно приготовленных для них квартирах. Сборные пункты должны назначены в южном гористом пространстве Радомской губернии, как более удобном во всех отношениях, в особенности же в окрестностях Домбровы и Сухеднёва. Такое перемещение лиц подлежащих рекрутской повинности называлось *дислокацией* (?).

в. Все транспорты оружия, офицеры и вообще все приготовления долж-

¹ На основании предшествующего текста «Записок» Авейде составил список членов революционной организации, не упоминавшихся в его прежних показаниях. Этот список Розвадовский представил как приложение к докладу Бергу 13(25) марта 1865 г. за № 5150. В список вошли: Стройновский, Вериго, Калиновский, Чехович, Длуский, Бонольди, Вилькошевский, Огрызко, Звездовский, Варавский, Коссовский, Юндзилл, Маевский, Кригер, Левенгарт, Домбровский (Теофиль), Островский, Грекович, Утин, Слепцов, Михайлов, Яцковский, Левандовский. Никаких дополнительных сведений, помимо сказанного в тексте «Записок», список не содержит. Как обычно, список завершается сведениями о судьбе перечисленных лиц (написаны Авейде):

«Стройновский — находится за границей. Вериго — сужден и сослан на каторгу. Чехович — тоже. Калиновский — казнен в Вильне. Бонольди — находится за границей. Длуский — тоже. Огрызко — арестован и под следствием в Вильне. Звездовский — казнен. Варавский — находится в цитадели под следствием. Коссовский — арестован и под следствием в Вильне. Юндзилл — тоже. Островский — сдался сам в руки правительства в Опочне в январе месяце 1863 г. Грекович — за границей. Яцковский — за границей. Левандовский — ранен в сражении и взят в плен в марте месяце 1863 г. Вилькошевский — правдоподобно погиб в стычке в мае месяце 1863 г. в Минской губернии».

Далее следует указание: «О членах виленского Провинциального комитета, об Огрызке, Вилькошевском, лицах военных и членах Русского Центрального комитета Авейде дал подробные показания по востребованию Виленской следственной комиссии» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 283—284). В этом же деле имеется составленная Авейде справка по трем вопросам: «1) организация белых, ее характер, существо и цели; 2) личность и характер Эдварда Юргенса; 3) причины поединка между гр. Адамом Грабовским и Стефаном Бобровским» (там же, лл. 342—344). На документе помета «Для отправления в Вильно».

ны быть устремлены тоже к сборным пунктам, на которых сформируется, таким образом, в минуту набора тайно приготовленная, хорошо вооруженная по крайней мере 10-тысячная *армия беглецов*. Эта армия как состоящая из людей, которые имеют позади их военную службу и наказание за побег, перед собой сильного врага, а в душе любовь к отечеству и давно приготовленную страсть к битвам за его независимость, будет настоящей *армией отчаянных*. Руководимая сильной, понимающей ее дух рукой, появившись вдруг, действуя нечаянно, смело, наступательно, она может без всякого сомнения действовать с успехом и доставлять победы.

г. Из этих трех основных пунктов плана проистекали далее следующие возможные последствия. Если бог нам поможет и армия отчаянных беглецов будет двигаться вперед, расти, побеждать, тогда не только устраняются всякие опасения со стороны крестьян, но мы приобретем их расположение и еще более, при пожаре этой эксцентрической борьбы, при блеске ее побед существующая в полном порядке организация будет собирать деньги, покупать и перевозить оружие, Литва и Русь дозреют и т. п.; наконец, после одного или двух месяцев Комитет призовет народ к повсеместному восстанию, которого главным корпусом, учителем и спасителем будет армия беглецов. В таком случае первоначальные действия в Радомской губернии будут считаться *началом восстания*, и будет вполне сдержано слово, данное в октябре месяце. Если же, напротив, превосходство русских сил принудит нашу армию отступать, уменьшаться и будет ее постепенно истреблять, тогда она разделится на малые партизанские отряды и будет или вести далее партизанскую войну или же скроется в лесах и на тайных квартирах, пока не придет время повсеместного восстания. В этом другом случае, первоначальная, вступительная борьба не будет считаться началом революции, а *кровавым протестом, кровавой защитой против рекрутского набора*. Тогда заговорщики будут убеждены, что Комитет предпринимал все, что было в его силах, для исполнения данных им обещаний, организация будет спасена, срок восстания отсрочен до дальнейшего времени, край получит ясное доказательство, что мы по трудности положения погибали сами, не подвергая его всем ужасам преждевременной революции. Потому-то, имея в виду возможную гибель армии беглецов, Комитет не должен был выдавать никакой прокламации к народу, которая бы придавала этому неизвестному по своим последствиям движению характер народного восстания.

К этому плану Падлевского Наржимский представил еще маленькую поправку, или лучше сказать прибавление, а именно: так как жителям Августовской и Плоцкой губерний и некоторых приваршавских окрестностей слишком далеко приходилось путешествовать на юг края, то Наржимский требовал образовать вместо одной две армии беглецов, тем более, что это разделит и силы правительства. Сборным пунктом проектируемой другой, меньшей армии, должны были служить огромные, во многих местах неприступные леса в Остроленкском и других смежных с ним уездах Плоцкой губернии, или так называемая «Мышинецкая пуца». Кроме местных удобств, в пользу этого пункта говорили еще: хорошее будто бы расположение крестьян и мелкой шляхты и достаток охотничьих ружей*.

.....

* Жители мышинецких окрестностей, так называемые курпи («Kurpie»), почитаются у нас до сих пор лучшими стрелками. До 1831 г. самый беднейший крестьянин имел одно ружье, а чаще и более; после же этого времени, не помню, в котором году, правительство приказало их отобрать у всех без исключения курпёв. Несмотря на это, они много ружей скрыли.

Положение дел было столь трудно, что Комитет схватился за проект Падлевского как за единственную спасительную ладью и принял его с поправкой Наржимского в основание всех своих будущих действий. Падлевский тогда же был назначен командиром южной армии и получил приказание безотлагательно представить соображение о необходимых для своего плана приготовлениях. К числу самых главных приготовительных мер принадлежали: во-первых, наблюдение за тем, чтобы оружие было привезено вовремя, в полном ожидаемом количестве и со всевозможной предосторожностью; во-вторых, приготовление квартир и составление дислокации. Для первой цели отправлен был за границу Францишек Годлевский, который повез с собой около 60 000 франков, адреса транспортных пунктов и несколько других важных заметок. Второго рода приготовления почти все Падлевский взял на себя; между прочим он составил весьма хорошие инструкции, изготовил с удивительной точностью подробные маршруты, приказал сделать запас денег, изготовил бесчисленное множество войтовских паспортов и проч.

Среди всех этих занятий Падлевского и Комитета вдруг случилось непредвиденное обстоятельство, которое совершенно разрушило все предприятия, а именно: быстрая и непонятно прозорливая парижская полиция арестовала Цверцякевича, Милёвича и Годлевского немедленно после приезда его в Париж со всей суммой 60 000 франков, с адресами и другими бумагами *. Настоящая причина и цель этого ареста неизвестны; полиция говорила, что получила приказ арестовать наших друзей вследствие подозрений об опасных и враждебных для Франции сношениях их с Маццини и с французскими революционерами, находящимися в изгнании. Комитет не хотел сначала верить полученному об этом ударе сведению, но через несколько дней уже не было в том никакого сомнения. Приехавший в Варшаву из Парижа Сераковский привез уведомление Высоцкого о случившемся несчастии, со всеми его подробностями. Притом Высоцкий говорил откровенно, что нет надежды на скорое окончание дела об арестованных **.

Таким образом, лондонский контракт, адреса транспортных пунктов и другие подобные тайны были открыты, деньги и люди задержаны, надежда получить оружие вовремя пропала безвозвратно, а с нею пал сам собою и план Падлевского. Положение дел значительно ухудшилось, и Комитет не знал, что предпринять в будущем.

На беду Комитета, судьба ниспослала ему еще другой удар, почти одновременный с арестом Годлевского: самая лучшая тогдашняя наша типография была открыта полицией на улице Видок, и был арестован Шварц. Это встревожило членов Комитета, тем более, что не было ничего известно о том, что сделалось с портфелем Шварца; все думали, что он тоже находится в руках правительства.

На другой день после ареста Шварца последовала перемена в составе Комитета.

.....

* Хотя Годлевский выехал из Варшавы весьма тайно и под чужим именем, однако же полиция, арестуя его, сказала, какая его настоящая фамилия, когда он выехал из Варшавы и т. п. подробности.

** Оно окончилось незадолго до начала восстания. Все были отпущены на волю, но отправлены за границу Франции. Цель этой выходки французской полиции непонятна, тем более, что она кажется, вовсе не уведомила правительство Царства Польского о сделанных открытиях.

Обзор событий заговора со времени ареста Шварца до 22 января 1863 г.

Прежде, чем буду писать далее, прошу дозволить мне сказать несколько слов о самом себе. Прочитывая предыдущие страницы, очень легко может родиться вопрос: почему я, при моих убеждениях, остался членом Комитета, который руководился совершенно противными. Скажу откровенно: причиной этому мой величайший природный недостаток, в котором труднее всего признаться, именно, недостаток энергии и воли. Все мои несчастья были тяжелым последствием этого недостатка, а с тем вместе заслуженным наказанием. Я сказал выше, что мы с Богдановичем постановили не оставлять ни за что Комитета и трудиться как можно более, чтобы сделаться необходимыми и иметь в своих руках по крайней мере все тайны и нити и посредством сего увеличить свое влияние и иметь возможность располагать судьбами организации. Мы были верны своему слову, работали до утомления, не смущаясь довольно часто встречаемым недоверием и подозрениями и не утрачиваясь превосмогающего большинства наших противников. Но, к моему несчастью, недели две спустя Богданович был арестован, и я остался один среди враждебной моим намерениям атмосферы. Я не уставал напряженно трудиться, но положение мое делалось со дня на день труднее. Я с течением времени понял, что личность моя нужна Комитету и во многих занятиях здесь необходима; однако же влияние мое на ход дел, на решение основного жизненного вопроса так же точно было ограничено, как и прежде, с той лишь разницей, что товарищи мои в декабре месяце более прежнего признавали истину слов моих. Наконец, появился план Падлевского. Когда Комитет принял его, то, видя невозможность осуществить мои надежды, я просил уволить меня от исполняемых мною обязанностей; Комитет, однако же, отказал мне в этом, а некоторые из товарищей позволили себе, хотя деликатно, бросить на объявленное мною желание тень трусливости, малодушия и еще более тень каких-то тайных намерений, враждебных организации. Тогда я остался, объявляя, впрочем, откровенно, что с тех пор, с минуты принятия плана Падлевского, я перестаю быть самостоятельным и деятельным лицом, а буду только простым ответственным орудием, исполню буквально полученные приказания, но только буквально, без участия моего личного ума и сердца. После этого заявления мое личное положение сделалось не только трудным, но *отвратительным, преступным*. Гибель революции и края были для меня очевидны, а между тем я не только не был в состоянии предотвратить их, но службою своею Комитету иногда помогал им. Правда, для человека, который бы имел такие же, как и я, связи в заговоре, и при том человека более меня разумного, а по крайней мере более решительного и энергического, был прекрасный исход из этого дурного положения: именно, сделать новый переворот в организации, но на это не хватило у меня силы. Притом, хотя я понимаю, что политические перевороты в данных обстоятельствах не только не преступление, а напротив, заслуга, но действия, тайные, хитрые и ложные (без которых нельзя было обойтись, задумывая какой-нибудь переворот) относительно моих товарищей, были для меня столь противны, что я чувствовал отвращение приняться за них.

Между тем Годлевский был арестован, план Падлевского рушился, надежда спасения мелькнула перед моими глазами; арестование Шварца увеличило ее. После этих событий Комитет совершенно упал духом, сделался нерешительным, не знал, что делать далее, и потому я решился воспользоваться этим и обновить состав Комитета совершенно новыми личностями, предполагая, что новые люди без старых предрассудков под влиянием пе-

чальной действительности отстанут от сумасшедших проектов своих предшественников. С этой целью я представил Комитету следующее. Факты, совершившиеся с некоторого времени, как-то: открытие целой сотни наших заговорщиков, арест Ковальского, *организационного начальника полиции*, открытие типографии, арестование Шварца и проч. ясно доказывают, что правительственная полиция имеет в своих руках следы, по которым может добраться до членов Комитета. Это тем более заслуживает внимания, что двое полицейских появились в наших десятках, а между тем обстоятельства края и заговора таковы, что забота о неприкосновенности членов Комитета должна составлять одну из важнейших наших обязанностей. Поэтому я предложил моим товарищам поручить двум из среды нас избрать совершенно новый состав Комитета, вполне тайный, из пяти только лиц, без помощников. Мы, члены старого состава, обязывались удалиться добровольно, немедленно после передачи дел новоизбранным посредством вышесказанных двоих уполномоченных, обязывались не стараться узнать фамилии наших преемников и стоять совершенно в стороне, разве кто-либо из новых членов призовет которого-либо из нас в свои *личные* помощники. Комитет, настигнутый врасплох, принял предложение и, к большому моему удивлению, для избрания новых членов и для устройства нового порядка дел назначил меня и Марчевского, приказав только принять от новоизбранных присягу на сохранение основных параграфов и *соблюдение основных начал предшественников*. Несмотря на последнее условие, я обрадовался таким исходом моего предложения, потому что никакая присяга не обязывает человека со здравым разумом делать нелепости и вред. Новоизбранными членами Комитета были кс. Карл Микошевский, Ян Майковский, Иосиф Яновский, Агатон Гиллер и Падлевский. По всем расчетам и предположениям, большинство четырех против одного было согласно с моими взглядами в вопросе о сроке восстания; Падлевского же по его значению и силе в городе устранить было невозможно. Комитет дал требуемую присягу и принялся за дела организации, распределив занятия следующим образом: Гиллер и Падлевский остались при прежде исполняемых ими должностях; Яновскому была поручена администрация дела Литвы и Руси; Майковскому — финансы и печать; Микошевскому — духовная организация и крестьянская пропаганда. Члены старого состава остались личными помощниками отдельно каждого нового члена, а я, кроме того, был назначен посредником между ними и потому постоянно присутствовал в заседаниях Комитета. Казалось что все пошло как нельзя лучше. Однако же радость моя была кратковременна, план был хорош, но исполнение его необдуманное и, можно сказать, легкомысленное. Я скоро почувствовал, что не только ничего не выиграл с последовавшей переменой, но, напротив, положение мое значительно ухудшилось, потому, что, принимая на себя труд образования нового Комитета и устройства нового порядка, я этим самым взял на себя огромную ответственность за будущее и неразлучно соединил свою личность с действиями избранного мною Комитета. Вскоре после открытия заседаний нового состава оказалось, что призвание Микошевского и Гиллера было огромной и невознаграждаемой ошибкой. Не зная хорошо кс. Микошевского, я согласился на его выбор по представлению Марчевского, будучи убежден, что редактор «Голоса польского священника» (*Głos kapłana polskiego*) хотя революционер, но по самому его духовному сану должен быть человеком серьезным, спокойным и добросовестным; притом люди говорили, что он человек разумный. Между тем на деле оказалось совершенно другое: Микошевский

ничем не отличался от прежних моих товарищей, с той разницей,⁷ что он был самолюбивый эгоист до ребячества, преступно равнодушный к окончательному исходу напряженных обстоятельств края, притом человек совершенно тупой. Гиллер тоже обманул меня. Я надеялся, что он, принимая призвание быть членом нового Комитета, поймет, наконец, меня, что старый сибиряк чувствует вполне лежащий на нем долг относительно отечества и воспользуется наступившей переменой. Но страшная гроза висела перед глазами, время забавляться прошло; литератор, побужденный любопытством новости, принял место в новом составе, но только на минуту. Несколько дней спустя он, несмотря на все мои просьбы, удалился, а на место его был избран по представлению Падлевского оставшимися членами Комитета Стефан Бобровский, человек до того времени неизвестный, только что прибывший из Галиции и который оказался отъявленным революционером.

Таким образом, гибельное для моих намерений большинство перешло опять в руки Падлевского.

Первоначальные заседания нового Комитета, хотя они не заключали в себе ничего важного и решительного, но все еще давали мне некоторую надежду. Падлевский, огорченный поступком парижской полиции, был не в состоянии представить никакого другого плана; прочие члены вообще признавали невозможным остановить решение предшественников и, казалось, думали лишь о том, как проложить светлый путь для будущего среди грозной окружавшей нас тьмы. Скоро, однако же, непредвиденное обстоятельство поставило на ноги колебавшегося Падлевского и дало ему новую несбыточную надежду. Это был план повсеместного восстания, основанием которого была внезапная атака крепости Новогеоргиевска. Подробностей этого плана не помню; главным же образом он доказывал, с одной стороны, возможность взять Новогеоргиевск силой четырех тысяч решившихся на все людей, кое-как вооруженных (потому, что крепость не находилась в оборонительном положении и имела только с небольшим две тысячи горнизона, который не мог даже предполагать подобной дерзости со стороны восставших); с другой стороны, он представлял возможность при помощи богатых запасов крепости образовать в самое короткое время по крайней мере пятидесятитысячную армию. Атаке Модлина должно было сопутствовать одновременное восстание во всех уголках края. Мне стыдно повторять в настоящее время подобные фантазии, которые, по словам Падлевского, заимствованы из планов Ярослава Домбровского, призвавшего их из тюрьмы на двух исписанных карандашом листах*; однако же Комитет принял фантазии Домбровского в основание будущих своих действий и то не большинством голосов, а *полным единогласием*; даже Майковский и Яновский, которые до того времени ни на волос не отступали от меня, объявили себя тоже в пользу атаки Новогеоргиевска в минуту рекрутского набора. Все мои опровержения и споры были напрасны; злой дух отечества опутал моих друзей. Падлевский был назначен главнокомандующим задуманной атаки и получил приказание развить план.

После такого решения Комитету не оставалось ничего более, как заняться последними дореволюционными приготовлениями, тем более, что до дня ожидаемого набора оставалось всего три или четыре недели. Эти приготовления состояли между прочим в приготовлениях к атаке Новогеоргиевска,

* Каким образом Домбровский успел написать в тюрьме такое длинное рассуждение и прислать его Падлевскому, этого я не знаю; предполагаю только, что свидания с родными помогали одному и другому.

в назначении воеводских военных начальников, в составлении военных и гражданских инструкций, прокламаций и необходимых декретов.

Первыми, т. е. *приготовлениями к атаке*, занялся сам Падлевский. Он приказал составить списки 3000 выборных варшавских заговорщиков, долженствовавших выступить из Варшавы по первому сигналу; дал такое же точно приказание плочкому уездному начальнику, тамошнему помещику *Гротусу*, относительно четвертой тысячи, приготовлял для них тайно квартиры в окрестностях Новогеоргиевска, кой-какое оружие, теплую одежду, собирал офицеров, и проч. Все эти приготовления подвигались вперед весьма медленно и едва могли быть окончены к 26 января 1863 г., т. е. к предполагаемому дню навода.

Назначение воеводских военных начальников проистекало из нового плана и должноствовало быть только временной мерой, т. е. на время первоначального периода революции, до той минуты, когда сделается возможной формальная военная организация. Недостаток в способных к этой должности людях был причиной, что, несмотря на все усилия Комитета, были назначены (кроме Падлевского) только четыре начальника, а именно: в Плоцком воеводстве Конрад Томашевский, Подляском Левандовский, Краковском помещик Куровский и в Сандомирском Лянгович. В Варшавском воеводстве назначался начальником сам Падлевский, модлинский главнокомандующий. Все они были назначены заранее, по крайней мере за три недели до 26 января, для того, чтобы дать им время привести в порядок дела воеводства и окончить необходимые приготовления на основании данных им инструкций.

Инструкции давались Комитетом одновременно с назначением военных начальников; из предосторожности их сообщали словесно и только одним военным начальникам и комиссарам или же за недостатком первых одним комиссарам. Они были, как это выше упомянуто, двух родов, военные и гражданские. Что касается чисто военных инструкций, как например, о размещении вооруженных сил восстания, сохранении или уничтожении сообщений, внутренней военной организации и т. п. предметах, то я их не помню и никогда не понимал как человек чуждый всяких военных сведений. Из прочих же тогдашних распоряжений важнейшими были:

а. Сделать передвижение и дислокацию заговорщиков, способных носить оружие, но не по прежнему плану и маршруту, а в границах, назначенных военным начальником, и только за несколько дней вперед до предполагаемого в каждой местности набора.

б. Не восставать партиями, меньшими ста человек, и не делать никаких воззваний к крестьянам, прежде чем партия достигнет означенного состава. Призывы и уговоры крестьян одиночными, хотя бы вооруженными личностями безусловно воспрещались; только священники, да и то не иначе, в костелах, составляли исключение в этом отношении*.

в. С первой минуты революции начальник каждого отряда должен был или сам, или посредством сильных, рассылаемых во все стороны разъездов объявлять декрет о наделе крестьян землей. Протокол объявления составлялся в трех экземплярах, из которых один оставался в общине, другой у помещика, а третий пересылался начальнику уезда на сохранение.

г. Не допускать проявления малейших даже, отдаленнейших признаков

.....
* Для этого была написана Микошевским соответственная речь и разослана еще до восстания во все воеводства. Она должна была служить образцом.

социальной катастрофы и гасить огонь тотчас же, хотя бы самыми строгими мерами. В случае открытой и грозной попытки этого рода (напр., убийства помещика и т. п.) обязанностью начальника ближайшего отряда было, безотлагательно рассмотрев дело, сжечь совершенно всю деревню и наиболее виновных наказать смертью.

д. Все организационные воеводские власти (не исключая комиссара), равно как и все правительственные присутственные места, с минуты восстания и до дальнейших распоряжений поступали в полную и исключительную зависимость военного начальника воеводства. Он имел право удалять и назначать всех, не испрашивая на то разрешения революционного правительства, и только о всякой перемене комиссара и о причинах такой перемены должен был доносить в Варшаву.

е. В каждом районе, занятом революционерами, заменить существующий порядок и внешние его знаки новыми. Важнейшие должности, как например: начальника уезда, бургомистра, войта, вручать людям вполне доверенным; прочие должностные лица могли быть по усмотрению начальника воеводства оставлены неприкосновенными. Все служившие новому порядку вещей обязаны были давать присягу на верность революции и послушание ее правительству.

ж. Образовывать по мере занятия уездных городов управления уездных революционных начальников, которые должны были состоять каждое их трех небольших отделений или секций: административного, финансового и военного. При этом предписывалось назначать в эти управления как можно меньше чиновников, а порядок делопроизводства вводить самый упрощенный. Все прочие отрасли административной службы до дальнейшего времени приостанавливались.

з. Произвести рекрутский набор, но не прежде установления управления уездного начальника. Подлежащие набору разделялись на три класса: первый с 18 до 30 лет, второй до 40, третий до 45. Общему набору подлежал только первый класс; рекруты и волонтеры приводились к присяге.

и. С пленными обращаться по-человечески, честно, достойно; за ранеными русскими смотреть, как за своими; против безоружного не подымать оружие. Если обстоятельства не позволят задержать пленных и обеспечить от отбития, в таком случае нижних чинов отпускать на волю, взяв у них оружие; офицеров же задерживать в лагере*.

К выше представленному очерку революционных инструкций считаю нужным прибавить еще, что в одно время с ними объявлено было военным начальникам, что восстание начнется нечаянным повсеместным нападением на русские войска, везде одного и того же дня, в один и тот же час, по общему заранее условленному сигналу, который состоял из отъезда и двух знаков; сколько помню, двух цифр, означающих число месяца и час. Какой именно был отъезд и условленные цифры, я теперь уже не помню.

О прокламации, т. е. о манифесте Комитета, призывающем народ к восстанию, и о *двух декретах* о наделе крестьян землей нечего говорить, потому что они всем известны. Манифест писал Майковский, декреты — я.

Среди всех этих и других занятий Комитета наступил наконец 15 день января 1863 г., незабвенный день нашей новейшей истории, принесший первые

.....
* Этот последний пункт я поместил потому именно, чтобы опровергнуть толки, будто бы Комитет приказывал во время ночного нападения 22 января убивать безоружных русских солдат. В таких мерзостях никто из добросовестных людей никогда не может обвинить Комитет. Инструкция ясно говорит противное.

плоды долговременного заговора! Падлевский, готовясь к атаке Новогеоргиевска, назначенной на 26 того же месяца, приказал отправить из Варшавы 16 числа первые несколько сот людей, одних по блонскому тракту, других в окрестности Сероцка, надеясь в продолжении 10 дней беспрепятственно собрать целые четыре тысячи. Вдруг утром того же самого 16 числа мы узнали, что минувшей ночью состоялся в городе набор, который будет продолжаться в течение двух следующих дней. Невообразимая и неописанная тревога, всеобщий испуг и замешательство разразились по организации; люди теснились к заставе и к окопам, чтобы выйти из Варшавы, но не в том количестве и не в том порядке, как предписал Падлевский, а целыми тысячами и как овцы. Все усилия Падлевского и его подчиненных задержать выходящих были напрасны; дисциплина совершенно пропала, заговорщики в ответ на приказания произносили проклятия и грозили за обман и измену мстью Комитету и всем своим старшим. Комитет совершенно потерял голову, иллюзии о взятии Новогеоргиевска рушились, действительность в первый раз (*к несчастью поздно*) проговорила настоящим своим языком. Члены Комитета собирались в этот день на заседание два или три раза; Падлевский, похожий скорее на привидение, чем на человека, каждый раз представлял грозное и гибельное состояние городской организации и просил совета и приказания, что делать, и каждый раз не получал никакого ответа. Тогда я из остатков окончательно погибающей под влиянием событий моей самостоятельности подал Комитету следующий сумасшедший и преступный проект для того, чтобы выйти из отчаянного положения. *Во-первых*, отсрочить восстание, отбросить связь с действиями прошедшего, заняться радикальным излечением зла и публично объявить об этом всем без исключения членам организации. *Во-вторых*, отправить сейчас же двух или трех из членов Комитета и из лиц приближенных к нему к разъяренным городским заговорщикам, с тем, чтобы представить им настоящее положение дел, ничего не скрывая, стараться воздержать их от выхода массами из города и, наконец, стараться обратить их злобу и месть, грозящую главам организации, в сторону правительственных виновников набора. Если уполномоченные Комитета успеют в этом последнем, в таком случае они должны будут безотлагательно составить несколько небольших групп, рассеяться с ними по городу и убить хотя бы всех принимавших более важное участие в наборе, начиная с маркиза Велепольского и с его сына Сигизмунда. Ни оправдывать, ни объяснять моего проекта не буду: он был преступен и безумен, но из этого можно вообразить какого рода было тогдашнее положение. Комитет без возражения принял предложение и поручил мне и Падлевскому (как наиболее известным в организации) быть исполнителями второй его половины. К нам по собственной воле присоединился готовый всегда искать приключений Бобровский. Прочие члены должны были после предполагаемой нашей смерти заняться исполнением первой половины проекта. Я, Падлевский и Бобровский отправились тотчас же после заседания Комитета, вечером того же 16 января, в собрание начальников отделений и окружных, чтобы с ними идти далее. Но, к счастью, оказалось поздно, и хотя положение дел в сущности не улучшилось, но та гроза, которой мы боялись, уже не существовала. Разъяренные заговорщики, которым наиболее угрожал набор, в продолжении минувшего дня уже оставили город. Притом (по моему взгляду) проклятия и угрозы мести не были возгласами отчаянного, дерзкого, решившегося на все человека, а возгласами труса, требующего, чтобы его спрятать от набора,

хотя под землю. Люди, оставшиеся в городе, а с ними и их представители были спокойны; по крайней мере успокаивались мало-помалу, просили извинения, обещались во всем слушаться, требовали только от Комитета не дать погибать даром вышедшим из Варшавы и по-старому не отсрочивать восстания, несмотря на недостаточность сил. Убивать никого и никто уже не хотел.

На другой день положение дел нисколько не улучшилось, напротив, стало худшим. Правда, не было уже вчерашней минутной грозы; но восстание сделалось необходимостью, несмотря на согласие или сопротивление Комитета. Люди, вышедшие из Варшавы (а число их увеличивалось ежедневно, несмотря на запрещение Комитета), по самому инстинкту самосохранения собирались в шайки; дислокация вводилась в исполнение, а последние известия из столицы еще более это поощряли; военные начальники и комиссары усиленно готовились к борьбе, словом, обстоятельства сами влекли к неудержимому и неотвратимому несчастью. Поэтому Комитет, хотя совершенно отрезвился после вчерашних событий (за исключением равнодушного кс. Микошевского и ничем не смущавшегося Бобровского), *но принужден был* назначить окончательный срок восстания на 22 января в 12 часов ночи и разослал воеводским начальникам условленные отзвывы и сигналы. Говорю, что Комитет был принужден, потому что, по моему глубочайшему убеждению, не было уже силы отсрочить революцию; повторяю, что она бы осуществилась помимо Комитета; сообщенный же Комитетом сигнал выражал лишь остатки кой-какого порядка.

Того же самого дня (17 января) Комитет приказал Падлевскому отправиться к варшавско-блонским шайкам в качестве их начальника и послал Яновского к Сероцку потушить неудовольствие вышедших туда заговорщиков.

С назначением срока не оставалось Комитету ничего более, как обдумать и решить вопрос о верховном руководстве будущей революции. В этом отношении было постановлено:

а. Предложить Мерославскому быть главнокомандующим и диктатором революции. Для этой цели был послан в Париж, если не ошибаюсь, 19 января Владислав Яновский, начальник Краковского воеводства. (После 27 или 28 того же месяца предложение было отправлено к Мерославскому вторично со студентом Владиславом Даниловским.)

б. До времени прибытия Мерославского установилось Временное правительство революции, а членами его назначались по недостатку других лиц кс. Микошевский, я и Яновский; секретарем — Майковский.

в. Временное правительство долженствовало быть явным и употреблять с минуты объявления о себе новую печать *. Местом его пребывания назначен был Плоцк, который, по всем предположениям начальника Томашевского и нашим, должен был находиться 23 января в руках революции.

г. Бобровский с помощниками был оставлен в Варшаве как начальник города и как уполномоченный комиссар Комитета, с правом действовать от его имени до минуты объявления о Временном правительстве. Для этого даны были Бобровскому старые печати Комитета.

Наконец, 22 января в пять часов вечера преступное (хотя и менее виновное, чем все революционеры Центрального комитета) Временное пра-

.....
* Она мало отличалась от употреблявшейся с 10 мая 1863 г.; за исключением диктатуры Мерославского, никакой документ ею не был скреплен.

вительство оставило Варшаву и полное грусти и отчаяния уехало в Кутно, с намерением пробраться на другой день в Плоцк. Вместе с членами Комитета уехало тоже из Варшавы несколько молодых людей курьеров и двое типографщиков с двумя маленькими печатными станками. Из всех их помню только фамилии братьев Кеслер Евгения и другого, по имени мне не известного, служивших прежде в комиссии финансов*.

Таким образом, я окончил краткий очерк событий заговора в продолжении трех последних месяцев его существования. О судьбах организации со дня ареста Шварца, а в особенности с 15 января, я говорил кратко, потому что хотя все это время составляет для края и лично для меня страшную историческую драму, но эта драма не включает в себе никаких фактов (кроме выше приведенных), могущих иметь какой-нибудь интерес для правительства. Из личных перемен, происшедших в составе организации с половины декабря месяца 1863 г., мне известны только две как более важные. *Первой* было призвание Даниловского в члены Комитета, на место Падлевского. Причина этого призвания заключалась в том, что не было другого средства достать у Даниловского сотни две штук (столь необходимого тогда) оружия, которое он собирал с давнего времени и не хотел выдать Комитету, несмотря на то, что оно (по словам Шварца) составляло собственность организации. Даниловский был членом Комитета с 18 по 22 января. *Другой* перемены было удаление начальника Плоцкого воеводства Глуховского и назначение на его место, не помню уже, какого-то плоцкого адвоката. Кажется, он во время ночного сражения в Плоцке был ранен и на другой день сам застрелился в ту минуту, когда полиция пришла арестовать его.

Ко всему сказанному прибавлю еще, что ни одна штука оружия не была привезена из-за границы до самой революции и что Комитет при выезде своем из Варшавы имел в своей кассе всего семь с половиной тысяч рублей серебром.

* Надеюсь, что никто на основании последних постановлений Комитета не заподозрит меня и друзей моих (за исключением, быть может, кс. Микошевского) в претензии играть роль, как говорят, великих людей и увековечить наше имя. Только крайняя необходимость заставила нас быть членами Временного правительства революции: говоря просто, мы были ими только потому, что не было других охотников. Быть же правительством явным, мы постановили именно потому, что считали бесчестным сидеть в безопасности, прикрываясь тайной, когда братья наши будут проливать кровь. Что касается лично меня, то я, несмотря на все мои убеждения, считал долгом моей совести не покидать в каких бы то ни было обстоятельствах людей, которых я сам сделал членами Комитета, тем более, что их оставили все прежние крикливые революционеры и что я был более других ознакомлен с делами организации. Прибавлю еще, что все минуты с 15 января, в особенности выезд из Варшавы, были самыми ужасными в моей жизни: угнетаемый бременем ожидаемых несчастий, бременем страшной ответственности, я перешел в состояние безмолвной, без чувств и мысли решимости. Самые горькие минуты тюремного заключения, мысль о смерти не были для меня столь страшны, как то ужасное время.

Глава VII

ВОССТАНИЕ С 22 ЯНВАРЯ 1863 Г. ДО ПАДЕНИЯ ДИКТАТУРЫ ЛЯНГЕВИЧА, Т. Е. ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ МАРТА МЕСЯЦА ТОГО ЖЕ ГОДА

По программе следовало бы прибавить к очерку событий, представленных в предыдущей главе, общий взгляд на положение края во всех отношениях; не желая, однако же, распространяться о предметах, известных правительству, я позволил себе сделать маленькое отступление, а именно, вместо длинного рассуждения о положении края, я хочу сказать здесь несколько вступительных слов только о положении законного правительства в минуту революции. Нет сомнения, что ошибки и вообще происшествия 1861 г. поставили правительство в самое невыгодное положение. Оно представляло редкий пример верховной власти без всякой (за исключением армии) опоры в обществе, без всякого внутреннего основания. Правительство не имело между нами не только помощников, но даже просто доброжелателей ни в одном классе народонаселения; оно равным образом не имело верных, надежных слуг ни в чиновниках, ни (в особенности) в полиции (этой правой руке законного порядка). Измена господствовала везде, на всяком шагу. Люди шутя говорили, что если бы армия уснула на 24 часа, она очутилась бы на другой день обезоруженной среди нового порядка вещей. Однако же, несмотря на то, рекрутский набор, задуманный маркизом Велепольским. с одной стороны, и карточка о наборе, сумасшествие и ошибки Центрального комитета, с другой, — доставили правительству 15 января самый превосходный исход, до такой степени, что если бы оно только захотело, то было бы в состоянии совершенно успокоить край в продолжение не более четырех недель, и то без особенного напряжения сил, без чрезвычайной, усиленной строгости. Для этого нужны были только решительность и последовательность в правительственных действиях. Чтобы убедиться в правде слов моих, вспомним тогдашние обстоятельства. Мы видели выше, какое было отчаянное состояние городской организации с 15 января и какой был страшный упадок духа главы заговора — Комитета; мы видели также, какой был совершенный недостаток порядка, системы, плана, офицеров, оружия, денег и всех вообще средств для готовящейся вспыхнуть революции; все это доказывает полнейшее во всех отношениях *ничтожество* революционной

партии в решительную минуту вооруженных действий. Кроме того, нужно вспомнить следующее: вся шляхта с малыми одиночными исключениями была явным противником восстания до самого марта месяца; крестьяне были вообще его врагами, встречались даже примеры, что они убивали повстанцев. Далее, в Литве не было ни одного вооруженного человека до 15 (27) марта, а на Руси, если не ошибаюсь, до мая; Галиция и Познань до диктатуры Лянговича не дали нам ни гроша, ни одной двухстволки, ни одного волонтера. Наконец, общественное мнение Европы было на стороне правительства в продолжении по крайней мере целого первого месяца революции. Среди таких обстоятельств внутренних и внешних появилось восстание 1863 г. Нельзя не признать их самыми гибельными для восстания и самыми вожделенными для правительства. Поэтому никто в мире не может по справедливости оспаривать, что восстание не имело силы настолько, чтобы пережить даже двухнедельный период, или иначе, что правительство было в состоянии усмирить его в продолжении такого же промежутка времени. Для того нужна была, как я сказал выше, только решительность и последовательность действий, т. е. нужно было:

1) произвести набор по всей строгости закона и в один день на всем пространстве Царства Польского, а не отворять людям насквозь ворота Варшавы и не разделять времени набора на несколько дней;

2) отдать варшавскую полицию в руки энергичного, способного и не слишком доверчивого начальника, а не оставлять ее в руках достопочтенного, но слабого и не знающего вовсе своих подчиненных подполковника Муханова;

3) совершенно прервать на некоторое время сношения провинций с Варшавой;

4) приостановить (если не вовсе устранить) чрезмерное и вредное правительству значение маркиза Велепольского и до времени принять в основание действий систему военной диктатуры;

5) учредить везде военную администрацию, а не позволять, например, революционным курьерам ездить по всем уголкам края с фальшивыми войтовскими паспортами;

6) бдительнее охранять границу со стороны Пруссии и Австрии, чего не было в действительности.

Если бы эти меры были приняты правительством с 15 января или с 22 того месяца, то нет никакого сомнения, что к 1 марта н. с. край был бы совершенно успокоен. Конечно, не обошлось бы без жертв и кровопролития, но несчастья и жертвы четырехнедельного правительственного террора не составляли бы и одной сотой части несчастий минувшего восстания.

Как известно, ни одна из вышесказанных мер не была принята до самого выезда его императорского высочества великого князя наместника из Варшавы. С этим упущением правительственного долга, с этим грехом правительства восстание должно было расти и развиваться: нерешительность сильного противника придавала смелость и силу слабому.

После этого небольшого вступления возвращаюсь к продолжению своего рассказа.

Для того, чтобы не потеряться в революционном хаосе (в особенности при недостатке материалов), я считаю необходимым: во-первых, исключить из моего рассказа все военные действия и все факты, не имеющие никакого

общего и особенно важного значения. Во-вторых, разделить все остальные предметы на три небольшие части: А) очерк действий революционного правительства, Б) очерк революционных стремлений в провинциях, т. е. в Литве, Руси, Галиции и Познани и В) общий взгляд на восстание в военном, административном и финансовом отношениях.

А. ДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Хотя намерение Комитета быть явным правительством революции и заслуживает некоторого одобрения в нравственном отношении, но как *политический* проект, в политическом смысле не может быть иначе названо, как фантазией. Силы восстания не были в состоянии представить никакой опоры и защиты для явной революционной магистратуры. Поэтому неудивительно, что даже наше скромное желание поселиться в соседнем с Ново-георгиевской крепостью г. Плоцке оказалось неосуществимым: курьеры вскоре донесли нам, что попытка Томашевского в ночь 22 января окончилась самой несчастнейшей резней на улицах этого единственного губернского города, на который мы рассчитывали. Тогда, приискивая убежища для главы революции, мы после разных расспросов решились открыть наши действия в лагере Лянговича, расположенном в Вонхоцке, которому преимущественно перед другими начальниками благоприятствовало счастье. Но судьба рассеяла и эти надежды. Прежде, чем мы успели в полном составе * собраться под крылья четырехтысячного отряда Лянговича, он был вытеснен из Вонхоцка, Вонхоцк сожжен, и отряд, доведенный до полторы тысячи человек, перешел в Свентокржижские горы. После этой вторичной неудачи, не получая удовлетворительных сведений об успехах нашего оружия в других странах края, мы признали необходимым возвратиться в Варшаву (сверх всякого ожидания для нас открытую), куда и прибыли 12 февраля.

Из вышесказанного видно, что восстание в первые минуты его существования (т. е. в то время, когда руководимое сильной рукой оно наиболее могло выиграть) не имело никакого настоящего руководства: его правительство теряло время на бессмысленные поездки, или, как это иронически назвал Бобровский, на «*voyage à la recherche d'une position révolutionnaire*». ^а

2. Этот недостаток кое-как вознаграждал Бобровский со своими помощниками, из которых он составил так называемую «*Исполнительную комиссию*» (Komisja Wykonawcza) временного правительства», и которая вообще была известна под названием «*комиссии Бобровского*». Я сказал, что это комиссия только кое-как вознаграждала недостаток главы движения, но и это еще преувеличено, потому что внутреннее ее достоинство было весьма слабо и что действия ее постоянно парализовались неизвестностью о том, существует ли еще революционное правительство, или нет, объявило ли оно себя, действует и выдает ли какие-нибудь распоряжения, или нет? От этого произошло то, что комиссия не была в состоянии укротить революционный хаос и что восстание, никем не руководимое, развивалось самопроизвольно.

.....

* Яновский и Микшевский переехали в Вонхоцк; мне же и Майковскому это не удалось.

^а *Разъезды в поисках революционной позиции (франц.)*.

Как бы то ни было, однако же комиссия Бобровского представляла собой единственную централизацию действий, единственную главу революции.

Членами ее были следующие лица: Гиллер, Витольд Марчевский, Гервазий Гзовский (из старых помилованных ссыльных), Ян Верницкий, служивший в компании пароходства Замойского, Леон Круликовский и инженер, кажется, бывший французский офицер, Евгений Качковский. Кроме их, появлялись иногда в заседаниях комиссии еще две или три другие личности, друзья и личные помощники членов, но фамилии их, за исключением инженера Бронислава Марчевского, брата Витольда, я совершенно забыл, потому, что они зависели от того или другого члена комиссии и после в организации не встречались*.

К числу важнейших действий Исполнительной комиссии принадлежат:

а. Четыре воззвания к жителям: Литвы, Руси, Галиции и Познани; первые два призывали к борьбе с правительством, последние — к помощи в деньгах, волонтерах и оружии.

б. Приказ о снаряжении в Лондоне «Жмудской высадки». Комиссаром по этому делу был назначен бывший ковенский агент Иосиф Демонтович, тогда уже скомпрометированный и находившийся за границей. Цель этого постановления заключалась в том, чтобы высадить к концу марта месяца на ковенский берег близ Полангена возможно более многочисленный офицерский и унтер-офицерский кадр и запас оружия (около двух тысяч ружей, четыре орудия и несколько сот штук белого оружия). Сумма, выданная первоначально Демонтовичу на издержки высадки, составляла около 15 тысяч руб. серебром, впоследствии она дополнилась пожертвованными эмигрантом гр. Браницким 30000 франками и такой же суммой из французских складчин в пользу революции. О дальнейших судьбах этого распоряжения буду говорить в следующих главах.

в. Кроме того, комиссия занималась еще сбором денег, поддержанием сношений с воеводскими властями, назначением военных начальников, пресой и т. п. предметами. Некоторые подробности этих действий, имеющие более общее значение, представлю ниже.

Для пополнения очерка комиссии Бобровского необходимо прибавить еще следующее: *во-первых*, хотя с прибытием революционного правительства в Варшаву 12 февраля значение ее уменьшилось, но она не переставала существовать до самого конца описываемого времени; отчасти потому, что и после 12 февраля, члены Комитета или в полном составе, или частями принуждены были оставлять Варшаву; отчасти потому, что невозможно было устранить ее вовсе: заведовая делами восстания в продолжении трех первых недель, она вследствие таинственности действий, приобретая разные сведения, была на всяком шагу необходимой. *Во-вторых*, несмотря на то, что для пользы дела, полнейшее единство между двумя фактическими правительствами революции составляло непременное условие, однако же, вскоре после прибытия Комитета в Варшаву, в конце февраля месяца 1863 г., возникли между ними самые жалкие споры. Причины этих споров были многообразны, но самой главной была та, что с постепенным оживлением духа и веры в силы восстания возбудились и претензии некоторых членов комиссии играть роль государственных мужей. Я и мои товарищи охотно готовы были уступить свои места другим людям, но долг совести (быть может,

* Одного называли «Мацеєм» (Maciejem), он был, кажется, тоже из старых сибиряков.

ложно понимаемый) не позволял нам сдавать судьбы края в руки людей, по нашему взгляду, неспособных и несоответственных, т. е. в руки хаотической комиссии. Притом, члены комиссии еще боялись вообще принять на себя всю ответственность членов революционного правительства и желали только иметь всегда под рукой готовую ширму, которая прикрывала бы их в минуту неудачи. Главой этих претензий и оппозиций был Агатон Гиллер. Чтобы покончить как можно скорее возникавшую по этому поводу анархию, мы сочли необходимым принять в свой состав Гиллера как пятого члена и затем закрыть вовсе или по крайней мере обессилить комиссию. Мера подействовала как нельзя лучше: комиссия успокоилась, сделалась более послушной, а Гиллер, находясь между нами, соединил свои интересы с нашими.

3. Кстати сказать несколько слов о *диктаторе Мерославском*. Он принял приглашение Комитета, перестал сердиться на бывших своих противников и объявил, что 13 февраля во главе маленького отряда из двухсот людей, сформированного в Западной Пруссии, перейдет в пределы Липновского уезда. Он только требовал от нас приготовить рапорт о положении дел и выслать ему навстречу военного воеводского начальника тоже с маленьким отрядом. Падлевский* получил соответственные приказания, а мне поручено было (тотчас после моего прибытия в Варшаву) отправиться к Мерославскому с рапортом и устроить дела диктатуры. Это поручение было довольно щекотливое, потому что диктатор и Падлевский от всей души ненавидели друг друга. К счастью, Падлевский был добрый солдат, и потому, желая послушания от своих подчиненных, он, несмотря на свои убеждения, повиновался, и мы к означенному сроку были у прусской границы с отрядом богатого липновского помещика Артура *Суминского*. Мерославского, однако же, там не было; зоркая прусская полиция подглядела приготовление, сделаемые около деревни Пенткова (прусского помещика Сулежицкого), догадалась о прочем, арестовала многих, и Мерославский с оставшимися офицерами должен был искать другого, более удобного пункта для осуществления своих намерений. Таким образом, я даром потерял несколько дней и должен был возвратиться в Варшаву, узнав, что диктатор во главе своих 26 офицеров перешел границу 17 или 18 февраля где-то в Влоцлавском уезде. Там он успел соединиться с сотней отправленных к нему варшавских студентов** и после стычки с русскими войсками под Крживосончем соединился с сильным, почти полторатысячным отрядом Меленцкого и потребовал к себе Временное правительство. На другой день после моего возвращения из Плоцкой губернии мы исполнили полученное приказание, но, видно, завистливая судьба портила все планы столь нужного для восстания главнокомандующего: едва мы успели пробраться до г. Кутно, как узнали там от высланных вперед курьеров, что Мерославский уже не командует отрядом Меленцкого и неизвестно, куда девался. Эта загадка требует объяснения. Меленцкий, как все вообще познанские шляхтичи (он тамошний довольно богатый помещик и бывший прусский офицер), был врагом Мерославского; притом он был весьма любим своими солдатами. Хотя он и послушался приказания Комитета и перешел под команду своего врага, но втихомолку

.....
* Падлевский с остатками блонских шаек перешел через Вислу в Плоцкую губернию и, найдя там дела восстания в ужасном положении (в особенности после бегства за границу Томашевского), без всякого назначения принял на себя обязанность плоцкого военного начальника. Впоследствии он был утвержден в этой должности исполнительной комиссией.

** Их отправил из Варшавы Даниловский с намерением пробраться через Влоцлавский в Липновский уезд; из них много погибло в стычке под Крживосончем.

распространял против него неудовольствие между подчиненными и искал удобного случая отвязаться от невыгодной для себя зависимости. Случай скоро представился. Русский военный начальник, узнав после Крживосончской стычки, что Мерославский находится в пределах его территории, обратил против его полуторатысячного отряда превосходные силы. Мерославский, весьма натурально, всячески уклонялся от принятия битвы, постоянно отступал почти до самой прусской границы и в самом деле был поставлен в безвыходное положение. Меленцкий воспользовался этим несчастным случаем и убедил солдат, что грозившая им со всех сторон опасность была последствием ошибок диктатора, что по своей нерешительности и трусости он пропустил самые прекрасные позиции, самые удобные минуты, в которые смело можно было принять бой и победить противника. Эти убеждения и страх близкой опасности подействовали как нельзя лучше, и Меленцкий отказал Мерославскому в дальнейшем повиновении, отговариваясь нежеланием своих солдат служить под его начальством. Делать было нечего, диктатор должен был уступить и уехал в сопровождении Куржины и нескольких других лиц за границу. Сначала он хотел было с конвоем из 60 кавалеристов пробраться в глубину края (в Радомскую губернию), но Меленцкий отказал ему и в этом, отговариваясь тоже нежеланием кавалеристов. (Эти сведения получены были Комитетом только несколько недель спустя после произведенного по поводу вышесказанных недоразумений следствия; до этого же времени решительно не было ничего известно о причинах, побудивших Мерославского оставить Меленцкого, равно как и об его местопребывании.)

Таким образом, еще одно путешествие членов Временного правительства было сделано понапрасну. После этой неудачи с постепенным (как я сказал) оживлением духа пришло время и нам опомниться и выйти из бездушного апатического состояния. Четыре уже недели прошло с 22 января, восстание не имело никакого руководства, никакого имени, ни начальника, никакого плана и системы действий и никакого порядка. Первыми вопросами, приходившими на ум среди таких мыслей, было, натурально: что сделать с этой не могущей утвердиться диктатурой? куда девался диктатор? зачем оставил он Меленцкого и зачем не присылает никакого известия ни о своем местопребывании, ни о своих намерениях? Долго ждать разъяснения загадок и оставаться долее в нерешимости и бездействии казалось нам преступлением, и потому мы в последних числах февраля месяца постановили дожидаться только восемь дней уведомления со стороны Мерославского, если же до этого времени мы не получим от него никаких сведений и если он не объявит себя диктатором, в таком случае мы признаем себя свободными от данного ему слова и устраним вовсе диктатуру. Восемь дней прошло, а Мерославский по-прежнему был для нас загадкой, и диктатура была устранена. Быть может, что Комитет в прежнем составе четырех был бы более благосклонен в пользу Мерославского и ждал бы результата производившегося в лагере Меленцкого следствия; но обстоятельства напирали, а Мерославский имел сильных противников между действующими тогда людьми, именно в лице Гиллера, Бобровского и Качковского.

4. В одно время с устранением диктатуры, Временное правительство постановило еще:

а. Быть до времени *тайным*. Было уже очевидно, что силы восстания не позволяли существовать и действовать явной главе революции, хотя бы даже в границах одного уезда.

б. До времени не устанавливать вовсе звания главнокомандующего, потому, во-первых, что не было ни одной личности, которая могла бы вполне удовлетворять всем требованиям этой важной должности и приобрести послушание всех существовавших в крае начальников; во-вторых, потому, что при слабости и неурядице восстания главная команда была бы только буквой и призраком: какое-либо, и то весьма ограниченное единство военных действий, могло существовать только тайным путем и только через Варшаву. Желая, однако же, открыть возможность в скором времени установить главное начальство и постепенно приучить к дисциплине и единству, было постановлено назначить трех начальников для трех предполагаемых армий в Царстве Польском, именно: на левом берегу Вислы — Высоцкого, на правом, в воеводствах Люблинском и Подляском, — Мерославского, и Падлевского в Плоцком и Августовском (Падлевский был тогда единственным более образованным офицером в этих местах). Притом, так как Высоцкий имел более доверия и популярности в крае, а армия его могла скорее других сформироваться, решено было отдавать ему втайне первенство перед другими главными начальниками и слушаться во всем его советов. Назначение Высоцкого (находившегося тогда в Галиции) и Падлевского последовало тотчас же; Мерославского же нельзя было отыскать.

в. Предполагая, что рассеянные, но довольно сильные шайки на левом берегу Вислы будут в состоянии при усилиях наших и Высоцкого в скором времени образовать сконцентрированную 20-тысячную армию, мы постановили приготовить все, что только будет в наших силах, для того, чтобы осуществить мысль явного правительства революции под защитой армии Высоцкого. Мы знали, что явные, непосредственные действия такого правительства будут ограничиваться одним или наиболее двумя воеводствами, но оно казалось нам необходимым. Это естественно: явные действия, хотя бы в границах самой малейшей территории, в состоянии сделать более, чем самые напряженные тайные усилия на несравненно обширнейшем пространстве; притом явность возбуждает всеобщее доверие к революции в крае и за границей. Для того, чтобы явное правительство могло руководить делами восстания в воеводствах и в местностях, занятых русскими войсками, предполагалось учредить от имени его в Варшаве тайную Исполнительную комиссию. Местом пребывания предполагаемого правительства мы хотели иметь Ченстохов, а кандидатами в члены его поставили: из наших сотрудников только одного Стефана Бобровского, которого мы признавали разумнейшим и более всех энергичным; далее, Карла Либельта, Александра Гуттри, Владислава Бентковского из Познани, известного галицийского адвоката Смольку, виленского помещика Александра Оскерко и Генриха Краевского из Варшавы в качестве секретаря нового правительства *. Наконец, еще прибавлю, что по этому предположению были уже выданы соответственные приказания Высоцкому, а к заграничным кандидатам был отправлен с предложениями их знакомый, молодой человек Мариан Соколовский.

г. В то же время Комитет принял за дело повсеместного введения большего порядка. Администрация и финансы находились в невообразимом хаосе. Нужно было преобразовать все снова, т. е. издать новый административный устав, новый декрет о подати и новые в этих отношениях инструк-

* Подробностей о всех упомянутых личностях не привожу, потому что намерение наше не осуществилось. Достаточно сказать, что все они известны во всей Польше как горячие патриоты, а некоторые из них люди весьма заслуженные.

ции. Личного состава в воеводских организационных учреждениях не доставало по крайней мере наполовину: все или были убиты, или находились в шайках, или же, наконец, струсив, в отчаянии бросили все и стояли в стороне движения. Еще раз повторяю: большая неурядица была невозможна; дореволюционные инструкции, данные воеводским военным начальником, не были нигде выполнены, и начальники вообще не имели ни малейшего понятия об администрации и порядке.

5. Прежде, чем пойду далее, хочу сперва сказать несколько слов о сношениях наших с организацией «белых». Из вышесказанного краткого исторического очерка организации уже известно, что она и с нею вся шляхта были противником восстания до самого марта месяца. Правда, что слабость восстания была ощутительна, и притом помещики должны были опасаться своих крестьян, что, следовательно, существовали весьма важные причины враждебного восстанию настроения шляхты, но все-таки нельзя было даже предполагать, что это настроение будет столь твердым и решительным, как оно было в самом деле. Помещики не давали нам ни копейки, ни одного сапога, ни одной лошади; все нужно было вырывать угрозой. Далее, они уговаривали наших начальников бежать за границу, разгоняли под разными предлогами наши шайки и не раз выставляли нарочно наших курьеров и агентов на очевиднейшие опасности. Все подобного рода поступки помещиков и их решительная оппозиция до того вредили революции на всяком шагу, что были минуты, в которые можно было опасаться страшного анархического против шляхты террора *. Террор этот был тем более правдоподобен, что и само Временное революционное правительство чуть-чуть не подало к нему легкомысленно повода, а именно: видя, что основанием всей оппозиции служит организация «белых» и что помещики в действиях своих ссылаются на приказания Дирекции и воеводских, Временное революционное правительство намеревалось издать декрет о безотлагательном, под угрозой личной ответственности, уничтожении организации и выдаче нам всех документов и денег. К счастью, мне удалось убедить моих друзей оставить опасный путь, по которому они хотели сделать первый шаг **.

Таково было настроение белых до последних дней февраля месяца. С тех пор оно мало-помалу стало изменяться и склоняться в пользу революции. Причиной этой постепенной перемены было, с одной стороны, что восстание *существовало* (как это казалось, благодаря таинственности действий), развивалось и росло; а с другой, что общественное мнение Европы и заграничных кабинетов переходило на нашу сторону. Оппозиция шляхты с каждым днем все более и более разрушалась, и члены белой организации, несмотря на свою непреклонную Дирекцию, стали входить с нами в сношения, помогать революции и принимать разные революционные должности (как, например, Цириак Аккорд в Августовском и Владислав Маевский в Калишском воеводствах). Наконец, под влиянием низших членов организации в первых числах марта месяца рушилась непреклонность Дирекции: она сама сделала первый шаг к сближению с Комитетом и поручила Рупрехту войти с ним

* Мне самому пришлось быть свидетелем, как революционеры просили Падлевского дозволить им «наказать» шляхту и «запеть» помещикам «Z dymem pożarów» — это значило ни более ни менее, как только жечь и убивать противников. Падлевский был настолько благоразумен, что не только запретил «наказывать», но пригрозил смертью за всякую к этому попытку.

** Жертвой оппозиции шляхты пал один только помещик Плоцкой губернии, сенатор Дзедзицкий, которого Падлевский приказал начальнику Кольбе (он погиб) отдать под суд и расстрелять, на виду у собравших крестьян.

в сношения. Бобровскому и мне приказано было принять уполномоченного Дирекции, но предложения ее были до того бессмысленны, что мы немедленно их отвергли. Дирекция высказывала будто бы готовность помогать и содействовать восстанию, но требовала за то: во-первых, чтобы дозволить ей до дальнейшего времени сохранить свою организацию и, во-вторых, чтобы уполномоченные представители с обеих сторон избрали пять новых членов Временного правительства, да и то *наполовину*, белых и красных. Несколько дней спустя после нашего отказа Рупрехт, отказавшись от первого условия, требовал только принятия второго, но мы и на это не согласились, помогаясь безусловной сдачи и лишь обещая за то принять в свой состав одного из членов организации белых, но *по нашему собственному усмотрению*, без участия Дирекции. Диктатура Лянговича прервала дальнейшее между нами переговоры. С этой же минуты организация белых была уничтожена, и Дирекция сдалась безусловно диктатору и нам как его временным в Варшаве представителям.

6. Теперь очередь поговорить об этой *диктатуре*, объявленной прокламацией Лянговича от 10 марта 1863 г. Она была совершенно неожиданным явлением, помешала исполнению всех планов и действий Временного правительства и поразила чувствительнейшим ударом только что возникшую революцию. Полуценное о ней известие 12 марта тем более нас удивило, что Лянгович, присылавший до тех пор постоянные и довольно частые рапорты о действиях своих, никогда не намекал даже о столь важном для края событии, как диктатура, и не сделал никакого распоряжения, которое могло бы объяснить его планы и намерения. Эту загадочность увеличивали еще слова прокламации, которыми Лянгович объявлял, будто бы он берет верховную власть революции по нашему предложению. Одним словом, более неожиданного и темного для нас факта быть не могло. Из того обстоятельства, что прокламацию привез Владислав Големберский (бывший в то время членом белой организации), можно было предполагать, что эту загадку приготовили нам друзья белые; но ничего верного узнать не было возможности. Как бы то ни было, однако же факт совершился; нужно было тот час решиться на одно из двух: или признать его, или воевать с самозванцем. Хотя, как говорится, нам и не снилось, что Лянгович будет диктатором революции, мы решились признать совершившийся факт; и я, сообразив тогдашние обстоятельства, даже в настоящее время скажу, что не признать его не было возможности и что непризнание угрожало революции опасностью, не только мгновенной, но и постоянной. Не желая долго распространяться в этом отношении, напомним только, что Лянгович был более счастлив по сравнению с другими революционными начальниками и потому пользовался наибольшей популярностью и даже некоторой любовью в крае, притом он командовал единственным сколько-нибудь значительным отрядом, могущим служить зародышем будущей армии.

Решившись признать загадочного диктатора и приказав отпечатать его прокламацию, Комитет отправил Яновского и Гиллера в главную квартиру, находившуюся тогда в Гоше, с целью узнать истину, предохранить Лянговича от контрреволюционных влияний и условиться с ним относительно будущего управления как военной, так и гражданской частью. Между прочим им было поручено предложить Лянговичу: во-первых, не учреждать до времени явного гражданского правительства, а довольствоваться маленьким секретариатом, состоящим лишь из нескольких способных и дельных личностей, могущим всегда находиться в его главной квартире; во-вторых,

образовывать в тех местностях (т. е. в провинциях), в которых явные действия невозможны, исполнительные комиссии под контролем и руководством уполномоченных комиссаров, определив в то же время права и обязанности этих комиссий и их отношения к власти диктатора; в-третьих, наконец, не вверять никаких важнейших революционных должностей другим людям, как только тем, которых мы укажем, т. е. людям несомненного патриотизма и готовым на все пожертвования для интересов революции.

Одновременно с отправлением Яновского и Гиллера мы сочли необходимым преобразоваться самим без ведома Лянговича в «Исполнительную комиссию», с правами действовать от имени его на всем пространстве края, занятом русскими войсками, и даже объявили, что «комиссия» устанавливается в Варшаве по приказанию диктатора. Нет никакого сомнения, что подобный изворот был ответным сюрпризом Лянговичу, но он составлял крайнюю необходимость. Лянгович, задумывая диктатуру, был совершеннейшим ребенком в политике и не знал, что, устраняя старый порядок дел, непременно нужно сейчас же ввести новый, тем более в тогдашних невыгодных для революции обстоятельствах; он не прислал нам, как это выше сказано, никакого известия о своих намерениях, никакого распоряжения; оставлять же, как говорят, на волю провидения дела, не терпящие отлагательства, казалось нам грехом. Притом, устанавливая диктаторскую комиссию, мы имели в виду парализовать предлагаемые действия контрреволюционеров.

Пора сказать несколько слов об *авторах* этой бессмысленной диктатуры. Мы (т. е. я, Майковский, Бобровский и наши помощники) * с точностью узнали об них не прежде возвращения в Варшаву Гиллера и Яновского, но довольно хорошие и верные сведения об этом важном деле сообщил нам нарочно прибывший очевидец происшествий в лагере Лянговича, комиссар Краковского воеводства Войцех Бехонский. По его словам, вот как состоялась наша жалкая диктатура. После удачной и решительной для Лянговича стычки под Скалой 8 марта ** прибыли к нему между прочим редактор краковского «Часа» («Czasu») Лев Хржановский, Иосиф Колачковский, некто Семеновский и граф Адам *Грабовский*. Они красноречиво представили ему, с одной стороны, отчаянное положение восстания при недостатке сильной разумной централизации, с другой — объявили, что эту централизацию готов захватить страшный для всех и находившийся тогда в Галиции Мерославский, и в результате просили его исполнить гражданский долг относительно отечества, т. е. принять самому верховную власть революции и уволить край от грозного самолюбца. Предложение это вполне понравилось Лянговичу, тем более, что он ненавидел Мерославского, который едва ли не более преследовал его, чем генерал Ченгери, но, однако же, он сделал вопрос: «что на это скажет Временное правительство?». Тогда Грабовский объявил, что он, «как агент» этого правительства, следовательно, как человек, знающий его желания и намерения, может дать самое положительное уверение, что оно не только не будет противиться диктатуре любимого всеми начальника, но, напротив, обрадуется ей, что оно само намерено передать ему свою власть и что, наконец, переписка об этом с Варшавой поведет лишь к напрасной трате времени; наконец, чтобы не оставить никакого со-

* Кс. Микошевский был удален из состава Комитета во второй половине февраля месяца и уехал в деревню Желязна, где он был назначен настоятелем прихода.

** Он имел тогда только по 6 патронов на солдата, и получить скорее новый запас не было надежды.

мнения насчет того, что он агент Временного правительства, Грабовский представил две легитимационные записки, долженствовавшие будто бы служить доказательством полнейшего к нему доверия членов Комитета. После таких объяснений Грабовского Лянгович принял предложение и тотчас объявил о предпринятом намерении своим главнейшим офицерам, между прочим Езёранскому, Валигурскому и Владиславу Бентковскому *, равно как и нескольким гражданским членам революционной организации, находившимся тогда в лагере, в числе которых был и Бехонский. Все они, собранные на совет, согласились с намерениями начальника и признали их и разумными и необходимыми, за исключением Бентковского и Бехонского. На следующий день «спасители отечества» Грабовский и компания представили диктатору готовую уже печать (с гербами Польши и Литвы и с надписью «Мариан Лянгович диктатор») и напечатанный уже проект прокламации. Наконеч, утром 10 марта новый генерал Езёранский прочел перед фронтом пяти тысячного отряда Лянговича манифест нового диктатора. Солдаты, в самом деле полюбившие своего начальника среди тяжелых трудов, переносимых с ним бесперывно с ночи 22 января, закричали «ура» и были убеждены, что бог ниспослал им нового Костюшку.

Рассказав всю эту историю, Бехонский прибавил, что Лянгович совершенно предал себя в руки белых авторов его диктатуры, несомненных врагов революции, окружается ими и что, следовательно, революции угрожает величайшая опасность **.

После объяснения Бехонского не было никакого сомнения, что самая гадкая интрига контрреволюционеров произвела диктатуру. Некоторые из нас, в особенности Майковский, всеми силами настаивали, чтобы задержать признание Комитета, которое хотя было уже напечатано, но находилось еще в наших руках и не было скреплено печатью; однако же факт совершился безвозвратно: Яновский и Гиллер выехали уже из Варшавы и повезли с собой письменный документ, признающий эту гнусную интригу. Поэтому мы ограничились только суровым письмом к Лянговичу, в котором открывали ему в надлежащем свете характер и намерения авторов диктатуры и требовали удаления интриганов, грозя в противном случае непримиримой с нашей стороны войной. Письмо это взял с собой Бобровский, которого мы тотчас же (т. е. 15 марта) отправили в Краков в помощь двоим прежде высланным полномоченным ***.

С тех пор до самого 26 марта мы решительно ничего не знали ни о судьбах диктатора, ни о том, что он делает. Все это время, а точнее целые две недели, начиная с 12 марта, были совершенно потеряны для революции. Импрови-

* Бентковский был одним из лучших молодых военных инженеров прусской армии до 1849 г.; потом командовал батареей в Венгрии. Впоследствии, отсидев в тюрьме, он проживал постоянно в Познани и был одним из дельнейших наших депутатов в Берлинском сейме. После стычки под Скалой Бентковский принял должность начальника штаба у Лянговича.

** Личности гр. Грабовского я вовсе не знаю, но люди вообще нехорошо отзывались об его характере. Что касается двух легитимационных записок, представленных Лянговичу, то Грабовский получил их незадолго до диктатуры, когда возил деньги от нас к Высоцкому в Галицию, отправляясь туда по собственным делам. Одна из них должна была ему служить рекомендацией при представлении Высоцкому, другая была так называемой «картой доверия», которая выдвигалась обыкновенно Комитетом курьерам, отправляемым по более важным делам. Ни одна из них не могла служить в глазах Лянговича доказательством какого-то особенного доверия Временного правительства к Грабовскому, но для желающего играть роль великого человека они были достаточны.

*** Письмо к Лянговичу было совершенно верно напечатано в «Варшавском дневнике» прошлого года. Автором его был Бобровский.

зированной диктаторской комиссии могла лишь решать текущие дела второстепенной важности; постановлять же и приводить в исполнение какие бы то ни было решения более общего, основного значения она не была в состоянии. Нельзя было издавать ни одного декрета, ни одной общей инструкции, ни одного более важного назначения; необходимо было даже приостановить введение нового административного устава. Это весьма натурально: во-первых, нам недоставало трех главных деятелей, во-вторых, мы опасались, чтобы наши распоряжения не встретились с предполагаемыми распоряжениями диктатора и не противоречили им и чтобы этим не увеличить и без того существовавшей повсеместной неурядицы. Этого можно было опасаться тем более, что Лянгевич сделал несколько самых бессмысленных назначений и поручений, вызвав самых неспособных людей и не задав себе труда дать знать об этом в Варшаву *. Такое, просто безвыходное положение дел принесло весьма много вреда революции.

Наконец, 26 марта возвратились наши уполномоченные и подтвердили известие, почерпнутое из журналов, что диктатуры нет и что шут-диктатор погиб, как шут. Позволю себе представить здесь вкратце историю этой восьмидневной комедии Лянгевича в том виде, как мне ее сообщили мои друзья. Издав прокламацию и не имея малейшего понятия ни о верховном руководстве делами революции, ни об устройстве какой бы то ни было отрасли ее, Лянгевич передал все это бремя в руки создавших его «спасителей отечества». Эти негодяи не только не приготовили ничего, задумывая свое шутовское *сюр*^a, но и после объявления диктатуры, в продолжении целых 8 дней, не сделали ни одного шага для того, чтобы ввести новый порядок вещей. Они кричали много, держали себя высоко, спорили между собой, спорили с нашими уполномоченными, но о делах края как будто вовсе и не думали. Все, что они произвели, сводилось к следующему: составили декрет об установлении гражданского правительства, секретариата и некоторых комиссаров и представили Лянгевичу кандидатов на эти должности. Лянгевич утвердил этот декрет и назначил кандидатов, за исключением, однако же, кандидатов в члены гражданского правительства, назначение которых он отсрочил до времени соглашения с Варшавой **. Из числа лиц, получивших тогда назначения, я помню следующих: комиссаров Яцка Семенского в Лемберге, какого-то Александровича в Кракове и графа Богуслава Лубенского в Познани и секретарей: Валерия Гомчинского и богатого познанского помещика Кантака; первый из них был только временным секретарем до прибытия Кантака. Кандидатами в члены гражданского прави-

* Это были назначения и поручения, так сказать, отрывочные, выдаваемые на скорую руку, ничуть не простиравшиеся из какого-нибудь разумного или хотя бы просто логического плана. Например, Лянгевич назначил своего офицера, молодого помещика Варшавского уезда Байера, полковником и организатором кавалерии в Варшавском и Плоцком воеводствах; Гротуса, труса и совершенно тупого человека, комиссаром в Плоцкой губернии; какому-то находившемуся у него молодому доктору поручил ездить во все уголки края и устраивать всеобщее восстание и т. п. Всех таких назначений не было более 6, и все они были уничтожены Исполнительной комиссией.

** Здесь необходимо прибавить одно объяснение. Лянгевич, решившись объявить себя диктатором, призвал было Высоцкого из Галиции, требуя от него признания диктатуры и принятия должности директора военного департамента. Высоцкий отказался, сказав откровенно, что он считает решение Лянгевича бунтом, а Грабовского шарлатаном и что он будет стоять в стороне до тех пор, пока не увидит письменного признания диктатуры от имени Центрального комитета. Хотя слова Высоцкого не убедили Лянгевича, но он счел необходимым не учреждать нового правительства без соглашения с Варшавой.

^a *Сокращенно *sюр d'état* — пересворот (франц.).*

тельства, если не ошибаюсь, были: какой-то князь Любомирский, помещик Яцковский, познанский помещик граф Вельгорский, Дионисий Скаржинский из Августовской губернии и Иосиф Высоцкий, предназначенный директором военного департамента. За исключением этих двух вышеприведенных фактов, советники Лянговича ничего больше не сделали. Не лучше были личные действия самого Лянговича. Он отпраздновал диктатуру, составил огромный штаб, назначил множество генералов и полковников, пировал, вертелся со своей армией вправо и влево (как думаю, без всякого плана) по Олькушскому и Стопницкому уездам и, наконец, преследуемый генералом князем Шаховским и полковником Ченгери, принял сражение под Гроховисками 18 марта *. Сражение было кровопролитное и, как говорят, окончилось в нашу пользу, благодаря храбрости зуавов Рошебрёна и косиньеров Снеховского. Этим и кончилась комедия. На другой день не было уже Лянговича, а через два дня не осталось и следа из целой шеститысячной массы преданных ему солдат. Факты объясняют эту новую и несчастную для нас неожиданность следующим образом: Лянгович, едва дождавшись конца битвы под Гроховисками, созвал военный совет и представил ему: во-первых, невозможность действовать сосредоточенными в одно целое силами при тогдашних обстоятельствах революции; и во-вторых, необходимость разделить свою небольшую армию на несколько отрядов и вести далее до некоторого времени партизанскую войну. Все члены совета, за исключением Бентковского, признали справедливость намерений диктатора, который и выдал безотлагательно соответственные такому решению приказания. Далее, Лянгович объявил, что он оставляет на некоторое время своих товарищей и отправится сам в сопровождении лишь нескольких старших офицеров через Галицию в Люблинскую губернию. Целью такого решения Лянговича было, с одной стороны, устроить дела диктатуры во время короткого своего пребывания в Галиции, а с другой, — чтобы оживить восстание и лично заняться его военной организацией на правом берегу Вислы, в Люблинской губернии. Притом, думал диктатор, такой оборот при нечаянной перемене образ действий оставляемой армии будет для русских загадочным фокусом, долженствующим парализовать их планы. Если бы Лянгович захотел исполнить свои намерения на другой день, простившись с солдатами и после отправления партизанских отрядов в назначенные им стороны, в таком случае, мы лишились бы, быть может, одного только диктатора, но солдаты его несомненно бы уцелели. Но, к несчастью, Лянговичу казалось, что для лучшего и более удачного исполнения придуманного им плана нужна совершеннейшая тайна. Поэтому он решил отправиться в Галицию тотчас же, того же 18 марта, и приказал членам военного совета не уведомлять солдат о его отсутствии до следующего дня, для чего и оставил им прощальную прокламацию. Цель отъезда долженствовала быть непроницаемой для всех тайной. Судьба помешала, однако, осуществлению всех планов. Австрийские солдаты арестовали нашего диктатора при переходе границы; мало того, кавалерийский конвой, провожавший его до границы, выдал тайну товарищам еще до заката солнца и уведомил всех, что возлюбленный начальник уехал с Езёранским и двумя другими офицерами в Галицию. Бедные

* Составил ли Лянгович какой-нибудь план действий для своей армии и приходило ли Лянговичу в голову обдумать общий план военных действий во всем крае, этого я не знаю. Равным образом мне неизвестны какие бы то ни было военно-организационные намерения и распоряжения диктатора.

солдаты, будучи не в состоянии объяснить себе такого поступка и не получив никакого объяснения от оставшихся с ними генералов (тем более имея вблизи значительные русские силы), закричали «измена». Тревога, замешательство и совершеннейшая деморализация сделались всеобщими, голос начальников потерял всякое значение, и, наконец, целая почти шеститысячная армия разбежалась во все стороны, а наиболее в Галицию. Только суровый старик Чаховский успел удержать в порядке своих несколько сот людей и повел их в Свентокржижские горы.

Таков был конец диктатуры. Нашим уполномоченным не оставалось ничего более, как только взять обратно в руки Комитета потерянную Лянгевичем верховную власть революции, о чем и было объявлено в изданной в Кракове краткой прокламации с подписью Бобровского как уполномоченного комиссара Временного правительства *.

Для полноты вышепредставленного очерка диктатуры должно присовокупить следующие три небольшие прибавления.

Прибавление 1. Нет никакого сомнения, что белые сделали Лянгевича героем. Доказательством этому служат не только вышеописанные факты, но и многие другие, как например, упразднение белой организации, отправление Лянгевичу до 300 тысяч руб. серебром, всеобщее с тех пор и решительное расположение шляхты в пользу революции и проч. Поддерживала ли Грабовского и его друзей сама Дирекция, о том нет фактических доказательств: белые всегда были дипломатами, следовательно, не были так откровенны, как революционеры. Как бы то ни было, но, однако же, рождается сам собой вопрос: какой интерес имели белые, захватывая неожиданно революционную власть? Люди различно толковали об этом, но, по-моему, узел загадки заключается в готовившейся уже тогда дипломатической интервенции и в готовившихся первых нотах по польскому делу. С этими явлениями по сигналу Чарторьского отжили наши дипломаты: они не верили в силы революции, но поверили Европе и решились действовать. Итак, захватывая диктатуру, они, по моему мнению, хотели: во-первых, порождением важного, крикливого факта, придающего революции вид значительной силы, ускорить отправление мартовских западноевропейских нот в С.-Петербург и иметь влияние на их содержание; во-вторых, иметь революционную власть в своих руках и руководить делами восстания соответственно заграничному термометру, т. е. или развигать пожар войны и жертвовать для нее всем в случае, если дипломатическая интервенция будет представлять надежды, что она рано или поздно переродится в вооруженную; или же, в противном случае, иметь всегда возможность окончить революцию, сдать правительство и выхлопотать у него при помощи заграничных кабинетов всеобщую амнистию и новые, более обширные привилегии для края. Все это, конечно, басни, но басни, составляющие, по-моему, единственную политическую веру наших умеренных патриотов и единственное объяснение их участия в революции.

Прибавление 2. Видно, сама судьба хотела наказать Мерославского самым чувствительным ударом: революция, для которой он трудился всю жизнь, просто надсмехалась над ним. После первого замешательства в от-

* Бобровский вовсе не успел пробраться к Лянгевичу; Гиллер же и Яновский вместо того, чтобы поехать прямо к нему, сидели в Кракове, споря с Грабовским, Хржановским и другими, а Лянгевичу послали только признание со стороны Комитета и уведомили его о своем скором прибытии. Эта непростительная ошибка объясняется тем, что Гиллер и Яновский первоначально ничего не знали об интригах, сопровождавших диктатуру, и что Хржановский был другом Гиллера.

ряде Меленцкого он успел с величайшим трудом пробраться в Краков и оттуда прислал к нам разные распоряжения и требовал отдачи под его непосредственное начальство отряда Лянгевича. Но к несчастью, даже самые преданные друзья были уже тогда не в состоянии исполнить его желаний; мы узнали о них в одно время с прокламацией Лянгевича и потому должны были отвечать отказом. Между тем еще до получения нашего ответа несчастный вождь без армии услышал страшную весть о диктатуре своего врага. Признавая себя законным владельцем захваченной власти, Мерославский вздумал опрокинуть самозванца словом и написал свою известную *протестацию* против бунта Лянгевича, невзирая на советы Куржины, назвавшего за то своего принципала «генералом-литератором». Кроме того, генерал-литератор позволил себе затевать самые неблагоприятные и гнусные интриги в лагере Лянгевича; но об этом не стоит говорить.

Прибавление 3. С упадком диктатуры, когда целые тысячи наших пер-вых беглецов (uciekniętów) * появились в Галиции, Краков представлял собой самое страшное зрелище отвратительной анархии; нельзя разобрать всех тогдашних разнородных обвинений в измене, всех интриг, претензий, споров и брани. Не желая затрагивать эту грязь, я должен упомянуть об этом лишь происшествии, которое стоило жизни Бобровскому. Не удивительно, что после потери 6000 вооруженных людей никто не щадил авторов диктатуры, в особенности Грабовского, и что письмо Комитета к Лянгевичу, заключавшее характеристику незванных «спасителей», сделалось всем известно. Грабовский потребовал у Бобровского удовлетворения за обиду, как от лица, признавшего себя автором упомянутого письма. Вызванный объявил, что он готов принять поединок, но требует прежде, чтобы избранный обеими сторонами суд решил, не замарал ли Грабовский своей чести в деле диктатуры? Суд под председательством польского генерала Куршевского решил вопрос в пользу обиженного. Вскоре затем поединок состоялся в Силезии, и Бобровский был убит. Мы потеряли в нем доброго, сердечного друга, а революция утратила разумнейшего и дельнейшего из всех появившихся на ее горизонте деятелей. Бобровский был человек всего 23 лет, но удивительных способностей, чрезвычайно деятельный, цинической ^а, так сказать, отваги, полный энергии и не терявший ни на минуту присутствия духа в каких бы то ни было обстоятельствах. Другого Бобровского революция уже не имела! Быть может, что дружба влечет меня к преувеличениям, но в памяти моей остался целый ряд примеров, подтверждающих каждое слово, сказанное о Бобровском ¹.

.....
* Это название в первый раз явилось в словаре революции после бегства армии Лянгевича.

^а Вероятно опечатка, должно быть — *цивической, т. е. гражданской.*

¹ В списке-приложении к докладу Розвадовского Бергу от 20 марта (1 апреля) 1865 г. за № 5154 перечислены (черновик подготовлен Оскаром Авейде) как не вошедшие в прежние показания Авейде следующие члены революционной организации: Гротус, Круликовский, Бронислав Марчевский, Суминский и Адам Грабовский (!). Сведения о них ограничиваются данными «Записок», а о судьбе их сообщается:

«Круликовский — находится постоянно с марта месяца 1863 г. за границей. Гр. Грабовский — тоже. Бронислав Марчевский — (кажется — вставлено Розвадовским) выслан в Россию. To niezawodnie — w ostatnich numerach «Dziennika» jest jego korespondencja z Rosji o budowie mostu pod Włocławkiem».

Последняя фраза Розвадовским зачеркнута, и далее дописано: «Артур Суминский и Гротус — неизвестно» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 313).

Перевод польского текста: «Это несомненно — в последних номерах «Дзенника» есть его корреспонденция из России о строительстве моста под Влоцлавком».

Б. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПРОВИНЦИЯХ

1. *В Литве.* Когда вспыхнуло восстание, Провинциальный комитет постановил безотлагательно следовать нашему примеру, несмотря ни на свои противные нашим убеждения, ни на споры с Варшавой, ни на слабость только что начавшей развиваться своей организации. Бедные люди сказали себе, что когда кровь за Польшу льется, Литва во что бы то ни стало должна не отставать от своих собратьев в Царстве Польском и жертвовать всем для интересов революции *. Однако же, помимо желаний и усилий Провинциального комитета, решительно никто на всем пространстве Литвы не послушался его призыва. Даже отчаянная попытка, задуманная самими членами Комитета близ уездного города Свенцяи, не удалась: собранные десятка два вооруженных лиц были почти все обезоружены и арестованы без боя. Между тем, бывший наш агент Нестор Дюлёран, отвергнутый красными литовцами, успел сблизиться с белыми без всякого приказа о том из Варшавы. Литовские белые ничем не отличались от наших, за исключением разве того, что тамашняя шляхта более нашей готова к пожертвованиям за свободу Польши. Поэтому-то, хотя они первоначально были противниками восстания, но скоро (прежде наших дипломатов) решились принять в нем участие и войти в сношения с Варшавой и желали только иметь в своих руках провинциальную революционную власть. Вслед за тем в половине февраля месяца Дюлёран приехал в Варшаву и представил Бобровскому необходимость упразднить существовавший Провинциальный комитет и, воспользовавшись готовностью белых, передать им труды по образованию и руководству революцией в провинции. Старая аксиома, что без шляхты никто ничего не делает в Литве, и очевидная слабость комитета красных побудили Бобровского принять представления Дюлёрана. Дюлёран и помещик Ковенской губернии Иаков Гейштор были уполномочены представить на утверждение Временного правительства кандидатов в члены нового Литовского комитета. Через неделю кандидаты были представлены и утверждены. Ими были: упомянутый Гейштор, помещик Виленской губернии Александр Оскерко, помещик Минской губернии (Наполеон или Антон) Еленский, житель города Вильно Францишек Далевский и Дюлёран, которому вверены были вместе с тем обязанности комиссара Временного правительства в Литве. Новый комитет получил название «Отделения (Временного правительства), заведующего провинциями Литвы»; основанием же прав и обязанностей его, равно как и сношений с Варшавой, служила составленная Бобровским инструкция в духе дореволюционного неудавшегося литовского устава. В то же время приказано было членам старого комитета прекратить их деятельность и выдать наследникам свою печать, документы, переписку и деньги**. Вслед за тем в конце февраля прибыл в Варшаву виленский литератор Вацлав Пржибыльский как уполномоченный агент Литовского отделения, и сношения между нами с тех пор установились на прочном основании.

Вооруженные действия начались в Литве только под конец описываемого периода, именно с 15 (27) марта, да и то не везде. Правда, что еще прежде Роман Рогинский, перешедший со своей незначительной шайкой через Буг в начале февраля, после сражения под Семятичами, кружился по Грод-

* Эти слова можно вообще принять как девиз восстания Литвы и Руси.

** Они некоторое время противились, но потом сдались, написав протестацию.

ненской губернии и забрался даже в Пинск, но действия его были похожи скорее на пляску сумасшедшего, чем на что-нибудь серьезное, и не нашли никакого отголоска в жителях Литвы.

2. *Русь* была для нас по-прежнему terra incognita. Члены тамошнего Провинциального комитета, хотя были люди более многих других наших деятелей разумны и образованы, но не годились совершенно для революции. Они по-прежнему не присылали нам ни одного рапорта, никакого решительного сведения, хотя бы о том, существуют ли они. Бобровский посылал было к ним какого-то молодого человека (тамошнего, кажется, уроженца) князя Гедройца, но и это ничего не подействовало: Гедройц не привез никакого рапорта, а просто словесное уведомление, что Русь готовится к восстанию в апреле месяце (в особенности Волынь) и что во главе всех приготовлений стоит Эдмунд Ружицкий. После падения диктатуры Высоцкий просил назначить его главнокомандующим на Руси и позволить ему сформировать в Галиции сильный четырехтысячный отряд. Бобровский охотно исполнил его желание и обещал от имени Временного правительства дать оружие и деньги. В то же время Бобровский назначил Мариана Соколовского (находившегося тогда в Галиции) комиссаром Временного правительства на Руси, дал ему соответственные инструкции и приказал образовать новый состав Провинциального комитета или «отделения» наподобие Литовского. Вооруженных действий никаких там еще не было.

3. *Галиция*. Ошибки наших предков, дурная система управления (в особенности в прошедшем), легкая и дешевая покупка баронских, графских и других титулов в Вене, наконец, проклятая резня 1846 г. сделали из этой прекрасной провинции старой Польши самую несчастную страну. Это настоящая вавилонская башня. Не думая, однако же, затрагивать этого предмета, скажу, что Галиция имела в минуту восстания множество разных белых, красных, пестрых, городских, сельских и бог знает еще каких тайных патриотических комитетов, противных друг другу. Эти фантастические комитеты не имели никакой силы. Временное правительство, желая извлечь всевозможную пользу из соседства Галиции (тем более при несомненной двуличности Австрии), поручило Высоцкому еще до назначения его главнокомандующим на левом берегу Вислы привести к единству разбросанные тамошние комитеты и образовать одну центральную провинциальную власть. Несмотря на самые напряженные усилия Высоцкого, пользовавшегося там всеобщей симпатией, желания Временного правительства не могли быть осуществлены. Высоцкий донес, что ему удалось только уменьшить число комитетов до *четырёх* (!), и потому он советовал нам до времени не образовывать в Галиции никакой коллегиальной революционной главы, а просто назначить своих уполномоченных комиссаров, дать им соответственные инструкции и поручить извлекать пользу из каждого существовавшего комитета, позволяя галицианам сколько им угодно спорить между собой и забавляться политикой. Советы Высоцкого были приняты, но внезапно появившаяся диктатура воспрепятствовала их исполнению. Лянгевич (как это сказано выше) назначил в Галицию двух комиссаров Александровича и Семенского, но роль их не была еще определена. С падением диктатора Бобровский утвердил Семенского в Лемберге, а вместо Александровича назначил комиссаром Западной Галиции эмигранта Северина Эльжановского, бывшего до революции редактором периодически издаваемых в Париже брошюр под названием «Обзор польских дел» (*Przegląd rzeczy Polskich*). Оба они одновременно получили инструкции в духе советов Высоцкого.

Жители Галиции до самой битвы под Скалой не оказывали нам никакой помощи. Единственное и то весьма ограниченное исключение в этом отношении составляет содействие, оказанное военному воеводскому начальнику Куровскому со стороны нескольких личных его друзей и краковских студентов. Результатом этого содействия было доставление Куровскому незначительного количества оружия и небольшого отряда из двухсот человек зуавов, которые были набраны почти исключительно из краковских студентов. Куровский передал их под команду Рошебрёна и потерял этих храбрых молодых людей в безумной атаке Мехова. До ста человек пали на поле битвы, и многие были ранены.

4. *Познань*. И здесь конец февраля следует считать сроком, с которого начинается участие в восстании поляков прусских владений. Тогда, т. е. не позже первых чисел марта месяца, прибыли в Варшаву какой-то князь Сулковский и доктор прав Казимир Шанецкий с разными предложениями от имени провинции. Первый был уполномоченным от тамошнего консервативного общества и был *захвачен* Дирекцией, враждовавшей еще тогда с нами; второго присылал Гуттри и его друзья, и он вошел в сношения со мной. Я отправил Шанецкого с поручением, чтобы он по соглашению с Гуттри устроил дела революции в Познани и образовал там комитет. Диктатура пошла и этим намерениям. Лянгевич, как уже известно, назначил своим комиссаром в Познани гр. Богуслава Лубенского, который с падением диктатуры был, если не ошибаюсь, утвержден Бобровским*.

Помощь, оказываемая познанскими жителями нашим военным действиям, ограничивалась немногими одиночными волонтерами (в числе их был Меленцкий) и доставлением нескольких двустволок пограничным повстанцам. Прусская полиция бдительно исполняла обязанности свои, приистекавшие из февральской конвенции¹.

В. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ВОССТАНИЕ В ВОЕННОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ И ФИНАНСОВОМ ОТНОШЕНИЯХ

1. *В военном*. Хотя я заранее исключил из моего рассказа все военные действия, однако же не могу оставлять совершенно в стороне этого предмета. Небольшие замечания необходимы для полноты очерка революции, тем более, что они не лишены некоторого интереса для правительства.

а. *Руководство, характер и численность вооруженных сил восстания*. Руководство военными действиями находилось во все описываемое время непосредственно в ведении Временного правительства и его Исполнительной комиссии. Первоначально мы не имели под рукой буквально ни одного офицера, который мог бы оказать нам помощь в этом отношении, и были принуждены сами играть роль генералиссимуса. Потом, во второй половине февраля месяца, мы отыскивали Качковского, который с несколькими своими неизвестными мне личными помощниками составлял весь наш воен-

* Говорю «если не ошибаюсь», потому что с точностью этого обстоятельства не помню; очень быть может, что Бобровский удалил Лубенского и назначил на его место Гуттри как человека несомненно революционных убеждений.

¹ Так называемая конвенция Альвенслебена, заключенная 8(20) февраля 1863 г. в Петербурге между Россией и Пруссией, которую представлял специальный уполномоченный ген. Альвенслебен. Конвенция предусматривала широкую систему взаимопомощи в борьбе с польским восстанием.

ный департамент. Кроме того, Бобровский учредил в Кракове (после падения диктатуры) другой военный департамент, зависевший только от Временного правительства. Директором его назначен был тогда генерал Крушевский, а секретарем Бентковский. Оригинальность этой меры объясняется тем, что Галиция вследствие хорошего для нас расположения австрийского правительства представляла превосходную местность для формирования сильных отрядов. Для успешнейшей их организации и для удобнейшего и скорейшего руководства их действиями по переходу в воеводства смежные с Галицией необходимо было учредить в Кракове военный комитет, а для того, чтобы офицеры разного происхождения слушались его, следовало придать ему значение и власть департамента. Крушевский имел даже право выдавать назначения исключительно до чина полковника.

Общего плана военных действий и руководства в собственном смысле слова вовсе не было. Безумие и упадок духа главы революции, недостаток в деньгах, офицерах и оружии, совершенная невозможность знать свои силы и силы противника, равно как их размещение, делали план и руководство немислимыми. То же самое необходимо сказать о внутренней организации наших сил: единства никакого, разнообразие полнейшее и зачастую фантазия импровизированных начальников заменяла всякие уставы и постановления. Эта всеобщая неурядица составляет *первую* характеристическую черту наших военных действий.

Несмотря на вышесказанное, все-таки рождается вопрос: к чему стремились, что думало Временное правительство о своих военных действиях, единственно могущих доставить ему победу? Ответу коротко и откровенно. В продолжении трех первых недель оно ничего не думало, не было в состоянии подумать; после, держась узких границ возможного, оно постановило: во-первых, и до времени вести наступательно-партизанскую войну под руководством воеводских военных начальников, *по плану, составленному каждым из них отдельно, соответственно условиям в том или другом воеводстве* (что составляет другую характерную черту наших военных действий в этом периоде); во-вторых, ввести единство в организации партизанских отрядов и ежедневно увеличивать число их; в-третьих, переходить постепенно на основании двух предыдущих пунктов к сформированию трех армий, о чем упомянуто выше. Это постановление благодаря усилиям и полезной в самом деле деятельности Качковского мало-помалу вводилось в исполнение, но встречало многие непреодолимые препятствия в материальных всесторонних недостатках, и самое главное, в неожиданной диктатуре Лянгевича. Кроме того, намерения наши парализовались во многом соединением в руках воеводского военного начальника и управления военными действиями, и чисто организационных занятий*, и обязанности объявлять посредством партизанских отрядов декреты о наделе крестьян землей, и, наконец, обязанности вести между ними вооруженную пропаганду.

Точное определение численности наших вооруженных сил было бы невозможно даже для самого Комитета в минуту получения рапортов, потому что отряды повстанцев постоянно подвергались изменениям (что было третьей чертой военной стороны революции). Почти ежедневно одни отряды появлялись из-под земли, другие гибли безвозвратно; читая рапорт о численности сил,

* Должности военных организаторов, к несчастью, были установлены только в июне или даже в июле месяце, до тех же пор организацией новых отрядов занимались сами военные начальники вместе с гражданскими уездными властями. Этот недостаток вместо скорости и простоты порождал замедление и путаницу.

находившихся в той или другой местности, нельзя было ручаться, что они существуют еще в самом деле и что их начальник получит еще ответ из Варшавы. Однако же, обозначая приблизительно, сила наша на всем пространстве Царства Польского никогда не превышала 20 000 человек. Самые многочисленные силы, в начале восстания доставляли воеводства Подляское * и Сандомирское, потом Варшавское и Калишское; наименее же *сильным было всегда Августовское.*

б. Важные должности воеводских военных начальников в продолжении этого периода занимали следующие лица: в Варшавском Казимир Меленцкий, в Калишском капитан или майор русских войск *Яворский* (человек уже пожилых лет, до назначения в начальники постоянно проживавший в Варшаве), в Краковском Куровский, Сандомирском Лянгевич, в Люблинском не было никого, Подляском сначала Левандовский, а впоследствии Борелёвский (псевдоним Лелевель), в Плоцком сначала Томашевский, потом Падлевский, в Августовском долгое время не было никого, потом, во второй половине этого периода, назначен был присланный Высоцким *Андрушкевич*, эмигрант с 1831 г., бывший офицер старых польских военных инженеров. О других военных личностях восстания даже вспоминать не стоит. Скажу еще только, что вполне способного человека мы вовсе не имели: Лянгевич был только счастливее прочих; счастье это доставили ему в большей половине ошибки, как думаю, начальника штаба генерала Ушакова **.

в. Еще слово о *покупке оружия.* На высланные до начала восстания деньги для этой цели не было доставлено ни одного ружья до самого конца марта месяца. О Цверцякевиче долгое время не было ничего известно, потом, кажется, под конец февраля месяца, он отправил из Лондона 4000 штук ружей, но транспорт на долгое время был задержан в Готта. Яцковский пропал без вести, и только впоследствии мы узнали, что он был на дороге арестован в Дрездене и посажен в тюрьму за какие-то прежние неуплаченные свои долги. Чтобы сколько-нибудь помочь этому делу, мы и сами посылали во все стороны деньги, какие только находились у нас под рукой, и разрешили местным воеводским властям покупать незначительные партии оружия. Всех мер, какие были принимаемы в этом отношении, я в настоящее время не помню, потому что проводил большую часть времени вне Варшавы и вооб-

.....
* Подляское воеводство было в состоянии без всяких преувеличений доставить революции при самом ее появлении до 10 тыс. человек. Прошу припомнить, что полковник Папафанасопуло под Венгровом разбил картечью несколькотысячную массу, и то, если не ошибаюсь, на первой или на второй неделе восстания. Недостаток военных приготовлений убил все.

** Например: Лянгевичу без всякой необходимости с самого начала были оставлены три уездных города; кроме того, ему дозволено было преспокойно существовать и формироваться в Вонхоцке н е м е н е е д в у х н е д е л ь. Это дозволило поставить на ноги до 6000 человек и запастись двумя железными и тремя деревянными пушками. Лянгевич только по своей неспособности не сумел воспользоваться столь вожделенными обстоятельствами. П р и м е ч а н и е р е д а к ц и и. Все первоначальные распоряжения по усмирению мятежа в Радомской губернии были сделаны самим генералом Ушаковым, а не его начальником штаба. Система действий генерала Ушакова основывалась на том его мнении, что при повсеместном появлении небольших шаек в Радомской губернии в то время, когда в ней находилось всего от 6 до 7 батальонов, занятых содержанием караулов и конвоированием рекрут, несравненно выгоднее было выжидать, пока они соберутся в массу, и разгромить их одним ударом (как и было сделано впоследствии при Вонхоцке), чем утомлять войска безуспешными поисками за небольшими партиями мятежников, скрывавшимися в гористых и непроходимых местностях этой губернии.

Вследствие движения войск к Вонхоцку некоторые из уездных городов Радомской губернии оставались незанятыми до прибытия подкрепления.

ще занимался другими делами. Припоминаю, однако же, некоторые факты. Итак, с нашей стороны между прочим посланы были за границу (в особенности в Австрию) два агента с деньгами для покупки оружия: служивший в компании пароходства Замойского Иосиф Петрашкевич и другой, которого фамилии не помню. К этим двум Бобровский назначил еще после падения диктатуры варшавского купца Иосифа Квятковского и передал их всех в распоряжение краковского комиссара Эльжановского. Кроме того, по нашему же приказанию покупал оружие в Пруссии агент в Мысловицах Мацеёвский. Почти в каждом воеводстве разные лица также хлопотали об этом. В Варшавском воеводстве по приказанию Франковского занимался покупкой оружия влоцлавский уездный начальник, тамошний помещик *Богущи* (он казнен), а помещик Равского уезда *Круковецкий* дал для этой цели некоторую сумму денег *; в Краковском Куровский отправил за границу (кажется) Войцеха Бехонского с частью денег, захваченных в кассе таможни Сосновице; в Сандомирском Лянгевич посылал комиссара Мацеёвского; в Люблинском занимались этим усердно гражданский начальник воеводства Грегорович и комиссары Лев Франковский и Густав Василевский; в Подляском Лелевель ** и проч. Одним словом, революционеры напрягали все усилия, чтобы вознаградить недостаток прежних приготовлений. К сказанному еще прибавлю, что в этом периоде доставлено было лишь незначительное количество сабель и ружей в отряды Лянгевича и Меленцкого и что вследствие значительного числа агентов возникла между ними вредная для дела конкуренция и путаница, из которой не легко было выйти впоследствии.

2. *Восстание в административном отношении* представляло совершеннейший хаос, в особенности в первые месяцы восстания.

а. В *Варшаве* после катастрофы, произведенной нечаянным набором. и выхода целых тысяч людей прервались все почти организационные связи и нити. Недоставало много начальников разных степеней, целые десятки и даже сотни вышли из состава организации и не имели даже возможности уведомить начальника города о том, что они существуют. Эту неурядицу увеличивало еще то обстоятельство, что Бобровский как уполномоченный комиссар Временного правительства за отсутствием его должен был заниматься всеми делами восстания и переносить все их бремя на своих молодых плечах. Это обстоятельство заставило его (при недостатке заранее устроенного хорошего порядка в занятиях и при отсутствии необходимых органов для точного удовлетворения ежедневно увеличивавшихся потребностей революции) включить, так сказать, все в объем обязанностей членов городской организации. Так, например, они занимались формированием и отправлением из Варшавы незначительных (до трехсот людей) шаек, разными заготовлениями одежды, амуниции и даже оружия для ближайших уездов; к числу их обязанностей принадлежало также хранение типографий, заготовление печатей, бланков, паспортов, доставка курьеров и прочее ***. Одним словом, на головах неустроенной городской организации лежало все, без малейшего распределения занятий и без малейшего порядка. Однако же деятельный

* Круковецкий, сын генерала, сдавшего Варшаву 8 сентября 1831 г. Это один из многих помещиков, жертвовавших всем для интересов революции; кроме сказанных денег на покупку оружия, он израсходовал значительную сумму на образование маленького батальона в Галиции.

** Люблинскому и Подляскому воеводствам мы сами дали часть денег, сколько помню, около 12 000 руб. серебром.

*** Печати Центрального комитета и бланки хранились тогда у Верницкого; он же заведовал печатанием и рассылкой разных подпольных произведений.

Бобровский, несмотря на обширность и многообразие труда, мало-помалу исправлял жалкое состояние организации. С одной стороны, он пополнил недостающий личный состав начальников и образовал из предместья Праги *пятое отделение*, а с другой, — составил новый устав городской организации, хотя далеко не полный и не удовлетворительный, но вводивший по крайней мере кое-какой порядок. Об уставе говорить буду в следующей главе, потому что он был утвержден Временным правительством и вводился в исполнение уже по смерти Бобровского. Что касается личного состава начальников организации, то я могу назвать только самых главных. Итак, начальниками отделений были назначены: из числа прежних — Тит Зенкович, Фома Бужинский; из новых — купец Францишек Розманит, чиновник Комиссии внутренних дел Петр Уминский и на Праге сотрудник редакции «Польской газеты» Владислав Генель. Более деятельным и благороднейшим из всех был Зенкович. Начальником полиции после Винницкого (вышедшего из Варшавы с шайкой Езёранского) назначен был молодой человек остроумный и деятельный, но мало способный, некто Карлович *. Бобровский имел множество своих личных помощников и галёпенов (бегунов), из них я помню только двух: Людвика Лемпке, впоследствии организатора г. Варшавы и молодого человека *Гавалкевича* (кажется Юлиана). Лемпке занимался постоянно мастерскими, Гавалкевич же был всегда только галёпеном (бегуном), употребляемым на разные отрывочные занятия, в особенности на посылки.

б. *О характере и состоянии воеводской организации* я говорил выше. Из этого отчаянного положения мы успели выйти только с началом мая месяца, и то благодаря самым напряженным усилиям. Без всякого сомнения, успех последовал бы в менее продолжительное время, но комедия Лянгевича отняла у нас до трех недель. Чтобы поправить наши дела, необходимо было, как я сказал, составить новый устав, вновь завести администрацию и преобразовать все снова. К концу марта устав был уже издан и два воеводства: Августовское и Калишское были кое-как устроены; об этом, однако же, говорить буду в следующей главе, потому что административные преобразования принадлежат, собственно, ко второму периоду революции. Здесь для того, чтобы сохранить непрерывную связь между предыдущим рассказом и дальнейшими событиями, считаю необходимым сказать несколько слов о судьбах и переменах, последовавших в личном составе наших главнейших гражданских должностей. Итак, в *Варшавском* — комиссар Станислав Франковский остался на своем посту; начальник воеводства Людвик Свёнтковский присоединился к варшавской шайке Езёранского и перешел с ним на юг к Лянгевичу. В *Калишском* — комиссар Густав Василевский был перемещен в Люблинское воеводство, а наследник его, Юлий Верещинский, погиб в сражении; начальник воеводства кс. Цент совершенно потерял голову, бросил все и скрылся в своем приходе. В *Сандомирском* — комиссар Мацеёвский был послан за границу для покупки оружия; начальником вместо кс. Котковского Лянгевич назначил чиновника Валерия Томчинского, которого он неизвестно зачем водил везде с собой, не давая ему времени заниматься и оставляя дела воеводства на волю провидения. В *Краковском* — комиссар Бехонский был послан за границу, а начальника не было вовсе. В *Люблин-*

* В подлинности фамилии Карловича я не ручаюсь, потому что с точностью я ее никогда не знал. Его обыкновенно называли Каржелком, и он был мне известен под этим псевдонимом. Я никогда не находился с ним в непосредственных сношениях и встречал его очень редко

ском — комиссар Лев Франковский был тяжело ранен и взят в плен (потом казнен), наследник его Василевский поехал в Галицию покупать оружие и там попался в тюрьму с деньгами, успев, однако, бежать из тюрьмы, он прибыл обратно в свое воеводство, но скоро был убит в сражении; начальник воеводства адвокат Грегорович остался по-прежнему, но был скоро скомпрометирован и скрывался. В *Подляском* — комиссар Роман Рогинский и начальник Бронислав Дескур — оба пошли в шайки, первый перешел воевать, как Дон-Кихот, в Литву, второй находился под командой сначала, кажется, Левандовского, потом Замечка и, наконец, Мыстковского в Остроленкском уезде. В *Плоцком* — комиссар Эдуард Рольский был убит; начальника воеводства застрелился. Вместо застрелившегося Падлевский назначил какого-то помещика *Соколовского*, но скоро заменил его Евстафием Грабовским, тоже тамошним помещиком. В *Августовском* — комиссар Иосиф Пётровский остался на своем посту; начальника не было вовсе. Наконец *Белостокское* воеводство перешло в заведование Литовского «отделения»*.

Из этого краткого очерка судьбы главных деятелей можно представить, какое было положение низших воеводских; никто из членов Временного правительства или из приближенных к нему не был бы в состоянии сказать об них что-либо, так как среди всеобщей суматохи только весьма немногие уцелели и исполняли свои обязанности. Одним словом, повсюду прервались все связи, и порядок рушился бесследно.

3. *Положение восстания в финансовом отношении.* Не лучше прочего были и наши финансы. Первым источником дохода была подать, собираемая на основании старого предреволюционного (сентябрьского) декрета, с той разницей, что в кассу Комитета поступили лишь те суммы, которые Бобровский успел собрать в городе. Сбор производился настоящим, как говорит наша пословица, казачьим порядком, т. е. бог знает кем, с кого и сколько. Вторым источником дохода были частные, незначительные пожертвования и такая же уплата вперед тех податей, которые предполагалось установить впоследствии**. Третьим и самым важным источником были деньги, захваченные повстанцами из законных правительственных касс. Из таких сумм я помню в настоящее время следующие: около 60 тыс. руб. серебром, захваченные Куровским в Сосновицкой таможне, 30 тыс. руб. серебром, захваченные Львом Франковским, кажется, на почтовой станции Курово, и 18 тыс. руб., увезенные неизвестным мне почтальоном (konduktor) в окрестностях Лодзи. Кроме этих более значительных сумм, многие другие также доставались в руки восставших. Общий их итог никогда не был известен, и я не в состоянии обозначить его в настоящее время.

Никакого порядочного контроля прихода и расхода денег не существовало; комиссия Бобровского вела счета, но их никак нельзя назвать удовлетворительными. Половина их была сожжена, кажется, Марчевским во время его ареста.

.....

* Я забыл выше сказать, что часть Белостокской области, смежная с Царством Польским, восстала в одно время с нами. Инсургенты соединились с некоторыми чиновниками Петербургской железной дороги и с людьми, вышедшими из Варшавы, потом перешли под команду отчасти Замечка, отчасти же Рамотовского (псевдоним Вавер).

(Из числа чиновников железной дороги более деятельными были: Мыстковский, Фритше, Плюцинский, Осташевский и Дытвальд; первые двое были один после другого начальниками двух хороших отрядов. Все они во время восстания погибли.)

** Желая достигнуть большего порядка в сборе податей, мы постановили издать новый в этом отношении декрет и новые инструкции; но Лянгевич помешал нам. В счет этих-то податей многие давали деньги вперед.

В виде маленького *прибавления* к вышесказанному краткому очерку нашего финансового положения не будет излишним упомянуть об одном событии, которое хотя не состоялось, но, состоявшись, имело бы весьма важные последствия. На другой день после получения в Варшаве известия об объявлении диктатуры Лянгевича Рупрехт донес Комитету, что один из варшавских банкиров готов устроить между здешними капиталистами частный *беспроцентный заем* от одного до двух миллионов рублей серебром в пользу революции, в счет будущих податей. Мы, конечно, весьма охотно приняли неожиданную готовность доброжелательного банкира, но, к несчастью, сам диктатор помешал осуществиться этому полезному предложению. Именно, банкир требовал диктаторского декрета, предписывающего учредить заем и полномочия на наше имя для выдачи нам денег, но ни того, ни другого мы получить не успели. Таким образом с падением диктатуры пала и готовность банкира. Банкир этот был г. Леопольд Кроненберг.

С этими словами кончаю рассказ событий первого периода революции. Если закрались какие-нибудь упущения, то я пополню их в последующем очерке.

Глава VIII

С АПРЕЛЯ МЕСЯЦА ДО ПЕРВОГО ПЕРЕВОРОТА, СОВЕРШЕННОГО НЕДОВОЛЬНЫМИ И АНАРХИСТАМИ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ИЮНЯ МЕСЯЦА

Я сказал выше, что вследствие продолжительности восстания и заграничной симпатии и интервенции первоначальный дух жителей края изменился в пользу революции. Всеобщее расположение к ней, усиливаясь постепенно, достигло в продолжение этого периода неожиданной высоты. О городах и упоминать нечего, мы здесь располагали всем, до последнего человека, до последней его копейки. Помещики и капиталисты сдались совершенно, и если они и не принимали иногда по разным поводам той или другой предлагаемой им революционной должности, за то весьма охотно платили предписанную подать, исполняли все приказания и не уклонялись от ежедневно налагаемых на них тяжестей и повинностей. Почти не было примера противодействий, и даже эти самые примеры доказывали огромную силу революционного правительства в преданном ему общественном мнении. О чиновниках едва ли и говорить нужно; они составляли настоящую другую революционную организацию, бывшую у нас на службе без жалованья; даже те личности, которые всегда считались вернейшими слугами законного порядка, волей или неволей работали в пользу ненавистных для них, как казалось, мятежников. Евреи, за исключением противной им военной службы, не отличались ничем от прочих сограждан; слушались только революционеров, делали им множество услуг и платили подать с беспримерной честностью, не скрывая нисколько своего никогда с точностью неизвестного дохода. Нередко случалось, что они представляли на решение революционных властей свои чисто частные дела, не желая прибегать к законным властям.

Но самое главное, расположение крестьян тоже изменилось. Конечно, было бы нелепо утверждать, что крестьяне кипели патриотизмом и жаждали войны: в таком случае мы, быть может, победили бы; но расположение крестьян было наибольшее, какого только можно было требовать при существовавших в крае условиях. Они не только не выдавали никого без принуж-

дения *к тому силой*, не только давали подводы и прочее без вознаграждения, не только помогали неоднократно, скрывали, предостерегали от грозившей опасности, но во многих местностях собирали между собой добровольные денежные складки; весьма многие служили в наших жандармах (что требовало особенной верности), и самое главное, все чаще и чаще появлялись волонтерами в наших шайках. Не было *решительно ни одной* местности во всем Царстве Польском, в которой бы начальники в рапортах не жаловались, что они принуждены отправлять домой целые толпы крестьян по недостатку оружия. Нарочно веденные для сего списки в Варшавском воеводстве показали, что тамошние начальники (в особенности в Влоцлавском, Гостыньском и Варшавском уездах) должны были отказывать в принятии в отряды по крайней мере тысяче человек в *каждую неделю*. Одним словом, расположение крестьян к революции было весьма благоприятное. Причины такой перемены крестьян были многоразличны, но самые главные из них: сильная, одновременная пропаганда духовенства (в особенности во время великого поста) и декрет о наделе землей. Последнее, быть может, покажется преувеличением, тем не менее это несомненно верно. Не желая здесь распространяться об этом, скажу только, что этот смешной декрет сделан с 1 апреля ясным для всех, нерушимым, неотменимым фактом *; собственность крестьянина не была устроена, но он имел уже ее, не платил ни гроша помещику, не исполнял никаких повинностей. Мы бдительно наблюдали за этим; некоторые из наших начальников даже *секли* непослушных помещиков в виду крестьян и, продав все принадлежавшее такому помещику с публичного торга, возвращали им *противозаконно* взятый у них оброк; крестьяне при продолжительности восстания поняли, что как бы то ни было земля останется за ними. Желание противиться совершившемуся факту породило для страшную социальную катастрофу.

Читая вышеприведенные слова, очень легко может возникнуть вопрос: почему же революция при таком хорошем для нее расположении жителей края не создала силы, могущей если не победить русскую армию, то по крайней мере могущей бороться с нею с некоторым успехом? Ответ простой. Во-первых, *не было веры в собственные силы*; все (не исключая даже весьма многих самых крайних революционеров) рассчитывали на французов, ждали французов. Во-вторых, восстание было преждевременно. От этого произошло между прочим то, что люди хотя готовы были жертвовать многим и нередко всем, хотя они жертвовали в самом деле, но все делали как будто бы опасаясь чего-то, удерживаемые какой-то невидимой силой. Упоительного восторга, безграничного, фанатического, так сказать, безумия, единственно рождающего народное могущество, не было вовсе в нашей бедной революции. Причиной сего была преждевременность восстания, а с нею крайний недостаток средств.

Эти несколько слов о духе общества я счел необходимым высказать для того, чтобы бросить свет на ход дальнейших событий. Затем возвращаюсь к продолжению моего рассказа **.

.....
* Я забыл выше сказать, что революционное правительство издало в марте месяце постановление, дополняющее декрет 22 января, а именно, оно запрещало помещикам под угрозой личной ответственности взимать с крестьян с 1 апреля какие бы то ни было платежи и повинности.

** Все сказанное мною в этом небольшом вступлении я готов подтвердить множеством примеров, иногда весьма характерных. Только мысль, что они могут не заключать в себе ничего интересного для правительства, заставляет меня пропустить их.

А. ДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. После тяжелого удара, нанесенного восстанию диктаторством, с возвращением наших уполномоченных из Кракова мы тотчас же пополнили наш состав (я, Гиллер, Яновский и Майковский) принятием редактора «Польской газеты» Карла Рупрехта, бывшего членом Дирекции белых. Принятие его требует небольшого объяснения. Получив призвание быть членом революционного правительства, Рупрехт откровенно объявил, что он не рассчитывает на собственные народные силы, но верит в заграничную интервенцию. Он был убежден, что дипломатия или породит в непродолжительное время непосредственную войну с Россией, или противопоставит ей большие затруднения, а нам откроет (прямо или косвенно) возможность создать силу; или, наконец, в самом крайнем случае она, вмешавшись раз в наши дела и признав польский вопрос европейским, ни за что не допустит возвратиться к прежнему status quo, а напротив, улучшит положение края. По убеждению Рупрехта, какой бы ни был окончательный исход западно-европейской интервенции, во всяком случае революция принесла уже пользу, следовательно, все жители края должны всеми силами стараться увеличить ее могущество, чтобы придать этим заграничному вмешательству более обширное и прочное основание и ускорить его развязку. Несмотря на то, что убеждения Рупрехта решительно противились революционному кодексу (предписывавшему опираться и рассчитывать только на свои собственные силы), мы приняли его в свой состав. Причиной, побудившей Комитет сделать это, было опасение, чтобы весь белый элемент опять не отстал от восстания после падения Лянговича и этим не лишил его значительных средств; принятие же Рупрехта и по его организационным отношениям и по его личным обширным связям ручалось нам, что белые не только не отстанут, а напротив, будут содействовать интересам революции. Притом откровенный и благородный характер стоявшего некогда под виселицей сибиряка не позволял предполагать никаких враждебных нам интриг с его стороны. Одним словом, Рупрехт был внешним знаком соединения белых с красными, нисколько не уменьшая, однако же, господства и преобладания сил последних.

Чтобы окончить описание личных перемен в составе Временного правительства в продолжение описываемого времени, следует упомянуть еще о двух, из которых одна состоялась, а другой состояться помешали обстоятельства. Первая последовала в половине апреля месяца, именно, Майковский как скомпрометированный (отчасти и по другим причинам) был отправлен по разным делам в Галицию, а вместо его был призван известный в Варшаве литератор, профессор приготовительной школы Эдуард Сивинский. Что касается второй, неудавшейся перемены, то поводом к ней было постановление Комитета (в половине мая месяца) иметь в своем составе двух представителей из Литвы и Руси. Из Руси не был еще никто призван, а литовского кандидата поручено было избрать виленскому «Отделению» в знак особого нашего (ошибочного) доверия. Вскоре после того, в конце мая, прибыл в Варшаву избранный кандидат, сын эмигранта, молодой помещик Минской губернии Героним *Киневич*. Он был принят Комитетом и должен был поступить на мое место *. Однако же после двух заседаний Киневич

* Я был измучен тяжелым шестимесячным трудом и хотел удалиться.

просил дозволить ему съездить в Париж переменить паспорт и на возвратном пути в июне месяце был по каким-то неизвестным мне подозрениям арестован на пограничной станции Александров и содержался до моего выезда в здешней цитадели. (Киневич, сколько я слышал, был потом освобожден, но скоро подвергся вторичному аресту и был осужден и расстрелян в прошлом году в Казани как замешанный в деле о распространении в России фальшивых прокламаций или манифестов государя императора.)

2. Едва ли нужно упоминать, что *явность* главы революции сделалась совершеннейшей невозможностью. Мы напрягали все наши усилия для того, чтобы осуществить прежние планы, но они разбивались о непреодолимые препятствия; прежние ошибки были невознаградимы. Быть может, Комитет успел бы еще сформировать значительные силы на левом берегу Вислы, но непонятная неспособность, недобросовестность и ничтожество наших начальников все расстраивали. Когда число шаек возросло там до десяти тысяч [человек], хорошо вооруженных (т. е. так, как никогда не было прежде), и когда мы надеялись в скором времени их удвоить и сконцентрировать около единственного способного и дельного человека Эдмунда Тачановского, бывшего калишским военным начальником, в то время самая гнусная и подлая интрига Мерославского, мазовецкого начальника Зейфрида и других разрушила наши намерения, на половину уменьшила сформированные с таким трудом шайки и была причиной уничтожения отряда Тачановского под Игнацевом. Об этой интриге подробнее буду говорить ниже, при изложении краткого очерка военных действий восстания, здесь же упоминаю об этом для поддержания общей связи рассказа.

Чтобы сколько-нибудь вознаградить недостаток явности, одному из моих товарищей, не помню, кому именно, Гиллеру или Рупрехту, пришла в голову странная мысль устроить за границей род представительства революции, или лучше сказать фирму. Проект состоял в следующем: назначить в Швейцарии председателя и секретаря революционного правительства; фамилии их будут всем известны, но они сами должны проживать под чужим именем, и местопребывание их должно составлять совершеннейшую, непроницаемую для непосвященных тайну; тайна же эта необходима потому, что скрытые сановники будут считаться как бы находящимися и действующими в Варшаве. Порядок дел при такой хитрой выдумке предполагался следующий: тайные члены революционного правительства в Варшаве должны были вести дела по-старому, под фирмой вновь избранного в Швейцарии правительства, за исключением только некоторых дел первостепенной важности, как например: перемены в личном составе революционного правительства, самых важнейших назначений, декретов, манифестов и проч., которые должны были издаваться с согласия и за подписью председателя и секретаря. Притом им предполагалось сообщать постоянные рапорты о действиях внутри края; заграничные же сношения и действия предполагалось передать в исключительное их заведование, с обязательством уведомлять об этом варшавских товарищей. Я не упоминал бы вовсе об этом смешном и уродливом проекте, если бы он не был принят Комитетом. Трудно поверить подобному безумию (в особенности в настоящее время), тем не менее, однако же, факт не подлежит сомнению. Председателем был уже назначен бывший польский полковник 1831 г. и глава заговора «подпрапорщиков» (podchorążych) Петр Высоцкий, а секретарем я, как знающий хорошо дела революции и притом уже скомпрометированный. Быть может, проект осуществился бы, но я, вникнув в дело, отказался иг-

рать роль фокусника и убедил моих товарищей оставить эту опасную, непрактическую и крайне смешную идею.

3. Прочитывая второй период истории революции, очень легко может родиться вопрос: какая именно была *система действий* революционного правительства? Не вдаваясь в длинные рассуждения, я просто исчислю несколько пунктов или начал, на которых опиралась вся наша система. Итак:

Действовать до времени тайно и стараться как можно скорее быть явным правительством революции.

Считать навсегда священными равноправность состояний, вероисповеданий и народностей.

Ни за что не передавать руководства восстанием в руки неревольюционеров; так же точно не вверять никаких важнейших должностей людям, принадлежащим к другому элементу.

Тем не менее, однако же, не стесняться (*nie zamykać się*) границами бывшего заговора; быть правительством не одной партии, а всех; употреблять силы и способности каждой, соответственно обстоятельствам того или другого дела и личности кандидата.

Приказывать, а не просить, но приказывать только возможное и удобное исполнимое.

Действовать путем патриотизма, призывать к пожертвованиям; террор же употреблять редко, справедливо, осторожно, в крайней необходимости как защиту, а не как месть.

Напрягать все усилия для того, чтобы сделать восстание делом крестьянским, общенародным.

Не поднимать ни республиканского, ни монархического знамени, а ограничить революцию единственно ее целью, т. е. освобождением Польши.

Усердно хлопотать о заграничной помощи, но на нее не рассчитывать.

Не связывать судьбы революции с каким бы то ни было исключительным интересом того или другого заграничного государства или монарха; точно так же не объявлять себя исключительным другом ни заграничных революционеров, ни законных правительств. Напротив, искать друзей везде, соответственно интересам восстания.

Вести до времени войну партизанскую.

Защищать свое дело до последней крайности. Стараться, так сказать, скомпрометировать все общество, соединить с восстанием все его интересы и не оставлять ему возможности возвратиться к прежнему порядку.

Как известно, вышеприведенные начала не вполне и не всегда осуществлялись на деле. С одной стороны, обстоятельства, в которых мы находились, делали не раз нашу систему настоящей фантазией, без практического применения, а с другой, — гнездившаяся с прежних времен анархия неоднократно ее извращала. Прибавлю еще, что во всех тех случаях, в которых мы были в состоянии применить начала нашей системы, но вследствие ложного понимания обстоятельств не применяли их, мы делали чувствительные ошибки и вред для восстания.

4. Теперь следует сказать вкратце о существовавшем тогда у нас *порядке дел*.

С принятием Рупрехта в состав Комитета комиссия Бобровского была закрыта. Впрочем, она не только не была уже необходимостью, но даже не могла существовать; после смерти Бобровского, ареста Марчевских, отправления за границу Круликовского число членов комиссии ограничивалось,

сколько помню, только тремя лицами. Они сделаны были нашими личными помощниками. С закрытием комиссии мы сами непосредственно стали заниматься делами и распределили между собой занятия следующим образом: я получил в заведование администрацию в Царстве Польском и секретариат, Яновский—военный департамент, Рупрехт—финансы и заграничные дела, Гиллер—провинции, Сивинский—прессу. Мы должны были строго держаться предназначенного нам рода занятий и устроить свои маленькие департаменты по собственному усмотрению, призывая в их состав помощников на нашу личную ответственность. Я сказал «мы должны были», потому что, к несчастью, члены не вполне удовлетворяли полученным поручениям, так что только я и Яновский кое-как исполняли свое дело. Рупрехт долгое время не мог примениться к нашей заговорной практике, помощников постоянных не имел (по крайней мере я их никогда не видал), вел дела лениво и без всякой энергии. Притом по белой трусливости и по белому отвращению к переписке и бумагам он всячески уклонялся от этого опасного для него орудия и очень часто бремя его корреспонденций должны были нести его товарищи. Гиллер не мог отвыкнуть от обычая литературной забавы; своими бюллетенями, статьями и корреспонденциями он постоянно вмешивался в дела Сивинского, оставляя не раз свои собственные занятия на долю других, и имел одного только помощника, своего друга, Гервасия Гзовского. Притом агенты Литвы — Пржибыльский и Руси — прибывший тогда уже доктор Мариан *Добецкий* не хотели быть в зависимости от Гиллера и перешли под мое начальство. Сивинский имел, сколько помню, одного только помощника, вновь назначенного директором тайных типографий, сотрудника редакции «Варшавской газеты», Иосифа Вагнера; департамента не устроил и не успел очистить тайную прессу от прежних беспорядков. Но он по крайней мере трудился усердно, хотя далеко не удовлетворительно.

Я и Яновский завели следующий порядок в порученных нам отраслях революционной службы.

Дела военного департамента разбирались и решались коллегиально во время ежедневных совещаний Яновского с его помощниками, которые тотчас же после того приводили в исполнение данные им приказания. О ходе занятий департамента Яновский представлял Комитету постоянные рапорты и получал по важнейшим предметам разрешения. Из военных помощников известны мне: Качковский, прибывший из Петербурга офицер генерального штаба Галензовский и бывший член провинциального Литовского комитета инженерный офицер Яков Козелло. Кроме того, к военному департаменту принадлежали еще неизвестные мне три или четыре военные и гражданские личности и молодой человек *Зенкович* (брат Тита), который в совещаниях не принимал участия, а употреблялся только для переписки некоторых бумаг и для посылок (галёпен). Прибавлю еще, что Яновский значительную часть корреспонденции вел сам по указаниям его помощников специалистов и был обременен трудом.

Мои, наконец, занятия, были устроены точно так же, как и Яновского, с той разницей, что по многочисленности занятий * я не делал никаких коллегиальных совещаний с моими помощниками, а просто давал соответственные приказания каждому из них отдельно и получал от них ежедневные донесения. Помощниками моими были следующие лица: Ян Верницкий (у не-

* Мне поручено было тоже принимать рапорты от начальника города, который долгое время не допускался в заседания Комитета.

го сохранялись и печати Комитета), молодой доктор философии Берлинского университета Ян Банземер, архитектор Рафаил Краевский, учитель Роман Жулинский, чиновник здешнего суда исправительной полиции Эразм Малиновский и два агента Литвы и Руси. Кроме того, как переписывавший бумаги и как рассыльный помогал мне служивший в управлении путей сообщения Лавцевич (Ян)¹.

Сношения со всеми местностями производились исключительно посредством курьеров. Адресованные на имя Комитета корреспонденции передавались обыкновенно или непосредственно мне, или которому-либо из моих помощников; однако же довольно часто случалось, что они попадались в руки других членов Комитета или доставлялись мне посредством начальника города.

К представленному очерку существовавшего в этом периоде порядка дел прибавлю еще, что весьма многие занятия входили по-старому в число обязанностей членов городской организации. Приготовление паспортов, печатей, бланков, назначение курьеров, заготовление одежды, амуниции и отчасти оружия все еще производилось только при посредничестве начальника города. Не прежде июня месяца мы едва успели распределить занятия как следует.

Некоторые подробности и объяснения о порядке дел представлю в следующей главе.

5. К числу важнейших внутренних занятий самого Комитета, занимавших весьма много времени, принадлежали следующие*:

а. Реорганизация администрации и введение в исполнение городского устава.

б. Издание целого довольно длинного ряда декретов, относившихся к разным отраслям революции. Одни из них были в самом деле весьма необходимы и осуществились на практике, другие вследствие тогдашних обстоятельств не могли осуществиться; третьи, наконец, составляли, так сказать, только правительственную претензию. Перечислить все изданные тогда декреты, а тем более изложить их содержание я в настоящее время не в состоянии; притом думаю, что сведения такого рода составляют малый интерес для правительства. Поэтому укажу только на некоторые из них, в виде примера. Самым главным был декрет от 8 апреля, устанавливавший новую революционную подать. Из прочих припоминаю: декрет, определявший взаимные отношения военных и гражданских властей, предписывавший порядок реквизиций, устанавливавший должности военных комиссаров, воспрепятствовавший платить подати и прочие повинности законному правительству,

* О гражданских и военных действиях, проистекавших из тех или других ежедневных потребностей восстания и составлявших принадлежность отдельных департаментов, я здесь вовсе не упоминаю, но опишу их ниже, по мере того, насколько они представляли более общий или более важный интерес.

¹ В составленном Авейде списке лиц, не упоминавшихся в его прежних показаниях, приложенном к докладу Розадовского Бергу от 27 марта (8 апреля) 1865 г. за № 5155, значатся: Яворский, Андрушкевич, Богуш, Круковецкий, Карлович, Гавалкевич, Соколовский, Кеневич, Добецкий (Дубецкий), Зенкович (Феликс), Лавцевич, Малиновский. Сведения о них ограничиваются сообщениями в «Записках». О судьбе упомянутых лиц говорится:

«Богуш — казнен в Влоцлавке. Круковецкий — [кажется — дописано Розадовским] находится за границей. Киневич — казнен в Казани, как замешанный в деле о разброске в России фальшивых прокламаций государя императора. Добецкий — сужден и сослан в каторжные работы [фраза зачеркнута Розадовским и вместо этого написано: кажется (!) сослан в Сибирь], о прочих неизвестно [!] (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, л. 314 и об.).

запрещавший г. Ляскому принятие должности председателя банка (он послушался декрета), запрещавший под угрозой смерти принимать участие в объявленных в Литве и Руси секвестрах имуществ революционеров, запрещавший всякие сделки с законным правительством, могущие в чем-нибудь обременять финансы края, приостанавливавший все судебные сроки и иски против лиц, принявших участие в восстании, объявлявший народной собственностью все когда-либо конфискованные правительством имущества и проч.

в. Издание нового устава, долженствовавшего привести в порядок всю организационную машину революционного правительства, существовавшую и действовавшую на всей территории восстания. Об этом уставе, однако же, говорить буду в следующей главе, потому что он стал вводиться в исполнение только после первого (июньского) переворота.

г. Довольно также занимали времени разные проекты, как например, проект бумажных революционных денег, бонов, заграничного и народного займа. Об них нечего много говорить потому, что один только проект народного займа осуществился, да и то впоследствии.

Некоторые подробности о всех этих занятиях, имеющие более важное значение, представлю ниже.

б. Не будет излишним для полноты очерка упомянуть вкратце о наших *сношениях и действиях заграничных*. В продолжение целых месяцев нам даже не пришло в голову подумать о дипломатии. Правда, мы с самого начала восстания имели за границей своих двух агентов: старого эмигранта Орденгу в Париже и Цверцякевича в Лондоне, но первый из них был назначен для принятия денег, собираемых во Франции в пользу революции, для влияния на общественное мнение французов и для вербовки волонтеров, а второй исключительно для отправления закупленного оружия. Собственно дипломатических агентов революционного правительства не было вовсе до самого апреля месяца, но мало-помалу, после отправления в С.-Петербург мартовских нот, после соединения с белыми, под влиянием возродившихся непонятно сильных и всеобщих надежд на заграничную помощь, обратили и мы внимание на дипломатию, хотя, впрочем, внимание весьма ограниченное и поверхностное.

При этом может родиться вопрос: были ли какие-либо действительные фактические данные, которые могли бы служить поводом к надеждам на помощь Франции? К этому не имелось никаких фактических материальных оснований, но существовали, как злой дух наш, призраки, и нужно сознаться, призраки иногда весьма серьезные. Первым и самым главным было непрошенное, незваное вмешательство трех сильных держав, трех, казалось, натуральных противников грозного русского могущества, в особенности на Востоке. Оно тем более могло ослеплять нуждающихся помощи, что вся Западная Европа следовала примеру Франции и что вмешательство имело место в начале восстания, когда его слабость была прозрачной несомненностью. Вторым призраком были отношения французского консула в Варшаве к разным белым дипломатам, в особенности к гр. Владиславу Замойскому. Консул не только не разуверял готовых всегда верить наполеонидам, но даже высказывал им такие, например, фразы: «Франция, взявшись раз за дело Польши, ради самой чести народной, не оставит его ни в каком случае» или «где льется кровь, там будут границы будущей Польши» и т. п. Конечно, эти фразы ни к чему не обязывали, но сопровождаемые нотами государя, они должны были иметь свое значение. Притом консул весьма

интересовался с самого начала восстания происходившими в крае событиями; он просил нас, например, доставлять ему (будто бы для отправления в Париж) краткие записки о силах наших, о силах русской армии, о последовавших сражениях и т. п. Мы доставили ему эти сведения посредством Замойского *. Третьим призраком были, наконец, известия, привозимые почти всяким шляхтичем из-за границы. Из них стоит упомянуть о послании министра Валуевского, переданном нам через помещика *Рембелинского*¹ (не Евгения, а брата его, женатого на дочери ордината Замойского). Валуевский поручил сказать нам, «что насколько он понимает политику Франции, интервенция дело серьезное, а окончательный исход ее только война; что единственным вопросом может быть только срок всеобщего разрыва с Россией, который во всяком случае наступит не позже весны 1864 г., что, следовательно, нужно поддерживать революцию всеми силами: если она не может побеждать, то по крайней мере должна длиться». Рембелинский сообщил Временному революционному правительству слова Валуевского через Рупрехта.

Среди всех этих, как я их назвал, призраков кн. Владислав Чарторыйский прислал в Варшаву в первой половине апреля месяца письмо в форме рапорта, в котором, утверждая вполне слова Валуевского, представил Временному правительству необходимость постановить дипломатических агентов и просил назначить его одним из них в Париже. По настояниям Рупрехта, Чарторыйский получил желаемое назначение, причем Рупрехт послал ему длинную инструкцию.

В то же время для того, чтобы доставлять парижскому агенту постоянные и безостановочные известия о ходе дел революции, был установлен в Кракове особый *агент-корреспондент*, которым был литератор Козьян, бывший редактор «Часа» после Хржановского, временно находившегося тогда в тюрьме. С тех пор Чарторыйский присылал в Варшаву постоянные рапорты о своих действиях, о которых нечего упоминать: все сводилось к повторениям прежних обещаний и прежних надежд. Заслуживают внимания лишь усилия Чарторыйского получить во Франции и Англии признание революции воюющей стороной.

а. Кроме упомянутых наших дипломатических агентов, в это время был назначен в Риме познанский помещик, папский камергер Владислав Кульчицкий. Назначение его было вынуждено опасением, чтобы папа не бросил на нас проклятия наподобие Григория XVI в 1831 г. В Риме боролись долгое время два противных влияния: одно русское, которому содействовали наши иезуиты (в особенности галицийские и познанские), другое французское, в пользу революции, с которым держало заодно прочее наше духовенство. Папа колебался и не раз склонялся на сторону первого влияния. Тогда друзья наши ** посоветовали нам назначить в Рим своего агента и написать письмо к святому отцу. При недостатке другого кандидата Комитет назначил мало отличавшегося от других иезуитов Кульчицкого, при посредстве которого было отправлено письмо. Нужно признаться, что оно

* Владислав (сын Андрея).

** В особенности покровителями нашими в Риме были кардинал Франки (Franchi) и председатель пропаганды, т. е. миссии среди неверных, которого фамилию я забыл, он, кажется, поляк.

¹ *Рембелинский* (с пометой «Кажется в Варшаве») занесен Розадовским в его очередной список, представленный Бергу при докладе от 3(15) апреля 1865 г. за № 5167 (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 315).

составляло некоторое затруднение для революционной совести, тем более, имея в виду Италию, и потому мы ограничились лишь несколькими скромными словами, в которых уведомляли папу о том, что начали войну за свободу и, конечно, веру и что просим его как отца христианского мира благословить нас. Папа письменного ответа не прислал никакого, но принял благосклонно нашу просьбу и дал благословение через Кульчицкого.

6. Кроме этих дипломатических попыток, революционное правительство образовало в Париже (посредством Льва Круликовского) *польский комитет*. Повод и цель образования комитета состояли в следующем: люди громко кричали, что за границей собираются значительные суммы в пользу революции; между тем, мы, за исключением не более 100 тыс. франков французских денег, не получили *ни копейки* и не знали даже, где вращается это прославленное богатство. Чтобы привести в порядок заграничные складки, узнать, наконец, в чем они заключаются и не оставлять их в руках обманщиков, необходимо было установить в Париже центральную кассу для всех собираемых за границей нашими друзьями денег и центральный контроль. Кроме того, комитету поручено было: стараться о влиянии на общественное мнение Европы, закупать оружие и вербовать волонтеров; в первом комитете зависел от Чарторьского, во втором от комиссии вооружения в Лютихе (Liège) и в третьем от революционных властей в Галиции и Познани. Членами Парижского комитета были назначены, сколько помню, Чарторьский, Ахилл Бонольди, Орденга, Воловский, гр. Браницкий и директор польской парижской школы Галензовский. Впоследствии состав комитета был немного изменен, но кто именно поступил в него, я не помню. Впрочем, сведение об этом мало интересно для правительства, потому что все члены комитета были эмигранты.

О некоторых других наших сношениях и действиях за границей упомяну ниже.

7. Наконец, к числу важнейших событий описываемого времени принадлежит последовавшая 10 мая перемена прежнего названия «Центральный комитет, как Временное правительство революции» на «Народное Правительство», равно как и замещение прежних печатей новой, на которой были три герба. Говоря откровенно, не было никаких существенных поводов к такой перемене, и мы преспокойно могли бы действовать далее под старой фирмой. Внешние поводы, склонившие нас к этой правительственной забаве, были следующие. Во-первых, переменяя старую заговорную фирму, мы хотели этим дать знать всем жителям края, что оставляем тесные границы прежней красной организации и будем главой всех общественных элементов и всех политических оттенков, пользуясь способностями каждого лица без различия, был ли он прежде белым или красным. Вторым поводом было (хотя и совестно признаться) желание разыграть комедию для заграничных расчетов. Более серьезная фирма придавала нам (как это некоторым казалось) более веса и значения извне: люди, дерзнувшие назвать себя «Народным Правительством», давали тем самым почувствовать, что они имеют необходимое для того основание и силу.

Перемена названия не повлекла за собою почти никакой перемены ни в системе и образе действий, ни в организационном устройстве. Правда, мы намерены были ввести в одно время в исполнение новый общеорганизационный устав (о котором упомянуто выше), но не успели в том. Единственное исключение в этом отношении составляет то, что отделения Литовское и Русское были названы «отделениями исполнительными» и что власть упол-

номоченных комиссаров в провинциях была значительно усилена. Организационные печати, за исключением немногих самоглавнейших, остались прежние: переменять все не было возможности и времени.

Б. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПРОВИНЦИЯХ

1. Бедная, истерзанная несчастиями, нанесенными революцией, *Литва* стояла во всех отношениях ниже Царства Польского. Нет никакого сомнения, что это происходило вследствие натуральных непреодолимых препятствий, как-то: иной природы и иного состава общественных элементов края, его внутреннего устройства, недостатка городского народонаселения и совершеннейшего недостатка предварительных приготовлений; следует, однако же, заметить, что во многом повредили литовскому восстанию его руководители. Вообще можно сказать, что величайшей, неизгладимой ошибкой Временного правительства относительно Литвы была передача всей революционной провинциальной власти в руки белых. Старая аксиома, что без шляхты нечего там делать, верна, но применение ее было ошибочно; следовало действовать, так сказать, руками шляхты, но не ее головой. Чтобы излишне не распространяться об этом, хотя весьма важном и основном предмете, я ограничусь несколькими чертами революционной деятельности в Литве, в гражданском и военном отношениях.

а. *Администрация.* Члены Отделения как шляхта не имели решительно никакого даже инстинктивного понятия о нашей тайной революции; притом они отличались недостатком энергии и быстроты действий. Об их *революционных* способностях без преувеличения можно сказать, что они не задали себе вопроса: что им делать и как устроить и вести дела провинции; я помню, что виленское Отделение не раз просило от нас приказаний и советов по самым пустым предметам, о которых никогда не спрашивал ни один начальник воеводства в Царстве Польском. Добрые и некоторые весьма умные помещики (как например Оскерко), приняв на себя несвойственные им роли, не сумели ни распределить занятий между собой, ни образовать хотя бы самых малых департаментов, даже вовсе не запаслись постоянными помощниками; все и каждый делали всё, а в результате ничего, кроме чепухи. В Вильне, в этом центре деятельности провинциальной власти, Отделение не образовало совершенно никакой организации, особенного начальника города не было вовсе, член Отделения Оскерко сам исполнял его обязанности. Он имел в городе обширные связи, но эти связи нисколько не походили на нашу варшавскую организацию; люди исполняли все приказываемое Оскеркой, но как друзья, а не как «*чиновники восстания*». Говорю это с тем большим убеждением, что я имел случай лично в том удостовериться. Виленская городская организация стала образовываться уже после ареста Оскерки, в июне месяце, под руководством его преемника, молодого энергичного революционера инженера Владислава Малаховского*.

Самую жалкую сторону организации в Литве составляла воеводская администрация. Ограничусь здесь указанием только на два главнейшие недостатка. Во-первых, члены Отделения, приняв в основание наш мартовский устав, в применении его к делу не обратили внимания на разницу

* Чтобы доказать слабость организации в Вильне, приведу в виде примера, что члены Комитета не имели ни одного резчика печатей, не могли достать в Литве букв для типографии; отыскать курьера для посылки в Варшаву составляло уже для них величайшее затруднение. О фальшивых паспортах и о революционной полиции не было у них и помину.

местных условий, существующих между Царством Польским и Литвой. Они не разделили своих обширных и лишенных хороших сообщений губерний на меньшие воеводства, а просто лишь изменили их название. Только Витебская и Гродненская губернии были разделены, каждая на два, да и то несоразмерные воеводства. Прямым последствием такого недостатка было то, что ни один комиссар, ни один начальник не только не были в состоянии руководить делами вверенных им участков, но даже не знали, что в них происходило. Поэтому нередко случалось, что заграничные газеты говорили о стычках тех или других отрядов, а в Вильне ничего о том не знали. *Вторым*, главным недостатком администрации в Литве было то, что белые, получив власть в свои руки, совершенно удалили от участия в управлении делами живой, молодой, собственно революционный элемент. Важные должности комиссаров, начальников воеводств и уездов доставались почти исключительно весьма добрым и весьма спокойным, просто говоря, гнилым шляхтичам-помещикам *. Шляхте понравились титулы, и она весьма охотно принимала назначения, но жертвовать временем и всем дорогим в жизни для исполнения принятых на себя обязанностей, подвергать себя всем опасностям, сопряженным с исполнением, например, комиссарской должности, они по самой натуре своей не были в состоянии. Вообще, главы воеводств были трусы и тяжелые, ленивые негодяи. Проехать 15 верст казалось таким господам чем-то чрезвычайным, вести порядочную переписку чуть ли не смертным приговором. Этот второй недостаток был столь важен, что его можно назвать одной из главнейших причин гибели литовского восстания. Первый напор, первый удар прибывшего в Вильно, кажется, в мае месяце генерала Муравьева разбил вдребезги хилую литовскую администрацию; шляхетские чиновники в паническом страхе бросали дела, прятали в землю печати, не уведомив даже о том свое начальство **.

б. *Финансы*. Подати собирались будто бы на основании декрета от 8 апреля и под наши квитанции, однако же на деле этого не было; каждый давал подать не по букве декрета, а по собственному усмотрению; притом весьма многие богатейшие люди ничего не давали. Главной причиной сего была вялость и недостаток энергии Отделения и недостаток хороших инструкций; прямым же последствием было то, что финансы литовского восстания находились в весьма скудном состоянии. Как велика была сумма всех собранных в Литве денег, я не могу определить даже приблизительно, но в подтверждение слов моих приведу три примера. Во-первых, Литва не прислала ни копейки в общую кассу революционного правительства; иногда даже издержки нашего комиссара и литовского агента (потом секретаря) удовлетворялись нашими средствами. Во-вторых, на покупку оружия послано было из Вильно во все продолжение восстания не более 80 000 руб. серебром. В-третьих, наконец, во время моего пребывания в Литве в кассе Отделения находилось только до 6000 руб. серебром и не было никакой надежды собрать более денег.

в. *Военные действия*. Это одна из самых грустных, самых прискорбных сторон революции. Литва в военном отношении находилась несравненно в худшем положении, чем Царство Польское. Элемент, составлявший основание шаек, был там далеко не таков, как у нас; расположение крестьян

* Только один революционер, Константин Калиновский, был комиссаром Гродненской губернии, и потому только там существовала кое-какая администрация.

** Личный состав литовских воеводских властей не был известен в Варшаве, и потому я не в состоянии назвать ни одного лица, принадлежавшего к оному.

(за исключением Ковенской губернии) вообще враждебное; из-за границы не привезено ни одного ружья *. Вот натуральные причины, делавшие невозможным всякий шаг к серьезным военным действиям. Если бы, однако же, руководство делами было другое, т. е. если бы оно было революционное, энергическое, сознательное, в таком случае, по моему убеждению, нет никакого сомнения, что Литва могла бы вести продолжительную и для русской армии утомительную, партизанскую войну. Огромные, во многих местах представляющие литовские леса представляют превосходное для этого рода войны средство; недостаток хороших сообщений облегчал действия партизанов, запас домашнего оружия был значителен, офицеров было довольно, и некоторые из них были весьма способные люди. Недоставало только, как я сказал, хорошего руководства и хорошей администрации. Виленское Отделение, дожидаясь всякую неделю французов, не обращало почти никакого внимания на военную часть восстания; оно не постаралось даже о том, чтобы иметь под рукой офицера, могущего помогать ему в общем управлении делами. Оно имело целые десятки способных людей, как например, Сераковского, Жвирждовского, Лясковского, Траугута и не воспользовалось этим счастливым положением, чтобы составить какой-нибудь военный департамент. Довольно сказать, что ни одна инструкция, ни одно распоряжение, касавшееся военной организации или военных действий, не были изданы членами Литовского отделения. Дела были оставлены просто на произвол судьбы, шайки поднимались и гибли на всем пространстве Литвы, но никто не думал о судьбах их.

Из военных воеводских начальников были назначены, если не ошибаюсь, только трое: в Ковенской губернии — Сераковский, в Гродненской — старый польский кавалерист, эмигрант Духинский (совершеннейшая неспособность)** и в Могилевской — Жвирждовский. Почему другие губернии не имели своих начальников, можно объяснить одним только безрассудством Отделения, потому что недостатка в офицерах не было***. Виленские друзья наши до такой степени не знали, что делать и куда посылать офицеров, что, например, посланный нами в их распоряжение Гейденрейх (Крук), который желал воевать в Литве, возвратился после некоторого времени в Варшаву и объявил, что не мог дожидаться там никакого поручения, несмотря на то, что тут же под носом, в Виленской губернии, не было воеводского начальника.

Об образе военных действий в воеводствах, о порядке и силах сражавшихся говорить не буду, потому что они мне неизвестны, или правильнее, мне было бы трудно собирать отрывочные данные, оставшиеся у меня в па-

* Литовцы, желая доставать скорее оружие, посылали деньги не нам, а своим заграничным агентам, Брониславу З а л е в с к о м у¹, помещику Минской губернии, и Ахиллу Бонольди, бывшему членом Провинциального комитета. Эта мера вместо того, чтобы помочь затруднительному положению, ухудшила его: агенты до самого конца восстания не прислали в Литву ни одной штуки оружия. Мы, с нашей стороны, послали было один транспорт из нескольких сот ружей, но транспорт этот на дороге в Кенигсберге был задержан прусской полицией.

** В Гродненской губернии находились между прочими Траугут и капитан генерального штаба Кобылинский (?), которые стояли несравненно выше Духинского.

*** Не было ни одной шайки в Литве, в которой находилось бы менее трех русских офицеров. Это объясняется тем, что весьма многие литовские помещики служили в русской армии и что Петербургский военный комитет доставил виленскому Отделению значительное число офицеров.

¹ Внесен Розвадовским в список, представленный Берегу, при докладе от 3(15) апреля 1865 г. за № 5167 (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 315).

мяти. Довольно сказать, что только один Сераковский пробовал действовать более значительными силами; с потерей его редкая литовская шайка превосходила 200 человек. Шайки были без руководства, без организации, без денег и без одежды. Более прочих начальников отличались: в Трокском уезде бывший кавказский офицер Нарбут и в Ковенской губернии Сераковский. Сераковскому удалось даже заинтересовать в пользу восстания жмудских крестьян.

К этому очерку военной стороны восстания в Литве следует прибавить еще слово о судьбах «Жмудской высадки». Деятельный Демонтович исполнил данное ему поручение: купил оружие и значительный запас амуниции, собрал более 300 человек офицеров и унтер-офицеров под начальством Лапинского и в апреле месяце готов был пробовать счастье и высадить на берег столь необходимое для Сераковского подкрепление. Но, к несчастью, трусость или, как говорят, измена английского капитана нанятого судна помешала всему *. Он доехал с Демонтовичем до Копенгагена и далее не хотел сделать ни шагу. Нечего было делать, Демонтович, не доверяя вполне датским властям, перевез свою команду на шведский берег и высадил ее в Мальмэ (Malmö), надеясь, что после некоторого времени, когда толки о высадке притихнут, он успеет еще в то же лето пробраться к Полангену. Шведы приняли пришельцев с необыкновенным сочувствием, и хотя сношения шведского правительства с Россией требовали соблюдения приличий и наложения секвестра на оружие как на военную контрабанду, но Демонтович нашел средства снять его и неоднократно получал помощь и покровительство не только от жителей края, но и от самого короля, который приказал выдать из своей частной кассы нашему комиссару 20 тыс. риксталеров. Впоследствии, и именно в июле месяце, мы возвратили эти деньги его величеству посредством Константина Чарторьского. О дальнейших судьбах «высадки» говорить буду в следующей главе.

Для пополнения всего вышесказанного о Литве, я должен упомянуть о перемене, последовавшей во взаимных отношениях между Вильной и Варшавой во второй половине мая месяца. Видя погрешности и ошибки Литовского отделения, революционное правительство решило поставить его в большую от себя зависимость. С этой целью оно переименовано было в «Исполнительное отделение», а власть уполномоченного комиссара была усилена настолько, что в его исключительное и непосредственное заведение переданы были все воеводские комиссары в Литве, которых он мог назначать и удалять по своему личному усмотрению. В то же время приказано было Отделению распределить занятия между членами и устроить департаменты, которые были названы *секциями*, в отличие от варшавских **.

Личных перемен никаких не последовало.

2. *Русь*. Как ни несчастно и неудачно было литовское восстание, но все-таки его нужно признать весьма успешным в сравнении с революционными попытками на Руси. Чтобы представить сущность, или точнее ничтожество, тамошних событий, я ограничусь несколькими заметками о положении дел организационных и военных.

* Были данные, позволяющие предполагать измену; с одной стороны, русское правительство заранее знало цель, состав и время отправления высадки; с другой, — капитан был хорошо знаком с Петербургом. Выбор капитана взял на себя Цверцякевич, который никогда ничего не делал как следует.

** Мы даже послали в Вильно инженерного русского офицера Калиновского с поручением назначить его в военную секцию Отделения.

а. *Дела организационные.* Нет слов, чтобы высказать как следует неспособность и негодность провинциального Русского комитета; с революционной точки зрения члены его были преступны, и в порядочной революции убивают таких патриотов. Все наши усилия получить от членов Комитета хотя слово о их деятельности и преднамерениях, о положении дел в провинции, были напрасны; они сделались для нас просто загадочным мифом: даже отыскать их было невозможно. Правда, они прислали нам своего агента Мариана Добецкого, но эта во всех отношениях болезненная и вялая личность столько же была знакома с делами Руси, сколько и мы сами. Единственные, отрывочные и неполные сведения мы получали лишь от волынского «управления»; оно донесло нам о сроке местного восстания и прислало прокламацию, изданную Провинциальным комитетом, т. е. так называемую «золотую грамоту» *. Наконец, вспыхнуло и самое восстание, а люди, стоявшие во главе его, эти отвратительные трусы, за исключением Ружицкого, по-прежнему молчали; волынское управление донесло, что и оно потеряло следы своих начальников. Из этого можно уже заключить, сколько неурядицы и несчастий должно было породить подобное состояние Провинциального комитета.

Стараясь, с одной стороны, отыскать неизвестных, мы, с другой, надеялись, что комиссар Соколовский (назначенный Бобровским) будет счастливее нас, т. е. что он их отыщет, возьмет от них необходимые рапорты и сведения и прогонит негодяев, назначив на место их других. Ожидать этого можно было тем более, что Бобровский, знавший хорошо дела Руси (как тамошний уроженец), доставил Соколовскому разные указания и объяснения, которых мы лишились со смертью Бобровского. Но судьба, видно, определила, чтобы и Соколовский, этот, как казалось, вполне соответствовавший своему назначению комиссар, обманул наши надежды. Вместо того, чтобы тотчас же отправиться в глубину русских губерний и там начать действовать, он преспокойно поселился в Галиции и призывал туда разные личности, указанные Бобровским. Конечно, при таких условиях трусливого характера деятельность комиссара не могла быть удовлетворительной. Только после некоторого времени он успел собрать в Галиции маленький совет из призванных к себе людей, между которыми находился и член Провинциального комитета Яблоновский. Первая половина данного Соколовскому поручения была исполнена: старый состав комитета был удален, а дела сданы в руки комиссара. Оставалась другая половина: образовать «Отделение» Руси, и Соколовский исполнил ее как нельзя хуже. Молодой теоретик, желая переработать белых провинциалов, избрал в члены Отделения двух белых, двух красных и одного пестрого председателя. Кроме того, обманутый шляхтой, он позволил себе издать декрет от имени революционного правительства освобождающий более богатых помещиков, т. е. вообще всю шляхту русских губерний, от обязанности служить в восстании с оружием в руках. Мотивом чудовищного декрета было будто бы желание сохранить материальные средства, столь необходимые для революции, находящиеся в руках шляхты. Мало того, комиссар-демократ обещал помещикам сделать в пользу их некоторые, казалось, *незначительные и справедливые* поправки в золотой грамоте по крестьянскому вопросу. Соколовский, вполне доволь-

.....

* Она была написана кириллицей, т. е. славянскими буквами, и многие экземпляры золотым шрифтом. Прокламация признавала собственность крестьян, равноправность состояний, исповеданий и народностей.

ный, что ему удалось, наконец, после продолжительных совещаний и споров со шляхтой исполнить столь удовлетворительно данное ему поручение, приказал уже отпечатать свой декрет и прокламацию нового Отделения и донес обо всем в Варшаву. К счастью, он не распорядился своевольно, не объявил еще публично своих изобретений и дождался утверждения его решений и действий революционным правительством. В ответ на этот рапорт мы тотчас же удалили Соколовского и приказали сжечь отпечатанные бумаги и отправить шляхту по домам.

Таким образом, дела уже восставшей провинции опять возвратились к прежнему положению, с той разницей, что Провинциальный комитет с началом деятельности Соколовского пропал окончательно. Чтобы как-нибудь оправиться от нового удара, нанесенного бессмыслием Соколовского, мы назначили комиссаром Руси помещика Хамца, приехавшего прежде вместе с Ружицким в Варшаву в качестве уполномоченного от русской организации, с поручением образовать Отделение и привести в порядок дела провинции. Для того, чтобы согласовать внутренние провинциальные усилия с галицийскими и вообще заграничными военными приготовлениями, Хамец получил приказание безотлагательно войти в сношения с Майковским, бывшим тогда нашим уполномоченным комиссаром в Галиции. Соколовский должен был передать свои обязанности своему преемнику при посредничестве этого же Майковского.

Касательно внутреннего административного устройства русских губерний и финансового их положения я не в состоянии сказать ничего точного, потому что об этом никогда не было доставляемо положительных сведений в Варшаву. Администрация оставалась такой же, какой была до революции; денежные средства почти исключительно составлялись из личных частных пожертвований: подати собирались весьма значительные, но без малейшего порядка.

Это очерк одной стороны революционных дел на Руси.

б. Говоря о *военных действиях*, нужно подразделить их на внутренние и внешние, т. е. галицийские. Внутри края восстание вспыхнуло в конце апреля месяца нового стиля. Главой его был Ружицкий. Эта несчастнейшая попытка была так слаба, что не пережила и одного месяца. Крестьяне были открытыми врагами движения, помещики поддерживали его слабо, а многие, более богатые, были или его противниками, или оставались совершенно к нему равнодушны. Притом, если не ошибаюсь, вся Подольская губерния и многие уезды Киевской вовсе не восстали. Поэтому не удивительно, что шайки гибли тотчас же после своего появления, а одна или две были самым ужасным образом перерезаны крестьянами. Один только Ружицкий держался долее прочих со своим состоявшим из нескольких сот человек отрядом, но, не дождавшись помощи Высоцкого, перешел в Галицию. Так и кончился первый период внутренних военных действий на Руси. Многие говорят, что виновником такого исхода во многом был Высоцкий, который по совещанию с Ружицким сам назначил срок восстания и обещал подоспеть к назначенному дню со своими четырьмя тысячами и с небольшим запасом оружия; между тем провинция восстала, а Высоцкий не прибыл.

О причинах, замедливших галицийские приготовления, и о судьбе этих приготовлений скажу лишь несколько слов. С нашей стороны мы доставили Высоцкому все, что было в наших силах, т. е. несколько десятков тысяч рублей серебром, 4000 штук ружей и не помню сколько штук холодного оружия. Остальное приходилось на долю Галиции, но, несмотря на все ста-

рания Высоцкого и наших агентов, этого-то остального нельзя было во время получить от галициан. Сильная и деятельная оппозиция кн. Адама Сапеги и несогласие местных комитетов и действовавших личностей ставили нам на всяком шагу непреодолимые препятствия. Неизвестно, как долго продолжалось бы такое положение, если бы Сапега, наконец, не соединился с нами. Притом следует прибавить, что недостаток энергии Высоцкого, хилость его здоровья, претензии образовать отряд шегольски одетый, который соответствовал бы самым мелочным требованиям регулярного войска, и другие причины мешали во многом скорому окончанию приготовлений. Между тем вспыхнуло русское восстание. Ждать было нечего; мы дали приказ Высоцкому перейти границу с такими силами, какие были у него готовы, и поручить доверенным лицам пополнить недостававшие приготовления; Майковскому же приказано было наблюдать за скорейшим отправлением Высоцкого. Пока Высоцкий успел окончательно сформировать и собрать три отряда, состоявшие более чем из 2000 человек, прошло по крайней мере две недели; восстание на Руси уже окончилось, и Ружицкий находился в Галиции. Никто, однако, тогда еще не предполагал, чтобы действительность была столь грустной; сам даже Ружицкий был убежден, что восстание на Руси существует и что только ему не посчастливилось, да и то потому, что он нарочно приближался к австрийской границе для соединения с Высоцким, которого он всякий день дожидался. Поэтому-то Высоцкий соответственно полученному из Варшавы приказанию перешел границу около м. Радзивилова. Желание во что бы то ни стало завладеть русским гарнизоном в Радзивилове и самые, так сказать, элементарные ошибки Высоцкого тут же, на первом шагу, разрушили созданную с таким трудом силу. Описывать всех происшествий не буду, довольно сказать, что на улицах этого упорно защищаемого русскими местечка пало до 300 человек повстанцев и сверх сего много было раненых. Майковский, видя, что люди гибнут напрасно, что Высоцкий совершенно потерялся, приказал ему на свою личную ответственность, от имени революционного правительства, оставить напрасный бой и отступить от Радзивилова. После возвращения оставшихся повстанцев на галицийскую территорию, Майковский удалил Высоцкого и назначил на его место Ружицкого. Мы вполне подтвердили распоряжения Майковского.

Радзивиловская катастрофа была новым для нас ударом; судьба на всяком шагу преследовала революцию и мешала всем нашим усилиям.

3. *Галиция.* Для того, чтобы представить совершенно полный очерк революционных действий в Галиции в этом периоде, нужно было бы составить длинную статью, для которой необходимо иметь под рукой по крайней мере некоторые материалы. Будучи не в состоянии исполнить это при условиях, в которых я нахожусь ныне, и думая, что действия, происходившие вне русских пределов, не заключают в себе ничего особенно интересного для правительства, я ограничусь представлением их скелета.

а. *Действия в Западной Галиции.* Эльжановский вскоре после назначения его комиссаром представил революционному правительству проект образования в Кракове «Отделения» Западной Галиции, на основании составленного им устава, определявшего права и обязанности этого Отделения, и вместе с тем представил кандидатов в его члены. Проект Эльжановского был принят с небольшими изменениями, и кандидаты были утверждены. Ими были: Баум, Бэнэ, Ган (Наһп), Галлер и гр. Лев Скорупка; все или жители города Кракова, или помещики Западной Галиции. Власть нового От-

деления по уставу была весьма ограничена, так что членов его скорее следует признать помощниками и советниками комиссара, чем самостоятельным комитетом; самые главные вопросы, касавшиеся руководства действиями, зависели исключительно от комиссара, а Отделение придумывало только способы скорого и удовлетворительного исполнения его приказаний. Притом следует заметить, что революционной организации в собственном смысле в уездах Западной Галиции не было; делами занимались назначенные Эльжановским комиссары, которым содействовали и помогали указанные Отделением лица в качестве агентов и помощников. Цель всех действий в провинции была по уставу чисто вспомогательная, хозяйственная, без стремлений враждебных австрийскому правительству.

Не долго, однако же, существовал выше описанный порядок. В самом непродолжительном времени возникли между членами Отделения и Эльжановским разные споры и недоразумения, которые много мешали нашим усилиям в Галиции, так что Майковскому поручено было рассмотреть их и устроить дела прочнее. Майковский признал необходимым увеличить права Отделения, ясно определив отношения его к комиссару; впрочем, личный состав остался прежний, а сделанные в уставе изменения были незначительны. Только для раскладки и сбора денег и реквизиции в натуре были установлены небольшие комитеты по уездам, назначенные Отделением. Для того, чтобы поддержать хотя какой-либо порядок между скопившимися в Кракове беглецами и между местными молодыми людьми, установлено было в то же время *управление начальника города Кракова*, которым был назначен бывший комиссар Лянговича Александрович.

б. В Лемберге дела шли несравненно хуже. Комиссар Семенский, несмотря на все свои усилия, не был в состоянии сделать ни одного шага к лучшему; он не мог ни образовать местного провинциального комитета, ни даже действовать успешно по данной ему Бобровским инструкции. Необходимо было удалить Семенского и заменить его Майковским. Хотя Майковский, человек более способный и энергичный, чем его предшественник, избрав хороших помощников, помогал во многом сформировавшимся в Восточной Галиции отрядам, но помощь эта была слишком ограничена; притом образовать хотя сколько-нибудь полезный комитет было долгое время невозможно и для нового комиссара. Разъединение умов и оппозиция Сапеги, сильного по своим сношениям с тамошним обществом, мешали всем усилиям. Наконец, заграничные надежды переломили враждебную нам решительность Сапеги; он вошел в сношения с Майковским, обещал действовать в пользу революции, но, однако же, объявил при этом, что готов слушаться Отделения лишь при таком его личном составе, который будет им самим признан. Майковский сделал представление в Варшаву, что для достижения более удовлетворительных результатов нет другого средства, как только или убить Сапегу и несколько других более влиятельных друзей его и таким образом подействовать террором на его партию, или же при содействии этого честолюбивого человека образовать Отделение и назначить его председателем. Мы избрали второе, и затем Майковский вскоре образовал Отделение, написав для него устав, наподобие краковского. С того времени, т. е. с половины мая месяца, действия наши в Восточной Галиции были более успешны. *Председатель* Сапега жертвовал многим, другие следовали его примеру. Фамилий членов новой провинциальной власти я в настоящее время совершенно не помню.

Помощь, оказанная восстанию Галицией, несмотря на все препятствия, была значительна. В продолжение этих двух месяцев мы сформировали и

отправили оттуда в русские пределы по крайней мере 10 тыс. человек; но самого главного, т. е. денег, Галиция дала нам весьма немного, так что почти все, иногда лошади и даже сапоги, заготовлялись на средства, посылаемые из Варшавы. Впрочем об этом придется еще упомянуть впоследствии.

4. *Познань* стояла несравненно выше Галиции в революционном отношении; жители этой маленькой провинции, решившись содействовать нашему восстанию, принимались за дело весьма усердно, от всей души. Тотчас же после падения диктатуры Гуттри и высланный с нашей стороны в Пруссию по разным делам Круликовский образовали в Познани так называемый «*Великопольский комитет*». Всех его членов я не помню, но душой всех действий были Гуттри и гр. Ян Дзялынский. Они, несмотря на бдительность тамошней полиции, удивительно быстро завели организацию (немного отличавшуюся от нашей) на всем пространстве польско-пруссских владений, налагали и собирали значительные подати, образовали «комиссию вооружения», вызвали эмигранционных и французских офицеров и сформировали в самом непродолжительном времени несколько весьма хороших отрядов, которые отправили в Варшавское и Калишское воеводства. Кроме того, они доставили нам незначительные транспорты оружия. Не желая распространяться о действиях Великопольского комитета и входить в подробности, скажу только, что познанские помещики-революционеры действовали превосходно и заявили в деле революции образец усердия, быстроты, порядка и жертвования. Дзялынский был самым первым и единственным гражданином революционной Польши из всех древнеаристократических богатых фамилий.

Но, к несчастью, Дзялынский и Гуттри не имели одной необходимой в тогдашнем нашем положении способности, они не сумели быть осторожными заговорщиками и этим недостатком погубили собственными руками свое дело. Они не знали, что весь архив заговорщика должен заключаться в его памяти, завели формальные списки членов организации и сохраняли множество вовсе не нужных бумаг. Эти-то тайны, к их несчастью, попались в руки прусской полиции по случаю обыска, произведенного у Дзялынского, и затем почти вся организация была открыта и сотни людей были арестованы. Только весьма немногие, а в том числе Гуттри и Дзялынский, успели избежать ареста и спаслись бегством за границу. Удар был решительный, несправимый; рушилось все. Мы старались было посредством Круликовского, как-то случайно уцелевшего, и гр. Лубенского тотчас же поправить дела и образовать новую организацию, но все было напрасно. Порядка уже более не было, денег также не было. Для формирования кое-каких отрядов мы были вынуждены посылать Лубенскому деньги из Варшавы. Наконец, дела провинции сделались для нас совершенно неизвестны; деятельность прусской полиции, постоянные аресты и следствия беспрерывно уничтожали все расчеты и увеличивали запутанность и неурядицу, и только частные жертвования и усилия отдельных личностей приносили некоторую весьма незначительную пользу для революции.

В. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ВОССТАНИЕ В ВОЕННОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ И ФИНАНСОВОМ ОТНОШЕНИЯХ

1. *В военном.* Характер вооруженных сил революции и их действий остались прежние. Не могло быть и речи о каком-нибудь серьезном плане, и война должна была по-прежнему оставаться партизанской. Единственную

разницу составляло введение большего порядка в организации шаек, их продовольствия, вооружении и т. п. Вообще следует сказать, что мы и наш миниатюрный военный департамент напрягали все возможные усилия для того, чтобы достичь большего порядка; но действительность далеко не соответствовала нашим стремлениям. Численная сила восстания весьма мало изменилась против прежнего во всем Царстве Польском; мы никогда не имели более 25 тыс. вооруженных людей.

По причине этого недостатка улучшений в военном отношении, я ограничусь точно так же, как и в предыдущей главе, лишь несколькими замечаниями, касающимися фактов и действующих лиц.

а. *Высшее управление*, как это выше упомянуто, сосредоточивалось в департаменте, бывшем в заведовании Яновского, которого душой были Качковский и Галэнзовский, в особенности первый, как человек весьма опытный. Они трудились едва ли не более всех революционеров в Варшаве, работали по целым дням и ночам. О предметах их занятий, я как не имеющий никаких специальных понятий судить не могу и не буду, а только скажу, «что они стремились создать хорошую организацию воеводских сил». Для того, чтобы хотя приблизительно представить результат трудов наших помощников, прошу вспомнить, что они, будучи лишены почти всех средств, должны были образовать все снова, что никакие в мире уставы нельзя было применить к характеру восстания и что, несмотря на все эти и тому подобные препятствия, военный департамент в самом деле в непродолжительное время устроил особого рода военную организацию и, насколько обстоятельства позволяли, вводил ее в исполнение. Довольно сказать, в виде примера, что Качковский с Галэнзовским составили даже краткий военно-уголовный устав. Не их вина, что невозможное было сильнее самых напряженных усилий.

Кракковское отделение военного департамента под дирекцией Крушевского, к нашему несчастью, существовало недолго: Крушевский и Бентковский по неосторожности стали подписывать свои фамилии на выдаваемых назначениях; некоторые из таких бумаг попались в руки австрийского правительства, и наши друзья один за другим были вскоре арестованы и преданы суду. Австрийцы нанесли нам этими двумя арестами сильный удар, ибо с тех пор формирование галицийских отрядов сделалось почти невозможным. Мы уже не могли отыскать столь же способных преемников на место арестованных за неимением людей, на которых можно бы было вполне положиться. Чтобы как-нибудь заменить недостаток Краковского департамента, мы должны были разделить его занятия следующим образом: назначение начальников и главнейших офицеров вверено было варшавскому департаменту; формирование шаек, отправляемых из Галиции, поручено было Краковскому и Лембергскому комиссарам и самим начальникам шаек. Поэтому приказано было этим комиссарам в числе своих непосредственных помощников иметь одного офицера старшего чина. Подобного рода распределение занятий было величайшей ошибкой революционного правительства и сделалось источником многих споров, столкновений и путаницы. Установление какого бы то ни было краковского департамента принесло бы несравненно более пользы, но для управления им необходимо было назначить способных людей, которых мы не могли приискать.

Говоря о руководстве военными действиями, необходимо припомнить еще об одном обстоятельстве. После падения диктатуры революционное правительство, желая поддержать старую мысль о трех армиях в Царстве

Польском, намеревалось вручить командование силами, находившимися на левом берегу р. Вислы, Мерославскому, потому именно, что люди все еще верили в его способности быть революционным вождем и что мы желали этой мерой избежать всех предполагаемых интриг как самого Мерославского, так и его безумных и бешеных сторонников. С этой целью был отправлен в Краков Майковский. Однако же, несмотря на то, что Майковский был другом Мерославского и действовал в его пользу, несмотря на самые выгодные для него условия, сопровождавшие наше предложение, этот до сумашествия честолюбивый человек не принял предлагаемой ему должности. Бумажный диктатор хотел только быть диктатором или по крайней мере главнокомандующим всех революционных сил, да и то с условием переменить состав Временного правительства соответственно его указаниям. С тех пор по недостатку кандидатов в должности командиров проектированных трех армий, и по другим причинам, понятным само собою, мы оставили на время самую мысль об этих армиях. Вместо того мы старались назначать и в самом деле назначали только начальников двух воеводств, но и эта мера не удавалась.

в. *Воеводскими военными начальниками* были в этом периоде следующие лица: В *Августовском* — тот же Андрушкевич. В *Плоцком* — первоначально Падлевский, а после смерти его тамошний помещик, бывший капитан русской службы, Туровский¹. В *Варшавском*, — эмиграционный офицер Зейфрид, первоначально как заступавший место тяжело ранненого Меленцкого, а после смерти его как действительный начальник. В мае месяце Зейфрид по случаю интриг Мерославского был удален, а вместо его исправлявшим должность был назначен, сколько могу припомнить, французский офицер Калье. В *Калишском* — Эдмунд Тачановский, прусский артиллерист. В *Краковском* — первоначально русский офицер Грекович*, а после бегства его в Краков, где он отдан был под суд, место его занял бывший революционный венгерский полковник Сигизмунд Иордан. В *Сандомирском* — сначала мы назначали Рошебрёна, а после его удаления вследствие споров с Иорданом необходимо было передать должность воеводского начальника совершенно неспособному к этой должности, но деятельному и с редкой настойчивостью характера Чаховскому, бывшему офицером в 1831 г. в новоформированном тогда полку, известном под именем стрелков *Кушля*. В *Люблинском* — Езёранский. В *Подляском* — по-прежнему оставался Лелевель.

Под конец описываемого периода произошли некоторые перемены в личном составе начальников, но об этом буду говорить в следующей главе. Здесь прибавлю еще, что Иордан, Падлевский и Езёранский были начальниками каждый двух смежных воеводств. Начальников для Калишского и Мазовецкого воеводств мы не могли отыскать; Тачановский же, хотя был человек вполне способный, но не был еще тогда достаточно ознакомлен с делами революции. О характере и действиях вышеисчисленных лиц я говорить не буду, хотя это для полноты очерка не было бы излишне. Замечу только, что изо всех них способным был один лишь Тачановский, прочие же скорее вредили, чем помогали революции.

* Иосиф Грекович служил в чине подпоручика в 27-м пехотном Витебском полку.

¹ *Фамилия Туровского* включает список (3 человека), представленный Розадовским Бергу 3(15) апреля 1865 г. при докладе за № 5167 (ЦГИАМ, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 315).

в. Я намекнул выше о интриге Мерославского, повлекшей за собой, если не ошибаюсь, в начале мая месяца потерю всех почти сил в Варшавском и Калишском воеводствах. Здесь скажу о ней несколько слов в виде эпизода, бросающего некоторый свет на характер событий. Мерославский, желавший во что бы то ни стало быть диктатором революции, хотел принудить нас силой признать его. Для этого он первоначально при посредстве своих агентов и сторонников, всячески старался мешать нашим действиям в Галиции; так, например, разглашал фамилии действовавших лиц, парализировал их усилия, захватывал маленькие транспорты оружия, привозимые в Краков и т. п. Когда все эти преступные ребячества не оказывали на нас никакого особенного влияния, Мерославский и его друзья вздумали тайком собрать в Краковском воеводстве армию, хотя бы бывшую Лянгевича, и провозгласить среди ее новую «спасающую отечество» диктатуру. Для исполнения своих замыслов, они придумали следующий план: варшавский военный начальник Зейфрид имел почти в одном пункте до 3000 довольно хорошо вооруженных людей; кроме того, существовали в воеводстве еще другие шайки, а именно, готовился со дня на день выступить в поле бывший капитан русской службы на Кавказе Древновский во главе нового тысячного отряда. И Зейфрид, и Древновский, как впоследствии оказалось, были сторонниками Мерославского и тайно действовали в пользу его претензий. По проекту диктатора Зейфрид должен был со всеми воеводскими силами перейти на юг края к австрийской границе, присоединяя к себе по дороге малые шайки Сандомирского и Краковского воеводств, в особенности весьма хороший отряд начальника Миневского, тоже несомненного друга Мерославского. Кроме того, Мерославский, в одно время с движением Зейфрида, должен был отправить два отряда, в несколько сот человек каждый, сформированные и вооруженные в Галиции отчасти стараниями его сторонников, отчасти на деньги, собранные им еще до революции. По сигналу, данному из Кракова, Зейфрид двинулся к реке Пилице, а Древновский переправился через нее; с другой стороны, диктаторские отряды, с двумя пушками и с готовыми, как говорят, прокламациями нового «спасителя» были отправлены в пределы Краковского воеводства. Но завистливая судьба помешала всем планам. Зейфрид вследствие поспешности и своей бездарности потерял сначала весь отряд храброго француза Юнга, потом целые толпы бежавших солдат и офицеров и, наконец, был задержан комиссаром Франковским, вручившим ему посланную нами отставку, и отдан под наряженный нарочно по этому делу суд. Древновский, настигнутый тотчас же после своего появления русским отрядом, перетерпел значительную неудачу и, оставив своих людей, бежал в Краков. Миневский и отряды Мерославского были совершенно разбиты и вернулись в Галицию, передав в руки австрийцев оружие. Таким образом, рушилась вся интрига, не оставив никаких последствий. Революция поплатилась новым тяжелым ударом за эту ничтожную попытку честолюбия. Во-первых, Зейфрид с Древновским потеряли при этом по крайней мере две с половиной тысячи вооруженных людей и деморализировали остальных. Во-вторых, Тачановский был разбит в сражении под Игнацевом и потерял тоже около двух тысяч повстанцев. Об этом последнем событии упоминаю потому, что Тачановский просил два раза Зейфрида идти к нему на помощь, а между тем этот преступный интриган, торопясь к Мерославскому и не желая терять людей в бою, отказал, хотя время и обстоятельства делали возможным исполнить долг честного революционного солдата и, быть может, спасти Тачановского.

г. Покупка оружия шла весьма неудовлетворительно, что и не могло быть иначе при тех обстоятельствах, в каких находилось восстание. Недостаток денег, недостаток способных людей и величайшая трудность в транспортировках не позволяли порядочно вооружить повстанцев.

Революционные старания в этом отношении по-прежнему не были централизованы, а распределялись между разными лицами и учреждениями. Тотчас после падения диктатуры мы поручили Круликовскому, отправленному по разным делам в Пруссию, учредить в Познани центральную комиссию вооружения и вообще устроить всю эту важную отрасль революционного дела. Круликовский с помощью членов познанской организации в самое короткое время исполнил данное ему поручение. Он образовал комиссию (которая не замедлила войти в сношения с бельгийскими фабрикантами), избрал в Силезии и в Кенигсберге несколько менее значительных поставщиков и особых организационных агентов, передал тех и других в распоряжение познанской комиссии и установил взаимные сношения между людьми, действовавшими в Пруссии и в пограничных воеводствах Царства Польского. Но при самом начале этих действий Круликовского бюрократические претензии Дзялынского и Гуттри разрушили все его предначертания: с открытием познанской организации были скомпрометированы почти все назначенные им люди. Хотя некоторые из них, оставшиеся на свободе, не переставали действовать, но об образовании центральной комиссии вооружения в Познани уже нельзя было и подумать *. Впоследствии Круликовский образовал новую комиссию вооружения в Люттихе и хлопотал об установлении новых агентов, но эти новые усилия не принесли и половины той пользы для восстания, какую могли и уже начали приносить первые познанские деятели. Раз возбужденная бдительность прусской полиции была уже неусыпна и мешала многому. Впрочем о люттихской комиссии я подробнее расскажу в следующей главе.

Вторыми нашими сотрудниками в покупке оружия были венско-галицийские агенты Квятковский и Петрашкевич, о которых я уже говорил выше. Они также были весьма деятельны, и большая половина оружия для повстанцев была доставлена ими. Петрашкевич в особенности отличался старательностью; в продолжение этих двух месяцев он доставил нам по крайней мере шесть тысяч штук разного оружия и успел перевезти в Галицию те 4000 ружей, которые были задержаны в Готта **.

Независимо от действий революционного правительства по приобретению оружия воеводства по-прежнему сами хлопотали о своих потребностях. Хотя значительное число покупателей и поставщиков производило замешательство, но крайняя необходимость заставляла нас позволять вое-

* Фамилии лиц, занимавшихся покупкой и транспортированием оружия под руководством познанской комиссии, а также фамилии членов этой комиссии мне мало известны; припоминаю теперь из них только Мацеёвского из Мысловиц и Рэра, служившего в конторе известного negociанта в Данциге Маковского. Рэр родом из Литвы, воспитывался в Дерптском университете, впоследствии был сослан в Сибирь в каторжную работу, а в 1856 г. помилован и возвращен на родину. Он был назначен для доставки оружия для Ковенской и Августовской губерний, а также для восточных уездов Плоцкой губернии. Рэр отличался особой деятельностью по предоставленной ему отрасли занятий.

** В предыдущей главе я сказал, что, кроме Квятковского и Петрашкевича, был еще третий галицийский агент. Он был удален и отдан под суд за утайку денег. К сожалению, я забыл фамилию этого человека. В то же время был удален Цверцякевич за свои претензии, неспособность и сомнительные отчеты в деньгах, данных ему еще до восстания на покупку оружия. Отчеты Цверцякевича были переданы люттихской комиссии с поручением произвести следствие. Злоупотребления его были открыты Петрашкевичем.

водским властям доставать себе оружие, потому что мы были не в состоянии наверно определить, когда и сколько штук они получают посредством наших агентов. Это также принудило нас оставлять в воеводских кассах почти все собираемые вне Варшавы подати. Фамилии воеводских агентов вооружения мне также неизвестны; знаю только, что усерднее и успешнее других действовали варшавский агент Богуш и какой-то Каминский; в Варшаве Владимир Лемпке и Станислав Ольшанский тоже занимались покупкой и доставкой оружия и амуниции. Усилия их, однако же, более были устремлены к собиранию предметов вооружения в самой Варшаве и к отправлению их за пределы города, чем к заграничным заготовкам. В особенности они закупали значительное количество кос *.

Сколько куплено было всего оружия в продолжение описываемого времени и сколько на это было израсходовано денег, я не могу определить даже и приблизительно. Революционное правительство не имело положительных об этом сведений; притом я никогда не занимался этим предметом и поэтому не хочу приводить неверные цифры.

д. Говоря о восстании в военном отношении, нельзя умолчать о *формировании и отправлении галицийских шаек*. Во всей истории революции до моего выезда в Вильно не было факта более прискорбного и более постыдного. В этом деле было так много глупости и подлости, унижающих народное достоинство, что приходится краснеть на всяком шагу, и не хватает сил и отваги описывать все подробно.

Как известно, все галицийские шайки с малыми исключениями тотчас же после появления их в наших пределах бежали обратно в Галицию, нередко без боя. Причины такого явления были разнообразны, но самые главные из них следующие. Во-первых, бегство Лянговича, а за ним других меньших отрядов породили сонмы беглецов, которые принимались опять на службу; таким образом развращенные и ничтожные трусы составляли основание и силу вновь формируемых отрядов. Во-вторых, Галиция, в особенности Краков, благодаря расположению австрийского правительства были доступны для всех, а с тем вместе сделались настоящим скопищем бродяг, воров и авантюристов со всех концов мира, и из этой то среды людей выходили офицеры галицийских шаек. В-третьих, то, что революционное правительство не позаботилось поручить одному, способнейшему лицу, заведование революционными приготовлениями в Галиции. Эти три причины повели к следующим результатам.

Личности, назначаемые начальниками шаек, или их главнейшими офицерами, не были хорошо известны военному департаменту и назначались по рекомендации или воеводского начальника, или галицийских комиссаров, или других лиц. Поэтому весьма натурально, что выбор был обыкновенно самый неудачный. Назначенные начальники, в свою очередь пользуясь данным им правом пополнять самим состав своих офицеров, выбирали нередко отъявленных негодяев.

Распределение военных приготовлений между комиссаром и начальниками отрядов было источником постоянных между ними споров и замешательства. Все стоило дорого, а сделано было скверно. Оружие и патроны обыкновенно осматривались начальником уже после выступления отряда в поле и перехода через границу, и поэтому нередко случалось, что в минуту

.....

* Лемпке по-прежнему также заведовал варшавскими мастерскими и, кажется, в конце мая был назначен организатором города.

стычки ружья оказывались негодными, а патроны не приходились к их калибру. От чрезмерного скопления беглецов надзор и контроль над ними сделались невозможными. Люди эти вели жизнь праздную и безнравственную и были бременем для провинции, в которой получали приют. Такие солдаты делали только срам. Но этого мало; образованные во многих местах конторы для вербовки повстанцев, хотя по предписаниям должны были находиться под одним управлением и действовать согласно, но на деле не зависели ни в чем одна от другой и действовали произвольно. От этого при поспешности действий очень часто случалось, что один и тот же негодяй записывался в списки нескольких контор под разными фамилиями и везде получал деньги, квартиру и одежду. Когда же приходило время выходить в поле, то по спискам недоставало иногда половины волонтеров, а оставшиеся при первой встрече с войсками, закричав «измена», бросали оружие, бежали обратно в Галицию и повторяли свои прежние негодные проделки.

Назначаемые начальники были обыкновенно без всяких способностей и без всякого военного достоинства и чести, а между тем воображали, что они независимые главнокомандующие и что отряд их составляет опору и основание всех действий. Нередко они не повиновались приказаниям воеводских военных начальников и даже нашим. Точно так же, несмотря на все неоднократно повторяемые приказания, они заблаговременно не сносились с местными гражданскими властями, не запасались проводниками, не старались приобрести сведений о положении революционных и русских сил и не соблюдали простых правил военной предосторожности, столь необходимых для партизан. Общим же результатом таких беспорядков было, как известно, бегство наших молодцов при первой встрече с русскими войсками, иногда даже без боя, под влиянием одного лишь страха. Все наши усилия поправить это постыдное и пагубное положение были напрасны. Мы отдавали начальников и офицеров под суд, запрещали принимать беглецов в формировавшиеся вновь шайки; раз бежавших за границу лишали права служить с оружием в руках, просили жителей Галиции не принимать их на квартиры и т. п.; но ничто не помогало *.

Сколько было израсходовано денег *«на покупку такого народного бесчестия»*, с точностью трудно обозначить; думаю, однако же, что, не считая средств, доставленных Галицией, мы сами послали нашим комиссарам в продолжение описываемого периода не менее миллиона рублей серебром. Формирование шаек в Галиции можно сравнить с бездонной бочкой; миллионы погибали там без следа. Наши комиссары действовали честно, но большая часть тамошних начальников были воры и обманщики, достойные тюрьмы, и даже злодеи, достойные виселицы.

2. Восстание в административном отношении.

а. В Варшаве. В предыдущей главе было объяснено, что городской устав, составленный Бобровским и утвержденный нами, т. е. революционным правительством, который вводился в исполнение уже после смерти Бобровского, был неудовлетворителен. Он почти нисколько не изменял формы прежней, дореволюционной, городской организации, но только с помощью его прекратились беспорядки, вкравшиеся в продолжение первых

.....

* Мы намеревались установить военных комиссаров, тайная инструкция для которых дозволяла бы им между прочим без суда расстреливать начальников, подавших повод и пример к бегству, но по недостатку способных кандидатов на эту важную должность это распоряжение не осуществилось.

месяцев. Существенное различие его с прежним порядком заключалось *только в распределении* занятий между членами организации и в инструкциях, предписывавших новые для них обязанности. Главным основанием прежнего, дореволюционного устава было стремление как можно более увеличить пропаганду в городе и число заговорных кругов; устав же Бобровского касался уже улучшений в отношении финансов и полиции, определял способы военных приготовлений и проч. Из важнейших нововведений заслуживают внимания следующие: первое, учреждение собственной канцелярии, или присутствия начальника города, состоявшего из назначаемых им самим помощников и секретарей и разделявшегося на секции. Второе, каждый из начальников отделений, кроме заведования вверенной ему частью организации, вместе с тем руководил особыми отраслями городских занятий; например, один заведовал финансами, другой—администрацией, третий—прессой и т. д., по распределению начальника города. Другими словами, начальники отделений были вроде директоров департаментов в пределах Варшавы *. Наконец, третьим нововведением в уставе Бобровского было учреждение революционного столичного трибунала, который составлялся из начальников отделений под председательством начальника города. Суд должен был созываться по каждому обвинению, представленному кем бы то ни было начальнику города против врагов революции. Этот суд имел даже право издавать смертные приговоры, но такие приговоры должны были утверждаться самим революционным правительством **.

Исполняющим должность начальника города после Бобровского был Тит Зенкович, бывший прежде начальником отделения. Кто занял его место, с точностью не помню, но, кажется, один из его помощников, молодой человек по имени *Ляхович* или *Лякович*. Зенкович был человек деятельный, честный и любивший порядок, но малоспособный и не мог удовлетворительно исполнять весьма трудных обязанностей главы городской организации. Поэтому мы назначили его только исправляющим должность начальника города, намереваясь впоследствии заменить его другой, более способной личностью, но однако в продолжении этих двух месяцев не могли приискать на его место более соответствующего своему назначению кандидата.

Революционная полиция в Варшаве и ее начальник не изменились.

б. *Администрация в воеводствах.* Мартовский устав, вводивший эту администрацию, заключал в себе те же гражданские инструкции, которые были даны воеводским военным начальникам еще до революции. Он более ясно и точно определял их обязанности и, главное, разделил или разграничил власти гражданские от военных и сделал их вполне независимыми друг от друга. Гражданские власти должны были беспрекословно исполнять все желания и требования военных в границах, обозначенных предписаниями и инструкциями революционного правительства, но никакой военной начальник не имел уже права ни назначать или удалять гражданских долж-

.....

* Такое устройство было необходимо потому, что по причине недостатка хорошо устроенных департаментов революционного правительства и недостатка вообще порядка в ведении дел и распределении занятий весьма многие отрасли администрации по-прежнему находились в руках членов организации.

** Нужно по справедливости заметить, что исполнение далеко не соответствовало букве устава; соблюдались лишь одни формы, но не было порядка в точном смысле слова. Так же точно было и с революционным уставным судом; я не помню в настоящее время, издал ли этот суд хотя один приговор по какому бы то ни было делу. Впрочем, об этом придется говорить ниже.

ностных лиц, ни собирать податей, ни вообще вмешиваться во что бы то ни было, выходящее из круга прямых его военных занятий. Средину между военными и гражданскими властями занимал воеводский комиссар революционного правительства и служил как бы посредником между ними. Касательно военных, он имел только право *общего* контроля и присмотра за их действиями; но вмешиваться в техническую, чисто военную сторону их службы имел право лишь тогда, когда получал на сие особое полномочие. Вся важность комиссарской должности заключалась в ее влиянии на администрацию, так что комиссары в этом отношении были маленькими диктаторами, зависевшими лишь от главы революции. Хотя по букве устава они имели только контроль и надзор за ходом дел, но этот контроль и надзор был весьма обширный, так что власть их, на первый взгляд кажущаяся как бы отрицательной, при значении и разнообразии административных занятий в сущности делалась неограниченной. Они, например, не имели права назначать или удалять членов административного состава, но влияние и сила их контроля ручались, что только те лица будут исполнять революционные должности в воеводстве, которые будут назначены на места по их согласию. Точно так же *по уставу* комиссары не могли выдавать никаких приказаний, но как лица, пользовавшиеся большим доверием революционного правительства, следовательно, более понимающие дух и смысл его декретов и приказов, они не пропускали местные воеводские распоряжения, которые не согласовались с их взглядами, и на деле в воеводствах приказывалось только то, чего хотели комиссары. Кроме контроля, комиссары имели власть приостановить в некоторых чрезвычайных случаях действия воеводских органов; истолкователями же этого важного права были они же сами. Одним словом, комиссары были душой всей революционной администрации. Они имели и должны были иметь непременно по крайней мере по два помощника каждый, по несколько секретарей и переписчиков и неограниченное число всегда готовых курьеров. И комиссары и их помощники постоянно находились в разъездах, а для того, чтобы можно было легче отыскать их, они назначали один, а иногда и более пунктов, в которых непрерывно дежурили доверенные от них лица. Комиссары не получали никакого денежного жалованья, но были уполномочены брать деньги на революционные надобности во всех кассах воеводства, с обязанностью представлять двойные счета: гражданскому начальнику воеводства и революционному правлению. Несмотря на это, в мое время не было *ни одного* случая злоупотреблений со стороны комиссаров; все они во всем Царстве Польском были люди безукоризненной честности в делах революции.

Прочие воеводские органы были следующие: гражданские начальники воеводств, в руках которых централизовались все дела; далее, начальники уездов, городов и округов. Первых назначало непосредственно революционное правительство; они же в свою очередь назначали начальников уездов и начальников воеводских городов; уездные начальники назначали остальных членов организации. Организация в многолюднейших городах была устроена наподобие варшавской; число округов вполне зависело от усмотрения начальника воеводства, и их не было более 4 в уезде. Все названные начальники, за исключением окружных, употребляли соответственные печати.

Начальник уезда для заведования делами должен был непременно иметь *присутствие* (Віщо), составлявшееся из следующих лиц: из *помощника*, который в случае отсутствия начальника уезда заступал его место, из трех

делопроизводителей (референтов) по частям: военной, административной и финансов, и из кассира. Кроме того, в каждом уезде находились в заведовании начальника два небольших временных комитета: один податной (Komisja podatkowa) для раскладки податей, установленных декретом 8 апреля, и для надзора за сбором оных *, другой для раскладки военной реквизиции в натуре (Komisja dostaw wojskowych), производившейся согласно данной для сего инструкции или декрета. Членов присутствия назначали начальники воеводств по представлениям начальников уездов, а членов в комитеты сами начальники уездов.

Вот краткий очерк воеводской администрации в этом периоде. Хотя нельзя сказать, чтобы наша административная машина действовала плохо, но все еще далеко было до полного успеха. С одной стороны, таинственность действий даже при таком простом устройстве мешала во многом, а с другой, не все члены организации, в особенности не все начальники уездов, понимали свои обязанности. Притом были недостатки и в самом уставе; оставляя в стороне все остальное, скажу только, что число окружных начальников было слишком ограничено, а подведомственных им органов не было вовсе, и только впоследствии были назначены начальники приходов (парафий) и деревенские (солтысы) сотские.

Прежде, чем буду говорить о личном составе административной революционной службы и перечислять фамилии революционных деятелей, я считаю нужным привести следующее небольшое замечание. После соединения с белыми мы постановили безотлагательно принять их на службу; во-первых, потому, чтобы посредством сего втянуть их в революцию, так сказать, скомпрометировать и затем получить от них более средств; во-вторых, потому, что наши *чистые* революционеры, заговорщики, так же, как вообще все их единомышленники в других странах, были лишены способностей, опытности и сведений, необходимых при разносторонних административных занятиях. Труд был большой. С одной стороны, заговорщики смотрели на белых новобранцев с недоверием, отвращением и нередко с явным недоброжелательством; с другой, нужно было делать старательный выбор, чтобы не попасть на отсталого гнусного шляхтича, что приходилось нелегко вследствие неразвитости нашего общественного мнения и вследствие стеснявшей революционеров тайны. От этого личный состав воеводских властей пополнился не вдруг, а по истечении нескольких недель; для избежания же в будущем всяких споров и столкновений между членами организации революционное правление вынуждено было само назначать не только воеводских начальников, но даже и уездных: иначе не было бы конца борьбе красных и белых чиновников революции. С течением времени красные притихли, а белые сделались тоже революционерами.

Главнейшими членами организации воеводств были следующие лица.

В Августовском воеводстве: комиссаром был Иосиф Пётровский; начальником помещик Сейненского уезда, бывший комиссар Дирекции, Цириак Акорд. *В Плоцком*: комиссаром — чиновник варшавского суда исправительной полиции Збигнев Хондзинский, прежде бывший помощником Рольского; начальником — тамошний помещик Евстафий Грабовский, прежде бывший членом организации белых. *В Варшавском*: комиссаром Станислав Франковский; начальником — возвратившийся от Лянговича помещик Вар-

* Я забыл выше сказать, что в Варшаве тоже была учреждена *податная комиссия*, зависевшая от начальника города и от начальника отделения (Розманита), заведовавшего городскими финансами. Члены ее мне неизвестны.

шавского уезда Людвиг Свѣтковский*. В *Калишском*: комиссаром Александр Бернавский, прежде бывший несколько дней членом Центрального комитета; начальником — помещик Пётрковского уезда Владислав Мавевский, бывший прежде белым доверенным мужем своего воеводства. В *Краковском*: начальником — помещик Стопницкого уезда Владислав Големберский, из белых. В *Сандомирском*: начальником — учитель истории в Радомской гимназии Владимир Александрович. Комиссары в этих двух воеводствах остались прежние: Бехонский и Мацеёвский, но так как они принадлежали к числу недовольных новым порядком и дурно исполняли свои обязанности, то поэтому скоро были удалены, а места их оставались вакантными до конца описываемого периода. В *Люблинском*: комиссаром — кончивший курс наук в С.-Петербургском университете со степенью кандидата Адам Маевский; начальником оставался прежний, патрон тамошнего трибунала Грегорович. В *Подляском*: комиссаром был молодой человек Скотницкий; начальника долгое время там не было (желаемый всеми, даже красными, помещик Адам Гольц не принял предлагаемой должности), впоследствии же был назначен воеводским начальником помещик Станиславовского уезда, бывший уездным революционным начальником Людвиг Краков.

Хотя я сам назначал почти всех начальников уездов и хотя все они были мне известны, но в настоящее время я могу припомнить только некоторых, и приводя здесь их фамилии, не могу утверждать, не обманывает ли меня моя память. Итак, в Сейненском уезде — помещик Иосиф Абламович; в Августовском — помещик Антон Госевский; в Остроленкском — помещик *Маловецкий* (или, быть может, помещик *Глинка*); в Липновском — помещик *Карнковский*; в Варшавском — помещик *Росман*; в Равском — судебный чиновник Францишек *Добровольский*; в Ловичском — помещик *Трже-тржевский* (брат Августа); в Гостыньском — помещик *Валевский* или же инженер из г. Кутно Иосиф Жеглинский (он расстрелян); в Ленчицком — сначала чиновник тамошнего суда *Вольский*, потом помещик *Доманский*; в Влоцлавском — помещик *Скарбек*; в Опочинском — помещик Бохенский; в Олькушском — кажется, помещик *Семенский* (родственник Яцка, не тот, который выдумал диктатуру Лянговича); в Меховском — кажется, помещик *Дескур*; в Станиславовском — упомянутый Краков; в Седлецком — кажется, помещик Адам *Лискевич*. Уездных начальников в Калишском и Люблинском воеводствах я не помню ни одного; однако же мне кажется, что одним из калишских был помещик (известный агроном) *Клубуковский* и из люблинских помещик *Гонсёровский*.

Большинство уездных начальников, как это видно уже из названных выше фамилий, принадлежали прежде к организации белых. Для того, чтобы они действовали успешно, по нашим приказаниям и согласно духу и интересам революции, мы имели своих сторожей в лице комиссаров, исключительно преданных и, так сказать, насквозь революционеров. Где же неоставало вполне доверенного в революционном отношении комиссара, там мы устанавливали более надежного начальника, как например, в Люблинском Грегоровича, в Сандомирском Александровича.

.....

* После объявления диктатуры Свѣтковский был прислан Лянговичем в Варшавское воеводство тоже с каким-то смешным поручением, вроде тех, о которых я говорил выше. Назначение Лянговича было уничтожено, а Свѣтковский получил прежде занимаемую им должность.

Здесь следовало бы для полноты очерка изложить краткую характеристику действовавших личностей; но я оставляю это в стороне, как предмет менее интересный для правительства. Скажу только вообще, что одним из лучших комиссаров, настоящим типом нашего уполномоченного в Царстве Польском был Франковский, а самым лучшим и вполне способным начальником воеводства Владислав Маевский; наконец, лучшими и вполне способными, можно даже сказать превосходными, уездными революционными начальниками были: в Станиславском — Краков, в Влоцлавском — гр. Скарбек, которого я ни имени, ни места жительства не знаю.

В виде маленького *прибавления* к вышеописанному административному устройству нужно прибавить несколько слов об образовании *уездных жандармов* и так называемой народной, т. е. *помещичьей почты*. О жандармах говорить буду в следующей главе, потому что в этом периоде они были заведены только в Остроленкском и, кажется, Пултуском уездах плочким комиссаром Хондзинским без нашего приказания, без особенного устава, лишь в виде пробы, по собственному усмотрению Хондзинского. *Почты* устраивались моим помощником Романом Жулинским и по его проекту. Задача была весьма трудная, потому что почтовые станции установлялись не далее, как на протяжении 15 верст, и потому что нужно было соединить новую организацию с административным порядком, составить подробные карты сообщений и собрать множество адресов. Однако же, несмотря на все препятствия, Жулинский успел в самом непродолжительном времени (в течение нескольких недель) выполнить этот принятый им на себя труд. Он завел почты во всем Царстве Польском, составил краткий почтовый устав и краткие инструкции, составил подробные карты и устроил все сношения между уездами и между воеводствами. Образцовая почта была устроена в Подляском воеводстве, в особенности в Станиславском уезде; молодой Краков действовал там с удивительной быстротой и точностью. Такая почта приносила весьма важные услуги революционерам, с началом июня месяца мы уже менее опасались того, что правительство пресечет революционные сношения провинций с Варшавой; нашему курьеру нужно было пробраться только 15 верст за город, чтобы свободно и беспрепятственно проехать во все концы края¹.

3. *Описание финансов* составляет для меня самое большое затруднение, потому что я никогда не занимался этим предметом. Цифр и счетов я даже приблизительно не помню и не могу обозначить. Эти причины заставляют меня ограничиться насчет этого предмета лишь общими чертами, необходимыми для поддержания связи целого.

а. В этом периоде имелись только два источника доходов: подать по декрету от 8 апреля и незначительные займы у разных лиц. Подати, собираемые в воеводствах, как это сказано выше, оставались почти все, с незначитель-

¹ В приписке к одному из своих показаний (особый доклад Розвадовского Берегу от 27 февраля (1) марта 1865 г. за № 5144) Авейде сообщал: «Przewozić depeszę każdy był obowiązany pod osobistą odpowiedzialnością — tak że naczelnik oddziału nawet miał prawo i obowiązek natychmiast po bitwie stoczonej zmaglić pierwszego bliźszego szlachcica lub kogokolwiek do przewiezienia raportu czy to do Warszawy czy do głównej kwatery Naczeln. Wojsk. Województwa».

Перевод: «Каждый под личную ответственность был обязан доставлять депеши, командир отряда имел право и даже был обязан немедленно после боя послать любого ближайшего шляхтича или кого иного отвезти рапорт в Варшаву или в ставку военного начальника воеводства» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 275).

ными лишь исключениями, в местных кассах на покрытие издержек по формированию отрядов и на покупку оружия, так что в кассу революционного правительства входили лишь деньги, собираемые в Варшаве. Сбор производился довольно скоро и в порядке, предписанном особой инструкцией; люди давали деньги охотно, и о злоупотреблениях не было ничего слышно. Раскладкой податей и надзором за сбором их в Варшаве занималась особая податная комиссия, установленная начальником города и от него же зависевшая; он же сам назначал и сборщиков по представлению комиссии и старших членов организации. В уездах эту роль играл начальник уезда и его делопроизводитель по части финансов. Упомянутые выше частные займы производились одним лишь Рупрехтом у разных бывших белых друзей его, фамилий которых я в настоящее время уже не знаю; помню, однако же, что одним из важнейших наших кредиторов был банкир Кроненберг. Вся сумма занятых денег приблизительно не превосходила 300 тыс. руб. серебром. Общий итог всех наших средств, которыми мы располагали в Варшаве во все время существования революционного правления, как мне кажется, не превосходил двух миллионов рублей серебром, но и этими двумя миллионами нельзя было располагать вдруг, а нужно было собирать их всякий день. Мы желали и старались открыть новые источники дохода, как например, общие внутренние займы, но все проекты подобного рода не осуществились отчасти по слабости революционных сил, отчасти по нерешительности революционного правительства.

б. Счеты и контроль прихода и расхода денег существовали и находились в порядке только в Варшаве, т. е. для денежных оборотов самого финансового департамента и начальника города; финансовые же дела в воеводствах по неспособности и недостатку энергии Рупрехта все еще находились в неизвестности и беспорядке. Начальники воеводств, хотя присылали ему свои счета, но они были не полны и недостаточны.

Глава IX

С ПЕРВЫХ ЧИСЕЛ ИЮНЯ ПО 1 АВГУСТА 1863 Г. ДО МОЕГО ВЫЕЗДА В ВИЛЬНО

Вступление в этот новый период истории восстания составляют два последовавшие один за другим переворота в среде революционного правительства, совершенные членами городской организации. Эти перевороты представляют собой довольно интересный и поучительный предмет и для нашего общества, и для будущего историка; но для правительства едва ли это будет интересно. Поэтому я здесь расскажу о них самым кратким образом лишь для того, чтобы был известен постепенный ход событий.

Переворот 1-й состоялся в последних числах мая или в первых числах июня. *Причины* его были следующие.

Первой и самой главной было то, что революция не доставляла массам побед и торжества. Массы вообще во всем мире требуют их, как насущного хлеба; но у нас были еще свои особенности, увеличивавшие эти требования и мало-помалу возбуждавшие грозное для революции неудовольствие во всем обществе. Революция существовала уже более четырех месяцев, люди приносили жертвы, сами погибали, а между тем положение дел нисколько не улучшалось, не было освобождено ни одного клочка земли от русского войска, а обетованные французы не появлялись. Весьма естественно, что такие обстоятельства, несмотря на бюллетени Гиллера, рождали неудовольствие; расположение духа в пользу революции, хотя было все еще прежнее, но мало-помалу стал появляться в обществе зловещий для нас вопрос, «что из этого будет?»

Другая причина заключалась в ответе на вопрос: «кто же виноват, что дела идут плохо?» Конечно не кто иной, как только руководители их, глава движения. Люди говорили, что «члены Народного Правительства бездарны, неспособны, не имеют энергии». Никто не хотел рассмотреть предмет глубже и искать причин неудачи в невозможности, в натуральном бессилии, в преждевременном начале восстания; простая поверхностная логика вела всех к обвинению людей. Нужно, однако же, признать, что хотя невозможного не в состоянии сделать даже самые даровитые и гениальные люди, но все-таки общественное мнение насчет руководителей революции было в некоторой степени справедливо. Мы в самом деле были неспособны, не имели достаточной энергии и сделали множество промахов и ошибок.

Следовательно, натуральные и справедливые поводы к неудовольствиям и затем к перевороту существовали; неудовольствия гнездились не только среди анархической городской организации, но, как я сказал, и во всем

обществе. Эти неудовольствия при таинственности действий не проявлялись никакими особенными фактами, но тем не менее, кто внимательно смотрел и прислушивался, тот мог их везде заметить.

К этим двум причинам присоединились и другие, как например, человеческие страсти, разные неудовлетворенные претензии, личная зависть и тому подобные неотлучные спутники всякого революционного потрясения. Нашлись в городской организации, как говорят «*добрые люди*», которые, воспользовавшись жалким полсжением дел, не только разглашали о встречавшихся ошибках, но извращали факты; не раз нарочно мешали действиям нашим и наших подчиненных, распускали множество нелепостей, толков и сплетен, одну другой бессмысленнее и чудовищнее, и, наконец, взволновали умы людей малообразованных или вовсе необразованных. Подобного рода проделки встречаются во всякой революции, но у нас они были еще чудовищнее и имели большее влияние; во-первых, по известной нам из предыдущего рассказа анархической натуре городской организации; во-вторых, по причине всеобщей тайны и мрака, окружавшего все действия.

Прежде, чем буду говорить о существе переворота и о главных деятелях и последствиях, представлю несколько примеров из тогдашних толков, могущих служить характеристикой времени и действовавших личностей. Люди например говорили: «Комитет в согласии с белыми стремится погубить революцию; он, вопреки Бобровскому, этому единственному революционному деятелю, сделал Лянгевича диктатором и потом послал его^а в Краков нарочно для того, чтобы белые его убили. Теперь (т. е. в мае месяце), Народное Правительство находится в полном согласии с Велепольским; Кроненберг присутствует в его заседаниях и после ездит в Брюлевский дворец с рапортом*. Правительство же (законное) не приказывает арестовать людей, играющих более важные роли, потому что они обязались потушить революцию с единственным условием получить всеобщее помилование и некоторые права для одного лишь Царства Польского, оставляя на произвол судьбы Литву и Русь. Вследствие такого заговора между Народным Правительством, с одной, а белыми и Велепольским, с другой стороны, Комитет нарочно назначает преданных белым начальников, вверяет важные административные должности в руки врагов движения, удаляя революционеров, не берет денег, хотя народ дает оные, не убивает в Варшаве шпионов, дозволяя им свободно доносить и захватывать менее важных членов организации, не покупает оружия нарочно, чтобы скорее окончить борьбу и т. д.». Трудно предположить, чтобы кто-либо верил подобному вздору, но тем не менее приводимый мною факт не подлежит сомнению.

Виновниками переворота, конечно, были недовольные. Начальники отделений городской организации намеревались было принять на себя инициативу действия, но они, желая действовать разумнее, основательнее, тайно приготавливали разные проекты для того, чтобы устранить старый порядок вещей и тотчас же упрочить новый. Однако же нашлись еще другие спасители революции, которые предупредили начальников отделений. Ими между прочими были: прибывший из-за границы, некогда член Центрального комитета, известный Игнатий Хмеленский, Верницкий, Наржимский,

.....
* Наши красные молодцы всей душой ненавидели Кроненберга. Откуда взялась сплетня, что он бывал в заседаниях революционного правительства, этого уже я не понимаю; быть может, дружба Кроненберга с Рупрехтом подала повод к этой молве.

^а т. е. Бобровского.

брatья Кокосинские, освобожденный из-под ареста Бронислав Марчевский, аптекарь Стронский и молодой человек некто Гликзели¹; все вообще или вовсе не принадлежавшие к организации, или удаленные уже из одной по разным поводам. Будучи не в состоянии расположить в свою пользу ни начальников отделений, ни верного нам Зенковича, они начали искать друзей между низшими членами организации, окружными, сотниками и бегунами (галёпенами) и в самом деле нашли весьма многих. К числу недовольных присоединился вновь назначенный организатор Лемпке, человек бешеный, имевший на своей стороне почти всех кинжальщиков, готовых убивать по первому его слову. Кто преимущественно руководил делом этого переворота, разобрать среди анархического хаоса трудно; но по всем предположениям — Хмеленский и Верницкий; всех же быстрее и остроумнее был, по моему мнению, Гликзели, жалкая пародия французского революционера*. План недовольных состоял в том, чтобы устранить всех членов Народного Правительства и других деятелей революции, разорвать все сношения с белыми, снова не выходить из границ красного элемента и вести дела более энергически, т. е. употреблять более террора. Для большего же успеха в своих действиях недовольные, кроме Варшавы, имели еще другой центр для своих проделок в Кракове, где под влиянием Хмеленского образовался даже особый оппозиционный комитет, мешавший и компрометирующий усиления Эльжановского и Отделения Западной Галиции**.

Когда, по мнению варшавских спасителей, все было приготовлено к перевороту, случайное (кажется) обстоятельство ускорило его, именно: печать Народного Правительства по неосторожности Яновского попала в руки недовольных. Захватив это в самом деле важное и обессиливающее нас средство, они постановили тотчас же совершить переворот и не ждать приезда Хмеленского из Кракова, находившегося там временно в конце мая. Тогда образовалась в Варшаве так называемая «Комиссия городской организации», долженствовавшая руководить всем и устроить новый порядок. По характеру, который она приняла на себя, и по ее претензиям, это был своего рода тайный комитет «du salut public»^a. Из скольких членов она состояла и из кого именно, с точностью даже мне не известно, потому что комитет du salut public хотел покрыть себя совершеннейшей тайной и опасался, чтобы мы не выдали его г. Велепольскому. Однако же один раз во время тогдашней суматохи мне случилось иметь дело с этой комиссией, и если она меня не обманывала, то состав ее был следующий: Гликзели, Марчевский и аптекарь Стронский. Эта комиссия, получив в свои руки печать, дала нам

.....
* О Наржимском не говорю, потому что он стоял за кулисами, предоставляя другим вынимать из огня жаренные аштаньы.

** Членами этого комитета между прочими были Куровский, бывший краковский военный начальник, кс. Каминский, бежавший в 1861 г. из ордена миссионеров, и др.

^a общественного спасения (франц.).

¹ Список, составленный Авейде и поданный Розвадовским Бергу при докладе от 10(22) апреля 1865 г. за № 5174, включает следующие имена, не вошедшие в прежние показания Авейде: Лехович или Лякович, Маловойский, Глинка, Карнковский, Россиан (Розвадовским указано его имя — Людвик и отмечено «два раза состоял под следствием и ныне находится в своем имени»), Добровольский, Тшетшевский, Валеаский, Жеглинский, Вольский, Доминский, Скарбек, Семенский, Дескур, Лисикович, Гонсеровский, Клобуковский, Стронский, Гликзели «о нем сказано «кажется, частный гувернер»). Сведения о судьбе указанных лиц ограничиваются Добровольским («выслан в империю»), Жеглинским («расстрелян осенью 1863 г.») и Стронским («сослан в Сибирь»), «о прочих неизвестно» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863, д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 319—320).

приказ удалиться и сдать тайны и дело революции в руки уполномоченных: Верницкого, Лемпке и Станислава Ольшанского. Уполномоченные явились ко мне, я им отказал и не допустил в заседание Народного Правительства. Видя, что жезл наш захвачен, и будучи не в состоянии доверять новым *неизвестным* его владельцам, первоначально мы сочли нашим долгом не уступить. Для сего было постановлено: в случае невозможности возвратить печать в продолжение 24 часов, объявить в особой прокламации за моим подписом как секретаря Народного Правительства и с приложением печати директора типографии, что она потеряна и не действительна, и установить новую печать, а до времени ее установления скреплять документы так же точно, как и прокламацию. Такое решение мы считали удобоисполнимым и необходимым потому, что (как это нам казалось) Зенкович, начальники отделений, начальник полиции и директор типографии были на стороне нашей. Однако же в тот же самый день мы убедились в противном. Зенкович не имел в городе ни малейшей силы, начальники отделений пристали к перевороту, начальник полиции хотя остался нам верен, но почти все кинжальщики перешли к Лемпке, а все типографии были захвачены. Ловкий и быстрый в таких случаях Лемпке приставил кинжальщиков даже к резчику печатей и погрозил ему смертью, если он осмелится принимать без его дозволения чьи бы то ни было заказы. Хотя Вагнер успел отпечатать прокламацию, но дальнейшее сопротивление и борьба с совершившимися переворот сделались не только невозможными, но крайне пагубными для восстания, потому что, во-первых, *тайная* революция компрометировала бы себя внутренними раздорами, которые непременно сделались бы явными; во-вторых, с обеих враждующих сторон, без всякого сомнения, пали бы жертвы в домах и на улицах, а в таком случае законное правительство вступило бы в нашу среду со своей убийственной для нас интервенцией; в-третьих, всякая революционная деятельность была бы немислима, в особенности потому, что наши сношения с загородными местностями крайне бы затруднились; в-четвертых, наконец, воеводская администрация, хотя вообще вполне мне доверявшая, под влиянием варшавских событий распалась бы на две части, а военные начальники окончательно перестали бы слушаться кого бы то ни было или начали бы воевать друг с другом. Сообразив все эти неминуемые последствия дальнейших раздоров, я, несмотря на противное мнение моих товарищей, желавших бороться во что бы то ни стало, счел необходимым и полезным для революции уступить. Поэтому я потребовал у Верницкого и у других назвать мне фамилии членов новоустановленного Народного Правительства, дав с моей стороны слово, что если они представят мне гарантию честности характера и каких бы то ни было способностей, то я признаю новый порядок и постараюсь убедить моих товарищей сделать то же. Притом я сказал им, что не буду передавать тайн и дел восстания ни одному из уполномоченных от них, потому что Верницкого я терпеть не мог как человека, не оправдавшего оказываемого ему прежде с моей стороны доверия, а остальные два не поняли бы в чем дело. Наконец, после некоторых колебаний, были мне сообщены фамилии наших преемников, и мы уступили, приказав Вагнеру сжечь приготовленную прокламацию. Против пяти личностей, названных Верницким, я не только не мог ничего сказать, а напротив, охотно признал их, зная, что они не бешеные террористы. Затем пришли ко мне двое новых уполномоченных из нового состава: помощник мой Эразм Мали-

новский * и меценас сената Петр Кобылянский с приглашением сначала сдать дела в их руки, а потом придти в заседание Народного Правительства и принять на себя обязанности его секретаря до времени окончательного водворения нового порядка и до назначения другого лица на мое место. Тем и кончился первый переворот.

На первом же заседании нового правительства я узнал, что Верницкий еще раз обманул меня. В числе пяти членов нового правительства я нашел двух, совершенно не тех, которых он мне назвал, а именно: Кобылянского и чиновника из комиссии просвещения Генриха Бонковского; притом из них только первый был человек деятельный и несколько понимающий свои обязанности; второй же, Бонковский, был насильно захваченный рекрут, личность во всех отношениях болезненная, трусливая и смотревшая лишь на двери, как бы скорее отделаться от несвойственной ему роли. Несмотря, однако же, на этот новый обман, я считал безрассудным начинать опять споры; все занятия и интересы восстания и так уже несколько дней остановились, люди гибли, а руководства не имелось. Притом стоявший между враждовавшими Малиновский ручался мне в том, что не падет ни одна жертва глупого террора, а добрая воля Кобылянского и слабость Бонковского давали мне надежду иметь влияние на ход дел и покончить, таким образом, неурядицу скорее и успешнее, нежели посредством возобновления споров. Поэтому я окончательно принял должность секретаря и безотлагательно взялся за дела. Первыми моими требованиями, предложенными новым моим товарищам, были: во-первых, пригласить в заседание членов старого состава в качестве временных помощников *без права подачи голоса* как для того, чтобы скорее и вернее познакомиться с положением дел и с разными необходимыми тайнами и подробностями, так и для того, чтобы не приостанавливать ежедневных занятий; во-вторых, пополнить состав и назначить начальника города; в-третьих, образовать департаменты и другие учреждения по новоприготовленному уставу; и наконец, в-четвертых, пересмотреть разные требующие решения проекты и заняться делами. Кобылянский (говорю так потому, что Бонковского в самом деле нельзя назвать ничем другим, как фигурантом) принял мои требования, но только первое из них было исполнено; другие не осуществились отчасти по краткости времени, отчасти по другим причинам. Пополнить состав Народного Правительства и назначить начальника города было невозможно потому, что кандидаты или отказывались безусловно, как например Витольд Мошинский, или же не хотели принять предложения по причине все еще существовавшего в городской организации разгара. Из департаментов и других учреждений установлен был только один департамент внутренних дел под дирекцией судьи здешнего гражданского трибунала Стослава Лагуны. Наконец, мои проекты касательно прочих занятий Народного Правительства не были даже пересмотрены; вместо того изданы были декрет, устанавливающий революционные трибуналы, и маленькое воззвание к жителям края. Эти оба акта были составлены Кобылянским; они стоят ниже всякой критики и го-

* Малиновский не принадлежал к числу недовольных, а просто, имея сношения с разными членами организации и узнав о происходившем, успел снискать доверие виновников переворота и принял на себя роль посредника «для того, как он говорил, чтобы люди не перерезались». Недовольные сперва даже хотели иметь в нем своего начальника города, но он отказался. По-моему, Малиновский, вмешавшись среди враждующих, исполнил не только гражданский, но и просто человеческий долг; это тем более, что он был человек совершенно больной, получил увольнение от обязанностей моего помощника и собирался выехать за границу лечиться.

ворят весьма не в пользу революционно-правительственных способностей автора.

На этом кончается вся история несколькодневного состава Кобылянского. К этому, однако же, необходимо прибавить еще одно слово для того, чтобы пояснить последние действия Кобылянского и вообще более уяснить характер неудавшегося правительства и причины медлительности и нерешительности оною.

Недовольные, совершив переворот и так легко получив желаемую победу, нисколько не успокоились. Гликзели, Верницкий, Лемпке и компания хотели играть далее роль каких-то *революционных стражей*, смотреть за неприкосновенностью и чистотой революционных основных идей и, как говорилось, за надлежащей энергией действий Народного Правительства. Они не только не закрыли «комиссию городской организации», но, напротив, намеревались сделать ее постоянно существующим комитетом надсмотрщиков, избираемых членами организации; только сами не знали, как определить права и обязанности нового спасительного учреждения. Имея такие намерения, виновники переворота не доверяли новому Народному Правительству, окружили его шпионами и смотрели за всяким его шагом. Недоверие их еще более возросло, когда стало известно, что старые члены бывают в заседаниях вместе с новыми. Комиссия не хотела первоначально выдать печати Кобылянскому, и хотя потом выдала, но взяла с него слово ни в каком случае не вверять ее в мои руки. Далее, она *уполномочила* Кобылянского пополнить состав Народного Правительства, но требовала представлять кандидатов на ее утверждение. Наконец, она домогалась признать начальником города, если не ошибаюсь, Квятковского, автора манифестационных листков, имевших заглавие: «чертово варенье», как говорят, безумного анархиста и террориста, и Кобылянский едва не согласился выдать ему требуемое назначение. Одним словом, порядок и спокойствие не восстановились; анархия была полнейшей, грозила террором, а неполное Народное Правительство находилось под их влиянием и не имело никакой самостоятельности и силы. Такое положение дел мешало Кобылянскому на всяком шагу, тем более, что он не хотел слушаться моих советов и просьб и боялся укротить пустоголовых ребят-политиков. Это же заставило издать декрет о революционных трибуналах в таком кратком и неопределенном виде, в каком он и был составлен Кобылянским. Этого декрета в особенности домогались сторонники террора; они заранее, еще до его издания, приказали сделать печать революционного трибунала и стали пугать сторонников старого состава революционного правительства так называемыми письменными предостережениями.

Неизвестно, какие были бы последствия подобного состояния городской организации, если бы, к счастью, не кончилось существование неудавшегося правительства и если бы непредвиденные обстоятельства не дали мне и только что выпущенному на волю после десятимесячного тюремного заключения Карлу Маевскому возможности сделать новый переворот и потушить, по крайней мере на время, царствовавшую анархию.

В убеждении, что очерк первого переворота вполне объясняет и положение дел, и состояние умов, и характер организации, я лишь упомяну о самых главных событиях второго переворота, оставляя подробности, как лишние всякого интереса для правительства.

Анархия, продолжавшаяся более десяти дней, стала мало-помалу надоедать всем сколько-нибудь благоразумным и любящим порядок людям, и

нет сомнения, что если бы Кобылянский послушался моих советов и захотел быть решительным, мы бы скорее покончили с неурядицей. Между тем я узнал о похищении нескольких миллионов рублей из главного казначейства Царства Польского, и что эти деньги, не находясь ни в руках Кобылянского, ни в руках «городской комиссии», могут перейти в мое распоряжение. Тогда я откровенно объявил моим новым товарищам, что так как они боятся водворить необходимый для революции порядок, то я по получении похищенной суммы постараюсь при помощи моих друзей сделать новый переворот. Спустя несколько дней, мои надежды осуществились. Я был призван в собрание к директору типографии Вагнеру, где между прочими находились: начальники отделений городской организации, их помощники и окружные, начальник полиции, уполномоченные агенты Литвы и Руси и помощники членов бывшего состава Народного Правительства. Все присутствовавшие, но в особенности начальники отделений, объявили мне, что анархия и диктатура Гликзели и ему подобных надоела всем и что они постановили выйти, наконец, из этого хаоса, а потому просят меня и Карла Маевского принять на себя труд водворения нарушенного порядка и образования нового состава Народного Правительства, обещая слушаться нас беспрекословно и помогать во всем. Для большего успеха в предстоящих наших действиях они решили передать нам (но не прежде, как по совершении переворота) находящиеся у них миллионы из казначейства и обязались представлять нам собираемые в городе подати. Вместе с тем они обязали нас не принимать в состав нового Народного Правительства никого из бывших членов, за исключением Яновского. Я (и потом Маевский) приняли призыв собравшихся и дали слово соблюсти предложенные условия. После того мы тотчас занялись приготовлениями к новой борьбе, и первым нашим шагом было посланное Кобылянскому письменное требование удалиться, подписанное всеми авторами второго переворота. Кобылянский принял требование весьма охотно; Бонковский благодарил бога, что нашлись люди, которые уволили его из настоящего для него тюремного заключения. К несчастью, однако же, Кобылянский, опасаясь Лемпке и Гликзели, выдал печать не нам, а городской комиссии, от которой получил ее.

Таким образом, нужно было опять бороться. Описывать всей тогдашней борьбы не буду, потому что она не представляет для правительства ничего важного; скажу только, что она продолжалась несколько дней и была переполнена такой грязью, что до сих пор еще чувствую отвращение при воспоминании об ней, и откровенно признаюсь, что остатки моей измученной продолжительным трудом энергии погибли бы в тогдашнем хаосе без всякого хорошего результата, если бы не Маевский и не вновь назначенный нами начальник города Вацлав Пржибыльский. Свежий и быстрый ум первого, быстрота, ловкость, опытность, знание человеческого характера и превосходные сведения о самомалейших тайнах городской организации второго победили, наконец, после самых напряженных усилий гнусных наших анархистов. В особенности назначение Пржибыльского было самым удачным; он разбивал одну за другой существующие в городе противные нам партии и с удивительной ловкостью обессиливал действующих против нас людей. Пришло, наконец, к тому, что зачинщики всего зла были оставлены всеми, сторонники Мерославского, Стронский и Марчевский пристали к нам; даже Лемпке и кинжальщики сдались энергическому и хитрому Пржибыльскому. Лемпке, только что готовый убить нас, сделался до того преданным Пржибыльскому, что самым решительным образом восстал против лиц,

которых он был прежде орудием, и намеревался уже убить их, но был удержан новым другом своим — начальником города.

Наконец, мы получили печать в свои руки; переворот совершился, и никто не пал жертвой *. Захваченные миллионы были выданы Маевскому, и мы сейчас издали две маленькие прокламации: одну с уведомлением, что деньги находятся в наших руках; и вторую, *объявляющую фальшивыми* тогдашние толки о существующих в Варшаве и в среде революционного правительства раздорах. Затем, пополнив наш состав, мы начали новый период истории революции, и деятельный Пржибыльский занялся устройством новой городской организации.

Так кончился второй переворот. К несчастью, проклятые раздоры лишили восстание по крайней мере трех недель времени, в продолжение которого дела были оставлены большей частью на произвол судьбы.

Прибавление. Я упомянул выше о похищении денег из главного казначейства Царства Польского и потому хочу здесь, несмотря на отступление от общего порядка моего рассказа, сказать об этом происшествии несколько объяснительных слов. Каким образом были похищены деньги, что это совершил студент Вашковский и что чиновник Гебда и Яновский выдали ему ключи, а трое служителей (*woźnych*) помогали выносить добычу, обо всем этом правительству хорошо известно, и потому о всех подробностях похищения я говорить не буду. Хочу только повторить в записках моих данное мною правительству в судебных показаниях уверение, что никакое Народное Правительство, ни старого состава, ни состава Кобылянского, ни состава моего и Маевского не давало приказания похитить кассу. Чтобы выразить вполне откровенно мысль мою, скажу, что приказ не был выдан главой революции не потому, чтобы оно воздерживалось от факта покражи, а просто потому, что нам и в голову не приходило, чтобы измена в чиновничьем мире проникла так глубоко, чтобы Яновский и Гебда послушались каких бы то ни было людей, какой бы то ни было печати и дерзнули выдать неизвестным, незнакомым личностям столь значительные суммы. Скажу более; если бы мы могли допустить возможность достать деньги из главного казначейства, мы бы устроили все дело разумнее и хитрее: захватили бы все до последней копейки и заранее сделали бы необходимые приготовления для размена билето́в кредитного общества (*listów zastawnych*) и отправления денег за границу. Между тем, не имея решительно никакого сведения о похищении Вашковского, мы получили деньги только после окончания второго переворота, т. е. тогда, когда номера билето́в (*listów zastawnych*) были уже объявлены, а бдительность и розыски полиции возбуждены, т. е. когда размен при существовавших условиях восстания сделался невозможным, а отправление за границу требовало крайней осторожности.

Еще слово. Совершил ли Вашковский похищение по собственному, так сказать, вдохновению, или же получил на это приказ, и от кого именно?—

* Сделавшись сильными, мы были в состоянии строго наказывать анархистов, но не захотели, однако, проливать ни одной капли крови. Упоминаю об этом не из желания похвастаться, но потому, что это, быть может, было одной из ошибок революции. Быть может, если бы мы приказали убить тогда каких-нибудь трех-четырёх человек и прогнали бы из города три десятка других, быть может, говорю, тогда анархия была бы окончательно подавлена и не было бы потом (с сентября месяца начиная) чудовищного террора на улицах Варшавы и вообще в крае. Такая, например, личность, как Хмелинский, осталась в городе и продолжала проделки по обычаю, свойственному ее натуре.

этого, да поверит мне правительство, я объяснить не в состоянии. При тогдашней суматохе не было и времени и возможности расспрашивать о всех подробностях; впоследствии же я никогда не занимался денежными вопросами. Предполагаю, однако же, что Вашковский должен был непременно предъявить Яновскому и Гебде какое-нибудь приказание, с печатью или Народного Правительства, или начальника города, и потому вероятно, что такое приказание он мог получить только от старших членов организации. Впрочем, во время переворотов, когда печати находились бог знает в чьих руках, приказание могло быть выдано лицом, даже вовсе не принадлежавшим к организации. Одним словом, ни человек, давший приказ Вашковскому похитить деньги, ни его сообщники мне не известны. После переворота деньги и билеты (*listy zastawne*) были переданы начальниками отделений Карлу Маевскому; билеты были отправлены за границу к Чарторыскому, а деньги перешли в распоряжение департамента финансов, директором которого был Дионисий Скаржинский ¹.

Приступая после этого маленького вступления о переворотах к описанию последовавших за ними ^а событий, я должен отступить в дальнейшем рассказе от принятого мною в предыдущих главах порядка ^б изложения, а именно, в начале я приведу ^в несколько замечаний о самом революционном правительстве, ^в а затем представлю ^в краткий очерк существовавших в Варшаве его органов. ^г При этом ^г постараюсь, с одной стороны, изложить ^д все важнейшие революционные усилия и действия описываемого времени, а с другой, — пополнить недосказанное в предыдущих главах.

А. СОСТАВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПЕРЕМЕНИ И ПЕРЕЧЕНЬ ЕГО ВАЖНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ

Тотчас же после совершения переворота я с Маевским пригласили быть нашими товарищами следующих лиц: инженера Иосифа Грабовского, молодого человека, моего гейдельбергского товарища Станислава *Кржеминского*, гражданского начальника Краковского воеводства Владислава Големберского, и из старого состава архитектора Иосифа Яновского в качестве ^е секретаря. Грабовский был членом только несколько дней, и мы отправили его как скомпрометированного в Галицию по разным делам. Место Грабовского долго было не занято по недостатку кандидата, а потом, во второй половине июня месяца, мы пригласили Владимира Милёвича, прибывшего тогда из-за границы. Занятия членов нового состава были распределены следующим образом: Маевский заведовал административным и финансовым департаментами, Големберский — заграничным и военным, Кржеминский — прессой, я — провинциями, Яновский, как сказано выше, был статс-секретарем. Чем заведовал Милёвич, с точностью не помню, потому что под конец июня я совершенно перестал заниматься делами; кажется, однако ^ж, что ему были

.....
¹ Начиная со следующего абзаца, текст издания 1866 г. сопоставлен с единственной сохранившейся тетрадью (33-й писарской копии «Записок» (см. стр. XXVI). Различия отмечены в сносках. Приводимые в сносках варианты из рукописи обозначены буквой Р; в случаях, когда текст рукописи явно исправнее, чем текст издания 1866 г., воспроизводится текст рукописи, а в сноске дается печатный текст (П).

^а П ним ^{б-б} Р представления. Вместо того я опишу, во-первых ^{в-в} Р вторых ^{г-г} Р в котором ^д Р вместить ^е Р как ^ж Р отсутствует

переданы мои занятия. Кроме нас, допускались еще в наши заседания: начальник города и секретари провинций Литвы и Руси; однако же они не принимали участия в наших совещаниях и не имели голоса в решениях, а^а только являлись^а к нам с рапортами^б или для получения приказаний^б.

К важнейшим предметам наших занятий в продолжение этого шестинедельного периода следует причислить:

а) установление департаментов, секретариата и введение нового, более удовлетворительного порядка дел по уставу, составленному в мае и^в пополненному в июне месяце;

б) преобразование городской организации и установление разных новых учреждений, зависевших от начальника города, по плану, составленному Пржибыльским;

в) учреждение^г революционных трибуналов и образование во всем крае жандармов, или так называемой «народной стражи»;

г) установление народного принужденного (przymusowego) займа в 21 миллион злотых;

д) постановление заготовить за границей и ввести в употребление бумажные деньги на довольно значительную сумму и постановление отчеканить свою революционную монету на два миллиона злотых. Проекты были составлены финансовым департаментом, а Рупрехт был послан за границу, как комиссар для приведения их в исполнение;

е) постановление по инициативе Тачановского призвать жителей края к поголовному восстанию после^д окончания уборки хлеба в^д 1863 г. и разные^е приготовления по этому предмету;

ж) издание нового административного^ж устава, пополнявшего мартовский устав, а также издание новых финансовых инструкций с целью привести в порядок и улучшить контроль денежных оборотов в воеводствах;

з) преобразование организации в Галиции и Познани посредством комиссаров Грабовского и Франковского;

и) увеличение числа дипломатических агентов и установление их секретарей. И наконец,

к) издание двух довольно важных прокламаций: одной к жителям края и другой к европейским правительствам и народам. В этой последней мы домогались признания нашей народной самостоятельности, отдельной от русского народа и русского государства, и признания^з нас воюющей стороной.

О других действиях революционного правительства скажу в^н последующем изложении^н.

Б. КРАТКИЙ ОЧЕРК СУЩЕСТВОВАВШИХ В ВАРШАВЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ И ИХ ДЕЙСТВИЙ

1. *Департаменты, секретариат и порядок дел.* Долгое время, в продолжение целых месяцев, мы не могли попасть на надлежащий, соответственный условиям революции образ устройства нашей организационной машины: таинственность представляла^к почти непреодолимые препятствия. Чисто заговорные узкие формы не были достаточны, а общепринятых в мире

а—а Р приходили только б—б Р и за приказаниями революционного правительства в Р а г Р установление д—д Р жатвы е Р отсутствует ж Р административного з Р признать и—и Р продолжение к Р ставила

правительственных форм и правил^а не было никакой возможности^а применить к жалкому бессилию и к ограниченным средствам. Мы принуждены были оставаться заговорщиками, а между тем должны были удовлетворять незаговорщицким^б потребностям. Наконец, после долгих трудов и стараний мы успели изобрести новые, нигде неслыханные дотоле, свои особенные формы и новый порядок дел. Не буду оспаривать, что некоторые подробности наших учреждений покажутся смешными, но только такое устройство было единственно возможным и удобоисполнимым при тогдашних обстоятельствах.

1. *Департаменты* были учреждены^в на основании особых для каждого уставов, определявших их состав, устройство, права и обязанности. Общие начала этих уставов были следующие: каждый департамент *состоял* из директора, делопроизводителей или референтов (число которых определялось соответственно обширности занятий)^г и двух секретарей^г. Все они, за исключением^д второго секретаря^д, были назначаемы революционным правительством, а^е этот последний^е самым департаментом. *Предметы занятий* распределялись по отделениям или *секциям*, из которых каждая находилась в заведовании особого референта. * Первый секретарь^ж не имел никакой секции и заведовал канцелярией и внутренним порядком департамента. Он содержал контроль и особый журнал входящих и исходящих дел^з, ему вверялись занятия,^и не относившиеся к секциям^и, наконец, на нем лежали сношения департамента с другими, существовавшими в Варшаве учреждениями. ^к Второй секретарь^к был помощником 1-го и на деле был посылным^л (галёном) и переписчиком. *Порядок* дел департамента был следующий: все дела, вступавшие через директора или через 1-го секретаря, рассматривались и решались в ежедневных коллегиальных заседаниях всех членов департамента, кроме 2-го секретаря; исполнения по состоявшимся решениям члены изготавляли дома. Всякое решение и вообще вся переписка и документы скреплялись печатью департамента^{*}, находившейся в руках директора; если же эти документы и переписка имели силу решения и приказанья Народного Правительства, в таком случае они скреплялись еще печатью статс-секретаря. Сношения департамента с разными революционными властями производились следующим образом: с Народным Правительством— или непосредственно через директора, который ежедневно передавал рапорты одному из членов Народного Правительства смотря по роду дела и получал от него приказанья; или же письменно (например, при представлении проектов, декретов^м, инструкций и проч.)^н при посредстве^н статс-секретаря. Сношения между департаментами производились только посредством их 1-х секретарей, лично и письменно; с начальником города: при посредстве^о 1-го секретаря, с одной, и нарочно для сего назначенного агента, с другой стороны. Наконец, письменные сношения департаментов с воеводскими властями производились *исключительно* при посредстве статс-секретаря; директор же от своего лица сносился с ним по сво-

* Это была небольшая овальная печать без гербов с надписью вокруг: «Народное Правительство — департамент NN».

^{а-а} Р никак не было возможным ^б Р незаговорным ^в Р установлены^{г-г} Р из секретаря 1-го и секретаря 2-го ^{д-д} Р последнего ^{е-е} Р второй секретарь ^{ж-ж} Р секретарь 1-й ^з Р документов и корреспонденции ^{и-и} Р не составлявшие предметы секций референтов; ^{к-к} Р секретарь второй ^л Р более бегуном ^м Р необходимых решений ^{н-н} Р посредством ^о Р посредничестве

ему усмотрению. Права департаментов были двойкие, ^а а именно, некоторые дела ^а департамент ^б мог решать ^б сам, с обязанностью лишь докладывать ^в Народному Правительству о своем решении; о других же более важных делах делал представления. Никаких назначений на должность департамент выдавать не имел права.

Хотя по порядку следовало бы описать здесь личный состав, устройство и действия каждого департамента, но прежде я должен сказать о секретариате революционного правительства, чтобы в самом начале моего рассказа уяснить существовавший порядок дел.

2. *Секретариат* составлял одно из важнейших и полезнейших нововведений тогдашнего времени. Правда, мы и прежде имели секретарей, но не имели прочно устроенного секретариата. Ни Майковский, ни я не можем похвалиться особенным порядком; все необходимое мы исполняли, но без всякого контроля, без точности и распределения занятий, чисто заговорным порядком, как попало. Только к концу мая мы успели придумать, а в половине июня устроить свой миниатюрный секретариат ^г. Он состоял, наподобие департаментов, из референтов и секретарей; к числу его занятий принадлежали ^д:

а. ^е Ведение контроля и журнала всей переписки революционного правительства, в особенности присылаемой в Варшаву и отправляемой отсюда.

б. Посредничество между Народным Правительством и подчиненными ему властями, в особенности варшавскими. Статс-секретарь принимал все рапорты и бумаги, адресованные на наше имя, и отправлял ответы и приказания наши и наших департаментов, ^ж а для этого обязан был ^ж знать и сохранять все необходимые адреса.

в. Заготовление нужных печатей ^з. С тех пор резчики могли выделять печати только по письменному приказанию статс-секретаря ^з.

г. Выбор курьеров и доставление паспортов не только наших, революционных, но и законных властей. Паспорты последнего рода бывали смотря по важности дела или фальшивые, или подлинные. (Обязанности, изложенные в пунктах «в» и «г», статс-секретарь исполнял при помощи начальника города, и в особенности начальника полиции; каждым из вышеобъясненных предметов занимался особый референт статс-секретаря.)

д. В ведении статс-секретаря находились также все сообщения, а именно: железные дороги, законные почты и так называемая народная, помещичья почта. Первыми двумя заведовали особые комиссары революционного правительства, находившиеся в непосредственной зависимости от статс-секретариата ^и, а помещицьею почтой заведовал один из референтов. Внутреннее устройство и перемены в этой последней зависели от административного департамента; но пользоваться ею было возможно только с дозволения и при посредстве ^к статс-секретаря.

е. Он, наконец, присутствовал в заседаниях Народного Правительства, заведовал собственной его канцелярией ^л, прикладывал (смотря по важности дела) ^м одну из двух хранившихся у него печатей ^м революционного правительства и свою статс-секретарскую.

.....
^{а-а} Р в одних предметах ^{б-б} Р решал дела ^в Р доложить ^г Р по этому устройству он ^д Р далее пункты обозначены буквами латинского алфавита ^е Р содержание ^{ж-ж} Р и поэтому обязанностью его было ^{з-з} Р только по письменному приказанию статс-секретаря резчики могли с тех пор вырезать печать ^и Р входившие в состав его ^к Р посредничестве ^л Р и хранили ^{м-м} Р две печати

Для точнейшего представления предметов занятий секретариата и порядка дел, считаю необходимым присовокупить некоторые объяснения:

Касательно пунктов «а» и «б». Эти два пункта лучше всего объяснить примером. Воеводский курьер, привозивший рапорт, передавал его в одну из учрежденных в городе «приемных контор», гдеставлял адрес своей квартиры в Варшаве. Таких контор было всего не более шести, и они учреждались в купеческих магазинах, с одной стороны, *вполне надежных и верных революции*, с другой, не подозрительных в глазах законной полиции. Лица, служившие в магазинах, должныствовали быть вполне доверенными *. Впрочем, владельцы магазинов и их помощники принимали на *свою личную* ответственность безопасность курьера и привозимой им депеши. Адресы приемных контор и пароли, по которым узнавались курьеры, заранее были разосланы воеводским властям. Привозимые бумаги и адреса квартир курьеров получались в приемных конторах при посредстве посылаемых затем по крайней мере два раза в день, особых лиц, подчиненных статс-секретарю. Статс-секретарь, пересмотрев рапорты, вносил их в журнал и пересылал тотчас же в соответственный департамент. Обыкновенно 1-е секретари департаментов получали их лично и за этим приходили в секретариат, тоже два раза в день. Таким же, но только обратным порядком передавался ответ воеводскому курьеру; т. е. статс-секретарь, получив его из департамента, пересматривал, вносил в журнал, прикладывал свою печать и отправлял через бегуна (галёпена) в контору. В случае особенной важности или спешности дела курьер получал ответ непосредственно из секретариата. Если же были необходимы какие-либо личные объяснения к привезенному рапорту, то курьер отправлялся к указанному секретарем департамента лицу. Описанный порядок может показаться затруднительным и слишком сложным, а между тем на деле при старании и усердии преданных людей ответ пересылался в воеводства обыкновенно не позже 24 часов. При этом случались разные малые отступления, но самое главное, т. е. контроль статс-секретаря, был соблюдаем. Без его ведома, без внесения в журнал и приложения его печати не могло состояться решительно ни одно дело. Статс-секретарь имел право и обязанность пересматривать и контролировать все, и если в ответе, данном департаментом, он замечал какое-либо злоупотребление или что-либо превышающее его власть, в таком случае должен был задержать сомнительную бумагу и представить ее Народному Правительству. Более простого порядка при условиях *тайнственности* мы не могли придумать. Без тщательного контроля^а не было бы порядка, и люди стали бы действовать каждый на свою руку.

Касательно пункта «д». Железные дороги Варшавско-Венская и Варшавско-Бромбергская принесли для революции тысячи услуг. Чиновники этих двух ^б линий сообщений ^б перевозили людей не только одиночных, но и целые десятки, иногда^в безденежно, всех^г беспаспортных или скомпрометированных; они перевозили бумаги и пакеты, иногда весьма большие; пересылали малые телеграфные^д депеши, передаваемые условным^е ключом^с;

.....
* В противном случае владелец магазина удалял сомнительного человека, а начальник города при помощи своих сношений находил для него другое место.

^а Р снова ^{б—б} Р коммуникационных отраслей ^в Р иной раз ^г Р а всегда
^д Р телеграфические ^{е—е} П шрифтом

наконец, хотя редко и в виде исключения, они перевозили небольшие транспорты оружия*.

Первоначально особой революционной организации железных дорог не было вовсе, все нужное исполнялось посредством личных сношений с служившими в управлении дорог, из которых множество принадлежало к бывшему заговору и к городской или воеводской организациям. Из лиц, которые были посредниками между нами и нашими подчиненными и чиновниками управления, я помню в настоящее время братьев Марчевских, Рупрехта и Станислава Ольшанского. При этом считаю необходимым заметить, что центральные власти управления не были чужды действиям подчиненных им лиц. Я помню, что главные начальники^а были до того^а благосклонны и доброзелательны для революции, что^б в тех случаях, когда мы письменно требовали^б удалить или переместить с одной станции на другую того-либо чиновника, то желание наше непременно было исполняемо. Кто именно из начальников был так хорошо расположен в нашу пользу, этого я не знаю**; но тогдашние обстоятельства дают мне полное убеждение, что все они были нашими друзьями или добровольно, или из страха перед^в своими подчиненными, которых, повторяю, множество принадлежало к организации.

С июня месяца мы по представлению Ольшанского и согласно с проектом, составленным самими служащими при железных дорогах, решили^р сделать наших друзей настоящими слугами с определенными обязанностями. С этой целью была образована по обеим линиям железных дорог и их телеграфов формальная революционная служба, или так называемая «коммуникационная организация», по уставу, как я уже сказал, составленному самими служащими, который мы утвердили. «Коммуникационная организация» имела свою центральную власть, если не ошибаюсь, коллегиальную, состоявшую, кажется, из пяти членов, и разделялась по обеим линиям, сколько могу припомнить, на пять отделений. Подробности этой новой организации совершенно вышли из моей памяти; впрочем, я думаю, они не интересны для правительства; довольно того, что обязанности членов организации и порядок их сношений с революционными властями, варшавскими и воеводскими, были ясно определены уставом. Притом нужно еще прибавить, что коммуникационная служба не ограничивалась пределами Царства Польского; она распространялась до самого Кракова, и вообще на ней лежала обязанность доставляемого^г к назначенному за границей месту. Начальники железных дорог, и центральные, и загородные, имели свои маленькие печати^д с отдельными^д буквами и цифрами, е причем^е не напоминавшие свое революционное значение^ж. Вся организация находи-

* Каким образом производилась перевозка оружия, этого я с точностью объяснить не могу. ^з Между прочим я помню, что ^н в отряд ^н Жихлинского в Мазовецком воеводстве (в так называемый «батальон варшавских детей») и^к в кавалерийский отряд Байера^к оружие было доставлено при помощи чиновников, служивших в управлении железной дороги. Я слышал (но не знаю насколько это справедливо), что в вагонах, в которых отправлялось оружие, было нарочно для того сделано двойное дно.

** Если не ошибаюсь, чиновник центрального управления железных дорог М и р е ц к и й был друг Рупрехта и находился с ним в сношениях.

^{а-а} Р столь ^{б-б} Р если мы письменно востребовали ^в Р постановили ^г Р со всею безопасностью ^{д-д} Р обозначенные лишь одиночными ^{е-е} Р и ничем ^ж Р начало ^з Р но это, однако же, не подлежит сомнению и^и Р оружие, доставленное начальнику ^{к-к} Р начальнику кавалерийского отряда Байеру

лась в ведении и зависимости секретариата посредством вновь установленного «комиссара коммуникаций», который входил в состав секретариата в качестве референта. Из всех членов организации железных дорог только лица, составлявшие центральную власть, и комиссар получали назначения^а от революционного правительства: первых я никогда хорошо не знал и теперь уже не помню, комиссаром же был упомянутый выше Станислав Ольшанский.

На Петербургской железной дороге дела наши шли несравненно хуже, главное потому, что многие лица из служащих приняли участие в восстании с оружием в руках *, чем возбудили бдительность правительства, передавшего после этого большую часть службы в руки русских людей. Однако же мы и там не были лишены возможности иметь некоторые, хотя незначительные сношения. При посредстве^б каких именно лиц они производились, мне не известно; помню однако же, что Пржибыльский как секретарь Литвы успел отправить в Вильно по Петербургской железной дороге до полторы тысячи кос, не считая разных других пакетов.

Правительственные законные почты находились тоже в наших руках. Многие чиновники главного почтамта и провинциальных почтовых контор точно так же, как и железных дорог, принадлежали к организации и помогали во всем необходимом. Они, наподобие первых, получили в июне месяце свою особую организацию, немного отличавшуюся от организации железных дорог **, и посредством своего особого «почтового комиссара» перешли в зависимость и в распоряжение секретариата. Комиссаром был один из почтовых чиновников, Войцеховский или Левандовский, но который из них именно, не помню, потому что они оба были нашими деятельными сотрудниками, и обе фамилии встречались очень часто.

Касательно пункта «е». Кроме таких разнообразных занятий, статс-секретарь имел еще другие, как^в лицо принадлежавшее к составу Народного Правительства. Он должен был присутствовать во всех его заседаниях, и хотя по букве устава не считался его членом и не имел решительного голоса в совещаниях^г, но на деле ничем не отличался от прочих членов. Кроме участия в заседаниях и ежедневного рапорта о занятиях всех департаментов *** и о занятиях самого секретариата, статс-секретарь заведывал еще, как сказано выше, канцелярией Народного Правительства. Он был редактором многих кратких приказаний, распоряжений, номинаций^е и проч., выдаваемых во время заседаний; утвержденные декреты передавались тоже в его руки и печатались не иначе, как по его письменному распоряжению.

Еще слово об употреблении двух печатей: старой — Народного Правительства и новой — статс-секретаря. Первой скреплялись только бумаги

* Они без нашего ведома пошли в шайки; после того мы запретили всем вообще служащим в управлениях железных дорог оставлять занимаемые ими должности, без особенного дозволения революционных властей.

** Кажется, главная разница состояла в том, что центральная почтовая власть не была коллегиальной, а просто назначен был революционный директор почт (т. е. законных). Новая почтовая организация имела основанием бывшую еще до революции, образованную Винницким, и была только ее дополнением.

*** Прошу обратить внимание на то, что члены Народного Правительства, получая рапорты от директоров своих департаментов, с одной, и от статс-секретаря, с другой стороны, имели полный контроль всех действий и могли быть убеждены, что этим путем никто не портит их действий.

^а Р номинации ^б Р посредничестве ^{в-в} Р находившийся в составе ^{г-г} Р решениях ^{д-д} Р совещаниях ^е П отсутствует

первостепенной важности, как например декреты, некоторые инструкции и назначения^а; на всех же прочих прикладывалась печать статс-секретаря или одна, или вместе с маленькой печатью департамента. Причиной, побудившей установить статс-секретарскую печать, было между прочим желание сделать главную печать революционного правительства менее употребительной^б и через то^б более безопасной и неприкосновенной.

Таким образом, как это видно из представленного очерка секретариата, орган этот был самым важным^в из^в всех существовавших в Варшаве. Нужно только удивляться, как один человек был в состоянии удовлетворить всем обязанностям статс-секретаря*. Яновский исполнял их удовлетворительно.

Из лиц, входивших в состав секретариата, кроме Яновского, я помню еще следующих: Яна Лавцевича, бывшего прежде моим помощником, Антона *Розманита*, брата купца Францишка Розманита, бывшего начальником отделения городской организации, и двух названных выше комиссаров: Ольшанского и Войцеховского или Левандовского. Других я или вовсе не знал, или уже не помню.

Кроме статс-секретариата, существовали еще в Варшаве секретари провинций: Литвы и Руси; но об них буду говорить ниже. Теперь возвращаюсь к продолжению прерванного рассказа о департаментах.

3. *Военный департамент* по новому порядку был только пополнен, разделен на секции и получил лучшее устройство, но в сущности не переменялся. Директором департамента был по-прежнему Качковский, а главнейшими референтами Галензовский и Козелло; из прочих членов остались у меня в памяти только три фамилии: купца Владислава *Кремки* как референта секции вооружения (т. е. доставления оружия), профессора главной школы доктора *Гирштофта* как референта секции лекарей и какого-то молодого человека *Вольского* как 1-го секретаря департамента. Весь состав департамента состоял не более как из 12 лиц, военных и гражданских; эти лица, если не все, то по крайней мере некоторые имели своих помощников, обыкновенно лично от них зависевших и не получавших особенных назначений^г от Народного Правительства.^д На сколько и на какие именно секции разделялся военный департамент, я в^д настоящее время с точностью не помню и исчислять их вовсе не буду; вместо того замечу, что в ежедневных заседаниях департамента принимали участие только референты собственно военные и секретарь^{**}; прочие (гражданские лица, напр. Кремки, Гирштофт, референт секции вспомоществований) присутствовали в них только в случае надобности и обыкновенно исполняли свои обязанности после совещаний с самим директором на основании полученных от него приказаний.

.....
* Не менее удивительно, что законная полиция даже не догадывалась, что делалось в квартире Яновского, этой настоящей ярмарке^е беспрерывно приходивших и приезжавших людей^е. Упоминаю об этом потому, что в самом деле не было ничего легче, как открыть этого важнейшего нашего сотрудника. Мы сами, хотя хорошо берегли квартиру Яновского, но безопасность его считали чудом.

** Секретарь (1-й), кроме других своих обязанностей, заведовал особой литографией военного департамента, предназначенной для литографирования некоторых инструкций, циркуляров, дневных приказов и проч.

^а Р номинация ^{б-б} Р а затем ^{в-в} Р важнее ^г Р номинаций ^{д-д} Р На сколько секций распределялся военный департамент и какие они были ^{е-е} П и в которую беспрерывно проходили и приезжали люди.

Будучи не в состоянии следить за действиями каждой секции, я ограничусь по-прежнему несколькими замечаниями о восстании в военном отношении.

а. О характере руководства, о вооруженных силах восстания, о характере военных действий и упоминать даже не буду, потому что это было бы повторением сказанного в предыдущих главах: они с незначительными изменениями остались прежние и не представляют ничего достойного особенного замечания.

б. Личный состав военных начальников был следующий: в Августовском, Плоцком, Варшавском, Калишском и Сандомирском воеводствах остались те же самые лица. В Краковском — офицер русской службы Хмеленский, а главнокомандующим в ^а Краковском и Сандомирском воеводствах был назначен служивший в Кавказской армии полковник Гауке, известный под псевдонимом Босака. В Люблинском — Валигурский, в Подляском — Лелевель, а над обоими — капитан русской службы (бывший в военной академии) Гейденрейх (псевдоним Крук) *. Тачановский командовал по-прежнему в Варшавском и Мазовецком воеводствах; общего начальника в остальных не было вовсе.

Говоря о действующих в тогдaшнее время личностях, я должен упомянуть еще о подполковнике Траугуте и о Мерославском, потому что это может служить объяснением событий, последовавших после моего выезда в Вильно.

В конце июня или в начале июля месяца Траугут приехал в Варшаву. Военный департамент, желая воспользоваться сведениями этого, как говорят, способного человека, назначил его тотчас же начальником двух литовских губерний: Гродненской и Виленской; однако же постановил отправить его в Литву не иначе, как во главе двухтысячного отряда, который приказано было приготовить и сформировать в Августовской губернии **. До окончания же всех необходимых приготовлений Траугут был отправлен как комиссар Народного Правительства за границу. Целью посылки его было: привести в порядок дела вербовки французских офицеров во Францию; проверка ^б действий Люттихской ^в комиссии вооружения и венско-галицийских подрядчиков, а самое главное, приведение ^г в порядок дел организации и отправление галицийских отрядов, причем Траугуту дана была власть пересмотреть назначения ^д и документы офицеров ^е старших чинов ^е и прогнать ^ж неспособных, негодяев и плутов по его собственному усмотрению. Подробностей инструкции, которую получил Траугут в то же вре-

.....

* Крук первоначально был назначен заступающим место Лелевеля, который, не дождав-шись транспортов оружия из Галиции, сам за ним поехал, оставив воеводство без начальника. Потом с июля месяца подчинены ^з были Круку и Лелевель, и Валигурский. При этом назначении появились довольно смешные столкновения: Крук был молодой человек и имел чин, по-нашему только подполковника ^и, а потому Валигурскому, старому польскому артиллеристу, впоследствии (кажется) майору шведской армии и наконец генералу Лянгевича, совестно было служить под командой младшего в чине. Нам, однако же ^и, так уже надоели все эти генералы, что мы не обращали внимания на их претензии и приказали Валигурскому или слушаться Крука, или удалиться. Он послушался.

** Проект этот, как известно, не состоялся, подробнее расскажу о нем ниже, говоря о Литве.

^аР над ^бР обривизовать ^вР льежской ^гР привести ^дР номинации ^{е-е}Р старшего чина ^жР изгонять ^зР переданы ^{и-и}Р Валигурский же, старый польский артиллерист, потом, кажется, майор шведской службы и генерал Лянгевича, которому совестно было служить под командой подполковника. Однако

мя от военного департамента, я не знаю; равным образом мне не известны действия его за границей, потому что вскоре за тем я выехал из Варшавы.

С Мерославским мы снова вошли в сношения. Причина сближения лежала в том, что некоторые члены нового состава революционного правительства (в особенности Маевский) были друзьями неперменного диктатора и не хотели верить, что он потерянный человек. Притом следует заметить, что Маевский во время борьбы с анархистами, желая склонить на нашу сторону поклонников Мерославского (будто бы нарочно до этого времени устраняемого), дал им слово открыть поле для его способностей, лишь бы он сам, наконец, сказал, чего он желает. Поэтому вскоре после окончания переворота был отправлен к Мерославскому с нашим письмом друг его, Лев Хмуржинский. В письме этом мы просто спрашивали генерала без места, хочет ли он принять участие в революции, или нет? если хочет, в таком случае мы просили его донести нам, какой именно род службы он намерен принять, объявляя с тем вместе готовность с нашей стороны воспользоваться его способностями и советами касательно военных действий всстания. Мерославский вместо того, чтобы сейчас дать ответ и приняться за дела, придумывал для себя род службы по крайней мере четыре недели, по истечении которых просил назначить его до дальнейшего времени генеральным организатором всех военных приготовлений за пределами Царства Польского, т. е. точнее, за пределами театра войны. К обязанностям генерального организатора, по проекту Мерославского, должны были принадлежать: покупка оружия, формирование заграничных отрядов и назначение для них офицеров, за исключением главнейших начальников. Народное Правительство приняло просьбу Мерославского, назначило его генеральным заграничным организатором и поручило военному департаменту написать соответственный устав и инструкции и вообще устроить эту новую, огромную, первостепенной важности революционную должность. Каким образом исполнил военный департамент данное ему поручение, этого я уже не знаю; до моего выезда Мерославский действовать еще не начинал.

в. В этом же периоде были установлены должности ^а воеводских и уездных *организаторов* в воеводствах и в Варшаве — городского ^а и окружных. Обязанности организаторов исполнялись и прежде, но без всякого порядка: в воеводствах лицами, назначенными гражданскими или военными властями, а в Варшаве назначенными начальником города или другими. Опыт и дорого стоившие ошибки открыли, наконец, глаза и повели к установлению большего порядка в этой важной отрасли революционной службы. О воеводских организаторах говорить не буду, потому что до моего выезда из Варшавы один только (если не ошибаюсь) Иосиф Пётровский, бывший августовский комиссар, был назначен организатором в своем воеводстве. Организатором г. Варшавы был назначен Лемпке; подчиненные же ему окружные никогда не были мне известны, и даже я не знаю, сколько их всех было в Варшаве. Лемпке находился в непосредственной зависимости от военного департамента, т. е. от одного из его референтов, но так как он должен был находиться в постоянных сношениях с членами городской организации и только при их помощи мог исполнять свои обязанности (в особенности жандармы были ему необходимы на всяком шагу), то по сему он был также подчинен и начальнику города. Яснее сказать, Лемпке не мог ничего делать без приказаний военного департамента и не мог употреблять

^а—а Р организаторов: в воеводствах — воеводских и уездных; в Варшаве — организатора города Варшавы

необходимых ему людей и располагать деньгами без дозволения начальника города. Главными обязанностями варшавского организатора были: во-первых, формирование новых шаек из жителей города и отправление их в леса; во-вторых, заготовление и высылка в воеводства небольших всякого рода вспомогательных транспортов. Поэтому он заведовал всеми мастерскими.^а как-то^а: обуви, одежды, седел и проч.;^б заключал разные контракты и^б, наконец, по возможности, покупал оружие и амуницию в самой Варшаве, а иногда выписывал их из-за границы*. Какие были наши мастерские и сколько их, какие Лемпке делал покупки и сколько израсходовано им денег — этого всего я решительно не знаю. Помню только, что служба организатора исполнялась довольно хорошо, насколько позволяли обстоятельства, в которых мы находились. Нет сомнения, что если бы Лемпке при его деятельности и честности в денежных^в делах^{**в} имел более способности, а по крайней мере более образования, дела шли бы еще лучше; но отчасти вследствие таинственности действий, отчасти по другим причинам мы не только не были в состоянии заменить Лемпке другой, более соответственной личностью, но даже не раз должны были переносить его капризы. Равным образом я не могу сказать, сколько было сформировано в Варшаве отрядов и какого именно состава. Вообще они приносили весьма малую пользу восстанию, потому что обыкновенно были разбиваемы тотчас же после их отправления за город. Можно даже сказать, что это была только напрасная трата денег.

В виде эпизода, не лишённого некоторого интереса для правительства, я упомяну здесь о судьбе одного из таких отрядов, отправленного из Варшавы в апреле месяце 1863 г. Незадолго до русских праздников воскресения Христова содержащийся в цитадели штабс-капитан Домбровский донес нам, что он устроил формальный заговор между тюремщиками с намерением силой вырваться на свободу. Притом он намекал, что заговорщики найдут помощь в самом гарнизоне крепости и что для увеличения всеобщей суматохи в минуту действия пороховой магазин будет взорван. Домбровский доносил нам, что его намерение пробовать счастье непреклонное и что оно будет исполнено на второй день русских праздников, и потому просил нас не задерживать его никакими опровержениями и помочь ему. Он требовал: прислать ему револьвер, приготовить вблизи города маленький отряд, подводы, лодки, деньги, подробную карту Варшавской^г губернии и лежащих вдоль течения Вислы^г уездов Плоцкой губернии и указать ему путь, по которому было бы возможно беспрепятственно пробраться в глубину края с людьми, освобожденными из тюрьмы. Получив от^д Зенковича известие об

.....
* Это, конечно, были незначительные транспорты; они передавались по дороге в Варшаву в руки воеводских властей или же привозились, хотя весьма редко, в Варшаву и отправлялись отсюда в Плоцкую губернию или в Станиславовский уезд. Из значительнейших покупок оружия,^е совершенных при посредстве^е Лемпке, я помню^ж одну^ж в конце июня месяца,^з когда ему было^з выдано на сие 75 000 руб. серебром; с этими деньгами он отправил за границу Здзислава Янчевского и приказал ему купить оружие при содействии Люттихской^и комиссии; Янчевский при мне не доставил еще ни одной штуки^и.

** Это я^к говорю на основании^к рапортов, представляемых нам Пржибыльским, который говорил, что никто из его подчиненных не представлял ему столь подробных и точных счетов, как Лемпке.

^{а-аР} отсутствует ^{б-бР} к нему принадлежали разного рода покупки и контракты или прямо или при посредничестве поставленных лиц он ^{в-вР} интересах ^{г-гР} и прибрежных ^{дР} посредством ^{е-еР} посредством ^{ж-жР} что ему ^{з-зР} было ^{иР} льежской ^{к-кР} должен признать по словам

этом сумасбродном проекте, мы через этого же Зенковича отправили Домбровскому письменный ответ, в котором запрещали ему исполнить это намерение и не подвергать людей очевиднейшей, страшной гибели. Домбровский, однако же, был непреклонен; два дня спустя он уведомил нас, что если мы не подадим ему помощи, не подвергавшей никого ни малейшей опасности, то он и без этого исполнит свое намерение в ночь на второй день праздников. Люди, знавшие Домбровского, были убеждены, что «Локеток» настолько решителен, что его не удержат никакие препятствия. Мы тогда, хотя все еще уговаривали дерзкого авантюриста отказаться от этой мысли, но, однако же, послали ему револьвер и приказали заранее приготовить все прочее. Домбровский был столь любим в организации, что Зенкович и его сотрудники исполнили в точности все необходимое с радостью и быстротой. За город по Блонскому тракту был отправлен еще не вполне сформированный отряд под командой бывшего капитана русской службы Ремишевского. К счастью, отвага и дерзость оставили Домбровского в решительную минуту; невозможность разрушила фантазии: второй день праздников миновал спокойно, а заговорщики оставались в тюрьме. Однако же Ремишевский дорого заплатился за выдумку Домбровского. На другой или на третий день после отправления из Варшавы его шайки послан был по ее следам русский отряд. Ремишевский, хотя заранее узнал об этом, хотя люди его и их вооружение еще не были приведены в порядок, но, имея приказание держаться как можно ближе города, не двинулись в глубину Блонского округа, и принял битву под Бабицами. Ремишевский погиб, а с ним до 80 человек; шайка его была совершенно разбита и рассеяна.

г. В покупке оружия не произошло никакой перемены.^а По-прежнему посылались для сего за границу значительные суммы, и^а все дело шло по-прежнему беспорядочно. Покупкой занимались: Люттихская^б комиссия *, венско-галицийские подрядчики Квятковский и Петрашкевич, воеводские агенты и варшавский организатор.^в Кроме того, вновь были назначены для этой цели^в на место арестованного в Пруссии Рера сначала Казимир Шульц, а после его доктор Држевецкий и Лукашевский, доставлявший оружие для западных уездов Плоцкой губернии; все трое познанские жители. Мы тщательно старались централизовать все действия в руках Люттихской комиссии и военного департамента, но все наши усилия оставались бесплодными отчасти потому, что мы не были в состоянии располагать вдруг значительными суммами; отчасти по неспособности людей и по старой привычке действовать каждым на свою руку. Проклятая таинственность, мешавшая нам на всяком шагу, делала невозможным воспрепятствовать, например, тому, чтобы Лемпке не вверял столь важного дела, как покупка оружия, и столь значительной суммы как 75 тыс. руб. серебром, такому сумасшедшему шуту, каким был Янчевский.

О числе купленного оружия и о сумме, израсходованной на это, говорить не буду, потому что не могу представить ничего верного. Довольно сказать, что все деньги выдавались^г только на этот жизненный предмет^д и на формирование новых отрядов.

.....
* Она в мое время состояла из старого польского артиллериста Гоебского, эмигранта, из Гуттри, Дзялынского, Шолдерского и Льва Круликовского, бывшего нашим комиссаром.

^{а-а} Р Значительнейшие суммы посылались для сего за границу, и способы доставки оружия остались все те же ^б Р льежская ^{в-в} Р К ним прибыли еще ^г Р не на что иное, как ^д Р вопрос

Еще слово о купце Кремки, назначенном в июле месяце референтом военного департамента. Ему поручено было образовать комиссию вооружения в Варшаве, которой он сам был бы председателем, назначить необходимое число агентов, привести в порядок все существовавшие до того времени сношения по этому предмету и вообще устроить все дело покупки и транспортировки оружия на прочном основании. Хотя Кремки был купец, но выбор его был самый неудачный. Он не сумел решительно ничего сделать ^а для лучшего ^б устройства этой части и ^в не купил ни одного ружья ^г. Это до такой степени бесило нас, что мы приказали Качковскому удалить Кремки и назначить на его место более способного человека. Кто был назначен, этого я не знаю.

д. Небезынтересно будет упомянуть несколько слов ^о медицинской части ^г. До окончательного установления департаментов начальник города по востребованию военных начальников по мере возможности посылал в отряды лекарей, фельдшеров и маленькие походные аптеки и инструменты. Очень натурально, что в этом не было никакого порядка и неоднократно раненые лишены были необходимой помощи. Потом, с половины июня месяца, вся ^д медицинская часть ^е передана была особым уставом в руки «^ж медицинской ^з комиссии», состоявшей из трех членов и секретаря, и председатель которой, профессор Гирштофт, считался референтом военного департамента. Комиссия имела даже свою отдельную печать. После своего установления она весьма хорошо принялась за дело. Она назначила воеводских лекарей как надсмотрщиков за ходом всей службы во вверенной им территории; возложила на всех без исключения докторов и фельдшеров в Польше обязанность под опасением личной ответственности подавать помощь раненым по первому призыву начальника шайки или гражданских властей; выдала хорошие инструкции об устройстве во многих местностях каждого воеводства маленьких лазаретов; привела в порядок всю лекарскую службу в отрядах, пополнила недостатки, сделала значительный запас походных аптек и инструментов и имела под рукой всегда готовых к отправлению докторов и фельдшеров ^{*}. Притом комиссия от времени до времени посылала со своей стороны (с нашими полномочиями) доверенных людей для ревизии службы в разные стороны края. Одним словом, сделано было все, что только было возможно. Членов медицинской ^ж комиссии, за исключением названного выше Гирштофта, я в настоящее время уже не знаю, но помнится мне, что фамилии *Пржибыльского* (брата Вацлава) и доктора *Зоммера* неоднократно встречались как фамилии людей, действовавших от имени комиссии.

е. Мимоходом следует заметить о *топографических картах и бюллетенях*. В картах был всегда недостаток, потому что, с одной стороны, трудно было доставать их, а с другой, — наши начальники очень часто их теряли. Сколько помню, мы получили два экземпляра русских топографических карт из здешнего штаба ^{**} и, кажется, столько же из Петербурга от тамошних офицеров при посредничестве агента Огрызки. Кроме того, достались в наши руки подробные и хорошие карты Царства Польского,

^{*} Каждый доктор и фельдшер обязывался беспрекословно служить в отряде по первому приказанию.

^{**} ^з Продажа этих карт производилась до 1863 г. по распоряжению бывшего департамента генерального штаба ^з.

^{а-а} Р к лучшему ^{б-б} Р отсутствует ^в Р карабина ^{г-г} Р службе лекарской ^{д-д} Р лекарская служба восстания ^{е-е} Р лекарской ^ж Р лекарской ^{з-з} Р отсутствует

захваченные кем-то * в комиссии финансов, и некоторые экземпляры уездных карт, находившихся у бывших «корреспондентов» Агрономического общества. При таком недостатке нужно было пополнять его дорого стоявшими картами, составленными умершим польским генералом Хржановским и отчасти составленными Кольбергом, которые весьма дурны.

Говоря о картах, не могу умолчать об одном событии, находившемся в некоторой с ними связи: в конце мая месяца достались в наши руки *планы русских крепостей*; всех ли, этого не знаю, потому что я их не видал, но кажется мне, что только крепостей, лежащих в пределах бывшего польского государства. Они доставлены были военному департаменту, *если не ошибаюсь*, инженерным офицером, служившим в Брест-Литовске, Иосифом Калиновским. Мы отправили их за границу к Чарторыскому на сохранение ^а с приказанием сделать с них хорошие копии и вручить таковые ^а г. Друэну де Люис. Чарторыский донес нам, что исполнил данное ему приказание.

Бюллетени составлялись долгое время Гиллером, а потом, с июня месяца, одним из референтов военного департамента. Едва ли нужно говорить о том, что в них было множество лжи и преувеличений; однако же считаю долгом прибавить, что вина в этом не столько происходила от литературных фантазий Гиллера, сколько от ложных рапортов наших начальников.

ж. Для пополнения всего вышесказанного следовало бы еще сказать о проекте поголовного восстания после жатвы. Так как, однако же, проект этого не осуществился, а приготовления к этому не представляют ничего важного и несколько не интересны для правительства, то по сему я не распространяюсь об этом.

4. *Департамент внутренних дел* был установлен еще ^б при Кобылянском ^б и по уставу должен был состоять из директора, четырех референтов и двух секретарей. Директором был назначен судья варшавского гражданского трибунала, бывший адъюнкт-профессор С.-Петербургского университета Стослав Лагуна; референтами: архитектор Рафаил Краевский, Станислав Кржеминский, чиновник варшавского суда исправительной полиции Игнатий Косинский, Иосиф Наржимский и учитель Роман Жулинский **; секретарем (1-м) Ян Банземер. После второго переворота Кржеминский был приглашен в члены Народного Правительства, а его место занял, если не ошибаюсь, чиновник комиссии финансов Бронислав *Бржезинский*. Кроме этой перемены, произошли и некоторые другие в личном составе департамента во второй половине июля месяца; именно: Лагуна удалился сам, Наржимский был удален и Косинский назначен прокурором новоустановленного революционного трибунала; кто занял их места, я совершенно не помню, знаю только наверно, что нового директора департамента не было вовсе, а обязанности его до времени поручено было исполнять референту Краевскому. Мы желали иметь директором чиновника Равского окружного суда Франца Добровольского, и он был готов принять

.....
* Не дело ли это Вашковского?

** Жулинский, занимаясь по-прежнему только «народными почтами», не присутствовал в заседаниях департамента. Мне кажется даже, что он вовсе не ^в получал назначения ^в от Народного Правительства.

^{а-а} Р и приказали ему сделать хорошую копию, которую вручить ^{б-б} Р составом Кобылянского ^{в-в} Р имел номинации

предлагаемую ему должность, но требовал от нас постараться прежде о перемещении его на службу из Равы в Варшаву. Маевский хлопотал об этом, но результата его стараний еще не было до моего выезда в Вильно.

Предметы занятий административного департамента, как и всех прочих, распределялись на секции, которыми заведовали референты; а для того, чтобы не увеличивать напрасно числа референтов и не заводить излишней переписки, каждый из них заведовал не только одной или даже двумя секциями, но с тем вместе вел корреспонденцию с двумя воеводствами Царства Польского. Хотя члены маленького административного департамента были обременены трудами, но, несмотря на это, они действовали как нельзя лучше: это были наши образцовые сотрудники, вполне способные и весьма деятельные.

К числу важнейших действий департамента принадлежит составление нового административного устава и новых инструкций, определявших обязанности воеводских должностных лиц, о чем я говорил уже выше. После некоторых, с нашей стороны, поправок, мы утвердили устав и инструкции; однако же они были введены в исполнение только в августе месяце. Главными нововведениями этого последнего административного труда до моего выезда были: во-первых, обязанности воеводских гражданских властей и их отношения к военным были определены ясно и точно; во-вторых, число референтов уездного присутствия, было увеличено до пяти человек; в-третьих, число окружных было также увеличено соразмерно обширности ^атого или другого^а уезда, так что в каждом было не менее шести окружных начальников, ^бокружные снабжены были особыми печатями^б; наконец, в-четвертых, были установлены должности *начальников ^вприходов* и *деревенских старшин*, т. е. солтысов^в. Административный департамент хотел было еще упразднить^г вовсе должности воеводских гражданских начальников, чтобы самому непосредственно наблюдать за действиями уездных начальников. Нет никакого сомнения, что такая перемена была бы весьма основательной и благоразумной, однако же не в тайной заговорной системе, в которой нужно было избегать всякого увеличения переписок, курьеров и адресов; притом,^д упразднив должности воеводских начальников^д, нужно бы было иметь, ^екроме комиссара, еще особую^е центральную воеводскую власть, потому что всякий день приходилось^ж ожидать ареста кого-либо из уездных начальников. По этим-то причинам революционное правительство отвергло такой проект административного департамента, оставив по-прежнему комиссаров и гражданских начальников воеводств.

В личном составе главных воеводских учреждений^з долгое время не происходило никаких перемен, за исключением того, что вместо Големберского, приглашенного в члены Народного Правительства, назначен был гражданским начальником Краковского воеводства тамошний помещик Хвалибог. Потом, под конец июля месяца, четверо из начальников, а именно, плоцкий (Грабовский), калишский (Маевский), сандомирский (Александрович) и подляский (Краков) были почти в одно и то же время скомпрометированы, и их необходимо было заменить другими личностями. Однако же новые назначения до самого моего выезда из Варшавы еще

.....
а—а Р данного б—б Р они притом получили особенные печати в—в Р «парафий»
и старших, т. е. солтысов в деревнях г Р устранить д—д Р кроме комиссара
е—е Р другую ж Р можно было з Р должностных лиц

не последовали; по крайней мере ни одна фамилия из новоназначенных не была мне известна *. В составе комиссаров произошли в июле месяце следующие перемены: на место августовского комиссара Пётровского назначен был мой брат Артур Авейде, бывший до этого времени его помощником; на место мазовецкого комиссара Франковского, отправленного в Познань, был назначен его помощник Евгений Кеслер, служивший прежде в комиссии финансов. Кроме того, были назначены два новых комиссара: краковский и сандомирский, но фамилий их я не помню; один из них (сандомирский) был варшавский доктор.

Уездные начальники не были известны не только мне, но и вообще в Варшаве.

О революционных трибуналах в воеводствах и о жандармах в уездах скажу впоследствии.

5. *Финансовый департамент* состоял из следующих лиц: из директора, помещика Августовской губернии, управлявшего помещичьим торговым домом в Алексоте Дионисия Скаржинского; из референтов Рупрехта, чиновника здешнего банка Точиского, служившего в конторе банкира Френкеля Генриха Воля, и, кажется, чиновника банка Фомы *Ильницкого* и из секретаря (1-го), молодого человека из Берлинского университета Виктора Зоммера. До конца июля не произошло никаких перемен в этом составе, кроме того, что в это время Рупрехт был отправлен по разным делам за границу. Названные выше члены департамента ^абыли вообще ^алюди способные и ^бсоответствовавшие назначенной им роли, а душой всех действий был находчивый ^ви деятельный Воль. Директор Скаржинский, имевший обширные связи с богатейшими людьми ^гв крае, хотя ^гпервоначально (как и ^двсе белые) боялся своей революционной печати и переписки и тем неоднократно портил дело, но мало-помалу окружавшая его атмосфера сделала его хорошим директором *заговорного* департамента. Вообще следует заметить ^е, что только с тех пор, т. е. с половины июня месяца, *финансовые дела* революции были ведены несколько удовлетворительнее и в порядке.

Подробно говорить о действиях финансового департамента не буду, потому что для этого у меня недостает необходимых материалов; вместо того я по принятому в предыдущих главах порядку представлю некоторые важнейшие замечания о финансовых отношениях революции вообще.

а. Первым источником дохода были по-прежнему подати, с той лишь разницей, что этот источник стал исчерпываться: большая часть денег по декрету 8 апреля была уже собрана, и мы намеревались приготовить новый декрет, налагающий на бедный край новую подать **, что, однако же, до самого августа месяца еще не было исполнено. В кассу революционного правительства по-прежнему входили только деньги, собираемые в Варшаве.

.....
* Помню, что помещику Плоцкой губернии Карлу Зонненбергу была предлагаема должность начальника Плоцкого воеводства; но он ее не принял. На место Маевского был назначен один из его помощников, помещик, кажется, Карл *Любовидзский*; но он еще до получения назначения был арестован.

** Прошу заметить, что все издержки восстания ^збыли покрываемы средствами, доставленными лишь одним Царством Польским. Доход из Литвы, Руси и Познани был весьма незначительный, а потом совершенно прекратился; Галиция же более кричала, чем в самом деле давала денег.

^{а-а} Р вообще были ^б Р вполне ^в Р остроумный ^{г-г} Р правда ^д Р обыкновенно ^е Р признать ^{ж-ж} Р финансы ^з Р где бы то ни было

б. Вторым источником были деньги, захватываемые у^а законного правительства,^б в числе коих самая главная сумма была^б захваченная в главном казначействе. Однако же, как известно, мы могли пользоваться лишь несколькими миллионами злотых в кредитных (банковых) билетах и в золотой монете, прочие же, до 21 миллионов, вследствие переворота были потеряны. Мы отправили их за границу и надеялись, что наш комиссар Рупрехт при помощи Чарторыского и наших французских и английских друзей успеет разменять их, но эти надежды не осуществились. Для того (как и вообще для всех денежных оборотов) необходимо было или заграничное признание революции воюющей стороной, или внутренняя самостоятельная сила, которая опиралась бы на значительные армии и победы, а не на трусливые шайки и стычки в лесах. Кроме этой главной суммы, было еще захвачено в Варшаве, кажется, в июне месяце 45 тыс. руб. серебром в здешнем почтамте чиновником *Рутковским*^{в* 1}. В воеводствах начальники шаек захватывали довольно значительные суммы, в особенности из соляных магазинов (продавая соль с публичного торга) и из таможенных казначейств. Однако же эти деньги, с^г малыми исключениями, оставались в распоряжении военных и гражданских воеводских властей и не были присылаемы в Варшаву.^д С глубочайшим прискорбием^е я должен^е сказать, что не было даже никакого контроля суммам, захваченным в воеводствах, и поэтому нельзя^ж утверждать, что^ж в этих случаях не было злоупотреблений. Я должен сказать это тем более, что один из начальников, Савицкий, командовавший отдельной шайкой в Ленчицком уезде, по произведенному следствию был уличен в покраже захваченных денег и осужден на смерть^{**}.

.....

* Это были частные деньги, принадлежавшие банкиру Френкелю и отправляемые в С.-Петербург. Рутковский (или, быть может, Ревковский) взял их без всякого с чьей бы то ни было стороны приказа и передал Карловичу. Получив еще не распечатанный пакет^з с этой суммой^з, я приказал Карловичу тотчас возвратить его через^и Рутковского же назад как собственность частного лица, однако уже было поздно; почтовые книги были отправлены в Петербург, и Карлович отдал мне вторично деньги Френкеля.

** Не хочу понапрасну распространяться над подробностями, но Савицкий заслужил смерть не только как вор, но и как настоящий разбойник. Он просто разбивал и грабил спокойных людей, вешал без малейшего повода, в особенности немцев, сек публично чиновников в Лодзи, тоже без всякого повода и т. п. Никто, однако же, не поверит, что нелегко было «с и л ь н о м у» Народному Правительству наказать смертью такого негодяя. Собошники злодеяний, люди, принадлежавшие к его шайке, защищали своего начальника и не хотели выдать его; нужно было вести с ними формальный бой. Савицкий, разбитый и оставленный всеми, скрывался еще некоторое время от преследований воеводского начальника Калье, и только потом, как я читал в газете, был схвачен и повешен около Згержа. Этот уродливый^к случай служит примером^л того, как трудно было водворить дисциплину^л среди вооруженных сил революции

^а Р от ^{б-б} Р Самую главную сумму составляла ^в Р бежавшим после этого из Варшавы ^г Р весьма ^д Р Даже общий итог этих денег не был нам известен, и здесь я должен^е опять ^{ж-ж} опровергать, чтобы ^{з-з} Р отсутствует ^и Р посредством ^к Р и, к счастью, исключительный ^{л-л} Р как неизмеримо трудна была дисциплина

¹ В список, составленный Авейде и приложенный к докладу Розвадовского Берегу от 17 (29) апреля 1865 г. за № 5181, включены следующие лица, не названные Авейде в его прежних показаниях: Кишиневский, Мирецкий, Войцеховский, Левандовский, Антон Розманит, Кремки, Гиштофт, Вольский, Пишибельский (Кароль), Зоммер, Юзеф Калиновский, Бжезинский, Любовицкий, Ильницкий, Рутковский или Ревковский. В примечании к списку говорится:

«Станислав Кржеминский, — указан Авейде в его дополнительном показании, данном в первых числах февраля 1865 г. в здешней Временной военно-следственной ко-

в. Третьим источником дохода был заем в 21 миллион злотых. Об этом займе следует поговорить подробнее. После падения диктатуры Лянге-вича появились^а разные финансовые проекты, о которых упомянуто в предыдущей главе, а между прочим проект народного (внутреннего) займа и проект революционных банковских билетов. Я всеми силами настаивал принять оба последние; однако же мои товарищи сочли их преждевременными и невозможными. Вместо того они хлопотали сделать заем за границей при помощи Чарторыского, ирландца Генеси и др. Очень натурально, эти старания не повели к желаемому результату; дружба дружбой осталась, но давать деньги бедному, оборванному, скрывавшемуся в лесах партизану никто не хотел. Наконец, во второй половине мая месяца недостаток средств принудил революционное правительство рискнуть^б учредить свой внутренний заем. Тогда было поставлено в виде пробы ограничить сумму займа до 21 миллиона злотых, собирать его во всех провинциях бывшей Польши^в и сделать обязательным для богатейших людей края (przymusowa pożyczka). Вместе с тем было постановлено, в случае если предположенный заем окажется удобоисполнимым^в, увеличить его^г до 40 миллионов, сделать^д добровольным и собирать со всех, даже^е беднейших жителей края. Переговоры помешали безотлагательному исполнению принятого проекта и отсрочили его на несколько недель, так что департамент Скаржинского успел учредить заем только в июле месяце. Описывать всех по этому поводу приготовлений и действий не буду, потому что их с точностью не помню; довольно сказать, что Скаржинский встречал величайшие затруднения при осуществлении этой нигде доселе невиданной и неслыханной мысли. Он образовал две комиссии народного долга: одну за границей, состоящую из Чарторыского, Галензовского и Орденги, а другую тайную, в Варшаве, которой члены мне не известны. * Выданы были^ж двойные облигации: одни временные, сделанные в Варшаве, без подписей и вообще без фамилий; другие же^з, сделанные за границей, с подписями и с^и обозначением фамилий^{и*}. Контроль^к всей операции^к был невероятно трудный; все должно было производиться в совершеннейшей тайне (чтобы фамилии и облигации не достались в руки законной полиции); а между тем было необходимо вести двойные книги: в Варшаве и за грани-цей, и при том все с точностью и в порядке, каких требуют денежные, да и притом столь важные дела. Однако же маленький департамент Скаржинского при хорошем расположении капиталистов в непродолжительное время переломил все препятствия и затруднения. Ни одна фамилия, ни одна облигация не досталась в руки законного правительства, книги были в порядке, заем учрежден, и — самое важное — в конце июля, еще

.....
 чиссии. *Войцеховский*, — кажется, бежал за границу. *Антон Розманит* — сослан в Сибирь. *Доктор Пржибыльский* — выслан в Империю. *Иосиф Калиновский* — сослан в Сибирь. *Любовицкий* — содержался в здешней цитадели летом 1863 г. и был отправлен на жительство в Россию; в настоящее время возвращен и находится на месте постоянного его жительства. *Ильницкий* — сослан в Сибирь. *Рутковский* или *Ревковский* — бежал за границу. О прочих неизвестно» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, лл. 321—322).

* Вторые должны были впоследствии заменить первые

^аР на столе ^бР и ^в—^в только между богатейшими людьми и в качестве займа принужденного (przymusowej pożyczki). Если же риск окажется удобоисполнимым в продолжение краткого времени, тогда было поставлено ^гР заем ^дР его ^еР хотя бы ^ж—^жР Точно так же нужно было употреблять ^зР *отсутствует* ^и—^и именными обозначениями ^к—^кР всего оборота

до моего выезда в Вильно, мы имели уже один миллион рублей серебром собранных по займу денег.

Заем, как сказано, был обязательный^а; это значит, что никто из богатейших людей края не мог никаким образом отказаться от покупки наших облигаций, да и то в таком количестве, какое было постановлено финансовым департаментом. Поэтому заранее были составлены списки лиц, подлежащих займу, с обозначением суммы покупаемых каждым облигаций, соразмерно его имуществу. Для того, чтобы избегнуть необходимости прибегать к чрезвычайным средствам в случае отказа, острым и ловкий Воль придумал в самом деле превосходный способ. По его проекту издан был декрет, *запрещавший* под угрозой личной ответственности *должникам* лиц, отказавшихся купить назначенное количество заемных облигаций, платить следуемые^б сим последним^б долги; адвокатам же и судам запрещалось, тоже под угрозой личной ответственности, начинать иски или судить их по желанию таких *«преступных»* кредиторов. При тогдашних обстоятельствах восстания, нет никакого сомнения, что должники^в весьма охотно исполняли бы этот наложенный на них «гражданский долг». Считаю, однако же, нужным прибавить, что не было *ни одного случая*, в котором нужно бы было применить этот декрет, так что мы его даже не объявили публично; он только был отпечатан, и покупатели облигаций знали об нем и иногда, хотя редко, секретно читали. Люди вообще давали деньги без малейшего противоречия^г, хотя белый Скаржинский нисколько не щадил своих бывших собратьев. Я помню, что он назначал такие высокие цифры, как, например, банкиру Кроненбергу 75 тыс. руб. серебром, ординату Замоискому 150 тыс. руб. серебром.

О дальнейших последствиях займа мне уже не известно, ^дно судя по тому^д, что дополнительный декрет революционного правительства увеличил сумму займа до 40 миллионов злотых, предполагаю, что первоначально назначенная^е сумма была собрана сполна.

Наконец, прибавлю, что жители Литвы и Руси не купили ни одной облигации.

г. Финансовый департамент хотел открыть еще четвертый источник дохода, * а именно *, постановлено было в июле месяце заготовить за границей революционные банковые билеты на сумму в 50 миллионов злотых; однако же об этом как о проекте, неосуществившемся по неизвестным мне причинам, я не буду распространяться. По проекту новые билеты мало-помалу должны были исключить из оборота русские бумажные деньги, и все жители края обязывались принимать их. Для того, чтобы скорее поощрить их курс, постановлено было в то же время отчеканить за границей революционную монету, в особенности мелкую, на два миллиона злотых. Это важное дело поручено было Рупрехту.

д. Наконец, следует заметить, что счета и контроль денег, израсходованных в Варшаве, были под дирекцией Скаржинского в превосходном порядке. Департамент обратил свое внимание и на обороты финансов в воеводствах, издал новые хорошие инструкции и мало-помалу разъяснял хаос, который породили прежние ошибки и упущения. Привел ли Скаржинский в окончательный порядок воеводские финансы, этого я уже

.....
^а Р принужденный ^{б-б} Р отсутствует ^в Р отказавшись в займе ^г Р опровержения
^{д-д} Р читая только в газетах ^е Р постановленная ^{ж-ж} Р отсутствует

не знаю; при мне еще не было в этом отношении вполне удовлетворительного результата¹.

6. *Департамент прессы.* Директором его был назначен бывший член Народного Правительства Эдуард Сивинский, которому поручено было избрать референтов и секретарей и привести в порядок, или вернее, создать несуществовавший до того вовсе порядок по этой части. Сивинский, хотя бесспорно принадлежал к лучшим нашим литераторам и более образованным деятелям минувшей революции, однако же не успел или не сумел выполнить как следует данного ему поручения. Департамента своего не устроил и не водворил столь желаемого порядка. Он имел обширные личные связи со здешними литераторами, которые иногда ему помогли, но департамента как следует не образовал и не назначил *обязательных* референтов и секретарей в том числе, как требовалось уставом. Хотя я, будучи в дружбе с Сивинским, находился с ним в весьма близких сношениях, но из числа получивших назначения сотрудников его знаю только следующих: Иосифа Вагнера, директора типографий, *Радоминского*, кажется, бывшего прежде чиновником дипломатической канцелярии наместника, и молодого человека Богуславского.

О революционной прессе до сего времени почти ничего еще не сказано мною, и потому здесь я приведу о ней несколько замечаний.

а. До установления департаментов революционное правительство не обращало почти никакого внимания на прессу, и поэтому не было в этой отрасли ни малейшего порядка. Члены революционного правительства, сперва Гиллер, потом Сивинский, заведовали прессой, но заведовали только номинально. Печатанием разных организационных подпольных произведений занимались: сперва Верницкий, потом, со второй половины апреля месяца, Иосиф Вагнер; но неоднократно случалось, что они печатались и другими членами городской организации. Рассылка всего отпечатанного, по требованиям формы, составляла обязанность мою и моих помощников: на деле, однако же, рассылка производилась как было возможно и кем было удобнее: обыкновенно издаваемые листки и декреты передавались курьерам, привозившим рапорты в Варшаву. Наконец, помещение типографий и надзор за их неприкосновенностью, равно как доставление наборщиков и прислуги, было возложено на начальника города, вследствие чего подпольная пресса была в полной зависимости от городской организации. С установлением департаментов введено было в печати более порядка, хотя только наружного. Вся редакционная и административная часть исключительно принадлежала департаменту прессы; типографии и печатание — исключительно директору типографии *; рассылка же отпечатанного относилась к статс-секретариату. Вагнер с тех пор не имел права печатать что-либо без письменного разрешения статс-секретаря или без приказа директора департамента прессы. Заботы о помещении и неприкосновенности типографий, равно как и их прислуги, лежали с тех пор, как сказано, на обязанности самого Вагнера **; только в чрезвычайных случаях, когда он не был в состоянии удовлетворить встречавшимся

.....

* Только одна маленькая типография и одна литография находились в ведении начальника города для его дневных приказов и организационно-городских распоряжений.

** Сколько было всех наших печатных станков и литографий, этого наверно я сказать не могу; предполагаю, однако же, что первых не было более шести, а вторых — четыре.

¹ *Здесь обрывается текст 33-й тетради рукописной копии «Записок» Авейде.*

потребностям собственными средствами, ему помогал *по востребованию* начальник города, в особенности посредством полиции и жандармов. Конечно, на деле не всегда было возможно в точности исполнять требования устава, но все-таки порядок был лучше прежнего.

б. Из издаваемых в Варшаве во время восстания подпольных листов долгое время только один «Рух», издание которого началось еще до мятежа, находился под надзором и контролем революционного правительства, члены которого сами занимались его редакцией. В редакции «Руха» последовала та перемена, что в нем помещались только декреты, прокламации, объявления и прочие документы, издававшиеся Народным Правительством; и затем никаких литературно-политических статей в нем уже вовсе не помещалось. Одним словом, это был род небольшого сборника революционно-правительственных актов. Впоследствии, и именно в апреле месяце, мы хотели сделать нашим органом издаваемый тогда «Народный дневник» («Dziennik Narodowy»), но редактор его вдался в ребячество и фарсы, и поэтому мы скоро отказались от него. Наконец, в половине июня месяца, мы поручили Сивинскому издавать в качестве нашего полуофициального журнала новый листок «Независимость» («Niepodległość»); редакцией его занимался сам департамент прессы, и поэтому он находился под нашим надзором. Все прочие листки, которые появлялись в Варшаве во время революции, издавались без всякого со стороны организационных властей контроля; они печатались и рассылались их редакторами без нашего ведома. Исчислить их всех я не могу, потому что о некоторых я даже не знал и не читал их вовсе; из числа же оставшихся у меня в памяти были издаваемые в Варшаве в мое время: «Народный дневник» («Dziennik Narodowy»), «Правда» («Prawda»), «Духовный колокол» («Dzwon Duchowny»), «Польша» («Polska») и старая «Стражница» («Strażnica»). Из редакторов их мне известны только: Владислав Генель — редактор «Народного дневника» и сотрудник редакции «Польской газеты», и Владислав *Сабовский* — редактор «Правды»; о других же я даже не слышал. Все подпольные листки печатались или в наших типографиях (и то только до установления департаментов), или в тайных типографиях, составлявших частную, не организационную собственность, или же, как предполагаю, в официально дозволенных типографиях в Варшаве. При неурядице, господствовавшей в организации, при свободе, которой мы пользовались, несмотря на преследования со стороны законного правительства, все было возможно. В июне месяце мы поручили было Сивинскому подвести под контроль департамента прессы все издаваемые в Варшаве листки, потому именно, что в народе существовало убеждение, будто бы эти листки издаются с нашего ведома и нашими агентами. Сивинский представлял об этом разные проекты: советовал издать устав прессы, которому все должны были бы подчиняться, и просто запретить неспособным редакторам марать бумагу; но все его проекты и старания не повели ни к какому результату. Ни уставов, ни запрещений никто бы не послушался; напрягать же особенные усилия для того, чтобы непременно привести в исполнение придумываемые Сивинским меры, не стоило труда по маловажности предмета. Поэтому мы сочли лучшим дозволить всем марать бумагу сколько кому угодно, и объявили только, что не берем на себя никакой ответственности за листки, издаваемые без нашего контроля.

Почти каждое воеводство по-прежнему имело свою тайную типографию, в которой печатались распоряжения местных властей или же перепеча-

тивались варшавские. Особых журналов воеводства не издавали. Отделение Литвы и Руси издавали свои революционные листки; первое: «Хоругвь свободы» («Chorągiew Swobody»), второе «Борьба» («Walka»).

в. *О корреспонденциях в заграничные газеты* до самого конца июня месяца мы, т. е. Народное Правительство, даже еще и не думали. Могу уверить, что во все это время ни одна корреспонденция не была послана от революционного правительства или же от его агентов ни в редакции польских, ни в редакции французских или других заграничных журналов. Правда, Гиллер посылал постоянные корреспонденции в редакцию краковского «Часа»*, но только потому, что он был всегдашним его сотрудником, а нисколько не в качестве революционного агента. Рождается весьма натуральный вопрос: как объяснить это бесчисленное множество разных известий и «новостей из Варшавы», какие появлялись в особенности в «Часе» и во французских журналах? По моему мнению, этот вопрос объясняется самым простым способом, т. е. обыкновенным журнальным фокусом: варшавские корреспонденции составлялись в конторах местных редакций, потому что дело польской революции было в свое время интересным. К этому главному объяснению загадочного происхождения варшавских корреспонденций следует присовокупить еще другие второстепенные. А именно: польские газеты и, быть может, немецко-силезские имели в Варшаве своих постоянных корреспондентов, от нас нисколько не зависевших и нам вовсе не известных; для французского же общества и отчасти английского «новости из Варшавы» составлялись нашим агентом корреспондентом Козьмяном в Кракове и редакционным комитетом Чарторьского в Париже, с которым Козьмян находился в постоянных сношениях. Считаю, однако же, нужным прибавить, что авторы новостей не получали от нас никаких сведений и никаких данных для составляемых ими статей. Только иногда, и то весьма редко, посылались Козьмяну или Чарторьскому указания, в каком духе они должны разглашать свои новости и на что следует в них обращать более внимания.

Говоря об этом, я вовсе не хочу хвалить революционное правительство за его равнодушие к тому, что писали и лгали** на его счет другие, напротив, по-моему, это было одной из наших оплошностей и ошибок.

Чтобы поправить такое положение, поручено было в конце июня Сивинскому установить несколько постоянных корреспондентов и войти в прямые сношения с некоторыми заграничными редакциями. По

* Выдумка, что восстание было только кровавой протестацией вынужденной рекрутским набором, а нисколько не приготавливалось заранее, принадлежит Гиллеру. Когда впоследствии эта выдумка привилась к общественному мнению Западной Европы, самостоятельный корреспондент «Часа» гордился ею, как бы открытием новой Америки.

** Преувеличения и просто выдумки и ложь «Часа» превосходили в самом деле иногда всякое понятие. Я помню один случай, в котором красноречивый «Час» обманул даже нас, хотя мы знали достоинство его правды. Именно: раз, кажется, в мае или июне месяце мы не получали некоторое время никакого рапорта из Краковского воеводства. Желая, однако же, сообщить обществу, жаждущему новостей, какое-нибудь известие о тамошних военных действиях, мы приказали отпечатать из «Часа» маленькое уведомление о победе тамошнего военного начальника над генералом Ченгери. Мы позволили себе сделать этот подлог, потому что «Час» со всеми подробностями описывал победоносное для нас сражение: представил расположение наших и русских сил, постепенный ход битвы и, наконец, ранил генерала Ченгери и набрал много пленных. Хотя из предосторожности мы сделали только краткое, в общих словах, извлечение из «Часа», однако же, по полученным вскоре затем рапортам, оказалось, что в описываемой красноречивым журналистом местности никогда не было не только победы, но даже ни малейшей стычки.

удивительной, однако же, неспособности Сивинского в деле заведывания прессой, он до самого моего выезда из Варшавы не сумел выполнить данного ему поручения. По крайней мере я не знаю ни одного из вновь назначенных корреспондентов, и мне известно, что Сивинский из числа заграничных редакций завел сношения только с редакцией берлинской «National-Zeitung», которая охотно согласилась помещать присылаемые статьи без денежного за то вознаграждения. Таким образом, вся корреспонденционная часть департамента прессы до самого августа месяца находилась в самом жалком состоянии.

Встречая прежде в газетах намеки, будто бы мы тратили миллионы на покупку иностранной журналистики, я обязываюсь разъяснить, что в мое время мы не послали из Варшавы *ни копейки ни одному* редактору заграничных газет *. Вообще за пределами Варшавы мы израсходовали на прессу весьма незначительные деньги, только на издержки нашего агента-корреспондента Козьяна. Давал ли что-нибудь Чарторьский, кому именно и сколько, этого я не знаю. Нет сомнения, что литературно-политические его усилия были сопряжены с издержками; но во всяком случае, издержки эти должны быть незначительны. Говорю это потому, что в распоряжении Чарторьского находилась только часть денег, собираемых во Франции, соответственно штату, установленному для парижской агентуры. Таким образом, если Чарторьский, как говорят, купил какого-нибудь парижского журналиста и израсходовал на это какую-либо значительную сумму, так это было не на наши и не на организационные, а на его собственные деньги, и мы не имели никаких сведений о подобной сделке. Во всяком случае, повторяю еще раз, Народное Правительство не посылало из Варшавы ни гроша ни одному редактору заграничных газет.

7. *Заграничный департамент.* Директором его был назначен во второй половине июня месяца любимый и уважаемый всеми секретарь Варшавского городского совета Генрих Краевский. Кроме него, в департаменте состоял еще в качестве 1-го секретаря старый сибиряк Гервазий Гзовский. Все старания наши о том, чтобы Краевский пополнил свой маленький департамент несколькими молодыми референтами, были напрасны; приняв должность директора только по усиленному настоянию его друга Гиллера, он ни за что не хотел входить в сношения ни с кем другим, кроме Гзовского, обязываясь вдвоем исполнять все налагаемые на департамент обязанности. Таким образом, вся революционная дипломатика находилась в руках двух названных личностей, а также члена Народного Правительства Големберского и одного переписчика, подчиненного Гзовскому.

Одним из первых действий заграничного департамента было пополнение состава революционных дипломатических агентов, большей частью по рекомендациям Владислава Чарторьского. Итак, в Швеции был назначен двоюродный брат Чарторьского австрийский подданный кн. Константин Чарторьский, в Австрии гр. Лев Скорупка, бывший членом Отделения Западной Галиции**, в Турции, кажется, турецкий бей (во вре-

* Я надеюсь, что правительство не заподозрит меня в неоткровенности; рассказывая добросовестно историю моих ближайших друзей, я не имел бы никакого интереса скрывать фамилию какого-нибудь заграничного негодая.

** Мы хотели назначить нашим агентом в Вене кн. Льва Сапегу (отца Адама, председателя галицийского сейма) как человека, имеющего обширные связи с австрийским правитель-

мена Крымской войны) эмигрант Владислав Иордан (брат бывшего краковского военного начальника), в Молдавии доктор прав эмигрант Глюк. Кроме того, Владислав Чарторыйский представил на должность агента в Лондоне эмигранта старого польского генерала гр. Владислава Замойского, и в должность агента в Турине, кажется, здешнего помещика Рыщевского, но мы их не утвердили как людей, не пользующихся доброй славой в общественном мнении, и поручили Чарторыйскому до времени самому исполнять обязанности туринского и лондонского агентов.

Кроме дипломатических агентов, мы постановили в июле месяце учредить еще их секретарей, назначаемых тоже революционным правительством. Главной мыслью этого постановления было: во-первых, распределить занятия заграничных агентур и передать секретарям сношения с обществами тех государств, в коих они находились, а в особенности с разнородными внутренними оппозициями и революционерами; во-вторых, иметь в лице секретарей своих доверенных людей и тайных надсмотрщиков над действиями самих агентов, которые как неревolucionеры всегда были заподозреваемы в излишней добросовестности и откровенности. По недостатку кандидатов на эти новые, важные, требующие многих условий должности до моего выезда в Вильно были назначены только два секретаря, именно: Гиллер секретарем Скорупки в Вене и некто Оскульский, кандидат прав Московского университета, секретарем Константина Чарторыйского в Стокгольме.

Я наметнул выше о денежном штате всей нашей заграничной службы, представленном Чарторыйским. Это был ежемесячный штат, по которому вся сумма, израсходованная на издержки агентов, составляла, если не ошибаюсь, 16 тыс. франков в месяц. Как ни малозначительны были наши дипломатические революционные усилия, все-таки нельзя не признать эту сумму весьма скромной и ограниченной. Это объясняется тем, что агенты были вообще люди, по большей части принимавшие все издержки на собственные свои средства; в особенности следует упомянуть здесь о Владиславе Чарторыйском, который не щадил своего кармана и жертвовал многим*.

Сношения заграничного департамента с дипломатическими агентами производились только при посредничестве парижского агента, который руководил ими соответственно получаемым из Варшавы инструкциям и приказаниям и по собственным соображениям. Поэтому он назывался *уполномоченным агентом*. Таким образом, только его рапорты были посылаемы революционному правительству; рапорты же других агентов только иногда прилагались для объяснения. Точно так же приказания департамента посылались только уполномоченному агенту; другим же только в особенных случаях. Сношения с Чарторыйским производились или посредством особых курьеров, или иногда посредством телеграфических

.....
ством и пользующегося его доверием; однако же Сапега не согласился принять на себя такой определительной роли и обязался лишь тайно помогать во всем Скорупке.

* Теперь разные революционные шуты кричат и бранят Чарторыйского в эмиграционных журналах и делают его чуть ли не изменником отечества. Между тем, по моему мнению, думаю, по мнению всех беспристрастных людей, Чарторыйский вел себя относительно революции честно, благородно, достойно. Он не гигант и, напротив, человек довольно ограниченных способностей, не лишенный разных наследственных смешных недостатков, но, действуя по убеждениям, он делал все, что было в его силах, и всегда как честный человек, без затаенных мыслей и претензий. Не его вина в том, что к нам на помощь «н е п р и ш л и ф р а н ц ы».

депеш, при помощи двух условленных ключей: одного — доставшегося нам после белых, другого — нового, составленного Чарторыским. Бывали, однако же, случаи, хотя впрочем весьма редкие, что пересылке корреспонденций между нами и парижским агентом помогали французские курьеры, привозившие депеши своего правительства к варшавскому консулу. В таких случаях французский курьер передавал рапорты Чарторыского и получал на них ответы через гр. Владислава Замойского*.

Начертав вкратце внешнюю сторону заграничной революционной службы, следовало бы сказать далее и о действиях. Это, однако же, ставит меня в затруднительное положение, потому что, где не существуют факты, хоть сколько-нибудь достойные особенных замечаний, там в сущности не о чем распространяться. Поэтому, говоря вкратце, усилия наших агентов были, с одной стороны, устремлены на то, чтобы путем прессы, митингов, личных сношений и другими средствами распространить влияние на общественное мнение народов и на его правительства; с другой стороны, они заключались в просьбах и представлениях, делаемых самым правительствам, и в истолкованиях всех действий и вообще политики русского государства в пользу революции. Общим результатом этих усилий было то, что, с одной стороны, общественное мнение Западной Европы склонялось на нашу сторону, а с другой, — ее правительства благосклонно принимали наших агентов (зная их революционно-официальный характер), вели на бумаге войну с Россией и делали нам неопределенные, никогда ни к чему их не обязывавшие обещания. Этим все и кончилось. Для пополнения характеристики нашей дипломатики прибавлю, что Народное Правительство более всего хлопотало о признании революции воюющей стороной, потому что это, быть может, поддержало бы ее. Не говоря о других выгодах для революции от этого признания, понятных само собой, мы, получив его, успели бы сделать заграничный заем и имели бы возможность дешево покупать оружие и несравненно удобнее и скорее перевозить его во внутрь края.

Говоря о заграничных наших усилиях, быть может, не излишне будет упомянуть об одном обстоятельстве, объясняющем последующие события. В начале июля месяца Чарторыский представил нам через нарочно для того высланный из Парижа в Краков Льва Круликовского весьма наивный и смешной проект так называемого народного флота, а именно, он советовал нам *весьма серьезно* купить и вооружить один или несколько кораблей и дать им народный флаг**. Этот новый фокус должен был принести

.....

* Я не упомянул бы об этом последнем способе сношений наших с Парижем, если бы один из таких случаев вследствие особенных обстоятельств не остался у меня в памяти. В мае или июне месяце 1863 г. такой двойной курьер чуть-чуть не подвергся по ошибке ревизии законной полиции. Именно накануне выезда его из Варшавы, когда он получил уже ответы и наши, и консула, приказано было сделать тщательную ревизию во всех номерах Европейской гостиницы, где проживал и курьер. Полиция по очереди пришла в номер курьера и бесцеремонно хотела приступить к осмотру его вещей и бумаг. Настигнутый врасплох, он объявил, что не дозволит произвести у себя обыска и, говорят, грозил смертью. К счастью его, полиция испрашивала по этому поводу приказаний от своего начальства, и было приказано его не обыскивать. Мы тогда думали, что г. Велепольский или кто другой догадывался в чем дело и что полиция получила приказание нарочно сделать ошибку и обыскать подозрительного курьера.

** Это поручение дано было Чарторыским под особенным секретом Круликовскому как человеку, пользовавшемуся нашим доверием. Круликовский, перед тем скомпрометированный, не хотел с *такой малозначительной* тайной ехать в Варшаву и просил прислать к

нам, по мнению парижского агента, столь желаемое признание нас воюющей стороной. Говорили, что по букве морских законов, если флаг ново-рождающегося государства появится на море и выгрузит на свой берег какой-либо груз (не знаю, один раз или же более), в таком случае такой флаг признается другими государствами. На сем основании, по мнению Чарторьского, появление на море нашего народного флага будет служить прекрасным внешним поводом для западных государств, чтобы признать нас на основании международных морских законов воюющей стороной. Присылая нам этот сумасбродный проект, Чарторьский объявил, что он говорил о нем с г. Друэн де Люис и что тот признал его благоразумным, и что инициатива этого проекта происходила от самого французского министра. Народное Правительство, получив через Пеньковского проект такого спасительного флота, не приняло его столь серьезно, как он был представлен. Мы просто отказали Чарторьскому, объявив, что нам недостает денег не только на сооружение флотов, но даже на покупку оружия и на формирование партизанов. Впоследствии жалкая пародия такого флота состоялась на самом деле, под командой французского авантюриста Маньяна (Magnan). Хотя я в это время уже был арестован, однако же, хорошо зная составные элементы революционной организации, зная возможность средств, предполагаю, что эта пародия состоялась не на деньги, доставленные из Польши, а на собственные деньги Чарторьского и друзей его во Франции. Это последнее обстоятельство убеждает меня в том, что если г. Друэн де Люис и не был творцом маньяновского флота, то во всяком случае несомненно, что он был устроен с его ведома и по его согласию. Чарторьский, слепой поклонник дипломатики императора Наполеона и его министров, не сделал бы ни одного шага без согласия г. Друэн де Люиса и не истратил бы без него ни одного гроша. Я не могу понять, как могло совместиться такое сумасшествие в серьезном, здравом, практичном уме французского министра.

Сказав обо всем, что только стоило внимания, из революционной заграничной нашей деятельности, я должен заметить еще, что она принадлежит тоже к числу бесчисленных ошибок Народного Правительства. Оно, можно сказать, до самого июля месяца не обращало никакого внимания на дипломатические заботы, и их, быть может, не было бы вовсе, если бы Чарторьский постоянно не напоминал о их необходимости. Я знаю, что дипломатика в руках людей, не имеющих в своем распоряжении сильных армий и внутреннего могущества, дело потерянное: но все-таки, раз вступив на эту дорогу, следовало вести дело усерднее, внимательнее и благоразумнее; тем более, что Европа вмешалась в наши дела без нашей инициативы, несмотря на нашу слабость, и признала польский вопрос своим вопросом.

8. *Департамент провинций.* При установлении департаментов его не было вовсе, и только в июле месяце постановлено было образовать его. Между тем дела провинций находились в моем заведовании, и я сам играл роль директора неустроенного департамента. Помощниками моими были: секретари Литвы и Руси, Вацлав Пржибыльский и Мариан Добецкий, Гиллер (до назначения его секретарем Скорупки) и молодой галицийский помещик, присланный из Кракова, гр. *Козебродский*. Кроме того, я

.....

нему в Краков тоже особенно доверенного человека для принятия рапортов и объяснений. Мы послали к нему учителя Адольфа *Пеньковского*.

поручил нашим комиссарам в Галиции и Познани прислать в Варшаву двух или трех других лиц, хорошо ознакомленных с положением провинциальных дел, но я их не дождался *. Поэтому мой департамент не был еще окончательно сформирован. Заведование мое литовскими и русскими революционными делами было более номинальное, чем действительное, потому, что ими, в сущности, заведовали сами уполномоченные агенты от этих двух провинций, переименованные в секретарей. Секретари Литвы и Руси по новому порядку перестали быть уполномоченными агентами, зависевшими от соответственных Отделений, и с тех пор исключительно зависели от Народного Правительства; по сравнению же с существовавшими в Варшаве революционными органами они стояли наравне с департаментами, с той разницей, что являлись в наши заседания с рапортами и с представлениями, касающимися провинциальных дел, и тут же получали необходимые решения и приказания. Таким образом, я имел только ближайший контроль и надзор за действиями секретарей и заступал для них место Народного Правительства в том случае, если они по каким-либо поводам не могли приходить в заседания. Секретари Литвы и Руси должны были иметь своих помощников, но на деле имел их только Пржибыльский, и то лишь потому, что он, исполняя в то же время трудные обязанности начальника города, был весьма обременен занятиями. Из его помощников я помню фамилии профессора Главной школы доктора *Дыбовского* и доктора *Моравского*.

Здесь скажу несколько слов о положении революции в провинциях во время описываемого периода.

а. В *Литве* дела с каждым днем ухудшались и быстро клонились к совершеннейшему упадку. *Гражданская служба* находилась в несчастнейшем состоянии; дряхлая литовская организация не могла устоять против первого напора прavitельственной угрозы, которая там разразилась уже в конце мая. В *воеводствах* постоянные аресты вырывали действующих людей одного за другим так быстро, что при таинственности действий и при известных уже недостатках литовской администрации нельзя было успевать замещать другими личностями остававшиеся после ареста вакантные должности. Целый ряд обширных уездов и округов оставался без начальников; не везде даже существовали начальники воеводств и комиссары. О жандармах, о помещицъей почте, приносивших у нас столько услуг восстанию, в Литве не было и помину. В *городе* Вильне, хотя деятельный Малаховский, поступивший после Оскерки, образовал организацию, но организация его при проявлявшемся все более и более упадке духа, при недостатке соответственных людей и ежедневных арестах не имела никакой внутренней силы, которую представлял лишь один Малаховский; он должен был каждого из своих подчиненных вести за руку для того, чтобы они действовали хоть сколько-нибудь с пользой: без напряженных усилий начальника города члены организации представляли собой только одни названия **. Поставленная нами в мае месяце *реформа* (состоявшая

* Я выписывал из Лемберга Польковского, помощника Майковского, из Познани Казимира Красицкого и Казимира Шанецкого, лично мне знакомых. Прибыли ли они в Варшаву после моего выезда в Вильно, я не знаю.

** Более способные и более деятельные из молодого революционного поколения уже погибли в отрядах; старшие же летами уклонялись от всякого участия в организации, грозившего в небольшом городе неминуемой ответственностью перед военным судом. Поэтому Малаховский с величайшим трудом мог приискать людей только в свои сотрудики, и то

в особенности в увеличении власти нашего комиссара, в передаче в его зависимость всех воеводских комиссаров в Литве и в распределении занятий Отделения по секциям) была уже не в состоянии спасти литовскую организацию. Происходило это, *во-первых*, потому, что реформа последовала уже поздно: ошибки и недостатки прошедшего при слабости местного восстания и при деятельности законного правительства были уже вознаграждены; *во-вторых*, потому, что для приведения в исполнение этой реформы требовался вполне хороший и дельный комиссар, а не такой, как Дюлёран, лишенный почти всяких способностей, человек самонадеянный иногда до ребячества. Виленское Отделение, получив наши майские постановления, не успело еще приняться за их исполнение, как потеряло в непродолжительное время одного за другим трех своих членов: Оскерку, Францишка Далевского и Еленского (не говоря уже о многих в то же время арестованных их помощниках); приглашенные же вновь гродненский комиссар Константин Калиновский и Малаховский весьма мало знали дела и тайны организации, нашли слишком много старого зла и встретили слишком много препятствий для того, чтобы действовать успешно в духе наших распоряжений. Притом, скоро появились разные жалкие споры и недоразумения между членами нового состава, в особенности же между председателем Отделения Гейштором и Дюлёраном, имевшим претензии играть роль маленького провинциального диктатора. Вдобавок Малаховский, бывший сильнее других своих товарищей, как начальник города Вильно, ни с кем не посоветовавшись, хотел сам спасти от гибели литовскую революцию и готовил нам новый переворот: он намеревался устранить всех членов Отделения, не исключая и нашего комиссара, переименовать название Исполнительного отделения на Литовский комитет, и установить сношения Вильно с Варшавой на другом основании. По желаниям Малаховского, Литовский комитет долженствовал быть *самостоятельной* провинциальной властью, находившейся лишь в некоторой более формальной, нежели действительной зависимости от Народного Правительства. Мы еще вовремя узнали об этом намерении Малаховского и успели воздержать его от такого безрассудного поступка.

О *военной* стороне восстания в Литве нечего распространяться. Число и сила литовских шаек уменьшались ежедневно; продовольствие партизанов и сношения между ними и виленским Отделением делались все более невозможными по недостаточности, а во многих местностях по совершенному отсутствию гражданской администрации и по неимению жандармов. Поэтому не удивительно, что о действовавших в воеводствах шайках обыкновенно не знали не только в Варшаве, но в самом виленском революционном Отделении.

Одним словом, восстание в Литве в июле месяце находилось уже *в упадке*.

Получая весьма редкие рапорты от Дюлёрана и от председателя Отделения Гейштора и заключая из них, что все в этой провинции идет дурно и что раздоры членов Отделения съедают остатки необходимого порядка и единства, мы приказали Дюлёрану в половине июля приехать в Варшаву с рапортом и объяснениями. Дюлёран подтвердил все описанное мною и, объявив свое неудовольствие, просил уволить его от исполняемых им обязанностей. Тогда я, видя, что труд мой и присутствие в Вар-

.....
таких, которые не имели никаких способностей и не пользовались уважением местных жителей. Подчиненные его были большей частью несведущие трусы.

шаве уже не нужны, предложил Народному Правительству послать меня на место уволенного Дюлёрана и в первых числах августа (кажется, 4 н. с.) отправился в Вильно как уполномоченный провинциальный комиссар. Мне была дана при этом мною же составленная инструкция, но вообще я был уполномочен вновь устроить дела литовской организации соответственно местным обстоятельствам.

Для пополнения представленного очерка и отчасти как вступление к деятельности моей в Литве (о чем скажу ниже) я должен упомянуть еще о двух предметах: о судьбах *жмудской высадки* и о *назначении Траугута* одним из литовских военных начальников.

После первой неудачи высадить на ковенский берег столь необходимую для жмудского восстания помощь Демонтович решил, кажется, в июне месяце вторично пробовать счастья. Желая сделать все со всевозможной осторожностью и предусмотрительностью, он, кроме одного нанятого шведского судна, купил еще другое на наши деньги и нанял прислугу с тем, чтобы перевозить людей и оружие частями. Местом же высадки Демонтович избрал не ковенский берег *, а прусский, около Мемеля, а от туда уже предполагал перевести свою команду в русские пределы. Все необходимые приготовления по этому проекту стоили много труда и времени нашему несчастному комиссару, тем более, что начальник Лапинский как настоящий эмиграционный негодяй вместо того, чтобы помогать ему, мешал во многом; он ничего не делал, кричал о намерении Демонтовича во всеуслышание и тратил деньги в Копенгагене. Наконец, все было приготовлено, и наши авантюристы находились уже у прусского берега. Но, видно, судьба судила не осуществиться фантастическому проекту. В ту самую минуту, когда первые 30 человек потихоньку переезжали на лодках с судна на берег, вдруг поднялась буря, и 24 человека, большей частью иностранцы, потонули. Демонтович, несмотря на это нечаянное препятствие, хотел во что бы то ни стало высадить людей с Лапинским; но испорченные праздной жизнью волонтеры так труслили, что никто его не послушался. Впрочем на этот раз трусость была хорошим инстинктом потому, что приготовленные заранее в Пруссии подводы для перевозки людей в Ковенскую губернию и гибель тонувших обратили на себя внимание прибрежных жителей и возбудили бдительность местной полиции; нет никакого сомнения, что если бы и удалось Демонтовичу счастливо пробраться на берег, он непременно был бы задержан прусскими войсками. Таким образом, высадка опять должна была искать гостеприимства в Швеции. Получив рапорт об этой вторичной неудаче, мы приказали: оставить раз навсегда проект высадки, передать оружие в распоряжение люттихской комиссии, продать купленное судно и помочь волонтерам, если они пожелают пробраться другим путем во внутрь края.

Назначение Траугута не осуществилось. Видя жалкое состояние военных литовских действий, Народное Правительство еще до приезда Дюлёрана в Варшаву постановило помочь им. С этой целью мы намеревались сформировать в Августовской губернии два сильные отряда, каждый из двух тысяч человек, и хотели отправить их в Литву: один в Гродненскую, а другой в Ковенскую губернии. Начальником гродненского отряда наз-

.....

* Демонтович заключил контракт с каким-то английским комиссаром, по которому судно переходило в собственность капитана после троекратной удачной высадки в назначенном ему прибрежном пункте.

начен был Траугут, а в ковенский предполагалось назначить Лянгевича, которого мы надеялись освободить из тюрьмы. Выбор наш пал на Лянгевича потому, что он пользовался всеобщей симпатией, несмотря на его неспособность и на все диктаторское бессмыслие. Для единства в приготовлениях и действиях на обоих берегах Немана военный департамент назначил отдельный каждому из этих двух начальников довольно обширный район. Район Траугута состоял из части Августовской, почти всей Гродненской, части Виленской губерний; района же, назначенного для Лянгевича, я не помню. Все предприятие должно было быть приведено в исполнение не позже первых чисел сентября нового стиля. Согласно проекту, в начале июня были отправлены в Августовскую губернию, сначала Пётровскому, потом моему брату Артуру Авейде, значительные деньги и нарочно для формирования литовских отрядов предназначенные неизвестные мне офицеры. Вместе с сим приказано было люттихской комиссии и прусскому агенту Држевецкому доставить необходимое количество оружия; Траугут же должен был во время своего пребывания за границей избрать по своему усмотрению офицеров между эмигрантами и французскими волонтерами. Почему гродненская экспедиция не состоялась, мне не известно; для меня это непонятно, тем более, что когда я находился в Вильне, Пржибыльский уведомил меня, что августовские приготовления ведутся успешно и что для окончания их послан был из Варшавы с новым запасом денег Козелло, назначенный начальником штаба траугутовской команды. Вероятно, строгие меры, принятые генералом Муравьевым после присоединения Августовской губернии к Виленскому управлению, парализовали наши намерения. О ковенском отряде мне ничего не известно.

б. *О Руси* многого сказать не могу, потому что о тамошних делах было по-прежнему весьма мало известно Народному Правительству. Как упомянуто в предыдущей главе, после удаления Соколовского дело русской организации поручено было новому комиссару — Хамцу. Дело было не легкое, а потому прошло много времени, пока мы получили известие, что Хамец вошел в сношения с Майковским и с удаленным Соколовским, и пока он уведомил нас (в июле месяце), что, наконец, новое Отделение существует. Фамилии членов нового состава я все забыл; помню только, что они были люди, соответствовавшие их назначению. С тех пор Хамец прислал в Варшаву в мое время не более одного рапорта, и потому я не могу представить никаких положительных сведений о преобразовании русской организации; могу только сказать, что новые люди приняли за дела энергично. Преобразований в организационной форме, существовавшей до революции, они сделали не много; но исполнили в короткое время самое важное, т. е. пополнили недостающий состав административных властей, привели все в порядок и в большую определенность, собирали деньги, хотя, впрочем, незначительные, начали издавать журнал «Борьба» («Walka»), и находились в постоянных сношениях с нами, с Ружицким и с галицийскими властями.

Военных действий на Руси в это время никаких не было; после первых неудавшихся попыток делались только еще новые приготовления: внутри края Отделением по приказаниям Ружицкого; извне, в Галиции, под непосредственным его надзором. Эти последние были бы, быть может, окончены скорее, но, во-первых, их нужно было соотносить с ходом дел внутри края, которые были сопряжены с величайшими затруднениями; во-вторых, Ружицкий, желая создать в Галиции серьезную силу, которая

могла бы действительно быть помощью задуманному вновь русскому восстанию, решился снова преобразовать остатки сил Высоцкого. Ружицкий потребовал у нас на организацию своих галицийских отрядов огромную сумму в 200 тыс. руб. серебром, чего мы не могли исполнить вдруг по множеству других издержек, но, однако же, до моего выезда из Варшавы было уже послано Ружицкому около 150 тыс. руб. Как известно, и эти, столь дорого стоившие усилия, пропали даром.

в. *Познанская* организация после удара, нанесенного ей открытием бумаг Дзялынского, уже более не возродилась. Уцелевший комиссар (после Гуттри) гр. Лубенский, правда, от времени до времени сносился с Варшавой и доносил, что он старается поправить дела; но время уходило, не принося ничего лучшего, напротив, положение с каждым днем ухудшалось. Формировались лишь малочисленные шайки, да и то весьма редко и на наш счет; отправление их в пределы Царства Польского и транспортировки оружия сделались крайне затруднительны и почти невозможны; организация и, наконец, сам комиссар Лубенский сделались для нас совершеннейшей неизвестностью. Не было другого средства выйти из такого положения, как только послать в июне месяце варшавского комиссара Станислава Франковского в Познань для ревизии дел. Франковский, со свойственной ему быстротой и деятельностью, в самое короткое время проехал из конца в конец Познань, Западную и Восточную Пруссию, осмотрел всех действовавших там людей и донес, что приходится уже не исправлять дела познанской организации, а создавать вновь самую организацию, и что менее всех способен к этому Лубенский. Получив такой рапорт, мы сочли лучшим удалить Лубенского, назначить на место его того же Франковского и поручить ему дело образования «Великопольского отделения» и новой провинциальной организации. Таким образом, Франковский был вторично отправлен в Познань во второй половине июля месяца в качестве нашего уполномоченного комиссара, причем даны были ему новый устав Великопольского отделения, составленный по его проекту, и соответственная инструкция. О последствиях действий Франковского мне уже не известно.

г. Положение дел в *Галиции* на взгляд казалось лучше прежнего. Переломив оппозицию Сапеги и его сторонников, революция не имела там противников; напротив, все жители готовы были помогать ей, одушевление и деятельность, как говорится, кипели. Это, однако же, только внешняя сторона. Расположение жителей провинции было в самом деле хорошее, но революционная деятельность в самом жалком состоянии. Невообразимое разъединение умов, всегда существовавшее в Галиции, возбужденные пожаром революции претензии, толпы скопившихся там беглецов и всемирных бродяг породили величайшую анархию. Укротить же ее не позволяли тайна действий и их слабость. Описывать все подробности этих бесчисленных внутренних раздоров, всех проделок разных негодяев (между прочим Хмеленского) *, а также подробности деятельности тамошних революционных властей не буду, потому что это не представляет никакого интереса. Вместо того я ограничусь несколькими словами о судьбах наших отделений и наших комиссаров.

.....
* Хмеленский, задумывая первый переворот в Варшаве, чтобы действовать успешно, не упускал из виду и Кракова и образовал там свой оппозиционный комитет, состоявший из удаленного краковского начальника Куровского, из кс. Каминского, манифестационного эмигранта, и какого-то Трояцкого. Варшавская неудача разрушила и краковские попытки Хмеленского.

Порядок и согласие, восстановленные Майковским в Кракове, существовали не долго; споры Эльжановского с членами Отделения Западной Галиции за взаимные права возобновились с новой силой, а при таких условиях, весьма натурально, не могло быть и речи о полезной деятельности. Такое положение еще значительно ухудшалось двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что члены Отделения были в самом деле люди неспособные и не энергичные, во-вторых, что краковские недовольные и анархисты так разгласили фамилии Эльжановского и его сотрудников, что не было уличного мальчика, который бы не знал их всех по имени. Начальник города Кракова Алексеандрович носил одно только название этой должности и не образовал в городе никакой организации. Не в лучшем положении находились дела в уездах. Одним словом, хуже быть не могло: организация отрядов велась самым дурным образом, денег не было, порядка никакого.

В Лемберге дела были немного лучше, потому (во-первых), что комиссар Майковский во всех отношениях был способней Эльжановского; отчасти потому (во-вторых), что все почти военные приготовления в Восточной Галиции зависели только от одного Ружицкого и, наконец (в-третьих), потому, что Лемберг дальше Кракова от нашей и от западно-австрийской границы, отчего в нем немного меньше скопилось беглецов, бродяг и авантюристов. Однако же все краковские язвы, убивавшие успех наших действий, существовали и в Лемберге, хотя и в меньшем размере. И здесь происходили споры между комиссаром и вновь образованным Отделением, а пребывающие в городе недовольные и анархисты так же, как и в Кракове, парализовали и мешали многому. Им не нравилось, что *белый Сапега*, прежде открытый враг революции, впоследствии стал играть одну из важнейших ролей; они везде кричали, что Сапега губит дело и что Майковский побелел и держит за одно с «панами», или, как говорилось, «сидит в кармане у Сапеги». Кроме того, следует заметить, что в Лемберге организация вовсе не существовала, а в уездах Восточной Галиции была весьма слабой.

Получая со всех сторон только такие грустные сведения, обыкновенно еще самые разнообразные и одно другому противоречившие, мы просто выходили из ума и теряли всякое понятие, что делать, какие должно предпринять меры и средства и каких избрать людей для того, чтобы хотя раз, хотя на время водворить порядок в этой несчастной провинции. Находясь в Варшаве, нельзя было устраивать галицийских дел, а в Галиции было невозможно отыскать людей, которые сумели бы доставать деньги и формировать отряды. Однако же нужно было действовать, и тем более, чем затруднительнее были тамошние обстоятельства. Поэтому мы в конце июня месяца отправили Иосифа Грабовского как нового уполномоченного комиссара для устройства дел в Галиции. Притом мы, доверяя вполне разуму и такту Грабовского, дали ему полную власть распорядиться по его личному усмотрению; дозволили ему удалить хотя бы всех действовавших людей, переменить хотя бы все уставы и приказали непременно стараться образовать организацию наподобие нашей. Нам так уже надоели галициане, что мы были готовы считать Галицию какой-то завоеванной провинцией, действовать там только посредством своих людей, несмотря на то, будут ли они нравиться тамошним белым, красным и пестрым или нет, не требовать от местных жителей ни гроша и покупать все только на свои деньги; а для того, чтобы

оградить себя от проделок негодяев и недовольных, мы приказали образовать революционные трибуналы и были готовы убивать ничтожных людей без милосердия.

К большому нашему удивлению, Грабовский изменил весьма немногое. Он донес нам, что корень зла лежит не в действовавших лицах, не в уставах, а в недостатке хорошо устроенной провинциальной организации и в окружающей со всех сторон анархии, происходившей от натурального, давно уже существующего в Галиции разъединения умов и от скопления беглецов и разного рода шарлатанов и плутов. Поэтому Грабовский сделал в личном составе высших властей весьма незначительные перемены: комиссары остались те же, а из членов краковского Отделения он удалил, кажется, только двух: Скорупку и, не помню, еще кого-то другого, а на их место назначил: Роговского, члена венского рейхсрата, и молодого человека, доктора философии Пражского университета Жулинского; в составе же членов лембергского Отделения не было сделано никаких изменений. Начальником города Кракова был назначен бывший подполковник русских войск *Таневский*; в Лемберге же по недостатку кандидата дело городской организации поручено было помощнику Майковского Титу Зенкевичу из Варшавы. В существовавших уставах, определявших взаимные права и отношения комиссаров и Отделений, сделаны были тоже только незначительные поправки, которых содержания я теперь уже не помню. Для исправления организации в провинции Грабовский приказал безотлагательно завести в столичных городах организацию, совершенно сходную с варшавской (не исключая полиции и жандармов), а в уездах сделал небольшие лишь изменения. Вскоре также были учреждены там два революционные трибунала: один в Лемберге, а другой в Кракове.

Таким образом, согласие и хотя кое-какой порядок опять были восстановлены на некоторое время. Говорю, на время, потому что еще до моего выезда в Вильно опять началась там старая неурядица. Главная причина возвращения анархии заключалась в том, что, во-первых, реформа Грабовского не была коренной, потому что для этого нужно было бы удалить всех до одного прежде действовавших лиц, не исключая и комиссаров, во-вторых, что Траугут еще не ввел надлежащего порядка между военными. В мое время, однако же, никаких новых мер для устройства дел в Галиции еще не было принято.

II. *Городская организация и зависевшие от начальника города учреждения.* Начальником города, как сказано выше, был назначен секретарь Литвы Вацлав Пржибыльский. Не желая ни прославлять, ни критиковать действий друзей моих, не буду распространяться и о характере и способностях Пржибыльского. Скажу только, что редкий выбор революционного правительства в продолжение всей моей деятельности был столь удачен, как этот; Пржибыльский, бесспорно, принадлежал к самым способным и вполне дельным личностям в минувшем восстании. По моему мнению, он был первой личностью после Бобровского по способностям и деятельности и даже превосходил сего последнего своей опытностью и знанием человеческого характера. Кроме этих качеств Пржибыльского, делавших его превосходным начальником города, он имел и другие, которые были во время переворотов неоцененны: именно, он более всех нас знал организацию и происходил из Литвы. Об этом последнем обстоятельстве упоминаю потому, что недовольные волновали умы членов организации, говоря им, что Народное Правительство, желая как можно скорее

покончить восстание, вовсе не думает о Литве и Руси, отреклось от единства с ними и бросило их дела на произвол судьбы. Поэтому начальник-литовец и притом уполномоченный агент этой провинции служил опровержением всех подобных толков и успокаивал их.

Первым делом нового начальника было преобразование городской организации по новому, им же самим составленному, уставу. Главной основной мыслью реформы Пржибыльского было: *во-первых, разветвить варшавскую* организацию как можно глубже и далее между жителями города, до последних концов, слоев и закоулков его, чтобы этим занять как можно более людей и затем поглотить все существующие силы и средства; *во-вторых, исключить* из предметов занятий членов городской организации все, к ним не относившееся и принадлежавшее по своей натуре к другим революционным учреждениям; Пржибыльский хотел, чтобы члены организации ничем сами не располагали и не заведовали, как это было прежде, а только во всем служили помощью; наконец, *в-третьих, организация, по мысли Пржибыльского, должна была поддерживать общественное мнение в Варшаве в пользу революции, поддерживать хороший дух и хорошее расположение общества.* Впрочем, чтобы вполне ясно представить начала, которыми руководился Пржибыльский, я постараюсь сделать краткий очерк устроенной им городской организации.

В состав ее входили следующие учреждения: собственная, так сказать, административная организация, военные организаторы, поверочная (верификационная) комиссия, главный опекунский совет с подведомственными ему женскими *пятерками*, полиция и жандармы. Всеми этими учреждениями руководил начальник города с помощью своего присутствия. О каждом из названных учреждений следует сказать несколько слов.

1. *Присутствие* начальника города, существовавшее и прежде, разделялось по-прежнему на секции и состояло из помощников, референтов, секретарей и посыльных (галёпенев). Перемена, последовавшая в его устройстве, состояла в том, что прежде оно было только одним названием, а со времени Пржибыльского существовало на деле. Пржибыльский образовал себе формальную огромную канцелярию, состоявшую из десятков лиц, из которых один, двое и даже более постоянно дежурили в квартире, где находилось присутствие. Сюда принадлежали агенты начальника города, называемые секретарями, предназначенные для сношений с департаментами, с статс-секретариатом, с революционным трибуналом, с опекунским советом и с другими революционными органами, существовавшими в Варшаве. Присутствие приносило Пржибыльскому множество услуг; без него он никогда не был бы в состоянии исполнять своих разнообразных занятий; с помощью же хорошо устроенной канцелярии после некоторого времени он исполнял все без особенных затруднений и удовлетворительно: сотрудники его делали все необходимое, а он только приказывал им и смотрел за их действиями. Из членов присутствия я помню только фамилии Владислава Сабовского и меценаса Петра Кобылянского, который был у Пржибыльского «юрисконсультом» («gadca prawny»).

2. *Городская организация собственно.* Во главе ее стояли по-прежнему назначаемые Народным Правительством по представлению начальника города начальники отделений в числе пяти, названные по новому уставу советниками (gadpumi). В обязанностях «радных» последовало то изменение, что они, во-первых, не имели более никакого влияния на революционно-уголовный суд, во-вторых, что каждый из них заведовал,

соответственно полученным приказаниям, не одним только предметом городских занятий, не одним миниатюрным городским департаментом, как это было прежде, но всем в *границах своего Отделения*. Поэтому они могли тоже устраивать свои маленькие «секции» и назначать в оные по своему усмотрению помощников и сотрудников. Только первый помощник, заступавший место радного в случае его отсутствия, назначался начальником города. Каждое из пяти отделений разделялось по крайней мере на пять *округов*, или на так называемые «лавы» («ławу»), которых было во всем городе 26 и во главе которых стояли начальники, называемые «лавниками» («ławnikami»). Лавники назначались начальником города по представлению «радного». Каждая лава в организационном отношении разделялась от шести до десяти секций, во главе которых стояли начальники секции, назначаемые «радными» по представлению «лавников». Наконец, каждый начальник городской секции имел в своем заведовании тоже от шести до десяти *секционных* (seksyjnych), назначаемых лавниками. Все описанные органы начиная от радного до секционного заведовали известной частью города и в границах этой части исполняли все получаемые ими приказания. Таким образом, городская организация составлялась почти из 2000 членов, так что каждая улица, даже каждые несколько домов имели своего особого начальника, который смотрел за всем происходившим, даже наблюдал за образом жизни людей и извлекал из них соответственно получаемым приказаниям всевозможную пользу для революции. Порядок дел в организации был такой же, как и прежде, то есть: каждый из начальников устраивал небольшие совещания со своими подчиненными или же прямо сам давал им приказания. Обыкновенно только радные и лавники совещались прежде о способах исполнения приказаний.

Из всех членов городской организации мне известны только фамилии радных, которыми были названные в предыдущих главах начальники отделений. Из остальных, хотя я знал некоторых, но теперь уже их не помню, ибо не имел с ними никаких близких сношений.

Характер организации, как это выше сказано, был исключительно *вспомогательный*. Она должна была исполнять все, что только требовали: Народное Правительство, его департаменты, статс-секретарь, секретарь провинций, полиция или же кто-либо из лиц, действовавших в Варшаве от имени Народного Правительства.

3. *О военных варшавских организаторах* я говорил уже выше, и потому здесь довольно лишь о них припомнить как о входивших в состав городских учреждений.

4. *Поверочная (верификационная) комиссия*. Когда подати по распоряжению от 8 апреля были уже распределены между жителями Варшавы и уже собирались деньги, в то время появились разные жалобы со стороны плательщиков на несоразмерность и несправедливость распределения и на поступки сборщиков. Жалобы эти приносились обыкновенно начальнику города. Пржибыльский, желая соблюсти везде, а тем более в денежных делах, возможный порядок, установил с согласия департамента финансов и по его инструкции поверочную (верификационную) комиссию, долженствовавшую принимать и поверять эти жалобы *. Она находилась только

* Плательщики, хотя бы распределение подати действительно было несправедливо, все-таки должны были заплатить сполна назначенную повесткой сумму; несправедливо же взятые деньги возвращались им не прежде, как по решению поверочной комиссии.

под общим контролем одного из референтов департамента финансов (кажется Воля) и зависела вполне от начальника города, который сам назначал ее членов. Из скольких членов состояла эта комиссия и кто входил в состав ее, мне не известно. Кажется, однако же, что фамилии купца *Шленкера* и кс. каноника Вышинского упоминались, как принимавших участие в действиях комиссии.

5. *Главный опекунский совет*. С минуты открытого восстания многие семейства во всем крае и (в особенности) в Варшаве, оставшиеся после лиц, поступивших в шайки, после убитых, раненых и ссыльных, были нередко лишены средств пропитания. Притом стали появляться люди, изувеченные в сражениях. Попечение об этих несчастных жертвах в воеводствах вверено было местным властям и женским *пятеркам*, в Варшаве тем же пятеркам и членам городской организации; но ни здесь, ни там не существовало ни надлежащего исполнения обязанностей, ни хорошего контроля. С конца июня попечение о жертвах восстания во всем крае, а точнее общий надзор и контроль по этому предмету, были переданы военному департаменту, т. е. его референту *секции вспомоществований*. В воеводствах попечение поручено было с тех пор начальнику уезда или же, как кажется, его военному референту; в Варшаве — городской организации. Пржибыльский устроил для того *опекунский совет* и передал дело призрения несчастных семейств почти исключительно в руки женщин. Чтобы более уяснить смысл опекунского совета, я должен сказать несколько слов о *женских пятерках*.

Они стали образовываться тотчас же после первого дня восстания сами собой, без нашего приказания и без нашей инициативы. Во всех местностях Царства Польского, а в особенности в Варшаве, разные женщины стали формировать между собой комитеты из пяти женщин; каждая из этих пяти формировала новую пятерку, эти — опять новые, и так до бесконечности. Все члены этой бесконечной цепи обязывались: платить добровольную ежемесячную складку, смотреть за обедневшими вследствие революции семьями и отдельными личностями, ухаживать за ранеными и доставлять белье и корпию. Так как женщины сами взяли за это прекрасное дело, без содействия и руководства мужчин, то не удивительно, что вскоре между ними исчез всякий порядок и контроль, вследствие чего они весьма мало приносили пользы. Пятерки были бесчисленны, так что наконец сами руководительницы потеряли им счет. Вместо одной непрерывной цепи * появилось бог знает сколько отдельных комитетов со своими подчиненными пятерками; одни имели денег до излишества, так что отдавали их посредством случайных своих знакомых в кассу городской организации, а у других комитетов средств было недостаточно; одним бедным помогали все, а о других никто не знал и не заботился. Притом между дамами появились весьма вредные конкуренции, столкновения и споры. Всех этих комитетов, вероятно, никто не знал и не узнает, но главнейших было два: один под председательством г-жи Паулины *Краков*, другой под председательством г-жи Северины *Пушкаковой*: обе они известны в нашей литературе ¹.

* Говорю здесь только о самой Варшаве, потому что о других даже и говорить не стоит.

¹ При докладе Бергу от 24 апреля (6 мая) 1865 г. за № 5185 Розвадовский представил последний составленный Авейде дополнительный список лиц, фамилии которых были впервые упомянуты Авейде в его «Записках». В списке значатся: Радоминский, Сабовский, Пеньковский, Козебродский, Дыбовский, Моравский, Таневский, Ксаверий Шленкер, Юзеф Вышин-

Пржибыльский, зная, что никто не сумеет так хорошо помочь бедным семьям, как женщины (не только деньгами, но и другими средствами), обратил на них свое внимание и привел в порядок дела пятерок. Он образовал для них одну центральную власть, состоящую из нескольких членов, под председательством мужчины, какого-то старого польского ветерана, и назвал его *главным опекунским советом*. В заседаниях совета принимал участие уполномоченный агент начальника города, который сообщал его приказания, принимал рапорты и контролировал счета всех собираемых и расходуемых денег. От главного совета зависели и находились под ближайшим его надзором и контролем 26 окружных советов, или женских пятерок, по числу 26 городских лав. При каждой из окружных пятерок окружной лавник имел своего агента, сообщавшего им постоянные сведения о людях, нуждавшихся в помощи, и смотревшего за скорым удовлетворением их нужд. Более не было никаких подразделений в этой женской организации. Окружные пятерки могли иметь и, без сомнения, имели свою дальнейшую цепь, но она находилась в исключительной их зависимости, без всяких сношений с городской организацией. Обязанности главного опекунского совета и зависевшей от него организации были те же самые, как и прежних беспорядочных пятерок. Если добровольные женские складки не удовлетворяли всем потребностям, в таком случае начальник города выдавал им необходимую денежную помощь.

6. *Полиция* *. Начальником ее был тот же самый Карлович. Устройство варшавской революционной полиции было такое же, как и во время Ковальского, с незначительными лишь поправками и дополнениями. Состав всей нашей полиции был следующий: начальник ее, три инспектора и 13 квартальных комиссаров; каждый из них имел по несколько помощников-агентов и посыльных (галёпенов). Кроме того, вся городская организация и жандармы были обязаны помогать полицейским агентам, и поэтому Карлович и его подчиненные имели возможность получить обо всем самые верные сведения из каждого семейного очага о жителях Варшавы вообще и о действиях законных властей в особенности. Поэтому Карлович должен был находиться в постоянных сношениях с начальником города, которому передавал ежедневные рапорты; в таких же сношениях он находился с начальником жандармов и присутствовал в совещаниях «радных»; каждый же из его квартальных комиссаров находился в сношениях с двумя «лавниками». Все лица, принадлежащие к полиции, служили большей частью безденежно; и только некоторые, не имевшие никаких средств проживать в Варшаве, и прислуга получали незначи-

.....
ский, Паулина Краков и Северина Прушак. Сведения о них ограничиваются сообщенными в «Записках». О судьбе поименованных лиц говорится:

«Адольф Пеньковский — находится за границей. Гр. Козебродский — содержался в марте месяце 1864 г. в здешней следственной тюрьме и был после двухдневного ареста отправлен к оберполицмейстеру; быть может, что тот самый, который был помощником Авейде. Дыбовский — выслан в Россию. Моравский — тоже (*Розвадовским зачеркнуто и написано: был под следствием в 1864 г. и освобожден*). Шленкер — бежал за границу. Вышинский — выслан в Россию. Прушакова — бежала за границу». *Далее Розвадовским дописано: «О прочих четырех — неизвестно» (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лит. А, л. 323 и об.).*

* О полиции в воеводствах не буду говорить особо. Она была вверена уездным начальникам, при которых с августа месяца были установлены особые референты полиции. Рапорты о действиях уездной полиции присылались административному департаменту, который давал ей приказания. Административный департамент представлял нам проект об образовании нового департамента полиции, но в мое время мы еще не принялись за это.

тельное жалованье. Штат *постоянных* издержек полиции никогда не превосходил 1500 руб. серебром в месяц. Правда, были еще и экстраординарные расходы, как например: деньги, выдаваемые кому-либо из чинов законной полиции, но эти расходы были так незначительны и редки, что я не могу в настоящее время не только указать примеров, но даже приблизительно привести общего их итога, но только положительно знаю, что случались и такого рода издержки. О сношениях революционной полиции с чиновниками законных властей я не в состоянии тоже указать что-либо определенное и точное. Нет никакого сомнения, что эти сношения были довольно обширные; Карлович и его агенты имели свои связи во всех *без исключения* присутственных местах: и в административных, и в полицейских, и даже в следственных комиссиях. У меня осталось в памяти, что мы не были лишены некоторых отрывочных сведений даже из правительственно-военного круга. В особенности Карлович имел друзей и сотрудников между законно-полицейскими чиновниками, и здесь смело можно сказать, что везде, от обер-полицмейстерской канцелярии до самых низших полицейских инстанций, находились или косвенно нам помогавшие люди, или же просто лица, исполнявшие двойные обязанности: законные и революционные.

Кто же именно так содействовал революции? На этот вопрос я решительно не в состоянии дать никакого ответа потому, что, за исключением Карловича, я никогда в глаза не видал ни одного человека ни из нашей, ни из законной полиции. В сношениях же моих с Карловичем, только случайных и редких, и всегда минутных, я никогда не говорил с ним о подробностях, касавшихся его действий и сношений. Говорю эти слова с полным убеждением и твердостью потому, что знаю, сколь важны и интересны были бы для правительства сведения об участии полицейских чиновников в революции, однако же, будучи не в состоянии сообщить их, не хочу быть заподозренным в утайке двуличных негодяев. Да поверит мне правительство, да примет оно в уважение мою доказанную уже откровенность. Никакие соображения не воздержали бы меня от указания людей (если бы они только были мне известны), которых я уважать не могу, тем более в настоящее время, когда мне дорого спокойствие моего края.

О действиях революционной полиции можно вообще сказать, что она далеко не была так удовлетворительна, как это можно было бы предполагать, судя по ее сношениям и всесторонней помощи, которой она пользовалась. Главной причиной сего были недостаточные способности и малое образование начальника полиции. Если бы Карлович был человек способный и образованный, то я вполне убежден, что тогда наша полиция могла бы быть образцовой; не было *невозможности*, которую бы нельзя было исполнить, не было тайны, которая была бы недоступной, если бы полицией руководил хороший начальник. Однако же, несмотря на ее недостатки, она приносила множество услуг и пользы восстанию. Не буду описывать подробностей, но в виде примеров укажу на некоторые общие услуги, оказанные революции со стороны нашей полиции. Итак:

Полиция доставляла довольно частые сведения о грозивших со стороны законного правительства тайных полицейских надзорах, обысках и арестах, так, например, я и Майковский были предостережены о распоряжении следственной комиссии арестовать нас несколькими днями прежде обыска, произведенного в нашей квартире. Такие предостережения

сообщались через начальника города или же в случаях, не допускавших отлагательства, через агентов начальника полиции *.

Полиция имела все необходимые в разных случаях подлинные бланки и поддельные печати почти всех присутственных административных и полицейских мест. Я помню, например, что Карлович имел печать паспортного отделения обер-полицмейстерского управления. Упоминаю об этом потому, что эта печать довольно характерна, она имеет вид старой замаранной, испорченной печати, кажется нарочно для того, чтобы более затруднить ее подделку. Карлович имел точь в точь такую же.

Полиция неоднократно доставляла нам копии с разных законно-правительственных распоряжений и других совершенно секретных бумаг. Так, например, я помню, что мы получили копию с приказа, данного 4 августа н. с., кажется, здешним жандармским управлением по всем жандармским губернским и уездным командам, о розыскании разных личностей, игравших разные роли в революции, а между прочими: меня, Людвика Свѣтковского, Александра Бернавского и др. Этот факт остался у меня в памяти потому, что я читал упомянутую копию накануне моего выезда из Варшавы.

Полиция имела в своих руках свободный и беспрепятственный пропуск на всех городских заставах. О Петербургской в особенности я слышал, что в крайности через нее можно было проходить и проезжать, представляя легитимационные карточки начальника города (говорю это серьезно). На Вольской заставе Карлович в моих глазах засвидетельствовал фальшивый паспорт Яна Банземера, отправлявшегося в первых числах августа за границу.

Полиция всегда имела возможность доставлять *подлинные* паспорта от обер-полицмейстера и заграничные на такое имя и с такими приметам, какие были ей указаны **. Так, например, мой паспорт, выданный обер-полицмейстером на имя Шмидта, и заграничный паспорт Банземера на имя Федора Лисснера были паспорта законные и заказанные для нас заранее нарочно***.

Полиция, наконец, имела возможность доставлять *по требованию* все необходимые легитимационные документы *по всей законной форме* для того, чтобы данное лицо считалось по книгам законной полиции постоянным жителем города Варшавы. Так, например, я помню, что референты

.....
* Такие предостережения были чаще, когда гражданские чиновники заседали в следственных комиссиях и когда приказание насчет ареста или обыска проходило через руки разных полицейских чиновников. Я помню, что, пока подобные приказания успевали пройти через все предписанные инстанции, миновало по крайней мере три или четыре дня, так что мы обыкновенно узнавали о нем, если не в одном, так в другом из полицейских присутственных мест. Эти полезные для нас формальности были устранены только в июне или июле месяце, и тогда успехи Карловича сделались меньшими. Однако же все еще не было недостатка в неоднократных исключениях.

** Мы редко употребляли подлинные паспорта потому, что для получения их требовалось несколько дней времени (все-таки нужно было соблюсти все предписанные формальности), а также и для того, чтобы редким их употреблением отклонить всякие подозрения. Они давались в тех случаях, в которых скомпрометированный мог подлежать весьма строгой ответственности, или тогда, когда нужно было отвлечь всякие поводы к подозрениям.

*** Это последнее не противоречит тому, что фальшивый паспорт Банземера был засвидетельствован на Вольской заставе. Банземер имел два паспорта: заграничный законный и обер-полицеймейстерский фальшивый. Выезжал же он из Варшавы не по железной дороге потому, что, имея много знакомых, боялся быть случайно открытым при выезде, чего тем более можно было опасаться потому, что Дроздович (комиссар его циркула) всеми силами старался захватить Банземера.

военного департамента офицеры Козелло и Галензовский проживали в Варшаве как постоянные ее жители. Припоминаю при этом, что Галензовский проживал под именем Яна Голянского *. Это был самый безопасный способ для проживания в Варшаве скомпрометированному человеку, и поэтому мы из предосторожности употребляли его очень редко.

Я исчислил эти только общие услуги революционной полиции потому, что они наиболее сохранились у меня в памяти, и потому, что они важнее прочих. Думаю, что они будут достаточны для того, чтобы выказать значение пользы, приносимой ею революционерам, и для того, чтобы дать понятие, какова бы могла быть эта полиция, если бы она имела другого начальника.

Для окончания очерка революционной полиции хочу присовокупить еще как пример успеха ее действий два случая; в первом из них правительство наверно потеряло бы одного из самых важнейших своих военных сотрудников, если бы непредвиденные обстоятельства не воспрепятствовали этому, а во втором был скомпрометирован другой полезный слуга правительства.

Первый: сколько могу припомнить, кажется, в начале мая мы получили через полицию известие, что начальник штаба войск, в Царстве Польском расположенных, генерал Минквиц, отправляется в Берлин с секретным поручением (как предполагалось, по нашему делу) к прусскому королю. Мы решились захватить генерала Минквица на возвратном пути, во-первых, для того, чтобы узнать цель, содержание и результат миссии; во-вторых, мы надеялись, что правительство во внимание к заслугам генерала, принесенным государству, согласится выдать нам за нашего пленного некоторых находившихся тогда в тюрьме наших начальников, а между прочим, если не ошибаюсь, любимого нами Падлевского **; в случае отказа в сем последнем генерал пал бы жертвой революционной логики и революционной мести. Тотчас после получения столь благоприятного для нас известия и еще до выезда начальника штаба мы послали приметы его мазовецкому комиссару Франковскому и приказали устроить со всей предусмотрительностью дело его ареста. Франковский тогда же послал с генералом двоих людей в Берлин, чтобы следить за всяким его шагом, а третьего оставил на пограничной станции в Александрове. Вместе с тем он условился с ними насчет телеграфного ключа и приказал им уведомить себя о минуте выезда генерала Минквица из Берлина. Кроме этого, Франковский приготовил все для того, чтобы испортить вовремя рельсы железной дороги, кажется, в окрестностях Кутно и потребовал у

* Буквы Я. Г. (по польски J. G.) были оставлены как первые буквы настоящего имени и настоящей фамилии Галензовского. Предосторожность эта соблюдалась для того, чтобы случайно метки на белье не выдали настоящего его имени.

** Быть может, я ошибаюсь насчет Падлевского; кажется, что в мае месяце он был уже расстрелян ***.

*** Примечание [генерал-] лейтенанта Минквица: Падлевский в то время еще содержался арестованным в Плоцке; он был расстрелян 3(15) мая 1863 г.; я же возвратился в Варшаву 21 апреля (2 мая) в 1 час пополудни. Мост через овраг в 7 верстах от гор. Кутно был разорен в ночь с 19(31) на 20 апреля (1 мая)¹ одновременно с дорожным телеграфом и именно в то время, когда я на возвратном пути переезжал границу у Александрова. Разоренный и разобранный мост остановил шедший в Варшаву поезд и дальнейшую мою поездку на несколько часов.

¹ Так в подлиннике. Поскольку в апреле 30 дней, даты должны быть 19 апреля (1 мая), 20 апреля (2 мая) и 21 апреля (3 мая). Очевидно, в памяти Минквица сохранились даты по старому стилю, в противном случае было бы невозможно появление даты 31 апреля.

находившегося вблизи Зейфрида, чтобы он имел в готовности небольшой отборный отряд. Одним словом, Франковский как нельзя лучше исполнил данное ему поручение. Наконец, несколько дней спустя высланные в Берлин агенты уведомили Франковского, что генерал Минквиц возвращается; рельсы по данному сигналу были вовремя испорчены, и гибель генерала казалась неизбежной, несмотря на конвой, всегда сопровождавший поезда железных дорог во время восстания. Однако же, как я сказал, случилось непредвиденное обстоятельство, которое спасло начальника штаба, а именно: Зейфрид, находившийся в постоянных спорах с Франковским, не послушался нашего приказа и не дал людей, несмотря на все просьбы и угрозы озлобленного комиссара. Таким образом, генерал Минквиц преспокойно поехал далее на почтовых по Кросневицкому тракту.

Второй случай. Генерал Паулуччи, занимавший, не знаю, какую именно должность в военной администрации, хотел сам открыть членов революционного правительства и его важнейших сотрудников. Этот генерал избрал для сего самый надежнейший и самый вернейший способ, а именно, решил искать нас не в Варшаве, но в Кракове. Называю этот путь надежнейшим из всех прочих при тогдашних обстоятельствах и при тогдашней системе управления, потому что в Варшаве люди были осторожнее и мы имели тысячи друзей и слуг, помогавших нам на всяком шагу; в Кракове же народ был весьма болтливый; в особенности недовольные бесцеремонно кричали о всем, о чем им нравилось, нисколько не щадя фамилий. О наших фамилиях, по крайней мере о некоторых из нас, было там известно на улицах. Генерал Паулуччи, избрав этот путь, вошел в сношения с директором австрийско-краковской полиции Меркель и имел в Кракове своих агентов, а между прочими доктора Бертольди и какого-то Трояка или Трояцкого. Хотя усилия Меркеля и агентов не имели еще никаких результатов, но, кажется, Трояк (Трояцкий) успел войти в состав оппозиционного (против нас) комитета, устроенного в Кракове Хмеленским; следовательно, дело зашло уже далеко. К нашему счастью, полиция Карловича спасла нас. Мы получили подробные копии переписки генерала Паулуччи с директором Меркель и с агентами, в особенности с Трояцким. Переписка эта была на французском языке, и генерал делал маленькие заметки на получаемых им письмах из Кракова. Доставленные копии ужаснули нас: Трояцкий в одном из писем своих обещал генералу представить в скором времени фамилии главнейших варшавских деятелей. Мы приказали продолжать наблюдение за ходом враждебной нам переписки, а между тем послали открытые копии комиссару Эльжановскому для надлежащего употребления. Кроме того, Карлович с двумя кинжалниками были отправлены в Краков с приказанием при помощи Эльжановского произвести следствие насчет личности Трояцкого и тотчас же убить его, если окажется, что он в самом деле принадлежит к комитету Хмеленского. Это приказание было в точности исполнено, меры предосторожности приняты, и враги наши обезоружены. Однако же Трояцкого мы убивать запретили, потому что наверное нельзя было заключить о справедливости наших подозрений; кажется, что это было только случайное сходство фамилий. Во всяком случае, Таневский и Александрович наблюдали за ним.

Обезоружив генерала Паулуччи, мы из простого любопытства и в надежде каких-нибудь новых открытий хотели следить далее за действиями его и его агентов; но непонятное ребячество краковских властей

помешало нам. Тамошним мудреным сановникам пришло в голову напечатать, не помню, в какой-то силезской газете два письма директора Меркеля. После того генерал Паулуччи, конечно, принял надлежащие меры предосторожности*.

7. *Жандармы*, или так называемая *народная стража*. Она была образована в Варшаве и во всем Царстве Польском только в продолжении описываемого периода по уставу и по инструкциям, составленным директором военного департамента Качковским. Жандармы в уездах находились в зависимости от начальника уезда. Они были конные и составляли в каждом уезде команду из 30 человек под начальством одного офицера, место которого заступал вахмистр. Кроме оружия и одежды, жандармы получали по 30 коп. в сутки жалованья. При образовании жандармов приказано было воеводским властям избирать в их состав людей особенной честности, трезвых, исправных и хорошо знакомых с местностью своего уезда. Жандармам приказывалось при исполнении их обязанностей быть или с оружием в руках (они были вооружены ружьями, пистолетами и саблями), или же, смотря по обстоятельствам, скрывать оружие и лошадей, чтобы ничем не отличаться от прочих жителей; с этой целью они не имели никаких мундиров, а всегда были одеты в обыкновенное платье, без особенных отличий и знаков. Самой главной обязанностью жандармов была полицейская служба и исполнение всех приказаний начальника уезда. Во время формирования партизанских отрядов жандармы наблюдали за безопасностью делаемых приготовлений, перевозили оружие, одежду и другие принадлежности, смотрели за неприкосновенностью мастерских и т. п. Когда отряд был сформирован и находился в границах уезда, жандармы хлопотали о безопасности отряда, доставляли его начальнику все необходимые сведения, провожали из одной местности в другую и проч. Наконец, жандармы должны были исполнять приговоры революционных трибуналов, передаваемые им посредством начальников уездов.

В мое время уездные жандармы, за исключением остроленских и пултуских, вели себя хорошо; о злоупотреблениях не было слышно, напротив, они принесли много пользы для революции. Я не знаю причины, по которой они впоследствии сделались настоящими разбойниками.

О варшавских жандармах скажу лишь вкратце, потому что, как предполагаю, начальник их, студент Павел Ляндовский, подробно объяснил правительству их историю. Они составляли эскадрон, если не ошибаюсь, из 250 человек; оружия не имели, за исключением кинжальщиков; жалованья получали по 50 коп. серебром в сутки. Начальник их считался в чине майора и непосредственно зависел от начальника города. Обязанности жандармов варшавского эскадрона были точно такие же, как и уездных; т. е. они, с одной стороны, составляли род всегда готовой прислуги, перевозили все необходимое, смотрели за мастерскими и проч.; а с другой, исполняли полицейскую службу. Одним словом, они по мере надобности служили и помогали всем действовавшим в Варшаве лицам. Одно отделение

* Мы получили из сказанной переписки всего только три или четыре письма. Я спрашивал Карловича, каким образом он получил их; по его словам, это случилось следующим образом: генерал Паулуччи, как я слышал, человек холостой, и домашним хозяйством его заведовала какая-то верная старушка. С нею познакомился один из агентов Карловича и до того с нею подружился, что добрая старушка полюбила его, как сына, и он впоследствии прогуливался по комнатам генерала, как по своей квартире. Бумаги генерала, не предполагавшего никакой измены, лежали обыкновенно на столе, и молодой друг доброй хозяйки читал их и, наконец, скопировал.

(sekcja) эскадрона жандармов составляли кинжальщики; они имели своего особого офицера и должны были исполнять смертные приговоры революционного трибунала, передаваемые начальнику кинжальщиков Ляндовским.

В июле месяце мы хотели образовать в Варшаве другую военную организацию по проекту, представленному военным департаментом. Главной мыслью этого проекта было: во-первых, ввести лучшую дисциплину между анархическим революционным элементом, во-вторых, готовить из жителей города, способных носить оружие, батальоны для выступления в поле по первому приказу; эта последняя цель имела в виду предполагаемое поголовное восстание после жатвы. Хотя мы не верили в возможность осуществления этой цели при тогдашних обстоятельствах, однако же приняли представленный проект и постановили в виде опыта ввести его в исполнение. Начальником военной организации был комендант, которым до времени был назначен референт Козелло. От него должны были зависеть: а) его присутствие, б) военные организаторы и мастерские, в) жандармы, г) новоформируемые батальоны. Начальнику города и начальнику полиции приказано было составить списки жителям Варшавы мужского пола от 18 до 45-летнего возраста. Проба эта, однако же, не удалась и продолжалась только несколько дней, главное потому, что ни организаторы, ни жандармы не слушались Козелло и что немедленно возникли разные столкновения между Козелло и Пржибыльским. Поэтому мы уничтожили военную организацию и должность коменданта и оставили все по-прежнему. Одна только перепись жителей продолжалась.

III. *Революционные трибуналы.* Приступая к описанию этих трибуналов, следовало бы прежде представить историю убийств, совершенных во время революции, в особенности в Варшаве; это даже необходимо для полноты истории восстания. Я, однако же, хочу вовсе исключить этот предмет из моих записок. Делаю это не потому, чтобы я боялся в чем-либо правды; нет, моя совесть чиста, мои руки не замараны невинной кровью. Также делаю это не по глубочайшему отвращению к такому страшному, гнусному предмету; несмотря на все мои личные чувства, я всегда готов дать возможный отчет о всем, касавшемся революции. Пропустить историю убийств заставляют меня два обстоятельства; во-первых, что действующие у нас более двух лет многочисленные следственные комиссии и военные суды, вероятно, подробно уже разобрали каждое совершенное убийство, следовательно, правительству этот предмет уже весьма хорошо известен, а во-вторых, я в настоящее время лишен всех материалов, а память моя в этом случае недостаточна, потому что я сам не устроил ни одного убийства, убийц не знал и в сношениях с ними не находился; вопрос же этот слишком важен для того, чтобы говорить о нем по догадкам и предположениям. Поэтому, сообразив все сказанное, я ограничусь лишь несколькими общими чертами о кровавых варшавских сценах.

а. *Революционное правительство не было противником убийств.* Мы всегда были готовы убивать людей, нам вредивших. Теория революции, теория правительства, по которой мы должны были действовать, повелевала нам хотя бы посредством убийств устранять врагов движения. Не буду оспаривать, что революция, это поле анархии и страстей, имела и на нас свое действие. Однако же никто и никогда не докажет, чтобы я и мои товарищи были злодеи и бешеные террористы; никто и никогда не докажет, чтобы мы не только настаивали, но чтобы подумали о смерти

человека *безвредного* или мало вредного революции, хотя бы он по каким-либо поводам был ее противником. Тем более не будет доказано, что мы думали о смерти невинного из каких бы то ни было личных или посторонних видов.

б. Как сказано в предыдущей главе, по мартовскому уставу городской организации, до учреждения революционных трибуналов, смертные приговоры должны были составляться судом из начальников отделений под председательством начальника города. Издал ли этот суд какой-либо смертный приговор, этого я ни отрицать, ни утверждать не буду, потому что не знаю, или, лучше, не помню. Однако же, соображая тогдашние обстоятельства, предполагаю, что городской суд выдавал смертные приговоры; во всяком случае эти приговоры были весьма редки и, судя по известному мне характеру членов суда, были если не вполне справедливы (конечно, относительно), так по крайней мере не без основания и составлялись по предварительному следствию. Само Народное Правительство издало только один смертный приговор, о убиении бывшего юнкера русской службы, уроженца Люблинской губернии Ерлича за подделку фальшивой печати Центрального Комитета, фальшивых податных квитанций и повесток и за сбор денег с жителей города в свою пользу. По делу Ерлича Зенкович представил нам следственные документы, в том числе показания разных лиц, обманутых Ерlichem и его сообщниками, а также много подделанных квитанций с фальшивой печатью, не оставлявшие никакого сомнения насчет этого весьма важного революционного преступления. Был ли еще кто-либо убит по нашему приказанию, наверно сказать не могу; не думаю, однако же, чтобы в таком случае я забыл фамилию человека, осужденного нами на смерть. Вот все, что я с чистой совестью, без малейшей утайки, могу сказать о революционной юстиции.

Здесь сам собою рождается вопрос: кто же был причиной смерти людей, погибавших в Варшаве до моего выезда в Вильно? Они погибали по приказанию начальника города, начальника полиции, организатора Лемпке или же какого-либо другого младшего должностного лица из состава городской организации или полиции, *без нашего ведома и без нашего утверждения*. Мы узнавали об убийствах уже после совершения их. Хотя в тогдашних революционных объявлениях, помещаемых в органе революционного правительства «Рух», говорилось, что люди, убитые в Варшаве, погибли по приказанию революционного правительства, но это делалось потому, что мы, желая соблюсти вид и все формы сильного правительства, должны были прикрывать анархию, и для того, чтобы охранять политического убийцу от преследований гражданских (окружных) судов, которые, по системе г. Велепольского и по существующим законам, первые должны были отыскивать по горячим следам убийцу *. Только убий-

* Наше объявление было так действительно, что гражданские суды не только никогда ничего не открывали, но даже теряли самые явные следы преступников. При этом я вспоминаю один случай, в котором наше объявление прикрыло простого, вовсе не политического разбойника, хотя, как говорят, его легко было отыскать по горячим следам: кажется, в феврале месяце была убита старая женщина, жена или вдова, не помню, какого-то чиновника. Бобровский, не дожидаясь разъяснения факта, объявил, что убийство совершено по приказанию Центрального Комитета и что убитая женщина была шпионом. Суд, натурально, после этого потерял следы злодея. Но мало-помалу родственники несчастной стали домогаться снять с нее незаслуженное пятно шпионства, признать убийство простым злодейством и затем дозволить преследовать его виновника судебным порядком. Произведенное Карловичем по нашему приказанию следствие вполне оправдало объяснение несчастной семьи, и мы отменили такое ошибочное объявление.

ства покойного литератора Минишевского, совершенного по приказанию Карловича, мы не хотели прикрывать нашим именем и объявили, что он был убит по приказанию «народной власти» (Władzy Narodowej), не объясняя, какой именно.

Желая быть вполне откровенным и ясно, недвусмысленно, описать и мои мысли, и взгляд на вещи Народного Правительства, я должен сказать, что если бы лица, отдававшие приказы о убийствах, потребовали от Народного Правительства, чтобы оно перед совершением самого убийства подтвердило их приговоры, то в некоторых случаях это могло бы состояться: мы были дети нашего общества и от всей души ненавидели то, что было и для него ненавистно. Если бы, например, представлено было на наше решение дело какого-нибудь деятельного, хотя бы и мало-вредного агента тайной полиции и если бы притом были представлены факты и доказательства, которые могли бы дать нам несомненное убеждение, что он агент тайной полиции, усиленно старавшийся вредить нам, быть может, повторяю, мы, увлеченные временной страстью, не приняли бы в уважение, что смерть бедного человека нисколько не поможет революции и что жизнь его не повредит ей. Скажу более, если бы, например, начальник города или полиции домогались от нас приказаania убить вовсе уже не вредного полковника Лейхте, то мы, питая к нему ненависть наравне со всем нашим обществом, быть может, увлеклись бы ничтожной мезтью и не пощадили бы старого грешника. Но нам, занятым тяжким ежедневным трудом, и в голову не приходило лишать жизни не вредных нам людей, и поэтому мы не искали ненужных, бесполезных жертв.

в. Главные причины большей части убийств, совершенных в Варшаве без нашего ведома, были три: обыкновенные во всякой революции страсти*, гнездившаяся издавна анархия и недостаток хорошего закона о революционной юстиции и хороших революционных трибуналов.

После этого краткого вступления приступаю к описанию трибуналов.

Еще в мае месяце мы, желая оградить общую безопасность от анархической деятельности отдельных членов организации и других лиц, а также и от минутных страстей черни, постановили привести в порядок нашу юстицию в Варшаве и в воеводствах. С этой целью военный департамент приготавливал свой военно-уголовный устав, а я составлял проект уголовно-революционного законодательства и «повстанских (гражданских) судов». Два переворота воспрепятствовали скорому осуществлению этих проектов. Я представлял их Кобылянскому для просмотра, исправления и утверждения, но они казались ему слишком пространными и слишком формальными. Вместо того он написал свои два краткие декрета, один, вмещающий в себе начала революционного законодательства, а другой, заключающий начала судопроизводства и устанавливший революционные трибуналы в Варшаве и в каждом уезде, каждый из трех членов и одного прокурора: краткость времени воспрепятствовала Народному Правительству ввести в исполнение изданные декреты при Кобылянском. После второго переворота мы безотлагательно принялись за них. Однако же нам казалось, что декреты наших предшественников по недостатку в них точности и формальности могут повлечь за собой злоупотребления, и поэтому

.....
* Я не сомневаюсь, что если бы революция была явной, а Варшава находилась в руках революционеров, в таком случае все люди, которые пали жертвой на улицах города, были бы казнены в первый же день объявления революции; разве только сильная военно-диктаторская воля могла бы спасти их.

мы приказали административному департаменту пополнить их ясной инструкцией, в особенности по вопросу о судопроизводстве. Департамент составил такую инструкцию, а мы с небольшими поправками ее утвердили. С тех пор, т. е. с июля месяца, мы стали образовывать самые революционные трибуналы. Они были трех родов: *первый*, долженствовавший судить только преступления главнейших членов организации, как, например, комиссаров, начальников воеводств, важнейших членов городской организации и т. п., даже членов Народного Правительства и департаментов. *Второй*, революционный, учрежденный в Варшаве, для всех жителей, за исключением первой категории. Наконец к *третьему* роду относились революционные трибуналы в воеводствах. О первом говорить не буду, потому что он при мне не был еще устроен. О трибуналах в воеводствах тоже нечего распространяться, потому что из них, кажется, всего только два были до августа месяца образованы нами в Мазовецком воеводстве. По дополнительной инструкции воеводские трибуналы устанавливались по одному на каждое воеводство; число их увеличивалось по мере надобности, по особым каждый раз постановлениям революционного правительства, и только в Мазовецком воеводстве было сделано это увеличение. Члены воеводских трибуналов назначались самим Народным Правительством по представлению комиссара*. Варшавский революционный трибунал был образован в июле месяце, и, как известно, его составляли члены: адвокат Витольд Мошинский, сапожник Пенёнжек, адвокат Павловский и прокурор чиновник Игнатий Косинский. Все они были назначены непосредственно нами. О характере названных лиц и о их действиях говорить не буду, потому что говорил об этом в моих показаниях; говорил же честно, откровенно и добросовестно, решительно ничего не утаивая. Повторяю здесь только вообще, во-первых, что все члены варшавского трибунала были в полном смысле слова *судьями*, люди благоразумные, беспристрастные, честные и непреклонные; во-вторых, что они в продолжение неполного месяца своей службы не выдали *ни одного* смертного приговора, несмотря на все домогательства Пржибыльского, Карловича и даже наши.

Вот все, что я могу объяснить о страшных по названию революционных судах. Что было после моего выезда в Вильно, мне не известно; но близко зная составные элементы революции и характер городской организации, я вполне убежден, что в августе или же в сентябре месяце, когда взяли верх поклонники бессмысленного террора, в то время или вовсе уже не было революционного трибунала, или же он состоял из других, а не из названных мною лиц, или же, наконец, несчастные жертвы убивались по-прежнему, без суда, по анархическим приказаниям отдельных личностей. Во всяком случае суд под председательством такого человека, как Мошинский, руководившийся такими обвинительными актами, какие составлялись прокурором Косинским, ни в каком случае не мог допускать террора, а тем более злодеяний.

Этими словами кончаю рассказ о событиях последнего периода революции в мое время.

* Из того, что в продолжение одного месяца были установлены только два трибунала во всем крае, кроме Варшавского, можно заключить, насколько мы были осторожны и предусмотрительны при их установлении.

Прежде совершенного окончания моих записок скажу еще несколько слов о моем пребывании в Вильно.

В каком положении были найдены мною дела в этой несчастной провинции, о том уже сказано мною выше; добавлю лишь, что все рапорты и объяснения не давали точного понятия о настоящем, о действительности. Всеобщее расстройство и упадок духа были совершенны. Из членов старого состава я нашел только одного Гейштора, а из новых Константина Калиновского и Малаховского; но и они спорили между собой, и поэтому заседания Отделения вовсе не собирались. Из помощников, сколько помню, остался один, потерявший всякую энергию, апатически бесчувственный офицер Иосиф Калиновский. Городская организация, собственно говоря, состояла из одного Малаховского; без него члены ее были только ни к чему не годными марионетками. О воеводской администрации и говорить грустно; вместо слов я представлю пример. В числе полученных в мое время рапортов находился и рапорт гражданского начальника Минского воеводства, как-то случайно уцелевшего от ареста. Рапорт был так скромно и так хорошо написан, что я спросил о фамилии начальника, но, к большому моему удивлению, никто в Вильно не умел назвать мне его фамилию. Денег было только 6000 руб. серебром, шайки находились в отчаянном положении. Однако же, несмотря на все это, нужно было действовать.

а. Во-первых, мне удалось уговорить Малаховского оставить открытое нами вовремя намерение его сделать переворот и стараться согласить разъединенные умы. Благодаря этому мы (т. е. я и мои новые сотрудники) *надеялись* действовать далее сообща в следующем составе нового Отделения: Гейштор, оба Калиновские, Малаховский и я; секретарем нашим долженствовал быть молодой, но весьма способный человек, секретарь комиссара Демонтовича Феликс Зенкович, прибывший вместе со мною из Варшавы. Конечно, много бы можно было возразить против такого состава, но лучшего в то время создать было невозможно.

б. Мы составили новый устав, определявший взаимные отношения между Вильно и Варшавой. Воеводские комиссары опять перешли в заведование Отделения.

в. Мы составили новый план воеводской организации, соответственный обстоятельствам. Власть гражданских воеводских начальников была значительно усилена.

г. Далее мы составили новый план для наших военных действий. По этому плану мы до дальнейшего времени прекратили образование партизанских отрядов в Витебской, Могилевской и Минской губерниях; в прочих же губерниях решили до прибытия Траугута и Лянговича не набирать вооруженных людей более 2000 человек в каждой. Шайки должны были состоять каждая из 200 хорошо одетых партизанов без косинеров; все необходимое они должны были покупать за деньги и никогда не размещаться в помещичьих дворах. Служба шаек долженствовала быть более политическо-полицейской, чем военной; в особенности шайки должны были парализировать действия законного правительства и истреблять без милосердия вредных нам его слуг и чиновников.

д. Денег мы постановили покуда не собирать; а только в тишине приготовиться к порядочному сбору новой подати. До этого времени мы потребовали из Варшавы 75 тыс. руб. серебром.

е. Вообще мы постановили во внешних наших приемах притихнуть, писать и печатать как можно меньше, не кричать и быть осторожнее.

Народное Правительство утвердило все наши проекты и действия и обещалось прислать желаемые деньги.

Однако же судьба не судила осуществиться нашим планам. На первой неделе пребывания моего в Вильно непредвиденное обстоятельство окончательно помешало всем усилиям и убило все надежды на исправление дел революции в Литве. Этим нечаянным обстоятельством, по крайней мере для меня, было покушение на жизнь предводителя дворянства Домейки, совершенное по приказанию Малаховского. Развитый после этого события страшный правительственный террор наносил нам удар за ударом, оправиться после которых никакая человеческая сила не была уже в состоянии. Гейштор и Зенкович были арестованы; Малаховскому приказано в 24 часа оставить Вильно и выехать в Петербург; городская организация в самое непродолжительное время была посажена в тюрьму едва ли не до последнего человека; многие бежали; печатать что-либо сделалось совершенно невозможным. Оставшиеся мои сотрудники, за исключением единственного Константина Калиновского, а также все жители Вильно пришли в состояние панического страха или бесчувственной решимости, и хотя иногда были готовы умереть за дело революции, но без воли, без силы, без веры и без надежды. Таким образом, я остался один с верным, никогда не ослабевшим Константином Калиновским на развалинах вдребезги разбитой организации. Что же оставалось делать? Мы придумывали разные способы: сперва хотели образовать литовское Отделение в Варшаве, оставив на время в Вильно только одного комиссара; потом, когда этот первый проект был признан неудобноисполнимым, мы пробовали образовать новое Отделение в Вильно и, совершенно притихнув на несколько недель, формировать втихомолку новую городскую организацию. Кандидатами этого нового отделения были: я, Калиновские и некто *Милевич*, человек без всяких способностей, приглашенный из Гродненской губернии. Однако же все усилия возродить погибшее не повели ни к какому результату; мы уже не могли ни пополнить своего состава, ни отыскать кандидата в начальники города*, не говоря уже о прочем. Чтобы объяснить положение дел в Вильно, скажу только, что иногда мы (т. е. члены Отделения) могли иметь заседания только на протестантском кладбище.

Вскоре я был арестован, 22 августа (3 сентября) 1863 г., но перед этим успел передать печать и мою должность несчастному Константину Калиновскому.

.....
* Калиновский был намерен назначить начальником города доктора Свидерского, но принял ли он предлагаемую ему должность, я не знаю, потому что он еще не приходил в наши заседания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, я окончил предпринятый мною тяжелый для заключенного труд и представил правительству историю миновавших событий, их начало, постепенное развитие, последние приготовления и ход революции в продолжение самого важного, самого благоприятного для нее времени. Я старался быть только добросовестным рассказчиком, тщательно избегая критических рассуждений (в особенности о революционных действиях), полагая, что этот способ будет лучшим для описания фактов и характера людей в их надлежащем свете, без примеси моих личных, быть может, пристрастных соображений.

Какой был ход событий восстания после моего выезда в Вильно, этого, конечно, я уже не знаю; думаю, однако же, что не произошло ничего особенно важного, более общего и решительного. Сколько могу сообразить по отрывочным намекам в газетах, по известным из них фамилиям и т. п., с августа месяца главнейшими событиями были два переворота в недрах революционного правительства: один в августе или в первых числах сентября месяца, в котором одержали верх террористы и обозначали свое торжество известным орсиниевским¹ покушением на жизнь наместника графа Берга и длинным рядом убийств на улицах Варшавы; и второй, в котором опять восторжествовала партия более благоразумного и умеренного образа действий и который создал последний, кажется, состав Народного Правительства Траугута, Рафаила Краевского и др. Кроме этих двух событий, к важнейшим, т. е. к более известным, принадлежат: неудавшаяся попытка добровольного займа в 40 миллионов злотых, ребяческая пародия маньяновского флота, жиржинская катастрофа² (в которой истреблены были Круком две роты и захвачены 240 тыс. руб. серебром), воззвания к крестьянам, оставшиеся без последствий и, наконец, военные усилия Босака (Гауке), последнего вождя несчастных партизан.

Одним словом, с сентября месяца восстание не представляет уже никаких важных фактов и никаких успехов; напротив, с каждым днем пожар несчастной войны стал ослабевать и приходить в упадок. Причины такого постепенного упадка, между прочими, были следующие.

Во-первых, перемена системы управления краем, точнее перемена в мерах и действиях, предпринимаемых правительством для усмирения революции, т. е. принятие в основание всех мер системы военной дикта-

¹ Т. е. покушение с использованием бомб, сходных с примененными Орсини при покушении (в 1858 г.) на Наполеона III.

² Успешный для повстанцев бой под Жижином произошел 8 августа 1863 г., т. е. в дни отъезда Авейде из Варшавы, чем, вероятно, и объясняется ошибочная датировка этого события в «Записках».

туры и учреждение военной администрации. Система страшная, исполненная фактами законного террора, система, которая дай бог чтобы никогда уже более не повторилась; однако же она одна только, только это единственное ужасное средство было в состоянии успокоить край и предотвратить окончательную его гибель. Против такого сильного, богатого всеми орудиями и средствами, явного законного организма военной диктатуры не могла устоять тайная, слабая революционная организация. Она боролась долго, отчаянно, но этому виной только прошедшие ошибки правительства, возникавшие из любви к нам, но тем не менее пагубные. Правительство, как это видно из представленного мною очерка революционных действий, дало нам, неопытным, неученым, слабым политикам почти полгода времени для того, чтобы, так сказать, ощупью устроиться в довольно стройные тайные ряды. От этого оно (правительство), приняв потом систему военной диктатуры, нашло в мятежниках не совершенно хаотическую, не безрассудную овечью толпу, как это было в продолжение первых месяцев восстания, а встретило уже в нас *организм*, хотя не совсем удовлетворительный, слабый, и во многом всегда анархический, однако же, тем не менее, уже организм, а не стадо овец, организм, связанный в одно целое, состоявший едва ли не из десятка тысяч человек и притом невидимый, работавший под землей *. Поэтому оно потом принуждено было искать неизвестного врага, так сказать, по одиночке, бороться почти с каждым отдельным членом организации, вырывать горсть за горстью до последнего человека из устроенных уже рядов тайных революционеров. Само собою разумеется, что такая борьба ощупью бесконечно увеличивала число жертв. Как бы то ни было, однако же при сильной военной диктатуре революция хотя бы при самой лучшей тайной организации не могла уже продолжать своего существования.

Второй причиной постепенного упадка революции было равнодушие крестьян. С приближением зимы только крестьяне могли поддержать дело восстания; без их участия, без открытия новых сил и возрождения новых благоприятнейших обстоятельств никакие усилия, никакой в мире разум не были в состоянии не только победить, но держаться и сделать хотя бы шаг вперед более того, что было сделано до августа месяца. При условиях, в каких находилась революция, без участия крестьян, июль месяц был зенитом возможных ее успехов. При тайной системе действий (а только сила крестьян могла сделать ее явной), по моему мнению, никакие администраторы не были в состоянии не только улучшить организацию, но даже поддержать ее в прежнем состоянии. Ввести более порядка, даже послушания и успеха в организационно-административном отношении в Варшаве и в воеводствах было уже невозможно. Далее, открыть для революции без участия крестьян другие источники дохода, кроме тех, которые уже были испытаны до августа месяца, было немыслимо; напротив, прежние способы уже не удавались; фантастическая революционная монета и банковые билеты даже не появились, заем не удавался, подать исчерпалась; собирать же новую подать уже было невозможно даже путем организованного грабежа. Впрочем, никто не ведет войны на деньги, собираемые со дня на день, а на деньги *уже готовые*, которые могли дать только займы и, быть может, банковые билеты.

* Не желая далее распространяться об этом, напомним еще, что время, данное нам правительством на устройство организации, дало нам также деньги, дало людей, оружие, дало нам полицию, жандармов и пути сообщения.

Наконец, о возможности успехов в военном отношении без участия крестьян с приближавшейся осенью и говорить нечего. Притом следует прибавить, что дух общества, его прежнее расположение и готовность к жертвованиям с осенью должны были уменьшаться и с каждым днем все более и более рушиться. В мое время появлялся уже вопрос: «что из этого будет?» Если бы крестьяне были на стороне революции, вопроса этого даже бы не возникло; без них же с наступлением осени, без «французов» и под влиянием военной диктатуры люди находили уже и ответ на этот зловещий вопрос: т. е. что ничего не будет, кроме безвыходного несчастья для бедного края. Одним словом, с наступлением осени, при равнодушии крестьян гибель восстания была неминуема.

Еще одно. После вышесказанного может родиться вопрос: почему восстание, несмотря на все его бессилие и дряхлость и на всю силу военной диктатуры, продолжалось зимой 1863 г. и даже весной 1864 г.? Отвечу коротко: за это несчастье мы должны благодарить заграничную интервенцию, заграничных «спасителей». В особенности же поводом сего была речь, произнесенная 4 ноября 1863 г. императором Наполеоном, и его не хитро задуманные проекты конгресса, а также ничтожная, двулличная политика австрийского правительства. Я не буду оспаривать того, что не было внутренних причин, препятствовавших скорому успеху военной диктатуры, но, по моему глубочайшему убеждению, причина пролития крови с началом нового 1864 г. заключается в проклятой болезни, свойственной каждому слабому, а нам в особенности, и состоящей в вере в заграничную помощь и в содействие нам династии Наполеонидов. Если бы не эти надежды и, быть может, сопряженные с ними неопределенные обещания, то никаким образом Народное Правительство не могло бы продлить свое существование до апреля 1864 г. По крайней мере, по моему взгляду, человек столь образованный и способный, столь добросовестный и с таким здравым разумом, каков был покойный друг мой Рафаил Краевский, скорее выдал бы сам себя в руки правительства или бы погиб с оружием в руках, как последний солдат революции, чем решился бы призывать весной 1864 г. без всякого основания измученный, истерзанный неравным боем народ к новым напрасным жертвам и к новому напрасному кровопролитию.

Окончив рассказ о наших несчастьях и наших ошибках, быть может, следовало бы еще прибавить: *во-первых*, общий взгляд на все события с 1861 г., соединить их в одно целое с прошедшим и этим уяснить их характер неизбежной *исторической необходимости*; *во-вторых*, следовало бы, быть может, пробовать разгадать значение этой необходимости для будущего. Желая, однако же, скорее окончить мой труд, я оставляю в стороне и то и другое, тем более, что первое видно уже из самого рассказа, второе же составляли бы только мои личные, следовательно, быть может, неосновательные замечания и предположения.

Наконец, при последних словах моих записок да будет мне дозволено просить правительство:

- о милосердии для края,
- о милосердии для моих сообщников
- и о милосердии для меня.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абламович (Abłamowicz)** Юзеф — помещик Августовской губ., в восстании 1863 начальник Сейненского уезда. Позднее эмигрант, сотрудничал с русской эмиграцией, участвовал в транспортировке лондонских изданий 417, 418, 559
- Абрамович (Abramowicz)** Игнаций (1793—1867) — генерал царской армии. При Паскевиче занимал ряд высоких должностей в Королевстве Польском, в начале 1862 вышел в отставку. Как ренегат и ярый враг национального движения, снискал всеобщую ненависть польского общества 32, 300
- Август III (Фридрих Август)** (1696—1763) — саксонский курфюрст и польский король с 1733 157
- Авейде (Awejde)** Адам — старший брат Оскара А., чиновник Августовского губернского правления 5
- Авейде Артур** (ок. 1838—1863) — младший брат Оскара А., учитель ломжинской гимназии, в 1863 в отряде Падлевского, был комиссаром Августовского воеводства. Погиб в августе 1863 5, 131, 139, 417, 468, 585, 599
- Авейде Паулина** — мать Оскара А. 5
- Авейде Паулина** — сестра Оскара А. 5
- Авейде Эдвард** — отец Оскара А., адвокат Сувалкского гражданского трибунала XIV—XVI, XXXIII, XXXV, 5, 416—418
- Авейде Эдвард** (ок. 1842 — ?) — младший брат Оскара А., студент Петербургского университета, а затем варшавской Главной школы 5
- Авейде Ярослав** (ок. 1844 — ?) — младший брат Оскара А., студент варшавской Главной школы, участник восстания (служил в отряде Лянгевича). Позднее в эмиграции 5
- Аккорд (Аккорд; Akord, Accord)** Цирика (1827—1881) — из мешан Августовской губ., с 40-х гг. участвовал в патриотических организациях, был арестован и сослан царскими властями. В 1863 начальник Августовского воеводства. Позднее в эмиграции 91, 131, 140, 416, 417, 514, 558
- Александр I (1777—1825)** — русский император с 1801 15, 19, 162—164, 166, 169—171, 178, 219
- Александр II (1818—1881)** — русский император с 1855 XXI, XXIII, 12, 13, 16, 17, 23, 180, 181, 230, 266, 267, 277, 284, 285, 296, 310
- Александрович (Aleksandrowicz)** Адольф (1811—1875) — ученый-химик, доцент Краковского университета. Участник Краковской революции 1846. В 1862 — член Краковской «лавы». В июле 1863 — начальник города Кракова, арестован австрийскими властями 134, 518, 523, 548, 601, 610
- Александрович Влодзимеж** (ок. 1813—?) — учитель радомской гимназии, в 1863 — начальник Сандомирского воеводства 91, 129, 140, 442, 468, 474, 559, 584
- Альбертус** — см. Альбрехт
- Альбрехт (Albrecht; у Авейде: Альбертус)** Кристиан — немецкий еврей, мистик, заявлял о якобы приспосланных ему откровениях, был приговорен саксонскими властями к пяти годам тюрьмы. В 1840 был у Мицкевича в Париже 228
- Альвенслебен (Alvensleben)** Густав фон (1803—1881) — прусский генерал. Будучи королевским генерал-адъютантом (с 1861), подписал в 1863 в Петербурге, в качестве представителя Пруссии, российско-прусскую конвенцию о взаимопомощи в борьбе с польским восстанием 524
- Альциато (Alcyato)** Ян (1809—1855) — публицист, политический деятель, участник восстаний 1830—1831 и 1846, в эмиграции — член Демократического общества и его Централизации (1838—1846) 211
- Андрешкевич (Andruszkiewicz)** Ян Александр (1809—1868) — офицер армии Королевства Польского, после 1831 эмигрант, в 1863 военный начальник Августовского воеводства 526, 537, 551

* Указатель составлен О. П. Морозовой. Курсивом выделены фамилии историков, на работы которых дается ссылка. Все даты приводятся по новому стилю.

- Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — украинский историк, археолог и этнограф. В 50-е гг., как студент Киевского университета и преподаватель в гимназии и кадетском корпусе, был связан с польскими молодежными кружками и подпольными организациями («Тройницкий союз»). В 1861 вошел в «Украинскую громаду», порвал с польским движением и в период восстания 1863 был ему враждебен 133
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, генерал — реакционный государственный деятель 169
- Арматыс (Armatys) Кароль (1833—1872) — львовский купец, член Городской рады. В 1863 член городского комитета во Львове, комитета Восточной Галиции, начальник города Львова, был арестован, через несколько месяцев освобожден 134
- Арнольдт Иван Николаевич (1841—1862) — офицер русской армии, участник революционной организации русских офицеров в Польше. Расстрелян в Модлине 28.VI.1862 29, 35, 44, 66, 406
- Аснык (Asnyk) Адам Прот (1838—1897) — польский поэт. Участник патриотической конспирации в Варшавской Медико-хирургической академии. После кратковременного ареста в 1860 эмигрировал, учился в Гейдельберге. Сторонник партии «красных», в сентябре — октябре 1863 член Национального правительства. В начале 1864 эмигрировал и посвятил себя литературной деятельности 280
- Байер (Bajer, Beuer) Кароль Адольф (1818—1877) — владелец фотографии в Варшаве, нумизмат и археолог. В 1861 участвовал в патриотических манифестациях (входил в депутацию горожан к Горчакову, собирал пожертвования на памятник пяти расстрелянных и т. д.), за что был дважды арестован (1861 и 1862) и сослан 38, 290, 297
- Байер (Bajer) Юлиан — помещик Варшавского уезда, полковник повстанческой кавалерии в Мазовецком и Плоцком воеводствах 518, 575
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер-анархист 282, 459, 486, 494
- Балинский (Baliński) Кароль (1817—1864) — поэт. В 30—40-х гг. участвовал в патриотической конспирации («Содружество польского народа»), неоднократно подвергался репрессиям, эмигрировал во Францию, где вступил в мистическую секту А. Товьянского 229
- Банземер (Banzemer) Ян (1841—1896) — экономист. В 1863 секретарь Отдела внутренних дел Национального правительства. Посылался с дипломатической миссией в Париж. В 1872 вернулся из эмиграции в Варшаву 90, 120, 122, 140, 537, 583, 608
- Бар (Bar) Теофиль — помещик, член организации «белых» 417
- Барановская (Baranowska) — жена Александра Б. 146
- Барановская — дочь Александра Б. 146
- Барановский (Baranowski) Александр — варшавский чиновник, убитый в 1863 146
- Барановский Валентый (1805—1879) — в 1863 люблинский епископ. Как участник восстания 1830 пользовался одно время популярностью в патриотических кругах 394
- Барановский Игнаций (1833—1919) — врач, ассистент Медико-хирургической академии (1860—1862), доцент и профессор (1871—1884) Варшавского университета. Автор воспоминаний: «Pamiętniki» (Poznań, 1923) XVI, XXXV, 139, 140, 146—148
- Барц (или Борц) — варшавский булочник 26, 32, 33, 356
- Баум (Baum) Юзеф (1820—1883), барон. В 1861 депутат галицийского сейма. В 1863 член комитета «белых» в Западной Галиции, в котором занимался военными делами 134, 547
- Бебутов Давид Осипович (1793—1867), князь — генерал царской армии, с 1861 комендант города Варшавы 462
- Белинский — офицер царской армии, полковник генерального штаба XXVII, XLVI
- Беллер (Beller) Эрнест — слесарь Петербургско-Варшавской ж. д., убит в 1863 146
- Белокос — см. Бялокос
- Бем (Bem) Юзеф Захарьяш (1794—1850), генерал — участник войны 1812, восстания 1830—1831, эмигрант. Командовал армией во время венгерской революции 1848—1849 256, 257
- Бентковский (Bentkowski) Владислав (1817—1888). Принимал участие в восстании 1830. В 1863 — начальник штаба у Лянговича. Был дважды арестован и до 1866 содержался в магдебургской крепости. Автор воспоминаний («Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. II) 134, 513, 517, 519, 525, 550
- Береншпрунг (Baerensprung) — директор познанской полиции 17
- Берг Николай Васильевич (1824—1884) — русский историк, поэт и журналист, преподаватель русского языка и литературы в Варшавском университете (с 1868), редактор «Варшавского дневника» (с 1874), автор «Записок о польских заговорах и восстаниях. 1831—1864» (1873, 1883) и многочисленных переводов из польской поэзии XI, XIII, XIV, XXIII, XXVII, XXX, XXXII, XXXIII, XLI, XLV

- Берг Федор Федорович (1793—1874), граф— генерал царской армии. Участвовал в подавлении восстания 1830—1831, с 1843— генерал-квартирмейстер генерального штаба, во второй половине 50-х гг. — генерал-губернатор Финляндии, с 1863 наместник в Царстве Польском XIII, XX — XXII, XXIV, XXVI, XXXII, XXXIX — XLV, 84, 85, 90, 92—94, 114, 115, 146, 149, 153, 383, 390, 430, 431, 439, 444, 452, 479, 496, 521, 537, 539, 543, 551, 560, 564, 586, 605, 618
- Берендт (Berendt) — варшавский чиновник, член организации «белых» (1862) 439
- Бернавский (Biegnawski) Александр (1840—1911) — студент Варшавской Медико-хирургической академии, член конспиративной студенческой организации, один из ближайших сотрудников К. Маевского. В октябре 1862 вошел в состав ЦНК, затем отстранился от работы, будучи сторонником отсрочки восстания. В 1863 — комиссар и (с августа) гражданский начальник Калишского воеводства. В конце 1863 эмигрировал во Францию 90, 115, 129, 139, 469, 470, 559, 608
- Бернард (Bernard) Симон-Франсуа (1817—1862) — французский революционер 459
- Бертольди (Bertoldi) — агент царской полиции в Кракове 610
- Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826) — декабрист 216
- Бехоньский (Biechoński) Войцех (1839—1926) — чиновник Комиссии финансов, с 1859 организатор подпольной организации. Окончил польскую военную школу в Италии. С конца 1862 комиссар Краковского воеводства, организатор вооруженных отрядов, участник нескольких сражений. Прибыв в Варшаву, стал одним из окружных начальников, был в оппозиции правительству К. Маевского, в сентябре — октябре 1863 член Национального правительства (секретарь). Эмигрировал в начале 1864 130, 140, 361, 444, 474, 516, 517, 527, 528, 559
- Бжезинский (Бржезинский; Brzeziński; Zbrzeziński) Бронислав (? — ок. 1865) — варшавский чиновник. В июне 1863 назначен референтом Отдела внутренних дел Национального правительства, затем порвал с ним в знак несогласия с политикой «белых». В апреле — декабре 1864 предпринял попытку восстановить Национальное правительство. Эмигрировал, умер во Франции 583, 586
- Бжозовский (Бржозовский; Brzozowski) Людвик (у Авейде встречается ошибочное: Карл) (1833—1873) — литератор, студент Варшавской Медико-хирургической академии, участник патриотических молодежных организаций. В 1861—1862 был за границей, где издавал журнал «Бачность», сблизился с Л. Мерославским и как эмиссар последнего вернулся в Варшаву. Участвовал в восстании 1863, затем снова эмигрировал 290, 361
- Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — генерал царской армии, с 1838 киевский генерал-губернатор, в 1848—1852 — член Государственного совета, с 1852 по 1855 — министр внутренних дел 12, 216, 269
- Бибииков Илья Гаврилович (1794—1867) — генерал царской армии, участвовал в подавлении восстания 1830—1831, с 1850 по 1855 виленьский генерал-губернатор 12, 269
- Билиньский (Biliński), ксендз 141
- Блан (Blanc) Луи (1811—1882) — французский политический деятель, историк 459
- Блашиньский (Блешиньский; Błaszczuński) Казимеж (?—1863) (псевд.: Богдан Боньча, упоминается также ошибочно под фамилией Томашевский Конрад) — капитан русской артиллерии. В восстании военный начальник Плоцкого воеводства, командир отряда в Сандомирском воеводстве, погиб 18.VI. 1863 418, 493, 502, 505, 509, 526
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф — русский государственный деятель, председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1862) 186
- Бляу (Blau) Станислав — начальник полицейского ревира в Варшаве, убитый «кинжальщиком» 146
- Бобровский (Bobrowski) Стефан (1841—1863) — студент Петербургского университета, один из деятельнейших членов партии «красных», революционный демократ. В январе 1863 вошел в ЦНК и Временное Национальное правительство, начальник города Варшавы. Убит на дуэли А. Грабовским 12.IV. 1863 XVII — XIX, XXXVI — XXXVIII, 7, 86, 116, 118, 122, 130, 133, 136, 137, 139, 486, 496, 501, 504, 505, 509, 510, 512, 513, 515—517, 520—525, 527—529, 535, 545, 548, 555, 556, 563, 602, 613
- Богданович (Bohdanowicz; Bogdanowicz) Казимеж (1833 (?) — 1863) — помещик. Командир повстанческого отряда, действовавшего в феврале 1863 в Люблинском воеводстве. Взят в плен и расстрелян в Люблине 5.III. 1863 116
- Богданович (Bohdanowicz; Bogdanowicz) Ян (1827 (?) — ?) — люблинский помещик. Был в 1862 помощником члена ЦНК, примыкал к его правому крылу, в декабре 1862 арестован и сослан XVII, XXXVI, 90, 115, 116, 139, 470, 471, 473—476, 481, 483, 484, 487, 499
- Богуславский (Bogusławski) Владислав (1838—1909) — театральный и литературный критик. За участие в восстании сослан в Сибирь 123, 139, 589

- Богущий (Bogucki) — помещик, член Каляшского воеводского комитета 474, 480
- Богуш (Bohusz) Анджей (ок. 1830—1863) — влоцлавский помещик. Участвовал в Познанском восстании 1848, был сослан на несколько лет в Сибирь, в 1863 примкнул к повстанцам, был агентом по закупке оружия, арестован и казнен во Влоцлавке 24.XI. 1863 527, 537, 554
- Бонапарт (Bonaparte) Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III, французский политический деятель 105, 109
- Бонковский (Bakowski; Bońkowski) Генрик — чиновник Комиссии просвещения в Варшаве, входил в состав Национального правительства (конец мая — начало июня 1863). Сослан на каторгу 117, 139, 140, 144, 147, 150, 566
- Бонольди (Bonoldi) Джузеппе Ахилло Эльмиро (1821—1871) — учитель пения, литератор, фотограф. Итальянец, с 1842 жил в Вильно, член Литовского провинциального комитета, в феврале 1863 выслан из пределов России, одновременно назначен представителем комитета за границей. Участник Парижской коммуны, умер от ран 487, 496, 540, 543
- Боньча — см. Блащинский
- Борелёвский (Borelowski) Марцин Мацей (1829—1863) (псевд.: Лелевель) — ремесленник. Участник Краковского восстания 1846. В 1860—1862 вел конспиративную работу в Варшаве, сблизился с «красными», был организатором и агитатором, чрезвычайно популярным среди ремесленников и рабочих. В начале 1863 произведен в полковники и назначен организатором вооруженных отрядов на Подляшье, подляшским и люблинским воеводским военным начальником. Погиб в бою 6.IX 1863 526, 527, 551, 578
- Борковский (Borkowski) Кароль (1802—1865) артиллерийский офицер, участник восстания 1830—1831 и экспедиции Заливского 1833, один из основателей Союза польских карбонариев в Галиции (1833), в 1834 арестован, участвовал в событиях 1848, в 1863 сотрудничал с Мерославским 236
- Борц — см. Бартц
- Босак — см. Гауке
- Босакевич (Bosakiewicz) Альфонс (иначе Юзеф) — варшавский полицейский чиновник, убит повстанцами 31.VIII.1863 146, 473
- Бохенский (Bocheński) Францишек — помещик Опочинского уезда; в 1861 доверенное лицо Сандомирского воеводства 416, 417, 559
- Браницкий (Branicki) Ксаверий (ок. 1814—1879), граф — офицер русской армии, один из богатейших польских магнатов, в 40-х гг. поселился во Франции. Принимал участие в деятельности польской эмиграции и политической жизни Франции, был близок к демократическим кругам (на его средства издавалась в 1849 газета А. Мицкевича «Трибуна народов»), финансировал ряд патриотических предприятий. В 1863 член польского комитета в Париже 510, 540
- Бржезинский — см. Бжезинский
- Бржозовский Карл — см. Бжозовский Людвик
- Бужинский (Буржинский; Burzyński) Томаш (1834—1904) — чиновник варшавского полицейского суда. В 1862 вступил в подпольную революционную организацию, был одним из окружных начальников Варшавы, в декабре 1863 — марте 1864 — референт Отдела внутренних дел Национального правительства. По процессу Траугутта был приговорен к смертной казни, замененной десятилетней каторгой. Автор воспоминаний («Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. IV) 127, 140, 361, 442, 444, 447, 451, 467, 489, 528
- Булгак (Bułhak) Томаш (1801—1895) — новгородский помещик. В 1839 за участие в организации Ш. Конарского сослан в Сибирь. По возвращении (1857) вновь участвовал в патриотическом движении (член виленского комитета помощи раненым и семьям повстанцев). В 1863 арестован и сослан 3, 9, 196
- Булгаков Яков Иванович (1743—1809) — русский дипломат. В 1764—1774 секретарь и советник посольства в Варшаве, в 80-е гг. посол в Стамбуле, с 1789 был в течение четырех лет посланником в Варшаве, с 1796 гражданский губернатор Виленской и Гродненской губерний 158
- Буржинский — см. Бужинский
- Буткевич (Butkiewicz) Бонавентура (1794—1871) — ксендз, с 1842 ректор духовной академии, с 1851 администратор дисцезии, с 1862 приходский священник 189
- Быстшоновский (Быстржановский, Wystżonowski; Арслан-паша, «Ессек-паша») Людвик Тадеуш Шафранец (1797—1878) — офицер в восстании 1830—1831, эмигрант. Стронник и агент А. Чарторьского в Венгрии (1848—1849), на Балканах и т. д. В 1853—1854 на службе в турецкой армии. В 1863 выступал в поддержку восстания 207
- Бэнэ (Benoe) Атаназий (1827—1894) — помещик, депутат (с 1861) галицийского сейма, умеренно консервативный политик. В 1863 член Национального комитета Западной Галиции. В 1863—1864 арестован. С 1882 депутат австрийского парламента 134, 547
- Бялобжеский (Белобржеский; Białobrzecki) Антоний (1793—1868), ксендз — варшавский генеральный викарий (с 1857) и

- администратор (в 1861) епархии. Отдал в ответ на действия царских войск распоряжение о закрытии костелов в Варшаве и приостановлении богослужения, за что был арестован и приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением 27, 38, 42, 356, 387, 391, 394, 403
- Бялокос (Białokos) (ок. 1828—1863) — учитель музыки в Белостоке. В 1863 — начальник города Белостока, был арестован и на пути в ссылку окончил жизнь самоубийством 475, 480
- Бялый (Biały) — начальник полицейского ревира в Варшаве, убитый «кинжальщиком» 146
- Вавжецкий** (Вавржецкий; Wawrzejcki) Томаш (1753—1816) — генерал, посол Четырехлетнего сейма, деятель патриотической партии, участник восстания 1794, после битвы под Мацевицами командующий повстанческими силами. Взят в плен. Впоследствии был сторонником России, министром юстиции в Королевстве Польском 171
- Вагнер — генерал царской армии 24, 397
- Вагнер (Wagner) Юзеф (ошибочно Леопольд) (1815—1882) (псевд. Хмелевский, Ойцек) — типографщик, театральный переводчик, журналист. Выступал в нелегальной печати, в мае — ноябре 1863 заведовал подпольными типографиями, в июне входил в состав Национального правительства, в ноябре эмигрировал 122, 123, 150, 151, 536, 565, 568, 589
- Валевский (Walewski) Александр Флориан (1810—1868) — граф, французский государственный деятель, министр иностранных дел (1855—1860) 539
- Валевский — помещик, в 1863 начальник Гостынского уезда 559, 564
- Валлгурский (Waligórski) Александр (1794—1873), граф — полковник шведской армии, эмигрант с 1831, сторонник А. Чарторыского, преподаватель польской военной школы в Италии. В 1863 генерал-квартирмейстер отряда Лянговича, военный начальник Люблинского воеводства 135, 517, 578
- Ванькович (Wajkowicz) Валентый (1799—1842) — художник 228
- Варавский (Wagawski) Фердинанд (1835—?) — офицер русской армии, поручик, член петербургского офицерского кружка, один из ближайших сотрудников Я. Домбровского. В 1862 был привлечен к следствию, в 1866 приговорен к каторжным работам 139, 491—493, 496
- Василевский (Wasilewski) Густав (ок. 1839—1863) — член тайной организации «Тройницкий союз» в Киеве, в 1861—1862 в польской военной школе в Италии, агент ЦНК, примыкал к левому крылу «красных». В 1863 — комиссар Люблинского воеводства, убит 24.IV.1863 91, 129, 474 478, 527—529
- Васильчиков Илларион Илларионович (1805—1862), князь — в 1856—1862 киевский генерал-губернатор, командующий войсками Киевского военного округа 12, 273
- Васович Никола — политический авантюрист 207
- Вашковский (Waszkowski) Александр (1841—1865) — сын чиновника, студент Петербургского университета. С 1862 участник подпольных варшавских организаций, в 1863 совершил экспроприацию Главной кассы Королевства Польского, с лета 1863 — окружной начальник в Варшаве, с декабря 1863 — начальник города Варшавы. Казнен в Варшаве 17.II.1865 152, 569, 570, 583
- Ведель (Wedel) — варшавский кондитер 26, 32, 33, 356
- Велёпольский (Wielopolski) Александр (1803—1877), маркиз — реакционный политик, ярый враг освободительного движения, сторонник соглашения и сотрудничества с царизмом. В 1861 — директор Правительственной комиссии вероисповеданий и просвещения и Правительственной комиссии юстиции, с мая 1862 — начальник гражданского управления в Королевстве Польском. В целях сдерживания революционного подъема проводил некоторые реформы и вместе с тем предпринимал репрессивные меры (рекрутский набор). В июле 1863 выехал за границу 6, 23, 24, 32, 38—41, 44—52, 54, 56, 61, 62, 64, 65, 67—69, 188, 295, 296, 310—312, 314, 315, 317, 320, 323, 324, 326, 327, 329, 333, 334, 337, 339, 341, 343, 347, 364, 368, 370, 372, 374, 393, 403, 406—410, 420, 422, 425, 427, 429, 440, 461—463, 467, 504, 507, 508, 563, 564, 594, 613
- Велёпольский Зыгмунт (1832—1902), маркиз, сын Александра В., с 1862 президент города Варшавы, камергер, администратор Ловичского княжества 504
- Вельгорский (Wielhorski), граф — познанский помещик, кандидат в члены гражданского правительства при Лянговиче 519
- Венгленский (Венглинский; Wegliński) Францишек, один из сотрудников А. Замойского в Земледельческом обществе 408
- Верещинский (Wereszczyński) Улиан (?—1863) — сын помещика, один из создателей и агент Городского комитета и ЦНК, примыкал к левому крылу «красных», комиссар Калишского воеводства, погиб в восстании 91, 129, 360, 376, 444, 447, 468, 489, 528
- Вериго (Weryho) Эдмунд (ок. 1840—1902) — студент Петербургского университета, член Литовского провинциального коми-

- тета. В 1863 арестован и выслан. Позднее промышленник 487—489, 496
- Вернигора — легендарный певец-пророк, запорожский казак, предсказывавший будущее Польши (XVIII в.). Фигурирует в ряде произведений польской литературы и искусства 258
- Верницкий (Wernicki) Ян — почтовый чиновник. Осенью 1862 — помощник члена ЦНК, в марте 1863 член Национального правительства, затем в оппозиции Национальному правительству. После восстания арестован, но вскоре освобожден. В литературе высказывались предположения о его провокаторской роли 115, 120, 122, 140, 470, 473, 478, 484, 489, 510, 527, 536, 563—567, 589
- Вжесьнёвский (Вржесневский; Wrześniowski) Альф — офицер русской армии, в 1862—1863 в Варшаве, адъютант вел. кн. Константина, в освободительном движении участия не принимал 491
- Вжесьнёвский Эдвин — офицер русской армии, член кружка Сераковского. В 1863 в повстанческом отряде 491
- Виллизен (Willisen) Вильгельм (1790—1879) — прусский генерал. В 1831 опубликовал отчеты о военных действиях в Польше, выдержанные в духе сочувствия повстанцам, вследствие чего имел известную популярность в польских кругах, в 1848 был назначен военным комиссаром в княжестве Познанском, где осуществлял политику «умиротворения», инициатор заключения Ярославцевой конвенции 253, 254
- Вильгельм I (1797—1888) — король Пруссии (с 1861) и император Германии (с 1871) 609
- Вилькошевский (Wilkoszewski) — агент Литовского провинциального комитета, погибший (?) во время восстания 487, 496
- Виндишгрец (Windischgrätz) Альфред (1787—1862), князь — австрийский фельдмаршал, командующий армией, подавившей восстания в Праге и Вене (1848) и действовавшей против восставшей Венгрии 282
- Винницкий (Winnicki) Томаш (1828—1883) — почтовый чиновник. Был помощником члена ЦНК, начальником полиции в Варшаве, был близок к правому крылу «красных». В 1863 начальник штаба в отряде Езёранского. После восстания страховой агент, землевладелец, промышленник в Галиции 90, 115, 139, 470—473, 475, 476, 484, 528, 576
- Вихерт Анна — сестра Константина В., убитая «кинжальщиком» 146
- Вихерт Константин — варшавский домовладелец, убитый «кинжальщиком» 146
- Вноровский (Wnоровski) Казимеж (1818—1885), ссендз — в 1862 пробощ в шанецком приходе, впоследствии люблинский епископ 479
- Войзбун (Wojzbnun) — помещик Мариампольского уезда, член организации «белых» 417
- Война (Wojna), ссендз 394, 404
- Войцеховский (Wojciechowski) — агент ЦНК в Плоцкой губернии, погиб во время восстания (?) 444, 475
- Войцеховский Титус — люблинский помещик. В 1862 член дирекции «белых» и «Национальной делегации» 415
- Войцеховский Юзеф (1837—?) — почтовый чиновник. В 1863 комиссар по делам почты при Национальном правительстве. После восстания владлец фотографии в Галиции 124, 576, 577, 586
- Войциньский (Войчинский; Wojciński) Тадеуш, командовал косинерами в отряде Рамотовского («Вавра») 417, 418
- Войциньский Ян, отец 417
- Войциньский Ян, сын, в 1861 доверенное лицо Августовского уезда, в конце 1862 арестован, но вскоре освобожден 358, 365, 417, 418
- Воллович (Wołowicz) Михал (?—1833) — участник экспедиции Заливского, пытавшийся поднять восстание в Гродненской губернии, повешен в Гродно 236—238
- Воловский (Wołowski) — помещик Радомской губ., агент Дирекции в Париже 423, 431, 440
- Воловский Людвик (1810—1876) — экономист, жил во Франции (профессор в Париже) и публиковал свои работы на французском языке 540
- Волоский (Wołoski) Ян Кантый — прокурор IX департамента Сената, в 1861 назначался директором комиссии юстиции, вышел в отставку, в июне 1863 арестован, сослан в Пензу, где и умер 342
- Воль (Wohl) Генрик (1842—1907) — банковский чиновник в Варшаве, член кружка Юргенса и дирекции «белых». С весны 1863 референт Отдела финансов при Национальном правительстве, осенью арестован, сослан 122, 139, 439, 585, 588, 605
- Вольский (Wolski) Владзимеж (1834—1882) — поэт (автор либретто оперы «Галька»). Входил в кружок так называемой «варшавской богемы», был связан с организациями патриотической молодежи, в 1860—1861 принял участие в организации патриотических манифестаций. После 1863 эмигрировал 290, 361, 376
- Вольский — чиновник уездного суда в Ленчице, в 1863 начальник уезда 559, 564, 586
- Вольф (Wolff) Анджей (1831—1903) — адвокат, член дирекции «белых». Был арестован и сослан 439
- Вржесневский — см. Вжесьнёвский
- Вроновский — см. Вноровский
- Выбицкий (Wybicki) Юзеф (1747—1822) — политический деятель, публицист, поэт. Посол сейма, участник восстания 1794, легионов, восстания 1806 в Великой Польше, занимал высокие посты в Кня-

- жестве Варшавом и Королевстве Польском. Автор слов польского национального гимна 159
- Высоцкий (Wysocki) Петр (1799—1875) — офицер войск Королевства Польского, организатор так называемого «заговора подхорунжих» и нападения на Бельведер, положившего начало восстанию 1830—1831. При взятии Варшавы был ранен и попал в плен. До 1857 в сибирской ссылке 196, 534
- Высоцкий Юзеф (1809—1873) — генерал. Участник восстания 1830—1831, эмигрант, член Демократического общества, в 1848 командир польского легиона в венгерской революционной армии. Один из руководителей польской военной школы в Италии (1861—1862). В 1863 занимался организацией помощи восстанию в Галиции, руководил экспедицией на Радзивиллов (июль 1863) 119, 134, 220, 246—248, 256, 257, 377, 424, 425, 430, 431, 435, 477, 486, 498, 513, 517 — 519, 523, 526, 546, 547, 600
- Вышиньский (Wyszyński) Юзеф (1811—?) — ксендз-каноник, в 1861 член делегации города Варшавы, осенью 1861 сослан, в августе 1862 возвращен из ссылки, вновь сослан в 1863 290, 297, 357, 376, 377, 605, 606
- Вышомерский (иначе: Вышомирский, Wyżomierski) Юзеф — аптекарь, окружной начальник в варшавской организации 451, 452, 471
- Вэнтра (Vintras) Эжен (1807—1875) — французский ремесленник, основатель мистической секты 228
- Вяткин Александр Сергеевич — генерал-лейтенант, в 1864 комендант города Вильно 84, 85
- Гавелкевич (Gawełkiewicz) Юлиан — служащий аптеки, член варшавской революционной организации, в 1863 один из помощников начальника города, осенью городской интендант Военного отдела при Национальном правительстве, в начале 1864 организатор и интендант Варшавы. После восстания эмигрировал 528, 537
- Гавроньский (Gawroński) Виктор — помещик Мариампольского уезда, член организации «белых» 417
- Гавроньский Зыгмунт (1816—1866) — помещик Кальварийского уезда, член организации «белых» 417
- Гаженц (?) — член повстанческой организации в Вильно XIX, XXXVIII, 9
- Галензовский (Gałęzowski) Северин (1801—1878) — известный польский хирург, общественный деятель польской эмиграции, директор (с 1854) польской школы в Париже (Батиньольская школа). В период восстания член Комиссии национального долга 138, 540
- Галензовский Юзеф (1834—1916) (псевд.: Голанский Ян, Голкович Игнаций) — офицер русской армии, преподаватель военной академии в Петербурге, капитан генерального штаба. В 1861 сблизился с кружком Юргенса. В 1863 присоединился к повстанцам, с апреля консультант правительства по военным вопросам, затем член, а с сентября начальник Военного отдела. В апреле 1864 эмигрировал 90, 119, 140, 491, 494, 536, 550, 577, 609
- Галер (Халлер; Haller) Цезарий — член Отдела Восточной Галиции 134, 547
- Галера (Galera) Адольф — помещик Кальварийского уезда, член организации «белых» 417, 475
- Галера Генрик — помещик Кальварийского уезда, член революционной организации 475, 480
- Ган (Хан; Hanh) — краковский купец, сторонник «белых», весной 1863 был включен в состав Исполнительного отдела Западной Галиции 134, 547
- Гарibaldi (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882) — итальянский революционер 18, 31, 113, 283, 293, 377
- Гауке (Хауке; Hauke) Юзеф (1834—1871) — до 1862 офицер русской армии. С середины 1863 командующий отрядами Сандомирского и Краковского воеводств (псевд.: Босак), генерал. После восстания демократический деятель эмиграции (Польский республиканский очаг, международная Лига мира и свободы). Командуя французским корпусом, погиб во время войны с Пруссией 578, 618
- Гебда (Хебда; Hebda) Станислав (1808—1868) — бухгалтер Главной кассы Королевства Польского, в 1863 по распоряжению Национального правительства передал повстанцам кассу Королевства, после чего эмигрировал 151, 569, 570
- Гедройц (Giedroyc) князь — волынский (?) помещик 523
- Гейденрейх (Хейденрайх; Heidenreich) Михал Ян (1831—1886) — офицер русской армии, член польского офицерского кружка в Петербурге, с лета 1863 присоединился к повстанцам (псевд. Крук), был военным начальником Люблинского и Подляшского воеводств, командовал в чине генерала крупными повстанческими соединениями, в 1864 эмигрировал 139, 140, 141, 491—493, 543, 578, 618
- Гейштор (Gieysztor) Якуб Вильгельм Каспер (1827—1897) — ковенский помещик, публицист. Придерживался консервативных убеждений, в 1861 создал организацию, идеологически близкую «белым». В 1863 примкнул к восстанию и был назначен председателем «Отдела литовских провинций». 31.VII.1863 арестован, сослан на каторгу. Автор воспоминаний

- «Pamiętniki z lat 1857—1865» (2 t. Wilno. 1913). 131, 278, 419, 522, 597, 617
- Генель (Хенель; Hoppel) Адольф (в тексте также Владислав) (ок. 1829 —?) — журналист, сотрудник «Газеты польской» в Варшаве, участвовал в работе варшавской революционной организации, в подпольной повстанческой печати, в мае — сентябре 1863 редактор издаваемого Национальным правительством «Дзенника народного», окружной начальник на Праге. В 1864 сослан в Сибирь 127, 140, 528, 590
- Генеси — см. Хеннеси
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) (псевд.: Искандер) — русский революционер-демократ V, VIII, 20, 221, 239, 283, 287, 459, 460, 486, 494
- Герштенцевейг Александр Данилович (1818—1861) — в августе — октябре 1861 варшавский военный генерал-губернатор и директор Правительственной комиссии внутренних дел 27, 350, 352, 356, 392
- Гживинский (Грживинский; Grzywiński) — почтовый чиновник в Петрокове, член калишского воеводского комитета 474, 480
- Гзовский (Gzowski) Гервазий — участвовал в патриотических организациях 40-х гг., был сослан, в феврале 1863 — член Исполнительной комиссии, летом помощник директора Отдела иностранных дел при Национальном правительстве, в сентябре арестован, приговорен к каторге 121, 139, 510, 536, 592
- Гиллер (Giller) Агатон (1831—1887) — журналист, историк, деятель конспирации. В 50-е гг. принимал участие в революционной пропаганде, был сослан, в 1860 вернулся в Варшаву. Принял участие в патриотических манифестациях, примыкал к умеренному крылу «красных». С июня 1862 вошел в ЦНК, в сентябре вел в Лондоне переговоры с Герценом. В январе 1863 вышел из состава ЦНК. После начала восстания был членом Исполнительной комиссии и в марте — мае 1863 — членом Национального правительства, редактировал подпольные издания «Стражница», «Рух», «Вядомосци с поля битвы». Своим содействием партии «белых» вызвал недовольство радикальных кругов и отстранился от деятельности в правительстве, а затем эмигрировал. В эмиграции продолжал политическую и публицистическую деятельность. Автор труда: «Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 г.» (4 t. Paryż, 1867—1871) XVI—XVIII, XXXV, XXXVI, 115, 118, 121—124, 137, 139, 147, 449—451, 454, 455, 459, 463—465, 468—470, 476—478, 481, 482, 484, 492, 500, 501, 510—512, 515—517, 520, 533, 534, 536, 562, 583, 589, 591, 593, 595
- Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — русский славяновед, историк, фольклорист. В 1863 выступал со статьями, направленными против восстания 20
- Гирштовт (Гирштофт; Girsztowt) Поликарп (1827—1877) — врач, профессор Варшавского университета. Во время восстания 1863 оказывал помощь повстанцам, был руководителем санитарной службы, возглавлял главный санитарный комитет 577, 582, 586
- Гишпанский (Хишпанский; Hiszpański) Станислав (1815—1890) — состоятельный варшавский ремесленник, сапожный мастер, популярный среди горожан, в феврале 1861 был включен в состав «Делегации города Варшавы», в феврале 1862 выслан в Вятку 38, 408, 461
- Гликсели (Гликзели; GlikSELLi; Glixeli) Войцех (1841—1882) — студент Школы изящных искусств в Варшаве, участник революционных молодежных кружков, подпольной организации «красных». В апреле 1863 вошел в Комитет общественного спасения, боровшийся против правительства «белых», был арестован и выслан из Варшавы полицией Национального правительства, а затем царскими властями, которые были вынуждены, однако, освободить его за недостатком улик 564, 567, 568
- Глинка (Glinka) Юзеф — помещик, в 1863 начальник Остроленского уезда 559, 564
- Глюк (Glück) Теофиль (1824—1884) — врач, агент Национального правительства в Бухаресте 137, 145, 593
- Гогель Николай Валерьянович (1838—1870) — царский чиновник, член виленской Особой следственной комиссии по политическим делам (до 1867), автор тенденциозно-пасквильного сочинения «Иозафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего польского, мятежа» (Вильно 1866, 2 изд. 1867) XIII, XIX, XXXII, XXXVIII
- Годобский (Godebski) Ксаверий (1801—1867) — участник восстания 1830—1831, эмигрант, затем директор музея Оссолинских во Львове, в 1863 член Комиссии по закупке оружия в Льеже 137, 138, 581
- Годлевская (Godlewska) — жена помещика Августовской губернии 396
- Годлевский (Godlewski) Францишек (ок. 1834—1863) — сын шляхтича-однодворца Ломжинского уезда. Участник молодежных организаций и конспиративной деятельности в стране и за границей в конце 50-х — начале 60-х гг., вел агитацию среди варшавских ремесленников, редактировал подпольную газету «Побудка» (с декабря 1861), был одним из основателей и членов Городского комитета. В апреле 1862 арестован за участие в патриотических манифестациях, но

- вскоре освобожден. С октября 1862 — помощник члена и затем член ЦНК. В декабре 1862 — январе 1863 посылался во Францию для закупки оружия, но был задержан французской полицией. Погиб 4.II.1863 в битве под Равой (в отряде Езераньского) 6, 86, 115, 139, 280, 411, 444, 470, 471, 475, 476, 478, 484, 486, 498, 499
- Големберский (Golemberski, Gołęberski) Владислав (1834—1891)—варшавский учитель, журналист. В 1858—1862 был связан с кружками Юргенса и Маевского, участвовал в организации патриотических манифестаций, занимая при этом умеренную позицию и проводя линию «белых». В марте — июне 1863 гражданский начальник Краковского воеводства, с июня член Национального правительства, директор Отдела иностранных дел, Военного отдела и полиции, с августа комиссар в Краковском воеводстве. С 1864 в эмиграции, вел активную политическую деятельность в Галиции XVI, XXXV, 117, 118, 119, 121, 130, 140, 145, 281, 364, 417, 515, 559, 570, 584, 592
- Голиан (Голиян; Goliań) Зыгмунт (1824—1885), коендз, в 1862—1867 профессор Духовной академии в Варшаве, один из ближайших сотрудников епископа Фелиньского, публично выступал против патриотических манифестаций 43, 60, 402, 461
- Голуховский (Gołuchowski) Юзеф (1797—1858)—польский философ-идеалист, в 1823—1824 профессор Виленского университета, во время восстания 1830—1831 директор Комиссии просвещения 173
- Гольц (Goltz) Адам (1817—1888) — подляшский помещик, активный член «Земледельческого общества», накануне и в период восстания был близок партии «белых», поддерживал связь с парижской аристократической эмиграцией 416, 559
- Гонсёрровский (Gąsiorowski)—помещик, в 1863 начальник Люблинского уезда 559, 564
- Горещий (Gogęcki) Антоний (1787—1861) — поэт. Участвовал в войне 1812 и в восстании 1830. В эмиграции был непродолжительное время связан с сектой А. Товяньского 229
- Горновский (Хорновский; Hornowski) — помещик, в 1861 при составлении «Национальной делегации» был доверенным от Мазовецкого воеводства 415
- Городыньский (ошибочно: Городенский; Hogoðuński) Люциан — помещик, в качестве доверенного лица от Люблинского воеводства участвовал в 1861 в формировании «Национальной делегации», в 1862 член дирекции «белых» (?) 363, 415—417, 423, 431, 435
- Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), князь — царский генерал, участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831 и венгерской революции 1848—1849 и в войне 1853—1855, с января 1856 наместник в Царстве Польском и командующий 1-й армией 12, 22—24, 272, 273, 293—300, 302, 309, 314, 316—318, 320, 331—333, 361
- Госевский (Gosiewski) Антоний — в 1863 начальник Августовского уезда 417, 559
- Госляр (Goslar)—чиновник лесного ведомства в Кельце, погиб во время восстания (?) 474, 480
- Гоффман (Hoffman) Кароль Боромеуш (1798—1875)—юрист, историк, публицист, после 1831 в эмиграции, сторонник Чарторьского, редактор «Кроника эмиграции польской» 176
- Гоциньский (Goszczyński) Северин (1801—1876) — поэт, революционный деятель. Участвовал в нападении на Бельведер и военных действиях 1830—1831. В 1834 в Галиции организовал «Содружество польского народа». В эмиграции примыкал к демократической ее части (сотрудничал в сатирическом журнале «Пшонка»). В 1842 вступил в секту А. Товяньского 229
- Грабовский (Grabowski) Адам Пий Вацлав (1827—1899), граф — агент партии «белых», отставной поручик прусской армии, камер-юнкер прусского двора. В 1863 принял участие в интригах против ЦНК и, выдавая себя за уполномоченного ЦНК, содействовал провозглашению диктатуры Лянгевича. Разоблаченный С. Бобровским, 12.IV.1863 убил его на дуэли. В дальнейшем жил преимущественно в Австрии 116, 118, 122, 496, 516, 517, 520, 521
- Грабовский Михаил (1804—1863) — литературный критик, публицист, автор исторических романов. Противник освободительного движения, сторонник сотрудничества с царизмом (публицист консервативного польского издания — «Тыгодник петербургский»). В 1863 был назначен Велепольским директором комиссии просвещения и вероисповеданий 46, 216
- Грабовский Эвстахий — помещик, сторонник «белых», в феврале—июле 1853 начальник Плоцкого воеводства, арестован и сослан на каторгу 91, 130, 139, 418, 529, 558, 584
- Грабовский Юзеф — инженер, в 1861 был связан с кружком Юргенса, участвовал в выборах Национальной делегации, в июне 1863 член Национального правительства, затем комиссар в Западной Галиции, а позже комиссар при Мерославском как генеральном организаторе вооруженных сил. После восстания в эмиграции 91, 117, 118, 124, 135, 140, 361, 375, 439, 570, 571, 601, 602
- Градовский (Gradowski) Генрик — начальник полицейского ревира в Варшаве, раненный «кинжалщиком» 146

- Грасс — чиновник 356
- Грегорович (Gregorowicz) Казимеж (1833—1889) — судья лисблагского трибунала. В 1861 глава «делегации» в Люблине, в 1863 гражданский начальник Люблинского воеводства, был близок сперва правому крылу «красных», затем партии «белых». Под конец восстания эмигрировал и поселился в Париже. Опубликовал «Pogląd krytyczny na wypadki z r. 1861, 1862 i 1863» (2 t. Lwów, 1880) 91, 129, 140, 452, 474, 529, 559
- Грекович (Grekowicz) Юзеф Адам (1834—1912) (псевд.: Гроностайский) — инженер, офицер русской армии. В январе 1863 возглавил повстанческий отряд в Калишском воеводстве, в феврале военный начальник Краковского воеводства, затем командир отряда на Люблинщине, организует повстанческие отряды в Самборском и Санокском округах (Галиция). После разгрома восстания в эмиграции 493, 496, 551
- Грживинский — см. Гживинский
- Григорий XVI (Бартоломео Мауро Капеллари) (1765—1846)—римский папа с 1831. Крайний реакционер, осудил в булле от 9.VI.1832 польское восстание 1831 539
- Григорьев — старший член Постоянной следственной комиссии 90, 149
- Гродковский (Grodkowski) — виленский домовладелец 3
- Гротус (Grothus, Grotus)—начальник Плоцкого уезда, погиб 5.V. 1863 502, 518, 521
- Грудзинская (Grudzińska) Иоанна (1799—1831) — княгиня Ловичская, жена великого князя Константина Павловича 167
- Губе (Хубе; Hube) Ромульда (1803—1890) — юрист, высокопоставленный царский чиновник. Профессор Варшавского (1829—1832) и Петербургского (с 1841) университетов, председатель варшавского уголовного суда (1832—1834), Кодификационной комиссии (с 1851), сенатор. В 1861—1862 директор Комиссии просвещения и вероисповеданий, член Государственного совета 39, 405, 406, 461
- Губерт (Hubert) Леопольд (1832—?) — чиновник Главного архива в Варшаве, литератор, в 1863 сослан, впоследствии возвращен 83, 145
- Гуровский (Gurowski) Адам (1805—1866) — участник восстания 1830—1831, в эмиграции один из основателей «Демократического общества». В 1834 примирился с царскими властями и вернулся на родину, затем снова выехал за границу 46, 216
- Гутт (Gutt) Зыгмунт (?—1882) — помещик Сейненского уезда, литератор, член организации «белых». После восстания находился в эмиграции, выступал как публицист, в 1870 вернулся на родину 416, 418
- Гутт Фердинанд (ок. 1796—1871) — врач, родственник и адепт А. Товянского, переселившийся вслед за ним во Францию 228
- Гуттри (Guttry) Александр (1813—1891) — познанский помещик, участник восстаний 1830—1831, 1846 и 1848, представитель либеральных помещичьих кругов. Накануне восстания 1863 поддерживал постоянную связь с Варшавой, был против немедленного восстания и пытался содействовать слиянию «белой» и «красной» организаций, в качестве доверенного лица от Познанского княжества участвовал в 1861 в формировании Национальной делегации, а затем дирекции «белых», в марте 1863 возглавил Великопольский революционный комитет, а в мае вошел в состав Комиссии по закупке оружия в Льеже и Центрального польского комитета в Париже, осенью — в состав Общества польских патриотов в Дрездене, в 1864 комиссар в Англии и Франции. Издал «Pamiętniki» (2 t., Poznań, 1870) XV, XXXIV, 136, 137, 138, 457, 468, 476, 513, 524, 549, 553, 581, 600
- Далевский (Dalewski) Александр (1827—1862) — организатор патриотического заговора польской молодежи в Литве и Белоруссии («Братский союз») в 1846. Арестован в 1849 и приговорен к каторжным работам в Сибири. В 1858 вернулся в Вильно 256
- Далевский Титус (1841—1864) — студент Московского университета, брат Александра Д. Друг и ближайший сотрудник К. Калиновского в период его деятельности в повстанческом правительстве Литвы. Арестован 20.XII.1863 и по приговору военного суда расстрелян в Вильно 11.I.1864 XIX, XX XVIII, 9, 131
- Далевский Францишек (1825—1904) — организатор (вместе с Александром Д.) «Братского союза» (1846). В 1849—1859 под арестом, на каторге и в ссылке. Один из создателей литовской организации «белых». В 1863 член Отдела литовских провинций. Арестован 10.VII.1863 и сослан на каторгу. В 1883 поселился в Варшаве 256, 522, 597
- Даниловский (Daniłowski) Владислав (1841—1878) — студент Варшавской Медико-хирургической академии. В 1861 вступил в конспиративную студенческую организацию, в 1862 член ЦНК. Горячий приверженец Мерославского. В январе 1863 член Национального правительства. В 1863 эмигрировал, в 1865 вернулся в Варшаву, был арестован, дал подробные показания, отправлен в ссылку. Автор воспоминаний: «Notatki do pamiętników» (Kraków, 1908) XX—XXIII, XXV, XXVI, XXXIX, XLI, XLIV, XLV, 90, 115, 139,

- 279, 361, 444, 450, 465, 470, 477, 505, 506, 511
- Деак (Deak) Ференц (1803—1876) — венгерский политический деятель, в марте 1848 министр юстиции, противник революции, глава партии соглашения с Габсбургами, с 1867 лидер правительственной партии в венгерском парламенте 359
- Делянов Иван Давидович (1818—1897), граф — царский чиновник, в 1858—1860 и 1861—1865 попечитель Петербургского учебного округа, с 1865 сенатор, в 1882—1897 министр народного просвещения, крайний реакционер 5
- Дембинский (Dembiński) Герик (1791—1864) — польский генерал, командующий корпусом во время восстания 1830—1831, затем главнокомандующий, в эмиграции сторонник Чарторьского, в 1849 командующий армией венгерских повстанцев 134, 256, 257
- Дембинский (Dębiński — Kaczkowski) Эугениуш (ок. 1820—1887) (псевд.: Качковский, Кот) — капитан французской армии. В 1863 член Исполнительной комиссии, с февраля помощник главного директора военной комиссии, фактический руководитель Военного отдела, в ноябре выехал в качестве военного агента Национального правительства за границу 118, 119, 140, 477, 480, 510, 512, 524, 525, 536, 550, 577, 582, 611
- Дембицкий (Dębicki) Максимилиан (ок. 1830—?) — по-видимому, член повстанческой организации в Вильно, сослан в Томскую губ. 3
- Демонтович (Demontowicz) Юзеф Блажей (1823—1876) — служащий в Ковно и Вильно. В 1860—1861 занимался подготовкой восстания в Литве, создал ковенскую организацию, в 1862 агент ЦНК в Западной Пруссии (с марта) и княжестве Познанском (с сентября), занимался закупкой и транспортом оружия, участвовал в работе льежской комиссии и организации экспедиции Лапиньского, вел борьбу с агентами аристократической эмиграции, с августа 1864 — агент Национального правительства в Швеции, Норвегии, Дании 136, 444, 447, 510, 544, 598
- Денель (Dehnel) Болеслав (1830—1863) — чиновник варшавской консистории, публицист. За патриотическую деятельность в 1860—1861 арестовывался, в 1861 основал газету «Стражница», был вновь арестован и выслан из Варшавы. В 1863 вступил в повстанческий отряд и погиб 9.IV.1863 361
- Дескур (Deskur) Бронислав (1830—1895) — подляшский помещик. С 1860 вел подготовку к восстанию и занимался созданием подпольной организации на Подляшье, в 1863 командовал повстанческими отрядами, был помощником военного начальника Подляшского воеводства, в августе был послан для формирования подкреплений в Галицию, арестован австрийскими властями. В марте 1864 эмигрировал. Оставил воспоминания («Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. II) 129, 140, 474, 529, 559, 564
- Дезавановский (Dziewanowski) Доминик — плоцкий губернатор 50
- Джевецкий (Држевецкий; Drzewiecki) Петр — доктор, назначенный в июне 1863 комиссаром Восточной Пруссии 137, 581, 599
- Дзедзичкий (Dziedzicki) Телесфор (?—1863) — сенатор, плоцкий помещик, противник восстания, расстрелянный по приказанию Падлеского 514
- Держановский (Dzierżanowski) Виктор — комиссар X округа исполнительной полиции города Варшавы 472, 480
- Дзялыньский (Działyński) Адам Титус (1796—1861) — польский культурный деятель, собиратель древностей (основал Курницкую библиотеку), издатель исторических памятников. Участвовал в восстании 1830—1831 и в познанском движении 1848. С 1859 депутат прусского парламента 292
- Дзялыньский Ян Кантый (1829—1880) — великопольский магнат, сын Адама Титуса Д., сторонник партии Чарторьского, с 1861 депутат прусского ландтага, в 1863 поддерживал «белых», входил в познанский революционный комитет, в 1863—1864 был организатором вооруженных сил на землях, находившихся под властью Пруссии, членом комиссии по закупке оружия в Льеже, был заочно осужден прусским судом (в 1863—1868 находился в Париже). Известен как мценат, издатель памятников и научных трудов 136, 137, 549, 553, 581, 600
- Дзяшковский (Dziaszkowski) — ксендз 390, 394
- Дибич Иван Иванович (1785—1831), граф — фельдмаршал, командовал царскими войсками во время польского восстания 1830—1831 167
- Длуский (Dłuski) Болеслав Роман (1826—1905) (псевд.: Яблоновский) — будучи гимназистом сослан в 1840 г. в солдаты на Кавказ за участие в патриотическом движении, дослужился до чина капитана, затем учился в Петербургской академии художеств и на медицинском факультете Московского университета. В 1862 член Литовского провинциального комитета. В 1863 комиссар Ковенского воеводства, возглавил повстанческий отряд, прославившийся активными и успешными действиями. С 1864 в эмиграции, в 1873 поселился в Галиции XXVIII, XLVII, 487, 489, 496
- Добецкий — см. Дубецкий

- Добжанский (Добржанский; Dobrzycki) Ян (1820—1886) — публицист и литератор, редактор ряда львовских журналов и газет, в том числе «Дзеньник літерачкий» (1856—1865) 134
- Добровольский (Dobrowolski) Францишек (1830—1896) — юрист, чиновник Государственного совета в Варшаве. С началом восстания был назначен начальником Равского уезда, в мае—июне и в сентябре—октябре 1863 был членом Национального правительства. Весной 1864 был арестован и сослан, после возвращения в 1865 эмигрировал, был редактором газеты и директором театра в Познани XX, XXXIX, 117, 145, 559, 564, 583
- Домагальский (Domagalski), ксендз 42
- Доманский (Domański) — помещик, в 1863 начальник Ленчицкого уезда 559, 564
- Домбровский (Dąbrowski) Теофиль (1842— после 1878) — брат Ярослава Д., окончил Варшавскую Школу изящных искусств, служил помощником землемера, в 1862 был арестован, но вскоре освобожден, в 1863 офицер повстанческих войск, затем в эмиграции, в 1871 участник Парижской коммуны, после чего переехал в Лондон, занимался журналистикой. Дальнейшая судьба неизвестна 493, 496
- Домбровский Флориан (1798—1848) — офицер армии Королевства Польского, участник восстания 1830—1831, затем эмигрант. Принял участие в познанском восстании 1848, командовал лагерем в Ксёнже, при обороне которого погиб 250
- Домбровский Ян Генрик (1755—1818) — генерал, участник восстания 1794, организатор польских легионов в Италии (1797) и восстания в Великой Польше (1806), участник наполеоновских войн. Сенатор и воевода Королевства Польского 160, 161
- Домбровский Ярослав (1836—1871) — офицер русской армии, окончил Академию генерального штаба, был одним из руководителей петербургского военно-революционного кружка. С весны 1862 член Городского комитета, а затем ЦНК, начальник города Варшавы, вел энергичную подготовку к восстанию, стоял во главе левого революционно-демократического крыла «красных». 14.VIII. 1862 был арестован, в 1864 приговорен к 15 годам каторги, 1.XII. 1864 бежал из Московской пересыльной тюрьмы, эмигрировал во Францию, был одним из руководителей Объединения польской демократии. В 1871 генерал Парижской коммуны, главнокомандующий ее вооруженными силами. Погиб 23.V. 1871 V, VIII, XVI, XXXV, 139, 408, 444, 449, 450, 453, 454, 459, 460, 465, 482, 491—493, 501, 580, 581
- Домбровский — чиновник 143
- Домейко (Domejko) Александр (1804—1878) — виленский помещик, с 1855 предводитель дворянства Виленской губернии. Заядлый крепостник, противник крестьянской реформы, активно боролся против освободительного движения, в 1863 деятельно сотрудничал с Муравьевым, организовал подписание верноподданнического адреса от имени виленского дворянства, послужившего причиной не удавшегося покушения патриотов на его жизнь XVIII, XXXVII, 8, 9, 87, 617
- Дормановский (Дермановский; Dormanowski) Мечислав (?—1863) (псевд.: Суходольский) — уроженец Познани, в 1863 работал в виленской повстанческой организации, был арестован в августе, казнен в декабре XIX, XXXVIII, 8
- Древновский (Drewnowski) Рафал (1834—1890) — ксендз-профессор духовной семинарии в Плоцке. Как агент ЦНК работал по созданию патриотических организаций, занимался сбором повстанческого налога. В 1863 был арестован и сослан 444
- Древновский Ян (псевд.: Яворский) — офицер русской армии, в 1863 был военным начальником Калишского воеводства, в мае позорно бросил возглавляемый им отряд 526, 537, 552
- Држевецкий — см. Джевецкий
- Дроздович (Drozdowicz) Францишек, комиссар 1-го циркула варшавской городской полиции 66, 126, 143, 146, 472, 480, 608
- Друцкий-Любецкий (Drucki-Lubecki) Францишек Ксаверий (1778—1846), князь — член Временного правительства Королевства Польского (1815), в 1821—1830 министр финансов, сторонник сотрудничества с царизмом, противник восстания 1830 164, 171
- Друэн де Люн (Drouyn de Lhuys) Эдуард (1805—1881) — французский политический деятель, министр иностранных дел в 1848—1849, 1852—1855 и 1862—1866 583, 595
- Дубецкий (Dubiecki; ошибочно Добецкий) Мариан (1838—1926) — историк. Учился в Киевском университете, с 1860 учитель гимназии в Ровно, за участие в Городельской манифестации сослан (1861—1862). Вел конспиративную работу на Волыни, с мая 1863 — секретарь Руси в Национальном правительстве. Арестован в апреле 1864, приговорен к смертной казни, замененной каторгой в Сибири (до 1874). Опубликовал воспоминания о Траугутте «Romuald Traugutt i jego dyktatura podczas powstania styczniowego 1863—1864» (неск. изд.) 118, 124, 132, 536, 537, 545, 595
- Дунин (Dunin Sulgustowski) Марцин (1774—1842) — архиепископ гнезненский и познанский (с 1830). В результате конфликта с прусскими властями (по вопросу о бра-

- ках между лицами разных вероисповеданий) подвергался репрессиям, в 1839—1840 был арестован и заключен в крепость 228, 230
- Дуньский (Duiński) Эдвард (1810—1857) — участник восстания 1830—1831 и экспедиции Заливского (1833). В эмиграции был членом Демократического общества, затем принял духовный сан, в 1847 вступил в секту А. Товянского 229, 230
- Духиньский (Duchyński; Duchński) Онуфрий — участник восстания 1830—1831, эмигрант, в 1863 под чужим именем и с французским паспортом прибыл в Вильно, был назначен военным начальником Гродненского воеводства, в августе после ряда неудач подал в отставку и выехал за границу 543
- Дыбовский (Dybowski) Бенедикт (1833—1930) — ученый-естествоиспытатель, географ, врач, профессор Главной школы в Варшаве (с 1862). Участвовал в молодежных патриотических организациях и манифестациях начала 60-х гг., в 1863 активно участвовал в деятельности Национального правительства, выезжал с поручениями в Киев и Житомир, Краков и Прагу. В феврале 1864 арестован, приговорен к каторге, с 1868 на поселении, вел имевшие выдающееся значение исследования Сибири, с 1883 профессор Львовского университета 596, 605, 606
- Дытвальд (Dytwald), чиновник — служащий ж. д., погиб во время восстания 529
- Дюлеран (Du Launans; Du Laugand) Нестор (?—1868) — железнодорожный чиновник, комиссар ЦНК и Национального правительства в Литве, член Отдела литовских земель, затем помощник комиссара на землях, захваченных Пруссией XIX, XXVIII, 7, 10, 87, 131, 132, 140, 144, 447, 457, 487—489, 522, 597, 598
- Еврейнов А. — коллежский ассессор 3, 4
- Екатерина II (1729—1796) — русская императрица с 1762 19, 158, 169
- Езёраньский (Jeziorański) Антоний (1827—1882) — участник венгерской революции 1848—1849, в 1863 присоединился со своим отрядом к Лянговичу, служил под его командованием и перешел в Галицию, откуда пытался организовать экспедиции, был военным начальником Люблинского воеводства. После восстания эмигрировал, был чиновником во Львове. Опубликовал воспоминания — «Pamiętnik od r. 1848 do r. 1863» (2 t. Lwów, 1880) 6, 86, 517, 519, 528, 551
- Еленьский (Jeleński) Антоний (1818—1866) — помещик Минской губернии, в 1863 — член Отдела литовских земель, сторонник «белых», был сослан на каторгу 131, 522, 597
- Еловицкий (Иеловицкий; Jelowicki) Александр (1804—1877) — участник восстания 1830—1831. В эмиграции занимался издательской деятельностью, затем принял духовный сан 203
- Ерлич (Jerlicz) — бывший юнкер русской армии, в мае 1863 казнен по приговору революционных властей за подделку печати и налоговых квитанций 613
- Еска (Еске, Йеска; Jeske, Jeska) Владислав — сын чиновника, участник варшавских конспиративных организаций, осенью 1862 был некоторое время членом ЦНК, затем был направлен в качестве агента в Париж к Мерославскому, которого активно поддерживал и в последующее время. Остался в эмиграции 115, 444, 470, 475, 476, 478, 484
- Ессек-паша — см. Быстшановский
- Жарский (Żarski) Владислав — аппликant суда, в 1846 принял участие в попытке организовать восстание, казнен 249
- Жвирждовский — см. Звездовский
- Жевуский (Ржевуский; Rzewuski) Генрик (1791—1866), граф — писатель, противник освободительного движения, сторонник сотрудничества с царизмом (в 40-х гг. публицист «Тыгодника Петербургского», в 50-х гг. чиновник особых поручений при Паскевиче) 46
- Жеглиньский (Żegliński) Юзеф (ок. 1831—1863) — инженер. В 1863 начальник Гостынского уезда, начальник города Кутно. Расстрелян 17.VIII.1863 во Влоцлавке 559, 564
- Желиговский (Żeligowski) Эдвард (1816—1864) — поэт (лит. псевд. Антоний Сова), за патриотическую деятельность был выслан из Литвы в 1838—1842 (в связи с делом Конарского) и в 1851—1858. В 1859 в Петербурге принимал участие в издании польской газеты «Слово». В 1860 эмигрировал 490
- Жилиньский (Żyliński) Ян (?—1863) — варшавский студент-медик, в 1863 окружной начальник революционной организации в Варшаве. Погиб в начале восстания в Августовской губернии 451, 452
- Жихлинский (Żychliński) Людвик (1837—?) — происходил из помещичьей семьи, эмигрировал в США, где участвовал в гражданской войне на стороне Севера. В 1863 вернулся на родину, с июня командовал повстанческим отрядом («Dzięci Warszawy»), был военным начальником Мазовецкого воеводства, в декабре арестован, сослан на каторгу (до 1868). Опубликовал мемуары: «Pamiętniki byłego dowódcy Dzieci warszawskich» (Poznań, 1885) 575
- Жоньца (Ржонца, Rzońca) Ян (1843—1862) — рабочий варшавской литографии, в августе 1862 совершил покушение на Веле-

- польского, был казнен по приговору военного суда 39, 45, 47, 407, 408
- Жулинский (Zuliński) Казимеж (1831—1904), ксендз — викарий костела св. Александра и законоучитель гимназии в Варшаве, член кружка Юргенса и организации «белых», в 1863 секретарь Отдела иностранных дел при правительстве Траугутта, в конце года эмигрировал 439, 440
- Жулинский Роман (1830—1864) (псевд. Август)— учитель гимназии (брат Казимежа Ж.). В 1862 входил в дирекцию «белых», в 1863 участник революционной организации, заведующий повстанческой почтой, начальник экспедитур. Осужден по процессу Траугутта, 5.VIII.1864 казнен 290, 439, 440, 537, 560, 583
- Жулинский Тадеуш (1839—1885) — врач, журналист (брат Казимежа и Романа Ж.). Окончил Пражский университет, вел в Чехии пропаганду в пользу польского освободительного движения, в 1863 — в Кракове, секретарь Отдела Западной Галиции, дважды арестовывался, затем на несколько лет эмигрировал 135, 602
- Жучковский (Zuczkowski) — майор, начальник тюрьмы в варшавской цитадели 195
- Жульен (Jullien) Жан-Анри (1818—1887) — историк 240
- Заболоцкий Василий Иванович (1802—1878) — генерал царской армии 23, 294
- Завиша (Zawisza) Артур (1808—1833) — участник восстания 1830—1831, в эмиграции член организации «Земста люду», в 1833 принял участие в экспедиции Заливского, был взят в плен и казнен 236—238
- Зайончек (Zajaczek) Юзеф (1752—1826) — генерал, посол Четырехлетнего сейма, участник восстания 1794 и наполеоновских войн. С 1815 наместник Королевства Польского 164, 350
- Залевский (Zalewski), ксендз — каноник в Тыкоцине, член организации «белых» 417
- Залеский (Zaleski, Zaleski) Бронислав (1819—1880) — участник революционных организаций в Литве 40-х гг., был арестован и сослан (в ссылке подружился с Т. Шевченко), перед восстанием эмигрировал. В 1863 агент Литовского отдела по закупке оружия за границей 543
- Заливский (Zaliwski) Юзеф (1797—1855) — офицер армии Королевства Польского, участник организации «Национального масонства», восстания 1830—1831. Возглавил организованную эмиграцией партизанскую экспедицию в Польшу 1833, после ее неудачи был арестован австрийскими властями и до 1848 находился в заключении 182, 236—239, 241, 242, 246
- Залусковский (Zaluskowski) Антоний — участник патриотических манифестаций (6-II.1861 появился в маскарade в виде закованного раба, был арестован) 289
- Замечек — см. Цихорский
- Замойский (Zamoyski) Август, граф 139
- Замойский Александр (ок. 1836—?) — варшавский чиновник, издавал журнал «Стерник», арестован в марте 1862, сослан на каторгу 38, 61, 462
- Замойский Анджея (1800—1874), граф — крупный землевладелец, председатель «Земледельческого общества» 24, 27, 40, 47—49, 137, 267, 275, 292, 293, 296, 309, 311, 312, 314, 316, 327, 336, 339, 346, 357—360, 366, 368, 369, 375, 377, 381, 387, 408, 409, 411, 415, 419, 420, 510, 527
- Замойский Владислав (1803—1868), граф — генерал, брат Анджея З. Был адъютантом вел. кн. Константина Павловича, принял участие в восстании 1830. В эмиграции стал одним из лидеров аристократической партии, ближайшим сотрудником А. Чарторьского, племянником которого он являлся. Участвовал в ряде дипломатических и военных акций (организация польских частей в Италии в 1848—1849 и в Турции в 1855). В 1863 по поручению «Отеля Лямбер» осуществлял дипломатическую миссию в Лондоне 145, 258, 538, 593, 594
- Замойский Владислав, граф — сын Анджея З. Входил в состав дирекции «белых» 415, 417, 428, 432, 539
- Замойский Константин (1799—1866), граф — ординар 6, 7, 86, 139, 539, 588
- Зан (Zan) Томаш (1796—1855) — поэт, друг А. Мицкевича. За организацию кружков польской молодежи в Литве («филоматы», «лучистые», «филареты») был арестован и в 1824 выслан в Оренбург 173, 174
- Звездовский (Жвирждовский; Zwierzdowski) Людвик (1829—1864) (повст. псевд.: Топор) — капитан русской армии, окончил Академию генерального штаба в Петербурге. В 1861 — член виленского комитета «красных». В 1863 — военный начальник Могилевского воеводства, в феврале 1864 Сандомирского воеводства. Взят в плен и повешен в Опатове 23.II.1864 139, 140, 491—493, 496, 543
- Звехловский (Звержховский; Zwierzchowski) Александр (ок. 1845—?) — сын владельца ресторана во Влоцлавке, в 1863 офицер так называемой «кинжалной стражи», был арестован и стал агентом царской тайной полиции, в 1864—1865 действовал как провокатор среди польской эмиграции за границей XXI, XL
- Зданович (Zdanowicz) Игнаций (1840—1863) — сын виленского профессора, кандидат Петербургского университета, осенью 1863 начальник города Вильно, был арестован, казнен в Вильно 23.XII.1863 9
- Зейфрид (Seyfried) Альфонс — эмигрант, сторонник Мерославского. В апреле — мае 1863 — и.о. военного начальника Мазовецкого воеводства 534, 551, 552, 610

- Зелинский — см. Жилинский
- Зенбуш Карл (1808—?) — офицер, с 1848 занимал полицейские и жандармские должности в Королевстве Польском, в ноябре 1863 состоял для особых поручений при начальнике III округа корпуса жандармов, был отчислен по подозрению в неблагонадежности 56, 66
- Зенкович (Zienkowitz) Леон (1808—1870) — публицист и литературный критик. Участник восстания 1830, в эмиграции активный деятель Демократического общества (член Централизации в 1846—1847 и 1853—1855), в 1839—1844 — издатель сатирического журнала «Пшонка» XXIX, XLVIII, 207, 210, 211, 236, 240, 249
- Зенкович Титус (?—1890) — чиновник комиссии внутренних дел в Варшаве. В 1863 — помощник окружного начальника в варшавской организации, в апреле — мае начальник города Варшавы, затем — начальник города Львова, был арестован австрийскими властями, бежал XXIX, XLVIII, 115, 118, 122, 134, 140, 150, 467, 469, 471, 472, 528, 556, 564, 565, 580, 581, 602, 613
- Зенкович Феликс (ок. 1840—?) — брат Титуса З., в 1863 референт Военного отдела XXIX, XLVIII, 536, 537, 616, 617
- Зоммер (Sommer) — врач, член повстанческой Медицинской комиссии 582, 586
- Зоммер Виктор (1839—1875) — сын врача, банковский чиновник, журналист. Летом 1863 секретарь Отдела финансов при Национальном правительстве. Эмигрировал, но впоследствии возвратился в Варшаву (редактор журнала «Экономист») 90, 91, 122, 140, 585, 586
- Зонненберг (Sonnenberg) Кароль — помещик, член организации «белых», решительный противник восстания 130, 416, 418, 585
- Иван IV Грозный (1530—1584) — русский великий князь (с 1533) и царь (с 1547) 81
- Игельстром (Игельстрём) Осип Андреевич (1737—1817), граф — генерал царской армии, с 1793 командующий русскими войсками в Польше, в 1794 бежал из Варшавы в начале народного восстания 158
- Иеловицкий — см. Еловицкий
- Иеска — см. Еска
- Ильницкий (Ilnicki) Томаш (ок. 1813—?) — чиновник Польского банка, летом и осенью 1863 референт Отдела финансов и кассир Национального правительства. Был сослан на каторгу, умер в Сибири 585, 586
- Иордан (Jordan) Владислав (1819—1891) — эмигрант (после 1846), агент Чарторьского на Ближнем Востоке, турецкий полковник, в 1863 был назначен агентом Национального правительства в Турции 137, 593
- Иордан Зыгмунт (1824—1866) — офицер русской армии, участник восстания 1846 и венгерской революции 1848, эмигрант, вместе с братом Владиславом был агентом Чарторьского, член Бюро «Отеля Лямбер», от имени которого в 1862 вел переговоры с Герценом, летом 1863 военный начальник Краковского и Сандомирского воеводств, один из кандидатов партии «белых» на роль вождя восстания 134, 137, 551
- Искандер — см. Герцен
- Кайсевич (Kajsiewicz) Иероним⁷ (1812—1873) — участник восстания 1830—1831. В эмиграции изучал теологию, принял духовный сан и занимался проповеднической и миссионерской деятельностью 203
- Калинка (Kalinka) Валериан (1826—1886) — публицист, консервативный политик, историк (псевд.: Пенцлавский, Поселянин с Вислы, Бронислав Каменьский), деятель эмиграции, сторонник Чарторьского, в 1863 некоторое время агент Национального правительства в Стокгольме; после восстания — ксендз 137
- Калиновский (Kalinowski) Балтазар (ок. 1837—1884) — преподаватель 2-го кадетского корпуса в Петербурге, был близок к Сераковскому, в 1862 за связи с Герценом выслан в Астрахань, в 1863 — в Бийск 490
- Калиновский Константин Семенович (1836—1864) — революционный демократ, деятель белорусского и польского революционного движения, окончил Петербургский университет. В 1861 создал революционную организацию в Гродно, развернул пропаганду среди крестьян, в 1862—1863 издавал газету «Мужицкая правда», принадлежал к революционно-демократическому крылу Литовского провинциального комитета. В 1863 революционный комиссар в Гродно, уполномоченный Национального правительства, глава «Червоного жонда». Выдан предателем и казнен в Вильно 22.III.1864 XVIII, XIX, XX XVII, XX XVIII, 8, 132, 278, 487, 488, 496, 542, 597, 616, 617
- Калиновский Юзеф (1835—1907) — до 1863 офицер русских инженерных войск, в 1863 член Отдела литовских земель арестован, в 1864 осужден на каторгу, впоследствии монах-кармелит 544, 583, 586, 617
- Калье (Callier) Эдмунд (1833—1893) — литератор, этнограф, историк. Учился и служил в Великой Польше. В 1863 принял участие в восстании, в июне был назначен начальником вооруженных сил Мазовецкого воеводства, в августе вышел в отставку вследствие разногласий с Национальным правительством, в феврале 1864 — командир отрядов, формировав-

- шихся в Восточной Пруссии, был арестован прусскими властями, до мая 1866 в заключении. Опубликовал воспоминания «Trzy ustępy z powstania polskiego 1863—1864» (Poznań, 1868) 551, 587
- Каменьский (Kamiński) Генрик (1812—1865) — публицист (псевд.: Филарет Правдовский), философ, демократический деятель. Участник восстания 1830—1831, один из руководителей патриотических конспиративных организаций в стране в 40-х гг. В 1845 арестован и сослан в Вятку, в 1852 эмигрировал. В 1860—1861 издавал в Женеве журнал «Правда» 220, 221, 263
- Каминский (Kamiński) Винцентий — варшавский студент; в 1861—1862 член Академического комитета, агент ЦНК; в 1863 занимался организацией и приобретением оружия, после восстания в эмиграции 452, 453, 475, 554
- Каминский Миколай (1789—1873) — участник восстания 1830—1831, полковник организованного А. Мицкевичем польского легиона в Италии (1848) 257
- Каминский Павел, ксендз-миссионер в Варшаве, принял активное участие в манифестациях 1861, за выступление с патриотической проповедью был арестован и выслан в Модлин, но по дороге бежал и эмигрировал. В 1863 капеллан отряда Лянговича. После восстания эмигрант. Автор брошюры «Głos wupuszonej» (Paryż, 1866) 135, 328, 564, 600
- Кантак (Kantak) Казимеж (1824—1886) — познанский землевладелец, депутат прусского ландтага 518
- Карл X Густав (1622—1660) — шведский король с 1654, в 1655—1660 вел войну с Польшей 397
- Карлович (Karłowicz) Ян (?—1881) (псевд. Кажелек, Янек Бялый) — чиновник варшавского магистрата. В период восстания примыкал к правому крылу «красных», с марта 1863 начальник революционной полиции города Варшавы. После восстания поселился в Галиции 118, 528, 537, 586, 606—608, 610, 611, 613—615
- Карнковский (Karńkowski) — помещик, в 1863 начальник Липновского уезда 559, 564
- Карский (Karski) Станислав (1838—1890) — помещик Сандомирского уезда, член организации «белых», противник восстания, в 1861 участвовал в гомбургском совещании, в феврале 1863 вел переговоры с Лянговичем, предлагая прекратить восстание 383, 416—418, 435
- Качковский — см. Дембинский-Качковский
- Квятковский (Kwiatkowski) Игнаций — в конце мая — начале июня 1863 был в течение нескольких дней начальником города Варшавы. В некоторых документах предположительно отождествляется с автором антишляхетской прокламации «Народ, будь бдителен!» (1861), студентом Медико-хирургической академии, примыкавшим к левому крылу «красных» 117, 361, 387, 567
- Квятковский Юзеф (1822—1871) — варшавский купец, в 1861 принимал участие в патриотическом движении, эмигрировал; в 1863 агент в Австрии по закупке и транспортировке оружия 138, 527, 553, 581
- Келлер Эдуард Федорович, граф — действительный статский советник, в 1862 директор Комиссии внутренних дел, в апреле 1863 уволен в отставку 39, 188, 406
- Кеневич (Kieniewicz; неправ.: Киневиц) Иероним (1834—1864) — организатор так называемого «Казанского заговора». Расстрелян в Казани 6.VI.1864 XXVIII, XLVII, 533, 534, 537
- Кеневич Стефан — польский историк XX, XXVI, XXVII, XXXIX, XLV, XLVI
- Кёниг (Koenig) Юзеф — журналист, редактор «Газеты Варшавской», в феврале 1861 вошел в состав Делегации города Варшавы 297
- Кесслер (Kessler) Зыгмунт (?—1863) — брат Эвгениуша К., погиб в бою 29.IV.1863 506
- Кесслер (Кеслер) Эвгениуш (1836—?) — землемер (?), чиновник финансовой комиссии в Варшаве (?), летом 1863 комиссар Мазовецкого воеводства. После восстания инженер в Тарнополе 91, 128, 137, 140, 506, 585
- Килиньский (Kiliński) Ян (1760—1819) — сапожник, один из предводителей народного восстания в Варшаве 1794 22, 289
- Киневиц — см. Кеневич
- Клапка (Кляпка, Кларка) Дьёрдь (1820—1892) — деятель венгерской революции 1848—1849, командующий одной из повстанческих армий, позднее один из руководителей венгерской революционной эмиграции 113, 377
- Кларендон (Clarendon) Джордж Уильям Фредерик Вильерс (1802—1870) — английский политический деятель, министр иностранных дел в 1853—1858, 1865 и 1868—1870. Авейде ошибочно отождествил его с Робертом Стюартом Кестльери (правильнее: Каслри) (1769—1822), министром иностранных дел (1812—1822), представителем Англии на Венском конгрессе 1815 163
- Климент XIV (1705—1774) — римский папа (с 1769), издавший буллу об упразднении ордена иезуитов 172
- Клобуковский (Klobukowski) — агроном, в 1863 начальник Калишского уезда 559, 564
- Князевич (Княжевиц; Kniaziewicz) Кароль (1762—1842), генерал — участник войны

- 1792, восстания 1794, был командиром 1-го польского легиона во французской армии, вышел в 1801 в отставку в знак протеста против политики Наполеона. В 1831 выполнял дипломатическую миссию повстанческого правительства, в эмиграции примкнул к Чарторьскому 160
- Кобылянский (Kobyliński) Казимеж (ок. 1817—1863) — офицер русской армии, капитан генерального штаба (?), бело-стоцкий помещик (?), в 1863 — командир повстанческого отряда, погиб в бою 4.XI.1863 543
- Кобылянский (Kobyłański) Петр (ок. 1822—1868) — варшавский адвокат. В конце мая — начале июня и сентябре 1863 входил в Национальное правительство, в ноябре эмигрировал, но был выдан австрийской полицией царским властям, приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами, умер в Сибири XXVI, XLV, 89—92, 117, 120, 125, 139, 140, 143—145, 147, 148, 150, 566—569, 583, 603, 614
- Ковалевская (Kowalewska) Юлиана — варшавская служанка, убитая «кинжальщиком» 146
- Ковалевский (у Авейде ошибочно: Ковальский; Kowalewski) Юзеф (Осип Михайлович) (1800—1878) — известный ученый-востоковед. Окончил Виленский университет, в 1824 за участие в патриотических организациях польской молодежи («Филоматы», «променистые», «Филареты») был выслан в Литвы в Казань. С 20—30-х гг. занимался изучением восточных языков (Забайкалье, Монголия, Китай), занял видное место в русской науке (профессор и ректор Казанского университета, член-корр. Академии наук). С 1862 профессор в Варшаве 173
- Ковальский, «Филарет» — см. Ковалевский
- Ковальский (Kowalski) Феликс (Франциск?) — чиновник Варшавско-Венской ж. д., активный участник подпольной организации, в 1862 (вплоть до ареста в конце года) начальник национальной полиции в Варшаве. Сослан на каторгу 451, 452, 471—473, 500, 606
- Корженёвский (Korzeniowski) Аполлон (1820—1869) — писатель, подольский помещик. В 1861 один из организаторов патриотической конспирации в Варшаве, принадлежал к числу основателей Городского комитета. Арестован в 1861 и сослан 361, 376, 397
- Козебродский (Koziebrodzki) Владислав (?), граф — галицийский помещик, в 1863 сотрудник Отдела Литвы и Руси при Национальном правительстве 595, 605, 606
- Козелл (Козелл-Поклевский, Козелло) Ян (1838—1896) (псевд.: Якуб, Скала) (в некоторых документах ошибочно отождествлялся со своим братом Винцентием) — инженерный офицер русской армии; накануне восстания член Литовского провинциального комитета, с апреля 1863 — референт Военного отдела Национального правительства, в июле комендант Варшавы, осенью — военный начальник Августовского и Гродненского воеводств. Эмигрировал, в 1874 добровольно возвратился и был сослан (по 1883) 119, 140, 150, 487, 493, 536, 577, 599, 609, 612
- Козьмян (Kozmian) Станислав (1832—1922) — литератор, журналист, политический деятель в Галиции, редактор газеты «Час». Опубликовал «Rzecz o r. 1863». 3 t., неск. изд. 539, 591, 592
- Козьмян Ян (1814—1877) — публицист, основатель и редактор в 1845—1865 «Пшеглёнда познаньского», с 1860 ксендз, с 1870 познанский каноник 250
- Кокосинский (Kokosiński) Эдвард — студент Варшавской Медико-хирургической академии, член революционных кружков, в 1862 — агент Городского комитета; в 1863 в оппозиции Национальному правительству, в конце года член Общества патриотов в Дрездене. Дальнейшая судьба неизвестна 444, 475, 485, 564
- Кокосинский Эразм — член варшавской революционной организации, агент Городского комитета. Эмигрировал 444, 475, 485, 564
- Колачковский (Kołaczkowski) Юзеф — калишский помещик, член кружка Маевского, активный деятель партии «белых», в 1861—1862 участвовал в совещании «доверенных лиц», был членом Национальной делегации, вел переговоры с эмиграцией. Встречающиеся в документах указания на его первостепенную роль в установлении диктатуры Лянгевича ошибочны 358, 367, 383, 423, 424, 441, 516
- Колп (?) — член повстанческой организации в Вильно XIX, XXXVIII, 9
- Кольбе (Kolbe) Томаш (1828—1863) — помещик Пшаснышского уезда, в 1863 уездный начальник, командир повстанческого отряда в Плоцком воеводстве, убит 5.V.1863 514
- Кольберг (Kolberg) Юлиуш — инженер-топограф, профессор (с 1819) геодезии и топографии Варшавского университета 583
- Коллонтай (Kołłataj) Гуго (1750—1812), ксендз — выдающийся польский мыслитель, публицист, политический деятель 157
- Конажевский (Конаржевский; Konażewski) помещик, начальник Белостоцкого уезда 475, 480
- Конаржевский — см. Конажевский
- Конарский (Konański) Шимон (1808—1839) — офицер, участник восстания 1830—1831, в эмиграции карбонарий, член организации «Молодая Польша», участник экспедиции Заливского, один из основателей конспиративного «Содружества польского народа» (1835), революцион-

- ный эмиссар, создававший в 1835—1838 тайные организации в Белоруссии, Литве, на Украине. Арестован и расстрелян в Вильно 16, 35, 44, 196, 210, 240—243, 402
- Кононович (Koponowicz) Владислав (1820—1863) — офицер русской армии, в 1863 командир повстанческого отряда, расстрелян 4.VI.1863 в Варке 394
- Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, в 1862—1863 наместник в Царстве Польском, с 1865 председатель Государственного совета 38—40, 44—49, 69, 321, 400, 406—409, 417, 426, 427, 430, 440, 491
- Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, в 1816—1830 командующий армией Королевства Польского 22, 164—168, 179
- Коперник (Kopernik) Николай (1473—1543) — астроном 357, 376
- Коперцкий (Kopernicki) Изыдор (1825—1892) — врач, профессор анатомии Киевского университета, с осени 1862 член провинциального комитета и Исполнительного отдела русских земель, затем — военный хирург повстанческих госпиталей (Калишское воеводство), с июля 1863 комиссар в Восточной Галиции. После восстания — профессор Краковского университета 132, 489
- Кордецкий (Kordecki) Августин (ок. 1603—1673), ксендз — приор монастыря паулинов в Ченстохове, возглавлявший оборону монастыря во время шведского нашествия 26, 397
- Корженёвский — см. Коженёвский
- Короваев — см. Кузьмин-Караваев
- Корытковский (Korytkowski) Юзеф — августовский губернатор (1862) 50
- Косиньский (Kosiński) Владислав (1814—?) — офицер прусской армии, участник революционного заговора 1846 (до 1848 под арестом) и восстания 1863 (осужден на два года тюрьмы) 250
- Косиньский (Коссинский) Игнаций (Жегота) (1829—1868) — юрист, чиновник варшавского суда, в 1863 референт Отдела внутренних дел Национального правительства, прокурор революционного трибунала и в течение короткого времени начальник города Варшавы. Был арестован и сослан 89, 90, 93, 120, 124, 126, 139, 140, 142—145, 148, 149, 583, 615
- Косковский (Koskowski) Владислав (1829—1869) — чиновник земского кредитного общества (в 1848—1850 в эмиграции; затем возвратился и был сослан), в 1862 член ЦНК, окружной начальник в варшавской революционной организации, член Революционного комитета сторонников Мерославского, в 1863 в постанческом отряде, затем эмигрировал 443, 444, 465, 477
- Коссинский — см. Косиньский
- Коссовский (Kossowski) Владислав (1836—?) — офицер русской армии, член кружка Сераковского и польского Петербургского комитета, в 1864 был арестован, дал подробные показания; сослан на поселение XXVIII, XLVII, 491—494, 496
- Костюшко (Kościuszko) Тадеуш (1746—1817) — вождь восстания 1794 14, 22, 27, 35, 70, 158, 159, 163, 171, 178, 240, 289, 355, 356, 369, 389, 390, 517
- Котковский (Kotkowski) Кацпер (1814—?), ксендз, сын крестьянина — пробощ в Цмелёве, накануне восстания участвовал в деятельности организации «красных», в начале 1863 гражданский начальник, в октябре комиссар Сандомирского воеводства. Позднее в эмиграции 474, 479, 480, 528
- Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), граф — генерал царской армии, начальник штаба войск в Польше (до 1862), с 1874 по 1880 варшавский генерал-губернатор и командующий Варшавским военным округом XXIV, XLIII, 316
- Коцишевский (Kociszewski) Станислав (?—1846) — аппликant варшавского городского суда. За попытку поднять восстание в 1846 казнен 249
- Кошут (Kossuth) Лайош (1802—1894) — вождь венгерской революции 1848—1849, позднее руководитель венгерской революционной эмиграции 113
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — русский издатель и журналист 20
- Краевский (Krajewski) Генрик (1824—1897) — юрист, чиновник Кредитного общества в Варшаве. За участие в патриотической организации 1848 был арестован и сослан (1850—1860). Накануне восстания был близок к кругу «белых», с мая 1863 возглавил Отдел иностранных дел Национального правительства, в 1864 арестован и сослан, после возвращения (1870) адвокат в Варшаве 90, 91, 120, 121, 139, 140, 143, 145, 148, 513, 592
- Краевский Рафал (1834—1864) (псевд.: Вуяшек, Август) — архитектор; один из основателей «академического комитета», член кружка Юргенса, в 1862 входил в состав дирекции «белых», с мая 1863 референт, затем директор Отдела внутренних дел при Национальном правительстве. Казнен 5.VIII, 1864 в Варшаве 118—120, 139, 290, 439, 537, 583, 618, 621
- Краевский Юзеф — чиновник, убит «кинжальщиком» в 1863 143, 146
- Краков (Krakow) Людвик — помещик, в 1863 начальник Подляшского воеводства, после восстания эмигрант, владелец фотографии в Париже 130, 139, 559, 560
- Краков (Krakowowa) Паулина — активная участница женской патриотической организации «пятерок», созданной в 1863 для оказания помощи арестованным повстан-

- цам, член Главного опекунского совета 605, 606
- Крамштук (Крамштюк; Kramstück, Kram-sztuk) Исаак (1816—1889) — варшавский раввин, преподаватель школы раввинов, проповедник. За участие в польских патриотических манифестациях был в 1861—1862 выслан в Бобруйск, в 1863—1868 выслан в Саратовскую губернию 39, 292
- Красиньский (Kraśiński) Зыгмунт (1812—1859), граф — поэт 16, 211, 279
- Красицкий (Kraśicki) Казимеж — происходит из помещичьей семьи в княжестве Познанском, принимал участие в деятельности патриотических студенческих организаций накануне восстания 596
- Крашевский (Kraśzewski) Юзеф Игнаций (1812—1887) — писатель. В 1860 поселился в Варшаве, в 1859—1861 был редактором «Газеты подзенной» (с 1861 «Газета польска»), в феврале 1861 входил в состав Делегации города Варшавы, в феврале 1863 вследствие распоряжения Велепольского был вынужден оставить Королевство Польское 290, 297
- Кремке (Kremke) Владислав, в 1863 референт Военного отдела при Национальном правительстве 577, 582, 586
- Кржеминский — см. Кшеминьский
- Крживицкий — см. Кшивицкий
- Кржижтопорский — см. Кшижтопорский
- Криер Николай (1841 — ?) — офицер русской армии, служивший в Муромском пехотном полку, расположенном в Плоцкой губернии (в 1863 вышел в отставку) 493
- Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — генерал царской армии, в 1860—1862 и. о. начальника штаба дислоцированной в Королевстве Польском 1-й армии, варшавский военный генерал-губернатор и заведующий особой канцелярией наместника, с 1864 помощник командующего Виленским военным округом 39, 405
- Кроненберг (Kronenberg) Леопольд (1812—1878) — варшавский банкир, политический деятель, издатель «Газеты подзенной», противник революционной освободительной борьбы, один из лидеров «белых». Инициатор создания делегации горожан к наместнику. В 1863, как глава Дирекции «белых», стремился захватить руководство восстанием 290, 297, 415, 432, 530, 561, 563, 588
- Крузенштерн Александр Иванович (1807—1888) царский чиновник, в 1861—1862 член Государственного совета Королевства Польского и директор Комиссии внутренних дел 39, 405, 406, 461
- Крук — см. Гейденрейх
- Круковецкий (Krukowiecki) Александр, граф — помещик Равского уезда, сын генерала, участника восстания 1830—1831, командир повстанческого отряда 527, 537
- Круликовский (Królikowski) Леон — директор Вислинской паровой компании; в 1861—1862 принимал активное участие в работе революционной организации «красных» (член Городского комитета), хотя политически примыкал к «белым», в январе — мае 1863 член Исполнительной комиссии, а затем Временного правительства, затем комиссар Национального правительства при комиссии по оружию в Льеже и при Парижском комитете. Вместе с Гиллером был причастен к интригам, связанным с созданием диктатуры Лянгевича 91, 137, 510, 521, 535, 540, 549, 553, 581, 594
- Крупецкий (Krupiecki) — варшавский купец 3
- Крушевский (Kruszewski) Игнаций (1799—1879) — офицер, участник восстания 1830—1831, затем эмигрант, генерал в бельгийской армии, в 1863 военный комиссар, ор низатор повстанческих сил в Кракове (летом был арестован) 134, 252, 521, 525, 550
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — русский писатель 61
- Кужина (Куржина; Kurzyna) Ян (1833—1865) — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, организатор патриотического молодежного кружка, в 1859 арестован, исключен из академии и выслан в Люблин, откуда бежал за границу. В эмиграции стал ближайшим сотрудником Мерославского; летом 1862 вел в Варшаве переговоры с ЦНК, основал Революционный комитет из сторонников Мерославского, в феврале 1863 участвовал в его куявском рейде, был арестован в Галиции, бежал, вел переговоры с руководителями движения в Варшаве (октябрь), основал в Дрездене Общество польских патриотов (ноябрь). В июле 1864 был назначен уполномоченным Национального правительства за границей. Убит на дуэли 279, 280, 369, 383, 442, 460, 512, 521
- Куза (Cusa) Александр (1820—1873) — господарь Молдовы и Валахии в 1859—1866 113, 486
- Кузьмин-Караваев (ошибочно Короваяев) Аглай Павлович (1816—?) — русский офицер, пытавшийся устроить побег Ш. Конарского и приговоренный к пожизненной каторге (впоследствии определен рядовым на Кавказ) 241
- Кулаковский (Kułakowski) Ромуальд — оставший офицер русской армии, инженер-мостостроитель в Ковно. В 1861 принял участие в патриотической манифестации, был сослан 396
- Кульчицкий (Kulczycki) Владислав, граф(?) — познанский землевладелец, камергер папского двора, в 1863—1864 агент Национального правительства в Риме,

- после восстания римский корреспондент ряда польских изданий 137, 539, 540
 Куржина — см. Кужина
- Куровский (Kurowski) Аполинарий (1818—1878) — участник восстания 1846—1848, в 1863 военный начальник Краковского воеводства. После восстания жил в Швейцарии 135, 247, 474, 480, 502, 524, 526, 527, 529, 564, 600
- Курц (Kurtz) Адольф (1818—?) — член Комитета Земледельческого общества 339
- Курц Александр (1814—1879) — помещик, экономист и финансист, член Земледельческого общества, член Национальной делегации и Дирекции «белых» (1862) 314, 339
- Кутузов Владимир Николаевич — член комиссии при II отделении собственной е. и. в. канцелярии, учрежденной для изменения законодательства Королевства Польского 186
- Кшеминьский (Кржеминский; Krzemiński) Станислав (1839—1912) — аппликant в Комиссии финансов в Варшаве; участвовал в работе подпольных кружков, в 1863 некоторое время поддерживал Мерославского, был референтом Отдела внутренних дел, в июне — сентябре член Национального правительства. После восстания журналист 570, 583, 586
- Кшивицкий (Krzywicki) Казимеж (1820—1883) — реакционный политик, сторонник соглашения с царизмом, сотрудник А. Велепольского, в 1862—1863 директор Правительственной комиссии вероисповеданий и народного просвещения 39, 406
- Кшижтопорский (Кржижтопорский; Krzyżtoporski) Клеменс — калишский помещик, участник организации «белых», доверенное лицо Калишского воеводства 416, 417, 430, 435
- Лавцевич (Ławcewicz) Ян (ок. 1832—?) — чиновник, выполнял секретарскую работу при Национальном правительстве, с октября 1863 помощник секретаря правительства; был арестован 3.II.1864, дал показания, которые повели к арестам членов правительства Траугутта 537, 577
- Лагуна (Łaguna) Стослав (1833—1900) — юрист. Окончил Петербургский университет, с 1855 аппликant в варшавских судах, с 1857 служил в Кодификационной комиссии Королевства Польского в Петербурге, в 1859—1861 профессор университета и духовной академии в Петербурге, в 1861—1863 — судья гражданского трибунала в Варшаве. Летом 1863 директор Отдела внутренних дел при Национальном правительстве. В 1864—1867 сослан в Воронежскую губернию. Позднее известный историк XXVI, XLV, 93, 94, 118—120, 139, 140, 147, 566, 583
- Ламберт (Лямберт) Карл Карлович (1815—1865), граф — генерал царской армии. В августе — октябре 1861 наместник в Царстве Польском и командующий 1-й армией 24, 26, 27, 35, 38, 48, 53, 309, 320, 326, 345, 350—354, 356, 357, 359, 360, 363, 364, 367, 368, 380, 381, 388, 392, 396, 400, 449
- Лапньский (Łapiński) Теофиль (1827—1886) — эмигрант, участник ряда авантюристических предприятий (польская дивизия на английской службе во время войны 1853—1855, кавказская экспедиция 1857; высказано предположение о связях его с австрийской разведкой), в 1863 руководил морской экспедицией, задачей которой было доставить оружие и добровольцев повстанческим отрядам Литвы (корабль был задержан в Швеции после вмешательства царской дипломатии). Опубликовал воспоминания «Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę». (Lwów, 1878) 544, 598
- Лаурицевич — см. Ляурысевич
- Левандовский (Lewandowski) Валентий (1822—1907) — в 1848—1849 офицер венгерской повстанческой армии, в 1863 командующий повстанческими силами на Подляшье (январь—апрель), был сослан. Участвовал в подготовке восстания на Кругобайкальском тракте. Оставил воспоминания см. «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego Polskiego w Rapperswilu» (1909) 495, 496, 502, 526, 529
- Левандовский — почтовый чиновник, в 1863 комиссар Национального правительства 576, 577, 586
- Лёвенгардт (Loewenhard, Loewenhardt) Кароль (псевд.: Гжимала) — офицер русской армии, в 1863 — повстанческий командир в Люблинском воеводстве, после восстания в эмиграции 493
- Левиньский (Lewiński) Якуб — генерал армии Королевства Польского, в 1861 принимал участие в патриотических манифестациях, входил в состав Делегации города Варшавы 293, 297, 408
- Левиту (Levitoux) Кароль (?—1841) — руководитель патриотической организации школьной молодежи в Лукове, был арестован в 1841, покончил с собой в варшавской цитадели 196
- Левкович (Lewkowicz) Валентий(?) — радомский чиновник, член комитета Сандомирского воеводства 474, 480
- Левшин Лев Ираклиевич (1806—1871) — генерал-майор, варшавский обер-полицеймейстер, затем председатель военно-судной комиссии 85
- Лейхте — полковник царской армии, член Следственной комиссии, убитый по приговору революционной организации 196
- Лелевель (Lelewel) Иоахим (1786—1861) — историк, выдающийся демократический

- деятель. В 1831 член Национального патриотического общества, председатель «Патриотического общества». В эмиграции один из вождей демократического лагеря (создатель «Объединения польской эмиграции», с 1846 член «Демократического общества», международных демократических организаций) 173, 177, 184, 211, 228, 326
- Лемпицкий (Łempicki) Юзеф (1802—1861) — чиновник 22
- Лемпке (Лемке; Lempe) Владзимеж (ок. 1838—1864) (псевд.: Людвик Окулярник) — сын генерала царской армии, механик варшавской фабрики металлоизделий, активный участник варшавской революционной организации, занимавшийся агитацией среди рабочих, в 1863 помощник начальника, затем организатор (интендант) города Варшавы, энергично выступал против «белых» правительств. С осени 1863 в Киеве, где отравился в момент ареста (апрель 1864) 93, 127, 139, 528, 554, 564, 565, 567, 568, 579—581, 613
- Либельт (Libelt) Кароль (1807—1875) — философ, эстетик. Участник восстания 1830, руководил конспиративным Познанским комитетом, принимал участие в революционных событиях 1848 как член Национального комитета, участвовал в работе Славянского съезда в Праге (1848), основал газету «Дзенник польский» (1849), был депутатом Франкфуртского парламента 1848 и прусского ландтага (1859—1870) 253, 254, 513
- Лидерс (Людерс) Александр Николаевич (1790—1874), граф—генерал. Участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831, в 40-е гг. служил на Кавказе, участвовал в войне с венгерскими повстанцами 1849 и войне в 1853—1855, в ноябре 1861—июне 1862 исполнял должность наместника в Царстве Польском и командующего 1-й армией, был ранен в результате покушения. С 1862 — член Государственного совета 19, 21, 24, 27, 36, 38, 39, 44, 45, 53, 400, 406, 407
- Лисикевич (Lisikiewicz) Адам — помещик, в 1863 начальник Седлецкого повета 559, 564
- Лисикевич Эдвард — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, активный участник конспиративных организаций, деятель левого крыла «красных», в конце 1862 — начале 1863 комиссар Подляшского воеводства, затем в оппозиции Национальному правительству. После восстания эмигрировал 279, 444, 474
- Лиснер — вымышленное лицо, упомянутое в показаниях Авейде 3
- Лончинский (Łaczuński) Адольф (?—1870) — познанский помещик, с 1860 президент Центрального экономического общества, в 1863 член Великопольского комитета 419
- Лосев Александр Михайлович (1819—1885) — полковник (впоследствии — генерал), штаб-офицер корпуса жандармов по Виленской губернии, председатель Особой следственной комиссии 84
- Лубеньский (Lubieński) Богуслав (1825—1885) — познанский помещик (в ряде источников ошибочно именуется графом), член организации «белых», с весны 1863 член Революционного комитета в Великой Польше 136, 518, 524, 549, 600
- Лубеньский Константин Иренеуш (1825—1869), граф—епископ сейненский (с 1863) 44
- Луи Филипп (Людовик-Филипп; 1773—1850) — французский король (в 1830—1848) 240, 229, 257
- Лукасиньский (Łukasiński); у Авейде ошибочно: Лукасевич) Валериан (1786—1868) — офицер армии Королевства Польского, деятель патриотической конспирации, руководитель Национального масонства и Национального патриотического общества, арестован в 1822, умер в Шлессельбургской крепости 167, 174, 175
- Лукашевский (Łukaszewski) Ксаверий Юлиан (1835—?) — сын познанского учителя, студент Берлинского университета, сторонник «красных», весной 1863 комиссар Национального правительства в Западной Пруссии, с осени комиссар земель, захваченных Пруссией; после восстания врач в Румынии. Опубликовал книгу: «Zabór pruski w czasie powstania styczniowego. 1863—1864» (Jassy, 1870) 136, 457, 458, 495, 581
- Любовидзкий (Lubowidzki) Кароль — помещик, в 1863 предполагалось его назначение гражданским начальником Калишского воеводства, подробных сведений о нем нет 585, 586
- Любомирский (Lubomirski), князь — галицийский помещик, кандидат в члены гражданского правительства при Лянгевиче 519
- Любомирский Стефан (1819—?), князь — предводитель дворянства Могилевской губернии 17, 276
- Любушин — полковник царской армии 143, 146
- Люсине — прапорщик русской армии, приговоренный к каторге вместе с Кузьминым-Караваевым 241
- Лямберт — см. Ламберт
- Лянгевич (Langiewicz) Мариан (1827—1887) — генерал, преподаватель польской военной школы в Италии. В 1863 командовал крупным отрядом в Сандомирском воедстве, 11.III.1863 был провозглашен диктатором, спустя неделю перешел границу, находился в заключении в Австрии, позднее в эмиграции 5, 103, 115, 116, 118, 129 — 131, 133—136, 230, 367, 383, 417, 418, 426, 474, 477, 493, 495, 508, 509, 515—521, 523, 525—530,

533, 548, 552, 554, 558, 559, 563, 578, 587, 599, 616

Ляндовский (Landowski) Павел (1843—1894) — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, сын врача, сторонник «красных», принимал активное участие в работе варшавской революционной организации, в 1863 окружной начальник, начальник внутренней охраны (повстанческой жандармерии) и интендант города (участвовал в организации покушений на царских сановников и расправы с предателями), затем командир отряда (псевд.: Коса), в феврале 1864 попал в плен, был сослан на каторгу, участвовал в подготовке Кругобайкальского восстания, бежал в Китай, был врачом в Париже 83, 127, 139, 145, 611, 612

Ляский (Laski) Александр — варшавский финансист 538

Ляковский (Laskowski; у Авейде ошибочно: Ляскович или Ляхович) Зыгмунт — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, сын чиновника. Весной 1863 окружной начальник в городской революционной организации, летом послан Национальным правительством за границу. Впоследствии профессор университета в Женеве 556, 564

Ляковский Станислав — офицер русской армии, окончил Академию генерального штаба, был членом кружка Сераковского в Петербурге, в восстании 1863 военный начальник Минского воеводства 491, 543

Ляурьсевич (Laurysiewicz) Модест — студент Медико-хирургической академии, с 1859 принимал участие в студенческих организациях, был сослан за участие в восстании 279

Ляхович — см. Ляковский

Мадзини (Маццини; Mazzini) Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер 113, 338, 459, 486, 498

Маевский (Majewski) Адам (ок. 1837—?) — чиновник брест-куявского суда, окончил Петербургский университет, в марте — июле 1863 комиссар Люблинского воеводства 91, 129, 139, 140, 147, 559

Маевский Винцентий (? — 1888) — варшавский адвокат, брат Кароля М. 128

Маевский Владислав — помещик, брат Кароля М., в 1863 гражданский начальник Калишского воеводства, с июня полномочный комиссар Западной Галиции, сторонник «белых», после восстания в эмиграции 91, 128, 140, 416, 417, 514, 559, 560, 584, 585

Маевский Кароль (1833—1897) — студент Варшавской Медико-хирургической академии, возглавлял молодежную патриотическую организацию умеренного направления. Член Дирекции «белых», орга-

низатор переворота в ЦНК (июнь 1862), в июне—сентябре 1863 член и фактический руководитель Национального правительства. Арестован в марте 1864, сослан в Воронежскую губ., вновь затребован в 1865 в Варшаву, дал подробные показания, сослан в Вятскую губ., в 1871 возвратился на родину VII, X, XIII—XVI, XVIII, XX, XXII—XXVII, XXXII—XXXV, XXXVII, XXXIX—XLII, XLIV—XLVI, 93, 94, 117, 118, 120, 122, 128, 131, 139, 141, 147, 150, 151, 290, 359—367, 369, 375, 376, 378, 381—387, 411, 412, 415 — 417, 419, 421, 422, 424, 425, 428, 432, 433, 435, 436, 441—443, 449, 450, 454, 460, 468, 492, 567—570, 579, 584

Маевский Феликс, ксендз 479, 480

Маевский, артиллерист — повстанец 493

Майзельс (Мейзельс; Meisels, Majsełs) Бер (1798—1870) — раввин в Кракове, а затем (с 1856) в Варшаве, был сторонником приобщения еврейского населения к польскому национальному движению, участник освободительного движения в 1846 и 1848, в 1861 сотрудничал с варшавской Делегацией, арестован в конце 1861 и выслан в Галицию 38, 39, 292, 293, 296, 297, 403, 408

Майковский (Majkowski; Majkowski) Ян (1828—1905) — чиновник Комиссии финансов в Варшаве, с января 1863 член ЦНК и Временного правительства, с апреля комиссар в Галиции. После восстания страховой агент в Галиции. Оставил воспоминания — «Pamiętnik» (Lwów, 1909) 116, 117, 123, 132, 134, 140, 147, 479, 500, 501, 503, 505, 509, 516, 517, 533, 546 — 548, 551, 573, 596, 599, 601, 602, 607

Малаховский (Małachowski, ошибочно — Михайловский) Владислав (ок. 1830 — в конце 1890-х гг.) — инженер, летом 1863 член Отдела литовских земель, начальник города Вильно. После восстания в эмиграции XIX, XXXVIII, 8, 9, 131, 132, 541, 596, 597, 616, 617

Малиновский (Małinowski) Эразм (1821—?) юрист, окончил Московский университет, чиновник суда, учитель гимназии в Петрове, в 1863 — помощник Авейде в Национальном правительстве. После восстания в эмиграции 537, 565, 566

Малишевский (Maliszewski) — польский историк XIII, XX < II

Маловойский (Małowejcki) — помещик, в 1863 начальник Остроленского уезда (?) 559, 564

Маньян (Magnan) — капитан французского флота. Приглашен был командовать польским военным судном, которое должно было действовать в Черном море 595

Марьян — см. Дубецкий

Маркевич (Markiewicz) Болеслав — студент Петербургского университета XV, XXXIV

Маркевич — агент варшавской тайной полиции 476

Марк Карл (1818—1883), 159

Мархвицкий (Marchwicki; ошибочно Мархвинский) Здзислав (1840—?) — в 1863 сторонник Мерославского, в сентябре комиссар Плоцкого воеводства, после восстания в эмиграции, впоследствии жил во Львове 477, 480

Марчевский (Marczewski) Бронислав (1836—1909) — чиновник управления путей сообщения, в январе — марте 1863 член Исполнительной комиссии. После восстания монах-кармелит 510, 521, 535, 564, 575

Марчевский Витольд (1832—1908) — главный инженер дирекции Варшавско-Венской ж. д., активный участник конспиративных организаций; примыкал к правому крылу «красных»: в 1862 член Городского комитета, а затем ЦНК, в 1863 член Исполнительной комиссии, в феврале арестован, приговорен к каторжным работам 115, 116, 139, 361, 376, 443, 444, 449, 450, 453, 465, 468—470, 473, 474, 481, 482, 484, 500, 510, 535, 568, 575

Маршевский (Marszewski) Ян—куявско-калишский епископ 26, 33, 356

Матушевич (Matuszewicz; Matuszewic) Тадеуш (1765—1819) — деятель патриотического лагеря в период Четырехлетнего сейма и восстания 1794, министр финансов княжества Варшавского (с 1811) и Королевства Польского (1815—1817) 160

Мацеёвский (Maciejowski) Вацлав Александр (1793—1883) — историк, профессор Варшавского университета, затем духовной академии и юридических курсов 216

Мацеёвский Игнаций (у Авейде ошибочно: Владислав) (1839—1901) — писатель (псевд.: Север), сын профессора, участник революционных кружков варшавской молодежи, в 1863 до июля комиссар Сандомирского воеводства 91, 129, 444, 474, 528, 559

Мацеёвский Станислав — купец, прусский подданный, в 1863 агент Национального правительства по закупке и транспортировке оружия в Мысловицах 495, 527, 553

Мацеёвский — типографщик 325, 364

Мащини — см. Мадзини

Меленцкий (Mielecki) Казимеж (?—1863) — помещик, в феврале — марте 1863 командовал повстанческим отрядом в Кувявии, умер от ран 511, 512, 521, 524, 526, 527, 551

Меркель (Merkel) — директор австрийской полиции в Кракове 610, 611

Мерле (Merle, Marlé) Владислав(?) — агент ЦНК в Станиславском уезде 452, 453, 475

Мерославский (Mieroslawski) Людвик (1814—1878) — генерал, публицист, политический деятель. Участник восстания 1830—1831, эмигрант, был членом Централи-

зации, намечался на пост главнокомандующего в восстании 1846, был арестован и осужден прусским судом, командовал повстанцами в восстании 1848 в Великой Польше, участвовал в германской и итальянской революциях 1848—1849. В феврале 1863 провозглашен диктатором, но после разгрома возглавляемого им отряда вновь эмигрировал; «Pamiętnik 1861—1863» М. издан в 1924 XV, XXXIV, 18, 31, 53, 68, 112, 113, 115, 129, 207, 209, 220, 222, 246, 247, 249—254, 257, 264, 281, 283, 287, 369, 377, 378, 382, 383, 386, 424, 441, 442, 447, 448, 460, 468, 471, 476—478, 484, 505, 511—513, 516, 521, 534, 551, 552, 568, 578, 579

Мерхелевич (Mierchelewicz) Зыгмунт (Сигизмунд Венедиктович) — генерал царской армии, в 1861 исполнявший некоторое время обязанности наместника в Царстве Польском 24, 27, 330

Меттерних (Metternich) Клеменс (1773—1859) — австрийский политический деятель, министр иностранных дел (с 1809, представлял Австрию на Венском конгрессе 1815) и канцлер (1821—1848) 163, 226, 248, 296

Мессершмидт (Messerschmidt) — военный врач, раненный «кинжальщиком» 146

Мигель Браганцкий (дон Мигель) (1806—1866) — король Португалии 1828—1834, брат дона Педро Португальского 207

Микошевский (Mikoszewski) Кароль (1831—1886) (псевд.: Патер Сикстус) — ксендз-викарий костела св. Александра в Варшаве, активный участник патриотических манифестаций и подпольных организаций, в январе — феврале 1863 член ЦНК и Временного правительства, был капелланом повстанческих отрядов, затем эмигрировал, был активным деятелем эмиграции, в 1875, после возвращения на родину был сослан, умер в Будапеште 89, 116, 117, 140, 404, 478, 481, 500, 502, 505, 509, 516

Милёвич (Milowicz) Владзимеж (1838—1884) — участник подпольного Тройнического союза в Киеве, в 1861—1862 был связным между конспирацией в стране и эмиграцией, весной 1862 вошел в варшавский «академический комитет», летом 1863 в Варшаве (сведения некоторых источников о том, что М. был членом Национального правительства, не подтверждаются), затем выехал в Галицию, где был арестован, принимал участие в эмигрантских организациях, был некоторое время агентом турецкой разведки, затем поселился в Галиции. Оставил воспоминания см. («Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. IV) 90, 117, 118, 123, 140, 425, 431, 477, 498, 570

Милковский (Miłkowski) Зыгмунт Фортунат (1824—1915) — известный писатель (лит.

- псевд.: Теодор Томаш Еж), политический деятель. Участник венгерской революции 1848, затем эмигрант (Турция, Англия), участвовал в войне 1853—1855. В 1863 по поручению Национального правительства сформировал отряд, безуспешно пытавшийся проникнуть через Румынию на территорию Украины. В 1887 был одним из основателей Лиги Польской. Оставил воспоминания: «Od kolebki przez życie». (3 t., Kraków, 1936—1937) 113, 137, 258, 485, 486
- Миневский (Miniewski) Юзеф (1841—?) — инженерный офицер русской армии, участник петербургского военно-революционного кружка, в 1863 командовал повстанческими отрядами. После восстания в эмиграции, затем поселился в Галиции 477, 480, 552
- Минишевский (Miniszewski) Юзеф (1823—1863) — публицист, автор исторических романов. Пропагандировал политические концепции А. Велепольского. Убит повстанцами 5.V.1863 40, 49, 56, 440, 441, 614
- Минквиц Александр Федорович (1811—1882) — генерал царской армии, начальник штаба войск в Царстве Польском 609, 610
- Мирецкий (Mirecki) Александр (1821—1897) — архитектор, в 1862 начальник организации «белых» в Мариамполе 417
- Мирецкий — чиновник управления ж. д. 575, 586
- Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — русский писатель, революционер 494, 496
- Михайловский, Михаловский — см. Малаховский
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855) — поэт 16, 173, 184, 211, 228—230, 233, 234, 267, 279
- Мицкевич (Mickiewiczowa) Целина (1812—1855) — жена Адама М. 229
- Монталамбер (Montalembert) Шарль (1810—1870), граф — французский публицист и политический деятель 29, 288
- Моравский (Mogawski) Цезарий (1838—?) — врач, участник революционной организации, сотрудник секретариата по Литве и Руси, был арестован, дал подробные показания, сослан 596, 605, 606
- Морачевский (Moraczewski) Енджей (1802—1855) — журналист, историк, участник восстания 1830—1831; участник славянского съезда в Праге в 1848 246, 249, 250
- Мохнацкий (Mochnacki) Мауриций (1803—1834) — публицист, литературный критик, демократический деятель. В восстании 1830—1831 возглавлял «Патриотическое общество». В эмиграции выпустил двухтомную историю восстания 77, 176, 202, 221
- Мошиньский (Moszyński) Витольд (ок. 1831—?) — судья гражданского трибунала в Варшаве, с конца июня 1863 председа-
- тель Революционного трибунала при Национальном правительстве; приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами 89—91, 93, 124, 125, 139, 140, 142—144, 148, 566, 615
- Мровиньский (Mrowiński) — полицмейстер 472, 480
- Мрочковский (Mroczkowski) — агент ЦНК в Августовской губернии 452, 453, 475
- Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф — виленский генерал-губернатор в 1863—1865; руководил подавлением восстания в Литве и Белоруссии (прозван «вешателем»). «Записки» М. — «Русская старина» 1882—1883 XVIII, XX, XXV, XXXVII, XXXVIII, XLIV, 3, 4, 10, 15, 34—36, 40, 53, 54, 57, 58, 69, 70, 82—85, 542, 599
- Муханов Павел Александрович (1798—1871) — чиновник царской администрации, с 1842 на службе в Королевстве Польском в качестве вице-председателя Совета народного просвещения, помощника попечителя, затем попечителя Варшавского учебного округа, главного директора Комиссии внутренних и духовных дел, проявил себя как рьяный русификатор. В марте 1861 был уволен от должностей в Королевстве Польском 13, 24, 32, 188, 271—273, 276, 297, 302, 306, 307, 323, 337, 371, 372, 508
- Мыстковский (Mystkowski) Игнаций (ок. 1823—1863) — инженер-железнодорожник (в 40-х гг. — эмигрант, участник венгерской революции), в 1863 командир отряда в Плоцком воеводстве, начальник Пултусского, Остроленцкого и Пшаснышского уездов, погиб в бою 129, 529
- Набеляк (Nabielak) Людвик (1804—1883) — литератор, участвовал в нападении на Бельведер в ноябре 1830, был офицером повстанческой армии, затем эмигрировал. В 1842 сблизился с кружком А. Товянского 229
- Нагурская-Рудзкая (Nagórska-Rudzka) — польский историк XXV, XLIV
- Нажимский (Наржимский, Narzymiski) Юзеф (1839—1872) — писатель, происходил из помещичьей семьи. В 1860—1862 был за границей, осуществлял связь с варшавской конспирацией. Осенью 1862 входил в состав ЦНК. В 1863 примыкал к левому крылу «красных», был референтом Отдела печати; в сентябре-октябре членом Национального правительства. Эмигрировал 115, 120, 140, 144, 145, 444, 448, 470, 476, 481, 483, 484, 497, 498, 563, 564, 583
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — генерал царской армии, виленский генерал-губернатор с 1855 по май 1863 12, 139, 273, 492

- Наполеон I (1769—1821) — французский император в 1804—1814 и 1815 15, 159—162, 168, 170, 171, 178, 187, 191, 212, 227, 234
- Наполеон III (1808—1873) — французский император в 1852—1870 105, 109, 110, 230, 234, 424, 595, 618, 621
- Наполеон, принц — см. Бонапарт Жозеф Шарль Поль
- Нарбут (Narbutt) Людвик (1831—1863) — в 1850 сослан на Кавказ за участие в тайном кружке, затем офицер русской армии, в 1863 командир повстанческого отряда в Виленской губернии, погиб в бою 5. V. 1863 544
- Наржимский — см. Нажимский
- Нарушевич (Naruszewicz) (?) — 1861), ксендз 189
- Натансоны — семья варшавских еврейских буржуа, ряд членов которой сыграл видную роль в событиях начала 60-х гг., входили в «кружок Юргенса»: Натансон (Natanson) Генрик (1820—1895) — книготорговец, издатель, банкир; Людвик (1822—1896) — естествоиспытатель, общественный деятель; Игнаций (1828—1863), банкир; Якуб (1832—1884) — промышленник, профессор-химик 290
- Неваровский (Niewiarowski) Флориан — член кружка К. Маевского 361
- Неголевский (Niegolewski) Мауриций Владислав (1819—1885) — познанский помещик, депутат прусского ландтага, выступавший с интерpellациями по поводу провокационных действий директора познанской полиции Береншпрунга 17
- Немоёвский (Niemojowski) Бонавентура (1787—1835) — депутат сейма Королевства Польского, возглавлял «калишскую оппозицию», в 1831 член и (с сентября) председатель Национального правительства, в ноябре-декабре 1831 председатель Временного комитета эмиграции в Париже 166
- Немоёвский Винцентий (1784—1834) — депутат сейма Королевства Польского, возглавлял «калишскую оппозицию», в 1831 входил в Национальное правительство. Умер в сибирской ссылке 166
- Николай I (1796—1855) — русский император с 1825 81, 176, 181, 182, 193, 252
- Новаковский (Nowakowski) Кароль (ок. 1835—1867) — студент Варшавской Школы изящных искусств, участник конспиративных молодежных организаций 1860—1861, примыкавший к их левому крылу, организатор патриотических манифестаций, арестован в апреле 1861, умер в ссылке 280, 289, 304, 306, 317, 360
- Новаковский (Nowakowski) Эдвард (1829—1903), ксендз-капуцин (отец Вацлав), участник подпольных варшавских кружков, брат Кароля Н. Был арестован и сослан 290
- Новицкий (Nowicki) Леонард — офицер русской армии, участник петербургского кружка Сераковского, в 1863 командовал повстанческим отрядом, был казнен в Плоцке 491
- Новодворский (Nowodworski) Михал (1831—1896), ксендз — в 1863 каноник варшавской дицезии, цензор духовных книг, сослан, позднее плоцкий епископ 391, 394
- Новосильев Николай Николаевич (1761—1836) — русский государственный деятель. Занимал ряд административных должностей в Польше: с 1815 — полномочный императорский делегат при правительстве Королевства Польского, с 1821 состоял при вел. кн. Константине Павловиче. В 1823—1824, будучи попечителем Виленского учебного округа, руководил особой следственной комиссией, осуществившей расправу с организациями польской молодежи в Литве 173
- Носковские (Noskowsy) — семья литовских помещиков, сторонников А. Говяньского 229
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — русский революционер-демократ V, VIII
- Огиньский (Ogiński) Михал Клеофас (1765—1833), князь — дипломат, композитор 171
- Огрызко (Ohrzyzko) Юзефат (1827—1890) — юрист, вице-директор департамента в министерстве финансов, журналист и издатель. В 1859 издавал закрытую вскоре властями польскую газету «Слово» в Петербурге, в 1863 агент Национального правительства в Петербурге, в 1864 арестован, сослан в Сибирь. Умер в Иркутске 490, 491, 496, 582
- Ожешко (Оржешко; Orzeszko) Антоний — помещик, арестованный по делу Конарского, давший подробные показания и высланный в Томск 241
- Ожешко Станислав (ок. 1837—?) — в 1863 начальник повстанческой полиции в Вильно, был арестован, дал подробные показания XIX, XXVIII, 9
- Оксиньский (Oxiński) Юзеф (1840—1908) — чиновник плоцкого губернского правления, в 1863 агент революционной организации в Мазовецком и командир партизанского отряда в Калишском воеводстве, близкий к левому крылу «красных», после восстания чиновник во Львове. Оставил воспоминания (см. «Rocznik Łódzkiego Oddziału Polskiego Towarzystwa Historycznego», 1939) 452, 453
- Ольшаньский (Olszański) Станислав — кладовщик Венского вокзала в Варшаве, участник подпольной организации, близкий к левому крылу «красных», в 1863 — окружной начальник, вел работу среди железнодорожников, занимался транспортировкой оружия, был комиссаром путей сообщения при Национальном правительстве (июнь 1863), после восстания эмигрировал 124, 140, 554, 565, 575—577

- Орденга (Ordęga) Юзеф (1802—1879) — участник восстания 1831, затем эмигрант, сторонник христианско-утопического социализма, в 1863—1864 агент Национального правительства в Париже (член Центрального польского комитета, Комиссии национального долга) и в Турине 137, 138, 145, 538, 540, 587
- Оржешко — см. Ожешко
- Орсини (Orsini) Феличе (1819—1858) — итальянский революционер. В 1858 совершил неудачное покушение на Наполеона II и был казнен 618
- Оскерка (Oskierka) Александр (1830—1911) — полесский помещик, сторонник «белых», в 1863 член Отдела литовских земель, был арестован, приговорен к каторге, после возвращения банковский чиновник в Вильно 131, 278, 419, 513, 522, 541, 596, 597
- Оскульский (Оскольский; Oskólski) — юрист, учился в Москве и Париже. Секретарь при агентстве Национального правительства в Стокгольме 91, 137
- Осташевский (Ostaszewski) Владислав (? — 1863) — чиновник ж. д., погиб в повстанческом отряде 13. V. 1863 529
- Островский (Ostrowski) Александр (1811—1896) — крупный землевладелец, в 1858 вице-президент Земледельческого общества, с лета 1862 радомский губернатор, в 1863—1864 главный директор Комиссии внутренних дел, член Государственного совета (до 1867) 50, 314, 420
- Островский — офицер, участник восстания 493, 496
- Отто (Otto) Леопольд — лютеранский пастор в Варшаве, участник событий 1860—1861, входил в делегацию города Варшавы 38
- Павел I (1754—1801) — русский император с 1796 19, 169,
- Павлов Александр Спиридонович — подполковник в 1864, управляющий Особым отделом канцелярии виленского генерал-губернатора 84
- Павловский (Pawłowski) Александр (ок. 1826—?) — адвокат, с августа 1863 судья революционного трибунала, приговорен к каторжным работам 89—91, 93, 124, 125, 139, 140, 142 — 145, 148, 615
- Павловский — тесть А. Маевского 141
- Падлевский (Padlewski) Зыгмунт (1835—1863) — офицер русской армии, участник петербургского военно-революционного кружка, революционный демократ. Один из лидеров левого крыла «красных», руководитель (1861—1862) эмигрантского Общества польской молодежи, преподаватель польской военной школы в Италии, участник переговоров с Герценом и Огаревым и с организацией «Земля и Воля» (1862). Член ЦНК (с сентября 1862), начальник города Варшавы. В январе—апреле командовал повстанческими отрядами в Плоцком воеводстве, был взят в плен и расстрелян в Плоцке 15. V. 1863 V, VIII, XVII, XVIII, XIX, XXXVI — XX XVIII, 5—7, 86, 115, 116, 130, 139, 418, 459, 465, 469—472, 476, 477, 481, 483—485, 489, 493, 494, 496—502, 504—506, 511, 513, 514, 529, 551, 609
- Пайкерт (Пейкер) Иван (? — 1861) — подполковник русской армии, покончил самоубийством 7. IV. 1861 29, 35
- Панковский (Panowski), ксендз — 479, 480
- Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — русский общественный деятель, литератор, книгоиздатель. С 1862 член общества «Земля и Воля», в 1864 арестован, обвинен в связях с польскими повстанцами и сослан в Сибирь. Автор «Воспоминаний» (неск. изд.) XV, XIX, XXXIV, XXXVIII
- Панюгин Степан Федорович (1822—1885) видный царский чиновник, с 1842 по 1856 — чиновник особых поручений при наместнике в Царстве Польском, в 1863—1868 виленский губернатор, председатель следственного комитета для разбора дел о политических преступлениях 4, 10, 330
- Папаафанасопуло Георгий Ильич — полковник царской армии 526
- Паскевич Иван Федорович (1782—1856), князь—фельдмаршал. В 1831 (после смерти Дибича) командовал царскими войсками, подавившими польское восстание, затем был назначен наместником Царства Польского, руководил расправой с патриотическим движением 11, 269, 371
- Паулуччи (Паулучи; Paulucci) Амилькар (ок. 1810—1874) — царский генерал, обер-полицеймейстер в Варшаве (февраль 1861 — июль 1862) 23, 32, 293, 294, 297, 298, 302, 303, 309, 313, 610, 611
- Пашкевич (Paszkievicz) Юлиан (? — 1911) — помещик, в 1862 член дирекции «белых» XVI, XXXV, 363, 365, 415 — 418, 435, 436, 447, 449, 450
- Педру I (дон Педро Португальский) (1798—1834) — регент (с 1822) и император Бразилии (1822—1831), король Португалии (в 1826) 207
- Пенёнжек (Pieniążek) Матеуш (Мацей) (ок. 1816 —?) — варшавский сапожник, с августа 1863 член революционного трибунала, приговорен к каторжным работам 89—91, 93, 124—126, 139—142, 144, 145, 147, 148, 615
- Пеньковский (Pieńkowski) Адольф (1837—1867) — учитель гимназии, член кружка Юргенса, в 1862 один из создателей варшавской организации «белых», в 1863 гражданский начальник Стопницкого уезда, комиссар Краковского воеводства, при правительствах Маевско-

- го и Траугутта (август-сентябрь, октябрь) начальник полиции. После восстания эмигрировал 281, 595, 605, 606
- Петр I (Великий) (1672—1725) — русский царь (с 1682) и император (с 1721) 81
- Петрашкевич (Pietraszkiewicz) Юзеф—служащий Вислинской пароходной компании, в 1863 агент по закупке оружия в Галиции 91, 138, 527, 553, 581
- Петровский (Пиотровский; Piotrowski) Юзеф (1836—1863) — чиновник плоцкого губернского правления, учился в польской военной школе в Италии, деятель левого крыла «красных», в 1862 один из сотрудников ЦНК, к началу восстания комиссар Августовского воеводства, в сентябре 1863 член Национального правительства и начальник города Варшавы, арестован и в октябре повешен 131, 139, 145, 418, 452, 468, 475, 529, 558, 579, 585, 599
- Петровский Руфин (1806—1872) — участник восстания 1830—1831, эмигрант, член «Демократического общества», направленный в 1843 эмиссаром на родину, был арестован, сослан на каторгу, в 1846 бежал. Умер в Галиции. Опубликовал «Pamiętniki z robytu na Syberii» (3 t. Poznań, 1860—1861) 239
- Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — русский хирург, общественный деятель, педагог 45
- Писанко (Pisanko) — чиновник ж. д., член белостокской революционной организации 475, 480
- Плюциньский (Płuciński) Людвик (? — 1863) — чиновник Варшавско-Венской ж. д., участник восстания 1863, погиб во время восстания (май) 529
- Плятер (Płater) Станислав (1822—1890) — познанский землевладелец, сторонник «белых», член комитета в Познани 419
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — русский историк, публицист, писатель XXV, XLIV
- Польковский (Polkowski) — участник повстанческой организации в Восточной Галиции, помощник комиссара Галиции Я. Майковского 596
- Познанский (Poznański) — владелец гостиницы в Вильно 3
- Понятовский (Poniatowski) Юзеф (1763—1813), князь — участник войны 1792 и восстания 1794. Главнокомандующий войсками княжества Варшавского, маршал наполеоновской армии, участвовал в войнах 1809 и 1812. Погиб в битве под Лейпцигом 160
- Попель (Popiel) Теофиль Винцентий Хосецияк (1825—1912), ксендз — в 1862 ректор духовной академии в Варшаве, сослан, позднее плоцкий епископ, варшавский архиепископ, сторонник соглашения с царизмом 42
- Потапов Александр Львович (1818—1886) — генерал царской армии. В 1860 петербургский и московский обер-полицеймейстер, в августе 1861 получил задание произвести преобразование варшавской полиции, затем и. о. начальника штаба корпуса жандармов, в 1864 помощник виленского генерал-губернатора, с 1868 виленский генерал-губернатор и командующий военным округом, с 1874 шеф жандармов и начальник III отделения 334
- Потебня Андрей Афанасьевич (1833—1863) — революционный демократ, член общества «Земля и Воля», один из организаторов и руководителей Комитета русских офицеров в Польше, летом 1862 перешел на нелегальное положение, присоединился к повстанцам, погиб в бою 5.III.1863 V, VIII, 139, 493
- Потоцкий (Potocki) Адам (1812—1872) — крупный землевладелец в Галиции, консервативный политический деятель, игравший видную роль в местной организации «белых» 419
- Потоцкий Панталеон (? — 1846) — участник конспиративной патриотической организации, готовившей в 1846 общепольское восстание, возглавил попытку восстания в г. Седльце, был схвачен и казнен 248, 249
- Потоцкий Томаш (1809—1861) — экономист, публицист (псевд.: Адам Кшиштопор), участник восстания 1830—1831, член Земледельческого общества, сторонник аграрных реформ 314, 420
- Правдовский Филарет — см. Каменьский Генрик
- Пржибыльский — см. Пшибыльский
- Пржилуский — см. Пшилуский
- Прондзыньский (Prądzynski) Эдвард (? — 1895) — помещик, в июне-июле 1863 секретарь Калишского воеводства (при Вл. Маевском). Был арестован и сослан 128, 129, 139
- Просылайтис (Prosyłajtis), ксендз — плебан Вейверского прихода, член организации «белых» в Мариампольском уезде 417
- Прушакова (Pruszkowa; впоследствии Духиньская) Северина (1816—1905) — писательница, одна из основательниц и активная участница патриотической организации «пятерок», оказывавшей помощь арестованным повстанцам, член Главного опекунского совета, в ноябре эмигрировала. Автор воспоминаний (см. «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. II) 605—606
- Пшибыльский (Пржибыльский; Przybylski) Вацлав (1828—1872) — виленский учитель, журналист, сотрудник газеты «Курьер виленский», сторонник «белых», в марте — декабре 1863 секретарь по делам Литвы при Национальном правительстве, в июне—августе и октябре начальник го-

- рода Варшавы, в июне—сентябре директор Огдела печати, с декабря 1863 до мая 1864 комиссар Национального правительства за пределами Королевства Польского, остался в эмиграции 118, 119, 123, 124, 126, 139, 140, 144, 147, 150, 522, 536, 568, 569, 576, 580, 595, 596, 599, 602—606, 612, 615
- Пшибыльский (Przybylski) Кароль (1839 — ?) — врач (брат Вацлава П.), занимавший в 1863 ряд второстепенных должностей в повстанческой организации, секретарь Медицинской комиссии, был арестован, дал подробные показания, сослан 582, 586
- Пишборовский (Przyborowski) Валерий (1845—1913) — польский историк XIII, XIV, XVIII, XX, XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXIX, XLIII, XLIV, XLVI
- Пишбушевский (Przybuszewski) Эвгениуш (1889—1940) (псевд.: Чеслав Ясинский) — польский историк XXIII, XXV, XLII, XLIV
- Пишлуский (Przyłuski) Леон (1789 — 1865) — архиепископ гнезненско-познанский с 1845 480
- Равич (Rawicz) Владислав (1822—1863) — помещик, сын банкира. В 1863 — сторонник «белых», гражданский начальник Подляшского воеводства. Был арестован и повешен в Седльце 130
- Радоминьский (Radomiński) Юзеф — чиновник канцелярии наместника, летом 1863 референт Отдела печати Национального правительства, после восстания в эмиграции, журналист 589, 605
- Раморино (Ramorino) Джироламо (1792—1849) — генерал польской и итальянской службы, участник наполеоновских войн, командир корпуса во время восстания 1830—1831, руководил неудачной попыткой республиканского восстания в Пьемонте в 1834 («Савойский поход») 257
- Рамотовский (Ramotowski) Константы (1812—1888) (псевд.: Вавер) — участник восстания 1830—1831, затем в эмиграции, в 1863 командир повстанческого отряда в Августовском воеводстве, после восстания вновь в эмиграции 418, 529
- Ратайский (Ratajski) Томаш — варшавский чиновник, убит в 1863 146
- Рауи Василий Федорович (1816—1870) — генерал царской армии, с 1864 помощник начальника артиллерии Виленского военного округа, автор написанного по поручению Муравьева крайне тенденциозного сочинения «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-западных губерниях» XIII, XXV, XXXII, XLIII
- Ревковский — см. Рутковский
- Рембелинский (Rembieliński) Александр (? — 1872) — брат Эвгениуша Р. 539
- Рембелинский Эвгениуш — помещик Августовской губернии, участвовал в создании «белой» организации как представитель Августовского воеводства 416, 539
- Ремишевский (Remiszewski) Валерий (? — 1863) — офицер русской армии, в 1863 командир повстанческого отряда в Мазовецком воеводстве, погиб 2.IV.1863 581
- Репнин Николай Васильевич (1734—1801), князь — русский дипломат, генерал, с 1763 полномочный министр, с 1764 посол в Варшаве (до 1769) 158
- Ржевуский — см. Жевуский
- Ржоньца — см. Жоноца
- Рогавский (Роговский; Rogawski) Кароль (? — 1888) — политический деятель, участник Краковского восстания 1846, в июне 1863 член Исполнительного отдела в Кракове 135, 602
- Рогалиньский (Rogański) Лодзя Александр (1833—1896) — офицер австрийской армии, преподаватель польской военной школы в Италии, в 1863 комендант Плоцкого воеводства, майор кавалерии 495
- Рогиньский (Rogiński) Роман (1834—1915) член кружка Маевского, слушатель польской военной школы в Италии, в 1863 комиссар Подляшского воеводства, в марте арестован, дал подробные показания, сослан. Издал воспоминания «Z pamiętników Romana» (Kraków, 1898) 360, 376, 474, 522, 529
- Родович (Rodowicz) — варшавский портной, член революционной организации 407
- Розвадовский (Rozwadowski) Константы (Константин Иванович) — генерал-майор, председатель Постоянной следственной комиссии XX, XXI, XXVI, XXVIII, XXXIX, XL, XLV, XLVII, 85, 90, 92, 93, 115, 149, 153, 325, 329, 330, 383, 390, 430, 431, 439, 444, 452, 479, 480, 496, 521, 537, 539, 543, 551, 560, 564, 586, 605, 606
- Розен Григорий Владимирович (1781—1841), барон — генерал царской армии. Командуя Литовским корпусом, участвовал в подавлении восстания 1830—1831 176
- Розманит (Rozmanith) Антоний (1843—?) — сын купца, в марте 1863 унтер-офицер в отряде Лянгевича, затем директор экспедитур при Национальном правительстве. Был сослан в Сибирь, затем поселился в Галиции, опубликовал «Wspomnienia z nad Bajkału» (Kraków, 1870) 127, 577, 586
- Розманит Францишек Феликс (ок. 1831—?) — варшавский купец, брат Антония Р., летом 1863 окружной начальник в варшавской революционной организации, в октябре арестован 3, 139, 528, 558, 577
- Рольский (Rolski) Эдвард (?—1863) — участник патристической студенческой организации, примыкал к левому крылу «красных», агитатор и агент ЦНК, осенью

- 1862 помощник члена ЦНК, в 1863 комиссар Плоцкого воеводства, погиб 12. 11. 1863 130, 444, 465, 474, 475, 485, 495, 529, 558
- Рольский Юзеф (? — 1862), участвовал вместе с братом Эдвардом в деятельности организации «красных», в сентябре-октябре 1862 исполнял обязанности начальника города Варшавы, был арестован, умер в тюрьме 444, 465, 485.
- Романовы — династия русских царей 216
- Рор (Рёр; Röhr) Ян — инженер, в 1846 за участие в революционных организациях в Литве был сослан в Сибирь, в конце марта 1863 агент Национального правительства по закупке оружия в Восточной Пруссии, в апреле арестован прусскими властями 136, 553, 581
- Росман (Rossman) — помещик, в 1863 начальник Варшавского уезда 559, 564
- Росыцшевский (Rościszewski) Зыгмунт — помещик, сторонник Мерославского, участник его куявского рейда в 1863, входил в созданные Я. Кужинной Революционный комитет (июль 1862) и Общество патриотов (осень 1863). После восстания журналист, редактор «Корреспондента плоцкого» 477, 480
- Роткевич (Rotkiewicz) — варшавский купец 3
- Роткирх Василий (Теобальд) — майор царской армии, в 1863 послан из Варшавы корреспонденции в газету Каткова «Московские ведомости». Автор «Воспоминаний» (Вильно, 1890) 143
- Рошебрён (Rochebrun) Франсуа (1829—1870) — офицер французской армии, владелец фехтовальной школы в Кракове. Присоединившись к повстанцам, организовал в 1863 отряд «зуавов смерти», служил в отряде Лянгевича, позднее был военным начальником. Погиб во время франко-прусской войны 519, 524, 551
- Роштэн (Роштейн; Rochetén) Адольф (Альфред) де — инженер Петербурго-Варшавской ж. д., в 1862 агент ЦНК в Мазовецком воеводстве 444, 475
- Рудановский Леонид Платонович (1814—1877) — генерал царской армии, в январе — ноябре 1863 участвовал в подавлении восстания, командуя сначала Владимир-Вольнским, а затем Кременецким отрядами 24, 327
- Рудницкий (Rudnicki) Владислав (псевд.; Сава) — офицер инженерных войск царской армии, в 1863 командир повстанческого отряда на Украине, был взят в плен, бежал и пробрался в Галицию, где был организатором вооруженных отрядов, начальником штаба при Ружицком и Савицком — «Струссе», затем выехал в Париж. В 1865 выехал в результате провокации в Варшаву, был арестован, дал подробные показания, сослан на поселение XXI, XXVI, XL, XLV
- Ружицкий (Рожицкий; Różycki) Кароль (1789—1870) — офицер армии княжества Варшавского и Королевства Польского, участник восстания 1830—1831, затем эмигрировал, в 1842 вошел в кружок Товяньского 181, 229, 230
- Ружицкий Эдмунд (1827—1893) — офицер русской армии, сын Кароля Р. Член Провинциального комитета русских земель, в 1863 член Исполнительного отдела, командовал повстанческими силами на Волыни, генерал, затем военный организатор во Львове, в ноябре агент Национального правительства в Константинополе. После восстания страховой чиновник в Галиции 132, 134, 135, 181, 457, 489, 523, 546, 547, 599—601
- Рупрехт (Ruprecht) Кароль (1821—1875) — журналист, редактор «Газеты польской» в Варшаве. Участвовал в подпольных организациях 40-х гг., был сослан на каторгу. Накануне восстания член «Дирекции «белых», в марте-мае 1863 член Национального правительства, летом 1863 референт Отдела финансов Национального правительства, а затем комиссар при Комиссии национального долга в Париже. Остался в эмиграции XVIII, XXXVI, 117, 130, 139, 140, 144, 146—148, 244, 304, 415, 417, 424, 426, 439, 514, 530, 533—536, 539, 561, 563, 571, 575, 585, 586, 588
- Рутковский (Rutkowski) — адвокат, заключенный варшавской цитадели, пытавшийся покончить жизнь самоубийством 196
- Рутковский — помещик Ломжинского уезда; член организации «белых» 417
- Рутковский (или Ревковский) — чиновник почтамта, передавший крупную денежную сумму в распоряжение Национального правительства 586
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист 216
- Рыль (Рыль; Ryll) Людвик (1842—1862) — рабочий варшавской литографии, совершил покушение на Велёпольского и был казнен по приговору военного суда 40, 45, 47, 407
- Рыхтер (Pychter) Август — варшавский чиновник, раненный «кинжальщиком» 146
- Рыщевский (Ryszczewski) — помещик, кандидатура которого предлагалась на пост агента Национального правительства в Турине, но не была утверждена 593
- Сабовский (Sabowski) Владислав (1837—1888) — студент Варшавской Школы изящных искусств, чиновник, впоследствии писатель (псевд.: Володзь Скиба). Входил в варшавскую организацию «красных», летом 1863 референт Отдела печати при Национальном правительстве, редактор газеты «Правда» (апрель — июль), а также секретарь начальника города, с

- ноября управляющий подпольными типографиями, в декабре директор Отдела печати, с января 1864 в эмиграции (редактировал «Вытравалость»), затем поселился в Галиции 590, 603, 605
- Савицкий (Sawicki) — командир отряда в Ленчицком уезде, казненный повстанцами за присвоение народных средств 586, 587
- Садык-паша — см. Чайковский Михаил
- Сапега (Sapieha) Адам (1828—1903), князь — депутат галицийского сейма (с 1861), руководитель партии «белых» в Галиции. В 1864—1866 в эмиграции. В 1864 уполномоченный Национального правительства. С 1879 депутат палаты господ в Вене 109, 134, 135, 418, 419, 547, 548, 592, 600, 601
- Сапега (Sapieha) Леон (1803—1878), князь — галицийский политик, сторонник сотрудничества с австрийскими властями, в 1861—1875 председатель (маршалок) галицийского сейма 592, 593
- Свѣтковский (Świątkowski) Людвик (1839—1868) — помещик, перед восстанием и в 1863 гражданский начальник Мазовецкого воеводства, после восстания эмигрант, работал на сахарном заводе во Франции 91, 128, 140, 474, 528, 559, 608
- Свѣтковский Станислав — помещик Варшавской губернии, брат Людвика С., не принимавший участия в восстании 128
- Свидерский (Swiderski) Казимеж (ок. 1830—?) — врач в Литовской духовной семинарии, по обвинению в исполнении обязанностей председателя виленского дамского комитета помощи раненым повстанцам был сослан в Томскую губ. 3, 9, 617
- Свидзиньский (Swidziński) Константы (1793—1855) — польский магнат, библиофил, собиратель древностей 296
- Свинарский (Swinarski) — великопольский помещик (неясно, кто конкретно имеется в виду). Показания Авейде (и Даниловского) о его членстве в Великопольском комитете и льежской Комиссии по закупке оружия не подтверждаются другими источниками 136, 137
- Секлюцкий (Siekłucki) — чиновник Комиссии духовных дел и просвещения 391
- Семеньский (Семинский; Siemieński) Владислав — помещик, участник Гомбургского совещания в 1861, в 1863 сторонник диктатуры Лянгевича 358, 367, 383, 516, 523, 548
- Семеньский Яцек — помещик в Королевстве Польском, в 1861 посредник между организацией «белых» и Мерославским, в марте — апреле 1863 комиссар Восточной Галиции и города Львова 91, 133, 134, 416, 417, 518
- Семеньский — помещик, в 1863 начальник Олькушского уезда, родственник Яцка С. 559, 564
- Сераковский (Sierakowski) Зыгмунт (1827—1863) — революционный демократ, деятель польского, русского и литовского революционного движения. Студентом Петербургского университета был в 1848 арестован за попытку перехода границы и сослан в солдаты. Дослужившись до офицерского звания, окончил Академию генерального штаба в Петербурге. Сблизился с Т. Шевченко, Н. Чернышевским, сотрудничал в «Современнике», встречался в Лондоне с А. Герценом. В 1858 создал в Петербурге революционный офицерский кружок. В 1863 (с апреля) командир повстанческих отрядов в Литве, военный начальник Ковенского воеводства (псевд.: Доленга). Тяжело раненный в бою, был взят в плен и казнен в Вильно 27.VI.1863 V, VIII, 181, 256, 489—491, 498, 543, 544
- Сиверс Яков Ефимович (Якоб-Иоганн) (1731—1808), граф — деятель царской администрации и дипломатии, в 1789—1793 чрезвычайный и полномочный посол в Польше, активно содействовал второму разделу Польши 158
- Сивиньский (Siwiński) Эдвард (1831—1897) — варшавский учитель, журналист, литературный критик. В апреле — мае — 1863 член Национального правительства, сторонник Гиллера, директор, а затем (с июля) референт Отдела печати, редактор газеты «Неподлеглость», в августе (?) эмигрировал 90, 117, 122, 123, 139, 140, 533, 536, 589—592
- Скарбек (Skarbek) Фридерик (1792—1866) — экономист, писатель, историк 159, 160, 271
- Скарбек — помещик, в 1863 начальник Влоцлавского уезда 559, 560, 564
- Скаржиньский (Skarżynski) Дионизий (1820—1903) — помещик Августовской губернии, участник подпольной организации в 1846, сослан в Сибирь; затем советник Кредитного общества, сторонник «белых», в июле — августе 1863 руководитель Финансового отдела Национального правительства, в сентябре порвал с движением и эмигрировал 90, 118, 121, 122, 140, 150, 416, 417, 519, 570, 585, 587, 588
- Сковроньский (Skowroński) Казимеж — чиновник, убитый «кинжалщиком» 146
- Сковроньский Роберт — офицер австрийской армии, командир повстанческих отрядов в Плоцком и Мазовецком воеводствах 495
- Скорупка (Skorupka) Леон (1821—1875), граф — помещик, депутат галицийского сейма, деятель партии «белых», член Исполнительного отдела Западной Галиции (до июля 1863), затем агент Национального правительства в Вене 134, 135, 137, 547, 592, 593, 595, 602
- Скотницкий (Skotnicki) Антоний (ок.

- 1836 — ?) — студент Киевского университета, сторонник «красных», накануне восстания и в 1863 комиссар Подляшского, а затем Мазовецкого воеводств. После восстания в эмиграции, затем журналист в Галиции 91, 130, 140, 556
- Скотницкий, «сибиряк» — см. Стовницкий
- Скшинецкий (Скржинецкий; Skrzyniecki) Ян (1786—1860), генерал — участник восстания 1830—1831, с 26.II. 1831 главнокомандующий. Консерватор, противник революционных мер, после ряда военных неудач был отстранен сеймом (11.VIII. 1831) от командования. После восстания в эмиграции 167, 228, 230
- Слепцов Александр Александрович (1835—1906) — русский революционер-демократ, один из основателей и член Центрального комитета «Земли и Воли» начала 60-х гг., поддерживавший связи с польской демократией 494, 496
- Словацкий (Słowacki) Юлиуш (1809—1849) — поэт 16, 211, 229, 279
- Скультецкий (Skulciecki) Адам Ян — в 1862 слушатель польской военной школы в Италии, в 1863 помощник военного начальника Августовского воеводства 475, 480
- Словицкий (Słowiński) Ян — варшавский адвокат, убитый в 1863 146
- Смеховский (Снеховский; Śmiechowski) Юзеф — офицер в отряде Лянгевича 519
- Смолька (Smolka) Францишек (1810—1899) — галицийский адвокат. Участник освободительного движения 40-х гг., в дальнейшем посол галицийского сейма и венского парламента, либерально-буржуазный политик 17, 513
- Снеховский — см. Смеховский
- Собеский — см. Ян III Собеский
- Сови́нская (Sowińska) Катажина (? — 1860) — вдова генерала, героя восстания 1830—1831, участвовала в организации помощи политическим узникам 274, 289
- Соколовский (Sokołowski) Мариан (1898—1911) — студент Киевского университета, в 1863 комиссар Временного правительства во Львове. После восстания профессор истории искусств в Кракове 132, 513, 523, 545, 546, 599
- Соколовский Ян — помещик Плоцкой губернии, в феврале (?) 1863 — начальник Плоцкого воеводства 529, 537
- Сосновский (Sosnowski) Казимеж (1800—1874), ксендз — администратор люблинской диоцезии, в 1861 доверенное лицо Люблинского воеводства при формировании так называемой «Национальной делегации» 479
- Спасович (Spasowicz) Владзимеж (Владимир Данилович) (1829—1906) — юрист, общественный деятель, был сторонником польско-русского сближения на либерально-консервативной основе, лояльной позиции по отношению к властям. Основатель печатных органов «Атенеум», «Край». Был профессором Петербургского университета (1857—1861), виднейший русский адвокат 490
- Ставский (Stawiski) Эдмунд (1813—1890) — помещик, литератор-экономист, входил в Комитет Земледельческого общества, участвовал в феврале 1861 в составлении адреса правительству, в 1862 назначен членом Государственного совета Королевства Польского 295, 296
- Стаженский (Старженский; Starzeński) Генрик, граф — помещик Ломжинского уезда, в 1862 помощник руководителя организации «белых» в Августовской губернии 416, 440
- Станевич (Staniewicz) Ян Онуфрий (1832 — ?) — офицер русской армии, член кружка Сераковского, с 1863 в отставке 491
- Станислав Август Понятовский (Stanisław August Poniatowski) (1732—1798) — польский король в 1764—1795 158
- Старженский — см. Стаженский
- Сташиц (Staszic) Станислав (1755—1826), ксендз — крупнейший польский просветитель, философ, публицист, общественный деятель 165
- Степанов Николай Петрович XXV, XLIV
- Стецкий (Stecki) Юзеф (1820—1880), ксендз — в 1861 входил в состав делегации города Варшавы, в 1863 сослан 290
- Стовницкий (Stobnicki; ошибочно: Скотницкий) Ксаверий (?—1861) — был сослан в Сибирь, в 1857 возвратился. Похороны его стали поводом для патриотической манифестации 22, 317
- Стройновский (Strojnowski; Strojnowski) Владислав (1831 —?), граф — помещик, в 1862 связан с левым крылом «красных», в начале 1863 командовал отрядами в Мазовецком воеводстве, затем эмигрировал 485, 496
- Стронский (Stroński) Станислав — варшавский аптекарь, в 1863 кассир варшавской организации, городской интендант при Военном отделе, арестован, приговорен к каторжным работам 564, 568
- Сулежицкий (Сулежиский; Sulerzyski) Наталис (1801—1878) — помещик, член прусского ландтага 511
- Сулковский (Sułkowski) Август, князь — познанский помещик 524
- Сулковский Юзеф (1770—1798) — офицер, участник войны 1792, республиканец, в эмиграции вступил во французскую армию, был адъютантом Бонапарта. Погиб во время египетского похода 160
- Суми́нский (Sumiński) Артур — помещик Липновского уезда, командир отряда 511, 521
- Суходольский — см. Дормановский
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871) — генерал царской армии, с 1856 по

- 1861 военный министр, в мае — августе и в октябре 1861 исполнял обязанности наместника в Царстве Польском 24, 320, 325—329, 331, 332, 364, 400
- Сцегиenny (Sciegienny, Sciegienny) Петр (1800—1890), ксендз — сын крестьянина, основавший в начале 40-х гг. крестьянскую революционную организацию, стоявший на позициях антифеодальной борьбы народа. В 1846 приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами (возвратился из ссылки в 1871) 243, 255
- Талейран (Talleyrand — Périgord) Шарль Морис (1754—1838), князь, французский политический деятель, министр иностранных дел Директории, Наполеона I, Людовика XVIII, представитель Франции на Венском конгрессе 1815 163
- Таневский (Taniewski) Александр (1833—?) (псевд.: Тетера, Ястшембец) — офицер австрийской армии, преподаватель. В июле-августе 1863 начальник города Кракова (занимаясь организацией повстанческих отрядов в Галиции, не справился с этой задачей), затем начальник штаба при командующем Восточной Галиции, офицер в отрядах Гауке, участник нескольких боев. После восстания краковский чиновник 134, 602, 605, 610
- Тачановский (Taczanowski) Эдмунд (1822—1879) — познанский помещик, в 1863 командовал крупными отрядами на Куявии, был военным начальником Калишского и Мазовецкого воеводств 534, 551, 552, 571, 578
- Товяньский (Towiański) Анджей (1799—1878) — мистик, основатель религиозно-мессианистской секты. Учился и служил в Литве, в 1841 прибыл в Париж и начал пропаганду своего «учения» среди польской эмиграции, причем сумел подчинить своему влиянию ряд видных ее деятелей (в том числе А. Мицкевича), в 1842 выслан из Франции 16, 202, 227—235
- Томчинский (Томпчинский; Tomczyński) Валерий — чиновник, в 1863 секретарь Лянгевича в период диктатуры, затем гражданский начальник Сандомирского, в сентябре комиссар Мазовецкого воеводства, после восстания в эмиграции 474, 480, 518, 528
- Тлуховский (Tłuchowski) Тадеуш — плоцкий помещик. В 1862 начальник Плоцкого воеводства. Когда началось восстание, уклонился от участия в нем 452, 474, 506
- Томашевский Конрад — см. Блашинский
- Точиский (Toczyński) Юзеф (ок. 1828—1864) — бухгалтер Земледельческого общества. Участник конспиративных организаций конца 40-х гг., был на сибирской каторге, вернулся в 1858. В 1863 референт, а затем начальник финансового отдела Национального правительства. В январе 1864 арестован и осужден по процессу Траугутта. 5.VIII казнен в Варшаве 122, 139, 585
- Трапшо (Trapszo) — комиссар варшавской полиции 472, 480
- Траугутт (Traugutt) Ромуальд (1825—1864) — руководящий деятель восстания. До 1860 офицер русской армии. В мае-июле 1863 командовал повстанческим отрядом в Полесье, в августе был послан с дипломатической миссией за границу, с октября глава Национального правительства. Арестован 11.IV.1864, казнен 5.VIII.1864 XII, XXXI, 127, 543, 578, 598, 599, 602, 616, 618
- Трепов Федор Федорович (1803—1889) — полковник, затем генерал. С ноября 1860 до февраля 1861 варшавский обер-полицмейстер, с декабря 1863 генерал-полицмейстер Царства Польского, с 1866 петербургский обер-полицмейстер XXI, XL, 10, 22, 23, 32, 82, 83, 143, 293
- Тржетржевинский — см. Тшетшевинский
- Трояцкий (Трояк; Trojaski) 135, 600, 610
- Трубецкой, князь — председатель виленской следственной комиссии по делу Ш. Конарского 196, 210, 241
- Тугенгольд (Tugenholt) — варшавский цензор (для еврейских изданий) 306
- Туркетти (Turketty) — в 1863 организатор Люблинского воеводства 141
- Туркул Игнатий Лаврентьевич (?—1856) — министр — статс-секретарь Царства Польского, член Государственного совета 186
- Туровский (Turowski; Ян (1832—?) (псевд.: Сокольникович) — офицер русской гвардии, с 1862 в отставке. В 1863 военный начальник Плоцкого воеводства, участвовал в ряде сражений, был ранен, эмигрировал, затем был чиновником краковского магистрата 51
- Турчинович (Turczynowicz) — помещик Петровского уезда, член Калишского воеводского комитета 474, 480
- Тшетшевинский (Тржетржевинский; Trzetrzewiński) Август — адвокат, в 1861 член дирекции «белых» 415, 423, 424, 431
- Тшетшевинский — помещик, брат Августа Т., в 1863 начальник Ловичского уезда 559, 564
- Тымовский (Tymowski) Юзеф (Осил Игнатьевич) (1791—1871) — министр — статс-секретарь Царства Польского, член Государственного совета 186
- Тыссовский (Tyssowski) Ян (1817—1857) — участник восстания 1830—1831, во время Краковского восстания 1846 объявил себя диктатором. Был арестован австрийскими властями, затем эмигрировал 248
- Тыс (Тус) Иоахим (1820—?) — гравер, владелец писчебумажного магазина, изготовил печати Национального прави-

- тельства, служил в его канцелярии 452—454
- Тышкевич (Tyszkiewicz) — помещик, начальник Равского уезда 477, 480
- Уминский (Umiński) Петр (1832—?) — чиновник комиссии внутренних дел в Варшаве, летом 1863 окружной начальник в городской организации, примыкал к «белым». Эмигрировал, поселился в Кракове 127, 152, 528
- Уминский Юлиан (?) 127, 140
- Утин Николай Исаакович (1840 или 1841—1883) — русский революционер-демократ, в 1862 член руководящего центра «Земли и Воли», с 1863 эмигрант, в 1868—1870 руководитель группы «Народного дела», член I Интернационала (с 1867), один из основателей его русской секции (1870), под конец жизни отошел от политической деятельности и, получив помилование, вернулся в Россию 494, 496
- Ушаков Александр Клеонакович — генерал царской армии, командир 7-й пехотной дивизии, военный начальник Радомского отдела 526
- Уяздовский (Ujazdowski) Кароль — помещик Плоцкой губернии, руководитель организации «белых» в Плоцком воеводстве, противник восстания 416
- Фабiani (Fabiani) Дионизий (?) — агент Революционного комитета (1862), сотрудник Мерославского 477, 480
- Фалькенштейн (Falkenstein) Константин-Карл (1801—1885) — немецкий историк 240
- Фелинская (Felińska) Эва (1793—1859) — писательница, автор воспоминаний, мать Зыгмунта Щенского Ф. 44, 402
- Фелинский (Feliński) Алоизий (1771—1820) — поэт и драматург 19
- Фелинский Зыгмунт Щенский (1822—1895) — архиепископ варшавский (с января 1862). Крайне непопулярный среди горожан, симпатизировал «белым», стремился сдержать рост революционных настроений, лавировал между общественным мнением и властями, но не избежал острого конфликта с царской администрацией и 14.VI. 1863 был выслан из Варшавы 38, 41—44, 60, 393, 402—405, 410, 461
- Фелькнер (Felkner) Павел (? — 1862) — чиновник особой канцелярии наместника, агент тайной царской полиции в Варшаве, убитый по приговору революционной организации 52, 67, 196, 452, 472
- Ферзен Герман Егорович, барон — в 1861 августовский губернатор 327
- Фиялковский (Fijałkowski) Антоний Мельхиор (1778—1861) — варшавский архиепископ (с 1856), чьи похороны превратились в патриотическую манифестацию 27, 33, 42, 293, 296, 303, 325, 326, 347, 348, 354, 355, 394, 402
- Фоменкова Валентина Михайловна — историк XXIV, XLIII
- Франки (Franchi) Алессандро (1818—1878) — кардинал 539
- Франковский (Frankowski) Леон (1843—1863) — учащийся реальной гимназии в Варшаве. Участник конспиративных патриотических организаций, с сентября 1862 комиссар Люблинского воеводства. Возглавляя повстанческий отряд, был ранен, взят в плен и повешен 16.VI.1863 XIX, XXXVIII, 7, 86, 290, 359, 360, 364, 366, 376, 444, 447, 457, 474, 527, 529, 560
- Франковский Станислав (1840—1899) — студент Варшавской Школы изящных искусств, член революционного молодежного кружка, основатель и сотрудник подпольного издания «Стражница». Осенью 1862 назначен комиссаром Мазовецкого воеводства, в марте 1863 комиссар Калишского воеводства. Решительный противник «белого» правительства, член сентябрьского правительства «красных», затем комиссар Познанского княжества. Выехал с финансовой миссией в Париж, в 1864 был арестован французской полицией. Умер во Львове 124, 128, 136, 137, 140, 145, 290, 360, 364, 366, 376, 444, 474, 527, 528, 558, 571, 585, 600, 609, 610
- Франковский Ян — студент, вместе с братьями Леоном и Станиславом активно участвовал в подготовке восстания в Варшаве и провинции, был членом городской организации и студенческого комитета, примкнул к «красным». Арестован в ночь с 19 на 20.V.1862, приговорен к каторге. Впоследствии был в эмиграции (?) 290, 360, 364, 366, 376, 444, 447, 487, 489
- Франц-Иосиф I (1830—1916) — австрийский император с 1848 280
- Френкель (Fraenkel) Антоний Эдвард — владелец банковской конторы в Варшаве 585, 586
- Фридлейн (Friedlein) Рудольф Фридерик (1811—1873) — варшавский книгопродавец. В 1863—1868 высладался в Тверь 407
- Фридерци (Fryderyci) — инженер, в 1862 начальник организации белых Августове 417
- Фридрих-Август I (1750—1827) — саксонский курфюрст (с 1763 под именем Фридриха-Августа III) и король (с 1806). Участвовал в войнах против французской революции, с 1806 стал союзником Наполеона I, благодаря которому получил княжество Варшавское. С падением Наполеона лишился большей части своих владений 160
- Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король с 1840 280
- Фрич (Frič) Йозеф Вацлав (1829—1890) — чешский демократический деятель, писатель, журналист. Участвовал в пражском восстании 1848, был арестован (до 1854), в 1859—1879 в эмиграции, где поддерживал связи с революционерами ряда стран (в том числе Польши и

- России), издавал журналы «Чех» (1861) и «Бланик» (1868). Выступал в поддержку восстания 1863 113
- Фриче (Фритше; Frycze; Fritsch; Frytsch) Кароль (1830—1863) — инженер на строительстве Петербургско-Варшавской ж. д., в 1863 начальник штаба у Цихорского и Падлевского, затем командир отряда. Умер от ран 24. V. 1863 529
- Халубиньский (Chałubiński) Титус (1820—1889) — врач, профессор Медико-хирургической академии и Главной школы в Варшаве. В период патриотических манифестаций примыкал к «белым», был противником восстания, в феврале — апреле 1861 член варшавской «Делегации». В период восстания выехал в Дрезден 61, 293, 317, 320, 462
- Хамец (Chamiec) Антоний (1840—1908) — политик, экономист. Перед восстанием студент Киевского университета, член нелегального «Тройницкого союза», полномочный комиссар Отдела русских земель. В 1863 комиссар Национального правительства, издавал орган Отдела русских земель — «Валька», в конце года переселился в Галицию. В дальнейшем австрийский правительственный чиновник, камергер, депутат галицийского сейма 132, 489, 546, 599
- Хан — см. Ган
- Хвалибог (Chwalibóg) Владислав Мечислав (1823—?) — келецкий помещик. За участие в подготовке восстания был в 1852 арестован и сослан (до 1858). В 1863 гражданский начальник Меховского уезда, а затем Краковского воеводства. В сентябре был в течение нескольких дней членом Национального правительства «белых», а затем выехал в Галицию. Дальнейшая судьба неизвестна 91, 130, 140, 416, 417, 584
- Хейденрайх — см. Гейнденрейх
- Хеннесси (Генеси, Hennessy) Джон Поп (1834—1891) — ирландский консервативный политический деятель, член парламента 587
- Хишпанский — см. Гишпанский
- Хлопицкий (Chłopiński) Юзеф Гжегож (1771—1854) — генерал. Участник войны 1792, восстания 1794, офицер и генерал польских легионов, наполеоновской армии 1812, а затем войск Королевства Польского (с 1818 в отставке). В 1830 член Административного совета, командующий войсками, с 5. XII. 1830 до 17.I.1831 диктатор. Стронник соглашения с царским правительством 168, 176
- Хмельнский (Хмелинский; Chmieński) Зыгмунт (1833—1863) — офицер русской армии, участник варшавских нелегальных организаций, в 1861 эмигрировал, преподавал в польской военной школе в Италии. В 1863 арестован в Галиции, бежал, сформировал отряд, в сентябре военный начальник Краковского воеводства, в октябре начальник штаба у Гауке-Босака, взят в плен и расстрелян в Радоме 23.XII.1863 578
- Хмельнский (Хмелинский) Игнаций (1837 или 1839—?) — студент Киевского университета, участник подпольной организации варшавской молодежи, вел агитацию среди ремесленников и рабочих, в октябре 1861 был одним из организаторов Городского комитета, поддерживал план Домбровского, вел активную борьбу с «белыми», до июня 1862 член ЦНК. В 1863 энергично выступал против «белых» правительство, 17 сентября возглавил Национальное правительство. В конце сентября эмигрировал 135, 361, 406, 407, 444, 449, 450, 482, 563, 564, 569, 600, 610
- Хмужиньский (Chmugziński) Леон (1830—1868) — аппликant комиссии внутренних дел, затем волонтер легионов Замоиского в Турции (1855), эмигрант, сторонник и агент Мерославского. Возвратившись в Варшаву, вел накануне восстания конспиративную работу среди молодежи. В 1863 председатель тайной комиссии по контролю действий «белого» правительства, послан с миссией к Мерославскому, назначен агентом Национального правительства в Молдавии. После восстания жил в Бельгии 477, 480, 579
- Хондзыньский (ошибочно: Ходзинский, Chądzyński) Збигнев (1839—?) (псевд.: Людвик, Бялый) — помещик, активный участник восстания, примыкавший к левому крылу «красных», в 1863 начальник Пултусского уезда (с февраля), помощник комиссара (с марта) и комиссар (июнь — октябрь) Плоцкого воеводства, участник нескольких сражений. После восстания эмигрировал 91, 130, 131, 140, 558, 560
- Хорновский — см. Горновский
- Хородынский — см. Городыньский
- Хрулев Степан Александрович (1807—1870) — генерал царской армии, участвовал в подавлении венгерской революции, в обороне Севастополя в войне 1853—1855, затем командовал 2-м армейским корпусом 316
- Хрущев (Хрущов) Александр Петрович (1806—1875) — генерал царской армии, участник обороны Севастополя в 1853—1855, в период восстания 1863 был командиром 5-й пехотной дивизии и военным начальником Люблинского отдела, впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири, член Государственного совета 24, 25, 396, 397
- Хшановский (Хржановский, Chrzpanowski) Войцех (1793—1861) — генерал. Слу-

- жил в армии Княжества Варшавского и Королевства Польского, участвовал в войне 1812 и восстании 1830—1831. В эмиграции примыкал к аристократической партии. В 30-е гг. некоторое время служил в турецкой армии, в 1849—1850 в армии Сардинского королевства. Составил и издал в Париже (1859) карту Польши накануне разделов 257, 583
- Хшановский (Хржановский) Леон Войцех Игнаций** (1828—1899) — журналист, историк, политический деятель Галиции. В 1853 вошел в редакцию краковской газеты «Час», накануне восстания был связан с партией «белых», вошел в Комитет Западной Галиции, содействовал провозглашению диктатуры Лянгевича. С 1867 депутат галицийского сейма, а затем член австрийского рейхсрата 516, 520, 539
- Цвек** — см. **Щешковский Каetan**
- Щерцякевич (Cwierzakiewicz) Юзеф** (1822—1869) (псевд.: Кард) — агент ЦНК в Лондоне. Установил связь с революционными кругами, в том числе с русской эмиграцией (Герцен, Огарев), занимался транспортировкой оружия в Польшу. После разгрома восстания жил в Швейцарии 137, 290, 360, 452, 453, 458, 459, 477, 486, 495, 498, 526, 538, 544, 553
- Цент (Centt) Вавжинец** (1823—1905), ксендз — каноник подляшского капитула. В 1863 гражданский комиссар Калишского воеводства, командир повстанческого отряда. Был взят в плен, бежал и эмигрировал, затем поселился в Кракове 474, 479, 528
- Щешковская (Cieszkowska) Эмилия** — жена Каетана Ц., в 1863 оказывала помощь повстанцам в пересылке корреспонденции. Эмигрировала 141
- Щешковский (Cieszkowski) Август** (1814—1894) граф, — философ-идеалист, экономист. В 1848—1866 депутат прусского ландтага 292
- Щешковский Каetan** (1826—1877) (псевд.: Цвек) — люблинский помещик, в июле 1863 — январе 1864 командир повстанческого отряда, затем в эмиграции 141
- Щихорский (неправ.: Щиховский, Щихоцкий; Sichorski) Владислав** (1822—1876) (псевд.: Замечек, Роман) — чиновник комиссии финансов (до 1861). Вел революционную агитацию в Плоцком и Августовском воеводствах, в 1863 сформировал и возглавил повстанческий отряд, в феврале (до прибытия Падлевского) командовал силами Плоцкого воеводства, в конце года назначен организатором в Западной Пруссии, был арестован, бежал, остался в эмиграции 472, 480, 529
- Чаевич (Czajewicz) Людвик** (1826—1910), ксендз — регент (канцлер) варшавской консистории в 1858—1862. В 1863 сослан в Сибирь 390, 391, 394, 404
- Чайковский (Czajkowski) Антоний** (1816—1873) — юрист, поэт. Был судебным чиновником в Варшаве, затем профессором польского права в Петербургском университете. Входил в редакцию петербургской польской газеты «Слово» 490
- Чайковский (Садык-паша) Михал** (1804—1886) — писатель, политический деятель. Участник восстания 1830—1831, в эмиграции член Демократического общества (до 1836), затем агент Чарторьского и западных держав в Турции. В 1850 принял ислам, формировал отряды казаков на турецкой службе, развил активную деятельность против России в 1853—1855. В 1870 принял русское подданство 207, 258
- Чапский (Czapski) Теофиль** — помещик, в 30-е гг. участник заговора Конарского, накануне восстания член Провинциального комитета, в 1863 член Исполнительного отдела русских земель 132, 489
- Чарнецкий (ошибочно: Черницкий, Чарковский; Czarniecki)** — землемер, служащий Финансовой комиссии, участвовавший в экспроприации Главной кассы Королевства. Похитив 30 000 руб., пытался бежать за границу, но был схвачен царскими властями 151
- Чарторьский (Чарторыйский, Чарторьжский; Czartoryski) Адам Ежый** (1770—1861), князь — польский государственный деятель. Был членом «негласного комитета» Александра I, товарищем министра и министром иностранных дел (в 1804—1806) Российской империи, почитателем Виленского учебного округа, членом Административного совета (с 1815) Королевства Польского. Был противником национального восстания, однако в январе — августе 1831 возглавил Национальное правительство. В эмиграции стал главой консервативно-аристократической партии, добивавшейся восстановления Польши дипломатическим путем с помощью западных держав XXIX, XLVIII, 162, 163, 170—173, 202—207, 209—211, 258, 259, 326, 423
- Чарторьский Владислав** (1828—1894), князь, — политический деятель аристократической польской эмиграции, возглавивший ее после смерти отца, Адама Ежия Ч. Накануне восстания поддерживал контакты с партией «белых», в 1863, рассчитывая на помощь западных держав, дал директиву о присоединении «белых» к восстанию, разослал агентов в ряд европейских столиц, установил связь с Национальным правительством и в мае был официально назначен «главным дипломатическим представителем при правительствах Франции, Англии, Италии, Шве-

- ции и Турции», в июле председателем Комиссии национального долга в Париже. В апреле 1864 уведомил правительство о неудаче своей миссии и выступил за роспуск правительства и прекращение восстания. «Pamiętnik 1860—1864» Ч. издан в Варшаве в 1960 XXVIII, XLVIII, 109, 112, 121, 137, 138, 145, 150, 206, 422—424, 430, 431, 520, 539, 540, 570, 583, 586, 587, 591—595
- Чарторыйский Константин Мариан Адам (1822—1891), князь — крупный землевладелец, собственник имений в Галиции, политический деятель. В 1863 выполнял порученную аристократической эмиграции миссию в Швеции, Норвегии и Дании, пытаясь склонить скандинавские государства к поддержке польского восстания, в июле был утвержден агентом Национального правительства в скандинавских странах, в феврале 1864 — в Лондоне. С 1868 член палаты господ австрийского парламента 137, 145, 544, 592, 593
- Чаховский (Szachowski) Дионизий (1810—1863) — помещик. В 1863 начальник штаба и командир батальона у Лянговича, затем военный начальник Сандомирского воеводства, командир объединенных отрядов, участник ряда сражений. Убит 6.XI.1863 520, 551
- Ченгери (Ченгери) Ксаверий (Онуфрий) Осипович (1816—1880) — полковник (с 1863 генерал) царской армии, командир Смоленского пехотного полка (с 1860), в период восстания 1863 военный начальник Келецкого, Сандомирского и Опатовского уездов 516, 519, 591
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский революционер-демократ V, VIII
- Чехович (Czechowicz) Зыгмунт (1830— после 1875) — помещик. Участник революционной организации в Литве, член Литовского провинциального комитета. Арестован в марте 1863, сослан на каторгу. В 1874 вернулся в Варшаву 487, 496
- Чечот (Czczot) Ян (1796—1847) — поэт, этнограф, собиратель фольклора. За участие в патриотической организации польской молодежи в Литве — «Общество филаретов» был в 1823 арестован, сослан на Урал, затем состоял на службе в России, в 1841 вернулся на родину 173
- Чиньский (Czyński) Ян (1801—1867) — публицист. Участник восстания 1830—1831, деятель демократической эмиграции, редактировал ряд изданий: «Постемп» (1834), «Пулноц» (1835), «Ля Полонь» (1863—1864) 16
- Шанецкий (Szaniecki) Казимеж — юрист из Познани 524, 596
- Шанявский (Szaniawski) Константин (? — 1863) — чиновник на строительстве ж. д. (участвовал в венгерской революции, был в сибирской ссылке), в 1862 один из сотрудников ЦНК, окружной начальник в варшавской организации, погиб в начале восстания 451, 452
- Шаткевича — виленская домовладелица 3
- Шаховский (Szachowski) Станислав (ок. 1843 — ?) — юрист, скульптор, в 1861 участник организации левого крыла «красных», в 1862 в польской военной школе в Италии, в 1863 в оппозиции Национальному правительству «белых», в сентябре комиссар Калишского воеводства. После восстания профессор римского права Львовского университета 129 290, 360, 376, 377
- Шаховской, князь — генерал-майор царской армии, военный начальник Олькушского уезда 519
- Шварце (Шварц; Szwarcze) Бронислав Антоний (1834—1904) — инженер. Революционный демократ, один из лидеров левого крыла «красных». Занимался пропагандой и созданием революционных организаций в Белостокском воеводстве, с июля 1862 был членом ЦНК, руководил изданием подпольной газеты «Рух». Арестован в декабре 1862. В течение 30 лет был на каторге и в ссылке. Автор воспоминаний «Семь лет в Шлиссельбурге» (Lwów, 1893; М., 1930) XVII, XVIII, XXXVI, XXXVII, 115, 116, 122, 138, 139, 444, 447, 451, 454, 460, 465, 469—471, 473, — 476, 478, 481, 483, 487, 488, 492, 493, 498—500, 506
- Шелгунов Павел Никанорович — полковник царской армии (впоследствии генерал-майор), председатель Особой следственной комиссии в Вильно, с 1864 по 1868 минский губернатор 5
- Шеля (Szela) Якуб (1787—1866) — предводитель крестьянского восстания в Галиции в 1846 191, 244
- Шидловский (Szydłowski) Август — помещик, уполномоченный организации «белых» в Подляшском воеводстве, в 1863 решительный противник восстания 416
- Шиц (Szyc) Иоахим (1824—1896) — писатель, историк, чиновник Варшавско-Венской ж.д., участник венгерской революции 1848 (за что был сослан), вел работу в варшавской конспиративной организации, принимал участие в издании «Стражницъ», был кассиром и помощником члена (сентябрь — октябрь 1862) ЦНК. После восстания снова сослан, по возвращении продолжал прежнюю службу 115
- Шленкер (Szenkier; Schlenker) Ксаверий (? — 1871) — варшавский купец, в 1861 член Делегации города Варшавы, участник патриотических манифестаций, в 1863 руководитель налоговой комиссии по Варшаве (?). Подвергался

репрессиям. В октябре эмигрировал 3, 38, 61, 292, 293, 305, 408, 462, 605, 606 Шмидт (Szmídt) Бронислав — помещик, начальник организации «белых» в Сейненском уезде 417

Шолдрский (Шолдерский; Szoldrski) — член Комиссии по закупке оружия в Льеже 581

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф—генерал. Занимал должности петербургского обер-полицмейстера, управляющего III отделением, генерал-губернатора Остзейского края, шефа жандармов (с 1866 по 1874), затем был послом в Лондоне XXII, XLI

Шульц (Szulc) Казимеж (? — 1887) — познанский журналист, учитель, в 1863 (апрель — июнь) агент Национального правительства по закупке и транспортировке оружия в Восточной Пруссии 136, 137, 581

Щепаньский (Szczepański) Альфред (1840—?) — студент краковского университета, лидер краковской революционной молодежи, примыкавшей к «красным», перед восстанием возглавил Главный совет Галиции, в 1863 был в оппозиции «белому» правительству, выпустил в июне направленную против него брошюру «W ty!», после восстания крупный банковский чиновник в Вене 133, 458, 486.

Щепаньский Юзеф (1827—1882), ксендз — профессор сандомирской семинарии, выслан в Сибирь в 1863 479

Эйзенбаум (Eisenbaum) Антоний (1791—1852) — директор варшавской школы раввинов (1835), участник просветительского движения «Хаскала», издатель журнала на польском и еврейском языках «Привислинский наблюдатель», выступавшего за равноправие евреев 24, 35, 306

Эльжановский (Elżanowski) Северин (1821—1874) — журналист С 40-х гг. участник конспиративных революционных организаций, в 1844 выехал из Королевства Польского, занимался подготовкой восстания на западных польских землях, в 1846 арестован и приговорен берлинским судом к смерти (по процессу Мерославского), принял участие в событиях 1848. Активно участвовал в жизни эмиграции: секретарь Комитета новой эмиграции, издатель журнала «Пшегленд жечи польских» (с 1857), основатель эмигрантского комитета (1862). В 1863 правительственный комиссар Западной Галиции. После восстания в эмиграции в Париже 112, 133—135, 247, 283, 523, 527, 547, 548, 564, 601, 610

Энгельс Фридрих (1820—1895) 159

Энох (Epoch) Юлиан Казимеж Мамерт (Юлий Яковлевич) (1822—1880) — чи-

новник царской администрации в Королевстве Польском, в 40-е гг. служил в Комиссии юстиции, канцелярии Сената, варшавском гражданском трибунале. с 1856 член Законодательной комиссии для Королевства Польского, с 1858 обер-прокурор варшавских департаментов Сената, с 1861 статс-секретарь при Государственном совете Королевства Польского, с 1864 член Государственного совета 32

Эпштейн (Epstein) Миколай Станислав (1831—1902) — землевладелец, литератор, участвовал в конспиративной патриотической организации, в 1863 арестован, приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1870 выехал за границу и поселился во Львове 475, 476, 480

Эренберг (неправ.: Эренбург; Ehrenberg) Густав (1818—1895) — поэт, автор популярной революционной антимагнатской песни «Когда народ...» Участвовал в революционном движении: был членом «Содружества польского народа» (в 1839—1858 на каторге и в ссылке) 243

Юган Николай Васильевич (ок. 1833—1895) — офицер царской армии, в 1863—1864 член виленской Особой следственной комиссии по политическим делам, с 1866 — адъютант командующего округом и чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе, с 1871 служил в жандармах XXI, XXVIII, XL, XLVII

Юнг де Бланкенгейм (Young de Blankenheim) Леон (?—1863) — командир повстанческого отряда 552

Юндзилл (Jundziłł) Петр Эмануэль (1839—?) — студент Петербургского университета, затем юнкер и офицер русской армии (в 1863 вышел в отставку). Член военно-революционного кружка Серасовского и польского комитета в Петербурге. За революционную пропаганду был арестован, в ноябре 1864 бежал 491—493, 496

Юргенс (Jurgens) Эдвард (1832—1863) — чиновник Комиссии внутренних дел в Варшаве, в конце 50-х — начале 60-х гг. принимал активное участие в деятельности патриотических кружков, пользовался значительным влиянием среди части молодежи и в кругах варшавской буржуазии, возглавляя течение, выступавшее против немедленного восстания («миллинеры»), выдвинулся как один из лидеров партии «белых», вошел в состав «Национальной делегации» (сентябрь 1861) и Дирекции «белых» (1862). В феврале 1863 был арестован, в июле умер в варшавской цитадели 281, 286, 287, 289—291, 295, 297, 304 357—359, 362, 364—368, 370, 374—378, 381, 383, 384, 386, 387, 411, 412, 415, 417, 419, 420, 423, 424, 428, 432, 439, 496

Юревич (Jurewicz) — предводитель дворянства Витебской губернии 276
Юшинский (Juszyński) Юзеф Михал (1793—1880) — сандомирский епископ (с 1859), участвовал в патриотических манифестациях 1861 397

Яблоновский (Jabłonowski) Александр (1829—1913) — историк. В первые месяцы 1863 член Исполнительного отдела русских провинций. В 1867 сослан в Пензенскую губернию, в 1868 поселился в Варшаве 132, 489, 545

Яворский — см. Древновский

Ягелло (Владислав II; Władysław Jagiełło) (1348—1434) — великий князь литовский с 1377, король Польши с 1386, родоначальник династии Ягеллонов 396

Ян Казимир (Jan Kazimierz) (1609—1672) — польский король в 1648—1668 26, 397

Ян III Собеский (Jan III Sobieski) (1624—1696) — польский король с 1674 26, 397

Яницкий (Janicki) Станислав — приказчик книжной лавки 407

Янковский (Janowski) Нарциз (1830—1909) — отставной офицер русской армии, член «Тройничного союза», организатор конспиративных кружков среди варшавской молодежи и ремесленников (с 1858), в 1860 арестован и сослан 280, 281, 286, 287, 289, 291, 357, 360

Яновский (Janowski) Владислав (?—1863) — чиновник суда в Кельцах, член конспиративной организации (брат члена ЦНК Юзефа Я.), накануне восстания гражданский начальник Краковского воеводства, в январе 1863 был послан ЦНК в Париж к Мерославскому, состоял при последнем в качестве комиссара, погиб в битве под Кшивосондзом ХХІХ, ХLVIІІ, 452, 474

Яновский Станислав (? —1870) — кассир Главной кассы Королевства Польского, в 1863, выполняя распоряжение Национального правительства, передал (вместе с С. Гебдой) в распоряжение повстанческой организации казну Королевства, бежал за границу, в Париже был кассиром Комиссии национального долга 151, 569, 570

Яновский Юзеф Каетан (1832—1914) (псевд.: Ежий) — архитектор, с июля 1862 член варшавской революционной организации, примыкал к правому крылу «красных», с конца декабря член ЦНК, в 1863 член и секретарь нескольких составов Национального правитель-

ства. В апреле 1864 эмигрировал, поселился во Львове. Автор воспоминаний: «Pamiętniki o powstaniu styczniowym» (3t., Lwów — Warszawa, 1923—1931). ХХІХ, ХLVIІІ, 116—124, 128, 140, 147, 152, 479, 500, 501, 505, 509, 515—517, 520, 533, 536, 550, 564, 568—570, 577

Янчевский (Janczewski) Здзислав (ок. 1841—?) — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, участник патриотических манифестаций и подпольных патриотических кружков, весной 1862 член «академического комитета», в 1863 горячий сторонник Мерославского, агент по закупке оружия за границей, эмигрировал, в 1865 вернулся в Варшаву, был арестован, дал подробные показания VII, X, XX—XXII, XXV, XXVI, ХХХІХ, ХL, ХLIV, ХLV, 279, 470, 480, 580, 581
Ярмунд (Jarmund) Станислав (1824—1904) — инженер на строительстве Петербургско-Варшавской ж. д., накануне восстания член Земледельческого общества и кружка Юргенса, в 1863 комиссар Национального правительства в Галиции. Эмигрировал, поселился в Болгарии 290, 439, 440

Яроховский (Jarochowski) Казимеж (1829—1888) — историк, публицист 9

Ярошинский (Jaroszyński) Людвик (1840—1862) — варшавский портной, совершивший 3.VII.1862 неудачное покушение на вел. кн. Константина; казнен по приговору военного суда 39, 45—47, 407—408

Ясиньский (Jasiński) — помещик, некоторое время был начальником Подляшского воеводства 474, 480

Ясиньский Чеслав — см. Пшибышевский Эвгениуш

Ясневский (Jaśniewski) Владислав — студент Медико-хирургической академии в Варшаве, один из основателей молодежных патриотических кружков, в 1859 эмигрировал, в период восстания роли не играл 279

Ястров (Jastrow) Маркус (Мордехай) (1829—1903) — раввин, с 1858 проповедник в Варшаве, за участие в патриотических польских манифестациях, как прусский подданный, выслан в 1861 за границу 39, 292

Яцковский (Jackowski) Теодор — помещик Плоцкий губернии, в 1863 агент по закупке оружия, был арестован в Дрездене 495, 496, 519, 526

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

AGAD — Archiwum główne akt dawnych (Warszawa)
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив СССР в Москве
в. вп. — ваше высокопревосходительство
в. с. — ваше сиятельство
д. — дело
е. вп. — его высокопревосходительство
ед. хр. — единица хранения
е. п. — его превосходительство
л(лл) — лист(ы)
лит. — литер
об. — оборот
оп. — опись
см. — смотри
стр. — страница
т. — том
ф. — фонд
ч. — часть
эксп. — экспедиция
к. — karta
str. — strona
i. — tom

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фрагмент листа 9 показаний Оскара Авейде с пометой Муравьева	34
2. Фрагмент листа 23 показаний Оскара Авейде	79
3. Первая страница мемориала Авейде	95
4. Титульный лист III части «Записок» Оскара Авейде в издании 1866 г.	401
5. Справка к докладу К. Розвадовского заместителю Ф. Ф. Бергу за № 5139 от 20 февраля (4 марта) 1865 г. (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 23, лит. А, л. 271)	445

SPIS RZECZY

От редакции	V
Od redakcji	VIII
Предисловие	XI
Przedmowa	XXX

AKTA ŚLEDZTWA W SPRAWIE OSKARA AWEJDEGO

1. 1863, sierpień 25, Wilno. Raport kol. asesora A. Jewreinowa dla wileńskiego wojennego gen.-gub. M. N. Murawiewa o zeznaniach złożonych przez aresztanta Ludwika Schmidta (Oskara Awejdego)	3
2. 1863, wrzesień 1. Nakaz M. N. Murawiewa dla gubernatora wileńskiego S. F. Paniutina, aby zażądał z Warszawy uzupełniających informacji o Ludwiku Schmidcie	4
3. 1864, kwiecień 2. Pismo S. F. Paniutina do M. N. Murawiewa, z doniesieniem o przekazaniu uzyskanych z Warszawy informacji o Ludwiku Schmidcie do Specjalnej Komisji Śledczej	4
4. 1864, kwiecień 10. Wilno. Zeznania Oskara Awejdego	5
5. 1864, kwiecień 22. Pismo M. N. Murawiewa do generał-policmajstra Królestwa Polskiego, F. F. Trepowa, przesyłające mu zeznania Awejdego	10
6. 1864, maj 9/21 — maj 20, czerwiec 1. Wilno. Zeznania Oskara Awejdego	11
7. 1864, czerwiec 25. Pismo M. N. Murawiewa do F. F. Trepowa o zamknięciu śledztwa w sprawie Awejdego i o potrzebie udzielenia uzupełniających danych o jego działalności	82
8. 1864, lipiec 9/21. Pismo F. F. Trepowa do M. N. Murawiewa o zgodności zeznań Awejdego z materiałami warszawskiej Stałej Komisji Śledczej	82
9. 1864, lipiec 14. Pismo M. N. Murawiewa do F. F. Trepowa o celowość oddania Awejdego pod sąd wojenny w Warszawie	83
10. 1864, lipiec 18/30. Pismo F. F. Trepowa do M. N. Murawiewa z prośbą o przysłanie Awejdego do Warszawy	83
11. 1864, lipiec 23. Wilno. Pismo przewodniczącego Specjalnej Komisji Śledczej, płka A. M. Łosiewa do kierownika specjalnego wydziału Kancelarii gen.-gubernatora wileńskiego, ppłka A. S. Pawłowa, przesyłające akta śledcze Awejdego dla przekazania ich do Warszawy	84
12. 1864, lipiec 25. Pismo M. N. Murawiewa do namiestnika Królestwa Polskiego F. F. Berga, o skierowanie na jego żądanie do Warszawy Awejdego wraz z aktami śledczymi tego ostatniego	84
13. 1864, lipiec 25. Zarządzenie M. N. Murawiewa dla komendanta m. Wilna, gen-ltn. A. S. Wiatkina o wysłaniu Awejdego pod strażą do Warszawy, do rozporządzenia generał-policmajstra Królestwa Polskiego	84

14. 1864, lipiec 27. Raport A. S. Wiatkina dla M. N. Murawiewa o wysłaniu Awejdego do Warszawy	85
15. 1864, lipiec 27/sierpień 8. Pismo F. F. Berga do M. N. Murawiewa o przekazaniu przysłanego do Warszawy Awejdego Stałej Komisji Śledczej	85
16. 1864, sierpień 8/20, Warszawa. Raport przewodniczącego Stałej Komisji Śledczej, gen.-mjr. K. Rozwadowskiego, dla F. F. Berga o pierwszych zeznaniach Awejdego, złożonych w Komisji i odsłaniających skład warszawskiego Trybunału Rewolucyjnego	85
17. 1864, sierpień 15/27. Raport K. Rozwadowskiego dla F. F. Berga, omawiający dalsze zeznania Awejdego	90
18. 1864, sierpień 20/wrzesień 1. Raport K. Rozwadowskiego dla F. F. Berga, oceniający związek znaczenie zeznań Awejdego i donoszący o planie pracy Awejdego nad «Zapiskami»	92
19. 1864, wrzesień 5/17. Raport K. Rozwadowskiego dla F. F. Berga o zeznaniach Awejdego, odsłaniających rolę Stosława Łaguny i Karola Majewskiego w organizacji powstańczej	93
20. 1864, wrzesień 26/październik 8, Warszawa. Memoriał Oskara Awejdego pt: «Niektóre myśli i uwagi dotyczące systemu zarządzania i w ogólności posunięć rządu w Królestwie Polskim w chwili obecnej»	94
21. 1864, listopad 6/18. Raport K. Rozwadowskiego dla F. F. Berga z podsumowaniem wszystkich zeznań Awejdego	115
22. 1864, listopad 23/grudzień 5. Pismo K. Rozwadowskiego do F. F. Trepowa przekazujące mu własny raport do Berga (nr. 21) z załączeniem akt Awejdego	149
23. 1864, grudzień 11/23, Warszawa. Zeznania Awejdego o okolicznościach zaboru funduszków Kasy Głównej Królestwa Polskiego	149
24. 1865, kwiecień 30/maj 12, Warszawa. Zeznania Awejdego o miejscu przechowywania części archiwum Rządu Narodowego	152
25. 1865, maj 1/13. Raport K. Rozwadowskiego dla F. F. Berga w związku z zakończeniem pracy Awejdego nad «Zapiskami», wraz z oceną znaczenia informacji udzielonych przez niego władzom	153

ZAPISKI O POLSKIM POWSTANIU 1863 R.

R o z d z i a ł I. Przeszłość	157
R o z d z i a ł II. Pogląd na ważniejsze wypadki w naszym kraju od 1831 do 1856 r.	180
R o z d z i a ł III. Od 1856 r. do 27 lutego 1861 r. tj. do manifestacji	266
R o z d z i a ł IV. Terazniejszość. Okres manifestacji religijno-patriotycznych od 25 lutego do 15 października 1861 r.	288
R o z d z i a ł V. Okres spisku od 15 października 1861 r. do początku listopada 1862 r.	400
R o z d z i a ł VI. Spisek od listopada 1862 r. do chwili powstania 22 stycznia 1863 r.	468
R o z d z i a ł VII. Powstanie od 22 stycznia 1863 r. do upadku dyktatury Langiewicza, tj. do ostatnich dni marca t. roku	507
R o z d z i a ł VIII. Od kwietnia do pierwszego przewrotu dokonanego przez malkontentów i anarchistów z organizacji miejskiej w pierwszej połowie czerwca	531
o z d z i a ł IX. Od początku czerwca do 1 sierpnia 1863 r., tj. do mego wyjazdu do Wilna	568
Zakończenie.	612
Indeks nazwisk.	621
Wykaz skrótów	659
Spis ilustracji.	659

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	V
Od redakcji	VIII
Предисловіе	XI
Przedmowa	XXX

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ОСКАРА АВЕЙДЕ

1. 1863 г. августа 25. Вильно.— Рапорт коллежского асессора А. Евреиннова виленскому военному ген.-губ. М. Н. Муравьеву о показаниях, данных арестованным Людвиком Шмидтом (Оскаром Авейде)	3
2. 1863 г. сентября 1.— Предписание М. Н. Муравьева виленскому губернатору С. Ф. Панютину о затребовании из Варшавы дополнительных сведений о Людвике Шмидте	4
3. 1864 г. апреля 2.— Донесение С. Ф. Панютина М. Н. Муравьеву о передаче им полученных из Варшавы сведений о Людвике Шмидте в Особую следственную комиссию	4
4. 1864 г. апреля 10. Вильно.— Показания Оскара Авейде	5
5. 1864 г. апреля 22. — Отношение М. Н. Муравьева генерал-полицмейстеру в Царстве Польском Ф. Ф. Трепову о препровождении ему показаний Авейде	10
6. 1864 г. мая 9 (21) — мая 20 (июня 1). Вильно.— Показания Оскара Авейде	11
7. 1864 г. июня 25.— Отношение М. Н. Муравьева Ф. Ф. Трепову о завершении следствия по делу Авейде и о желательности сообщения дополнительных сведений о его деятельности	82
8. 1864 г. июля 9 (21). — Отношение Ф. Ф. Трепова М. Н. Муравьеву о совпадении показаний Авейде с материалами, имеющимися в варшавской Постоянной следственной комиссии	82
9. 1864 г. июля 14.—Отношение М. Н. Муравьева Ф. Ф. Трепову о целесообразности предания Авейде военному суду в Варшаве	83
10. 1864 г. июля 18(30).— Отношение Ф. Ф.Трепова М. Н. Муравьеву с просьбой доставить Авейде в Варшаву	83
11. 1864 г. июля 23. Вильно.— Отношение председателя Особой следственной комиссии полковника А. М. Лосева управляющему Особым отделением канцелярии виленского генерал-губернатора подполковнику А. С. Павлову о пересылке следственного дела Авейде для препровождения его в Варшаву	84
12. 1864 г. июля 25.— Отношение М. Н. Муравьева наместнику в Царстве Польском Ф. Ф. Бергу о направлении по его запросу в Варшаву Авейде вместе с его следственным делом	84
13. 1864 г. июля 25.— Распоряжение М. Н. Муравьева виленскому коменданту генерал-лейтенанту А. С. Вяткину о направлении Авейде под конвоем в Варшаву в распоряжение генерал-полицмейстера Царства Польского	84
14. 1864 г. июля 27. — Рапорт А. С. Вяткина М. Н. Муравьеву об отправке Авейде в Варшаву	85

15. 1864 г. июля 27 (августа 8).—Отношение Ф. Ф. Берга М. Н. Муравьеву о передаче доставленного в Варшаву Авейде в ведение Постоянной следственной комиссии	85
16. 1864 г. августа 8 (20). Варшава.— Доклад председателя Постоянной следственной комиссии генерал-майора К. Розвадовского о первых показаниях, данных Авейде в комиссии, раскрывающих состав варшавского революционного трибунала	85
17. 1864 г. августа 15 (27).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу, излагающий дальнейшие показания Авейде	90
18. 1864 г. августа 20 (сентября 1).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу, кратко оценивающий значение сделанных Авейде показаний и сообщающий о плане работы Авейде над «Записками»	92
19. 1864 г. сентября 5 (17).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу о показаниях Авейде, раскрывающих роль Стослава Лагуны и Кароля Маевского в повстанческой организации	93
20. 1864 г. сентября 26 (октября 8). Варшава.— Мемориал Оскара Авейде «Некоторые мысли и замечания касательно системы управления и вообще правительственных мер в Царстве Польском в настоящее время»	94
21. 1864 г. ноября 6 (18).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу, обобщающий все показания Авейде	115
22. 1864 г. ноября 23 (декабря 5). Варшава.— Отношение К. Розвадовского Ф. Ф. Трепову о препровождении ему доклада Бергу (№ 21) с приложением дела в 3 частях об Авейде	149
23. 1864 г. декабря 11 (23). Варшава.—Показание Авейде об обстоятельствах изъятия ценностей из Главного казначейства Царства Польского	149
24. 1865 г. апреля 30 (мая 12). Варшава.— Показание Авейде о месте хранения части архива Жонда Народового	152
25. 1865 г. мая 1(13).— Доклад К. Розвадовского Ф. Ф. Бергу в связи с завершением составления Авейде записок, содержащий оценку важности сведений, данных властям Авейде	153

ЗАПИСКИ ОСКАРА АВЕЙДЕ О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1863 г.

Г л а в а I. Прошедшее	157
Г л а в а II. Взгляд на важнейшие события в нашей стране с 1831 по 1856 г.	180
Г л а в а III. От 1856 г. до 27 февраля 1861 г., т. е. до манифестаций	266
Г л а в а IV. Настоящее. Период религиозно-политических манифестаций от 25 февраля до 15 октября 1861 г.	288
Г л а в а V. Время заговора с 15 октября 1861 г. до начала ноября 1862 г.	400
Г л а в а VI. Заговор с ноября месяца 1862 г. до минуты восстания 22 января 1863 г.	468
Г л а в а VII. Восстание с 22 января 1863 г. до падения диктатуры Лянговича, т. е. до последних дней марта месяца того же года	507
Г л а в а VIII. С апреля месяца до первого переворота, совершенного недовольными и анархистами городской организации в первой половине июня месяца	531
Г л а в а IX. С первых чисел июня по 1 августа 1863 г., т. е. до моего выезда в Вильно	562
Заключение	618
Указатель имен	621
Список условных сокращений	659
Список иллюстраций	659

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
XXIX	2 сн.	оставлены	составлены
XLIII	3 сн.	zawdzięczam рос.	zawdzięczam dos.
65	8 сн.	их пропаганды была	их—пропаганда—была
520	24 сн.	отжили	ожили
577	1 сн.	проходили	приходили

Оскар Авейде

Показания и записки о польском восстании 1863 г.

Сборник документов

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Д. Королюк*

Художник *К. М. Егоров*

Технический редактор *Н. Д. Новичкова*

РИСО АН СССР № Р—61. Сдано в набор 6/VI, 1961 г. Подписано к печати 14/X 1961 г.
 Формат 70×100^{1/16}. Печ. л. 44^{1/2}. Усл. печ. л. 60. Уч.-издат. л. 59,8. Тираж 1850 экз. Изд. № 51:32
 Тип. зак. № 2001

Цена 3 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Зр. 20

ПОКАЗАНИЯ
И ЗАПИСКИ
ОСКАРА
АВЕЙДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВОССТАНИЕ

POWSTANIE
STYCZNIOWE

ПОКАЗАНИЯ
И
ЗАПИСКИ
ОСКАРА
АВЕЙДЕ

ВОССТАНИЕ

POWSTANIE
STYCZNIOWE

ZEZNANIA
ŚLEDCZE
I
ZAPISKI
OSKARA
AWEJDE